

63.3(2)612

Ш19

Валерий ШАМБАРОВ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

БЕЛО- ГВАРДЕЙ- ЩИНА

Это новое издание
книги, доработанное
и существенно
дополненное автором,
об истории Белого
движения на всех фронтах
Гражданской войны
1917 – 1923 гг.

19

20

ПОЛИТИЧЕСКИЙ
БЕСТСЕЛЛЕР

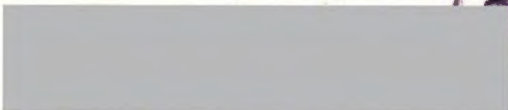
63.3(2)612

Л/19

Валерий ШАМБАРОВ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

БЕЛО- ГВАРДЕЙ- ЩИНА

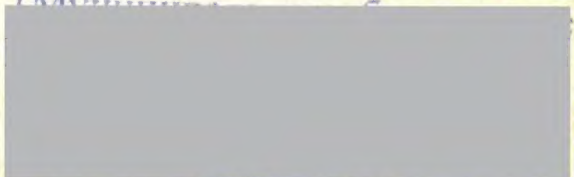

МОСКВА

ЭКСМО

«АЛГОРИТМ»

2 0 0 4

Министерство

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Ш 19

Общественно-редакционный совет:

Аннинский Л. А., Кара-Мурза С. Г., Латышев И. А.,
Николаев С. В., Палиевский П. В., Панарин А. С., Поляков Ю. М.,
Сироткин В. Г., Третьяков В. Т., Ульяшов П. С., Уткин А. И.

Оформление художника А. Старикова

Шамбаров В. Е.

Ш 19 Белогвардейщина. — М.: Изд-во Эксмо, Изд-во Алгоритм, 2004. — 640 с. — (История России. Современный взгляд).

ISBN 5-699-06635-7

Книга Валерия Шамбарова «Белогвардейщина» представляет собой полную историю Белого движения на всех фронтах Гражданской войны 1917—1923 гг. Новое ее издание доработано автором и существенно дополнено фактическим материалом.

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-699-06635-7

© В. Шамбаров, 2004
© ООО «Алгоритм-Книга», 2004
© ООО «Издательство «Эксмо», 2004

Целую ночь соловей нам насвистывал,
Город молчал, и молчали дома.
Белой акации гроздь душистые
Ночь напролет нас сводили с ума.
Сад весь умыт был весенними ливнями,
В темных оврагах стояла вода...
Боже, какими мы были наивными!
Как же мы счастливы были тогда!
Тоды промчались, седыми нас делая.
Где чистота этих веток живых?
Только зима да метель эта белая
Напоминают сегодня о них...
В час, когда ветер бушует неистово,
С новою силою чувствую я —
Белой акации гроздь душистые
Неповторимы, как юность моя...

Романс «Белой акации гроздь душистые», ставший в годы гражданской войны любимой песней офицерства, чем-то вроде неофициального гимна Белой гвардии.

От автора

Гражданская война... Сколько литературы о ней написано, какое огромное значение в истории России она занимает! И тем не менее, как это ни удивительно, ее до сих пор с полным основанием можно считать «неизвестной войной».

Советские источники десятилетие за десятилетием покрывали ее слоями лжи и подтасовок, причем по мере удаления от событий степень их искажений увеличивалась в зависимости от меняющейся конъюнктуры в коммунистических верхах и требований о пересмотре тех или иных фигур. Неувязки между фактами и их истолкованием порождали совершенно фантастические версии о I, II, III «походах Антанты» и «нашествии 14 вражеских держав», умалчивая о том, что в число этих «держав» входили Эстония, Латвия, Литва, Украина, Армения, Грузия, Азербайджан... И даже после крушения коммунистической идеологии в том же самом направлении все еще продолжает действовать коммунистическая культура — киношные штампы полусвятых бумбарашей, идеалистов-матросиков и чекистов с чистыми руками, до сих пор браво разгуливающих по телеэкранам и ничего общего не имеющих с реалиями великой русской трагедии.

Но источники, освещающие эту тему с белой стороны, также страдают существенными недочетами. Нельзя забывать, что писали их проигравшие, пытаясь разобраться в причинах своих поражений. Поэтому недостатки и отрицательные стороны в собственном лагере они невольно преувеличивали и выдвигали на первый план, зачастую упуская из виду, что у красных те же явления процветали в куда более крупных масштабах. А достижения и положительные стороны обычно преуменьшали или умалчивали, считая их бессмысленными, ведь ко времени написания мемуаров все эти достижения уже погибли, не дав ожидавшихся результатов. В свете поисков тех же причин неудачи порой диаметрально разнятся оценки тех или иных событий — в зависимости от политической ориентации авторов и их роли в войне. Белое Движение было разрознено не только политически, но и территориально. И описания борьбы на определенном театре действий чаще всего даются без сопоставления с другими фронтами, а порой и с искаженными представлениями о них. И уж тем более без сопоставления с параллельными процессами в красном лагере. Да оно, пожалуй, было бы и непросто — русским интеллигентам начала века понять и представить сущность коммунистического режима и явлений, происходивших у большевиков.

Что касается западных источников по данной теме, то они грешат предвзятым подходом ничуть не меньше советских. Так, еще в годы гражданской на основе собственных теоретических моделей,

выстроенных без всякой увязки с русской действительностью, западные эксперты пришли к выводам о поражениях белых правительств из-за их «недостаточной демократичности» и неудовлетворительной аграрной политики. Правда, факты говорят обратное — чем «демократичнее» вело себя какое-либо правительство, тем быстрее оно погибало, и никакая аграрная политика не могла быть хуже большевистской продразверстки. Но тем не менее подобные оценки упрямо перекачывали в западную историческую науку, впоследствии слепо внедрились и в работы эмигрантов «младших поколений», а теперь пришли оттуда и в Россию.

Пожалуй, восстановлению объективной картины нашего прошлого в значительной мере мешает и позиция, занятая в данном вопросе демократами 90-х: пора, мол, забыть все, что было, и перестать «делиться на красных и белых». Взгляд, бездоказательно и бездумно ставящий на одну доску виновников трагедии и тех, кто пытался спасти погибающую страну. Сильный организм, даже пораженный смертельным недугом, обязательно сопротивляется. А сопротивляться злу в первую очередь должна была полярно противоположная, лучшая часть общества. Она и составила костяк Белой гвардии. Среди них были выдающиеся полководцы и флотоводцы, ученые и общественные деятели. И просто честные люди, не пожалевшие себя во имя защиты прав человека и самой русской государственности. То есть лучшие сыны России, самые горячие ее патриоты. Впрочем, как это ни парадоксально, если в гражданскую под национально-патриотическими лозунгами выступали противники большевиков, то теперь эти лозунги взяли на вооружение сами коммунисты, а у «демократов» и, соответственно, в средствах массовой информации, патриотическое начало оказалось снова не в чести... Может, подобная особенность тоже сыграла роль в том, что историческая правда о гражданской войне и Белом Движении до сих пор остается в России малоизвестной.

Вот эти пробелы мне и хотелось, по мере возможности, восполнить в данной работе.

1. ИМПЕРИЯ ПЕРЕД ГИБЕЛЬЮ

Наверное, в конце XX столетия уже для каждого здравомыслящего человека очевидно, что нигде и никогда социальные революции не являются нормальным, здоровым явлением. Это взрыв, стихийное бедствие, наподобие извержения вулкана, жерло которого было забито, что мешало спокойному истечению лавы. Классики марксизма, назвав революции «локомотивами истории», мягко говоря, подтасовали факты. Проще доказать обратное. Буржуазная революция в Англии стоила восемнадцати лет войн, резни, виселиц, диктатуры Кромвеля. Великая Революция во Франции обошлась почти в четверть века резни, массового террора, гильотин, войн Наполеона и разрухи. А гражданская война в США унесла жизней больше, чем страна потеряла во всех войнах, вместе взятых, по сегодняшний день, и на полстолетия отбросила США в ряд второстепенных государств. Ну а российский печальный опыт лишь подкрепил эту закономерность самыми яркими фактами.

И напротив, там, где политико-экономическое обновление происходило здоровым эволюционным путем, это сопровождалось гигантскими поступательными импульсами развития — так было в Германии, Японии, в той же России в 60-х годах прошлого века и в начале нынешнего. Но для нормального поступательного развития нужно, чтобы власть вовремя отслеживала тенденции и ход исторического прогресса, своевременными реформами приводила в соответствие с ним законодательство и государственные институты. Иначе в обществе начинают накапливаться напряжения, понижается устойчивость. Как накопление напряжений в земной коре ведет к землетрясению, так в обществе — к революционному взрыву. Сдерживать его искусственно, силой — уже невозможно. Это лишь оттянет время. В психологии есть термин «накопление агрессии». Чем дольше сдерживаешь пар в котле, чем крепче затыкаешь отдушины — тем страшнее будет взрыв.

О причинах революции 1917 г. до сих пор спорят ученые. Одни выводят ее корни еще из реформ Петра, расколовших единство общества, другие из времен Александра I и Николая I, надолго затормозивших всякие реформы, третьи сводят эти причины к неизбежным издержкам перехода к капитализму и неудачам мировой войны. Столь детальное исследование выходит за рамки этой работы. Но стоит, пожалуй, отметить одну важную особенность — если оценивать ситуацию глазами сегодняшнего россиянина, то никаких причин для революции, *собственно, и не было*. Потому что никогда после 1917 г. Россия не смогла достичь дореволюционного уровня благосостояния своих граждан.

Россия накануне гибели была одной из ведущих мировых держав, пользовалась огромным международным авторитетом, зачастую выступая определяющей силой или третейским судьей во всех вопросах европейской и мировой политики. Страна находилась на невиданном взлете своей культуры, блистая целыми плеядами великих писателей, поэтов, художников, театральных деятелей, музыкантов, философов... Не зря начало века прозвали Серебряным веком русской культуры.

Россия была одним из крупнейших экспортеров сельскохозяйственной продукции. Уж корову-то в деревнях самая бедная семья имела. И «эпидемии» голода, опустошающие целые области, только при советской власти начались. А земельный вопрос, если уж на то пошло, был острым только в центральных, европейских губерниях — тогда еще перенаселенных. Не зря же Столыпин ставил на переселенческую политику. Скажем, в Забайкалье бедняцкими считались хозяйства в 15 голов крупного скота плюс 30 овец. А богатыми считались люди с тысячными стадами и десятитысячными отарами. Что уж говорить, если после трех лет тяжелейшей и напряженнейшей мировой войны были введены карточки только на сахар! Ни на мясо, ни на хлеб ограничений не существовало — они лишь подорожали (не очень сильно по сегодняшним меркам), и за самыми дешевыми сортами продуктов стали возникать очереди.

В отношении развития промышленности Россия, конечно, отставала от ведущих держав Запада, но это отставание было не таким уж сильным, как накопилось за эпохи советской власти и демократии. А в начале века выступала если и не на равных с этими державами, то по крайней мере в одном ряду. Достаточно вспомнить, что одной из причин мировой войны стала таможенная политика Германии, пытавшейся защитить свои товары от российской конкуренции. Там же, где техническое отставание все же сказывалось, оно компенсировалось участием в международных концернах, которые широко действовали на русской территории и акционерами которых выступали и отечественные фирмы. Что касается положения рабочих, то, по свидетельствам современников, их благосостояние и условия труда были намного лучше, чем, например, у рабочих Англии в тот же период. По воспоминаниям Н. С. Хрущева, он даже в должности секретаря Московского горкома КПСС получал меньше и имел меньше благ, чем в бытность простым рабочим до революции. Ведущие предприниматели, прочно вставшие на ноги — скажем, в текстильной промышленности, — заботились не только о бытовых условиях и оплате, но и о культурном развитии своих работников, устраивая поездки в театры, музеи, концерты знаменитостей. Об условиях труда красноречиво говорит тот факт, что большинство фабрик и заводов, выстроенных до революции, без существенной реконструкции проработали вплоть до конца XX века. Конечно, сами размеры страны и диспропорции ее развития порождали и другой контингент — безработных, деклассированный сброд, собиравшийся в больших количествах в местах временных заработков — портовых городах, торговых центрах Поволжья, на нефтепромыслах и т. п. Но подобное явление наблюдалось и в других развитых государствах, в тех же США и Англии. И сти-

хийные миграции таких контингентов, в том числе и из-за границы, свидетельствуют как раз о высокой интенсивности промышленного развития России.

Аппарат управления страны, о котором мы привыкли судить лишь по гипертрофированным карикатурам русских сатириков, был куда более отлажен и действовал куда эффективнее современного. На всю Россию насчитывалось около 250 тыс. государственных чиновников — вдесятеро меньше, чем при советской власти, не говоря уж о сегодняшних управленческих штатах. И при этом они четко обеспечивали все функции государственной жизнедеятельности от сбора налогов и исполнения повинностей до благоустройства и социальной сферы. Существовали еще сословные пережитки, но границы между сословиями стали уже очень зыбкими. Личное дворянство автоматически приобреталось с высшим образованием, награждением первым орденом, выслугой в первый офицерский или гражданский чин. А для получения потомственного дворянства достаточно было профессорского звания, чина полковника или, соответственно, более высоких орденских и гражданских степеней. Но преимуществ это уже не давало ни малейших, превратившись в пустую формальность. Фактически родовые пережитки сохранили какое-то значение только в одной сфере — придворной.

Россия пользовалась практически всеми политическими свободами. Была свобода слова, печати. Цензура, уже существенно ослабленная в начале столетия, с 1905 г. была упразднена совсем — и восстановлена в 1914 г. как военная цензура. Даже большевистская «Правда» легально издавалась с 1912 г., а когда за явно противозаконные публикации ее все же закрывали, тут же возобновляла работу под другим названием с прежним составом редколлегии. В политической жизни запрет существовал только на те партии, которые открыто проповедовали экстремистские и террористические цели, — но ведь и это явление вполне нормально для любого цивилизованного государства. Весь центральный аппарат политической полиции, знаменитого «Третьего отделения» насчитывал... три десятка офицеров. А по России и до тысячи не дотягивал. Смертная казнь применялась крайне редко — только там, где политика переплеталась с уголовщиной и конкретными террористическими актами. А Веру Засулич, стрелявшую в петербургского градоначальника Трепова, суд присяжных вообще оправдал. В Государственной Думе были представлены все партии, вплоть до большевиков. Правда, при конфликте ветвей власти царь имел законное право распустить Думу и назначить перевыборы, чем неоднократно и пользовался, — но из современного опыта российского парламентаризма поневоле напрашивается вопрос: а может, так оно и лучше?

Да, на фронтах мировой неудачи были. Но ведь далеко не того масштаба, как позже в гражданскую, когда отдали немцам всю Украину и Россию до Пскова. И не того масштаба, как в Великую Отечественную, когда врага отбивали от Москвы и Волги. За три года русская армия оставила противнику часть Литвы, Польши и Белоруссии, при этом измотав саму Германию в боях. А на других фронтах одерживала и яркие победы, заняв значительную территорию в Турции, неодно-

кратно наступая в Галиции и прорываясь в Венгрию. Потери на фронтах соотносились как 1:1,2 в пользу России, а не 20:1 в пользу врага, как в 1941—1945 гг. На рубеже 1914/15 г. наблюдались острые недостатки в снабжении боеприпасами, которые во многом и обусловили отступление на западе. Но уже вскоре промышленность перестроилась на военный лад, и положение вполне выправилось. К 1917 г. армия получала вооружение и снабжение в таких количествах, что его хватило на всю гражданскую войну да еще и осталось потом, раздаривалось большевиками дружественным режимам.

Так что причин для столь резкого и всеобщего недовольства вроде бы и не было? Но это для нас с вами не было. Разгадка лежит в области психологии. Не надо забывать, что в течение 70 лет коммунистического господства народ нивелировали и муштровали, всеми способами доводя до покорности убойной скотины. Причем на всех переломах и во всех критических ситуациях в первую очередь гибли лучшие — и на фронтах гражданской, и от террора, и в аду ГУЛАГа, и под гребенками раскулачиваний и коллективизации, и в пламени Отечественной. Систематически выбивался лучший генофонд, и, соответственно, менялись стереотипы мышления, постепенно приходя к нынешним. А в начале века, как раз на гребне могущества России, люди были еще совершенно другими! И психология у них кардинально отличалась от нашей. Тогдашние коррупция и казнокрадство — детские игрушки по сравнению с современными — переполняли чашу их терпения. Военные неудачи — не столь уж постыдные по отношению к какой-нибудь Чечне — воспринимались подлинной трагедией национального позора. Несправедливости и недочеты государственной системы, которых мы с вами и не заметили бы, тогдашнему человеку дышать не давали. А первые — самые первые в России! — очереди за продуктами выглядели личным оскорблением. И причин, ничтожных, с нашей точки зрения, оказалось достаточно, чтобы рухнула 300-летняя династия.

Но, пожалуй, следует разделять причины самой революции с другими, помешавшими дальнейшей нормализации обстановки, стабилизации общества и переходу жизни в здоровое, обновленное русло. Первой из таких причин оказалось несоответствие между теоретическими моделями либеральных и демократических реформ и русской действительностью, а также между большими амбициями и целями самих реформаторов и их ничтожными практическими способностями по управлению страной и претворению своих замыслов. Зачастую сами эти теории входили в противоречие с практикой их проведения в жизнь.

Вторым мощным фактором стала в условиях войны подрывная деятельность германских спецслужб. Если в «рыцарском» XIX в. шпионаж считался позорным явлением, недостойным честного человека, то в начале XX в. Япония произвела настоящую революцию в военном деле путем массового его применения, давшего в условиях русско-японской войны весьма ощутимые результаты. Германия расширила и углубила эту практику, включив в задачи агентуры не только разведку, но и дезорганизацию тыла противника — моральную, политическую, экономическую. Во многом внутреннее разложение Рос-

сии стало результатом целенаправленных диверсий. Тем более что в разгар войны двери в страну были широко открыты через Швецию и Финляндию, входившую в состав империи, но не подчинявшуюся ее юрисдикции (именно из-за этого самому сильному разложению подверглись Балтфлот и Петроград). Германией поддерживались и оппозиционные движения внутри России — одни напрямую брались на содержание, другие использовались втемную, не догадываясь о своих истинных покровителях.

И третьей причиной стала как раз особенность массовой российской психологии, воспитанной в многовековых традициях сильной монархической власти, а отнюдь не слабой демократической. Поэтому после крушения устоев империи страна, покотившись в хаос, смогла остановиться только на уровне жесточайшей диктатуры — еще более авторитарной, чем прежняя монархия, но сменившей знак моральных ценностей «плюс» на «минус». Конечно, все эти факторы могли и не сказаться, и скорее всего не сказались бы, не в силах сами по себе сокрушить монолит России. Но как только внутренние скрепы монолита были надломлены революционным взрывом, действие их сразу стало ощутимым и направленным в сторону дальнейшего разрушения.

Отметим и то, что в конце XIX — начале XX в. Россия действительно переживала критический период. Когда долгое время сдерживаемым социально-экономическим и политическим реформам открылась зеленая улица, то сами результаты этих реформ — интенсивный переход к промышленному развитию, успехи просвещения и культуры, демократизация общества, видоизменение государственных структур — невольно ослабили прежние патриархальные моральные устои государства: «Вера — Царь — Отечество». Причем как раз из-за традиционного триединства формулы ослабление одного звена неизбежно сказывалось на прочности других. А новый фундамент общества — характерный, например, для развитых стран современности — сформироваться и зацементироваться еще не успел, сразу же подвергшись столь серьезным нагрузкам, как мировая война...

В критические периоды истории особенно важной выступает и личность властителя, что тоже печально сказалось на судьбах России. Николай II оказался на троне явно не ко времени. Хороший и отзывчивый человек, тихий, интеллигентный и легкоранимый — это был чеховский, а не державный типаж, не обладавший ни энергией Петра, ни мудростью Екатерины II, ни гибкостью Александра I, ни твердостью Николая I. С одной стороны, был не по возрасту и не по положению доверчив, порой наивен, чем и пользовались весьма успешно все интриганы. С другой — патологически сторонился всякой грязи и скандалов, что обеспечивало тем же интриганам безнаказанность. Не умея разбираться в советниках, постоянно совершал ошибки — скажем, ввязался в войну с Японией и проиграл ее.

Поначалу ему вроде повезло — в 1905 г., когда напряжения в обществе, усугубленные этим поражением, подошли на грань взрыва, у руля государства еще нашлись толковые люди — Витте, за ним Столыпин. Либеральные реформы, провозглашенные Манифестом от 17 октября, в сочетании с решительными действиями по наведению

порядка позволили предотвратить катастрофу. Не считаясь ни с сиюминутными раскладами общественной конъюнктуры, ни с кривотолками, ни с собственной популярностью и ставя во главу угла лишь пользу России, Столыпин не побоялся разогнать слишком радикальный состав Думы, взявший курс на расшатывание государства. Расширением применения смертной казни он ценой жизни немногих погромщиков и террористов остановил волну анархии и преступности. И страна, вставшая после обретения гражданских свобод на новые, незаржавелые рельсы, совершила гигантский рывок в своем развитии за 1907—1914 гг. Столыпин, продолжая политику сочетания твердой власти с реформами, повел решительное наступление на сельские общины, где равноправны были и хороший хозяин, и пьяница, земля которого лебедой поросла. Дал возможность хозяину отделиться, не тащить на себе лишнюю обузу. Пользоваться землей постоянно, а не по жребию, по которому пьянице мог достаться лучший кусок, а хозяину — заросший бурьяном и вчера принадлежавший забулдыге. А коли нет земли, но руки и голова на месте — опять же выход есть. Столыпин начал переселенческую политику. Из перенаселенных губерний Центральной России крестьяне, получая значительную поддержку от казны, могли переехать в богатые, немереные просторы Сибири, Алтая, Приамурья, Казахстана. Сделать крестьян собственниками, фермерами, предпринимателями — и Россия станет несокрушимой на века! Сколько раз на него покушались! Дом взорвали, дочь искалечили. А он работал. Еще бы немного... да не судьба. Слишком уж многим он поперек дороги встал — и правым, и левым. И погиб от руки революционера Богрова, когда его отставка все равно уже была предreshена царем...

После Столыпина ни одного путного человека на посту премьера больше не находилось. Оказывался плох один — назначали другого, еще хуже. Окружать себя дельными, энергичными людьми Николай не умел. Да, пожалуй, и не хотел — без них спокойнее. А он, неуверенный в себе, старался обходиться без резких движений и без новшеств. Если сегодня прошло как вчера — то и слава богу. Все как-нибудь само сложится, утрясется. А ему бы с семьей побыть, с горячо любимой женой и с детьми пообщаться... Жены русских царей не оставляли заметного следа в истории. Александра Федоровна, увы, стала роковым исключением. Под ее влиянием выдвигались на первый план сомнительные и недееспособные личности, всплывали наверх мастера козней и интриг. Неизлечимая болезнь ребенка заставила искать «экстрасенсов» — и выползла фигура Распутина. Что ж, как подчиняют себе всевозможные знахари женскую психику, как становятся у экзальтированных дамочек наивысшими авторитетами — дело сейчас тоже широко известное. И уже целый клубок проходимцев всех мастей, умеющих угодить пьяному хаму, через царицу стал наперебой хвататься и дергать за нити российской политики.

В результате к 1917 г. Николай успел потерять авторитет и опору даже среди монархистов. Теперь уже и они видели возможность спасения самодержавия и монархической идеи лишь путем смены властвующего царя. И когда Россия подошла к грозным событиям, удержать штурвал власти было некому. А начались эти события неожиданно. Пожалуй, для всех неожиданно...

2. ФЕВРАЛЬ

Революция — стихия... Землетрясение, чума, холера — тоже стихия. Однако никто не прославляет их, никто не канонизирует...

И. А. Бунин

Хороша или плоха была Февральская революция? Нужна или нет? Вряд ли этот вопрос имеет смысл. Февраль, в отличие от Октября, был стихийным явлением. Как в грозовой туче: накопилась разность потенциалов — и грянуло. Вряд ли можно выделить и правую сторону в данном социальном конфликте. По меткому выражению председателя Государственного Совета Щегловитова, на одном полюсе общества оказались «паралитики власти», а на другом — «эпилептики революции». Назревал конфликт давно, но никаких мер для его лечения — ни «профилактических», ни «хирургических» — не предпринималось. И прорвался он внезапно.

Искрой в бочке пороха стали всего лишь трехдневные перебои в Петрограде с черным хлебом. Только с черным — белый, чуть подороже, лежал свободно. Для этого имелись и объективные причины — снежные заносы, помешавшие подвозу муки. Пошли слухи, что на хлеб введут карточки, и дефицит тут же усилился: хлеб начали скупать на сухари. Все большее число людей, отстоявших «хвост» — т. е. очередь, которые и без того возмущали тогдашних россиян, — оставались с пустыми руками. По нынешним временам и не заметили бы. А в начале века это было неслыханно! И 23 февраля взорвалось. Город забурлил. Наложился еще ряд факторов. По старому стилю 23 февраля — это 8 Марта, Международный женский день. Как всегда, по случаю «пролетарских праздников» социалисты готовили очередную забастовку. Не какую-то экстраординарную, а рядовую, как бы «плановую» — лишний раз о себе заявить. Тем более что стачкомы оборонных предприятий щедро подкармливались германской агентурой (естественно, через благовидное посредничество нейтральных лиц, чтобы рабочие не отшатнулись от такой «помощи»). Эта забастовка никакого размаха не получила, но некоторые цеха и заводы все же откликнулись, на работу не пошли. Ну а кроме того, после долгих морозов и метелей выдался погожий денек, и улицы были полны гуляющей публики. Стихийные волнения начали, как снежный ком, обрастать народом. Забастовщики ринулись агитировать и звать за собой другие заводы. Неуправляемые толпы, в которые затесалось много подростков, буянов с рабочих окраин, просто хулиганья, принялись громить продуктовые лавки и магазины. Что-то разворовывали, а больше разбрасывали и втапывали в снег, голода никакого не было, и продуктов лежало полно, хотя во время войны они и подорожали. Накапливаясь, толпы хлынули от окраин к центру, подпитываясь там за счет студентов, курсисток и прочих сочувствующих. К одним обидам приплюсовались другие, из воплей «хлеба!» стали рождаться крики «долой!». Кое-где образовывались стихийные митинги, разгонялись полицией, но тут же перетекали в другие места. К вечеру волне-

ния вроде утихли, но на следующий день возобновились с новой силой. Теперь уже забастовали почти все заводы, и то же самое повторилось с гораздо большим размахом.

Еще можно было предотвратить катастрофу, навести порядок. Но царь находился в Ставке, в Могилеве, а его правительство было уже далеко не то, что в 1905—1907 гг. Мало-мальски деловые люди из него постепенно изживались — слишком уж неудобными они были, беспокойными. А оставались приспособленцы, придворные шаркуны, умеющие подстраиваться к мнениям царицы, выдвиженцы Распутина. На момент кризиса в столице оказался, наверное, наихудший состав правителей из всех возможных. Никаких действий против беспорядков практически не предпринималось. Как-нибудь само уляжется, ведь волнения и прежде случались. Два дня о событиях в столице даже не докладывали царю! Он, правда, получал тревожные сигналы от председателя Думы М. В. Родзянко, от частных лиц, но они тонули в гладких и благодушных рапортах его любимчика, министра внутренних дел Протопопова, военных и гражданских властей.

А положение в Питере обострялось стремительно. Войдя во вкус и чувствуя безнаказанность, разбушевавшиеся толпы били витрины, останавливали и переворачивали трамваи. Полиция цепочками в 10—20 человек противостоять многотысячным шествиям не могла. Городовых забрасывали камнями, льдом, досками. Кое-где из толпы раздавались и револьверные выстрелы. Среди полиции появились раненые, а потом и первые убитые, а самим им применять оружие запрещалось. В середине дня 24.02 градоначальник Балк запросил войска. Однако казаки, выехав на улицы, никакой помощи полиции не оказывали. На третьем году войны в Питере находились уже не прежние отборные служаки, выученные бороться с беспорядками, а обычные станичники с бору по сосенке — кто после фронта, кто от сохи. У них и нагаек не было, а боевое оружие использовать запрещали. Что ж, с кулаками переть на толпу? А многие сочувствовали демонстрантам и считали уличный разгон недостойным себя делом. Кроме того, формально казаки не были подчинены полиции. По планам военного времени, составленным все тем же Протопоповым, в случае беспорядков общее руководство их подавлением переходило к военным властям. В Петрограде ее принял командующий округом ген. Хабалов — личность в практическом отношении не менее бездарная. Боевым генералом он не был, продвигался по линии военно-учебных заведений, затем побыл губернатором Уральской области и по протекции получил теплое место в столице. Точно так же и на местах не военные командиры поступали в распоряжение полицейских начальников, а наоборот. А военным командирам все это было до лампочки, многие из них даже города как следует не знали. Поэтому казаки в лучшем случае сопровождали городовых, подкрепляя их своим видом. А на просьбы о реальной помощи не реагировали. И при столкновениях с демонстрантами оставались сторонними наблюдателями. Мало того, 25.02 при разгоне митинга у памятника Александру III какой-то казак (пьяный? идейный? или просто дурак?) зарубил шашкой пристава Крылова. Молва разнесла слух об этом «подвиге» по всему городу, и казаков затопили морем симпатии — качали на руках,

кормили и напайвали, славили «казаки за нас!». Чего еще станичнику надо?

Ненадежных казаков перестали выпускать из казарм. Но столичная пехота была ничуть не лучше. По традиции здесь квартировала гвардия. Точнее, настоящие гвардейские полки были на фронте, а в Питере остались от них запасные батальоны для формирования пополнений. Численность их была огромной, каждый батальон с хорошую дивизию, в ротах по полторы тысячи. Главным образом только что призванные новобранцы. Попадали сюда и после лазаретов, попадали пойманные дезертиры и отбывшие срок преступники. Сюда же направляли местных, питерских призывников (а поскольку на большинстве заводов была броня, этот контингент оказывался вообще сомнительным — из безработных и чернорабочих, не подлежащих бронированию). Офицеры — из инвалидов, из только что окончивших училища, из умеющих устраиваться в тылу. Да и было их по штатному составу — как на нормальный батальон. Они не только своих солдат, но и унтеров порой не знали, разве это возможно в такой массе, постоянно меняющейся? Ни о какой толковой подготовке там речи быть не могло — на фронте прибывших солдат приходилось учить заново. А что уж говорить о какой-то спайке, дисциплине, боевом духе? Предложение разместить в Питере несколько надежных строевых частей, именно на случай беспорядков, Хабалов в свое время отклонил. Лишние части — лишние заботы.

Теперь «гвардейские части» выводили в оцепления, и они стояли. Манифестантам это нисколько не мешало. Демонстрации убирали флаги, разбивались на группы и свободно проходили сквозь оцепления: гулять-то не запрещается. Или обтекали по боковым улицам — планы оцеплений оказались таковы, что вполне это позволяли. Никакого разгона солдаты, конечно, не производили — офицеры опасались пускать их, ненадежных и совершенно необученных. Многим офицерам претила такая «грязная работа», бросающая пятно на их честь. По военному времени часть их была из тех же студентов, и, если бы не мундир, с удовольствием сами покричали бы «долой!».

Ничто не мешало волнениям разрастаться. Ширились митинги, демонстрации, множились хулиганские выходки. На окраинах разбушевавшиеся толпы начали громить полицейские участки и убивать городских. Лишь тогда власти решились на какие-то активные действия. Запоздалые либо непродуманные. Только вечером 25.02 доложили о событиях в Ставку царю — причем в очень сглаженном, тщательно отредактированном виде. После долгих прений и колебаний войскам было отдано разрешение применять оружие (конечно, с массой оговорок). Хабалов оповестил об этом население в расклеенных объявлениях. Но за три дня все уже привыкли, что войска вполне безобидны. Угрозам никто не верил, и 26.02 все разлилось по-прежнему. Мало того, стали задирать самих военных. И стрельба произошла. Стреляли по толпе драгуны — по ним из гущи людей пальнули из револьвера и ранили солдата. Стрелял Павловский полк — тоже после выстрела с крыши, убившего рядового. Стрелял Волынский полк — сначала по приказу, несколько залпов в воздух, но толпа манифестантов стала издеваться над солдатами. И в сердцах вдарили... Впро-

чем, многие новобранцы и стрелять почти не умели, глаза зажмуривали. Кто-то и в воздух хотел или по ногам, а уж куда попало... Конечно, общественность тут же подняла волну протестов, но и буйствующая по улицам вольница была напугана, стали разбегаться по домам. Правительству показалось, что беспорядки больше не возобновятся...

Интересно, что для революционных партий — эсеров, меньшевиков, большевиков — февральские события тоже явились неожиданностью. Они лихорадочно соображали, как бы эти волнения использовать, как самим в них поучаствовать. После стрельбы, оценивая состояние народа, они тоже приходили к выводу, что все закончилось и на следующий день рабочие вернутся на заводы. Готовились лишь внести эту дату в свои «святцы» наравне с 9 января и использовать в агитации...

Однако наложились новые события. В ночь на 27.02 премьер-министр Голицын пустил в дело заготовленный у него на всякий случай (подписанный, но без даты) царский указ о роспуске Думы. Дума традиционно была центром демократической оппозиции. Частенько ее депутаты сыпали обвинения в адрес властей — то обоснованные, а то и голословные, рассчитанные на собственную популярность. В общем, вели себя примерно так же, как российская Дума 1990-х. Царь имел законное право на роспуск Думы, хотя в данном случае парламент не имел никакого отношения к событиям. Скрытый мотив решения правительства понять нетрудно: избежать думского шума по поводу стрельбы и жертв. Этим же вечером пришла телеграмма от царя, с запозданием узнавшего о волнениях: «Генерал-лейтенанту Хабалову повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией». Приказ передали в полки, среди ночи довели до офицеров и унтер-офицеров.

Но как раз этой ночью произошел надлом в тех полках, которые стреляли в народ — Павловском и Волынском. Только что призванные, неопытные солдаты оказались в шоке от пролитой ими крови — крови своих же граждан. Терзались и каялись. В казармы проникали посторонние, партийные агитаторы и просто из народа, укоряя, что же они натворили — охранялись казармы плохо, а в городе не было объявлено ни комендантского часа, ни усиленного патрулирования, ходи когда хочешь и куда хочешь. И тут же к солдатам, измученным тремя днями в оцеплениях, находящихся в трансе от убийства «своих», дошел приказ царя «завтра же прекратить в столице беспорядки». Значит, снова идти и снова убивать (хотя беспорядки, вероятно, уже и не возникли бы). И они взбунтовались. Полторатысячная рота Павловского полка вырвалась с оружием на улицу. С ней вступили в перестрелку всего десятков городских, но даже такого отпора мятежники не выдержали. Отступили в казармы, дали себя окружить, разоружить и выдали зачинщиков.

В Волынском полку пошло иначе. Взбунтовавшись под утро, там убили офицера — и путь назад был отрезан. Уже из инстинкта самосохранения бросились вовлекать в мятеж полки, расквартированные по соседству. Подняли часть преображенцев, тоже взывая к их совести — именно преображенцы ночью окружали и разоружали павловцев, тоже согрешили «против своих». Потом совместными усилиями

подняли Литовский полк. Смирных, опасаящихся бунтовать, старо-служащие и казарменные забияки выгоняли из казарм силой — ты что, против нас? Эта толкотня в казармах и дворах, во время которой были убиты еще несколько офицеров, длилась не менее двух часов. И никаких действий против мятежников за это время предпринято не было. Начальство растерялось, не решаясь что-либо делать без приказа, рапорта по команде передавались наверх... а Хабалов, считавший, что отдал накануне все распоряжения, переутомившись от напряжения последних дней, спал. И отключил телефон!

Пятнадцатитысячная солдатская толпа понеслась по улицам, и процесс пошел лавинообразно. В выставленных по вчерашним планам оцеплениях были такие же «запасные». Стрелять «по своим» они не могли. А нарушив приказ, автоматически сами становились бунтовщиками и вливались в общую массу. Офицеров, пытающихся остановить ее, образумить или сопротивляться, толпа убивала. Штаб Хабалова пребывал в полной прострации. Для подавления назначили заместителя командира Преображенского полка А. П. Кутепова, приехавшего с фронта на побывку. Это был умный и волевой офицер, но сил ему дали всего человек 500, надерганных кто откуда. Приданные 12 пулеметов оказались без патронов. Все же он сумел организовать свой разношерстный отряд и после короткого боя очистил район восстания. Да много ли мог сделать один Кутепов в огромном городе? Выбитые с Литейного, мятежники растеклись толпами кто куда, большинство хлынули на Выборгскую сторону. Прямо во взрывоопасные рабочие районы. И восстание полыхнуло во всю мощь... Бунтовщики пытались увлечь воинские части, расположенные здесь, — офицеры с небольшими командами надежных солдат дали отпор. Хотя и понесли потери, но их казармы оставили в покое. Зато солдаты, уже вместе с рабочими и шпаной, разгромили арсенал — разграбили 40 тыс. винтовок, несколько тысяч револьверов, огромное количество патронов. Утекло в народ и оружие со складов оборонных заводов. Захватили 7 тюрем — и толпы получили новых вожаков, как политических, так и уголовников. И все эти массы снова потекли к центру города, многократно умножившиеся и вооружившиеся. Боеприпасов было в избытке, шла непрерывная пальба в воздух. Появилась новая мода — захватывали автомобили и, набившись в них, носились по улицам. Случайно встреченных офицеров разоружали, срывали погоны. Полицейских и жандармов убивали. От густой стрельбы в воздух пули падали на излете, рикошетом отскакивали от стен, попадая в людей, — и пошел слух, что полиция с пулеметами засела на чердаках. Палили и по чердакам, по окнам, показавшимся подозрительными. Уже по всему городу громили полицейские участки. В некоторых городские отстреливались до конца, поняв, что все равно обречены. Разнесли и подожгли здания судов, Охранное отделение, а попутно и армейскую контрразведку — по наводке выпущенного из тюрьмы шпиона Карла Гибсона...

Важные события разворачивались в Думе. Собравшись на очередное заседание, депутаты узнали о ее роспуске. Но не расходились — куда расходиться, если на улицах такое творится? Висели на телефонах, узнавая новости, обсуждали их по коридорам Таврического. А в

обществе, особенно в интеллигентной части, разгон Думы вызвал новую волну возмущения. Прошел слух, что распущенная Дума отказалась расходиться. Студенты и гимназисты, вливающиеся в мятежные толпы, поворачивали некоторые из них «на защиту Думы»! От «реакции». Обычный бунт стал приобретать идеологическое содержание. Дума, помимо своего желания, становилась центром революции! Некоторые уже спрашивали у ее лидеров дальнейших указаний. Многие солдаты, протрезвев и устав от погромов, шли сюда просто потому, что некуда идти. Сюда же стали вести «арестованных» — членов Государственного Совета, жандармов, просто «подозрительных» — и их вынуждены были принимать, хотя бы ради спасения от самосудов. Депутаты разделились надвое. Большинство во главе с М. В. Родзянко считали, что авторитет Думы надо использовать для сильного противодействия развалу и анархии. В качестве такого органа был создан «Временный комитет Государственной Думы для поддержания порядка в Петрограде и для сношения с учреждениями и лицами». Левых во главе с Керенским и Чхеидзе несло в другую сторону. Они считали, что должны возглавить начавшуюся революцию. К Керенскому, широко известному по России самыми скандальными думскими речами, многие пришедшие мятежники прямо обращались как к «руководителю революции» — и ему это нравилось, он уже примерял эту роль, все щедрее рассыпая указания и швыряя лозунги.

Между тем Родзянко, обнаружив, что Временного комитета повстанцы слушаются и признают его авторитет, поехал в Мариинский дворец для встречи с правительством, чтобы договориться о совместных действиях. Но... обнаружил, что никакого правительства уже нет! Подав царю прошение об отставке, одни министры разбежались, другие в шоковом состоянии были готовы к тому же. Переговоры с братом царя Михаилом Александровичем, с предложением возглавить власть в городе, кончились ничем. Михаил отказался, не имея на то официальных полномочий. После этой поездки Родзянко Временный комитет Думы решил принять на себя правительственные функции — «взять в свои руки восстановление государственного и общественного порядка». Причем первым предложил такое решение монархист Шульгин, подразумевая, что «Временный» орган передаст потом власть нормальному правительству, созданному царем. Основную часть комитета составили кадеты — либеральный «центр» Думы, самая авторитетная политическая партия (официально — Партия народной свободы).

Но власти-то всем хочется! Социалистические фракции Думы были мизерные, в демократической борьбе им ничего не светило. Однако в Таврический стягивались не только солдаты и студенты с рабочими. Собрались и партийные деятели, в том числе только что вышедшие из тюрем. И под крылышком нескольких своих думских депутатов решили тут же «явочным порядком» создать свой орган власти — Петроградский Совет рабочих и крестьянских депутатов. Тут же решили избрать в него по одному солдату от роты и по одному рабочему от тысячи... Да какие там выборы! Где их проводить, если заводы не работали, а солдаты рассыпались по улицам? Набрали тех,

кого успели пропихнуть партийные лидеры на стихийном совещании. Так началось небезызвестное двоевластие.

А ген. Хабалов весь день бездействовал. У него оставалось еще много гвардейских запасных батальонов — Семеновский, Измайловский, Московский, Финляндский, Кексгольмский, Ингерманландский, Павловский, Егерский, Гренадерский и др. Их командиры отвечали, что они ненадежны и лучше держать их в казармах, а то вдруг тоже взбунтуются. Оставалось много технических частей — малочисленных, но сильных в боевом отношении и безусловно верных командованию — пулеметные, самокатные, броневые, саперные, авиационные. По малочисленности их вообще не взяли в расчет, забыли. В распоряжении Хабалова было 8 военных училищ, 2 кадетских корпуса, школы прапорщиков, и юнкера сами рвались в бой, но командуя отказал. Ему казалось недопустимым вовлекать будущих офицеров в такое несвойственное им дело, как подавление уличных беспорядков. Им приказывали продолжать обычные занятия. Сильный резерв все же удалось собрать на Дворцовой площади: измайловцев, кексгольмцев, павловцев, егерей, часть Гвардейского экипажа, 2 батареи. Однако, собрав вместе, о них... забыли. Они простояли на площади целый день, не получая приказов, промерзли, измучились, проголодались, а к ночи мороз усилился, и они стали расходиться по казармам. Об отряде Кутепова тоже забыли. Он весь день прикрывал район Литейного, не получая никаких указаний, а сам дозвониться до градоначальника не мог — ведь туда со всего города звонили. Кутепов отразил несколько атак и наскоков повстанцев, а с наступлением темноты они обошли его переулками, проходными дворами и растворили в себе его сборную команду. Самому ему едва удалось скрыться.

К ночи и непосредственно у Хабалова собрались немалые силы — гвардейская кавалерия, жандармский дивизион, полиция, пехотные роты — около 2 тыс. штыков и сабель при 8 орудиях. Их вполне хватило бы, чтобы одним решительным ударом подрубить революцию, особенно среди ночи, когда массовый порыв угас и на улицах остались лишь дезорганизованные кучки мародеров. Но растерявшийся Хабалов уже счел город потерянным. Подсчитал «до 60 тысяч» врагов — как будто это были кадровые дивизии, а не беспорядочные толпы, к тому же разошедшиеся спать по домам и казармам. И решил до подхода подкреплений с фронта занять глухую оборону в Адмиралтействе (была сильная Петропавловская крепость с артиллерией и надежным гарнизоном — о ней тоже забыли). Интересно, что из Адмиралтейства Хабалова попросили удалиться моряки, заявив, что его солдаты мешают нормальной работе их штаба! И отряд послушно перешел в Зимний дворец. Но и оттуда выставили — приехал переночевать великий князь Михаил Александрович и решил, что дворец нельзя превращать в поле боя. Вернулись в Адмиралтейство. Там оказалось нечем кормить лошадей — пришлось отпустить кавалерию. В атмосфере безнадежности и бесцельных блужданий стали помаленьку исчезать солдаты...

В Ставке только 27.02 открылась грозная правда. В общем-то еще ничего не было потеряно. Петроград — всего один город, хоть и сто-

личный. Парижскую Коммуну успешно раздавили в гораздо худших военно-политических условиях. В Могилев, где находился царь, можно было перенести не только военное, но и гражданское управление страной. Под ружьем была 12-миллионная армия. Требовались лишь соответствующие действия — силовые и политические. Но для таких Николай не годился. К нему сыпались обращения о необходимости срочных реформ, способных если не утихомирить Петроград, то не дать распространиться волнениям на другие города. Об этом телеграфировали Родзянко, Голицын, брат Михаил, командующие фронтами, обращался даже ген. Алексеев, начальник штаба Верховного Главнокомандующего. Да и реформы-то пока требовались относительно небольшие: снять дискредитировавших себя министров, созвать новое правительство из лиц, популярных в стране... Николай отказал. И не утвердил прошение об отставке прежнего правительства (уже разбежавшегося). Для силового подавления мятежа он назначил Н. И. Иванова — некогда бравого и боевого генерала. Только вот... ему было 65 лет, и он уже без назначений проживал при Ставке в качестве приятного царского собеседника. Для решительных действий он совершенно не подходил — наоборот, даже раньше, в 1905 г., был известен умением усмирять бунты уговорами и «вразумлением». Впрочем, Николай так и хотел — миром бы все как-нибудь уладить, и все. В непосредственное подчинение Иванову давались Георгиевский батальон, пулеметная команда. И, чтобы не очень ослаблять боевые порядки, по 4 полка с Северного, Западного и Юго-Западного фронтов. С ближайшего к Петрограду, Северного, полки могли прибыть в столицу к 1 марта. Но... Иванов со старческой обстоятельностью и неторопливостью решил сосредоточивать все свои силы «на подступах» к Петрограду. Да и тут все решения и планирование отложил до следующего дня — не работать же старику по ночам. А Николай, вместо того чтобы сосредоточить в Ставке все нити управления, решил завтра ехать в Царское Село. Из-за простого человеческого чувства — он ведь тревожился за жену и детей.

А 28.02 обстановка снова изменилась коренным образом. То, что Временный комитет Думы принял на себя власть, повлекло новые последствия. Одно дело — беснующаяся толпа солдат и черни, другое — Дума, вполне легитимный орган власти. Оппозиционный — но и все общество было в той или иной мере оппозиционно самодержавию и придворной верхушке, причин и поводов для недовольства накопилось изрядно. А тут вдруг оказалось, что правительства нет, Хабалов похоронил себя в Адмиралтействе (о чем и знали-то немногие), и Дума осталась единственной властью. К ней пошел народ, приветствуя победившую революцию — и интеллигенция, и рабочие, — их Совдеп пока что опасливо держался тут же, под крылышком Думы. Мало того, к ней пошли войска — уже не вчерашние толпы погромщиков, а настоящие полки. С офицерами, с музыкой. Те, что вчера просидели в казармах и даже готовы были противостоять бунту. Командование само забыло о них, бросив на произвол судьбы, — и кто мог теперь им дать разъяснения, какие-то указания, как не Дума? И кто, как не Дума, мог теперь защитить их от вчерашних инцидентов? Да и сами офицеры — разве русские дворяне не воспитывались на

традициях интеллигенции? Поддержать Думу они оказались морально готовы. А для тыловых приспособленцев, которых в столице тоже хватало, подобный ход был вполне естественным — побыстрее зарекомендовать себя перед новой властью. Первыми пришли преобразенцы — не бунтовавшие, а простоявшие вчерашний день на Дворцовой площади. За ними потянулись другие. С артиллерией, с броневиками. Дошло до того, что моряков Гвардейского экипажа привел к Таврическому дворцу великий князь Кирилл Владимирович. Он тоже был сторонником демократических преобразований. И когда произошло единение всех разнородных сил, революция, которую никто, собственно, не делал, которая «сама получилась», — действительно победила.

Весть о ее победе волной прокатилась по другим городам России. Кто мог противостоять этой волне? Правительство, разбежавшееся и частично арестованное? Местные власти? Так они не имели на то никаких указаний. Царь? Он находился в дороге, оторвавшись ото всяких рычагов управления. Ген. Алексеев из Ставки? Это не входило в его компетенцию, и в тылу никто не стал бы его слушать...

В Москве, где не было никаких бунтов и волнений, народ стал группироваться вокруг городской Думы, и туда же, как в столице, перетекли военные части — с оркестрами и командирами во главе. Впрочем, не везде революция выглядела празднично. Гельсингфорс (Хельсинки) и Кронштадт 1—4 марта щедро умылись кровью. Вслед за рабочими манифестациями в дело вступила матросня, круша все, начиная с винных складов. Начались повальные погромы и убийства. Убивали не только «драконов», но и кого придется под горячую руку да пьяную лавочку. Только читателю следует пояснить, что эти две базы не были «боевыми». В Гельсингфорсе стояли линкоры и крейсера — громадины, не принимавшие участия в сражениях. Всю войну они лишь патрулировали минное заграждение, перегородившее врагу вход в Финский залив. Всю войну здесь маялись с тоски и дурели от однообразия. Гельсингфорс подчинялся финской юрисдикции, был вне компетенции Охранного отделения и армейской контрразведки, он кишел германской агентурой и беспрепятственно разлагался несколько лет. А Кронштадт вообще был тыловой базой с учебными судами, складами да флотскими тюрьмами. Естественно, и рутины, и злоупотреблений здесь хватало. Для сравнения — в Ревеле (Таллине), где базировались эсминцы и подлодки, не вылезавшие из боев, ни убийств командного состава, ни особых беспорядков не было.

А царь ехал прямо в эту кашу! И ехал из-за медлительности ген. Иванова впереди сосредоточиваемых к Петрограду надежных полков. Ехал через Вязьму, Бологое, а в Малой Вишере пошли слухи о каких-то войсках, перекрывших путь дальше. Да и опасно было царю следовать сквозь Петроград. Повернули на Псков, узнавая случайные новости и с трудом ориентируясь в обстановке. Тем временем отречение царя становилось требованием всей России. Для большинства (пока) отречение именно этого царя. Даже для правых. Для них он стал виновником произошедшего взрыва, показав свою неспособность что-либо сделать для спасения страны. Последней каплей стала

телеграмма военачальников. Главнокомандующие фронтами и флотами, видя, что катастрофа захлестывает армию, просили об отречении. Телеграмму подписали великий князь Николай Николаевич, генералы Эверт, Брусилов (потом служил Советам), Рузский (в 1918 г. расстрелян красными), Алексеев (основатель Добровольческой армии), Сахаров, адмирал Непенин (через день убит пьяными матросами). Воздержался лишь командующий Черноморским флотом вице-адмирал Колчак. От Думы к царю выехала делегация в составе Гучкова и Шульгина. Николай уже принял решение и подписал отречение. Хотел схитрить? Спасти от смуты сына? Подписанное им отречение было недействительно. По российским законам о престолонаследии монарх имел право решать только за себя, но не за наследника. Николай же, вместо отречения в пользу Алексея с назначением регента, отрекся в пользу брата Михаила. Надеялся после бури вернуть сыну престол? Загораживал больного ребенка от опасности? Кто знает...

Дума предложила Михаилу Александровичу занять престол до Учредительного Собрания. Посоветовавшись со своим адвокатом, он отказался. Формально — сославшись на незаконность отречения. Реально — брать власть значило бы взвалить на себя ответственность за обуздание стихии. А Михаил всегда чувствовал отвращение к политике. Тогда на основе Временного комитета Думы было создано Временное правительство. Князь Н. Львов, Гучков, Милюков, Коновалов, Мануилов, Терещенко, Шингарев, В. Львов, Годнев, Керенский. Его председателя кн. Львова утвердил сам царь одновременно с отречением. «Временное» — потому что оно брало власть только до Учредительного Собрания, органа, свободно избираемого всем народом, чтобы решить и политическое, и экономическое устройство будущей России. Более капитально реорганизовался и Петроградский Совдеп. Кого-то «кооптировали», кого-то из случайных лиц, попавших туда в горячке 27.02, «отозвали». И тоже заявили претензии на власть. Причем уже не городскую, а общегосударственную!

А ген. Иванов двигался к Петрограду. Пока распланировали, пока разослали директивы, пока грузились. Действовал не торопясь, отслеживал движение подчиненных частей. Добрался да Пскова — «а по какой надобности?» «По приказу императора». «Какого еще императора? Нет такого. Отрекся». Император же вернулся домой и был взят под следствие. Очень переживал, когда узнал, что в общей массе на сторону революции ушел даже его конвой из 500 чел., каждого из которых он знал лично, и не только по именам. Вот так совершилась «общенародная, светлая и бескровная» революция. Между прочим, не такая уж бескровная. Только в столице в дни революции были убиты и ранены 1443 человека. Значительную долю погибших составили служащие петроградской полиция. Потом ходили упорные слухи, что именно полицейских похоронили на Марсовом поле под видом «героев революции». Так это или нет, но в революционном хаосе они действительно стали одними из немногих героев, до конца исполнивших свой долг.

3. ДОРОГА В ПРОПАСТЬ

Когда повторяют на каждом шагу, что причиной развала послужили большевики, я протестую. Россию развалили другие, а большевики — лишь поганые черви, которые завелись в гнойниках ее организма.

А. И. Деникин

Надо отметить, что первый, либеральный кабинет Временного правительства был самым толковым и компетентным из четырех кабинетов. Лучшие представители интеллигенции, думские депутаты, способные достаточно грамотно разбираться в политических и в экономических вопросах. В отличие от многих нынешних «демократов» — честные, глубоко порядочные люди. Никакой личной выгоды они не преследовали и не получали. Этот кабинет дал стране все демократические свободы, закрыл политические тюрьмы, отменил смертную казнь... Это были первые шаги... А дальше? Дальше-то нужно было укреплять институты государства, расшатанные или уничтоженные революционным взрывом. Но как раз на это Временное правительство оказалось неспособно. Во-первых, по личным качествам. Умные люди, способные законодатели, они не обладали ни твердостью, ни решительностью для проведения в жизнь своей политики. Да и то сказать, не могли же они, подобно царским «сатрапам», поощрять принуждение! Насилие само по себе вызывало отвращение тогдашнего передового интеллигента.

А во-вторых, их связали по рукам и ногам, не давали работать. Советы на первом этапе тоже возглавляли демократы. Но демократы партийные, социалистические. Некомпетентные в государственных делах, зато «облеченные доверием» народа, горлопанистые и рвущиеся к власти. Советы стали дезорганизующим началом. Взбаламученная народная стихия и без того не желала успокаиваться — но ее продолжали баламутить искусственно. Вместо стабилизации государства шло его раскачивание. В пику распоряжениям правительства Советы принимали другие решения. Часто — противоречивые. Часто — революционные, но бестолковые. А каждый шаг, направленный к нормализации, вызывал вопли о контрреволюционности. Сложилась ситуация, когда правительство ограничивало «свободу». А Советы — «расширяли». Правительство стало «запрещающим» органом, Советы — «разрешающим». И естественно, вся темная масса тянулась к Советам. А слабое правительство шло на соглашательство с левыми, на одну уступку за другой.

А вскоре властей стало не две, а три. К апрелю местные Советы и комитеты, расплотившиеся в России, как грибы после дождя, возмутились тем, что Петроградский Совет, приписывая себе исключительные заслуги перед революцией, присвоил государственную власть. Собрался съезд делегатов, и был создан Центральный Исполнительный Комитет, занявший позицию чуть умереннее Петросовета, но куда радикальнее правительства.

Кроме Советов, государство раскачивали партии, еще не дорвавшиеся до власти, — большевики, анархисты и беспартийная стихийно-бунтарская вольница. Не следует и скидывать со счетов дезорганизационную деятельность германской агентуры — ведь шла как никак мировая война... И совершенно неожиданно для большинства политических деятелей на первый план вдруг вынесло фигуру Ленина.

Да-да, неожиданно. Потому что, если разобраться и отбросить плоды последующей мифологизации его образа, то окажется, что не только вождем трудящихся, но даже крупным лидером до 1917-го года он не был. Не верите? Почитайте самых лояльных, самых пристрастных современников (ту же Крупскую) и удостоверьтесь. Рабочих он не знал. Еще в Петербурге Крупская с Якубовой, повязавшись платочками, ходили в фабричное общежитие и таким детским способом собирали материал для его «исторических» статей. Крестьян тоже не знал. В Женеве черпал познания из бесед с выходцами из крестьянства — попом Гапоном и потемкинцем Матюшенко (который сблизился с Гапоном, а отнюдь не с Лениным).

Ссылка в Шушенское стоила неплохого дома отдыха. Держал там домработницу, породистую охотничью собаку. На одну неделю для него забивали барана. На следующую, для разнообразия, закупали говядины или телятины. И в эмиграции жил недурно. То в Германии, то в Швейцарии, то во Франции. Повсюду таскал за собой жену и тещу. Естественно, за партийный счет. И домработницу тоже содержал.

Проявил себя на II съезде РСДРП, где устав с программой принимали, где на большевиков и меньшевиков поделились. Но деление было очень условным, как и сам съезд: 44 делегата, непонятно кем избранных. Из них 20 воздерживалось, а «большинство» недолго таковым оставалось. Меньшевик Мартов отказался от участия в редакции «Искры», и большевик Плеханов перешел на его сторону: по деловым и журналистским качествам Мартов оказался ценнее Ленина.

В 1905 г. Ильич вполне легально приехал в Питер, никто его не тронул. И жил то легально, то нелегально, в столице и на окрестных дачах до конца 1907 г. Как «неуловимый Джо» из анекдота, который был вовсе не таким уж неуловимым, а просто оказался никому не нужным. И еще 9 лет эмиграции. Какого-то заметного влияния на Россию эмиграция не оказывала. Организация борцов? «Сильная» парижская организация большевиков в 1911 г. насчитывала... аж 40 человек. Сила, правда? Выпуск литературы? Разве мы сейчас не знаем, как ничтожен вес малотиражной газетенки в море прессы? А ведь нынешние малотиражки по сравнению с большевистскими — гиганты! В 1914 году тираж очередного «центрального органа» «Социал-демократ» достигал 1,5 тысячи экземпляров. Но даже из такого количества, по признанию самих большевиков, России достигала ничтожная часть. Скажем, в 1905 г. выяснилось, что вся литература, которую долго слали через Стокгольм, там и лежит, завалив целый подвал. Через матросов слали в Батуми и Одессу, где завернутые в брезент тюки выбрасывали в море в условленном месте. Большая часть ушла на агитацию черноморских рыб. В чем еще заключалась «революционная» деятельность? Иногда происходили теоретические «рефераты», для чего с важным видом съезжались социал-демократы из разных

городов Европы. Происходили они в пивных, за кружкой. «Записался говорить один Ильич... С кружкой пива он подошел к столу» (Крупская). За пивком чего ж не теоретизировать? Располагает... Создавались «партийные школы» для подготовки «рабочих агитаторов». На Капри — аж 12 человек (из них 2 провокатора). В Лонжюмо — 15 человек (1 провокатор). Им Ленин на полном серьезе читал лекции. Какого-то следа в истории его слушатели не оставили. Только там и мелькнули их фамилии.

Но основной, поглощающей все силы будущего вождя деятельностью были склоки, межпартийная и внутрипартийная грызня. О каком-то верховенстве Ленина и речи не шло. Как, кстати, и о «большевистской партии», как таковой. Если социал-демократы делились на меньшевиков и большевиков, то сами большевики делились на «отзовистов», «ультиматистов», «ликвидаторов», «богдановцев», «впередовцев», «примиренцев», «ленинцев», «красинцев»... Ленин был лидером всего лишь одной из тусовок в этой каше, в которой каждая враждовала с себе подобной. Например, если Ленин в 1912 г. проводит Пражскую конференцию, то Троцкий в том же году проводит аналогичную конференцию в Вене, причем более представительную. О каком «вождизме» может идти речь, если на реферате Плеханова о мировой войне Ильича чуть за бортом не оставили — места ему не хватило.

Когда с 1912 г. думская фракция социал-демократов (большевиков) начала издавать в России легальную «Правду», в редакцию заочно были включены и Богданов, и Алексинский, с которыми Ленин враждовал. А статьи самого Ильича, посылаемые из Кракова, редактором Черномазовым публиковались далеко не всегда. Например, из 5 знаменитых «Писем издалека», в которых Ленин из эмиграции учил, как развивать Февральскую революцию, было опубликовано 1. А остальные — только после смерти вождя. Так и паясничал за рубежом в свое удовольствие этот человечек, заштатный второсортный лидеришко. Никакого отношения к Февральской революции он не имел. 22 января 1917 года «мудрый и проницательный» ляпнул на собрании молодежи в Цюрихе: «Несомненно, эта грядущая революция может быть только пролетарской... Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв в этой грядущей революции». А она — возьми да грянь через месяц...

Что делать? Подаваться в Россию? Но как туда добраться через фронты? Помог очень полезный контакт — с германскими спецслужбами. Они-то на Ленина глаз давно положили. Еще в 1914-м дали свободно из Кракова уехать, когда остальных русских интернировали. Германия вела войну по-новому, включая идеологическую обработку и разрушение тыла. И большевики-циммервальдисты, ратующие за поражение своего правительства, были ей полезны. Имел ли место прямой шпионаж? Русская контрразведка в 1917 г. располагала доказательствами шпионской деятельности Радека, Раковского, Коллонтай. Кадровыми агентами спецслужб являлись А. Парвус, занимавшийся финансированием большевиков, Я. Ганецкий, швейцарский коммунист К. Моор — близкий приятель Ильича. А Ленин? Даже без формальной вербовки он не мог не догадываться, какие силы, в каких

целях и на какие средства его используют. Документы говорят сами за себя. Указание Германского Имперского банка № 7432 от 2.03.17 представителям всех германских банков в Швеции гласит: «Вы сим извещаетесь, что требования на денежные средства для пропаганды мира в России будут получаться через Финляндию. Требования будут исходить от следующих лиц: Ленина, Зиновьева, Каменева, Коллонтай, Сиверса и Меркалина, текущие счета которых открыты в соответствии с нашим приказом № 2754 в отделениях частных германских банков в Швеции, Норвегии и Швейцарии. Все требования должны быть снабжены подписями «Диршау» или «Волькенберг». С любой из этих подписей требования вышеупомянутых лиц должны быть исполняемы без промедления». Другой документ — доклад от 16.11.17 большевистских уполномоченных Е. Поливанова и Г. Залкинда, произведивших сразу после Октябрьского переворота ревизию архивов. «Совершенно секретно. Председателю Совета Народных Комиссаров. Согласно резолюции, принятой на совещании народных комиссаров тов. Ленина, Троцкого, Подвойского, Дыбенко и Володарского, мы произвели следующее: 1). В архиве министерства юстиции из дела об «измене» тов. Ленина, Зиновьева, Козловского, Коллонтай и др. мы изъяли приказ германского имперского банка № 7433 от 2.03.1917 с разрешением платить деньги тт. Ленину, Зиновьеву, Каменеву, Троцкому, Суменсон, Козловскому и др. за пропаганду мира в России. 2). Были пересмотрены все книги банка Ниа в Стокгольме, заключающие счета тт. Ленина, Троцкого, Зиновьева и др., открытые по приказу германского имперского банка № 2754. Книги эти переданы Мюллеру, командированному из Берлина». Ген. Людендорф в мемуарах писал: «Наше правительство, послав Ленина в Россию, взяло на себя огромную ответственность. Это путешествие оправдывалось с военной точки зрения. Нужно было, чтобы Россия пала». Комментарии, как говорится, излишни.

И 30 человек в опломбированном вагоне — без таможенных досмотров, без проверок паспортов — покатили через воюющую страну. Из Германии — в Швецию, оттуда — в Финляндию и... И вот тут Ленин стал звездой первой величины! Ведь это были *первые* политэмигранты, вернувшиеся в Россию! Остальные добирались окольными путями — через Францию, Англию, Америку. Помните, как у нас с первыми реэмигрантами в начале 90-х носились? И тут то же самое. Сразу — герои! Советы устроили им грандиозную встречу. И себя показать, и сыграть на этой акции. Считали, что получают козырь в давлении на Временное правительство. К тому же приезд Ленина 3 апреля совпал с Пасхой. Улицы были переполнены гуляющим народом. От Петросовета пришли встречать меньшевики, Чхеидзе со Скобелевым. Почетный караул, музыка. Какой-то капитан Ленину с шашкой наголо рапортовал. Прожектора, броневики. Повели в царские покои вокзала. Тут Ильича на броневик поставили — и с выкриков в толпу он начался как лидер. Шествие сопровождало машины с эмигрантами к дому Кшесинской, где размещался Петросовет, дорогу прожекторами высвечивали. И Ильич, войдя во вкус, полил разогретую толпу лозунгами вторично. Уже с балкона.

Четвертого апреля для Совета настало похмелье. Дважды на за-

седаниях социал-демократов в Таврическом дворце Ленин огласил «Апрельские тезисы», названные потом Плехановым «бредом». Стало ясно, что Ильич приехал не для подмоги социалистам. Что «помогать» он вообще никому не будет. А будет дезорганизовывать работу всех других, чтобы получить себе все. Все, а не один из «портфелей». А уличная толпа, энергию и анархию которой правительство безуспешно пыталось стабилизировать, перенацелить в созидательное русло, — эта толпа наконец-то обрела «пахана», обладающего всеми подходящими чертами — решительностью, хитростью, беспринципностью и приспособленчеством. В и без того булькающую брагу попал увесистый кусок свежих дрожжей. Толпа, конечно, не могла знать, что он и ее предаст, как предал коллег по партии. Предаст, когда надобность в разрушительной энергии хаоса отпадет. Но разве толпа когда-нибудь задумывается над подобными мелочами?

Народ все еще пьянел от вседозволенности. Промышленность вошла во вкус забастовок. Митинговали и бастовали по мельчайшим поводам. Уже в апреле выпуск продукции упал на 30—40%. Требования поднять заработную плату намного превышали доходы предприятий (например, в Донбассе требования составили 240 млн. руб. в год при доходах 75 млн.). Локауты, забастовки в городах и на транспорте подрывали систему снабжения, и без того перегруженную войной. А это опять вело к недовольству и к новым забастовкам.

Как только ослабла центральная власть, активизировались национальные движения на окраинах. Сейм Финляндии потребовал независимости. Украинская Рада (т. е. тот же Совет) во главе с Винниченко и Петлюрой начала добиваться автономии (пока). Предъявили права на автономию Кубанское и Донское казачества. Сибирь и Закавказье потребовали для себя отдельных Учредительных Собраний. Северный Кавказ, «замиренный» всего полвека назад, забурлил. Горские народы сразу вспомнили все обиды и счета между собой, начались конфликты и драки.

Под шумок вместе с политическими, а потом в результате амнистий и массовых побегов вышли на свободу более 100 тыс. уголовников. В Россию хлынули каторжане, ссыльные. Многих тут же мобилизовали в армию (например, в Томском гарнизоне было 2300 уголовников). А те «жертвы старого режима», кто побойчее, не желая надевать шинель, удобно устраивались в местных Советах или в милиции под видом бывших «политических». Полицейский аппарат был уничтожен. Стремительно начала расти преступность. Новую базу для нее создавали многочисленные дезертиры, наводнившие страну оружием. А ведь, кроме правопорядка, полиция в царской России выполняла массу других функций — санитарного, пожарного контроля, статистики, сбора налогов и др.

Земельный вопрос корежил деревню. Явочным порядком по решению местных Советов то там, то здесь начали делить и пере-переделить землю. В Тамбовской и Тверской губерниях это вылилось в стихийные бунты с поджогами усадеб и убийствами. Что могло с этим поделатъ Временное правительство? Проводить государственные, политические, экономические, аграрные реформы оно считало себя не вправе — не могло взять такую ответственность. Эти вопросы пред-

стояло решить Учредительному Собранию, выражающему волю всего народа. Да и не те люди были в первом кабинете, чтобы ключевые проблемы решать с кондачка, абы заткнуть глотки недовольным. Насилие противоречило их убеждениям. А лгать и вешать лапшу на уши те демократы еще не умели. Не то было воспитание...

Однако самым губительным фактором стал развал армии. И произошел-то он всего за пару месяцев! Под ружьем было 12 млн. человек. Значительная часть мужского населения самых работоспособных возрастов. И эта армия уже не была кадровой, выученной и дисциплинированной, как в 1914-м. Кадровая армия, особенно пехота, была выбита в мясорубке войны. В 1915 году полегла практически вся лейб-гвардия. А войска 17-го на 90% состояли из людей случайных, «только что от сохи», вырванных из обычной колеи и сбитых с толку. И уже были засорены возвращенными в строй дезертирами, «политиками» и уголовниками.

Сейчас этот факт подзабылся, однако Февраль первоначально вызвал на фронте волну патриотического подъема. И не только в России. В войсках Англии и Франции как бы проснулось «второе дыхание», умело подогретое патриотической пропагандой. Ведь теперь вся война приобретала новое содержание! Она превращалась в войну мировой демократии против остатков абсолютизма! С одной стороны — блок демократических держав, каковой стала и Россия, с другой — отжившие свое монархии: Германия, Австро-Венгрия, Турция, Болгария. Кстати, именно под этим соусом вошли в войну США. До того, несмотря на явные симпатии к странам Антанты и потопление немецкими подлодками нескольких нейтральных судов, Конгресс блокировал все положения об участии в бойне. Новое содержание — «битва за демократию!» — убедило большинство депутатов.

Но в России демократия почти сразу приняла губительные формы. Приказом № 1 от 1.03.17 Петроградский Совет давал солдатам «демократические» права митингов и демонстраций, отменял «чинопочитание». В ротах, полках, батальонах создавались солдатские комитеты с правом обсуждения приказов. Давалось право отстранять неугодных командиров... Все! В неустойчивую, военного времени армию хлынула политика... Потом разъясняли, уточняли, что приказ относится лишь к тыловым частям, а не к фронтовым. Спорили — все ли приказы подлежат обсуждению? Или только касающиеся «внутренней службы»? Было поздно, вооруженная темная масса все поняла по-своему. И армия поползла по швам. Второй удар последовал в мае. Из недр «демократической общественности» выползла «Декларация прав солдата». Против нее протестовали все военачальники. Военный министр Гучков отказался подписать ее. Но под давлением Советов Гучков ушел в отставку, и «Декларацию» подписал новый военный министр Керенский. Ушел и Верховный Главнокомандующий Михаил Васильевич Алексеев. Военачальник, бывший начальником штаба Ставки (т. е. фактически главнокомандующим) еще при царе. Главковерхом стал генерал Брусилов.

«Декларация прав солдата»... Но не офицера! Фактически декларация не давала офицеру даже обычной дисциплинарной власти, законодательно распространяя уже на всю армию положения того же

самого Приказа № 1. Естественно, в солдатские комитеты попали не служаки, не патриоты, а демагоги с хорошо подвешенными языками. Если командование не имело на них управы, то сами комитетчики всегда находили поддержку вплоть до столицы, обращаясь в Советы. В потоках митингов доступ к солдатам и право вести агитацию получили все — большевики, националисты, германские шпионы. Особенно быстро пошло разложение на участках, не познавших за всю войну крупных успехов — таких, как Северный и Западный фронты. Солдаты, одуревшие и измотанные однообразием позиционной войны, оказались благодатной средой для «бациллоносителей».росло количество дезертиров. В некоторых частях комитеты самочинно проводили «демобилизацию старших возрастов», вводили отпуска «на время сева», «на уборку урожая». К чему воевать, если мир «без аннексий и контрибуций»? За что? Окопные части редели, изматывались без смены и поддержки и... тоже разлагались. А в тылу пухли огромные гарнизоны, «защищая революцию» и отвечая мятежами на любой намек об их отправке на фронт.

В апреле, когда меньшевик Якубович на митинге имел неосторожность назвать врагами народа сторонников борьбы до победного конца, солдаты чуть не сняли его с трибуны штыками. А уже через два месяца ситуация стала иная. На июнь-июль было намечено общее наступление, скоординированное с союзниками. Одним мощным ударом с двух сторон добиться перелома в войне и покончить с ней. Германия-то уже на ладан дышала, исчерпав все ресурсы. Но русская армия оказалась ни на что не годной. Юго-Западный фронт пошел вперед, добился успехов... и выдохся. А при первом же контр-ударе побежал. На Западном из 15 дивизий 10 отказались наступать. Те немногие, что подчинились приказу, естественно, захлебнулись в собственной крови. Северный фронт вообще даже не колыхнулся.

Правительство, потакающее Советам и нянчащееся с ними, постепенно скатывалось «влево». А государство — в бездну общего хаоса. Где с распростертыми объятиями его поджидали большевики...

4. КРАСНЫЕ ФАЛЬСТАРТЫ

Если уж отбрасывать мифологические штампы, создававшиеся придворной историографией в последующие десятилетия, то нелишне отметить, что хорошо известная нам партия большевиков родилась вовсе не в 1903, а в 1917 г. Подавляющая часть дореволюционных деятелей, пивных теоретиков эмиграции, не вписалась в новые условия. Сошли с небосклона, затерлись и затерялись. Когда 7 апреля в «Правде» появились «Апрельские тезисы», там же было указано, что это — личное мнение тов. Ленина, не разделяемое редакцией и отвергнутое бюро ЦК большевиков. Но уже кончалось время старого бюро, старого ЦК и самой прежней партии. Безобидные теоретики и утописты должны были отойти в сторону или перетечь к меньшевикам. Благо, эта грань в социал-демократии оставалась еще зыбкой. А вокруг Ленина на германские деньги уже формировалась новая партия. Скажем, Троцкий со своими сторонниками, всегда считавшийся мень-

шевиком, теперь пришелся как раз в большевистскую струю. Присоединились крайне левые националисты типа Дзержинского, местные «рабочие» лидеры вроде Свердлова, Шаумяна, Фрунзе и просто головорезы наподобие Дыбенко и Кедрова.

До 17-го большевиков почти никто не знал. Эсеры имели опору в крестьянстве. Социал-демократы (меньшевики) — среди радикальной интеллигенции. Кто же мог составить опору большевикам? Квалифицированные рабочие, получавшие в царской России больше учителей и низших чиновников? Им большевики были не нужны. Разве что подсобники и сезонники — темные, малограмотные и засоренные деклассированным элементом (отсюда и центры большевизма — Баку, Донбасс, Иваново-Вознесенск). Но такие «кадры» были текучими, ненадежными. И в рабочем движении, и в революции 1905 г. большевики ошивались на вторых ролях. Их и наказывали мягче, чем эсеров с анархистами. Казнили разве что Бабушкина — но он с теми же эсеров-анархистами вез оружие повстанцам. Приговаривали и Фрунзе — опять же за уголовщину, покушение на полицейского при исполнении обязанностей.

Но война плюс революция создали большевикам тот самый подходящий контингент. Многие рабочие-патриоты ушли на фронт. Зато на заводы в поисках брони хлынули всякого рода люмпены, деклассированный сброд, крестьяне (понятно, не из крепких хозяев — куда хозяин от земли денется). В связи с военными заказами рабочих требовалось больше, и на всех оборонных заводах росли массы подобной «лимиты». Как уже отмечалось, шаткой и неустойчивой массой, вполне пригодной для большевистской агитации, стала к этому времени и армия.

В чем же заключался секрет быстрого успеха большевиков? Во-первых, весь марксизм они сумели свести к набору плакатных, ярких лозунгов. Такой социализм, до предела упрощенный — «все забрать и поделить» — как нельзя лучше устраивал самые забитые массы. Во-вторых, все беды и напасти большевики объясняли злыми намерениями правительства. Народ получал, не отходя от кассы, конкретного виновника бедствий и конкретный объект для ненависти. И в-третьих, ленинцы не скупились на обещания немедленного решения всех проблем. Эти заведомо невыполнимые посулы действовали только в самых отсталых, необразованных слоях. Но ведь большевики на них и ориентировались! Другие политические группировки не оценили (да, наверное, это еще в головах тогда не укладывалось) столь мощного оружия, как откровенная ложь.

Керенский писал: «Мы имеем дело не столько с движением той или иной политической партии, сколько с использованием полного невежества и преступных инстинктов части населения. Мы имеем дело с особой организацией, ставящей себе целью во что бы то ни стало вызвать в России стихийную волну разрушений и погромов». Даже левые эсеры, по своей сути близкие к большевикам, возмущались: «Политика большевиков, играющих на народном недовольстве, демагогична и преступна».

Первой попыткой ленинцев, осуществленной с ходу, сразу по приезде в Россию, было намерение и в самом деле сыграть на таких

инстинктах и подогреть народ до нового бунта, который сметет Временное правительство вслед за царем. В результате, уже 20—21 апреля в Петрограде вспыхнули крупные беспорядки. В районе Казанского собора произошла перестрелка (были убитые и раненые). Но стихийное выступление оказалось малоэффективным. К тому же, во главе Петроградского округа оказался решительный человек — ген. Корнилов, любимец армии. Одни части он сумел заставить вернуться в казармы. А безобразия прекратил бескровной демонстрацией силы — вывел на улицы надежные подразделения и выставил батарею у Зимнего.

Результаты? Советы и левые партии подняли такой вой, что Корнилов предпочел уйти с поста. На фронт. А первый кабинет Временного правительства в лучших традициях демократической республики вышел в отставку. Это ж не коммунисты были и не нынешние демократы. Честно отдавая себе отчет, что улучшить положение бессильны, честно ушли. Князь Львов сформировал второй кабинет, коалиционный, включающий представителей социалистических партий. А большевики?

Сделали выводы из своих ошибок, внесли поправки в планы и начали выпекать второй блин. Вооруженное восстание. Сначала Ленин предполагал приурочить его к 10 июня, к съезду Советов, чтобы передать им власть, а руководящее положение в Советах захватить для себя. Но позиция большинства съезда оказалась отрицательной, да и в Советы большевиков пускали еще неохотно. Попытку перенесли. Уже с помощью энергичного Троцкого, приехавшего из США и ринувшегося в дело, восстание началось 3 июля (что характерно — в самый разгар наступления на фронте и четко накануне германского контрудара). С оружием в руках выступил пулеметный полк, за ним — еще два полка, бронедивизион. Забастовала часть заводов. Поднялся Кронштадт, послав в столицу десятитысячный вооруженный отряд. Начались погромы, строительство баррикад. Ленин выступал перед вооруженными толпами с балкона дома Кшесинской. Колонны двинулись штурмовать Таврический дворец. Но опять сорвалось.

Большевики только учились работать. Четкого плана восстания у них, по-видимому, не было. Многое шло стихийно, самотеком. Синхронности достичь не удалось. Пулеметчики выступили 3-го, а штурмовой отряд из Кронштадта прибыл только 4-го. А правительство еще могло действовать решительно и располагало боеспособными частями. Юнкера Владимирского училища, несколько казачьих полков встали на его защиту, к ним присоединились отдельные роты гарнизона. На Садовой штурмующие колонны были встречены огнем и покатались прочь. Уже 5.07 восстание было подавлено. Например, атаку мятежного дивизиона броневиков отбили демонстрационной атакой учебных, невооруженных машин с... фанерной броней. Всего в ходе восстания погибло 56 человек.

После этого общественное мнение резко отвернулось от большевиков. Все социалистические партии выражали презрение заговорщикам. Партия Ленина притихла, как нашкодившая собачонка. Лидеры расползлись кто куда. Ленин и Зиновьев сбежали в Разлив. Троц-

кий, Каменев и Коллонтай были арестованы (впрочем, чисто номинально и ненадолго).

Второй кабинет Временного правительства опять развел руками в честных демократических традициях: нами недовольны — хорошо, мы уйдем. И ушел в отставку. Третий кабинет сформировал уже социалист А. Ф. Керенский — паритетный кабинет, с равным представительством либеральных и социалистических демократов. Керенский сосредоточил в своих руках власть и министра-председателя, и военного министра.

Первые шаги нового правительства, на которые оно решилось из-за большевистского путча и катастрофы на фронте, можно было лишь приветствовать. 12.07 — введение смертной казни (только на фронте), 15.07 — закрыты «Правда», «Окопная правда», флотская «Волна». 18.07 — распущен финляндский Сейм, а Верховным Главнокомандующим назначен Л. Г. Корнилов.

Увы, это был лишь короткий единовременный прорыв... А большевики изучали свои ошибки, разбирали первые блины комом и спокойно готовили выпечку третьего. Новое выступление было намечено на конец августа.

5. ЛАВР ГЕОРГИЕВИЧ КОРНИЛОВ

Смело, корниловцы, в ногу!

С нами Корнилов идет...

*Песня Корниловского полка,
впоследствии переделана красными*

Жизнь — легенда. Красивая, яркая сказка. Он родился 31 августа 1870 г. в сибирском городишке Четь-Каменогорске в семье простых казаков-землепашцев. Мать работу по хозяйству везла да детишек рожала. Отец выслужился до первого офицерского чина и вышел в отставку, не в силах содержать на жалованье подхорунжего многочисленное семейство. Стал работать писарем в родной станице.

Мальчишкой Лавр, как положено, и в крестьянском хозяйстве трудился, и братьев-сестер нянчил. Закончил два класса церковно-приходской школы. Еще 2 года доучивался сам, урывая время ото сна после повседневной нелегкой работы.

В 1883-м поступил в Сибирский кадетский корпус. Окончил первым учеником. Затем Михайловское артиллерийское училище и — назначение в Туркестан. Новоиспеченный офицер еще ничем не выделялся. Разве тем, что в свободное от службы время продолжал учиться. Плюс изучал туземные языки. Плюс... подрабатывал частными уроками, потому что семья отца бедствовала.

В 1895-м поручик Корнилов поступает в академию Генштаба. Окончил ее — опять первым. И снова — в «горячую точку». Туркестан, афганская граница. Тут он и проявил впервые свою натуру. Упомянул как-то генерал Ионов о выстроенной афганцами таинственной крепости Дейдади, где базировались враждебные племена, угрожающие русской территории; 23-летний капитан, услышав это, на сле-

дующий день испросил отпуск и исчез... В одиночку, на свой страх и риск, он перешел границу. Верхом проскакал больше 400 км по территории, запретной для европейца. А через три дня вернулся, представив генералу фотоснимки крепости, описание укреплений и планы местности.

Корнилова заметили. Направили для исследований на Кушку, потом — в Китай. Через полтора года он проявил себя как незаурядный ученый-востоковед, выпустив книгу «Кашгария, или Восточный Туркестан». В 1901 г. его командируют с научной экспедицией в Персию. Корнилов стал первым, кто пересек страшную пустыню, называемую Степью Отчаяния, которую сами персы считали непроходимой. Он публиковал научные статьи в географических журналах, о нем заговорили как о путешественнике, достойном преемнике Пржевальского, Семенова Тянь-Шаньского. Казалось бы, дело жизни определилось. Ученый. Исследователь. В 1903 г. — новая экспедиция, в Индию. Но в Белуджистане путешествие прервалось известием о войне...

Под Мукденом Корнилов впервые проявил себя как полководец. 1-я стрелковая бригада, в которой он был начальником штаба, прикрывала отход русской армии. Японцы окружили ее, но благодаря Корнилову бригада пробилась в полном порядке, вынеся всех своих раненых. За это дело Корнилов был произведен в полковники и получил Георгия 4-й степени. В мирное время он — военный представитель в Китае. Новые путешествия, новые экспедиции. За 5 лет объездил Монголию, Китай, Илийский край, Синцзян, Кашгарию...

На мировую войну Корнилов пошел командиром бригады, а 25 августа 1914 г. был назначен командиром 48-й пехотной дивизии 8-й, Брусиловской, армии. С первых же боев 48-я прославилась на всю Россию. Ее называли Стальной. А бок о бок со Стальной дралось другое знаменитое соединение, 4-я стрелковая бригада, тоже впоследствии развернутая в дивизию. Ее называли Железная. Командовал ею А. И. Деникин. Так впервые соединились судьбы двух генералов, выходцев из крестьянской среды. Пересеклись, чтобы остаться связанными до конца.

Корнилова называли «новым Суворовым». Поклонник суворовской тактики — дерзость, стремительность, блестящие удары. Огромное человеческое обаяние, простота и доступность, отчаянная личная храбрость. Подчиненные боготворили его. И офицеры, и многие солдаты мечтали попасть к Корнилову, хотя его части всегда были на острие удара, бросались в самое пекло. Уже в самом начале войны войска Корнилова и Деникина вызвали потрясение во вражеском лагере, прорвавшись через Карпаты в Венгрию. При отходе из Карпат в 1915 г. Корнилов с горстью храбрецов-добровольцев прикрывал отступление русских частей. Был тяжело ранен и попал в плен. Австрийцы поместили его в крепости Нейгенбах. Зная натуру генерала, строго охраняли. Но Корнилов, едва оправившись от ран, начал симулировать болезнь, измождая себя голодом. И едва его поместили в тюремную больницу — бежал. Передвигаясь по ночам и ориентируясь по звездам, питаясь чем попало, порой выдавая себя за дезертира, про-

брался через фронт к своим. Его наградили Георгием 3-й степени и назначили командиром 25-го корпуса.

Когда в дни революции возникла опасность, что столичный гарнизон станет неуправляемым, появилась угроза всеобщей анархии и погромов, председатель Государственной Думы Родзянко, лично знакомый с Корниловым, 2.03 направил телеграмму именно ему — корпусному командиру, минуя вышестоящее начальство. Приглашая прибыть в Петроград «для спасения столицы от анархии». И Корнилов прибыл (правда, все-таки согласовав со Ставкой). 7.03 по предписанию Временного правительства как раз он произвел арест Николая II и императрицы.

Военный министр А. И. Гучков начал реформы в армии. В частности, высшие эшелоны командования очищались от бездарностей, державшихся благодаря протекциям и родственным связям при дворе. На смену выдвигались энергичные, талантливые полководцы, проявившие себя на деле. В их числе Корнилов, Деникин, Ханжин, Крымов, Марков. Корнилов стал командующим Петроградским округом. И впервые за свою карьеру не прижился. С одной стороны — разлагающиеся войска, не желающие подчиняться. С другой — правительство, как огня боящееся крутых, «контрреволюционных» мер. Предпочитающее уступку за уступкой, соглашательство с Советами. И после попыток навести порядок, после разгона выступления большевиков в конце апреля Корнилову «намекнули». Да он и сам не держался за пост, высокий лишь по названию, за столичную стихию беспорядков митингов и нечистой политики. Ушел на фронт командующим 8-й армией.

Приняв ее в плачевном, полуразваленном состоянии, сделал что мог. 18.06 началось наступление. После двухдневной мощной арт-подготовки 7-я, 8-я, 11-я армии Юго-Западного фронта двинулись вперед. Сначала довольно удачно. Врага опрокинули, взяли 30 тысяч пленных. Армия Корнилова заняла Галич и Калуш. Но порыв «революционных», забывших о дисциплине войск быстро выдохся. А 6.07, подтянув резервы, австро-германцы нанесли контрудар. И 11-я армия, бросив все имущество и вооружение, побежала, увлекая соседей. Отступающие части превратились в обезумевшие толпы. Катились по своей земле, сметая все на пути. Грабежи, убийства, мародерство. 7.07, в разгар катастрофы, Корнилова назначают командующим Юго-Западным фронтом. И он начинает говорить с правительством языком жестких требований. А зачастую и собственными приказами наводит порядок, лишь ставя в известность Керенского и Брусилова. И «демократы», напуганные случившимся, безоговорочно принимали ультиматумы Корнилова, а его приказы по фронту распространяли на всю армию. Так, с 12.07 на фронте была восстановлена смертная казнь. А Корнилов, заявив, что только ценой жизни немногих негодяев можно спасти тысячи невинных, взялся круто. Убийц и мародеров он приказал расстреливать, а трупы выставлять на перекрестках дорог с надписями. Он запретил митинги, требуя их разгона силой оружия.

Еще будучи командующим армией, он сформировал особые ударные отряды. Из офицеров, отстраненных комитетами и оставшихся

не у дел, из юнкеров, из солдат-добровольцев. Эти части помогли стабилизировать фронт. Нанесли удары по обнаглевшему врагу, наступающему беспрепятственно. Боролись с бандами дезертиров-наильников. Остановили бегущие полки. Добровольцы-корниловцы — это были первые зародыши будущих добровольческих армий... А Корнилову действия по ликвидации катастрофы создали новую славу. Общественность заговорила о нем как о возможном спасителе страны... И. А. Бунин писал: «Как распоясалась деревня прошлым летом, как жутко было там жить! И вдруг слух: Корнилов ввел смертную казнь — и почти весь июль было тише воды, ниже травы. А в мае, в июне по улице было страшно пройти, каждую ночь то там, то здесь красное зарево пожара на черном горизонте».

Когда наступление на Западном и Северном фронтах провалилось еще более позорно, чем на Юго-Западном, Верховный Главнокомандующий Брусилов был снят. 18.07 на эту должность назначили Корнилова. Первый главковерх времен революции, Алексеев, пытался сохранить армию лояльной, вне политики. Этого ему не удалось. Политика сама хлынула в армию, разрушая ее. Вторым главковерх, Брусилов, верил в «революционные» начала армии. Шел на поводу у комитетов и кланялся солдатам на митингах. Это лишь усугубило развал до катастрофического масштаба. Третьим главковерх, Корнилов, сделал вывод, что спасти армию в отрыве от всего общества бесполезно. И решил воздействовать на государственную политику активно. Спасая и армию, и Россию...

Уже вступая в должность, он ультимативно заявил правительству, что может принять пост лишь при условиях ответственности перед своей совестью и всем народом; полного невмешательства в его оперативные распоряжения и распространения мер строгой дисциплины на тыловые части. Управляющим военным министерством был назначен другой жесткий и волевой человек — Б. В. Савинков. Террорист, социалист по убеждениям, романтик борьбы и диктатор по натуре. С Корниловым он познакомился на Юго-Западном фронте в должности комиссара Временного правительства, всецело поддерживал его и помогал проводить в жизнь меры по ликвидации катастрофы. Нет, простотой и искренностью Лавра Георгиевича он не обладал. Савинков был политиком — хитрым, гибким, опытным. Но он был патриотом, человеком действия, и трезво видел, что средства для спасения России требуются решительные.

А обстановка снова начала ухудшаться. Армия, отрезвленная было июльским позором, опять замитинговала. То там, то здесь прокатывались волны беспорядков. Контрразведка докладывала неопровержимые данные, что в последних числах августа ожидается новый путч большевиков, совмещенный со всеобщей забастовкой транспортников.

К тому же министр-председатель Керенский, едва отойдя от июльского шока, снова шатнулся влево, к Советам и «социализму». Беспринципные политики левых партий были ему ближе и роднее, чем деловое офицерье. И — сама Власть! Ореол кумира! Можно ли будет их сохранить без тех же Советов, без митинговщины? Либо Керенский действовал чисто интуитивно из солидарности с коллегами по

партии, да еще и будучи Товарищем председателя Петроградского Совдепа. Либо понимал, что с единственным талантом — демагога — в деловом, нормальном правительстве он окажется не у дел. Он боялся и персонально Корнилова, боялся своего помощника Савинкова — чуть ли не больше, чем Ленина и Троцкого. Тем не менее под влиянием общественности, кадетской части правительства Керенский до поры вынужден был лавировать, маскировать свои колебания.

А к Корнилову шли письма и петиции. Приезжали делегации, изливающие обиды. И казаки, и помещики, и общественные деятели, и офицеры, изгнанные из частей, и члены семей офицеров, убитых солдатней. Россия взывала к Корнилову, и он начал действовать. Нет, не против правительства. А в поддержку правительства, в согласии с ним. Он подготовил для Временного правительства докладную записку, в которой изложил реальный план спасения России: 1) распространение на тыловые районы военно-революционных судов; 2) ответственность перед законом Советов и комитетов за свои действия; 3) восстановление дисциплинарной власти начальников и реорганизация армии.

Уже 3.08, приехав для доклада в Петроград, Корнилов был шокирован. Его конфиденциально предупредили, что на заседании правительства нельзя... докладывать военные вопросы! Все тут же станет известно противнику «в товарищеском порядке». И намекнули на министра земледелия эсера Чернова. В самом правительстве уже были шпионы, и мало того — правительство знало об этом! А записку Корнилова Керенский принял, но на рассмотрение кабинета не вынес. Зато на следующий день цитаты из этой записки появились в социалистической печати. Началась бешеная травля «контрреволюционного» генерала. Советы потребовали его отставки и даже ареста.

Тем не менее конкретная и близкая угроза большевистского переворота требовала действий. При посредничестве Савинкова и Филоненко (комиссара при Ставке) был выработан и согласован с правительством план создания надежной Петроградской армии. Для этого предполагалось подтянуть к столице 3-й конный корпус, 7-ю Туземную (Дикую) дивизию, тоже развернув ее в корпус, Корниловский ударный полк и другие части. И при очередном выступлении большевиков разгромить их. Если же путч поддержат Советы — разогнать их за компанию. Однако и этот план, несмотря на все устные соглашения, Керенский тоже долго мурыжил и претворять в жизнь отнюдь не спешил. 10.08 Корнилов был снова вызван в Петроград. Верные текинцы личного конвоя отказались пустить его в столицу одного. Вызвав переполох, эскадрон туркмен прибыл в Петроград и во время визита Корнилова в Зимний Дворец выставил у крыльца два пулемета. Снова ходили вокруг да около, снова генерала запутывали в политических дебрях, и снова визит кончился безрезультатно.

Наконец, 11.08 Савинков и кадетское крыло правительства пригрозили отставкой. Керенский вынужден был вынести записку Корнилова на очередное заседание. Ее заслушали, но решение было отложено до Московского Государственного совещания. От этого совещания с представителями различных слоев населения, общественности, партий и промышленных кругов ждали многого. Туда тоже

приезжал Корнилов. Москва встретила его восторженно, забрасывали цветами. Представители от Думы и кадетской партии обещали поддержку его начинаниям. А Керенский... попытался лишиться слова. Но к каким-то реальным результатам совещание не привело. Вылилось в пустую говорильню. Каждый высказывал свое, и никто не хотел воспринимать противного...

После провала этой попытки прийти хоть к какому-нибудь соглашению обозначился единственный реальный выход — диктатура. Кстати, к собственной единоличной диктатуре Корнилов отнюдь не стремился. Политика была противна ему, как и большинству офицеров. И личная диктатура допускалась как крайность, если ничего другого не получится. Все еще предполагая, что разум во Временном правительстве победит, Корнилов высказывался за коллективную диктатуру правительства. Согласно его предположительному списку, в новый кабинет следовало пригласить Керенского, Савинкова, Плеханова, Аргунова, Филоненко, ген. Алексеева, адм. Колчака, кн. Львова и др. Не будучи ни монархистом, ни кадетом, ни социалистом, а лишь русским патриотом, он считал, что новый кабинет правительства должен «осуществлять строго демократическую программу, укрепляя народные свободы, и поставить во главу угла решение земельного вопроса». И твердой рукой довести страну до общенародного волеизъявления — Учредительного Собрания. Династию Романовых он считал дискредитировавшей себя. Если же Учредительное Собрание сочтет нужным восстановить ее, он отвечал: «Подчинюсь и... уйду».

20 августа в результате небольшой, частной операции германских войск пала Рига. Разложившаяся 12-я армия бежала без боя. Бежала, далеко оторвавшись от противника, не думающего ее преследовать. Когда выяснилось, что немцы дальше не идут, армия вынуждена была возвращаться! И лишь тогда правительство наконец-то приняло постановление о военном положении в Петрограде. Но его введение в действие откладывалось до 29.08 — до подхода к столице конного корпуса. Из опасения стихийного взрыва в бардаке партий, Советов, анархического гарнизона и разболтавшихся рабочих окраин. Причем и правительство было согласно, что «если на почве предстоящих событий, кроме большевиков, выступят и члены Совета, то придется действовать и против них». К этому времени были подготовлены и законопроекты по докладной записке Корнилова — о мобилизации в нуждах фронта промышленности и транспорта, введении смертной казни, укреплении армии. Но Керенский пока не подписывал их. Считалось — из тех же соображений. Чтобы возможная реакция на них не встретила правительство безоружным.

Войсковые эшелоны начали движение к столице. Вроде бы все шло к благополучной развязке. Если и не бескровной, то малой кровью. Ведь серьезно вступать в бой «за Советы» никакие тыловые бездельники не собирались. Корнилов мог бы стать новым Пожарским. Но дело в том, что другой «спаситель» — политик Керенский — примерял себе другую историческую роль — Бонапарта. И Пожарский в его сценарий никак не вписывался...

6. ГЕНЕРАЛ КРЫМОВ

Кавалергарда век недолог...

Б. Окуджава

Командующим новой, Петроградской армией стал Александр Михайлович Крымов, весьма яркая личность и, наверное, один из последних представителей лихой гусарской романтики Дениса Давыдова и декабристов. Блестящий кавалерист, талантливый командир и отчаянный рубака. «Третья шашка» России. (Первой считали графа Келлера, второй — ген. Каледина). Крымов, кстати, был одним из тех, кто ради спасения России готовил заговор против Николая II. В число заговорщиков входили депутаты Думы, офицерство, даже члены императорской фамилии. Предполагалось последнее обращение к царю одного из великих князей. Если не поможет — вооруженной силой остановить императорский поезд по пути из Ставки и заставить отречься, вплоть до физического устранения при несогласии. И поставить на трон наследника Алексея при регентстве Михаила Александровича. Переворот планировался на начало марта. Судьба решила иначе...

14.03.17 Гучков вызвал Крымова, командовавшего Уссурийской казачьей дивизией, в столицу, предлагая ему ряд высоких должностей. Но, осмотревшись, генерал отказался. Сказал, что у правительства, которым вертят Совдепы и разнузданная солдатня, ничего не выйдет. И предложил, в свою очередь, за два дня очистить Петроград от всякого сброда одной своей дивизией. Временное правительство в ужасе отклонило такую помощь, и Крымов вернулся на фронт. После того как «шашка номер один», монархист Келлер, отказался присягать революции, Крымов принял у него 3-й конный корпус, считавшийся одним из лучших кавалерийских соединений.

Скептически настроенный, при усиливающемся развале он сначала рассчитывал только на собственные силы. Предполагая в скором будущем падение фронта и захват власти большевиками, он планировал опереться на преданный ему корпус. Крымов, готовя будущую базу, связался с Киевом — полками гвардейской кавалерии, училищами. И собирался в случае катастрофы форсированным маршем двинуться к Киеву, занять его и бросить оттуда клич на всю Россию, собирая офицерство и уцелевшие патриотические силы. Но когда главноверхом стал Корнилов, Крымов связал все надежды с ним и отдал ему себя без остатка. 12.08 по согласованию с Временным правительством его корпус был двинут к Петрограду, а Крымов был вызван в Ставку и назначен командовать всей формируемой армией. Командиром его корпуса стал генерал П. Н. Краснов.

24.08 в Ставку приехал Савинков и, казалось, уточнил все детали, согласованные с Керенским. 26.08 Крымов выехал к войскам, имея задачу в случае выступления большевиков немедленно двинуться на Петроград, разоружить гарнизон и население. Если большевиков поддержат Советы — разогнать и Советы, после чего вывести на материк и разоружить гарнизон Кронштадта. Уезжал он с тяжелым сердцем и дурными предчувствиями. Он не верил, что все пройдет гладко, и не

ошибся. В последнюю минуту министр-председатель предал. Порвать с «социализмом» он так и не решился и внезапно шатнулся влево, к товарищам по партии.

Предшествовала этому провокация. Бывший член правительства В. Львов, человек честный, но легкомысленный, большой путаник, воспылил желанием уладить трения между Керенским и Корниловым. Побеседовал с министром-председателем и от его имени помчался в Ставку. Корнилов принял его, побеседовал о государственных реформах, о необходимости диктатуры (причем обсуждалась коллективная диктатура в форме Совета народной обороны). Говорилось об участии Керенского в новом правительстве. В связи с опасностью событий в Петрограде Корнилов пригласил членов правительства в Ставку, ручаясь за их неприкосновенность (между прочим, как потом выяснилось, он даже комнату Керенскому приготовил рядом с собственной спальней).

26.08 Львов вернулся к Керенскому. А тот уже ждал его с детективным сценарием! Посадив за занавеску свидетеля, потребовал у Львова изложить все письменно... и арестовал как посланца изменника-генерала. Затем, опять при свидетелях, он от имени Львова связался по телеграфу с Корниловым. И попросил подтвердить сказанное при встрече (не называя что именно). Корнилов подтвердил. И тогда Керенский завопил на всю столицу о раскрытии им, спасителем революции, «заговора генералов». Состоялось бурное заседание правительства, закончившееся ничем. Керенский хлопал дверью и кричал, что, раз министры его не поддерживают, он уходит к Советам. А 27.08, уже наплевав на правительство, он самочинно присвоил себе «диктаторские полномочия» и единолично отстранил Корнилова, приказав вступить в должность ген. Лукомскому. Тот отказался. Предложил ген. Клембовскому — и он отказался. А Корнилов, заявив, что «правительство снова попало под влияние безответственных организаций», не подчинился приказу. Впрочем, юридически министр-председатель даже не имел права единолично снимать Верховного Главнокомандующего.

28.08 Керенский потребовал отмены движения войск к Петрограду. Корнилов отказался, выступил с резким воззванием к народу, а приказ Крымову дополнил требованием при необходимости оказывать давление на правительство. Петроград был в панике. Керенский объявил Верховным Главнокомандующим самого себя и собирался то обороняться, то бежать. Советы тоже серьезно думали о бегстве. Савинков, назначенный генерал-губернатором, пытался сформировать оборону из ни на что не годного гарнизона, не желающего сражаться. Корнилов и его сподвижники были объявлены мятежниками и изменниками... А большевики, своевременно отменив путч, под шумок получали у правительства оружие, вооружая Красную гвардию (которая в окопы так и не выступила).

И... ничего не произошло. Демарш Керенского оказался слишком неожиданным. Эшелоны с войсками растянулись на огромном пространстве от Пскова до Нарвы и Петрограда. Железнодорожники и станционные комитеты, узнав о «мятеже», загоняли их в тупики, отцепляли паровозы, разбирали пути. Движение прекратилось. Сотни

и полки были оторваны друг от друга, лишены управления. К тому же казаки и горцы были сбиты с толку. Ведь они-то ехали защищать Временное правительство а сейчас то же правительство клеймит их изменниками! И тотчас остановившиеся эшелоны были атакованы агитаторами и делегациями всех мастей...

Только бригада князя Гагарина, Черкесский и Ингушский полки, на подступах к столице вступила в перестрелку с «советскими» войсками. Причем петроградские запасные батальоны грудью стоять не собирались. При движении горцев разбегались без боя. Но идти дальше всего двумя слабыми полками Гагарин не решился: только столичный гарнизон превышал 200 тыс. чел.

Войска, застрявшие в эшелонах, пошли бы за любимыми командирами — но и их не оказалось. Крымов ждал их в Луге. Краснов отбыл в корпус лишь 28.08 и в Пскове был арестован. А Корнилов находился в Могилеве, располагая Корниловским и Текинским полками в 3 тысячи человек. Он еще имел шанс на успех — возглавить поход самому и увлечь войска. Но это значило бы бросить Ставку на разгром Советам, уже формирующим карательные отряды. Погубить все управление фронтами. Сделать этого Корнилов не мог.

Генерал М. В. Алексеев скрепя сердце «принял на себя позор», согласившись на должность начальника штаба у Керенского. Только чтобы спасти Корнилова и его сподвижников. От самосуда. И от «военно-революционного» суда, на котором настаивал Керенский, чтобы побыстрее похоронить концы в воду. 1.09 Алексеев принял дела у Корнилова (а до этого Временное правительство предложило «изменнику» продолжать оперативное управление войсками! И войскам предписало выполнять его приказания!). Корнилов, Романовский, Лукомский и ряд офицеров были взяты под следствие и заключены в г. Быхове в здании монастыря. Алексеев тут же вышел в отставку.

28.08 был арестован и главнокомандующий Юго-Западным фронтом А. И. Деникин — за то, что выразил солидарность с Корниловым резкой телеграммой правительству. С ним арестовали генералов Маркова, Эрдели и других. Арестованные несколько дней подвергались глумлениям, чудом остались живы. Солдатня сутками висела на решетках их камер, поливая бранью. Вокруг тюрьмы бушевали распоясавшиеся толпы. Несколько раз возникала опасность самосуда. Генералы, арестованные в Ставке, избежали таких издевательств — охрану Корнилова никому не уступил верный Текинский полк.

А Крымов остался в Луге без войск. 31.08 Керенский обманом вызвал его в Петроград. Якобы чтобы потушить конфликт, закончить его миром и согласием... Какой разговор состоялся между ними — не знает никто. По свидетельствам очевидцев, из-за дверей кабинета доносился гневный голос Крымова, обличавший министра-председателя. Выйдя от Керенского, он выстрелил себе в сердце. Но не суждено было генералу погибнуть смертью самоубийцы. Его добили в Николаевском госпитале. Добили «революционеры» — фельдшера, санитары и прислуга, поливая бранью и срывая повязки. Впрочем, ходили упорные слухи и о том, что выстрел в Крымова произвел кто-то из порученцев министра-председателя — в ответ на пощечину

Александру Федоровичу. Керенский разрешил вдове похоронить его только ночью в присутствии не более девяти человек, включая духовенство. «Крест деревянный иль чугунный...»

А 2.09, после смерти Крымова и ареста Корнилова, новый Верховный Главнокомандующий, военный министр, министр-председатель Керенский, спаситель революции, отдал приказ 3-му конному корпусу возобновить движение в район Петрограда.

7. НАКАНУНЕ ПЕРЕВОРОТА

Я смело утверждаю, что никто не принес столько вреда России, как А. Ф. Керенский.

Н. В. Родзянко. 1922 г.

В дни корниловского «мятежа» Керенский, опираясь на Советы, распустил третий кабинет Временного правительства, отказывавший ему в «диктаторских полномочиях» и предлагавший мирное разрешение конфликта с главковерхом. В сентябре он сформировал новый кабинет, уже социалистический. Но, став властью, эсеры и меньшевики сели на сук, который сами же подрубили. До сих пор «углублявшие революцию», все «разрешавшие» постановлениями Советов, теперь они оказались вынуждены запрещать, сдерживать и ограничивать. И мгновенно потеряли опору в массах, которые сами же развратили и приучили кричать «долой!». Мало того, с «полевением» правительства мгновенно «полевели» Советы. Если их умеренные лидеры теперь выступали в поддержку властей, то вся негативная, разрушающая, то есть основная, энергия Советов досталась ультраевым группировкам. В июне представительство большевиков в центральных советских органах составляло 13%. А в сентябре они захватили в Петроградском совете большинство.

В самих партиях эсеров и меньшевиков начался раскол. Играя на тех же негативных программах «углубления революции», тотального критиканства, на арену выходили новые лидеры. От социал-демократов отделились меньшевики-интернационалисты Мартова, а от эсеров — мощное левое крыло во главе с М. Спиридоновой. Те и другие по своим лозунгам и программным установкам примыкали к большевикам. Последние месяцы существования российской демократии утонули в потоках говорильни. Вслед за бестолковым Московским Государственным совещанием в сентябре было созвано Демократическое совещание. По замыслу инициаторов из ЦИК, оно должно было создать «единый демократический фронт» и образовать «революционный парламент». Не тут-то было! Снова высказывали каждый свое, выливали друг на друга взаимные обвинения и претензии. Формулу о необходимости коалиции приняли «за основу» 766 голосами против 688. «В целом» резолюцию о необходимости коалиции отвергли 813 голосами против 183.

Из состава совещания был избран «предпарламент» как совещательный орган всех российских партий до созыва Учредительного

Собрания. Позднее переименованный во Временный совет Российской республики, он захлебывался речами, истекал словесным поносом, ломал копья из-за мелочных формулировок и утопал во взаимной грызне вплоть до самого большевистского переворота.

Если первый кабинет Временного правительства старался не предрешать главных вопросов государственного устройства, являющихся прерогативой Учредительного Собрания, то четвертый кабинет наплевал на это. Он уже шел на уступки во всем, полностью потакал Советам, но даже с этим никто не считался. 4.09 были выпущены на свободу июльские «гэкачеписты»-большевики, и Троцкий стал председателем Петроградского совдепа вместо «умеренного» Чхеидзе.

Керенским была «приостановлена», а 16.10 вообще отменена смертная казнь на фронте. Одновременно были приняты законы о земле и мире. Первым из них Временное правительство до Учредительного Собрания отдавало всю землю крестьянам (а они ее давным-давно сами захватили и поделили). Вторым законом правительство начинало «энергичную мирную политику». Декларацией от 25.10 предусматривалось послать на союзническую конференцию в Париже М. Скобелева, везшего от ЦИК наказ с условиями мира. Мир без аннексий и контрибуций. Отмена тайной дипломатии. Гласность в вопросах о целях войны. Постепенное разоружение на суше и на море. Самоопределение Польши, Литвы, Латвии. Восстановление прежних границ с плебисцитом в спорных областях. И т. д. (Как нетрудно увидеть, ленинский «Декрет о мире» стал лишь выкопировкой с этой программы).

Но, несмотря ни на какие уступки, ни на какое соглашательство, с правительством не считались. Оно уже не имело никакой опоры. Ни справа, после подавления Керенским выступления Корнилова, гонений на офицерство и предательства либеральных партий, которые были для него слишком «контрреволюционными». Ни слева. Оттуда рвались к власти новые лидеры. Троцкий 25.10 откровенно заявил от имени Петросовета: «Правительству буржуазного всевластия и контрреволюционного насилия мы, рабочие и гарнизон Петрограда, не окажем никакой поддержки. Весть о новой власти встретит со стороны всей революционной демократии один ответ — долой!»

А в стране творился хаос. Погромы, беспорядки, самосуды, преступность. Появилась угроза настоящего голода. Например, в транспортах с хлебом, идущих в Петроград, из 200 тыс. пудов были разграблены по пути 100 тыс. Прифронтовая полоса вообще стала адом. Разложившиеся воинские части громили крестьянские хозяйства, отбирали скот и зерно, разбивали спиртзаводы, пьянствовали и бесчинствовали.

Окраины продолжали самоопределяться. Вслед за Северным Кавказом анархия и междоусобицы охватили Туркестан. Финляндия знать не желала Россию. Украинская Центральная Рада заявила о суверенитете, начала организацию вооруженных формирований. И Временное правительство потакало ей, объявило о создании национальных частей. В первую очередь — украинских, на базе 34-го корпуса ген. Скоропадского. И корпус стал получать прямые указания из Киева от Генеральского военного секретаря Петлюры!

В разгар общего развала начали входить во вкус забастовок железнодорожники. Советы явочным порядком повели кампанию «социализации» предприятий. Инженеры и мастера подвергались таким же гонениям, как офицеры на фронте, уходили. Продукция и инструменты разворовывались. В результате к октябрю закрылись до тысячи заводов и фабрик. Сотни тысяч безработных... Они стали готовым пополнением для большевистской Красной гвардии.

С дней корниловского выступления, кроме прежних Советов и комитетов, расплодились всевозможные «ревкомы», «комитеты охраны революции», которые сейчас мы объединили бы под названием «незаконных вооруженных формирований». 4.09 правительство попробовало распустить их, объявив, что «самочинных действий в дальнейшем допускаемо быть не должно». Но в этот же день Исполком Советов издал резолюцию, чтобы эти органы «работали с прежней энергией».

Армия фактически уже не существовала. Очередной крупной чисткой после «корниловщины» были уволены с постов военачальники и офицеры «контрреволюционные», т. е. пытавшиеся поддерживать хоть какой-то порядок. Других офицеров сами солдаты отстраняли или убивали как «корниловцев». Оставались в строю лишь те, кто шел на поводу у комитетов. И сами комитеты переизбирались. Сначала в них еще хватало «оборонцев»: наступать не пойдем, но страну защитим, а к октябрю в комитеты избирались вожаки самой махровой анархии. Дезертировали уже толпами. «Лучшие» — по домам, к земле. Худшие превращались в шайки грабителей. Подобным шайкам ничего не стоило получить легальный статус, окопавшись в подчинении любого местного Совета.

После Алексеева, Брусилова, Корнилова Ставку возглавил ген. Духонин. Старый честный служака, он уже ничего самостоятельно не предпринимал. Довольствовался ролью «технического советника», получая распоряжения из Петрограда и передавая их в войска. Ставка начала работать вхолостую.

29. 09 Германия главными силами флота и десантной дивизией нанесла удар по Моонзундским островам. Как и взятие Риги, это тоже была частная операция. Германия всячески удерживала своих самых горячих генералов от наступления на Петроград! Запрещала его брать! Ведь это могло всколыхнуть Россию, вызвать волну патриотического подъема, а немцам сепаратный мир был куда нужнее громких побед. Своими частными ударами они лишь подталкивали Россию к такому миру... В Моонзундских боях сопротивление оказали очень немногие. За неделю архипелаг был захвачен, взяты 20 тыс. пленных, более 100 орудий. Команды первоклассных линкоров и крейсеров в Гельсингфорсе так и не вышли в море. Промитинговали, рассыпая героические радиogramмы, когда в нескольких часах хода погибали в подавляющем меньшинстве их «братишки» — экипажи нескольких миноносцев и двух устаревших, слабых броненосцев, менее зараженные большевизмом. Немцы высадились в Эстонии. Военный министр Верховский и морской министр Вердеревский что-то лепетали армии и флоту о «новой демократической дисциплине». Большевики за это осмеяли их и подвергли яростным нападкам в печати.

Правительство будто зависло в вакууме и держалось только по инерции. И еще потому, что большевики пока что не спешили. В новых условиях они готовились капитально, чтобы взять верх наверняка. Новый их план был, в сущности, простым. «Будить» и агитировать всю Россию с тогдашними их силенками ста лет не хватило бы. Да и поддержала бы она? Но зачем — всю? Они учли специфические свойства российской психологии: кто на трон залез, тот и власть. А с власти в России спросу нет. Разве не так было во все века при дворцовых переворотах? Значит, требовалось лишь захватить самую верхушку, а уже потом с помощью рычагов власти строить «сверху» социализм по ленинским проектам. Опыт прошлых неудач они хорошо учли и подготовиться старались почетаще. Но, с другой стороны, осень 17-го была их последним шансом. Им уже действительно «приспичило». Во-первых, в декабре намечался созыв Учредительного Собрания. Изначально выборы в этот орган предполагались по окончании войны, но поскольку ей конца-краю так и не было видно, а развал государства все углублялся, было решено ускорить созыв. Выиграть в честной демократической борьбе у большевиков не было ни малейших шансов. Оставалось взять власть до Учредительного Собрания.

Во-вторых, разложение армии, начатое демократами и продолженное большевиками, шло так стремительно, что напугало их самих. Она грозила превратиться в неуправляемую силу, не способную воспринять даже большевистские лозунги, и вместо поддержки переворота стать аполитичным вооруженным стадом, опасным для самих большевиков.

В-третьих, правительство взывало к союзникам о неспособности России вести войну, конференция по этому вопросу должна была начаться в Париже в августе, потом была перенесена на 28 октября (из-за падения Временного правительства так и не состоялась). Итак — еще немного, и надежды на мир могли начать связываться уже не с большевиками.

В-четвертых, на 30.11 был назначен Съезд советов крестьянских депутатов. ЦК левых эсеров, видя обострение обстановки, потребовал ускорить его созыв. Дату съезда перенесли на 5 ноября. В частности, там планировалось обсудить эсеровскую аграрную программу, разработанную на основе опросов в деревнях, «Крестьянского наказа о земле» и их анализа. Итак — еще немного, и разрешение аграрного вопроса тоже связалось бы не с большевиками.

Идеологическая обработка населения шла по нескольким направлениям. С конца августа большевики взяли на вооружение жупел — «корниловщина», которым не уставали размахивать, пугая народ. И лепили ярлык «корниловцев» всем, кто пробовал противодействовать их акциям. Второй демагогический лозунг, на котором они спекулировали в эти месяцы — Учредительное Собрание, которое якобы нужно защитить от врагов. А кто враги? Конечно, правительство. Ленин писал: «Советы должны быть револьвером, приставленным к виску правительства с требованием созыва Учредительного Собрания. При власти в руках Советов Учредительное Собрание обеспечено и успех его обеспечен» (вспоминая последующие события, так и хочется сказать: «Ну-ну...»). По уставу Советов рабочих и сол-

датских депутатов в сентябре должен был состояться очередной, Второй съезд. ЦИК, в основном эсеров-меньшевистский, решил не созывать его, мотивируя тем, что скоро состоится Учредительное Собрание, поэтому съезд не нужен. Но большевики самочинно от имени Петроградского совдепа начали рассылать телеграммы местным совдепам, назначив открытие на 20.10. Сначала ЦИК пытался противодействовать, но, видя, что сорвать «незаконный» съезд не получится, тоже начал слать телеграммы о выборах делегатов.

Ряд обстоятельств сыграл большевикам на руку. После поражения в Моонзундском сражении и высадки немцев в Эстонии Временное правительство начало составлять план эвакуации столицы. Большевики на это ответили грандиозной пропагандистской кампанией: «Правительство покидает столицу, чтобы ослабить революцию!», «Ригу продали, теперь продают Петроград!», «Хотят задушить революцию штыками германского империализма!». Цель? С одной стороны — вызвать новую волну ненависти. С другой — а вдруг правительство и впрямь уедет от Совета, вцепившегося ему в глотку? Убежит из-под носа из разложившегося Петрограда, где все готово к перевороту, в Москву? Что ж там — все сначала начинать?

Из-за той же военной катастрофы правительство попробовало отправить на фронт, приблизившийся к столице, части Петроградского гарнизона. Уже 8 месяцев в условиях войны 200 тыс. солдат да 25 тыс. матросов безбедно околачивались в городе! Митинговали, гуляли, подрабатывали продажей семечек и кремней для зажигалок, спекулировали самогоном, мануфактурой и оружием. В ответ на «контрреволюционный» приказ 17.10 Петроградский гарнизон заявил, что «выходит из подчинения Временному правительству». И никто, в отличие от истории с Корниловым, не назвал это изменой или мятежом!

10 октября на закрытом заседании ЦК большевики приняли решение о вооруженном восстании. Обвинение в предательстве Каменева и Зиновьева, голосовавших против, а потом опубликовавших свое мнение, — чистейшая туфта, сведение личных счетов. Потому что особого секрета из своих планов большевики не делали. 16-го под председательством Троцкого был организован военно-революционный комитет (ВРК) в составе Лазимира, Антонова-Овсеенко, Подвойского, Садовского, Сухарькова. А с 17-го рабочие по ордерам ВРК начали получать оружие с казенных складов. Сам Троцкий то открыто заявлял в Совете: «Нам говорят, что мы готовимся захватить власть. В этом вопросе мы не делаем тайны. Власть должна быть взята не путем заговора, а путем дружной демонстрации сил». То отказывался от своих слов: «Петроградский Совет не назначал никаких выступлений. Утверждение буржуазных газет — контрреволюционная попытка дискредитировать и сорвать съезд Советов». Уже с 19.10 газета «Рабочий путь» начала печатать «Письмо к товарищам» Ленина, где он прямо призывал к восстанию. ВРК вел переговоры с полковыми комитетами и поочередно уговаривал их выступить на своей стороне.

Любое правительство, будь оно мало-мальски дееспособным, имело бы массу времени для организации отпора и самозащиты. Любое, кроме слабенького, захлебнувшегося словесами последнего кабинета

Временного правительства. Керенский все еще во что-то верил, в разговоре со Ставкой он передавал Духонину: «Мой приезд задержан отнюдь не опасением каких-либо волнений, так как все организовано». «Сейчас в Петербургском гарнизоне идет усиленная попытка военно-революционного комитета совершенно оторвать полки от командования. Сегодня они разослали явочных комиссаров... думаю, что мы с этим легко справимся...»

Уже 24 октября, когда большевики начали воплощать свои планы в жизнь, Керенский на заседании Совета республики заявил, что всегда стремился, «чтобы новый режим был совершенно свободен от упрека в неоправданных крайней необходимостью репрессиях и жестокостях», что «до сих пор большевикам предоставлялся срок для того, чтобы они могли отказаться от своей ошибки». Но поскольку, мол, уже необходимы решительные меры, Керенский... испрашивал поддержку и одобрение «парламента» на их принятие! И пошли дебаты!.. Поддержку? Ни шута! За день до своего разгона этот парламент, Совет Российской республики, 122 голосами против 102 при 26 воздержавшихся выразил осуждение деятельности правительства, потребовал решения ряда частных вопросов, а «ликвидацию конфликта с большевиками» возложил на «комитет общественного спасения», который должны были создать городская Дума и представители левых партий.

Демократия в игрушки играла. А большевики действовали. Когда стало ясно, что кворум съезда Советов к 20.10 не соберется, открытие перенесли на 25-е. 21 октября на совещании ЦК был уточнен срок переворота. Из каких соображений? Почему «сегодня — рано, послезавтра — поздно»? Ленин обосновал это так: «24 октября будет слишком рано действовать — для восстания нужна всероссийская основа, а 24-го не все еще делегаты на съезд приедут. С другой стороны, 26 октября будет слишком поздно действовать: к этому времени съезд организуется. Мы должны действовать 25 октября — в день открытия съезда, так, чтобы сказать ему — вот власть...»

Итак, заговорщикам нужен был представительный, авторитетный орган, чтобы «узаконить» переворот. Но орган, не принимающий собственных решений, а лишь фиксирующий уже предложенное вождями. Послушно поднимающий руки «за». Первый опыт, ставший доброй традицией коммунизма...

8. ОКТЯБРЬ

На II съезд Советов рабочих и солдатских депутатов прибывали делегаты. Многих мандатная комиссия ЦИК отводила как избранных незаконно — от никому не известных организаций и вообще черт знает откуда. Но представитель большевиков Карахан просил этих делегатов никуда не уезжать, загадочно поясняя: «Ничего, когда начнется съезд, вы все займете свои места».

24.10 столичные жители были огорошены воззванием «К населению Петрограда!»: «Корниловцы мобилизуют силы, чтобы раздавить Всероссийский съезд Советов и сорвать Учредительное Собрание!

Петроградский Совет берет на себя охрану революционного порядка. При первой попытке темных элементов вызвать на улицах смуту, грабежи, поножовщину или стрельбу преступники будут стерты с лица земли». Вслед за этим началось вооружение рабочих. Агитаторы пошли по частям гарнизона. Нападение совершилось под лозунгом защиты от нападения! Газета «Рабочий и солдат» вышла с истерическими обращениями: «Солдаты! Рабочие! Граждане! Враги народа ночью перешли в наступление. Штабные корниловцы пытаются стянуть из окрестностей юнкеров и ударные батальоны. Поход контрреволюционных заговорщиков направлен против Всероссийского съезда Советов накануне его открытия, против Учредительного Собрания, против народа...»

Город оказался дезориентированным. На улицах появились вооруженные солдаты. Никто не знал, кто они — за Советы? Или это обещанные «корниловцы»? Или «темные элементы»? Даже меньшевики с эсерами на провокацию большевиков отозвались так: «Мы осуждаем ваши действия, но если правительство нападет на вас, не станем бороться против пролетарского дела».

Вечером 24.10 красногвардейцы заняли все «буржуазные» типографии. Гранки газет рассыпались, началось печатание прокламаций. Слабая милиция очистить типографии не смогла, наткнувшись на вооруженное сопротивление. При этом начальник милиции Нейер был убит. А ночью начали занимать телеграф, телефонную станцию, банк, вокзалы. Арестовали нескольких министров. Организованные силы большевиков были невелики, но действовали по строгой системе и не встречали сопротивления. На каждый объект приходила группа от 10 до 50 человек. Иногда даже открыто сменяла прежние караулы: у большевиков оказались все гарнизонные пароли, действующие в эту ночь и своевременно выкраденные. А уже позже такие организованные группки стали обрастать анархической вольницей из солдат и матросов.

У правительства не только для нападения, даже для самозащиты сил не оказалось. Никого. Только в четыре утра 25-го Керенский начал рассылать из Генштаба приказы по казачьим частям и юнкерским училищам. Но и те колебались. Стоит подчеркнуть факт, «забытый» советской историей. Юнкера 17-го вовсе не были «дворянско-буржуйскими» отпрысками. Война, ненасытно пожирающая офицеров, а за ней революция смели последние ограничения по набору. Юнкерские училища и школы прапорщиков состояли в основном из вчерашних солдат, студентов, выпускников гимназий и реальных училищ. Последняя категория к октябрю только начала учебу. Далеко не все умели заряжать винтовки... И — «демократия»! Школы и училища собирали юнкерские комитеты, общие собрания, начинали голосовать: выступать — не выступать...

Только в ночь на 25-е Керенский уведомил Ставку о событиях в столице, приказал выслать войска — две казачьи дивизии, пехотную бригаду, два полка самокатчиков. Ставка отдала приказ Северному фронту. Не тут-то было. Фронтовой комитет был насквозь большевистский. До недавнего времени фронтом командовал большевик Бонч-Бруевич. А новый главнокомандующий В. А. Черемисов под

давлением комитетчиков тут же изменил правительству. Задержал до выяснения обстановки, а после успеха большевиков — вовсе отменил приказ о посылке войск. Когда Ставка, уверенная, что все идет как надо, приказы отданы и войска в пути, случайно узнала правду и потребовала от Черемисова объяснить его действия, он ответил телеграммой, что Ставка не в курсе дел, что Временного правительства больше нет, что в Петрограде уже другое правительство, Керенский уже не главковерх и что скоро Верховным Главнокомандующим будет назначен он, Черемисов. То есть купили генерала достаточно просто.

Утром 25-го Керенский приказал развести мосты. До 7 часов этого не делали. Потом нашелся офицер с пятью солдатами, прогнал большевиков от Николаевского моста, развел его. Но когда они ушли, мост снова навели «красные» матросы. Когда к Генштабу подтянулись несколько юнкерских подразделений, были сделаны попытки вернуть телефонную станцию и телеграф. Но после нескольких выстрелов юнкера, не имеющие ни гранат, ни пулеметов, а многие и боевых патронов, вынуждены были отойти.

Около девяти утра Керенский бездумно рванул на автомобиле на фронт. Воодушевлять войска и спасать революцию. С этого момента его безуспешно искали и Ставка, для получения указаний, и остатки правительства, ожидая подмоги. Большевики разогнали заседающий в Мариинском дворце Совет республики, «предпарламент», все еще обсуждающий, выразить ли поддержку правительству, во власти которого оставались лишь Зимний с Генштабом и штабом округа. В генерал-губернаторы и «диктаторы» остатки правительства определили сугубо мирного человека, доктора Н. А. Кишкина.

Большинство частей гарнизона митинговали, соблюдая до поры до времени «нейтралитет». Некоторые «нейтралы» за плату пускали в казармы под свою защиту офицеров гарнизона, опасавшихся избиения и убийств. Вся связь находилась у большевиков. Поэтому некоторые части, пытающиеся дозвониться в Генштаб, получали фальшивые указания: что выступление большевиков уже подавлено и помощь не требуется. Ближе к вечеру стали давать другой ответ — Временное правительство отказалось от власти, и защищать больше некого.

Ленинский план был претворен в жизнь. К открытию съезда правительство (которого все-таки опасались) было блокировано, а город оказался в руках большевиков. И во все концы страны уже с утра полетели телеграммы: «К гражданам России! Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета — Военно-революционного комитета».

При открытии съезда на объявление, что такие телеграммы рассылаются по городам и фронтам, многие делегаты возмутились, заявляя, что большевики предрешают волю съезда. Троцкий цинично ответил: «Воля съезда предрешена огромным фактом восстания петроградских рабочих и солдат». Итак, первым вопросом в истории Советской власти, заранее решенным и вынесенным лишь для формального принятия коллегиальным органом, был вопрос о самой Советской власти.

Около 17 часов началась осада Зимнего дворца, в 22 часа открыла огонь «Аврора». Мартов, делегат от меньшевиков-интернационалистов, воскликнул: «Гражданская война началась, товарищи!» Большинство делегаций осуждали большевиков. Говорилось: «Предательство, когда перед самым открытием съезда Советов вопрос о власти решается путем военного заговора». «Захват власти за три недели до открытия Учредительного Собрания — есть нож в спину революции». Все предложения мирного выхода и неотложных мер по недопущению гражданской войны были категорически отвергнуты большевиками. После этого почти все делегации, даже левые эсеры, в знак протеста покинули съезд. И он вообще перестал быть съездом, превратившись в частное заседание большевистской фракции. Кроме того, в зал набилась из коридоров Смольного посторонняя публика, околачивающаяся при Петросовете и ВРК — солдатня, красногвардейцы, служащие большевистского аппарата, вообще непонятный сброд. Вот этот «съезд» и избрал новое правительство, Совет народных комиссаров, состоящий из одних большевиков. (На следующий день часть второстепенных портфелей предложили левым эсерам, но те отказались). Так большевики победили. И обеспечили себе «народную» поддержку.

Если уж на то пошло, их избрание стало трижды «незаконным». Вспомним, что съезд, хоть и Всероссийский, был съездом только рабочих и солдатских депутатов. А рабочие и солдаты в крестьянской России составляли менее 15 процентов населения. Во-вторых, сами совдепы жили вразброд, каждый считал себя центром вселенной. Многие на телеграммы Петросовета и ЦИК о созыве съезда просто забили болт, многие не поехали или не доехали. Из 900 зарегистрированных в то время крупных совдепов на II съезде было представлено около 300. Никаким «кворумом» и не пахло. А в-третьих, после ухода большинства делегаций за Совнарком, за знаменитые ленинские «декреты» голосовала пришедшая, случайная публика.

События вокруг Зимнего разворачивались своим чередом. Разумеется, картина его штурма не имела ничего общего с героическими экранизациями в кино. За день сюда собрали несколько рот юнкеров из Ораниенбаума, Петергофа, Инженерной школы, 2 орудия Михайловского училища, пару сотен уральских казаков, роту женского ударного батальона, человек сорок безруких и безногих инвалидов-«георгиевцев», да несколько десятков гарнизонных офицеров. Вот и все. Никакого плана обороны не было. То и дело защитников перетасовывали из одних помещений в другие. Приказания были противоречивые, а порой глупые. Например, не поддаваться на провокации и ни в коем случае не открывать огня. Даже при штурме — только если нападающие будут стрелять первыми. Ни пулеметов, ни другой техники. Даже расположения помещений дворца, входов и выходов никто не знал.

Днем патрули юнкеров и большевистское оцепление стояли на расстоянии, не трогая друг друга. У главного входа дворца из запаса дров сложили баррикаду. В открытую, презирая опасность, прошел через красное оцепление генерал М. В. Алексеев. В Зимнем он выбрал руководство, призывающее офицеров на свою защиту и не

имеющее, чем их вооружить. Выбрал бестолковщину и бардак последнего оплота правительства и ушел, убедившись в крайней несерьезности «обороны».

К вечеру обстановка стала ухудшаться. Стягивались матросы, красногвардейцы. Поскольку в городе перевес большевиков определился, воинские части, заявлявшие о нейтралитете, теперь рьяно выступили за большевиков. К тому же Зимний дворец с огромными винными погребами и «царскими» богатствами представлял очень уж заманчивую цель. Плюс — наступила темнота, придающая храбрость...

Орудия Михайловского училища, получив непонятно чей приказ, были увезены — едва они выехали с Дворцовой площади, сопровождавших их юнкеров избили, а пушки, естественно, отобрали. С броневином подошел Литовский полк, начал бить и разоружать юнкерские патрули. Пришлось снять их и отойти во дворец. Обсудив отсутствие артиллерии, переговорив с осаждающими, ушли казаки. Остающимся казаки объяснили: мы, мол, думали, что здесь серьезно, а оказалось — дети, бабы да жида.

Подошел Павловский полк. Вынудил к сдаче юнкеров 2-й Ораниенбаумской школы и занял Генштаб. Прокатился слух, что там убивают генерала Алексеева. Загоревшись спасти его, женская рота и инвалиды пошли на вылазку. На площади по ним открыли огонь. Они понесли потери и вернулись. Около 19 часов из окон Генштаба начали обстрел Зимнего. Электростанция находилась в руках матросов, поэтому дворец был ярко освещен, в то время как нападающих скрывала темнота. В 22 часа заговорила «Аврора». И палила она не один раз. Стрельбу вела «пробойными» зарядами, предназначенными для срочной чистки стволов от снега и инея. Но иногда лупила шрапнелью. Во дворец было три попадания. Из-за близкого расстояния шрапнель не разлеталась, шрапнельные стаканы попадали во дворец неразорвавшимися.

Командиры осаждающих периодически делали попытки штурма. Таких «фальстартов» был не один. «По выстрелу «Авроры», «по трем винтовочным выстрелам». Открывали сильную пальбу из пулеметов и броневики, но защитники отвечали огнем, и осаждающие отступали за укрытия. То и дело бухала «Аврора», действуя на психику обороняющихся. Среди ночи саданула из трехдюймовок Петропавловка, днем державшая «нейтралитет». После 23 часов красногвардейцы и матросы начали просачиваться через окна со стороны Невы. Баррикаду, осыпаемую пулями со всех сторон, пришлось оставить. Дворец уже кишел агитаторами. Группа пьяных матросов бесцельно бегала по помещениям и взрывала гранаты. Юнкера в такой обстановке совсем пали духом. Со стороны Невского от них явились делегаты. «Пусть придут и выгонят нас». Ушли юнкера Петергофской школы, шаталась Ораниенбаумская.

Просачивавшихся в окна красногвардейцев разоружали, но когда их скопилось достаточно, они набросились и разоружили самих юнкеров. А когда обнаружилось, что за баррикадой уже никого нет, сплошной поток штурмующих во главе с Антоновым-Овсеенко и Чудновским беспрепятственно хлынул со стороны Дворцовой площади. Внутри дворца никакого сопротивления не было — при подав-

ляющем неравенстве сил оно было немыслимо. Временное правительство арестовали и отправили в Петропавловку. Юнкеров, взятых во дворце, жестоко избивали. Часть ударниц были изнасилованы. Солдатня восхищалась: «Ну и бабы! Одна полроты выдержала!» (Потом покончила с собой.) Кое-кого убивали по темноте да под горячую руку.

Несколько штурмующих утонули в вине во время вакханалии в дворцовых погребах. Многие упились до смерти. От разграбления Зимний дворец спасла вовсе не революционная дисциплина. Просто главные ценности распоясавшимся хамам были не нужны. Им бы чего попроще. Тащили вино из погребов, еду из буфетов. Рвали обивку мебели. Шелковую — на портянки, кожаную — на сапоги. Все лестницы дворца были заблеваны пьяными.

Петроград пал. В Москве прошло не так гладко. Четко организовать переворот даже всего в двух городах большевикам было еще не под силу. Более бестолковым был совдеп. Более энергичным командующий округом полковник Рябцев. Правда, гарнизон и тут объявил «нейтралитет», главной силой правительства стали опять училища, опять юнкера. В Москве у большевиков не было матросов. Вместо них ударной гвардией стали двинцы. Это были фронтовые преступники — дезертиры, грабители и мародеры, содержавшиеся в Двинской тюрьме. При угрозе германского наступления их вывезли в Москву. А накануне переворота под предлогом голодовки совдеп перевел их из тюрьмы в лазарет. Вооруженным нападением двинцев на юнкерские патрули, которое те отбили, началось московское кровопролитие.

Быстро и решительно взять верх большевики не могли. И контингент московского «пролетариата» был более умеренный. И свободного доступа к оружию они не получили. Оружие хранилось в кремлевском арсенале под охраной вполне большевистской пулеметной роты прапорщика Берзиня. Но подступы к Кремлю Рябцев занял юнкерами и оружия из древних стен не выпускал. Пулеметной роте был предложен ультиматум о сдаче. Сначала солдаты хорохорились, но после предупредительных выстрелов из миномета замитинговали и постановили сдаться. При сдаче кто-то из ожесточившихся юнкеров дал по солдатам две очереди из пулемета. Этот факт моментально стал известен и широко использовался большевиками для агитации в частях гарнизона и на рабочих окраинах.

Чиновный Петроград был надломлен еще с февраля постоянными потрясениями. Москва была городом более прочным — торговым, промышленным, обстоятельным. В Москве и родился термин «Белая гвардия». В противовес Красной, ее составили добровольцы из интеллигенции, студенты, гимназисты, офицеры, находившиеся в отпусках и на лечении, отставники. В руках белогвардейцев и юнкеров остались центральные кварталы. Большевики окружали их со стороны рабочих окраин. Постепенно они набирали силу, собирали оружие среди железнодорожных грузов, на подмосковных складах. В ремонтных мастерских нашлись огромные 152-миллиметровые французские осадные орудия. Их установили на Воробьевых горах, на нынешней смотровой площадке. Весь город — как на ладони. Круп-

нокалиберные снаряды полетели на выбор — по любому зданию, по Кремлю.

К осаждающим целыми эшелонами стали подходить подкрепления. Матросы из Петрограда. Красногвардейцы из Иваново-Вознесенска. Осажденным помощи ждать было неоткуда. Ни войск, ни казаков, ни Временного правительства, ни одного благоприятного известия из других городов. Когда однозначно удостоверились в победе большевиков в столице, когда в Москве тоже обозначился их перевес, одна за другой стали выступать на их стороне «нейтральные» части гарнизона. С полевой артиллерией и пулеметами.

У белой стороны артиллерии не было. Силы таяли, и кольцо постепенно сжималось. Некоторое время, судорожно цепляясь за слухи о подмоге, о казаках, еще дрались — за каждый дом, за каждый квартал. Наконец, после недели боев, осажденные в Кремле и расстреливаемые артиллерией, вступили в переговоры и сдались.

В провинциальных городках и селениях переворот прошел практически незаметно. Власть уездных и губернских комиссаров правительства была настолько слаба, что ее и раньше никто всерьез не принимал. Во многих местах еще несколько месяцев сохранялось двоевластие. Параллельно работали и совдепы, и городские Думы. Последние Думы разогнали только весной. Боевые действия развернулись лишь в тех городах, где были юнкерские училища. В Казани, Киеве, Смоленске, Омске, Иркутске. Сражались против большевиков и гибли мальчишки. Те, кто еще сохранил в чистоте свои души и идеалы. Причем даже неизвестно, за что погибали. За неумное Временное правительство? За неумелых и нечестных политиков? За Россию? Но как раз Россия, взбесившаяся и одуревшая от всеобщей анархии, везде давила этих мальчишек тупой, темной массой. И убивала, убивала, убивала...

9. ПОХОД НА ПИТЕР — КРАСНОВ И КЕРЕНСКИЙ

Не встречая вызванных войск, Керенский домчался до Пскова. И угодил в осиное гнездо. Штаб Северного фронта уже передался большевикам и кишел распоясавшейся солдатней. Но в Пскове министр-председатель случайно встретил генерала Краснова. Петр Николаевич Краснов, земляк Шолохова — родом из Вешенской, был служака прямой, убежденный монархист, вымуштрованный лейб-гвардией. Человеком был весьма интеллигентным и образованным, до революции успешно подвизался на поприще литературы, а в русско-японскую работал фронтовым корреспондентом. Но внешне любил показать эдакую свою «солдафонистость», казачий консерватизм. Словом, образ настоящего донского казакины, по-казачьи грубоватого и по-казачьи хитроватого. Звезд с неба не хватал, но командиром был неплохим, всегда заботился о подчиненных, поэтому казаки его любили и ценили.

Его корпус стоял в г. Острове. Да какой там корпус! Вместо отдельной Петроградской армии, замышлявшейся Корниловым, 3-й конный, красу и силу генерала Крымова, передали во фронтовое под-

чинение. И растащили как надежные части по сотням и полкам от Витебска до Ревеля. Для охраны штабов, затыкания дыр и ликвидации беспорядков. 25.10 Краснов получил приказ Ставки двигаться на Петроград, а затем приказ главнокомандующего фронтом — не двигаться. Поехал в Псков выяснять. Ни черта не выяснил, зато случайно встретил Керенского, и тот приказал — двигаться.

Наобещал, что в подчинение Краснова придаются еще три пехотные дивизии, одна кавалерийская, которые вот-вот подойдут. Мимоходом бросил порученцу указание, чтобы Краснову вернули его растасканные полки да сотни. Он еще играл в свои игрушки и верил, что его приказы кто-то станет выполнять. Керенский с Красновым поехали в Остров. Погрузили имеющихся казаков в эшелоны. Железнодорожники волынили, не зная, чья возьмет. Тогда есаул Коршунов, работавший когда-то помощником машиниста, сел с казаками на паровоз — и поехали. Торжественно, с помпой, Керенский назначил Краснова командующим армией, идущей на Петроград. Было в армии 700 казаков при 16 пушках против 200 тысяч солдат, матросов и красногвардейцев.

Шли спасать страну. А к Керенскому, вообразившему, что он ведет их в бой, как раз 3-й конный корпус относился отвратительно. Ведь он их недавно изменниками величал, любимого командира Крымова погубил. Поэтому, например, сотник Карташов на протянутую министерскую руку своей не подал. Презрительно пояснил: «Виноват, господин Верховный Главнокомандующий, я не могу подать вам руки. Я — корниловец».

27.10 высадились под Гатчиной. Город взяли без боя. Несколько большевистских рот разоружили и распустили на все стороны. Причем прибывшую из Петрограда команду в 400 чел. восемь казаков нахрапом заставили сдаться. Керенский тут же засел в гатчинском дворце, оброс адъютантами, порученцами и барышнями-поклонницами. Краснов произвел разведку, для чего просто позвонил по телефону жене в Царское Село. Узнал от нее обстановку в царскосельском гарнизоне и Петрограде.

Керенский до сих пор свято верил, что, узрев его, массы загорятся энтузиазмом и побегут за ним. Не тут-то было. Гатчинский гарнизон объявил нейтралитет. Поддержали только офицеры летной школы, отправили на Петроград два аэроплана разбрасывать воззвания. Из летчиков составили команду броневика, отбитого у красных. Подтянули пару казачьих сотен из Новгорода. Сообщили из Луги, что 1-й осадный «полк» в 88 человек поддержал правительство и грузится в эшелон. И все. Ни о каких корпусах, дивизиях даже слышно не было.

В ночь на 28-е 480 казаков пошли на Царское Село (с гарнизоном 16 000). Разоружили заслоны по дороге и наткнулись на первую линию обороны, открывшую огонь. Ударили из пушки — большевики держатся, пулеметами ошетинились. Лишь когда 30 казаков атаковали в обход — побежали. В Царском Селе выкатился толпой весь гарнизон, замитинговал. К ним поехали 9 казаков дивизионного комитета. Полдня митинговали вместе. Приехал Керенский, попытался речи произносить. Кое-кого уговорили разоружиться. Но большинство, почуяв слабость казаков, решили их перебить. Стали к атаке го-

товиться. Заметив это, казаки попросили Керенского отъехать назад и выкатили две пушки. Едва солдатня, паля из винтовок, пошла «на ура» — дали два выстрела шрапнелью. И вся многотысячная масса в панике разбежалась, давя друг дружку и угоняя поезда на Петроград. Царское Село заняли. Простояли в нем следующий день, надеясь хоть на какую-нибудь подмогу. Пришли только несколько подразделений из их же корпуса, бронепоезд из Павловска да из Петрограда несколько бежавших юнкеров, учебная сотня оренбургских казаков — даже без винтовок, с одними шашками. Осадный полк, двигавшийся из Луги, перехватили матросы и обстреляли. Полк разбежался.

И офицеры-корниловцы, и казаки кляли Керенского, обманувшего их нереальными прожеками. Приехавший Савинков предложил Краснову арестовать Керенского и возглавить движение самому. Краснов отказался, считая это некрасивым. И бесполезным. Утром 30.10 попробовали двигаться дальше. Дорогу уже преграждали сплошные линии окопов. И занимали их уже не разложившиеся солдаты-тыловики. Не менее 6 тыс. матросов и красногвардейцев, 3 броневика с артиллерийским вооружением. От развернувшихся 630 казаков они не побежали. Наоборот, сами то и дело лезли в атаки. Выручало преимущество казаков в артиллерии. Она подбила один броневик и осаживала большевиков, заставляя держаться на расстоянии.

Краснов решил продержаться до вечера. В последней надежде, что гром его пушек отрезвит Петроград, что некоторые части гарнизона одумаются и придут на помощь. Вместо этого новая колонна из Петрограда, около 10 тысяч, попыталась обойти казаков. Но основу составляли опять солдаты, Измайловский полк, — после первой же шрапнели с бронепоезда они пустились наутек. В свою очередь, сотня оренбуржцев с гиканьем и посвистом поскакала на красные позиции. Красногвардейцы толпами побежали. Но матросы не отступили, встретили огнем. Командир сотни был убит, несколько казаков ранены, лошади попали в болото, и атака захлебнулась. Прикатил на автомобилях Керенский с порученцами и барышнями-поклонницами. Его спровадили без церемоний, посоветовали убраться в Гатчину.

К вечеру бой затих. У казаков кончились снаряды. А большевики подтянули морскую артиллерию, начали бить по Царскому Селу. При первых разрывах запаниковали и замитинговали полки царско-сельского гарнизона. Потребовали прекратить бой, угрожая ударом с тыла. В сумерках матросы начали обходить фланги. И Краснов приказал отступать. Советская сторона за день боя потеряла убитыми более 400 человек. Казаки — 3 убитых и 28 раненых.

Вскоре в Гатчину явились представители матросов и железнодорожников — заключить перемирие и начать переговоры. Другого выхода не осталось. Окружение Керенского лихорадочно пыталось использовать эту передышку. Хваталось за соломинки. Савинков помчался в польский корпус, Войтинский — в Ставку, искать ударные батальоны, верховный комиссар Станкевич — в Петроград, искать соглашения между большевиками и другими партиями социалистов. А казаки вырабатывали с матросами свои соглашения. Первым пунктом мира потребовали прекратить в Петрограде преследования офицеров и юнкеров, дать полную амнистию. На полном серьезе казаки

обсуждали вариант: «Мы вам — Керенского, а вы нам — Ленина. И замиримся». И на полном серьезе пришли к Краснову доложить, что скоро им для такого обмена привезут Ленина, которого они тут же около дворца повесят. Впрочем, и матросы тогда Ленина не шибко боготворили. Откровенно называли «шутком гороховым» и заявляли: «Ленин нам не указ. Окажется Ленин плох — и его вздернем».

Керенский, видя такой оборот дела — многие казаки склоняются к тому, чтобы выдать его; святое дело, «потому что он сам большевик», — в панике обратился к Краснову. Генерал, пожав плечами, сказал: «Как ни велика ваша вина перед Россией, я считаю себя не вправе судить вас. За полчаса времени я вам ручаюсь». И Керенский бежал. Нелепая фигура исчезла с исторической арены уже навсегда.

Переговоры, перемирие — все кончилось само собой. В Гатчину вошла 20-тысячная большевистская армия из солдат, матросов, красногвардейцев и буквально растворила в себе горстку казаков. Начался общий бардак. Пришедший Финляндский полк привычно потребовал Краснова к себе на расправу. Но стоило генералу наорать и обматерить два десятка вооруженных делегатов, они пулей вылетели вон из его кабинета. А потом прислали командира, который извинялся и просил разрешения разместить полк на ночлег, потому что с дороги, мол, устали. Хамы, привычные бесчинствовать над бессловесными и покорными, они сами становились овечками, получая отпор. И матросский командующий Дыбенко, отгоняя оголтелых подчиненных от офицеров, поучал «корниловцев»: «Товарищи, с ними надо уметь. В морду их, в морду!»

Вслед за Дыбенко явился и другой командующий — Муравьев. Ворвавшись в штаб Краснова, объявил всех арестованными. На него с руганью наскочил, требуя извинений, подъесаул Ажогин, председатель дивизионного комитета донцов. Муравьев опешил. Поругались, помирились. Кончилось тем, что Муравьев сел с казаками обедать и напился, вспоминая общих фронтовых знакомых. Прикатил сам Троцкий. И тоже прибежал к Краснову. Потребовал, чтобы тот приказал отстать от него какому-то казаку, прилипшему как банный лист. А казак возражал, что «этот еврейчик» забрал у него арестованного, которого он охранял.

2.11 Краснова с начальником штаба, гарантируя безопасность, вызвали для переговоров в Смольный. И все-таки попытались арестовать. Но уже к вечеру в Петроград примчался весь комитет 1-й Донской дивизии, притащив с собой Дыбенко. Насели на большевиков, вцепились в их главнокомандующего прапорщика Крыленко и... Краснова освободили. А казаков договорились с оружием отпустить на Дон. Их боялись. С ними заигрывали. Ведь ходили слухи, что Каледин поднял Дон и собрался идти на Москву. Напоследок начальника штаба дивизии полковника С. П. Попова вызвали к Троцкому. Лев Давидович интересовался: как отнесся бы Краснов, если бы новое правительство предложило ему высокий пост? Попов откровенно ответил: «Пойдите предлагать сами, генерал вам в морду даст». Вопрос был исчерпан.

10. «ДЕСЯТЬ ДНЕЙ, КОТОРЫЕ ПОТЯСЛИ МИР...»

Наверное, многие задавались вопросом, почему десять, если власть захватили за сутки? Но дело в том, что первый период чисто большевистского правления и длился-то всего десять дней. Российская общественность отнеслась к перевороту не очень серьезно. Говорили о «пирровой победе», поскольку большевики, захватив власть, оказались в полной политической изоляции. От них отвернулись даже социалистические партии. Считалось само собой разумеющимся, что править страной в таких условиях невозможно... Вот глупенькие! Еще не знали всех возможностей однопартийной власти. Не знали, что такая «изоляция» — как раз то, что большевикам нужно. И что можно запросто начхать на всевозможную общественность, протесты и резолюции.

Другое дело, что сами большевики еще были не в состоянии долго держаться в однопартийном режиме. Первые акты новой власти были чисто пропагандистскими трюками. Два куска, брошенные в толпу, чтобы привлечь ее на свою сторону. Главные декреты были к тому же плагиатом. «Декрет о мире» представлял упрощенную выкопировку из «Наказа Скобелеву», проекта предложений эсеро-меньшевистского ЦИК для Парижской мирной конференции. Опять же, между голословным «декретом» и реальным миром лежала пропасть. Союзники, усилившиеся за счет США, возможность мира «вничью» категорически отвергали, а на Восточном фронте стояли 127 австро-германских дивизий. С деловой точки зрения «Декрет о мире» был безответственной, чисто декларативной бумажкой.

«Декрет о земле» вызвал шок у эсеров, т. к. большевики от своего имени изложили эсеровскую аграрную программу. Ленин на протест ответил: «Они обвиняют нас в том, что мы взяли их аграрную программу. Что ж, можем их поблагодарить. С нас и этого довольно». Но и этот декрет не решал никаких проблем. Во-первых, землю деревня давным-давно захватила и поделила, в октябре уже догорали последние помещичьи усадьбы. Во-вторых, правил раздела земли декрет не оговаривал, оставляя простор для будущих конфликтов. В-третьих, земля переходила в собственность государства, а крестьяне хотели ее получить в частную собственность. Кстати, более поздние «рабочие» декреты тоже были плагиатом. Рабочую программу большевики позаимствовали у анархо-синдикалистов.

А вот за пропагандистскими трюками пошли акты чисто большевистского законотворчества. 28.10 — «Декрет о печати». Свобода слова перестала существовать. Газеты, оппозиционные новому правительству, закрывались. Ленин пояснил, что «они отравляют народное сознание». Вслед за этим начали арестовывать газетчиков и граждан, покупающих газеты, рискнувшие нарушить запрет. Троцкий заявил: «Во время гражданской войны право на насилие принадлежит только угнетенным». Далее последовали «Декрет о создании народных трибуналов», «Декрет о государственной монополии на объявления». Еще 25.10 распустили «предпарламент». Прочие партии, социалистические и либеральные, пытались организовать центр сопротивления — «Комитет общественного спасения», консолидировавшись во-

круг городской Думы. На их решения большевики не обращали внимания, а Троцкий спокойно констатировал: «Что ж, на это есть конституционные средства. Думу можно распустить и переизбрать».

Но даже это хлипкое противобольшевистское единство раскололось, едва на Петроград пошел Краснов. «Революционная демократия» боялась казаков, генералов и «контрреволюционеров» куда больше, чем большевиков, хотя большевистская прокламация «К позорному столбу!» неожиданно заклеила самих эсеров с меньшевиками, изменниками и корниловцами, призывая стереть их с лица земли. Левые эсеры, интернационалисты, метнулись к большевикам защищать «революцию» от «корниловцев». Лидер меньшевиков Дан рассуждал: «Если большевистское восстание будет потоплено в крови, то кто бы ни победил, Временное правительство или большевики, это будет торжеством третьей силы, которая сметет и большевиков, и Временное правительство, и всю демократию». Возглавляемый меньшевиками Викжель, комитет путейцев, под предлогом нейтралитета отказался перевозить по железным дорогам войска как большевиков, так и их противников. Если разобраться, нейтралитет был односторонним: войска большевиков в Петрограде и не нуждались в перевозках. А правый эсер Чернов, выехав в Лугу, пробовал организовать «нейтральные» части, чтобы с их помощью разнять враждующие стороны.

Между прочим, протестуя против введения смертной казни Корниловым, сами большевики и не думали стесняться в данном вопросе. Уже в эти дни Троцкий провозглашал систему: «За каждого убитого революционера мы убьем пять контрреволюционеров!» Практического применения это пока не получило, но вступление в Царское Село, оставленное казаками, ознаменовалось казнями. Расстреляли священника за то, что благословлял казаков, еще несколько человек. В Петрограде расстреливали офицеров и юнкеров, восставших при подходе Краснова и захвативших телефонную станцию. У «буржуев» устраивали повальные обыски. Кстати, в Гатчине выпотрошили с обыском и квартиру Плеханова, лежавшего с высокой температурой. Для новых властей лидер и основоположник российской социал-демократии уже был «буржуем» и «контрой».

Хотя «победа над Керенским—Красновым» упрочила позиции большевиков, консолидировала с ними «левых», новое правительство висело не волоске. Не речи политиков, не партийная изоляция была тому причиной. Дал первую осечку план Ленина — захватив верхушку власти, готовыми рычагами государства сверху строить свой собственный социализм. Как раз «рычаги» отказались повиноваться захватчикам. На грань катастрофы поставил их «саботаж», о котором теперь упоминается мельком, вскользь. Великое гражданское мужество проявила городская интеллигенция, служащие государственных и общественных учреждений, инженеры, техники, клерки, телефонисты, железнодорожники, телеграфисты. Прямо или косвенно они отказывались служить новому режиму. Стойко держались против угроз насилия, невыплаты денег, увольнений и выселения из квартир. Разболтанный государственный режим забуксовал. Почта, телеграф, банк, железные дороги не признавали большевиков. Совнарком ока-

зался отрезанным от страны, передавая директивы только через Царскосельскую и корабельные радиостанции да рассылая малонадежных курьеров. Наверное, такая власть пала бы. Если бы не ленинская «гибкость тактики».

5 ноября в Петрограде открылся съезд Советов крестьянских депутатов. В аграрной России — куда более представительный орган, чем съезд депутатов рабочих и солдатских. Несмотря на власть большевиков и их сильное давление, у них оказалось менее 20% сторонников. Около 50% было от левых эсеров, 25% — от правых эсеров. Чернов, приехавший «с фронта», был встречен овацией. Ленина освистали с криками «долой!». Декреты о мире и земле на делегатов впечатления не произвели. Реальный мир оставался за горами за долами, а эсеровскую аграрную программу сами вырабатывали, намереваясь принять как раз на данном съезде. Ленин вилял — мол, не все ли равно, кто именно даст народу землю, главное — результат. Съезд раскололся, потонул в словоблудии, взаимных обвинениях, речах и голосованиях. И разогнать-то его большевики еще не могли, и обстановка складывалась не в их пользу.

Но... пока говорились речи, в Смольном начались секретные переговоры между большевиками и левыми эсерами. Захватчики отступали, соглашались на коалиционную «социалистическую» власть. Первоначально эсеры требовали представительства в новом «парламенте», ЦИК всех левых партий, городских Дум, профсоюзов, земств, исключения из правительства Ленина и Троцкого, роспуска ВРК и других репрессивных организаций. Долго торговались. Наконец к соглашению сумели прийти «земляки». От большевиков — Бронштейн (Троцкий), Розенфельд (Каменев), Апфельбаум (Зиновьев), от эсеров — Натансон, Шрейдер, Кац (Камков). В новый ЦИК, кроме 108 депутатов от съезда рабочих и солдатских Советов, договорились ввести еще 108 от съезда крестьянских Советов, 100 от армии и флота, 50 от профсоюзов. Думы и земства отведены, Ленин, Троцкий и ВРК оставлены. Создавалось коалиционное, большевистско-лево-эсеровское правительство. 16 ноября, день заключения соглашения, праздновался всем Петроградом как конец гражданской войны, один из величайших дней революции. К коалиции примкнули меньшевики-интернационалисты Мартова, «Новая жизнь» Горького, польские социалисты, анархисты. Провозглашалась победа революции, здравьицы объединению сил демократии и социализма.

И действительно было что праздновать. Союзникам большевиков кружила голову иллюзия демократической власти, до которой теперь дорвались и они, а самим большевикам — то, что они у власти удержались. И никакой внешней угрозы этой власти вроде бы больше не просматривалось. Фронтная Ставка так и не превратилась в центр сопротивления. Служака Духонин после падения правительства и исчезновения Керенского принял на себя командование, призвал фронт сохранять спокойствие и стал ждать, когда образуется новое правительство и даст ему указания. 7.11 Совнарком приказал ему «обратиться к военным властям неприятельской армии» о заключении перемирия и начале переговоров. Удивленный Духонин ответил, что «в интересах России — скорейшее заключение мира», но это

не относится к компетенции главнокомандующего. Это может сделать только «центральная правительственная власть, поддержанная армией и страной».

Усмотрев в ответе контрреволюцию и саботаж, Совнарком сместил Духонина «за неповиновение и поведение, несущее неслыханные бедствия трудящимся». Однако ему предписали «продолжать ведение дел, пока не прибудет в Ставку новый главнокомандующий» — прапорщик Крыленко, будущий палач ленинских, а потом сталинских политических процессов. По дороге, на фронте 5-й армии, Крыленко вступил с немцами в переговоры о перемирии. Одновременно большевики по радио через головы командования обратились «в массы», предоставив полковым комитетам право заключать мир на своих участках.

А в Могилеве творилось черт знает что. Сюда съехались лидеры прошлого ЦИК — Чернов, Скобелев, Авксентьев, верховный комиссар Временного правительства Станкевич. Начали с Общеармейским солдатским комитетом переговоры о создании новой власти, «однородного социалистического министерства, от народных социалистов до большевиков включительно», с Черновым во главе. Спорили, тонули в партийных догмах и словопрениях, уже никому не интересных и не нужных, кроме них самих.

В Быховской тюрьме, будто запертый в клетке лев, метался Корнилов. Здесь остались пятеро заключенных — Корнилов, Деникин, Романовский, Лукомский и Марков. Остальных следственная комиссия прокурора Шидловского освободила за отсутствием состава преступления. Но и для оставшихся обвинение в «покушении на ниспровержение правительства» потеряло теперь всякий смысл, поскольку правительство уже свергли другие. Теперь они нужны были большевикам только для расправы. Бежать? Это считали неприемлемым с точки зрения чести, нравственной ответственности. Атаман Каледин писал в Ставку, чтобы быховцев отправили на Дон, на поруки казаков. Духонин колебался... Дисциплинированным солдатом был.

Корнилов в письме предлагал ему план обороны Ставки, организации на ее базе центра борьбы: немедленно стянуть к Могилеву Корниловский полк, ударные батальоны, чехословацкий и польский корпуса, одну-две самые надежные казачьи дивизии, создать запасы лучшего оружия — пулеметов, автоматических винтовок, броневинок, гранат для офицеров-добровольцев, которые обязательно будут собираться к Ставке. Но Духонин не был готов к «междоусобице» и кровопролитию. А. И. Деникин писал: «Духонин был и остался честным человеком. Но в пучине всех противоречий, брошенных в жизнь революцией, он безнадежно запутался. Любя свой народ, любя армию, отчаявшись в других способах спасти их, он продолжал идти скрепя сердце по пути с революционной демократией, тонувшей в потоках слов и боявшейся дела». Единственное, что он пытался сделать, — это удержать на месте армию, уже сплошь большевистскую. Единственное, на что решился, — обратиться к стране: «К вам, представители всей русской демократии, к вам, представители городов, земств и крестьянства, обращаются взоры и мольбы армии: сплотитесь все вместе во имя спасения Родины, воспряньте духом и дайте

исстрадавшейся земле Русской власть — власть всенародную, свободную в своих началах для всех граждан России и чуждую насилию, крови и штыку». Никто даже не услышал этих благих пожеланий.

А несколько эшелонов с матросами Крыленко двигались к Ставке. Двигались трусливо, осторожно. Подолгу стояли на узловых станциях, разведывая обстановку впереди. Боялись «корниловцев», ударников, казаков. Митинговали с «нейтральными» солдатами, беспрепятственно их пропускающими. Вели переговоры с казаками, пока не получили от них заверения, что «коалиционному» правительству казаки подчинятся, а в междоусобицу вмешиваться не будут. Постепенно распаляясь собственными беспочвенными страхами, Крыленко уже клеймил Духонина изменником и объявлял главнокомандующего, «продолжающего ведение дел» до его прибытия, вне закона.

Ставка, по сути, оставалась бездействующей. Она уже никем не руководила. Главнокомандующий Юго-Западным фронтом ген. Володченко признал власть украинской Центральной Рады. Румынский фронт, где наличие румынских войск сдерживало анархию, ориентировался на указания представителей Антанты. Северный и Западный фронты, признав советскую власть, начали стихийное, ротами и батальонами, «заклучение мира». К середине ноября совещание лидеров «революции» в Могилеве распалось, не придя ни к какому соглашению. Демократы разъехались кто куда. Общеармейский солдатский комитет объявил Ставку, как «военно-технический аппарат», нейтральной и обещал ей вооруженную защиту. Представители казачьего союза уговорили Духонина отпустить на Дон быховцев, но Общеармейский комитет воспротивился этому. Наконец, утром 19.11 из Ставки в Быхов приехал полковник Кусонский с известием — через 4 часа Крыленко будет в Могилеве. Выбора не было — немедленно бежать.

Корнилов из заключенного, требовавшего открытого суда, чтобы очиститься от клеветы и высказать всей России свою программу, снова стал самим собой. Он вызвал коменданта тюрьмы и отдал приказ Текинскому полку, охранявшему ее, изготавиться к походу. Для безопасности решили разбиться поодиночке, в разные стороны. Лукомский стал «немецким колонистом», уехал на Москву. Романовский переоделся прапорщиком, Марков — солдатом. На паровозе выехали в Киев. Деникин стал поляком Домбровским, помощником начальника перевязочного пункта, поехал в Харьков. Корнилов взял самое трудное. Во-первых, отвлек внимание преследующих. Во-вторых, не хотелось бросать текинцев. Текинцы боготворили его не только как генерала — общего кумира. Сколько для них значило, что полководец был их «земляк», свободно говорил на их родном языке! Были преданы ему до конца — и он считал долгом до конца оставаться с ними. Внутренний караул тюрьмы из полубольшевистского Георгиевского батальона Корнилов приказал построить, поблагодарил за службу. Солдаты проводили его криками «ура!», пожеланиями счастливого пути. В ночь на 20.11 Текинский полк во главе с Корниловым в конном строю покинул Быхов и канул в леса.

Духонина бросили все. Вслед за демократами уехал в Киев верховный комиссар Станкевич. Звал с собой, но опять Общеармейский

комитет воспротивился, чтобы генерал бросил пост. Крыленко остановился в Орше, прислал оттуда свой приказ, уже как Главнокомандующий: ударный батальон, охранявший Ставку, срочно перевести в Гомель. Даже одного батальона ударников он боялся. А 19.11 по своей инициативе подтянулись другие ударные батальоны, командиры прибыли к Духонину, просили разрешения остаться для защиты Ставки. И опять Общеармейский комитет высказался против. Духонин, разуверившись во всем, ответил ударникам: «Я не хочу братоубийственной войны. Тысячи ваших жизней будут нужны Родине. Настоящего мира большевики России не дадут. Вы призваны защищать Россию от врага и Учредительное Собрание от разгона... Я имел и имею тысячи возможностей скрыться. Но я этого не сделаю. Я знаю, что меня арестует Крыленко, а может быть, меня даже расстреляют. Но это смерть солдатская».

И лишь удостоверившись, что ударники покинули Могилев, Крыленко двинул на Ставку свои эшелоны. Общеармейский солдатский комитет, обещавший «нейтральную» защиту, тут же распустил сам себя и рассеялся. 20 ноября Духонин был арестован прибывшим Крыленко, озверелая толпа матросов растерзала его и долго глумилась над трупом. Обезображенные останки генерала несколько дней валялись под окнами вагона большевистского верховного главнокомандующего.

Последствия ленинского «мира» через головы командования не замедлили сказаться. Эшелоны немецких войск планомерно, систематически потянулись на Западный фронт, Германия избежала катастрофы, мировая война получила продолжение по крайней мере на полгода. Унесла еще сотни тысяч жизней. Для России последствия стали еще более жестокими. 10 миллионов солдат одичавшими, неуправляемыми толпами хлынули через всю страну по домам. Все сметали на своем пути, громили крестьянские хозяйства, убивали и насиловали. Захватывали поезда, которые поползли по дорогам, оставляя за собой разбитые вокзалы, разгромленные станции, искалеченный транспорт. Добывали пропитание грабежом, растаскивали и громили казенные склады.

Неподготовленная, необеспеченная, хаотическая, зато политически-важная и выигрышная демобилизация — плод беспримерного по своей глупости росчерка ленинского пера, принесла в Россию новое, еще невиданное явление — разруху.

11. МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ АЛЕКСЕЕВ

Историография, а уж тем более художественные произведения советских времен создали совершенно ошибочный образ русских офицеров 1917-го. «Поручиков Голицыных» и «корнетов Оболенских», т. е. представителей высшего родового дворянства, среди них было не так уж и много. Кадровое офицерство понесло огромные потери на фронтах, например, почти весь цвет гвардии poleg в 1915 г. в августовских лесах. А представители аристократии, блиставшие мундирами в тыловых штабах, вышли в отставку после отречения царя. Вер-

хушка «высшего света» была достаточно космополитична, родственно связана с зарубежной аристократией, и значительная ее часть благоразумно перебралась за границу еще до Октябрьского переворота. А основная масса армейского офицерства была рядовой, служилой интеллигенцией, призванной из запаса. Учителя, инженеры, юристы, студенты, взятые после 3-го курса, выслужившиеся из солдат и вольноопределяющихся.

Например, даже в высшем эшелоне белой Добровольческой армии всего 15% командиров были из дворянства. Около 90% не имели недвижимой собственности, ни родовой, ни купленной (в том числе Корнилов, Деникин, Алексеев). Что уж говорить о рядовых белогвардейцах? Из 4 тысяч участников корниловского Ледяного похода менее 500 были кадровыми офицерами, остальные — интеллигенты-разночинцы призыва военного времени.

Большевистская демобилизация оставила не у дел 400 тысяч офицеров. Первым, кто начал организовывать их для борьбы с узурпаторами, стал генерал от инфантерии М. В. Алексеев. Он родился в 1857 году в семье рядового солдата, взятого из крепостных и тянувшего нелегкую 25-летнюю лямку. Рос при полку и сам пошел на службу рядовым. В боях русско-турецкой войны 1877—1878 гг. был за доблесть произведен в прапорщики. И еще 10 лет служил на низших офицерских должностях, самостоятельно занимаясь учебой, поскольку не имел никакого образования и не знал иностранных языков, привычных в то время для любого офицера. Затем поступил в Академию Генштаба, где были замечены его незаурядные таланты. В русско-японской войне участвовал генерал-квартирмейстером 12-й армии, потом стал начальником Академии Генштаба. Активно участвовал в реорганизации армии после поражения.

В мировую войну вступил начальником штаба Юго-Западного фронта — именно ему этот фронт был обязан громкими победами в 1914 г. Командовал Западным фронтом в тяжелый период отступления, вызванного нехваткой боеприпасов, но и здесь проявил себя блестящим полководцем, мастерски выведя свои армии из стратегического окружения, которое готовил им Людендорф. В 1915 г., когда Верховным Главнокомандующим, отстранив великого князя Николая Николаевича, стал сам царь, Алексеев был назначен у него начальником штаба, т. е. фактически главнокомандующим — конечно же, не царю, а ему приходилось решать все стратегические вопросы и осуществлять практическое руководство войсками. В этот период у него начала развиваться тяжелая болезнь почек, но генерал, сознавая легший на него груз ответственности, откладывал лечение до окончания войны.

После Февральской революции он стал и юридически Верховным Главнокомандующим. И был снят 22.5, когда высказался резко против «Декларации прав солдата», подписание которой было уже решено Керенским. Когда заслуженному полководцу, не потравившему новому начальству, пришло неожиданное предписание об отставке, он горько усмехнулся и сказал Деникину, своему начальнику штаба: «Рассчитали, как прислугу...» Его отличали простота и удивительная скромность. Он никогда не лез на передний план, на первые

роли. И трудился с редкой самоотдачей не ради красивой позы, а ради результата. Корнилова, дерзкого и решительного, всеобщее мнение прочило в Пожарские Белой гвардии. Алексеев стал ее Мининым. 30.10 в Петрограде, на чужой квартире, где его укрыли приближенные, он убедился в безнадежности положения столицы и выехал на Дон. Там, под прикрытием казачьих полков, — пусть пассивных, пусть нейтральных — он надеялся организовать ядро новой армии для спасения страны.

2 ноября приехал в Новочеркасск. Этот день стал новой точкой отсчета. Позже он был признан в антикоммунистических кругах как официальная дата рождения Белого Движения.

Атаман А. М. Каледин встретил его сочувственно. Но уже и на самом Дону обстановка оказалась крайне сложной. Вовсю шли конфликты между казаками и «иногогородними» — крестьянами, поселившимися здесь позже казаков. Теперь они объявляли себя большевиками, желая передела в свою пользу казачьих земель. Начались конфликты между старыми станичниками, отстаивавшими традиционные казацкие порядки, и молодыми фронтовиками, которые возвращались домой изрядно развращенными, отвыкшими от труда, отравленными политикой и агитацией. Каледин опасался, что формирование Алексеева может обострить ситуацию. Убежище предоставил, но просил при первой возможности перебраться за пределы области — например, в Ставрополь.

В тот же день Алексеев послал в Петроград условную телеграмму об отправке надежных офицеров. Один из лазаретов на Барочной улице стал общежитием. Так началась армия. Не было ни вооружения, ни обмундирования, ни денег. В ноябре сумма пожертвований от частных лиц и финансовых организаций составила всего 400 рублей. А. И. Деникин пишет: «Было трогательно видеть, как бывший Верховный Главнокомандующий, правивший миллионными армиями и распоряжавшийся миллиардным военным бюджетом, теперь бегал, хлопотал и волновался, чтобы достать десяток кроватей, несколько пудов сахару и хоть какую-нибудь ничтожную сумму денег, чтобы приютить, обогреть и накормить бездомных, гонимых людей».

Одну серьезную ошибку совершил Алексеев. Привыкший все делать обстоятельно, не признающий ни малейшего авантюризма, он промедлил бросить клич офицерству с призывом собираться на Дон. «Как же я могу обратиться с таким воззванием, раз в моем распоряжении нет средств? — говорил он. — Ведь и теперь, когда имеется всего около пятисот офицеров и юнкеров, я не сплю по ночам, думая, как мне их прокормить, как их одеть». В результате воззвание вышло только в декабре, когда дороги на Дон уже были перекрыты фронтами. А пока ехали, направляемые петроградскими и московскими организациями. Ехали другие, в одиночку и группами, на свой страх и риск. Просто — на Дон. Интуитивно и на основании слухов надеясь, что там сохранилась Россия, власть, сопротивление большевикам.

Положение добровольцев на Дону было сначала критическим. Юридически их соглашались считать «беженцами». Но со всех сторон выражали недовольство. Старое казачество, Круг, даже Донское правительство надеялись на соглашение с советской властью, близо-

руко мечтали отсидеться за «государственной границей». И не хотели злить большевиков, давая приют офицерам. А левая печать, зараженные большевизмом фронтовики и распропагандированные рабочие всюду обрушивались на «сборище контрреволюционных элементов», вели яростные агитационные кампании. Атаману до поры до времени удавалось сдерживать нападки только старинным казачьим законом: «С Дона выдачи нет!»

22—23.11 разными путями приехали узники Быховской тюрьмы — А. И. Деникин, А. С. Лукомский, С. Л. Марков, И. П. Романовский. Добрались с массой приключений. Лукомский в Орше, забитой матросами Крыленко, вынужден был ночевать в публичном доме. До Смоленска ехал с двумя дамами в вагонном сортире, до Москвы чуть не замерз на открытой площадке. А от Москвы до Дона стоял в коридоре. Марков, одетый солдатом, митинговал с «товарищами» и бегал им за папиросами. Деникин ехал более удобно — на третьей полке с двадцатью человеками в купе. Сжимая при проверках документов в кармане револьвер, который потом оказался неисправным. Конспирировались так по-детски неумело, что их, разыскиваемых по всем дорогам, не поймали только из-за халатности и расхлябанности патрулей.

Каледин принял и быховцев. Но посоветовал временно уехать с Дона — ведь их имена все левые связывали с «корниловщиной» и контрреволюцией. Атаман не настаивал на отъезде, но при возможности просил где-нибудь переждать. Лукомский уехал на Терек. Деникин и Марков — на Кубань. Однако обстановка сама укрепила позиции добровольцев. 20.11 в Новочеркасске начали бузить два запасных (неказачьих) полка. Разоружить их и выслать с Дона сил не нашлось. Донцы, кроме атаманского конвоя и юнкеров, выполнять этот приказ отказались. Каледин обратился к «алексеевской организации». Впервые она выступила в качестве вооруженной силы...

А вскоре к Таганрогу подошли миноносец и тральщики с черноморскими матросами. Тральщики поднялись по Дону до Ростова, высадили десант. 26 ноября местные большевики совместно с ними захватили город. Образовался ВРК, призвавший к войне против «контрреволюционного казачества», начались погромы и убийства. И опять казачьи части идти на Ростов отказались. Тогда Каледин явился к Алексееву и сказал: «Я пришел к вам за помощью. Будем, как братья, помогать друг другу. Всякие недоразумения между нами кончены. Будем спасать, что еще возможно спасти».

Отряд в 500 штыков выступил на Ростов. К нему присоединились новочеркасские юнкера, кадеты, добровольцы. Узнав о приближении неприятеля, ВРК организовал оборону. Войск в его распоряжении хватало — город был переполнен солдатней запасных полков и возвращающихся с фронта частей. Конечно, это была малонадежная разложившаяся масса, но цементирующими звеньями стали отряды черноморских матросов и Красной гвардии — на ростовских складах нашлось много оружия, что дало возможность сколотить формирования из местных рабочих и люмпенов. Сражение началось у ростовского предместья Нахичевани (ныне в черте города). Белые развернули наступление вдоль железнодорожной линии Новочеркасска—Ростов. В центре боевых порядков жиденькой цепью шли офицеры-алексеев-

цы, на правом фланге — юнкера, на левом — донские добровольцы ген. Попова. Их встретила лавина винтовочно-пулеметного огня. Тем не менее алексеевцы атаковали — во весь рост, почти не залегая, с винтовками на ремнях и стреляя на ходу. Их атака, сосредоточив на себе внимание красных, помогла фланговым отрядам совершить глубокий охват неприятельских позиций. Ворвались на линию большевистской обороны, ударили в штыки. Части ВРК побежали, и белогвардейцы вышли к городским окраинам.

Однако зацепиться там им не дали. Красногвардейцы остановились, простреливая узкие улочки. Жестокий артиллерийский огонь открыли орудия тральщиков, стоящих на Дону. Вскоре они смогли пристреляться, густо поливая шрапнелью расположение белых. Наступление захлебнулось. Под прикрытием артогня красные опомнились, перегруппировали силы и перешли в контрнаступление. К вечеру каледины и алексеевцы вынуждены были отступить.

Бои под Ростовом заставили одуматься несколько колеблющихся казачьих частей, и они двинулись на помощь к белогвардейцам. На следующий день сражение возобновилось. Оно продолжалось шесть суток. На подступах к городу, в предместьях, а затем и на улицах. Городской вокзал 5 раз переходил из рук в руки. Пленных не брала ни та ни другая сторона. Наконец, к 2 декабря вся масса большевистских формирований, скопившихся в Ростове, была разгромлена и бежала, оставив город.

Этот рейд стал боевым крещением «алексеевской организации». Одновременно она получила на Дону легальный статус. Ей стали оказывать помощь в снабжении и вооружении. Но ломались и все планы. Если Алексеев рассчитывал под защитой донцов сформировать костяк будущей армии, то теперь этот ничтожный зародыш сам становился защитником Дона.

12. ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ АРМИЯ

Первое сопротивление большевикам еще не было реакцией на их политику. Они еще не проявили себя. Это была реакция на насильственный захват власти, сопряженный с кровавым разгулом анархии. Соответственно и тактика первого сопротивления была пассивной — не пускать самозванцев в свой город, область, край. В крупных городах это выразилось самоубийственной борьбой юнкеров, саботажем интеллигенции. Более прочными узлами сопротивления стали области казачьих войск. Донское — с атаманом Калединым, Кубанское — с Филимоновым, Терское — с Карауловым, Оренбургское — с Дутовым. Защищаться «государственными границами» пробовали и национальные окраины. О самостоятельности заявили Украина, Финляндия, об автономии — Эстония, Бессарабия, Крым, Закавказье.

Прочность позиции казачества во многом определялась самым крупным войском — Донским. Соответственно главной фигурой казачьего сопротивления стал Алексей Максимович Каледин. Он родился в 1861 г. в семье казачьего офицера. Служил в Киевском округе, Генштабе, в Донском войсковом штабе. А прославился в мировую войну. Там же, где Корнилов с Деникиным. 12-я кавалерийская дивизия,

которой он командовал, наступала на Карпаты в авангарде 8-й армии Брусилова и одержала ряд блестящих побед. Каледин, «вторая шашка России», упорный, расчетливый и всегда спокойный, не посылал, а сам водил в бой своих кавалеристов. Казаки любили его и верили безоглядно. Командовал затем 12-м армейским корпусом, а после ухода Брусилова на командование фронтом принял у него 8-ю армию. Она явилась ударной в знаменитом Брусиловском прорыве и внесла основной вклад в победу, разгромив и уничтожив 4-ю австрийскую армию. Когда произошла революция, он категорически не захотел мириться с комитетами и «демократизацией». По этому поводу вошел в конфликт с Брусиловым и ушел с фронта в Военный совет.

К лету началось движение казаков за автономию. Первоначальной причиной стало опасение всеобщего уравнительного передела казачьих земель. Министр земледелия Чернов на Крестьянском съезде недвусмысленно заявил, что казаки имеют большие наделы, и теперь им придется поступиться частью земли. 8 июня на Дону собрался Войсковой Круг — 700 делегатов от станиц и полков. Кандидатуру Каледина единодушно выдвинули на пост атамана. Он ответил: «Никогда! Донским казакам я готов отдать жизнь, но то, что будет — это будет не народ, а будут советы, комитеты, советики, комитетики. Пользы быть не может!»

Однако казаки не хотели никого другого. Избранный громадным большинством голосов после долгих уговоров, он согласился. Скрепя сердце. И оказался прав. Казачьи Круги и правительства, противодействуя совдепам, содержали в себе те же совдеповские недостатки. На Дону политика Круга была более умеренной, большинство относили себя к кадетам, но имелось и сильное эсеровское крыло. А на Кубани подавляющее большинство Рады состояло из эсеров, социал-демократов, украинских самостийников. Власть атаманов всячески урезалась «демократией». Фактически атаман был лишь председателем в заседаниях правительства.

Заседания выливались в нудные словопрения с отстаиванием партийных платформ и спорами по формулировкам. Если Каледину и удавалось чего-то добиться в таких условиях, то лишь благодаря огромному личному авторитету. Его признавал лидером не только Дон. Ото всего российского казачества он выступал на Московском Государственном совещании с декларацией, требующей вывести армию «из кольца политики», возвращения власти командованию и упразднения комитетов. Сказал то, что Керенский запретил выносить на обсуждение Корнилову.

После того как Каледин выразил сочувствие «корниловщине», Керенский в сентябре объявил его изменником, издал приказ о снятии с поста и аресте. Но тут уж вздыбился Дон — «атамана не выдадим!». Его поддержали остальные казачьи войска, грозя отозвать казаков с фронта, и Временное правительство пошло на попятную, а Керенский раз за разом рассыпался в извинениях перед казачьими делегациями — мол, ошибочка вышла. Осенью казаки стали проявлять себя все более оппозиционно по отношению к центральной власти, видя ее слабость и бездеятельность. Уже 5.10 Кубанская Рада приняла постановление о провозглашении своей республики, входящей в Россию на правах федерации. Переговоры с Доном завершились об-

разованием Юго-Восточного Союза из Донского, Кубанского, Терского, Астраханского казачеств, калмыков и Союза горцев Северного Кавказа. Предполагалось привлечь также Уральское войско и Закавказье. С правительством стали говорить языком ультиматумов: «Когда же Временное правительство отрезвится от этого угара, большевистского засилья и положит конец всем безобразиям?»

Трагедия Каледина усугублялась тем, что он никогда не был самостоятельным. Облеченный доверием казачества, защищая его интересы, он прекрасно сознавал, что все это яйца выеденного не стоит без сохранения российской государственности. 26 октября он заявил о верности Дона Временному правительству, но поскольку связь с центральной властью прервалась, то Донское правительство принимает на себя всю полноту государственной власти в своей области. Считая, что обломки Временного правительства еще должны где-то существовать, искал с ними связь для помощи против большевиков. Даже долго не решался расходовать на нужды Дона денежные запасы из областного казначейства. Но уже не было обломков. Наоборот, осколки всех властей начали стекаться на Дон. Родзянко, Милюков, Алексеев, Корнилов, Савинков. Все нашли приют. В конце ноября прибежал и Керенский. Заявился с визитом к атаману. Но Каледин даже не пожелал принять эту личность.

Между тем положение осложнялось. Большевики вовсе не намерены были соблюдать нейтралитет с казачьими «государствами». Начали формировать карательные экспедиции. Под боком образовалась «Донецкая социалистическая республика». Черноморский флот слал ультиматумы, готовил корабли и десанты. Поначалу казачество и местная демократия относились к этому без особого страха. В Донском Войске было под ружьем 62 полка, 72 отдельные сотни, десятки артиллерийских батарей. С такой силой область казалась не по зубам никакому сброду.

Но гибель Дона таилась на самом Дону. «Революционная демократия» в каком-то психозе продолжала те же глупости, которые уже погубили ее саму по всей России. Блок эсеров и меньшевиков на крестьянских съездах, в газетах, рабочих организациях выносил одну за другой резолюции недоверия атаману и правительству. Протестовали против военного положения, против разоружения и высылки разложившихся полков, против ареста большевистских агитаторов, проповедовалось «демократическое примирение с большевиками». Правительство тратило все силы на достижение взаимоприемлемых соглашений между партиями и группировками. Созвали одновременный съезд казаков и крестьян. Создали «паритетный» кабинет из 7 представителей казачества и 7 «иностранцев». Стало еще хуже, это только усугубило внутреннюю грызню. Крестьянство не удовлетворилось тем, что ему давали — участие в станичном управлении, широкий прием в казаки, 3 млн. десятин помещичьей земли. Требовали передела всех земель. Съезд иностранцев постановлял разоружить и распустить Добровольческую армию, «борющуюся против наступающего войска революционной демократии».

С фронта начали возвращаться полки. В отличие от солдатских, разбежавшихся толпами, казачьи части формировались из одних станиц, со своими конями и оружием. Поэтому и домой ехали организо-

ванно. К тому же оказалось, что организованно легче захватить эшелоны, пропихнуть их через железнодорожный хаос. Иногда прорывались с боем через заслоны большевиков и украинцев Центральной Рады, пытавшихся их разоружить. Прибывали на Дон в полном порядке, зачастую с артиллерией — она ж была своя, донская. Но едва ступали на родную землю, весь порядок кончался. Наплевав на центральное правительство, казаки плевали теперь и на собственное. Больше всего боялись осточертевшей войны и враждебно относились ко всем, кто звал их куда-то еще воевать. Многие оказались заражены большевизмом, еще больше — анархией, войдя во вкус безвластия.

И расходились по домам, неся анархию туда. Теперь они отвергали традиционный уклад, незыблемый доселе авторитет «стариков», станичную власть. Пошли конфликты «молодых» со «стариками», фронтовиков было больше, они были сильнее, были вооружены, и в большинстве станиц победа оставалась за ними. Перед угрозой нашествия Дон становился беззащитным. Каледин говорил: «Весь вопрос в казачьей психологии. Опомнятся — хорошо. Нет — казачья песня спета».

А между тем генерал Корнилов, покинув Быховскую тюрьму, двигался на Дон походным порядком с Текинским полком. В сильный мороз и гололедицу, дорогами и снежной целиной, лесами и болотами прошли за 7 дней 400 километров. Лошади выбились из сил, застревая в сугробах. Непривычные к зиме туркмены падали духом. Наконец и большевики их выследили. 26.11 полк в лесу нарвался на засаду и отошел под огнем. В тот же день пробовали перейти железную дорогу у станции Унеча. Появился бронепоезд, ударил из пушек и пулеметов. Под Корниловым убило лошадь, несколько человек ранило. Полк рассеялся. Собраться вместе по лесам сумели не все. Решив, что без него полк не будет подвергаться опасности, Корнилов отправил его в ближайшее местечко, а сам сделал попытку двигаться с отрядом в 44 человека. Снова попали в засаду, были окружены. Прорвавшись через три дня, вернулись к полку. Корнилов был болен, едва держался в седле. Последние переходы его поддерживали под руки. Не желая больше никого подвергать риску, он переоделся в заношенный зипун, стоптанные валенки и сел на ближайшем полустанке в поезд, идущий на юг. 6 декабря под документами крестьянина Иванова, беженца из Румынии, он приехал в Новочеркасск.

Текинский полк отправил телеграмму Крыленко, что Корнилов пропал без вести при обстреле с бронепоезда. Больше его не преследовали. Путешествуя по Украине, полк попал в Киев. Отправить его на Дон Рада отказалась, и часть была расформирована. Десяток офицеров и взвод всадников все-таки пробрались к Корнилову и сражались в рядах белогвардейцев, были его личным конвоем. Стекались и другие корниловцы. С Кубани и Кавказа были вызваны генералы Деникин, Марков, Лукомский, Эрдели.

Корниловский ударный полк под командованием Неженцева в дни Октябрьского переворота комиссар Временного правительства Григорьев вызвал в Киев. Вместе с юнкерами повоевали здесь с большевиками комиссара Пятакова. Когда большевиков поддержала Центральная Рада, Григорьев начал переговоры. В результате юнкерские

училища отправили на Дон, а корниловцев Петлюра... пригласил к себе на службу. Отказавшись, Неженцев просил у Ставки разрешения уйти к Каледину. Ставка, еще духонинская, запретила. А после ее разгрома стало трудно уехать. Украинцы пропускали только казачьи эшелоны, как «нейтральные». Но казаки брать с собой корниловцев не желали. Тогда эшелон с имуществом и вооружением отправили под фальшивыми документами. А советскому начальству доложили, что полк разбежался — это было в порядке вещей. И поехали поодиночке, группами. В течение декабря на Дону собрались 50 офицеров и 500 солдат-корниловцев.

Перед Белой гвардией встал вопрос о дальнейших планах. Узнав, что на Дону формирование уже начато Алексеевым, Корнилов решил взять Деникина, Лукомского и ехать дальше, поднимать Сибирь. Он считал, что, раз тут работа идет, ему на Дону делать нечего. Организация войск в замкнутом пространстве Юга представлялась ему делом местного масштаба, тем более что на территории казачьих войск придется зависеть от казачьих правительств, кругов и атаманов. Корнилов рвался на простор, в Сибири и Поволжье видел возможность развернуться в полную силу. Верил, что, опираясь на восток России, можно не только смести большевиков, но и воссоздать, пусть не сплошной, антигерманский фронт.

Его решение усугублялось личными взаимоотношениями. Предыдущие контакты по службе между Корниловым и Алексеевым случались в далеко не лучших ситуациях. Например, как раз Алексеев после «мятежа» арестовывал Корнилова и принимал у него дела. Оба были крупнейшими военачальниками России, оба уважали друг друга, но никогда не были близки и очень различны по складу. Срабатывать вместе им было трудно, о чем Корнилов честно сказал Алексееву. А трения между двумя признанными лидерами могли внести разлад в частях.

В это время из Москвы прибыла группа видных представителей общественности — князь Трубецкой, князь Львов, Милюков, Федоров, Струве, Белоусов. Национальный центр, собравшийся из обломков умеренных и либеральных партий, решил поддержать создание Белой гвардии, имел контакты с миссиями стран Антанты. Московские представители требовали, чтобы Корнилов остался на Дону. Он возражал: «Сибирь я знаю, в Сибирь я верю. Я убежден, что там можно будет поставить дело широко. Здесь же с делом справится и один генерал Алексеев. Я убежден, что долго здесь оставаться я буду не в силах. Жалею только, что меня задерживают теперь и не пускают в Сибирь, где необходимо начинать работу возможно скорей, чтобы не упустить время».

Но у Национального центра тоже был веский аргумент — огромная популярность Корнилова. Если бы он уехал, за ним могли подняться очень многие белогвардейцы. И все начинание на Дону могло развалиться. (И действительно, судя по настроениям офицерства, большинство вполне могло рвануть «туда, где Корнилов».) А Москва была городом торговым, обстоятельным. Предпочитала синицу в руках журавлям в небе. И поставила категорическое условие: материальная поддержка будет оказана только реальной, существующей организации, если вожди Белого Движения будут работать вместе, рас-

пределив между собой обязанности и подписав соответствующее соглашение. К этому условию присоединились союзники, Англия и Франция, обещав помощь в 100 млн. руб., по 10 в месяц. Корнилов вынужден был согласиться. Три высших начальника подписали соглашение об образовании армии, получившей название Добровольческая. Корнилов принимал на себя командование. С скромный трудяга Алексеев ради пользы дела отошел на второй план, оставил себе финансовые проблемы, вопросы внутренней и внешней политики. Третий подписавший, Каледин, ведал формированием Донской армии и вопросами жизни Дона.

Вот, казалось бы, случайность... А кто его знает, может, из-за этой случайности Сибирь и Поволжье поднялись против большевиков на полгода позже, не имея авторитетных вождей? А союзники, кстати, так ни черта и не прислали. Их мизерной помощи Добровольческая армия дождалась только через год.

Корнилов считал свое командование на Юге временным, не навсегда. Как только армия прочно встанет на ноги, он все же намеревался ехать в родную Сибирь. А пока слал письма сибирским политическим деятелям. В частности, хорошо знакомому В. Н. Пепеляеву. Командировал ряд офицеров в Нижний Новгород, Казань, Самару, Царицын и Астрахань, чтобы организовать там белые силы. Увы, все тогдашние офицеры были никудышными конспираторами, все традиционно не разбирались в партийно-политических хитросплетениях. И подавляющее большинство офицерских организаций стали легкой добычей чрезвычайок. Из корниловских посланцев только один оставил заметный след в Белом Движении — капитан Лебедев. Впоследствии он стал начальником штаба Колчака.

Между тем выяснилось, что из приходящих с фронта казачьих полков прочные части можно создать только на принципе добровольчества. Донской штаб так и не сумел солидно наладить это дело. Разрешения на формирование отрядов выдавались чуть ли не всем желающим. В результате возникло много мелких белопартизанских отрядов — есаула Чернецова, войскового старшины Семилетова, сотника Грекова, есаула Лазарева и др. На Кубани Рада объединила офицеров и казаков в один добровольческий отряд под командованием капитана Покровского. Корнилов и Алексеев направили туда для связи генерала Эрдели.

Развертывание Добровольческой армии продолжалось. В среднем записывались 70—80 человек в день. Оружие отбирали у солдатских эшелонов, едущих по домам, доставали через скупщиков. К концу года армия состояла из Корниловского полка, офицерского, юнкерского и георгиевского батальонов, четырех артиллерийских батарей, офицерского эскадрона, инженерной роты и роты гвардейских офицеров. План Корнилова и Алексеева был — довести численность до 10 тыс. человек и лишь затем приступить к выполнению крупных задач. Жизнь решила иначе. Большевистские фронты перекрыли дороги, отрезали Дон от России и Украины. Приток добровольцев резко упал — добирались лишь единицы. В декабре красные отряды со всех сторон двинулись на Дон.

13. КТО РАЗЖИГАЛ ГРАЖДАНСКУЮ

Ленинский план построения социализма обстоятельно описан им в 1917 г. в книге «Государство и революция». Ильич предвосхитил своими проектами самые мрачные фантазии-антиутопии Е. Замятина, Дж. Оруэлла, Г. Уэллса. Его социализм — государство-машина. Пирамидальная система со всеобщим милитаризованным подчинением сверху донизу. Никакой торговли, частной собственности, самостоятельности. Каждый работает по трудовой повинности, где указано. И рабочие, и крестьяне сдают свою продукцию государству. Централизованное распределение: каждый получает положенный ему продпаяк и положенные промышленные товары. И работа, и распределение под контролем «вооруженных рабочих». А на верхушке пирамиды — «партия рабочего класса», которая регулирует работу всей бездушной машины, дергая за государственные рычаги. Подробно эту черную фантастику можете почитать сами, если интересно. Г. В. Плеханов писал, что из ленинского проекта может получиться лишь уродливое бюрократическое образование типа китайской или перуанской империи.

Но начать строительство такой империи в 1917 г. было никак нельзя. Ленинский социализм предполагал жесткую тоталитарную подчиненность, железную диктатуру. А чтобы взять власть, пришлось разложить и разрушить все государство. И после победы большевики оказались не на верхушке готовой бюрократической пирамиды, а на неустойчивом плотике в бушующей стихии. Значительная часть населения воспринимала большевиков как явление временное, очередной непрочный кабинет Временного правительства. Повластовали по паре месяцев два кабинета Львова, по паре месяцев — два кабинета Керенского. Теперь пробует повластвовать кабинет Ленина... Да и Учредительное Собрание не за горами. Ничего реального дать большевики не могли — ни прочного мира, ни хлеба, ни промышленных товаров, ни порядка.

Деревня, только уgomонившись, вступила в новый кризис — хлынули фронтовики, неся с собой хулиганство и анархию, не желая знать над собой никаких сходов и старост, требуя новых переделов земли. Не получая продукции из городов, деревня придерживала до лучших времен свою продукцию, свернула поставки. Система снабжения рухнула. Транспорт оказался в руках миллионов демобилизованных и дезертиров. Централизованный подвоз продуктов в города тоже прекратился. Заводы останавливались, лишённые сырья и топлива, с разрушенным управлением и хозяйственными связями. Рабочие одними из первых стали выражать недовольство. Уже в ноябре представители Путиловского завода заявили: «Мы говорим вам — положите конец разрухе. Иначе мы с вами рассчитаемся сами. К черту Ленина и Чернова! Повесить их обоих». «Вы не стоите того, чтобы вас земля носила! Повесить бы вас всех на одном дереве — в стране само наступило бы спокойствие!» Массовый наплыв в «рабочий класс» безработной черни, люмпенов и деклассированной рвани грозил оставить без дела самих рабочих.

Единственной реальной силой в городах были анархические массы солдатско-матросской вольницы. Но хотя их штыками большеви-

ки пришли к власти и держались, эти распоясавшиеся банды были опасны и для самих большевиков. Они вошли во вкус менять власти и считали новых правителей своими марионетками. Чуть что — сняли бы теми же штыками. Выход? Очень простой. Если народу нельзя дать еды, одежды и порядка, надо дать ему врага. Еще до своего владычества коммунисты привыкли объяснять все безобразия в стране не глупой «революционной» дезорганизацией, а заговорами и происками контрреволюции. Естественным продолжением стала та же позиция после победы. Сразу две проблемы решались — «классового врага» подавить и перенацелить общее недовольство.

До Октября отношение к интеллигенции, к «буржуям» изобиловало хамскими выходками, но еще сдерживалось. После Октября большевики начинают искусственно разжигать откровенную вражду. Враг, пугало, был необходим им, как воздух. (И останется необходимым еще 70 лет, чтобы объяснить собственную несостоятельность, бесхозяйственность и просчеты происками то белогвардейцев, то вредителей, то троцкистов, то шпионов, то Антанты, то империализма). Уже 28.11.17 вышел «Декрет об аресте вождей гражданской войны, противников революции» — «Члены руководящих учреждений партии кадетов, как партии врагов народа, подлежат аресту и преданию суду военного трибунала». Неплохой задел на будущее — уже и «враги народа», и то, что враги — целая партия, скопом. И арест с трибуналом — скопом для целой группы лиц, оказавшихся за чертой. Обратите внимание, декрет направлен не против монархистов или черносотенцев, а против кадетов, лидировавших в Феврале и давших России гражданские свободы. То есть тех, кого можно считать опасными конкурентами.

Но кроме «домашних» врагов, нужна была война. Во-первых, в войну какой спрос за холод, голод и неурядицы? Во-вторых, война давала возможность очистить столицу и крупные города от самых буйных элементов. Отправить свои банды головорезов подальше. Благо «очаги контрреволюции» были налицо. Естественно, казачьи области. Каледина, Дутова, Филимонова объявили почему-то изменниками (как будто они хоть день большевикам служили!). Объявили, конечно, «вне закона» (только непонятно — какого?). А «националы», пытающиеся отгородиться «правом наций на самоопределение»? 3.12.17 Совнарком издал Манифест, требуя от Центральной Рады не пропускать казачьих частей на Дон и Урал, содействовать «революционным войскам» в борьбе с «кадетско-калединским восстанием», прекратить попытки разоружения советских полков и Красной гвардии, возвратить им оружие. То есть Рада должна перестать сопротивляться тем, кто ее хочет свергнуть, да еще помогать Советам против Дона. «В случае неполучения удовлетворительного ответа на эти вопросы в течение 48 часов Совет народных комиссаров будет считать Раду в состоянии открытой войны против Советской власти».

Желающих повоевать было, конечно, немного. Зато в это «немного» вошли самые отпетые, вкусившие прелесть грабежей, убийств и безнаказанного насилия. К тому же в Петрограде уже становилось голодно, холодно. И скучно. Ну что за развлечение выпотрошить с обыском и реквизицией квартиру профессора или избить случайного офицера? А Юг был землей обетованной нерезанных буржуев и непуг-

ганных обывателей, где текут спиртовые реки со сметанными берегами. Пошла самая буйная головка бандитствующей вольницы.

Как грибы стали расти фронты. На Украину двинулись отряды под командованием левых эсеров Муравьева и Петрова. Казаков обкладывали кольцом фронтов. На базе карательных отрядов, которые начал на всякий случай формировать против Каледина еще Керенский, создавались части двадцатилетнего мальчишки Саблина в Московском округе и мрачного палача Сиверса — в Казанском. В Ставрополье, куда, как на помойку, все казачьи войска выпихивали разложившиеся запасные части, собирал фронт прапорщик Сохацкий. В Новороссийске — черноморские матросы. Все эти «фронты» были еще небольшие, по несколько тысяч человек каждый, но, щедро питая их, потек домой полуторамиллионный Кавказский фронт из Турции и Персии. Самый короткий путь шел морем через Трапезунд. А в Трапезунде ВРК вербовал желающих воевать с казаками и грузил их на корабли до Новороссийска без очереди, не сажая остальных.

В Самаре, поволжских и уральских городах собирали фронт против Дутова. В Царицыне — против Каледина и против Астрахани. Наконец, совсем игрушечный frontiшко формировал в Чите Лазо, из двух полков — один из казаков, второй из каторжан-уголовников. Против атамана Семенова.

Первые месяцы советской власти принято считать временем «гуманного» правления. Но отметим, что это правление еще не было целиком большевистским. В Совнаркоме входили левые эсеры, в ЦИК — подобие парламента — другие партии: правые эсеры, меньшевики, анархисты. Да и «гуманизм» был очень уж относительным. Разве что без расстрельных декретов и «красного террора», но шло все уже к этому...

Портфель наркома юстиции достался левым эсерам? Хорошо. Зато тут же создается орган внесудебной расправы — ВЧК. И тут же выводится из-под всякого юридического надзора. В постановлении Совнаркома от 19.12.17 говорится: «Какие бы то ни было изменения постановлений комиссии Дзержинского допустимы только путем обжалования этих постановлений в Совнаркоме, а никоим образом не единоличным распоряжением наркома юстиции».

Одним из первых декретов были упразднены сословия. Но тут же возникло новое кастовое деление, куда более отвратительное — классы. Высший — пролетариат, низший — крестьянство, и недочеловеки — «буржуи»: вся интеллигенция, служащие, чиновники, духовенство. Если классовая теория чем-то и отличается от расизма, то, наверное, в худшую сторону, проповедуя заведомое превосходство необразованного человека над образованным, хамства над добродетелью, невежества над разумом. И «буржуев», этих «неприкасаемых», низшую расу, сразу начали обкладывать флажками, как волков.

20.15.17 Ленин в проекте декрета «О борьбе с контрреволюционерами и саботажниками» дает четкое определение: «Лица, принадлежащие к богатым классам, т. е. имеющие доход в 500 руб. в месяц и выше, владельцы городских недвижимостей, акций и денежных сумм свыше 1000 руб., а равно служащие в банках, акционерных предприятиях, государственных и общественных учреждениях, обязаны в те-

чение 24 часов представить в домовые комитеты в 3-х экземплярах заявление за своей подписью с указанием адреса о своем доходе, своей службе и своих занятиях». Под угрозой тюрьмы или отправки на фронт они обязаны «постоянно иметь при себе копии с вышеуказанных заявлений, снабженные удостоверениями домовых комитетов...» Не напоминает ли нашивку «желтой звезды»? Для тех же категорий «вводится всеобщая трудовая повинность. Все граждане обоего пола с 16 до 55 лет обязаны выполнять те работы, которые будут назначены местными советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов...»

Добив систему снабжения, большевики недолго думая начинают решать проблему с помощью организованных и легализованных грабежей — реквизиций. В Москве, например, был издан специальный «Вопросник для буржуазии», согласно которому владелец обязан был указать, сколько у него имеется вещей, вплоть до нижнего белья. А Ленин, как «главный пахан», в ноябре 17-го разрабатывает декрет о реквизициях, где оговаривает, какие вещи грабить, а какие оставить хозяину. Он определяет: «богатой квартирой считать всякую квартиру, где количество комнат больше или равно количеству душ проживающего населения». Например, служащий, проживающий в одной комнате, уже подлежит грабежу. Кроме того, жителей двух подобных «богатых» квартир предписывалось сгонять в одну.

Расстрельных декретов большевики еще не могли себе позволить. Зато они позволили «высшим» классам любые безобразия без всяких декретов. Просто развязали руки бандитам «на местах». Уже 9.01.18 вышла статья Ленина «Как организовать соревнование», где он пишет: «Единство в основном, в коренном не нарушается, а обеспечивается многообразием в подробностях... в приемах подхода к делу, в путях истребления и обезвреживания паразитов (богатых и жуликов, разгильдяев и истеричек из интеллигенции)». И предлагает действовать, кто как хочет — заставить «чистить сортиры», выдать «желтый билет по отбытию карцера» или просто расстрелять «тунеядца» и «лакея буржуазии». Всероссийскому хаму гарантировалась вседозволенность, даровалось право на любые самочинные зверства. И. А. Бунин приводит пример, как это претворялось в жизнь, — «протокол» тамбовских мужиков села Покровского: «30-го января мы, общество, преследовали двух хищников, наших граждан Никиту Александровича Булкина и Адриана Александровича Кудинова. По соглашению нашего общества, они были преследованы и в тот же момент убиты». Там же «казнят» заподозренных в воровстве — орудиями казни служат вилы и безмен, которым проламывают черепа.

Но основное внимание большевиков сосредоточилось, естественно, на Учредительном Собрании. Во имя успеха которого они якобы брали власть, которого Россия ждала с Февральской революции, с которым связывала надежды на лучшее. Выборы проходили уже после Октябрьского переворота. Уже запретили все неугодные партии — кадетов, октябристов и др. Уже закрывались и конфисковались все неугодные издания. Уже большевистская пропаганда получила абсолютное преимущество перед остальными — конкурирующих агитаторов можно было запросто арестовать. Но и этого оказалось недостаточно. Пошло мощное давление на комиссию по выборам. 23.11 ее аресто-

вали, 27-го выпустили, но Ленин приказал Урицкому обосновать «пользу ареста» и не пускать членов комиссии в Таврический дворец, где она заседала.

На местах шла борьба, продолжали звучать требования о скорейшем созыве Учредительного Собрания. Ведь теперь у многих с ним связывались и чаяния на конец большевистского беззакония. И вот 19.12.17 Советы постановили, что оно «будет созвано, как только половина членов, именно 400 депутатов, регистрируется установленным порядком в канцелярии Таврического дворца». Легко понять, что решение опять играло на руку большевикам. Не говоря уж о «контрреволюционных» областях, отрезанных фронтами, Собрание предполагалось открыть, не дожидаясь депутатов от богатых переселенческих, казачьих и национальных окраин, где позиции ленинцев были самыми слабенькими.

Но, несмотря ни на что, становилось ясно — в открытой демократической борьбе большевики терпят полное поражение. И не только в демократической. Солдаты столичных полков — Преображенского, Семеновского, Волынского и др., — в октябре поддержавшие их, теперь все сильнее выражали недовольство. Поздно. Большевики уже начали обзаводиться новыми козырями. Одним из них были матросские отряды, хорошо наживавшиеся на обысках, реквизициях и презиравшие серошинельную разложившуюся «рвань». Кстати, далеко не все эти «матросы» были настоящими — как раз в такие отряды часто записывалась уголовная шпана, которой нравилось щеголять в морской форме (обратите-ка внимание, каким языком говорят «матросики» у Вишневского, Лавренева, Соболева).

Кроме того, после перемирия с немцами с фронта были сняты латышские полки. Латыши, исторически ненавидевшие немцев, среди общего развала сохранили боеспособность, дисциплину и организованность. То есть считались в 17-м частями «контрреволюционными». Но дезертировать и уехать домой в оккупированную Латвию они не могли. И большевики охотно приняли их к себе на службу, назначив высокую оплату *золотом*. То есть они стали профессиональными и верными хозяину наемниками — 8 полков, впоследствии развернутые в 16. Имелось еще одно немаловажное обстоятельство: русских латыши тоже исторически не любили, как хозяев Латвии после немцев. Что делало их, сами понимаете, идеальными карателями.

5 января Учредительное Собрание открылось. Большинство мест получили эсеры. Значительного представительства добились меньшевики. И кадеты — несмотря на запрет их партии. Ленин явился на первое заседание с заряженным револьвером в кармане, жутко возбужденный и окруженный бандой матросни. О нравах его «команды» говорит анекдотический факт — направляясь в зал, Ильич вспомнил, что забыл револьвер в кармане пальто. Но там его уже не оказалось. Сперли. Лишь через посредничество Дыбенко, перетряхнувшего своих подчиненных, нашли пропажу и вернули вождю пролетариата.

Предложенная большевиками «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа» с треском провалилась. Название пусть вас не смущает — ведь ключевым пунктом декларации и ее основным смыслом было утвердить в России существующее правление, подвести законную базу под результаты Октябрьского переворота. Предсе-

дателем, вместо Свердлова, навязываемого «сверху», был избран Чернов. Ленин вел себя откровенно по-хулигански — прыгал, хохотал, выкрикивал издевательские реплики. И другие большевики с ним. И левые эсеры тоже! Ну да разве могли они подозревать, что партнеры через полгода сожрут их самих? Они-то рассчитывали на честный сговор... Головорезы из ленинского окружения, бесцеремонно разместившись в проходах, свободных креслах, на галерках, хулиганили по-своему. Целились в ораторов из винтовок, клацали затворами...

Тем временем в поддержку Учредительного Собрания двинулись многотысячные мирные демонстрации. От рабочих районов, от учащихся, интеллигенции. Заслоны латышей и матросов встретили их огнем. Из пулеметов и винтовок — по толпе. Сколько народу погибло в этот день, сколько было переранено — неизвестно. Никто ж не считал... Большевики, левые эсеры, «левые мусульмане» и другие родственные партии, вдоволь «пошалив», покинули заседание, оставив остальных делегатов со своей охраной, продолжающей издевательства. А в ночь на 6-е последовало известное распоряжение Ленина «свободно выпуская всех из Таврического дворца, никого не впускать в него без особых приказов». И известный разгон: «Караул устал. Очистить помещение!» На следующий день вышел декрет о роспуске Учредительного Собрания.

К жертвам расстрела демонстрации добавлялись новые. Группа матросов, ворвавшись в Мариинскую больницу, заколола штыками находившихся там видных общественных деятелей, бывших депутатов Думы и депутатов Учредительного Собрания Шингарева и Кокошкина. Кое-кого из депутатов стали убивать на улицах — поди разберись, чья работа... Другие, справедливо опасаясь за свою жизнь, спешили покинуть Петроград.

Вообще-то, если разобраться, вряд ли из данного Учредительного Собрания вышло бы что-нибудь путное. Слишком уж много в нем было общего с предыдущими «Государственными» и «Демократическими» совещаниями, с беспомощным «предпарламентом». Не обладая ни реальной силой, ни единством, ни практической хваткой, вряд ли оно могло дать России что-то, кроме очередного потока говорильни. Но факт его разгона сыграл куда большую роль, чем факт созыва. Он стал ярким доказательством, что большевики не намерены считаться ни с чем и ни с кем. Похоронил надежды на то, что с ними можно бороться демократическими методами. И вызвал по России новую волну возмущения — не менее серьезную, чем после узурпации власти.

14. ПЕРВОЕ НАШЕСТВИЕ

В декабре 17-то необузданные, анархические орды первых красных отрядов ринулись во все стороны от столиц и крупных городов.

Финляндия объявила о независимости 26 ноября и начала выгонять разложившиеся русские части. Учитывая ее важное геополитическое положение, Финляндию быстренько признали и Германия, и Франция, и Англия. И Советы — 22.12. Лезть сюда с войной было бы «чревато». Тогда обильно снабдили финских коммунистов оружием, денежными средствами и в январе спровоцировали революцию. Белые

добровольческие отряды возглавил генерал-лейтенант русской армии Карл Густав Эмиль Маннергейм. Они отошли на север, в Вазе. Разгорелась война, очень ожесточенная, на истребление. Бои шли с переменным успехом до марта, когда белое правительство обратилось за помощью к Германии. Высадившаяся дивизия фон дер Гольца вместе с частями Маннергейма за месяц очистила страну от красногвардейцев. Гражданская война здесь закончилась.

В других местах красные действовали более успешно. Численно их отряды были небольшими — до нескольких тысяч. Но в каждом городе, каждом уезде находилось множество единомышленников — таких же любителей погулять, пограбить, поглумиться над «буржуями». Из них приставали к «армиям» единицы, зато в следующем населенном пункте ждали новые «большевики». Долго и упорно ползли красные войска по Украине. Сначала правительство Грушевского и Петлюры даже недоуменно запрашивало Петроград — «воюем мы или нет?» Потом поняло — «воюем». Армия Муравьева численностью около 8 тыс. штыков двигалась к Киеву. Кое-где вступали в стычки с украинскими войсками — вялые и скоротечные. Кого было защищать «вильну козацтву»? Самостийну неньку Украину? Но украинский национализм был тогда достоянием лишь небольшой части интеллигенции. Простой народ считал само собой разумеющейся жизнь в составе России. Даже к названию государства — «Украина» — еще не привыкли, оно только-только прозвучало. Центральную Раду защищать? Так она немногим от большевиков отличалась, последние даже больше благ обещали. Да и состояло «вольное козацтво» из тех же разложившихся солдат-фронтовиков. А против него двигалась хорошо вооруженная банда, прекрасно знающая свои выгоды и слабость противника. Везде было по-разному. Крупный Чернигов почти не пострадал — отделался 50 тыс. руб. «контрибуции», чтобы комендант и его штаб могли с утра до ночи пить, не просыхая. А провинциальный Глухов потонул в крови. Здесь расстреляли не только всех «буржуев», но и гимназистов, как «буржуйское семя».

15 января, подойдя к Киеву, большевики выставили в районе Дарницы свои батареи и начали бомбардировку города. Она продолжалась непрерывно одиннадцать дней! Одиннадцать дней по населенным кварталам гремели пушки. С семи утра до часу ночи. За день на город падало около 7 тыс. снарядов. Зачем — непонятно. Никакой военной необходимостью это не диктовалось. Рада и остатки ее войск давно сбежали в Житомир. Просто, видимо, красным взбрело в голову поэффектнее обставить штурм вражеской столицы. И рушились дома, полыхали пожары, гибли под обломками жители. Лишь 26-го большевики вошли в город. Начался второй акт трагедии — террор. Солдаты и матросы ходили по домам, останавливали прохожих. Брали бывших офицеров — тех, кто не ушел ни на Дон, ни к Петлюре, желая сохранить нейтралитет в междоусобице. Брали всех, кто был как-то связан с Украинской армией, показавшихся подозрительными или просто имел неосторожность представить документ украинского подданного. Брали священников, в том числе Киевского митрополита Владимира. Судьба их была одна — смерть. За несколько дней пребывания армии в городе было расстреляно не менее 2 тысяч человек. Затем Муравьев, вызвав представителей банков и промышленников,

содрал с города крупную контрибуцию, и его банды двинулись дальше — на Одессу.

Так и докатились до Бессарабии — дальше не получилось. Тут уже нашелся другой хозяин — румыны. По их науськиваниям, на их деньги действовал молдавский «парламент». Сославшись на беспорядки, вызванные собственной безответственностью, он пригласил румынские войска. Корпус ген. Броштиану 13 января вошел в Кишинев, быстренько расстрелял антирумынских деятелей — как белых, так и красных, — вымел за Днестр все силы, способные оказать сопротивление, и щелкнул по носу красным, сунувшимся было с Украины. В марте Бессарабия «добровольно» присоединилась к Румынии, и гражданская война для нее тоже окончилась.

Черноморские моряки, побитые Алексеевым и Калединым под Ростовом и Таганрогом, занялись завоеванием Крыма. Вернувшийся с поражением десант принес с собой ужас террора. После похорон убитых, привезенных с Дона, несколько дней шло истребление «контры, окопавшейся под боком» — морского офицерства, членов семей, а то и случайных «буржуев». Доходило до того, что ценных специалистов, соглашавшихся служить большевикам, прятали от расправы сами команды судов. С января флот переключился на другие города. Их захват происходил по одному сценарию. Подходили военные корабли, на город наводились пушки. Высаживался отряд. Подавлял сопротивление небольших воинских команд — татарских или местного самоуправления, если таковые вообще имелись. А затем при поддержке портового сброда устанавливалась «советская власть», начинались грабежи и репрессии.

Зверства творились неслыханные. Например, в Евпатории более 300 человек из офицеров и интеллигенции были истреблено на гидрокрейсере «Румыния». Обреченных, раздетых догола, выводили на палубу. Медленно, с побоями и издевками вырезали уши, нос, губы, половые органы, отрубали руки и лишь затем кидали в море. Подобными казнями лично любила руководить комиссарша-большевичка Антонина Нимич. Моряками были взяты Ялта, Феодосия, Евпатория, Керчь, а 13 января — резиденция татарского автономного правительства Симферополь. Татарское население, не принявшее большевизма, подверглось жестоким расправам наравне с «буржуазией». Рассказывали, что на Симферопольском вокзале, одном из главных своих опорных пунктов, матросы ходили по щиколотку в крови. Офицеров бросали в паровозные топки.

Победы были и на востоке. Атаман Семенов под станцией Оловянной потерпел поражение от отряда Лазо и отошел в Маньчжурию под защиту китайских войск. Но казаки, поддержавшие было Лазо, поссорились с полком уголовников из его войск, грабившим станицы, и разошлись по домам, бросив фронт. 19 января пал Оренбург. Полковник А. И. Дутов с небольшим отрядом верных казаков ушел в Верхне-Уральск, а оттуда — в Тургайские степи. 24 января пала Астрахань, что тоже сопровождалось волной погромов и убийств.

Туркестанская Советская республика провела сразу несколько скоротечных войн. Сначала — с казаками полковника Зайцева, которые из Персии и Хивы попытались шестью эшелонами прорваться на Урал. Под Самаркандом их остановили, после боя разоружили, а офи-

церов расстреляли. Потом Коканд провозгласил автономию во главе с Иргашем. Он был завоеван Россией всего полвека назад, и националистические настроения в Коканде были очень сильны. Провозглашение автономии сопровождалось разгромом европейского Нового города и резней русских. В ответ из Ташкента двинули отряд под командованием Перфильева. И он разбил Иргаша. Сопроводив победу разгромом азиатского Старого города и резней мусульман.

Наконец, Туркестанские совдепы попытались завоевать Бухарский эмират — самостоятельное государство, вассально зависевшее от русского императора. Однако у эмира армия была хоть и зачуханная, но регулярная. Конфликт завершился вничью, попытка покончить с «пережитком феодализма» не удалась, и правительство Советской России выразило стремление к установлению добрососедских отношений с Бухарским эмиратом и Хивинским ханством, «учитывая отсутствие у них революционной ситуации».

Не сдалось Уральское казачество — единственное войско, не поддавшееся большевистской пропаганде и революционному разложению. Дело в том, что на Урале не было раздела земель — казаки не получали надел, а брали в здешних степях сколько нужно. А главное — уральцы были староверами и за веру держались куда крепче, чем прихожане «официальной» церкви. «Постоять за веру», «пострадать за веру» здесь было далеко не формальными понятиями, впитываемыми с младенчества. Большевики для них однозначно стали «антихристами», и казаки, поднявшись до единого, так и не пустили их в Уральск.

Северный Кавказ взорвался, как пороховая бочка. Дагестан потянуло к Турции. К белым дагестанцы были лояльны, а против большевиков начали партизанскую войну. В Чечне враждовали полсотни партий, по числу шейхов. Но все партии сплоченно нападали на русских, громили казачьи станицы, грабили Грозный и нефтепромыслы. Ингуши грабили всех — казаков, осетин, большевиков, захватывали Владикавказ, соединялись с чеченцами против казаков. Осетины соединялись с казаками против большевиков и ингушей. Кабардинцы отняли у своих дворян землю и старались сохранять нейтралитет. Черкесы прятались в горах, преследуемые и уничтожаемые большевиками.

Из южных казачьих войск первым пало самое малочисленное, Терское. На него навалились со всех сторон. Мало-мальски боеспособные казачьи сотни должны были защищать край от чечено-ингушских набегов. В Армавире образовался ревком. В довершение бедствий на Терек хлынули разложившиеся толпы солдат Закавказского фронта. 13 декабря в Прохладной по приказу Владикавказского совдепа банда солдат отцепила вагон с терским атаманом Карауловым, после чего изрешетила огнем. Караулов погиб вместе со своим штабом, власть на Тереке перешла к местным советам.

На Кубань большевики повели наступление от Новороссийска. Правительство и Рада не знали, что предпринять. Под давлением «демократии» они боялись даже своих генералов, не говоря об Эрдели, представителе Корнилова на Кубани. Спасло положение назначение командующим 28-летнего летчика капитана Виктора Покровского. Молодой, энергичный, смелый и жестокий, типичный выдвиженец гражданской войны, он сумел сколотить добровольческий отряд и на-

голову разгромил красных под Эйнемом. За успех Кубанская Рада произвела его в полковники. Катастрофа отсрочилась...

А Дон, главную белую цитадель, обложили от Харькова, от Воронежа, от Таганрога, от Ставрополя. Но разве справились бы зимой 18-го большевики с Доном, если бы не позиция самих донцов? Объявив «нейтралитет», казаки расходились по станицам. А противостояли нашествию лишь Добровольческая армия в 2 тыс. штыков и около 400 донских партизан. Перебрасывались по несколько сотен, а то и десятков бойцов с участка на участок от Таганрога до Новочеркасска. Несли потери, но большевиков сдерживали. Из партизан отличался есаул Чернецов — дерзкий, смелый и волевой, еще один типичный выдвигенец гражданской войны. Своим маленьким отрядом он не только удерживал границу с Донбассом, не давал оттуда хлынуть местным красным формированиям, но и вторгался стремительными рейдами на большевистскую территорию, громил совдепы, рассеивал части красной гвардии.

Корнилов и Каледин в январе разделились. Оставив атаману офицерский батальон с батареей для защиты Новочеркасска и в качестве ядра для донских формирований, Добровольческая армия перешла в Ростов. Рассчитывали на помощь города, поддержку местных тузов, на новый набор — в Ростове жили до 16 тыс. офицеров. Тщетно. Тузы жались, офицеры все еще старались остаться в стороне от «междоусобицы». В армию вступила лишь небольшая часть.

Между тем новый взрыв изнутри потряс Дон. Регулярные полки, вернувшиеся с фронта, Каледин размещал по крупным станицам вдоль железных дорог. В Каменской были расквартированы 27, 44, 2-й запасной полки, сильно зараженные большевизмом. Туда же попали лейб-гвардии Казачий и Атаманский полки, торчавшие в Петрограде, а значит, и разболтавшиеся. Большевики не скупились на агитаторов, да и свои, местные, нашлись. И 10 января состоялся съезд фронтового казачества. В строю к этому времени осталась одна треть личного состава — бузу подняли те, кого меньше всего тянуло к земле, по станицам. Набрали делегатов еще от шести полков, пяти батарей, отдельных подразделений и объявили о переходе власти к ревкому во главе с Подтелковым.

Большевизм поначалу был специфический, казачий. Долой атаманов и все начальство, а корниловцев разоружить и выгнать. Вся власть «народу», то есть, мол, — нам. А раз власть народная, то и Красная гвардия из России не полезет. Они там — сами по себе, а мы сами по себе... Будем строить жизнь, как захотим. Каледин послал 10-й полк разогнать съезд и арестовать зачинщиков. Но даже этот полк, считавшийся надежным, любимое детище Краснова, приказа не выполнил и в состоянии «нейтралитета» примкнул к митингам. Переговоры Каледина с ВРК результатов не дали. Заигравшись «в революцию», казаки переизбрали командиров, начали занимать отрядами железнодорожные станции.

Тогда против них направили Чернецова. У него было всего несколько сот партизан, 2 легкие пушки и тяжелая батарея. Отчаянным рейдом он захватил узловые станции Зверево и Лихую, выбил красных, оставил там заслон и налетел на Каменскую. Вся масса революционных полков, батарей, отдельных подразделений была разбита и

в панике бежала. На Чернецова ударил другой враг. Красногвардейские отряды Саблина из России вышли в тыл горстке храбрецов, перерезав железную дорогу и сбив белый заслон из одной роты. Чернецов повернул на них, раскатал в пух и прах 3-й Московский полк, потрепал Харьковский полк и обратил Саблина в беспорядочное отступление.

Между тем Донревком, сбежавший после поражения в Миллерово, уже безо всяких оговорок отправил в Совнарком верноподданническую декларацию о признании центральной власти большевиков и запросил помощи. А красные казачьи полки, сбежавшие из Каменской, собрались в Глубокой. Из новых командиров выделился войсковой старшина Голубов. Хитрый и энергичный, он принялся сколачивать из всей этой каши боеспособное соединение на базе 27-го полка. Тем не менее следующий бой выиграл опять Чернецов. Совершив обход, он напал на Глубокую не по железной дороге, где его ждали, а из степи. Опять толпы революционеров бежали, побросав обозы и пушки.

Но на просьбу Донревкома о помощи уже охотно откликнулось красное командование. Уже шел на выручку Воронежский полк Петрова. На следующий день на Чернецова обрушились соединенные силы. Взяли в клещи. Основное ядро белых сумело прорваться и уйти. Но сам лихой командир, бывший в гуще боя, а с ним человек 40 офицеров были отрезаны и попались в плен. Их изрубили шашками. Чернецова кромсал лично председатель Донревкома Подтелков. Соединившиеся красные части Голубова, Петрова и Саблина двинулись на Новочеркасск.

И на других фронтах приближалась катастрофа. Отряд из юнкеров и офицеров под командованием А. П. Кутепова под Таганрогом нанес серьезное поражение армии Сиверса, захватив оружие, броневик, 24 пулемета. Но в тылу, на Русско-Балтийском заводе, рабочие подняли восстание. Сиверс, оправившись, перешел в контрнаступление, и Таганрог пал. В конце января красные части Сохацкого, наступавшие из Ставрополя, заняли Батайск, оказались только Доном отделены от Ростова. Правда, они настолько увлеклись грабежами и пьянством, что развить свой успех так и не смогли.

Дальнейшая оборона Ростова становилась бессмысленной — она означала бы лишь гибель зародыша белой армии, и так истекавшего кровью. Донское казачество не представляло никакой опоры, мало того, ударной силой красных становились теперь сами революционные казаки. «Дон от Дона я защищать не хочу», — говорил Корнилов. Начал разрабатываться план ухода на Кубань. Екатеринодар еще держался, сохранялись надежды на поддержку кубанского казачества.

Каледин предлагал стянуть всю Добровольческую армию к Новочеркаску. Алексеев и Корнилов возражали, что этим Дону уже не поможешь, а единственная реальная антибольшевистская сила окажется в ловушке и пропадет. 29 января атаман созвал совещание. От Добровольческой армии на нем присутствовал Лукомский. Он известил, что выделить силы для обороны Новочеркасска Корнилов не в состоянии — слишком плохо под Ростовом. Наоборот, Корнилов про-

сил вернуть ему офицерский батальон. А Каледин сообщил, что для защиты Новочеркасска у него остается 147 бойцов...

Большинство членов правительства заявили, что удержать столицу невозможно, и предложили атаману выехать в станицы, остающиеся еще верными, чтобы попытаться там организовать борьбу. Но Каледин, бесконечно уставший, морально и физически надломленный, ответил, что считает недопустимым для атамана бежать из Новочеркасска и скитаться по станицам. Полгода назад, когда его выбрали, он не хотел принимать атаманский пост. Но, приняв, считал себя обязанным нести крест до конца. Даже когда донское население, избравшее его, отшатнулось и изменило. В тот же вечер Алексей Максимович Каледин выстрелил себе в сердце.

И произошло чудо — потрясенный смертью атамана, Дон проснулся! Примолкла даже молодежь, а старики начали вооружаться, заявляя, что Дон согрешил пред своим атаманом и должен искупить вину. Тысячами в Новочеркасск потекли казаки. Малый Круг — делегаты еще не захваченных красными южных станиц — избрал наказным атаманом ген. Назарова. Была объявлена всеобщая мобилизация от 18 до 50 лет, формировались новые части. Наступление красных остановили... 4 февраля в Новочеркасск пришел с Румынского фронта 6-й Донской полк. Походным порядком от самого Днепра он прорывался с боями через большевистское кольцо. Выдержал много жестоких столкновений, но пробился. В полном порядке, при офицерах, никаких комитетов. Полку была устроена торжественная, с молебном встреча. Старики со слезами кланялись до земли, славя подвиг защитников Дона. Через два дня полк выступил на фронт, а уже 8 февраля... распропагандированный агитаторами, отказался воевать и ушел с позиций. И благородный порыв, вызванный смертью Каледина, тоже оказался скоротечным. Побряцав оружием, пошумев, покуражившись удалью, казаки снова начали разъезжаться по станицам.

Уже никто не сомневался, что дни Дона сочтены. Корнилов принял решение — уходить. Его представитель в Новочеркасске А. С. Лукомский предлагал атаману Назарову присоединиться к армии. Назаров отказался. Считал, что большевики не посмеют тронуть выборного атамана и Войсковой Круг. Говорил, что на Новочеркасск идут казаки Голубова, которого он когда-то спас от тюрьмы. И что, оставаясь, Круг с атаманом надеются спасти город от погромов. А уж если суждено погибнуть, отвечал Назаров, то так, как завещал Каледин, — не покидая атаманского поста.

Так он и погиб. 12 февраля части Голубова подошли к казачьей столице. Походный атаман Попов успел увести из города отряд белых донцов и вывез войсковые ценности. Круг выслал к Голубову делегацию для переговоров об условиях сдачи. Но, встретив ее, красные лишь обрадовались и тучей ворвались в Новочеркасск. Голубов с красногвардейцами вломился на заседание Круга. Наведя на депутатов пулеметы, объявил себя «красным атаманом». В ближайшие дни атаман Назаров и его штаб были расстреляны. А по донским городам, станицам и селам — еще две тысячи человек.

15. ЛЕДЯНОЙ ПОХОД

...Смело мы в бой пойдем
За Русь Святую,
И за нее прольем
Кровь молодую...

*Песня белых первопоходников,
впоследствии переделана красными.*

Ростов обложили со всех сторон. В город отошел последний заслон капитана Чернова, теснимый войсками Сиверса. Оставался узенький коридорчик, и Корнилов приказал армии выступить в поход. В ночь на 9 февраля в донскую зимнюю степь вышли добровольцы — все, что осталось от великой России. В колонне пешком шагал генерал Корнилов с солдатским мешком за плечами. На тележке ехал престарелый Алексеев, в чемоданчике — армейская казна. Вязли в снегу городские дамы, цепляясь за набитые повозки, брели старики — люди спасались от большевистского кошмара. А в бесконечной ленте обозов и беженцев затерялись маленькие воинские колонны — офицеры, юнкера, студенты. Кто в шинели, кто в штатском пальто, кто в сапогах, кто в рваных валенках. С начала формирования в армию записались 6 тыс. человек. Из Ростова выступили 2,5 тысячи. Остальные погибли в боях, лежали ранеными в лазаретах и частных домах, затерялись в круговерти событий.

По трескающемуся льду переправились через Дон и пошли от станицы к станице... Помощником командующего с главной обязанностью — заменить в случае гибели — Корнилов назначил А. И. Деникина. Правда, первым выбыл из строя Деникин. В путанице эвакуации он остался без вещей, вынужден был идти в гражданском костюме и дырявых сапогах. Через два перехода свалился с тяжелой формой бронхита. Продолжал путь по заснеженным степям в телеге, укутанный чужими одеялами.

Мастерски выведя армию из кольца, Корнилов остановил ее в станице Ольгинской. Это селение стало важным этапом на пути Белой гвардии. Здесь собирались воедино силы, рассеявшиеся после падения Дона. Подошел отряд Маркова, отрезанный от армии и пробившийся мимо занятого красными Батайска. Присоединились несколько казачьих отрядов. Догоняли офицеры, дотоле «нейтральные», сбежавшие из Ростова и Новочеркасска после начала террора. Подтягивались отставшие группы и раненые, притворяясь здоровыми. Всего собралось 4 тысячи бойцов. Здесь Корнилов провел реорганизацию, сводя воедино мелкие отряды. Первыми, положившими начало легендарным добровольческим дивизиям, стали: Офицерский полк ген. Маркова; Корниловский ударный полк полковника Неженцева; Партизанский полк (из пеших донцов) ген. Богаевского; Юнкерский батальон ген. Боровского, сведенный из Юнкерского и Студенческого «полков»; Чехословацкий инженерный батальон; три дивизиона кавалерии (один — из бывших партизан Чернецова, другой — из остальных донских отрядов, третий — офицерский). Да 8 трехдюймовок с ничтожным запасом снарядов — вот и все.

Огромному обозу беженцев было приказано оставить армию, те-

перь они могли спастись, рассредоточившись по станицам или поодиночке пробираясь в Россию. Все равно набралось много штатских, для которых пришлось сделать исключение: председатель Государственной Думы М. В. Родзянко, князь Н. Н. Львов, издатели братья Суворины, профессора Донского политехнического института. В обозе 200 раненых, оружие, снаряды...

Корнилов предлагал уйти в Сальские степи, где на зимовниках (усадебных и становищах племенных табунов) имелись большие запасы продовольствия, фуража, много коней. Близкая распутица, разливы рек не дали бы красным преследовать крупными силами, что позволяло выиграть время, выждать благоприятной ситуации. Алексеев резко возражал. Зимовники, вполне подходящие для мелких отрядов, были разбросаны на значительных расстояниях друг от друга. Там было мало жилых помещений и топлива. Армию пришлось бы распылить по подразделениям, которые красные могли бить по частям. Армия оказалась бы в блокаде, зажата между Доном и линиями железных дорог, лишенная пополнений и снабжения, и могла быть задушена в кольце. И, наконец, обречена на бездействие, исключена из хода событий в России.

Взамен предлагалось идти на Кубань, где еще сражался Екатеринодар, где была надежда на кубанское казачество. А в случае неудачи имелась возможность рассеяться в горах или уйти в Грузию. На военном совете к Алексееву присоединились Деникин, Романовский. Корнилова убедили двигаться на юг.

Но вмешался новый фактор. Стало известно, что ген. Попов увел из-под Новочеркасска отряды белых казаков. У него собралось 1600 сабель с 5 орудиями. Попов со своим начальником штаба Сидориным приехали к добровольцам. Из тех же соображений, что Корнилов, донцы собирались идти на зимовники и начинать оттуда партизанскую войну. Для них выбора не существовало — казаки не пошли бы с Дона в чужие края. Соблазнившись возможностью соединиться, Корнилов опять изменил решение. Армия получила приказ выступать на восток. Будто некое внутреннее чувство запрещало Корнилову идти на Екатеринодар, отталкивало от места будущей гибели. Но, с другой стороны, задержка, вызванная этими колебаниями, во многом оказалась роковой...

На Кубани с каждым днем накапливались огромные красные силы. Через Азербайджан по железной дороге, через Грузию по перевалам сюда шли и ехали полки с Закавказского фронта. Скапливались на всех узловых станциях, и из них без труда вербовали армии красные «главкомы» Автономов, Сорокин, Сиверс. Одним объяснили, что кубанская контра и Корнилов пробкой закрывают дорогу в Россию и, чтобы попасть домой, надо их разбить. Других соблазняла вольная житуха и райское изобилие — Северный Кавказ был полон неразграбленными фронтовыми складами, винными и спиртовыми заводами. Зачем было солдатам, отвыкшим за войну от труда, развращенным революцией, спешить в постылую деревеньку, если здесь представлялась такая возможность погулять и пограбить контру? Даже для иного хозяйственного мужичка разве не искушение — вместо серенького надела на Псковщине или Рязанщине отвоевать у богатеев-казачков кусок жирной кубанской земли с двумя урожаями в год, сада-

ми и виноградниками? В отличие от красных отрядов, штурмовавших с севера Дон и Украину, здесь сколачивались армии в десятки тысяч штыков.

В окруженном Екатеринодаре шли раздоры. Кубанская Рада, будто слепая, захлебывалась в речах, вырабатывая «самую демократическую в мире конституцию». Ее неказачья, иногородняя, часть склонялась отдаться красным. Атаман и правительство кидались то к Раде и демократии, то к Покровскому и Эрдели. Главнокомандующий Покровский сам косился на атаманское кресло, а Раду называл не иначе как «совдепом». Казаки-добровольцы то вступали в отряды, то бросали фронт. У офицеров опускались руки от этой безысходности. Не было ни цели борьбы (кроме самозащиты), ни лидеров, которым верили бы, ни перспектив. Все надежды связывали только с Корниловым, слухи о котором докатывались искаженные и преувеличенные.

А Корнилов уходил на восток. Двигались медленно, выслав разведку и организуя обоз. Для связи с Кубанью, переговоров о совместных действиях выехали переодетые генералы Лукомский и Ронжин. Но тут же попались красным. Побывали в лапах самого палача Сиверса. Каким-то чудом, невероятными стечениями обстоятельств сумели спастись. Скитались, пересаживаясь с поезда на поезд, выбираясь из одной передраги и влипая в другую, а в результате после массы приключений вместо Кубани очутились в Харькове.

Между тем стали сбываться худшие опасения Алексеева. Красные нащупали армию, начали тревожить ее мелкими наскоками. Дополнительные сведения, собранные разведкой о районе зимовников, оказались удручающими. Оставалось поворачивать на юг — в кубанскую мешанину. На марше Корнилов сделал армии первый общий смотр, пропуская мимо себя колонну, где рядовыми шли и студенты, и прапорщики, и капитаны, где взводами и ротами командовали полковники... Кочующий табор, над которым развевался последний в России трехцветный национальный флаг. Кучка людей, затерявшаяся в необъятных просторах...

А. И. Деникин писал: «Не стоит подходить с холодной аргументацией политики и стратегии к тому явлению, в котором все в области духа и творимого подвига. Пока есть жизнь, пока есть силы, не все потеряно. Увидят «светоч», слабо мерцающий, услышат голос, зовущий к борьбе — те, кто пока еще не проснулись». А всеобщий любитель, генерал Марков, принимая Офицерский полк, выразился короче: «Не спрашивайте меня, господа, куда и зачем мы идем, а то все равно скажу, что идем к черту за синей птицей...»

В последней донской станице, Егорлыкской, корниловцев встретили приветливо, с блинами и угощением, станичным сбором и теплыми речами. Дальше начиналось Ставрополье, где ждала иная встреча. Ясным, морозным днем по колонне ударила артиллерия. Вдоль речушки у села Лежанки протянулись окопы. Большевистский Дербентский полк, дивизион пушек, Красная гвардия. Корнилов атаковал с ходу, бросив в лоб Офицерский, а с флангов Корниловский и Партизанский полки. Юнкера выкатили артиллерию на прямую наводку. Марков, даже не дождавшись фланговых ударов, ринулся вброд через стылую грязь реки. И враг побежал, бросив пушки. Белые потеряли

убитыми 3 человек, красные — свыше 500. Половину — в бою, половину корниловцы после боя вылавливали по селу и расстреливали.

Гражданская война — страшное, грязное дело. В начале 18-го пленных не брали. Оправдывать в этом белых не стоит. Но понять... За их спиной были павшие Ростов, Новочеркасск, Таганрог, и они знали, что там творилось. Они вынесли на своей шкуре глумления, унижения и злобу 17-го. У одних уже погибли родные, у других — друзья. И. А. Бунин писал об этом: «Народу, революции все прощается — «все это только эксцессы». А у белых, у которых все отнято, поругано, изнасиловано, убито — родина, родные колыбели и могилы, матери, отцы, сестры — «эксцессов», конечно, быть не должно».

Командование этого, кстати, не поощряло, поэтому кое-кому везло. Группу молодых красноармейцев поймали недалеко от штаба, их приказали высечь и отпустить на все четыре стороны. Пойманных офицеров-артиллеристов Корнилов предал полемому суду. Офицеры заявили, что их заставляли стрелять насильно, и суд счел обвинение недоказанным. Их приняли в Добровольческую армию...

Войска Корнилова вступили на Кубань. Вначале это казалось сказкой, исполнением заветных желаний. Станицы, встречающие хлебом-солью. Богатство, сытость, радушные хозяева, приветливые улыбки... Сказка скоро кончилась. Наперерез корниловцам стали бросать отряд за отрядом. Но решительного натиска красные не выдерживали и стоять насмерть не считали нужным. А для Добровольческой армии каждый бой был вопросом жизни. Не победить — остаться в холодной степи. И они побеждали, опрокидывая заслоны. Под Березанской впервые встретились с красными кубанскими казаками. Их обратили в бегство одной атакой. А расправу Корнилов поручил местным старикам — они нагайками вразумляли свою сбившуюся с панталыку молодежь в станичном правлении.

Уже где-то близко должна была проходить, по расчетам, линия обороны Покровского. Соппротивление красных вдруг резко усилилось. Станция Выселки несколько раз переходила из рук в руки. Ее взяли, лишь введя в бой все силы. И узнали неприятные новости. Во-первых, совсем недавно здесь был бой Покровского с большевиками. Белые были разбиты и отошли в Екатеринодар. А во-вторых, на следующей станции, Кореновской, стояла 14-тысячная армия Сорокина с бронепоездами и большим количеством артиллерии.

4.03 началось сражение. В лоб пошли мальчишки-юнкера и студенты Боровского. Сбоку ударили Офицерский и Корниловский полки. Их встретили шквалом огня, остановили. Корнилов бросил в охват последний резерв — партизан и чехословаков. Патроны и снаряды были на исходе. Обоз запрашивал, выдавать ли последние. «Выдать, — приказал Корнилов, — боеприпасы мы захватим на станции». Красная конница замаячила в тылу. Командующий передал в обоз: «У вас есть два пулемета, здоровые люди. Защищайтесь сами. Я ничего дать не могу». Раненые, обозники строили из телег укрепления, занимали оборону. Корнилов ставил на карту все. Он лично остановил попятившиеся цепи, а сам со взводом верных текинцев и двумя орудиями обскакал станицу и открыл огонь по тылам. Началась общая атака, и красные побежали...

Но после тяжелой победы ждал еще один удар. В Кореновской

узнали, что такой близкий уже Екатеринодар пал. Правительство, в отличие от донского, постановило «сохранить себя, как идейно-политический центр». В ночь на 1.03 добровольцы Покровского, казачья фракция Рады, правительство и много беженцев покинули город, уходя в черкесские аулы. Здесь Покровский занялся переформированием частей, насчитывавших около 3 тыс. бойцов с артиллерией. Безвыходность положения встала настолько очевидно, что даже самые ярые «демократы» заговорили о соединении с Корниловым. Узнав о боях 2—4 марта, Покровский перешел в наступление, захватил переправу через Кубань под Екатеринодаром и два дня вел с красными перестрелку, уклоняясь от серьезных столкновений. Но...

Дело в том, что Корнилов, узнав о падении Екатеринодара, как раз в это время свернул в другую сторону. Армия крайне устала. Потеряла до 400 человек убитыми и ранеными. Крушение близкой цели нанесло тяжелый моральный урон. Решили уйти в горные станицы. Отдохнуть, разобраться в обстановке, выждать благоприятных обстоятельств. Сорокин, потерпевший поражение, но не разгромленный, немедленно двинул армию на преследование, прижимая добровольцев к Кубани. А впереди, в станице Усть-Лабинской, ждали свежие силы красных, туда стягивались эшелоны с войсками и бронепоезда из Кавказской и Тихорецкой. Пока Богаевский с партизанским полком еле-еле держал наседающие войска Сорокина, корниловцы и юнкера прорвали оборону, овладели мостом через Кубань, и армия выскочила из огненного кольца.

Но отнюдь не отдых ждал на левом берегу. Угодили в сплошной большевистский район. Каждый хутор, лесок встречали огнем сотен винтовок. Полки шли веером, с беспрестанными боями, выбивая и разгоняя противника. Каждый небольшой отряд, уклонившись в сторону, попадал в засаду. Селения оказывались покинутыми — жители разбегались, угоняя скот и унося продовольствие. Полыхали пожары, уничтожая дома и оставляя белогвардейцев в стужу под дождем. Едва располагались в населенном пункте, начинался артиллерийский обстрел. Однажды ночью снаряд попал в дом, где разместились Алексеев, Деникин и Романовский. Лишь по случайности никто не пострадал. Крупные силы красных, не отставая, но и не приближаясь, двигались по пятам. Мелкие банды нападали со всех сторон. Из газеты «Известия» узнали, что новые соединения против Корнилова скапливаются в Майкопе.

Скоро их встретили. 10 марта, форсируя реку Белую, армия попала в засаду, запертая в узкой долине. Тысячи красных, заняв окрестные высоты, поливали артиллерийским и пулеметным огнем, не давая поднять головы. Густыми цепями раз за разом лезли в атаки. Они уже торжествовали победу, сжимая кольцо. Сзади разворачивались преследующие части. Уже легкораненым выдали винтовки, а тяжелораненые спрашивали: «Сестрица, не пора ли стреляться?» Боеприпасы тоже были на исходе. Но торжество красных оказалось преждевременным. Продержавшись целый день, в сумерках поднялись в отчаянную атаку. Кольцо было прорвано, и армия, сопровождаемая беспорядочным артогнем, ушла в кавказские предгорья.

Увидели тут кошмар другого рода — одну из причин местного «казачьего большевизма». Здешние казаки, объединившись с ино-

родными, решили истребить «буржуев» — нищих черкесов, чтобы прибрать к рукам их земли. Крайне бедные, темные, живущие по родовым законам и шариату, черкесы не поняли и не приняли никаких революций, а значит, вполне попадали под разряд «контры». В ауле Габукай были вырезаны 320 человек, в ауле Ассоколай — 305, и в других аулах, где население не успевало убежать, — резали. Вместе с убийцами приезжали на подводах и жены, и дети, грабили скудный скарб. Добровольцы находили в пустых саклях груды человеческих внутренностей. Черкесы встречали корниловцев как избавителей. Мужчины садились на коней и брали оружие — мстить. Получив наконец-то сведения о Покровском, Корнилов повел армию тяжелейшими горными тропами.

А кубанцы после бесполезной вылазки к Екатеринодару оказались в критической ситуации. Едва начали отход в горы, красные преградили им путь. Нанесли поражение и стали окружать. 11 марта зажали под Калужской. Судьба их несколько раз висела на волоске. Пошли в бой обозные, старики, депутаты Рады. Отбили атаки, но из кольца не вырвались. Ночевали в поле под проливным дождем. Считали — все кончено. И вдруг появился разъезд корниловцев. Люди и верили, и не верили такому счастью. Радость была так велика, что наутро измученные кубанцы ринулись на красных и погнали их прочь.

14.03 в аул Шенджи к Корнилову приехал Покровский. Он попытался было выразить мнение кубанского правительства о самостоятельности своих частей при оперативном подчинении Корнилову, но тот отрезал однозначно: «Одна армия и один командующий. Иного положения я не допускаю». Деваться правительству и Покровскому было некуда — их армия желала идти с Корниловым. Силы объединились, и 15 марта Добровольческая армия, которую большевики уже списали со счетов, перешла в наступление.

16. ПОСЛЕДНЯЯ БИТВА КОРНИЛОВА

Святейшее из званий, звание «человек» опозорено, как никогда. Опозорен и русский человек — что бы это было бы, куда бы мы глаза девали, если бы не оказалось «ледяных походов»!

И. А. Бунин

Лил непрерывный холодный дождь. Дороги исчезли. Все превратилось в сплошное пространство воды и жидкой грязи. Потом к дождю добавился мокрый снег. Тем не менее Добровольческая армия продвигалась вперед. На подступах к станице Ново-Дмитровской — вздувшаяся речка без мостов, берега которой подернулись льдом. Ген. Марков нашел брод. Приказал собрать всех коней, переправляться верхом по двое. По броду начала бить артиллерия врага. К вечеру замела пурга, ударил мороз, лошади и люди обрастали ледяной коркой.

Станицу, битком забитую красными полками, договаривались брать штурмом с нескольких сторон. Но Покровский с кубанцами по-

считал невозможным наступать в такую жуткую погоду. Пушки завязли в грязи. Добровольческая армия надолго застряла на «конной» переправе. И авангард, Офицерский полк, оказался у станицы один. Марков решил: «Вот что, ребята. В такую ночь без крыши все тут передохнем в поле. Идем в станицу!» И полк бросился в штыки. Опрокинули линию обороны и погнали по станице, где грелись по домам не ожидавшие такого удара основные красные силы. Подъехал Корнилов со штабом. Когда они входили в станичное правление, оттуда в окна и другие двери выскакивало большевистское командование.

Два дня подряд красные контратаковали, врывались даже на окраины, но каждый раз их отбивали с большим уроном. 17.03 подтянулись кубанцы. Атаман Филимонов, председатель Рады Рябовол, глава правительства Быч, Покровский. Снова заикнулись было об «автономной армии суверенной Кубани». Снова получив категорическое «нет», попробовали встать в позу — что они, мол, снимают с себя всякую ответственность. «Ну нет! Вы не смеете уклоняться. Вы обязаны работать и помогать всеми средствами командующему армией!» — поставил все на свои места Корнилов. Покровского он отстранил «в распоряжение правительства для дальнейшего формирования Кубанской армии», а воинские части перемешал со своими, объединив в три бригады — Маркова, Богаевского и Эрдели.

Но чтобы штурмовать Екатеринодар, нужны были боеприпасы! И вот конница Эрдели пошла брать кубанские переправы, Богаевский с боями очищал окрестные станицы, а Марков 24.03 атаковал станцию Георгие-Афипскую с 5-тысячным гарнизоном и складами. Внезапным нападение не получилось. Красные огнем остановили добровольцев. Пришлось перебросить сюда и бригаду Богаевского. Бой был жесточайшим. Получил ранение генерал Романовский, Корниловский полк трижды ходил в штыки. Но станцию взяли, и главное драгоценные трофеи — 700 снарядов и патроны!

Два моста через Кубань, деревянный и железнодорожный, естественно, сильно охранялись и могли быть взорваны. Поэтому Эрдели по приказу Корнилова стремительным броском занял единственную паромную переправу у станицы Елизаветинской. Замысел был дерзкий. Войска выходили на штурм не с юга, где их ждали, а с запада. Кроме того, переправившись на пароме грузоподъемностью 50 чел. да рыбачьих лодках, армия, как Дмитрий Донской на Куликовом поле, отрезала себе путь к отступлению.

Но счастье уже начало изменять белогвардейцам. Одна за другой последовали ошибки. Штаб оценил силы большевиков в 18 тыс. чел. при 2—3 бронепоездах и 10—14 орудиях. Он ошибся по крайней мере втрое. Совершил ошибку и Корнилов: оставил за Кубанью прикрывать переправу и обоз бригаду самого боевого генерала — Маркова.

27.03 началось сражение. Красные повели наступление на переправу от Екатеринодара. Корниловский и Партизанский полки «психической» атакой, без выстрела, опрокинули их. Толпы большевиков в панике бежали. И легкость победы вызвала новую ошибку — Корнилов приказал немедленно штурмовать город, еще не подтянув всех сил. Еще одна ошибка — желая разделаться с красными сразу, Добровольческая армия принялась обкладывать Екатеринодар со всех сто-

рон. Большевикам некуда было отступать. Против них начали восстанавливать окрестные станицы, присылая к Корнилову отряды казаков.

28-го сражение приняло сразу ожесточенный характер. Если белые вынуждены были экономить каждый снаряд, огонь красных орудий достигал 500—600 выстрелов в час. Старые вояки вспоминали, что такой шквал огня редко испытывали даже на германском фронте. Чередовались атаки и контратаки. Все же белогвардейцы упорно продвигались, очищая предместья, и зацепились за окраины — дорогой ценой, потеряв около 1000 человек. В том числе были ранены командир Партизанского полка ген. Казанович, командиры кубанцев Улагай и Писарев, командир донцов Лазарев. Бой продолжался и ночью. Но фронт не продвинулся, приведя лишь к новым потерям. А из Новороссийска прорвались еще несколько поездов с матросами.

29-го подтянулась бригада Маркова, и Корнилов бросил на штурм все силы. Марков, лично возглавляя атаку, занял сильно укрепленные Артиллерийские казармы. Узнав об этом, Неженцев поднял поредевший Корниловский полк — и был убит пулей в голову. Его заменил полковник Индейкин — и свалился раненым. Атака захлебнулась. Подошедший с резервным батальоном партизан раненый Казанович выправил положение, прорвал оборону большевиков и ворвался в Екатеринодар. Успех был так близок! Но Казановича никто не поддержал. Кутепов, принявший корниловцев, уже не мог поднять в атаку расстрелянные войска. На командном пункте полка оставалось всего трое живых, остальные были убиты. Марков не получил донесения Казановича. И тот всего с 250 бойцами дошел по улицам до центра города. Захватил повозки с хлебом, патронами и снарядами. И лишь под утро, удостоверившись, что помощи не предвидится, повернул к своим. Шли колонной, встречным большевикам выдавали себя за красный «Кавказский отряд», следующий на позиции. Красные перемешались с белогвардейцами, шли и мирно беседовали. И лишь когда через линию обороны потянулся захваченный обоз, почувяли неладное и открыли огонь. Казанович прорвался, но шанс был упущен.

30-го продолжались бои, хотя войска уже выдохлись. Измотанные и выбитые, они не могли продвинуться ни на шаг. Кое-где пятились. Присоединившиеся к добровольцам окрестные казаки стали расходиться по домам. В середине дня состоялся военный совет. Картина выявилась катастрофическая. Командный состав выбит. Огромные потери: только раненых — свыше полутора тысяч. В Партизанском полку остались 300 штыков, в Корниловском — еще меньше. Боеприпасов нет. Настал предел человеческих сил. Даже Марков заснул прямо на совещании, опустив голову на плечо Романовского. Корнилов, выслушав всех, сказал, что другого выхода, как взятие города, нет. Отступить большевики не дадут. Без боеприпасов это будет лишь медленная агония. Он принял решение дать войскам день отдыха, перегруппировать силы, а 1-го апреля идти в последнюю отчаянную атаку. И решил сам вести армию на штурм... Марков, вернувшись в штаб бригады, сказал: «Наденьте чистое белье, у кого есть. Будем штурмовать Екатеринодар. Екатеринодара не возьмем, а если и возьмем, то погибнем».

Начаться штурму было не суждено. Одинокую ферму, где распо-

ложился штаб Корнилова, красные обстреливали уже несколько дней. Корнилову неоднократно указывали на опасность, но он относился к близким разрывам равнодушно, 31-го ситуация повторилась. Снова его просили перенести штаб. Он ответил: «Теперь уже не стоит, завтра штурм». В восьмом часу утра снаряд попал прямо в домик, пробил стену и взорвался под столом, за которым сидел Корнилов. Силой взрыва его отбросило и ударило о печь. Когда вбежали в комнату, он еще дышал. И скончался, вынесенный на воздух, на руках Деникина, Романовского, адъютанта Долинского и нескольких случайных офицеров. Смерть командующего хотели скрыть от армии хотя бы до вечера. Тщетно. Мгновенно узнали все. Люди, прошедшие огонь и воду, плакали навзрыд... Смерть Корнилова нанесла армии последний жестокий удар. Оставалось одно — отступить. Попытаться спасти то, что еще уцелело.

Тело Корнилова в сопровождении верных текинцев отвезли в Елизаветинскую. Омыли и уложили в сосновый гроб, украшенный первыми весенними цветами. Чтобы убереечь останки от врагов, станичный священник тайно отслужил панихиду. 2 апреля похоронили — тоже тайно, в присутствии лишь нескольких человек конвоя. Рядом похоронили его друга и любимца полковника Неженцева. Могилы сровняли с землей. Даже командование, чтобы не привлекать внимания, проходило стороной, прощаясь издалека.

Пустое! Красные всюду искали клады и драгоценности, якобы зарытые корниловцами. И раскопали свежие могилы. Захваченная в плен белая медсестра пыталась утверждать на допросах, что это не Корнилов. Все равно опознали, привезли в Екатеринодар. Пьяные командиры, Сорокин и Золотарев, спорили, кому принадлежит труп. Тело снимали на фотографии, сорвали одежду, принялись вешать на дереве, кромсать шашками. Наконец уже бесформенную массу увезли на городские бойни и стали жечь, обложив соломой. В присутствии высших чинов советской власти, прикативших на автомобилях. Пьяные — жгли, плясали и растаптывали ногами. Через несколько дней устроили шутовские «похороны» Корнилова и при этом грабили квартиры, требуя денег «на помин души».

Дорого обошлось большевикам последнее сражение Лавра Георгиевича. Только по официальным данным, они потеряли при обороне Екатеринодара свыше 15 тыс. человек, из них 5 тыс. убитыми. Ранеными были забиты все лазареты и санитарные поезда по линиям железных дорог... Летом 18-го на месте гибели Корнилова был установлен простой деревянный крест. Рядом с крестом была похоронена его жена, пережившая мужа всего на полгода. В 1920-м после завоевания Кубани большевики сломали кресты и разорили ее могилу...

17. АНТОН ИВАНОВИЧ ДЕНИКИН

Вся его биография — послужной список честного, смелого и талантливого солдата. Он родился в 1872 г. в г. Влоцлавске. Отец был из крепостных крестьян — сданный в рекруты, он выслужился в офицеры и вышел в отставку майором. Мать — польская швея. Жили Деникины в бедности — на 45 рублей пенсии отца. Отец умер — и пен-

сия стала 20 рублей. Будущий генерал и учился, и подрабатывал на хлеб репетиторством. После реального училища поступил в полк вольноопределяющимся, служил на солдатских правах и солдатском довольствии. В 1892 г. был произведен в офицеры, в 1895 поступил в Академию Генштаба. Но причислен был к Генштабу лишь через два года после выпуска в результате скандала — из-за несправедливости в распределении выпускников провинциальный штабс-капитан Деникин осмелился подать жалобу самому императору на военного министра Куропаткина.

Задолго до революции обжегся на «сознательности». Не только вывел рукоприкладство в своей роте, но и... отменил дисциплинарные взыскания. Внушал подчиненным, какие они хорошие люди, учил помогать друг другу и следить за собой. Рота так разболталась, что Деникин должен был уйти. А старый фельдфебель Сцепура после его откомандирования показал солдатам огромный кулак и сказал: «Теперь вам не капитан Деникин. Поняли?...» В эти же годы он начал писать рассказы и статьи на военную тематику, публиковавшиеся в журналах «Разведчик» и «Варшавский дневник». Отличился во время русско-японской войны начальником штаба Забайкальской казачьей дивизии, а затем — знаменитой Урало-Забайкальской дивизии ген. Мищенко, прославившейся дерзкими рейдами по тылам противника. В Цинхеченском сражении одна из сопкок вошла в военную историю под названием Деникинской.

Здесь же приобрел первый опыт «добровольчества» — в 1905 г. пути из Маньчжурии в Россию перекрыли несколько анархических «республик», и Деникин с группой офицеров, чтобы попасть домой, сколотили отряд из надежных бойцов и на эшелоне с оружием в руках прорвались через бунтующую Сибирь. В мирное время, зачастую рискуя карьерой, он активно выступал в печати против отживших порядков в армии и ретроградов в высшем командовании. К политическим партиям не принадлежал, но по взглядам считал себя либералом, считал, что России нужны конституционная монархия, радикальные реформы и мирные пути обновления.

В 1914 г. пошел на фронт командиром 4-й стрелковой бригады, которую называли Железной, впоследствии развернутой в дивизию. Слава этого соединения гремела на всю Россию, а его командир за успешные операции и личный героизм был награжден Георгиевским оружием, орденами Св. Георгия 4-й и 3-й степени и Золотым Георгиевским оружием с бриллиантами. В 1916 г. был назначен командовать 8-м корпусом на Румынском фронте, где фактически он руководил и румынскими войсками, заслужив высший орден этой страны — Св. Михаила.

После революции Деникина назначили начальником штаба Верховного Главнокомандующего Алексеева. Вместе с Алексеевым он и ушел из Ставки после подписания Керенским «Декларации прав солдата». Командовал Западным фронтом, затем принял у Корнилова главный, Юго-Западный. В дни корниловского выступления послал правительству телеграмму: «Я солдат и не привык играть в прятки. 16 июня на совещании с членами Временного правительства я заявил, что оно разрушило, растлило армию и втоптало в грязь наши бое-

вые знамена... Сегодня получил известие, что генерал Корнилов, предъявивший известные требования, могущие спасти страну и армию, смещается с поста... Видя в этом возвращение власти на путь планомерного разрушения армии и, следовательно, гибели страны, считаю долгом довести до сведения Временного правительства, что по этому пути я с ним не пойду».

За это он был арестован, подвергся глумлению толпы и чуть не растерзан солдатней. Бердичевская тюрьма. За ней — Быховская и побег на Дон. В отличие от Корнилова, воевавшего по-суворовски — «глазомер, быстрота, натиск», Деникин был мастером хитрого маневра, любил побеждать врага умом, неожиданными тактическими приемами. Но он был еще и заботливым, любящим сыном, посвятив все годы своей молодости уходу за больной матерью. И лишь после ее смерти в 1916 г., будучи уже генералом, сделал предложение Ксении Васильевне Чиж — женщине, которая была на 20 лет младше его и с которой он много лет состоял в трогательной переписке. Свадьбу они отложили до окончания войны. Она нанимала ему адвокатов после ареста, приезжала в Быхов, а потом приехала и на Дон. 7.01.1918 в полуосажденном Новочеркасске состоялось их скромное венчание, на котором присутствовали лишь несколько ближайших друзей...

После смерти Корнилова Алексеев сказал: «Ну, Антон Иванович, принимайте тяжелое наследство. Помогите вам бог!» И был составлен приказ за подписью Алексеева о вступлении Деникина в командование Добровольческой армией. При этом возник неожиданный казус — как же ему подписаться? Оказалось, что скромный основатель армии так и не придумал для себя никакого официального поста. Начальник штаба Романовский предложил: «К чему теперь формальности? Подпишите просто — генерал Алексеев. Разве добровольцы не знают, кто вы такой?»

Положение ухудшалось. Красные пытались охватить левый фланг армии. Эрдели едва сдерживал их конными атаками. Туда бросили последние резервы. Гибель Корнилова завершила моральный надлом. Деникин решил выводить армию из-под удара. С юга была река Кубань, с востока — Екатеринодар, а с запада — плавни и болота. Оставался путь на север. После захода солнца войска скрытно снялись с позиций и пошли в полную неизвестность. Имея единственную цель — вырваться. Уходили в порядке, с обозом и артиллерией. Хотя из Елизаветинской не смогли вывезти 64 раненых — по окрестностям уже рыскал враг, телег не хватало. Начальник обоза вынужден был принять жестокое решение — оставить безнадежных и тех, кто все равно не вынес бы перевозку. С ними остались врач, медсестры, деньги на питание... Спаслись 11, остальные были зверски убиты.

Уже с рассветом колонну обнаружили. Из попутных станиц встретили ружейным и артиллерийским огнем. Бронепоезд стал обстреливать арьергард. Красных выбили атакой. Пытавшуюся приблизиться многочисленную пехоту отогнали пушечными выстрелами. После 50-километрового марша армия остановилась в немецкой колонии Гначбау. Впереди лежала Черноморская железная дорога, занятая красными. Сзади появились крупные преследующие силы, начали окружать селение, десятков орудий повели обстрел. Это был один из самых

трудных дней. После неудачного штурма, отступления, потерь люди теряли самообладание. Впервые появилась паника. Бригада Богаевского, выдвинувшись в поле, отбивала атаки. Деникин приказал сократить обоз, оставив одну повозку на 6 человек. Оставить лишь 4 орудия — для них все равно было лишь 30 снарядов. Остальное испортили и поломали.

Деникин хитрил. Перед самым закатом авангард выступил на север. Его заметили, начали обстреливать ураганным огнем. Но едва стемнело, колонна круто повернула на восток. Вышли к железной дороге вблизи станции Медведковской. Марков со своими разведчиками захватил переезд, от имени арестованного сторожа поговорил по телефону с красным станционным начальством и заверил, что все в порядке. На станции был бронепоезд, 2 эшелона пехоты. А под боком у них, на переезде — весь белый штаб. Офицерский батальон и другие части начали разворачиваться против красных, но их заметили часовые. Раздались выстрелы. И через несколько минут выкатился бронепоезд, надвигаясь на переезд, где собралось все командование — Деникин, Алексеев, Романовский, Марков и несколько разведчиков.

Счет шел на секунды — и генерал Марков один, размахивая нагайкой, бросился навстречу бронепоезду: «Стой! Раздавишь, сукин сын! Разве не видишь, что свои?!» Ошеломленный машинист затормозил, и Марков тотчас зашвырнул в кабину паровоза гранату. Бронепоезд ошестинился огнем, но уже подоспел начальник артиллерии Миончинский. С ходу развернули пушку и в упор — снаряд в паровоз, несколько снарядов по вагонам. И подбежавшие со всех сторон стрелки Офицерского полка во главе с Марковым полезли на штурм. Рубили топорами крышу и бросали туда гранаты, стреляли через бойницы. Подложили смоляной пакли и подожгли. Большевики упорно защищались, но были перебиты. Тогда добровольцы бросились тушить и расцеплять вагоны, спасая драгоценные боеприпасы. Взяли 400 снарядов, 100 тыс. патронов и радовались такому счастью. Боровский, поддержанный Кубанским стрелковым полком, атаковал тем временем станцию и взял ее после рукопашной схватки. Часть большевиков успела погрузиться в поезд и бежать, остальных уничтожили. А через переезд уже текли многочисленные телеги обоза — раненые, беженцы. С юга сунулся было второй бронепоезд. Белая артиллерия встретила его точным огнем, и он отошел, продолжая обстрел на предельной дистанции и не причиняя вреда.

Армия вырвалась из кольца. И воспрянула духом, ожива, одержав победу. Снова обрела веру в себя. И попала в район дружественных станиц, где снова встречали хлебом-солью. Без серьезных боев пошли форсированными маршами. Деникин ловко обманывал красных. Резко менял направление движения. Объявлял в станице один маршрут, а выступал по другому. Когда советские газеты захлебывались восторгами по поводу «разгрома и ликвидации белогвардейских банд, рассеянных по Северному Кавказу», Добровольческая армия оторвалась от противника, отдохнула, окрепла и вышла опять к границам Дона и Ставрополя.

Первый Кубанский, или Ледяной поход длился 80 дней, из них 44 — с боями. Армия прошла свыше 1100 километров. Выступили в

поход 4 тыс. человек, вернулись — 5 тыс. Похоронили на Кубани 400 убитых и вывезли 1,5 тыс. раненых, не считая оставленных по станциям. Ледяной поход стал крещением Белой гвардии, ее легендой. В нем родились белые герои и белые традиции. Впоследствии для первопоходников был учрежден особый знак — меч в терновом венце на Георгиевской ленте.

18. БРЕСТСКОЕ ПОЗОРИЩЕ

Заклучивший договор с нечистым рано или поздно должен расплачиваться. Пришла и для большевиков такая пора. Как уж они продались год назад — неважно. Прямой ли шпионаж, в котором подзревали Ленина и иже с ним. Или прав был немецкий социал-демократ Бернштейн: «Некоторые ищут разрешения загадки в том, что первоначально большевики по чисто деловым соображениям воспользовались немецкими деньгами в интересах своей агитации и в настоящее время являются пленниками этого необдуманного шага». Факт остается фактом.

Но дело в том, что в данном случае двое «нечистых» заключили договор между собой, поэтому начали тягаться, кто кого обманет. Съехались в декабре. Советскую делегацию возглавлял Иоффе. Большевики, казалось, даже удивились, что германцы не хотят отказаться от оккупированных областей и за просто так отдать их Советам. Долго обсасывали формулу всеобщего мира без аннексий и контрибуций. Она устраивала только Австрию. Германский Генштаб рассчитывал, заключив мир на востоке, одержать победу на западе, т. е. выйти из войны с выигрышем. Красных не устраивало, что в результате «права наций на самоопределение» они неминуемо теряют Прибалтику, Польшу и, возможно, Закавказье. Долго бодались из-за этого права. Большевики считали, что волеизъявление народов в условиях германской оккупации будет недемократичным, а немцы возражали, что в условиях большевистского террора волеизъявление будет еще менее демократичным. Все же кое-как слепили декларативную формулу мира без всякой надежды, что ее кто-нибудь примет — не только Антанта, но и сами авторы. И разъехались.

Переговоры были напичканы курьезами. Так, перед самым выездом из Петрограда в Брест большевикам вдруг пришло в голову, что в их делегацию обязательно должны входить представители «революционного народа», и они прихватили с собой первых попавшихся — солдата, матроса, рабочего и крестьянина. Причем подходящего крестьянина отловили на улице уже по дороге на вокзал и соблазнили ехать большими командировочными. Конечно, на заседаниях эти одиозные фигуры не играли никакой роли, помалкивая в тряпочку. Но тем не менее их педантично сажали «выше» приехавших с большевиками генералов и офицеров Генштаба. «Представители народа» числились «полномочными делегатами», а офицеры — всего лишь «консультантами». Зато для чинов и обслуживающего персонала германской Ставки эти «полномочные делегаты» служили превосходной забавой. Например, во время заключительного обеда «предста-

витель трудового крестьянства» Сташков так надрался, что уже не мог поставить свою подпись под соглашением о прекращении военных действий. А когда пришло время ехать на вокзал, начал брыкаться: «Домой? Не желаю домой! Мне и здесь хорошо! Никуда я не поеду!» Его приводили в чувство всем составом «советских дипломатов», а немцы деликатно подали санитарный автомобиль, куда и загрузили на носилках нетранспортабельного «делегата».

Что касается коммунистических лидеров, то они еще тогда, в 17-м, заложили основы четких стереотипов поведения «советского человека» за границей. Секретарь делегации Л. М. Карахан с ходу занялся бурной коммерцией. Он срочно затребовал из Петрограда «царских» денег и принялся обменивать их на немецкие: в Питере 1 марка котировалась в 8 рублей, а в Бресте деньги шли по довоенному курсу, 1 рубль — 2 марки. А местные крестьяне, с которыми связался «красный дипломат», давали и того больше — 3,5 марки за «николаевский» рубль. На эти средства Карахан принялся скупать в немецких военных магазинах все, что под руку подвернется: часы, обувь, мануфактуру, косметику, вино. В результате вынужден был вмешаться начальник штаба Восточного фронта ген. Гофман, которому германский «военторг» направил жалобу, что уже не в состоянии обеспечивать товарами собственных офицеров.

Иоффе и Каменев под предлогом посещения лагерей военнопленных и «облегчения их участи» ездили отовариваться в Варшаву. Не отказывали себе и в других удовольствиях. Сопровождавшие их германцы потом со смехом рассказывали «военспецам», как еврей Каменев вошел в роль русского вельможи и плясал «русскую» в варшавском публичном доме. Когда делегация уезжала, закупленное «дипломатами» барахло не умещалось в купе и загромождало проход вагона. Через линию фронта вещи Карахана таскали 10 солдат-носильщиков. А по приезду в Питер он загрузил ими огромный лимузин, куда едва поместился сам. Причем, по воспоминаниям подполковника Д. Г. Фокке, секретарь был настолько увлечен перевозкой собственных покупок, что забыл на вокзальных ступенях... портфель со стенограммами, протоколами, подлинниками соглашений, перепиской — в общем, со всей главной документацией брестских переговоров. Случайно замеченный «военспецами», портфель был передан Каменеву.

Советы попробовали тянуть резину до бесконечности, предложили перенести переговоры из Бреста в нейтральный Стокгольм, куда могли бы стянуть зарубежную социал-демократию и превратить процедуру в теоретический митингующий балаган. Центральные державы, понятно, отказались. И отчаянно боялись — что, если большевики прервут переговоры? Для них это было бы катастрофой. У них начинался голод, а продовольствие можно было найти только на востоке. Они не могли уйти из оккупированных областей — эти области уже работали на их снабжение, поддерживая разваливающуюся экономику. На союзном совещании панически прозвучало: «Германия и Венгрия не дают больше ничего. Без подвоза извне в Австрии через несколько недель начнется поварный мор».

И воевать-то с Россией, даже оставшейся почти без армии, Цент-

ральные державы тоже не могли! Увоз материальных ценностей в глубь страны, необъятные пространства, партизанская война были для них смертельной угрозой. Поэтому австрийский представитель граф О. Чернин писал, что, едва узнали о возвращении большевистской делегации, «было любопытно видеть, какая радость охватила германцев, и эта неожиданная и столь бурно проявившаяся веселость доказала, как тяжела была для них мысль, что русские могут не приехать». Австрия грозила, что, если Германия расстроит переговоры, то она сама заключит сепаратный мир.

На второй раунд приехал Троцкий. Ситуация изменилась с прибытием украинской делегации. Первое, чего они требовали за мир, — своего признания. Думаете, они приехали робкими просителями, марионетками? Вот уж нет! У них в руках был хлеб. И они начали брать австро-германцев за глотку. Потребовали принадлежащие Австро-Венгрии Галицию и Буковину, где жило много украинцев. Когда их притязания постарались умерить, уперлись в предоставление этим областям автономии с особым управлением. И вовсе не спешили соглашаться на признание старой государственной границы. Троцкий снова торговался о Польше и Прибалтике. А в это время вспыхнула голодная забастовка в Вене, за ней — экономическая забастовка в Берлине. И немедленно украинцы стали нагнать в своих притязаниях, требовать больших уступок за свой хлеб. И Троцкий приободрился — он ждал ни много ни мало... мировой революции. Снова все зашло в тупик. Разъехались.

Третий раунд начался через неделю. И опять в новой ситуации — на Украине красные громили Раду и подходили к Киеву. Троцкий теперь отказывался признавать украинскую делегацию, называл Украину неотъемлемой частью России, а договоры с ней — вмешательством в русские дела. Он уже рассчитывал на близкий революционный взрыв в Германии и Австрии, строил тактику на выигрыше времени. Делегации Центральных держав ставили его с украинцами, и хохлы Северюк с Левицким высказали Троцкому по-простому, в открытую, все, что думали о большевиках и о нем лично. От такого ушата, выплеснутого в морду на глазах у Европы, Троцкий ошалел. Он сидел бледный как полотно и механически рисовал что-то на бумажке, а по лицу капались крупные капли пота... Конец словопрениям пришел внезапно — в Берлине перехватили радио из Петрограда к немецким солдатам, где их призывали к убийству императора, генералов и к братанию с Советами. Вильгельм рассвирепел, приказал немедленно прервать переговоры, а вдобавок потребовал у большевиков неоккупированные части Эстонии и Латвии. Украинцы же по мере успехов красных войск становились все сговорчивее. И 8 февраля (26 января), в день падения Киева, с ними был заключен мир.

Но большевики тоже были в отчаянном положении, хотя боялись не за страну и народ, а за свою власть. Воевать им было нельзя — через несколько дней немцы оказались бы в Петрограде и скинули их. И заключать такой мир не могли — иначе скинули бы свои. Если совдепы прифронтовых областей требовали мира любой ценой (оккупанты-то их разгула не потерпят), то такие же совдепы глубинной России, особенно Сибири и Дальнего Востока, вопили о революционной

войне. Поэтому формула Троцкого «ни войны — ни мира», объявленная 11 февраля и согласованная, кстати, с Лениным, была единственным выходом, завершившим переговоры.

Зато подобная двусмысленность никак не устраивала Центральные державы. А если большевики завтра падут? А если отобилизуют новую армию? Сменят курс? Вероломства и низости им не занимать. Решились на последнее средство — пугануть их как следует. Впрочем, Троцкий в Бресте и сам очень уж прозрачно намекал, что коммунисты никогда не поступятся своими принципами, но... если речь пойдет о грубых аннексиях, то должны будут склониться перед силой...

Немцы подтянули несколько дивизий второочередного ополчения — ландсвера, а также из числа потрепанных на западе и проходивших переформирование, и двинули в Россию. В этот же день перепуганный Совнарком известил по радио, что принимает все условия. Да они же только этого и ждали! Одно дело — отдаться по согласию, а другое — выставить себя изнасилованной овечкой. Но Германия не спешила останавливаться. Пугануть — так уж как следует, чтоб завтра не передумали, да и ресурсы лишние прихватить. Нет, ни боев, ни сопротивления не было. И фронта тоже. И занимали немцы не территорию — на это сил у них не было. Просто ехали на поездах от станции к станции, поочередно оккупируя города. И никакие героические красногвардейцы их не останавливали — они сами остановились, дойдя до Нарвы, Пскова, прибрав Эстонию и Белоруссию. Свергать большевиков они не хотели. Никакое другое правительство не предпочло бы свою власть национальным интересам и мира не заключило бы. Да и Ленину их беспрепятственный марш пришелся на руку — многие сторонники «революционной войны» сразу прикусили языки.

И заключен был Брестский мир. С условиями, далеко не такими, как начальные. Кроме Финляндии, Польши, Литвы и Латвии, как предполагалось в декабре, от России отторгались Эстония, Украина, Крым, Закавказье. Россия демобилизовывала армию и разоружала флот. Оккупированные области России и Белоруссии оставались у немцев до конца войны и выполнения Советами всех условий договора. На Россию налагалась контрибуция в 6 млрд. марок золотом. Плюс уплата немцам убытков, понесенных в ходе революции, — 500 млн. золотых рублей. Плюс кабальный торговый договор. Германии и Австро-Венгрии доставалось огромное количество вооружения, боеприпасов и имущества, захваченное в прифронтовой полосе, возвращались 2 миллиона пленных, позволяя восполнить боевые потери. Фактически Россия попадала в полную экономическую зависимость от Германии, превращалась в базу Центральных держав для продолжения войны на Западе.

Что касается Украины, то правительству, сидевшему в Житомире, было уже не до Галиции и Буковины. И голодающим австро-германцам некогда было ждать нереальной победы над красными. Выход нашелся в договоре о взаимопомощи. Солдаты погрузились в эшелоны и поехали оккупировать Украину. Украинские и донецкие большевики митинговали, шумели о защите революции, клялись стоять

на смерть — и бежали. Очень характерно, что не по кратчайшему пути в Россию, на север, где, казалось бы, украинская Красная гвардия была нужнее, чтобы прикрыть границу от немцев. Нет, граница оставалась голой, а все красногвардейские части планомерно направлялись на восток, в казачьи области. Зачем — понять нетрудно.

28 февраля красные сбежали из Киева, а на следующий день в город вошла украинская армия — несколько сотен «сечевых стрельцов» Петлюры. Немцы деликатно пропустили их вперед, а сами приехали следом. Первое, что германцы сделали в столице Украины, — это мобилизовали баб и приказали горячей водой с мылом вымыть вокзал. Его захаркивали, пачкали, заплевывали семечками, мусорили и ни разу не убрали целый год — с самой Февральской революции.

19. «НОВЫЙ ПОРЯДОК»

Вот чем уж коммунисты всегда славились, так это умением решать задачи «комплексно», то бишь извлекать партийную выгоду из любой ситуации. Скажем, полезли немцы Россию захватывать. Бедствие? А Ленин тут же издал декрет «Социалистическое отечество в опасности!». А в декрете указал: «Неприятельские агенты, спекулянты, громилы, хулиганы, контрреволюционные агитаторы, германские шпионы расстреливаются на месте преступления». Конечно, по России уже расстреливали — и поодиночке, и по демонстрациям. Но как бы нелегально. Исподтишка. Официально-то смертная казнь считалась отмененной. А тут ситуация развязала руки — все немцы, будь они неладны... Ну а до кучи — «контрреволюционных агитаторов». И кто разберет, за что он агитировал, если убит на месте? Пользуясь случаем, Ленин юридически узаконил коммунистический террор.

В том же декрете сказано о трудовых батальонах. «В эти батальоны должны быть включены все работоспособные члены буржуазного класса, мужчины и женщины, под надзором красногвардейцев. Сопротивляющихся — расстреливать». А в «Дополнении» к декрету добавлено: «Без двух разрешений иметь оружие запрещено. За нарушение этого правила кара — расстрел. Та же кара за сокрытие продовольственных запасов».

Тут же, комплексно, продолжается обкладывание флажками недочеловеков-«буржуев». Служащий или представитель «богатых классов» (причем ценз «богатости» снижен, это теперь владелец суммы свыше 500 рублей) обязан носить при себе рабочую книжку, купленную им по месту работы за 50 руб. А «неимение рабочей книжки или неправильное, а тем более лживое ведение записей карается по законам военного времени». Значит, попутно вторжение немцев помогло Ленину во внедрении его старых проектов трудовой повинности. Опять же, под угрозой немцев правительство большевиков сделало то, на что не решился Керенский, — переехало в Москву, избавившись от давления гарнизона и рабочих, которых сами же большевики прежде разложили. И укрылось от народа за стенами Кремля.

Брестский мир. Казалось бы — позор, беда... Как бы не так. Правда, ратификацию протащили еле-еле. Даже на искусственно подо-

бранном IV съезде Советов из 700 голосов 300 были против. Зато левые эсеры в знак протеста вышли из правительства, т. е. Совнаркома, чтобы во ВЦИК составить «парламентскую оппозицию» вместе с меньшевиками, анархистами и правыми эсерами. Исполнительная власть стала целиком большевистской! После Октября и разгона Учредительного Собрания март 18-го стал третьей ступенькой к однопартийной власти.

Вскоре подвернулась и четвертая. Множились ряды анархистов. В основном это были те, кто до Октября называл себя большевиками — буйная солдатско-матросская вольница, уголовщина. Повиноваться большевикам-победителям охоты у них не было, вот и стали перекрещиваться в анархистов. Жили, как и большевики, революционно, т. е. грабежами. Но по-большевистски вводить грабежи в организованное русло не желали. По обвинению в грабежах 11 апреля особняки, занятые анархистами на Малой Дмитровке, Поварской, Донской — всего 25 мест в Москве, — были окружены латышами, чехистами, рабочими отрядами. Произошли бои. На Малой Дмитровке воевали сутки, с той и другой стороны гремела артиллерия. Арестовали более 400 человек, кого расстреляли, кого разослали по фронтовым частям. И как политическую партию анархистов тоже прихлопнули. Вывели из ВЦИК.

Быстро укреплялся карательный аппарат Советской власти. Росли штаты чрезвычайек. ЧК расползались по всем городам, станциям железных дорог. Шла реорганизация армии. Подавляющее большинство еще составляли прежние части — полупартизанская вольница, остатки некоторых прежних полков. Но появились крепкие, дисциплинированные части, главным образом — инородческие. Латышские и эстонские полки. Привлекали китайцев. Царское правительство во время мировой войны на вербовало и привезло их для тыловых работ — нечто вроде стройбатов. Многим китайцам возможность стать властью и поживиться казалась более заманчивой, чем пресмыкаться перед властями и нищенствовать дома.

Еще в декабре Троцкий распорядился набирать в армию добровольцев из числа военнопленных. Хочешь выйти из лагеря, получить винтовку — пожалуйста. После Брестского мира число таких добровольцев значительно возросло — Россия стала союзницей Германии, поэтому дома обвинение в измене больше не грозило. А вернуться на родину — значило попасть в мясорубку Западного фронта. Здесь же служба была легкой, сулила все удовольствия и даже обогащение. Немцы, австрийцы, венгры потекли в Красную армию. Они были грамотны, дисциплинированы, многие неплохо разбирались в социалистическом учении и быстро выдвигались, занимая командные должности в войсках, ЧК и совдепах. Всего через Красную армию прошли более 300 тысяч таких «интернационалистов».

Параллельно с образованием регулярной Красной армии по всей стране началось расформирование и разоружение Красной гвардии и военно-революционных комитетов. Они сослужили свою службу, а теперь их, как и анархистов, брали к ногтю. Не везде этот процесс протекал гладко. Например, в Пятигорске красногвардейский командир Нижевясков поднял мятеж. Располагая 4 тыс. штыков, арестовал сов-

деп. Однако в город вошли бронепоезда, мятежники сложили оружие, и зачинщиков расстреляли по обвинению в... шпионаже.

Советскую власть слепило чувство безнаказанности. С немцами — мир. Все очаги сопротивления подавлены. Горстка деникинцев где-то скиталась по станицам — несерьезно. И большевики, уже однопартийное правительство, начинают реализовывать ленинскую программу строительства нового общества — общества принудительного труда и централизованного распределения. В феврале в «черновых набросках проекта программы» партии Ленин ставил задачу на «уничтожение парламентаризма». Ключевыми моментами нового порядка являлись также всеобщая трудовая повинность, хлебная монополия, уничтожение свободной торговли.

В начале апреля, характеризуя основные задачи Советской власти, Ильич под № 1 приводит «доведение до конца национализации промышленности и обмена», а под № 3 — «принудительное объединение населения в потребительские общества» — вот и первый росток коллективизации. Даже метод указан — принудительный. Есть и начало политики раскулачивания. 13.04 в телеграмме съезду Советов Донской республики вождь отмечает: «Особенно горячо присоединяюсь к словам о необходимости закончить на Дону борьбу с кулацкими элементами казачества. Именно такая борьба и по всей России стоит на очереди».

Да, это считалось главным — чтобы кусок хлеба можно было получить только у одного «хозяина», который решит, кому дать и сколько, а кому подыхать с голоду. Универсальный способ властвования. Но для этого надо зерно с «подаренной» земли у крестьянина отобрать и увезти в город. Поэтому большевики начинают готовиться к новой войне — против русского крестьянства. На заседании ВЦИК от 20.05.18 председатель этого органа Яков Мовшович Свердлов сказал: «...Только в том случае, если нам удастся расколоть деревню на два непримиримых враждебных лагеря, если нам удастся восстановить деревенскую бедноту против деревенской буржуазии — только в этом случае мы сможем сказать, что сделали для деревни то, что смогли сделать для города...»

А 26.05 Ленин пишет «Тезисы по текущему моменту»: «1. Военный комиссариат превратить в военно-продовольственный комиссариат, т. е. сосредоточить 9/10 работы на передачу армии для войны за хлеб и на ведение такой войны на 3 месяца — июнь—август. 2. Объявить военное положение во всей стране на то же время. 3. Мобилизовать армию, выделив здоровые ее части, и призвать 19-летних для систематических военных действий по завоеванию, отвоеванию, сбору и свозу хлеба и топлива. 4. Ввести расстрел за недисциплину». Это еще май! Страна еще не полыхает восстаниями и не перечеркнута фронтами! То есть не войной были вызваны продразверстка и хлебная монополия, а наоборот! Ленин предполагает 9/10 военной работы сосредоточить на ограблении собственного крестьянства! Накормить народ, допустив свободный товарообмен, было, разумеется, проще — но ведь это реставрация капитализма. Разве можно такое допустить? Проще вести «систематические военные действия» — он вполне понимал, как крестьяне воспримут такую политику. Пони-

мал, что начнется новый виток гражданской войны. И сознательно шел на этот шаг ради собственной модели коммунизма.

Если в центре России в начале 18-го «буржуев» истребляли еще не так много, а главным образом лишь оплеывали и травили, рассчитывая загнать под ярмо нового порядка, то на окраинах Советская власть разыгралась вовсю. Фактически каждый командир, комиссар, красноармеец получали право жизни и смерти. В каждой воинской части действовал «суд», выносящий смертные приговоры. В удостоверении представителя РВС армии прямо значилось: «Там, где проявляется контрреволюционность и саботаж, на месте виновных расстреливать». В Екатеринодаре комендант Сташенко писал: «Предупреждаю всю буржуазию, что за нарушение правил, выказанных против трудового народа, буду беспощадно расстреливать или уполномочивать лиц мандатами на право расстреливать негодяев Трудового Народа».

Из 11 российских Казачьих Войск (Донского, Кубанского, Терского, Оренбургского, Уральского, Астраханского, Сибирского, Забайкальского, Амурского, Семиреченского, Уссурийского) 10 было упразднены (до 20-го продержалось лишь Уральское). Эпицентром ужасов стал Северный Кавказ. Как уже упоминалось, здесь сформировалась огромная, плохо управляемая Красная армия из войск Закавказского фронта. Из Новороссийска сюда напоззли моряки Черноморского флота, ушедшие из Севастополя от немцев. Сюда же отступили части украинской Красной гвардии — злые, голодные, потерявшие все и озверевшие. Жуткая трагедия разыгралась на Тереке. На курортах Пятигорска, Ессентуков, Минвод скопились до 16 тысяч раненых и больных. В основном, понятно, офицеров и «буржуев». Они были объявлены «резервом Корнилова». Их перестали кормить и отпускать продукты. Спровоцированные этим голодные протесты были объявлены путчем, в дело ввели регулярные войска и закончили бойней.

В предгорьях шёл геноцид черкесов, в астраханских степях — калмыков: им принадлежало слишком много плодородной земли. Калмыцкие улусы громили, уничтожали и оскверняли буддийские храмы, зверски казнили лам. Народ в прямом смысле пытались вывести под корень, поэтому здешние красноармейцы проявляли специфику в своих действиях — мужчин убивали, детей и подростков калечили, зачастую кастрировали, чтобы не было потомства, а женщин насиловали, после чего им вырезали или уродовали половые органы, лишая способности к деторождению.

На Кубани на 1,4 млн. казаков приходилось 1,6 млн. иногородних, т. е. крестьян, не обладающих казачьими правами и пользующихся меньшими наделами. Правда, не выполняющих и казачьих обязанностей — нести службу, покупать и содержать за свой счет коня, обмундирование, оружие, но кому до этого дело? Любой казак для иногороднего был буржуем. Развернулся террор и грабежи казачества. Сотни и тысячи были расстреляны, порублены, утоплены в реках. Истребляли казачьих офицеров, хотя большинство из них были обычными земледельцами, а чины получали в боях. Убивали вахмистров и урядников, путая названия этих чинов с полицейскими. В 22

станицах были убиты священники. Например, Ионнну Пригоровскому в пасхальную ночь прямо в церкви выкололи глаза, отрезали уши и нос, размозжили голову. Обращали алтари в отхожие места, упражнялись на стенах и иконах в хамском остроумии. Иногда вырезали семьи под корень — за скрывшегося отца, брата, сына. Для того чтобы отобрать землю. Или просто «за компанию».

Казаки, не в силах больше терпеть, начали подниматься. Но ведь они, принимая власть большевиков, покорно отдали все оружие. В апреле восстали 11 станиц Ейского отдела. У них оказалось по винтовке на десятерых. Привязывали к палкам кинжалы, делали копья из вил, просто брали топоры. Против них двинулись бронепоезда и каратели с их же сданными пушками и пулеметами. Вслед за карателями шли обозы с красноармейскими женщинами, которые грабили станицы, а в садизме превосходили мужчин, замучивая раненых, казачек и их детей. Восстание утопили в крови. Вспыхивали и жестоко подавлялись выступления в районе Армавира, Кавказской. Наконец, в горных районах Баталпашинского отдела поднял восстание есаул Шкуро. Укрываясь в горных лесах, казаки под его руководством повели партизанскую войну против большевиков. Восстание перекинулось на Майкопский и Лабинский отделы.

На Дону ситуация несколько отличалась. Здесь красные сумели восстановить против себя не только казаков, но и иногородних. Пришлые элементы быстро установили политику казней, реквизиций, карательных экспедиций против непокорных. В Ростове водили на расстрел партиями каждую ночь. В Таганроге трибунал заседал на борту миноносца, там же приговоры приводились в исполнение. Хлеб и скот увозились на север. «Казачий большевизм», рассчитывавший, что прогонит атамана и заживет своей жизнью, понял, что ошибся. Даже награбленные богатства ростовских и новочеркасских «буржуев» достались пришлым. Пошли распри между казачьими и советскими большевиками. Оттесненный на задний план Голубов и комендант Новочеркасска Смирнов стали оппозицией Ростову. Голубов поймал помощника Каледина, генерала Митрофана Богаевского, и разрешил ему на митинге говорить казакам «всю правду». И голубовские казаки, внимая, орали: «Не выдадим!» Узнав об этом, из Ростова послали карателей. Голубов бежал, но в одной из станиц был опознан и тут же убит казаками. Богаевского расстреляли.

А когда с Украины полезла, как саранча, Красная гвардия, бегущая от немцев, пожирающая все подчистую, грабящая и насильничающая, донцы взорвались. 14 апреля казаки ближайших к Новочеркасску станиц напали на город и заняли его. Голубовская дивизия объявила нейтралитет и ушла, увозя награбленное добро. Правда, по дороге их тоже ограбили и все отняли в восставших станицах. 18-го большевики отбили Новочеркасску, сопровождая это новой волной погромов и казней. Но восстание уже разливалось вширь. Генерал Попов вернулся из Сальских степей. К нему стеклись до 10 тысяч бойцов. Полубезоружное ополчение отчаянно защищало свои станицы от красных, значительно лучше оснащенных, делали набег по большевистским тылам, высылали экспедиции в станицы, еще не оправившиеся от большевизма. Красные развернули на повстанцев наступление с севера и запада.

Но как раз в эти дни к границам Дона выходила Добровольческая армия Деникина. Высланный им на разведку полковник Барцевич после 200-километрового рейда вернулся с сотней казаков, которые сообщили: «Дон восстал. Задонские станицы бьют челом Добровольческой армии, просят забыть старое и поскорее прийти на помощь». Деникин предоставил ген. Покровскому четыре сотни казаков и черкесов, чтобы шел на помощь кубанским повстанцам, а сам нацелился на Дон. Кубанцы не хотели расставаться с армией, пока Деникин не пообещал, что Кубани он не бросит и скоро вернется.

29.04 добровольцы выступили. Деникин, мастер маневра, снова хитрил. Пошли на северо-восток, завязали бой со ставропольскими отрядами, а едва стемнело — резко свернули на запад. У станции Ея форсировали железную дорогу. Конница, разойдясь веером, взрывала пути. На рассвете подошел красный бронепоезд, эшелоны с пехотой, впереди колонны тоже протянулись позиции, встретившие огнем. Но их раздавили моментально, атаку из эшелонов отбили, а бронепоезд не подпустила артиллерия. Армия снова расположилась в ставропольском селе Лежанка. Здесь узнали, что в Задонье дело совсем худо. Жмут и громят казаков красные, заняли станицы Кагальницкую и Мечетинскую, творят там крутую расправу, а повстанцы отступили в Егорлыкскую. Деникин выслал им на помощь конный полк Глазенапа, а в обход красной лавине — бригаду Африкана Богачевского, Корниловский и Партизанский полки.

Местные большевики сочли выход этих частей общим отступлением, стянули большие силы и обрушились на Лежанку. 2 дня шел бой, Страстную пятницу и Страстную субботу. Неприятель шел густыми цепями. Бригада Маркова отбивалась короткими контратаками, но с Кубани, со Ставрополя подходили тянущиеся за добровольцами «хвосты» преследователей, и атаки возобновлялись. По селу били пушки. Несколько снарядов попало в деникинский штаб, но находящееся в нем командование только засыпало штукатуркой.

Когда полк Глазенапа подошел к Егорлыкской, станица была уже брошена. Казаки с семьями уходили в степь, спасаясь от красных. Их вернули, и наступающие враги получили встречный удар. А на следующий день корниловцы и партизаны вышли в тылы красных, громя главные силы. Заметались в панике те, что штурмовали Егорлыкскую, и началось повальное бегство большевиков из Задонья. Узнав о победе, Деникин отправил в Егорлыкскую свой огромный обоз. Теперь у бригады Маркова, охранявшей и прикрывавшей его, руки были развязаны, и она нанесла удар в полную силу. Отчаянной штыковой атакой опрокинула красных. В преследование пошла конница Эрдели. Большевистские полки, все еще пытавшиеся «добить остатки белогвардейских банд», были разгромлены подчистую и разбежались по степям.

Штаб армии приехал на Дон как раз к пасхальной заутрене. Деникин писал: «Въезжаем на площадь. Светится ярко храм. Полон народа. Радость светлого праздника соединилась сегодня с избавлением от «нашествия», с воскресением надежд. Радостно гудят колокола, радостно шумит вся церковь в ответ на всеблагую весть: «Воистину воскрес!»

20. МИХАИЛ ГОРДЕЕВИЧ ДРОЗДОВСКИЙ

Шли дроздовцы твердым шагом,
Враг под натиском бежал,
Под трехцветным русским флагом
Славу полк свою стяжал.

Этих дней не смолкнет слава,
Не померкнет никогда,
Офицерские заставы
Занимали города...

«Марш дроздовцев».

Впоследствии переделан красными

Румынский фронт разваливался позже других. Сдерживало наличие иностранных войск, удаленность от большевистских центров. Главнокомандующий ген. Щербачев успел получить письмо Алексеева о создании Добровольческой армии, когда фронт еще существовал. Однако англо-французские миссии делали в то время нелепую ставку на Украину и ее армию, надавили на Щербачева, и призыв с Дона остался без внимания.

Но о письме узнали офицеры, в том числе командир 14-й дивизии упорный и решительный полковник Дроздовский. Осаждая штабы, он выбил разрешение и начал формировать под Яссами офицерский отряд. Оружие отбирали у дезертирующих частей — устраивали засады на дорогах, внезапно насккивали и разоружали. Сопротивления не было оказано ни разу. Так приобрели винтовки, пулеметы, легкую батарею и батарею шестидюймовых мортир, броневик, обозы.

Лишь когда Украина всю вела переговоры в Бресте, союзные миссии опомнились. Создание добровольческих частей началось централизованно. Командующим назначили ген. Кельчевского, при нем образовался большой штаб. Организовывалось две бригады — Дроздовского в Яссах и Белозора в Кишиневе. Но тут Румыния сочла, что Россия предала ее, и тоже повела переговоры с Германией о сепаратном мире. В стране поднялась широкая антирусская кампания. Торгуя себе у немцев Бессарабию, румыны стали разоружать русские части, захватывать фронтовое имущество. Немецкие оккупационные силы двинулись в Румынию, союзные миссии спешно выехали. Щербачев и Кельчевский, сочтя дело безнадежным, отдали приказ о роспуске добровольческих частей.

Дроздовский выполнить такой приказ отказался. У него осталось около 900 человек. Румынское правительство, расположившееся в Яссах, постановило не выпускать их с оружием. Дроздовский ответил, что «разоружение добровольцев не будет столь безболезненно, как это кажется правительству», и что «при первых враждебных действиях город Яссы и королевский дворец могут быть жестоко обстреляны артиллерийским огнем». Как только румыны попытались окружить лагерь дроздовцев, те выступили навстречу в боевых цепях, а на Ясский дворец стали разворачиваться жерла шестидюймовок. Румыны немедленно отвели войска, а дроздовцам подали поезда, чтоб ка-
тались подальше. Ну их!

Присоединив к себе несколько десятков офицеров из Кишинева, отряд сосредоточился в Дубоссарах и 20 марта выступил в поход на Дон. В неизвестность, в месиво красных, немцев, украинцев, бандитов. В южных степях не было таких скоплений Красной гвардии, как на Дону и Северном Кавказе, — здесь не оседали фронтовые части, не было серьезных межэтнических или социальных конфликтов. Поэтому активного давления отряд не испытывал. Наоборот, население встречало их как избавителей от местного большевизма. Из далеких сел присылали делегатов с просьбами навеститься, освободить их. Привозили связанными своих большевиков и совдеповцев — на суд. Он был коротким. Приговоров два: виновен — не виновен. Раз большевик — значит, виновен.

Наперерез двигался другой враг — австро-германцы. Противодействовать им дроздовцы, понятное дело, не могли. И командир решил, что главным врагом России, а значит, и отряда, в настоящий момент являются большевики. В отношении оккупантов было решено сохранять, по возможности, нейтралитет. Но и сами передовые австрийские части не спешили воевать с крепким и хорошо вооруженным отрядом. Их пикеты издали обстреливали авангард дроздовцев, а части снимались с места и отходили в сторону, уступая дорогу. Кстати, у рядового немецкого офицерства частенько просто вызывало уважение поведение горстки людей, сохранивших верность долгу среди всеобщего развала. Принимая меры предосторожности, обе стороны старались не встречаться.

9.04 в ряды дроздовцев влился отряд полковника Жебрака в 130 чел., шедший на Дон из Измаила. А через 2 дня подошли к Днепру у Каховки. За рекой стояли красные, прикрывая мост артиллерийским огнем. А на правом берегу были немцы. С ними вступили в переговоры. Германский майор согласился снять с позиций свои войска и пропустить дроздовцев. Ему это было выгодно — куда лучше, чем самому форсировать под огнем Днепр. Шли с тяжелым чувством. Ведь не только прорывались сами, но и расчищали дорогу врагу, с которым сражались три года... Отряд Дроздовского ворвался на мост, пробился через Днепр и, разгромив красных, занял Каховку.

На просторах Левобережной Таврии вступили в царство банд и атаманов. Узнали про некоего Махно, буйствующего по окрестностям и грабящего поезд, пуская «в расход» офицеров, «буржуев и жидов». Проучили его, посадив несколько офицерских рот в вагоны и двинув их в Гуляй-Поле. Когда орава бандитов, узнав, что едут офицеры, обступила поезд, предвкушая богатую добычу и легкую расправу, ее встретили в упор пулеметами и винтовками. Большую часть положили на месте. С тех пор Махно офицеров-добровольцев, а особенно дроздовцев, на нюх не переносил.

Чем ближе была конечная цель, тем тревожнее доходили сведения. Что Дон давным-давно пал, что Добровольческая армия разбита и скитается где-то по Кавказу, что Корнилов убит... Настроение стало мрачным. Обступала безысходная чернота. Все усилия казались напрасными, надежды утраченными. Но Дроздовский, замкнутый, осунувшийся, упрямо вел отряд вперед. Напролом. Руководствуясь уже не здравым смыслом, а только собственной верой и интуицией.

17.04 штурмовали Мелитополь и заняли, разбив красных. А уже за Бердянском получили радостные известия — Дон восстал, Добровольческая армия жива и сражается.

Обогнули с севера Таганрог, в котором уже высадились немцы. Чуть не подрались с ними, когда те не пожелали без приказа свыше пропустить дроздовцев через железную дорогу. Но проскочили без боя — обманом. И подошли к Ростову. Город, забитый донецкими, украинскими и местными большевиками, переживал тяжелые дни — погромы, аресты и террор усиливались неуверенностью в завтрашнем дне, репрессиями в ответ на казачье восстание.

В пасхальную ночь тысяча офицеров с ходу штурмовала город, занятый огромными красными силами. Авангард, конный дивизион с легкой батареей и броневином под командованием полковника Войналовича, неожиданно атаковал сильные красные позиции, прорвал их и захватил вокзал. Большевистское руководство начало в панике покидать Ростов, а пехота сдавалась в плен целыми эшелонами. Потом опомнились, организовались и повели контратаку. Войналович погиб первым. Авангард стал отступать. Но уже подходили основные силы дроздовцев. Большевики побежали, оставив город. Утром, в пасхальное воскресенье, затерроризированные жители увидели на улицах освободителей — офицерские разъезды, пришедшие черт-те откуда, из Румынии, и гордо называющие себя «корниловцами».

Легкость победы вызвала беспечность. Отряд растворился в большом городе, очищая его от мелких групп разбежавшихся и попрятавшихся большевиков. Управление нарушилось. А красные подтянули из Новочеркасска несколько эшелонов пехоты, бронепоезд и обрушились на дроздовцев. Закипел тяжелый, неорганизованный бой. Потеряв около ста человек и часть обоза, белые вынуждены были отступить.

Но бои за Ростов, хотя и кончившиеся неудачно, сказались в другой точке. Они оттянули красные войска из Новочеркасска, и, воспользовавшись этим, Южная группа казачьего ополчения полковника Денисова штурмовала и освободила свою столицу. Туда Дроздовский и повел отряд. А большевикам задержаться в Ростове уже не удалось, они только успевали грузить награбленное. Приближались немцы и 8 мая вступили в город.

Новочеркасску пришлось туго. Теперь, собрав все свои силы воедино, красные навалились на казаков. Двое суток атака следовала за атакой. Большевики уже овладели предместьями. Неся тяжелые потери, казаки не устояли. Начали отступать. Бой казался проигранным. Город был в панике, ожидая очередной свирепой расправы, новой волны казней и грабежей. Но в критический момент в тылу красных появился отряд Дроздовского. Батареи открыли огонь во фланг наступающим, броневином врезался в гущу резервов, сея смерть и панику. Разворачивались стройные цепи пехоты. Красные смешались. Обнаружив неожиданную подмогу, воспрянули духом казаки, перешли в контратаку. И большевики побежали прочь. Их преследовали и били 15 километров...

Вечером дроздовцы, забрасываемые весенними цветами, восторженно приветствуемые толпами жителей, вступали в Новочеркассск.

Поход отчаянной тысячи бойцов от Румынии до Дона длился 61 день. Отряд прошел более 1000 км... В тот же день Дроздовский отправил донесение Деникину: «Отряд... прибыл в Ваше распоряжение... отряд утомлен непрерывным походом... но в случае необходимости готов к бою сейчас. Ожидаю приказаний...»

21. РОССИЯ И ИНОСТРАНЦЫ

Если Германия была постоянно в курсе русских дел, отслеживала, а то и регулировала происходящие процессы, то «союзные» демократии — Англия, Франция, США постоянно проявляли полнейшее непонимание действительности, легкомыслие и недальновидность (что, впрочем, характерно для них вплоть до времен нынешних). С ноября 17-го их представители выражали полную готовность своих стран признать власть большевиков, помочь им оружием, продовольствием, даже офицерским составом — для продолжения войны с немцами. По тем же соображениям заигрывали с украинцами. Уже 5.12.17 Украину признала Франция, а в начале 18-го года — Англия, только бы не исчез второй фронт.

За эти соломинки цеплялись, пока не шарахнул Брестский мир. Встала другая проблема. В Мурманске, Архангельске, Владивостоке скопилось огромное количество стратегических грузов, привезенных по союзным поставкам. Теперь все это могло быть отдано большевиками немцам. Мало того, германские войска, оперировавшие в Финляндии против красных, выходили на подступы к Мурманску. Этот город строился в годы войны на англо-французские средства специально как незамерзающий порт для военных поставок и северная база союзных флотов. К началу гражданской он представлял собой большую стройку. Порт, складские помещения, железная дорога. А подавляющую часть населения составляли пришлые рабочие-строители. И никакой «буржуазии».

После Брестского мира председатель местного совдепа кочегар Юрьев по прямому проводу обматерил Ленина с Троцким, обозвал их изменниками и заявил, что разрывает связи с Москвой. Мурманский совдеп напрямую заключил соглашение с союзниками о их присутствии и помощи. 6 марта сюда пришел английский крейсер «Глори», 14-го «Конкрэн», 18-го — французский крейсер «Адмирал Об»; высаженный контингент войск был ничтожным — несколько батальонов. Выполнять какие-то задачи, кроме обеспечения безопасности Мурманска, такие силы, естественно, не могли. А правил краем все тот же совдеп, отлично уживаясь с английским командованием.

В Финляндии немцы поддержали белогвардейцев Маннергейма, и оттуда бежали красные отряды во главе с наркомом Токоем. Перейдя границу, они стали «белыми», вошли в состав сил, обороняющих Мурманск от немцев и большевиков. Причудливо играла судьбами гражданская война! «Белые» латыши, отойдя в Россию, стали красными, красные финны — белыми, армяне, обороняющиеся от турок в Ереване, — белыми, а обороняющиеся от турок в Баку — красными, немцы в Прибалтике стали белыми, а в Сибири — красными.

Во Владивостоке 4 апреля высадились японцы. С той же целью — охранять порт и находящиеся в нем грузы. В городе тоже сохранилась советская власть, мало того — сохранилось подчинение Москве и большевистское правление. Но как бы смогли здешние советы препятствовать высадке, если город жил на заграничных продуктах? А иностранные консулы пригрозили в случае сопротивления прекратить подвоз.

Союзным командованием на полном серьезе прорабатывался грандиозный план — перебросить несколько корпусов японцев на Волгу и восстановить там второй фронт против Германии, прибравшей Украину. План был похоронен, хотя и не сразу. Не только из-за технических трудностей, и не только из опасений, как отнесется к этому русское население, а больше из-за политических неувязок. Япония в мировой войне была себе на уме. Смотрела, где хапнуть побольше да подешевле. В основном прибирала к рукам немецкие колонии и концессии на Дальнем Востоке. Посылать войска на какую-то Волгу, воевать там по-серьезному, не имея ни малейшей выгоды, Японии совершенно не улыбалось. Она соглашалась на более скромную задачу — например, оккупировать русский Дальний Восток и Камчатку. Но тут вздыбились США. Америка уже чувствовала в Японии опасного конкурента на Тихом океане и усиления этого конкурента не хотела.

Русскую полосу отчуждения Китайской Восточной железной дороги заняли китайцы, возвращая утраченную в 1900 г. территорию. Разоружили и выгнали в Забайкалье обольшевиченные охранные части и впервые поставили председателем правления дороги китайца — генерала Го. В Харбин, под крыло русского начальника КВЖД ген. Хорвата, стекались офицеры, юнкера, чиновники. Зарождался новый центр Белого Движения. Здесь, в полосе отчуждения, зализывал раны после набегов на Совдепию атаман Семенов. Возникали военные организации генерала Доманевского, консула Попова, некоего Потапова. Но Харбин всегда был «помойкой», городом авантюристов, нуворишей, сомнительных дельцов и шулеров. Большей частью из формирований не выходило ничего путного. Здоровые патристические силы глушились обильной грязной накипью. Так и не создав фронта, Харбин тонул в типичных тыловых кутежах. Китайцев союзники тоже пытались сосватать на германо-большевистский фронт, но тем и подавно не с руки было: у них разные генералы, усевшись в разных провинциях, между собой воевали, поладить не могли.

Другая сторона мирового противостояния, немцы и австрийцы, осваивались на Украине. Огляделись и поняли, что продовольствия от Центральной Рады не получают, потому что власть у нее нулевая. В докладе начальнику оперативного отделения Восточного фронта говорится: «Украинская самостоятельность, на которую опирается Рада, имеет в стране чрезвычайно слабые корни. Главным ее защитником является небольшая кучка политических идеалистов». Центральной власти не было. Вся Украина разделилась на области, где царствовали свои атаманы, партии, авантюристы и бандиты. Можно было встретить деревни, опоясавшиеся окопами и воюющие между собой за помещи-

чью землю. Войска Рады составляли около 2 тыс. человек с ничтожной боеспособностью.

Да и сама Рада довершала развал Украины. Она тонула в болтологии, сосредоточив все усилия на «украинизации» населения и языка. Социалистическая по составу, она своими актами разрушала экономику, вносила дезорганизацию в торговлю, рушила транспорт. Универсал о «социализации» земли вызвал в деревне новую волну погромов и анархии. Чтобы кушать, немцам оставалось только сменить режим.

Антисоциалистические элементы, начиная от помещиков и кончая крепкими собственниками-крестьянами, правые партии, группировались вокруг Павла Петровича Скоропадского. Потомок одного из последних гетманов Украины, он принадлежал к придворной российской аристократии. Воспитанник Пажеского корпуса, крупный землевладелец, один из богатейших людей России. В войну командовал 34-м корпусом, формировавшимся в основном из украинцев. Обладал высокой личной храбростью, был награжден «Георгием». Слыл либералом, приветливым человеком, был близок украинскому крестьянству и пользовался его любовью. Но государственным деятелем был никудышным, а политиком — никаким. Мягкость доходила до бесхарактерности, доброжелательность — до легкомыслия. Отчаянный вояка на фронте, в мирной деятельности он гнулся как трава, желая угодить и нашим и вашим. Вообще-то украинским сепаратистом он никогда не был, хотя поддерживал идеи децентрализации. Короче, он всех устраивал — и интеллигенцию, и аристократов, и крестьян, и военных. И немцев — из-за своей податливости.

18 апреля было заключено соглашение между Скоропадским и фельдмаршалом Эйхгорном о направлении украинской политики, 23-го австро-германцы, чтобы не подставлять Скоропадского под народное недовольство, заключили с Радой «Хозяйственное соглашение». До 31.07 Украина обязалась поставить 60 млн. пудов хлеба, 2,8 млн. пудов скота живым весом, 37,5 млн. пудов железной руды, 400 млн. яиц и т. д. За это Германия «по мере возможности» поставляла продукцию своей промышленности. Правда, за все платили, причем за 1 обесцененный рубль — 2 куда менее обесцененные марки.

26.04 Вильгельм прислал телеграмму: «Передайте Скоропадскому, что я согласен на избрание гетмана, если гетман даст обязательство неуклонно выполнять наши советы». Эйхгорн ввел военное положение, и 29-го в киевском цирке был собран «Съезд украинских хлеборобов», избравший Скоропадского гетманом. Переворот прошел спокойно, бескровно, безо всяких эксцессов. Рада собралась в последний раз, наспех приняла «Конституцию Украинской Народной Республики» производства профессора Грушевского и разбежалась по домам, опасаясь арестов. А их никто и не трогал. Радикальное крыло ударилось в антинемецкую конспирацию, но все детали этой конспирации знала любая баба на базаре, и обширный «заговор» так и просуществовал до ухода оккупантов.

К Украине Германия прихватила русский Донбасс, никогда хохлам не принадлежавший. Просто чтобы обеспечить углем перевозки по украинским железным дорогам. С тех пор и вошел Донбасс в гра-

ницы Украины. Захватили и Крым. Тут никаких интересов не было, кроме базы в Севастополе, чтобы обеспечить безопасность сообщений в Черном море. 14.05 немцы без боя заняли Севастополь. Часть судов ушла в Новороссийск, часть подняла «жовто-блакитные» украинские флаги. В Крыму образовалось татарское правительство Сулькевича, тоже генерала русской службы (литовского татарина родом), которое повело переговоры с турецкой Блистательной Портой о присоединении к ней в виде вассального ханства или в другой форме.

22. ЧЕХОСЛОВАКИ

Чехословакия — маленькая страна. И народ вроде спокойный, уравновешенный, интеллигентный. А вот поди ж ты, какую бучу мирового масштаба горсточка чехов учинила! Причем изначальные корни событий оказались, можно сказать, глубоко историческими.

В Австро-Венгрии было два «главных» народа — при императоре два премьера, два кабинета министров, австрийский и венгерский, остальные же нации оказались «второсортными» — чехи, словаки, поляки, хорваты, итальянцы, украинцы, гуцулы. Ну ладно, темные карпатские горцы, продолжавшие жить по патриархальным законам и воспринимавшие любую власть, как данную от бога. Но каково было это терпеть чехам, представлявшим один из старейших очагов европейской культуры! Да и исторически они во времена оны вошли в империю Габсбургов отнюдь не в качестве подчиненных, а, как и венгры, в качестве равноправного самоуправляемого государства и лишь впоследствии были лишены суверенитета. Поэтому национальное самосознание было у чехов крайне обострено, а сепаратизм, панславянские и антигерманские настроения стали общенародным явлением. Австрийцев считали поработителями, а к венграм, стоящим ниже по культурному уровню, но обладавшим большими правами, выработалась стойкая неприязнь.

Когда началась мировая война, чехословаки стали самыми ненадежными солдатами Австро-Венгрии, при первой возможности они сдавались в плен, тем более что Россия вступила в войну как раз под лозунгами защиты братьев-славян. Учитывая эти настроения, в русском Генштабе родился план сформировать из пленных части, которые будут сражаться за свое отечество. Высочайшего одобрения идея не получила. В отличие от своих противников (и союзников), Россия старалась воевать по отмирающим рыцарским кодексам и натравливать подданных на собственное правительство считала недостойным. Лишь в 16-м из-за больших потерь было высочайше разрешено формирование чехословацких легионов, но и то поначалу лишь из эмигрантов и российских граждан чешской национальности. Широкое создание частей развернулось уже после Февральской революции, отбросившей вместе с монархией все прочие «феодалные» условности. И был образован трехдивизионный корпус, около 40 тыс. человек.

Он хорошо дрался на Юго-Западном фронте в неудачном летнем наступлении 17-го. Помогал Корнилову спасти положение, когда остальные войска бросились наутек. После Октября подчинился Украи-

не. Когда Брестский мир обрек их на изоляцию посреди чужой страны, корпус, в отличие от советских и украинских частей, оказал сопротивление оккупантам и с боями отступал на северо-восток. Терять чехословакам было нечего — взяв в плен, австрийцы вешали их как изменников. Через Киев отошли в Россию и были сосредоточены в Пензе, создав проблему для большевиков. Корпус верил и подчинялся своим командирам, разлагаться и воспринимать красную пропаганду не хотел. Не хотел он и идти карателями в Красную армию, вроде латышей и эстонцев. Чехи-то были куда грамотнее темных латышей и воспринимали большевиков как предателей и немецких ставленников. А уничтожить их? По весне 18-го 40 тыс. сплоченных штыков были не шуткой. Опять же, напасть на чехословаков, воюющих за свою свободу, значило бы опозориться в глазах европейского социализма, испортить свою репутацию. Разве можно, с учетом перспектив мировой революции? Вот и ломали головы, как же от них избавиться?

Французы молили, чтобы корпус отдали им на германский фронт. Там немцы ломили изо всех последних сил. И 26 марта между представителями Чехословакии, Франции и Совдепии состоялось соглашение о переброске корпуса. Проще всего было отправить его через Архангельск или Мурманск, но большевики боялись нового контингента так близко от своих столиц. Решили вывозить кружным путем, через Владивосток, разделив эшелоны на 4 группы.

И просчитались. Россия походила на переполненный паром котел. Уже занималась рубка на Дону. Отряд уральских казаков генерала Толстова неудачно подступал к Астрахани. Новую вылазку из Маньчжурии сделал Семенов. Дутов опять поднимал башкир и оренбургское казачество. Даже подступал к Самаре. При этом в городе вспыхнуло восстание — поднялись эсеровская дружина, матросский отряд, части анархистов... Пока эти восстания были разрозненными, их быстро подавляли, но состояние бочки с порохом сохранялось. Не хватало лишь искры.

Чехов с долгими проволочками повезли на восток. А навстречу из сибирских и уральских лагерей шли эшелоны немцев и австро-венгров, освобождаемых по Брестскому договору. Фактически обе стороны ехали на один и тот же фронт сражаться друг против друга! А с большевистской точки зрения, одни ехали защищать интересы англо-французской буржуазии, другие — нести в Европу идеи русской революции. Немцы и венгры, увешивающие свои поезда красными флагами, бурно приветствующие большевиков-союзников, были, разумеется, «революционными» нациями. Им давались зеленая улица, паровозы, вагоны, уголь. Ну а чехов надолго загоняли в тупики, они простаивали на запасных путях. Но как раз в Сибири и на Урале советская власть оказалась тоже полунемецкой! Чтобы не ехать на фронт, многие военнопленные из здешних лагерей шли на большевистскую службу. Начиная с Урала, чехословаки столкнулись с немецким засильем в совдепах, ЧК, Красной армии. Эшелоны двигались во враждебной стихии, нередко на станциях возникали ссоры, драки, причем местные власти, конечно, занимали позицию, враждебную чехам. 14.05 в Челябинске произошла крупная драка между

чехами и венграми. Совдеп обрушился на чехов и арестовал, кого мог. Им грозил расстрел. Эшелон взялся за оружие и угрозой силы освободил товарищей.

Троцкий счел это достаточным поводом для расправы с «контрой» и издал приказ: «Все Советы депутатов обязаны под страхом ответственности разоружить чехословаков. Каждый чехословак, найденный вооруженным на железнодорожной линии, должен быть расстрелян на месте. Каждый эшелон, в котором окажется хотя бы один вооруженный солдат, должен быть выгружен из вагонов и заключен в концлагерь...» Все вроде было просто, привычно — как привычно подавлялись до сих пор все местные восстания и проявления недовольства. А может, и Германия надавила — ей появление свежего корпуса на Западном фронте было совсем ни к чему. Чехословаки были уже рассредоточены, и с технической точки зрения операция вроде не составляла особого труда.

Когда приказ дошел до крайней западной точки их расквартирования, до Пензы, местные красноармейцы подступили с требованием разоружения, окружили чешский лагерь и попытались захватить его. На это чехи ответили огнем. Отбили наступающие части и сами перешли в атаку. Рассеяли красноармейцев и... свергли в Пензе советскую власть. Немедленно передали по железнодорожной связи своим землякам, что Совдепия объявила чехословакам войну и напала на них. Получая эти сведения, один за другим начали восставать эшелоны, громили местные отряды и разгоняли советы. Возглавили восстание бывший военфельдшер капитан Гайда, поручик Сыровой, капитан Чечек и прикомандированные к корпусу русские офицеры — полковник Войцеховский и генерал Дитерихс.

Нет, последующие советские версии о том, что мятеж был подготовлен заранее, не соответствуют действительности. Это легко понять даже неспециалисту. Выступи чехи раньше, пока корпус был в едином кулаке, они гораздо эффективнее могли бы двинуться из Пензы на Москву или пропахать дорогу на север к англичанам. Или выступи они позже — когда вошли бы в контакт с союзниками через КВЖД и Владивосток. Но первые эшелоны к моменту восстания оказались в Омске. Да, 40 тыс. штыков были по тому времени немалой силой. Но они растянулись более чем на 2000 км, были отрезаны друг от друга и расстояниями, и городами, и красными войсками. Пунктирная черточка мятежа от Пензы до Омска пролегла в глубине России, в полном окружении. Восстание явно было стихийным, в целях самозащиты. И двинулись размещенные в Пензе чехословаки отнюдь не на Москву, а на восток, пробиваться к своим!

Большевики, пока еще ничуть не сомневавшиеся в локальном характере выступления и возможности его быстро ликвидировать, бросили на подавление все расположенные поблизости войска. Крупные силы красноармейцев и сколоченных наспех рабочих отрядов выслал из Самары на Пензу Куйбышев. Но чехи не стали ждать, когда их окружают и раздавят. Атаковали сами. Разгромили самарские полки и заняли Сызрань. Наверное, рано или поздно распыленные по городам и станциям чехословацкие части все равно были бы уничтожены. Но их мятеж и первые успехи стали детонатором русского

антибольшевистского взрыва. Мгновенно реализовались заговоры и конспиративные организации, еще вчера бывшие чисто теоретическими и объединявшие друзей и знакомых. Ожили казацкие очаги партизанского сопротивления. Это был как бы естественный громкий сигнал к выступлению, услышанный на огромных пространствах. Цепочка искр, одновременно попавших в горючий материал.

С приближением чехов к Самаре там вспыхнуло вооруженное восстание, возглавляемое Комитетом членов Учредительного Собрания (КомУч) в составе Климушкина, Фортунатова, Нестерова, Вольского и Брушвита. Эсеры, народные социалисты, кадеты. Военными силами руководили полковник Галкин и корнет Карасевич. Куйбышев попытался подтянуть к городу войска своего «урало-оренбургского фронта», выставленного против набегов Дутова, но командующий Яковлев перешел на сторону повстанцев.

6 июня Самара пала. Восставшие освободили заключенных из городской тюрьмы, чехи захватили мост через р. Самара и входили в город. Ревком и самарские коммунисты с боем отступали к Волге. В городе находился золотой запас России, его успели отправить пароходами в Казань. Большевиков ловили на улицах и убивали — не белогвардейцы, а сами жители, настрадавшиеся от них. Куйбышев, едва спасшийся от самосуда, впоследствии писал: «Меня хотели схватить разъяренные против большевиков обыватели». Как раз «регулярные» белые отряды пленных брали, в том числе и красных командиров. Спасшиеся большевики бежали на пароходах до Мелекесса и Симбирска. Начал спешно оборудоваться Симбирский укрепрайон. Был образован новый Восточный фронт во главе с Муравьевым (тем самым, который в 17-м командовал советскими войсками под Гатчиной, а в 18-м громил Киев). В Сенгилее произошел мятеж красных частей, желавших соединиться с повстанцами, но был подавлен.

Самарский комитет Учредительного Собрания объявил себя правительством на освобожденной территории. Была объявлена мобилизация в белую Народную армию. Ее 1-ю Добровольческую дружину возглавил 30-летний подполковник Владимир Оскарович Каппель. Он был командиром батальона в Корниловском ударном полку в 17-м. И ядром Народной армии стали тоже бывшие корниловцы-ударники, не попавшие на Дон и осевшие на Волге. Не ожидая, пока большевики накопят достаточно сил для разгрома восстания, Каппель вместе с чехами повел свои немногочисленные отряды на север.

Взрыв произошел не только на Волге. Сработали те самые заряды, на которые когда-то рассчитывал Корнилов. Оренбургские казаки и башкиры Дутова перешли в наступление, взяли Оренбург и отрезали от Центральной России красный Туркестан. Их операции развивались успешно, и 5 июля пала Уфа. Красные войска Каширина и Блюхера откатывались под ударами на север вдоль Уральского хребта, впитывая в себя формирования местных большевиков. Активизировались уральские казаки Толстова. Еще зимой вставшие стеной и не пустившие в Уральск и свои станицы «антихристов», теперь они уничтожали красную заразу в окрестностях.

31 мая началось офицерское восстание в Томске. Возглавил его 27-летний полковник Анатолий Пепеляев. 20 июня восстал Омск.

В Западной Сибири, в Северном Казахстане поднялось казачество, возглавляемое полковником Ивановым-Риновым, самозванным атаманом Анненковым и полковником Гришиным-Алмазовым. Из Маньчжурии двинулся на Забайкалье Семенов, собрав около 3 тыс. человек. Из них тысяча казаков и офицеров, остальные — монголы, баргуты, китайские бандиты-хунхузы. 29 июня вспыхнуло офицерское восстание во Владивостоке. Японцы с апреля соблюдали здесь нейтралитет и советскую власть не трогали. Теперь же ее свергли. Восстали уссурийские казаки атамана Калмыкова. С полосы отчуждения КВЖД выступили небольшие добровольческие отряды генерала Хорвата. Во Владивостоке образовалось Временное сибирское правительство во главе с эсером Дербером.

Кстати, все белые власти проявили себя намного гуманнее большевиков. Вспышки жестокости, самосуды и расправы мы найдем только во время стихийных взрывов восстаний. Те, кто не попал под горячую руку, избежал этого заряда накопившейся злобы, уцелели. Во Владивостоке лидеры большевиков не только отделались арестом, но им даже разрешили баллотироваться на выборах в новое правительство. Через некоторое время они благополучно бежали из заключения. И в Самаре захваченных в плен не казнили. Например, красные командиры Вавилов и Масленников были препровождены в Омскую тюрьму. Через несколько месяцев тоже бежали. Там же, в Самаре, были арестованы 16 комиссаров, среди них жены Цюрупы, Кадомцева, Юрьева, Брюханова и других ответственных советских работников. И что же? Большевики завопили на весь мир о «зверствах», добились вмешательства Дании, Швеции. Норвегии, Голландии и Швейцарии, которые... выразили протест в связи с нарушениями международного права! Хотя женщин никто не собирался расстреливать — их хотели только выслать в Сибирь без права возвращения в Россию. А в результате обменяли на депутатов Учредительного Собрания, арестованных красными в Уфе. Поистине уникальный случай. В первый и, наверное, последний раз большевики вспомнили о международном праве. Учитывая, что через какой-нибудь месяц они начали пачками расстреливать заложников, невзирая на пол и возраст.

Но не только офицерам, интеллигенции и казакам новая власть поперек горла стала. Многим рабочим тоже. Прокатились забастовки в Петрограде, Москве, Туле, Брянске. В июле беспартийный «рабочий съезд» в столице был арестован в полном составе, многие убиты в Таганской тюрьме. А крупные заводы Ижевска и Воткинска восстали, изгнав коммунистов и очистив значительный район на Каме. Здесь были оружейники, потомственные мастера, не чета питерской лимите или волжской портовой рвани. У них сохранилась советская власть — но без большевиков. Дрались под красным флагом, выбирали командиров, употребляли обращение «товарищ», а в атаки поднимались с «Варшавянкой». Шли на позиции цехами и заводами. Нередко делились — часть цеха воевала, а часть работала у станков, изготавливая для них оружие и боеприпасы.

В дело вступили и представители Антанты. Если раньше они планировали переправить чехословацкий корпус во Францию или использовать во Владивостоке для создания коалиционных оккупаци-

онных сил с японцами, то теперь опять замаячила перспектива образования Восточного фронта — только уже не из японцев, а из чехословаков и белогвардейцев против немцев и их союзников-большевиков. Какая чехам разница, откуда идти освобождать родину — из Франции или с Волги? Корпус официально подчинялся союзному командованию, осталось лишь изменить ему задачу — не на восток, а на запад, попутно помогая русским освободиться от германских ставленников и расчистив Сибирскую магистраль для прямого контакта со странами Антанты.

Чехи образовали несколько фронтов. Чечек с отрядами Каппеля повел наступление вдоль Волги. Сыровой с казаками Дутова очищал Урал, а Гайда, соединившись с Семеновым, двинулся на восток. Красные части с боями откатывались на Хабаровск, сжимаемые с двух сторон. С одной — чехами и белопартизанами, а от Владивостока — казаками Калмыкова, добровольческими отрядами и японцами. Наконец, дезорганизованные и деморализованные, они начали уходить в тайгу и в Китай. В сентябре 18-го белые фронты соединились под Хабаровском. Власть большевиков от Владивостока до Волги оказалась сброшенной. Правительства, подобные Самарскому и Владивостокскому, возникли также в Омске и Екатеринбурге.

Если первая волна Белого Движения, образовавшаяся в конце 17-го, была оборонительной, была попыткой защитить то, что осталось от государства, то с весны 18-го начала подниматься вторая волна — повстанческая. Реакция уже не на сам факт большевистской власти, а на ее действия и политику. И к этому сопротивлению коммунисты оказались не готовы.

23. ВСЕВЕЛИКОЕ ВОЙСКО ДОНСКОЕ

Всколыхнулся, взволновался
Православный Тихий Дон
И послушно отозвался
На призыв монарха он...

Старая казачья песня

Всего 10 из 252 станиц были очищены от красных, когда в Новочеркасске собрался Круг Спасения Дона — 130 делегатов от казачьих отрядов и восставших мест. Слабость Круга была в малой представительности, невысоком во всех отношениях уровне делегатов (Круг не зря называли «серым»). Тут не было ни интеллигенции, ни представителей городов, ни крестьянства — только казаки, зачастую малограмотные, не разбирающиеся в политике, а то и в текущих вопросах, которые решали. Сила Круга заключалась в единодушии, отсутствии партийной грызни и внутренних дразг. Наконец-то все оказалось подчинено единой цели — спасению от большевиков.

На одном из первых заседаний решили важнейшие вопросы об установлении твердой власти и порядка, о создании постоянной армии, законах о ее организации и дисциплине. Стали избирать нового атамана. Генерал Попов был слишком вял и нерешителен. Проявив-

ший себя во время восстания полковник Денисов молод (34 года), он не пользовался авторитетом у станичных стариков. Выдвинулся П. Н. Краснов. У него было славное прошлое: две войны, блестящая служба в лейб-гвардии, боевые награды вплоть до Георгия, командование корпусом. Были твердость и решительность, донской патриотизм, слабость к казачьим обычаям. Была слава удачливого начальника — даже из похода с Керенским на Петроград сумел с честью казаков вывести. Учили и то, что Краснов еще год назад считал нужным замирился с немцами — из чисто практических соображений. Что он по-простому, не мудрствуя предпочитает реальную выгоду высоким материям. Такой атаман и был нужен казакам — хоть с чертом бы целовался, лишь бы Дон уберег.

Его позицию заслушивали целых два часа. А позиция была простая — раз России больше нет, то Дон должен стать самостоятельным государством, строить собственную жизнь, наладить мирные отношения с немцами и Украиной. В перспективе — помочь спасти Москву от воров и насильников, а потом не вмешиваться в русские дела и зажить вольной казацкой житухой — «Здравствуй, Царь, в кременной Москве, и мы, казаки, на Тихом Дону!».

Программа делегатам понравилась. Краснова избрали 107 головами против 13 при 10 воздержавшихся. Но пост атамана он занять отказался, до того как Круг примет предложенный им пакет основных законов. Об атаманской власти — атаману единолично передавалась вся полнота власти между сессиями Круга, верховное командование армией, внешние сношения, законодательство. О вере — главенствующей объявлялась православная вера со свободным отправлением богослужения для других религий. О правах и обязанностях казаков и граждан — право собственности, неприкосновенность личности и жилища, обязанности по защите отечества и уплате пошлин. О законах — восстанавливалась юрисдикция на основе законов Российской империи до 25 февраля 1917 г. О совете управляющих (т. е. министерствах), об отделе финансов. О войсковом суде. О донском флаге, гербе и гимне. Флаг вводился трехцветный, сине-желто-красный, герб — голый казак, сидящий при оружии верхом на винной бочке, гимн — старинная песня «Всколыхнулся, взволновался православный Тихий Дон».

О необходимости единовластия Краснов сказал: «Творчество никогда не было уделом коллектива. Мадонну Рафаэля создал Рафаэль, а не комитет художников». На вопрос, может ли генерал что-то изменить в предложенных им законах, Краснов ответил: «Могу. Статьи о флаге, гербе и гимне. Вы можете предложить мне другой флаг — кроме красного, любой герб — кроме еврейской пятиконечной звезды или иного масонского знака, и любой гимн, кроме «Интернационала». Законы были приняты. Краснов и Круг Спасения сделали то, чего тщетно добивался Каледин, связанный по рукам и ногам коллегиальностью и демократической болтовней. Отметались «завоевания революции». Зато учреждалось новое государство — Всевеликое Войско Донское.

Положение государства было сложным. Оно непосредственно соприкасалось с четырьмя силами — большевики, немцы, Украина и

Добровольческая армия. С каждой предстояло определить отношения. Воевать с немцами казаки никак не могли — их раздавили бы в порошок. Тем более и Совдепия, и Украина были связаны договорами с Германией. Да и не стали бы рядовые казаки драться, не считая больше немцев своими врагами. Например, население западных станиц, Каменской и Усть-Белокалитвенской само пригласило гарнизоны оккупантов, чтобы избавиться от родных русских большевиков. Гарнизоны стояли также в Ростове, Таганроге, Донецком округе. И опять же жители нарадоваться не могли на оккупацию, считая ее даром небесным после советской власти.

Едва вступив в должность, Краснов написал императору Вильгельму о своем избрании, о том, что Войско Донское не находится в состоянии войны с Германией, просил о признании государства, просил не продвигать на его территорию немецких войск и помочь оружием в борьбе с большевиками, предлагал установить торговые отношения. Германию такое вполне устраивало. На территории Дона интересов у нее не было. Казаков она побаивалась, а отвлекать войска для боев или сильных заслонов против них было не с руки. Кроме того, большевики были очень уж скверными союзниками — коварными и ненадежными, норовили прямо или косвенно подстроить пакость. А Дон становился буфером, прикрывающим Украину с востока и от красных, и от антигерманской Добровольческой армии, и от Восточного фронта Антанты, если та все же сподобится его создать. Помочь оружием? Почему бы и нет. Пусть и большевики, и антибольшевицкие силы увязнут в собственной войне, меньше будут мешать Германии.

Немецкие власти признали Дон. Начали поставлять винтовки, орудия, боеприпасы — на чисто деловой основе. За винтовку с 30 патронами — 1 пуд (16 кг) зерна. Такой дешевизне можно не удивляться, т. к. оружие было русское, захваченное на фронтовых складах. Курс германской марки был установлен в 75 коп. донской валюты, и в Ростове образовалась Доно-Германская экспертная комиссия по товарообмену, начались поставки сахара с Украины.

На этом бы Краснову остановиться, вряд ли кто-то упрекнул бы его в вынужденной «германской ориентации». Но политик он был недалекий, поэтому наломал дров. Написал Вильгельму второе письмо. Просил признать право на самостоятельное существование не только Дона, но, по мере освобождения, Кубанского, Терского, Астраханского войск и Северного Кавказа. Кроме того, просил у Вильгельма содействия, чтобы Украина вернула Дону Таганрогский округ, а Россия отдала «по стратегическим соображениям» Воронеж, Камышин и Царицын с окрестностями, для чего приложил карту на Вильгельмово утверждение. И просил оказать давление на Москву, чтобы установить между ней и Доном мирные отношения. Взамен обещал полный нейтралитет в мировой войне, «не допускать на свою территорию враждебные германскому народу вооруженные силы», гарантировал право преимущественного вывоза избытков продовольствия, экономические льготы.

Понятно, что это было уж слишком. Атаман сам просил иноземного императора, виновного в победе большевизма, полноправно, в

качестве хозяина, решать русские дела и кроить русские земли, а от освобождения России на деле отрекался — лишь бы Дон не трогали. Да и сами письма были составлены в таком стиле, будто Краснов соскучился по прежней лейб-гвардейской службе и готов с умилением тянуться в струнку перед любой коронованной особой. Стараниями генерала А. Богаевского письмо увидело свет, вызвав бурю общественного возмущения. Кубанское правительство, на согласие с которым сослался Краснов, официально отреклось от такового.

А атаман продолжал грубые политические «ляпы». Он писал, например, фельдмаршалу Эйхгорну: «В настоящее время я занят подготовкой общественного мнения к активной борьбе с чехословаками, если бы последние вздумали перейти границы земли Войска Донского... Если бы Вы помогли Донскому войску окрепнуть в полной мере, Вы могли бы быть спокойны за Ваш тыл на Украине и за Ваш правый фланг в том случае, если бы державы Согласия восстановили Восточный фронт. Мы угрожали бы их левому флангу».

Отношения с другим соседом, Украиной, начались неважно. В первом же письме Скоропадскому атаман указал, что украинцы неправильно определили свои границы. Еще значительная часть Дона была под большевиками, а уже дошло до открытых боев с гайдамаками. Под Старобельском в сражении с украинцами погибла половина 12-го казачьего полка. Особенно остро стоял вопрос о Таганроге. Дон цеплялся за его заводы и шахты Таганрогского округа, Украина — за «мост» на Кубань, родственную по языку. Под давлением немцев спор был решен мирно в пользу Дона. Для Германии было выгоднее отрезать «мост» на занятую красными Кубань казачьими полками. После этого тесные экономические и политические отношения между Киевом и Новочеркасском стали налаживаться. Причем даже в договоре с Украиной Дон обязался «...не заключать союзов, могущих вредить Украине и Центральным державам, и не оказывать помощи чехословакам». С одной стороны, Краснов всеми силами укреплял Всевеликое Войско Донское, с другой стороны — рыл и ему и себе глубокую яму.

Здесь же, на Дону, расположилась Добровольческая армия. Разведка доносила Деникину, что огромное количество большевистских грузов, эвакуированных с Украины и Дона, скопилось на железной дороге Ростов — Тихорецкая, закупорив все станции. Поезда с оружием, боеприпасами, обмундированием — со всем, чего остро не хватало белогвардейцам. Деникин приказал организовать набег. 8.05 армия тремя колоннами вышла на Кубань. Отмахав форсированным маршем больше ста километров, на рассвете 9-го бригады Богаевского, Маркова и Эрдели атаковали станции Крыловская, Сосыка и Ново-Леушковская. Заняли их после жаркого боя, захватили военные запасы, испортили пути, взорвали бронепоезда и навели среди красных дикую панику. Сюда начали со всех сторон стягивать войска, приняв вылазку за новое наступление. Но белогвардейцы боя не приняли и отошли на Дон, уводя длинные обозы с трофеями и несколько сот кубанских казахов, мобилизованных красными.

13.05 добровольцы стали на отдых в Егорлыкской и Мечетинской. В Новочеркасск отправили раненых. Армия приходила в себя после

боев. Вливались новые пополнения — отряд Дроздовского, группы и одиночки. Те, кто пережил большевистское нашествие на Дону. Ехали с Украины. Пробирались из России: по фальшивым документам или тайком пересекали линию немецкой оккупационной зоны под Белгородом или Оршей — там была мирная, спокойная граница. Привозили жуткие рассказы о том, что творится в центре. Были, хотя и немного, такие, кто уходил из армии, надломленный походом. Марков прямо сказал своим подчиненным: «Я слышал, что в минувший тяжелый период жизни армии некоторые из вас, не веря в успех, покинули наши ряды и попытались спрятаться в селах. Нам хорошо известно, какая их постигла участь, они не спасли свою драгоценную шкуру; если же кто-либо еще желает уйти к мирной жизни, пусть скажет заранее. Удерживать не стану. Вольному — воля, спасенному — рай и... к черту».

Во взаимоотношениях Всевеликого Войска Донского и Добровольческой армии камнем преткновения стала Германия. Донцам никак нельзя было с ней ссориться, а добровольцам никак нельзя было с ней мириться. Не только из-за рыцарской верности союзникам. Не только из-за невозможности забыть, как немцы отравили народ, запустив в Россию и вскормив большевиков. Дон, связанный с определенной территорией и 5-миллионным населением, вынужден был блюсти сегодняшние насущные интересы. Деникин и Алексеев должны были учитывать перспективу. Мировая война шла к концу. Удержаться на русских и украинских поставках, двинуть все силы на запад, разбить Францию и немедленно заключить выгодный мир — было последней ставкой Центральных держав. Но, учитывая огромный потенциал США и отмобилизовавшиеся силы Англии, конечный итог обещал быть в пользу Антанты.

А за войной последует мир, новые изменения границ, новые договоры и соглашения... В 1914—1915 гг. Россия ценой многочисленных жертв спасла Францию от разгрома в битвах на Марне и под Верденом, в 1916 г. спасла Италию. Не только Россия была должна союзникам по займам и кредитам. Они тоже были ее крупными должниками — и в политическом, и в военном плане. После сепаратного мира Совдепии и Украины с Центральными державами Добровольческая армия, оставшаяся единственной правопреемницей старой России, осталась и единственной держательницей союзнического векселя. Пойти на мировую с немцами значило разорвать этот вексель, добровольно исключить Россию из числа стран-победительниц со всеми последствиями. Мало того, Россия тогда могла бы рассматриваться как союзница Центральных держав и подвергнуться тяжелой участи проигравших наравне с ними. Тогда послевоенный мир мог бы перекраиваться за ее счет. Вожди Добровольческой армии собирались просить не милостыню, а долг. Долг, являвшийся в тот момент одним из главных капиталов разрушенной России. Вот и нужно было этот капитал сберечь.

После избрания атаманом Краснова Деникин и Алексеев встретились с ним в станице Манычской. Переговоры проходили туго и неприятно для обеих сторон. О подчинении донской армии Деникину не могло быть и речи: казакам опасно было иметь антигерманского

военачальника по соседству с германскими дивизиями. Краснов предложил Деникину наступать на Царицын, передав ему при этом в подчинение войска Нижне-Чирского и Великокняжеского районов. На первый взгляд план сулил богатые перспективы, выводя белых к волнующейся Саратовской губернии, позволяя получить царицынские артиллерийские заводы, военные склады, открывая путь к Дутову и уральским казакам. Но по многим соображениям он был неприемлем.

И по стратегическим — из-за 200-тысячного скопления красной армии на Северном Кавказе, оставлять которое в тылу было нельзя. И по техническим — Добровольческая армия нуждалась в отдыхе и переформировании после Ледяного похода. В ней было много кубанцев, настроенных освободить родные края. Нарушение обещания вернуться, данного им Деникиным, могло сказаться отрицательно. Сказывались и политические факторы: Краснов лавировал, пытался играть «и нашим и вашим». В результате было неясно — для чего брать Царицын? Для освобождения России или для расширения границ новоявленного казачьего государства? Для соединения с Дутовым и союзниками? Или расчищая дорогу на Волгу немцам, чтобы они создали свой форпост на фланге союзнического Восточного фронта? Содействовать тому, чтобы немцы на Волге встретили чехословаков? Учитывая эти факторы, Деникин и Алексеев отказались от похода на Царицын. Следующий удар они наметили на Кубань, когда армия наберется сил.

Но отмахнуться от добровольцев Краснов тоже не мог. Это была закаленная, испытанная боевая сила, в отличие от неорганизованных и расплывчатых повстанческих отрядов. Деникинцам симпатизировала значительная часть донского офицерства. Порвать с ними значило бы усилить оппозицию Краснову, и без того образовавшуюся из-за «германской ориентации». Кроме того, деятели казачьих кругов были себе на уме — сегодня под боком немцы, а завтра? Нужно было и на другой вариант прибегнуть к козырной карте. В результате совещания выработались отношения, что-то вроде союзнических. Дон и Добровольческая армия не лезли во внутренние дела друг друга. Деникинцы оставались на Дону, прикрывая его с юга и юго-востока. В Ростове и Новочеркасске расположились их госпитали, лазареты, вербовочные бюро. Дон обязался по мере возможностей снабжать Деникина оружием и боеприпасами, выделил заем в 6 млн. рублей.

Вообще же, особенно после писем Краснова к Вильгельму, взаимоотношения установились неважные. Старались не встречаться. Атаман общался с Деникиным, Алексеевым и Лукомским только по переписке. Ростов и Новочеркасск стали тылом сразу двух армий. По закономерности всех войн — все лучшее оказывается ближе к передовой, а в тылу копится все фальшивое и грязное. В условиях гражданской войны и разлада администрации эти явления особенно проявились. Города заплотнили спекулянты, махинаторы, ловкачи и шкурники. Сюда же наезжали встряхнуться и расслабиться в отпусках настоящие фронтовики. Реками лилось вино, кутежи и скандалы были обычным явлением. Причем донцы во всех безобразиях обвиняли добровольцев, а добровольцы, конечно же, — донцов.

Фронтовые части без труда находили взаимопонимание, поддерживали и выручали друг дружку, а тылы на разных уровнях ссорились. Донцы ставили в укор, что Добровольческая армия живет за счет их государства, и крестили деникинцев «странствующими музыкантами», а добровольцы упрекали казаков в сношениях с немцами, смеялись над опереточной атрибутикой «казацкой державы», называли Всевеликое Войско Донское «всевеселым», а Краснова — «хузяином».

Впрочем, это прозвище действительно было применимо к Петру Николаевичу, но не в насмешливом, а в уважительном смысле. Если он был неважным политиком и средненьким стратегом, то зато он был превосходным организатором. И вместе с командующим армией, произведенным им в генерал-майоры Денисовым, проделал колоссальный труд по реорганизации донских вооруженных сил.

К моменту избрания Краснова на небольшой освобожденной территории белоказацкой формирования составляли около 17 тыс. человек с 21 орудием и 58 пулеметами. Им противостояли 70 тыс. красных при 200 орудиях. Свои полки выставяла каждая станица, и их численность колебалась от нескольких сот до нескольких тысяч бойцов. Часто шли воевать и местные крестьяне — таких принимали в казаки, выделяли земельный пай. Офицеры были свои, станичные. Если не хватало, приглашали со стороны, присматриваясь к ним — подойдут или нет. Да и сами офицеры, особенно старшие, испытавшие за последний год столько оскорблений, предательств и разочарований, первое время относились к повстанцам недоверчиво. Не хватало сидел, поэтому, несмотря на всеобщее желание воевать конными, большинство армии составляла пехота. Пулеметы и орудия, захваченные у красных, становились собственностью полка — в каждой станице были свои пулеметчики и артиллеристы. Точно так же общей собственностью полка и станицы считалась вся военная добыча. Часть — отряду, часть — по домам или в станичную казну. Большой бедой был недостаток боеприпасов: 10—20 патронов на винтовку, 5—20 снарядов на орудие. Их брали только в бою. Остальное снабжение поставляла станица. Позиции были близко от родных жилищ. Приходили и приезжали родные, приносили еду. Потом станицы начали прикомандировывать к отрядам хозяйственных стариков, торговцев или кооператоров, которые заботились о снабжении, ведали распределением добычи.

Воевали по казацкой старинке: наступление жидкой цепью с фронта, а какой-нибудь балкой, оврагом обходят главные силы. Когда большевики дрогнут, начнут отступать — с гиком бросается конница, гонит и уничтожает. Иногда заманивали врага в «мешок» ложным отступлением. Штабы были маленькие, 2—3 человека, обозы тоже небольшие. Личной удачей, храбростью, умом выделялись новые герои, новые военачальники — полковник Гусельщиков, творивший чудеса с Гундоровским и Мигулинским полками; генерал Мамонтов (правильно, кстати, Мамантов, написание исказилось в гражданскую, да так и привыкли). Он не был казаком, но сроднился с ними в войну, да и им пришлось по нраву, стал казацким вожаком, эдаким былинным атаманом. Командуя фронтом, был трижды ранен в ата-

кующих цепях, но все равно продолжал водить подчиненных в лихие схватки.

Война шла зверская. Отступающие красные изощрялись в жестокости. В нескольких станицах были изнасилованы все девушки — в качестве «контрибуции». Священников пытали до смерти. Казаки находили родных и близких распятыми, сожженными заживо. К пленным пощады не было. На царицынском направлении привязывали казаков к крыльям ветряных мельниц и пускали кружиться. Закапывали в землю по шею. Отшибали внутренности, бросая о землю. Казаки отвечали красным взаимной злобой. Правда, воевали они «за порядок», поэтому если уж взяли в плен, не изрубили, то без суда не убивали. Но суды создавали в каждой станице и строго следили, чтобы они сурово карали «воров и злодеев». Комиссарам и коммунистам приговор был однозначным. Беспощадны были и с пленными казаками, служившими у красных, — их считали изменниками Дону. Поймав председателя Донревкома Подтелкова и секретаря Кривошлыкова с 73 красными казаками, которые с большой суммой денег ехали в верховья Дона, чтобы агитировать тамошние станицы «за революции», двух первых приговорили к повешению, остальных к расстрелу. Рядовым красноармейцам везло больше. И чем больше времени проходило от взрыва восстания, чем упорядоченнее становилась донская жизнь, тем мягче им определялось наказание. Посылали в шахты, на полевые работы, чистить и восстанавливать то, что большевики порушили в Ростове и Новочеркасске.

Сразу после освобождения Новочеркасска Денисов направил на север группу войск ген. Фицхелаурова. Преследуя красных, генерал 11 мая с боем взял г. Александро-Грушевский, а вслед за тем конными частями очистил весь угольный район и призвал рабочих к нормальному труду. Для соединения с разрозненными очагами повстанцев, действовавших самостоятельно, ему было предписано развивать наступление на север и восток. У Фицхелаурова насчитывалось 9 тыс. чел. при 11 орудиях. 28 мая он атаковал станицу Морозовскую, где сконцентрировались части Щаденко в 18 тыс. штыков при 60 пушках. После четырехдневных боев Щаденко стал пятиться на восток, к Царицыну. И возле станции Суровиково столкнулся с повстанческой группировкой Мамонтова (8 тыс. чел. при 7 пушках). Сначала пришлось туго Мамонтову — он вел упорные бои по реке Чир, и части Щаденко вышли ему в тыл. Мамонтов оборонялся на два фронта из последних сил, последними боеприпасами. Но в тыл Щаденко уже выходили казаки Фицхелаурова. Сдавленная с двух сторон, красная группировка была разгромлена, ее остатки бросили железную дорогу, вдоль которой действовали, и ушли степями прорываться к своим.

Это была первая стратегическая победа казаков. Она позволила соединиться в единый фронт повстанцам южных и северных округов. Вскоре Фицхелаурову удалось связаться с отрядом полковника Алферова, воевавшим в Хоперском округе, а Мамонтову — с полковниками Стариковым и Секретевым, возглавлявшими борьбу в Усть-Медведицком округе. В тех краях еще ничего не знали ни об освобождении Южного Дона, ни об избрании атамана. Таким образом, к середине июня все донское казачество объединилось под общим командова-

нием. Мелкие отряды собрали в 5 войсковых групп — Алферова, Мамонтова, Быкадорова, Фицхелаурова и Семенова, связанных с Новочеркасском телеграфом и телефоном.

Армия приступила к систематической очистке от красных донской территории. 13 июня на 2 пароходах из Новочеркасска отправился отряд полковника Дубовского в 2 тыс. штыков. Он прошел вверх по Дону, вместе с местными повстанцами выбил красных из богатых прибрежных станиц и восстановил судоходство в среднем течении реки.

Однако чем дальше, тем больше начинали мешать явления анархии и партизанщины. Большевизм успел крепко отравить души. Некоторые полки митинговали, выносили резолюции об освобождении только своего округа или не желали идти дальше своей станицы. Атаманы станиц устанавливали таможенные границы и кордоны, «реквизируя» проходящие через их землю обозы. Краснов предавал военно-полевому суду за подобное самоуправство, а попутно начал реорганизацию партизанской армии на регулярных началах. Была объявлена мобилизация 25 возрастов. Станичные ополчения сводились в номерные полки. Орудия и конница из них выделялись в артиллерийские батареи и кавалерийские части. Полки постепенно объединялись в бригады, дивизии, корпуса.

Из казаков 19—20-летнего возраста началось формирование особой, Молодой (или Постоянной) армии. Они не были на германском фронте, не знали комитетов и комиссаров, не подвергались разлагающему влиянию пропаганды. В трех лагерях из них создавались 2 пехотные бригады, 3 конные дивизии, артиллерийские и специальные части по довоенным штатным расписаниям, довоенным уставам и учебным программам. Это была гвардия Дона, задел на будущее, основа надежной кадровой армии. Создавался свой флот. Пассажирские пароходы оборудовались пулеметами и пушками на платформах. За лето состав флота дошел до 5 речных и 3 морских судов. Для подготовки личного состава моряков в Таганроге был устроен береговой батальон.

Возобновлялась подготовка будущих офицеров. В казачьей столице вновь открылось Новочеркасское военное училище с пехотным, кавалерийским, артиллерийским и инженерными отделениями, Донская офицерская школа, авиационная школа, военно-фельдшерские курсы и Донской кадетский корпус с отделением для малолетних сирот. Печатались уставы и наставления Российской армии, делались попытки их дополнения и исправления с учетом опыта мировой войны.

Для снабжения армии была организована суконная фабрика, военно-ремесленные школы. Русско-Балтийский завод в Таганроге переводился на выпуск собственных боеприпасов. Атаман вел переговоры об устройстве собственного порохового завода и других фабрик с привлечением немцев и крупных московских предпринимателей. От немцев за полтора месяца получили около 12 тыс. винтовок, 46 орудий, 88 пулеметов, свыше 100 тыс. снарядов и 11 млн. патронов. Что ни говори, в безделье и неорганизованности атамана никак нельзя было упрекнуть. И Всевеликое Войско Донское с каждым днем набирало силу.

24. ЗАГАДКИ ШЕСТОГО ИЮЛЯ

Если осенью 17-го коммунисты были еще не в состоянии удержаться одни у руля государства и вынуждены были поделиться властью с другими левыми, то в дальнейшем их шаги к установлению однопартийного режима прослеживаются очень четко. Запрет кадетов. Разгон Учредительного Собрания. Разгром анархистов. А когда от чехословацкой «искры» полыхнуло восстание от Самары до Омска, то даже это оказалось подходящим предлогом для продолжения этой политики. Сославшись на то, что в ряде городов выступления возглавили эсеры с меньшевиками, 15 июня большевики протащили постановление ВЦИК об исключении из состава ВЦИК этих партий. Протащили при активной поддержке левых эсеров! Невольно обращает внимание, что все социалистические партии, будто загипнотизированные, помогали громить своих коллег, пока не наступала их собственная очередь!

У руля государства остались всего две партии. Но очень ненадолго. События левоэсеровского мятежа в Москве представляют любопытную детективную историю. Давайте попробуем разобраться в ней сами, просто выстроив в цепочку известные факты.

— Германский посол Мирбах принадлежал к крылу политиков, считавших, что большевиков пора свергнуть. Они, мол, сыграли свою роль, заключив Брестский мир, а теперь их соседство с зонами германских интересов способно нанести больше вреда, чем пользы.

— В мае представитель французской миссии Ж. Садуль предупредил лично Дзержинского, что, по данным Генштаба Франции, готовится провокация: покушение на германского посла, после чего немцы потребуют ввести в Москву для охраны посольства свой батальон; он будет состоять из офицеров и унтер-офицеров, и за счет рядовых, военнопленных, легко может быть развернут в дивизию. Дзержинский на предупреждение не отреагировал.

— У левых эсеров были серьезные противоречия с большевиками, главным образом по крестьянскому вопросу. Ведь они выступали как партия крестьянства, а большевики с конца весны начали готовить удар по деревне. Тем не менее до июля противоречия не доходили до открытых конфликтов. Наоборот, лидер левых эсеров М. Спиридонова сказала на II съезде своей партии: «Порвать с большевиками — значит порвать с революцией».

— 4 июля в Большом театре открылся 5-й съезд Советов. Противоречия сразу всплыли — подготовка большевиков к подразверстке, Брестский мир, правомочность смертной казни. Карелин потребовал переизбрать мандатную комиссию на паритетных началах и проверить представительство, т. к. коммунисты, по его подсчетам, протащили на съезд больше делегатов, чем имели на это право (773 из 1164). Выступление Ленина носило откровенно оскорбительный характер — «они были не с нами, а против нас», «шли в комнату, а попали в другую», «скатертью дорожка». Партию левых эсеров он назвал окончательно погибшей, провокаторами, единомышленниками Керенского и Савинкова. Однозначно резанул: «Предыдущий оратор гово-

рил о ссоре с большевиками, а я отвечу: нет, товарищи, это не ссора, это действительный бесповоротный разрыв».

— 6 июля сотрудниками ВЧК Блюмкиным и Андреевым был убит германский посол Мирбах. Чтобы встретиться с ним, они предъявили документы за подписью Дзержинского с печатью ВЧК, хранившейся у его заместителя, левого эсера Александровича. Когда лейтенант Мюллер из состава посольства стал стрелять из револьвера, убийцы бежали, забыв документы.

— Извещенный об убийстве, в посольство приехал Дзержинский вести расследование. Он объявил свою подпись поддельной и забрал документы в качестве «вещественного доказательства». После чего сказал Карахану из Наркомата иностранных дел, что восстал полк ВЧК. Откуда он это узнал, непонятно — Свердлову сообщили на съезд гораздо позже, после захвата мятежниками Лубянки. Неизвестно почему, Дзержинский заявил, что убийца Блюмкин наверняка прячется в восставшем полку — и уехал его арестовывать. В сопровождении всего трех чекистов!

— Там его арестовали. Вместе с ним в Покровских казармах оказались Лацис и Смидович.

— Полк ВЧК под командованием Попова восстал довольно странно. К нему присоединилась часть полка им. Первого Марта, силы составляли 1800 штыков, 80 сабель, 4 броневика и 8 орудий. У большевиков в Москве было 720 штыков, 4 броневика и 12 орудий. Но, вместо того чтобы атаковать и одержать победу, пользуясь внезапностью и почти троекратным перевесом, полк пассивно «бунтовал» в казармах. Все действия свелись к захвату небольшими группами здания ВЧК и телеграфа, откуда по всей стране разослали обращение, объявляющее левых эсеров правящей партией. Но никаких призывов свергать большевиков на местах или прийти на помощь восставшим — только лишь не принимать распоряжений за подписью Ленина и Троцкого.

— Вместо того чтобы возглавить восстание, все руководство левых эсеров почему-то спокойно отправилось на съезд. И дало себя поймать в элементарную ловушку. Большевики объявили заседание по фракциям, левые эсеры — в фойе, а сами в зале, потом тайно, через оркестровую яму, покинули Большой театр, сменили эсеровскую часть охраны своей — и 353 делегата, в том числе весь ЦК левоэсеровской партии, оказались заложниками. Мятежникам пообещали, что в случае артобстрела Кремля или иных подобных действий заложников расстреляют.

— Пока восставший полк сидел в казармах, из подмосковных летних лагерей подошли латыши, за ночь вооружили рабочие отряды, обложили кольцом, а наутро открыли по мятежникам огонь из пушек. Хотя и у тех вроде были заложники во главе с Дзержинским. Повстанцы бежали в сторону Курского вокзала, там их встретили заслоны. Они повернули на Владимирское шоссе. Часть перебили, часть захватили. Ленин писал: «арестованных много сотен человек».

— 9 июля съезд Советов, уже состоящий из одних большевиков, единогласно принял решение об изгнании из Советов левых эсеров. Кроме того, приняли решения о подразверстке, о создании в дерев-

нях комитетов бедноты с большими полномочиями (потому что большинство сельских советов были избраны из самых толковых, хозяйственных крестьян и никак не могли быть опорой коммунистам). А 10 июля принимается конституция РСФСР. Тоталитарное правление в России началось!

А вот еще интересные факты.

— Вручая командиру латышских стрелков Вацетису награду в 10 тыс. руб. за подавление мятежа, Троцкий обмолвился, что тот прекрасно действовал как солдат, но своим усердием сорвал какую-то важную политическую комбинацию.

— Дзержинский после подавления мятежа подал в отставку. Временно его обязанности исполнял Петерс.

— Хотя в ходе разгрома мятежников многих перебили и расстреляли, руководство партии левых эсеров получило очень мягкие приговоры — от нескольких месяцев до трех лет, да и то скоро амнистировали (а за недосдачу хлеба давали 10 лет!).

Но один из видных эсеровских деятелей все-таки был расстрелян. Товарищ председателя ВЧК Александрович.

— А вот убийца Мирбаха Блюмкин не был даже арестован! И продолжал служить в ЧК! Его лишь временно откомандировали на юг. Специализировался на особо важных операциях ВЧК и ОГПУ в Бурятии, Монголии, Одессе. Активно участвовал в провокации по заманиванию в Россию и поимке Савинкова в 24-м, в заграничных террористических акциях. И служил до 1930 г., когда погорел на нелегальных связях с Троцким, за что и был расстрелян.

— После гражданской войны все оппозиционные партии «разоблачались» и добивались на публичных процессах, правые эсеры в 1922 г., меньшевики в 1930 г. Левые эсеры процесса не удостоились — их без шума извели в лагерях и перестреляли в тюрьмах.

Не знаю, как у вас, а у меня из совокупности приведенных фактов напрашивается единственный вывод — что весь левоэсеровский мятеж был просто-напросто грандиозной провокацией. Только таким образом эти факты увязываются воедино — и Дзержинский, едущий в Покровские казармы, и пассивно бунтующий полк, и поведение левоэсеровского руководства, и непосвященный Вацетис, завершивший все одним ударом, и живой Блюмкин, и расстрелянный Александрович, который слишком много знал. Кого-то втянули в темную, кто-то примкнул по идейным соображениям, считая, что борется за левых эсеров, кого-то обманули лидеры... Но поднять целый полк чекистов, и чтобы среди них не нашлось ни одного стукача?.. В общем, партию опоганили убийством посла и мятежом, чтобы лишить народной поддержки и раздавить на «законном» основании.

Что касается «важных политических комбинаций», тут остается только гадать. Самым вероятным представляется версия, что коммунисты хотели показать немцам непрочность Брестского мира и получить от них прямую военную помощь. Тот самый волшебный батальон, легко превращаемый в полнокровную дивизию. В июле-августе большевики действительно сообщали в Берлин, что готовы принять в Москве немецкую часть. Только, мол, надо бы переодеть ее в красноармейскую форму или в штатское. Согласитесь, когда восстали Си-

бирь, Дон, Урал, Кубань, когда чехословаки с белогвардейцами шли по Волге на север, иметь в столице германскую дивизию было бы не лишним. Но в июле-августе грянула «вторая Марна», в которой Германия понесла тяжелое поражение, похоронившее ее последние шансы на успех. И немцам стало не до игрушек с Москвой.

25. БОРИС ВИКТОРОВИЧ САВИНКОВ

Это был человек действия. Умный, жестокий, смелый, выкованный подпольем и жизнью террориста. Патриот — но искренне считающий, что цель оправдывает средства. Привыкший без колебаний ради этой цели обрекать на смерть врагов и посылать на смерть друзей. Впрочем, и сам постоянно рисковавший жизнью. Он родился в Харькове в 1879 г. Отец — судья, уволенный за революционные убеждения, мать неоднократно арестовывали, брата сослали в Сибирь. Савинков учился в Варшаве, потом в Петербурге, был исключен за студенческие беспорядки и завершал образование в Германии. В России работал с социал-демократами, был арестован и выслан в Вологду. Оттуда бежал в Швейцарию, где вступил в боевую организацию эсеров. Нелегально вернувшись на родину, принял участие в убийствах министра внутренних дел Плеве, великого князя Сергея Александровича, в покушениях на Николая II, Дубасова, Дурново, Столыпина, Чухнина. В 1906 году был арестован в Севастополе, приговорен к смерти, но бежал, завербовав в свою организацию разводящего караула.

Был талантливым литератором. Под псевдонимом «В. Ропшин» опубликовал несколько повестей и романов, сотрудничал во многих русских и зарубежных изданиях. С 1911 г. в эмиграции. В мировую войну служил военным корреспондентом во Франции. После революции вернулся в Россию. Был комиссаром 7-й армии Юго-Западного фронта, управляющим военным и морским министерством. Поддерживал начинания Корнилова, но в дни «корниловского мятежа» остался на стороне Временного правительства в качестве генерал-губернатора Петрограда. Тем не менее за сочувствие «корниловской программе» был уволен в отставку и исключен из эсеровской партии.

Савинков был одиночкой. Монархисты ненавидели его за прошлое, социалисты — за связь с «корниловщиной», а офицеры — за ненадежность этой связи. В ноябре 17-го он приехал на Дон. Корнилов, Каледин и Алексеев заключили с ним соглашение о взаимодействии. Не из симпатий к нему. Просто решили, что такого человека лучше иметь союзником, чем врагом. Вернувшись с Дона в Москву, Савинков сумел достать денег в чехословацкой и французской миссиях и начал создавать «Народный союз защиты родины и свободы», беспартийную организацию, объединяющую всех, готовых с оружием выступить против большевиков. Основами программы союза были Отечество, гражданские свободы, земля — народу, а власть — Учредительному Собранию.

Главкомандующим Северной Добровольческой армией, формируемой на базе Союза, заочно считался Алексеев, начальником штаба стал полковник Перхуров. К маю у Савинкова насчитывалось

около 5 тыс. человек — офицеры, студенты, интеллигенция. Только благодаря его опыту и идеальной системе конспирации (каждый знал лишь свою пятерку и непосредственного начальника) огромная организация смогла несколько месяцев существовать под носом ВЧК. Хотя сам факт нахождения Савинкова в Москве вызывал вполне однозначные эмоции у большевистских вождей и охота за ним велась непрерывно.

Первоначально планировалось восстание в Москве в первых числах июня. Оно имело все шансы на успех. Но после тщательного анализа Савинков отверг этот вариант, хотя и не сомневался в победе. Город оказался бы в кольце, а запасов продовольствия в столице не было. Миллионное население обрекалось на голод. Поэтому был разработан другой план — начать борьбу в городах Поволжья, облегающих Москву с севера — Рыбинске, Ярославле, Муроме, Костроме и Казани. И, опираясь на них, наступать на Москву, соединившись по Волге с чехословаками и самарскими белогвардейцами. Операция переносилась на месяц. Отряды офицеров начали конспиративно перемещаться в Поволжье.

Несмотря на все меры предосторожности, чекисты все же вышли на след организации. 29.05 — 30.5 в Москве был схвачен штаб резервного полка капитана Аваева, прокатились многочисленные аресты. В июне была разгромлена казанская организация. Все же Союз сохранил основные силы, в поволжских городах в него вступали новые члены, и началось... В ночь с 5 на 6 июля под руководством Перхурова восстал Ярославль. Выступление небольшой группы белогвардейцев сразу охватило весь город. Население принялось громить большевистские учреждения. Убивали ненавистных комиссаров, не успевших сбежать. Впрочем, Перхуров очень быстро начал работу по восстановлению законности и правопорядка. Первым же «Постановлением главноначальствующего» от 6.07.18 восстанавливались органы власти дооктябрьского периода, земское и городское самоуправление, отменялись законодательные акты советской власти, восстанавливались суды, избранные до октябрьского переворота, прокурорский надзор и все органы судопроизводства, обязанные руководствоваться прежним сводом российских законов.

Серьезной ошибкой Савинкова было то, что восстания в разных городах произошли не одновременно. Организационная нестыковка? Или он считал, что Ярославль оттянет на себя красные силы из соседних регионов? Перхуров, начав неожиданно для большевиков, быстро победил, а в остальных городах враг оказался начеку и изготавился к бою. Он и дополнительно был уже мобилизован событиями в Москве 6 июля — ни малейшего отношения к его организации не имевшими!

7-го июля офицерский отряд полковника Бреде под личным руководством Савинкова штурмовал в Рыбинске артиллерийские склады, где хранилось больше 200 новых пушек, огромное количество боеприпасов. Штурм был отбит, а отряд разгромлен. 8-го отряды Новичкова и Сахарова начали восстание в Муроме, где размещались большевистская Ставка и Высший военный совет. Бои шли сутки — и тоже кончились победой красных. Удалось добиться временного успеха в Ростове — но это уже не имело никакого значения.

Ошибся Савинков и в расчетах на поддержку крестьянства. Советская власть еще не успела крестьянину насолить. Продразверстки и продотрядов еще не было, северные нехлеббородные губернии еще не грабили. К тому же здесь раньше была область помещичьего земледелия, и крестьяне традиционно, со времен крепостного права, ненавидели «барина». Повстанцы Ярославля оказались в изоляции. Уже 7.07 подошли красные войска с артиллерией. Началась осада. С каждым днем подтягивались новые силы — латыши из Москвы, матросы из Питера, рабочие отряды из столиц, Иваново-Вознесенска и Шуи. Посылались регулярные части с Восточного фронта. Наконец, из Рыбинска было подвезено огромное количество артиллерии, которую не сумел захватить Савинков. Открылась адская бомбардировка Ярославля.

Нельзя не признать исключительного мужества бойцов Северной Добровольческой армии. Она ведь состояла не из боевых отборных офицеров, как у Корнилова. И не из вояк с детства, как казаки. Сражалось обычное городское население — гимназисты, служащие, приказчики, мастеровые, торговцы. Обычные городские жители больше двух недель в огненном аду отбивали атаки многократно превосходящего врага, удерживали пылающий, круглосуточно засыпаемый снарядами Ярославль. Обороной руководили генералы Афанасьев, Веревкин, Карпов, полковник Томашевский. В осажденном городе действовало и гражданское правительство из городского головы Лопатина, меньшевиков Машковского и Абрамова, кадета Кижнера, эсера Мамырина и земца Черносвитова. Во второй половине июля стало ясно, что Ярославль обречен. Красные ворвались на улицы. Бои шли на баррикадах. Повстанцы, не только офицеры, но и гражданские, поголовно уничтожались. А чехословаки и белогвардейцы были слишком далеко... Кому удавалось, бежали из города. Остальные дрались до конца с героизмом обреченных. Горстка штатских «эсеров» несколько дней обороняла храм Николы Мокрого. Отряд во главе с генералом Карповым попытался спастись, сдавшись находившейся в городе германской комиссии по делам пленных и сделавшись юридически военнопленными Германии. Их попросту отняли у немцев и перебили.

21 июля Ярославль пал. Но еще до 24-го подавляли последние очаги сопротивления, вылавливали и убивали повстанцев по развалинам, подвалам и окрестным лесам. Некоторые попались живыми в руки ВЧК. Как раз к Ярославскому восстанию относятся первые сведения о чекистских пытках, о страшной «пробковой камере» — герметично закрытой и медленно нагреваемой. Когда кровь начинает идти изо всех пор тела... Спасти удалось немногим, в том числе Перхурову и Афанасьеву. Бежал в Казань и Савинков. Он взял в руки винтовку и вступил рядовым добровольцем в отряды Каппеля.

26. МЕДВЕЖИЙ УГОЛ

Новые фронты гражданской войны множились, как грибы после дождя. И везде были чисто свои, характерные особенности. Например, если Туркестан считался медвежьим углом России, то Семире-

чье (Киргизстан и юго-восток Казахстана) считалось медвежьим углом Туркестана. Тут еще и в 18-м году сохранялось многовластие — комиссары несуществующего Временного правительства, атаман Семиреченского Казачьего Войска ген. Щербаков, казачий, крестьянский и киргизский совдепы. И вполне уживались между собой. Делить здешним жителям вроде было нечего. Крестьяне тут были переселенцами, получали столько земли, сколько могли обработать. К началу гражданской они имели хорошие дома, огромные стада, сами вели торговлю с русскими и китайскими купцами. Фурманов возмущенно писал, что царское правительство преступно превратило крестьян в «сплошную кулацкую массу». Каждое хозяйство напоминало неплохое поместье. Правда, враждовали с киргизами (так тогда называли и казахов).

Накануне, в 1916 г., киргизов решили брать в армию на тыловые работы — в тогдашние стройбаты. До того не брали. Киргизы восстали, начали резать русских. Тогда правительство вооружило крестьян, и резня пошла в обратном порядке. Причем, если казачьи части, усмиряя восстание, действовали умеренно, в рамках службы, то крестьянские отряды отличались крайней жестокостью. Разгром ими кишлаков сопровождался надругательствами, садистским истреблением населения без различия пола и возраста. Около 60 тыс. киргизов бежали в Китай, остальные присмирели. Ситуация сложилась парадоксальная. В самых лучших условиях тут оказались не казаки, а «иногородние», которые тоже были вооружены, но не были обязаны на свой счет покупать коней, обмундирование, нести службу. В отличие от казаков, получавших земельный пай от войска, крестьяне при желании могли прихватить землю и скот у киргизов, чем и пользовались в революционной неразберихе.

Существование нарушили извне. Ташкент наконец-то вспомнил про Семиречье и забил депеши, что, если не свергнут старую власть, будет послана карательная экспедиция, а расходы возложат на местных жителей. Что ж, свергли — фронтовики во главе с Берсеевым и Павловым. Объявили власть рабоче-крестьянскую. А поскольку рабочих тут и в помине не было, значит — крестьянскую. Тех, кто и без того жил лучше всех. Власть своя, поэтому летом попытались все хлебные заготовки свалить на казаков. Те воспротивились. Совдеп послал к ним уполномоченных. Их арестовали. Послали отряд с артиллерией. Пьяные усмирители подошли к станице Талгарской и открыли огонь. У них попросили время на размышление, собрали окрестных казаков и разгромили отряд. Станицы Талгарская, Исыкская, Кескелен, Большая и Малая Алматинские восстали и обложили г. Верный (Алма-Ату). Но на приступы не лезли и жестокости в войне еще не было. Столько времени мирно рядом жили! Больше было соперничества, чем злобы, больше удачью мерились, чем воевали. Но тут из Ташкента подошел отряд Мураева в 600 штыков. И начал расстреливать, занимая станицы. И пошло... смерть за смерть, погромы, грабежи.

Казаки осадили г. Джаркент и взяли его, держались в Лепсинском и Копальском уездах. Крестьяне открыли боевые действия не только против казаков, но и против давних врагов — безоружных киргизов, дунган, таранчинцев. Кишлаки и слободы коренного населе-

ния уничтожали до основания. Фронтная зона легла вблизи Верного и Пржевальска. Красные отряды Мамонтова, Мураева и Павлова пошли на Джаркент. Общими усилиями казаков выбили. Они отошли в Кульджу — в Китай, где были взяты под опеку и поддержаны материально российским консулом. А красные войска огнем и мечом покатались по Лепсинскому и Копальскому уездам. Тысячи казаков бежали в Китай, коренное население истреблялось. Естественно, и киргизы, и дунгане, и таранчинцы метнулись к белым.

Все здешние красные части Мамонтова, Иванова, Петренко, Калашникова были, по сути, распоясавшимися, никому не желающими подчиняться бандами. Грабили, пьянствовали, резали безоружных. В Верном пьяные мамонтовцы взяли прямо из храма архиерея и расстреляли за городом. Даже в 1920 г. коммунист Фурманов в докладе РВС Туркфронта так характеризует здешнюю Красную армию: «Войска Семиречья, состоя из местных жителей, середняков и казаков, представляют собой весьма трусливую банду, зарекомендовавшую себя в боях чрезвычайно гнусно. Красная армия Семиречья представляет собой не защитницу Советской власти, а угрозу мусульманству и отчасти казачеству».

Еще один фронт стал намечаться на юге Узбекистана. После разгрома «кокандской автономии» вокруг ее лидера Иргаша начали формироваться силы местных националистов и мусульман. Зародилось басмаческое движение, быстро охватившее горные районы и перекинувшееся в Ферганскую долину.

В «цивилизованной» части Туркестана тоже было неспокойно. В оппозицию к большевикам встали рабочие. Их в республике насчитывалось всего 60 тысяч. В основном железнодорожники, строители, квалифицированные мастеровые. Зарабатывали они тут очень прилично, жили хорошо и на роль опоры для коммунистов никак не подходили. Наоборот, национализация промышленности, всеобщий развал и бесхозяйственность властей серьезно били по ним, лишали заработка. Бардак дошел до того, что здесь, в богатейшем краю, начался голод! Люди получали по 100 г немолотого зерна и 50 г риса в сутки. После взятия Дутовым Оренбурга большевики объявили об учете мужчин от 18 до 35 лет. Началось брожение, митинги. 17.06 серьезные волнения произошли в Асхабаде. Когда же грянула мобилизация на дутовский фронт, рабочие Закаспийской области (нынешняя Туркмения) идти в армию отказались. Заявили: большевикам надо, вот пусть и воюют. Военком Асхабада пытался пустить на рабочих войска. Его избили, солдат разоружали. Начальник гарнизона приказал стрелять в народ. Тогда рабочие сами взяли за оружие, осадили ревком и вызвали подмогу из других городов. На следующий день прикатили два эшелона рабочих из Кизыл-Арвата, эшелон из Красноводска. На ревком навели пушки, и он сдался. Совдеп распустили и переизбрали заново.

Для подавления восстания Ташкентский Совнарком послал карателей — отряд «интернационалистов» из венгерских пленных с артиллерией под командованием Фролова. Он вступил в Асхабад в конном строю с плакатами «Смерть саботажникам». Фролов арестовал и отправил в Ташкент управление железной дороги, насильственно переизбрал Совдеп, объявил осадное положение и сдачу оружия. Пыт-

кой для всего города стал объявленный им комендантский час. После 22 часов выходить из домов запрещалось — это в Асхабаде в июльскую жару, когда жизнь в городе начиналась с заходом солнца, а жители спали вне раскаленных зданий, в садах и на крышах. Сам Фролов с женой-комиссаршей разъезжали на автомобиле с горящими фарами и карали нарушителей.

Изъяв в усмиренном Асхабаде 2 пулемета и 4 бомбомета, Фролов пошел на Кизыл-Арват. Там его уже встретили обороной. Он приказал выдать водки своим венграм и атаковал город. Бой был коротким, погибли 1 каратель и 4 рабочих. Фролов опять переизбрал местный совдеп, забрал орудия и винтовки из арсенала и собрался двигаться на Красноводск. Но 12.07 у него в тылу восстал Асхабад. Возглавил рабочих паровозный машинист Фунтиков. В тыл Фролову послали вооруженный эшелон. Навстречу вышла дружина из Красноводска. Каратели были разбиты, частично пленены, частично перебиты — в том числе сам Фролов с женой. Стачком избрал правительство во главе с Фунтиковым.

Восстание покатило по Закаспийской области. К рабочим стали примыкать туркменские племена. Посланный для наведения порядка комиссар Туркестанского СНК Полторацкий сумел доехать только до Мерва (Мары). Узнав о приближении восставших, попытался вывезти ценности местного банка, но рабочие Мерва не дали этого сделать. Отцепили от эшелона паровоз, а когда ценности перегрузили на телеги, подпилили оси. Сам Полторацкий был арестован повстанцами и расстрелян. Надо заметить, что в отличие от белоофицерских и белодемократических правительств рабочие не затрудняли себя формальностями судопроизводства. Действовали по-простому, по-рабочему. Вслед за Полторацким, тоже без суда, расстреляли 9 комиссаров Закаспийской области. Точно так же, как эти комиссары без суда расстреливали казачьих офицеров, возвращавшихся с фронта.

К 20 июля вся Закаспийская область оказалась в руках восставших. Ташкент стал собирать против нее войска. Видя превосходство большевиков в силе, правительство Фунтикова обратилось за помощью к англичанам, находившимся рядом — в Персии. Те немедленно перебросили в Туркмению 19-й Пенджабский батальон, подразделения Хэмпширского полка, 44-ю полевую батарею. Образовался еще один фронт...

27. ЗАКАВКАЗСКАЯ РЕЗНЯ

В Закавказье, собственно, не было красных и белых, а гражданская война здесь сразу приобрела межнациональный характер. Почти одновременно образовались несколько властей. После падения Временного правительства бразды руководства принял Закавказский сейм из представителей грузинских, армянских, мусульманских и русских партий, заседавший в Тифлисе. Большевики послали в этот регион Шаумяна, назначенного «верховным комиссаром Закавказья». Он осел в Баку, создал там свой Совнарком («бакинские комиссары»), но до поры до времени активно проявить себя не мог — в Бакинском совете большинство составляли эсеры и мусульмане. И Шаумян имел

возможность проводить какую-то свою политику, лишь играя на самостоятельных настроениях Баксовета, не желавшего подчиняться Тифлису.

Между тем Турция обхитрила Закавказский сейм как детей — запросила, признает ли Закавказская республика себя частью России? Если да, то согласно Брестскому договору должна отдать Карс, Ардаган, Трапезунд и Батум (входившие тогда в русские границы). Сейм сначала попытался уклониться от «позорного мира». Но турки двинули войска и беспрепятственно заняли Батум. Сейм, посовещавшись, 22.04 объявил Закавказскую республику независимой, ничем не связанной с Россией, а значит, не обязанной выполнять условия Бреста. Туркам только этого и надо было. Они немедленно предъявили новому государству гораздо более тяжелые требования — отдать половину Эриванской, Тифлисской и Кутаисской губерний. И пошли на Тифлис, Эриван и Джульфу. Защищаться было некому, кроме армянских и грузинских партизанских дружин да малочисленного отряда русских добровольцев полковника Ефремова. Мусульманская часть сейма и его войск явно склонялись к туркам. Над грузинами и армянами нависла угроза резни.

Тогда грузинская фракция обратилась за помощью к Германии. Для немцев Кавказ представлял несомненный интерес. Людендорф писал: «Для нас протекторат над Грузией был средством... получить доступ к кавказскому сырью. Мы не могли довериться в этом отношении Турции. Мы не могли рассчитывать на бакинскую нефть, если не получим ее сами». Заручившись поддержкой резидента в Константинополе генерала фон Лоссова, Жордания и Церетели 13 (26) мая провозгласили Грузинскую республику. Сейм развалился. Вместо одной Закавказской республики стало три — Грузия, Армения, Азербайджан. Германия цыкнула на турок, «арендовала» у грузин порт Потти на 60 лет и перебросила сюда несколько рот своих солдат — просто для присутствия.

На другом фланге Кавказа тоже происходили важные события. В Дагестане имам Гоцинский объявил себя потомком Шамиля и вместе с пророком Узун-Хаджи объявил джихад, священную войну против неверных. Собрав огромную армию горцев, он занял Темирхан-Шуру (Буйнакск), а 23 марта вышиб красных из Петровска (Махачкала) — часть бежала на пароходах в Астрахань, часть по железной дороге в Баку. Там в это время находился штаб и остатки Дикой дивизии. Они грузились на пароход «Эвелина», намереваясь отплыть на Северный Кавказ. И Совнарком под флагом «мусульманской угрозы» произвел переворот. Собрал красные части из Дагестана, жаждущие отомстить за свое поражение, привлек полк армянского ополчения Т. Амирова, возвращавшийся через Баку из Персии, сагитировал канонерки Каспийской флотилии с проэсеровскими экипажами, поднял на нефтепромыслах «красную гвардию», босяков, с энтузиазмом воспринявших возможность пограбить. Сначала напали на Дикую дивизию, кого побили, кого разоружили. Затем война пошла по мусульманским кварталам. Их бомбил аэроплан, обстреливала морская артиллерия. Началась резня татар (так тогда называли азербайджанцев).

На помощь единоверцам выступили с севера мюриды Гоцинского, с юга — бек Зиятханов. Зиятханова разгромили в Шемахе. По данным азербайджанского правительства, в Баку и Шемахе было уничто-

жено 10 тыс. татар. А Совнарком, опираясь на армянские дружины и люмпенов, обрел реальную власть и... смертельных врагов в лице турок и азербайджанцев.

Он повел наступление на север, нанес поражение Гоцинскому и занял Петровск. Через день туда подошли военные корабли с десантом из Астрахани. Имам бросил на Петровск под знаменем джихада десятки тысяч горцев. С одними саблями и кинжалами они шли сплошной массой, чтобы истребить неверных или умереть в бою. Умерли. Их встретили плотным пулеметным огнем, залпами корабельной и полевой артиллерии. Огромное пространство оказалось покрыто трупами. Джихад захлебнулся. Гоцинский ушел в горы, красные заняли Темирхан-Шуру.

Между Черным и Каспийским морями разворачивалась резня и неразбериха. Банды Зиятханова и других татарских беков вторглись в Мугань, населенную русскими крестьянами. Разгромили 50 селений, 30 тыс. чел. бежали в Баку и Россию. Но южная часть Мугани сумела организовать, создала армию в 1000 чел. при 2 пушках под командованием полковника Ильяшевича. Они разбили наседавшие отряды, в свою очередь уничтожили 20 татарских селений, а потом мирно зажили самостоятельной Ленкоранской республикой, просуществовавшей целый год. Иррегулярные, стихийные татарские формирования ринулись в заселенный армянами Карабах. И здесь пошла война. В Шушинском и Зангезурском уездах образовалась независимая армянская республика, границы которой держал партизанский отряд Андраника. В Нахичевани возникла Аракская республика, созданная татарскими ханами, поголовно резавшими армян и озлобленными на Россию, когда-то лишившую их феодальных прав.

В Гяндже расположилось центральное правительство Азербайджана, опиравшееся на либеральную партию «Мусават» («Равенство») с сильным пантюркистским уклоном. Но власть правительства была скорее идейной. Созданные еще при Керенском мусульманские формирования с русскими офицерами разваливались из-за непривычки татар к дисциплине и регулярной службе. Поэтому правительство вынуждено было опираться на местные банды и отряды беков.

Хуже всего пришлось Армении. Партизанские дружины общей численностью 10—15 тыс. чел. и германские ноты остановили турок в 6 км от Эривани. Территория республики составила небольшой район бесплодных гор с 14 км железных дорог и 600 тыс. беженцев. Со всех сторон враги. С запада — турки, с юга — курды, с юго-востока — Аракская республика, с востока — Азербайджан, с севера — грузины, которые даже не пропускали продовольствия через границу голодающей Армении. «Братья-грузины» быстро заняли войсками все спорные территории и заявили, что «армяне не могут составить сколько-нибудь жизнеспособного государства, и им выгодно усилить Грузию, чтобы было на Кавказе сильное христианское государство, которое при поддержке немцев будет защищать и себя, и армян».

Грузия проявила себя весьма агрессивно. Сначала возникли отряды Народной гвардии под руководством Джунгелия численностью около 10 тыс. чел. Они мало чем отличались от красногвардейцев, кроме национального шовинизма. Первыми действиями Грузии стало округление своих границ за счет «меньшинств» — осетин, лезгин,

аджарцев, татар, армян (эти меньшинства составляли более 50% населения республики). В апреле большевики вторглись в Абхазию. Местный Национальный совет обратился за помощью к Грузии. Начались бои Народной гвардии с красными. Они шли с переменным успехом, пока в Грузии при помощи германских инструкторов не начала формироваться регулярная армия. Первые же ее части генерала Мазниева опрокинули большевиков и выгнали из Абхазии. По просьбам крестьян Черноморской губернии они продолжали наступление и очистили от красных побережье вплоть до Туапсе. Но повели себя освободители не очень благородно. Разогнали Национальный совет Абхазии, арестовали его членов и посадили своего «чрезвычайного комиссара». В Сочинском округе, который присоединить к Грузии не надеялись, пограбили все государственное имущество — вывезли рельсы Туапсинской дороги, больничное оборудование, инвентарь Гагринской климатической станции, племенной скот...

Русским в каждой местности жилось по-разному. Лучше всего к ним относились в Армении. Тут были рады любым специалистам, особенно офицерам. Искали связей с любой, красной или белой Россией, способной защитить армян. Азербайджанское правительство, несмотря на яркий пантюркизм, относилось к русским терпимо. Бедная культурными силами республика охотно принимала их на службу. В Грузии — наоборот. Бывшие российские социал-демократы, лидеры революции Церетели, Чхеидзе, Жордания посеяли ненависть ко всему русскому. Десятки тысяч человек остались без работы. Лишение избирательных прав, аресты, выселения, принудительное подданство. Даже московские большевики подумали об этих людях, послав в Тифлис 30 млн. руб. «на ликвидацию государственнослужащих». Служащие не получили из этих денег ни шута, им выдавали квитанции «на получение денег из кредита Российского государства» и выгоняли в порты Черного моря или по Военно-Грузинской дороге.

Между азербайджанским правительством хана Хойского в Гяндже и Совнаркомом Закавказья в Баку, конечно же, развернулась война. Мусаватисты попробовали наступать на Баку, но фронт замер у станции Кюрдамир, примерно посередине между этими городами. Разбегались татары — им не хотелось лезть на штыки. Разбегались босяки-красногвардейцы — им не хотелось быть вырезанными. Списочный состав бакинской армии достигал 60 тыс. чел., а фактически в строю было несколько сот — остальные дезертировали или перешли к противнику. За азербайджанцев воевали неуправляемые банды и отряды беков. За бакинцев — армянские дружины. Попытки решительных действий проваливались. Например, подошел на фронт свежий отряд матросов, начал наступать. Но под Геокчаем встретил санитарный поезд. Моряки перепились с сестрами милосердия и в одну ночь были вырезаны.

Равновесие нарушилось, когда прибыли турецкие войска Нури-паши. Всего-то 6 тыс., но они стали ядром, вокруг которого стали группироваться местные мусульманские силы. Фронт бакинских комиссаров затрещал. Союзники нашлись и у них, но слишком далеко. И этими союзниками были немцы! Людендорф писал, что «Германия очень интересовалась бакинскими нефтепромыслами, которые соединены нефтепроводом с Батумом». Он снял с Балканского фронта

бригаду кавалерии, 6 батальонов пехоты и перебрасывал их в Потти для похода на Баку. Старались помочь московские большевики, слали подкрепления, и... взывали к немцам. Ленин обещал Германии свободный доступ к бакинской нефти, если та поможет заключить перемирие с Турцией. Но для Германии уже начинались тяжелые времена, а Великая Порта уже разваливалась на части, поэтому Нури-паша чихал не только на Берлин, но и на Стамбул. Он чувствовал себя хозяином в новоявленном государстве и с некоторых пор даже донесения начал отправлять не в Турцию, а в Гянджу.

В Баку сложилась критическая ситуация. Начался голод. Вместо хлеба выдавали орехи. Подвоза продовольствия из России не было, а окрестные жители — татары ничего не хотели давать «армянскому правительству». Ведь в составе бакинских комиссаров было только двое мусульман, Азизбеков и Везиров, а большинство — армяне: Шаумян, Корганов, Каринян, Саакян, Тер-Габриелян, Микоян, Авакян. Да и к власти пришел Совнарком в ходе антимусульманской кампании.

Совнарком проводил большевистскую линию: ЧК расстреливала на месте заподозренных. Налагались контрибуции на промышленников (например, 50 млн. руб. на Красную армию), неплательщиков бросали в тюрьмы... Но авторитет комиссаров падал с каждым днем. Два наркома, левые эсеры Киреев и Покровский, даже попытались сбежать. Их поймали и расстреляли за дезертирство. В Бакинском Совете коммунисты составляли меньшинство. Разделаться с другими партиями, как московские коллеги, они не могли: с собственными военными частями было слабовато. Каспийская флотилия поддерживала эсеров. Дружины дашнаков Амирова и Амазаспа защищали не коммунизм, а армянское население, сбежавшее сюда от резни со всего Азербайджана.

К большевикам попросился на службу войсковой старшина Бичерахов. С отрядом казаков он воевал в Персии на службе у англичан, а сотрудничество с бакинскими комиссарами рассматривал лишь как способ вернуться домой. Намерения большевиков тоже были далеко не честными — прикрыть с помощью Бичерахова фронт, постепенно распропагандировать его войска, а потом избавиться от него самого. Дождаться этого Бичерахов не стал. Впрочем, выступать против коммунистов он тоже не собирался. Прибыв в Баку с 2 тыс. казаков, он провел переговоры с властями, сразу смекнул, что они замышляют, и вместо фронта просто ушел на север, к горам Кавказа. У Дербента ему преградили путь превосходящие силы красных — Дагестанский полк Махача, Астраханский полк, Петровский интернациональный полк. Две недели продолжались бои. Но среди красных царил разброд, присланному из Астрахани командующему Круглову части подчиняться не желали, а отряд казаков был крепким, закаленным в боях и совместных странствиях по свету. Все скопление большевиков было разгромлено, и Бичерахов взял Дербент.

А в Баку из-за голода, угрозы турецкой резни уже даже рабочие нефтепромыслов требовали на митингах приглашения англичан. Какое-то время комиссары сдерживали напор обещаниями скорой помощи из Москвы. 19.07 она пришла. Но левый эсер Петров (покоритель Дона) привел всего 600 чел. и 6 орудий. 6 полков, следовавших

с ним в Баку, Сталин отобрал и оставил в Царицыне, опасаясь наступления белоказаков (которые тогда еще штурмовать Царицын и не думали). 25.07 на расширенном заседании Баксовета 258 голосами против 236 было решено обратиться к англичанам.

30-го турецко-татарские войска начали штурм Баку, и тут же, на следующий день, Совнарком постановил сложить свои полномочия под предлогом, что обращение к англичанам противоречит Брестскому договору. Они сняли с фронта верные части и принялись грузиться на пароходы, намереваясь удрать в Астрахань. Эта попытка бегства вызвала взрыв негодования. Баксовет образовал новое правительство — Диктатуру Центрокаспия. Запросил помощи у Бичерахова. Арестовал Шаумяна и председателя ЧК Тер-Габриеляна, на готовые к отплытию пароходы навели пушки канонерок. В конце концов завершили переговорами. Арестованных выпустили, войска Совнаркома вернулись на фронт, и штурм был отбит.

4.08 приехали англичане. Но в тот момент они не могли оказать существенной помощи! Например, в Энзели их гарнизон насчитывал всего 50 чел. Они остро нуждались в бензине, даже в свое время предлагали бакинским комиссарам в обмен на него автомобили, иначе их части были обречены на бездействие — Совнарком тогда отказал. Во время боев в Персии с Кучук-ханом они опять просили Совнарком о помощи и получили отказ. Им угрожал Афганистан, где 100 немецких инструкторов готовили для противобританских действий афганскую армию. Наконец, в июле британские войска отправились в Закаспийскую область. И в Баку смогли прибыть лишь несколько сот солдат. Тем не менее большевистская партконференция снова постановила снять войска с фронта и бросить Баку. Опять погрузились на пароходы и попытались сбежать. Корабли Каспийской флотилии нагнали их у о. Жилого, вынудили вернуться. 15.08 бакинских комиссаров арестовали за дезертирство.

Без них город держался еще месяц. 11.09 по окончании следствия их постановили предать военно-полевому суду. Но было уже не до судов. Бои шли на окраинах. В суматохе комиссарам удалось покинуть тюрьму. Вместе с остатками дружины Амирова они на пароходе «Туркмен» оставили Баку. Сдача города обернулась морем крови. Межпартийная грызня, политические игры, принципы и позиции стоили жизни мирному населению. Капитаны бросили тонущий корабль первыми, а ответили за их художества другие. В эти дни мусульманами было вырезано в Баку свыше 30 тыс. армян.

А на пароходе «Туркмен» начались разногласия. Команда отказалась идти в большевистскую Астрахань, прослышав о тамошнем терроре Кирова. Капитан Поллит сообщил, что до Астрахани все равно не хватит топлива (за что вместе с членами команды в 1924 г. был расстрелян). Пошли в Красноводск. Здесь местной дружиной рабочего стачкома при поддержке английской батареи прибывшие были разоружены. Председатель стачкома Кун снесся с Диктатурой Центрокаспия, ушедшей в Дербент к Бичерахову. Сообщил, что полагает возможным судить бывших комиссаров за дезертирство. Исполком Центрокаспия подтвердил свое решение от 11.09. Арестовали 37 человек. Рядовые бойцы репрессиям не подверглись. Дашнаков отпра-

вили в распоряжение Центрокаспия, желающих красноармейцев — в Астрахань.

Как уже отмечалось, рабочее правительство Закаспийской области «формальностями» себя не утруждало. Следствие ограничилось одной бумажкой, найденной у наркомвоенна Корганова, — списка, где 25 фамилий были помечены крестиками. Список был составлен в бакинской тюрьме, где комиссары, чтобы составить «общий котел» из передач, тщательно отбирали, кого принять в компанию, отделяли «своих» от «чужих», арестованных вместе с ними. Эти 25 крестиков стали основанием смертных приговоров, 26-м стал командир дашнакской дружины Амиров. Из-за такого «следствия» уцелел бакинский нарком А. Микоян, зато попали под гребенку лица, далекие от руководства, — например, телохранители. Суда, по-рабочему, тоже не было. Закаспийское правительство приняло решение, и 26 приговоренных перебили, вывезя в пустыню. Но не как большевиков, а как дезертиров. Интересно, что расследование этого факта провели белогвардейцы в 19-м, они же довели до сведения мировой общественности, поставив бессудную экзекуцию в вину правительству недалекого паровозного машиниста Фунтикова.

Ну а Бичерахов, впитав остатки войск Центрокаспия, поддерживаемый Каспийской флотилией, завершил разгром красных в Дагестане и взял Петровск, основав «Кавказско-Каспийское правительство». Отступавшие в горы красные отряды были добиты мюридами Гоцинского. Но Бичерахов для имама вовсе был не союзником, а «неверным». Гоцинский начал воевать против него и нанес тяжелое поражение у горы Тарки-Тау. Бичерахов отошел на юг, в Дербент, а на территории Чечни и Дагестана возникла Горская республика во главе с П. Коцовым. Петровск переименовали в Шамилькала.

Ну и бутерброд там получился! Красная Астрахань. В степях — белые калмыки и казаки. Красный Грозный. Дальше — Горская республика. Южнее — Кавказско-Каспийское правительство, связанное с англичанами. Еще южнее — Азербайджан с турецкими войсками Нури-паши. И все друг с другом воюют!

28. ВТОРОЙ КУБАНСКИЙ ПОХОД

На Северном Кавказе шла грызня за власть. ЦИК Кубано-Черноморской советской республики обвинял главкома Автономова в диктаторских устремлениях, клеймил его и Сорокина «врагами народа и провокаторами». Автономов клеймил ЦИК «немецкими шпионами». Верх взял ЦИК. Автономова спихнули, а верховным главнокомандующим назначили бывшего подполковника латыша Калнина. Красные силы на Северном Кавказе насчитывали около 200 тыс. чел., из них больше половины на Кубани, сгруппированные в 3 армии. Северная под непосредственным командованием Калнина, Западная — Сорокина, обе по 30 тыс., и Таманская — Матвеева, 40 тыс.

В Добровольческой армии было 9 тыс. 23 июня она перешла в наступление. Политическая программа Деникина излагалась в «Декларации Добровольческой армии»:

«1) Добровольческая армия борется за спасение России путем: а) создания сильной, дисциплинированной и патриотической армии; б) беспощадной борьбы с большевиками; в) установления в стране единства и правового порядка.

2) Стремясь к совместной работе со всеми русскими людьми государственно-мыслящими, Добровольческая армия не может принять партийной окраски.

3) Вопрос о формах государственного строя является последующим этапом и станет отражением воли русского народа после освобождения его от рабской неволи и стихийного помешательства.

4) Никаких сношений ни с немцами, ни с большевиками. Единственные приемлемые положения — уход из России первых и разоружение и сдача вторых.

5) Желательно привлечение вооруженных сил славян на основе их исторических чаяний, не нарушающих единства и целостности Российского государства, и на началах, указанных в 1914 г. русским Верховным Главнокомандующим».

Полководцем Деникин был незаурядным. Он внес новые элементы в военное искусство: учитывая специфический, отборный состав своих войск, ввел в армии атаку редкими цепями, выполнение каждым взводом в наступлении самостоятельной задачи. Фактически он явился родоначальником тактики высокопрофессиональных войск — той самой, которую потом начали применять десантники, морская пехота и спецназ. Деникин ввел оправдавшее себя в условиях гражданской войны формирование типа «колонна» — ядро из нескольких офицерских полков, автономно действующее в тактической и оперативно-тактической глубине и обрастающее местными партизанами. Он широко применял обманные маневры, рейдирование по тылам врага, скоординированные по времени атаки с разных направлений, мастерски умел выбирать цели для главных ударов. Но Деникин проявил себя не только как военачальник. *Один из приказов, отданных им в начале похода, категорически запрещал расстрелы пленных. Это был первый такой приказ в истории гражданской войны.*

Во время Ледяного похода белогвардейцы действовали по-партизански. Избегали железных дорог и главных магистралей, по возможности уклонялись от встречи с основными силами противника. Сейчас Деникин шел на Кубань как хозяин. Шел, чтобы уничтожить окопавшегося там врага. Начал он боевые действия, по своему обыкновению, нестандартным маневром. Ударил не на юг, а на восток. Всеми силами Добровольческая армия обрушилась на узловую станцию Торговая (г. Сальск). С запада атаковала дивизия Дроздовского. Под прикрытием единственного орудия, бывшего прямой наводкой на картечь, форсировала реку Егорлык. С юга пошла на штурм дивизия Боровского, с востока — Эрдели. Красным подсказывали единственный свободный путь — на север. И они побежали туда, бросив артиллерию и огромные обозы. Но здесь их ждала дивизия Маркова, перехватившая железную дорогу у полустанка Шаблиевка. Встретила и добила.

В Торговой армия обеспечила себя трофейными боеприпасами. Здесь белогвардейцы дружно и весело делали свой первый «бронепо-

езд», укладывая на платформы мешки с песком и устанавливая пулеметы. Захватом станции Деникин перерезал железную дорогу Царицын—Екатеринодар, основную магистраль, связывавшую Кубань с Центральной Россией. Но армия понесла в этом бою тяжелейшую утрату. Одним из последних снарядов, пущенных уже наугад удирающим на север красным бронепоездом, был убит Сергей Леонидович Марков.

Мировая война застала его преподавателем Академии Генштаба. Сослуживцы звали «профессором». Служил в штабе Алексеева, а в декабре 14-го судьба навсегда связала его с Деникиным — он был назначен начальником штаба 4-й Железной бригады и в первый же день под шрапнелью, в стрелковых цепях, заслужил всеобщую симпатию. Он жил ярко, а воевал с беззаветной храбростью. О его подвигах ходили легенды. В тяжелейшей ситуации принял 13-й полк — когда там были выбиты все старшие офицеры. При отступлении из Галиции командовал арьергардом и должен был взорвать мост через Стирь. Но за армией шла масса беженцев, и Марков на свой страх и риск 6 часов дрался, прикрывая переправу, пока не прошла последняя повозка. В 15-м, прорывая фронт австрийцев, попал в окружение — приказал оркестру играть полковой марш, собрал музыкой рассеявшихся солдат и разгромил врага, взяв 2 тыс. пленных. Был награжден Георгием 4-й степени и Георгиевским оружием.

После революции служил генерал-квартирмейстером Ставки. А при уходе оттуда Деникина ушел вместе с ним, стал у него начальником штаба фронта. Вместе сидели в Бердичевской и Быховской тюрьмах. Он по-особенному, органически располагал к себе людей. Солдаты на фронте обожали его, офицеры Добровольческой армии им восхищались. В марте 17-го в Брянске вспыхнул солдатский бунт и готовилась расправа над офицерами. Прибывший туда Марков пошел прямо в разъяренную вооруженную толпу — и вскоре солдатня ревела уже не от злобы, а от восторга, а Маркова проводила криками «ура!».

Он стал душой Добровольческой армии. Его высказывания передавались из уст в уста, а его подвиги стали будничным явлением. Командиры Белой гвардии нередко называли его просто Сережей. Ведь он не дожил до сорока. Под Шаблиевкой Добровольческая армия лишилась любимого военачальника, а Деникин — ближайшего друга. На венке, который он и Романовский возложили на могилу Маркова, они написали: «И жизнь, и смерть за счастье Родины». Его дивизию принял ген. Казанович, а Офицерский полк, которым командовал Сергей Леонидович, был назван Марковским.

После победы под Торговой Деникин нанес свой второй удар. И опять удар хитрый. Не на Кубань, а в противоположную сторону, на север. Произошел встречный кавалерийский бой Эрдели и Думенко. Разбитая красная конница откатилась в степи, а вслед за тем части добровольцев разгромили оборону большевиков и заняли Великокняжескую (ныне г. Пролетарск). И снова посыпались разнообразные результаты, в том числе самые неожиданные.

Армия не только очистила свои тылы для будущих операций. Она дезориентировала противника, обозначив движение на Царицын.

В глазах большевиков силы белогвардейцев многократно преувеличивались. Ленин писал Зиновьеву: «Сейчас получил известие, что Алексеев на Кубани, имея до 60 тысяч, идет на нас» — и направлением указывал Царицын. Мало того, вся система обороны в Сальских степях оказалась разрушенной. Красная группировка войск была рассечена натрое. Около 7 тыс. под командованием Шевкопляса отступали на Царицын, отряды Колпакова и Булаткина в 5 тыс. бежали в Ставрополье, трехтысячный отряд Ковалева окопался в большой слободе Мартыновка. Деникин передал Великокняжескую донским казакам полковника Киреева, и те погнались красных, которые больше месяца не могли собрать друг дружку по степям. Развивая преследование до станции Зимовники, казаки Киреева вышли во фланг красному фронту Тулака, сражавшемуся против Мамонтова по реке Чир. И те тоже побежали. Тулака, отличавшегося зверством в обращении с подчиненными, убили сами красноармейцы. Мамонтов вышиб большевиков из пределов Донской области и очутился на подступах к Царицыну. Там началась паника.

Ворошилов помчался на бронепоезде на станцию Гашун, где организовал из отряда Шевкопляса 1-ю донскую дивизию. В ее состав вошел и кавалерийский полк, которым командовал Б. М. Думенко с заместителем С. М. Буденным. Искали в степях Булаткина и другие битые отряды, стягивая все, что можно, под Царицын. В этот момент Сталин и отобрал 6 полков у Петрова, шедшего на выручку Баку. Таким образом, цепочка последствий, вызванных отвлекающим ударом Деникина, прокатилась по всему фронту и аукнулась даже в Азербайджане падением бакинских комиссаров.

А Деникин, устроив эдакий переполох, развернул армию на 180 градусов и устремился на Кубань. Двигались ускоренным маршем, пехоту посадили на телеги, впереди пустили самодельный бронепоезд. Крупные силы красных обнаружили в Песчанокотском и с ходу напали на них. Завязался упорный фронтальный бой. Дивизии Боровского и Дроздовского дважды врываются на окраины и дважды выбивались. Но едва красные заметили, что деникинцы окружают их, как начали отступление к станции Белая Глина.

Здесь расположилась Стальная дивизия Жлобы, собралось 10 тыс. ополчения, строились долговременные позиции! Попытались взять неожиданно, ночной атакой. Она не удалась. Скрытно выдвигавшиеся дроздовцы были обнаружены, напоролась на многослойный пулеметный огонь и залегли. Однако утром, совершив обход, с юга в расположение красных ворвался Кутепов с корниловцами, с запада — Боровский. Закипел уличный бой. Осталась открытой единственная дорога — на восток, и большевики покатались туда. Их отступление вскоре перешло в беспорядочное бегство. В преследование пошла конница Эрдели, подключились все, кто мог, — штабные, конвойцы, адъютанты, обозные. Вся масса войск была побита, пленена или рассеялась по степям. Деникину пришлось останавливать самосуды разъяренных дроздовцев — в Белой Глине нашли трупы полковника Жебрака и 35 офицеров их отряда. Заблудившиеся в ночной атаке и попавшие к врагу, они были зверски замучены и обезображены.

Теперь добровольцы оказались лицом к лицу с главными силами

Северной армии Калнина. Деникин развернул операцию на 70-километровом фронте. Предварительно он послал Боровского в рейд по тылам противника. За двое суток белогвардейцы прошли 120 км, очистив близлежащие станицы от отдельных отрядов и мелких банд. Корниловцев направили в глубокий обход, а основные силы утром 14 июня пошли на штурм сильно укрепленных позиций, прикрывающих Тихорецкую. Произошло жестокое сражение. Красные не выдержали натиска и отошли на вторую линию обороны. После такого жаркого боя они были уверены, что сегодня деникинцы больше в атаки не пойдут. Расслабились. И ошиблись. Выйдя им в тыл, Корниловский полк без боя занял Тихорецкую. Главком Калнин едва сбежал. Его начальник штаба Зверев застрелил жену и застрелился сам. Красная армия оказалась обезглавленной, зажатой в тиски, и ее принялись громить с двух сторон. К вечеру бой перешел в побоище. Только 7 эшелонов большевиков прорвались на Екатеринодар. 30-тысячная армия была уничтожена. Поле боя оказалось завалено трупами. Добровольческая армия захватила невиданные ею доселе трофеи — 3 бронепоезда, 50 орудий, броневики, аэроплан, вагоны винтовок, пулеметов, боеприпасов и имущества.

За 3 недели боев деникинцы потеряли четверть своего первоначального состава, но тем не менее их численность возросла до 13 тыс. чел. за счет непрерывного притока добровольцев, усиливающегося с каждой победой. В Тихорецкой Деникин начал формировать первые подразделения из пленных, мобилизуя рядовых солдат-красноармейцев в свои войска. Уже и беднейшее казачество, те самые фронтовики, которые притащили на Кубань большевизм, начали склоняться к белым. Добровольцы в станицах аккуратно расплачивались за фураж и продовольствие, а красные — грабили, реквизировали скот и лошадей. Части из украинцев и пришлых солдат вообще вели себя, как оккупанты, считая каждого казака врагом, отличаясь насилиями и погромами во вполне «красных» станицах.

Победа под Тихорецкой дала не только моральный и материальный, но и серьезный стратегический выигрыш. Все группировки Красной армии на Кубани — Западная, Таманская, Екатеринодарская, Армавирская — оказались отрезанными друг от друга. Деникин дал войскам 2 дня на отдых, а потом продолжил наступление. Оно развернулось сразу на три фронта, тремя колоннами — на Армавир, на Екатеринодар и против армии Сорокина. Бывший военфельдшер Сорокин оказался более толковым воякой, чем Калнин. Он расстрелями навел дисциплину в своих частях, отписал Кубанско-Черноморскому ЦИК, что не нуждается в их комиссарах и агитаторах, и решил не дожидаться в пассивной обороне. Сначала, оглушенный слухами об успехах Добровольческой армии и ее непобедимости, он намеревался прорваться за Кубань к своим.

Выступив из Тимашевской, с налета взял Кореновскую и истребил занимавший ее белый гарнизон. Против него действовали дроздовцы и марковцы. Узнав о падении Кореновской, они двинулись туда, но подошли не одновременно. Марковцы подтянулись первыми. Казанович переоценил свои силы, бросился на штурм и потерпел поражение. Следом подошел Дроздовский. Начал атаку при поддерж-

ке своего единственного броневика и тоже был отбит с большими потерями. Вдохновленный победой, Сорокин изменил планы и развернул наступление на Тихорецкую. Советская власть увидела в нем своего спасителя. Мгновенно забылись все прегрешения. Сорокина назначили верховным главнокомандующим всеми красными войсками на всем Северном Кавказе. Деникин поворачивал свои далеко разошедшиеся части и стягивал их воедино. А потрепанные дроздовцы и марковцы пятились назад под натиском превосходящих сил, ежедневно огрызаясь контратаками и осаживая штыками наседающие красные полки.

7 августа под станцией Выселки произошла решающая битва. Красные зашли в тыл частям Казановича и Дроздовского. Казалось, еще одно усилие, и белогвардейцы будут уничтожены. В 14 часов вододушевленная близкой победой Западная армия обрушилась по всему фронту на добровольцев. Но дроздовцы и марковцы встали на смерть. Ответили контратакой и в отчаянной штыковой свалке перебили первую волну наступающих. Следующие цепи смешались, дрогнули. И в это время по ним с разных сторон ударили деникинские части. С севера подошли корниловцы и полк кавалерии, с юга конница Эрдели с бронепоездами. Армия Сорокина очутилась в ловушке. Заметалась, сбиваясь в беспорядочные толпы. И побежала, преследуемая и избиваемая. Уже в 16 часов Западная армия перестала существовать, ее остатки поодиночке, группами и обезумевшими толпами в панике катились на Екатеринодар.

И вот после этой победы поднялась против большевиков Кубань. Повсеместно станицы брались за оружие. Платили за пять месяцев унижений, грабежей, убийств и насилия. По Кубани пошла резня. Большевиков уничтожали, как нечисть, как погань, изнасиловавшую доверчиво принявший их край. Красные, где могли, отвечали тем же. Взрыв взаимной ненависти смел все рамки человечности. С той и другой стороны вырезались целые отряды, обозы, населенные пункты. Резали врагов, невзирая на пол и возраст. Тем более что в краю царило безвластие. Каждый отряд, каждая станица, каждый командир были сами себе начальниками.

Ейские казаки, полубезоружное восстание которых было зверски подавлено в апреле, теперь выступили снова и принялись больно клевать красную Таманскую армию. Генерал Покровский, посланный три месяца назад Деникиным с четырьмя сотнями казаков и черкесов в Лабинский отдел для организации местных повстанцев, теперь спустился с гор и начал активные действия. Казаки под его командованием заняли Майкоп и Армавир. Заполыхало по всему Северному Кавказу. В Осетии против красных выступил отряд ген. Мистулова, в Кабарде — князя Серебрякова, на Тереке поднял восстание Георгий Бичерахов (брат Луки Бичерахова, прославившегося авантюрами с Баку и Дербентом). Терские казаки заняли Моздок, Прохладную, перерезали сообщение Ставрополя с Владикавказом, осадили Грозный.

Оборону Екатеринодара красным организовать так и не удалось. Их части выходили на позиции, но при виде белогвардейцев обращались в бегство. Настроение в городе царило одно — паника. И начался исход большевиков. Из Екатеринодара ушли 200 тыс. красноар-

мейцев, коммунистов и беженцев. Поползли на восток, как саранча, оставляя после себя пустыню — вытоптанные поля, сожженные, разгромленные и вырезанные станицы. 16 августа Добровольческая армия без боя вошла в Екатеринодар. Деникин, хотя его поезд пришел на вокзал в тот же день, дипломатично пропустил вперед кубанское правительство. Атаману Филимонову он сообщил, что тот должен быть полноправным главой казачества, независимым от шатаний Рады, что Добровольческая армия не будет вмешиваться во внутреннее управление Кубанью, но проекты кубанцев о создании самостоятельной армии он, как и Корнилов, решительно отверг. До поры до времени те согласились, уж больно велик был на Кубани авторитет Деникина — куда больше, чем у них самих.

17.08 Деникин торжественно въехал в город, встреченный Филимоновым и кубанским правительством, а 18-го приехал Алексеев, которому наконец-то придумали официальное название должности — Верховный руководитель Добровольческой армии. Его старая болезнь почек серьезно обострилась, но тем не менее он продолжал заниматься финансами, снабжением и политическими вопросами. 31 августа в Екатеринодаре при нем было сформировано временное гражданское правительство — Особое Совещание во главе с генералом от кавалерии А. М. Драгомировым с участием известных общественных деятелей России М. В. Родзянко, В. В. Шульгина, П. Б. Струве, Н. И. Астрова. О политической направленности своего правительства Деникин писал: «Во главе правительственных учреждений должны ставиться люди по признаку деловитости, а не по признаку партийности. Недопустимы лишь изуверы справа и слева».

29. ПАРТИЗАН ШКУРО

Андрей Григорьевич Шкуро (по-настоящему Шкурб, фамилию себе он изменил) был одной из ярких фигур, характерных для российской гражданской войны, — стихийным вожаком и народным героем, таким же, как у красных Чапаев, а у зеленых Махно. До революции его считали социалистом и опасным элементом, так как монархию он ненавидел и открыто заявлял: «Я хочу свободы для всех граждан России». Но все равно ценили за лихость, и он дослужился от рядового казака до полковника. Его отчаянные разведчики прославились дерзкими рейдами по тылам противника, на Закавказском фронте доходили до Персидского залива. Он и команды подбирал под стать самому себе, бесшабашных рубак, для которых в жизни не существовало ничего достойного внимания, кроме наградных крестов, баб и водки. Либо грудь в крестах, либо голова в кустах. И еще во время войны на родине о нем слагались легенды.

Когда после Октябрьского переворота он вернулся домой, большевики стали звать его к себе на службу. Но его вольнолюбивая душа с коммунистическими порядками никак не стыковалась, и он отказался. Теперь открыто называл большевиков сволочью и узурпаторами и почти в открытую повел подготовку к созданию «независимых» казачьих отрядов. Понятно, арестовали. Выпустили под надзор, чтобы проследить подпольные связи. Тут-то его и видели. Его ж в каж-

дой станице знали, и «связи» у Шкуро были почти в каждой хате. Он скрылся в горах, обрастая «волчьей сотней» из своих бывших отчаянных разведчиков, а потом повел партизанскую войну. К нему примкнули казаки Суворовской, Баталпашинской, Бугурустанской станиц — как раз в промежутке между Кубанью и Тереком. От кубано-черноморских большевиков партизаны уходили во владения терских, и наоборот.

Командуя тысячами повстанцев, Шкуро повысил себя в чине до генерал-майора (когда где-то нашел генеральский мундир). Да что с него взять? Уж такая натура — авантюрист был, каких поискать. Ему, кстати, всего 30 лет было. Когда сил стало достаточно, захватил Кисловодск, где объявил себя властью. Даже свои деньги пустил в ход, «шкуринки» — найденные на складах этикетки от минеральной воды. Большевики были в трансе от его наглости — ведь совсем рядом, в Пятигорске, располагались все Северо-Кавказские советские учреждения и войск было видимо-невидимо. Двинули на него части и из Пятигорска, и из Армавира, даже из Астрахани подтянули подкрепления. Да он плевать на них хотел. Выскользнул из клещей и ушел на север. Многих спас, выведя из района Минвод огромный обоз беженцев, в том числе князей Голицыных, Волконских, Оболенских, графов Воронцовых-Дашковых, Бенкендорфа, Мусина-Пушкина, промышленников Нобеля, Гукасова, Манташева, Рябушинского, застрявших на курортах и обреченных на уничтожение.

Сначала Шкуро просто в целях самосохранения гулял по Ставрополью. Крестьяне на его казаков нарадоваться не могли. Передавали на ухо: «Не грабит! За все платит! Пролетел, точно тихий ангел!» Ну это, предположим, было исключение. Платил Шкуро щедро, потому что уволок Кисловодское казначейство, а его казаки набрали там у красных столько барахла, что грабить еще что-то им было некуда, тем более в походе. Но былины о нем пошли гулять, как о святорусском богатыре.

А на Ставрополье, вклинившемся между Доном и Кубанью, обстановка царила жуткая. Террор перешел все границы. Калмыков вырезали целыми улусами. В Ставрополе в Юнкерском саду палач Ашихин каждую ночь казнил партии «буржуев», их рубили шашками. В большом селе Безопасном вечно пьяный комендант Трунов истреблял всех неугодных проезжих — мужчин, женщин, подростков. Его суд сводился к двум фразам: «Покажи руки!», а если руки казались слишком «белыми» — «Раздеть!» И подручные, сорвав одежду, изощренно умерщвляли обнаженную жертву штыками. Упившись до чертей, расправился точно так же с собственной женой. В ответ на ее ругань приказал обычное: «Раздеть!..» В селе Петровском, расстреляв всю «буржуазию», красноармейцы прямо на месте казни перенасиловали учениц местной гимназии, сопровождая это истязаниями.

4 июля, после победы Деникина под Тихорецкой, офицеры Ставрополя подняли восстание. Сговорились с «интернациональным» немецким батальоном, с рабочими дружинами. Захватили центральные казармы, склад пулеметов. Но восставших оказалось слишком мало, а пулеметчиков среди них не нашлось. Красные отсекали им пути к немцам и рабочим, выставив грузовики с пулеметами, а потом перебили. Штаб повстанцев во главе с братьями Ртищевыми пробился в

леса, но был схвачен и казнен. Шкуро в этот день проходил всего в 14 км от Ставрополя, но не знал о восстании, а связные, посланные к нему, были перехвачены большевиками.

Зато через несколько дней Андрей Григорьевич дал красным жару. В селе Кугульта он поймал ставропольского комиссара Петрова, повесил его, а труп отправил в город с запиской, что в ближайшее время весь ставропольский Совнарком ждет та же участь. В городе начался переполох. А Шкуро еще немного продвинулся на восток и разъездами установил связь с Деникиным, объявив себя в его подчинении. Из села Донское он по телеграфу передал большевикам ультиматум — в 48 часов оставить Ставрополь. Иначе, мол, его армия начнет артиллерийский обстрел. Стоял он в 30 км от города, а его артиллерию составляли 2 декоративные пушки, негодные к стрельбе. Тем не менее красные побежали. Многие бросали оружие, сдавались в плен городскому населению. Быстрым маршем уводили войска, увозили орудия. Безоружные горожане обступили автомобиль Ашихина и доставили его в тюрьму.

22 июля в город въехала единственная машина с деникинцами во главе с ген. Уваровым, назначенным губернатором. Он немедленно объявил мобилизацию офицеров и классных чиновников — они и составили первоначально всю городскую оборону. Чуть позже прикатил Шкуро. К его сожалению, Уваров уже занял караулами банки и казначейство. Потом подтянулись подразделения полковника Слащева, занимая фронт. Бежавшие красные опомнились, пытались контратаковать. Их командующий Шпак, поставив орудия на грузовики, неоднократно заскакивал в городскую черту и бил наугад шрапнелью, пока казаки не подкараулили его и не зарубили.

Кто сразу понял значение успехов Деникина, так это отнюдь не большевики. В Москве еще даже имени его не знали. Опасность почувал германский Генштаб. Он пришел к выводу, что, если Деникин захватит Черноморский флот и высадит десант на Украине, это обернется для Центральных держав бедствием — население там и без того было недовольно немцами. Поэтому в июне последовал ультиматум Москве — либо перевести флот в Севастополь и сдать Германии, либо война.

Официальная версия очень сомнительна. Резолюция Ленина о потоплении флота, во-первых, датируется *24 мая*, во-вторых, даже в ПСС приводится со ссылкой на малоавторитетный «Морской сборник», а не обычные в таких случаях партийные издания и архивы. Что по радио передали флоту приказ сдаться, а с приказом топить корабли послали уполномоченного — тоже сомнительно. Пробраться кружным путем через Царицын, тем более что Деникин уже перехватил железную дорогу? Ну-ну... Да и расстреляли бы такого уполномоченного не только белые, но и красные. ЦИК Кубано-Черноморской республики считал корабли своей собственностью и запрещал флоту выполнять приказы Москвы. Похоже, ленинский приказ был один — о сдаче. А патристический глупый жест моряков был стихийным.

Мнения на флоте разделились... Председатель Кубано-Черноморского ЦИК Рубин, прикатив в Новороссийск, запрещал как уход к немцам, так и потопление, грозясь направить сюда полевые войска, которых у него уже не было. Часть флота ушла в Севастополь — дред-

ноут «Воля» и 6 эсминцев. А не ушли те корабли, на которых уже не осталось экипажей. Они даже с места тронуться не могли. На дредноуте «Свободная Россия» из 2 тыс. чел. осталось меньше 100, на эсминце «Килиакрия» — двое, на «Фидониси» — шестеро. Аналогичная ситуация сложилась на «Капитане Баранове», «Сметливом», «Стремительном» и др. Поделив судовые кассы, матросы давно уже гудели на берегу. Дееспособная часть команд осталась лишь на эсминцах «Керчь» и «Лейтенант Шестаков». Они и совершили потопление мертвого флота, в то время как остальные герои размазывали на берегу пьяные слезы и клялись мстить неизвестно кому. Поэтому и пришлось «Керчи» с «Лейтенантом Шестаковым» для собственного затопления уходить в Туапсе. Жить-то хочется.

А Таманская армия, оказавшаяся в окружении восставших станиц, двинулась в Новороссийск, надеясь укрыться под защитой флотских орудий. Шли 40 тыс. красноармейцев и 15 тыс. беженцев. Но пока дошли, эти орудия были уже под водой, а в порту стояли немецкие корабли. Они обстреляли как таманцев, так и преследующих их станичников. Казаки не испугались и открыли из полевых легких пушек огонь по линейному крейсеру «Гебен» (для справки, равному по огневой мощи 6 броненосцам типа «Потемкина»). Вреда ему они, разумеется, не принесли, но после такого отчаянного нападения немцы предпочли уйти.

К таманцам присоединилась часть матросов с обозами барахла и проституток. Все это бежало на юг, бросив без боя Новороссийск со всеми складами и госпиталями. Ворвавшиеся в город повстанцы учинили резню, подчистую уничтожая оставшихся красных и ненавистных моряков. Таманская армия вела себя не лучше. Спасаясь без всякого плана по тупиковой дороге, она дочиста грабила местное население. Сбила возле Туапсе грузинский фронт и устроила в городе погром, оставив после себя трупы и пустыню. После этого повернула на Гойтхский перевал. Прорвалась через заслоны Покровского на Белореченскую, вырезала несколько станиц и вышла к своим. К концу сентября армия неожиданным налетом взяла Армавир, уничтожив там полторы тысячи мирных жителей, и соединилась в Невинномысской с войсками Сорокина. Соединилась очень кстати, влив в битые красные части боевой дух и вернув им способность сражаться. Вскоре большевистские силы на Северном Кавказе были преобразованы в 11-ю Красную армию.

30. БЕЛЫЕ — НО ВСЕ РАЗНЫЕ...

У меня, молодца, было три товарища.
Первый товарищ — мой конь вороной,
А другой товарищ — я сам молодой,
А третий товарищ — сабля вострая в руках.

Старинная казачья песня

Всевеликое Войско Донское жило в состоянии некоего военного равновесия, то нанося удары, то получая их. Красные, осаждающие его границы, всегда были в большинстве, а донцы побеждали и держа-

лись за счет казачьего патриотизма. Для них проиграть значило бы пустить в свои станицы новое нашествие. Ну а у рядовых красноармейцев такой веской причины класть животы не было.

Хоть и жили Краснов с Деникиным, как кошка с собакой, Добровольческая армия оставалась единственным боевым союзником. Когда вспомогательный удар Деникина на север разрушил систему обороны красных в Сальских степях, казаки Киреева и Мамонтова смогли развить эту победу и выйти на подступы к Царицыну. Больше месяца держалась слобода Мартыновка, где засел бежавший от деникинцев 3-тысячный отряд Ковалева. Дело, правда, оказалось в том, что многие осаждавшие казаки были в родстве с мартыновскими крестьянами, поэтому те и другие вели огонь издалека, стараясь не поранить друг дружку. Только когда Краснов и Денисов догадались провести рокировку и прислать сюда казаков из другого округа, «странная война» кончилась и Мартыновка была взята. Остатки войск Ковалева степями прорвались на Царицын.

Одержав победы на восточном фронте, Дон тут же получил ответную оплеуху от своего же земляка казака Миронова. Этот красный командир был не чета алкоголику Голубову. Военный талант, кавалер нескольких орденов и Георгиевского оружия за мировую войну, беспартийный демократ и правозащитник, он еще до революции прославился как заступник бедноты и рядового казачества. Но на путях правдоискательства Миронов совершенно запутался в политике. Летом 17-го он, например, предсказывал, что «правая и левая контрреволюция», т. е. корниловцы и большевики, объединятся против демократии. Когда же потребовалось выбирать «или-или», то он по инерции принял сторону «против генералов», предполагая в них более страшного врага «свободы», чем коммунисты. После революции был выборным командиром 32-го полка, затем военкомом округа.

В июле он начал агитацию за советскую власть в Усть-Медведицком и Хоперском округах, где пользовался большим личным авторитетом. После бурных митингов часть казаков передалась на его сторону. Создалась опасность развала фронта. На север была срочно переброшена группа ген. Фицхелаурова. В пятидневном сражении части Миронова были разгромлены. Преследуя их, Фицхелауров дошел до границ Дона и вторгся на окраины Саратовской губернии.

После побед Добровольческой армии на Кубани красные армии Сорокина и Матвеева покатались прочь от южных донских границ. Краснов получил возможность снять войска с юга и усилить другие направления, Воронежское и Камышинское. Получив подкрепления, группа полковника Алферова перешла границу Воронежской губернии, развивая наступление в ее глубину. 9 августа был взят Богучар, за ним — Калач, Павловск, Кантемировка. Ответный удар Дон получил со стороны Царицына, где Сталин с Ворошиловым собрали большой, но разношерстный кулак, надергав войск отовсюду «с миру по нитке». Здесь впервые была брошена в бой донская Молодая армия из 19—20-летних призывников, прекрасно экипированная, обученная и вымуштрованная. Первая же ее атака не ложась, стройно, как на параде, с винтовками наперевес, обратила красных в панику. Большевики были опрокинуты и бежали. Положение Царицына, который

с запада прижал Мамонтов, а с севера Фицхелауров, еще более ухудшилось.

Наверное, в конце лета был пик могущества Донской армии. В ней насчитывалось около 60 тыс. чел., 175 орудий, 4 бронепоезда, 20 аэропланов. Плюс 20-тысячная Молодая армия на стадии формирования. Но уже вскоре вооруженные силы пришлось значительно сокращать: всеобщая мобилизация охватила казаков от 19 до 52 лет, хозяйства остались без рабочих рук. А ведь Дону надо было себя кормить да и ту же армию снабжать. Хочешь не хочешь, атаман вынужден был объявить демобилизацию старших возрастов. Это немедленно сказалось на боеспособности — и не только количественно. Старики-то были главными ревнителями казачьих традиций и опорой порядка. Без них в строю остались те же бывшие фронтовики. Хотя и ученые недавними событиями, но испорченные революцией и все еще отравленные невообразимыми коктейлями идеологических ядов. Казачьи полки стали доступны для большевистской агитации.

И донской патриотизм начал поворачиваться другим концом. Едва вышли к границам своей области, боевой порыв резко упал. Говорили — хватит, мол, свою землю очистили, а русские пусть сами себя освобождают, если хотят. Чего ради кровь за чужих проливать? К себе большевиков не пустим, но и лезть на русские земли тоже не станем, у нас свое государство, у них — свое. Впрочем, и большевистская пропаганда ловко подстраивалась под этот мотив. Дескать, нечего вам делать в русских губерниях, уходите назад, тогда и Дон никто трогать не будет. Поэтому война пошла вяло, ограничиваясь отражением вражеских атак. Будь красные поумнее — они вообще не лезли бы в наступления месяц-другой, и фронт развалился бы. Только большевистские удары то там, то здесь красноречиво доказывали казакам необходимость сохранять боеспособность и дисциплину. И давали моральное основание занимать крестьянские губернии — воевать-то лучше на чужой земле, а не на своей.

Серьезное испытание пришлось выдержать и Краснову. Полномочия-то у него были только до полного освобождения Дона, когда можно будет отовсюду собрать делегатов. 29.08 открылся Большой Войсковой Круг. Он был уже не «серым», как Круг Спасения Дона. Здесь были и представители городов, и интеллигенция, снова раздались голоса различных партий со своими взглядами и политическими программами. Сразу же атаман подвергся мощным атакам оппозиции, которую возглавили председатель Круга В. Харламов и управляющий Отделом иностранных дел генерал А. Богаевский, соратник Корнилова и Деникина.

Первый удар был по поводу германской ориентации, Богаевский доложил о скандальном письме Краснова к Вильгельму. Демагоги из левых партий нападали на ущемления «демократии» и отмену «завоеваний революции», требовали ограничить власть атамана и урезать его полномочия. 2.09 после длинной речи Краснов сказал: «Когда управляющий видит, что хозяин недоволен его работой, да мало того что недоволен, но когда хозяин разрушает сделанное управляющим и с корнем вырывает молодые посадки, которые он с таким трудом сделал, он уходит. Ухожу и я...» — и так швырнул тяжелый атаманский

пернач о стол, что расколол верхнюю доску. Это произвело впечатление. Станичная и полковая часть Круга заволновалась, потребовали вернуть атамана.

К Краснову послали депутацию. Круг одобрил внешнюю политику Дона, но «без вовлечения в борьбу ни за, ни против Германии». Однако положение еще долго колебалось. Шла борьба двух кандидатур — Краснова и Богаевского, сторонника ориентации на Антанту и подчинения Деникину. Вмешались и немцы. Их представитель майор Кокенхаузен писал из Ростова, что «ослабление власти атамана вызовет менее дружеское расположение к Дону германцев». Пригрозил прекратить поставки оружия. Это сыграло свою роль. Да и здравый смысл подсказывал делегатам, что иметь антигерманского атамана при немецком соседстве еще рановато. Лишь 26.09 работа Круга завершилась. 234 голосами из 338 атаманом был избран Краснов. Его права остались неурезанными. С трудом ему удалось протащить и постановление о переходе границ Донской области и занятия «для наилучшего обеспечения границ Царицына, Камышина, Балашова, Новохоперска и Калача». И все пошло по-прежнему.

А между тем деникинцы и повстанцы, очищая от большевиков Черноморское побережье, установили первые контакты с грузинскими войсками ген. Мазниева. Сначала отношения были дружеские, вполне союзные. Мазниев помогал казакам оружием, передал Добровольческой армии трофейный бронепоезд, а грузин снабжали зерном. Но после того как отступающая Таманская армия нанесла поражение Мазниеву и выбила его из Туапсе, город заняли преследующие таманцев добровольцы. И дружба кончилась. Мазниева отозвали, заменив генералом Кониевым. В районе Лазаревской сосредоточилось 5 тыс. грузинских войск при 18 орудиях, начали строить укрепления у Сочи. В Дагомысе и Адлере высадились германские гарнизоны.

25.09 в Екатеринодар прибыла делегация во главе с Г. Гегечкори. Но переговоры, не без влияния немцев, зашли в тупик по всем пунктам. И по вопросу преследования в Грузии русских граждан, поднятому Алексеевым. И по вопросам товарообмена — деникинцы были готовы платить хлебом за вооружение и имущество, оставшееся в Грузии от Закавказского фронта, Красного Креста, военно-промышленных организаций, но просили гарантий, что хлеб не пойдет в Германию — несмотря на нехватку продовольствия в Грузии, такие факты отправки продуктов уже имелись. Алексеев заверял, что «со стороны Добровольческой армии и Кубани никаких поползновений на самостоятельность Грузии не будет», пытаясь получить ответные гарантии и втолковать грузинской стороне, что дружеские отношения в ее же интересах, ведь в случае победы большевиков их «независимая республика» просуществует недолго. К этим доводам делегация Гегечкори осталась глухой. Главным же пунктом преткновения стал Сочинский округ, населенный русскими и армянами. Грузия настаивала на сохранении его за собой: он отделял Добровольческую армию от Сухумского округа, населенного воинственными абхазами, которые считали грузин оккупантами. Тифлисские политики опасались, что в случае приближения русских белогвардейцев Абхазия от них от-

падет. Так ни с чем и разошлись. Враждебных действий не последовало, но граница была закрыта, и товарообмен прекратился.

Надо заметить, что в гражданской войне довольно часто военные власти «на местах» более трезво и глубоко оценивали обстановку, чем политики в «центрах». Так было с Мазниевым, так было с англичанами, так было и с немцами. Когда Добровольческая армия, побеждая на Кубани, подчеркивала всюду свою союзническую ориентацию на Антанту, главное командование и правительство Германии потребовало от Краснова не передавать Деникину оружия и боеприпасов, поставляемых с Украины. В Батайске для контроля была установлена застава. Но местное германское командование, отлично представляющее, что такое большевизм, намекнуло тому же Краснову, что закроет глаза, если грузы пойдут на Кубань в обход заставы. И вооружение повезли грузовиками через степь.

В зонах германского влияния политика по отношению к белым формированиям была различной. В Эстонии, Лифляндии и Курляндии, объединенных в Балтийский округ, где немцы планировали создание суверенного государства Балтии под своим протекторатом, все национальные войска были распущены и создания каких-либо вооруженных сил не допускалось. То же самое относилось к Литве, где здешний Совет — «Тариба» — в 1918 г. обратился к протекторату Германии, приглашая на литовский престол немецкого принца.

В Псковской губернии и Белоруссии немцы интересов не имели, оставаться здесь не собирались. Поэтому сочувственно относились к организации белых сил для защиты от большевиков после их ухода. Им и здравый смысл подсказывал, что иметь потом соседями большевиков — не самая приятная перспектива. В Пскове начала формироваться Северная белая армия генерала Вандама. Вербовочные бюро открылись в Риге и Ревеле, немцы даже отпустили в ограниченном количестве средства и оружие. В Белоруссии такую же попытку формирования начал генерал Кондратович. Но эти действия шли черепашьями темпами. Германская оккупация казалась еще очень долгой, и острой нужды вроде бы и не было. Это была прифронтовая зона Северного и Западного фронтов, зона максимальных солдатских бесчинств — офицеров здесь осело мало. Здесь не было авторитетных вождей, видных полководцев. А население... оно свободно вздохнуло под германской оккупацией после бедлама, творившегося здесь в 17-м. А ужасов коммунистического режима оно на себе не познало и оставалось инертным. Поэтому к осени 18-го Северная армия едва нарождалась на свет.

В Белоруссии результаты были вообще плачевными из-за политической возни, дошедшей до абсурда. Белорусские Рады образовались в Минске, Витебске, Могилеве, Гомеле, Гродно, Ковно, даже в Смоленске, Москве и Петрограде. Причем каждая претендовала на верховную белорусскую власть. Одни Рады придерживались концепции независимости, другие — автономии, третьи — федерации с Россией, четвертые — с Польшей. Одни ориентировались на союз с немцами, другие — с поляками, третьи — с литовцами, четвертые — с большевиками.

Украина тоже оставалась почти безоружной. Политическая об-

становка здесь царила такая, что черт ногу сломит, — и гетман, и сторонники Рады, и сторонники России, и эсеры, и монархисты, и большевики, и махновцы. А для пропитания Центральных держав Украина была слишком важна, поэтому они на всякий случай не давали гетману создавать армию — кто знает, куда она штыки повернет. Вооруженные силы Скоропадского состояли из охранных и пограничных сотен, украинизированной дивизии ген. Натиева, быстро разложившейся и расформированной, из 1-й Украинской пехотной дивизии, созданной австрийцами из военнопленных — едва прибыв на родину, она тоже стремительно стала разлагаться и была расформирована, а также Сердюцкой дивизии — чисто декоративной опереточной гвардии гетмана, выраженной в жупаны с кривыми саблями и чубами-оселедцами.

Настоящая армия только предполагалась. Создавались штабы без войск на 8 корпусов и 4 кавалерийские дивизии. Больше это походило на анекдот. Офицеры были русские, которые шли в армию, чтобы прокормиться, или считая, что на этой базе сможет потом возродиться настоящая русская армия. Ломали языки, подделываясь под обязательную «мову». Занимали казармы, рисуя на них украинские вывески со множеством ошибок. Печатались учебники и наставления с обложками на украинском языке и содержанием на русском. Были изданы по-украински и изучались уставы, причем команды, которых в «рідной мове» не существовало, заменили... немецкими. Например, «смирно, равнение направо» читалось «хальт, струнко направо». Офицеры целыми днями развлекались, потешаясь над подобным чтивом, над украинизацией и над самими собой. А солдат попросту не было.

Наконец, в противовес Добровольческой армии союзной ориентации делались попытки образования белых частей германской ориентации. Летом 18-го монархический союз «Наша Родина» во главе с герцогом Лейхтенбергским и М. Е. Акацатовым по согласованию с гетманом и немцами, на их деньги, начал в Киеве работу по формированию Южной армии. Была достигнута договоренность с атаманом Красновым о развертывании этой армии в занятом казаками Богучарском уезде Воронежской губернии. Параллельно на Украине возникли вербовочные бюро Астраханской армии под руководством князя Тундутова. Совершенно пустой и тупой человек, он играл роль не то царька, не то полубога у калмыков. В Новочеркасске и Екатеринодаре выступал как атаман Астраханского казачества (самозванный). Ездил в Берлин, ухитрился получить аудиенцию у Вильгельма, после чего всюду стал добавлять к своим титулам «друг императора Вильгельма». Его украинские бюро ведались почти не маскирующимися немецкими агентами, а затем перешли к ультраправым монархическим группам.

Из затеи ничего путного не вышло. В отличие от уезжавших воевать на Дон и Кубань, в эти армии шли те, кто желал получать содержание и рисоваться спасителем отечества, не рискуя собственной шкурой. Понацепляв золотые погоны и шевроны «романовских» бело-желто-черных цветов (в отличие от бело-сине-красного шеврона Добровольческой армии), Южная армия лихо воевала по киевским рес-

торанам и атаковала барышень на Крещатике. Опять же здесь были штабы без войск, командиры полков и батарей без полков и без батарей.

Наконец между Скоропадским и Красновым было достигнуто соглашение об образовании единой русской Южной армии из Воронежского корпуса (на базе киевской Южной армии), Астраханского корпуса (на базе Астраханской армии) и Саратовского корпуса (из крестьян-повстанцев Саратовской губернии, возглавлявшихся полковником Манакиным и земскими деятелями). Был найден и командующий, генерал от артиллерии Н. И. Иванов. Заслуженный полководец, бывший главнокомандующий Юго-Западным фронтом, герой Львова и Перемышля. Кавалер редчайшей награды — ордена Св. Георгия 2-й степени. Таких в России было всего двое, он и Юденич (не путайте с солдатским Георгиевским крестом). Хотя и в преклонных летах, он принял предложение — которое на деле лопнуло, как пузырь.

Когда из Киева в Кантемировку смогли вытащить «Воронежский корпус», в нем оказалось всего 2 тыс. человек, из них лишь половина боеспособных, а остальные — сомнительные «сестры милосердия» и «ударницы», гражданские чиновники, полицейские, престарелые отставники и подозрительные «контрразведчики». Вся эта толпа наполнила Кантемировку кутежами, скандалами, перессорилась с местным населением. Больше половины «корпуса» пришлось разогнать, а оставшиеся подразделения переформировать. Тундутов, когда дошло до дела, выставил 4 тыс. калмыков — босых, оборванных, без седел и без оружия, с плетками и ножами. Такой «корпус» был опасен только мирному населению. А Саратовский корпус отлично дрался, но по численности не дорос даже до бригады.

Фактически Южная армия так и не сформировалась. Ее отдельные боеспособные кусочки растворились в Донской армии и воевали на разных фронтах. Те, что остались в Кантемировке — на Воронежском направлении, саратовцы — под Царицыном, а калмыки после основательной помощи одеждой и оружием обороняли маньчжские степи от отдельных красных отрядов.

31. ТОТАЛИТАРИЗМ ВО МЛАДЕНЧЕСТВЕ

Хотя левые эсеры, по сути, очень немногим отличались в лучшую сторону от большевиков, но особенности однопартийного режима, установившегося в России с 7.07.1918, обозначились сразу же и очень резко.

Во-первых, открытым массовым террором. Абсолютная ложь, что политика «красного террора» началась в сентябре, после покушения на Ленина. Еще 26.06.18 он писал Зиновьеву: «Надо поощрять энергию и массовидность террора против контрреволюционеров, и особенно в Питере, пример которого решает». Но вот власть стала однопартийной, руки развязались — и отбрасываются последние условности. Во все концы России открыто посыпались «расстрельные» телеграммы Ленина. Вот только некоторые из них. Сразу 7.07 он пишет

в Петрозаводск Нацаренусу: «...Иностранцев, прямо или косвенно содействующих грабительскому походу англо-французских интервентов, арестовывать, при сопротивлении — расстреливать. Граждан Советской республики, оказывающих прямое или косвенное содействие империалистическому грабежу — расстреливать». В тот же день в Царицын, Сталину: «...Будьте беспощадны против левых эсеров и извещайте чаще».

Букет телеграмм от 9.08. «Г. В. Федорову. В Нижнем явно готовится белогвардейское восстание. Надо напрячь все силы, составить тройку диктаторов (Вас, Маркина и др.), навести тотчас массовый террор, расстрелять и вывезти сотни проституток, спаивающих солдат, бывших офицеров и т. п. Надо действовать вовсю: массовые обыски, расстрелы за хранение оружия, массовый вывоз меньшевиков и ненадежных...» (Эх, «тройка», птица-«тройка»! Так вот кто тебя выдумал!)

«Вологда. Метелеву. Необходимо оставаться в Вологде и напрячь все силы для немедленной, беспощадной расправы с белогвардейством, явно готовящим измену в Вологде».

«Пензенскому губисполкому. Необходимо провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев. Сомнительных запереть в концлагерь».

«22.08 Саратов. Пайкесу. Советую назначить своих начальников и расстреливать заговорщиков и колеблющихся, никого не спрашивая и не допуская идиотской волокиты».

Весь 50-й том ПСС Вождя щедро пересыпан подобными указаниями. К началу тоталитарного правления относится и истребление царской семьи. 16 июля (через неделю после установления однопартийной власти!) в Екатеринбурге были перебиты: Николай Второй, его жена Александра Федоровна, больной ребенок — цесаревич Алексей, великие княжны Анастасия, Ольга, Мария, Татьяна, доктор Боткин, повар, слуга и комнатная девушка императрицы — всего 11 человек. В расправе участвовали 4 русских чекиста и 8 латышей (двое латышей оговорили свое участие в экзекуции тем, что не будут стрелять в девушек). Раненых — цесаревича и царских дочерей — добивали штыками. Тела поливали серной кислотой, жгли на костре, несколько раз перепрыгивали. Одновременно произошли расправы с членами дома Романовых в Перми и Алапаевске. В Алапаевске великие князья, княгини и их близкие были брошены живыми в шахты. Местные крестьяне трое суток слышали оттуда стоны и молитвы.

Одновременность акций уже может служить доказательством, что они производились по общему сценарию и указанию из центра. И почерк один — вместе с Романовыми перебили всех свидетелей, всех находившихся при них слуг. Уже в 90-м на одном из аукционов «Сотби» всплыли подлинники телеграмм с докладами Свердлову... Официальные версии мотивов убийства не выдерживают никакой критики. Что, мол, приближались чехи и белогвардейцы, которые могли освободить царя... Экзекуция совершилась 16 июля, а Екатеринбург пал только в августе. Пермь же ничего не угрожало до октября. Да и наступали на Урал отнюдь не монархисты — Романовых могло ждать лишь новое заключение или высылка. Эсеровское прави-

тельство потом даже колебалось, назначать ли следствие по делу об их убийстве, не будет ли это слишком контрреволюционно? Наконец, что мешало эвакуировать заключенных в Центральную Россию? Дорога на Пермь и Вятку оставалась свободной.

Может, причина в том, что фигура императора сплотила бы врагов Советской власти, стала бы знаменем? Глупо. Те же эсеры с меньшевиками боялись монархистов куда сильнее, чем большевиков. Наличие императора в белом лагере лишь внесло бы в него еще больший раскол. К тому же династическое право не оставляет «свято место» пустым. Убийство Романовых, находящихся в заключении, автоматически выдвигало в наследники престола претендентов, находящихся на свободе и успевших уехать за границу. Троцкий в своих мемуарах упоминает, что убийство царя и его родственников было проведено по указанию Ленина, для того чтобы «сжечь мосты», отрезать России пути назад. Советская Россия как бы повязалась кровью Романовых, чтобы окончательно следовать за большевиками. Что ж, все логично. Коммунисты сели на самодержавный престол 7.07, экзекуция — 16.07. Как раз время исполнителей найти, кислоту достать, шахты присмотреть.

Кроме открытого террора, однопартийная власть принесла и другое новшество — войну против крестьянства. В большинство сельских советов выбрали мужиков хозяйственных, кто поумнее да потолковее. Такое, понятно, большевикам не подходило. В деревнях начали сажать вторую власть — комитеты бедноты из пришлых элементов и голытьбы. А откуда в деревне голытьба? Кто от своей бесхозяйственности разорился, у кого голова не варит, а кто от пристрастия к зеленому-вину. Все это стало «активом», а настоящих, крепких хозяев объявили кулаками и мироедами, натравливая на них босяков. 6.08 в письме к елецким рабочим Ленин призывает: «Будьте беспощадны к ничтожной горстке эксплуататоров, в том числе кулаков», а в статье «Товарищи рабочие! Идем в последний решительный бой!» пишет: «Беспощадная война против кулаков! Смерть им!»

В деревню внесли раскол. Плюс город натравливают на деревню. Из рабочих, голодающих от большевистского развала хозяйства, создаются продотряды. Задача простая — иди и грабь. Крестьянин — враг, потому что у него есть хлеб, которого в городе нет (а привозить его в город крестьянину запрещают). Меры — чисто террористические. 10.08 Ильич пишет наркомпроду Цюрупе: «В каждой хлебной волости назначить 25—30 заложников из богачей, отвечающих жизнью за сбор и ссыпку хлеба... Инструкция назначить заложников дается комитетам бедноты, всем продотрядам». 29.08 он даст указание в Петровск Карпову: «Составить поволостные списки богатейших крестьян, отвечающих жизнью за правильный ход работ по снабжению хлебом голодающих столиц».

В южных краях — Ставрополье, Сальских степях — из украинских беженцев создавались «особые рабочие бригады» (вооруженные), численностью до 50 тыс. чел., которые насильно убирали подчистую хлеб с «кулацких» полей, отбирали скот и инвентарь. У калмыков и киргизов-кочевников, живших за счет табунов, эти табуны отбирались как явные излишки. Десятки тысяч голов крестьянского и калмыцкого скота угонялись на Царицын. И дошли по дороге. Есте-

ственно, такая мудрая продовольственная политика не могла обойтись без стихийных восстаний. Тогда в ход шли регулярные войска. Предоставим опять слово В. И. Ленину.

«10.08. Пенза. Кураеву. Необходимо с величайшей энергией, быстротой и беспощадностью подавить восстание кулаков, взяв часть войск из Пензы...»

«14.08. Пенза. Минкину. Получил на Вас две жалобы. Первую, что Вы обнаруживаете мягкость при подавлении кулаков. Если это верно, то Вы совершаете великое преступление против революции...»

«17.08. Задонск. Болдыреву. Действуйте самым решительным образом против кулаков и левоэсеровской сволочи. Необходимо беспощадное подавление кулаков-кровопийцев».

«19.08. Здоровец, Орловской губ., Бурову. Необходимо соединить беспощадное подавление кулацко-левоэсеровского восстания с конфискацией всего хлеба у кулаков и с образцовой очисткой излишков хлеба полностью».

«20.08. Ливны. Исполкому. Проведите энергичное подавление кулаков и белогвардейцев в уезде. Необходимо ковать железо, пока горячо, и не упуская ни минуты конфисковать весь хлеб и все имущество у восставших кулаков, повесить зачинщиков...»

«20.08. Пермь. Монастырскому. Инструкция — действуйте энергично и решительно против кулаков и белогвардейцев».

«24.08. Вятка. Шлихтеру. Вы остались в Вятке в главном для энергичнейших продовольственных операций в связи с успешно идущим подавлением кулацких восстаний к югу от Вятки в целях беспощадного истребления кулаков и конфискации у них всего хлеба».

Летописей этих восстаний история нам не оставила. Кому там было мемуары писать? Босоногим мужикам да бабам, бросавшимся с косами и топорами на пулеметы карателей? Только по большевистским распоряжениям можно проследить географию восстаний: Пенза, Орел, Задонск, Ливны, Пермь, Вятка, Дмитров... По всей России полыхало, похлеще чем при Разине и Пугачеве. О размерах войны против крестьянства говорит и другой небезынтересный факт. Самым грозным по тому времени оружием считались бронемашины. У Совдепии их было 122. Из них 6 на Западном фронте, 45 — на Южном, 25 — на Восточном, а 46 — в тылу, обслуживали карательные экспедиции. На «внутреннем» фронте действовали и лучшие соединения, в том числе дивизия латышских стрелков. Коммунистический тоталитаризм кричал из пеленок свои первые «уа-уа!».

32. СЕВЕРНЫЙ ФРОНТ

Добрая коммунистическая традиция проявлять сверхбдительность в мелочах, зато очевидную опасность ушами прохлопать была заложена не при Сталине, а еще при Ленине. Просто уму непостижимо, как высадка союзников в Архангельске могла стать хоть для кого-то неожиданной. О ней задолго знали все кому не лень, кроме... большевистского руководства. Она следовала из элементарной логики. Было три порта — Мурманск, Владивосток и Архангельск, в которых находилось свыше миллиона тонн военных грузов на сумму 2,5 млрд.

руб., поставленных России союзниками в годы войны. Два порта было уже оккупировано — чем же третий лучше? И еще 23 июня все союзные посольства, находившиеся в Вологде, разом снялись с места и переехали в Архангельск. При этом издали и широко распространили воззвание, где открыто указали цели операций союзников на севере: «1) необходимость охраны края и его богатств от захватных намерений германцев и финнов, в руки которых могла попасть Мурманская жел. дорога, ведущая к единственному незамерзающему порту России; 2) защита России от дальнейших оккупационных намерений германцев; 3) искоренение власти насильников и предоставление русскому народу путем установления правового порядка возможности в нормальных условиях решить свои общественно-политические задачи». Даже направления военных операций назывались — Петрозаводск и Вологда.

Задолго до прибытия союзников Архангельск переполнился представителями всевозможных подпольных белых организаций и кружков. Одни были связаны с англо-французскими миссиями и ехали сюда по их направлению. Другие стекались на основании слухов или собственной интуиции, преднамеренно вербовались в здешние военные части и гражданские учреждения. Комиссары во главе с Кедровым осторожничали с иностранцами, стараясь «не поддаваться на провокации». А иностранцы искали и легко находили связи с белым подпольем, искавшим встречных контактов. Возглавлял заговор капитан 2-го ранга Чаплин, действующий под видом английского офицера Томсона. Были вовлечены бывший полковник Потапов, командующий красными сухопутными войсками, красные морские военачальники. Ударной силой заговорщиков стал Беломорский конный отряд, в который было набрано много питерских офицеров.

Когда по городу пронеслись слухи о приближении флота Антанты, все население охватило бурное ликование. Комиссары ударились в панику. Отдавая беспорядочные приказы об обороне, сами бросились в бегство. Захватывали поезда, пароходы, спешно грузили их барахлом, уезжали по железной дороге и Северной Двине. Система обороны рассыпалась моментально. Два ледокола, посланные для затопления фарватера реки, были затоплены в сторонке, оставив проход для судов свободным. Береговые батареи острова Мудьюг палили вяло и мимо, а после ответных выстрелов эскадры быстро замолчали. Беломорский конный отряд захватил в Архангельске власть и разоружал красноармейцев, брошенных начальством. Огнем единственного орудия заставили сдаться посыльное судно «Горислава», пытавшееся обстрелом города прикрыть бегство большевиков. По Архангельской губернии немедленно восстали против коммунистов крестьяне. Образовалось правительство из депутатов Учредительного Собрания от здешних мест — Верховное Управление Северной области. Состав его был эсеровским, возглавил правительство народный социалист Н. В. Чайковский.

Высадившиеся силы союзников были небольшими — 4 батальона англичан, 4 американцев, батальон французов. Но у страха глаза велики. Большевики в панике бежали из губернии от этих подразделений, небольших офицерских отрядов и крестьян-партизан. В их сводках численность союзных войск раздувалась до 60 тысяч. Начали

прорабатываться планы эвакуации Москвы, над которой нависла такая угроза.

5 августа Чичерин обратился за помощью к германскому послу Гельфериху. Приглашал немцев для обороны Петрограда (считая Петрозаводск уже обреченным), а питерские красные войска предполагал стянуть для защиты Вологды. Германия на приглашение не клюнула. У нее были свои источники информации, поэтому угрозу она считала несерьезной. В голодном Питере немцам было делать нечего, да у них и своих забот хватало — как раз в эти дни на Западном фронте началось решающее сражение, последняя ставка Германии в мировой войне. Большевики понахватали заложников из англо-французских подданных, грозя их расстрелять в случае падения Вологды. Ну это уж просто страху напускали. Иностранцев они всю гражданскую войну не казнили, боялись. Зато русских тысячами к стенке ставили, не опасаясь последствий.

На самом деле наступление союзников было очень вялым. Фактически они продвигались до тех пор, пока не встречали организованного сопротивления. Нести потери на чужой земле не хотелось ни солдатам, ни командованию. Какое-либо маневрирование войсками здесь исключалось, кругом непроходимая тайга да болота. Действия шли вдоль немногих дорог и упирались, дойдя до первого сильного оборонительного узла. Английским солдатам, ехавшим сюда, правительство внушало, что они назначаются для оккупации, а не для боя. А генерал Пуль, принявший объединенное командование на русском Севере, объявил: «Союзники явились для защиты своих интересов, нарушенных появлением в Финляндии германцев», поэтому рекомендовал белогвардейцам быстрее организовывать собственную армию.

Да и стратегическая надобность наступления для Антанты скоро отпала. Ведь сначала им казалось заманчивым соединиться на Волге с чехословаками и восстановить Восточный фронт против немцев. Но в августе 18-го в сражениях «Второй Марны» Германия потерпела окончательное поражение. Война покатилась к однозначному концу. Громоздкий и дорогой проект создания Восточного фронта терял всякий смысл.

Русские силы здесь вначале состояли из офицерских добровольческих команд, пехотного полка, сформированного в Архангельске по мобилизации, 2 дивизионов артиллерии и крестьянских отрядов численностью до 3 тыс. чел. Главнокомандующим стал капитан 2-го ранга Чаплин. Все эти части оперативно подчинялись союзному командованию и состояли на снабжении у англичан. Создавались и смешанные формирования вроде «славяно-британского легиона» и «русско-французской роты». Главная опасность для Северной области возникла не на фронте, а внутри. Эсеровское правительство хотя и восстановило судебную власть и устраненные большевиками органы самоуправления, но начало деятельность с того, чем уже печально кончил Керенский, — с «углубления завоеваний революции». И администрация, и армия, только создающиеся, уже разваливались «демократической» демагогией. Офицеров и представителей старой администрации подозревали в «контрреволюционности». Рушилась дисциплина, возникал тот же бардак, который привел к власти большевиков.

Правда, в Архангельске особо развернуться учредилловцам не дали, 6.09 возмущенные офицеры во главе с Чаплиным совершили переворот. Членов Верховного Управления арестовали и отвезли на Соловки. Причем подумать о какой-нибудь замене путчисты просто не догадались, край остался вообще без правительства. Эсеры-учредилловцы Лихач и Иванов выпустили воззвание к населению против насильников-офицеров, которые якобы желают восстановить монархию и прячут для этого в Архангельске великого князя Михаила Александровича. На город двинулись вооруженные крестьяне во главе с агрономом Капустиным. Чуть не передрались.

Уладили конфликт союзники. Английская контрразведка арестовала лиц, распространявших слухи про великого князя. Американский посол Френсис свел этих задержанных с крестьянской делегацией Капустина — чтобы сознались перед ними во лжи или указали адрес, где же скрывают Михаила Александровича. В стане союзников тоже шли бурные споры. Политики, т. е. послы, стояли за «демократию», требовали вернуть «законное» правительство и арестовать путчистов. А командование во главе с Пулем стояло за офицеров, исходя из практических соображений. Уладили миром. Членов Верховного Управления вернули с Соловков, но предложили Чайковскому сформировать новый кабинет из более умеренных элементов. В результате образовалось Временное правительство Северной области из народных социалистов и кадетов. Из путчистов и антипутчистов никто не пострадал. Только Чаплин был отставлен от должности главнокомандующего, на его место назначили полковника Дурова, бывшего военного агента в Лондоне.

С образованием Верховного управления, а затем Временного правительства была ликвидирована советская власть и в Мурманске, который вошел в его подчинение. Ликвидация совдеповской структуры произошла совершенно безболезненно. Состав руководства края почти не изменился. Несмотря на войну, всем желающим и сочувствующим большевизму и в 18-м, и в 19-м году был разрешен свободный выезд в Совдепию. Союзных войск здесь было 5 батальонов англичан, 1 — итальянцев, 1 — сербов, 1 батальон и 3 батареи французов. Боевые действия шли вдоль единственной проходимой магистрали — Мурманской железной дороги. И фронт застрял где-то посередине между Мурманском и Петрозаводском.

33. НА ВОЛГЕ-МАТУШКЕ

Звените, струны моей гитары,
Мы отступали из-под Самары.
Эх, шарабан мой, американка,
А я девчонка, я шарлатанка.

Белогвардейская песня

От восставшей Самары война покатила по Волге. Части белой Народной армии насчитывали 6 тыс. чел. Вооружались волжские пароходы. Главнокомандующим был назначен ген. Болдырев (кстати, по социальному происхождению — из рабочих, сын кузнеца).

Против самарцев в Симбирске начала спешно формироваться 1-я Красная армия. Командующим ее стал Тухачевский, членом РВС — Куйбышев. Но в стане красных пошел разброд. Узнав о разгроме левых эсеров в Москве, 10.07 поднял мятеж командующий Восточным фронтом левый эсер Муравьев. На пароходе «Межень» он уехал в Казань, где собрал отряд из 600 своих приверженцев. А вернувшись, захватил Симбирск. Выпустил воззвание «Всем рабочим, солдатам, казакам, матросам и анархистам!», где звал ко всеобщему восстанию и разрыву Брестского мира, предлагал образовать «Поволжскую республику» ко главе с левоэсеровскими лидерами Камковым, Спиридоновой и Карелиным, помириться с чехословаками и, прекратив гражданскую войну, начать наступление против Германии. Однако практические действия свелись к аресту Тухачевского. Симбирский губисполком во главе с Варейкисом втянул Муравьева в переговоры и всячески их затягивал. Куйбышев тем временем собрал надежные части латышей, Московский полк, бронеотряд. Захватили «Межень», базу Муравьева. А сам он был приглашен на заседание губисполкома для очередного раунда переговоров и попал в засаду. Как доложил Куйбышев Свердлову: «По выходе из комнаты губисполкома Муравьев был окружен коммунистической дружиной и после двух выстрелов с его стороны тотчас же расстрелян».

Каппель не стал ждать, пока красные утрясут все свои неурядицы и наладят оборону. Совместно с чехословаками он ударил на север. Смяли и отогнали от Волги формирующуюся 1-ю армию, заняли Сengiлей, Симбирск, Мелекесс и Бугульму. Другие части Народной армии, наступая по Волге на юг, взяли Николаевск и Хвалынский. Нависла непосредственная угроза над Казанью. Сюда эвакуировался из Симбирска штаб Восточного фронта с новым командующим Вацетисом, здесь находился золотой запас России — слитки, монеты и ювелирные изделия на сумму свыше 600 млн. рублей, да ценных бумаг на 110 млн.

С запада и из центра России для защиты Казани экстренно двинули все, что можно, — курские, брянские, белорусские части, Московский полк, Особый, Мазовецкий и Латышский кавалерийские полки, отряды броневигов и аэропланов, бронепоезд «Свободная Россия». В противовес белым грузопассажирским пароходам, вооруженным кустарным способом, с Балтики по Мариинской системе переправлялись настоящие военные корабли — миноносцы «Прыткий», «Прочный» и «Ретивый». Но Каппель упредил эту массу войск и по своей инициативе 6 августа стремительно атаковал Казань. Городские жители поддержали его восстанием. Красноармейцы сдавались или разбегались. Штаб Вацетиса едва спасся, удирая в Свияжск. Город был взят, золотой запас попал в руки белогвардейцев и был отправлен в Самару. По Каме каппелевцы установили связь с ижевскими и воткинскими повстанцами.

Но на этих рубежах волжские победы белых и кончились. В Свияжск стягивались большевики, бежавшие из Казани, здесь же начали скапливаться многочисленные подкрепления, опоздавшие оборонять город. Сюда приехал сам Троцкий и взялся наводить порядок по-своему. За отступление — расстрел командиров и комиссаров, в

некоторых частях устроил показательную децимацию: расстрел каждого десятого. Белогвардейцы и чехословаки, с налету взявшие огромную Казань, в 40 км от нее неожиданно столкнулись с внушительной силой. Атакующие Свияжск роты были рассеяны сильнейшим огнем, во фланги ударила конница, довершившая поражение. Через 2 дня, подтянув все силы, чехословацкий полковник Швец вновь попытался атаковать и опять был разбит. Троцкий перешел в наступление, обкладывая Казань с запада, а с севера, выбив белых из Арска, подходила дивизия латыша Азина в 3,5 тыс. чел. при 14 орудиях, сформированная им в Вятке.

Но не меньше вреда, чем большевики, принесло белым собственное правительство. Составленное из депутатов Учредительного Собрания, в основном эсеров и меньшевиков, оно с момента своего образования утонуло в праздной болтовне и демагогии, с головой зарывшись в политику и копаясь в мелочах внутреннего устройства. «Учредилка» вообще позабыла о военных вопросах. Объявленная мобилизация в Народную армию была пущена на самотек и провалилась. Не было налажено никакого снабжения. Не было общего плана боевых действий, фронтовые начальники проводили операции каждый сам по себе, в меру собственного разума и способностей. Не было создано даже единого командования с чехословаками. В каждом отдельном случае чешские и белогвардейские командиры сговаривались о взаимодействии и взаимном подчинении в том или ином бою.

Мало того, учредилковцы немедленно стали разрушать собственную армию! Как и в Архангельске, занялись «демократизацией» и «революционными реформами». В то время как Троцкий, Вацетис, Тухачевский драконовскими мерами насаждали дисциплину, самарские правители ее ломали. Отменялись знаки различия — «контрреволюционные» погоны, отдание чести, дисциплинарные взыскания, делались попытки ввести коллегиальное командование. Но если в Архангельске такое же бедствие устранилось через месяц офицерским переворотом, то в Самаре, к сожалению, путчистов не нашлось. Самые боеспособные части — добровольческие дружины Каппеля и Степанова сохраняли дисциплину только за счет авторитета командиров. И еще за счет того, что эти командиры не допускали в войска правительственных агитаторов и чиновников!

Вдобавок все восточные правительства переругались. Создавались они по-разному. Самарское — из делегатов Учредительного Собрания. Екатеринбургское правительство Кромма было образовано уральскими промышленниками — значит, для эсеров и меньшевиков оно было контрреволюционным. Сибирское правительство возникло из подполья — в январе 18-го в Томске его тайно избрали местные социалисты, сторонники автономной Сибири; уцелевшие члены этого правительства, выплывшие на поверхность после свержения большевиков, объявили себя сибирской властью. КомУч считал такое правительство незаконным, указывая, что самих учредилковцев выбирал народ, а сибирцев — непонятно кто. Взятие Бугульмы открывало возможность создать единый фронт с оренбургскими, а взятие Хвалынского и Николаевска с уральскими казаками. Этого сделано не было.

«Учредиловка» слышать не хотела о контактах с «реакционным» казачеством.

Не было и помощи союзников — кому помогать-то? Не в силах разобраться в этой грызне, они предлагали правительствам сначала договориться между собой. В результате все блестящие победы Каппеля пошли коту под хвост. Какие перспективы открывало взятие Казани, будь фронт своевременно усилен сибиряками и казаками! Но малочисленные дружины не получили здесь никакой поддержки. Казань была обречена. Ленин, только оправлявшийся после ранения, слал кровожадные телеграммы: «7.09 Свияжск. Троцкому. Благодарю. Выздоровление идет прекрасно. Уверен, что подавление казанских чехов и белогвардейцев, а равно поддерживающих их кулаков, будет образцово-беспощадным». «10.09 Секретно. По-моему, нельзя жалеть города... ибо необходимо беспощадное истребление, раз только верно, что Казань в железном кольце».

И не жалели. Громили той же массой артиллерии, которой месяц назад устроили огненный ад в Ярославле. 11.09 Казань пала. Во взятом городе Троцкий устроил «образцово-беспощадное» подавление. «Буржуев», жителей богатых кварталов, священников, купцов, интеллигенцию целыми семьями, с женщинами и детьми, толпами гнали на баржи, набивали в трюмы и пускали на дно Волги. О результатах «беспощадного истребления» красная печать сообщала 17.09: «Казань пуста. Ни одного попа, ни монаха, ни буржуя. Некого и расстрелять. Вынесено всего 6 смертных приговоров».

Только 8 сентября 1918 г. при посредничестве московских подпольных политических организаций и иностранцев в Уфе собралось Государственное совещание для создания единой всероссийской власти. Здесь были представлены Самарское, Екатеринбургское, Омское и Владивостокское правительства, депутаты Учредительного Собрания, уцелевшие остатки политических партий, духовенство и казачество. Поладить им было непросто. Правые обвиняли левых в развале России, левые правых — в контрреволюции. Спорили, чье правительство законно, а чье нет. Ругались и заседали целый месяц, до 6.10. Наконец было принято предложение московских Национального центра (кадетской ориентации) и Союза возрождения России (социалистической ориентации) о создании коллективной диктатуры — Директории. Она была избрана в составе 5 членов — Н. И. Астрова, Н. Д. Авксентьева, П. В. Вологодского, Н. В. Чайковского, генерала Болдырева, и 5 заместителей — В. Д. Аргунова, В. В. Сапожникова, В. М. Зензинова, В. А. Виноградова и генерала Алексеева.

Фактически в этом составе Директория никогда не существовала. Видный кадетский деятель Астров из Москвы на восток не попал, а пробрался на юг, где вошел в Особое Совещание при Деникине. Чайковский руководил правительством в Архангельске. Не попал в Сибирь и М. В. Алексеев: предполагалось, что он примет командование армией Директории, а Болдырев переместится в замы. И к тому же эта единая власть с резиденцией в Омске образовалась слишком поздно. Увязнув во внутренних дразгах и демагогии, волжско-сибирские демократы потеряли 4 месяца! А большевики тем временем ин-

тенсивно создавали Восточный фронт и переходили к активным действиям.

Пришла в себя разбитая 1-я армия — фактически ее за полтора месяца создали заново. Ядром стала «Железная дивизия» в 3 тыс. чел., выведенная из окружения Гаем. Воспользовавшись тем, что лучшие части белогвардейцев сражаются в Казани, Тухачевский перешел в наступление и 12 сентября занял Симбирск. Специально для борьбы с повстанцами Ижевска и Воткинска в Вятке создавалась 2-я армия Шорина на базе дивизии Азина, партизанских полков Черверева и матросов-анархистов. Выбитый в начале лета с Южного Урала Блюхер, отступая вдоль Уральского хребта и собирая по пути местные отряды, соединился с красными в районе Перми, выведя туда 9 тыс. чел. На их основе начала формироваться 3-я армия. В Саратове создавалась 5-я армия, в районе Николаевска — 4-я, центром кристаллизации которой стала дивизия Чапаева в 7 тыс. чел. при 9 орудиях.

Все армии были еще малочисленными, но уже организованными и боеспособными единицами. 22 сентября их соединенные силы начали операцию против Самары. С севера наступала 1-я армия, с юга — 4-я, с запада, через Вольск и Хвалынский, — 5-я. Слабовооруженная, неподготовленная Народная армия «Учредилки» противостоять натиску не могла. 3 октября пала Сызрань, 7-го Самара. Волга была потеряна. И потянулись на восток первые «невозвратные» толпы беженцев. И на «шарабанах-американках», и на телегах, и на своих двоих. Успели эвакуировать золотой запас, а крупные склады, где хранилось сукна на 5 млн. руб., инженерное оборудование, вооружение, — все досталось большевикам.

Да, в июне-июле малочисленные отряды Народной армии и чехословаков успешно громили красных за счет решительности, духовного подъема, а главное — организации. Побеждали, пока хватало организации на уровне полков и батальонов. Но на этом уровне она и осталась, пущенная на самотек КомУчем. Время ушло. На фронте стояли все те же жиденские повстанческие дружины. А красным дали полную возможность превзойти противника и организационно, формируя дивизии и армии, да и численно. За счет мобилизаций к сентябрю в Красной армии уже насчитывалось свыше миллиона штыков. Только наличием «внутреннего фронта» против крестьян да массовым дезертирством можно объяснить, что поволжских демократов не раздавили раньше.

Куда большую стойкость и боеспособность показали работяги-оружейники Ижевска. Против них вдоль Камы наступала 2-я армия, которой лишь после жестоких и затяжных боев удалось захватить Сарапул. Только к началу ноября красные смогли подступиться к основному узлу обороны, включающему Ижевск и Воткинск. Рабочие опоясали свои города тремя линиями окопов и проволочных заграждений, бросались на угрожаемый участок по заводским гудкам. К началу штурма 2-й армии была придана Волжская флотилия, многочисленные подкрепления с других участков фронта. С севера на приступ пошла дивизия Азина, усиленная двумя полками. Повстанцы дрались отчаянно. Понесены огромные потери, Азин сумел за день про-

рвать только одну линию окопов, 2-й Мусульманский полк красных был разгромлен и разбежался.

Большевистские миноносцы высадили десант в Гольянах, который перерезал дорогу между городами-побратимами, и колонна повстанцев из Воткинска, спешившая на выручку Ижевску, была перехвачена. Произошел настолько жестокий бой, что за 2 часа оба отряда практически истребили друг дружку. Но силы были слишком неравными. К тому же от своих сторонников из местного населения большевики узнали тропы через непроходимые болота. По ним в тылы ижевцев проник полк Чеверева и нанес удар в спину. 7 ноября Ижевск пал. Значительная часть повстанцев сумела прорваться и уйти к Уральским горам. А во взятом городе в первый же день были расстреляны 800 человек.

Сибирская Директория начала предпринимать более действенные меры для борьбы с красными, чем самарская «Учредилка». Было образовано несколько фронтов: Северный — ген. Вержбицкого, Лысьвенский — Пепеляева, Кунгурский — Голицына, Челябинский — Сырового (чешского поручика, произведенного Директорией в генералы). Но все это были полумеры, затычки в проходах Уральских гор, дающие возможность пересидеть за ними зиму. К тому же, по иронии судьбы, более-менее умеренные члены Директории — Астров, Чайковский, Алексеев — оказались далеко. А в наличном составе опять принялись верховодить левые. Возглавил власть Авксентьев — бывший член исполкома Петроградского совдепа, министр внутренних дел у Керенского и его ближайший помощник. Соответственно опять поперла «керенщина» — демократизация через демагогию, безответственность и бардак. Именно с «революционной» агитации Директории началось разложение чехословацких частей. Им так «разъяснили» текущий момент, что они стали требовать отправки на германский фронт, не желая участвовать в «русской междоусобице». Правительство Авксентьева страшилось «контрреволюции» чуть ли не больше, чем коммунистов. Недоверчиво относилось к офицерам, подрывая их влияние. Избегало контактов с казачьими атаманами. Соответственно казаки и армия недоверчиво относились к «керенщине», называя Директорию «большевиками второго сорта».

Возглавить Белое Движение в Сибири оказалось некому. Крупной фигуры, авторитетной личности, способной толково и решительно взять руководство, не нашлось. Это собирался сделать генерал Алексеев. Еще в июне, вспоминая планы Корнилова, он предлагал Деникину после освобождения Екатеринодара идти на Волгу. Жизнь сама собой отмела этот проект — Добровольческая армия втянулась в тяжелые многомесячные бои с огромной 11-й красной армией. А функции Алексеева все сокращались, снабжением и финансированием армии по мере освобождения края начало ведать кубанское правительство. Вопросы гражданского управления занятых кусочков Ставропольской и Черноморской губерний были мелкими. И Алексеев собрался в Сибирь, пригласив к себе начальником штаба ген. Драгомирова. Но не судьба...

Отъезд задержался из-за обострившейся болезни Алексеева. Еще создавая Добровольческую армию, он говорил, что это, наверное, пос-

леднее важное дело его жизни. А потом были еще тяжелые походы, лишения, напряженная работа. Здоровье его продолжало ухудшаться, и он отдал свои последние силы без остатка. 8 октября 1918 г. основоположник Белой гвардии Михаил Васильевич Алексеев скончался.

34. АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ КОЛЧАК

...Вечный покой сердце вряд ли обрадует,
Вечный покой — для седых пирамид,
А для звезды, что сорвалась и падает,
Есть только миг, ослепительный миг...

Помните эту песню из «Земли Санникова»? Я не зря вставил ее в качестве эпиграфа. Потому что на самом деле искал во льдах загадочную Землю Санникова Александр Васильевич Колчак. И вся его жизнь сверкнула на небосклоне российской истории яркой и стремительной звездой... Великий полярник, чье имя должно было бы стоять рядом с именами Беринга, Лаптевых, Шокальского. Блестящий флотоводец, чье имя должно было стоять рядом с именами Сенявина, Лазарева, Нахимова. Ученик Нансена и адмирала Макарова. Личный друг английского короля Георга и принца Уэльского... Верховный правитель России... Одной его жизни хватило бы на несколько «великих» людей.

Он родился в 1873 г. в семье морского артиллериста, ставшего затем заводским инженером. Мечтая о флоте, перешел из гимназии в Морской кадетский корпус. Увлекался точными науками и ремеслами, изучал слесарное дело на Обуховском заводе. Участвовал в нескольких дальних походах, самым значительным из которых было трехлетнее плавание на фрегате «Крейсер». Тогда же он начал заниматься научно-исследовательской работой — гидрологией, океанографией. Вел промеры глубин, съемку берегов. Выпустил ряд научных публикаций о северной части Тихого океана. На него обратил внимание адмирал С. О. Макаров, пригласил принять участие в плавании первого ледокола «Ермак». Хотя это не удалось по служебным обстоятельствам, в 1899 г. Академия наук приглашает Колчака в Русскую полярную экспедицию. Шхуна «Заря» под командованием барона Э. В. Толля должна была второй раз в истории пройти Северным морским путем, исследовать Новосибирские острова и разыскать таинственную Землю Санникова. Откомандированный в распоряжение Академии наук, Колчак в ходе подготовки к экспедиции учился в Главной Физической обсерватории, Павловской магнитной обсерватории, а методам плавания во льдах обучался в Осло у Ф. Нансена.

Плавание «Зари» продолжалось более двух лет. От Петербурга, вокруг Скандинавии, до о. Кузькин (ныне Диксон). У берегов Таймыра 11 месяцев ледового плена. В это время Колчак с другими полярниками на лыжах и собаках совершали экспедиции в сотни и тысячи километров. Найдите на карте очертания Таймыра. Их определил и нанес не кто иной, как А. В. Колчак. Толль называл его «лучшим офицером», «любовно преданным своей гидрологии», а один из от-

крытых островов назвал его именем (ныне о. Расторгуева). Перейдя море Норденшельда (ныне Лаптевых), «Заря» достигла Новосибирских островов. Попытались приблизиться к их северной группе — о. Беннетта, но льды не позволили произвести высадку. У о. Котельного — снова 11 месяцев зимовки. Колчак впервые, сначала со спутниками, а потом один, пересек о. Котельный, самый большой в архипелаге, сделав замеры высот, исследовал другие острова, лично открыл о. Стрижева.

В 1902 г. «Заря» совершила плавание в район предполагаемой Земли Санникова, сделала новую неудачную попытку пробиться к о. Беннетта. Толль с тремя спутниками ушел туда на лыжах по льду. И не вернулся. «Заря» была разбита льдами, иссякли запасы угля, и она пристала в Тикси. Экипаж был снят пароходом «Лена». Добравшись через Якутск до столицы в декабре 1902 г., Колчак в Академии наук забил тревогу об участии пропавшего Толля. Его проекты спасательной экспедиции были поначалу признаны «таким же безумием, как и шаг барона Толля». Скептически отнеслись даже спутники по завершившемуся плаванию. Но Колчак не сдавался. Когда он заявил, что сам возглавит предприятие, Академия предоставила ему небольшие средства и... полную свободу действий.

Именно эта экспедиция Колчака стала прототипом известного романа Обручева «Земля Санникова». Замысел был дерзким, считалось — нереальным. Идти через Ледовитый океан на шлюпках. В экспедицию вошли политический ссыльный Оленин, боцман «Зари» Бегичев и несколько охотников-тюленепромышленников. Сняв вельбот с разбитой «Зари», они в мае 1903 г. по льду дошли до о. Котельный. Сделали из плавника полозья к вельботу, чтобы двигаться и по льду, и по воде. Ждали вскрытия моря, добывая пропитание охотой. 18.06 вышли в плавание — в сплошном снегопаде, в хаосе льдин, на которые вылезали, пережидая шторм. И добрались до малоизвестного тогда о. Новая Сибирь, а оттуда до о. Беннетта. Нашли материалы экспедиции Толля; карту острова, геологическую коллекцию, записи барона. Исследовали другие острова, осматривая оставленные «Зарей» склады продовольствия. Убедившись в гибели Толля и его спутников, тем же опасным путем, не потеряв ни одного человека, в октябре вернулись на материк.

В Якутске Колчак узнал о войне. Сдав Оленину дела экспедиции, он с трудом добился возвращения в военное ведомство и назначения в Порт-Артур. Много поражений пришлось на долю русского флота в японской войне. И лишь одна крупная победа. Ювелирно рассчитав курс вражеской эскадры, ежедневно обстреливавшей Порт-Артур, заградитель «Амур» поставил точно у нее на пути минную банку. В результате 14.05.04 подорвались и в несколько минут затонули броненосцы «Хатсусе» и «Яшима». Крейсер «Иосино», уклоняясь от мин, столкнулся с крейсером «Касуга», повредил его и тоже затонул, а посыльный корабль «Тацута» распорол себе днище о камни. Среди авторов этой победы был и служивший на «Амуре» лейтенант Колчак. Видно, как пригодилась ему точность гидрографических съемок.

На заключительной стадии обороны, когда японцы день за днем лезли на штурм, Колчак находился в самом аду — командовал одной

из морских батарей на сухопутных бастионах. Был ранен и попал в плен. С ранением открылись болезни, полученные в Заполярье, — хроническая пневмония, суставный ревматизм в тяжелой форме. Лечился у японцев, потом через США вернулся в Россию. Был признан инвалидом... Только с осени 1905 г. он вернулся к работе в Академии наук. Его экспедиции дали столько результатов, что они так и не были опубликованы до конца. Карты, промеры высот и глубин, исследования полярных льдов... Кое-что уже в 30-х годах преподносилось советскими плагиаторами как вновь открытое. 10.01.06 Колчак выступил с докладом об экспедиции на о. Беннетта в Русском географическом обществе. Оно присудило ему Большую золотую медаль, свою высшую награду «за необыкновенный и важный географический подвиг, совершение которого сопряжено с трудом и опасностью».

Но как военный моряк и патриот, едва восстановив силы, Колчак активно начинает работать и в другой области — над восстановлением погибшего флота. Он выступает одним из главных инициаторов и идеологов создания в России Морского Генерального штаба, и после образования этого органа был к нему причислен, заведая в МГШ Балтийским театром военных действий. Об уровне работы говорит тот факт, что молодые генштабисты в 1906 г. ошиблись лишь на год, придя к выводу, что в 1915 г. Германия начнет войну против Франции, а России придется выступать против Германии. Колчак стал одним из авторов новой судостроительной программы. Критически отнесясь к модным программам британского флота — строительству тяжелых дредноутов, русские новаторы предложили создание совершенно новых кораблей, сочетающих мощное крейсерское вооружение и быстроту миноносцев. Вместе с такими видными специалистами, как академик А. Н. Крылов, В. М. Альтфатер, Н. Н. Зубов, Колчак участвовал в разработке легких крейсеров и эсминцев.

Параллельно продолжались и дела заполярные. Под руководством Колчака осуществлялась подготовка новой гидрографической экспедиции Ледовитого океана, строительство ледоколов «Вайгач» и «Таймыр». В чине капитана 2-го ранга он был назначен командиром «Вайгача». Через южные моря экспедиция прошла во Владивосток и совершила в 1910 г. исследовательское плавание по Берингову морю. Потом Колчака отозвали в Петербург, а выпестованная им экспедиция под руководством Б. Вилькицкого провела в Ледовитом океане 4 года. Впервые прошла Северный морской путь с востока на запад, открыла Землю императора Николая Второго (ныне Северная Земля: о-ва Октябрьской революции, Большевик, Комсомолец, Пионер), о. Цесаревича Алексея (ныне о. Малый Таймыр), пролив Вилькицкого. Кстати, единственная фамилия белогвардейца, каким-то чудом уцелевшая на советских картах.

А Колчака отозвали в военное ведомство. В условиях надвигающейся войны отпускать такого специалиста на несколько лет во льды было бы накладно. Он продолжал уделять внимание полярным делам, в частности раскритиковал план экспедиции Седова к Северному полюсу, указал на уязвимые места и предсказал возможность катастрофы. Седов не послушал предупреждений... Но научные заботы волей-неволей отодвигались на второй план. Много ли времени ос-

тавляли для них напряженная работа в МГШ, разработки по перевооружению флота, маневры и учения?

В 1914 г. Колчак разработал план минной постановки, перекрывшей врагам вход в Финский залив. Благодаря ему ни один германский корабль за всю войну так и не прорвался к Петрограду. Между прочим, его план был без изменений использован и в 1941 г. И тоже сыграл решающую роль в морской обороне Ленинграда. Колчак участвовал в разработке практически всех операций Балтфлота в 1914—1915 гг., командовал минной дивизией, а затем всеми морскими силами Рижского залива. Совместно с сухопутными частями 12-й армии ген. Радко-Дмитриева провел десантную операцию, сорвавшую немецкое наступление на Ригу. В 1916 г. в связи с осложнившейся обстановкой на юге Колчак был произведен в вице-адмиралы и назначен командующим Черноморским флотом...

Положение там было не блестящим. Русские корабли отсиживались в портах, на море хозяйничали турки, болгары и германская эскадра из новейших крейсеров «Гебен», «Бреслау» и нескольких подлодок. Обстреливали прибрежные города, наносили удары по коммуникациям, снабжавшим через Новороссийск Закавказский фронт. Приняв дела, Колчак немедленно начал активную войну. Уже на следующий день после вступления в должность он вышел в море на корабле «Императрица Мария», встретил под Новороссийском «Бреслау», обстрелял и обратил в бегство. А через несколько дней минные суда под непосредственным руководством Колчака закупорили Босфор заграждением, на котором подорвался и вышел из строя до конца войны «Гебен». Всякую мелочь разогнали по турецким и болгарским портам. И до 1918 года море для вражеских кораблей оказалось закрыто.

Под началом Колчака началась подготовка Босфорской операции — десанта на Константинополь. Ему подчинили Дунайскую флотилию, специально сформированную Черноморскую пехотную дивизию (первая русская морская пехота). Операция намечалась на 1917 год... Колчак считал, что вооруженные силы должны быть вне политики. Поэтому с начала революции он полностью взял под контроль обстановку, информировал команды о событиях в столице. Организовал присягу Временному правительству, вместо стихийных митингов устроил парад по случаю победы революции и торжественные похороны останков лейтенанта Шмидта. А вслед за тем — рейд всем флотом вдоль турецких берегов. Как он объявил: «Чтобы противник знал, что революция революцией, а если он попробует явиться в Черное море, то встретит там наш флот».

Из-за удаленности от столиц и авторитета командующего развал тут начался не сразу. Севастопольский совдеп и матросские комитеты выражали полное доверие Колчаку. Черноморцы даже выделили делегацию в 300 чел., которая поехала по фронтам и на Балтику агитировать за дисциплину и порядок. Это обеспокоило большевиков, и в Севастополь началось нашествие агитаторов. С мая флот вслед за другими вооруженными силами покатился в пропасть. Переизбрали совдеп, замитинговали. Колчак просил у правительства санкции на решительные меры, но не получил их. 6 июля делегатское собрание

матросов, солдат и рабочих постановило обезоружить офицеров, отстранить от должности командующего. Оскорбленный Колчак собрал команду флагманского корабля «Георгий Победоносец», бросил в море Георгиевскую саблю, полученную за Порт-Артур, и ушел с флота. Он писал в те дни: «Я хотел вести свой флот по пути чести и славы, я хотел дать родине вооруженную силу, как я ее понимаю... но бессмысленное и глупое правительство и обезумевший, дикий, неспособный выйти из психологии рабов народ этого не захотели».

Вместе с американской миссией адмирала Гленона, прибывшей к нему учиться минному делу, Колчак выехал в Петроград, а затем принял предложение о командировке в США, где провел с американскими моряками (в то время еще очень неопытными, намного отстающими в подготовке от русского флота) курс обучения минной войне и методам борьбы с подводными лодками. Возвращаться он решил через Дальний Восток. А в Японии узнал об Октябрьском перевороте и перемирии с немцами. Сначала, восприняв события всего лишь как акт измены и порабощения России Германией, он обратился к английскому послу с просьбой о зачислении на британскую службу. Естественно, пожелание такого человека быстро было удовлетворено.

Его назначили командовать Месопотамским фронтом, где сражалось много русских частей, прорвавшихся к англичанам через Персию. В январе 18-го Колчак выехал в Бомбей, но успел добраться только до Сингапура — обстановка изменилась. Во-первых, русские части в Месопотамии бросили фронт. Во-вторых, русский посол в Китае Н. А. Кудашев пригласил его для организации в полосе отчуждения Китайской Восточной железной дороги белогвардейских сил.

Через Пекин Колчак прибыл в Харбин и начал создавать вооруженные формирования из сбежавшихся сюда граждан России. Попытки кончились неудачей. Харбин всегда считался русской дальневосточной «помойкой», исторически заполнявшейся авантюристами и махинаторами всех мастей, и отсеять здесь «чистых» от «нечистых» было сверхсложной задачей. Возникли трения с ген. Хорватом, нерешительным и непоследовательным, но имевшим в Харбине наибольшую реальную власть управляющего КВЖД. Колчак говорил о нем: «И по виду, и по качеству старая швабра». Противником стал и атаман Семенов, видевший в действиях Колчака покушение на свое главенство и на уже сформированные им белопартизанские отряды. Наконец, враждебные отношения сложились с японской миссией и ее главой ген. Накашимой. Колчак был для японцев неподходящей, слишком независимой личностью. Поэтому они сделали ставку на Семенова, финансировали его и снабжали оружием, параллельно организовав мощную кампанию по разложению колчаковских формирований.

Чтобы нормализовать взаимоотношения с японцами, адмирал отправился в Токио. Встретился для переговоров с начальником Генштаба Ихарой и его помощником Танакой. От решения вопроса о положении в зоне КВЖД они уклонились, предложив вместо этого отдохнуть и подлечиться на своих курортах. Колчак воспользовался приглашением, тем более что обстановка в России менялась не по

дням, а по часам. По Сибири, Уралу, Поволжью катилась волна восстаний. Харбин со своими мелочными интригами вообще отходил на задний план.

Едва освободилась Сибирская магистраль, он выехал в Россию. Как частное лицо. Первоначально Колчак намеревался пробраться в Добровольческую армию Деникина. Из всех белых образований она больше всего отвечала его идеалам. Да и места там были знакомые — Черное море, флот. Где-то в Севастополе остались жена и сын.

Но Колчак оказался той самой крупной и авторитетной фигурой, которой не хватало сибирским белогвардейцам для объединения и руководства. Этой фигурой не стал Корнилов, стремившийся в Сибирь, но убитый под Екатеринодаром. Этой фигурой не стал Алексеев, собиравшийся в Сибирь, но умерший от болезни. И когда на горизонте возник Колчак, многие взоры моментально потянулись к нему. Уже по дороге с ним начались переговоры, а прибыв в Омск, он 4.11 принял должность военного и морского министра в правительстве Директории. Почти сразу отправился в первую поездку по фронтам.

Момент был критическим. Белые только что потеряли Ижевск, лихорадочно готовили оборону по Уральскому хребту. Большевики накапливали силы для удара по северному флангу. Армия была недовольна Директорией, дезорганизующей «керенщиной» и фронт, и хозяйство. Резкий кризис наступил вследствие капитуляции 3 ноября Австро-Венгрии: чехословаки отказались от дальнейшего участия в боевых действиях и потребовали отправки домой, фронт оказался под угрозой развала. Спасти ситуацию демагоги из Директории были не в состоянии. Точно так же, как завел Россию в тупик Керенский, Сибирь и Урал вел в тупик его помощник Авксентьев. И точно так же власть повисла в воздухе, не имея под собой никакой реальной опоры — бери ее, кто хочет.

В ночь на 17 (30) ноября в Омске восстало Сибирское казачество, требуя отставки Директории и установления сильной военной власти, способной организовать и возглавить борьбу против большевиков. Казаки и офицеры арестовали «левую» часть Директории — Авксентьева, Зензинова. Премьер-министр Вологодский созвал экстренное заседание совета министров, на котором было решено передать руководство военному командованию. Согласно принятому «Положению о временном устройстве власти в России», эта власть передавалась единоличному Верховному Правителю и совету министров. В качестве кандидатов на высший пост рассматривались трое — главнокомандующий войсками Директории генерал Болдырев, вице-адмирал Колчак и управляющий КВЖД Хорват.

Болдырев утратил всякий авторитет, возглавляя армии «Учредилки» и Директории и участвуя в бестолковой политике этих правительств. Хорват жил реалиями Дальнего Востока и давно оторвался от русской действительности. Колчак же был известной личностью, обладал авторитетом в самых различных кругах, имел хорошие связи с союзниками — в него верила армия. Постановление гласило: «Вследствие чрезвычайных обстоятельств, прервавших деятельность Временного всероссийского правительства, совет министров, с согласия

наличных членов Временного правительства, постановил принять на себя полноту государственной власти. Военный и морской министр вице-адмирал А. В. Колчак производится в адмиралы. Ввиду тяжелого положения государства и необходимости сосредоточить всю полноту Верховной власти в одних руках, совет министров постановил: передать временно осуществление Верховной государственной власти адмиралу А. В. Колчаку, присвоив ему наименование Верховного Правителя».

Авксентьева освободили и выслали за границу. А ученый-полярник и флотоводец Колчак во многом благодаря случайности с 18 ноября (1 декабря) 1918 г. стал Верховным Правителем России.

35. КОШМАР НАД РОССИЕЙ

Никогда не говорите «хуже быть уже не может». Опыт подсказывает, что в любой паршивой ситуации — может. Так и в России с 17-го в каждый отдельный момент казалось, что дальше некуда, хуже просто не бывает. А становилось еще хуже. Будто на страну обрушились все бедствия Апокалипсиса. Надвигались эпидемии. Тиф. Его завезли из Турции и Персии солдаты Закавказского фронта. Первым очагом стал Северный Кавказ, 11-я армия. Через Царицын тиф потек в центральные губернии, через пленных проник к деникинцам. Если летом солнце и вода кое-как сдерживали распространение, то осенью тифозная эпидемия пошла гулять по нарастающей. С запада в европейскую Россию пришел тяжелый вирусный грипп-«испанка». Грязь, антисанитария, отсутствие отопления в городах, порушенная система здравоохранения, массовые миграции войск и беженцев способствовали разгулу заболеваний и высокой смертности.

Все суровее становился голод. И вызван он был отнюдь не «кольцом фронтов». В 18-м урожай был хороший, крестьяне спешили засеять всю захваченную землю. И самих крестьян в армию еще не подгребли. Ну как мог возникнуть голод в стране, являющейся крупнейшим мировым экспортером зерна? А возник он по двум причинам — из-за большевистской бесхозяйственности и большевистской продовольственной политики. Можно ли объяснить «кольцом фронтов» факт, что в Астрахани вдруг не стало... рыбы?! За всю войну ни в одной белогвардейской области, в каком бы кольце она ни была, голода не наблюдалось. Все беженцы из Совдепии отмечают резкую разницу при переходе границы германской оккупационной зоны. С одной стороны — мрак, нищета, голод, а в соседнем селении бойкая торговля продуктами, изобилие, кажущееся сказочным, — вплоть до шоколада, свободно продающегося в любой лавке... Красный командир и дипломат Н. Равич пишет в воспоминаниях: «Переходя на сторону Красной армии, крестьяне попадали совсем в другую обстановку. Суровая дисциплина, жертвенность ради революции, голод и холод — излишки хлеба и топлива отправлялись в Москву и Петроград, население которых в них нуждалось». Позвольте, да что же это за прорва такая, Москва с Петроградом, что вся европейская Россия их кормит, а там все равно голод?

Просто вся мудрая ленинская теория с самого начала показала полную несостоятельность. Значительная часть продовольствия, отобранного продотрядами, ими же пожиралась, перепродавалась, пускалась на самогон. Уже тогда во главу угла был поставлен План, бумажная отчетность. Задача продотрядов была выполнить и перевыполнить, нагрabить не меньше установленной нормы — и они рапортовали о выполнении. А хлеб гнил в элеваторах, неприспособленных хранилищах, под открытым небом, скот издыхал, рыба и сало тухли — до этого уже никому дела не было. И в Москве с Петроградом, для пропитания которых грабились столько губерний, рабочие и совслужащие получали по карточкам мизер, карточки «нетрудовых элементов» не отоваривались почти никогда, их владельцам предоставлялась возможность умирать или выкручиваться, кто как может. Тем не менее большевистские вожди тупо и упрямо продолжали пихать страну в собственные теоретические схемы, ползущие по швам.

Мало того — пытались углублять эксперименты. Вслед за продразверсткой, войной против «кулака» начиналась... коллективизация! Колхозы — сталинское детище, но совхозы — ленинское. Они начали создаваться в 1918-м с принудительной записью крестьян в «рабочие». 8.11 на совещании делегатов комбедов Ленин комментировал: «Против середняков мы ничего не имеем. Они, может быть, и не социалисты и социалистами не станут, но опыт им докажет пользу общественной обработки земли, и большинство из них сопротивляться не будут». Представляется любопытным, что возглавил первую кампанию по коллективизации коммунист Семен Серeda — до революции один из видных масонских иерархов России.

Большевики сочли, что ленинскую схему построения государства-машины уже можно претворять в жизнь: политических конкурентов устранили, бунты подавили. В конце 18-го вышел вторым изданием фундаментальный труд Вождя «Государство и революция». «...Оппортунизм не доводит признания классовой борьбы до самого главного... до периода свержения буржуазии и полного уничтожения ее» (разрядка Ленина). «Все граждане превращаются здесь в служащих по найму у государства, каковым являются вооруженные рабочие. Все граждане становятся служащими и рабочими одного всенародного, государственного «синдиката...» Все общество будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда и равенством платы... Уклонение от этого всенародного учета и контроля неизбежно сделается таким неимоверно трудным, таким редчайшим исключением, будет сопровождаться таким быстрым и серьезным наказанием (ибо вооруженные рабочие — люди практической жизни, а не сентиментальные интеллигентки, и шутить с собой они едва ли позволят), что необходимость соблюдать несложные, основные правила всякого человеческого общежития очень скоро станет привычкой». А теоретик, «любимец партии» Бухарин, разъясняя требования момента, писал: «Принуждение во всех формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи».

В дополнение к эпидемиям, голоду и разрухе косил жертвы тер-

рор. Возникнув сразу после прихода совдепов к власти, он после установления однопартийного правления в июле окончательно легализовался, окреп, принял готовые формы — расстрелы по приговорам, внесудебные расстрелы, институт заложников и т. п. Но глобальный размах красный террор набрал в сентябре. 30.08, отомстив за расстрел ни в чем не повинных друзей, одиночка, поэт-романтик Каннегиссер убил председателя Петроградской ЧК М. С. Урицкого — тупого и страшного человечка, которого даже большевики порой звали за глаза «злым карликом». В тот же день в Москве произошло покушение на Ленина. История темная, неоднозначная, и вряд ли Ф. Каплан имела к этому отношение. Больная, полуслепая женщина, она, по-видимому, просто попала под руку. К эсерам она никогда не принадлежала, ни улик, ни признаний против нее нет. Все доказательства ее вины всплыли только в 1922-м, на сфабрикованном процессе эсеров, причем из уст подсадных чекистских провокаторов Семенова и Коноплевой.

И появилось знаменитое постановление Совнаркома и ВЦИК о красном терроре: «Предписывается всем Советам немедленно произвести аресты правых эсеров, представителей крупной буржуазии и офицерства... Подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам... Нам необходимо немедленно, раз и навсегда, очистить наш тыл от белогвардейской сволочи... Ни малейшего промедления при применении массового террора... Не око за око, а тысячу глаз за один. Тысячу жизней буржуазии за жизнь вождя! Да здравствует красный террор!»

Было куда больше тысячи. Хотя число жертв никому не известно, в одном Петрограде расстреляли 900 — цифра из письма Бонч-Бруевича. В Москве не меньше 600 (фамилия Каплан опубликована в № 6 «Еженедельника ВЧК», а в каждом — список на сотню). А сколько по другим городам, губерниям, уездам? Протокол заседания ВЦИК от 31.08.18 содержит следующие указания: «Расстреливать всех контрреволюционеров. Предоставить районам право самостоятельно расстреливать... Устроить в районах маленькие концентрационные лагеря... Принять меры, чтобы трупы не попадали в нежелательные руки. Ответственным товарищам ВЧК и районных ЧК присутствовать при крупных расстрелах. Поручить всем районным ЧК к следующему заседанию доставить проект решения вопроса о трупах...» Член коллегии ВЧК Лацис писал 1.11.18 в газете «Красный террор»: «Мы не ведем войны против отдельных лиц. Мы истребляем буржуазию как класс. Не ищите на следствии материалов и доказательств того, что обвиняемый действовал словом или делом против Советов. Первый вопрос, который вы должны ему предложить, — к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, воспитания, образования или профессии. Эти вопросы и должны определить судьбу обвиняемого. В этом смысл и сущность красного террора».

Это было не просто массовое убийство. Красный террор обрекал на уничтожение все воспитанное, образованное, интеллигентное. Ну какая буржуазия осталась в Совдепии к осени 18-го? Все состоятельные промышленники и банкиры давно разъехались за границу, на Украину, в Сибирь. Под гребенку шла интеллигенция — чиновники,

студенты, учителя, врачи, гимназисты. Гибли члены семей — женщины, дети, старики. Счет-то везде шел на количество. А кого проще набрать, как не самых беспомощных?

В XX веке в Европе начали вполне легально применяться пытки. И чекистские издания, даже не секретные, а вполне открытые — «Красный меч», «Красный террор», «Еженедельник ВЧК» — вполне открыто обсуждали вопрос о применимости пыток с точки зрения марксизма. И дедушка Ленин во всем поддерживал палачей. 7.11.18 г. на митинге сотрудников ВЧК он сказал им: «Когда я гляжу на деятельность ВЧК и сопоставляю ее с нападками, я говорю — это обывательские толки, ничего не стоящие». А когда возник скандал в верхах, как раз из-за публикаций о пытках, Ильич провел в ЦК постановление, что «на страницах партийной и советской печати не может иметь место злостная критика советских учреждений, как это имело место в некоторых статьях о деятельности ВЧК, работа которой протекает в особо тяжелых условиях».

А ведь террор шел не только по линии ЧК. Как грибы, разрастались и множились новые карательные органы. Народные суды, Рабоче-крестьянские ревтрибуналы, Революционные желдортрибуналы. Революционные военные трибуналы. Революционные трибуналы ВОХР, армейские особые отделы... Все это существовало параллельно. А карательными правами, вплоть до расстрелов, обладали и Советы всех степеней, даже сельские, и комбеды, и армейские командиры с комиссарами всевозможных рангов, и различные уполномоченные центра, и продовольственные, заградительные, карательные отряды. А «чистки» прифронтовой полосы? Директива наркома внутренних дел Петровского от 30.08.18 г. требовала «направить все усилия к безусловному расстрелу всех, замешанных в белогвардейской работе», ставя в один ряд офицера, чиновника, истопника казармы и сестру милосердия. Над Россией продолжала сгущаться жуткая, сатанинская ночь.

36. БОИ ЗА СТАВРОПОЛЬ

После разгрома красных на Кубани ни малейшей передышки не последовало. Война только приняла новый размах. Добровольческая армия получила возможности численного роста за счет казаков, мобилизуемых крестьян и пленных красноармейцев. Среди командиров появились новые имена — Шкуро, генерал-лейтенант Май-Маевский, генерал-майор Врангель, талантливый кавалерийский начальник, возглавивший 1-ю кубанскую конную дивизию. Но тыловой базой оставался тот же Дон да восставшие станицы. Катастрофически не хватало самого необходимого: обмундирования, оружия и, главное, боеприпасов. В сентябре были дни, когда белые части сражались вообще без патронов. Несмотря на блестящие победы, окончательно разделаться с красными Деникину не удалось. Выброшенная с Кубани 11-я армия оставалась громадой, многократно превосходящей противника и сковавшей все силы белых. Она получила значительную подпитку за счет беженцев — пробольшевистски настроенного населения, ушедшего от мести повстанцев-казачьих. А после соединения с

40 тысячами таманцев, битые красными части получили подобие цементирующего ядра, восстановили боеспособность.

Фронт установился по притоку Кубани — реке Уруп. Армавир несколько раз переходил из рук в руки. Но если в стане белых пока еще царило единодушие — Кубанское правительство и Рада вынуждены были считаться с властью Деникина, — то в стане большевиков, наоборот, нарастали междоусобные дразги. Кубано-Черноморский ЦИК с новой силой продолжал «изыскивать меры, обезоруживающие диктаторские намерения Сорокина». Краевой комитет партии и ЦИК настояли на введении в армии реввоенсовета. Власть там становилась коллегиальной. Сорокину же требовались срочные меры по наведению порядка в армии.

Из Царицына приехал Жлоба, обласканный там Сталиным и Ворошиловым. И привез приказ 11-й армии от равнозначного командования 10-й — бросить Северный Кавказ и двигаться на помощь Царицыну. Разумеется, Сорокин отказался выполнять подобную чушь (за что его так и ославили в сталинской литературе). А Жлобе приказал вместо Царицына заняться Ставрополем. Тот сделал вид, что согласился, а сам эшелонами и походным порядком направил дивизию в Св. Крест (ныне Буденновск), попутно вливая в свое соединение части, разбитые под Тихорецкой и Армавиром, агитируя сниматься с фронта украинские полки. Сорокин приказал расстрелять его за неподчинение, послал 2 бронепоезда. Но их встретили наведенными батареями и вынудили уйти ни с чем. Жлоба сформировал себе новую Стальную дивизию и увел на Царицын. В гражданской войне пусть вас не смущают понятия «дивизия», «корпус», «армия». Были армии по несколько тысяч штыков, а были гигантские, как 11-я. Были дивизии в сотни человек, а были огромные — например, 25-я Чапаевская. Так и дивизия Жлобы стоила корпуса, а то и армии, насчитывая 40 тыс. штыков и сабель, что решило судьбу Царицына с 10-й армией. Впрочем, во многом предопределило и судьбу 11-й.

Возник конфликт и с таманцами. Их командующий Матвеев публично, на войсковом съезде, отказался выполнять приказы Сорокина. Его все-таки арестовали и расстреляли. Между тем положение красных ухудшалось. Силой до 15 тыс. они предприняли наступление на Кубань, ударив в стык конницы Врангеля и пехотных дивизий Казановича и Дроздовского. Им удалось потеснить марковцев, но тем временем дивизия Врангеля в 1200 сабель захватила переправы по р. Уруп, форсировала ее и пошла по тылам. Большевистский фронт покатился назад.

С востока у красных тоже бушевал пожар. Вслед за Кубанью восстало терское казачество. Отряды численностью до 12 тыс. заняли Моздок, блокировали Владикавказ и Грозный. Повстанцы установили через Кабарду связь с Деникиным, получили от него денежную помощь и инструкции. 11-я армия оказалась зажатой в районе Минеральных Вод. Реввоенсовет и партийные органы сошлись на необходимости оставить Кубань. Но возникли разногласия, куда выводить армию — на Владикавказ, на Ставрополь или на Астрахань. Сорокин, сторонник движения на Владикавказ, изо всех сил противился ставропольскому направлению, считая, что там армия попадет в ловуш-

ку. Но его противники пересилили, объясняя это мнение «диктаторскими намерениями» и желанием сохранить самостоятельность, удаляясь от контактов с 10-й, 12-й армиями и Центральной Россией. Было решено — на Ставрополь.

В Пятигорске, где собрались и советские, и партийные, и армейские центральные органы, волна за волной шли репрессии. Армейская ЧК очищала город ото всех «неблагонадежных». Производились массовые аресты. 106 самых видных заложников, в том числе женщины, старики, священнослужители, подверглись «показательной» казни. Бывший командующий фронтом генерал Рузский, генералы Дмитриев, Чижевский, Иедем, контр-адмирал Капнист, жена генерала Кухаренко, князь Шаховской... В основном из тех, кто лечился на курортах и застрял здесь. На склоне Машука их раздевали, ставили на колени, и отряд Северокавказской ЧК рубил им головы шашками.

Но истребляли, по доброй большевистской традиции, не только «чужих» — «своих» тоже. Борьба за власть в красном лагере дошла до точки. Председатель крайкома партии Крайний уже открыто говорил о необходимости «изъять Сорокина из обращения». Готовилось расформирование его штаба. Сорокин предпочел не дожидаться, пока его шлепнут. 13.10 его конвойцы арестовали Крайнего, председателя ЦИК Рубина, председателя ЧК Рожанского. И расстреляли. На другой день взяли и расстреляли членов ЦИК Дунаевского, Минькова, брата Крайнего... Постфактум их объявили деникинскими шпионами, причем сознавшимися. Не правда ли, как все знакомо? И другое знакомо. Ни один из видных большевиков, находившихся в Пятигорске, даже не пикнул! А их там было достаточно — сам С. М. Киров, член РВС Полуян, Анджиевский, Петренко. Молчали в тряпочку, только старались на глаза Сорокину не попадаться! А он продолжал изо дня в день расстреливать своих противников — члена ЦИК Власова и др.

Армия тоже на события никак не отреагировала. Она планомерно, громоздко разворачивалась для наступления. 23.10 красные двинулись на север. Участь Ставрополя оказалась предрешенной. Оборонять его было некому. Немногочисленные казаки Шкуро, ополчение из городских офицеров и чиновников несколько месяцев отражали атаки местных большевистских отрядов. Но теперь на них хлынула вся стотысячная масса армии. В Ставрополе была объявлена эвакуация. 23.10 таманцы, наступавшие в первом эшелоне, ворвались в город. Даже среди тогдашних оголтелых большевиков таманцы успели прославиться жестокостью. В Ставрополе они подтвердили эту славу. Не пощадили даже «буржуйских» детей в городских больницах, не сумевших по состоянию здоровья эвакуироваться...

А в руководстве борьба шла своим чередом. Некоторые большевики, оппозиционные Сорокину, бежали от расправы на Георгиевский участок (против терских повстанцев), руководство которого враждовало с командармом. Остальные подчинились, а втайне готовили акции против него. Киров предлагал убрать Сорокина терактом — взорвать поезд, когда он поедет на фронт. Но сделали по-другому. У Сорокина испросили разрешения на созыв чрезвычайного съезда Советов. Он дал согласие. Предварительно обработали и склонили на свою сторону уцелевших членов ЦИК, командование Та-

манской армии, Ставропольского корпуса, командиров соединений Федько, Балахонова, Кочубея, Кочергина. И 27.10 в Невинномысской фракция коммунистов, даже не дожидаясь открытия съезда, разослала якобы его постановление, в котором Сорокин отстранялся от командования и объявлялся вне закона.

Ехавший на съезд командарм узнал об этом в дороге. Он выгрузился из эшелона и верхом помчался с конвоем на фронт, к войскам. Приехав в Ставрополь, потребовал назначения комиссии для расследования его действий. Но просчитался. В Ставрополе были таманцы, самые ярые его враги после расстрела Матвеева. Его тотчас арестовали и без суда убили в камере.

А прогнозы Сорокина, как бы то ни было, начали сбываться. Конница Шкуро вышла в тыл таманцам, отрезав их от остальных сил. С Кубани сюда двинулись дивизии Дроздовского, Казановича, Боровского, Улагая, Врангеля. В первых числах ноября заняли Невинномысскую, а затем охватили Ставрополь кольцом, оттесняя другие части 11-й армии на восток. 30 тыс. «непобедимых» таманцев очутились в ловушке, и начался их разгром. Две недели длились жестокие бои. В ночь на 13.11 часть красных сумела прорваться в стыке между пехотой Боровского и конницей Улагая, уходя на северо-восток. Остальных ждала гибель — на следующий день казаки генерала Бабиева ворвались в город. Еще через двое суток уличных боев Ставрополь был взят. Проливные осенние дожди остановили преследование и не дали Деникину развить успех. Тем не менее в этих боях 11-я армия потеряла свои лучшие, самые сплоченные и еще не битые части. Основной фронт передвинулся с Кубани на Ставрополье. Естественно, несли потери и белогвардейцы. В боях за Ставрополь был ранен в ногу и скончался от заражения крови в ростовском госпитале один из лучших и любимейших командиров Добровольческой армии — Михаил Гордеевич Дроздовский.

37. БОИ ЗА ЦАРИЦЫН

В октябре 18-го донское казачество вело упорные бои на двух направлениях — Воронежском и Царицынском. Шесть красных дивизий (12 тыс. чел.) перешли в наступление от Воронежа и Таловой. Противостояли им Гундоровский и Мигулинский полки генерала Гусельщикова — 2400 штыков и сабель. Быстрым отступлением заманили противника в «мешок», а затем ударили по флангам и разгромили всю группировку. Большинство попали в плен.

В это же время войска Мамонтова вышли к Царицыну. Он исключительно удобен для обороны, что доказал и впоследствии, став Сталинградом. Естественные оборонительные рубежи и высоты, большая река, прикрывающая фланги. Системе обороны немало способствовала окружная железная дорога, по которой были пущены бронепоезда и «бронелетучки» — небольшие составы с орудиями и пулеметами на блиндированных платформах. Защищала город 10-я армия, сформированная на базе 5-й Украинской Красной армии, выведенной сюда Ворошиловым. Численность ее достигала 50 тыс. чел., значительно превосходя войска Мамонтова. Но действовали Ворошилов

и чрезвычайный комиссар Сталин так безалаберно, что постоянно ухитрялись распылять свои силы и подкрепления, собираемые правдами и неправдами. Еще в ходе боев на дальних подступах вся конница армии — части Думенко, Шевкопляса, Штейгера, Ковалева — оказались отрезаны и окружены в районе Котельникова, в 100 км от Царицына.

В критический момент город оказался к обороне не готов. Сталин с Ворошиловым по обвинению в измене расстреляли «военспецов» штаба во главе с военкомом Снесаревым, все усилия которого сами же парализовали своими распоряжениями, а затем начали осуществлять план обороны того же Снесарева, отвергавшийся ими ранее. Тысячи «буржуев» и «нетрудовых элементов» согнали на рытье окопов. Строилась сплошная полоса укреплений, упирающаяся флангами в Волгу — на севере в районе поселка Гумрак, на юге — в районе колонии Сарепта. Был издан приказ типа «ни шагу назад» — расстрел за отход с позиций. Не доверяя стойкости войск, угнали вниз по Волге все лодки и пароходы, лишая обороняющихся самой возможности отступления.

Поколотив и раскидав большевиков на дальних рубежах, Мамонтов вышел к основной линии обороны. Два красных полка, состоящие из мобилизованных крестьян, попытались сдаться. Но казаки приняли столь массовое движение в свою сторону за атаку и встретили огнем. Крестьяне заметались, расстреливаемые с двух сторон, были разоружены красными и отведены в город. Как с ними поступили, остается лишь догадываться. Дни, а может, и часы Царицына были сочтены. 16.10 начался штурм.

При поддержке бронепоездов и бронемашин донцы наступали пятью колоннами. Бой кипел по всему полукольцу фронта. Атаки отбивались благодаря огню «бронелетучек» и поездов, непрерывно курсирующих вокруг города. Несмотря на это, северной колонне удалось занять Гумрак, а в центре казаки вклинились между красными дивизиями и на пятикилометровом участке перерезали окружную железную дорогу. Прорыв наметился и на южном фланге, где колонны казаков совместно с Астраханским офицерским полком и калмыками Тундутова основательно потрепали 38-ю дивизию большевиков. Но здесь же решился и исход сражения... Накануне ночью к Царицыну подошла 40-тысячная Стальная дивизия Жлобы, самовольно уведенная им с Северного Кавказа. В разгар штурма эта масса обрушилась с тыла на южную колонну. Белые части были разгромлены. Раненых большевики добивали прямо на поле боя. Соединившись с 38-й дивизией, жлобинцы развернулись и вошли в боевые порядки 10-й армии.

Тем не менее на следующий день Мамонтов попытался продолжить штурм на центральном участке, в месте прорыва железной дороги. Однако за ночь красные произвели перегруппировку. Сюда, на столь явно наметившийся участок атаки, была переброшена вся артиллерия, 27 батарей. И более 100 орудий встретили ураганным огнем атаку донской Молодой бригады. Понесся большие потери, белые откатились назад. (Этот бой имел еще одно печальное последствие в будущем — Сталин возлюбил Кулика, командовавшего царицынской артиллерией, и, придя к власти, сделал его крупным военачальником.

И сколько же бед наделал маршал Кулик в Отечественную, сколько народу положил из-за своей абсолютной бездарности!) А через два дня 2-й кавалерийский полк Стальной дивизии (сам величиной с хорошую дивизию, 3 тыс. сабель) ударил на юг и прорвал окружение, в котором пребывала конница 10-й армии. Мамонтов вынужден был отойти от города.

В ноябре наступление на Царицын повторилось. Одновременно возобновились успехи на Воронежском фронте. И вновь здесь отличился Гундоровский полк. Полк этот был особенным. Выставила его богатая и процветающая Гундоровская станица (ныне г. Донецк). Она славилась по всему Дону своим товариществом, патриотизмом, начинаниями. Например, в Гундоровской действовало Высшее политехническое училище, основанное по почину станичников на их средства. В войну большинство гундоровцев служили в 10-м полку, многократно отличавшемся на фронте и входившем в состав 3-го конного корпуса. И в гражданскую созданный в станице полк зарекомендовал себя как лучший. Его даже трогать не стали при реформировании станичных частей в номерные. В качестве отличительного знака гундоровцы носили в петлицах георгиевские ленты — большинство их были Георгиевскими кавалерами за мировую войну, а многие имели по 2, 3 и даже 4 креста. Численность полка, в зависимости от потерь, колебалась от 1 до 2,5 тыс. чел. Но пополнялся он не по мобилизациям. Когда количество бойцов в строю слишком уменьшалось, писали в станицу: «Нас мало, высылайте пополнения». И шли на подмогу добровольно станичники, невзирая на возраст. Это был поистине былинный, народный полк, не знавший ни дезертирства, ни трусости. Красноармейцы предпочитали с гундоровцами не встречаться. Боялись самого названия. А некоторые, узнав, что перед ними гундоровцы, считали не зазорным поднять руки.

В начале ноября полк нанес мощный удар красным у слободы Васильевки. Противник, подтянув резервы, в том числе ударные коммунистические батальоны, ответил контрнаступлением. Гундоровцы не дрогнули, опрокинули красных во встречном бою и разгромили, захватив 5 тыс. пленных. Генерал Денисов мгновенно среагировал на эту победу, и в брешь, образовавшую в красном фронте, направил дополнительные силы. После упорных боев казаки заняли г. Бобров, а вслед за ним узловую станцию Лиски. Они были уже в 35 км от Воронежа, заняв больше половины губернии.

Но тут последовал очередной удар с севера. На этот раз — широкомасштабная операция, для руководства которой приехал лично Троцкий. В Тамбовской и Саратовской губерниях собрали сильный армейский кулак, влив в него казаков Миронова. Численность группировки достигала 40 тыс. при 110 орудиях. Троцкий, выступая перед красноармейцами, призывал их покончить с Доном, очистить его от казачества, забрать хлеб и уголь. Эта армия вторглась в Хоперский и Усть-Медведицкий округа. Тут фронт держали всего 8 тыс. казаков. Их оборона была смята. Большевики начали растекаться по донской земле. Но эту попытку нового нашествия еще удалось отразить. Краснов и Денисов пожертвовали успехами под Воронежем и лучшие части перебросили для ликвидации прорыва. Был приостановлен и натиск на Царицын. Конница Мамонтова тоже двинулась на север.

Смелыми маневрами, угрозой фланговых ударов неприятеля остановили. Миронов дважды понес серьезные поражения под Усть-Медведицкой, и к середине ноября красных выбросили из северных округов.

Опять вроде бы счастье улыбалось казакам. Они контролировали три пятых Воронежской губернии, на 12 км подступили к Камышину, держали под угрозой Царицын. Но Дон уже выдыхался. На него бросали группировку за группировкой, били одних — сюда слали других. А казаки на фронте оставались одни и те же. Сменить части, чтобы дать им отдых, было нечем. Свежих сил взять было негде. К зиме снова пришлось объявить всеобщую мобилизацию от 19 до 52 лет. В большинстве семей кто-то был убит или ранен. Все годные лошади были отданы фронту. Туда же шло мясо, хлеб, одежда. До зимы Краснов стремился закрепиться на удобных рубежах. Главной угрозой представлялся Царицын, нависший на западном берегу Волги постоянным источником опасности. Сюда направлялись вновь формируемые части Молодой армии — 3-я Донская дивизия, 2-я стрелковая бригада. Попытки ни к чему не привели. Не было тяжелой артиллерии, чтобы подавить огонь многочисленных царицынских батарей, щедро снабжавшихся снарядами по Волге. Да и казаки с детства готовились к маневренной, полевой войне. Прорывать укрепленные полосы они никогда не учились и не умели.

Царицын стоял. А обороняющие его Сталин с Ворошиловым фактически несколько раз сменили состав своей армии. За время царицынской обороны они ухитрились потерять 60 тыс. человек. Что попытались поставить себе в заслугу, как показатель «героизма». И за это были выдраны Лениным в качестве «военной оппозиции». Сталина отозвали на другие участки, а Ворошилова сняли с командования армией. И направили наркомом внутренних дел на Украину — видимо, посчитали, что на этом посту его отношение к бывшим офицерам придется как раз кстати.

38. БОЛЬШИЕ ПЕРЕМЕНЫ

В августовских боях на Западном фронте Германия была окончательно разгромлена. Последняя ее ставка на взятие Парижа и выгодный мир оказалась битой. Войска держав Согласия наступали, доламывая врага. Исход мировой войны уже ни для какой «ориентации» не мог вызывать сомнений. 29 сентября капитулировала Болгария, 30 октября — Турция, 3 ноября — Австро-Венгрия.

И большевики не могли не отдавать себе отчет в том, что должно было произойти. И для них, и для их противников казалось само собой разумеющимся, что после поражения Центральных держав Совдепия окажется лицом к лицу со всем мировым сообществом. Одна против всего мира. Никто ведь не мог предположить, что западные демократии поведут себя совершенно иначе. Выход большевики видели только один. И делали ставку на свою старую козырную карту — мировую революцию. Надо заметить, что не без оснований. Симптомы шатаний и усталости в армиях были общими. Еще в 17-м произошли крупные беспорядки во французских частях, некоторые полки

даже пытались двинуться на Париж, но выступление было энергично подавлено Клемансо. В частях ввели военно-полевые суды, зачинщиков мятежей расстреляли, в столице арестовали свыше тысячи человек, в том числе несколько министров. Революция не состоялась.

Не все ладно было в войсках Центральных держав, тем более что большевики почти год усердно заражали своей пропагандой возвращаемых австро-германских пленных и оккупационные силы. Осенью эта работа резко усилилась. Полпред в Берлине Иоффе развил бурную подрывную деятельность в самой Германии, активизируя левые социалистические группировки, почти в открытую разлагая армию и народ, в случае революции беззастенчиво обещая из России продовольствие и другие блага, в которых нуждались немцы. Лихорадочно меняла курс и Германия. Наконец-то взяло верх крыло, утверждавшее, что с Совдепией пора кончать. Дьявол, выпущенный из бутылки спецслужбами, уже ничем не мог быть полезным Германии, сохраняя всю опасность для нее.

Последнее имперское правительство принца Макса Баденского уже в конце октября повело линию на разрыв с большевиками. Распоясавшегося Иоффе выдворили, отозвав своего посла из Москвы. Разрабатывался план в ближайшие недели разорвать Брестский договор, благо поводов Советы давали достаточно, двинуть войска с Украины и Прибалтики, занять Москву, Петроград и сбросить коммунистов. План сулил колоссальный выигрыш. Немцы стали бы для всей России освободителями от кошмара. В послевоенной Европе Германия приобретала сильного союзника, обязанного ей свободой и своим существованием, что могло значительно компенсировать стратегические потери грядущего мирного договора, да и смягчить условия мира.

Планам не суждено было сбыться. Последовало не просто поражение, а через революцию, грянувшую 6 ноября. Вильгельм отрекся от престола и выехал в Нидерланды. Власть перешла к социал-демократической Директории во главе с Эбертом, параллельно которой образовалась вторая власть — Революционный комитет. В войсках стали возникать солдатские советы. Правда, Эберт оказался позубастее Керенского или учел русский опыт, не дал Германии скатиться в пропасть. Восстание левых («спартакидов») в Берлине было решительно подавлено верными войсками, а вожди немецкого большевизма К. Либкнехт и Р. Люксембург были однажды найдены в канаве убитыми неизвестно кем. Тем не менее бывшая Германия рухнула.

Совершился катаклизм мирового масштаба. Изменилось не просто соотношение сил. В считанные недели изменилась до неузнаваемости карта мира. Одним махом, как в калейдоскопе. В зоне германской оккупации возникли новые государства — Эстония и Латвия в дополнение к уже существовавшим под германским протекторатом Литве, Украине, Польше (Россия признала независимость Польши в 17-м, при Временном правительстве). Теперь Польша впитала территории из состава Германии, Австро-Венгрии и России.

Австро-Венгерская империя развалилась. На ее месте образовались несколько государств — Австрия, Венгрия, Чехословакия, Западно-Украинская Народная республика (Галиция) — из австро-венгерских земель, населенных украинцами (охватывала нынешние Тер-

нопольскую, Львовскую, Ивано-Франковскую области и часть Польши). Хорватия, Босния, Словения и Герцеговина отошли к Сербии. После объединения с союзным королевством Черногория и присоединения Македонии, аннексированной у Болгарии, образовалось королевство СХС (сербов-хорватов-словенцев), позже — Югославия.

Турция, также стоящая на грани развала, а кроме того, запятнавшая себя чудовищными преступлениями (такими, как армянский геноцид 1915 г., когда были вырезаны 2 млн. человек), согласно Мудроскому договору подлежала расчленению. Из нее выделялись самостоятельные Ирак, Сирия, Ливан, Палестина. А сама Турция делилась пополам по реке Кызыл Ирмак. На восток от нее должно было образоваться армянское государство, включающее нынешнюю Армению и Восточную Анатолию, а на запад от реки устанавливались зоны союзного контроля — Франции, Италии и Великобритании.

Правящая партия младотурков пыталась удержать Восточную Анатолию, сколачивая здесь добровольческие части и сформировав правительство. Против него начали войну Грузия и Армения, развернули наступление на юг и разгромили неустойчивые войска неприятеля. Армяне заняли Карс, грузины — Ардаган и Артвин. Младотурецкое правительство было арестовано и выслано на Мальту. А Грузия с Арменией в декабре начали войну между собой. Азербайджан, опасаясь, что ему аукнется теперь союз с Турцией, переориентировался на Англию и вел с ней переговоры. А Нури-паша, турецкий командующий, в Азербайджане, поступил вообще оригинально. Из верных солдат он сколотил двухполковую бригаду и пошел на север. Недолго думая оседлал железную и шоссейные дороги, связывающие Северный Кавказ с Закавказьем в том месте, где Кавказский хребет приближается к Каспийскому морю, и принялся царствовать здесь, в крепости Джарги-Капы. Задерживал все поезда и караваны, взимал с них дань, пропускал или не пропускал по своему выбору. Когда с севера или с юга его собирались бить — уходил в горы, а потом возвращался и продолжал «воевать» по-прежнему.

Интересен факт, что правящий в Турции триумвират партии «Иттихад» — Энвер-паша, Джемаль-паша и Талаат-паша — за преступления против человечества был приговорен международным трибуналом к смертной казни. Заочно, т. к. все лидеры бежали. Министр внутренних дел Талаат — в Германию, инкогнито (был там убит армянским боевиком). Военный министр Джемаль — в панисламистский Афганистан. Неоднократно приезжал в Россию, встречался с Фрунзе и Куйбышевым. (И убит был во время такого визита, тоже армянским боевиком). А главный военный преступник, премьер-министр Энвер бежал в Совдепию, попросил политического убежища. Встречался с Лениным и даже получил разрешение заниматься политической деятельностью — в 1920-м участвовал в конгрессе народов Востока, выступал там, отмечая заслуги Советской России, освободившей мусульманские народы на своей территории от «имперского гнета».

Окончание мировой войны резко изменило и картину гражданской войны в России. С одной стороны, поражение Германии и Турции открыло доступ союзникам в Черное море. Закончилась изоляция Добровольческой армии, теперь она получила возможность регу-

лярных сообщений с Европой, Сибирью, русским Севером. Белые войска могли получить материальную помощь. Появились реальные надежды на то, что мировое сообщество поможет освобождению России от большевизма. С другой стороны — это были еще только надежды. А фактически австро-германские войска, хотя и в своих собственных интересах, охраняли от коммунизма и Украину, и западные области, поддерживали там внутренний порядок. Теперь эта охрана исчезала. Оккупационные войска стремительно разлагались. Деникин вспоминает, что группа немецких офицеров обратилась к нему с просьбой о зачислении в Добровольческую армию! Они просто испытали на себе то же, что русские офицеры в 17-м, и поняли необходимость борьбы с большевизмом, независимо от национальности... Огромные территории с уходом германцев оставались беззащитными.

Вопрос об интервенции Антанты в России довольно сложен с юридической, политической и исторической точек зрения. Особенно, если учесть, что никакой интервенции, собственно, и не было. Концепция «расчленения» России иностранцами является, конечно, домыслом коммунистических историков. Англо-французский меморандум Бальфура о разделе «сфер влияния», на который они обычно ссылаются, касался финансовых вопросов. В нем лорд Бальфур писал: «Если французы возьмут на себя задачу финансирования антисоветских сил на Украине, то мы могли бы изыскать деньги для других. Несомненно, что США присоединятся к этому процессу». На основе этого меморандума 23.12.17 было заключено соглашение: «...Зоны влияния, предназначенные каждому из правительств, будут следующими: английская зона — территория казаков, территория Кавказа — Армения, Грузия, Курдистан. Французская зона — Бессарабия, Украина, Крым. Общие расходы будут определяться и регулироваться межсоюзническим централизованным органом». Но в 1917 г. отделенные фронтами, связанные войной союзники об оккупации думать не могли. А потом говорить о каком-то расчленении было бы просто глупо — Россия уже сама собой расчленилась на множество частей.

До ноября 18-го года все действия стран Согласия были подчинены ходу мировой войны. После Бреста Совдепия стала фактическим союзником Германии, обеспечивая ее ресурсами для продолжения войны и возвращая пленных солдат, что абсолютно противоречит нормам нейтралитета. Поэтому высадка десантов в Мурманске, Архангельске, Владивостоке была вполне закономерной — чтобы отгруженное в эти порты громадное количество военных материалов не уплыло к врагу. Кратковременная высадка в Баку — чтобы преградить путь к нефти туркам. Да и декорум законности обычно соблюдался. В Мурманске — по соглашению с местным совдепом, в Баку — по приглашению Баксовета, в Закаспии — правительства Фунтикова. Когда восстал чешский корпус, то опять же к нему обратилось за содействием правительство КомУча. «Законность» же этих правительств была если не большей, то и не меньшей, чем коммунистического.

Не стоит забывать, что и большевики для решения «внутренних» вопросов широко использовали иностранные войска, наемников-латышей, китайцев, отряды из бывших немецких и венгерских пленных. И было их отнюдь не мало. В Сибири, на Урале в белогвардей-

ских боевых донесениях часто пишется о «германо-большевистских» войсках. А на некоторых участках, например, под Никольск-Уссурийском в боях против казаков и чехов, такие «интернационалисты» составляли подавляющее большинство красных сил.

Но вот мировая война закончилась, и со второго плана на первый выплыл вопрос отношения к России. Точнее — к той каше, что творилась на ее территории. Предпосылки к вмешательству были. Первая — международная опасность коммунизма. Напомним, что тогда он главной целью ставил мировую революцию, и лидеры Совдепии отнюдь не скрывали этого. Большевизм сам по себе являлся сильнейшим источником военной опасности. Самые умные люди за рубежом видели это. Военный министр Великобритании У. Черчилль призывал «задушить коммунизм в его колыбели». (Сейчас эта фраза уже не кажется такой кровожадной, как раньше, правда?) В справке восточного отдела французского Генштаба говорилось: «Если Антанта хочет сохранить плоды своей победы, добытой с таким трудом, она должна сама вызвать перерождение России путем свержения большевизма и воздвигнуть прочный барьер между этой страной и Центральными державами. Интервенция, преследующая эту цель, является для нее жизненно необходимой».

А вот американский президент Вильсон выражался уже более округло: «Яд большевизма только потому получил такое распространение, что является протестом против системы, управляющей миром. Теперь очередь за нами, мы должны на мирной конференции отстоять новый порядок, если можно добром, если потребуется — злом». Таких прозорливых, как Черчилль, было меньшинство. В основном коммунистическая опасность рассматривалась не как глобальный, а как сиюминутный фактор. А кому она угрожала непосредственно? Англии, если заразит ее зоны влияния в Азии. Франции — лишь косвенно, если коммунизм перекинется во взбаламученную Германию. США эта опасность не угрожала. Да и вообще США из «второсортных» только-только вошли в ряд ведущих мировых держав, еще не освоившись в этой роли. С точки зрения непосредственной опасности была и альтернатива — просто не пускать большевизм к себе, окружить его прочным барьером дружественных стран-сателлитов.

Вторая предпосылка вмешательства: Россия, как-никак, входила в содружество Антанты. Речь шла о помощи государству, связанному союзными договорами с теми же Англией, Францией, США. О помощи, как при стихийном бедствии, да и союзники были многим России обязаны. Ценой огромных потерь она неоднократно спасала их от разгрома и в 14-м, и в 15-м, и в 16-м годах, оттягивая на себя немецкие войска. Русские экспедиционные корпуса воевали во Франции, на Балканах и в составе британских войск в Персии — это же не было интервенцией. Белые правительства Колчака и Деникина, считая себя правопреемниками России, полагали в полном праве рассчитывать на ответную помощь. Даже не бескорыстную! У Колчака находился золотой запас, которым он мог расплачиваться. Да и у Германии союзники отобрали 320 млн. руб. золотом, выплаченных ей большевиками в счет контрибуции по Брестскому договору.

Но с точки зрения Большой Политики для Франции восстановление России было безразлично. После разгрома Германии она в силь-

ном союзнике на континенте вроде не нуждалась, разве что на будущее. А для Великобритании усиление России было просто вредным, мешая ее влиянию на Балканах и Ближнем Востоке. Зато развал России давал возможность усилить это влияние, охватив им и зону Прибалтики. Глава британского правительства Ллойд-Джордж прямо заявлял в парламенте: «Целесообразность содействия адмиралу Колчаку и генералу Деникину является тем более вопросом спорным, что они борются за единую Россию. Не мне указывать, соответствует ли этот лозунг политике Великобритании. Один из наших великих людей, лорд Биконсфилд, видел в огромной, могучей и великой России, катящейся подобно глетчеру по направлению к Персии, Афганистану и Индии, самую грозную опасность для Британской империи».

Вмешивался мощный парламентский фактор. В демократической коалиции Запада парламенты играли определяющую роль, а в парламентах Англии и Франции значительную часть составляли социалисты. Пока шла война, они помалкивали, а потом подняли гвалт, требуя от своих правительств невмешательства во «внутренние русские дела», отзыва солдат с чужой территории и запрещая «военщине» мешать «социальному эксперименту в России».

Для большевиков положение стало двояким. С одной стороны — реальный страх перед вторжением Антанты. С другой стороны, вторжение грозило только в перспективе. А пока замаячила другая перспектива, голубая большевистская мечта — мировая революция! Уже 5.11, получив известие о событиях в Германии, Ленин писал: «Необходимо направить все усилия для того, чтобы как можно скорее сообщить это немецким солдатам на Украине и посоветовать им ударить на красновские войска». Ну это, предположим, было из области фантастики. Не настолько уж идейными революционерами были немецкие солдаты (как и большинство русских солдат в 17-м), чтоб с войны идти на войну. Но ведь имелись и собственные войска. К этому времени у коммунистов были уже не прошлогодние группировки по несколько тысяч штыков, а полуторамиллионная Красная армия. И была она уже не прошлогодними партизанскими разгуляй-бандами. Укреплялась дисциплина, большинством армий и фронтов уже командовали опытные офицеры и генералы, привлеченные кто по мобилизации, под угрозой расстрела, а кто и по карьерным или идейным соображениям.

И продолжалась мобилизация, чтобы перенести новый кошмар войны в Европу. Ленин писал: «Армия в три миллиона должна у нас быть к весне для помощи международному рабочему движению». Немедленно после революции в Германии большевики разорвали Брестский договор. А 26.11 ЦК РКП(б) принял постановление о переходе в наступление на всех фронтах.

Большевики боялись интервенции панически. Направь на них Антанта войска — все было бы быстро кончено. Могла ли Красная армия выдержать серьезное столкновение с кадровыми, хорошо обученными и вооруженными войсками? Опыт боев с немцами и даже с нищими добровольцами показал — нет. Сами красноармейцы заявляли, что не могут же они воевать против целого мира. Но вместо интервенции, вместо решительного удара большевики в январе 19-го получили неожиданный подарок Совета Десяти (Совета держав-побе-

дательниц) — предложение провести при посредничестве союзников мирную конференцию на Принцевых островах в Мраморном море с участием советского и всех белогвардейских правительств. Для установления мира и гражданского согласия в России... Это после всех ужасов и злодеяний, учиненных коммунистами! Наверное, трудно придумать большую нелепость, большее доказательство слепоты и непонимания русской действительности. Естественно, большевики ухватились за эту идею с радостью! Да они к любому миру с иностранцами были готовы, любой «второй Брест» могли подписать, только бы у власти остаться!

Ну а белые правительства Колчака, Деникина, Чайковского, естественно, от любых переговоров с этой нечистью отказались. Чем дали повод тем же западным парламентам поднять новую волну протестов, поскольку теперь советская сторона выглядела миролюбивой и гуманной, а белая — злобной кликой фанатиков, не принявших жеста доброй воли. И, наконец, Советом Десяти в Париже в апреле 1919 г. было принято решение о невмешательстве в русские дела... Иностранные войска выводились из России, а те, что оставались, не принимали участия в боях. Несли гарнизонную службу, вроде нынешних наблюдателей ООН. Мюнхен не был первым опытом умиротворения агрессора. Задолго до него была Парижская конференция, отдавшая «для предотвращения войны» на растерзание большевикам Россию.

Помощь Белому Движению была — все же были и у него сторонники среди политиков. Да и упомянутые уже факторы — угроза большевизма соседям, опасность для Антанты русско-немецкого сближения — не сбрасывались со счетов. Но размеры этой помощи сильно преувеличивались советскими историками т. к. иначе было бы невозможно объяснить, как «горстка эксплуататоров» могла несколько лет сражаться против всего «народа» и побеждать его. Помогали снабжением, хотя и далеко в недостаточных размерах. Для союзников это было не столь уж обременительно. После войны остались огромные запасы, которые не окупали расходов по своему хранению и подлежали срочной ликвидации. В общем, можно сказать, что западные державы проявили полнейшее непонимание России, поразительную слепоту и безалаберность. Пользы существенной не принесли, зато дров наломали...

39. РАСПАД УКРАИНЫ

Несмотря на кажущееся спокойствие, Украина в 18-м представляла собой паровой котел, в котором росло и росло внутреннее давление. Гетман Скоропадский прекратил анархию, приказав вернуть землю, расхищенный скот и инвентарь законным владельцам, в том числе помещикам. Тем самым он немедленно восстановил против себя крестьянство. Возникавшие при этом проявления недовольства и бунты быстро подавлялись австро-германцами, что вызывало нарастающее озлобление.

Начали образовываться стихийные партизанские отряды различных «батек», самым значительным из которых был Нестор Иванович Махно. Молодой человек (28 лет), идейный разбойник. Уже в 13-лет-

нем возрасте был осужден за убийство. Вынырнул в Екатеринославе (Днепропетровск) уже анархистом в 1905 г., участвовал в «экспроприациях». Дальше в его биографии сплошной туман, а в 17-м он объявился председателем Совдепа в Гуляй-Поле. Еще за полгода до Октября он выгнал комиссаров Временного правительства, пытался организовать что-то вроде анархической коммуны. Постепенно под его крылышком скапливались шайки дезертиров, «идейных борцов» и бандитов различного сорта, окончательно распоясавшиеся после большевистского переворота. Побитый дроздовцами и оккупационными войсками, Махно уехал в Россию. Был в Москве, встречался с Лениным, но не сошелся с ним во взглядах. Махно был противником партийной диктатуры и централизации, считая, что все вопросы должны решаться только местными Советами. Вернувшись в родные места, создал партизанский отряд. Налеты на поместья и экономии, победы в стычках с оккупантами и гайдамаками принесли Махно широкую популярность среди крестьян. Он стал народным героем и к осени контролировал значительную территорию со столицей в Гуляй-Поле, управляемую «вольными Советами» и батькой.

Плела свои интриги свергнутая Центральная Рада во главе с Винниченко, соблазняя тех же крестьян отмененными универсалами о социализации земли, а горожан — перспективами независимой социалистической Украины. Города были переполнены беженцами из Совдепии и, соответственно, мешаниной партий от черносотенцев до эсеров и меньшевиков. Работали белогвардейские вербовочные бюро: деникинские, периодически закрываемые немцами; Южной армии, поддерживаемые немцами; и Астраханской, контролируемые немцами.

Свободно действовали большевики. С лета в Киеве сидела советская делегация во главе с Раковским, которая вела с Украиной переговоры. Вопросы, затрагивающие интересы Германии — передача Украине большого количества паровозов и вагонов, урегулирование железнодорожного сообщения, — решились удивительно быстро. А решение вопроса о границах затягивалось до бесконечности. Зато большевистская делегация успешно работала по созданию подпольных коммунистических организаций. А когда в октябре две такие крупные организации, в Киеве и Одессе, были выявлены и арестованы, обнаружилась их связь с украинскими националистами и... с немцами. (И немудрено, ведь Раковский еще в 17-м был разоблачен как штатный австрийский шпион.) В результате под давлением немцев арестованных коммунистов выпустили на свободу.

Когда крах Германии стал неизбежным, Скоропадский заметался в поисках союзников. Он пытался помочь созданию Южной армии, оказавшейся небоеспособной. 2.11 встретился с Красновым. Они приняли решение о создании оборонительного союза с Деникиным, Кубанью, Грузией и Крымом. Гетман начал искать через третьих лиц контакты с Добровольческой армией, Кубанской Радой. Готовился указ о мобилизации в украинскую армию, предварительно намеченный на 15.11. Менялась общая политика Украины — от самостоятельности к федерации с Россией. Гетман распустил националистический кабинет министров и созвал русофильский во главе с С. Н. Гербелем.

Но все меры запоздали. 9.11 вспыхнула революция в Германии, и Украина взорвалась. В немецких войсках образовались солдатские советы, они немедленно потеряли боеспособность, давая себя обезоруживать крестьянам или продавая им оружие, вплоть до артиллерии. Повстанцы начали сколачиваться в отряды. 18.11 в Белой Церкви созвали съезд лидеры Центральной Рады. Под предлогом измены гетмана украинской независимости они призвали народ к восстанию и свержению Скоропадского. Провозглашалась республика во главе с Директорией в составе Винниченко, Петлюры, Швеца и Андриевского.

Ядром войск Директории стал полк «сичевых стрельцов» Коновальца, созданный из западных украинцев и входивший в состав австрийской армии. То есть силы были мизерные, но они тут же стали возрастать за счет стихийных повстанцев. Причем этим повстанцам ни до национальной, ни до республиканской программы Директории дела не было. Просто движение петлюровцев совпало с антигерманскими и антигетманскими настроениями. Примыкали крестьяне, рассчитывая снова забрать и переделить землю. Примыкали анархические банды в надежде погулять и пограбить. Петлюровцы начали движение на Фастов и Киев.

Противостоять им... было некому. Ведь немцы до последнего момента не дали гетману создавать регулярную армию. Его немногочисленные опереточные части, «сердюки» да «гайдамаки», едва направляясь на фронт, тотчас разбегались или переходили на сторону Директории. В Харькове признал ее власть полковник Болбочан, объявил себя атаманом и потребовал от Дона убрать гарнизоны из угольного района. Один за другим признавали Директорию города, сдаваясь бандам местных «петлюровцев», которые к Петлюре с Директорией никакого отношения не имели.

У Скоропадского оставались штабы корпусов, дивизий и армий без солдат. В Киеве началось формирование добровольческих отрядов. Та самая булгаковская «Белая гвардия». Командование поначалу принял генерал от кавалерии Федор Артурович Келлер, уже пожилой, но боевой начальник, «первая шашка России». Участник трех войн, русско-турецкой, русско-японской и мировой. Творил чудеса, лично водил казаков в кавалерийские рубки. Был награжден орденами Св. Георгия 4-й и 3-й степени, Золотым Георгиевским оружием с бриллиантами. Для подчиненных был чуть ли не богом. Несмотря на немецкое происхождение, был русским в доску, до такой степени русским, что мог написать в официальном приказе: «Если не можешь пить рюмки — не пей, если можешь ведро — дуй ведро». Был убежденным монархистом, и после Февраля присягать Временному правительству отказался, сдав свой 3-й конный корпус Крымову. Жил в Харькове. По согласованию с Деникиным он собирался ехать в Псков, принять командование Северной армией, не имевшей авторитетных командиров. Но застрял в Киеве, застигнутый событиями. Гетман передал ему всю полноту власти на Украине. Но вскоре Келлер от поста отказался, поскольку в киевской неразберихе о какой-либо полноте власти говорить было смешно, а украинский совет министров подчиняться командующему не собирался.

К 20.11 фронт установился под Жулянами и Бояркой в 10—15 км от Киева. Командовал им генерал-лейтенант Долгоруков, а держали его такие «части», как Ольвиопольский гусарский полк (20 пеших офицеров), Кинбурнский драгунский полк (15 пеших офицеров), добровольческие отряды по 10—30 чел., наспех сколачиваемые и высылаемые на позиции. В снегах, на морозе, с одними винтовками — вся артиллерия была в разбежавшихся или изменивших сердюцких полках. Общая численность гетманской Белой гвардии не превышала 3 тыс. чел. Это и на фронт, и на поддержание порядка в городе.

Наложились и другие пагубные факторы. Как зачатки «регулярной» украинской армии создавались сверху, со штабов, так и в Белой гвардии в первую очередь раздулись штабы, совершенно не оправданные при ее малочисленности. В отличие от Дона и Кубани, в мирном Киеве собиралось то офицерство, которое искало тихий уголок, а отнюдь не подвиги, и куда больше здесь оказалось желающих правдами и неправдами улизнуть от фронта. И когда одни замерзали под Жулянами, другие продолжали браво сверкать золотом погон в ресторанах Крещатика. Да и толковое управление киевской Белой гвардией за короткое время ее существования так и не было налажено.

Келлер, а за ним Долгоруков объявили, что их войска входят в состав Добровольческой армии Деникина и признают его верховное командование. Правда, сам Деникин об этом даже не подозревал и узнал лишь постфактум, когда от новых подчиненных мало что осталось. Правительство гетмана пыталось теперь установить контакт с державами Антанты, представители которых находились в Яссах. Переговоры вроде бы начались успешно. Союзники обещали поддержать гетмана, в Киев должен был приехать французский консул Энно. Командующий войсками в Румынии генерал Бертелло обещал, что к 3 декабря в Одессе и Жмеринке сосредоточится дивизия союзников, к 10-му придут еще 2 дивизии, а к середине декабря — еще 2—3... Вот тут-то и выявилась разница между немецким авторитаризмом и парламентской демократией. Если немцы говорили «нет», это было «нет». Но если говорили «да», то следовала команда, выполнявшаяся четко и в поставленные сроки. В отношениях же с Антантой обещания еще ничего не значили. Все вопросы предстояло утрясать в правительстве, в парламенте, на решения влияли мнения тех или иных партий, «политический момент».

И помощь Украине была отложена в долгий ящик. Правда, союзники потребовали от побежденной Германии временно задержать здесь ее войска для поддержания порядка. Но оккупационные войска уже стали неуправляемыми. 28.11 немецкий «Зольдатенрат» (солдатский совет) заключил с Директорией перемирие, согласно которому войска гетмана отводились с позиций в Киев, а петлюровцы — на 30 км от Киева. Такое перемирие заключалось даже без ведома гетмана и Долгорукова, да и оно не соблюдалось, выразившись в одном — немцы бросили охрану города. Целые части отдавали повстанцам оружие, а Петлюра за это подавал им эшелоны для отправки на родину.

Еще держалась Белая гвардия — примерно по 1 человеку на километр фронта. А к Петлюре со всех концов Украины стекались банды, желающие погулять в Киеве. Гетман пытался объявлять мобили-

зации, с 1 декабря — 20-летних, с 8-го всех мужчин 20—30 лет. Этих распоряжений уже никто не выполнял. Петлюровцы стали засыпать фронт снарядами, а 13.12 перешли в наступление. Помощи ждать было неоткуда. Обещанными союзными войсками и не пахло. Как Скоропадский во время своего правления вертелся туда-сюда, проявляя полнейшую беспринципность, так и его окружение отвернулось от него в трудную минуту. Совет министров через секретаря французского консульства Мулена вступил с Петлюрой в переговоры, обещав сдать Киев в случае пропуска Белой гвардии с оружием на Дон. 14-го при содействии немцев Скоропадский бежал. Вслед за ним скрылся и командующий ген. Долгоруков. Совет министров передал «всю власть» городской Думе. Остатки фронта рухнули, и в Киев вступили петлюровские войска.

Началось хулиганство, грабежи, убийства — в основном офицеров. Был убит «при попытке к бегству» и генерал Келлер. Его бриллиантовую Георгиевскую саблю торжественно преподнесли Петлюре, въехавшему в город на белом коне. Следует отметить, что при петлюровцах бесчинства носили не централизованный, а стихийный характер. Убивали украдкой, исподтишка. Часто — с целью грабежа. Всего за полтора месяца были убиты около 400 человек. 4 тысячи пленных и арестованных разместили в Педагогическом музее. Большую часть потом отпустили, некоторые разбежались, а оставшихся 600 чел. по заступничеству немцев разрешили вывезти в Германию.

Петлюровцы были крайне неоднородны. Так, галицийские «сичевые стрельцы» Коновальца отличались высокой дисциплиной, безукоризненным обмундированием, удивляли обывателей неизменной вежливостью и даже считали своим долгом предупреждать прохожих, куда не следует идти, чтобы не попасть в облаву. Но это было лишь центральное ядрышко, вокруг которого колыхались мутные волны анархии. Хулиганье старалось снять сливки с понаехавших в Киев при гетмане богатых беженцев, устраивая самочинные налеты и реквизиции. По всей Украине шли еврейские погромы.

Директория издала декларацию о «земле и воле», восстановив универсалы Центральной Рады о социализации земли. Пошла новая волна погромов помещичьих экономий, столкновений между крестьянами за земельный передел. Крайне левый лидер Директории Винниченко принялся соревноваться в левизне с большевиками. Были объявлены выборы в представительный орган, Трудовой Конгресс, причем избирательные права предоставлялись рабочим, крестьянам и «трудовой интеллигенции». А к трудовой интеллигенции причисляли лишь сельских учителей и фельдшеров. Врачей и городских учителей уже относили к буржуазии. Шла волна национализма и русофобства. Лица, не владеющие «рідной мовой», изгонялись из учреждений. В своей декларации новая власть писала: «Директория решительно будет бороться с провозглашенными бывшим гетманом лозунгами федерации с Россией... Всякая агитация и пропаганда лозунгов бывшего гетмана о федерации будет Директорией караться по законам военного времени».

Между тем галицийские войска — единственные, кто идейно сражался за «освобождение украинского народа», — войдя в Киев,

были весьма озадачены, поскольку очутились в совершенно русском городе. Чтобы исправить сие упущение, был издан приказ об украинизации вывесок. Русский язык не допускался даже наряду с украинским (вывески на иностранных языках разрешалось оставить). На несколько дней Киев превратился в малярную мастерскую — закрашивали, исправляли. Особые патрули проверяли исполнение приказа и орфографию, отыскивали ошибки у не знающих украинского языка владельцев.

Но карикатурная кампания с вывесками стала единственным мероприятием, реально проведенным в жизнь Директорией. Украина пошла за ней, чтобы скинуть гетмана, а вовсе не для того, чтобы ей подчиняться. Да и недолго дали Директории свободно властвовать. Она смела прежнее правительство, но единственным правительством не стала.

19 декабря в Одессе наконец-то появились союзники. При поддержке огня французских кораблей высадился десант русских добровольцев под начальством ген. Гришина-Алмазова силой в 600 штыков. Сутки шли ожесточенные уличные бои, в результате которых группировка петлюровцев в несколько тысяч человек была разгромлена и выбита из города. На следующий день в Одессу вступили части 56-й французской дивизии. В боевых действиях они не участвовали, потеряв при овладении городом одного раненого. Белогвардейцы потеряли 24 чел. убитыми и более 100 раненых. Гришин-Алмазов стал генерал-губернатором Одессы с подчинением Деникину. По натуре это был романтик-авантюрист, искатель приключений. Бывший артист, добровольцем ушедший на войну и дослужившийся до полковника. Один из руководителей белогвардейского восстания в Омске и боев с красными в Сибири. Не ужился с тамошними правительствами и Директорией (по непроверенным данным, в пьяном виде выдал в ресторане все, что о ней думает). Через Владивосток отправился на юг и принял предложение союзников возглавить борьбу в новой точке.

Небольшие отряды Добровольческой армии были высажены в Крыму и выдвинуты в Таврическую губернию Украины. Эти края были богаты продовольственными запасами. Ну и, конечно, речь шла о создании с союзниками, высадившимися в Одессе, единого фронта, охватывающего юг России. Поэтому белогвардейские войска здесь рассыпались по фронту на 400 км от нижнего течения Днепра до Мариуполя, занятого донцами. Естественно, ни о каком сплошном фронте не могло быть речи. Белогвардейцы заняли Мелитополь, Бердянск, отдельные роты, эскадроны и заставы разместились на станциях железных дорог, в крупных населенных пунктах, выдвинулись к Екатеринославу. Все эти войска должны были стать основой Крымско-Азовской Добровольческой армии во главе с Боровским. Сразу, с момента прибытия в Таврию, белогвардейцы встретились с первым врагом — махновцами. По степям, хуторам и селам пошла война в виде стычек, перестрелок, налетов и контрналетов небольшими группами и отрядами. Без определенной линии фронта, по всему пространству. Часть селений подчинилась белым, часть поддерживала Махно или создавала собственные партизанские силы. Война шла случайная, неуправляемая. Каждому командиру приходилось дейст-

воватъ на свой страх и риск, потому что устойчивой связи с командованием у этих рот и эскадронов, раскиданных по огромному пространству, быть не могло.

Но пришла на Украину и третья власть — большевики. Начали они осторожненько, опасливо оглядываясь на Антанту. В пограничной Судже образовали «независимое» украинское коммунистическое правительство. И двинули вперед сформированную здесь Украинскую Красную армию Антонова, тоже формально «независимую» от России — чем окончательно запутали западных демократов, все еще пытавшихся разобраться в «законности» и «народном волеизъявлении». 20 декабря красные заняли Белгород, входивший тогда в Украину, но считавшийся спорной территорией. Поначалу армия была маленькой, всего 4 тыс. чел., и состояла из двух дивизий, 1-я, Щорса, пошла на Чернигов, 2-я — на Харьков. Во взбаламученной Украине эти войска росли, как снежный ком, да и из России щедро подпитывались. Например, 2-я дивизия за месяц выросла вчетверо, а вскоре была организована и 3-я. Точно так же, как незадолго до того войска гетмана разбегались или переходили к петлюровцам, сейчас неустойчивые петлюровские отряды разбегались и переходили к красным. Национальные лозунги Директории были большинству до лампочки, особенно в восточных районах, по которым двигались красные. Зато разбушевавшейся украинской анархии, которая способствовала петлюровской победе, новая волна смуты давала новую возможность для грабежей и разгула.

Четвертой властью на Украине был Махно и прочие «батьки». Махно приобрел огромное количество оружия, вплоть до тяжелой артиллерии, отнимая его у слабых австрийских частей, а у сильных скупая на награбленные деньги. Он занял большую часть Екатеринославской губернии и объявил мобилизацию крестьян в свое войско.

Царила смута и неразбериха. Например, в полумиллионном Екатеринославе уживались несколько властей. Половину города занимали петлюровцы. Здешние петлюровцы были настроены добродушно. Никого не трогали, гарцевали на лошадях в ярких жупанах, пели украинские песни, пьянствовали в свое удовольствие и без конца палили в воздух. В другой части города стоял начавший формироваться при Скоропадском 8-й корпус — 1600 чел., после падения гетмана заявивший о подчинении Деникину. Потом стороны все же поцапались и вступили в бой. Разняли австрийцы, пригрозив обстрелять город тяжелыми орудиями. И 8-й корпус ушел на соединение с частями Добровольческой армии. Потом петлюровцы поцапались с отъезжающими австрийцами, потребовав их разоружения. Сутки шла пальба, и все-таки разоружили. Желания серьезно сражаться у австрийцев не было.

Петлюровцы уже по всему городу весело пели, пили и плясали, но тут появился Махно. Он потребовал впустить его в Екатеринослав всего на 3 дня, обещая за это время ввести новый, анархо-коммунистический строй — отобрать все у богатых и раздать бедным. И заявил, что он враг только жидам и немцам, которые есть главные буржуи, остальному населению бояться его нечего. Когда требование проигнорировали, Махно занял Синельниково и повел наступление на

Екатеринослав. Захватив первой же атакой мост через Днепр и вокзал, махновцы засыпали город снарядами. Было много жертв среди мирного населения. 6 суток по городу гремел бой. Махновцы занимали улицу за улицей, грабили магазины, базар, квартиры, расстреливали «жидов, немцев и буржуев», подвернувшись под руку. Смешавшиеся петлюровцы отступали. Сам Махно, выкатив на проспект трехдюймовку, наводил ее на не понравившиеся дома. С местными коммунистами он нашел общий язык, даже объявил в Екатеринославе советскую власть.

Но на подмогу петлюровцам из Кременчуга подошел полковник Самокиш с двумя куренями (батальонами) и тяжелыми пушками. При их наступлении махновцы бежали из города и рассеялись по губернии. А уже выплывала новая сила. Екатеринославский губком большевиков почти в открытую вербовал сторонников, создавал по губернии «партизанские полки». В начале 19-го у него было уже 14 отрядов общей численностью 7,5 тыс. чел., имевших даже 3 броневи-ка. Украинская каша заваривалась все круче...

40. ВТОРОЕ НАШЕСТВИЕ

Германские оккупационные войска на западе России разложились еще сильнее, чем на Украине, где они вынуждены были поддерживать боеспособность, периодически сталкиваясь с повстанцами и бандитами. Еще до своей революции здешние солдаты приобрели неряшливый вид, неохотно выполняли приказания. А после отречения Вильгельма части сразу стали неуправляемыми. В Пскове располагалась Северная белая армия, но ее формирование было далеко не завершено, вооружение было слабым, да и авторитетного, опытного командования армия не имела. Ген. Келлер, который должен был возглавить ее, не доехал и погиб в Киеве.

А 25.11 красные перешли в наступление. Белогвардейские части, командование которыми принял полковник Нефф, были выдвинуты из позиции восточнее Пскова. Их было всего около 3 тыс. чел. Но красные даже не стали атаковать их оборону — немцы, стоявшие на соседних участках, оставили фронт. Бросили и сам Псков. Штаб Северной армии, тыловые офицеры, оставшиеся в городе и потерявшие связь с войсками, вынуждены были поездами эвакуироваться в Ригу. Большевики, обойдя белые позиции, заняли город, и части Неффа оказались в окружении. Им осталось только спастись. Снявшись с позиции, они штыками проложили себе дорогу через Псков. Под обстрелом, на лодках и по мостам, переправились через Великую. И покатались на запад, преследуемые неприятелем. Отставшие погибали, истребляемые красными авангардами и большевистски настроенными местными жителями. В Пскове, как обычно, коммунистическое владычество началось с расстрелов. Только по красным официальным данным, в первые же дни было казнено свыше 300 человек. Истребляли всех «причастных к белогвардейской работе» от владельцев гостиниц, где жили офицеры, до рабочих мастерских, обслуживавших армию.

Теперь перед красными лежали два государства, образовавшихся после германской революции, — Эстония и Латвия. Начиная с гражданской и кончая Афганистаном коммунистическая агрессия действовала по одному стереотипу — на каком-нибудь приграничном клочке территории создается «волей народа» новое правительство атакемого государства, а затем, уже вполне «законно», под флагом этого правительства идет вторжение. Ленин писал 29.11.18: «С продвижением наших войск на запад и Украину создаются областные временные советские правительства, призванные укрепить советы на местах... Без этого обстоятельства наши войска были бы поставлены в оккупированных областях в невозможное положение... Ввиду этого просим дать командному составу соответствующих воинских частей указание о том, чтобы наши войска всячески поддерживали временные советские правительства Латвии, Эстляндии, Украины и Литвы, но, разумеется, только Советские правительства». 29.11 в Нарве образовалось Эстонское советское правительство, 17.12 появилось Латвийское.

Чтобы разобраться в прибалтийских событиях, следует учесть, что культурно-этническая картина здесь была совершенно иной, чем сейчас. Прибалты тогда вовсе не были, да и не выставляли себя «Европой», как нынче. Тогда это были отсталые и забитые окраинные народы, куда более темные, чем среднерусское крестьянство. Эстонки, например, ценили как домашнюю прислугу. Они были чисто-плотны и не совали нос в дела хозяев. Латыши и этими плюсами не отличались — их и в работники не любили брать за грубость. Национальная интеллигенция была очень слабой. А весь культурный слой Эстонии, и особенно Латвии, был в основном немецко-русским. Немцы составляли значительный процент населения. Это уже позже они исчезли, часть выехала в Германию после образования Эстонии и Латвии, многие были репатриированы на «фатерланд» по советско-германскому пакту после присоединения Прибалтики к СССР в 1940-м, остальных подмели по местам не столь отдаленным.

Немцы были в Прибалтике пришлым народом, но пришли-то они сюда 700 лет назад, поэтому назвать их чужаками было бы все равно что назвать чужаками татар в Казани, а русских — в Москве. Но в отличие от татар или русских ассимиляции с коренным населением здесь не произошло, немцы исторически занимали здесь и социальную верхушку — чиновники, помещики, торговцы, городские мастера. Между ними и латышско-эстонской чернью лежала вековая вражда. Прибалтийских немцев называли, кстати, «балты», и новомодное определение «Балтия» изначально относилось к немецкому государству, которое предполагалось там создать под германским протекторатом. В гражданской войне латыши, эстонцы, немцы, литовцы, русские белогвардейцы действовали здесь в различных интересах. Хотя поначалу все интересы бледнели перед единственным фактором — катящимся с востока нашествием.

Остатки Северной армии дошли до Валги, где Неффу удалось собрать их воедино. Отрезанный от своих штабов, оттесняемый красными на север, Нефф в середине декабря заключил договор с Эстон-

ским правительством и присоединился к частям эстонского ополчения, спешно формируемым для защиты республики.

Основной удар красных войск был нацелен на Ригу. На этом направлении шли лучшие большевистские части, в том числе две дивизии пресловутых латышских стрелков. Уходящие германские войска не только не противодействовали им, но продавали оружие, а если задерживались в каком-нибудь городе, то для того, чтобы поторговаться с большевиками и уступить им город за плату. В Риге началась организация сил земской самообороны — балтийского ландсвера, в составе которого формировались немецкие, латышские и русские роты. Командовал ими генерал русской службы Фрейтаг фон Лорингофен. Здесь же создавалась германская Железная дивизия майора Бишофа, добровольческая часть наподобие Корниловского ударного полка, предназначенная для поддержания порядка и спасения от гибели развалившейся германской армии. В Ригу прибыли и английские крейсера. Тут же находились русские офицеры — беженцы из Пскова. Прямого отношения к Прибалтике они не имели, поэтому генерал Родзянко (сын председателя Государственной Думы) и князь Ливен обратились к английскому командованию, адмиралам Сен-Клеру и Нельсону, с просьбой о материальной поддержке для организации русских добровольческих частей. Встречали их любезно, но конкретного ответа не давали. Каждый шаг адмиралов зависел от Лондона, а Лондон колебался, оценивая ситуацию и пытаясь в ней разобраться.

Восточнее Риги красных сдержать не удалось. Только что созданные роты ландсвера не могли противостоять регулярным дивизиям. В городе началась паника. Кто мог, бежали последними поездами и пароходами в Либаву (Лиепая) или Германию. Одна из латышских рот ландсвера подняла восстание, но была разоружена, 10 зачинщиков расстреляли. Адмирал Нельсон неофициально обещал поддержку силами своих крейсеров, сулил полную безопасность (многие даже сдавали билеты, поверив этому). Но адмирала одернули из Лондона. Опасность большевиков там недооценивали, зато переоценивали опасность «германского влияния». А ландсвер, Железная дивизия и т. д. казались уж слишком «прогерманскими». И орудия крейсеров молчали.

2 января, понеся большие потери, ландсвер оставил Ригу, а на следующий день в город вошли большевики. Первую волну убийств и погромов учинила городская, преимущественно латышская чернь. Вооруженная, включая женщин и подростков, она грабила магазины и склады, убивала русских офицеров, ландсверовцев и немецких солдат, отставших или оставшихся в городе. Ландсвер и германские добровольцы попытались задержаться в Митаве (Елгава), но снова потерпели поражение. Наступающие красные заняли Виндаву (Вентспилс), угрожая Либаве, и все же на рубеже реки Виндавы (Вента) их удалось остановить. Здесь сражались немецкая Митавская рота, русская рота капитана Дыдерова, германские добровольцы Бишофа, латышские роты, командир которых, полковник Колпак пал в этих боях смертью героя. Наступая 500 километров от Пскова до Виндавы, большевики выдохлись. К тому же в рядах их испытанной «гвардии» нача-

лись неожиданные явления — попав на родину, латышские стрелки стали быстро терять боеспособность, приобретая все симптомы разложения старой армии — падение дисциплины и со дня на день усиливающееся дезертирство. Фронт наконец-то стабилизировался.

Правительство Латвии во главе с Ульманисом разместилось в Либаве. Здесь же шло переформирование добровольческих частей. Англия все еще взвешивала «за» и «против». Помогла Германия. Естественно, в своих интересах, большевики-то уже подступили к самым границам Восточной Пруссии. Германия согласилась заимообразно отпустить Латвии деньги, обмундирование и вооружение. На службу Латвии переходила и значительная часть добровольческой Железной дивизии. По соглашению с правительством Ульманиса иностранцы, прослужившие более четырех недель в частях, сражающихся за освобождение латвийской территории, приобретали все права гражданства Латвии и возможность для покупки земельных участков в Курляндии (Западная Латвия). Это привлекло многих немецких солдат, ведь в Германии с землей было туго, стать хозяином, «бауэром», было там очень непросто.

В Либаве продолжили деятельность и Родзянко с Ливеном. Снова встречались с англичанами, снова ничего не добились. Родзянко уехал в Ревель (Таллин), где из частей полковника Неффа и конного отряда Балаховича стал формировать новую, Северо-Западную армию, обороняющую от большевиков Эстонию. А Ливен вошел в соглашение с балтийским ландсвером и начал создавать русский Либавский отряд. Он входил в оперативное подчинение ландсвера до соединения с Северо-Западной армией. Принципы отряда были белогвардейскими — единая великая Россия. Во внутренние дела Прибалтики отряд обещал не вмешиваться. Через русскую миссию в Стокгольме Ливен доложил о создании отряда ген. Деникину, которому считал себя подчиненным, как и Колчаку. Оружие, каски, обмундирование были немецкими с русскими погонами и трехцветным добровольческим шевроном на рукаве. Когда отряд вышел на позиции с задачей занять тридцатикилометровый участок фронта, в нем было 65 штыков.

Если красные заняли почти всю Латвию, то значительную часть Эстонии удалось отстоять. Прикрытая Чудским и Псковским озерами, реками и болотами, Эстония удобна для обороны. К тому же главный удар красных шел по направлению Псков—Рига, там были сосредоточены лучшие войска. Направление Нарва—Ревель было вспомогательным, на Эстонию двигались части более слабые — в основном из Петроградского округа, сохранившие многие отрицательные стороны разложившихся столичных полков.

В Эстонию отошли белогвардейские части Северной армии, уже обстрелянные и имеющие боевой опыт. Сыграл роль и политический, «германский» фактор. Немцев в Эстонии было меньше, чем в Латвии. И если Рига была узловым перевалочным пунктом на пути вывода оккупационных войск, то из тупиковой Эстонии они быстро вымелись. Поэтому здешнее правительство сразу повело яркую национально-шовинистическую политику. Были национализированы земли немецкого поместного дворянства, увольнялись немцы-чинов-

ники. Поэтому Англия, сочтя такую политику «антигерманской», повела себя здесь совершенно иначе и стала оказывать активную поддержку. При помощи английских кораблей эстонские береговые батареи отбили в декабре налет советского Балтфлота на Ревель. Началась действенная поддержка снабжением и вооружением формирующейся национальной армии. На русские части это, правда, не распространялось. Англичане решили здесь проводить «эстонскую» политику. Но пока сражались плечом к плечу за Эстонию, кое-что перепало и русским через вторые руки.

В Гельсингфорсе (Хельсинки), где находилось много русских беженцев, начал организационную работу генерал от инфантерии Николай Николаевич Юденич. 56-летний полководец, участник русско-японской войны, в мировую командовал Закавказским фронтом. В 1915 г. наголову разгромил турецкие войска Энвер-паши под Сарыкамышем, чем до конца войны отбил у турок охоту к наступательным действиям против России. Был одним из двух кавалеров орденов Св. Георгия 2, 3, 4-й степени (полного банта высшего военного ордена в России не имел никто). В январе 1919 г. Юденич возглавил «Русский комитет», рассчитывая на поддержку главнокомандующего Финляндии, бывшего русского генерала К.Г. Маннергейма.

На Белоруссию красные войска двигались почти беспрепятственно, по мере ухода немцев. Здесь не было мало-мальски значимых белогвардейских формирований, не было и национального правительства, способного организовать сопротивление. 25.11 Красная армия двинулась на Полоцк и Бобруйск, а уже 10.12 вошла в Минск. И развивала наступление в двух направлениях — на Польшу и Литву, быстренько провозгласив создание «Литовско-Белорусской советской республики». А здесь был завязан уже другой национальный узел. В Латвии и Эстонии верхушку общества составляли немцы, а в Литве интеллигенция, буржуазия, значительная часть дворянства были польскими. Еще в 17-м Польша предлагала Литве объединиться, возродив исчезнувшую в 1795 г. Речь Посполитую. Литовский совет (Тариба) отверг предложение, строя политику на собственном национальном шовинизме и опасаясь польского. Кроме того, между нарождающимися государствами сразу возникли территориальные споры из-за Вильно и Гомеля. Но заключить союз все-таки пришлось. Свои вооруженные силы у литовцев только формировались, противостоять Красной армии они не могли, и 6 января большевики заняли Вильно, неудержимо распространяясь дальше.

Но у Польши армия уже была. В мировую войну под флагом воссоздания независимого государства польскую карту активно разыгрывали и Россия, и Германия, и Австрия, и Франция, формируя польские части. В Австрии этим занимался социалист Юзеф Пилсудский. Однако, заметив, что он хитрит, увиливает от подчинения австро-германскому командованию, стараясь вместо фронта сохранить польские войска для борьбы за автономию, его арестовали. Освобожденный германской революцией, Пилсудский в ореоле мученика и правозащитника приехал в Варшаву, где возглавил правительство и начал создание регулярной армии. Готовой основой стали прежние легионеры Пилсудского и части познанских стрелков, входившие

ранее в состав германской армии. Позже начали прибывать войска из Франции, где генерал Галлер сформировал из польских пленных и эмигрантов 6 дивизий, вооруженных и экипированных французами. Считая Польшу своим союзником и веря в создание единого анти-большевистского фронта, Деникин послал через Одессу польскую дивизию Зелинского, сформированную им на Кубани и принявшую участие в боях под Ставрополем.

Волей-неволей литовцам пришлось идти на поклон к Пилсудскому. У них нашелся и другой союзник — Германия, опасаящаяся, как бы большевизм не перехлестнул на ее территорию, и без того взбаламученную революцией. А красные были близко, ведь нынешняя Клайпеда тогда еще была прусским Мемелем. В район Клайпеды и Паланги был выдвинут 6-й резервный корпус ген. фон дер Гольца. В активных боевых действиях он старался не участвовать, но, «подпирая» собой фронт и поддерживая его материально, оказал существенную помощь. К весне в Литве и Западной Белоруссии (которую Польша считала своей территорией) выдохшееся нашествие красных удалось остановить.

А на Украине, где вроде и войск было предостаточно, и правительств, красные продвигались как по маслу. 1 января 2-я Украинская дивизия вошла в Харьков, 12-го 1-я дивизия — в Чернигов. В эту «украинскую» армию шли вполне русские пополнения из центра, дивизии росли за счет местных сил, делились и размножались. В Харькове возникла 3-я Заднепровская дивизия Дыбенко и через Синельниково двинулась на Екатеринослав. С Махно Дыбенко, сам порядочный бандит, быстро сумел договориться, и батяка с 4-тысячным «постоянным» ядром своих войск вошел в его дивизию на правах бригады. 5 дней продолжалась осада и артиллерийский обстрел Екатеринослава, а затем разбитые петлюровцы бежали. Дыбенко вошел в город, попутно впитав в дивизию еще 8 тыс. чел. местных большевистских формирований.

Армия Петлюры таяла. Директория победила гетмана, вызвав взрыв анархии. Но едва став правительством, она стала анархии не нужна. Идейных сторонников у нее были единицы. Земля? Так и большевики вроде давали землю. Национальная независимость? Да плевать на нее хотели. Мало того, лозунги «самостийной Украины» были и лозунгами гетмана, а его правление ассоциировалось с притеснениями. Красные же были еще «левее», да и возможность еще разок пограбить открывалась. В феврале на сторону красных перешел атаман Григорьев, бывший штабс-капитан царской армии, 24-летний «народный вожак».

В Директории возник раскол. Более умеренный и умный Петлюра стоял за то, чтобы обратиться за помощью к французам, стоящим в Одессе. Но глава Директории Винниченко и иже с ним даже слышать не хотели о переговорах с «империалистами». Издавались приказы о мобилизации, угрожающие дезертирам каторжными работами на срок 15—20 лет. Над этим только смеялись — все видели, что существование украинской власти измеряется уже днями, а не годами. Доходило до того, что Директория выпускала воззвания, предостерегающие население от действия «секретных химических лучей», кото-

рые будут пущены в ход против красных — это петлюровское командование пыталось таким образом напугать врага. Мол, узнают через шпионов о «химических лучах» — тут-то и накладывают в штаны...

Щорс занял станцию Бровары и разработал очень сложный план взятия Киева ночным штурмом 6 февраля. Однако выяснилось, что уже неделю назад петлюровцы бросили город, отступая на Фастов, а их правительство перебралось в Винницу. Красная армия вошла в Киев. А в Одессе стояли в бездействии войска Антанты, 2 французские и 2 греческие дивизии — полнокровные, кадровые, хорошо вооруженные. Двинься они на север — о каком нашествии большевиков могла бы идти речь? Но они не двинулись. В Версале Верховный Совет государств-победителей все еще решал, вмешиваться ли в русские дела, а если вмешиваться, то каким образом, на кого делать ставку и кого поддерживать. Десятки тысяч солдат топтались на побережье и разлагались от безделья. Лишь 31 января заняли Херсон, а 2 февраля — Николаев. И все. На этом продвижение союзников закончилось.

Начался кошмар Украины. Трагедия всех крупных городов — Киева, Харькова, Екатеринослава, Чернигова, Полтавы, а за ними и других — во время второго красного нашествия разворачивалась по одному сценарию. Входила Красная армия. Она уже не была партизанскими бандами начала 18-го. Не было ни погромов, ни самочинных убийств, пытавшихся грабить расстреливали на месте. После свистопляски и бардака предыдущих правительств многие, не веря своим глазам, облегченно вздыхали. Ну, наконец-то порядок! А потом приезжала администрация. И вместо прошлых беспорядочных грабежей начинались систематические, повальные обыски с реквизициями и изъятием всех ценностей. А потом приезжала ЧК. И вместо прошлых беспорядочных убийств начиналась систематическая «чистка» с систематическими массовыми расстрелами.

Базары, при всех других правительствах полные продуктов, мгновенно пустели. Напечатав хлебные карточки, большевики прикрывали торговлю, выставляли вокруг городов заградотряды. В считанные дни все продукты исчезали. Начинался голод. А потом, как саранча, наезжали всевозможные советские учреждения, раздутые до невозможности. Занимали дом за домом, улицу за улицей, «уплотняя» и выселяя жильцов. На месте начинали плодиться новые бюрократические учреждения, тоже раздуваясь до невероятных размеров. Начиналась трагикомическая бумажная вакханалия. Каждое учреждение старалось превзойти остальные в бумаготворчестве, декретируя и регламентируя каждую мелочь. И советский бюрократический беспредел быстро парализовал вообще всякую хозяйственную и экономическую жизнь.

41. ОТ БЕЛОГО ДО КАСПИЙСКОГО

На севере установилась позиционная война. Фронт закрепился в виде отдельных укрепрайонов: Онежского, Железнодорожного и др., запирающих дефиле рек, железные и грунтовые дороги, выстроенных из бревенчатых блокгаузов, опутанных проволокой и защищае-

мых силами около полка с большим количеством пулеметов и артиллерии. В лоб их было невозможно взять без огромных потерь, а обходным маневрам мешала природа. После таежного лета с непроходимыми болотами наступила северная зима, тоже мало способствующая активным действиям. Силы у противников были примерно равны. Против 10 тыс. иностранных войск и 8 тыс. белогвардейцев стояли 6-я и 7-я Красные армии общей численностью 24 тыс. человек при 70 орудиях.

На смену английскому командующему ген. Пулю прибыл ген. Айронсайд с планом наступления на Котлас — Вятку, чтобы передать Колчаку архангельские и мурманские военные запасы, которые тут союзники, собственно, и охраняли. Но план, разработанный в Лондоне, в северных условиях оказался нереальным, и после нескольких вялых попыток претворения его в жизнь все продолжилось по-старому. С окончанием мировой войны начался поэтапный вывод иностранных войск с боевых позиций и замена их русскими частями. Только вот с русскими частями все еще было неладно. Хотя социалистическое правительство, чуть не развалившее край «керенщиной», офицеры в сентябре скинули, но началось обратное. Полковник Дуров, сменивший на должности командующего «путчиста» Чаплина, просидел всю революцию в Лондоне, не видел ужасов разложения армии и развала страны. И, не желая прослыть «контрреволюционером», сам начал «керенщину», разваливая собственные войска. Митинговал с солдатами. Уговаривал офицеров помириться с оскорбившими их рядовыми и простить их, затопил армию словесной демагогией. Дисциплина сводилась на нет, даже под суд преступники отдавались лишь после нажима британского командования.

Теперь уже правительство хваталось за голову от действий командующего. На бедном Севере даже замены ему не находилось. Для верности вызвали из-за границы сразу двух, ген. Марушевского, командовавшего в войну русской бригадой во Франции, и ген. Миллера, русского военного представителя при итальянской армии. Первым прибыл Марушевский. Он и стал командующим, начав весьма энергично. Подавил попытку мятежа в Архангелогородском полку, реорганизовал штаб, приступил к переформированию в регулярные части партизанских отрядов, назначая в них офицеров и вливая строевые роты из Архангельска. Вторым приехал Миллер — он принял пост генерал-губернатора и военного министра. Правительство возглавил фактически П. Р. Зубов, т. к. его председатель Н. В. Чайковский 24 января уехал в Париж, где вошел в состав Всероссийской дипломатической делегации (ген. Щербачев, кн. Львов, Савинков, Маклаков, Сазонов) — что-то вроде представительства всех белых армий за рубежом.

Война не ограничивалась фронтом. Она уходила на восток в дремучую тайгу и непроходимые леса. Здесь, от Северной Двины до Северного Урала, на огромных пространствах тоже шла война, незаметная, но необыкновенно жестокая. Здесь ходили красные карательные отряды, зверствуя в крохотных, не желающих покоряться селениях. Здесь мелкими группами или в одиночку партизанили охотники, староверы, полудикие зыряне, ружьем и топором истребляя ненавист-

ного врага. Некоторые ставили на красных силки и капканы. Когда одному такому бородачу (их прозвали «охотники за черепами»), в одиночку поймавшему силками и уничтожившему 60 большевиков, белый генерал Добровольский пытался доказать бесчеловечность такой войны, тот ответил: «Нам с ними не жить. Либо они, либо мы». Выяснилось, что карательный отряд Мандельбаума уничтожил у него всю семью, а его подверг страшным пыткам, обваривая кипятком.

А дальше лежал Восточный фронт. Здесь Колчак и большевики в декабре обменялись между собой весьма чувствительными ударами. На зимнюю кампанию красные планировали здесь продолжать наступление. После осенних побед они были самоуверенны, даже ослабили фронт переброской ряда дивизий на участки, считавшиеся более важными, латышей — в Прибалтику, уральских соединений — на Дон. Тем не менее за счет непрерывной мобилизации численность войск здесь не уменьшилась, а возросла, достигая, по разным источникам, от 80 до 130 тыс. человек, сгруппированных с севера на юг в 3, 2, 5, 1-ю и 4-ю армии.

Колчаку досталось тяжелое наследство. Но армия воспрянула духом. Появилась надежда, что все беды и политические неурядицы позади. Оборона перевалов в Уральских горах активизировалась. Под их прикрытием шла спешная реорганизация вооруженных сил. По Сибири и Уралу была объявлена мобилизация. Выдвигалась к фронту и разворачивалась Сибирская армия Р. Гайды, созданная из бывших армий Сибирского и Екатеринбургского правительств. Из остатков учредилловской Народной армии выделялись хорошие части — капелевцы, ижевцы, воткинцы, остальные расформировывались и шли на комплектование новых полков. Меньше чем за месяц Колчак сделал чудо. Из разбитых, деморализованных и разрозненных сил Восточного фронта создал армию, готовую не только обороняться, но и наступать.

Хотя помех у Колчака оказалось предостаточно. С первых же дней властвования начались недоразумения с союзниками. Сначала они обещали сильную военную помощь. Во Владивостоке высаживались контингенты. На фронт направлялись для замены отказавшихся воевать чехословаков 25-й английский полк (около 1 тыс. человек), французский батальон такой же численности, итальянцы, еженедельно планировалось отправлять эшелон канадцев. Но политика Антанты быстро менялась, и все это, не доехав до фронта, повернуло обратно. Частично — во Владивосток, частично осело гарнизонами в городах. Зато Верховный Совет стран-победительниц не придумал ничего лучшего, как назначить к Колчаку... главнокомандующего русскими и союзным войсками. 14.12 на эту должность приехал в Омск французский генерал Жанен. Он окончил академию в России, в войну служил представителем при русской Ставке. Был в общем-то больше дипломатом, чем военным. Но дело-то даже не в военных дарованиях...

Колчак от навязанного ему Францией, Англией и США главнокомандующего решительно отказался, считая это решение оскорбительным для России и губительным в условиях гражданской войны. Да, Александр Васильевич не вписывается в штамп марионетки западных держав, каким привыкли рисовать его коммунисты. В итоге Жанен

вошел в штаб Колчака с правами заместителя русского главнокомандующего, а подчинены ему были только иностранные войска. Вопрос об их участии в боевых действиях положительно так и не решился. Пришли к соглашению, что иностранцы возьмут на себя охрану Транссибирской железной дороги. Это сулило хоть какой-то выигрыш, позволяя перебросить на фронт русские гарнизоны.

Была и первая попытка большевистского удара изнутри. Коммунисты устроили в Омске вооруженное восстание. Но оно не получило широкого распространения. Охватив станцию Куломзино, где были сосредоточены боевики, на город не перекинулось и было быстро подавлено казаками. В бою погибли 22 казака и 250 повстанцев, 44 человека расстреляли по приговору военно-полевого суда. Во время подавления произошел еще один печальный эпизод. Под шумок большевики выпустили из тюрьмы заключенных. Водворяя их на место, казаки и офицеры пристрелили нескольких арестованных эсеров, депутатов ненавистной им самарской «учредилки». Этот инцидент стал впоследствии основой широкой эсеровской пропаганды против Колчака.

Но, несмотря на все передряги, в конце декабря Колчак перешел в наступление, 15-тысячный корпус генерала А. Н. Пепеляева был сосредоточен на крайнем северном фланге и в лютые 40-градусные морозы двинулся через Уральский хребет. Наступления, да еще зимой, через засыпанные снегами горы красные не ждали. Пепеляев обрушился на них внезапно и прорвал фронт. В Перми располагались штаб 3-й Красной армии, две дивизии, артиллерийская бригада из 30 орудий. Станция была забита эшелонами с пополнениями, нефтью, мануфактурой. Узнав о белом наступлении, штаб начал разрабатывать планы обороны, но 24.12 войска Пепеляева неожиданно очутились уже возле Перми. Город атаковали одновременно с разных сторон, овладели центральными улицами и повели наступление на вокзал. Барабинский полк ударил на Мотовилиху, крупный рабочий поселок с артиллерийскими заводами (ныне в черте Перми), и взял ее. Отряд лыжников полковника Зинкевича налетел на позиции артбригады, захватил все орудия, развернул их и открыл огонь по красным. Началось бегство. Крупный город, защищенный большими силами, был взят в один день.

Красная 29-я дивизия покатила по правому берегу Камы, 30-я — по левому. Войска Пепеляева гнали и добивали их. В результате 20-дневной операции 3-я армия была разгромлена. От 35 тысяч штыков и сабель в ней остались 11. Пополнения, набираемые в прифронтовой полосе, дезертировали и с оружием переходили к белым. Был даже случай перехода целого кавалерийского полка. Для расследования причин катастрофы и принятия экстренных мер из Москвы была прислана комиссия ЦК в составе Сталина и Дзержинского. Какие причины мог найти такой состав комиссии, какие меры принять и какими средствами останавливал бегство — думаю, понятно. «...Штабы были очищены от скрытых врагов и равнодушных военспецов, разгаданы предатели, пробравшиеся на посты старших военных начальников, изгнаны из тыловых учреждений карьеристы и бюрократы,

подобраны новые кадры оперативных работников и военных комиссаров».

Сюда бросили надежные подкрепления — интернациональные, коммунистические и чекистские батальоны. Под командованием Блюхера создавался Вятский укрепрайон. Соседняя 2-я армия попыталась нанести удар во фланг Пепеляеву, на Кунгур. Попытки были отбиты, и фронт стабилизировался. Тем более что операция носила частный характер. Удар Пепеляева ослабил натиск красных на Урал, сломал планы их наступления и дал возможность выиграть время. Мобилизация и формирование армии только разворачивались, и общее наступление Колчак планировал на февраль.

Пока же он не мог даже прикрыть регулярными войсками весь огромный фронт. В результате понес поражение на южном фланге. После отвода с фронта чехословаков здесь оставались оренбургские, уральские казаки и башкирский корпус. Он был сформирован при учредилловцах «автономным мусульманским правительством» Заки Валидова, пытавшимся проводить в жизнь некую смесь из социализма, панисламизма и национализма. При Колчаке стало ясно, что всем подобным «измам» приходит конец. Красные этим воспользовались и повели с Валидовым тайные переговоры. И в обмен на обещание сохранить «автономию» башкирский корпус вместе с отирающимся при нем «правительством» перешел на сторону большевиков.

В образовавшийся прорыв рванулись две армии, 1-я заняла Оренбург, 5-я вышла к Уфе. Несколько суток гремел артиллерийский бой, а под Новый год, воспользовавшись сильной метелью, 5-я армия перешла в атаку и ворвалась в Уфу. Одновременно 4-я Красная армия развернула наступление на Уральское казачество. Армия была небольшая, 17 тыс. чел., но и казачье войско было маленькое (170 тыс. жителей обоего пола). Навстречу 4-й армии с востока, из района Актюбинска, нанесла удар Красная армия Туркестана. И пал Уральск, до сих пор еще не познавший советской власти.

Колчаку пришлось срочно ликвидировать прорыв. Сюда перебрасывались свежие, только что сформированные части или находящиеся в стадии формирования. Создавалась вторая, Западная армия генерал-лейтенанта М. В. Ханжина. Сразу за Уфой красное наступление удалось остановить. И уральские казаки, подняв станицы, снова закрыли образовавшийся коридор между Туркестаном и Россией. Ударная туркестанская группировка была отрезана от своих тылов и оттеснена на север. Равновесие на новых рубежах восстановилось. Но общее наступление Колчаку пришлось перенести с февраля на март. В конечном итоге эта отсрочка сыграла весьма плачевную роль.

42. ВОСТОК — ДЕЛО ТОНКОЕ...

Советский Туркестан жил особой жизнью с несколькими собственными фронтами. И каждый фронт был ни капельки не похож на другие. В конце 18-го Колчак послал на юг два отряда капитанов Ушакова и Виноградова. Они разогнали советскую власть в Семипалатинской области и двинулись на Семиреченскую. Высланные навстре-

чу красные части боя не приняли. Командование засело в горном Копале, а войска сбежались в Сергиополь. Колчаковцы штурмом взяли Сергиополь, часть защитников перебили, часть пленили, 300 чел. ушли в горы. После этой победы снова восстало Семиреченское казачество. Его отряды начали возвращаться из Китая и вступать в бой, заняли Копал и Арасанскую. Виноградов, преследуя красных, пошел предгорьями Тарбагатайского хребта, но подвергся нападению красного отряда Мамонтова. В бою погибли и Виноградов, и Мамонтов. Из Верного (Алма-Аты) выступили новые красные силы под командованием Петренко. Он отбил Копал. Лепсинский уезд остался за белыми. Около 30 тыс. крестьян здесь, опасаясь казаков, а еще больше киргизов, которых недавно резали, ушли в село Черкасское, огородились укреплениями и сели в осаду.

Весной из Ташкента в Семиречье прилетел летчик Шавров. Создал тут РВС фронта, начал было перестраивать отряды вольницы в полки, арестовал местного партизанского вожака Калашникова, но подчиненные освободили его и убили самого Шаврова. Все же большевики мало-помалу продолжали прибирать к рукам семиреченские банды. Провели 25-процентную партмобилизацию, прислали из Ташкента тысячу штыков регулярного войска. Калашникова убили какие-то неизвестные. Примерно раз в месяц здесь предпринимались попытки наступления. Но каждый раз из-за отсутствия дисциплины оно проваливалось. Красные бывали биты казаками, несли потери. В конце концов не только не продвинулись, но были вытеснены и из Копальского уезда, потеряв командуемого фронтом Емелева. Защитники Черкасского, не выдержав осады, пали духом и сдались.

На севере, под Актюбинском, шла не прерываясь война с Уральским казачеством. В самом Ташкенте кипела борьба и грызня. Всячески подсиживали друг друга и цапались две власти. Русская — ТурЦИК с Совнаркомом и «местная» — Мусульманское бюро РКП(б). Были и другие претенденты. В ночь на 19 января в городе поднял восстание военком республики бывший прапорщик Осипов. О причинах и движущих силах сейчас трудно судить, располагая лишь скудными упоминаниями в советских источниках. Попытка переворота, как у Сорокина в Пятигорске? Попытка свержения советской власти? Восставшие расстреляли председателя ТурЦИКа Вотинцева, председателя Совнаркома Фигельского; еще 12 руководящих деятелей. Захватили почти весь город. Но при попытке взять Ташкентскую крепость получили отпор от красноармейцев во главе с комендантом Беловым и были разбиты. Белов приступил к очистке города, и к 21-му после нескольких стычек мятежники начали разбегаться. Осипов со своим штабом ушел в Фергану.

А в Фергане и без него была куча мала. Сначала басмачествовал один глава «Кокандской автономии» Иргаш. Потом объявился курбаши Курширмат, объявивший себя «верховным предводителем мусульманского воинства», и повел войну против всех неверных, красных и белых. Поднял восстание Мадамин-бек, начальник уездной милиции в Маргелане. Сначала с отрядом своих милиционеров примкнул к Иргашу. Но потом отложился и создал свою «мусульманскую народную армию». Он принимал и русских, у него в штабе служили

бывшие офицеры. Это был, пожалуй, самый умный и талантливый басмач. Колчак, информированный о его успехах и желая привлечь Мадаминбека на сторону белых, произвел его в полковники. В районе Джелалабада восстание русских крестьян против продразверстки и других прелестей военного коммунизма возглавил конторский служащий Монстров. Его «Крестьянская армия» вступила в союз с Мадамин-беком. Вся Ферганская долина оказалась во власти различных антисоветских или антирусских формирований.

В богом забытой Кушке сидел, защищая от банд российские рубежи, престарелый генерал Востросаблин. Как при царе добросовестно службу нес, так и при Временном правительстве, и при всеобщем развале. И что самое удивительное, горстка солдат с ним осталась! Таких же, будто из прошлого, служак, приросших, как и их генерал, к своей крепости. И когда в 19-м 10-тысячная орда басмачей, «отечественных» и афганских, подступила к Кушке, Востросаблин с гарнизоном в 80 бойцов сел в осаду и месяц отбивал атаки, пока из Ташкента ему не прислали помощь красные.

В Закаспийской области несколько раз поменялась власть. Правительство машиниста Фунтикова точно так же, как и более солидные эсеровские правительства, наломало дров. В Асхабаде произошли крупные волнения рабочих, и оно сложило свои полномочия. Был создан более умеренный Комитет общественного спасения. Кроме всего прочего, вскрылись крупные злоупотребления, и 15.01 Фунтикова арестовали. Как уже отмечалось, его правительству был поставлен в вину и бессудный расстрел бакинских комиссаров. Все лица, участвовавшие в этом деле, угодили за решетку. Реальная власть в Закаспии находилась у английского командующего ген. Малессона. Как и из других областей России, весной отсюда начался вывод иностранных частей. Малессон обратился к Деникину, предлагая ему «взять Закаспийскую область под свою защиту». Тут была сформирована белогвардейская дивизия генерала Литвинова из местных сил и переброшенных сюда небольших казачьих отрядов. Туркмения была далеко в стороне от основных театров войны, каких-либо значительных операций здесь не велось, и дивизия Литвинова до 1920 г. успешно сдерживала красных.

В апреле 19-го пала советская власть в обширной, но малонаселенной Тургайской области (Центральный Казахстан). Еще до революции в немногочисленной киргизской (казахской) интеллигенции возникла партия Алаш-орда, ставящая национально-просветительские цели. С 17-го активизировалось ее автономистское, панисламистское крыло. Алаш-орда подняла в 19-м восстание против большевиков. Местные красные отряды были разбиты, их вожаков А. Иманова, К. Иноземцева, Л. Тарана расстреляли. Алаш-орда создала свое правительство, отряды национальной милиции — небольшие и почти небоеспособные. Да и не могли быть иными. Киргизов при царе вообще не брали в армию, это было обусловлено еще договором о их присоединении к России. Кроме отдельных охотников, они знали из оружия только нож да плетку. Кочуя по степям мелкими стойбищами, не умели действовать в больших массах. Даже служба в алашской милиции их пугала — казалась чуждым, русским явлением. Какие-то

идеи разве могли быть понятны темным кочевникам? Они даже мусульманской веры еще толком не восприняли, она была смешана у них с шаманством и родовыми верованиями. А интеллигенция, из которой состояла Алаш-орда, — горстка учителей да горстка мулл. Восстание было обречено. Для его разгрома было бы, наверное, достаточно одного регулярного батальона. Но Алаш-орда снеслась с Колчаком. В степи вошли части атамана Анненкова, заняв Аягуз и Павлодар.

Еще более экзотическими были такие фронты, как Бухара и Хива. Эти два государства никогда России не принадлежали. Из завоевания в 1860—70-х гг. Скобелевым и Меллером-Закомельским Кокандского ханства российские императоры извлекли полезный урок: сознание среднеазиатского населения находилось на таком уровне, что разрушение старых феодальных структур ничего не давало. «Европейское», цивилизованное управление здесь буксовало. Население продолжало считаться только с собственными беками и жить по собственным законам. А панисламистская пропаганда использовала каждый промах русской администрации в своих целях. Все попытки цивилизации наталкивались на стены сословного, религиозного и национального противодействия, вот и были оставлены в сердце Средней Азии два суверенных государства, Бухара и Хива. Их монархи были связаны договорами с Россией, признавали над собой протекторат «белого царя», платили ему налог, содействовали прокладке железных дорог через свои территории. А над подданными правили по собственным старым законам.

Так и перекочевали Бухара с Хивой из времен Ходжи Насреддина в XX век с базарами, дворцами, гаремами, казнями, караван-сараями. В Бухаре, например, пулеметы устанавливались на боевых слонах. А в Хиве основу армии составляли племена туркмен-кочевников. Революция ни Бухару, ни Хиву не интересовала — даже лучше стало, от «белого царя» не зависеть. Но разве Совдепия могла оставить без внимания такой феодализм? К моменту революции там уже существовали партии младобухарцев и младохивинцев панисламистского толка. Они высказывались за ограничение власти монархов, а самое радикальное крыло — за исламскую республику, вроде нынешнего Ирана. Партии были под запретом. За принадлежность к ним рубили головы, сажали на кол, сдирали кожу — что уж владыке на душу придется.

И ташкентская власть решила извне на базе этих партий создать коммунистические партии. Сделать это было не так трудно — через Бухарский эмират проходила русская железная дорога. Вдоль нее стояли русские экстерриториальные поселки с советской властью — Новая Бухара (ныне Каган), Новый Чарджуй (Чарджоу), Термез (Керки). Один из лидеров младобухарцев, изрядный авантюрист Ф. Ходжаев, ездил в Москву, имел беседы со Свердловым, заверял его и ташкентских большевиков, что власть эмира висит на волоске, и стоит красным подойти к Бухаре, как 15 тыс. революционеров поднимут восстание. Председатель Совнаркома Колесов клюнул на предложение и двинул на Бухару несколько тысяч человек с артиллерией. Эмир Сейид Алим-хан для вида согласился капитулировать и передать власть рев-

кому во главе с Ходжаевым. Затеял переговоры. Пригласив нескольких представителей Совнаркома и ревкома в Бухару, он приказал изрубить их на куски и со своей армией налетел на пришельцев. Колесову и Ходжаеву с остатками войск едва удалось унести ноги. А «революционно-настроенные» дехкане преследовали и проклинали «неверных».

Хива жила спокойно под защитой Каракумов, Кызылкумов и Амударьинских болот. Там кипели свои страсти и свои проблемы — хан Джунаид сверг хана Асфендиара, родственника и друга бухарского эмира, и сам сел на трон.

43. КАТАСТРОФА НА ДОНУ

Победа Антанты коренным образом изменила обстановку на южных фронтах. Представителем Деникина, а затем и Колчака при их союзном командовании стал ген. Щербачев, бывший командующий Румынским фронтом. В ноябре 1918 г. ген. Бертелло, главнокомандующий союзными войсками в Румынии и Трансильвании, заявил Щербачеву, что для помощи белым предполагается двинуть на русский юг всю Салоницкую армию — 12 французских и греческих дивизий. Сообщения из Парижа и Лондона вроде бы подтверждали, что Антанта намерена помочь возрождению России, кроме польских губерний, которые должны отойти Пилсудскому. Но эту территориальную потерю признало еще Временное правительство. Казалось, перспективы радужные. Увы, это было частное мнение командования. И инерция военного времени, когда мнение командования что-то значило. Но война кончилась, и возможность военных определять свои шаги быстро сводилась к нулю. А на позицию Бертелло влиял еще один пикантный фактор. Очаровательная румынская королева Мария вскружила ему голову, а ей очень хотелось бы выдвижением французских войск на Украину обезопасить свои границы от большевиков.

На державы Согласия срочно перестраивался и атаман Краснов. Снарядил в Румынию посольство. Пытался лавировать, прося международного признания Всевеликого Войска Донского как независимого государства, но оговаривал эту самостоятельность «впредь до образования в той или иной форме единой России», приглашал к себе союзные миссии, объяснял вынужденный характер своей германской ориентации, просил о помощи и излагал довольно толковый план освобождения России в случае присылки 3—4 корпусов численностью 90—120 тыс. чел.

Его вынужденную германскую ориентацию союзники восприняли вполне нормально. Повторили те же заверения, что помощь войсками будет. Упоенные победой военачальники однозначно говорили, что «победители Германии сокрушат и большевиков». Но вот на счет признания Краснов получил от ворот поворот. Ему было указано на необходимость единого командования на юге. В русской мешанине и внутренних противоречиях разбираться было очень сложно для союзников. Они предпочитали иметь дело с одним правительством

(чтобы знать, за кем числить долги). И союзная миссия предполагалась тоже одна — в Екатеринодаре.

В ноябре эскадра держав Антанты вошла в Черное море. Сначала высадились в Севастополе. Там была германская морская база, и союзники спешили захватить корабли и имущество. Крымское правительство Сулькевича, ориентировавшееся на Турцию, сложило полномочия, уступив место коалиционному кабинету Соломона Крыма из кадетов, социалистов и татар. Сулькевич телеграфировал об этом Деникину, прося у него помощи для защиты полуострова от большевиков и анархии, а сам отбыл в Азербайджан. В Севастополь и Керчь Добровольческой армией были направлены кавалерийский полк Гершельмана, небольшие отряды казаков, отдельные части и подразделения. Туда был послан ген. Боровский, чтобы на месте начать формирование крымских добровольческих сил. Здесь планировалось создание новой, Крымско-Азовской добровольческой армии, которая заняла бы линию от низовий Днепра до границ Донского казачества, сомкнув белые силы Юга в единый фронт с союзниками. Первые части Боровского выдвигались на север, в степи Таврии.

Появились корабли союзников и в Новороссийске. 23 ноября к Деникину наконец-то прибыла официальная военная миссия во главе с ген. Ф. Пулем, человеком толковым и, что немаловажно, знавшим Россию, бывшим командующим иностранными и белогвардейскими силами в Архангельске. Долгожданным союзникам была устроена торжественная встреча. И Деникин, и покойный Алексеев достаточно трезво отдавали себе отчет, что освободить Россию придется русскими руками, а не силами «варягов». Но рассчитывали на союзные войска для поддержания порядка на очищенной территории, обеспечения прочного тыла, и надеялись, что иностранный контингент на юге позволит под их прикрытием спокойно провести мобилизацию и завершить создание своей армии. Предполагалось при получении необходимой материальной помощи к маю 19-го закончить формирование, а затем совместно с Колчаком приступить к полному очищению страны от заразы. Пуль опять же заверил, что поддержка будет. Высадка войск намечалась. Было обещано снаряжение и вооружение на 250-тысячную армию.

А на Дон из Севастополя были отправлены 2 миноносца и группа младших офицеров: неофициально поглядеть, что же это такое, казачье войско, и доложить командованию. Эти капитаны и лейтенанты неплохо провели время. Их возили по всему Дону, везде чествовали как представителей стран Согласия. Они вовсю гудели на приемах, обедах и банкетах и щедро рассыпали в речах и тостах совершенно неограниченные и совершенно безответственные обещания от лица своих держав. Но их неофициальная болтовня, как и заявления официальных лиц, пока оставались словами. Приток вооружения и боеприпасов, покупаемых Доном у Германии, прекратился, а от Антанты — не начинался. Несмотря на телеграммы, которые ген. Пуль одну за другой слал в Лондон, обещанных транспортов с оружием и снаряжением не было.

Между тем на фронтах не прекращались бои. В ноябре 11-я красная армия перешла в наступление на терских повстанцев, ударив от

Георгиевской на Прохладную. 17 ноября была прорвана блокада казаками Грозного и Владикавказа. Части 11-й армии соединились с 12-й, двигавшейся от Астрахани. Их совместные силы вышли к Моздоку, и 23-го он пал. Терские белые отряды уходили в горы, в Дагестан. Около 5 тыс. казаков, не желая оставаться под красными, прошли через Кабарду и присоединились к Добровольческой армии. Деникинцы сражались на Ставрополье. Шли упорные бои за села Константиновское и Петровское, куда откатились красные от Ставрополя. 28 ноября они были разбиты и обращены в бегство Улагаем. В начале декабря большевики предприняли попытку наступления на отряд ген. Станкевича на северном фланге, примыкающем к Манычу, и на корпус ген. Казановича. Но на обоих участках были отбиты.

Куда хуже обстояло дело на Дону. Были, правда, и здесь частные успехи. Опять отличились гундоровцы, взявшие Борисоглебск, узловую станцию Поворино и 5 тыс. пленных. Успешно сражался на Царицынском фронте Мамонтов против 10-й армии, хотя вступивший после Ворошилова в командование Егоров превратил ее во внушительную силу. Довел численность до 70 тыс. чел., реорганизовал, создав кавдивизию Думенко в 4 тыс. сабель — зародыш буденновской конармии. Катастрофа приближалась. На других участках фронта казаки держались из последних сил. В конце ноября на фронт обрушилась суровая зима, снежная и морозная. Метели засыпали неглубокие окопы. От красноармейцев на Дон пришел тиф... Боевые действия шли уже не из соображений тактики, а за жилье, за тепло и крыши. Отступающие сжигали что могли. Части жались к населенным пунктам. Набивались в обгорелые дома, затыкали окна мешками и согревались животным теплом.

В дополнение уход немцев с Украины открыл Дон с запада. Линия фронта сразу увеличилась на 600 км. Причем эта дыра приходилась на большевистски настроенный угольный район, где тут же стали возникать красногвардейские отряды. Из Харькова грозил войной петлюровский атаман Болбочан, из Таврии потянулись махновцы. И двинулись, помаленьку обтекая Войско Донское, части 8-й красной армии. Пришлось остановить наступательные операции на царицынском фронте, перебросить сюда две дивизии, которые заняли Луганск, Дебальцево, Мариуполь. Но этого было ничтожно мало, фронт охранялся лишь редкими заставами. На других участках ослаблялось что можно. Краснов обратился за помощью к Деникину. Тот откликнулся. Немедленно была выделена пехотная дивизия Владимира Зеноновича Май-Маевского в 2,5 тыс. чел. В середине декабря она высадилась в Таганроге и заняла участок от Мариуполя до Юзовки. Большого Деникин прислать не мог. Ведь в то же время он отправил отряды в Крым, в Северную Таврию, после высадки союзников в Одессе послал туда бригаду ген. Тимановского. А польскую дивизию Зелинского в знак доброй воли через Одессу отправил на родину, считая Польшу союзницей. И на Северном Кавказе закипало решающее сражение.

С появлением добровольцев в Донбассе еще более остро встал вопрос единого командования. Переговоры об этом начались 26.11. В Екатеринодаре под председательством ген. Драгомирова состоя-

лось совещание между представителями Добровольческой армии, Дона и Кубани о единой власти, едином командовании и едином представительстве перед иностранными державами. Совещание продолжалось 2 дня, но к согласию не пришли, донские представители генералы Греков, Свечин и Поляков заняли непримиримую отрицательную позицию. За посредничество взялся генерал Пуль. 21.12 состоялась его встреча с Красновым. Началась она с недоразумений. На станции Кущевка английский генерал и донской атаман долго препирались, кто к кому должен первым явиться. Пуль — как представитель Антанты, или Краснов — как глава «суверенного» государства. Чуть вообще не разъехались, но Пуль уступил. Соответственно встретились холодно.

Однако следует отдать Пулю должное, он умел жертвовать мелочами и амбициями ради главного. И научился понимать русских белогвардейцев куда лучше, чем дипломаты и политики. Две непримиримые позиции — главы Деникинского правительства ген. Драгомирова, настаивавшего на полном подчинении Дона Деникину, и донского главнокомандующего ген. Денисова, полностью отрицавшего такое подчинение, Пуль сумел за 3 часа беседы привести к компромиссному варианту: Донская армия переходит в подчинение Деникина, но остается автономной единицей, как австралийская армия в составе британской. И приказы отдаются Деникиным через атамана и Донской штаб. 8 января в Торговой, опять после ожесточенного препирательства между Драгомировым и Денисовым, соглашение о едином командовании, единой экономической и финансовой системе было достигнуто. Деникин и Краснов подписали об этом соответствующие приказы. Теперь Деникин стал главнокомандующим Вооруженными силами Юга России.

Донская и Добровольческая армии объединились как раз в то время, когда их собрались уничтожить. Одновременно с наступлением на запад и на Украину большевистское руководство решило в ходе зимней кампании мощным ударом покончить с главным очагом сопротивления на юге. После побед на Волге и Урале сюда перебрасывались дивизии с Восточного фронта. Дон обкладывали. С запада — группа Кожевникова, впоследствии развернутая в 13-ю армию. С северо-запада 8-я армия Гиттиса. С севера — 9-я армия Княгницкого. С востока — 10-я армия Егорова, которая должна была выйти в стык казаков с добровольцами, отрезая Дон от Кубани. Общая численность достигала 124 тыс. чел. при 468 орудиях. Сама Донская армия насчитывала 60 тыс. при 80 пушках. Но это списочный состав. Фактически на фронте было 38 тыс. К решительному разгрому 40-тысячной Добровольческой армии готовилась 150-тысячная 11-я, воспрянувшая духом после терских побед и получившая поддержку из Астрахани. На фронте от Азовского моря до Воронежа, от Воронежа до Царицына и от Царицына до Кавказских гор в декабре началось величайшее сражение с начала гражданской войны.

До некоторых пор донцам удавалось держаться и даже побеждать. Наступление 10-й армии было отбито. Мамонтов сумел прорвать фронт и разметать по степи войска Егорова. Элистинская дивизия и Черноярская бригада были отброшены на юг и оказались вы-

нужденными отступать через степи на соединение с 11-й армией. Казаки в третий раз подступили непосредственно к Царицыну. Держался фронт на западе, где сражались группа Коновалова в 4 тыс. казаков и дивизия Май-Маевского в 2,5 тыс. Силы противника здесь постоянно наращивались за счет махновцев и шахтерских красногвардейских отрядов. Деникин прислал сюда еще два полка, Май-Маевскому был придан 3-тысячный Воронежский корпус из несостоявшейся Южной Армии. Краснов объявил мобилизацию старых казаков Гундовской, Луганской и Митякинской станиц.

Беда случилась на севере. Многие факторы сказались одновременно. Суровая зима, морозы, тиф. Крайняя усталость. Войне не было видно конца и края, казачьи части на позициях нечем было сменить. Даже угрожаемые участки прикрывались переброской с места на место одних и тех же войск, что еще больше выматывало их. И без того ослабленное моральное состояние войск падало. Немалую роль сыграла позиция союзников, наобещавших с три короба. Казаки невольно сравнивали западных демократов с немцами. У тех, если что-то было обещано, тут же отдавался приказ и тут же выполнялся. А обещанной помощи французов и англичан было не видно и не слышно. Ползли слухи — обман... измена... Да и сам Краснов порядком напутал своей политикой, когда в «тактических» соображениях лавировал то туда, то сюда. То для подъема патриотизма объявлял казаков самостоятельной нацией — «а до России нам дела нет». То звал казаков освобождать только свое Всевеликое Войско Донское. То занять часть Воронежской и Саратовской губерний «из стратегического положения». Постоянно подпитывал казаков иллюзиями — то о покровительстве немцев, которые помогут замирились с большевиками на границах Дона, то о смене на фронте «русскими армиями», которые пойдут дальше освобождать свою Россию, то о приходе союзных дивизий. Все это теперь заработало против Краснова.

Большевики довершили дело, используя оружие, которым белогвардейцы так и не научились пользоваться, — пропаганду. Сначала отдельные агитаторы. Потом, под Рождество, на позициях появились парламентарии, устроившие так, что вокруг них возникли митинги. Они били по тем же местам. «Вы казаки, а воюете в Воронежской губернии, зачем идете против нас?» «Мы вашего не трогаем, и вы нас не трогайте. Идите по домам. Вы сами по себе, мы сами по себе». «Вас мало, а Россия велика. Против нас воевать — от вас мокрого места не останется». «Атаман продался немцам за 4 миллиона». «Раньше на Дону безобразничала Красная гвардия, а сейчас все совсем по-другому. Сейчас Красная армия, в ней дисциплина». «Союзники ни Деникину, ни Краснову помогать не будут, потому что европейская демократия заодно с большевиками и своих солдат против них не пошлет».

Красные добились своего. Надломленные казаки поддались. Большевики и день выбрали удачно — три полка, 28-й Верхне-Донской, Казанский и Мигулинский, бросив фронт, пошли домой «встречать праздник Христов». Офицеров — кого арестовали, кто успел убежать, 28-й полк возглавил бойкий проходимец Фомин. Полк пришел в Вешенскую, где располагался штаб и командование Северного фронта

во главе с ген. М. М. Ивановым. Штаб охраняли всего несколько десятков обозных, но нападать на него полк не стал — это опять была бы война, а казаки решили больше не воевать. И Иванов сил для наведения порядка не имел. Обстановка в станице стала невыносимой, и командованию фронтом пришлось переехать в Каргинскую. Связь с частями и управление ими было нарушено. У Краснова сил для подавления мятежа тоже не оказалось — все, что можно, было на фронте. Атаман попробовал действовать увещеваниями, передал телеграфом приказ Фомину вернуться на позиции. Тот ответил матом.

Через три дня в станицах появились бойкие, с иголки одетые молодые люди в роскошных шубах с перстнями на пальцах. Собрали станичников и начали доказывать преимущества советской власти. В карманах шуб оказались пачки денег, причем «николаевских», котирующихся куда выше разнотипных послереволюционных банкнот. Появилась водка целыми ведрами. Только в Вешенской на угощение было пущено 15 тыс. руб. (Это неудивительно. На Монетном дворе большевики захватили исправные станки для печатания «николаевских» денег и щедро снабжали этими фальшивками своих агентов за фронтом. Например, для «развития революционного движения» в Казахстан были посланы 30 млн., в Туркестан — 38 млн., в Дагестан — 5 млн., горцам Северного Кавказа — 10 млн.). Казаки забузили и... признали советскую власть. Стариков, пытавшихся увещевать их, упрятали в станичную тюрьму. Фомин объявил себя комиссаром.

Краснов, прихватив английского и французского офицеров для показа, поехал вразумлять своих земляков-вешенцев, по дороге устраивая сборы в станицах и убеждая население не поддаваться на вражьи посулы. Когда он приехал в Каргинскую, Фомин в Вешенской снова поднял бучу, заявляя, что к ним едет не настоящий атаман, и иностранцы с ним не настоящие, а ряженые евреи. И надо бы их захватить и судить или отправить в Москву. Но казаки заколебались. Послали тех, кто знал атамана в лицо, проверить — настоящий или нет. Посланцы, удостоверившись, что все без обмана, предупредили Краснова, чтобы без значительных сил в Вешенскую не ездил. Вернувшись, они объявили, что атаман подлинный. И иностранцы с ним настоящие. Вешенская снова забурилась. Начали склоняться к тому, чтобы вязать Фомина и каяться. Но не тут-то было.

Уход трех полков оголил 40-километровый участок фронта. В дыру немедленно вошли девять дивизий 9-й армии и начали быстро продвигаться по Дону. Шли даже не разворачиваясь, проходным порядком, занимая станицу за станицей. Растерянные казаки встречали их хлебом-солью и спрашивали у агентов, соблазнивших их на советскую власть и обещавших неприкосновенность границ — как же это? Но те лишь посмеивались, отвечая издевательскими шуточками. Северный фронт рухнул. Управление частями было потеряно. В соседнем Хоперском округе казаки тоже покатались назад, сдавая станицы Миронову безо всякого сопротивления. Катастрофа становилась всеобщей. Шло не просто отступление. Отходящие части быстро разлагались... Резко возросло дезертирство. Бросали орудия и обозы. Некоторые с оружием в руках передавались «своему» красному комкору

Миронову. Снова пошла митинговщина, неподчинение командирам, а порой — срывание погон и «перевыборы».

Вынужден был начать отступление ген. Фицхелауров, прикрывавший границы от 8-й армии со стороны Харькова. Красные глубоко обходили его правый фланг, угрожая отрезать от Дона. Под Царицыном намечались успехи. Казаки Мамонтова вышли к главной линии обороны, взяли ее южный опорный пункт — пос. Сарепту (ныне в черте Волгограда). В Царицыне была объявлена чрезвычайная мобилизация... Но взять его и на этот раз было не дано. Стали доходить известия о катастрофе на Северном фронте. Армия почувствовала себя неуверенно. Боеспособность казаков падала. Уловив это, Егоров нанес контрудар кавдивизией Думенко по тылам донцов. И здесь тоже началось отступление.

Ликвидировать катастрофу своими силами Краснов уже не мог. Писал о помощи к Деникину. В эти дни Новочеркасск посетила миссия союзников во главе с Пулем. Ознакомившись с обстановкой, Пуль сразу оценил опасность положения и увидел, что меры нужны экстренные. Близко принимая к сердцу русские дела и будучи искренним другом России, он посовещался с атаманом, какая именно помощь была бы желательна. Попросил Краснова срочно приготовить 2 тысячи шуб для своих солдат и отправил приказ о посылке из Батума английской бригады. Первый батальон должен был появиться на Дону через 5 дней. 21 января миссия уехала. Пуль торопился в Екатеринодар, а оттуда в Лондон, надеясь, что там его хлопоты окажутся эффективнее, французские представители капитаны Фукэ и Бертелло (сын командующего) на прощание тоже обещали настоять, чтобы из Одессы французские войска были двинуты на Харьков...

Никуда они дальше Херсона не двинулись. А позиция Пуля тоже была инерцией военного времени. Уезжая на родину, он не знал, что политика Англии уже переменялась. Его приказ о переброске бригады из Батума не был исполнен. А самого Пуля в Лондоне отстранили от дел, намекнув, что Англии нужны друзья Англии, а не России.

44. ПОБЕДЫ НА КАВКАЗЕ

Если зимнее наступление Красной армии привело Дон к катастрофе, то на Северном Кавказе оно закончилось с противоположным для большевиков результатом. 150-тысячная 11-я армия, которую после смерти Сорокина возглавил Федько, громоздко разворачивалась для решающего удара. С фланга ее подпирала 12-я, занимающая Владикавказ и Грозный. Из этих двух армий был создан Каспийско-Кавказский фронт. В тылах у красных было неспокойно. Ставропольские крестьяне все больше склонялись к белым после нашествия продотрядов, тем более что продотрядчики и красноармейцы из малоземельных областей богатое ставропольское крестьянство чуть ли не поголовно причисляли к кулакам. Да и мобилизацию тут красные вели круто, подгребая для пополнения неоднократно битой армии каждого, способного носить оружие. Отворачивались от большевиков горцы, даже те, которые поддерживали их в период общей анар-

хии. Ненавидели калмыки после учиненных над ними безобразий. Затаилось после кровавого подавления терское казачество.

Ударная красная группировка нацеливалась на Невинномысскую. Начало наступления планировалось на 4 января. Но разведка Деникина оказалась на высоте, он разгадал замысел красных и нанес упреждающий удар 4-го — на несколько часов раньше. Основной кулак белых обрушился на 3-ю Таманскую дивизию. В ее составе было 3 тыс. мобилизованных ставропольских крестьян — они сдавались или переходили к добровольцам. К вечеру фронт был прорван. В брешь устремилась конница Врангеля, пошла по тылам, перерезая коммуникации и отсекая ударную группировку большевиков. Остатки 3-й Таманской дивизии, увлекая соседей, покатились назад, на Благодарное и Св. Крест (Буденновск), преследуемые дивизией Улагая. Большевистское командование еще пыталось выправить положение, бросить в тыл Врангелю 1-ю Ставропольскую кавдивизию, но связь между штабами оказалась уже прерванной, и ничего не получилось.

Гигантская 11-я армия стала разваливаться на части. Орджоникидзе настаивал, чтобы отходить на Владикавказ. Большинство командиров было против, считая, что прижатая к горам армия попадет в ловушку. А многие части в беспорядке отступления уже не могли получить никаких приказов. Врангель перехватил железную дорогу Св. Крест — Георгиевск, важнейшую коммуникационную линию противника. Неуправляемая, потерявшая связь с командованием армия бежала разрозненными полками и соединениями. Около 20 тыс. отошли на север, за Маныч, и образовали там Особую армию, заняв район в Сальских степях вокруг Ремонтного. Улагай взял Св. Крест, захватив богатую добычу и вышвырнув врага в голую степь. Группировка в Георгиевске попала в окружение, теснимая с одной стороны Врангелем, а с другой — Дроздовской дивизией. Шкуро шел на Минводы и Пятигорск. 19.01 красные бросили Пятигорск. Около 2 тыс. большевиков, захватив имеющиеся эшелоны, оторвались от белых и укатили на Владикавказ, к 12-й армии. 20.01 была разгромлена Георгиевская группировка. 24.01 Орджоникидзе телеграфировал Ленину: «Одиннадцатой армии нет. Противник занимает города и станции почти без сопротивления».

Только пленных было взято больше 30 тыс. А основная масса, бросив орудия, бронепоезда, огромные обозы, начала отход на Астрахань, преследуемая конницей Покровского. 400 км по голой, безводной степи, при морозах, достигающих 40 градусов, и свирепствующем тифе. Отдельные группы добивались отрядами казаков и калмыков. Сотысячная орда, скопившаяся на Северном Кавказе и терроризировавшая его целый год, исчезла. Зимние пески поглотили и рассеяли армию. До Астрахани дошли жалкие кучки изможденных, обмороженных, больных людей. Единственным соединением, добравшимся в боеспособном состоянии, была бригада Кочубея. Но она вступила в конфликт с властями. Кочубей объяснял катастрофу изменой, в пути зарубил комиссара. По приказу Кирова бригаду разоружили. Кочубей, будучи больным, бежал в степь, был пойман казаками и повешен.

А белые колонны из Минвод без остановки устремились на Вла-

дикавказ. Их пытались остановить заслонами и засадами, но наступательный порыв был так велик, что добровольцы с ходу опрокидывали красную оборону, приближаясь к городу. Навстречу ударил отряд генерала Колесникова, состоявший из бывших войск Бичерахова, терских и горских повстанцев. На волне духовного подъема белогвардейцы в дополнение к 11-й армии разгромили и 12-ю. После семидневных жестоких боев Владикавказ пал. Остатки 12-й красной армии рассыпались. Орджоникидзе с небольшим отрядом бежал в Ингушетию, некоторые части под командованием Гикало ушли в Дагестан, а основная масса, представляя из себя уже беспорядочные толпы беженцев, хлынула в Грузию через зимние перевалы, замерзая в горах, погибая от лавин и снегопадов, истребляемая горцами. Грузинское правительство, опасаясь тифа, отказалось их пускать. Они попытались проломиться силой, но были встречены в Дарьяльском ущелье пулеметами. Многие погибли. Остатки сдались грузинам и были интернированы в качестве военнопленных.

Англичане попытались было ограничить продвижение белогвардейцев, сохранив нефтяные месторождения Грозного и Дагестана за мелкими «суверенными» образованиями, вроде правительства Центрокаспия и Горской республики. Отряд англичан, высадившись в Петровске (Махачкала), начал движение на Грозный, откуда большевики тотчас же эвакуировались. Но когда речь шла о русских интересах, Деникин (в отличие от большевиков) на потачки не шел никому. Опередив англичан, его части 8 февраля вступили в Грозный и двинулись дальше, занимая каспийское побережье до Дербента. Три дивизии 11-й армии, спасшиеся было в Кизляре и занявшие там оборону, оставили город и тоже пошли на Астрахань. Их постигла судьба предшественников. Астрахань приняла новые реденькие партии больных и деморализованных.

В горах, к которым подступили деникинские войска, царила неразбериха. У каждого народа существовало свое правительство, а то и несколько. Почти в каждой долине ходили свои деньги, часто самодельные, а общепризнанной «конвертируемой» валютой были винтовочные патроны. Гарантами «горских автономий» пытались выступать и Грузия, и Азербайджан, и даже Великобритания. Но опять же Деникин (которого коммунисты так любили изображать марионеткой Антанты) играть в эти игрушки не стал и, послав подальше британские пожелания, решительно потребовал упразднения всех этих «автономий». Поставил в национальных областях губернаторов (в основном из белых офицеров и генералов данной национальности).

Отряды коммунистов и «шариатистов», скопившиеся в Кабарде, бежали в Ингушетию, но там население их не приняло, и они отступили в Чечню. В Дагестане представитель Деникина встретился с имамом Гоцинским и заявил, что существования на территории России независимой Горской республики главнокомандующий не потерпит. Гоцинский отказался от борьбы с Деникиным, увел свои силы в район Петровска и от выступлений воздерживался. Но другой, еще более фанатичный имам, Узун-Хаджи, объявил Деникина неверным, с которым нужно вести джихад. Он проклял Гоцинского как отступника и ушел в высокогорный Андийский округ и Чечню собирать сторон-

ников для священной войны. Интересно, что с фанатиком-мусульманином Узун-Хаджи вполне нормально объединились части безбожников-большевиков Н. Гикало.

Кроме этих отдельных очагов сопротивления, весь Северный Кавказ стал белогвардейским. Сразу после взятия Владикавказа две кубанские дивизии под общим командованием Шкуро были переброшены на Дон. 16 февраля к Деникину прибыл новый глава союзной миссии генерал Бриггс. Он тоже показал себя другом России. Говорил: «Здесь, в Екатеринодаре, творится великое дело». Старался помочь всем, чем мог. Только мог он немного. Он приехал уже с другими инструкциями и полномочиями, куда более ограниченными, чем Пуль. О каждой мелочи вынужден был запрашивать командование в Константинополе, а по более важным вопросам — даже Лондон. А 19 февраля, только через три месяца после встречи с союзниками, в Новороссийске появился первый корабль с оружием и обмундированием. Наконец-то была хоть какая реальная помощь!

Для полноты картины следует упомянуть еще об одной небольшой войне, белогвардейско-грузинской. Армения, просидевшая весь 18-й год в осаде между Турцией, Азербайджаном и Грузией, видела в России свою защиту, неизменно поддерживала хорошие отношения с русскими и имела своего представителя при Добровольческой армии. В декабре началась война между Грузией и Арменией. Она отразилась и на армянах Сочинского округа, занятого грузинами. А они составляли там треть населения, коренных же грузин в Сочинском округе не было. Армяне обратились за помощью к Деникину. Опять же, несмотря на протесты британского ген. Форестье Иокера, командующего в Закавказье и поддерживающего отделение этого края от России, Деникин в феврале двинул из Туапсе на Сочи войска ген. Бурневича.

Грузинский командующий ген. Кониев и большинство его офицеров в день белого наступления гуляли в Гаграх на свадьбе сослуживца. Добровольцы внезапно атаковали грузин с фронта, а с тыла ударили дружины армянских дашнаков. (Интересно судьба играет — в Баку такие же дружины дашнаков были опорой красного фронта). Оказав незначительное сопротивление, грузинские войска сложили оружие. Добровольцы форсированным маршем двинулись на юг и заняли Сочи. Ген. Кониев, мчавшийся на автомобиле со свадьбы к войскам, угодил в плен. Вслед за этим деникинцы заняли Гагры и установились на рубеже реки Бзыбь, дореволюционной границы Кутаисской губернии. Грузия послала сюда 6 батальонов Народной гвардии, но дальнейшее развитие конфликта остановили англичане, выставив на единственном мосту через Бзыбь свой пикет. Они же предложили Деникину оставить Сочинский округ. Он отказался, поскольку эта территория принадлежала России. Кониев и его солдаты были через несколько месяцев возвращены Грузии. Так что сейчас, отдыхая в Сочи, можете вспомнить генерала Деникина, благодаря которому этот край так и остался в составе России, а не Грузии.

45. ОТСТАВКА КРАСНОВА

Донская армия после развала фронта катилась назад и погибала как военная сила. Выюги, глубокие снега, морозы, усталость, тиф довершали ее разложение. От тифа умер командующий несостоявшейся Южной армии генерал от артиллерии Н. И. Иванов. Войска разъедал яд недоверия. Одни обвиняли предателей-казаков, открывших фронт. Другие — командование. Третьи — «генералов», которым «продался» Дон (признав власть Деникина) и которые нарочно губят теперь казаков в отместку за прошлые конфликты. Очень немногие части сохраняли боеспособность. С дезертирами дурь и разложение пошли по станицам... Краснов метался по Дону, выступал перед станичниками в Каргинской, Старочеркасской, Константиновской, Каменской, уговаривая продержаться, обещая подмогу от Деникина, от союзников, ссылаясь на обещания ген. Пуля и французов. Но подмоги не было, и это еще больше подрывало боевой дух. Делался вывод — обман.

Подмоги не было, потому что Добровольческая армия в эти дни громила 11-ю и 12-ю красные армии на Северном Кавказе. Не добить их окончательно — значило бы снова дать возродиться, как летом и осенью, снова завязнуть в боях на неопределенное время. Пуля в Лондоне уже сняли. А французы вместо помощи плюнули в морду. Начальник их миссии капитан Фукэ 9.02 приехал на Дон с «чрезвычайными полномочиями». Повел себя сразу по-хамски. Потребовал, чтобы за ним выслали персональный поезд. С генералами говорил свысока, держал себя покровительственно. Атаману заявил, что французские солдаты не могут жить и воевать в тех скотских условиях, в которых находятся русские. Им нужны хорошие, теплые казармы, жизнь в городах, железнодорожная связь с тыловыми базами. Если, мол, на Дону есть такие места, французы немедленно приедут. Краснов был согласен даже на это — пусть французы займут гарнизонами Луганск и другие города угольного района, тогда казаков оттуда можно будет перебросить на Северный фронт. Фукэ с видом благодетеля сказал, что больше проблем нет и войска будут отправлены завтра же. Тут же отбил шифротелеграмму, что требует посылки пехотной бригады в Луганск.

Но это было еще не все. На следующий день он пригласил атамана к себе в гостиницу, где встретил вместе с консулом Гильомэ. Краснову предложили подписать состряпанные за ночь «условия», в которых Дон «как высшую власть над собою в военном, политическом, административном и внутреннем отношении» должен был признать французского главнокомандующего на Востоке ген. Франше д'Эспре. «Все распоряжения, отдаваемые Войску», должны были «делаться с ведома капитана Фукэ». Дон должен был оплатить все убытки французских фирм и граждан, проживавших тут ранее, начиная с 1914 г. Ну и по мелочам — Фукэ распорядился, чтобы ему представлялись в 2 экземплярах все карты и сводки, посылаемые Деникину.

Краснов аж ошалел от такой наглости. Так по-свински не смели действовать даже враги-немцы. Не то что с казаками, но даже с начальством оккупированных областей. Французы же, ничего конкретного со своей стороны не обещая и ничем не обязываясь, пытались

обращаться с русскими союзниками, как с побежденными! Атаман, естественно, отказал, о чем отписал генералу д'Эспре и доложил Деникину. Донское правительство и часть депутатов Круга, до которых он довел «условия», высказали полное негодование по поводу подобной низости. Деникин ответил, что возмущен выходкой, и одобрил действия Краснова. И со своей стороны направил французскому командованию ноту протеста, считая демарш Фукэ оскорбительным для Вооруженных сил Юга России. Франше д'Эспре предпочел замять конфликт. Было объявлено, что Фукэ превысил полномочия. Он был отозван из Екатеринодара и заменен полковником Корбейлем. Но пока шла эта переписка, Фукэ продолжал мутить воду, громко заявляя направо и налево, что Войску Донскому помощи от союзников не будет, потому что Краснов — немецкий ставленник.

Да и вряд ли его выходка была простым «превышением полномочий». Скорее — дилетантской попыткой игры в «большую политику». Глядя на Англию, меняющую ориентацию от единой России к новым окраинным государствам, прибалтийским и закавказским, французы решили поиграть в ту же игру, выискивая и себе подходящие объекты — Польшу, Украину. Только, в отличие от англичан, делали они это крайне неумело, творили одну глупость за другой. И попробовали добавить к Украине «суверенный» Дон. А войска в Луганск они так и не двинули.

Положение продолжало ухудшаться. 12.02 на Северном фронте еще 4 полка перешли на сторону красных. Казаки оставили Бахмут и Миллерово. Краснов и Денисов предпринимали попытки к спасению. В районе Каменской сосредоточивали группу из боеспособных частей — Гундоровского полка, Молодой армии, чтобы контрударом на Макеевку остановить продвижение красных. Но правление самого Краснова уже подходило к концу.

Оппозиция атаману, проявившая себя еще в августе, значительно усилилась. Те, кто критиковал его за германскую ориентацию, почувствовали себя увереннее после победы Антанты. Те, кто критиковал за самостийность, подняли головы после подчинения Деникину. Недовольство усиливалось неудачами на фронте. А главное, хитрые казаки Войскового Круга были себе на уме. Они посадили Краснова в атаманы, рассчитывая, что он и порядок сумеет навести, и с германцами договориться. А теперь, покумекав, приходили к выводу, что атамана-то лучше сменить. И союзники, мол, помогут вернее. И с Деникиным отношения получатся лучше.

Подходящая кандидатура была — Африкан Богаевский. Брат Митрофана Богаевского, убитого большевиками помощника Каледина. Прошел с Корниловым и Деникиным Ледяной поход. У Краснова был председателем Совета управляющих (министров), отстаивая даже при немцах «союзную» и общероссийскую ориентацию. Чем плохой атаман для переменившейся ситуации? Начались выступления в печати, интриги. Раздавались требования об экстренном созыве Войскового Круга. Атаман отклонил их, чтобы внутренние потрясения не усугубили фронтовой катастрофы. Но если не удался экстренный созыв, то 14.02 все равно должна была открыться очередная сессия. Круг повел атаку не прямо на атамана. Юридически он был

неуязвим, т. к. атаман выбирался на 3 года. Поэтому Круг навалился на командование Донской армии — ген. Денисова и его начальника штаба Полякова. Денисов был, несомненно, талантливым военачальником и отличным организатором, но отличался крайним честолюбием и самолюбием. Его называли «донским Бонапартом». Создав и выпестовав Донскую армию, ревниво оберегал ее от «чужих». Любое подчинение казалось ему ущемлением собственных прав. На него точили зуб многие. Донские старики — считая слишком молодым для командования, федералисты — считая главной опорой сепаратизма. И многие офицеры, которых он выгонял из армии за пьянство, трусость, лихоимство. А кое-кого и за «плохую отчетность» или «агитацию против атамана». Пока армия одерживала победы, он был неуязвим. Как только она стала разваливаться, на него спустили всех собак.

Круг высказал недоверие Денисову и Полякову, потребовал их отставки. Краснов попытался использовать прием, уже выручавший его в сентябре, — заявил, что выраженное недоверие он всецело относит к себе, поэтому отказывается от должности атамана. А оппозиция только этого и ждала. Большинством голосов отставку Краснова приняли. Согласно законам Войска Донского, власть временно перешла к председателю Совета управляющих Богаевскому, а потом он был избран в атаманы официально. Командование армией возложили на ген. Сидорина. Надо сказать, далеко не самый удачный выбор. Был он деятелем достаточно безответственным, да и за воротник заложить любил.

Отставленный Краснов встретился с Деникиным. Главнокомандующий посочувствовал: «Как жаль, что меня не было, я бы не допустил вашей отставки». Он считал, что в любом случае смена руководства в критический момент не может быть полезной. Но вмешиваться в свершившееся не стал. Формально — из-за своего обещания не лезть во внутренние дела Дона. А реально ему, конечно, было удобнее работать со своим старым соратником Богаевским. Краснову же, говорившему немцам одно, союзникам другое, Деникину третье, казакам четвертое, командование Добровольческой армии не могло доверять. Экс-атаман уехал в Батум к своему брату-ученому. (Кстати, создателю и первому научному руководителю знаменитого Ботанического сада на Зеленом Мысу.) Впоследствии Краснов работал при штабе Северо-Западной армии Юденича.

А Деникин посетил заседание Круга, где выступил с речью. Он сказал: «Настанет день, когда, устроив родной край... казаки и горцы вместе с донцами пойдут на север спасти Россию, спасти от распада и гибели, ибо не может быть ни счастья, ни мира, ни сколько-нибудь сносного человеческого существования на Дону и Кавказе, если рядом будут гибнуть прочие русские земли. Пойдем мы туда не для того, чтобы вернуться к старым порядкам, не для защиты сословных и классовых интересов, а чтобы создать новую светлую жизнь всем: и правым, и левым, и казаку, и крестьянину, и рабочему».

Вторжение красных на Дон постепенно замедлялось. Группировка, собранная Красновым и Денисовым у Каменской, нанесла контрудар зарвавшимся большевикам, обнаглевшим настолько, что про-

двигались походными колоннами, даже не высылая охранений. С Северного Кавказа начала подходить долгожданная помощь. От Владикавказа был повернут на Дон казачий корпус Шкуро. 23.02 он вступил в Новочеркасск, встреченный бурным ликованием жителей. Начал организацию добровольческих партизанских отрядов из молодежи — студентов, юнкеров и гимназистов — ген. Семилетов. И природные условия, принесшие казакам столько бед, начали играть им на руку. После суровой зимы наступили сильные оттепели и ранняя, бурная весна. Дороги превращались в месиво. Разливались реки, создавая на пути красных естественные преграды. Наступление большевиков остановилось на рубеже Северного Донца. От сильной еще недавно Донской армии на правый берег отступило всего около 15 тысяч человек.

46. РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКАЯ ВЛАСТЬ

То, что коммунистическая власть опиралась на «союз рабочих и крестьян», — чистейшая чепуха. Опиралась она на них за линией фронта, у белых, умело возбуждая недовольство и поддерживая борьбу с властями в любых формах. А у себя «дома» как она могла опираться на крестьян, ограбленных продразверсткой, загоняемых в коммуны и совхозы? Рабочие? Да на шута она нужна была рабочим с голодом, нищетой, разрухой? В апреле в Москве по «рабочей» (т. е. высшей, не считая совнаркомовских) карточке полагалось 216 г хлеба, 64 г мяса, 26 г постного масла, 200 г картошки. Если удавалось отоварить. Из-за развала хозяйства в марте забастовали рабочие астраханских заводов «Этна», «Вулкан», «Кавказ и Меркурий». 14.03.19 по приказу уполномоченного из Москвы К. Мехотина десятитысячный митинг рабочих оцепили войсками. Около 2 тысяч положили на месте огнем пулеметов. Остальных, с ужасом разбегающихся из города, преследовала и рубила конница. Любопытно, что членом РВС новой 11-й армии, производившей побоище, был «друг рабочих» С. М. Киров.

1.04.19 Ленин телефонограммой требовал от ВЧК принять «самые срочные и решительные меры против призывов к забастовкам». В апреле была крупнейшая забастовка в Туле. Как уж ее подавляли! Дзержинский направил председателю тульской ЧК директиву: «Необходимо во что бы то ни стало поднять производительность заводов в самый короткий срок... Надо применить все меры репрессий по отношению к тем, которые мешают поднятию производительности». Бастовали в Москве, Петрограде, Брянске. Мы уже знаем, что именно рабочие скинули власть большевиков в Мурманске, Ижевске, Воткинске, Закаспийской области. Так что опора на них — только миф.

Не союз, а срамливание между собой различных слоев населения стало опорой советской власти, голодных рабочих науськивали на якобы сытых крестьян, «гноящих хлеб», крестьян и казаков — на «контрреволюционные» волнения в городах — «в то время, как мы тут кровь проливаем, они там, в тылу, нам в спину целятся!», крестьян и рабочих — на «опричников»-казаков. Латышей бросали под Казань, донцов — под Смоленск, башкир — под Петроград. Автоно-

мистов восстанавливали против сторонников «единой и неделимой», а потом били самих за «предательство интересов России». Анархию натравливали на сторонников порядка, а потом давили анархию за беспорядки.

Добавим такую «опору», как развращение и политизация населения. Большинство заводов из-за бесхозяйственности, отсутствия сырья и топлива, разрыва экономических связей простаивали или занимались кустарщиной. Бывшие рабочие разъехались по деревням или превратились в толпы люмпенов, живущих на иждивении государства. Что там в них рабочего осталось? Они давно забыли, как надо трудиться ради заработка. Крестьяне, уже оторванные от земли мировой войной, снова отрывались мобилизациями. Или по лесам от этих мобилизаций прятались. В результате из рабочих и крестьян вырабатывалась деклассированная масса — страшная, ничего за душой не имеющая толпа черни. Причем насквозь политизированная... «Революционная» пропаганда заполняла жизнь каждого. Даже мы с вами лишь с трудом можем разобраться сейчас в хитросплетениях политических бурь того времени, а что взять с полуграмотного мужика? С баб-работниц, половину фабричного дня толкущихся на митингах? Вот и дурили им головы как хотели.

Мы подошли к главной, реальной опоре коммунистической власти — тоталитарному государственному аппарату. Как раз к 19-му он окончательно оформился. Дальше менялись оттенки, но основная формула власти оставалась неизменной вплоть до 91-го. Это было главное изобретение большевиков, еще не виданная в мире система. Власть организации, машины. Точнее, двух машин, связанных между собой — пропагандистской и репрессивной. Одна рисует картинки ада в случае поражения («власть барина», «виселицы», «сапог генерала», «казацкая нагайка») и картины рая в случае победы («светлое будущее»), объясняет происками врагов все собственные просчеты (голод и разруха из-за белых, шпионов и саботажников). А вторая машина перемалывает неверующих и сомневающихся. Первая поставляет пищу второй, а вторая первой — тех самых врагов и заговорщиков, которыми можно запугивать и на которых можно все списать. Без жертв такая система существовать в принципе не может. Ей обязательно нужен враг, внешний или внутренний. Иначе «мобилизовать» население окажется невозможно — на Восточный ли фронт или, скажем, в «битву за урожай». Это был первый в мире опыт, и противостоять ему Россия не смогла. Расшатанная «просветителями» христианская мораль не выдержала напора животных инстинктов.

Да ее к тому же давили, христианскую. Весной 19-го развернулась мощная антицерковная кампания. Прошла целая серия «разоблачительных» вскрытий святых мощей — на севере, в Тамбове, а 11 апреля были принародно вскрыты мощи св. Сергия Радонежского, дабы показать их «тленность». Этот кощунственный акт снимался на киноплёнку. Непосредственное руководство осуществлял секретарь МК РКП (б) Загорский, тот самый, чье имя так долго потом носил Сергиев Посад. Он писал: «По указанию В. И. Ленина как можно быстрее сделать фильм о вскрытии мощей Сергия Радонежского и показать его по всей Москве».

Что касается репрессивной машины, то зимой в связи с победами красных развернулась дискуссия о правах ВЧК. Даже в большевистской верхушке стали побаиваться этого всемогущего бесконтрольного органа. А тут как раз всплыло несколько дел о взяточничестве чекистов и чудовищных злоупотреблениях служебным положением. Ограничения функций ЧК требовали и конкуренты из других репрессивных организаций. Наркомат юстиции предлагал изъять у ЧК право на внесудебные расстрелы и сохранить ЧК лишь как следственные органы при ревтрибуналах. Дзержинский, Петерс и др. отчаянно защищались. Дзержинский говорил на Московской конференции РКП(б) 30.01.19: «Крупную буржуазию мы победили. Оставшиеся враги окопались во многих наших советских учреждениях, саботируют и тормозят нашу работу. Борьбу с ними, с этими контрреволюционерами, можно поручить только ЧК, но не революционному трибуналу. Мы не отрицаем гласности, но мы против уничтожения ЧК, т. к. период чрезвычайных обстоятельств еще не прошел». Ленин поддержал чекистов. В результате появилось компромиссное положение, сохраняющее все права ЧК при военном положении и передающее право расстрелов трибуналам в иных случаях. Практического применения положение не получило. Пока отрабатывались инструкции, обстановка опять изменилась и все пошло по-прежнему.

Наоборот, позиции Дзержинского стали усиливаться. В связи с переводом на Украину наркома внутренних дел Петровского Дзержинский с 30.03.19, кроме ЧК, концентрирует в своих руках власть НКВД — милицию, угрозыск, войска пограничной и железнодорожной охраны, войска ВОХР (внутренней охраны). Об их численности можно судить по тому, что имелись полки ВОХР, бригады, батареи, эскадроны — все для подавления внутренних рабоче-крестьянских выступлений. Территория республики делилась на 11 секторов, в каждом был свой штаб. А центральный штаб ВОХР приравнивался к штабу фронта, и руководил им Военный совет во главе с Дзержинским.

В качестве опоры большевикам настойчиво лезли и подставлялись... многократно битые ими друзья-соратники, эсеры с меньшевиками. Видя, что власть во всех областях, свергших коммунистов, ускользает от них, переходит к более умеренным кругам, они снова стали искать союза с большевиками. Объединяться с ними против общего врага — «белых генералов»! Ряд видных деятелей, Вольский, Святицкий и др., выступили с соответствующими декларациями. Образовали свой «комитет членов Учредительного Собрания» (разогнанного союзниками-большевиками), который выпустил воззвание «Ко всем гражданам Российской республики», призывая «трудовую демократию» к борьбе с «черносотенной реакцией областных правительств», к вооруженному выступлению против «героев контрреволюционных вождедений». Где-то в феврале меньшевики и часть эсеров заключили с коммунистами формальное перемирие. Большевистская сторона, правда, воспринимала перемирие своеобразно, т. е. односторонне, ничем себя не стесняя. Например, 25.03 ЦК РКП(б) поручил ВЧК «взять под наблюдение» правых эсеров, а 28.05 направил «на места» циркуляр об аресте меньшевистских и эсеровских дея-

телей. Но это же мелочи, правда? Социал-демократические партии продолжали слепо и настойчиво подставлять свои задницы в качестве союзников.

А что для большевиков оказалось особенно благоприятным — так это международное положение. Революции в Берлине, Венгрии, Баварии открывали реальные перспективы общеевропейского революционного пожара. Ленинский план по созданию к весне трехмиллионной армии выполнить, правда, не удалось. Но полуторамиллионная была. И на картах обозначилось новое направление главного удара — с Украины в Венгрию. А главная угроза власти коммунистов, которой они так боялись — угроза активного вмешательства мирового сообщества, — к весне 19-го совершенно рассеялась. Мало того, коммунисты даже стали получать моральную поддержку со стороны культурных европейских социалистов в их культурных европейских парламентах. Нет, они не были извергами, эти культурные социалисты. Они были просто политиками. И привыкли завоевывать популярность, голоса избирателей разоблачениями «буржуазных» происков. Как же они могли иначе в российском вопросе? Лозунги-то у большевиков были вроде правильными, передовыми и социалистическими. А ЧК, разруха, продразверстка, репрессии находились далеко. Слухи о том, что творится в России, разве могли быть чем-то, кроме буржуазных выдумок? Какой здравомыслящий человек мог поверить, что в передовой европейской стране, в цивилизованном XX веке массами истребляют интеллигенцию, грабят крестьянство, морят голодом собственные города? Сам размах большевистского варварства делал его для стороннего человека неправдоподобным, обрекал правду на роль грубой фальшивки, потому что сознание нормального человека было неспособно переварить эту правду и не посчитать ее ложью.

47. БАЛТИЙСКИЙ ЛАНДСВЕР

Прибалтика одним махом получила полный букет «удовольствий» — и разнузданный бандитизм, характерный для первого красного нашествия, которого она избежала под немецкой оккупацией, и систематизированный кошмар, характерный для второго, и весь комплекс социальных экспериментов 1918—1919 гг. Сельское хозяйство здесь было не общинное, как в России, а хуторское и помещичье — тем легче казалось осуществить коллективизацию, перебив помещиков с арендаторами, а батраков объединив в коммуны. Сначала-то батраки встретили новшество с восторгом. Но коммунизированные помещичьи закрома все равно выгребли продразверсткой. И объяснили, что, например, поросенок, родившийся от личной свиньи, — уже не личная собственность, а должен быть поделен поровну на всю коммуну. Почесав в затылках, мужики заговорили о возврате к «нормальной» жизни.

В Риге одновременно соединились элементы разных красных «эпох» — стихийные расстрелы и организованный террор ЧК, отдельные хулиганские грабежи и повальные обыски с реквизициями дра-

гоценностей, «излишков» одежды и продовольствия. Прошло меньше месяца советской власти, и настал голод. Карточки не отоваривались, а купить еду было невозможно. Еще месяц, и на улицах стали подбирать умирающих от истощения, причем тех же рабочих. А в это время властитель Прибалтики комиссар Стучка (правильно — Штучка) устраивал в бывшем Дворянском собрании пышную свадьбу дочери, куда съехались гости со всей России. Рассказывали, что нигде до тех пор не было видано одновременно такого количества драгоценностей, как на участниках этого бала.

Латышские стрелки принесли с востока тиф. Он быстро пошел косить жертвы в многолюдном городе. Тифозными были забиты больницы и лазареты. Заражались и здоровые в жуткой скученности, без тепла и горячей воды. Понадобилось всего пару месяцев, чтобы даже самые низшие слои общества, городская чернь, встретившая «освободителей» ликованием, убивавшая немцев и «буржуев», начала смотреть на большевиков с откровенной ненавистью. И желать скорейшего прихода тех же немцев! Картина усугублялась национальными взаимоотношениями. Немцы выгонялись из всех учреждений, их заменяли безграмотными латышами. Выгоняли из квартир среди зимы, выселяли в неотапливаемые бараки. Если в России звучали призывы за каждого убитого большевика убивать сто буржуев, то в Латвии — сто немцев. Быть немцем было так же опасно, как столбовым дворянином, многие пытались подделать документы под русских.

И вовсю свирепствовал террор. Волнами катились аресты. Несколько тюрем были забиты до отказа. Расстрелов было столько, что солдаты отказались в них участвовать. Эту «священную обязанность» взяли на себя молодые женщины-латышки. Они составили целый отряд, выглядевший достаточно живописно, поскольку рядились в одежду, снятую перед казнью со своих жертв, — каждая на свой вкус. И щеголяли кто в офицерской шинели, кто в вечерних декольтированных платьях, кто в шубах и шляпах с перьями, кто в сапогах, кто в изящных туфлях и ажурных чулках. Представьте, в таком виде женское палаческое подразделение участвовало во всех коммунистических парадах и шествиях. И прославилось крайним садизмом, истязая раздетых донага приговоренных, перед тем как их расстрелять.

Белые же силы, закрепившиеся на рубеже р. Венты (Виндавы), только-только готовились к настоящей борьбе. После соглашения с правительством Латвии Германия начала оказывать активную помощь балтийскому ландсверу. Немцы взялись серьезно. Подпускать большевиков к рубежам своей страны, бурлящей внутренними волнениями, они не собирались. Общее руководство фронта было сосредоточено в руках ген. фон дер Гольца. Балтийский ландсвер был сформирован наскоро, многие добровольцы из чиновников, студентов, гимназистов никогда не знали службы. Дисциплина и выучка были слабыми, боеспособность держалась на энтузиазме и патриотическом порыве. Германцы из этих полупартизанских отрядов взялись делать профессиональную армию.

Вместо генерала русской службы фон Лорингофена командиром ландсвера назначили майора Флетчера. Для обучения в каждую роту

поставили германских унтер-офицеров. Добровольцы завопили и застонали в их руках, но в несколько недель эти унтеры сумели сделать из аморфной массы крепкие подразделения. Был создан немецко-балтийский ударный отряд лейтенанта Мантейфеля (рижский немец) в 1200 чел., отряд графа Эйленбурга в 800 чел., латышский отряд полковника Баллода в 2 тыс. чел., русская рота капитана Дыдерова, кавалерийские эскадроны Гана (ротмистр Ахтырского гусарского полка), Драхенфельса (подполковник Архангелогородского драгунского полка), Энгельгарда (местный помещик). Часть офицеров русской службы уехала в Ревель, в армию Родзянко, или перешла в отряд князя Ливена, считавшийся частицей русской, а не латвийской армии. Его численность возросла до 250 чел.

Активные действия начались в ночь на 2 марта. Отряды Мантейфеля и Ливена на подводах совершили быстрый бросок к г. Виндаве (Вентспилсу), атаковали красных и прорвали фронт. В авангардном бою командир ландсвера Флетчер дважды был ранен, но остался в строю, продолжая руководить операцией. Утром главные силы вышли к городу с юга, в обход с востока — рота фон Клейста в 200 штыков, а с запада, берегом моря — эскадрон Гана. После трехчасовых уличных боев Виндава была взята. Красные попытались ответить в другом месте, осадив г. Гольдинген (Кулдига), где оборонялся отряд Эйленбурга. Маневрировать приходилось одними и теми же силами. Оставив в Виндаве роту Радена в 150 чел., Флетчер снова усадил свои части на телеги и рванулся на выручку. Но, проведая о движении белых, большевики сняли осаду и отошли на свой берег реки. Через несколько дней красные повели наступление на г. Виндаву. Те же войска на тех же телегах помчались за 50 км обратно. Но помощь не потребовалась. Раден не только отстоял город, но и нанес контрудар в обход лесными дорогами, разрушив железнодорожное полотно и захватив вражеский бронепоезд.

После этих разведок и маневров началось общее наступление. 13 марта на фронте 130 км антибольшевистские силы прорвали боевые порядки врага и двинулись на восток пятью колоннами. Немцы Мантейфеля, немцы и русские Эйленбурга, русские Ливена нацеливались на г. Туккум (Тукумс), правее латыши Баллода шли на г. Доблен (Добеле), а на правом фланге германская Железная дивизия Бишофа в 4 тыс. чел. наступала на г. Альт-Аутц (Ауце). Вперед вырвалась колонна Мантейфеля и взяла Туккум, откуда большевики бежали. Они, правда, успели за несколько часов до падения города угнать множество арестованных и заложников из местной тюрьмы, но Флетчер, находившийся при отряде Мантейфеля, выслал погоню, которая освободила несчастных.

Пользуясь неразберихой в обстановке, Флетчер решил неожиданно нагрянуть в столицу Курляндской губернии г. Митаву (Елгаву) и выступил с наличными силами, не дожидаясь Железной дивизии и латышей Баллода. В авангарде наступал русский отряд. Он вышел севернее Митавы к местечку Кальницемсу (Калнциемс), всего в 40 км от Риги, и завязал здесь бой с противником, засевшим на старых, еще с мировой войны, рижских позициях. Ливенцы отвлекли на себя значительные силы, в то время как Мантейфель быстро шел на Митаву. Бой произошел в 6 км от города. Разбитые большевики в панике бе-

жали, оставив в Митаве много имущества и припасов. Но отсюда увести заложников они успели. Пожилых и слабых в пути приканчивали штыками. Остальных загнали в и без того забитые рижские тюрьмы.

Положение сложилось запутанное. В тылу осталось много большевистских войск, отступающих от Виндавы, Доблена, Альт-Аутца. Они тыкались туда-сюда, нащупывая выход из окружения. Сил, чтобы взять их в плотное кольцо, у белых не было, и они постепенно просочились на восток, не решаясь прорываться к Риге. Эти части и банды мешали сообщениям между фронтом и тылом. Даже попытались штурмовать Туккум, но оставленный там гарнизон в 85 чел. сумел отразить атаку.

В то же время красные решили вернуть Митаву ударом с фронта. В боях за город отличились русские добровольцы Ливена. Они оказались на острие удара, занимая оборону у моста через р. Курляндская Аа (Лиелупе), куда обрушился главный натиск большевиков с 2 бронепоездами и несколькими броневиками. Отряд отбил две жестокие атаки, после чего красные не лезли, ограничиваясь артобстрелом. Через 2 дня последовала новая попытка. Стало известно, что какие-то красные войска, переправляясь через реку по льду, накапливаются в ближайших лесах. Прочесать местность направили русский отряд и германскую пулеметную роту. В 5 км от Митавы они наткнулись на противника, и белогвардейцы Ливена атаковали с ходу под прикрытием немецких пулеметчиков. Красные начали отступать, затем побежали. Их гнали 12 км, пока ни одного большевика не осталось на западном берегу. Позже выяснилось, что 250 добровольцев гнали и преследовали... два полнокровных полка хваленых латышских стрелков, 10-й и 15-й.

Рижские большевики тоже были в панике. Их учреждения спешно эвакуировались. Даже заблаговременно очищались от «буржуев» улицы для отступления войск. Расстреливали и вывозили заключенных. О возможности серьезной обороны города уже не думали. Будь на месте фон дер Гольца какой-нибудь отчаянный Шкуро или Дроздовский, Рига была бы взята в пару дней. И соотношение сил было «приемлемым». Ригу защищала армия в 15 тыс. чел. против 8 тыс. наступающих. Но германцы-то не могли воевать вопреки всем уставным правилам. А по правилам следовало подтянуть тылы, очистить освобожденную территорию от банд противника, влить пополнения, подвезти снабжение и боеприпасы. Начали впутываться противоречия между Германией и Антантой. Наконец командование трезво рассудило, что, пока море не вскрыется ото льда, нельзя будет наладить снабжение рижского населения продовольствием. Мол, может начаться голод...

А голод в Риге уже царил. Варили суп из клея, пекли лепешки из кофейной гущи, ели домашних животных. Умирали. Творилось то же самое, что позже в блокадном Ленинграде — разве что без всякой блокады. Продукты вагонами вывозились на восток или на фронт, а в городе жрали от пуза лишь палачи с ближайшими подручными. Но это было слишком чудовищно, чтобы верить таким слухам. И по реке Лиелупе фронт снова остановился. Опять началась изнурительная позиционная война.

48. ФРУНЗЕ И КОЛЧАК

Среди полководцев гражданской войны можно четко выделить несколько категорий. Были командиры «старой школы», вроде Деникина и Самойло, были командиры «нового поколения», вроде Тухачевского и Каппеля, были народные вожаки, как Чапаев или Шкуро, были авантюристы наподобие Муравьева и Бермонта-Авалова... Были случайные бездарности и просто бандиты. Но одна фигура уникальна — это Фрунзе. Личность, не поддающаяся никакой классификации. Руководитель боевиков-террористов Иваново-Вознесенска в 1905 г., председатель Минского совдепа в 17-м. Из Иваново-Вознесенска со своими отрядами то и дело мчался в Москву, в ноябре 17-го — бить юнкеров, в июле 18-го — левых эсеров. После подавления Ярославского восстания стал военкомом Ярославского округа, а в январе 19-го направлен на Восточный фронт подавлять Уральское казачество.

Современники характеризуют Фрунзе как трезвого, холодного, расчетливого и весьма честолюбивого диктатора. Сам же он, уроженец Киргизии, любил называть себя человеком восточным, а своим кумиром считал Тамерлана, одного из величайших полководцев Средневековья. И одного из самых жестоких властителей. Что-то тамерлановское было и в самом Фрунзе. Полководцем он был, конечно, гениальным — от природы. Обладал редчайшей интуицией, умел выискивать неординарные решения, порой делал ставку на очень рискованные стечения обстоятельств и всегда угадывал. В его действиях мы сможем найти примеры удивительного для большевиков гуманизма, идущего вразрез со всеми установками партии. А можем найти и примеры исключительной жестокости. Можем найти рыцарское благородство, а можем — черное коварство. Смотря что в данный момент было выгодно для достижения победы, остальное для него не играло роли. История любит повторения. Возможно, в лице Фрунзе она готовила для русской революции своего Бонапарта. Вот только в революционной Франции не было такой штучки, как партийная дисциплина, способной заставить Бонапарта лечь на операционный стол и дать себя зарезать.

Почему Фрунзе получил пост командарма — трудно сказать. В это время на такие должности уже старались назначать профессионалов-«военспецов». То ли против казаков решили послать специалиста по подавлениям, каковым он себя зарекомендовал. То ли хотели усилить «партийное влияние». 17-тысячная 4-я армия, созданная из крестьянских партизанских отрядов, одержав победу над казаками и взяв Уральск, стремительно начала разлагаться. Идти в зимнюю степь штурмовать ошетилившиеся станицы никому не хотелось. На попытки обуздать их «коммунистической дисциплиной» войска ответили бунтами. Восстали 2 полка Николаевской дивизии, перебили комиссаров. К ним примкнула команда бронепоезда, поддержали крестьяне Ново-Узенского уезда. Приехавшие наводить порядок член РВС армии Линдов, члены ВЦИК республики Майоров и Мяги были расстреляны. В такой обстановке Фрунзе принял командование. Он оценил ситуацию и... простил мятежников. Оставил убийство предста-

вителей центральной власти и члена Реввоенсовета армии без последствий! Даже расследования не назначил, доложив наверх, что главные виновники уже сбежали! Просто взвесил две возможности — что в случае репрессий мятежные части метнутся к белоказакам и потянут за собой остальных, а с другой стороны, ошалевшие полки, подвешенные в неопределенности, с радостью ухватятся за возможность амнистии. И послал в Николаевскую дивизию приказ: «Преступление перед Советской властью смыть своей кровью». Дивизия осталась в строю. За несколько дней Фрунзе объехал жмущиеся к жилью боевые участки, блеснул на митингах искусством агитатора — опыта ему было не занимать. Поучаствовал в мелких стычках, появился с винтовкой в цепях — и популярность была завоевана. А дальше стал прибирать вольницу к рукам. Части разных дивизий перемешал, слепив из них две группы, Уральскую и Александров-Гайскую. И в феврале, едва спали морозы, начал наступление. Александров-Гайская группа Чапаева взяла большую станицу Сломихинскую, Уральская группа — Лбищенск.

Путь на Туркестан снова был открыт. Войска нацеливались на Гурьев, чтобы прижать казаков к Каспийскому морю, к безлюдным пескам, и прикончить. В связи с программой партии на «расказачивание» Фрунзе оказывалась всемерная поддержка. Новые части для 4-й армии формировались в Самаре, присылались из его «вотчины» Иваново-Вознесенска (под предлогом, что оставшиеся без работы ткачи сами должны пробить дорогу к туркестанскому хлопку). Заново формировалась ударная 25-я дивизия под командованием Чапаева, которую планировалось двинуть к Оренбургу, чтобы окончательно разгромить Дутова. Фрунзе обратил внимание и на несколько бесхозных полков, прорвавшихся в ходе предыдущего наступления из Туркестана. Распределять их по своим соединениям он не стал, а решил на их базе создать новую Туркестанскую армию. И добился назначения командующим Южной группы из двух армий.

В то время, как эта группа, наращивая силы, разворачивала наступление на юг, а 5-я армия Блюмберга готовилась к очередному удару на восток, приближался день генерального наступления Колчака. В литературе можно встретить различную численность его войск — и 300, и 400, и даже 700 тысяч. Все эти цифры не соответствуют действительности. Иногда они нарочно раздувались белой пропагандой. Даже если учесть списочный состав тыловых гарнизонов, штабов, учебных команд, милиции, казачьих атаманов, не желающих никому подчиняться, все равно эти цифры останутся завышенными. А на фронте к началу марта у Колчака было 137,5 тыс. человек, 352 орудия, 1361 пулемет. Противостоящие ему 6 армий Восточного фронта насчитывали 125 тыс. человек, 422 орудия, 2085 пулеметов, т. е. преимущество в живой силе было ничтожным, а в вооружении белогвардейцы уступали противнику.

Следует отметить еще одну трагическую особенность Восточного фронта. В отличие от Юга России, Колчак не имел перед красными преимуществ в качестве армии. В 1917—1918 гг. все лучшее офицерство рванулось на юг, к Корнилову и Алексееву. А с момента чехословацкого мятежа до ноября 18-го пробраться из центра России на Дон

и Кубань через нейтральную Украину было легче, чем в Сибирь через фронт. На востоке собрались люди в значительной мере случайные, стихийно примкнувшие к освободительному восстанию или попавшие под мобилизацию. Из 17 тыс. офицеров в армии Колчака всего около 1 тыс. было кадровых. Остальные — в лучшем случае запасники и прапора производства военного времени, в худшем — сомнительного производства «учредилок», директорий и областных правительств. Острая нехватка офицеров восполнялась необстрелянными юнцами, надевающими погоны после шестинедельных курсов — чистыми душой, но ничегошеньки за этой душой не имеющими и ничегошеньки не умеющими.

На юге собралась плеяда видных полководцев. Там был избыток военачальников, например, сидели на гражданских должностях такие крупные военные деятели, как Лукомский, Драгомиров. Подолгу исполняли административные должности или были в резерве командования Кутепов, Врангель, Эрдели, Покровский и многие другие. На востоке не хватало не только талантливых, но просто грамотных военачальников. Сам Колчак мог быть лишь знаменем, в сухопутной стратегии и тактике он разбирался плохо. А вокруг него командные высоты заняли те, кого выдвинуло или случайно вынесло наверх белоповстанческое движение. Скажем, начальником штаба Колчака (фактически первым лицом при моряке-главнокомандующем) оказался капитан Лебедев, всего лишь корниловский курьер в Сибирь, пролезший при меняющихся правительствах в генералы. Да и многими корпусами и дивизиями командовали генералы из поручиков, которые зарекомендовали себя в лучшем случае хорошими командирами полупартизанских отрядов при освобождении Сибири и Урала. Это в то время, когда на командные и штабные должности в каждую большевистскую армию насаждался штат генштабовских военспецов.

На юге крепкий костяк армии составили «именные» офицерские части — марковские, дроздовские, корниловские, алексеевские, спаянные общими традициями, победами и утратами. На востоке таких не было. Только что созданные полки и дивизии не имели ни общего прошлого, ни крепкой спайки. Самыми крепкими и боеспособными частями Колчака были Ижевский и Воткинский полки из рабочих-повстанцев этих городов. Ударной силой юга было казачество. Но казачьи войска были слишком разными. Донское — 2,5 млн. казаков, Кубанское — 1,4 млн., Терское — 250 тыс. Восточные казачьи войска были малочисленны, не имели таких глубоких традиций, как старшие собратья, да и тянули каждое в свою сторону. Амурское (40 тыс.) и Уссурийское (34 тыс.) увязли во внутренней войне Приморья. Верховодил там атаман Калмыков, игнорирующий Верховную власть. Более крупное Забайкальское (250 тыс.) сидело под рукой Семенова, открыто не признающего Колчака. Опять же, там своя война шла — часть казаков отшатнулась от самозванного атамана и создавала красные отряды. Более-менее поддерживало Сибирское казачество (170 тыс.). Семиреченское (45 тыс.) было целиком занято войной за собственный медвежий угол. Самым крупным было Оренбургское войско (500 тыс.), но там в казачье сословие входили и башкиры, косящиеся то в сторо-

ну Дутова, то в сторону изменника Валидова. Храбро сражалось Уральское казачество (170 тыс.), но сражалось само по себе, связь с ним была слабой.

Вот в таких условиях две силы готовились к противоборству. В декабре у Колчака были все шансы разгромить рыхлый красный фронт, как это получилось у Перми, — но тогда у него еще не было достаточной армии. К февралю драконовскими мерами Сталина и Дзержинского северный фланг был укреплен. Разложившийся южный фланг, без сомнения, мог быть еще легко раздавлен. Но измена корпуса Валидова, потеря Уфы, Оренбурга, Уральска заставили отложить наступление на месяц. К марту, когда наступление началось, на южном фланге у Колчака уже нависала и все крепче сколачивалась 40-тысячная группировка Фрунзе. К началу весны в районе Перми была развернута Сибирская армия Гайды, около 50 тыс. чел., с направлением удара на Ижевск — Глазов — Вятку. Южнее Западная армия М. В. Ханжина в 43 тыс. с направлением Уфа — Самара. В оперативное подчинение ей придавалась 14-тысячная казачья Южная группа ген. Белова, а на Оренбургское направление нацеливалась Отдельная казачья армия Дутова, 15 тыс. чел. В резерве у Колчака оставался Волжский корпус Каппеля.

В литературе, причем не только красной, но и белой, гуляет весьма скользкая легенда о неверном выборе направления главного удара. О том, мол, что было ошибочно выбрано северное направление из соперничества с Деникиным, чтобы опередить его во взятии Москвы. Утверждается даже, что направление главного удара выбиралось из соперничества англичан с французами. Англичане, мол, тянули Колчака на север, на соединение со своей архангельской группировкой, а французы на юг — к своему ставленнику Деникину. Версия эта — чистейшая чепуха. Ее породили в белом лагере политические противники Колчака, а красные подхватили и развили, чтобы покарикатурнее выставить белых генералов, готовых даже друг дружке глотки перегрызть.

Опровергнуть эту версию очень легко. Во-первых, оба направления считались равнозначными, и главным стало все-таки не северное, а южное. Во-вторых, зоны английских «интересов» были ближе на юге, в Петровске (Махачкале) и Баку, север же в государственные британские «интересы» никак не входил, они просто не знали, как лучше от него избавиться. А Деникин к этому времени был в отвратительных отношениях с французами из-за их политики в Одессе, нежелания помочь Дону и заигрывания с Петлюрой. В-третьих, версия о соперничестве нарочно путает разные периоды войны. В марте Деникину ни о какой Москве думать не приходилось, с 60-тысячной армией он еле-еле удерживал фланги от более чем 200-тысячной группировки большевиков, навалившейся с Украины и от Царицына. Поэтому единственной формой взаимопомощи получалось со стороны Деникина — оттянуть на себя побольше красных сил, а со стороны Колчака — воспользоваться этим.

И, наконец, изучая опыт гражданской войны, мы можем прийти к выводу, что равномерное распределение сил на нескольких направлениях было... правильным. Может, случайно, но правильным. Стра-

тегия гражданской войны очень отличается от классической, и успех определялся не только арифметическим соотношением войск, но и массой других факторов — моральных, политических, экономических и т. д., которые учесть заранее было невозможно. Изначальный колчаковский план наступления по нескольким направлениям можно считать верным. Если бы еще командование догадалось верно действовать по мере его развития!

Начала операцию Сибирская армия. 4 марта корпус Пепеляева форсировал по льду Каму между городами Осой и Оханском. Южнее начал наступление корпус Вержбицкого. Они вклинились в оборону 2-й красной армии, и 8.03 оба города были взяты. За 7 дней упорных боев большевики отошли на 90—100 км, но прорыв не удался. После работы «комиссии Сталина—Дзержинского», количественного и качественного усиления фронта, красные тут были уже не те, что в декабре. Отступая, они сохранили целостность фронта и боеспособность.

Почти одновременно, 5.03, под Уфой попыталась перейти в наступление 5-я красная армия Блюмберга. Ткнулась наугад двумя дивизиями, 26-й и 27-й (около 10 тыс. чел. в обеих), еще и подразложившимися в большом городе, — и нарвалась на всю армию Ханжина, изготовившуюся к удару. И, естественно, так получила, что только пыль пошла. Красные побежали. А на следующий день перешел в наступление Ханжин. Это был один из лучших военачальников Колчака, по крайней мере настоящий, не липовый генерал-лейтенант, выдвинувшийся в годы мировой войны. Правда, и он был командиром не строевым, а штабным — он возглавлял раньше главное артиллерийское управление. Но все равно Ханжин выгодно выделялся на общем фоне сибирских скороспелых полководцев.

Его ударная группа под командованием ген. Голицына из 2-го Уфимского корпуса (17 тыс.) и 3-го Уральского корпуса ген. Войцеховского (9 тыс.) обрушилась на красных севернее Уфы и прорвала фронт, довершая поражение 5-й армии. В лоб на Уфу двинулся 6-й Уральский корпус ген. Сукина (10 тыс.). Большевики обратились в бегство. Связь штаба армии с войсками нарушилась. 10.03 белые заняли Бирск, за ним Мензелинск, выйдя к Каме и разрубив красный Восточный фронт надвое.

Прорыв пошел и южнее Уфы. Наметилось окружение, грозящее уничтожением всей 5-й армии. Группа ген. Белова заняла Стерлитамак, отрезав железнодорожное сообщение с Уфой с юга. 4-я Уральская горнострелковая дивизия выходила к ст. Чишмы, отрезая город с востока. Спасаясь из кольца, штаб 5-й армии во главе с Блюмбергом 12.03 бросил Уфу и бежал, отдав приказ войскам отойти на рубеж р. Чермасан, на 100 км восточнее. Попытались зацепиться на ст. Чишмы, но она была забита пробкой из эшелонов и обозов, царила паника. Бросая все, что можно, красноармейцы катились дальше. Командование фронтом отменило приказ Блюмберга об отходе, дало директиву вернуться и оборонять Уфу до последней капли крови. Однако связи между частями уже не было. Остатки 5-й армии рассыпались, спасаясь степями, без дорог, на юг и восток.

Эта потеря управления и помогла красным избежать полного унич-

тожения. Когда кольцо окружения замкнулось, в нем оказалась только масса имущества, вооружения и припасов. Точно так же впустую захлопнулось второе кольцо у села Репьевки. Большевики разбежались так стремительно, что никакими маневрами и форсированными маршами уже не удавалось захватить их в клещи. 14 марта белые войска без боя заняли Уфу, потеряв во время операции всего около 100 человек. На южном фланге потерпела поражение 4-я красная армия. Снова, в который раз, дружно взялось за шашки и восстало против «антихристов» уральское казачество. Победоносное шествие на Гурьев захлебнулось. 2 зарвавшихся полка были разгромлены. Казаки под командованием ген. Толстова двинулись на Уральск.

Между тем среди этих побед быстро стали накапливаться неувязки. Отдельная казачья армия Дутова подступила к Оренбургу и завязла под ним. Непригодны были казаки и башкиры, в основном — кавалерия, для осады и штурма укрепленных позиций. А оторвать их от собственной «столицы», пустить на более перспективное направление командование не смогло, согласившись с их желанием сначала освободить «свою» землю. К армии Ханжина автоматически пристегнулось направление Дутова: Стерлитамак — Белорецкий Завод. Южная казачья группа Белова оттягивалась для прикрытия разрыва между частями Ханжина, Дутова и Толстова. В результате в самом начале наступления было потеряно громадное преимущество белых в коннице. Вместо того чтобы войти в прорыв и двинуться рейдами по красным тылам, все кавалерийские силы белых оказались связаны делом, совершенно непосильным и несвойственным кавалерии, — осадой Оренбурга и Уральска. А корпуса Ханжина, преследуя красных, стали расходиться веером по бескрайним степям, теряя связь друг с другом.

Успех-то был полным, фронт был разрушен. Вот здесь бы и усилить Западную армию за счет Сибирской. Но и такую возможность штаб главнокомандующего во главе с Лебедевым проморгал. Большевистское командование уже рассматривало планы и рассылало армиям директивы о всеобщем отходе за Волгу... И опять сказалась месячная отсрочка наступления. Грянула весенняя распутица, и планируемый рывок на Самару завяз в морях жидкой грязи. Раскисшая степь затормозила и победоносное шествие белых, и паническое бегство красных.

Бить большевиков еще продолжали. Едва для затыкания дыр попытались снять часть сил с северного фланга, Сибирская армия нанесла новый удар. 10.04 она взяла Сарапул, 13.04 — Ижевск. В устье Камы вошла белая флотилия с десантом. И армия Ханжина еще одерживала одну победу за другой. В начале апреля пали Бугульма и Белебей. Был занят г. Чистополь в устье Камы — вся река стала белой. Колчаковцы вышли к Волге. Под угрозой была Казань. На двух направлениях белые подступали к Самаре. С северо-востока корпус Войцеховского занял г. Сергиополь в 100 км от нее. С востока корпус Сукина и кавалерийский корпус ген. Бакича (17 тыс. сабель) завязали тяжелые бои у г. Бугуруслана с силами 1-й и Туркестанской красных армий. Разбили их, отбросив на юг. Одна из лучших на фронте, 24-я Железная дивизия потеряла половину артиллерии, была демора-

лизована и отступала в полной панике... Но группировка Фрунзе осталась в стороне от главного удара и угрожала теперь с фланга растянувшейся коммуникации армии Ханжина.

49. КАЗАЧИЙ ГЕНОЦИД

На Дон пришла смерть. Не перевоспитывать, не большевизировать «контрреволюционное» казачество шли красные. Они решили его уничтожить как таковое. 24 января 1919 г. Оргбюро ЦК выпустило циркулярную инструкцию за подписью Свердлова, в которой говорилось: «Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно, провести беспощадный массовый террор ко всем вообще казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью. К среднему казачеству необходимо применить все те меры, которые дают гарантию от каких-либо попыток с его стороны к новым выступлениям против Советской власти». Предписывалось «конфисковать все сельскохозяйственные продукты, провести... в спешном порядке фактические меры по массовому переселению бедноты на казачьи земли». Начиная наступление, Троцкий писал о казаках: «Это своего рода зоологическая среда, и не более того. Стомиллионный русский пролетариат даже с точки зрения нравственности не имеет здесь права на какое-то великодушное. Очистительное пламя должно пройти по всему Дону, и на всех них навести страх и почти религиозный ужас. Старое казачество должно быть сожжено в пламени социальной революции... Пусть последние их остатки, словно евангельские свиньи, будут сброшены в Черное море...» Он же ввел в обиход противоказачьего похода термин: «устроить карфаген».

Хотя уставшие от войны казаки сами открыли фронт, это в расчет не принималось. Член РВС Южфронта Колегаев требовал от подчиненных частей массового террора. Член РВС 8-й армии Якир писал в приказе: «Ни от одного из комиссаров дивизии не было получено сведений о количестве расстрелянных белогвардейцев, полное уничтожение которых является единственной гарантией наших завоеваний». Первая волна казачьего геноцида покатила со вступлением на Дон красных войск. Реквизировали лошадей, продовольствие, кое-кого походя пускали «в расход». Убивали офицеров. Иногда просто хулиганили — так, в великолепном Вешенском соборе устроили публичное венчание 80-летнего священника с кобылой. Но это были цветочки, лишь преддверие настоящего ужаса. Прорубив донскую землю, регулярные части осели в окопах по берегу Северского Донца, фронт стабилизировался.

Вот тогда и начался истинный ужас, вторая волна геноцида. Пришла Советская власть. Перешедшие на сторону красных казачьи полки быстренько отправили на Восточный фронт. На западный фронт убрали красного казачьего командира Миронова — от греха подальше. Началось поголовное «расказачивание». Запрещалось само слово «казак», ношение военной формы и лампасов. Станицы переименовывались в волости, хутора — в села. Часть донских земель вычленя-

лась в состав Воронежской и Саратовской губерний, подлежала заселению крестьянами. Во главе станиц ставили комиссаров, часто из немецких или еврейских «интернационалистов». Населенные пункты обкладывались денежной контрибуцией, разверстываемой по дворам. За неуплату — расстрел. В трехдневный срок объявлялась сдача оружия, в том числе дедовских шашек и кинжалов. За несдачу — расстрел. Казаков начали гнать под мобилизацию. Разошедшихся по домам из желания замирились, их, уже не спрашивая никаких желаний, гнали на Урал.

А кроме всего этого, начались систематические массовые расправы. Чтобы читатель не воспринял красный террор как исключительное свойство ЧК, отметим — на Дону свирепствовали в основном трибуналы, доказав, что в кровожадности они нисколько не уступают конкурентам. Но и кроме трибуналов убийц хватало. Соревновались с ними в зверствах все местные эшелоны советской и партийной власти, особотделы 8-й и 9-й армий, да и чекисты не сидели сложа руки. Частая гребенка начала «изъятие офицеров, попов, атаманов, жандармов, просто богатых казаков, всех, кто активно боролся с Советской властью». А кто с ней не боролся при всеобщей мобилизации от 19 до 52 лет?.. «Жандармы?» — брали стариков, служивших при царе. Еще за 1905 год. Расстреливали семьи ушедших с белыми. Раз ушел, значит, «активный». По хуторам разъезжали трибуналы, производя «выездные заседания» с немедленными расправами. Рыскали карательные отряды, отбирая скот и продовольствие. Казнили при помощи пулеметов — разве управишься винтовками при таком размахе?

Кое-где начали освобождать землю для крестьян-переселенцев из центральных губерний. Казаки подлежали выселению в зимнюю степь. Или, на выбор, под пулеметы. В 31-м Шолохов писал Горькому о «Тихом Доне»: «Не сгущая красок, я нарисовал суровую действительность, предшествующую восстанию, причем сознательно упустил факты, служившие непосредственной причиной восстания, например, бессудный расстрел в Мигулинской 62 казаков-стариков или расстрелы в Казанской и Шумилинской, где количество расстрелянных в течение 6 дней достигло 400 с лишним человек». В Урюпинской число казненных доходило до 60—80 в день. Измывались. В Вешенской старику, уличившему комиссара во лжи и жульничестве, вырезали язык, прибили к подбородку и водили по станице, пока он не умер. В Боковской комиссар расстреливал ради развлечения тех, кто обратил на себя его внимание. Клал за станицей и запрещал хоронить...

Уже в сентябре, на «Мироновском процессе» член РВС республики Смилга так упомянул о казачьем геноциде: «Теперь о зверствах на Дону. Из следственного материала видно, что зверства имели место. Но также видно, что главные виновники этих ужасов уже расстреляны. Не надо забывать, что все эти факты совершались в обстановке гражданской войны, когда страсти накаливаются до предела. Вспомните французскую революцию и борьбу Вандеи с Конвентом. Вы увидите, что войска Конвента совершали ужасные поступки с точки зрения индивидуального человека. Поступки войск Конвента понятны

лишь при свете классового анализа. Они оправданы историей, потому что их совершил новый, прогрессивный класс, сметавший со своего пути пережитки феодализма и народного невежества, то же самое и теперь». Отметим в этой речи три момента. Первое — что даже такой хладнокровный палач и коммунистический фанат, как Смилга, назвал происходившее на Дону зверствами и ужасами. Второе — репрессии приняли такой размах и жестокость, что сами большевики вынуждены были для успокоения народа перебить наиболее ретивых исполнителей (когда для такого успокоения была наконец-то создана комиссия, ужаснулись даже издавшие виды профессионалы-чекисты, знакомясь с материалами преступлений). И третье — вспомнил ли сам Смилга об исторической оправданности, когда его поставили к стенке в 37-м?

Сначала Дон оцепенел от ужаса. Пытался найти правду у советской власти на местах и в Москве, у Ленина. Люди даже не могли предположить, что творящийся кошмар благословлен и выпестован самим центральным правительством. Выдержали казаки при втором нашествии большевиков всего лишь месяц. Пока не поняли, что их попросту систематически истребляют... В десятых числах марта почти одновременно в нескольких местах вспыхнуло восстание. В Еланской, когда 20 местных коммунистов поехали арестовывать казаков, поднялся Красноярский хутор. Казак Атланов собрал 15 человек с двумя винтовками — пошли шашками и плетками отбивать арестованных. Атаковали в конном строю, один был убит, остальные отступили. Привезли погибшего на хутор, сбежался народ, заголосили бабы... И этот один убитый — после тысяч жертв — стал каплей, переполнившей чашу. Прорвалось все накопившееся...

В Казанской, когда на очередной хутор приехали 25 трибунальцев с пулеметом производить там «карфаген», тоже восстали. Пошла цепная реакция. Сотник Егоров поднял по казачьему сполоху 2 тыс. человек. Казаки трех хуторов прогнали большевиков из Вешенской. Вначале восстали 5 станиц — Казанская, Еланская, Вешенская, Мигулинская и Шумилинская. Хутора самостоятельно формировали сотни, выбирали на сходах командиров из самых боевых. Наступательных операций не предпринимали — связывались с соседями, прощупывали разъездами окрестности, истребляли карателей и чекистов. В качестве агитационных материалов повстанцы распространяли найденные у большевиков инструкции Оргбюро ЦК РКП(б) от 24.01.19 о казачьем геноциде и телеграмму Колегаева о беспощадном уничтожении казаков. Постановили мобилизовать всех, способных носить оружие, от 16 до 70 лет.

Большевики сначала не придали восстанию особенного значения. Оружие выгresti они уже успели. А мало ли было крестьянских бунтов, подавляемых быстро и малой кровью (со стороны карателей)? Таким же привычным восстанием представлялось и казачье. Но оно отличалось. Казачьей спайкой, привычкой дисциплины, способностью быстро организовываться. И разливалось все шире: поднялись Мешковская, Усть-Хоперская, практически весь Верхне-Донской округ. Началось брожение в соседних, Усть-Медведицком и Хоперском округах. «Столицей» стала окружная станица Вешенская. Лозунг был

выдвинут поначалу «За советскую власть, но против коммуны, расстрелов и грабежей», т. е. близкий махновской программе. Председателем исполкома избрали военного чиновника Данилова, командующим стал хорунжий Павел Кудинов, георгиевский кавалер всех 4-х степеней. 20.03, разбив посланный на них карательный отряд, Вешенский полк взял 7 орудий, 13 пулеметов и занял Каргинскую. На другой день, изрубив одними шашками еще один отряд, — Боковскую.

Область восстания протянулась на 190 км. Только тогда красные начали снимать с фронта регулярные полки, обкладывая эту область со всех сторон. Сражались повстанцы отчаянно. Не хватало даже винтовок — их добывали в боях. Дрались холодным оружием; дедовскими шашками и пиками. Не было боеприпасов. Отливали картечь из оловянной посуды. На складах в Вешенской были найдены 5 млн. учебных холостых патронов. Их переделывали вручную, переплавляя на пули свинцовые решета веялок. Такие пули без сердечника и оболочки размягчались от выстрела, с сильным жужжанием летели недалеко и неточно, но при попадании наносили страшные рваные раны. Дети на местах боев выковыривали из стен и земли пули с картечью. Стаканы снарядов для картечи вытачивались из дуба. Для имитации пулеметной стрельбы делали специальные трещотки.

Рано или поздно восстание было обречено на гибель. И когда пришла пора трезво оценить обстановку, повстанцы обратились к белым. Делегация на лодках пробралась через расположение большевиков в Новочеркасск с мольбой о помощи. Казаки просили прислать оружия, табаку, спичек. Единственное, чем пока могли им помочь Донская и Добровольческая армии, — это мешать красным снимать с фронта войска. Вооруженным силам Юга России и самим приходилось туго. Пали Одесса и Крым, огромные силы большевиков навалились на фланги, глубоко прорываясь от Царицына и Донбасса, угрожая самому существованию белогвардейского Юга.

50. ОДЕССА, ЖЕМЧУЖИНА У МОРЯ...

До революции Одесса была главным русским торговым портом на юге, одним из главных центров хлебного экспорта. И главным центром контрабанды, идущей из Румынии, Болгарии, Турции. С соответствующей специализацией населения. Если в мировую войну городу пришлось подтянуть пояс потуже, то с 1918 г. он ожил вовсю. Российские таможенные барьеры исчезли, австрийские оккупационные власти здесь были гораздо мягче, чем германские в Киеве, на многое смотрели сквозь пальцы и гораздо проще покупались взятками. А с приходом безалаберной французской оккупации жизнь вообще завертелась трагикомическим карнавалом.

В Одессе собралась масса беженцев. В 18-м их центром был Киев — выезд в зону германской оккупации из Совдепии был не таким уж трудным делом, в России работали украинские консульства, по знакомству или за мзду предоставлявшие визы всем желающим уехать. А после восстания петлюровцев и начала наступления большевиков вся масса, с добавлением беженцев из Киева, Харькова, Чернигова и

т. д., схлынула в Одессу под защиту союзников. Французские части пребывали в полнейшем бездействии. После победы в мировой войне они вообще приехали в Россию, как на веселый пикник. Ни малейших усилий для победы они прилагать не собирались, даже высадку в Одессе произвели лишь после того, как город очистил для них отряд Гришина-Алмазова. Деникинские представители при союзниках ген. Эрдели и Шульгин возложили на Гришина-Алмазова обязанности губернатора Одессы. Главнокомандующий это назначение утвердил. Гришин-Алмазов немедленно подал французам докладную записку о необходимости дальнейшего продвижения до линии Тирасполь — Раздельная — Николаев — Херсон для оборудования жизнеспособного плацдарма. И для того, чтобы соединиться единым фронтом с Крымско-Азовской армией ген. Боровского, которую предполагалось развернуть в степях Северной Таврии.

Ничего этого сделано не было. Командир 56-й французской дивизии ген. Бориус не только не двинул своих войск за пределы города, но и запретил это делать отряду Гришина-Алмазова. И французские войска в Одессе пьянствовали, бездельничали и разлагались похлеще русских тыловых частей 17-го года. Стоит учесть, что войска эти были отнюдь не лучшего качества — они прибыли из состава Салоникской армии, куда против турок командование Франции сливало «отбросы» — уголовников, штрафников, социалистов, ненадежные части, направляя лучшее на германский фронт. А сейчас к тому же сказывалась усталость от четырехлетних мытарств, солдатам давно хотелось по домам. Да и война закончилась — а их пригнали черт знает для чего в какую-то непонятную Россию. Разложению способствовали со всех сторон. Разлагала одесская атмосфера портового легкомыслия, махинаций и спекуляции. Разлагали с родины — социалисты в парламенте и правительстве требовали отправки войск домой, невмешательства в русские дела, и солдаты знали об этом из отечественных официальных газет.

Да и сама Франция никак не могла определиться в своей русской политике. С одной стороны, союзница-Россия была бы полезна на будущее, на случай возрождения Германии. А с другой стороны, это будущее было еще очень далеким и неопределенным, зато в настоящем помощь России предоставлялась больно уж хлопотным делом. Если англичане весьма определенно делали ставку на закавказские и прибалтийские республики, обеспечивая свое влияние в этих регионах, то французы колебались туда-сюда. Рассыпали обещания и тут же забывали о них. А если на что-то решались, то проявляли полнейшее непонимание обстановки и выбирали худшее решение из всех возможных.

Украинская Директория сбежала в Винницу, где после понесенного поражения раскололась. Ее ультралевый глава Винниченко ушел в отставку. Образовалась Вторая Директория во главе с более умеренным Петлюрой. В отличие от Винниченко, он не находил ничего зазорного в переговорах с «империалистами» и прислал в Одессу своего начальника штаба ген. Грекова. Директория сообщала французскому командованию, что является законным правительством Украины, опирается на поддержку и доверие всего украинского народа. Что она уже начала мобилизацию и вскоре выставит против большевиков...

полумиллионную армию. Уж непонятно, что это было — украинская хитрость (вроде «химических лучей», которыми петлюровцы пугали большевиков), самообман или розовые мечты Директории, но... французы этому бреду поверили. И их политика окончательно запуталась.

Командующий одесской группировкой ген. д'Ансельм, например, заявлял: «Если бы речь шла о Екатеринодаре, я обращался бы к Деникину, который хозяин в Екатеринодаре. Но на Украине хозяин Петлюра, поэтому я должен обращаться к Петлюре». Его начальник, командующий союзными войсками в Румынии и на Юге России ген. Бертелло, вынашивал другой утопический план умиротворения России: «Нужно, чтобы в Вашем правительстве была рабочая блуза, вам нужны социалистические имена», — совершенно упуская, что через такой этап Россия уже проходила и в 1917 г., и при Самарской «учредилке». (Кстати, одесские беженцы из социалистов, на себе познавшие большевизм, были настроены куда «реакционнее» и решительнее, чем екатеринодарские кадеты, выскивающие компромиссные миротворческие решения.)

Колебалась туда-сюда и русская политика Парижа. В результате у французского командования сложилось предвзятое и неприязненное отношение с белогвардейцами-добровольцами. Раздражал их и Деникин, державшийся слишком независимо и пытавшийся говорить на равных — как с союзниками, а не как с хозяевами. А признание Петлюры вроде бы обещало быть в этом плане более перспективным. Родилась «система мирного ввода французских войск на украинскую территорию». Лишь в конце января, когда изолированной Одессе стал угрожать голод, французы решились расширить плацдарм и ультимативно потребовали от петлюровцев очистить Тирасполь, Херсон и Николаев.

От Добровольческой армии прибыли в Одессу генерал Санников, назначенный командующим войсками Юго-Западного края, а для непосредственного руководства этими войсками — ген. Тимановский, отличный командир, первопоходник, помощник Маркова, которого подчиненные офицеры звали «неустрасимым Степанычем». Здесь на базе многочисленных беженцев, местного населения, под прикрытием союзных войск были благоприятнейшие возможности для формирования крупных белогвардейских соединений. Но... французы не дали этого сделать. Они запретили в Одесском районе мобилизацию, сославшись на то, что это может привести к беспорядкам и недовольству населения. Вместо этого предложили довольно странную идею «смешанных бригад», в которых офицерский состав комплектуется только из уроженцев Украины, солдаты подбираются путем добровольного найма, в части назначаются французские инструкторы, и в командном отношении бригады совершенно не подчиняются Добровольческой армии, а только лишь французским властям. Деникин категорически запретил Санникову подобные эксперименты, а ген. Бертелло телеграфировал о пагубности подобной идеи и о том, что возможно лишь оперативное подчинение французскому командованию русских частей в местах преобладания французских войск.

В Тирасполе, Николаеве и на острове Березань близ Очакова ос-

тались огромные склады имущества и вооружения старой русской армии. На просьбы ген. Санникова оказать содействие в вывозе этого имущества французы ответили, что склады «не находятся в зоне Добровольческой армии и принадлежат Директории». Впоследствии все так и досталось большевикам. За зиму и весну союзница-Франция, трижды спасаемая в войну русскими, не помогла белогвардейцам ни единым патроном, ни единым килограммом военных грузов. Мало того, добровольческая бригада Тимановского, единственное белое соединение, созданное в Одессе и находившееся в оперативном подчинении у французов, снабжалось всем необходимым не ими, а морем из Новороссийска.

При расширении зоны французской оккупации на Херсон и Николаев д'Ансельм запретил введение русской белой администрации за пределами Одессы, оставив там гражданскую власть Директории. В результате неразбериха только усилилась. Например, в Николаеве образовалось сразу пять властей — Городская демократическая Дума (полубольшевистская), петлюровский комиссар, Совет рабочих депутатов, Совет депутатов германского гарнизона, еще не уехавшего на родину, и французский комендант. Властей, кстати, и в Одессе хватало. Кроме французской и губернаторской, была третья, неофициальная — мафия. Она и до революции тут была сильная из-за географического положения, торгового узла, контрабанды. Способствовало организации мафии и то, что в Одессе, как Нью-Йорке, существовали большие «национальные» районы — еврейские, греческие, арнаутские, молдаванские и пр., со своей внутренней жизнью, внутренними связями, со стекающейся в них отовсюду на заработки национальной голытьбой. Годы революции добавили к этому массу оружия, безработных, хулиганов, крушение органов правопорядка, возведение контрабанды в легальный, а бандитизма — в очень легкий бизнес. Новые преступники устремились сюда из мест, где было труднее действовать, — из Совдепии, из Ростова, где прижимали казаки. Нахлынули новые спекулянты к открывшемуся «окну в Европу», воры и налетчики — «пощипать» беженцев из Совдепии, обративших все свое достояние в деньги и ценности. Королем мафии был Мишка Япончик. По свидетельству красного командира и дипломата Н. Равича, «армия Молдаванки», прямо или косвенно контролируемая Япончиком, достигала 20 тыс. человек. С большевиками, всячески поддерживающими и подпитывающими разложение, он уживался в полном контакте и взаимопомощи, обмениваясь с красным подпольем взаимными услугами. Зато Гришин-Алмазов, тщетно пытавшийся своими силами навести хоть какой-то порядок, был за это заочно приговорен мафией к смерти. Поэтому по городу он ездил в автомобиле на полной скорости — периодически в него стреляли из-за углов.

Между тем, пока союзники бездействовали и мешали действовать добровольцам, пока Одесса жила в бестолковой суете, дела на фронтах становились все хуже. Красные углублялись на Дон, захватывали Украину. Деникин обращался к французам за помощью не один и не два раза. Напоминая о прошлогодних договоренностях и обещаниях, он слал телеграммы генералу Бертелло — 22.12, 17.01, 2.03, 14.03, главнокомандующему союзными войсками в Восточной Европе ген. Франше д'Эспре — 22.12, 18.01, 28.01, 11.02, 15.02, Вер-

ховному Главнокомандующему союзными войсками маршалу Фошу — 28.01, 4.03. Все эти обращения остались без ответа. А тем временем за спиной белогвардейцев шли сплошные закулисные махинации. Ранее уже упоминалось, как капитан Фукэ пытался навязать атаману Краснову соглашение о признании Доном политического и военного руководства Франше д'Эспре. И, кстати, примерно в это же время в Сибири французский представитель ген. Жанен предъявлял претензии на главное командование русскими и союзными армиями, отвергнутые Колчаком. Так что хамское отношение к бывшим союзникам можно считать не случайностью, а общей позицией Франции зимой и весной 1919 г.

Деникин предупреждал Бертелло, что петлюровщина вырождается, распадаясь на шайки грабителей и примыкая к большевизму. К февралю Красная армия сосредоточилась на фронте от Луганска до Екатеринослава, угрожая Ростову, Донбассу, Таврии, Крыму. Деникин решил перебросить бригаду Тимановского на усиление малочисленной Крымско-Азовской армии. Но д'Ансельм, ссылаясь на приказ Бертелло, распорядился добровольческие части из Одессы не выпускать, считая ее «угрожаемой». Однако, несмотря на «угрожаемость», в «жемчужине у моря» продолжалась беспечная жизнь, наполненная легкомысленными политическими интригами, веселым времяпрепровождением, разгулом темного бизнеса и твердой верой в надежную защиту. Хотя Одессу уже отделяла от большевиков только тоненькая и ненадежная перегородка петлюровских отрядов.

Разумеется, никакой путной армии петлюровская Украина создать не смогла. Наскоро собираемое ею ополчение или сдавалось красным, или разбегалось, или отступало почти без сопротивления. Вскоре Директорию «попросили» и из Винницы. Она переехала в Тернополь. К французам большевики до поры до времени приглядывались. Боялись их. Предоставляли им самим разлагаться в одесском бездействии, помогали разложению усиленной пропагандой и копили силы. А поняв, что «оно не кусается», начали наглеть. На Одессу двинулась 20-тысячная «бригада» атамана Григорьева. Григорьев успел послужить в царской армии в чине штабс-капитана, потом в частях Центральной Рады, потом гетману, потом петлюровцам, а потом перешел к красным со своим войском, состоявшим из крестьян-повстанцев и всевозможного сброда. Через месяц-другой, восстав против Советской власти, эти же отряды станут «бандами убийц», и фотовитрины Киева будут взывать «Идите в Красную армию защищать ваших дочерей и жен!», демонстрируя художества григорьевцев: фотографии изнасилованных девушек, загоняемых прикладами топиться в пруд, отрубленные головы, трупы стариков с выдранными бородами и выколотыми глазами, женщин с отрезанными грудями и вспоротыми животами. Умалчивая, откуда же у красных взялись подобные снимки. А оттуда, они делались при походе григорьевцев не на Киев, а еще на Одессу, когда «банды» были бригадой 2-й Украинской дивизии, «доблестными красными войсками» и шли с благородной целью бить буржуев, белогвардейцев и интервентов.

11 марта Григорьев внезапно атаковал Херсон. Командование союзников легкомысленно держало здесь довольно маленький гарнизон — батальон греков и роту французов при 2 орудиях. Одна гре-

ческая рота была выдвинута на станцию в 2 км от города. На нее и навалились после сильного артиллерийского обстрела. Греки начали отступать. Увидев успехи красных, забурлило местное население. Вооруженные отряды рабочих подняли большевики, выступили бандиты и портовая рвань, кинувшиеся грабить. Из тюрьмы выпустили заключенных — и политических, и уголовников, причем при активном участии разложившихся французских матросов. На кораблях стали прибывать подкрепления, но солдаты 176-го французского полка сначала не хотели высаживаться, а потом отказались идти в бой. Стало ясно, что в создавшейся ситуации города не удержать. Войскам было приказано отходить к кораблям для посадки. Красные, видя это, засыпали снарядами всю пристань, и союзникам пришлось грузиться под огнем. Херсон был оставлен, французы и греки потеряли 400 чел., в том числе 14 офицеров.

Ошалевшее от поражения и от потерь французское командование по совершенно непонятной причине приказало тут же эвакуировать и Николаев. Все войска оттуда вывезли в Одессу, бросив без боя и город, и всю 150-километровую территорию между Днепром и Тилигульским лиманом с сильной крепостью Очаков и двумя крупными военными складами. Обнаглевшему атаману с налета, за здорово живешь достались два больших, богатых города с роскошным гарниром! У французов родилась идея по опыту Салоникского укрепрайона: создать в Одессе «укрепленный лагерь». Приступили к разметкам местности, подготовке инженерных работ.

Тем временем последовало новое поражение. У станции Березовка была сосредоточена довольно сильная группировка союзников — 2 тыс. чел., 6 орудий, имелись даже 5 танков — новейшее по тем временам оружие. Красные обстреляли их из двух пушек и повели наступление жидкой цепью. В это время в тылу, в поселке Березовка, произошла какая-то беспорядочная стрельба. Началась паника, и войска побежали, бросив не только танки, артиллерию и эшелоны с припасами, но даже шинели. И отступали 80 километров до самой Одессы. В довершение позора к Березовке подошла горстка белогвардейцев из бригады Тимановского, всего 2 эскадрона Сводного кавалерийского полка, и своей атакой прогнали красных, обративших в бегство войска союзников. Долго удерживать станцию и прилегающую территорию малочисленный отряд был не в состоянии, вывести танки — тоже, поэтому их просто привели в негодность. Один из этих испорченных танков победитель Григорьев послал в Москву в подарок Ленину.

Но французское командование, несмотря на то, что все его действия приводили к грубым просчетам и красные опасно приблизились к Одессе, упрямо продолжало мудрить в «русской политике». Продолжались интриги и нелепые политические махинации. В результате этих интриг консул Энно, женатый на одесской еврейке и неплохо разбирающийся в русских делах, был отозван. Курс политики французов стал целиком определяться окружением ген. д'Ансельма. Душой этого курса стал начальник штаба полковник Фрейденберг, которого потом называли «злым гением Одессы». На кого он «работал» — непонятно, на петлюровцев, большевиков или на одесскую мафию. Во всяком случае, сразу после эвакуации он вышел в отстав-

ку и открыл в Константинополе собственный банк. Сначала Фрейденберг проводил в жизнь «украинскую линию», вопреки добровольческой «великодержавности». Как раз по его инициативе от лица д'Ансельма шли запреты на проведение белогвардейцами мобилизации, на распространение деникинской администрации за пределы Одессы.

После Херсона, Николаева, Березовки «украинская политика» явно лопнула. Петлюровские отряды, окружавшие зону оккупации, рассеялись как дым. Случайный сброд перешел к Григорьеву. А небольшая часть, для кого большевики были идейными врагами, отступила к своим вчерашним противникам, белогвардейцам, и попросилась сражаться в подчинении деникинцев. Но даже после этого д'Ансельм и Фрейденберг стали проводить не «русскую», а «французскую» политику. Вместо укрепления контактов с белогвардейцами решили окончательно обособиться от них, перейти от союзнической линии к оккупационной.

17.03 д'Ансельм объявил в Одессе осадное положение, приняв всю полноту власти, и в связи с этим упразднил деникинскую администрацию, назначив своим помощником по гражданской части некоего г-на Андро, темную личность, подручного того же Фрейденберга. А при Андро вдруг началось формирование еще более непонятного «коалиционного правительственного кабинета»! Возмущенный Деникин телеграфировал, что совершенно не допускает установления властей, кроме назначенных им, и «какого бы то ни было участия в управлении краем Андро, как лица, не заслуживающего доверия». Ген. Санникову предписывалось «ни в какие сношения с Андро не вступать, никаких распоряжений его не выполнять», сохраняя полную гражданскую власть. Да «правительство» Андро и без того повисло в воздухе — и правые, и левые партии отказались в нем участвовать.

Но если д'Ансельм и Фрейденберг все же осторожничали с добровольцами, то приехавший в Одессу Главнокомандующий союзными силами в Восточной Европе Франше д'Эспре открыто и демонстративно выразил полное нежелание считаться с русскими союзниками. Он предписал командующему белыми войсками Юго-Западного края Санникову и губернатору Гришину-Алмазову выехать в Екатеринодар, а новым губернатором Одессы назначил ген. Шварца, хорошо проявившего себя в мировую войну, но человека инертного, ничего общего не имевшего с Добровольческой армией, к тому же запятнавшего себя службой у большевиков. Этот губернатор и вовсе себя не проявил — французы с ним не считались, как со своей пешкой, белогвардейцы ему не доверяли. Деникин приказал старшим в Одессе белым начальникам генералам Мельгунову и Тимановскому «оставаться на месте, занимая выжидательное положение и донося обстановку сюда. В оперативном отношении подчиняться французскому командованию, оберегая добровольческие части». А протесты и вопросы, направленные ген. Франше д'Эспре, опять остались без ответа.

Все эти интриги шли уже в преддверии катастрофы. В Одессе находились 2 французские, 2 греческие и 1 румынская дивизии — 35 тыс. кадровых солдат, множество артиллерии, флот. Этого хватило бы не только против Григорьева, но и для взятия Киева. Но основная

масса войск продолжала торчать в городе. А те, что находились на фронте, от боев уклонялись. Французские солдаты разложились окончательно. Гораздо лучше были греческие войска, они вообще отнеслись к русской беде серьезно. Греки считали своим долгом помочь братьям-единоверцам, помогавшим им в годы османского ига. Сами глубоко верующие, они даже привезли с собой для увещевания народа 50 православных священников, в том числе 3 епископов и 4 архимандритов. Но у греков не было даже своих средств связи и снабжения, они находились в подчинении французов.

Фактически фронт удерживала только бригада Тимановского. Даже в одиночку она могла еще оборонять Одессу от Григорьева! У Тимановского было 3,5 тыс. штыков, 1,5 тыс. сабель, 26 орудий, 6 броневигов. Но вмешалась политика. Поражения и потери в России будоражили французскую общественность, стали оружием социалистических партий. Парламент отказал в кредитах на восточные операции. Д'Ансельму надо было как-то оправдываться — не мог же он сослаться на разложение собственных войск. И он слал одно за другим донесения в Париж о прекрасном состоянии большевистских войск, их подавляющем численном превосходстве и т. п. А также о собственных непомерных трудностях, «катастрофическом» продовольственном положении. Эти донесения стали последней каплей, решившей судьбы «русской политики». Верховный Совет держав-победительниц в Париже принял решение (против были только англичане) о выводе союзных войск из России и о невмешательстве военной силой в русские дела... Столпы мировой политики глубокомысленно заключили, что «Россия должна сама изжить свой большевизм», французское правительство усугубило это решение, отдав приказ о выводе войск в трехдневный срок. А ген. д'Ансельм, проявляя непонятное рвение (и опять же с подачи Фрейденберга), приказал закончить эвакуацию в 48 часов!

Объявление об эвакуации грянуло как гром среди ясного неба. Этого никто не ждал! Фронт держался, припасов и войск было в избытке. И уж тем более ничем не оправданы были столь сжатые сроки! И эвакуация сразу приняла характер панического бегства. Лишь часть беженцев, бросив последние пожитки, сумела сесть на корабли, которые еще неделю торчали потом на рейде. А большинство, семьи белогвардейцев, были брошены на произвол судьбы. Деморализованные французские солдаты самовольно захватывали транспорты, предназначенные для гражданского населения. Кто мог, пошли в сторону румынской границы пешком...

4 апреля, на следующий день после начала эвакуации, по советским источникам, «восстали одесские рабочие». А точнее, едва увидев, как французы в беспорядке грузятся на корабли, в город полезла двадцатитысячная «армия Молдаванки» Мишки Япончика — налетчики, воры, портовая рвань, устремившаяся «чистить» буржуев. Первым делом принялись захватывать банки. На улицах убивали попавшихся белых офицеров, разоружали греков — при полном невмешательстве французов. Их из осторожности не трогали. Под шумок вылез нелегальный местный совдеп и объявил себя властью.

Бригада Тимановского, оказавшаяся зажатой между красными войсками и захваченным бандитами городом, вместе с частями 30-й

французской дивизии и колоннами беженцев отступила в Румынию. Туда же вырвался с боем и потерями находившийся в Одессе отряд в 400 чел. Но кроме трудностей похода и стычек с красными бандами, белогвардейцам выпали и другие: обман, унижения, оскорбления. Денег в валюте наряду с союзными солдатами добровольцы так и не получили, д'Ансельм заявил Тимановскому 4.04, что «казначейская операция займет 2—3 дня» — это было в день, когда одесская шпана уже захватывала банки вместе со всей валютой.

При переправе через Днестр бригада, по требованию французов, была разоружена. Все имущество было отобрано. И все это, артиллерию, броневики, лошадей, повозки, кухни, отнюдь не подаренное Францией, а принадлежащее нищей деникинской армии, добытое в боях, так и не вернули, предложив смехотворную «компенсацию» в 150 тыс. русских бумажных рублей. Бригада получала половину французского пайка, да и то с перебоями, жила впроголодь. Лишь через 2 месяца, испытав массу мытарств от румынских властей, белогвардейцы были доставлены в Новороссийск — грязные, безоружные, в оборванной одежде и гниющем белье. В белогвардейской среде это вызвало взрыв негодования против Франции. В довершение свинства, среди беженцев и белогвардейцев, оказавшихся в Румынии без средств к существованию, тут же заработали французские вербовочные бюро, набирая среди отчаявшихся людей солдат в Иностранный легион для войны в Алжире.

А в Одессу 6.04 вступили войска Григорьева, устроившего по сему случаю грандиозную трехдневную пьянку в здании вокзала. После гульбы и грабежей он увел «бригаду» в свою столицу Александрию (около Кременчуга). В Одессе же на полную катушку заработала ЧК, привычно просеивая население — кому жить, а кому умереть. Во время оккупации некоторые беженцы на всякий случай перешли в иностранное подданство. Союзники прислали список из нескольких сот таких граждан, не успевших сесть на корабли. По этому списку всех и взяли.

Мишка Япончик был зачислен в Красную армию командиром полка. Но лавров полководца не стяжал. Едва выступив на Западный фронт, его головорезы застряли на хуторах под самой Одессой, занявшись грабежами, и полк был расформирован. А король преступного мира вернулся на Молдаванку, где попытался вести прежний образ жизни. При поспешном бегстве французов добыча ему досталась огромная, ведь как раз он успел снять все «сливки» и с брошенного имущества, и с брошенных беженцев. Он совершенно обнаглел, уверовав в свое могущество и безнаказанность. И когда красные «союзники» в августе пригласили его приехать для переговоров в соседний Вознесенск, явился без всякой опаски. И без разговоров был расстрелян.

Одесский губернатор Гришин-Алмазов погиб так же эффектно, как прожил свою короткую жизнь. С отчетом об одесских событиях он решил ехать лично в Ставку Колчака. В Каспийском море пароход, на котором он плыл, атаковала красная флотилия. Увидев, что ситуация безвыходная, он утопил портфели с секретными документами, а когда большевистские корабли подошли вплотную, перегнулся через борт и пустил пулю в висок. Не хотел, чтобы даже его тело досталось врагам.

51. ЮГ В КОЛЬЦЕ

Белая Крымско-Азовская добровольческая армия растянулась редкой цепочкой небольших отрядов от низовий Днепра до Мариуполя. Ее командующий ген. Боровский находился в Крыму, формируя свои части. Практически был создан лишь один полноценный 1-й Симферопольский полк из добровольцев, явившихся сразу после прихода белых, другие части так и остались в зачаточном состоянии. Офицеров в Крыму было меньше, чем на Украине. Многих извел и разогнал матросский террор 1917—1918 гг. Для беженцев жизнь тут была дороже и скучнее украинской. Да и ехали в Крым не для того, чтобы воевать, а чтобы отсидеться. Сильны были иждивенческие настроения: раньше от напастей защищала Германия, теперь пришли союзники — защитят они.

Обстановка была неустойчивой. Пользуясь слабостью Крымского правительства, по всему полуострову бурлила анархия. В городах велась откровенная большевистская агитация. Рабочие поглядывали на белогвардейцев и правительство косо. Под контролем большевиков оказались профсоюзы и вовсю вели подрывную работу. Отвечали протестами, митингами и забастовками на все попытки наведения порядка, на арест коммунистических агитаторов, большевистских эмиссаров, выставляли властям ультиматумы, «отменяли» и срывали мобилизации. Было полно оружия. Образовывались шайки «зеленых». По ночам вовсю шла пальба. Убивали одиночных добровольцев, грабили прохожих. Формируемые части вынуждены были вместо фронта нести охранную службу в городах, производить облавы, патрулирование, обыски по изъятию оружия. На эти «беззакония» профсоюзы отвечали новыми забастовками и агитацией против «белого произвола».

Через Украину в Крым засылались красные комиссары, создавая подпольные ревкомы и вооруженные банды. 3 января начался мятеж в Евпатории с погромами, грабежами, резней «буржуев» и татар. Туда послали батальон Симферопольского полка, ряд других подразделений с артиллерией. Разбитые банды во главе с комиссаром Петриченко засели в каменоломнях, делая оттуда вылазки и наводя ужас на весь уезд. После нескольких стычек белогвардейцы сумели выбить остатки партизан из каменоломен, многих расстреляли на месте. Действия по наведению порядка также не способствовали притоку добровольцев. Многим интеллигентам претило выступать в роли карателей. А непосредственной угрозы своему существованию вроде не чувствовалось.

Дважды, 1 и 15 февраля, Деникин обращался к генералу Бертелло с просьбами занять хотя бы маленькими гарнизонами Сиваш, Перекоп, Джанкой, Евпаторию, Симферополь, Феодосию и Керчь для обеспечения порядка, чтобы находящиеся там белые войска можно было двинуть на фронт. Для перевозки войск французам даже были выделены 3 русских парохода. Но со ссылкой на недостаток сил этого сделано не было. Союзный гарнизон продолжал оставаться только в Севастополе, поскольку французы были заинтересованы в контроле над этой военно-морской базой. Несмотря на это, союзные начальники активно вмешивались в деятельность Крымского правительст-

ва и путались под ногами у деникинского командования. Мешали и проведению репрессивных мер против большевиков, главные гнезда которых разместились в Севастополе под защитой союзной «демократии». Командование французов противилось введению в Крыму военного положения, мешало мобилизациям.

Крымское правительство Соломона Крыма под давлением то Боровского, то профсоюзов, то французов вело себя крайне непоследовательно. То объявляло мобилизацию, то отменяло ее, то призывало офицеров, то признавало офицерскую мобилизацию необязательной, добровольной, да и сам Боровский оказался не на высоте. Он проявил себя прекрасным командиром в Первом и Втором кубанском походах, но как организатор оказался не на месте и для самостоятельной работы не подходил. А хозяйство ему досталось незавидное — мелкие формирующиеся части, раскиданные по Крыму, плюс фронтовые отряды, раскиданные на 400 км по степям. Вот он и метался между Симферополем и Мелитополем, не в состоянии ни за что толком ухватиться.

К февралю обстановка стала резко ухудшаться. Правда, Крым подчистили, пальба по ночам поутихла. Зато на севере к Екатеринославу вышли красные войска Дыбенко и соединились с Махно. Русский 8-й «корпус» в 1600 человек, начавший формироваться там еще при гетмане, с боями прорвался в Крым. Против добровольцев появились регулярные советские войска, а махновские отряды быстро стали расти, сливаясь вместе, принимать правильную организацию. Начались сильные бои у пос. Пришиб севернее Мелитополя. Впрочем, говорить о каком-то определенном фронте в Таврии было трудно. Война шла по всей территории. Например, в Аскании-Нова, за 200 км от основной линии фронта, был внезапной ночной атакой противника истреблен эскадрон кавалерийского полка Гершельмана во главе с командиром. Для усиления Крымско-Азовской армии Деникин решил перебросить из Одессы бригаду Тимановского, но, как уже отмечалось, ее не отпустило французское командование.

Когда в марте союзники неожиданно сдали Херсон и Николаев, левый фланг Крымско-Азовской армии оказался открытым, и красные появились с запада, накапливаясь на левом берегу Днепра. Под влиянием их успехов и бегства французов оживилась местная анархия. По степи загуляли новые банды... Скажем, жители большого, с 10-тысячным населением, села Чаплинка, возле самого Перекопа, начали совершать регулярные набеги на добровольцев и громить их обозы. Крымские профсоюзы требовали удаления Добровольческой армии и восстановления совдепов. Железнодорожники отказывались перевозить белогвардейские грузы. Само существование жиденького фронта в Таврии становилось бессмысленным — о едином фронте на Юге уже речи не было.

Решено было отводить войска в Крым... Но сделать это становилось непросто. И с севера, и с запада красные наступали уже крупными силами. Взяли Пришиб, шли от Каховки, отрезая фронтовые части от Перекопа. Началась эвакуация Мелитополя. Основная часть войск отступала к Бердянску, пробиваясь на соединение с Донецкой группой Добровольческой армии. Был разгромлен Сводно-Гвардейский полк, где батальоны носили названия старых полков — Преображен-

ский, Семеновский и т. п. Эта попытка возрождения русских традиций оказалась неудачной — кроме немногих настоящих гвардейцев, в полк набились как раз любители внешнего шика. Сдерживал натиск красных только ген. Шиллинг, с боями отступая от Мелитополя к Геническу с батальоном Симферопольского полка и горстью других войск. Второй батальон того же полка занял позиции у Перекопа.

К обороне Крым был не готов. Учитывая присутствие союзников, этот вариант всерьез даже не рассматривался. 26 марта главнокомандующий союзными войсками в Восточной Европе ген. Франше д'Эспре, посетив Крым, заявил, что Севастополь оставлен не будет, что русским надо продержаться 2 недели, после чего они получают существенную помощь. 29-го Шиллинг, бросив бронепоезд и несколько орудий, вынужден был оставить Чонгарский полуостров и отойти в Крым. У него не было даже взрывчатки, чтобы уничтожить за собой мост. Правительство срочно командировало туда гражданского инженера Чаева, и мост все-таки взорвали. Попробовали защищать Перекоп, собрав здесь все силы — 25 орудий, Симферопольский полк, разные зачаточные формирования, вроде Виленского полка (50 чел.). Наконец-то и союзники прислали подкрепление — одну роту греков, 150 штыков. Три дня красные пушки бомбардировали Перекоп, а 3 апреля пошли на штурм. Несмотря на подавляющее превосходство противника, он был отбит. Но выяснилось, что одновременно с лобовой атакой красные перешли Сиваш и выходят в тылы белогвардейцев. Эту идею подал Дыбенко хитрый батяня Махно. Фрунзе в 20-м году лишь повторил его маневр. Любопытно, что бои за Крым весной 19-го очень похожи на репетицию осени 20-го, только меньшими силами. Тот же удар красных от Каховки, тот же прорыв отступающих белых через Чонгар, тот же Перекоп, обход через Сиваш. И так же, как полтора года спустя, белые отступили, пытаясь закрепиться у Юшунни, где в перешеек вкраплено несколько озер с узкими дефиле.

Командующий силами союзников полковник Труссон заявлял, что окажет содействие и техническими средствами, и войсками, но при условии, что будет удержана Юшуньская линия обороны. А никакой «линии» не было, даже окопов. Ходили в штыки или отстреливались, лежа в цепях. Через день подавляющими силами красных она была прорвана. Белогвардейцы еще пытались сопротивляться. Подошел отряд энергичного полковника Слащева, организовавшего разбитые части и начавшего контрнаступление. Отбросили красных на 15 км, подступая к Армянску. Но силы были неравны, контрудар выдохся, и белые покатались назад. К тому же, воспользовавшись переброской всех защитников на Перекоп, красные начали высадку десантов через Чонгарский пролив и на Арабатскую стрелку. Создалась угроза полного окружения и уничтожения белых сил на Перекопском перешейке. Они начали отход на Джанкой и Феодосию. Крымское правительство переехало в Севастополь.

Между тем из Парижа уже было получено распоряжение о выводе союзных войск из России. И французы уже потихоньку начали эвакуацию. Только рекордно сжатые сроки, как в Одессе, не ставились. Дело в том, что в Севастополе сел на мель французский линкор «Мирабо», и требовалось выиграть время, чтобы закончить работу по его снятию. Труссон, назначивший себя военным губернатором, те-

перь заявлял, что распоряжений о защите Севастополя у него нет, что обороняться он сможет лишь 3 дня (у него было 3 тыс. чел. и несколько батарей), что для прочной обороны нужно не менее 10 тыс. чел., и надо выиграть время до их подхода. Правда, войска вскоре прибыли — 2 тыс. алжирцев и 2 тыс. сенегальцев. Но прибыли лишь по инерции старых приказов, чтобы продефилировать по улицам, прикрыть эвакуацию и снова сесть на корабли.

12.04 Труссон и адмирал Амет предложили коменданту крепости ген. Субботину и командующему русскими кораблями адм. Саблину, чтобы все учреждения Добровольческой армии немедленно покинули Севастополь. В дополнение французы фактически ограбили Крымское правительство, потребовав 10 млн. руб. «на расходы по Севастополю». Труссон вел себя крайне нагло, угрожая русским чинам арестами и приказав не выпускать суда из порта. В результате французам передали «на хранение» эвакуированные ценности Крымского государства с тем, чтобы из этих денег оплатить «расходы на нужды края», а остаток был бы передан одной из русских миссий в Европе. 16.04 ушли последние русские корабли, увозя белогвардейцев и беженцев в Новороссийск. Самые дальновидные и удачливые добрались с союзниками до Константинополя, образовав там первую, «одесско-севастопольскую» волну эмиграции, наиболее благополучную в материальном отношении, т. к. еще имели возможность как-то устроиться, найти работу. А французы попросту заключили с большевиками недельное перемирие, закончили снятие с мели «Мирабо» и ушли из Крыма.

Отступившие части несостоявшейся Крымско-Азовской армии, около 4 тыс. чел., сумели закрепиться на Акманайской позиции, на перешейке Керченского полуострова, прикрытые с моря огнем русских и английских кораблей. Восточная часть Крыма на этот раз осталась за белыми. А по остальной территории полуострова пошел Дыбенко, как средневековый завоеватель, ворвавшийся со своими ордами в чужое царство. Второй раз покатались по Крыму ужас и смерть. Например, офицеров и белогвардейцев этот храбрый матросик, один из любовников Коллонтай, приказывал связывать проволокой по несколько человек и такими «букетами» топил в море. Трофеи он взял богатейшие — много почти исправных кораблей, которые не смогли уйти своим ходом из-за мелкого ремонта (а все буксиры захватили французы), огромные запасы русского, германского и французского военного имущества, брошенные союзниками на складах. После этого часть красных войск осталась в Крыму против Керченского перешейка, а другая часть перебрасывалась в Донбасс — добивать казаков и Добровольческую армию.

А Деникин в тот момент был отнюдь не в состоянии помочь ни Крыму, ни наступающему к Волге Колчаку. Если зимнее наступление на Дон с севера кое-как удалось остановить, то в марте началась новая операция красных. Два концентрических удара наносились по флангам Вооруженных сил Юга России, 8-й и 13-й армиями в Донбассе, отрезая части Добровольческой армии от казаков, и 10-й армией из Царицына на Тихорецкую, отрезая Дон от Кубани. Сразу после освобождения Северного Кавказа на помощь донцам, для заткания гигантских прорех их фронта были переброшены лучшие

части — кубанская конница Шкуро, Дроздовский, Марковский, Корниловский полки. Возглавил эту группировку поначалу Врангель. Здесь завязались тяжелейшие бои. Соединенные силы 8-й и 13-й армий красных наступали в среднем течении Северского Донца. Численный перевес большевиков был подавляющим, план операции разработал Тухачевский, уже считавшийся выдающимся талантом. Но лавина красных частей нарвалась на стойкую оборону добровольцев. Они цеплялись за каждую естественную преграду — балку, реку, овраг, белое командование умело маневрировало конницей, быстро перебрасывая ее с одного угрожаемого участка на другой. Все атаки красных отбивались.

О напряженности сражения говорит тот факт, что прошедший две войны и уже отличившийся в гражданскую Врангель получил тяжелый нервный срыв и вынужден был взять отпуск по болезни. Его заменил Я. Д. Юзефович. В разгар боев он писал Деникину: «С правого берега Дона надо убрать ядро Добровольческой армии — корниловцев, марковцев, дроздовцев и другие части, составляющие душу нашего бытия, надо их пополнить, сохранить этих великих страсто-терпцев — босых, раздетых, вшивых, нищих, великих духом, на своих плечах потом и кровью закладывающих будущее нашей родины... Сохранить для будущего... Всему бывает предел... И эти бессмертные могут стать смертными».

Но заменить их было нечем, и «бессмертные» держались. Мало того, сами наносили красным поражения контрударами. Разметав большевистские полки, они вышли к пригородам Луганска, где располагался штаб 8-й армии, вынужденный бежать в Миллерово. Лишь всеобщая мобилизация шахтеров помогла красным отстоять город и ликвидировать прорыв. Но если здесь благодаря отчаянному героизму добровольцев удалось сорвать планы вражеского наступления, не пропустить красных в глубь Донбасса и предотвратить опасность взрыва среди большевистски настроенных шахтеров, то совсем иначе сложилась ситуация на восточном фланге фронта.

После разгрома 11-й армии две ее дивизии, назвав себя Особой соединенной армией, отошли в Сальские степи, заняв район между расположением донцов и добровольцев. Несколько раз их пытались разбить, но они уходили по степям, а затем возвращались. «Столица» этой группировки, большое село Ремонтное то и дело переходило из рук в руки. В феврале произошла реорганизация красных войск в низовьях Волги. Из остатков 11-й и 12-й армий в Астрахани создавалась новая 11-я. А 10-я, существенно усиленная, перешла из Царицына в наступление на Тихорецкую. Казаки Мамонтова, доселе еще державшиеся против нее, начали пятиться. 10-я армия установила связь с «Особой соединенной» и подчинила ее себе под названием Ставропольской группы. Точно так же была включена в состав армии бесхозная Каспийско-Степная группа Жлобы. Сейчас эти части, оказавшиеся в стыке двух белых армий, пришлись очень кстати.

8 марта последовал комбинированный удар. 20-тысячная Ставропольская группа из 6-й кавалерийской и 32-й стрелковой дивизий рванулась на запад и пошла на Великокняжескую (Пролетарск), обходя части Мамонтова с фланга и тыла. Одновременно в лоб, на Котельниково, их атаковали 4-я кавдивизия Буденного и 37-я. Сопро-

тивление казаков, оказавшихся в полукольце, было подорвано. Вслед за Северным рухнул и Восточный фронт Донской армии. Казаки спасались по степям, кто мог — отходили за Маныч. Великокняжеская пала. Красные части форсировали Маныч, и на подступах к Торговой (Сальск) Ставропольская группа соединилась с основными силами 10-й армии, создав здесь значительный плацдарм. К началу апреля большевики заняли Торговую, Атаманскую, разведкой вышли к Мечетинской. Между Доном и Кубанью осталась узкая, каких-нибудь 100 км, перемычка с единственной ниткой железной дороги. Сюда белое командование бросало все, что можно. Дошло до того, что в Екатеринодаре как последний резерв формировался офицерский отряд из тыловых учреждений, которому предполагалось придать несколько танков, только что привезенных англичанами. Для стабилизации фронта кубанские и добровольческие части перебрасывались сюда обратно с западного участка, отчего в Донбассе увеличивалась нагрузка на тех же «бессмертных», тех же «великих страстотерпцев».

Лишь с севера фронт оставался более-менее спокойным. В Донской армии после разгрома оставалось всего 15 тыс. чел., она срочно нуждалась в укреплении и переформировании. Но был здесь и благоприятный фактор. В тылу у красных сидело, как заноза, верхнедонское восстание. Область восстания была окружена заградотрядами. Все, кто хотел выйти из блокированных районов или попасть в них, уничтожались на месте. В окрестных станицах брали заложников. Хотя масштабы геноцида в еще не восставших местностях Дона большевики вынуждены были сократить, мириться с повстанцами они не собирались. Член РВС 8-й армии Якир приказывал: «...Полное уничтожение поднявших восстание, расстрел на месте всех, имеющих оружие, 50-процентное уничтожение мужского населения. Никаких переговоров с восставшими быть не должно». Хотя, для сравнения, повстанцы семьи большевиков репрессиям не подвергали. И пленных брали. И смертная казнь у них была отменена. Правда, пленным комиссарам, чекистам, трибуналам от этого было не легче. Они натворили столько зла, что население отбивало их у конвоиров и расправлялось самосудами. Да и конвоиры таких пленных не жаловали, часто устраивая им «попытки к бегству».

На подавление восстания бросались все новые и новые части — школы красных курсантов, резервные полки, латыши-каратели, флотские экипажи, коммунистические дружины. Всего против казаков действовало до 25 тыс. штыков и сабель при подавляющем огневом превосходстве. Повстанцы к апрелю выставили на фронт около 35 тыс., организованных в 5 дивизий и 1 бригаду под командованием своих, станичных офицеров. У них уже было полное количество винтовок, 6 батарей, 150 пулеметов, взятых в боях. Но боеприпасов катастрофически не хватало. Патроны делились поштучно, по несколько сот на дивизию. Каждый день шли бои под Каргинской. Красное наступление было отброшено от Еланской с большими потерями. Большевики все еще не оценили силу казачьего патриотизма и организации. Перебрасываемые сюда силы они вводили в бой отдельными частями, на разных участках — и терпели поражения.

С апреля восстание все больше привлекает внимание Москвы. 20.04.19 Ленин пишет Сокольникову: «Верх безобразия, что подавле-

ние восстания казаков затянулось». 24.04 телеграфирует еще более откровенно: «Я боюсь, что вы ошибаетесь, не применяя строгости, но если вы абсолютно уверены, что нет сил для свирепой и беспощадной расправы, то телеграфируйте немедленно. Нельзя ли обещать амнистию и этой ценой разоружить? Посылаем еще двое командных курсов». 25.04 о том же пишет Склянскому: «Надо сговориться с Дзержинским о том, чтобы он дал самых энергичных людей, и не послать ли еще военные силы? Еще надо, если там плохо, пойти на хитрость». Общая политика «расказачивания» оставалась между тем неизменной. Для примера можно привести телеграмму Ленина от 15.05: «Кострома. Луначарскому. Двиньте энергичное массовое переселение на Дон из неземледельческих мест для занятия хуторов. Курсантов тоже пошлем».

Но казаки пока еще продолжали держаться и даже побеждать. 25.04, разгромив 1-й Московский полк, они заняли Букановскую и Слащевскую. Волновался не только Верхнедонской округ. Брожение началось в соседнем, Хоперском. В станице Урюпинской готовил восстание войсковой старшина Алимов. Оно должно было начаться 1.05, но накануне Алимов и его сторонники были схвачены и расстреляны. Не все соглашались быть карателями. В Усть-Хоперской восстал красный Сердобский полк, сформированный из самарских и саратовских крестьян. Прибывшего их усмирять комбрига подняли на штыки и перешли на сторону повстанцев, сдав им станицу. В Купянске восстала запасная бригада 8-й армии. Но тут мятежникам деваться было некуда, бунт подавили, 48 человек расстреляли. В начале мая была установлена связь с Новочеркасском по воздуху, аэропланами Донской армии. Было переслано письмо атаману Богаевскому с просьбой о немедленной помощи. Авиарейсы стали ежедневными. По мере возможностей тогдашних самолетов повстанцам стали поступать винтовочные патроны, по несколько штук трехдюймовых снарядов в сутки.

А на Юге произошла еще одна короткая белогвардейско-грузинская война. Каждый солдат был на счету, почти все войска с этой границы Деникин перебросил на Кубань, к месту прорыва. На границе осталось лишь несколько рот очень слабенького состава. Этим воспользовались грузины. Они сконцентрировали под Сухуми 8 батальонов, конный дивизион и 4 батареи своей Народной гвардии. На пограничной реке Бзыбь стоял отряд англичан, выполнявший роль нейтральной силы, разделяющей стороны от столкновения. Они занимали единственную переправу — мост на Сухумском шоссе. Но грузины перехитрили миротворцев, тайно соорудили несколько паромов и переправились в другом месте. На их стороне выступили отряды «зеленых», русских крестьян-дезертиров, прячущихся в горах от деникинской мобилизации. Понятно, для них приход грузин был благом, избавляя от преследований властей и угрозы попасть на фронт.

Обходимые с флангов и угрожаемые с тыла, малочисленные белогвардейцы без боя оставили Гагры и отступили в Сочи. Англичане рассердились на грузин, потребовали немедленно прекратить военные действия, и наступление было остановлено. Но Гагры Грузия оставила за собой. Дело в том, что до революции большое количество земли здесь принадлежало герцогу А. П. Ольденбургскому. Это он

решил устроить на диком берегу курорт на уровне европейских. Основал здесь «климатическую станцию», разбив парки, осушив болото, благоустроив местность, создав пляжи, построив пансионаты и лечебницы. И одновременно для удобства добился включения Гагр в состав Черноморской губернии из состава Кутаисской. Сославшись на этот факт, грузины заявили, что раньше Гагры принадлежали к Кутаисской губернии, то есть относятся к Грузии. Граница установилась по р. Мехадыр южнее Адлера. Вот по результатам этой микровойны Гагры и сейчас принадлежат Грузии, а не России.

52. НА ГРАНИ МИРОВОГО ПОЖАРА

Мы на горе всем буржуям
Мировой пожар раздуем,
Мировой пожар в крови —
Господи, благослови!

А. Блок

Корниловцы, марковцы, дроздовцы, алексеевцы. Ядро Добровольческой армии. Эти части, названные по именам погибших военачальников, были особыми, легендарными. Спаянные, стойкие, наводившие ужас на красных и проявлявшие чудеса героизма. Их еще называли «именными» или «цветными» полками, потому что даже форма у них была своя, особенная — естественно, когда непрерывные бои и нерегулярное снабжение позволяли поддерживать эту форму. Корниловцы — ту, что носил Корниловский ударный полк еще до Октябрьского переворота: черно-красные погоны и петлицы, белый кант на кителях, брюках и фуражках, на погонах буква К, череп вместо кокарды (полк создавался на фронте в ряду «ударных батальонов смерти»), особые нарукавные шевроны, на левой руке — черно-красный, на правой у плеча — череп с костями, скрещенные мечи, горящая граната и надпись «корниловцы».

У дроздовцев цвета фуражек, погон, петлиц, канта на униформе были малиновый с белым (малиновый — цвет российских стрелковых частей, на основе которых Дроздовский создавал свой отряд) и на погонах — буква Д. У алексеевцев те же цвета — голубой с белым. Алексеевские части создавались на основе студентов и гимназистов, а голубой и белый — цвета российского университетского значка. И, соответственно, буква А. Марковцы носили черно-белую форму — черные гимнастерки, брюки и погоны с белыми кантами и просветами. Цвета символизировали смерть и воскресение. И буква М (в кинофильме «Чапаев» в марковскую форму почему-то одели каппелевцев).

В этих частях выработались свои традиции. Даже особенная манера поведения. У дроздовцев, например, хорошим тоном считалась ирония в лице, они любили носить пенсне в честь своего погибшего кумира. У корниловцев традиционной была мина презрительного разочарования. Марковцы щеголяли нарочитой «солдатчиной» — грязными шинелями и многоэтажным матом. Алексеевцы перенесли на фронтовую почву студенческие традиции. И вот что интересно — таяло

число «первопоходников», ветеранов этих частей, все больше приходило новичков, бывшие офицерские полки все сильнее разбавлялись солдатами, в основном — из пленных красноармейцев. А боевые качества «именных» формирований не ослабевали. Они оставались теми же сплоченными, железными единицами, стойко выдерживающими все испытания, были все так же сильны духом.

В мае 19-го «именные» полки были сведены в 1-й армейский корпус. Командиром его стал 36-летний генерал Александр Павлович Кутепов, участник русско-японской и мировой войн, в 17-м командир Преображенского полка, в Ледяном походе командовал ротой корниловцев, а перед назначением на корпус сидел черноморским губернатором в Новороссийске. Реорганизовалась и соседняя, Донская армия. Остатки трех армий Войска Донского были сведены в корпуса, корпуса — в дивизии, дивизии — в бригады. Третьим направлением, оставшимся главным, было царицынское, где красные вбили глубокий клин между Доном и Кубанью, находясь всего в 80 км от Ростова, угрожая Екатеринодару и Новочеркаску. Здесь сосредоточивался сильный кулак из кубанских, терских и добровольческих частей под командованием ген. Врангеля.

В мае эти три основные группировки Вооруженных сил Юга России были преобразованы в три армии, соответственно — Добровольческую (ее командующим стал ген. Май-Маевский), Донскую (ген. Сидорин) и Кавказскую (Врангель). Особняком находилась четырехтысячная группа войск в Крыму, преобразованная в 3-й армейский корпус. Ее командующий ген. Боровский был снят и переведен в Закаспийскую область, руководство здесь принял ген. Шиллинг. Его части продолжали удерживать 20-километровую линию окопов на перешейке Керченского полуострова. Немало способствовала тому, что Керчь в этот раз осталась за белыми, огневая поддержка с моря русских и английских кораблей. Уже отмечалось, что английское командование «на местах» в большинстве симпатизировало белогвардейцам и сочувственно относилось к их борьбе. И в «мелочах», не касающихся глобальной политики и не могущих вызвать большого шума в парламенте, готово было оказать посильную помощь. Например, дать 1—2 залпа по указанным целям. Впрочем, и сами красные в Крыму не проявляли настойчивости и вскоре прекратили атаки на Акманайские позиции. Клочок земли вокруг Керчи был слишком мелкой целью, куда бы он делся при разгроме основных сил Деникина? Его просто блокировали.

Гораздо больше досаждали крымским белогвардейцам аджимушкайские «каменоломщики». При прорыве красных в Крым местные нелегальные ревкомы были так уверены в их скором приходе, что подняли в Керчи восстание, увлекая за собой сочувствующих матросов, рабочих и портовый сброд. Но фронт неожиданно стабилизировался, и повстанцы, около тысячи человек, вынуждены были бежать. Вблизи села Аджимушкай строительный камень добывали издревле, еще с античных времен. Поэтому керченские каменоломни представляли собой огромный лабиринт подземных ходов, протянувшийся на многие километры. В этом запутанном царстве и укрылись партизаны. В подземельях были источники воды, сюда натащили много припасов, имелось большое количество выходов и тайных лазов, че-

рез которые каменоломщики выходили на поверхность, они были связаны с местным населением сочувствующих или терроризируемых деревень, а с помощью рыбацких лодок — с красными войсками на Азовском побережье. По ночам нападали на белые тылы, дважды совершали налеты на саму Керчь, отбиваемые гарнизоном.

После стабилизации фронта появилась возможность подтянуть сюда части с позиций, но борьба долгое время была безуспешной из-за множества выходов и сложности подземной системы. Атакуемые в одном месте, каменоломщики исчезали и появлялись с тыла. По ночам с неожиданных направлений клевали блокирующие их гарнизоны. Наконец, был применен другой способ. Приблизительно определяя места главных подземелий, саперы стали закладывать над ними и взрывать мощные заряды динамита. От этого в ходах начались обвалы, у многих каменоломщиков повреждались уши от сильных сотрясений. Жизнь под землей становилась невозможной, начались внутренние раздоры. Тогда партизаны выбрались на поверхность и предприняли еще одну попытку поднять восстание в Керчи, пробиваясь к порту. Это им не удалось. Восстание подавили, многих партизан истребили, часть разбежалась, а оставшиеся в каменоломнях, в основном уже небоеспособные, прислали парламентариев и сдались. Крымский тыл успокоился.

Между тем красное командование, как и белое, готовилось к решающим боям. У большевиков настал очередной период победной эйфории. На Восточном фронте наметился перелом, французов выгнали из Одессы и Крыма, деникинцы, казалось, были обречены.

А главное — заполыхали революции по всей Европе! В феврале — вооруженное восстание «спартакидов» в Берлине. Ну ладно, подавили его, К. Либкнехта и Р. Люксембург втихаря пристукнули. Но в марте образовалась Венгерская советская республика, и тоже одерживала победы. Ее Красная армия вторглась в Словакию, провозгласив там Словацкую советскую республику. В апреле образовалась Баварская советская республика. Начиналось восстание в Ирландии. Шли волнения в Вене, Гамбурге, английских и французских колониях. Возникла реальная возможность новой мировой или по крайней мере общеевропейской войны — провозглашенной большевиками «мировой революции»!

Численность трех украинских красных армий достигла 80 тыс. чел. Часть этих войск из Крыма перебрасывалась для решающего удара на деникинский фронт, а все остальное — на запад! Это направление было признано главным. Громя слабые, неустойчивые отряды петлюровцев, дивизии Подвойского выходили к границам Галиции, чтобы протянуть «руку помощи» европейским «братьям». Ох, как заманчиво было! Мог ли что-то серьезное противопоставить большевикам Петлюра? Оставалось вроде совсем немножко — перевалить Карпаты — и Венгрия! И коммунизм на штыках Красной армии хлынет во взбаламученную Европу! Между Венгрией и Украиной уже было установлено авиационное сообщение, наркомвоен Т. Самуэли прилетал в Киев, совещался с Н. И. Подвойским о совместных действиях. По Галиции (Западно-Украинской Народной республике) всюду распространялись воззвания с призывами свергать власть, захватывать

землю и т. п. Уже образовалось большевистское марионеточное «правительство» Галиции.

Анализируя обстановку, можно смело сказать, что май 19-го был одним из критических моментов мировой истории нашего столетия, причем этот критический момент почти не замечен специалистами. Исполнись надежды большевиков — и красная чума загуляла бы по разоренным войной европейским государствам. А Троцкий даже вынашивал уже планы формирования на Южном Урале 2—3 конных корпусов и отправки их в Индию «для стимулирования там революционных процессов...». Хотя кто знает, возможно, для России этот вариант развития событий был бы благом? Уж наверное, тогда Европа и Америка взглянули бы на коммунизм по-другому. И не исключено, что место Нюрнберга занял бы в истории какой-нибудь Смоленск или Петроград. Но Россия осталась верна своей древней привычке — ценой собственного счастья спасти Запад от диких орд. Так случилось и в 1919-м. Если большевистское нашествие не перехлестнулось в Центральную Европу, то воспрепятствовали этому лишь три фактора, не учтенных коммунистами.

Крестьяне и рабочие Западно-Украинской Народной республики их не поддержали. Это была довольно отсталая окраина развалившейся Австро-Венгрии, намерение красных прорваться к немцам и венграм, еще недавно угнетавшим прикарпатских украинцев, как нацию второго сорта, не могло здесь встретить сочувствия. Русины жили по обычаям патриархальной старины, были очень религиозны. Коммунизм с его призывами к погромам и экспроприациям собственности они отвергли, встретив Красную армию как захватчиков и разбойников. Петлюра заключил с Галицией союз, и его войско укрепились стойкими, дисциплинированными полками «украинских сечевых стрельцов». Сопротивление резко возросло, и продвижение большевиков застопорилось.

Второй фактор — украинская анархия. Украину баламутили уже полгода и естественными процессами, и искусственно. Если на первой волне анархии Петлюра смел гетмана, на второй большевики смели Петлюру, то наивно было полагать, что разбушевавшееся море по мановению руки коммунистов успокоится. Едва разглядев прелести новой власти, анархия по всей Украине стала подниматься новой волной — уже против большевиков.

А главным фактором стала Белая гвардия. Колчак, оттянувший на себя отборные войска красных, и деникинцы, казалось бы, уже надежно зажатые в своем углу и измотанные боями. И которых вроде бы оставалось только добить. Корниловцы, марковцы, дроздовцы, алексеевцы...

53. БАТЬКИ И КОММУНИСТЫ

Как обычно, едва начинали сыпаться победы, к большевикам приходило чувство безнаказанности и вседозволенности. Так было и на Украине. Едва завладев ею, коммунисты принялись активно восстанавливать против себя здешнее крестьянство. Значительная часть прошлогоднего урожая, скота была вывезена в Германию и Австро-Венгрию в качестве реквизиций (строго оплаченных крестьянам ок-

купантами!). Однако большевикам до этого дела не было. Разграбив, ввергнув бесхозяйственностью и социально-экономическими экспериментами в голод Центральную Россию, они теперь рассчитывали пропитаться за счет вновь захваченных территорий. Ленин бомбардировал Украину телеграммами о каких-то 50 млн. пудов хлеба, без которых «мы рколеем все». (А перед этим в Центральные державы было отправлено 60 млн. пудов!) И сразу после «освобождения» крестьян стали грабить продразверсткой.

В дополнение к «продовольственной политике» грянула первая попытка коллективизации. С 6 по 10 марта в Харькове состоялся 3-й Всеукраинский съезд Советов, принявший резолюцию о национализации всей земли. Причем «все помещичьи и кулацкие земли, отличавшиеся высоким уровнем сельскохозяйственного производства», переходили в руки государства, и на их базе создавались совхозы. В отличие от неплодородных северных губерний, где большинство имений оставались чем-то вроде летних дач, на территории Украины доля крупных хозяйств была очень велика. Но крестьяне уже поделили эту землю, растащили скот и инвентарь. Гетман вернул было собственность владельцам, после его свержения разобрали снова. И теперь большевики опять отбирали...

Само красное «правительство» Украины вряд ли могло вызывать симпатии. Палачи-чекисты, большой процент евреев, с которыми здесь, в пределах «черты оседлости», украинцы испокон веков жили бок о бок и традиционно относились к ним с неприязнью (загляните хотя бы в «Тараса Бульбу»). Глава правительства Раковский всю жизнь провел в европейской эмиграции, вернувшись в 17-м в качестве кадрового австрийского шпиона. В Киеве 19-го он продолжал жить «по-европейски», причем весьма на широкую ногу — ходил во фраке, поселился в императорском дворце, курил лучшие сигары и пил лучшие вина. Быта не знал совершенно. Даже по-русски говорил с акцентом, а насчет украинского языка имел очень смутное представление — в речах называл «незаможних» крестьян «незамужними».

И едва потеплело, едва подсохла степная грязь, едва стало возможным ночевать в балках и лесочках, крестьяне взялись за припрятанные обрезы. Снова загуляли вовсю отряды «батек» всех мастей, «желто-голубых», «красно-белых», «зеленых», «черных», «черно-красных». В апреле — начале мая было зарегистрировано 121 антикоммунистическое выступление. Доходило до того, что банда атамана Струка среди бела дня пришла в Киев и ограбила несколько магазинов на Куреневке. К крестьянам примыкала откровенно бандитская муть. Те же самые элементы, которые прошли с грабежами по городам под знаменем Петлюры, а потом второй раз, переметнувшись к красным. С чего бы им после этого превращаться в послушных солдатиков и уступать монополию на грабежи государству?

Естественно, по мере сил выступления подавлялись. Ленин требовал от Раковского: «Декретируйте и проводите в жизнь полное обезоруживание населения, расстреливайте на месте беспощадно за каждую скрытую винтовку». И расстреливали беспощадно, на месте. Но винтовок у украинского населения оказалось слишком много — тут и русский фронт мировой войны рухнул, и немецкий, и фронты гражданской войны сколько раз туда-сюда катались. Сила украинского

повстанчества заключалась не только в богатом опыте, сытости, большом количестве оружия и самогонки, способствующей проявлению героизма. Ведь легкий захват Украины дался большевикам ценой привлечения на свою сторону главарей анархии — Махно, Григорьева и пр. Теперь в распоряжении повстанцев оказались готовые центры организации и популярные вожди. Самым видным из них оставался батька Махно. В соглашении, заключенном с ним большевиками, его «повстанческая армия» входила в состав Красной армии на правах бригады, но оговаривалось, что «она подчиняется высшему красному командованию лишь в оперативном отношении», «внутренний распорядок ее остается прежним», признавалось существование махновских «вольных советов».

Однако, согласно махновскому «внутреннему распорядку», части и подразделения являлись не только воинскими, но и административными единицами. «Бригада» Махно выступала не только 10-тысячным соединением на деникинском фронте, она охватывала 72 волости с населением в 2 млн. человек! И в ее район не было хода ни продотрядам, ни коллективизации, ни чекистам. Естественно, к Махно начали склоняться соседние местности. И для большевиков он быстро стал «костью в горле». Уже в конце марта против него планировался заговор. Командир одного из его полков Падалка, связанный с ЧК, собирался напасть на Гуляй-Поле и захватить батьку со штабом. Но батька заранее узнал о заговоре, неожиданно прилетел к Падалке на аэроплане, захватил врасплох «путчистов» и казнил.

Чем дальше, тем сильнее становились трения. 10.04 в Гуляй-Поле 3-й съезд Советов махновского района в своей резолюции квалифицировал коммунистическую политику как «преступную по отношению к социальной революции и трудящимся массам», признал харьковский Съезд советов с его решениями «не истинным и свободным выражением воли трудящихся», выразил протест «против реакционных приемов большевистской власти, проводимых комиссарами и агентами чрезвычайек, расстреливающих рабочих, крестьян и повстанцев под всякими предлогами», потребовал социализации земли, фабрик и заводов, «изменения в корне продовольственной политики», «полной свободы слова, печати, собраний всем левым течениям», «неприкосновенность личности... трудового народа». Съезд заявил: «Диктатуры какой бы то ни было партии категорически не признаем... Долой комиссародержавие! Долой чрезвычайки, современные охранки...»

Дыбенко в телеграмме назвал съезд «контрреволюционным», грозил объявить вне закона. Ему ответили протестом и заявлением, что «нас такие приказы не пугают, и мы всегда готовы к защите своих народных прав». Командование Красной армии стало резко сокращать снабжение махновцев, рассматривался вопрос о снятии батьки с командования бригадой. 25.04 харьковская газета «Коммунист» разразилась статьей «Долой махновщину!». Но до открытого разрыва пока не дошло. 29.04 в Гуляй-Поле приехал с инспекционной проверкой Антонов-Овсеенко, оставшийся довольным результатами. 3—4 мая из Москвы прикатил к батьке Л. Б. Каменев. Тоже вроде удовлетворился, даже расцеловался с Махно на прощание... Тем не менее отношения оставались напряженными.

А в первых числах мая поднял восстание другой атаман — Григорьев. Вдоволь награвив в Одессе, Херсоне и Николаеве, он застрял в своей «столице» Александрии. Советское командование неоднократно понукало его, стараясь выпихнуть в Галицию, на фронт. Григорьев всячески уклонялся. Когда далее избегать конфликта стало нельзя, он выступил против большевиков, выпустив «Универсал», где провозглашал независимость Украины, защиту собственности, свободу торговли и другие блага. Его войска победоносно двинулись по разным направлениям, 11.05 взяли Екатеринослав, Кременчуг, 12.05 дошли до Черкасс, открыв себе дорогу на Киев, 16.05 заняли Херсон и Николаев. Но не получилось ни всеобщего восстания, ни триумфального похода. Григорьевские банды, избалованные легкими победами и вседозволенностью, превратились в орды грабителей и садистов. Взятие каждого населенного пункта начиналось еврейским погромом, а продолжалось... кто там разберет, в погроме-то, «жид» или «не жид», «буржуй» или «не буржуй»? Жестокость и дикость бывших доблестных красноармейцев многих отпугнула от Григорьева. Даже крестьянский съезд, созванный им самим в Александрии, предложил его воинству «прекратить бесчинства». Ряд городов объявили себя «нейтральными». Два григорьевских полка, 3-й и 5-й, стоявшие под Одессой, отказались ему подчиняться, перешли на сторону красных. Не поддержал Григорьева и Махно. На запрос правительства Украины батяка ответил, что от оценки действия Григорьева пока воздерживается и будет драться с Деникиным, «стараясь в то же время, чтобы освобождаемый нами тыл покрылся свободными рабоче-крестьянскими соединениями, имеющими всю полноту власти у самих себя, и в этом отношении такие органы принуждения и насилия, как чрезвычайки и многие комиссариаты, проводящие партийную диктатуру, встретят в нас энергичных противников».

Наркомвнудел Ворошилов, приняв командование Харьковским округом, с приданными ему частями 2-й Украинской армии, в первом же бою разгромил ядро григорьевских сил. По флангам и тылам их ударили резервные части 1-й и 3-й армий. И все воинство атамана рассыпалось. С «григорьевщиной» было покончено в 2 недели! Банды, привыкшие, что их боятся и перед ними бегут, разбежались при первой же неудаче. Распались на отряды и отрядики, действующие и спасающиеся самостоятельно... И это была та самая шваль, перед которой месяц назад бежали кадровые французские дивизии, которой испугались союзники, бросив Россию на произвол судьбы! Да и сам Григорьев не был ни политиком, ни полководцем, ни даже талантливым партизанским командиром, как Махно. Типичное порождение революции — накипь на гребне событий. Вожак и лидер — все равно чей. Одним словом, легкомысленный авантюрист. Не зря отделился от него начальник штаба, бывший полковник Тютюнник, которого современники характеризуют как серьезного и культурного офицера, умевшего даже в условиях «григорьевщины» сохранять интеллигентность, достоинство и трезвость ума.

А Григорьев после разгрома пошел с оставшимся у него отрядом по Херсонской губернии и вступил в расположение махновцев. При встрече батяка обвинил его в... покровительстве буржуям и посылке делегации к Деникину. Перед этим Григорьев якобы отпустил не-

сколько пленных офицеров с письмом к белому командованию. Атамана и его телохранителей застрелили, двух григорьевских командиров забили камнями, отряд разоружили. Относительно письма к Деникину трудно сказать. Для Григорьева такой шаг был бы, наверное, закономерным. Из российской армии — к Центральной Раде, от Рады — к гетману, от гетмана — к Петлюре, от Петлюры — к красным... Почему бы ему не попробовать предложить услуги и белым? Так сказать, для полноты коллекции. А может, Махно придумал эту деталь, чтобы иметь благовидный предлог устранить конкурента. Убрать фигуру атамана, ставшую совершенно лишней и способную лишь усложнить положение самого батьки. И вроде не по коммунистическому приговору, а за конкретное «контрреволюционное» дело. Так что очень удобно получилось.

54. ПОБЕДЫ — МАНЫЧ И ДОНБАСС

В мае коммунистическое командование начало очередное генеральное наступление с целью расчленить и уничтожить Вооруженные силы Юга России. Главной целью был выбран Ростов, в направлении которого наносились два сходящихся удара. С востока — глубоко прорвавшейся 10-й армией Егорова, стоящей на Маныче, в 80 км от Ростова, и с запада — силами 8-й, 13-й и 2-й Украинской армий, находившихся лишь немногим дальше. Красный командарм Всеволодов позже писал: «В общем, силы советских войск на всем Южном фронте по своей численности превосходили Добровольческую и Донскую армии в 4 раза, а на ударном участке Луганска — не менее как в 6 раз. Техника была всецело на стороне советских войск. В советских войсках царила полная уверенность в успехе. Руководить операцией прибыл лично Троцкий, приведя на фронт несколько курсантских бригад».

Битва началась на восточном участке. Основные силы 10-й армии переправились через Маныч на захваченный ранее плацдарм, 4-я кавдивизия Буденного нанесла удар на правом фланге, захватив станции Ольгинскую и Грабьевскую. В ее задачу входило прорвать фронт и пройти рейдом по тылам белой обороны. Но была готова и армия Врангеля. А разработал план сражения и руководил им лично Деникин. Он готовил красным ловушку, на флангах сосредоточились корпуса Улагая и Покровского. Дождавшись первого хода противника, Деникин пустил их вперед с приказом прорубиться через большевистский фронт и взять 10-ю армию в кольцо. В то время как соединения Егорова втянулись во фронтальные бои с добровольческой пехотой, эти группировки начали обходное движение.

Дивизия Буденного вместо слабозащищенных тылов столкнулась лоб в лоб с наступающими казаками Покровского, во встречном бою потерпела поражение и покатила назад, увлекая соседей. Если под прикрытием буденновской конницы смогли более-менее организованно отступить за Маныч 37-я и 39-я красные дивизии, то на другом фланге ситуация для большевиков сложилась гораздо хуже. Улагай разгромил наголову группу войск Жлобы и глубоко прорвал фронт. 6-я кавалерийская и 32-я дивизии были отрезаны от своих и оказались

в кольцо. Мало того, конные белогвардейские части, гуляющие по тылам, устроили им своеобразную «восьмерку». Прорываясь из одного кольца, они автоматически попадали в другое. Лишь к 20.05 эти сильно обескровленные дивизии пробились к с. Ремонтное, где соединились с основными силами армии. Сюда же подошла дивизия Буденного, прикрывавшая отход арьергардными боями. Собрав наконец-то войска воедино, Егоров решил остановить белых на р. Сал, и у Ремонтного произошла генеральная баталия. Все красные конные части, основу которых составили 4-я и 6-я кавдивизии, были объединены в сводный корпус под командованием Думенко — это и было рождение будущей 1-й Конной армии. 25.05 Егоров бросил всю лавину из 12 кавалерийских полков навстречу наступающей белой коннице. Сражение было крайне упорным и ожесточенным. Можно отметить хотя бы факт, что в один день у красных получили тяжелые ранения сам командарм Егоров, комкор Думенко, два комдива, комиссар дивизии... Дебют первого крупного кавалерийского объединения большевиков получился неудачным. Оно было разбито, 10-я армия, преследуемая казаками Врангеля, начала беспорядочно отступать на Царицын. В это время, прорвав фронт на стыке с 9-й армией, ударила по тылам 10-й донская — конница Мамонтова. И отступление превратилось в бегство...

Почти одновременно началось сражение на западном фланге Вооруженных сил Юга России. Хотя белое командование считало главным самое угрожаемое, манычское направление, основной удар красные готовили в Донбассе, где были сконцентрированы силы трех армий, усиленные за счет частей, подошедших из Крыма. Наибольшие успехи здесь были у махновцев, сражавшихся на южном, приморском участке. Они занимали Мариуполь, Волноваху, прорвались далеко вперед до ст. Кутейниково, севернее Таганрога. Противостояла этим силам Добровольческая армия Май-Маевского, насчитывавшая всего 9600 чел. Правда, неравенство несколько сглаживалось качеством войск. Здесь стояли лучшие деникинские части, 1-й корпус Кутепова... Лучшие, но какой же горсткой они выглядят! Марковский полк — 200 штыков, Дроздовский — 500, Корниловский — 400... Корпус был, правда, усилен другими частями численностью около 5 тыс. чел., но интересен сам факт, что временно приданные полки впятеро превышали численность основного ядра, несшего главную боевую нагрузку. Кутепову был придан и единственный, первый в составе белых армий отряд английских танков. Их значение, кстати, не стоит преувеличивать. Тогдашние танки имели больше ограничений, чем достоинств. Они могли ползти только по ровному месту и на небольшие расстояния. Чуть подальше — уже требовались специальные железнодорожные платформы для их перевозки и мощные погрузочно-разгрузочные средства. На фронтах мировой войны появление танков в 1917 г. оправдалось единственным специфическим назначением — для прорыва укрепленных полос. А в условиях русской гражданской они являлись в большей степени психологическим оружием — в боевом отношении тот же броневи́к был гораздо надежнее, маневреннее и эффективнее.

Еще один фактор сыграл в раскладке сил очень важную роль — в красном фронте не было единства. Трения коммунистов с Махно уже

перерастали в открытую вражду. 6.05 Ленин писал в РВС Южфронта: «С войсками Махно, пока не взят Ростов, надо быть по деликатнее». Но Ленину-то было легко придумывать такие интриги, он сидел в Москве, а каково было Троцкому на Украине? Махно контролировал обширную территорию с 2-миллионным населением, не допуская на ней большевистской политики, — уже сам этот факт служил мощным средством антикоммунистической агитации для остальной Украины. «Бригада» Махно, превосходившая всю Добровольческую армию (только на фронте более 10 тыс. чел.), контактировала с красными частями, заражая соседей. Легко ли было красноармейцам ходить под комиссарской палкой в партийной узде, когда рядом жила по своим законам махновская вольница? Со дня на день росло дезертирство, народ перебегал к Махно. Дисциплина в частях, особенно в соседней с махновцами 9-й дивизии 13-й армии, падала. Появлялись агитаторы, и батькины, и свои заводи́лы, призывающие слать к чертям коммунистов и переходить на свободное партизанское положение.

Конфликт ширился. Советское командование прекратило поставлять махновцам боеприпасы и оружие. На стык их частей с 13-й армией направлялись «надежные», коммунистические и интернациональные войска, чекистские заградотряды, ловившие и уничтожавшие перебежчиков. Естественно, между этими заградотрядами и махновцами начались стычки. Стал образовываться некий второй фронт, лежащий перпендикулярно деникинскому. Махно ответил на действия Советской власти созывом 4-го «экстренного» съезда своих «вольных советов» в Гуляй-Поле на 15 июня. Все это сыграло против самих же большевиков. При подавляющем неравенстве сил белое командование изначально не рассчитывало на какие-то крупные успехи в Донбассе. Тут дай бог было удержаться! Но при том же подавляющем неравенстве оборона могла быть только активной. Любая попытка позиционной защиты 400-километрового фронта 10 тысячами штыков была бы раздавлена. Шутка ли — шестикратное превосходство. Кутепов пришел к выводу, что единственный выход — предупредительный удар. И 19 мая его корпус перешел в наступление — как раз на стыке махновцев с 13-й армией. Эффект превзошел все ожидания. Красные оказались совершенно не готовы к такому повороту событий и начали отступать. Воспользовавшись их замешательством, Кутепов ввел в бой танки. Их появление произвело ошеломляющее впечатление на большевиков, вызывая панику.

Красное командование утверждало потом, что махновцы предали, открыв фронт. Махновцы — что открыли фронт красные, коварно пропустив деникинцев специально для уничтожения повстанцев. На самом деле никто фронта не открывал. Его прорвала горстка белогвардейцев. Напомним, что махновцы имели здесь наибольшие успехи, значительно вырвавшись вперед. Удар в стык, под основание этого выступа, был самым целесообразным с чисто военной точки зрения. И так совпало, что «политика» сделала это место самым уязвимым. Положение усугубилось тем, что красные вели здесь перегруппировку, отводя на другие участки наиболее зараженные махновщиной полки и заменяя свежими. А среди свежих частей, естественно, оказалось много необстрелянных новобранцев. Кто же первыми по-

бежал? Все-таки красные, а не махновцы. Причем части разного качества. Побежали полки, дисциплина в которых была расшатана махновщиной. Громились и рассыпались только что сформированные части, переброшенные для замены разложившихся. Перемешались и «надежные», волею командования к моменту белого наступления ориентированные на два фронта, против махновцев и деникинцев — 2-й Интернациональный полк, Воронежский и Еврейский коммунистические полки, Особый кавалерийский полк и т. п.

23.05 образовался прорыв глубиной 100 км. Пользуясь этим успехом, Май-Маевский немедленно бросил в эту брешь конный корпус Шкуро. Вот тогда уже запаниковали и покатились назад махновцы, оказавшиеся на своем выступе под угрозой окружения. Их отступающие части встретились с кавказской дивизией Шкуро и в трехдневных боях были разгромлены. Преследуя их, белая конница пошла по степям Таврии на Гуляй-Поле, стремительно приближаясь к Днепру и отсекая от основных сил всю крымско-азовскую группировку большевиков. А корпус Кутепова, перемолов под станцией Гришино 5 красных полков, двинулся на северо-восток. Будто тяжелый асфальтовый каток пошел сбоку вдоль фронта 13-й армии и давил этот фронт. Для красных это была уже катастрофа: они оставили Луганск. Тот же Всеволодов писал: «26 мая командующий 13-й армии Геккер донес во фронт, что отступающую армию остановить нет сил: люди митингуют, арестовывают своих командиров, были случаи расстрелов, с поля сражения исчезают целые команды и батальоны... В 13-ю армию прибыл сам Троцкий. Вид его был ужасный. Начались аресты и массовые расстрелы...» Были случаи столкновения со своими. Отступающая 9-я дивизия с лозунгами «бей жидов и коммунистов!» разграбила г. Бахмут (ныне Артемовск), устроила погром в эшелоне 1-й Украинской бригады...

А кутеповцы, дойдя до Бахмута, где получили в пополнение еще одну отборную часть — Алексеевский полк, начали развивать удар вдоль Северского Донца. На Славянск, на Изюм, на Харьков... Таким образом, майское сражение, в ходе которого предполагалось «добить» белогвардейщину на Дону и Кавказе, закончилось полным разгромом обеих красных ударных группировок, и на обоих флангах перешли в наступление деникинцы. В гражданской войне на юге произошел резкий перелом. И мечты большевиков о европейском пожаре революции оказались похороненными.

55. ПОБЕДЫ — ДОН...

Вешенским повстанцам в мае пришлось туго. Одновременно с операцией против Вооруженных сил Юга России красные решили и ими заняться всерьез. Из Москвы то и дело понукал Ленин, оценивший опасность этого очага. 6.05 он телеграфировал в РВС Южфронта «Происшествие с подавлением восстания прямо-таки возмутительно. Необходимо принять самые энергичные и решительные меры и вырвать с корнем медлительность. Не послать ли еще добавочные силы чекистов?» На фронте операцию взял под личный контроль Троцкий. Против казаков был сформирован особый экспедиционный

корпус под командованием Хвесина из 2 дивизий, одна от 8-й армии, одна от 9-й. Сюда перебрасывалось 14 маршевых рот, курсантские школы, отдельные полки и команды. Всего для подавления восстания командование Южного фронта выделило 40 тыс. штыков и сабель. Началась операция неудачно для красных. Сдаваться казаки и не думали. На второй день наступления был истреблен Кронштадтский полк. Ночью его окружили в степи и пустили в дело деревянные трещотки, имитирующие звук пулеметов. В полку возникла паника. Множество «пулеметов» трещали со всех сторон. Потеряв управление, кронштадтцы сбились в кучу, были прижаты к Дону и почти все вырублены. Но силы были слишком неравны. Красные буквально засыпали боевые порядки казаков снарядами и пулями. А тем и отвечать-то было нечем. 22 мая началось отступление повстанцев по всему правобережью Дона. Отходили с боями, цепляясь на каждом рубеже.

Если первая и вторая фазы казачьего геноцида обозначились при вступлении красных на Дон и после его завоевания, то теперь наступила третья. В приказе № 100 от 25.05.19 Троцкий писал: «Солдаты, командиры и комиссары карательных войск! ...Гнезда бесчестных изменников и предателей должны быть разорены. Каины должны быть истреблены. Никакой пощады к станицам, которые будут оказывать сопротивление... Против помощников Колчака и Деникина — свинец, сталь и огонь!..» Как видите, слово «каратель» отнюдь не несло оскорбительного значения. Оно даже имело героический оттенок. И красные каратели шли по Дону, оставляя за собой пустыню. Специальные отряды факельщиков жгли хутора и станицы (факельщик — тоже русское, а не немецкое изобретение, фашистам потом осталось только опыт перенять). Действовали по-разному. Где-то, согласно приказу Якира, расстреливали каждого второго из не успевших бежать мужчин, т. е. детей и глубоких старцев, потому что от 16 до 70 лет казаки были мобилизованы. Где-то станицам не было «никакой пощады», согласно приказу Троцкого, крушили артогнем, а уцелевших косили пулеметами. Продовольствие забирали, а большей частью уничтожали, чтоб не возиться. Скотину пристреливали.

Под прикрытием арьергардных повстанческих отрядов население, бросив родные дома и пожитки, уходило за Дон. У Вешенской день и ночь работала паромная переправа, возили на лодках. Кто сумел, спасся на левом, низком берегу Дона, где казаки заняли последнюю линию обороны. Рыли траншеи, землянки, блиндажи. На 8 орудий оставалось всего 5 снарядов. Из каждой сотни выделялись 1—2 стрелка, которых снабжали достаточным количеством патронов — бить по пулеметчикам и наблюдателям. Остальным разрешалось стрелять только при попытках большевиков переправиться. На тот же случай были снабжены лентами лишь 20 пулеметов. Заняв правый берег Дона, красные открыли ураганный артиллерийский и пулеметный огонь. У них недостатка в боеприпасах не было. Орудия разносили лагерь беженцев, Вешенскую и другие околodonские селения. Пулеметы расстреливали любую живую цель, рискнувшую показаться при дневном свете.

Между тем красным уже начало припекать. В Сальских степях деникинцы разгромили 10-ю армию, в Донбассе — 13-ю, весь Южный фронт зашатался и затрещал по швам. Будто опомнившись, 3.06

Ленин писал в РВС Южфронта: «Обращаем внимание на необходимость быть особенно осторожными в ломке таких бытовых мелочей (речь идет о лампадах, словах «станица», «казак»), совершенно не имеющих значения в общей политике и вместе с тем раздражающих население. Держите твердо курс в основных вопросах и идите навстречу, делайте поблажку в привычных населению архаических пережитках». Даже на такую «поблажку» коммунисты решились лишь в преддверии катастрофы! Естественно, после всего случившегося на Дону это было попыткой погасить пожар пипеткой воды. Если даже многие идейные большевики ужасались... Например, член РВС республики Трифонов (отец известного писателя), сам из казаков, докладывал председателю ЦКК РКП(б) Сольцу: «На юге творились и творятся величайшие безобразия и преступления, о которых нужно во все горло кричать на площадях... При нравах, которые здесь усвоены, мы никогда войны не кончим...»

6.06, все еще надеясь исправить положение, Ленин пишет Сокольникову: «Всеми силами ускоряйте ликвидацию восстания, иначе опасность катастрофы ввиду прорыва на юге громадная. Курсанты и батарея вам посланы, извещайте чаще». Но что-то исправить было уже поздно. Воспользовавшись успехами Кавказской и Добровольческой армии, перешла в наступление 15-тысячная Донская армия. Корпус ген. Быкадорова форсировал Северский Донец у станицы Екатерининской. Это был отвлекающий маневр. На следующий день отряд ген. Секретева в 3 тыс. сабель при 6 пушках и 18 пулеметах ударил в стык 8-й и 9-й красных армий, прорвал боевые порядки 12-й дивизии, погромил тылы и пошел на соединение с повстанцами. Фронт, 3 месяца простоявший по Северскому Донцу, сломался. 9-я армия начала откатываться на северо-восток, натываясь на заставы мятежных вешенцев. Каратели, подстегиваемые командованием, делали последние лихорадочные попытки раздавить их, несколько раз пробовали форсировать Дон, но эти попытки отбивали, а переправившихся вырубали в рукопашной.

С тыла уже приближался отряд Секретева, сбивая заслоны экспедиционного корпуса. Каратели, очутившиеся между двух огней, побежали, бросив позиции. 13 июня разъезды Секретева соединились с повстанцами, положив конец их трехмесячной блокаде. Казалось бы, ну что за величина — 3 тыс. казаков да 6 пушек! Но прорыв кольца произвел и моральный перелом. Державшиеся из последних сил, обреченные на уничтожение повстанцы воспрянули духом и вместе с частями Донской армии погнались красных, очищая свои выжженные, испоганенные станицы. А большевики катились прочь, все больше теряя порядок и управление.

Прорыв еще раз резко изменил стратегическую обстановку на Юге. Теперь 8-я и остатки 13-й армии оказались в полукольце между казаками и добровольцами, движущимися на Харьков. А 9-я армия вообще попала в окружение, отрезанная от всех путей сообщения, зажатая между Донской армией, повстанцами, Доном и частями Врангеля, выходящими к Царицыну. Сразу вслед за двумя катастрофами на Южном фронте разразилась третья. Троцкий в эти дни взывал: «Мы не хищники, мы не придаем значения тому, что уступаем врагу»

территорию! Но час пробил — нужен беспощадный террор против буржуазии и белогвардейской сволочи, изменников, заговорщиков, трусов и шкурников! Надо еще и еще раз отобрать у буржуазии излишки денег, одежду, взять заложников!» Четвертая волна геноцида покатила по Дону — волна отступления. Уходя, уничтожали арестованных и заложников, истребляли казаков целыми семьями. Около тысячи баб и девок было взято на окопы. При подходе казаков их перенасиливали и расстреляли.

Отступление 9-й армии превращалось в бегство. С большим трудом создали кавалерийскую группу, прикрывавшую это бегство арьергардными боями. Остатки войск скопились у станиц Клетской и Усть-Медведицкой (г. Серафимович), где заняли круговую оборону, медленно переправлялись на левый берег Дона и вразброд уходили на север. Троцкий снял командарма Княгницкого и назначил Всеволодова. Снят был и командир экспедиционного корпуса Хвесин. На его место вернули авторитетного среди казачества Миронова, удаленного перед началом геноцида на польский фронт. Из 15-тысячного мощного корпуса он застал лишь горстку в 3 тыс. чел. почти нулевой боеспособности. Миронов попытался провести в Усть-Медведицком и Хоперском округах поголовную мобилизацию, чтобы «не дать казаков Деникину». Не тут-то было. После всего, что произошло, даже к нему донцы не пошли.

Кадровые перестановки уже не могли помочь. Деморализованные войска не сдержались и на новых рубежах. Бежали. «С занятием повстанцами Усть-Медведицкой положение 9-й армии стало катастрофическим», — писал Всеволодов. Фактически она развалилась. Расползлась неуправляемыми толпами, беспорядочно отступающими по разоренной ими же земле. Опять начались поиски виновных и репрессии. Когда следственная комиссия от Троцкого явилась в штаб армии и учинила обыски, командарм Всеволодов понял, что из него делают козла отпущения, и в ту же ночь перебежал к белым. После катастрофы 9-й армии на Балашовском направлении образовались два больших прорыва, в которые вошла и начала наступление на север Донская армия ген. Сидорина. Вот так в течение месяца обстановка на Юге перевернулась вверх ногами. Армии Деникина, всего 64 тыс. чел., зажатые в «железном кольце», которые, казалось, оставалось только уничтожить, одержали три блестящие победы, вырвали у врага стратегическую инициативу и на всех фронтах пошли вперед. В советской исторической литературе катастрофа Южного фронта неизменно объясняется двумя «ударами в спину» — предательством Махно и Вешенским восстанием. Не говоря уж о том, что оба эти фактора были вызваны действиями самих коммунистов, с таким объяснением нельзя согласиться. Официальный разрыв Махно с красными произошел 9.06, а прорыв Донской армии к повстанцам был осуществлен 10—13.06. Через три недели после решительного перелома, который произошел в результате подвига горстки «великих страстотерпцев», сокрушивших превосходящего их по всем параметрам врага.

56. ПЕРЕЛОМ НА ВОСТОКЕ

По ровным как стол степям между Волгой и Уралом красные и белые будто разыгрывали гигантскую шахматную партию, переставляя фигуры полков и дивизий. Ударная группировка колчаковцев, гоня разбитую 5-ю красную армию, подошла к Самаре на 80—100 км. Понесла поражение 1-я красная армия. Было очищено от красных все течение Камы, заняты Ижевск, Бугульма, Бугуруслан. Это был высший пик военных успехов Колчака. Между тем его штаб прозевал важные ходы противника. Еще в марте, анализируя возможные планы белых, Фрунзе предложил контрудар из района Бузулука — место, удобное тем, что в зависимости от развития событий отсюда можно было действовать в нескольких направлениях. Москва, уже готовившая директивы об отходе за Волгу, его план приняла. 7.04 Фрунзе были подчинены уже четыре армии — разбитая 5-я, потрепанная 1-я, 4-я и Туркестанская общей численностью 80 тыс. чел. Вдвое больше, чем в Западной армии ген. Ханжина. Эти силы постоянно наращивались. Восточный фронт был объявлен главным. Только по партийной мобилизации прибыли 15 тыс. чел. Спешно создавался мощный Самарский укрепрайон во главе с Карбышевым. Этот же талантливый военный инженер разработал систему «противоказацкой» обороны Оренбурга и Уральска. 3 тыс. чел. были мобилизованы в Самаре, шли пополнения из Центральной России, с Западного фронта.

По плану Фрунзе в ударном кулаке сосредоточивались лучшие соединения: 25-я Чапаевская, 24-я Железная, 2-я, 31-я дивизии, Оренбургская кавбригада. Стоит еще раз напомнить, что в условиях гражданской войны понятия дивизий, корпусов, армий были расплывчатыми. Скажем, у красных к способному или удачливому командиру старались попасть люди из других частей. Таким командирам отдавали пополнения, переподчиняли им подразделения соседей. И, например, 25-я дивизия стояла белогвардейских корпусов. Она включала в себя 3 бригады (потом 4), каждая из которых не уступала дивизии. У Чапаева было 11 полнокровных пехотных полков, 2 кавалерийских, 2 отдельных кавдивизиона, бронеотряд, авиаотряд, несколько дивизионов артиллерии, своя командная школа.

Поначалу руководство ударной группой поручалось командарму 1-й Гаю. Но под влиянием поражений он запаниковал, его лучшая 24-я дивизия отступала, разбитая под Бузулуком. Тогда Фрунзе переиграл план. На основе 24-й Гаю поручалось сформировать вторую, вспомогательную ударную группировку восточнее первой, а основные силы подчинялись Зиновьеву, командарму Туркестанской, свежей и не деморализованной колчаковскими ударами. В осажденном казаками ген. Толстова Уральске оставлялась лишь 22-я дивизия Сапожкова, в осажденном Дутовым Оренбурге — кавбригада, стрелковый полк и местные гарнизонные части. Все остальное перебрасывалось для контрнаступления.

Рисковал ли Фрунзе, реализуя такой план? Еще как! Стоило белым взять Уральск с Оренбургом или просто плюнуть на них, блокировать заслонами и оставить в тылу, никуда ведь не делись бы, и массы казачьей конницы Толстова, Белова, Дутова тут же вышли бы на

Бузулук с юга, как раз в тылы ударной группировки. Она сама оказалась бы в клещах между казаками и корпусами Ханжина. Но этого не случилось. То ли Фрунзе учел казачью психологию, упрямо удерживающую их у своих «столиц». То ли интуитивно положился на удачу — у него и такое бывало. Но он сделал эту рискованную ставку — и выиграл. А штаб Колчака во главе с Лебедевым так и не смог оторвать казаков от осады городов к маневренной войне. Да и не очень-то старался это сделать. Общение с казаками было делом хлопотным, требовало изрядной дипломатии — а так вроде при деле, и ладно. Штаб будто вовсе забыл про них. В результате 30 тыс. конницы завязло у городских укреплений, а пехота Ханжина наступала по таким удобным для конницы степям, все углубляя выступ прорыва, расходясь и ослабляя линию своего фронта.

При подходе белых к Волге начало восставать крестьянство. Уже испробовав власти и белых, и красных, оно в критический момент потянулось все-таки к белым. В Черном Яру восстание возглавил эсер Сукин, но был разбит войсками Самарского укрепрайона. В середине апреля вспыхнуло восстание в Симбирской губернии, быстро перекинулось на Самарскую. Возглавлял его бывший офицер Долин, тоже из эсеров. Повстанцами был взят г. Ставрополь (ныне Тольятти). 19.04 в самой Самаре восстал запасной полк, перебив комиссаров. Фрунзе опять пошел на риск, упрямо решив не снимать с фронта ни одного солдата. Против запасного полка выставил местный рабочий полк, 2 батареи, пулеметную роту, отряды ЧК и особотдела. Мятежники были еще не вооружены, они потеряли время, захватывая городской цейхгауз, были при этом оцеплены и разгромлены. Для борьбы с крестьянами по Самарской губернии провели мобилизации — рабочую (каждого второго) и партийную (поголовно), бросили части укрепрайона. К 26.04 восстание было подавлено. По Самаре прошла волна арестов — ее очищали от бывших офицеров, эсеров и «шпионов». Даже в штабе Фрунзе взяли 26 человек.

Незадолго до контрудара обе стороны, игравшие вслепую, неожиданно прозрели. 18.04 чапаевская разведка перехватила белых курьеров связи с секретными приказами. В них указывалось, что между 6-м корпусом ген. Сукина и 3-м корпусом ген. Войцеховского образовался разрыв около 100 км. И говорилось, что 6-й корпус начинает разворот на Бузулук. Еще немного, и он вышел бы на ударную группировку, мог связать ее боем, и планы Фрунзе полетели бы к чертям. Красный командующий решил ударить в брешь колчаковского фронта, назначив операцию на 1.05. Но тут прозрела и другая сторона. 24.04 к белым перебежал командир одной из чапаевских бригад Аваев, прихватив планы контрудара. Узнав об этом, Фрунзе тут же перенес наступление на 28.04, чтобы колчаковцы не успели отреагировать. Первые бои начались раньше. На ст. Михайловское, где сосредоточивалась вспомогательная ударная группировка, вслепую вышла 12-я дивизия ген. Бангерского, и Гай отбросил ее. Точно так же, вслепую, наварвался на основные силы 1-й армии корпус ген. Бакича. Он начал переправу через р. Салмыш севернее Оренбурга. Красные выждали момент, когда часть его войск оказалась на одном берегу, а часть на другом, неожиданно напали на успевших переправиться и нанесли тяжелое поражение.

Ханжин, получив сведения о готовящемся контрударе, подтвержденные этими боями, попытался принять экстренные меры. Чтобы прикрыть брешь во фронте, командиру 6-го корпуса было приказано не позднее вечера 27.04 выдвинуть сюда 11-ю дивизию, занять оборону на рубеже р. Боровка, выслав в сторону Бузулука сильные разведгруппы. А командиру 3-го корпуса — выдвинуть из своего резерва Ижевскую бригаду, расположив ее уступом за 11-й дивизией. Решение было и запоздалым, и ошибочным, только ослабив корпуса Сукина и Войцеховского. Прикрыть стокилометровый участок такими силами все равно было невозможно, их лишь подставили под удар. 11-я дивизия растянулась по степи в редкую цепь развернутых полков...

А в ночь на 28.04 на нее обрушились чапаевские бригады, легко прорвали растянутый фронт, громя белых по частям, и устремились с юга на север, на Бугуруслан. 11-я дивизия оказалась жестоко разбитой. Ее командир ген. Ванюков докладывал: «Потери граничат с полным уничтожением. В полках осталось по 250—300 человек, имеют место массовые сдачи в плен». Серьезное поражение понесла и соседняя, 7-я дивизия ген. Торейкина. Одновременно вспомогательная группировка Гая навалилась на 12-ю дивизию. Полного разгрома здесь не получилось, но тоже одержали победу и теснили белых на север вдоль р. Демы, сковывая возможность маневра силами 6-го корпуса. На отдельных участках кипели упорные бои. Отчаянно сражались ижевцы. В 12-й дивизии ген. Бангерский доложил Ханжину: «Егерский батальон шесть раз ходил в атаку и полностью уничтожен». Но красные либо обходили такие участки, либо давили их численностью. Чапаевская дивизия заняла Бугуруслан, перерезав одну из двух железных дорог, связывающих фронт Западной армии с ее тылом. Восточнее шла 31-я дивизия. А вслед за ними Фрунзе ввел в прорыв свежую 2-ю, две дивизии 5-й армии, Оренбургскую кавбригаду, которая рванулась в рейд, громя белые тылы.

Положение Западной армии стало отчаянным. Ее дух был подорван, боеспособность падала. То там, то здесь возникала паника. Если ижевцы, познавшие на себе коммунизм, потерявшие родных и близких при массовых репрессиях, дрались и стояли насмерть, то мобилизованные сибирские мужики все чаще сдавались или перебежали к красным. На фронт, где наметилась победа, большевики слали новые и новые подкрепления. По степям пошла мешанина красных и белых. Генерал С. Н. Войцеховский, принявший командование ударной, наступавшей к Волге группировкой, хотя и получил высокий чин в период меняющихся скороспелых правительств, был умным и талантливым военачальником. Он начал пятиться от Самары и разворачиваться, чтобы нанести прорвавшимся красным фланговый контрудар. В то же время Тухачевский, которому были подчинены все вошедшие в прорыв части, загорелся идеей окружить дивизии Войцеховского и поворачивал для этого свои войска. Но Войцеховского на старом месте уже не было, он сам пытался обойти Тухачевского. Массы войск кружились наугад, нацеливаясь на слабые места друг друга.

А Чапаев, не очень-то высоко ставивший «мальчишку» Тухачевского, тем более подчиненный ему лишь временно, приказа не выполнил, продолжая выполнение прежнего плана. В результате этой не-

разбериhi части Чапаева и Войцеховского столкнулись на реке Ик лоб в лоб. Удар приняли на себя 4-я Уральская горнострелковая дивизия и все та же Ижевская бригада, перебрасываемая на самые трудные участки. Два дня шел жестокий бой. Но едва противник обнаружился, к месту сражения красные подтянули еще две дивизии. И Войцеховский отдал приказ о срочном отходе к Уфе — только этим он мог спасти остатки своих войск от полного разгрома. 13.05 красные заняли Бугульму, перерезав еще одну линию железной дороги и почтовый тракт — последние пути сообщения Западной армии. Теперь белым частям, еще не успевшим отступить на восток, ничего на оставалось делать, кроме как бросить тяжелое вооружение, имущество и отходить степями и проселками, пытаясь спастись любой ценой.

Военного таланта у Фрунзе, конечно, не отнять. Но нельзя отметить и другого — ему отчаянно везло. Дело в том, что в операции по разгрому зарвавшейся вперед армии Ханжина красные сами зарвались. К середине мая их фронт вдавился в «белую» территорию выступом глубиной 300—400 км и такой же ширины. С юга были казаки, с севера — Сибирская армия. Восстание уральских казаков ширилось. Их отряды взяли г. Николаевск (ныне Пугачев), выходя к Волге. Но скоординировать усилия, направить их на тылы Фрунзе колчаковский штаб так и не смог. Мало того, казаки получили директиву, «взять г. Уральск, а затем действовать на Бузулук или Самару». Совершенно бездарно проторчала в оренбургских степях 14-тысячная Южная группа войск ген. Белова, прикрывая левый фланг фронта, где никаких активных действий не велось и даже демонстраций таких не предпринималось. Ее могли использовать непосредственно для флангового контрудара, могли бросить на поддержку Толстова, чтобы взять Уральск и совместно атаковать красных. А потом уже и большевики опомнились. Из фронтового резерва к Фрунзе перебрасывались Московская кавдивизия, 3 бригады. Ленин 29.05 дал указание РВС Востфронта: «...Мобилизуйте поголовно прифронтовое население». Большинство наспех сколачиваемых частей пополнения были слабыми, неподготовленными, плохо вооруженными. Но онигодились для затыкания дыр на «казацких» направлениях, если не для побед, то для создания видимости сплошного фронта.

С севера над прорывом нависала сохранившая силы Сибирская армия. Командовал ею Рудольф Гайда, военфельдшер австрийской армии, ставший капитаном чехословацкого корпуса, а при безалаберной Директории перешедший на русскую службу с чином генерал-лейтенанта. Вообразив себя спасителем России, он сформировал себе пышный конвой, одетый в форму русского императорского конвоя, только на погонах вместо вензеля Романовых был личный вензель Гайды. Набивал свой поезд подарками и подношениями освобожденных городов, стоившими целые состояния. Окружал себя невероятной помпой, оркестрами и роскошью. Очень недалекий, бездарный в военном отношении, он обладал, ко всему прочему, склочным характером. Когда направление Западной, а не Сибирской армии было признано главным, Гайда воспринял это как личное оскорбление, а поражение Ханжина встретил с удовлетворением, будто справедливость наконец-то восторжествовала. В довершение этот выскочка поца-

пался с другим выскочкой, 26-летним Дмитрием Лебедевым, начальником штаба Верховного Правителя. Когда Ставка Колчака начала слать ему один за другим приказы помочь Западной армии, Гайда эти приказы игнорировал. Он считал унижительным, что ему, герою освобождения Сибири и Урала, указывает какой-то «юнец». Полученные из Омска директивы о действиях на юг называл бездарными и невыполнимыми. И вместо юга активизировал наступление на север. Корпус Пепеляева отбросил красных еще на 45 км и 2.06 взял г. Глазов. Под угрозой оказалась Вятка — цель заманчивая, но в стратегическом отношении абсолютно уже не нужная.

Ханжину оставалось надеяться только на собственные силы. Он и попытался это сделать, организовать с востока контрудар, чтобы срубить под основание клин, вбиваемый красными. Для этого в районе Белебея сосредоточивались все стратегические резервы — Волжский корпус Каппеля и сильный Украинский полк им. Тараса Шевченко. Действительность порушила все расчеты. В прорыв уже вошли силы, большие, чем вся Западная армия. Узнав о сосредоточении, Фрунзе сам решил уничтожить Каппеля. 25-я дивизия, рвущаяся к Каме, разворачивалась на 180 градусов для атаки на Белебей с севера, 31-я, развернувшись на 90 градусов, — с запада, а 24-я, теснившая 6-й корпус по течению р. Демы, чуть изменив направление, атаковала с юга. Каппель попал в ловушку. Под одновременным тройным ударом его корпус стал терпеть поражение. Приданный полк им. Шевченко перешел на сторону красных — хохлы решили, что при начавшемся отступлении они таким способом быстрее попадут на родину. Понадобилось все мастерство Каппеля, чтобы сложными маневрами, прикрываясь арьергардами и контратаками, вывести свои части из окружения и избежать полного разгрома.

В это время прорыв Пепеляева на Глазов беспокоил Москву — создалась угроза награбленным в Вятской губернии крупным запасам хлеба. Да и со стратегической точки зрения дальнейшее движение Фрунзе на восток при нависающей с севера 50-тысячной Сибирской армии было бы безумием. Поэтому Фрунзе приказали остановиться на рубеже р. Белой, из его подчинения изымалась 5-я армия Тухачевского с приданными ей 25-й и 2-й дивизиями, чтобы совместно со 2-й и 3-й красными армиями начать операцию против Гайды. Фрунзе брыкался как мог, доказывая необходимость добить колчаковцев, ездил к командующему фронта, отстаивал на военном совете, телеграфировал в ЦК и Ленину. И снова ему крупно повезло — его *не* послушались! До сих пор во всех спорах с начальством ему, вышедшему из недр партии, теми же апелляциями к Ленину и в ЦК всегда удавалось настоять на своем, а тут вот не удалось, 25-ю и 2-ю дивизии оставили, а 5-ю армию отобрали, перенацелив на север...

Тем временем Ханжин пытался собрать боеспособный кулак на подступах к Уфе. Этого уже не получилось, разбитые и деморализованные колчаковские войска, преследуемые большевиками и прижимаемые к полноводной реке Белой, уходили на правый берег. Водный рубеж подарил небольшую передышку. Остатки армии приводились в относительный порядок и были сведены в три группы: Волжскую — Каппеля, Уфимскую — Войцеховского и Уральскую — Голицына. Не-

сколько ошибок допустил Колчак. Он снял Ханжина, на которого Лебедев ловко сумел свалить вину за собственные грубые ошибки. Командующим был назначен К. В. Сахаров, совершенно не обладавший стратегическими талантами. С юнкерских лет сослуживцы прозвали его «бетонной головой», и выдвигался он только благодаря железной решительности и готовности выполнить любой приказ. Он и у Колчака выделился этой бездумной уверенностью, совершенно не считающейся с реальностью.

Одновременно с упорядочением остатков Западной армии Колчак и его Ставка наконец-то категорическими приказами допекли Гайду. А может, он сам смиловился, когда сняли «соперника» Ханжина. Он приостановил наступление на Вятку и повернул на юг Екатеринбургский ударный корпус, предназначенный для развития успеха у Глазова. Этот корпус форсировал Каму и нацелился на тылы Фрунзе. Вот тут красным пришлось бы туго, если бы Фрунзе перед этим отстоял свой план. Но вмешательство Троцкого и комфронта Самойло исправило его упущение как раз вовремя! Перед корпусом Гайды оказались не тылы, а развернутый к бою фронт 5-й армии. Мало того, самоуверенный Гайда действовал совершенно безграмотно, даже не вел разведки. Его войска, движущиеся наугад, сами вошли в клещи между двух красных дивизий. В районе села Бейсарово корпус был атакован с двух сторон и разбит, а еще через 2 дня прижат к Каме и уничтожен. 5-я армия начала форсировать Белую в устье, при слиянии с Камой, угрожая важнейшей коммуникации Сибирской армии — железной дороге на Екатеринбург. В разрыв, образовавшийся после разгрома корпуса, двинулись части 2-й красной армии, с фронта перешла в наступление 3-я. И Сибирская белая армия вслед за Западной тоже вынуждена была начать отход.

А между войсками Фрунзе и Сахарова началось сражение за Уфу. Первоначально красные планировали форсировать Белую южнее города, где начала действия 1-я армия. Но и колчаковцы стянули сюда значительные силы — всю группу Голицына, 8-ю дивизию из группы Войцеховского, сибирских казаков. Переправа была сорвана. Зато в 17 км севернее Уфы, у Красного Яра, Чапаеву удалось захватить 2 парохода. Сюда же согнали лодки, и образовалась вторая переправа. Сахаров поначалу счел ее демонстрацией. Главные силы оставил на юге, а к Красному Яру направил 4-ю горнострелковую дивизию при поддержке авиаотряда из 16 машин. Но именно сюда Фрунзе перенес главную переправу. Он сосредоточил здесь 48 орудий, а вслед за 25-й двинул сюда и 31-ю дивизию. Под прикрытием массированного арт-огня с правого берега оборона была прорвана, красные захватили значительный плацдарм. 8.06 на нем началось жестокое сражение. Уральские стрелки несколько раз атаковали, схлестывались в штыковых, неоднократно прижимали красных к реке. При налетах аэропланов был ранен Чапаев, контужен Фрунзе. Но при неравенстве сил и подавляющем превосходстве красной артиллерии одолеть колчаковцы не смогли.

На следующий день Сахаров подтянул сюда две дивизии Каппеля, ижевцев. Тогда-то и произошла знаменитая «психическая атака». Только в кино она показана неверно. У Каппеля не было офицерских

полков, черно-белой марковской формы, корниловских черепов вместо кокард и черных махновских знамен. А ижевцы и у Колчака продолжали воевать под красным знаменем, а в атаки ходили с «Варшавянкой». Сама же идея «психической» тоже была грубой ошибкой Сахарова. «Психическая» предназначена, чтобы обратить противника в бегство — но сзади у красных была река. Белых встретил шквальный огонь десятков орудий и пулеметов. Жестоко выкошенные, неся огромные потери, каппелевцы все же сошлись в рукопашной. За первой атакой последовали вторая, третья, но сбросить красных так и не смогли, за ночь на плацдарм переправилось немало свежих сил. На поле боя остались тысячи трупов.

А потом перешли в наступление красные. Вечером 9.06 они с двух сторон ворвались в Уфу, перерезали железную дорогу на Челябинск. Остатки колчаковцев отступали на восток, к Уральским горам. После поражения между Волгой и Уралом Белое Движение на востоке медленно, но неуклонно покатилося к своей гибели. В июне Колчаку еще удалось избежать полного разгрома, но спасли его не Антанта, не собственные войска, а Юденич и Деникин. Армия Родзянко вышла из Эстонии, рухнул красный Южный фронт, и Фрунзе стало нечем преследовать колчаковцев. Его 2-ю дивизию перебрасывали частью под Петроград, частью под Царицын, 31-ю — под Воронеж, 25-ю — на Уральск, где создавалась угроза соединения казаков Толстова с войсками Врангеля.

57. ПАРТИЗАНЩИНА И АТАМАНЩИНА

Многие закономерности поражения были общими у всех белых армий. В свое время мы остановимся на них. Но на востоке были и свои, специфические причины. И одна из главных — Сибирь не познала на себе советской власти. К лету 18-го, когда здесь скинули большевиков, до нее еще не добрались ни ЧК, ни разруха, ни реквизиции, еще не вводились продразверстка, комбеды, красный террор. Нет, коммунисты богатому сибирскому крестьянству не нравились — они были пришлыми, чужаками. Они обещали землю — но в Сибири не было проблем с землей. Красногвардейские отряды были сильно засорены чужеземцами из пленных, каторжниками-варнаками, с которыми испокон веков сибирский мужик был на ножах. Сами крестьяне против красных не выступали, но когда восстали городские белогвардейцы и чехи, с удовольствием помогли выгнать этот сброд. Но нагадить им большевики не успели. Они вообще не успели добраться до глухих углов. Например, в Якутске советская власть была установлена только 1 июля 1918 г., а пала 22 августа.

Сытая Сибирь жила припеваючи. Мировая война коснулась ее мало. Два года, 1917 и 1918, деревня прожила вообще без власти, не зная ни податей, ни повинностей, ни налогов, ни начальства. Правительства менялись где-то сами по себе, касаясь только городов вдоль Транссибирской магистрали. С приходом Колчака эта идиллия кончилась. Он начал взимать забытые налоги, повел мобилизацию... Ее первая волна прошла более-менее успешно — она была зимой. А едва

потеплело, мужики, прихватив ружьишки, подались в тайгу. Дезертиров ловила колчаковская милиция — действие рождало противодействие, насилие одной стороны порождало ответное, и шла, развиваясь, цепная реакция. Заслуги большевиков в рождении сибирской партизанщины не было. Она явилась следствием общего революционного разврата страны с февраля 1917 г.

Были отряды, считавшие себя большевистскими, но трактующие большевизм на уровне понятий и лозунгов, принесенных домой фронтовиками еще в 17-м. Были отряды анархические, против всякой власти. Были просто разбойничьи, в основном переселенческие. «Старые» переселенцы, приехавшие в Сибирь давно, успели разбогатеть, обзавестись крепкими хозяйствами, а «новые», прибывшие в предвоенные годы, еще не успели встать на ноги, и земля им досталась похуже, чем первым. И когда загуляла по тайге партизанщина, появилась возможность пограбить богатых соседей. На Дальнем Востоке центрами кристаллизации стали остатки красногвардейцев — здесь в 18-м сомкнулись белые фронты; шедшие с запада и от Владивостока, заставив распылиться в тайге зажатые между ними отряды красных. Их остатки, сумевшие уцелеть, за зиму окончательно одичали, превратившись в банды убийц, забывших все человеческие законы. Резали не только пленных, а всех, кто под руку попадет: «буржуев», к которым относили сельскую интеллигенцию, горожан, священников, богатых крестьян, заподозренных в «шпионаже». А в Забайкалье, где русские издавна жили не в ладах с бурятами и тунгусами, партизаны перенесли вражду на них. Естественно, буряты и тунгусы стали активно поддерживать белых.

Стихийная партизанщина поддерживалась со всех сторон. Через фронт, по горным уральским тропам во множестве забрасывались коммунистические эмиссары с громадными суммами «николаевских» денег, которые сибирский мужик считал более надежными, чем «сибирские», исправно штампуемых на Монетном дворе. Но еще больше вреда нанесли эсеры. Они сильно обиделись на Колчака за свержение «демократической» Директории. Обиделись на арест Комитета членов Учредительного собрания, созданного на основе Самарской «учредилки» и разлагавшего армию социалистической пропагандой. А когда в декабре при подавлении большевистского восстания в Омске разъяренные офицеры с казаками сгоряча застрелили нескольких ненавистных им учредиловцев, Колчак стал для этой партии персональным врагом. Эсеры имели среди сибирского крестьянства очень сильное влияние, куда сильнее коммунистов.

К лету 19-го партия эсеров раскололась на два течения. Одно, совсем ошалевшее в партийной слепоте, призывало забыть разногласия с большевиками — они, мол, хотя и «заблуждаются», но свои, революционеры. И выступить с ними единым фронтом против «генеральской реакции». 9-й съезд партии, происходивший в Москве в конце июля, постановил: «...Прекратить в данный момент вооруженную борьбу против большевистской власти и заменить ее обычной политической борьбой, перенеся центр своей борьбы на территорию Колчака, Деникина и др., подрывая их дело изнутри и борясь в передовых рядах восставшего против политической и социальной реставра-

ции народа всеми теми методами, которые партия применяла против самодержавия». Другое течение, возглавляемое заграничными комитетами — Керенским, высланными лидерами Директории Авксеньевым и др., — продолжало считать главным врагом большевиков. Но... после побед Деникина на юге они сочли, что дни Совдепии сочтены, поэтому пора начинать борьбу за власть, чтобы к моменту победы она не осталась в руках «генералов». Из-за границы тоже поехали эмиссары, в основном — через распахнутые двери Владивостока и Харбина, в Сибирь. А большевики играли на этом. Они даже придумали хитрое наказание — высылать провинившихся эсеров-меньшевистских деятелей через фронт, в «Колчаковию», подбрасывая туда горючий материал (для «буржуев» такая мера не применялась, для них были пули ЧК).

Развитию партизанщины способствовали и недочеты местной администрации. Провинциальная администрация в Сибири и при царе-то была не на высоте, а за время революции полностью разрушилась. Ее восстановление было сложнейшей задачей, оказавшейся непосильной для Колчака. Даже в центральном, Омском правительстве не хватало толковых деятелей, что уж говорить о «глубинке»? Все лучшее было на фронте, а в тылу — все оставшееся. В местную администрацию попадали люди случайные и неопытные, делающие ошибку за ошибкой. Или слишком «опытные», из старой, прожженной бюрократии, рвущиеся на «теплые местечки», где могли поживиться взятками и поборами. Оптимисты — чтобы вознаградить себя за потери революционных лет. Пессимисты — чтобы успеть побольше нахапать, пока есть возможность. Боролся ли с этим Колчак? Да, боролся. Рассылались уполномоченные, ревизоры и контролеры. Нерадивые и проштрафившиеся чиновники снимались, отдавались под суд. Но это была капля в море. Львиную долю сил поглощал фронт, а слабые руки гражданского Омского правительства до глубинки не дотягивались. Большинство злоупотреблений оставались безнаказанными. Да и там, где снимали, судили, сажали администраторов, их нечем было заменить. На их места приходили такие же. Получалось, что Колчак принес крестьянину одни напасти — налоги, мобилизацию, жутко приблизил войну, которой никогда не знала Сибирь, а взамен не дал ни спокойствия, ни законности, ни порядка. Правда, он отдавал все силы, чтобы спасти этого крестьянина от гораздо большей напасти, надвигающейся с запада, а для восстановления законности и порядка требовалось время, но деревня этого в расчет не принимала. Вывод напрашивался сам собой, тот вывод, к которому тоже приучили годы революции, — «долой Колчака!»

Впрочем, стоит к этому добавить очень четкую оценку причин партизанщины, данную одним из очевидцев событий, томским профессором А. Левинсоном: «Что подняло их с пиками в руках против режима, утвердившего их собственные права? Отчасти бесчинства атаманов, поборы, побои, беспорядок и хищничество, чинимые самовольно местной воинской властью. Но лишь отчасти. Порядок колчаковской администрации, ее слабость в центре и бессилие на огромной периферии повредили ей меньше, чем ее добродетели, заключенное

в ней организующее начало. Мятежная вольница тайги восстала против порядка, против порядка как такового».

Попытки усмирения партизанских вспышек ни к чему хорошему не приводили. Для решительного подавления на громадной территории сил не было. А полумеры, удары по отдельным очагам только подливали масла в огонь. Союзники-иностранцы, войска которых согласно первоначальной договоренности брали на себя обеспечение тыла, от действий против партизан отказались (кроме японцев на Дальнем Востоке). Части чехословацкого корпуса, сильно зараженные эсеровской пропагандой, даже отвечали на подобные просьбы, что они, мол, здесь для освобождения России, а не для подавления их руками русской свободы. Колчаковская милиция, гарнизонные и казачьи части, используемые против партизан, были слабыми и далеко не лучшего состава. Туда лезли те, кто стремился избежать фронта, а зачастую и сомнительные, темные элементы. Колчаковский военный министр барон Будберг называл их «тыловыми хунхузами, очень жидкими по части открытой борьбы с восстаниями, но очень храбрыми по части измывательства над мирным населением».

Хотя Колчак своими приказами категорически запретил бессудные расправы, реквизиции у населения, телесные наказания, чихать хотели на эти приказы в таежной глуши. До бога высоко, до Омска далеко. И пороли, и с имуществом в «партизанских» деревнях не особо церемонились. Когда в одной деревушке крестьяне сказали казачьему уряднику, что, дескать, Колчак не велел морду бить, тот подумал и глубокомысленно изрек: «Колчак — Колчаком, а морда — мордой» — и тут же применил свое умозаключение на практике. Естественно, все это разжигало новые волны недовольства.

Впрочем, сведения о зверствах колчаковцев в партизанских районах были сильно преувеличены советской литературой. По крайней мере до тех репрессий, которые учиняли при подавлении крестьянских восстаний коммунисты, им было далеко. К тому же эта литература случайно или намеренно приписывала Колчаку то, что творилось всевозможными самостийными атаманами и на других территориях, не подконтрольных ему. Можно привести выдержку (взятую, кстати, из «политиздатовского исторического труда» «Анτισоветская интервенция и ее крах») из приказа ген. Розанова, считавшегося самым свирепым из «колчаковских палачей»: «Возможно скорее и решительно покончить с енисейским восстанием, не останавливаясь перед самыми строгими и даже жестокими мерами в отношении не только восставших, но и населения, поддерживающего их. В этом отношении пример японцев в Амурской области, объявивших об уничтожении селений, скрывающих большевиков, вызван, по-видимому, необходимостью добиться успехов в трудной партизанской борьбе». Уже из самой ссылки на японцев и некой попытки объяснить их методы видно, что на территории, контролируемой Колчаком, такие методы не практиковались. Кроме того, мы видим, что Розанов только пытался внедрить «даже жестокие меры». Думаете, Колчак его за это похвалил? Нет, снял с должности. В июле 19-го, в разгар этого самого енисейского восстания.

С каждым поражением сибирских белогвардейцев партизанское

движение ширилось. Росло число питавших его дезертиров. Одно дело — служба с легкими победами, хорошей кормежкой, хорошим жалованием и обмундированием — почему бы не поспасать Россию? Другое дело — идти в отступающую армию на лишения и страдания. Создавались все более благоприятные условия для большевистской, эсеровской и анархической пропаганды — свержение Колчака представлялось все более легким делом. Таежное партизанство становилось все более безнаказанным. С середины лета формирование резервов для фронта оказалось почти полностью парализовано. Сибирская деревня больше не давала солдат. А пополнения, которые удавалось наскрести в городах, целиком поглощались борьбой с партизанщиной.

Явлением, противоположным партизанщине, но столь же уродливым и губительным, стала сибирская «атаманщина», которую колчаковский генерал А. Будберг образно окрестил «белым большевизмом». Даже на Юге объединение различных очагов Белого Движения происходило трудно и болезненно. А на огромных пространствах Востока полного слияния таких очагов так и не произошло. Находили компромиссы и объединялись силы хоть и разнородные, но патристические. Однако обширные области остались под властью самостоятельных местных вожаков. Ничего общего с белой идеей спасения России атаманщина не имела, ограничиваясь узкими областническими и личными интересами, будучи порождением того же революционного безвластия и распада — но с другой, антибольшевистской стороны.

Самым ярким ее представителем стал Г. М. Семенов, 28-летний самозванный атаман Забайкальского Казачьего войска. Его претензии на атаманство основывались лишь на том, что в 17-м Временное правительство направило его в Забайкалье для формирования ударных казачьих и бурят-монгольских частей. Разбив летом 18-го красногвардейские отряды Лазо, он сел править в Чите. «Законность» в Забайкалье определялась только его желаниями и произволом его войск, набранных из казаков, бурят, баргутов и китайских хунхузов. Власти над собой не признавал никакой, став единоличным хозяином территории, включающей нынешнюю Бурятию, Читинскую область и часть Амурской. Впрочем, правление было не совсем единоличным. Большое влияние на Семенова имела его любовница, прогремевшая на всю Сибирь Машка Шарaban неизвестного происхождения. И японцы. Они финансировали Семенова, снабжали его многочисленную армию, поддерживали военной силой. Для них такой ставленник на Дальнем Востоке, находившийся в полной зависимости, был выгоднее патриота Колчака, пекущегося об интересах сильной, единой России — их давней соперницы в этом регионе.

В результате на Транссибирской магистрали образовалась «читинская пробка». Семеновцы «досматривали» поезда, порой с грабежами. Грузы, следующие из Владивостока в Омск, Семенов пропускал или присваивал по своему усмотрению. Чуть не дошло до открытого столкновения — разбойничьи действия атамана, непризнание им верховной власти Колчак расценил как измену и готов был подавить ее войсками. Но японцы защитили своего протеже, выставив

части у Верхнеудинска (Улан-Удэ). Затевают войну с Японией Колчаку было, понятно, не с руки. Вмешались союзники. США, Англия, Франция надавили на Японию, Япония — на Семенова. При международном посредничестве кое-как договорились миром. Семенов признал общероссийскую власть и подчинился ей, а ему простили прошлые грехи и назначили командовать Среднесибирским корпусом, состоящим из его войск, которыми он и раньше командовал.

Его представитель, полковник Сыробоярский, обосновался при Омском правительстве. Учитывая активную борьбу атамана против большевиков и забайкальский авторитет, надеялись на эволюцию семеновщины в здоровое русло, искренне хотели помочь встать на пути законности. Так, Омское правительство предлагало покрыть все его «семенизации», т. е. грабежи, и немедленно оплатить причиненные им убытки, для чего атамана просили откровенно подсчитать, сколько нужно на это ассигновать денег, каковые будут отпущены ему немедленно. На такую мелочь он даже не ответил. А безобразничать продолжал, разве что сократил масштабы и прекратил делать это демонстративно. Китайский консул постоянно жаловался на ограбления купцов при досмотрах семеновской контрразведкой на ст. Даурия. Американский консул предъявил огромный иск от фирмы «Вульфсон» за захваченные в Чите 2 вагона пушнины и т. д. Под влиянием японцев и Машки Шарабан рождались всевозможные бредовые идеи. Например, Семенов пытался сговориться с китайским генералом Чжан Цзолинем о создании двух независимых государств — Маньчжурии под властью Чжана и Монголо-Бурятии под властью Семенова.

Другой очаг атаманщины был в Хабаровске, где сидел «младший брат» Семенова, уссурийский казачий атаман Калмыков, разбойник еще похлеще, и тоже поддерживаемый японцами. Военный прокурор Приамурского округа колчаковской армии провел следствие и 11.09.19 прислал в Омск заключение «о деяниях мещанина Ивана Калмыкова», причем только список преступлений атамана занимал 20 страниц. В частности, конкурента в борьбе за атаманский пост, одного из авторитетнейших уссурийских казаков полковника Февралева агенты Калмыкова выследили во Владивостоке, похитили среди бела дня, увезли за город и застрелили.

Каких-либо сил и средств, чтобы бороться с этими безобразиями, у Омского правительства не было, особенно когда затрещал фронт. Теперь даже без учета японской защиты пригрозить атаманам стало нечем. Да и не только в Японии, в Омске у Калмыкова с Семеновым тоже нашлись надежные защитники. Заседавшая здесь Казачья конференция — что-то вроде общего Круга всех восточных Казачьих войск — блокировала все обвинения в их адрес. Не потому, что поощряла беззакония, а из гипертрофированной «казачьей солидарности». Всякая попытка призвать атаманов к порядку рассматривалась как покушение на «казачьи права». Лидеры конференции решительно запрещали давать ход поступающим жалобам, чтобы не дискредитировать Семенова с Калмыковым ввиду их «государственных заслуг». И заявляли, что в связи с «казачьей автономией», с выборностью атаманов правительство не имеет права привлекать их к ответственности. Правительству оставалось, например, жаловаться на убийство

Февралева — Семенову, взывая к его совести и требуя принять меры как походному атаману дальневосточных казаков.

Картина получалась своеобразная. В Приморье царил относительный порядок: там стояли корабли союзников и правил колчаковский уполномоченный ген. Хорват. Дальше, от Хабаровска до Байкала, творилось черт знает что. А от Иркутска до Урала снова шла территория, подконтрольная Верховному правителю. Семенов и Калмыков предпочитали воспринимать Омск только в качестве дойной коровы. Их войсками на фронте и не пахло. Во-первых, к атаманам и люди прилипали соответствующие, любители погулять да пограбить. Их части больше годились для карательных экспедиций, чем для серьезных боев. Во-вторых, у них шла собственная война с партизанами, разжиганию которой немало способствовали их собственные действия. Она развернулась с весны 19-го, как только потеплело. Бои и потери в них были незначительными, больше страдало мирное население. Приходили в станицу партизаны — расправлялись с семьями семеновцев. Приходили семеновцы — начинали расправу с семьями партизан. Попав в трудное положение, партизаны уходили в Китай — выделенные для этой цели «дипломаты» подносили китайскому начальнику и его жене подарки из награбленного золота, и начальник разрешал спрятаться на его территории. Иногда в Китае скрывались и богатые казаки от партизанских бесчинств. Зверство царило с обеих сторон. Атаманы воевали большевистскими методами. Застенки семеновской контрразведки на ст. Маккавеево (ее и колчаковцы окрестили «мясорубкой») и калмыковской, в Хабаровске, стяжали мрачную и отвратительную славу. Партизаны были не лучше — если белые пленных все-таки брали, то красные поголовно уничтожали самыми варварскими способами.

Чита и Хабаровск были не единственными проявлениями атаманщины. В революционной неразберихе появились какие-то Иркутское и Енисейское казачьи войска, которых в прежней России не существовало. В Омске дурил атаман Сибирского войска Иванов-Ринов, бывший полицейский и большой любитель спиртного. То качал права своей «автономии», то рождал по пьяному делу радикальные проекты «оздоровления», вроде борьбы со спекуляцией и дезертирством через облавы и публичные расстрелы. После таких высказываний колчаковцы шутили, что в его лице Совдепия потеряла отличного председателя ЧК. Хотя здешние атаманы были на виду и оставались в какой-то мере управляемыми, в глубинке их казаки не стеснялись побезобразничать — как раз из них составлялись отряды «особого назначения» против повстанцев. В такие отряды казаки шли охотно — от дома близко, от фронта далеко. Гоняться по тайге за партизанами и сражаться с ними особо не стремились — зачем? Разве не проще вместо этого выпороть часть населения «партизанских деревень»?.. Еще больше накаляя страсти... Так что и здесь атаманщина сумела отметиться с пагубной стороны.

Еще один ее очаг, заметно отличающийся от дальневосточных, был в казахских степях. Там властвовал Б. В. Анненков, тоже самозванный — его претензии на атаманство основывались на том, что он выкрал у большевиков святыню сибирских казаков — «знамя Ерма-

ка», под которым и начал собирать народ на борьбу с красными. В степях издавна проявлялась межнациональная вражда. Как уже отмечалось, крестьяне-переселенцы периодически резали киргизов (казахов), чтобы завладеть их землями, а киргизы отвечали им тем же. После революции богатое крестьянство примкнуло к большевикам и принялось резать нищих киргизов под маркой советской власти. И Анненков явился к ним как избавитель. «Красноту» и партизанщину он подавлял с величайшей жестокостью. При восстании в Славгороде уложил там тысячи полторы. Крестьяне трепетали при одном его имени. Зато киргизы молились на него, нарадоваться не могли. Привыкшие, что все и всегда их обирают, они в кои веки получили в его лице сильного защитника.

Он жил по-солдатски просто, был суровым, а жестоким не только по отношению к противнику. Свои войска тоже держал в ежовых рукавицах. За все местному населению четко платили. Кара за грабеж, мародерство, неисполнение приказа у Анненкова была одна — смерть. Состав его войск был весьма разношерстным — и казачьи части, и русские, и казахские, даже «интернациональные» сотни из сербов, венгров, китайцев. Но атаман поставил дело так, что эта разнородность гарантировала беспрекословное повиновение ему. В случае чего одна национальность без колебаний подавила бы другую. Дисциплина была железная. Анненков даже просил присылать ему на «перевоспитание» разложившиеся части.

Можно заметить интересную закономерность. Атаманщина пустила корни и прижилась там, где этому соответствовал моральный уровень населения. Дальний Восток, глухие углы Сибири, Казахстан в начале века очень сильно отличались от европейской России. Здесь и в мирное время была обыденной жестокость, гораздо ниже ценилась человеческая жизнь. Сибирский мужик без раздумий убивал беглого каторжника, потому что каторжник мог убить его. Темные забайкальские казаки прославились жестокостью в 1900 году во время похода в Китай. В тайге действовали банды хунхузов — и китайских, и русских. Не переводился такой «промысел», как охота на золотоискателей, собирателей женьшеня, контрабандистов-спиртоносов. В Казахстане обыденностью была межнациональная резня. В европейской России драконовские меры Анненкова смогли бы прижиться только у красных, а самостийный атаман, вроде Семенова, был бы раздавлен той или другой стороной. Но на дальних окраинах они пришли к месту... Белому Движению атаманщина принесла гораздо больше вреда, чем пользы. Как писал тот же ген. Будберг: «Мы, неизвестно только почему, считаемся на положении черных реакционеров. Очевидно, вся грязь Читы, Хабаровска и атаманщины легла на очень дряблый бессистемный, болтающийся, но отнюдь не реакционный Омск».

58. БИТВА ЗА УРАЛ

Видный ученый и флотоводец, патриот и честный человек... К сожалению, на посту Верховного правителя Колчаку могли пригодиться лишь два последних качества. А к ним так недоставало других! Он не был полководцем, плохо разбирался в сухопутной стратегии (тра-

диционно для русских моряков). Не был администратором. Не был политиком (традиционно для всех русских военных). Не был «вождем», способным «зажигать» массы. Каким же он предстает перед нами в последний год своей жизни? Генерал А. П. Будберг, далеко не из лизоблюдов — наоборот, желчный и склонный к критике человек, называл его «вспыльчивым идеалистом, полярным мечтателем и жизненным младенцем». Он писал: «Несомненно, очень нервный, порывистый, но искренний человек, острые и неглупые глаза, в губах что-то горькое и странное, важности никакой, напротив, озабоченность, подавленность ответственностью и иногда бурный протест против происходящего». «Характер и душа адмирала настолько налицо, что достаточно какой-нибудь недели общения с ним для того, чтобы знать его наизусть. Это большой и больной ребенок, чистый идеалист, убежденный раб долга и служения идее и России...»

Но убеждений и честности оказывалось далеко не достаточно для служения России в новом качестве. Отсюда рождалась неуверенность, постоянные колебания. Современники вспоминают, что Колчака было очень легко убедить в каком-нибудь решении, стоило лишь доказать его пользу для России. Но не было никаких гарантий, что решение тут же не будет изменено под влиянием другого доклада, доказывающего пользу России в обратных действиях. «Жалко смотреть на несчастного адмирала, помыкаемого разными советниками и докладчиками; он жадно ищет лучшего решения, но своего у него нет, и он болтается по воле тех, кто сумел приобрести его доверие». «Попав на высший пост, адмирал со свойственной ему подвижнической добросовестностью пытался получить не приобретенные раньше знания, но попал на очень скверных и недобросовестных учителей, дававших ему то, что нужно было для наставления адмирала в желательном для них духе, — писал Будберг. — Не думаю, чтобы они делали это сознательно, ибо и сами учителя были очень малограмотны, сами знали только отвлеченные теории и не имели должного практического опыта. На наше горе, эти учителя не были даже третьестепенными подмастерьями своего ремесла».

Ну каких «учителей», какие кадры мог представить заштатный Омск? Правительство составилось из провинциальных общественных деятелей и чиновников, в лучшем случае губернского масштаба. Став всероссийским, оно прежде всего принялось пыжиться, пытаясь придать себе внешние формы Петербурга. Часто это выглядело карикатурно. Например, в министерстве земледелия образовалось аж 17 департаментов с полными штатами, были даже отдельные департаменты охоты и рыбной ловли. На деле же правительство было беспомощным и импотентным. Стремясь к налаживанию нормальной жизни, издавало законы, решения, постановления, которые оказывались либо мертворожденными и невыполнимыми, либо оставались на бумаге. До сибирской глубинки руки правительства не доставали, агенты власти на местах часто оказывались никуда не годными. Каких-либо средств провести свои решения в жизнь правительство не имело. Столичный Омск, не сумев воссоздать лучшие черты Петербурга, перенял все его худшие черты, возродив «придворные» интриги и притягивая, как магнитом, карьеристов и авантюристов. Адмирал

стал для Белого Движения идеальным, чистым знаменем. Но собирались под этим знаменем люди самые разные. Далеко не одни лишь идейные борцы.

Еще более пагубно те же недостатки сказывались в военной сфере. В отличие от Деникина и Краснова, стоявших у истоков Белого Движения в своем регионе, Колчак пришел «на готовое», он плохо знал своих подчиненных, вынужден был полагаться на факты их заслуг в 18-м году (часто преувеличенных, мнимых или случайных), на чужое мнение. А на чье? В восточном Белом Движении, вспыхнувшем одновременно во многих очагах от Волги до Владивостока, единства не было, сильно сказывалось региональное и личное соперничество. К тому же путчисты, свергнувшие Директорию и приведшие к власти Колчака, постарались себя не обидеть. Так оказались наверху атаман Сибирского казачества Иванов-Ринов и генерал из капитанов Лебедев.

Авторитетные полководцы собрались на юге, а на востоке приходилось выбирать из тех, кто есть. Противобольшевистское восстание выдвинуло немало настоящих талантов, но оно же подняло много пены, и на каждого Каппеля, Пепеляева, Войцеховского находились Гайды, Лебедевы, Голицыны. Тем более, как это часто бывает, все лучшее оставалось в тени. Командиры, всей душой болеющие за дело, редко отлучались от своих войск. А пена всплывала на поверхность, была постоянно на глазах, стараясь показать себя в выгодном свете. В результате рождались и принимались эффектные планы разгрома красных, красивые на бумаге, но невыполнимые. В армии часто проявлялись авантюризм и повстанческие пережитки. Вместо повиновения была модной критика получаемых приказов, их безграмотная корректировка, пересуды и сплетни по адресу начальства. Чтобы судить об уровне командования, можно привести пример, как Лебедев назвал никуда не годными начальников 11, 12, 13-й дивизий и их полков, потому что они... управляли боем по телефону. Из «опыта» сибирского восстания штаб Верховного делал вывод, что в гражданской войне командиры должны непременно водить войска с винтовкой в руках, как и делали многие белогвардейские мальчишки-генералы. Это когда в Красной армии всеми средствами насаждался профессионализм и укреплялась дисциплина.

Но нельзя судить о правлении Колчака только по отрицательным примерам. Он многое сделал и еще больше пытался сделать для возрождения России. В его политической декларации говорилось, что диктатура необходима только до победы над большевиками, в дальнейшем власть должна быть передана Учредительному Собранию. В качестве основных принципов после победы должны были осуществляться народоправство, демократические свободы и земельная реформа. Учитывая местные чаяния, гарантировался и созыв Сибирского Учредительного Собрания. Были приняты аграрные законы, основным пунктом которых земля до решения Учредительного Собрания оставалась у фактических владельцев, крестьян. К сожалению, сибирскому крестьянству это было «до лампочки», земли у него было навалом, а крестьянство за фронтом о колчаковских решениях так и не узнало. Но интересно, что в Архангельском крае, где аграрное за-

конодательство разрабатывалось Северным правительством из эсеров и народных социалистов, крестьяне, получавшие некоторые сведения из Сибири, потребовали введения колчаковских, а не эсеровских законов, считая их более справедливыми и благоприятными.

Верховному правителю пришлось работать в сложнейшем узле международных противоречий, причем узле тройном. Во-первых, это был узел российской политики Англии, Франции, США, Японии. Во-вторых, узел их региональной, дальневосточной политики. В-третьих, сибирские миссии этих стран часто вынашивали собственные интересы, независимые от государственных. Так, японцы, прикомандированные к Семенову, регулярно получали крупные взятки, сглаживая в докладах Токио самые скандальные проявления «атаманщины». От имени Колчака в Париже работала Всероссийская дипломатическая делегация, представлявшая интересы «белой» России и добивавшаяся (безуспешно) представительства России на конференции держав-победительниц. Колчак относился к интересам Родины крайне щепетильно. Широко известен пример с Финляндией, готовой вступить в союз, но требовавшей за это признания своей независимости и территориальных уступок — Карелии, Кольского полуострова. Колчак решительно отказался, тем более что ответные обещания Финляндии были очень неопределенными. Адмирал сумел заставить признать свой протекторат Бухару и Хиву, разрабатывал инструкции для Архангельска и Юга России.

При нем была создана правительственная комиссия по снабжению предметами первой необходимости населения местностей, освобождаемых от большевизма. Приказы Колчака категорически запрещали реквизиции у местных жителей, телесные наказания — даже при подавлении крестьянских восстаний. Он заботился о солдатах, прибавляя им жалованье, вникая в вопросы снабжения и быта, многократно ездил на фронт для личных проверок. Пытался он бороться и с коррупцией, рассылая своих ревизоров. Причем карал не только за взятки, но и за попустительство взяточникам. Например, был арестован и отдан под суд начальник военных сообщений ген. Касаткин за то, что не принял мер против взяточничества коменданта станции Омск поручика Рудницкого. Правда, к ощутимым результатам эта борьба не приводила. Снимали и сажали десятки, а продолжали брать и спекулировать тысячи. Ведь коррупция и спекуляция порождались не «белогвардейщиной», а общим безвременьем, падением нравов и русской психологией. Не менее пышно, чем в белых областях, эти явления процветали и в Совдепии. Уж там-то скольких спекулянтов и взяточников ЧК с трибуналами перестреляли, а между тем сами были заражены коррупцией сверху донизу. Что уж говорить о Колчаке, если даже при Сталине коррупцию не извели — наоборот, еще шире развернулась! Где уж было бороться с этим злом белогвардейщине, старавшейся действовать в рамках старых российских законов?

И даже в последний, самый тяжелый год Колчак урывками, по мере возможности возвращался к любимому делу своей жизни — освоению Севера и Арктики. При нем началось строительство Усть-Енисейского порта. В январе 1919 г. в Томске был создан Институт

исследований Сибири, были организованы геологическая экспедиция Н. К. Урванцева, Обь-Тазовская экспедиция, ботаническая экспедиция В. В. Сапожникова и гидрографическая Д. Ф. Котельникова. 23.04.19 образовался Комитет Северного морского пути во главе с участником экспедиции Ф. Нансена золотопромышленником С. В. Востротинным, и совместно с Архангельским правительством была организована арктическая экспедиция. Командовал ею известный полярник, сподвижник Колчака по прошлым исследованиям капитан 1-го ранга Б. А. Вилькицкий. Экспедиция на нескольких ледоколах прошла из Архангельска в Сибирь, доставив туда груз винтовок, и в ту же навигацию вернулась обратно, привезя в Северную область сибирский хлеб и валенки для армии. При экспедиции был и научный отдел во главе с К. К. Неупокоевым. Карта полярных морей висела в кабинете Колчака наряду с картой боевых действий. Глядя на нее, он отдыхал душой в минуты усталости, нервного перенапряжения и срывов... И мечтал когда-нибудь вернуться туда, в суровый Ледовитый океан, к близкому и родному делу...

Пожалуй, стоит процитировать и такие строки из дневника Будберга: «На свой пост адмирал смотрит, как на тяжелый крест и великий подвиг, посланный ему свыше... Едва ли есть еще на Руси другой человек, который так бескорыстно, убежденно, проникновенно и рыцарски служит идее восстановления единой и неделимой России. Истинный рыцарь подвига, ничего себе не ищущий и готовый всем пожертвовать, безвольный, бессистемный и беспамятливый, детски и благородно доверчивый, вечно мятущийся в поисках лучших решений и спасительных средств, вечно обманывающийся и обманываемый, обуреваемый жаждой личного труда, примера и самопожертвования, не понимающий совершенно обстановки и неспособный в ней разобраться, далекий от того, что вокруг него и его именем совершается...»

Летом Сибирской армии Колчака пришлось расплачиваться за то, что ее командующий вовремя не поддержал Западную армию. Теперь красные обходили ее с юга, резали коммуникации, а с фронта навалились окрепшие и усилившиеся за счет пополнений 2-я и 3-я армии большевиков. 1.07 пала Пермь. Колчак наконец-то снял Гайду. Сибирская армия разделилась на 1-ю, под командованием Пепеляева, и 2-ю, Лохвицкого, грамотного и толкового генерала, в мировую войну командовавшего русской бригадой во Франции. Западная армия Сахарова стала 3-й. Главнокомандующим был назначен ген. Дитерихс. Произошли кадровые перестановки и у красных. Командующим Восточным фронтом стал Фрунзе. Планируя битву за Урал, он решил продолжить разгром южного крыла колчаковцев, наиболее потрепанного и деморализованного в майско-июньских боях.

Облегчил реализацию плана сам ген. Сахаров. Вместо того чтобы воспользоваться передышкой, вызванной перегруппировкой красных и переброской их соединений на Южный фронт, и как следует укрепиться на уральских перевалах, он 3.07, едва приведя в порядок разбитые части, легкомысленно бросил их в наступление на Уфу. Но ведь и Фрунзе использовал передышку для усиления оставшихся у него войск. Когда корпус Каппеля завязал упорные бои, тесня пра-

вый фланг 5-й армии, Фрунзе тут же сделал ответный ход. Воспользовался тем, что основная часть войск Сахарова собралась вдоль железной дороги Челябинск — Уфа и направил в обход 26-ю и 27-ю дивизии (по 9 полков, от 1 до 3 тыс. чел. в каждом). По Бирскому тракту и горным тропам они должны были выйти на железную дорогу недалеко от Златоуста, отрезав каппелевский корпус. 2-я армия, наступавшая севернее, должна была обеспечить второе кольцо, повернув от Екатеринбурга на юг, к Челябинску. В задумке план привел бы к полному уничтожению армии Сахарова.

На этот раз главной задачи войска Фрунзе не выполнили. Малочисленные гарнизоны и заслоны белогвардейцев в горах остановить лавину красных полков, конечно, не смогли. Но задержали ее в коротких кровопролитных боях на переправах через реки Юрюзань и Ай, у селений Киги, Нисибаш, Дуван. Каппель успел выйти из готовящегося окружения. Задержалась и 2-я армия, увязнув в сражении за Екатеринбург. Тем не менее колчаковцы понесли очередное поражение, 13.07 — Златоуст, а 14.7 — Екатеринбург были заняты красными. После этого 2-ю красную армию расформировали, передав часть ее сил в 3-ю и 5-ю, а часть вместе с штабом и управленческим аппаратом передислоцировалась на юг для организации контрудара против Деникина.

В советской литературе неизменно рисуется трогательный, единый энтузиазм, с которым уральское рабочее население встретило «освободителей», массами ринувшись записываться в Красную армию, что, мол, и явилось одной из главных причин большевистских побед — поскольку за счет этого энтузиазма красные легко восстали потери и смогли создать значительный перевес над колчаковцами. Да, главным фронтом уже стал не колчаковский, а деникинский. Центральная Россия перестала питать Восточный фронт пополнениями. Но в «энтузиазме» позволительно усомниться. Советских историков и писателей разоблачает сам Ленин. 9.06.19 он приказывает РВС Востфронта: «Мобилизуйте в прифронтовой полосе поголовно от 18 до 45 лет, ставьте им задачей взятие ближайших больших заводов вроде Мотовилихи, Матъяра, обещая отпустить, когда возьмут их, ставя по два и по три человека на одну винтовку». Неплохой энтузиазм! Хватай и гони в бой, а цена освобождения — взятие большого завода, где можно мобилизовать поголовно новых. 2—3 человека на винтовку — т. е. вождь, посылая в атаки необученную толпу, заранее списывает в потери 50—60 %. Задавить мясом, закидать врага человеческими головами. А сзади, само собой разумеется, пулеметы коммунистических или интернациональных батальонов.

1.07 Ленин напоминает: «Крайне необходимо мобилизовать немедленно и поголовно рабочих освободившихся уральских заводов» — видимо, чтобы не допустить таких же восстаний, как в Ижевске и Воткинске. 19.07 — «Следует принять особые меры — первое, для нерастаскивания оружия уральскими рабочими, чтобы не развилось у них губительной партизанщины, второе, для того, чтобы сибирская партизанщина не разложила наших войск». Из Ижевска и Воткинска, где в 18-м после подавления восстания красные устроили массовые расправы, поголовно расстреливая семьи рабочих, ушедших к

белым, в 19-м, при вторичном оставлении городов, ушли с колчаковцами 40—50 тыс. чел. В Омске образовался целый барачный городок ижевских беженцев. На их основе Ижевская бригада ген. Молчанова, понесшая большие потери в весенних боях, была развернута в дивизию. Нет, не очень-то единодушно и не очень-то восторженно встретил Урал красных, если от рабочих оружие приходилось прятать. А причиной побед стали массовые мобилизации, позволяющие не считаться ни с какими потерями.

В стане колчаковцев случилось самое страшное — началось разложение армии, усиливающееся от поражения к поражению. Когда посыпались удары, сразу всплыли все ее слабые стороны: и низкий уровень командования, и мобилизационный принцип формирования, и отсутствие спайки частей. Красные пустили в ход свое мощное оружие — пропаганду. Она слабо действовала, пока белые войска победоносно шагали к Волге. Не станешь же переходить к противнику, который в панике удирает... А когда пошли сплошные поражения, мобилизованный мужик начал кумекать по-своему: стоит ли погибать? Солдат с Урала и из Поволжья видел, как армия все дальше отходит от его деревни, а в перспективе рисовалось отступление на бесконечный российский восток. Верным способом вернуться домой казались дезертирство и плен. Солдат из Сибири видел, что в условиях катастрофы гораздо выгоднее вернуться домой в рядах победителей-красных. С тыловыми пополнениями до него доходили слухи о восстаниях и партизанщине, разливающейся в родных краях и тоже усиливающейся по мере поражений... Пошли случаи сдачи в плен и перехода к врагу целыми подразделениями. Ни на юге, ни на северо-западе столь массовой сдачи и измены не наблюдалось — это характерно только для востока и севера, где комплектование армий было мобилизационным и где советская власть оказалась быстро сброшенной, не успев развернуть на полную катушку свои злодеяния.

Белые армии таяли. А красные получили еще один существенный источник пополнений — перебежчиков и пленных тут же ставили в строй. Чтобы не было никаких фокусов, распахивали понемногу в надежные части и гнали «искупать кровью вину». Колчаковское командование остановить процесс распада не могло. Большинство младших офицеров составляли прапорщики из гимназистов и юнкеров, попавших на фронт после краткосрочных курсов. Старые солдаты называли таких «шестинедельными выкидышами». Ни малейшим авторитетом они обладать не могли. В трудных ситуациях терялись, порой паниковали, становились для подчиненных обузой, а не спасителями, умеющими найти выход. Да и офицеры военного времени, более опытные, перестали быть надежной опорой командования. Память жутких офицерских расправ 17-го была слишком свежа — и у них, и у солдат, среди которых имелось немало фронтовиков, участвовавших в подобных расправах. Когда такие же эксцессы появились и в колчаковской армии, многие офицеры стали в критической ситуации бросать свои подразделения, опасаясь, что их перебьют или уведут к красным.

Между тем штаб Верховного во главе с Лебедевым разработал новый кардинальный план разгрома большевиков. Генералу Дитерихсу,

отличному командиру и превосходному тактику, но — увы! — неважному стратегу, план понравился. На бумаге и впрямь все выглядело красиво. 5-ю армию Тухачевского заманивали в Челябинск, как в ловушку. Севернее города начинала наступление группа Войцеховского из 16 тыс. чел., перерезая железную дорогу Челябинск — Екатеринбург. Южнее атаковала группа Каппеля из 10 тыс. чел. и перерезала магистраль Челябинск — Златоуст. В лоб наступала группа генерала Косьмина.

23.07 красные пошли на штурм Челябинска и на следующий день заняли город. Тотчас же перешли в контрнаступление фланговые группировки белогвардейцев. Поначалу операция развивалась удачно. Войцеховский, ударивший в стык между двумя красными дивизиями, разметал их и глубоко вклинился в расположение противника. Теснил большевиков Каппель... Но план Лебедева упустил ряд «мелочей». Например, что сильная армия, опираясь на ресурсы большого города, вовсе не обязательно запаникует под угрозой окружения и бросится наутек, как 5 месяцев назад. Что она может принять сражение на равных. Не учитывал он и того, что севернее наступала 3-я армия красных, которую командование тут же повернуло во фланг Войцеховскому. Одну дивизию из резерва фронта немедленно двинул Фрунзе, нацелив ее на белые тылы. И пошло побоище...

Потери с обеих сторон были огромными, но красные легко компенсировали их. В одном лишь Челябинске «поголовной» мобилизацией за несколько дней набрали 8,5 тыс. чел. Белые бросали сюда все, что могли. Три дивизии были сняты с переформирования почти неподготовленными. И все перемалывалось в челябинской мясорубке. Жесточайшие бои продолжались 7 суток. 29.07 Дитерихс двинул в бой последние колчаковские резервы — две сибирские дивизии, вообще только еще формирующиеся, даже не прошедшие курсов стрельбы. Но и это усилие не принесло перелома. А затем ход сражения, колебавшийся туда-сюда, надломился в пользу красных. Битва неумолимо стала превращаться в разгром белогвардейцев. Поражение было полным. Только пленными колчаковцы потеряли 15 тыс. То, чего не удалось добиться Фрунзе между Уфой и Златоустом, случилось благодаря просчетам колчаковской Ставки под Челябинском. Окончательно надорвавшиеся, потерявшие и стратегическую инициативу, и значительную долю боеспособности, белые армии оставили Урал и отступали в Сибирь. С этого времени власть Колчака была обречена. Дальнейшее ее существование определялось уже не фронтовыми операциями, а сибирскими расстояниями...

59. СЕВЕРО-ЗАПАДНАЯ АРМИЯ

В отличие от юга и востока, северо-западный белый фронт создавался не в результате стихийных антибольшевистских восстаний, а организовывался целенаправленно. Парижские представители Белого Движения, генералы Щербачев и Головин, в составленном весной 19-го обзоре указывали на то, что Северная армия из-за своей малочисленности способна играть лишь вспомогательную роль, что Де-

никину приходится вести тяжелую и затяжную борьбу на своих флангах с подавляющими силами красных. «Принимая во внимание, что... временная пассивность Южной и Северной групп позволит большевикам обратить большинство своих сил против Сибирской армии, настоятельно необходимо образовать новый фронт, который в лучшем случае своим ударом оказал бы существенную помощь, а в худшем — оттянул бы силы от Сибирской армии. Таким фронтом должен стать финляндско-эстляндский с задачей овладения Петроградом. На этом фронте у генерала Юденича пока своих 5 тысяч человек и в Эстляндии 2 тысячи офицеров, а в Финляндии формирование тормозится затруднениями политического и материального плана».

Колчаком был утвержден Юденич в качестве командующего новым фронтом. А силы его рассыпались по Прибалтике редким пунктиром. Белые беженские организации в Финляндии. Отряды Родзянко в Эстонии. И отряд князя Ливена в Латвии. Если на других фронтах антибольшевистская борьба осложнялась внутренними и международными конфликтами, то части Юденича вообще оказались в жутком клубке противоречий. Во-первых, по берегам Балтики почти одновременно возникли пять новых государств — Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Польша. И каждое — с сильнейшим шовинистским душком. Во-вторых, вокруг этого клубка образовался другой — Англия, Франция, Германия. Каждая из этих стран пыталась вмешаться в прибалтийское устройство, исходя из собственных интересов. До весны 19-го противоречия сглаживались общими усилиями по отражению красного нашествия. Но едва большевиков стали одолевать, как они начали всплывать наружу.

Белогвардейцы здесь с самого начала оказались на чужбине и вынуждены были выступать в роли просителей. В Финляндии собралось значительное число русских беженцев. Многие петроградцы просто уехали на собственные дачи на побережье Финского залива, оказавшиеся теперь в другом государстве. В Выборге был созван съезд представителей промышленности и торговли, который избрал состав Комитета по делам русских. Под общее поручительство промышленников был сделан заем на 2 млн. марок в банках Гельсингфорса (Хельсинки). Ссуду в 500 тыс. выделило финское правительство. На эти деньги и кормилось беженство. О формировании русских вооруженных сил на территории нейтральной Финляндии и речи быть не могло. Другое дело, если она сама выступит против Совдепии. По этому поводу в Финляндии боролись два течения.

Одно, во главе с Маннергеймом, победившим собственных красногвардейцев и занявшим пост временного правителя, стояло за войну, видя в большевизме главную опасность для своей страны. Кроме того, Маннергейм считал, что участие в антибольшевистской коалиции укрепит позиции Финляндии на международной арене. А заодно и его собственные позиции внутри страны как лидера «военной» партии. Но правителем он был только временным. Президентские выборы предстояли летом. А его противники видели главную опасность для суверенитета республики в восстановлении прежней России. И, конечно же, боролись персонально против усиления позиций Маннергейма, которое вызвала бы война. В ходе предвыборной кампа-

нии между этими двумя течениями шла борьба. В Гельсингфорсе вел переговоры с финнами Юденич, вел министр иностранных дел Парижской дипломатической делегации Сазонов. Но в результате внутривнутриполитической неясности эти переговоры буксовали на месте.

Двухтысячная армия Родзянко, входящая в оперативное подчинение эстонского главнокомандующего Лайдонера, вместе с эстонцами очищала их родину от большевиков. Особенно отличался отряд Балаховича, постоянно досаждавший красным лихими налетами и рейдами по тылам. К маю эстонско-белогвардейские войска вышли к границам республики. Побили красных и в Литве. Поляки и литовцы выбросили их весной из Вильно. Большевики пытались огрызаться. Ленин 24.04.19 писал Склянскому: «Надо сегодня же за вашей и моей подписью дать свирепую телеграмму и главштабу, и начзапу, что они обещали развить максимальную энергию и быстроту во взятии Вильны». Но «свирепые» телеграммы уже не помогали. Вильну не вернули. Правда, между поляками и литовцами тут же начались серьезные трения, кому из них принадлежит город и прилегающая к нему область, — поляков там жило тоже предостаточно, большинство интеллигенции и общественная верхушка были польскими.

Основная группировка большевиков держалась в районе Риги, как бы разрезая Прибалтику надвое. 2 месяца здесь шла позиционная война по рубежу реки Курляндская Аа (Лиелупе). Добровольческие части Балтийского ландсвера — русские, латышские, из балтийских и германских немцев, общей численностью 7—8 тыс. чел., — занимали западный берег с двумя небольшими плацдармами на восточном — у Кальценема и Митава (Елгава). Противостояли им три латышских и Новгородская дивизии, немецкий интернациональный батальон и коммунистические роты (всего 15—20 тыс. чел.). Копили силы, пережидали разлив рек, болели тифом. От него умер помощник начальника русского отряда полковник Рар.

Входивший в оперативное подчинение ландсвера добровольческий отряд Ливена, насчитывавший к моменту выхода на этот рубеж 250 чел., рос численно. Подходили пополнения из Либавы и Виндавы. Был создан свой кавалерийский эскадрон ротмистра Радзевича, от немцев получили орудия для формирования полевой и гаубичной батарей. Через союзные миссии поступило официальное извещение Колчака, что князь Ливен назначается командиром русских стрелковых частей в Курляндии с подчинением Юденичу как главнокомандующему фронтом. Делались попытки получить пополнения из германских лагерей военнопленных, но они оказались неудачными. Хотя принципиальная договоренность об этом была достигнута и с Германией, и с представителями Антанты, все увязало в мелких бюрократических нестыковках, закорючках, волоките. Воспользовавшись передышкой на фронте, Ливен выехал в Берлин и уговорил заняться данным вопросом находившихся там русских общественных деятелей. Руководить работой взялся бывший сенатор Бельгард, утрясая всевозможные формальности и согласуя требования германских властей с требованиями победителей-союзников. И со второй половины мая начался приток добровольцев из-за границы за счет бывших пленных и беженцев.

У других противобольшевистских сил были свои внутренние заботы. Немецко-балтийский отряд ландсвера под командованием лейтенанта Мантейфеля, отведенный на отдых в Либаву, 16.04 сверг там латышское правительство Ульманиса, выражая ему недоверие. Коекого из министров арестовали, обвиняя в связях с большевиками. Подрались с одной из латышских частей. И на место Ульманиса поставили Недриса. В ответ латыши арестовали Недриса и ограбили его. Увезли за город, откуда Недрису удалось бежать в одном белье к ближайшим немецким постам. В общем, путч вышел совершенно несерьезный. Не могли найти новых министров на место свергнутых. Германия признала Недриса. Англия и Франция требовали возвращения «законного» Ульманиса, торчавшего в их миссиях в роли политического изгнанника. А американцы безуспешно искали компромисс, стараясь создать коалиционное правительство Недриса—Ульманиса.

На фронте до поры до времени это не отразилось. В мае одновременно с операцией против Деникина по личному указанию Троцкого планировалась и операция в Прибалтике по уничтожению ландсвера. 16.05 русский ливенский отряд и латышские роты полковника Баллода заняли позиции на небольшом плацдарме у Кальценема. А через 2 дня началось общее наступление красных. На Кальценем наносился основной удар — плацдарм представлял непосредственную угрозу Риге, находясь от нее в 40 км. Три дня продолжались непрерывные атаки, которые отбивались с большими потерями для красных. 21.05 наступило затишье. Разведка донесла, что красные производят перегруппировку и подтягивают резервы для нового наступления.

Командир ландсвера майор Флетчер решил опередить противника. Поставив в авангарде ударный отряд Мантейфеля, он неожиданно атаковал среди ночи. Уже к четырем утра части ландсвера прорвали боевые порядки большевиков и форсированным маршем двинулись к Риге, чтобы занять мосты через Даугаву раньше отступающих вражеских войск. Из Митавы по реке отчалила флотилия из вооруженных буксиров и пассажирских пароходов. Русский отряд и латыши пошли севернее, обходным путем. А южнее выступила Железная дивизия Бишофа. К двум часам дня ударники Мантейфеля и бронемшины Бишофа с разных сторон ворвались в город.

Большевиков в Риге застигли врасплох. В этот раз они и не помышляли о приближении белых, а те были уже на окраинах. На тех, кто пытался доложить об этом по телефонам в центр города, обрушивалась ругань начальников, требования прекратить панику и угрозы расстрелять за «распространение панических слухов». Очевидица писала: «Перегнувшись в окно, мы увидели... Боже, глазам не верится! Отряд немецких «фельдграу» в касках с ружьями шел по нашей улице. (Балтийский ландсвер состоял на снабжении у Германии и носил, независимо от национальности, немецкую форму. — *Прим. автора.*) Через пять минут все, что было в доме — стар, млад, интеллигент, простолюдин, богатый, бедный — выбежало на улицу встречать своих спасителей. Они еще нам кричали не выходить, подождать, запереть окна и двери, так как еще идет стрельба, но никто не обращал внима-

ния на эти предложения. «Спасены!» — вырвался, как один, крик из сотен грудей. Плакали и смеялись от радости».

Лейтенант Мантейфель с горстью ударников бесстрашно врывался на автомобиле в части города, еще занятые большевиками, освобождая из тюрем заключенных. В одну тюрьму ему удалось успеть вовремя, чтобы спасти всех. В другой многих заключенных в последние минуты успели перебить. Пуля одной из латышек женского палаческого отряда сразила и самого Мантейфеля. Немецкие отряды занимали город с запада, а с севера к 6 часам дня в Ригу вступил русский отряд и латыши. Операция завершилась полным разгромом большевиков. В окружение попала их фронтовая группировка и все, что находилось в Риге, не успев сбежать. Деморализованные войска бросали оружие, старались разбежаться и толпами сдавались в плен. Преследование красных частей, сумевших уйти, продолжалось до реки Лифляндская Аа (Гауя).

В Ригу переехали иностранные военные миссии, правительство Недриса. Прибыла и американская продовольственная комиссия, сразу организовавшая кухни для детей и начавшая снабжать население давно не виданным здесь белым хлебом. Кн. Ливен в докладе командованию писал: «Впечатление при взятии Риги от душевного и физического состояния горожан было удручающее. Рассказы о большевистском режиме, о терроре и о лишениях превосходили все, что проникло до тех пор в печать. Рассказы эти подтверждались при находке массы расстрелянных и изуродованных трупов. К всем бедствиям присоединились форменный голод и эпидемия тифа».

В Ревеле (Таллине) находился в это время глава всех союзных миссий в Прибалтике английский генерал Гоф. Как впоследствии выяснилось, официально его миссия должна была состоять при Юдениче, точно так же как состояли иностранные представители при Деникине и Колчаке. Реально же Гоф выступил в роли единовластного распорядителя всего края, причем Юденич был у него всегда последним в очереди. Это объясняется многими факторами. И спецификой фронта, полной зависимостью здесь белогвардейцев от иностранцев. И личностью главнокомандующего — ни Деникин, ни Колчак, ни Краснов не потерпели бы и десятой доли выходов Гофа. Объясняется это и внешней политикой Великобритании — в Прибалтике всюду перекраивались карты государств, и, соответственно, шла борьба за сферы влияния. А в этой борьбе Англия противопоставляла себя уже не только Германии, но и будущей России. Наверное, многое объясняется и личностью самого Гофа, постоянно проявлявшего недоброжелательство в отношении России. Но опять же при Омском или Екатеринодарском правительствах такой «друг» вряд ли задержался бы, а Юденич вынужден был терпеть его не только «при», а «над» своим штабом.

Одна из «инициатив» Гофа касалась Балтфлота. Он стал далеко не тот, что в 17-м. Самая буйная часть матросов схлынула по фронтам гражданской. Остальные дурели от безделья и разлагались в Кронштадте, куда стянулись корабли из других русских баз, Ревеля и Гельсингфорса. Многие начинали браться за ум, видя результаты того,

что натворили. В 18-м, когда разоружали ненадежные части старой армии, пришлось разоружать и «ненадежные» корабли. Причем для этого даже не нашлось «надежных» специалистов — замки орудий и приборы просто ломали кувалдами. Зрело недовольство советской властью, ряд кораблей стали готовить переход к белым. Но когда перешли первые два миноносца, англичане... передали их Эстонии. Другие корабли повторять их опыт уже не решились.

А Гоф, вместо того чтобы способствовать привлечению колеблющихся моряков на белую сторону — что гарантировало бы успешный поход на Петроград, — принял решение уничтожить Балтфлот. Устранить потенциального конкурента Британского флота, кому бы он ни принадлежал в будущем. В мае англичане атаковали Кронштадт торпедными катерами. Ничего путного из этой затеи не вышло. Красные потеряли один крейсер, британцы — эсминец и подводную лодку. С той и другой стороны погибли несколько барж и катеров. Зато русские моряки озлобились. О переходе к противнику уже не могло быть и речи.

Начались бои на сухопутном фронте. Границу с Эстонией по обе стороны Чудского озера прикрывали два боевых участка большевиков, Нарвский и Псковский. 13 мая отряды Родзянко прорвали оборону под Нарвой и ступили на землю Петроградской губернии. Автоматически выходя из подчинения эстонского командования и... автоматически снятые со снабжения эстонской армии. Через четыре дня, разгромив красную стрелковую бригаду Николаева, взяли Ямбург (Кингисепп), а 25.05 отряд Балаховича ворвался во Псков, выбив оттуда большевистские части. Красный фронт зашатался. Этот участок считался спокойным, войска здесь стояли далеко не лучшие. Они начали отступать на Лугу, сдавались в плен и переходили к белым целыми подразделениями.

Советское правительство на эту победу белых отреагировало точно так же, как на победу Пепеляева у Перми. Из Москвы в Петроград примчалась комиссия во главе со Сталиным и заместителем председателя ВЧК Петерсом для расследования и принятия мер. 27.05 Ленин писал Зиновьеву и Сталину: «...Просьба обратить усиленное внимание на эти обстоятельства, принять энергичные меры по раскрытию заговоров», а 31.05 Ленин и Дзержинский выпустили воззвание «Берегитесь шпионов!», фактически провозглашавшее новую волну красного террора. Дать такие указания да еще таким исполнителям? Конечно же, весь Петроград вверх дном перевернули. Число жертв их репрессий, разумеется, неизвестно. Но о размахе можно судить хотя бы по тому факту, что для одной лишь акции повальных обысков и арестов, произведенных 12—13 июня, были привлечены свыше 15 тыс. вооруженных рабочих, солдат и матросов — это не считая штатных чекистов.

Но как раз в разгар этой акции (не исключено, что она-то и послужила толчком) восстал гарнизон форта «Красная горка», охранявшего южное побережье Финского залива. Возглавил восстание поручик Неклюдов. К нему присоединились форты «Обручев» и «Серая Лошадь». Арестовали 350 комиссаров и коммунистов. Момент для развития белого наступления, удара на Петроград был исключитель-

но благоприятным — но использовать этот шанс не удалось. Несмотря на запросы белогвардейского руководства, британские корабли на поддержку восставших не подошли. Возможно, после майских боев опасались открытого столкновения с Балтфлотом. А чем могла помочь армия Родзянко, слабая и численно, и технически? Зато подошли корабли из Кронштадта — линкоры «Андрей Первозванный», «Петропавловск», крейсер «Олег», эсминцы. Начался жесточайший расстрел крупнокалиберной судовой артиллерией. После 52 часов непрерывной бомбардировки гарнизон в составе 6,5 тыс. чел. оставил форты, приведенные в негодность, с богатыми складами вооружения, боеприпасов, провианта. Что смогли, взорвали — и ушли к белым.

В Петрограде спешно проводились «рабочие», «партийные» и «советские» мобилизации, формировались новые части. Подтягивались резервы из Центральной России, войска с других фронтов. И белое наступление остановилось. Следует отметить, что сведениям советских источников об этой операции особенно нельзя доверять. Ведь в Питере верховодил Сталин, поэтому ученые и мемуаристы его времени сильно преувеличили опасность, угрожавшую тогда «колыбели революции». На самом деле, в мае — июне реальной угрозы не было. Войск Родзянко для штурма Петрограда никак не доставало. Даже вместе с эстонцами, на которых опирались белые тылы, в армии до соединения с повстанцами фортов насчитывалось не более 7 тыс. чел.

Совместное выступление со стороны Финляндии так и не состоялось. Юденич пришел, наконец, к соглашению с Маннергеймом — чему, видимо, способствовало приближение президентских выборов. И «военной партии» Финляндии срочно требовались реальные выгоды, которым она могла бы привлечь избирателей. Требования содержали 19 пунктов, в том числе признание независимости Финляндии, значительные территориальные уступки — Кольский полуостров, Карелия. При принятии требований Маннергейм «рассчитывал склонить к выступлению правительство и страну». Юденич передал эту информацию Колчаку с просьбой принять требования Финляндии в кратчайший срок. Добавляя, что если не получит своевременно ответа, то возьмет решение на себя. Колчак ответил радиограммой: «Помощь Финляндии считаю сомнительной, а требования чрезмерными» — и запретил Юденичу какие-либо соглашения без его ведома.

Многие белые деятели впоследствии осуждали Колчака за такое решение. Мол, если бы не его патриотическая щепетильность, Финляндия с ее регулярной армией могла бы сыграть решающую роль в походе на Петроград, и тогда судьбы других белых фронтов тоже сложились бы иначе. Но при этом упускается из внимания, что за выполнение своих условий Финляндия ничего конкретного не обещала. Колчаковский министр иностранных дел Сукин в разъяснение этого шага писал командующим: «Верховный Правитель, независимо от чрезмерно тяжелых требований, предъявленных Финляндией, обратил внимание на то, что даже принятие их еще не гарантирует выступление ее, так как послужит только почвой для подготовки общественного мнения к активному выступлению, причем адмирал Колчак выразил сомнение, чтобы это можно было сделать в короткий

двухнедельный срок». А через две недели состоялись президентские выборы, на которых победил соперник Маннергейма — Стольберг. «Гражданская» партия взяла верх над «военной». Маннергейм подал в отставку, и всякие разговоры о вступлении Финляндии в войну окончательно прекратились.

Вместо двух направлений осталось одно, базирующееся на Эстонию, куда выехала часть собранных Юденичем офицеров. Сам он со штабом перебрался в Нарву. Положение армии Родзянко было неважным. В боях она выдохлась. На первый взгляд казалось — освобождена значительная территория с городами Псковом, Гдовом, Ямбургом. Появилась своя база, независимая от прибалтов. Население встретило радостно, как освободителей. Можно формировать крупную армию и идти к новым победам... Но это было только на первый взгляд. Здесь были не богатые станицы Дона и Кубани, а нищие псковские деревушки. Вдобавок ограбленные продразверсткой и реквизициями дважды прокатившегося фронта. Голодный край, не только не пригодный для формирования новой армии, но и не способный прокормить существующую.

Снабжение, полученное от Эстонии при ее освобождении, иссякло. Каких-то средств для закупки продовольствия не было. Жалованье не выдавалось. Единственное, что получали белогвардейцы, — по 800 г хлеба и 200 г сала, через американскую миссию по «беженской норме». Горячей пищи не видели по два месяца. Естественно, кое-где войска, перешедшие к позиционной войне, начали баловаться грабежами. Снабжения, обещанного англичанами в июне, не получили и к августу. С завистью смотрели на эстонцев, щеголявших в английском обмундировании и обуви, а сами ходили в рвань. Не хватало вооружения и боеприпасов. Они пополнялись лишь за счет трофеев, но и трофеи-то здесь набирались нищие — не было на Псковщине таких складов, как на Украине и Северном Кавказе. Генерал Гоф на запросы Юденича о помощи отвечал примерно так, как гонят со двора нищего попрошайку. Он писал, что «эстонцы уже купили и заплатили за то снаряжение, которое сейчас получили». Писал: «До моего прибытия вам не было обещано никакой помощи. Вы тогда наступали и забирали припасы у большевиков, сердца ваших людей были верны и их лица были обращены в сторону врага. Наше обещание помочь вам, по-видимому, развело мягкость среди людей». Писал: «За помощь великой России в дни войны союзники будут навсегда благодарны. Но мы уже более чем возвратили наш долг натурой» — так оценивалась помощь армиям Колчака и Деникина. Интересно, что в сношениях с каждым главнокомандующим союзники имели обыкновение преувеличивать свою помощь другим, не его фронтам.

Самого Юденича армия встретила довольно холодно. Она не знала его, он не был ее «первопоходником», не делил опасностей и лишений ее рождения и первых боев, а провел это время в мирном Гельсингфорсе. Он был «чужаком», назначенным «сверху». Фактически Юденич принял одержавшую ряд побед, но теряющую боеспособность и погибающую армию.

60. ИГРИЩА БАЛТИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ

Прошло всего две недели после разгрома большевиков под Ригой, а в Латвии уже началась новая война. Преследуя отряды красных, бегущих на север, Балтийский ландсвер около г. Вендена (ныне Цесис) наткнулся на передовые части эстонской армии, тоже преследующей красных, наступающей на юг и занявшей северные уезды Латвии. Ландсвер полагал, что встретил союзников, но эстонцы оказались настроены весьма агрессивно. После нескольких случайных выстрелов между передовыми постами выдвинули бронепоезд и открыли артиллерийский огонь. Ландсвер принял бой и прогнал эстонцев из Вендена. Начались переговоры через посредничество иностранных миссий. Пришли к соглашению, что Эстония отведет войска на свои этнографические границы. Протокол послали в Ревель на утверждение ген. Гофу. Но вместо утверждения он вдруг прислал 15.06 ультиматум: Балтийскому ландсверу отойти на рижские позиции и восстановить вместо правительства Недриса свергнутое балтийскими немцами правительство Ульманиса. Это стало результатом все той же «антигерманской» политики Лондона, ставящей во главу угла послевоенный передел сфер влияния на Балтике, а антибольшевистскую борьбу отодвинувшей далеко на задний план. И полунемецкий ландсвер, созданный при поддержке Германии и воюющий в союзе с германскими добровольцами, в эту политику явно не вписывался. Другое дело эстонцы, чья государственность начиналась на волне национального, в том числе антинемецкого, шовинизма, а армия создавалась самими англичанами под прикрытием орудий их крейсеров.

Отказавшись выполнить ультиматум, командир ландсвера майор Флетчер решил воевать, и в день окончания перемирия, 20.06 перешел в наступление на эстонцев, в свою очередь готовившихся к атаке. Русский отряд Ливена формировался только для борьбы с большевиками и вступал в подчинение ландсвера с обязательством не вмешиваться во внутренние дела прибалтов, что было оговорено и в соглашении между ними. Поэтому он объявил себя нейтральным и поступил в распоряжение союзных миссий для поддержания порядка, вроде «голубых касок». Один батальон остался в Риге, два разместились в Либаве.

Ландсвер терпел поражение. Он выдохся в Рижской операции, новая война свалилась неожиданно. Положение усугублялось тем, что в составе эстонских войск действовали латышские части полковника Замитана, созданные эстонцами на севере Латвии. Такая война была совершенно непонятной и непопулярной для большинства добровольцев — не только латышей, но и немцев. Они-то шли бороться с красными! Боеспособность резко упала. Да и противником эстонцы оказались серьезным. В отличие от добровольческого ландсвера, у них была регулярная армия, отлично экипированная и вооруженная. Их мощный бронепоезд, оснащенный корабельной артиллерией, оказался настоящей крепостью, неуязвимой для полевых пушек, он легко прорывал пехотно-артиллерийские боевые порядки противника. Эстонские войска создавались и вскармливались на национально-шовинистических лозунгах и воевали под ними. Просто и понятно — «бей немцев!». И от этого шовинизма рядовые

эстонцы имели реальную выгоду, им досталась земля изгнанных немецких и разъехавшихся русских землевладельцев. А что мог противопоставить этому ландсвер? Сменить идею освобождения от большевизма на «бей эстонцев!»? Войска начали отступать.

Эстонцы и латыши Замитана подошли к Риге, обстреливая предместья. Снарядом разрушило водопровод, и город остался без воды. Возникли конфликты внутри ландсвера. Между латышами полковника Баллода и немцами дошло до драк с применением ручных гранат. Их разнимали командиры и русские соратники — уже в качестве международной нейтральной силы. Население было в панике — только что пережив одно нашествие, ожидали второго, эстонского. При вмешательстве иностранных миссий снова заключили перемирие. Германские добровольческие части отводились в Митаву, отряды ландсвера — в Туккум, латыши Баллода остались в Риге. После чего в город вступили эстонские войска.

К власти вернулось правительство Ульманиса. Последовавший латвийско-эстонский договор стал для Балтийского ландсвера капитуляцией. Из него изгонялись офицеры и добровольцы, пришедшие из германской армии. Командование перешло к английскому полковнику Александеру. После этого ландсвер отправился на противобольшевистский фронт, проходивший у Крейцбурга (Екабпилс), а через полгода был преобразован в 13-й Туккумский полк латвийской армии. Латвия вступила в новый союз — уже не с Германией, а с Литвой и Польшей, которых поддерживала Франция. Бои на фронте здесь носили характер частных операций, и постепенно, уже в 20-м, фронт вышел примерно на линию нынешней границы.

Германские добровольцы, отступившие в Митаву, образовали в Курляндии некую «немецкую зону» во главе с генералом Рюдигером фон дер Гольцем. Поезда между Ригой и Митавой не ходили. Для перехода «демаркационной линии» каждый раз требовалось разрешение латвийских и германских властей. В Риге курсировали упорные слухи о скором наступлении немцев. Германские добровольцы требовали от правительства Ульманиса выполнения обещаний по заключенному с ним соглашению от 29.12.18. — прав гражданства и выделения земель в Курляндии для «иностранцев, сражавшихся не менее четырех недель за освобождение латвийской территории от большевиков». Правительство отказалось от своих обещаний. Ульманис заявил, что после заключения 28.06.19 Версальского договора о капитуляции Германии все обязательства, данные ранее Германии «или ее гражданам», стали недействительными. Державы Антанты настаивали на том, чтобы отозвать из Прибалтики фон дер Гольца, но вышло еще хуже. Едва он выехал из Курляндии, как германские добровольцы подняли мятеж, возмущенные обманом Латвии, разогнали и ограбили находившиеся поблизости латышские части. Гольцу пришлось возвращаться и успокаивать своих вояк, чтобы неуправляемый бунт не привел к более тяжелым последствиям.

А у русских белогвардейцев в Латвии после отделения от ландсвера началась новая страница их истории. С мая регулярно пошли пополнения из Германии и Польши, где стала функционировать система вербовки и отправки добровольцев, возглавляемая сенатором Бельгардом. Вскоре численность ливенского отряда достигла 3,5 тыс.

чел., они были прекрасно вооружены, имели 2 батареи орудий, трофейный броневик, 3 аэроплана. Из Германии прибыли полковники Бермонд и Вырголич, начав формирование собственных отрядов с подчинением Ливену, Бермонд — в Митаве, Вырголич — в Литве, в Шавлях (Шяуляй).

Павел Рафалович Бермонд — еще одна любопытная фигура в коллекции действующих лиц гражданской войны. На самом деле никаким полковником он не был, а всего лишь корнетом. Участвовал в мировой войне, был ранен. Но гораздо больше прославился в Петрограде по ресторанам и игорным клубам. Был замешан в махинациях Арона Симановича, секретаря Распутина, — в том числе выступал одним из «официальных учредителей» создаваемых на средства Симановича «клубов» с игорно-бордельной подкладкой. Летом 18-го вынырнул в Киеве, уже присвоив себе чин подполковника. Имел какие-то неясные связи с немцами, а потом пристроился в несостоявшейся Южной белой армии — в тот период, когда она лишь раздувала свои штабы, звенела шпорами на Крещатике и распевала «Боже, царя храни!» в застольном исполнении. Успешно вел вербовку в эту армию молодых офицеров — в основном по ресторанам. С уходом немцев куда-то исчез и объявился в 19-м в Прибалтике, уже полковником. Свои части он назвал отрядом им. графа Келлера.

Принципы комплектования войск Бермонда и Вырголича существенно отличались от ливенского отряда. К Ливену принимались только офицеры и солдаты русской службы, причем с тщательным отбором. Штабы и тыловые учреждения были сокращены до минимума. Пополнения немедленно вливались в строевые роты и «обкатывались» на фронте. В отряды Бермонда и Вырголича брали без разбора всех желающих, вплоть до германских офицеров и солдат, очутившихся «на мели». Формирование началось с многочисленных штабов, с назначений командиров без подчиненных. Благодаря такой постановке вопроса и погоне за количеством к августу у Бермонда было уже 5 тыс., а у Вырголича — 1,5 тыс. чел. Снабжались и вооружались все три отряда с германских складов, завезенных в Митаву еще до разрыва с латышами. Все белогвардейские части объединялись в Западный корпус Северо-Западной армии. Штаб корпуса стал создаваться в Митаве.

9 июля был получен приказ Юденича о передислокации корпуса на Нарвский фронт. Но перед этим, по требованию Антанты, предписывалось очистить войска от «германофильских элементов». И тут же по распоряжению Гофа два батальона ливенцев, стоявших в Либаве, были неожиданно, без обозов и артиллерии, даже без уведомления их командования, посажены на английский пароход и отправлены в Нарву. Таким шагом Гоф спешил освободить Курляндию от весьма популярных в ней русских, отличившихся и при освобождении края, и при поддержании порядка во время междоусобицы. Эта очередная выходка союзников многих насторожила. Особенное недовольство возникло в войсках Бермонда и Вырголича, где «германофильских элементов» было предостаточно. Отряды потребовали от союзников гарантии, что те обеспечат им снабжение и довольствие в тех же размерах, как они получали от германцев. Союзные миссии

отказались дать такое обязательство, и тогда Бермонд с Вырголичем заявили, что приказ о передислокации выполнять не будут.

Западный корпус распался. Штаб и ливенский отряд отправились в Нарву, где батальоны были переименованы в полки, а сам отряд — в 5-ю Ливенскую дивизию. По ранению кн. Ливена ее возглавил полковник Дыдеров, один из первых командиров Балтийского ландсвера. Юденич впоследствии лично ездил в Ригу, пытаясь вызвать к себе для переговоров Бермонда, но тот даже не пожелал явиться. Юденич объявил его изменником русского дела, войска Бермонда и Вырголича исключили из состава Северо-Западной армии. Правда, они об этом не очень-то и печалились. Бермонд произвел себя в генералы и присвоил княжеский титул, став генерал-майором князем Бермонтом-Аваловым. Под его командованием «отряд им. графа Келлера» и силы Вырголича объединились в самостоятельную Западную добровольческую армию, не желавшую никому подчиняться.

Прибытие в Нарву частей Ливена положило начало целому ряду событий. Увидев великолепно одетых и вооруженных ливенцев, по-немецки пунктуально получающих жалованье, Северо-Западная армия, нищая, полуголодная и оборванная, зароптала на англичан. Наглядное сравнение заботы разных стран о своих союзниках получалось явно в пользу Германии. Она четко выполняла все обещания, а «демократы» от слов к делу не переходили. Дошло до разговоров о необходимости союза с немцами. Или даже о том, чтобы бросить ко всем чертям проклятую Эстонию и пробиваться в Курляндию на соединение с фон дер Гольцем. Тут уж англичане встревожились усилением «прогерманских настроений». Гоф писал Юденичу о ропшущих: «Желают ли они союза с ничтожной кучкой юнкеров, которых не признает германский народ и которые несколько лет назад потопили весь мир в море крови? Это та самая ничтожная кучка, которая, когда ее заставили принять бой, ею же вызванный, стала пользоваться большевизмом и подводной войной...» Быстренько последовали и практические шаги. 5 августа прибыл первый пароход с оружием и снабжением, обещанным еще в июне. Но даже при обычной передаче доставленного имущества Гоф не смог обойтись без очередной интриги.

Члены политического совещания при Юдениче, группа промышленников из Комитета по делам русских в Финляндии, общественные деятели, были вдруг срочно вызваны в Ревель. Здесь помощник Гофа генерал Марш поставил им ультиматум: немедленно, не выходя из комнаты, образовать «демократическое русское правительство». Это правительство должно было немедленно признать независимость Эстонии и заключить с ней союзный договор. На все про все собранным деятелям давалось... 40 минут. В противном случае, как сказал Марш, «мы будем вас бросать», и ничего из привезенных грузов армия не получит. Тут же прилагался готовый список правительства, вплоть до распределения портфелей, и текст договора, согласно которому русская сторона признавала «абсолютную независимость Эстонии», а эстонская обещала оказать русским немедленную поддержку вооруженной силой.

Это был пистолет, приставленный к виску. Об отказе не могло

быть и речи. С одной стороны — только что привезенное оружие, одежда, сапоги, еще два ожидающихся парохода с грузами, с другой — полное расстройство армии и перспектива ее окончательной гибели. Промышленники и общественные деятели, за исключением нескольких человек, согласились, сумев оговорить лишь право изменять предложенный список, оставить на волю самого правительства распределение портфелей и до консультации с Юденичем (отсутствующим!) не принимать окончательных решений о конструкции власти. Марша это устроило, но он потребовал выделить трех уполномоченных для подписания договора с Эстонией. И это выполнили. Зато приехавшие эстонские представители заявили, что не имеют полномочий от Государственного совета. Подписание договора отложилось на следующий вечер.

Из-за порчи путей сообщения Юденич и к этому сроку не успевал. Прислал телеграмму, требуя у Марша, чтобы до его приезда не принималось решений. Но решения принимались. Вечером 11.08, когда собрались снова, о двухстороннем договоре уже не было речи, зато новому правительству во главе с Лианозовым, опять в ультимативной форме, было предложено подписать одностороннее заявление. Причем Марш даже предлагал подписать его не читая. Все же настояли, чтобы прочесть. В заявлении, уже без всяких обязательств со стороны Эстонии, признавалась ее независимость, содержалась просьба к правительствам Англии, США и Франции о ее признании и просьба к Юденичу о переговорах с эстонским командованием о взаимопомощи. Опять удалось добиться изменений лишь в деталях — назвав заявление «предварительным» и исключив явную чушь, вроде созыва Учредительного Собрания «временно во Пскове». На сомнения, подпишет ли такое заявление Юденич, Марш нагло ответил, что на этот случай «у нас готов другой главнокомандующий». О переданной ему накануне телеграмме Юденича отозвался, что она «слишком автократична, она пришлась нам не по вкусу».

Вот так осуществился первый акт международного признания Эстонской республики, а в России возникло еще одно «правительство». На доклад о событиях в Ревеле Колчак телеграфировал, что принял это к сведению, окажет всемерное содействие для противобольшевистской войны. Подчеркивалось, что адмирал по-прежнему будет считать высшим представителем местной власти, как военной, так и гражданской, лично Юденича. Да и само насильно организованное правительство не в свои дела не лезло, ограничившись ролью совещательного и административного органа при главнокомандующем.

Ничего хорошего авантюра Гофа и Марша не дала. Из-за их интриг еще больше затянулось получение войсками необходимого вооружения и обмундирования. Пока договаривались, пока разгрузили, пока доставили на место. А большевики не ждали. Терпеть белый плацдарм в 60 км от Петрограда им было не очень приятно. Неурядицы в стане противника дали красным полную возможность оправиться от майско-июньского шока, разобраться в истинном соотношении сил. Репрессиями подтянули дисциплину, перебросили войска, освободившиеся после побед над Колчаком, и перешли в наступление. Малочисленная и упавшая духом Северо-Западная армия, плохо

вооруженная и без боеприпасов, отступала, едва сдерживая вражеский натиск. В августе был оставлен Ямбург. Белые отошли за реку Лугу, взорвав за собой мосты.

Признание независимости совсем не улучшило отношений с эстонцами. Наоборот, увидев такую слабость, они совершенно обнаглели. Где могли, устраивали неприятности. Доходило до того, что вагон Юденича, ехавшего в Ревель на совещание с англичанами, в Нарве отцепили от поезда по распоряжению местного коменданта. Эстонская армия, за исключением нескольких фронтовых полков, смотрела на русских косо, даже враждебно. Правда, главное командование во главе с ген. Лайдонером понимало, что допусти сейчас большевиков к границам, они полезут на Эстонию снова. Доступна ему была и простая истина, что воевать с врагом лучше на чужой территории. А тут еще предоставлялась возможность воевать чужими руками! Поэтому Лайдонер охотно шел на военно-технические соглашения с Юденичем. Предоставлял то небольшую помощь оружием, то деньгами. Эстонские части выдвигались в Россию, прикрывая тылы и второстепенные участки Северо-Западной армии, что давало возможность белогвардейцам сосредоточивать свои малочисленные силы на активных участках фронта.

Но доступных военному командованию вещей совершенно не хотели понимать доморожденные политики из скороспелого эстонского правительства. Освобождение своей территории и победы в Латвии вскружили им головы, создав наполеоновские представления о мощи своей «державы». Красная опасность казалась обладателям такого «могущества» уже мелочью. Зато велась кампания против «пан-русских правительств Колчака и Деникина и Северо-Западной армии, сражающейся под их знаменами». Шла травля «реакционеров, дружественно расположенных к немцам и провозглашающих по отношению окраинных государств и их народов восстановление Великой России» — эта безграмотная фраза взята из официального правительственного меморандума. Постоянно говорилось об угрозах белых офицеров после взятия Петрограда двинуться на Ревель (по-моему, нормальная человеческая реакция на хамство). «Враждебное отношение русского империализма по отношению к независимой Эстонии всегда освещалось эстонской прессой» — еще одна красноречивая фраза из меморандума. Надо ли удивляться, что армия и народ, обрабатываемые такой пропагандой, волками смотрели на русских?

В результате войска, выдвигаемые в русские пределы, очень быстро теряли боеспособность. Зачем воевать за русских? И становились легкой мишенью большевистской пропаганды. Она ведь четко перекликалась с правительственной. «Вы своих, немецких помещиков прогнали, зачем же за наших воюете?» «Возвращайтесь к себе домой и замиримы». Атакуемые пропагандой с двух сторон, части разлагались. Росли большевистские и квазибольшевистские настроения. В августе в ряде полков произошли волнения. А потом на спокойном южном фланге эстонские части под ничтожным нажимом противника бросили фронт. Отошли, не принимая боя, и красные войска заняли Псков. Северо-Западная армия оказалась стиснутой на узеньком клочке земли с городишком Гдовом в качестве «столицы». С угрозой на правом фланге от Пскова, с Чудским озером в тылу, морем

на левом фланге и Эстонией за рекой Нарвой. Штаб армии в Нарве, правительство в Ревеле сидели уже на чужой, совсем не дружественной территории.

Выходка Гофа и Марша с созданием Северо-Западного правительства вызвала серьезный международный скандал, когда в прессе всплыли подробности этого действия. Вот тут-то и выяснилось, что миссия имела полномочия лишь состоять «при» Юдениче, а не перестраивать жизнь Прибалтики по своему усмотрению. Возник дипломатический конфликт между Англией и Францией. Надо отметить, что если Франция наломала дров на юге, то здесь, наоборот, пыталась выступать защитницей русских интересов. В основном из-за той же «германской опасности», на Черном море почти неощутимой, а в Прибалтике очень отчетливой. В перспективе Франции требовался сильный союзник на континенте, чтобы не оказаться один на один с немцами. В результате скандала в Верховном Совете держав-победительниц общее руководство союзными силами в западном регионе было от Англии передано Франции. Гофа и Марша отозвали. Франция решила послать сюда ген. Манжена, но он отказался. Руководство миссиями поручили ген. Нисселю. Пока шли эти утряски, к октябрю Ниссель еще не доехал до Ревеля. И во время решающих боев союзные миссии, от которых так сильно зависела Северо-Западная армия, остались без руководства.

61. МОСКОВСКАЯ ДИРЕКТИВА

В опровержение всех домыслов и выпадов о личном соперничестве «белых генералов» А. И. Деникин официально признал верховную власть Колчака, отдав приказ: «Безмерными подвигами Добровольческой армии, кубанских, донских и терских казаков освобожден Юг России, и русские армии неудержимо движутся вперед к сердцу России. С замиранием сердца весь русский народ следит за их успехом, с верой, надеждой и любовью. Но наряду с боевыми успехами в глубоком тылу зреет предательство на почве личных честолюбий, не останавливающихся перед расчленением великой, единой России. Спасение нашей Родины заключается в единой верховной власти и нераздельном с ней едином верховном командовании. Исходя из этого глубокого убеждения, отдавая свою жизнь служению горячо любимой Родине и ставя превыше всего ее счастье, я подчиняюсь адмиралу Колчаку как Верховному Правителю Русского государства и Верховному Главнокомандующему русских армий. Да благословит Господь его крестный путь и да дарует спасение России».

По этому поводу в Париж была направлена делегация во главе с ген. Драгомировым, чтобы передать в Омск подробный доклад о положении на Юге и получить соответствующие указания. Делегация должна была также познакомить с истинным состоянием дел политических деятелей Парижа и Лондона. На посту председателя деникинского правительства, Особого Совещания, Драгомирова сменил ген. Лукомский. Приказ знаменателен еще и тем, что отдан 12 июня, когда Колчак был уже отброшен за Волгу и сдал Уфу, а деникинцы были на гребне успехов, одерживая победы на всех фронтах. Следо-

вательно, речь могла идти только о сознательном, добровольном подчинении во имя общего дела. Разворачивая общее наступление, Деникин заявлял, что оно ведется под флагом единой государственной власти.

Тройная победа деникинцев — на Маныче, в Донбассе и на Дону — похоронила мечты коммунистов о быстрой победе над «эксплуататорами» и триумфальном походе в Европу. А Украина, предназначавшаяся стать базой для этого похода, снова взорвалась на части. Кто только и под какими знаменами здесь не воевал! Петлюра, получив значительную поддержку в лице «украинских сечевых стрельцов», стойких и дисциплинированных галицийцев, выдержал натиск красных и сам перешел в наступление на Бердичев. И тут же костяк его армии опять стал обрастать за счет присоединяющихся местных повстанческих отрядов и банд самостийных «батек».

Одновременно активизировалась Польша. С апреля по июнь сюда прибыли 6 дивизий, сформированных во Франции ген. Галлером. Как во многих вновь образовавшихся государствах, Пилсудский повел политику яркого национального шовинизма. Его войска заняли Познань и Силезию. В июне поляки вступили в Вильно и Гродно, несмотря на протесты Литвы, считавшей эти города своими. Продвинулись поляки и на Украину, заняв Новоград-Волынский. Воспользовавшись тем, что войска Западно-Украинской Народной республики ушли на помощь Петлюре и сражались с красными, дивизии «галлерчиков» вторглись в Галицию и прекратили существование этого государства, присоединив его к Польше. Правительство Петрушевича бежало, а «сечевые стрельцы» оказались в трагическом положении солдат без родины: путь домой им был закрыт, поляки считали их военнопленными и сажали в лагеря.

Красным на Украине после их коммунистических опытов пришлось несладко. Фактически их власть держалась лишь в городах, в местах сосредоточения войск, да вдоль железных дорог на расстоянии полета снаряда бронепоезда. Дальше начиналась чужая для них земля: либо безвластие, либо «нейтральные» местные самоуправления, либо гуляли вовсю атаманы. Их было хоть пруд пруди. Атаман Зеленый контролировал две трети Киевского уезда, у него насчитывалось 2,5 тыс. чел. В районе Радомысля действовали батьки Струк и Соколовский, тоже несколько тысяч штыков и сабель с артиллерией и даже с несколькими пароходами. Под Каневом гуляли «армии» эсера Пирковки и прапорщика Коломийца. В Черкасском уезде — батька Чучупака. Звенигородский уезд контролировал атаман Тютюнник. В Таращанском и Уманском уездах оперировали отряды эсера Клименко и петлюровца Волынца, имевшие строгую военную организацию и крепкую дисциплину. Восстал и объявил себя независимым г. Миргород. В Свирском уезде власть была в руках «повстанческого ревкома», который возглавляли «полковник Сатана» и «атаман Калитва», имевшие 5 тыс. чел. при 6 орудиях. В Шполе — боротьбист Шегрин. В районах Полтавы и Кременчуга — батьки Ангел, Оникко и Пятенко.

Главному из батек, Махно, в ту пору приходилось туго. Корпус Шкуро, стремительно наступая к Днепру, гнал и громил его воинство. 6.06 после жестокого боя пала махновская «столица» Гуляй-Поле.

Перешла в наступление и маленькая крымская группировка белогвардейцев, несколько месяцев удерживавшая Акманайские позиции. Здесь стала восходить новая звезда Белого Движения, 33-летний генерал Яков Александрович Слащев. Участник мировой войны, безудержно смелый и решительный офицер, он начал белую «карьеру» начальником штаба в повстанческом отряде Шкуро. В Крыму командовал бригадой и дивизией. Известен, кстати, тем, что привил белогвардейцам новую «моду». Корниловцы, марковцы, дроздовцы, демонстрируя самообладание и презрение к красным пулям, считали шиком ходить в атаку с папиросками в зубах — чем оказывали на врага сильное психологическое воздействие. Слащев был некурящим, поэтому придумал щелкать семечки, шагая с винтовкой наперевес. По этим семечкам вскоре начали распознавать его «школу» и выучку. Десант под командованием «генерала Яши», как его прозвали, высадился в районе Феодосии, обойдя морем красные позиции. С фронта атаковали другие части 3-го корпуса ген. Шиллинга. И большевики побежали. Их части в Крыму и Таврии, отрезаемые с севера прорывом Шкуро, уже потеряли связь со своими главными силами. Некоторые двигались самостоятельно на Херсон, пробивались на правобережную Украину, другие присоединялись к махновцам.

А главное советское командование на Украине оказалось охвачено каким-то повальным безумием. В то время как корпус Кутепова развивал удар на Харьков, а Шкуро — на Екатеринослав, большевики обрушились на... Махно, объявив вчерашнему союзнику открытую войну. 25.05 в Харькове состоялось заседание Совета обороны с повесткой дня «О борьбе с махновщиной», в протоколе которого красноречиво записано: «Постановили: ликвидировать Махно в кратчайший срок». Наркомвоенмор Троцкий 6.06.19 издал приказ № 107 — о запрещении созыва Четвертого съезда Советов махновского района в Гуляй-Поле, объявляя всех участников такого съезда изменниками. Приказ вышел в тот самый день, когда Гуляй-Поле взяли белогвардейцы. А через два дня последовал приказ № 108: «Конец махновщины». В район Екатеринослава направлялись крупные формирования во главе с Ворошиловым. С одной стороны, якобы для помощи разбитым батькиным частям. А с другой — «для наведения порядка в районе махновщины». Ворошилов получил тайное указание арестовать батьку.

Ждать этого Махно не стал. С присущим ему чутьем он предугадал опасность. На день раньше направил заявление о разрыве с красными и отказе от командования «бригадой» — в копиях Ворошилову, Троцкому, Каменеву, Ленину. И бесследно исчез, как умел это делать. Умчался куда-то со своей отборной «черной сотней», растворился в степях. Его соратникам повезло меньше. Членов махновского Совета и штаба, находившихся при красном командовании и в пределах досягаемости, арестовали. По приговору трибунала, заседавшего под председательством Пятакова, 17.06 восемь человек во главе с начальником штаба Озеровым были расстреляны. Батьку заочно объявили «вне закона». А одновременно с ним, между прочим, А. Железнякова, который когда-то разогнал Учредительное Собрание. Тогдашняя пропаганда клеймила «авантюру Махно—Железнякова». Это уже после гибели в боях «матрос-партизан Железняк» снова стал положительным героем в честь прежних заслуг.

Одержав победу над бывшими друзьями, красные продолжали терпеть жестокие поражения от деникинцев. В Екатеринославе и Харькове создавались «крепостные зоны». Очевидец З. Арбатов писал: «На митинге Троцкий, заканчивая доклад, объявил Екатеринослав красной крепостью, и тогда все облегченно вздохнули. Стало очевидным, что добровольцы приближаются, и что избавления от ежедневных расстрелов и от всей советской власти осталось ждать недолго». На рытье окопов гнали горожан от 15 до 75 лет. ЧК лихорадочно проводила массовые облавы и чистки своих тюрем путем уничтожения заключенных. Эти меры не помогли. Шкуро вслед за махновцами на едином дыхании разгромил и войска Ворошилова. Для обороны Екатеринослава прибыла стрелковая дивизия Федько, назначенного одновременно командовать 1-й Украинской красной армией. Направления, откуда ждали противника, прикрыли многослойным огнем артиллерии. Но авангард белогвардейцев под командованием полковника Шифнер-Маркевича, нарвавшись на позиционную оборону, хитрым маневром изобразил отступление. А потом сотня казаков, обойдя боевые порядки противника, бешеным налетом захватила мосты через Днепр и ворвалась в город. Начались паника и бегство коммунистов. Два эшелона красноармейцев, шедшие на подмогу, были взяты в плен прямо в вагонах. В результате неожиданного захвата города уцелели 500 заключенных, арестованных в последние дни и предназначенных к потоплению в старой барже.

Екатеринослав был взят, но у Шкуро не хватало даже сил, чтобы закрепиться и наладить его надежную оборону. Удержать освобожденную территорию он мог только продолжением наступления, не давая врагу опомниться. И оно перекинулось на правый берег Днепра. Части 12-й красной армии (с июня украинские армии влились в общероссийскую нумерацию, видимость их самостоятельности была ликвидирована) громили и гнали еще 200 км, заняв Кременчуг и Знаменку.

Почти одновременно с Екатеринославом 1-й корпус Кутепова взял другую «крепость» — Харьков. Эта «гвардия Белой гвардии», ее ядро из нескольких именных полков, в наступлении от Донбасса до Харькова разбило и перемололо 59 красных полков, 9 кавалерийских, 5 отдельных батальонов, 2 дружины и 5 бронепоездов. А состав белых войск при этом не уменьшался. Наоборот, он увеличивался по мере побед и притока добровольцев. В Харькове Корниловский и Дроздовский полки были развернуты в дивизии трехполкового состава, а Марковский — двухполкового. Красные отступали на Сумы и Белгород. Однако в Белгороде тут же вспыхнуло восстание. Горожане и крестьяне окрестных сел скинули советскую власть, выбили из своих пределов потрепанные большевистские отряды и соединились с авангардами Май-Маевского.

А Кавказская армия Врангеля шла на Царицын. Условия для наступления были тяжелыми. Война уже целый год каталась по этим краям, то приближаясь к Царицыну, то удаляясь от него. Единственная железная дорога Тихорецкая — Царицын, вдоль которой разворачивались все основные операции, была полуразрушена, мосты — взорваны, местность — опустошена. Тем не менее в начале июня Врангель вышел к «красному Вердену» и попытался с ходу атаковать его

своей конницей. Как и попытки донских казаков в 18 г., штурм не удался. Удобное оборонительное положение, укрепления, которые строились и наращивались в течение года, мощная артиллерия снова сделали свое дело. Да и в смысле пригодности к прорыву долговременных оборонительных полос кубанские казаки мало отличались от донских — их спецификой была маневренная война.

К новому штурму подготовка шла несколько недель. Пришлось ждать, пока путейское ведомство восстановит железнодорожные мосты. Лишь тогда стало возможным подвезти бронепоезда, тяжелую артиллерию, авиацию, танки — единственный их отряд, перед этим приданный Кутепову для прорыва фронта в Донбассе. Перебросили и регулярную пехоту: 7-ю дивизию Добровольческой армии ген. Тимановского, бывшую Одесскую бригаду, только что закончившую реформирование после выпавших на ее долю мытарств. Она оказалась единственным соединением, еще не втянутым в бои. И 30 июня после двухдневного штурма Царицын был взят. Пала цитадель большевиков, откуда они в течение полутора лет угрожали Дону и Северному Кавказу. Увы, стратегический выигрыш этой победы был неполным. Хотя в мае, при начале общего деникинского наступления, восточное направление предполагалось главным, сближая Вооруженные силы Юга России с Колчаком, к концу июня войска адмирала сражались уже под Челябинском, далеко отброшенные от Волги.

В освобожденный Царицын прибыл А. И. Деникин. 3 июля после торжественного молебна в честь взятия города здесь была оглашена знаменитая «московская директива». Фронт к этому времени проходил по линии Царицын — Балашов — Белгород — Екатеринослав — Александровск (ныне Запорожье), упираясь флангами в Волгу и Днепр. Директивой предусматривалось:

Кавказской армии Врангеля наступать вдоль Волги на Саратов — Пензу — Нижний Новгород — Владимир — Москву. Кроме того, ей предписывалось направить отряды на юг и восток для связи с уральскими казаками и очищения от красных нижнего плеса Волги.

Донская армия Сидорина должна была развивать удар на Москву в двух направлениях: Воронеж — Козлов — Рязань и Новый Оскол — Елец — Кашира.

Добровольческой армии Май-Маевского предписывалось наступать на Москву по направлению Курск — Орел — Тула, а для обеспечения с запада выдвинуться на рубеж Днепра и Десны, заняв Киев и другие основные переправы от Екатеринослава до Брянска.

Отдельный крымский корпус нацеливался на устье Днепра, а Черноморский флот должен был блокировать Одессу.

Впоследствии эта директива часто подвергалась жестокой критике. Ее осуждали за чрезмерный оптимизм. Осуждали то, что она фактически нарушала классические законы военной стратегии Клаузевица — создание подавляющего перевеса сил на одном, главном направлении. Хотя критики не учитывали при этом ряда факторов: гражданская война в России часто не подчинялась «классическим» законам. С точки зрения академической стратегии белые вообще не могли воевать при существовавшем неравенстве сил. Был ли возможен с военно-стратегической точки зрения Ледяной поход Корнилова на Екатеринодар с 2,5 тысячи офицеров и юнкеров? Или поход

Дроздовского с тысячей храбрецов от Румынии до Дона? Или Кубанский поход Деникина с 9 тысячами против 100?

Ограничиться одним направлением было нельзя, потому что численное неравенство делало невозможным пассивную оборону на других участках. Ее просто раздавили бы массой. Белые могли побеждать только наступая. Кроме того, единственное направление по той же причине могло быть легко прикрыто переброской сил с других участков, как это неоднократно делала Совдепия на всех фронтах. Наконец, в военно-стратегические вопросы гражданская война вносила коррективы массой трудноучитываемых факторов — психологических, местных, политических. Так, хотя в мае у белых считалось главным восточное направление, наибольший успех был достигнут на западном, где изначально планировалась лишь активная оборона.

Что же касается излишнего оптимизма, то сам Деникин считал директиву не строгим боевым приказом, а скорее знаменем, указывающим белогвардейцам четкую и ясную цель, объединяющим их вокруг этой цели. Ведь каких-то общих политических и экономических лозунгов у Белого Движения не было и быть не могло. Учредительное Собрание? После печальных опытов самарского КомУча и уфимской Директории многие разочаровались в нем. Офицеры прямо говорили: «Мы за учредилку умирать не будем». Политические партии? Но они так и не смогли найти общий язык. В тыловых белогвардейских центрах различные партии от эсеров и меньшевиков до крайне правых «Монархического блока», «Братства животворящего креста», «Русского собрания» грызлись между собой похлеще, чем при Временном правительстве, и тонули в мертворожденных совещаниях, коалициях, конференциях, в казуистике формулировок и программ, не оказывающих никакого влияния на события. Поэтому лозунги белогвардейцев носили лишь самый общий характер: борьба с большевизмом до конца, великая неделимая Россия, права человека, автономия и самоуправление, политические свободы. И даже такие лозунги подвергались постоянным нападкам казачьих самостийников.

Теперь вместо политической Деникин ставил конкретную географическую цель — Москва. Он писал о своей директиве: «В сознании бойцов она должна была будить стремление к конечной, далекой, заветной цели. «Москва» была, конечно, символом. Все мечтали «идти на Москву», и всем давалась эта надежда».

Армия Врангеля развивала успех. Хотя в ней насчитывалось 18 тыс. чел. при 68 орудиях против 26 тыс. и 132 орудий в 10-й красной армии Ключева, она при содействии правофлангового, 1-го корпуса Донской армии, отбросила большевиков на север и вышла на подступы к Камышину. В первый же день боев за город была почти уничтожена 38-я дивизия красных. Контрнаступление, предпринятое корпусом Буденного, было отбито, и глубоко прорвавшиеся казаки отрезали пути из Камышина на север. Три дивизии большевиков оказались в окружении. При попытках прорыва их разгромили. Белые взяли 13 тыс. пленных и 43 орудия. Только маневры и контратаки Буденного спасли армию от полного уничтожения. 28 июля Врангель занял Камышин. Преследуя отходящего врага, его войска приближались к Саратову, оказавшись в 40 км от города.

С юга, из Астрахани, угрожала 11-я красная армия. Здесь в роли

единовластного царька правил С. М. Киров. Хобби в те времена у него было довольно специфическое — лично раскрывать крамолы и заговоры, направленные против самого себя. Например, он прозорливо разоблачил княжну Туманову, работавшую секретаршей в Реввоенсовете, графа Нирода, якобы пробравшегося в Астрахань, чтобы отравить его, Кирова, цианистым калием. Разоблачил целую сеть заговоров среди военных работников, в рабочем батальоне, в полку особого назначения. Некая Ревекка Вассерман, председатель полковой ячейки большевиков, нашла сходство между Кировым и фотографией известного черносотенца иеромонаха Илиодора — была признана англо-деникинской шпионкой, а в качестве ее сообщника Киров выявил одного из секретарей губисполкома. Естественно, все вышеперечисленные заговорщики и иже с ними пачками шли на расстрел. Если учесть, что «друг рабочих» практиковал это в 19-м, то надо думать, что в 37-м он мог бы куда плодотворнее применить свои таланты, если бы пуля убийцы не перевела его в разряд жертв. А вот полководцем он оказался никудышным. Выступив против Врангеля, 11-я армия была разбита наголову.

Как и во время колчаковского наступления, по Волге пошли крестьянские восстания. 11.06 Ленин писал: «Обратите сугубое внимание на восстание в районе Иргиза. Обсудите, нельзя ли аэропланами побить повстанцев. Ликвидация необходима немедленная и полная». 1.07 он обращается в Саратов к Кураеву: «Все внимание чистке гарнизона и укреплению тыла. Беспощадно искореняйте белогвардейщину в городе и деревне». А 8.07 дает рекомендации: «Необходимо особыми отрядами объехать и обработать каждую волость прифронтной полосы, организуя бедноту, устраняя кулаков, беря из них заложников, подавляя зеленых, возвращая дезертиров».

Конная дивизия и пластунская бригада ген. Говорущенко были переброшены на левый берег Волги, а 1 августа в районе озера Эльтон передовые разъезды деникинцев встретились с разъездами уральских казаков ген. Толстова. Успех сопутствовал белогвардейцам и на других фронтах. Ставка Деникина переехала с Кубани в Таганрог, административные учреждения — в Ростов. Донская армия Сидорина взяла Лиски, Таловую, Бобров, Борисоглебск. Армия Май-Маевского, очищая Украину, 29 июля заняла Полтаву. И опять же, несмотря на боевые потери и пространственный разброс, белые силы не таяли, а росли. Если в начале наступления на Украину Добровольческая армия Май-Маевского насчитывала 9600 чел., то после взятия Харькова в ней было уже 26 тыс., а после взятия Полтавы она достигла численности 40 тыс. бойцов.

62. ВОЕННЫЙ КОММУНИЗМ

В 1918 г. большевизм уже породил все свои основные черты, формы деятельности, организационные структуры. Дальше он лишь отлаживал и модернизировал соответствующие механизмы, укреплял начинания. Введенные коммунистами качественные явления прогрессировали количественно. Усугублялся голод. В июне 19-го в Москве по «рабочей» карточке полагалось в день 124 г хлеба, 12 г

мяса, 12 г постного масла на человека. Если удавалось эту карточку отоварить. Но вместо того чтобы отказаться от губительных коммунистических экспериментов, вызвавших такое бедствие, по деревням пошла вторая волна продотрядов. Как и прежде, проблему снабжения городов они совершенно не решали, зато для крестьян становились подлинной катастрофой.

Например, член Тамбовского губкома партии Разумова писала: «Как-то мне пришлось столкнуться со 2-м Коммунистическим продотрядом. Жутко было видеть все их проделки. Они выгребают дочиста без разговоров, применяя даже насилие... притом применяя и массу незаконных арестов, не исключая красноармейских вдов с детьми. УПродКом всех волостных и сельских ходоков арестовывал. Выгружают подворно, проделывая обыск, и попутно берут, что попадет под руку, как-то: сукно, сапоги, мясо, не оставляя иногда для крестьянина ни фунта. Обыкновенно из реквизированного ничего не доходит до городов, поедают все продотряды на местах. Продотряды катаются, как сыр в масле, а если попадается спекулянт, то все устраивается так, что и волки сыты, и овцы целы. В элеваторах Тамбовской губернии хлеба лежит порядочное количество, который часто сложен сырой, и поэтому прет в складах».

Вот еще пример из доклада Тамбовской рабоче-крестьянской инспекции: «В селе Хомутец Лебедянского уезда Лебедянский продотряд совместно с Липецким симулировал, как установил Козловский ревком, восстание, вызвал из Козлова подмогу. И воображая, что пришедшие войска потакнут их разнузданным инстинктам, в их присутствии стал притеснять граждан, бить скотину и птицу и угрожать смертью отдельным лицам. До прихода же войск Липецкий продотряд перепился, ворвался во время богослужения в церковь и убил нескольких граждан». А вот циркулярное письмо ЦК РКП(б) от 20.04.20: «Собранный у крестьян хлеб гниет на близлежащих станциях, и крестьяне волнуются. Эти волнения усиливаются тем, что при сборе хлеба реквизиционные отряды применяют недопустимые репрессии: порют крестьян, запирают их в холодные амбары, кроме того, из отобранного у крестьян хлеба начальники отрядов заставляют тех же крестьян гнать для себя самогон...» Говорят сами за себя даже не белогвардейские, а большевистские документы.

Естественно, такие безобразия властей вызывали стихийные волнения и восстания крестьян. Тогда посылались уже другие отряды — карательные. Как происходило подавление, мы можем прочесть, скажем, в мемуарах вполне красного летчика Б. Н. Кудрина, попавшего в плен к таким повстанцам в Понарино близ Задонска: «...Вдруг по селу поплыли тревожные перебаты набата. Все на минуту замерли. Потом все пришло в движение. В разных направлениях бежали мужчины, женщины, дети, люди гнали коров, лошадей, овец. За селом нарастала ружейная стрельба... Все двинулись на площадь, где уже было много народу, собравшегося из соседних деревень... Вся масса повстанцев, заполнявшая площадь, отхлынула, пересекла шоссе и исчезла в перелеске... Над лесом повисли пять шрапнельных разрывов, затем еще и еще. Это стреляла батарея, которая мне не была видна. Кулацкий сброд ринулся к селу. Но тут подоспели два мотоцикла с пулеметными установками. Потом появился бронеавтомобиль. Огонь

разил банду безжалостно. А цепь бойцов уже подходила к селу, окружая его, не давая возможности врагу уйти к Дону. Я кинул взгляд в сторону реки. Оттуда шел на рысях отряд красных конников». Как видно, объяснение красными историками поражений на деникинском фронте нехваткой вооружения, техники и боеприпасов лишены всякого смысла. Если этого добра на передовой и не хватало, то разве что за счет избытка у карателей блестящей экипировки для истребления безоружного крестьянства.

Что же касается аппарата власти, то для него еще тогда проблема получения жизненных благ была решена по-коммунистически. Известно, что зимой 1918/19 г. уже всю функцию выполняли спецраспределители для избранных, организованные где-то еще раньше. В 1919 г. количество «совнаркомовских» спецпайков составляло около 10 тыс. Поэтому голодные обмороки наркомпрода Цюрупы, если и не легенда, то просто плод бахвальства показным аскетизмом. Или плод личной безалаберности — ведь из-за развала работы и неумения ее организовать многие руководящие работники тогда работали ночами, «не успевали» поесть, и это вошло в моду. К чисто театральным можно отнести жесты Ленина с передачей буханок крестьянских ходоков приютам. Разницу в жизни аппарата и страны мы можем найти даже и во вполне безобидных детских рассказах Бонч-Бруевича. Там добрый дедушка Ленин кормит девочкиного котеночка белым хлебушком, вымачивая его в молочке. Там дети воротят носы от еды, и дедушка Ленин остроумно придумывает «общество чистых тарелок». Только не забудьте, что все это происходило либо в годы гражданской войны, когда в Москве и Питере кошек не осталось — пое-ли, либо в самом начале 20-х, когда вымирало от голода Поволжье.

В связи с неудачами на Южном фронте отложились в долгий ящик планы «мировой революции». Подзаглохла и первая, «ленинская» коллективизация. Ведь этот проект базировался на национализации крупных, высокопроизводительных хозяйств, к которым насильно приписывались крестьяне, переводимые на крепостное положение «государственных рабочих». Но основная доля таких хозяйств приходилась на Прибалтику, уже потерянную, и Украину, с которой приходилось бежать. А в отношении бедных центральных губерний, где помещики давным-давно распродали свои хозяйства крестьянским общинам, первая коллективизация буксовала — община и так вроде жила коллективом, а материальной базы для окончательного отрыва от «частной собственности» неоставало.

Зато беспрепятственно развивалась и совершенствовалась система террора. 31.05 Ленин и Дзержинский публикуют воззвание «Берегитесь шпионов!», где предписывают «всем трудящимся обдумать и провести самым строгим образом меры по выявлению шпионов, белогвардейских заговорщиков и поимке их». На каждую победу белогвардейцев большевики отвечают ударом по мирному населению. Новый размах приобретает система заложничества. 8.06.19 Ленин пишет члену РВС республики Склянскому: «Надо усилить взятие заложников с буржуазии и семей офицеров. Сговоритесь с Дзержинским». Но кроме таких мер, вводится и новая форма репрессий — «расстрелы по спискам». Когда без всяких «формальностей», без всяких приговоров, судебных или внесудебных, даже без допросов и

предъявления обвинений люди брались сразу для расстрела. Эта волна убийств обрушилась на так называемую «околокадетскую интеллигенцию», т. е. даже не принадлежащую к оппозиционной партии, а беспартийную, но не спешащую восхвалять новый режим. Поясняя такую акцию, Ленин указывает в письме М. Ф. Андреевой от 18.09.19: «Нельзя не арестовывать для предупреждения заговоров всей кадетской и околокадетской публики. Она способна, вся, помогать заговорщикам. Преступно не арестовывать ее».

В свои злодеяния большевики вовлекали все больше народу. В крупных городах создавались «внечекистские группы» по выявлению «паникеров и провокаторов». За это, как и за «хищения, взяточничество, вымогательство, злостное дезертирство, подделку мандатов, продажу их и покупку, распространение ложных слухов» — расстрел. Зачастую — на месте. Расстрел становится нормальным, обыденным явлением. Наказанием за самые различные проступки. Например, в целях борьбы с эпидемиями в Москве был введен расстрел за продажу вшивого белья. Или расстрел за нарушение комендантского часа.

Успехи Деникина и Юденича вызвали оживление общественного мнения, всплеск надежд на скорые перемены. И начинается массовое разоблачение «заговоров». Их раскрывают и громят пачками. Два рязанских, костромской, вышневолоцкий, велижский, целый букет киевских, букет московских, саратовский, черниговский, астраханский, селигерский, смоленский, бобруйский, тамбовский, чембарский, великолукский, мстиславльский... Само количество таких заговоров намекает на простой факт, что ЧК как-то нужно было оправдывать свое существование. И что многие «заговорщики» узнавали о своей преступной деятельности лишь после ареста.

Даже в примере с крупнейшим из заговоров, вошедшим в анналы ВЧК — КГБ, «Национальным центром», обстоятельства более чем сомнительные. 22.08 зам. начальника особого отдела ВЧК Павлуновский направил Ленину доклад об этой организации, и тот начертал резолюцию: «На прилагаемую бумажку, т. е. на эту операцию, надо обратить сугубое внимание. Быстро и энергично и пошире надо захватить». Разумеется, такое указание вождя было успешно выполнено. Аресты продолжались с 29.08 по 20.09, общее количество схваченных в разных источниках варьируется от 1 до 3 тыс. Точно известно, что всего лишь за одну ночь на 19.09 было арестовано 700 чел. Только в первой партии расстрелянных (22.10) — 68 руководителей заговора. Вот уж действительно — «пошире»!.. Да только состав «руководителей» какой-то уж очень жиденький. Четыре престарелых отставных генерала, пара офицеров, юнкер, два студента, директор школы, профессор сельхозакадемии, актриса, учительница, несколько членов Государственной Думы, домовладельцы... Изначально в материалах дела целью заговора значился захват Москвы, якобы намечавшийся через две недели. Но до этого чекистам дотянуть не удалось. Великоват оказался процент актрис и учительниц. Если уж Савинков с пятью тысячами офицеров не решился... И 24.09 на Московской партконференции Дзержинский формулирует замысел преступников уже поскромнее. Оказывается, они намеревались захватить Московскую радиостанцию и передать в эфир сообщение о падении советской власти. Чтобы посеять на фронте панику и дезорганизовать войска. Что

ни говори, план гениальный... разве что родиться он мог только в чекистском бреде. Потому что красные войска практически не были радиофицированы, и вся связь от центра до штабов соединений и частей осуществлялась по телеграфу.

К этому времени относится и небезынтересная переписка Ленина с Горьким о судьбах интеллигенции. «Буревестника революции» начал пугать размах зверств вчерашних единомышленников. По поводу бойни, устроенной в Петрограде Сталиным и Петерсом во время первого наступления Юденича, он написал вождю, что после всего происшедшего противно жить. Ленин ответил 31.07.19: «Вы не политик. Сегодня разбитые зря стекла, завтра — выстрелы и вопли из тюрьмы... Никакого строительства жизни видеть нельзя (оно идет по-особому и меньше всего в Питере). Как тут не довести себя до того, что жить весьма противно!» В сентябре Горький обратился с новым письмом, пытаясь заступиться за истребляемую интеллигенцию. И Ленин разразился обширным ответом о ее роли в обществе: «Интеллектуальные силы рабочих и крестьян растут и крепнут в борьбе за свержение буржуазии и ее пособников, интеллигентиков, лакеев капитала, мнящих себя мозгом нации. На деле это не мозг, а говно» (ПСС т. 51, с. 48). Вот так нация без мозга и осталась.

63. МАМОНТОВЦЫ И МИРОНОВЦЫ

Во исполнение «московской директивы» все три армии Деникина развивали достигнутый успех. Врангель вел бои на дальних подступах к Саратову. Май-Маевский — к Курску. На Дону в районе станции Урюпинской начал формироваться 4-й казачий корпус К. К. Мамонтова. Первоначально планировалось, что он совместно с 2-м Донским корпусом Коновалова прорвет фронт на стыке 8-й и 9-й красных армий, а затем двинется в направлении Москвы, пополняясь за счет крестьян-повстанцев.

Но большевики уже опомнились от поражений мая—июня и готовили ответные меры, на флангах деникинского фронта концентрировались мощные группировки Шорина и Селивачева. Начинаясь бои не дали снять с фронта корпус Коновалова. Задачу Мамонтова сузили. Сначала наметили рейд по тылам большевистского Южного фронта на Козлов (ныне Мичуринск) для разгрома управления и коммуникаций. Потом, в связи с усложнившейся обстановкой и разведанными о скоплениях крупных сил противника, цель еще более ограничили, перенацелив корпус на Воронеж, в тыл лискинской группировке красных.

8 августа казаки Мамонтова с боем прорвали фронт, разметав большевистские части. Брошенный против них на следующий день полк 40-й дивизии был уничтожен. Но пошли проливные дожди. Балки и лощины превратились в потоки, полевые дороги — в непролазную грязь. И Мамонтов приказа не выполнил. Трудно сказать, то ли действительно из-за дождей, то ли воспользовался ими в качестве благовидного предлога. Он пошел не на запад, а на север. Во исполнение второй задачи, а не третьей. «Корпус» был одним названием. Их всего-то было 6600 казаков при 12 пушках. И вот этот отряд пошел

гулять по всей Центральной России! 11.08 перерезали железную дорогу Грязи — Борисоглебск. 3 тысячи красноармейцев, двигавшихся к фронту, были взяты в плен и распущены по домам. Вслед за этим захватили полевой учебный пункт красных, где были собраны 5 тыс. недавно мобилизованных крестьян — к великой радости новобранцев, их тоже распустили. Взяли несколько эшелонов с боеприпасами и имуществом и двинулись дальше.

Наперерез Мамонтову спешно перебрасывались красные войска, а он бил их по мере встречи. Из резерва группы Шорина двинулась 56-я дивизия, располагавшаяся в районе г. Кирсанова. Но ее авангардные части в верховьях р. Цны нарвались на боковое охранение донцов и во встречном бою были сметены с лица земли. Для прикрытия железной дороги Тамбов — Балашов спешила кавалерийская бригада 36-й дивизии. Столкнулась с основными силами мамонтовской конницы и была рассеяна. Встретив к югу от Тамбова укрепленные позиции, корпус обошел их, а 18.08 атаковал Тамбов. В результате штурма город был взят. Казаки потеряли 20 человек убитыми и ранеными, красные — 15 тысяч только пленными. В основном из мобилизованных тамбовских мужиков. Их тоже распустили домой. Захваченные продовольственные и вещевые склады раздали населению.

В 70 км от Тамбова, в Козлове, находился штаб Южного фронта большевиков. Он принял решение стоять насмерть и защищать город до последнего патрона. Но едва получил сведения о движении казаков в свою сторону, тут же бежал в Орел. Части Мамонтова вступили в Козлов. Горстка дерзких казаков гуляла по стране, как какие-то былинные богатыри, разгоняющие врагов целыми полчищами. Города сыпались в их руки один за другим. Раненбург (ныне Чаплыгин), Лебедянь, Елец... Разъезды Мамонтова появлялись на дальних подступах к Рязани и Туле.

Большевики были в панике. Приказ Троцкого, поспешно сбегавшего с фронта в Москву, истерически взывал: «Коммунисты, на передовые посты! На территорию Тамбовской губернии ворвалась деникинская стая хищных волков, которые режут не только мужицкий скот, но и рабочий люд... Ату белых! Смерть живорезам!» Правда, сам «рабочий люд» в это время встречал «деникинскую стаю хищных волков» восторженно. На территории Тамбовской и Липецкой областей запылали крестьянские восстания. Казаков ждали, встречали, приветствовали как освободителей. Им передавали пойманных коммунистов. А мамонтовцы, вместо того чтобы резать «мужицкий скот» и «рабочий люд», щедро раздавали населению имущество и продовольствие, захваченное ими на фронтовых складах. Нет, конечно, не из соображений филантропии: уж кому-кому, а казакам благородное бескорыстие присуще никогда не было. Просто трофеев набиралось столько, что самим девать некуда. Ленин писал: «...Около 290 вагонов имущества вещевого склада остались в Козлове и разграблены казаками и населением». Многие крестьяне и горожане добровольно уходили с Мамонтовым в Белую гвардию.

Против дерзкого отряда был создан целый фронт — Внутренний, во главе с Лашевичем. Рязанская, Тульская, Орловская, Воронежская, Тамбовская и Пензенская губернии переводились на военное положение. В состав нового фронта передавались одна дивизия из 8-й

армии и две — из 9-й. Сильная 21-я дивизия перебрасывалась с Восточного фронта. Ленин писал: «Не следует ли использовать всю 21-ю или часть ее (большую), чтобы непременно истребить поголовно всех «крестников Лашевича»? Казаков Мамонтова предписывалось в плен не брать. Уничтожать до единого. Хотя одновременно к ним выпустили лицемерное воззвание, в котором казаков объявляли обманутыми людьми, предлагали помириться с рабочими и крестьянами, «выдав своих преступных командиров». Любопытно сравнить, что сами казаки Мамонтова, подлежащие поголовному истреблению, не только не замарали себя массовыми жестокостями, но даже чекистов, комиссаров, коммунистов и командиров, пойманных и выданных населением, они не уничтожили, а вели с собой. За линию фронта. Для суда. И сдали командованию. Их судили в Харькове и к высшей мере приговорили далеко не всех, многие остались живы, дождались в тюрьме прихода большевиков.

Для борьбы против Мамонтова передавались латышские и чекистские карательные отряды, хорошо оснащенные боевой техникой. Поезда переделывались в бронелетучки, курсирующие по дорогам. В городах наспех формировались коммунистические полки. Из Москвы и Петрограда были переброшены несколько авиационных отрядов — около ста самолетов, в том числе тяжелые бомбардировщики «Илья Муромец». Но покарать казаков и уничтожить их никак не удавалось. Массированные авиационные налеты лишь задерживали их движение, заставляя колонны конницы рассредоточиваться по лесам. Цену большевистским призывам к примирению казаки уже успели узнать во время донского геноцида. А войска... Ленин писал Склянскому: «Путейцы говорят, что наши части против Мамонтова боятся вылезти из вагонов...»

Немножко погуляли по России и другие донцы — красные. В августе восстал в Саранске кавалерийский корпус, формируемый там Мироновым. Этот храбрый офицер, беспартийный демократ и до революции правозащитник казачьей бедноты, как уже отмечалось, в гражданскую склонился на сторону красных, хотя по убеждениям был противником коммунистов. Казаки Усть-Медведицкого и Хоперского округов верили ему и поначалу охотно шли за ним в круговороты военной и политической неразберихи. Но потом случился геноцид, перед которым Троцкий предусмотрительно убрал его на польский фронт... Да и направление в Саранск для формирования там нового Донского кавкорпуса не могло не столкнуть Миронова с той массой безобразий, в которые большевики опрокинули Россию. И он, как Махно, решил воевать против всех. Заявив: «Земле и воле грозит смертельная опасность... Причину гибели нужно видеть в сплошных злостных деяниях господствующей партии... Лучше смерть в открытом бою, чем возмущение на печке при виде народных мук...» — Миронов 24.08 арестовал комиссаров, поднял малочисленный, некомплектованный корпус и повел на юг сражаться «за правду», одновременно против Деникина и «жидокоммунистической власти». Ну, ему-то уйти далеко не дали. 13.09 слабенький Донской кавкорпус, не имеющий ни тяжелого оружия, ни даже винтовочных патронов, был окружен в степи полнокровным корпусом Буденного и разоружен. На судебном процессе обвинителем выступил член РВС

республики И. Т. Смилга. Он говорил: «Вы много распространяетесь о любви к народу, о свободе, причем пишете, что народу плохо живется в России, и обвиняете партию коммунистов. Вы лжете. Партия коммунистов тут ни при чем... К таким людям у нас не должно быть жалости. Сор мелкобуржуазной идеологии должен быть сметен с лица Революции и Красной армии. Я требую для Миронова, всего командного состава и всех комиссаров и коммунистов, шедших с ним, — расстрела. Для всех солдат комендантской сотни, вину которых персонально разобрать нельзя, но которые безусловно виновны — при помощи их Миронов вел свои войска, они составили его персональный конвой, — требую расстрела через десять по списку. По отношению к остальным красноармейцам — расстрела через двадцать по списку». Трибунал принял этот приговор и... ходатайствовал перед ВЦИК о помиловании. ВЦИК помиловал. «Правда» от 10.10.19 в статье «Почему помиловали Миронова» писала: «Пусть же учтет этот шаг трудовое казачество. И пусть это решение заставит красное казачество повести более решительную борьбу с Деникиным и Мамонтовым». Просто Миронов был еще нужен. Обломав о Дон зубы, с казаками снова пытались заигрывать. Фактически исполнение приговора лишь негласно отложили до конца войны.

А поход Мамонтова протекал своим чередом. Конечно, своими ограниченными силами корпус не мог решить глобальных задач или надолго удержать занятую территорию. Рано или поздно рейд должен был выдохнуться. 22.08 арьергарды Мамонтова покинули Тамбов, 26.08 — Козлов. Причем красная пропаганда не преминула представить уход казаков как «освобождение» городов в результате крупных побед. 3.09 кольцо дивизий Внутреннего фронта начало сжиматься, нащупывая донцов. Мамонтов повернул на юг. От Ельца его войска двинулись тремя отрядами, и снова один за другим посыпались взятые города. 4.09 колонна Толкушина захватила Задонск. 6.09 колонна Постовского заняла узловую станцию Касторную, а колонна самого Мамонтова — Усмань. 10.09 части собрались вместе у Воронежского укрепрайона. Красных войск здесь хватало. Ленин писал, что «там (под Воронежем) у нас в четыре раза больше сил». Но казаки пощупали и этот город. Три дня вели артобстрел и вышибали красных из предместий конными атаками, а 13.10 ворвались в Воронеж. Правда, его тут же пришлось оставить. Красные мобилизовали все силы, вводили резервы. Для уничтожения Мамонтова подтягивалось несколько пехотных дивизий, шел корпус Буденного.

18.09 казаки ложным маневром атаковали одну из красных дивизий, заставив противника спешно собирать туда свои части, а сами изменили направление, переправились через Дон, ударом с тыла уничтожили большевистский полк и прорвали фронт, соединившись с корпусом Шкуро, наступавшим на Воронеж с юга. Сорокадневный рейд завершился, погромив красные тылы, разрушив железнодорожные коммуникации, уничтожив огромные запасы военного имущества. Были распущены десятки тысяч мобилизованных, к белым вышли тысячи крестьян-добровольцев, из которых была сформирована Тульская дивизия.

Увы, боеспособность самого корпуса Мамонтова к концу рейда постепенно сошла на нет. Казаки были хорошими вояками, но всегда

себе на уме. А трофеи достались богатейшие, как же мимо такого добра пройти? К моменту выхода из тылов за корпусом тянулся обоз протяженностью 60 километров. А после соединения со своими в донские станицы потянулись вереницы повозок. Надо же было добро домой доставить! А заодно передохнуть от трудов праведных, расписать в кругу станичников свои подвиги, пожать заслуженные лавры народных героев. А на фронте от победоносного 4-го корпуса остались каких-нибудь 2 тысячи сабель...

64. «ВСЕ НА БОРЬБУ С ДЕНИКИНЫМ...»

Это знаменитое воззвание Ленина вышло в июле, как бы в ответ на «московскую директиву». Южный фронт объявлялся главным. Сюда перебрасывались все резервы. Создавались пять новых укрепрайонов — Саратовский, Астраханский, Воронежский, Курский, Киевский. Шли мобилизации, в прифронтовых районах — поголовные. Благодаря своему центральному положению Совдепия относительно легко могла маневрировать силами, перебрасывая их с одного фронта на другой. Поэтому уже к концу июля последствия катастроф 13-й, 9-й и 10-й армий красным удалось преодолеть. Более того, были собраны две мощные группировки для контрнаступления.

Собственно, план операции не представлял ничего нового. Точно так же, как в марте и в мае, Деникина предполагалось разгромить двумя концентрически сходящимися ударами. Главный нацеливался в стык между Донской и Кавказской армиями с последующей задачей прорыва на Нижний Дон и отсечения Дона от Северного Кавказа. Для этого предназначалась группа Шорина, в состав которой передавалась большая часть войск, освободившихся после уральских побед над Колчаком. Управление группы создавалось на базе переброшенного сюда штаба 2-й армии, сюда же перебрасывались 24-я Железная, 28, 56-я дивизии, бригады Казанского, Вятского и Самарского укрепрайонов. В подчинение Шорина передавались 9-я и 10-я красные армии. Встречный удар на Харьков должна была нанести группа Селивачева из 8-й и 13-й армий, усиленная 31-й дивизией Восточного фронта и 7-й из резерва. Она должна была прорвать стык между Донской и Добровольческой армиями и двигаться к Ростову на соединение с войсками Шорина. Вспомогательные удары наносили 11-я армия из Астрахани и 14-я с Правобережной Украины.

14 августа 10-я красная армия, упираясь восточным крылом в Волгу, где действовали 20 военных кораблей речной флотилии, а на западном фланге, сосредоточив корпус Буденного, обрушилась на выдохшиеся в непрерывных боях войска Врангеля. Огрызаясь контратаками, белогвардейцы вынуждены были отступать. Они сдали Камышин и постепенно откатывались к Царицыну. Обозначилось и другое направление, угрожаемое Врангелю, — с юга. Вначале дела здесь обстояли неплохо, 11-я армия, направленная Кировым вдоль Волги на Царицын, была разгромлена корпусами Улагая и Шатилова. Большую ее часть белые отрезали от Астрахани и блокировали, прижав к реке в районе Черного Яра. В заволжских степях господствовали разь-

езды Врангеля, входя в контакты с уральцами. Но прочного контакта Кавказской и Уральской армий так и не произошло.

В это время большевики создали новый, Туркестанский фронт, во главе с Фрунзе из 1-й и 4-й армий. Вошла в него и 11-я, находящаяся в критическом положении. В первых числах сентября Фрунзе прибыл в Астрахань. Подтянул подкрепления из двух других армий своего фронта. И принял рискованное, но неожиданное, а значит, сулящее успех решение. Загрузив пароходы боеприпасами, он лично прорвался ночью в Черный Яр, захватив с собой свой штаб и все командование, включая Кирова и Куйбышева. Наличие на плацдарме такого количества начальства сразу повлекло изменение психологического настроения красноармейцев, давно считавших себя брошенными на произвол судьбы. И оттуда, из окружения, Фрунзе начал наступление. Одновременно ударили свежие части из Астрахани. Блокада была прорвана. Соединившись, красные войска пошли на Царицын. Уже без Фрунзе, вернувшегося на Туркестанское направление и обратившегося в Москву... чтобы 11-ю армию изъяли из его подчинения. Странно, но факт. Этот полководец каким-то внутренним чутьем четко угадывал выигрышные операции и всячески стремился к участию в них. А от проигрышных старался держаться подальше — хотя на первый взгляд они могли сулить колоссальный успех и громкую славу.

Под Царицыном завязались ожесточенные сражения. Теперь уже красные штурмовали город с севера и с юга. Им удалось прорвать основные оборонительные позиции, они доходили до оружейного завода. Но вновь Царицын подтвердил свою славу неприступной крепости. Вводом в бой последних резервов и контратакой кубанской конницы Врангель отбросил неприятеля. На обоих направлениях штурм был отражен с большими потерями для красных. В последующие дни атаки большевиков повторялись, но становились все слабее, пока не выдохлись окончательно. Однако свое стратегическое преимущество Кавказская армия потеряла, вынужденная перейти к обороне. На левом берегу Волги еще оставались белые отряды, но восточнее Царицына 23 сентября 11-я армия соединилась с 10-й, отрезав Вооруженные силы Юга России от уральцев.

Положение восточного фланга деникинского фронта усугублялось тем, что летом восстал Дагестан. Имам Узун-Хаджи объявил священный джихад против неверных. Его силы составили семь армий общей численностью 70 тыс. чел. Он провозгласил образование Северо-Кавказского эмирата во главе с самим собой. Государственное устройство, введенное Узун-Хаджи, представляло собой шариатскую монархию, а внутренняя и внешняя политика базировалась на лозунгах, близких исламскому фундаментализму. Территория Северо-Кавказского эмирата охватывала горные области Дагестана, Чечни, часть Ингушетии. Восстание активно поддержали правительства Азербайджана и Грузии, опасавшиеся деникинской России, а также Турция. Хотя она и охвачена была собственной гражданской войной между кемалистами и османистами, но не оставляла планов протектората над Кавказом. Из Турции через Грузию шли караваны с оружием, прибыли военные инструкторы во главе с Керим-беем. Грузия сформировала и послала в помощь эмирату штаб корпуса под коман-

дованием генерала Кереселидзе. На месте штаб должен был обрасти подчиненными из повстанцев и развернуться в регулярный корпус, а затем и в армию. Но до аула Ведено, столицы Узун-Хаджи, Кереселидзе не дошел. Чечены аула Ботлих, не признавшие никаких эмиратов, окружили отряд в ущелье, под дулами пулеметов разоружили, ограбили и потребовали возвращения назад, грозя в противном случае пленом и передачей Деникину. Кереселидзе повернул в Грузию.

Под начало Узун-Хаджи перешел и Нури-паша, турецкий генерал, вошедший во вкус самостоятельной жизни кондотьера и уже полтора года искавший со своими солдатами приключений по Закавказью. Но вообще-то, несмотря на крайне панисламистские лозунги, понятие Узун-Хаджи о «неверных» было довольно специфическим. Например, одна из семи его армий вообще была... большевистской. Образовалась из уцелевших в горах остатков 11-й и 12-й красных армий, уничтоженных Деникиным зимой. Командовал ею Н. Гикало, и она занимала позиции у села Воздвиженка, прикрывая эмират со стороны Владикавказа. Получала приказы и из Ведено, и из Астрахани, с которой поддерживала связь через курьеров. Интересно, правда? Союз с собственным императором в ходе мировой войны или сотрудничество с англичанами для защиты Баку оказались для большевиков неприемлемыми и позорными, а служба феодальному фанатичному царьку — нормально, будто так и надо. И еще раз отметим, как причудливо сплетала судьбы гражданская война. Теперь большевики сражались под зелеными знаменами ислама плечом к плечу с Нури-пашой, от которого год назад обороняли Баку в союзе с армянскими дашнаками...

Ситуация между деникинцами и Узун-Хаджи создалась патовая. Повстанческая армия по боеспособности значительно уступала белым. Необученные и недисциплинированные горцы мало подходили для регулярной войны. Хотя оружия у них было вдоволь — от турок, англичан, грузин, разбитых красных, — но катастрофически не хватало боеприпасов — винтовочные патроны даже стали единственной твердой валютой, имевшей хождение по всему Северному Кавказу. Зато количественно войска Узун-Хаджи вдвое превышали любую из деникинских армий, сражающихся на большевистском фронте. А в горах, оседлав тропы и ущелья, становились неодолимыми. Сил, необходимых для подавления такого восстания, у Деникина попросту не было. А оставить эмират в покое, не обращать на него внимания, тоже было нельзя. Армии Узун-Хаджи угрожали Дербенту, Петровску (Махачкала), Темирхан-Шуре (Буйнакск), примеривались к Грозному, совершали налеты на казачьи станицы и равнинные селения. Усилилось дезертирство горцев, мобилизованных в белые части. Унося с собой оружие, они сбивались в шайки и, пользуясь отсутствием в тылах мужского населения, занимались разбоем, грабежами, убийствами.

Пришлось отрывать войска и сюда, создавать новый фронт — если не уничтожить врага, то хотя бы блокировать район восстания. Из антибольшевистских действий выключились значительные силы терского казачества, вынужденные защищать свои станицы. Чтобы война не приняла характер межэтнической розни, сведения старых и накопления новых счетов между терцами и горцами, сюда, по про-

сьбам атамана Вдовенко, перебрасывались кубанские и добровольческие части. Кстати, на этом фронте воевал в составе деникинской армии и будущий писатель Михаил Булгаков. В первую очередь, конечно, обстановка в Дагестане сказалась на положении Кавказской армии, тылам которой угрожало восстание и получавшей пополнения с Кубани, Терека, от горских народов.

Наступление группы Шорина нанесло ряд поражений и Донской армии, вынудив ее к отходу. В третий раз вступили большевики в область казачества. Но Дон был уже научен прошлым вторжением. Красной пропаганде больше не верили. Казачьи полки переходили в контратаки, цепляясь за каждый рубеж. Каждый шаг по донской земле дорого обходился красным. Из станиц слали подкрепления. Казаки повстанческого Верхнедонского округа по собственному почину снова объявили всеобщую мобилизацию от 17 до 70 лет. Слушали молебны и тут же вступали на передовую. Большевики оттеснили казаков на линию Хопра и Дона, но разрушить целостность фронта им так и не удалось. А когда попытались полезть на западный берег, 2-й Донской корпус генерала Коновалова нанес им контрудар и отбросил за Хопер с большими потерями.

В сентябре, подтянув свежие силы, красные снова навалились на казаков. Части 9-й армии вышли к Дону на участке в 150 км, захватив Вешенскую, Еланскую, Букановскую. Казачьи сотни в полном порядке отошли на правый, высокий берег реки, уводя с собой все плавсредства, и заняли здесь заранее подготовленные позиции. Хотя кадровые донские корпуса были отведены в тыл для пополнения и подготовки к новым операциям, а оборону держало ополчение — взявшиеся за оружие старики, зеленая молодежь, инвалиды, нестроевые, — все попытки красных форсировать по бродам Дон были отбиты. Фронт стабилизировался. Наступление группы Шорина выдохлось, так и не выполнив намеченных задач.

А Украина в это время испытывала на себе последние дикие спазмы большевистского кошмара. Повальные реквизиции, массовые казни, голод, болезни и, несмотря на фронтовые поражения, бредовый бюрократический угар советской администрации, пытающейся перекраивать шиворот-навыворот и декретировать по-своему каждую житейскую мелочь. Особенно досталось Киеву, где сосредоточилось неимоверное количество всевозможных учреждений — и советских, и партийных, и военных, и репрессивных. Здесь беспрерывно работал целый букет конвейеров смерти — Всеукраинская ЧК, Губернская ЧК, Лукьяновская тюрьма, концентрационный лагерь, особый отдел 12-й армии. Они действовали в параллель, почти независимо друг от друга. Человек, даже каким-нибудь чудом, через знакомства и взятки, выбравшийся живым из одной мясорубки, мог быть тут же затянут в другую.

Киев познал на своей шкуре, наверное, все типы большевистских палачей, тут свирепствовала полная коллекция монстров. ВУЧК возглавлял знаменитый Лацис, палач-теоретик. Благообразный и внешне воспитанный, он проводил террор с латышской методичностью. И писал «научные труды» со статистическими данными и диаграммами, исследующими распределение расстрелов по полу, возрасту и сословию жертв, их временные и сезонные зависимости.

И подводил под свои данные теоретический фундамент марксизма. Был палач-грабитель Парাপутц, племянник Лациса, наживавшийся на вещах убитых им людей. Были палачи-садисты Иоффе и Авдохин, прозванный «ангелом смерти», получавшие наслаждение от самого процесса убийства. Был палач-кокаинист Терехов. И палач-«романтик» Михайлов, изящный и франтоватый тип — он любил летними лунными ночами выпускать в сад голых женщин и охотился за ними с револьвером. Был идейный палач Асмолов, истреблявший людей с холодной большевистской уверенностью в том, что строит светлое будущее. Был палач-новатор Угаров, экспериментировавший в концлагере — вводивший там номера вместо фамилий, придумывавший и совершенствовавший тогда еще на «голом месте» лагерные порядки и систему уничтожения.

Чем хуже складывалось для красных положение на фронтах, тем страшнее они отыгрывались на местном населении. Согласно данным Центрального комитета Красного Креста, киевские чекисты почти поголовно были алкоголиками, кокаинистами, патологическими садистами, потерявшими человеческий облик и все сильнее, по мере своей «работы», выявлявшие отклонения в психике. Так что, когда по телевидению в очередной раз показывают фильм «Адьютант его превосходительства», сделайте себе соответствующую поправку, прежде чем глотать эту отраву. Ведь чистые и благородные герои фильма — и есть те самые киевские чекисты, тонувшие в крови невинных. Только по официальным (большевистским!) данным, и только ЧК (не считая трибуналов и т. п.), в Киеве были расстреляны более 3 тысяч человек.

Но большевистское владычество на Украине уже шаталось. Деникинское наступление здесь продолжало успешно развиваться несколькими потоками. 3-й отдельный корпус ген. Шиллинга, выступивший с Акманайских позиций в составе 4 тыс. бойцов, вырос вдвое, вышел из Крыма и в начале августа при поддержке кораблей возрождающегося Черноморского флота занял Херсон и Николаев. А 1-й армейский корпус ген. Кутепова завязал бои на подступах к Курскому укрепрайону. Формировались новые полки и дивизии. В конце июля от Добровольческой армии отделилась группа ген. Юзефовича из 2-го армейского и 5-го кавалерийского корпусов (всего около 6 тыс. чел.) и начала наступление на Киев.

Одновременно с успехами деникинцев активизировались другие враги Совдепии. Поляки покончили с делами «внутренними», округлив свое государство за счет германских и литовских земель, Галиции, и двинулись на Белоруссию. 8 августа их войска заняли Минск. Их наступление захватило и северо-западную часть Украины — Сарны, Ровно, Новоград-Волынский. Вовсю развивал успехи Петлюра с оставшимися без родины союзниками-галицийцами. Его войска заняли Жмеринку, перерезав железнодорожное сообщение между Киевом и Одессой. К этому времени относится новое стремительное «вырождение» петлюровцев. Ядро галицийских «сечевых стрельцов», внесшее основной вклад в победы над красными, быстро обрастало отрядами повстанческих «батек», спешивших получить от Петлюры чины, вооружение, денежное содержание, но по сути сохранявших партизанскую организацию, плохо управляемую и мало боеспособ-

ную. Многие входили в подчинение «головного атамана» чисто номинально. Поэтому и оказалось имя этого идейного националиста, враждебного к русским, но достаточно честного, измазанным всякой грязью, вроде грабежей и еврейских погромов. Известно, что самим Петлюрой такие действия строго запрещались (и подтверждение этому можно найти даже у большевика Н. Островского).

Разбитый Махно, отступая по Правобережью Днепра под белыми ударами, в августе оказался прижатым к петлюровскому фронту. Ни малейшей симпатии к националистам и «головному атаману» он не испытывал. Но положение было безвыходным, и Махно вступил в переговоры о переходе на сторону Петлюры. Идеологические аспекты союза батьку нисколько не смущали. Когда требовалось, он легко менял ориентацию и альянсы. Переговоры прошли успешно. Махно сдал на попечение украинского Красного Креста своих многочисленных раненых, а сам с остатками воинства вошел в подчинение Петлюры и занял участок фронта в районе Умани.

У красных на Украине сил было много. Против поляков стояла 16-я армия, по Днепру, от Одессы до Киева, — 12-я, далее — 14-я, севернее — отступающая к Курску 13-я. И одновременно с группой Шорина здесь планировалось наступление на Харьков 40-тысячной группировки бывшего генерал-лейтенанта Селивачева. Предполагалось ударить с двух сторон, 14-й и 13-й армиями на Готню, и 8-й — на Купянск. Но Кутепов опять опередил красных. Их операция намечалась на 16 августа, он начал наступление на три дня раньше. Западная группировка, готовящаяся к прорыву, сама была смята, разорвана и отброшена: 13-я армия — к Курску, 14-я — к Конотопу. Преследуя их, к Курску прорвались два корниловских, алексеевский и кабардинский полки, громящие неприятеля, несмотря на колоссальное численное неравенство.

Более успешным был удар 8-й армии с северо-востока. Он попал в стык между Добровольческой и Донской армиями. Еще не испытывавшая крупных катастроф 8-я армия, взломав слабые фланги, прорвалась вглубь на сотню километров, отбила Купянск, Волчанок, Валуйки, на 40 км подошла к Харькову. Перерезав железную дорогу Харьков — Белгород, большевики захватили даже штабной поезд Май-Маевского. Но этот прорыв носил местный характер, и его быстро ликвидировали. Из-под Екатеринослава сюда перебросили 8-й кавкорпус Шкуро, добивавший там отдельные банды и резавший пополам 12-ю армию. Большевики были отбиты и отброшены к Новому Осколу. Не удержали и его, покотившись дальше. Их группировке пришел бы конец, выполни Мамонтов, находившийся в набеге, переданную ему задачу окружить их. Но казаки сделать этого не смогли — отчасти из-за тактической обстановки, отчасти из-за того, что были уже перегружены трофеями и потеряли маневренность. Это позволило живой силе красных уйти восвояси.

Разгром войск Селивачева открыл Май-Маевскому путь к новым победам. Даже прорыв к Харькову Добровольческая армия восприняла как частную неудачу — движение киевской и одесской групп так и не было приостановлено. В Одессе царила паника. Советский агент из штаба Деникина доносил, что на город идет десант из... 30 транспортов с пехотой. В сопровождении английского дредноута,

крейсеров и эсминцев! На самом деле в операции участвовали несколько отремонтированных русских кораблей, объединенных в эскадру капитана 1-го ранга Остелецкого. В ночь на 23 августа она высадила в районе Сухого Лимана десант — Сводно-драгунский полк в 340 человек. К нему присоединились недорастрелянные одесские офицеры. При мощной поддержке корабельной артиллерии город был взят. Большевики бежали, прервав погрузку эвакуируемого имущества. Южная группировка красных оказалась в окружении. Отдельные отряды присоединялись к Махно, Петлюре, местным батькам, а 45, 46-я дивизии и кавбригада Котовского, объединившись под командованием Якира, пошли по петлюровским тылам на Киев, на соединение со своими.

Одновременно к Киеву стремились различные силы. От Полтавы и Белой Церкви — деникинцы, от Житомира — петлюровцы. 5-й кавкорпус Юзефовича взял Конотоп и Бахмач, оборвав прямую связь Киева с Москвой, а в лоб, громя оборону 12-й армии, шел 2-й корпус ген. Бредова. Большевистская агония Киева была жуткой. В дополнение к местным палачам Москва прислала заместителя председателя ВЧК Петерса, назначив его комендантом Киевского укрепрайона. Лацис стал его заместителем. Естественно, положения на фронте изменить они не могли, но последняя волна террора, обрушившегося на мирное население, перехлестнула все предыдущие. Очевидец писал: «...Ежедневно отряд китайских солдат проводил по улицам 60—70 несчастных смертников. Это была очередная партия, предназначенная в полночь к расстрелу. Ослабленные голодом, пытками, издевательством пьяных чекистов, они с трудом волочили ноги. Уголовных преступников тут вовсе не было. Истреблялись только культурные силы страны. В опубликованных списках перечислялись их звания и род занятий. К концу августа остались лишь чрезвычайки, в них пьяные чекисты с дьявольской жестокостью добивали по ночам несчастных мучеников. В сараях и конюшнях, по дворам чрезвычайек, их убивали холодным оружием, железными вилами и бутылками от вина...»

Но остановить белые роты бутылки от вина, вилы и наемники-китайцы, понятное дело, не смогли, фронт рушился. 30 августа комиссары бежали. С одной стороны в город вступили галицийские стрелки Петлюры, с другой — добровольцы. Население забрасывало цветами тех и других. Ему уже дела не было, кто занимает город — украинцы, немцы, французы, хоть татаро-монголы — только бы не большевики! Между белогвардейцами и галицийцами — Киев брали лучшие части Петлюры — сначала установился естественный мир. Нарушен он был чьими-то провокациями. Несколько выстрелов в деникинцев прозвучало на Александровской улице. Обстреляли их и возле городской Думы, когда они в знак союза решили рядом с «жовто-блакитным» знаменем водрузить российский «триколор». Тогда Бредов вызвал к себе галицийского командира и дал 24 часа, чтобы петлюровцы убрались прочь. Киев остался за добровольцами.

А горожане нескончаемым потоком шли в Липки — ранее квартал богатых и красивых особняков, утопающих в зелени. Их облюбовали красные карательные учреждения, и теперь киевляне, затыкая

носы от нестерпимой вони, смотрели на страшные подвалы, забрызганные толстым слоем человеческой крови и мозга, на вскрываемые захоронения, пытаясь отыскать исчезнувших родных и близких. Чтобы далеко не ходить, чекисты превратили в массовые могильники окружающие особняки клумбы, сады и скверы...

65. СЕВЕР С АНГЛИЧАНАМИ И БЕЗ НИХ

На Северном фронте, в отличие от Северо-Западного, отношения с англичанами сложились братские. С августа 18-го русские и иностранцы сражались тут плечом к плечу, и что такое большевизм, здешнее союзное командование знало не понаслышке. В Архангельском крае иностранное военное присутствие задержалось дольше, чем в других областях России. Причиной были все те же огромные запасы военных материалов в здешних портах, для охраны которых высадились союзные войска. Теперь эти запасы планировалось передать Колчаку. Правда, задуманное для этого ген. Айронсайдом наступление на Котлас — Вятку, как и другие попытки наступательных действий, успеха не имели. Непролазная распутица царила тут до конца лета, а немногочисленные железные и торные дороги были с обеих сторон перекрыты мощными укрепрайонами, прорыв которых лобовыми атаками стоил бы огромных потерь. Поэтому боевые действия продолжали носить позиционный характер.

В связи с окончанием мировой войны состав войск на севере менялся. С открытием навигации для замены обычных воинских частей стали прибывать части из британских добровольцев: в мирное время считалось уже недопустимым подвергать солдат риску без их согласия. В основном иностранцы сосредоточивались на тыловой, охранной службе. Но были и добровольцы, ярко проявившие себя в боях — например, австралийцы. Их отряд «коммандос» был сформирован из охотников на диких зверей. Отчаянно смелые и простые люди, они сошлись душа в душу с русскими партизанами-охотниками и близко приняли к сердцу их беды. Привычные к австралийским лесам и пустыням, быстро освоились с северными болотами и тайгой. Бросались в атаки с ножами в зубах, которыми владели лучше штыков. Один вид их ковбойских шляп наводил ужас на красноармейцев. Командир австралийцев, потерявший в боях обе ноги, был награжден Георгиевским оружием.

Русским властям на севере союзники оказывали подчеркнутое уважение. Так, парадом британских войск по случаю дня рождения короля командовал ген. Айронсайд, а принимал парад русский генерал-губернатор Миллер. Что касается небольшой Северной белой армии, то она была очень неоднородна. Лучшими солдатами здесь были... пленные красноармейцы. В условиях изматывающей позиционной войны красные войска жили впроголодь, а дисциплина поддерживалась свирепыми мерами, в том числе поркой. Исполосованные спины пленных, которые они охотно демонстрировали белым солдатам и жителям деревень, были лучшим средством антикоммунистической агитации. Кроме розог, применялись перевод на голодный паек, тяжелые принудительные работы, расстрелы. Известен слу-

чай, когда за отказ выполнить приказ о наступлении расстреляли целый красный полк. Один из пленных комиссаров выразил уверенность в конечной победе советской власти, потому что она «сумеет силой заставить массы выполнить поставленные ею задачи, ибо для воздействия на несочувствующих она, как власть народная, располагает той роскошью в средствах, которую не могут себе позволить белые». Когда вместо расправ и зверств, о которых рассказывала коммунистическая пропаганда, красноармейцы находили за линией фронта человеческое обращение, хороший паек и обмундирование, они становились лучшими служаками, а требования обычной воинской дисциплины казались им, по сравнению с комиссарскими порядками, раем земным. К тому же они сознавали, что их ждет, попади они обратно к «своим».

Хорошими бойцами были крестьяне-партизаны прифронтовых районов, особенно те, чьи деревни остались у красных. Они знали, что там творится, и сражались отчаянно. Но у партизан не все ладно было с дисциплиной. Они были привязаны к родным местам, не соглашаясь на переброску на другие участки фронта. Отличались они и жестокостью, действуя по принципу «око за око, зуб за зуб». А худшими солдатами были мобилизованные жители тыловых районов — богатых сел с собственными рыбными промыслами, развращенных сытой и привольной жизнью, а также городов — Архангельска, Холмогор, Онеги, где свила себе гнезда нелегальная большевистская и легальная эсеровская пропаганда. А пропаганда говорила, что слухи об ужасах, творящихся в Совдепии, — ложь и клевета. Что помощь союзников — вмешательство международного империализма во внутренние русские дела. Что в Европе занимается пожар мировой революции. Следовали призывы прекратить «братоубийственную бойню» (интересно, что односторонние, — по другую сторону фронта большевики за подобные призывы расстреливали).

После того как в Москве меньшевики и эсеры в самоубийственном ослеплении заключили с коммунистами «перемирие», решив объединить силы против «контрреволюционных белых генералов», их организации на местах тоже повели линию своих руководящих органов. Утверждалось даже, что «в центре России партии социалистов объединились и создали один центральный комитет», что «войскам Учредительного Собрания дан приказ не вступать в бой с большевиками». Эсеровские позиции в среде северного крестьянства были сильны. В результате пропаганда всех партий — и социалистов, и коммунистов — дудела в одну дуду. Пропаганда и была главным большевистским оружием в позиционной войне. Были разработаны даже инструкции со строгой схемой таких боевых действий. Сначала разложение частей. Потом образование в них нелегальных коммунистических ячеек. Ячейкам предписывалась образцовая служба, строжайшее чинопочитание, рекомендовалось выбиваться в лучшие, в фельдфебели, унтер-офицеры, приобретая наибольшее влияние на солдат и доверие командиров. Затем следовало установление связи с красными. Когда выступление считалось подготовленным, заговорщики получали от неприятеля детальный план открытия фронта во взаимодействии с наступлением большевиков.

Кое в чем легкомысленно наломало дров английское командова-

ние. С момента захвата власти белыми в тюрьмах Архангельска копились коммунисты. Здесь же не было чекистских порядков, чтобы всех арестованных пускать «в расход». Здесь действовало российское законодательство — следствие, судопроизводство. Кстати, на Севере применялись самые мягкие из русских законов — Временного правительства. Смертная казнь — только на фронте за тягчайшие воинские преступления. Естественно, судебные органы в таких условиях не справлялись (ни о каких процессуальных «упрощениях» права и речи не было, все — строго по закону!) Тюремные переполнялись. В них появился тиф, что вызвало резкую критику правительства со стороны социалистов. Впрочем, ревизия международного Красного Креста установила, что заявления об эпидемии и «свирепствующем» тифе преувеличены.

Ген. Айронсайд, введенный в заблуждение отличной службой плененных красноармейцев, решил по-простому, по-военному ликвидировать эту проблему и, прихватив прокурора, лично поехал по тюрьмам набирать добровольцев. Все «раскаявшиеся в заблуждениях» тут же освобождались, и из них сформировали Дайеровский батальон (названный в честь геройски погибшего на севере английского капитана Дайера). При этом британцы совершенно не учли, что в тюрьмах сидели не рядовые красноармейцы, а коммунисты и агитаторы. Например, знаменосцем стал бывший уездный комиссар. Добровольцам дали усиленный «английский» паек, превосходивший русский, назначили командование из британских и русских офицеров...

В результате всех этих факторов по фронту одно за другим показались восстания. Сначала на Пинеге, в 8-м Северном полку. Перебили часть командиров, несколько офицеров подорвались гранатами, чтобы не попасть в руки красных. Восстание было подавлено местными крестьянами-партизанами, с большой жестокостью принявшимися истреблять изменников. В Двинском укрепрайоне взбунтовался батальон 3-го Северного полка. Перебил офицеров и попытался захватить артиллерию. Сотня человек, оставшихся верными долгу, отбила атаки и отступила, протащив на руках без дорог 70 км свои четыре пушки. Потом оказалось, что в батальон попали большевики, специально засланные в плен, чтобы в числе других плененных попасть на белый фронт. В июле, опять в Двинском районе, восстал Дайеровский батальон. Уничтожил свой штаб из английских и русских офицеров, напал на штаб укрепрайона, но был отбит пулеметной командой. Дайеровцев разбили оставшиеся здоровыми подразделения 3-го полка. Большинство сбежали через фронт. Кто попался, разъяренные англичане перестреляли на месте, без всякого «судопроизводства».

Вслед за этим восстал 5-й Северный полк на Онеге. Часть офицеров утащили к красным, 12 человек покончили с собой. Одновременно большевистская дивизия Уборевича перешла в наступление, захватив г. Онегу и его окрестности. Были попытки восстаний в 6-м и 7-м Северных полках, но их вовремя пресекли. В 6-м это произошло в последний момент. Изменившую роту, готовившуюся открыть фронт, взяли под арест и заменили надежными войсками. Густые колонны красных, вышедшие ночью к установленному месту с криками: «То-

варищи, не стреляйте, свои!» — были встречены шквальным артиллерийско-пулеметным огнем и понесли огромные потери.

Эти инциденты серьезно отразились на настроениях английского командования. Айронсайд из чрезмерного оптимизма впал в пессимизм. Британская пресса склоняла его вдоль и поперек. Его обвиняли в гибели английских офицеров из-за дайеровского эксперимента, обвиняли во введении в заблуждение английской общественности относительно настроений русского народа и русской армии. О здешней жизни писали на родину и солдаты экспедиционного корпуса. Сообщали, что население сильно заражено большевизмом и относится к иностранцам враждебно. (Оно и понятно — ведь эта зараза гуляла как раз по тыловым районам, которые прикрывало большинство британских солдат.) А письма военнослужащих попали в руки рабочей партии. Последовал запрос в британском парламенте — кого, собственно, поддерживает в России английская армия и не пора ли вернуть ее домой?

Да и основная цель пребывания здесь союзников исчезла. Армия Колчака, которой предполагалось передать архангельско-мурманские запасы вооружений и имущества, уже откатывалась далеко на восток. План какого-либо соединения с ним становился неосуществимым. И было принято решение об уходе союзников с Севера. В это же время тут сменился главнокомандующий русской белой армии. Ген. Марушевский, человек порыва, вначале энергично взявшийся за реорганизацию войск, все больше терял уверенность и устранился от дел. В практической работе его все чаще подменял генерал-губернатор Архангельска Евгений Карлович Миллер. Восстания в войсках, которые Марушевский считал надежными, неуверенность из-за предстоящего ухода союзников окончательно подорвали дееспособность Марушевского, и он ушел со своего поста. Главнокомандующим стал Миллер.

В июле в Архангельск прибыл видный британский полководец фельдмаршал Роулинсон, победитель Германии в последнем сражении на Сомме. Он приехал в качестве «специалиста по эвакуации», имея опыт вывода войск после неудачного десанта на Дарданеллы. Успешно прошла последняя совместная с англичанами Двинская наступательная операция. При их активной поддержке 3-й Северный полк одержал победу, взяв в плен полк красных вместе со штабом бригады. А дальше союзники собрались уезжать. В отличие от одесских французов, готовились основательно. Для обеспечения эвакуации прибыли лучшие войска из шотландских стрелков, много кораблей, боевых и транспортных. Кроме того, опять же в отличие от Одессы, русских соратников отнюдь не бросали на произвол судьбы. Считая, что оставаться в Архангельске было бы для 20-тысячной Северной армии авантюрой, английское командование предложило эвакуировать ее на любой другой фронт — к Юденичу или Деникину. Предлагали эвакуировать и мирных жителей, не желающих оставаться под большевиками, обещая взять не менее 10 тыс. чел. Колчак, запрошенный об этом радиogramмой, оставил решение вопроса на усмотрение Миллера.

12.08 было созвано совещание русских начальников для обсуждения сложившейся ситуации. Доводов в пользу эвакуации было мно-

жество. В случае военной неудачи армия обрекалась на катастрофу. Отступать было некуда. По окончании навигации море замерзло. Даже ледоколы пробивались по неделе, а то и по две через торосы, скапливающиеся в узком горле Белого моря. У русского флота не было угля. Англия его поставить не могла, сама испытывая в нем недостаток. Британские портовые профсоюзы бдительно следили, чтобы уголь не отгружался на «контрреволюционные» нужды. Доходило до того, что русские ледоколы, пришедшие в Англию для ремонта, снарядили и выпустили только по фиктивным документам — якобы они направляются во Францию. Команды кораблей были заражены большевизмом и ненадежны. А отступление сухим путем в сторону Мурманска в здешних природных условиях представлялось нереальным.

Почти все командиры полков были за эвакуацию с англичанами. Опасались необеспеченности тыла — до сих пор у Северной армии не было даже собственных тыловых органов, всем снабжением ведали союзники. Наконец, после недавней цепи восстаний возникали сомнения в надежности войск. Никто не мог ручаться за своих подчиненных. Предлагался и довольно перспективный компромиссный вариант. Не оставляя целиком Северной области, попросить англичан «подбросить» до Мурманска. Отобрать туда на добровольных началах надежную часть армии. Забрать все плавсредства и лояльную, не зараженную коммунизмом часть населения, предоставив тем, кто симпатизирует красным, попробовать их власть на себе. А дальше воспользоваться богатыми мурманскими складами и действовать на Петрозаводск, помогая Юденичу в операциях против Петрограда. В случае неудачи рядом были Финляндия и Норвегия, в тылу — незамерзающее море.

Штаб главнокомандующего предлагал остаться. Сыграл свою роль успех только что завершившейся Двинской операции. Приводились доводы, что оставление Архангельска разорвет кольцо белых фронтов вокруг Совдепии, вызовет неблагоприятный для Белого Движения политический резонанс. Успех, который наверняка раздули бы большевики, мог сказаться на настроениях солдат других армий, жителей центральных губерний. Да и оставление красным инертного, не верящего в их зверства населения представлялось негуманной мерой. Англичане уговаривали эвакуироваться. Выражали готовность перевезти и в Мурманск, если русским так будет угодно. Тем не менее было принято решение остаться и сражаться одним.

Нельзя забывать, что это было время максимальных успехов на белых фронтах. Наступал Деникин, готовился к наступлению Юденич, еще наносил контрудары Колчак. Казалось, еще немного, еще чуть-чуть... И в тылу под влиянием этих побед тоже возникла волна энтузиазма. «Нейтральная» часть населения склонялась к белым, вызывая иллюзию активной поддержки. Миллер сказал, что «не знает в военной истории ни одного случая, чтобы главнокомандующий без натиска неприятеля, имея налицо успех на фронте и поддержку населения в тылу, оставил без боя фронт». Принять ответственность за такое решение он не мог. Один из представителей английского командования говорил, что «вашему главнокомандующему надо было иметь гораздо больше мужества, чтобы уйти из Архангельска, чем остаться в нем». Вместо эвакуации было намечено общее наступление.

Подготовка союзников к уходу в разных слоях общества отзывалась по-разному. Активизировались левые силы. Было созвано земско-городское совещание, подвергшее резкой критике правительство. Результатом стала реконструкция власти. Правительство значительно полевело, вобрав в себя изрядную часть эсеров. Хотя совещание подняло дух населения воззваниями к обороне против коммунистов, оно тут же принялось вмешиваться в деятельность властей проектами «демократизации». В частности, требовали полной амнистии осужденных за большевизм. От этого требования судебное ведомство отбилося, указав, что по закону амнистия — прерогатива верховной власти, т. е. правительства Колчака. Но вместо этого Северное правительство начало кампанию по «персональному помилованию», выпуская одного за другим заключенных. Возмутились солдаты на фронте — зачем проливать кровь в борьбе с большевиками, если в тылу их выпускают на свободу? Недовольными «половинчатым решением» остались и левые. Профсоюзы устроили в Архангельске всеобщую политическую забастовку рабочих под лозунгами амнистии, отмены смертной казни на фронте, прекращения гражданской войны. Забастовка случилась 1.09, в день начала наступления, так что на фронт не были вовремя отправлены баржи со снарядами.

Эсеровская газета «Возрождение Севера» всю ругала Колчака — «теперь всякий проходимец пытается захватить власть путем обещания доставить голодному народу хлеб», офицеров, которые «позволили себе в пьяном виде свергнуть Директорию». Вдохновителями волнений были не только большевики, но и их противники. Заграничная группа Керенского и свергнутой сибирской Директории прислала в Архангельск эмиссаров с директивами своим сторонникам: что, мол, дни советской власти сочтены, поэтому «демократия» должна немедленно приступить к захвату власти в белых областях, иначе эта власть так и останется у «буржуазии, кадет и белогвардейского офицерства».

Наконец произошло восстание в каторжной тюрьме на острове Мудьюг. Заключенные перебили конвойных, пытались захватить оружие, но 7 стражников охладили их пыл пулеметным огнем. 52 арестанта сбежали. Почти всех поймали крестьяне. Судили, 11 зачинщиков расстреляли. Причем выяснилось, что среди зачинщиков оказались именно те лица, о которых ходатайствовало земско-городское совещание, ручаясь за их невиновность и лояльность. Это отрезвило многих сторонников «демократизации». Кампания по помилованию прекратилась. Да и Миллер круто взялся наводить порядок, используя вполне законное право главнокомандующего — высылку неблагонадежных элементов из прифронтовой зоны. Стачечный комитет, организовавший забастовку, арестовал и выслал на Печору. Еще 1200 человек — 800 осужденных и 400 в административном порядке — отправил на полуостров Иоканга, недалеко от Мурманска. Эти меры оздоровили обстановку и утихомирили горячие головы. В Архангельске было создано ополчение в 2 тыс. чел. из непризывных лиц для охранной службы и поддержания порядка вместо английских патрулей.

Между тем британцы вывешивали красочные объявления об отправке каждого парохода, призывая всех желающих поторопиться с

отъездом. Но уезжали немногие — те, у кого были средства, возможность устроиться за границей, какие-то связи или родственники в Прибалтике, на юге, в Закавказье. Большинство оставалось ждать своей судьбы в Архангельске. Русская армия оставалась на фронте, но было предложено уехать по желанию всем солдатам и офицерам, принадлежащим к «самоопределившимся» нациям — полякам, прибалтам, грузинам и др., а также добровольцам, состоявшим на службе в смешанных славяно-британских легионах — им предоставлялся выбор: подчиниться решению русского командования или уехать с британской армией, в подчинении которой они числились. Кто-то остался, кто-то нет. С отводом иностранных войск на эвакуацию началось уничтожение огромного количества имущества. Сжигались аэропланы, топились в реке автомобили, боеприпасы, обмундирование, консервы. На недоуменные вопросы британское командование ответило, что Северная армия уже с избытком получила снабжение для ее состава, а излишки ликвидируются, чтобы не попали к большевикам, поскольку англичане не верят, что белые удержатся без них.

Производилось это среди бела дня, на глазах многочисленных зрителей, оставляя похоронное впечатление. Возможно, прилюдная ликвидация имущества была последней мерой, которой англичане пытались подтолкнуть белое командование и колеблющихся жителей к эвакуации. В ночь на 27 сентября последние иностранные корабли отчалили из Архангельска, оставив о своем годичном пребывании здесь куда более приятные воспоминания, чем французская оккупация Юга. Отходу последних кораблей предшествовала довольно серьезная паника среди гражданского населения и в армейских тылах. Опасались большевистского восстания, попыток переворота. Но ничего не случилось. Нигде порядок не был нарушен. Через 2 недели Миллер отменил объявленное на случай беспорядков осадное положение.

А на фронте вообще дела пошли неожиданно блестяще. 1 сентября началось наступление на всех участках, и везде была одержана решительная победа. Войска всех районов соревновались друг с другом в успехах. «Волчья сотня» — 60 офицеров и 100 солдат-добровольцев — снова отбила у большевиков г. Онегу с окрестностями. Заметное продвижение было и на других направлениях. Северная армия взяла 8 тыс. пленных — чуть ли не половину собственной численности. Такой победы здешний фронт еще не видел со времени своего создания. Было много причин, определивших этот успех. Во-первых, красные не ждали сильного удара в момент эвакуации союзников. Предполагали, наоборот, ослабление боеспособности противника и уход в глухую оборону. Во-вторых, белогвардейцы были воодушевлены победами на других фронтах. В-третьих, их поддерживали крестьяне, только что собравшие урожай и не желавшие отдавать его продотрядам. А в-четвертых, дала совершенно неожиданные плоды усиленная большевистская пропаганда о «хищничестве» и «корыстных целях иностранных капиталистов». Многие солдаты заявляли: «Для англичан мы не желали захватывать землю, а для себя будем».

66. «ГУЛЯЛ ПО УРАЛУ ЧАПАЕВ-ГЕРОЙ...»

Нам очень и очень мало известно о самоотверженной борьбе Уральского казачества. А ведь это, наряду с Добровольческой армией, был один из двух старейших и надежнейших очагов Белого Движения. Ни разу начиная с 1917 г. большевикам не удалось полностью покорить уральцев. Ни разу, в отличие от Дона, Кубани, Забайкалья, здешние казаки не перекидывались на красную сторону, не поддавались на посулы агитаторов. Как уже отмечалось, стойкости уральцев немало способствовало то, что они были староверами. И если для многих «просвещенных» россиян религия давно уже стала формальностью, а официальная церковь выступала в качестве придатка светской власти, то старая вера никакого касательства к земным властям не имела. Она была духовным достоянием каждого казака, стержнем его жизни. Староверчество углубляло и традиционный казачий консерватизм. Патриархальный уклад жизни тут сохраняли так же, как «крест и бороду». Слепо хвататься за модные нововведения и взгляды не спешили, подозревая, что все может быть «от лукавого». И большевиков Урал воспринял однозначно — как пришествие антихриста, о котором староверчество толковало вот уже 250 лет, примеряя к данному образу то одного, то другого из своих гонителей. А мог ли антихрист своими посулами смутить казаков, склонить к примирению с собой и к гибели души?

Свидетельств о войне, более двух лет непрерывно гремевшей по здешним степям, почти не сохранилось. На Дону, на Кубани было много интеллигенции, оставившей нам свои воспоминания. Уральские бородачи-староверы были не горазды владеть пером. Шашкой да винтовкой — другое дело... И Персия, принявшая в конце борьбы остатки их воинства, совсем не походила на Париж, Берлин, Харбин, где осколки русской общественности пытались собирать и систематизировать следы недавней истории. Обходили тему борьбы с уральцами и большевистские источники. Не влезала она в традиционные схемы их штампов. Тут не переходили на сторону красных «обманутые», услышав комиссарское «слово правды». Не восставали против «белого произвола». Не раскалывались станицы — «бедные» против «богатых», сын против отца. Да и громких побед, коими большевики могли похвастать на страницах мемуаров, тут было не так уж и много.

Кое-какие сведения открываются при простом сопоставлении фактов. Красные войска заняли Уральск и пытались вести наступление на Гурьев в январе-феврале 1919 г. В то же время, что вступили на Дон. И восстание в оккупированных ими уральских районах вспыхнуло одновременно с Вешенским — в марте-апреле. Не указывает ли это на общность причин? Ведь знаменитая директива Оргбюро ЦК от 24.01.19, провозгласившая казачий геноцид, нигде не оговаривала, что относится только к Донской области. В ней шла речь о казачестве вообще. Части Восточного фронта, реввоенсоветы подчинялись тому же Троцкому, что и части Южного фронта. А здешние совдепы — тому же Совнаркому. Почему же они должны были иначе проводить политику «расказачивания»? Палачей и карателей здесь своих хватало. Известно, например, что некий уполномоченный Ружейников, при-

бывший в Уральск для исправления «перегибов» (как и на Дону — уже когда поздно было, когда припекло), выпустил из тюрем более 2 тыс. казаков как «невинно арестованных председателем областного ревкома Ермоленко». А скольких не выпустил? А скольких уже поздно было реабилитировать?

Разница между Уральским и Вешенским восстаниями заключалась лишь в том, что тут оно возникло не в тылу, а на фланге красного фронта и не находилось в изоляции. До середины лета казаки могли поддерживать связь с Колчаком, получать припасы и снаряжение. С февраля 19-го существовала связь с Деникиным. Через Петровск (Махачкала) в Гурьев морем высылались обмундирование, деньги, боеприпасы, оружие — вплоть до броневигов. Восстание ширилось, вбирая в себя и крестьян. Отдельные отряды уральцев добирались до Волги, выходили к Иргизу, Ахтубе, дальним подступам к Саратову и Астрахани. Армия, которую возглавлял генерал-майор В. С. Толстов, достигала 20—25 тыс. штыков и сабель. Ленин писал 22.05.19: «Из до-несения Мехоншина вытекает с несомненностью абсолютная необходимость покончить с восстанием немедленно, ибо иначе мы даже не в силах отстоять Астрахань».

Колчаковская Ставка использовать силы уральцев так и не сумела. Зато Фрунзе сумел использовать все традиционно слабые стороны казачества, оставив в Уральске лишь одну 22-ю дивизию, но создав там долговременную оборону на основании разработок Карбышева — перекрыли укрепленными узлами дороги, господствующие высоты, складки местности. И основная масса казачьих войск завязла под Уральском, не в силах ни взять его, ни оторваться от своей «столицы». Что касается остального многокилометрового фронта, то до поры до времени Фрунзе хладнокровно бросал туда части пополнения, плохо обученные и вооруженные. Они быстро погибали, но создавали видимость сплошной обороны и играли роль сдерживающего фактора, чтобы не отвлекать от выполнения главных задач «настоящих» фронтовых войск. В качестве такого «брошенного куска» послужил, например, Рязанский коммунистический полк, уничтоженный в первом же столкновении.

Лишь после разгрома колчаковской Западной армии и взятия Уфы за казаков взялись серьезно. Дальше ограничиваться пассивной обороной красные не могли — к Царицыну вышел Врангель, его разъезды уже вступали в контакты с уральскими. И от Уфы на Уральск повернули 25-ю дивизию Чапаева. Оказать серьезное сопротивление такому мощному кулаку казаки не могли: у Чапаева было 11 пехотных полков и 2 кавалерийских, 24 орудия, 4 броневигов, авиаотряд, 2 разведывательных кавдивизиона, командная школа, спецподразделения. Лишь у станицы Соболевской уральцы попытались атаковать Чапаева при поддержке двух броневигов, но были отбиты и после этого ограничивались партизанскими налетами на обозы, тыловые подразделения, стычками разъездов. Части ген. Савельева сняли осаду Уральска, и 25-я дивизия соединилась с оборонявшей город 22-й дивизией Сапожкова. Развивая успех, эта группировка двинулась на юг, к Каспийскому морю. Чапаев взял Лбищенск (ныне Чапаев), Сапожков — станицу Сломихинскую...

А дальше застопорилось. Казаки дрались отчаянно. Маневрировали, неожиданно нападая и неожиданно рассеиваясь в степи. Отравляли и засыпали колодцы. Казачки сыпали яд в пищу красноармейцев, погибая при этом и сами. То там, то здесь полыхала от поджогов степь. Перелистывая книгу Фурманова «Чапаев», вы без труда обнаружите разницу в описании зимних и летних боев. Хотя они шли по тем же местам — та же Сломихинская, тот же Лбищенск. Одна и та же война, но зимой это — обычные боевые действия. Трудные, опасные, зато с лихостью и удачью. И отношение местного населения сносное. Помните — даже изнасилованная казачка прощает обидчика, чтобы его не расстреляли. И совсем другое — при летнем вторжении в эти края. Горящая степь, вырезанные обозы, блуждающие в степи зловещие огни мстителей...

Разница объясняется очень просто, ее не скрывает и сам Фурманов: «Казацкие войска не гнать надо, не ждать надо, когда произойдет у них разложение, не станицы у них отнимать одна за другою... Уничтожение живой неприятельской силы — вот задача, которую поставил Чапаев перед собою». Т. е. в первый раз Чапаев пришел на Урал в качестве воина, во второй раз — в качестве карателя. И отношение к нему и его дивизии стало соответствующим. В дополнение к 22-й и 25-й Фрунзе бросил сюда еще и 50-ю дивизию. Положения она не изменила. Красные застряли в уральских степях прочно.

Поражение под Уфой и мясорубка под Челябинском разорвали армию Колчака надвое. Остатки его регулярных частей откатывались в Сибирь. Для их преследования в составе Восточного фронта оставались 3-я и 5-я армии. Но по границе Казахстана уцелели и сохранили силу войска, которые колчаковский штаб так и не смог использовать: Южная группа ген. Белова, в подчинение которой вошли Оренбургская армия Дутова и Уральская — Толстова. Для их разгрома в августе образовался новый, Туркестанский фронт во главе с Фрунзе из 1, 4, 11-й армий и войск, находящихся в Туркестане. Главный удар обрушился на Белова, совершенно забытого омскими стратегами и продолжавшего выполнять бессмысленную задачу по прикрытию Актюбинской железной дороги, потерявшей всякое значение. Южную группу атаковала 1-я красная армия Зиновьева, во фланг наносило удар правое крыло Восточного фронта (части 5-й армии), а в тыл — Казалинская группа войск Астраханцева с территории Средней Азии. Казаки Белова и Дутова от Оренбурга начали отход на Орск и Актюбинск. Им удалось было зацепиться на рубеже реки Илек, но, подтянув крупные силы, красные прорвали оборону. В обход Актюбинска Фрунзе направил сильную Татарскую бригаду, сформированную в Казани.

Ход был не только военным, но и политическим. Бригада пошла по местам, населенным мусульманскими народами, башкирами и киргизами (казахами). Татары были для них «своими», и население принимало сторону красных. Бригада проникла глубоко в тылы белых до ст. Джурун. Под влиянием поражений, угрозы окружения, шатания тыла начался распад группы Белова—Дутова. Опять изменили башкиры, составлявшие значительную часть Оренбургской армии. Как и в январе, едва пошли неудачи, они кинулись на сторону крас-

ных. К большевикам перешли Башкирская кавбригада Муртазина и Оренбургская стрелковая дивизия. Русские казаки, оторванные от своих станиц, окруженные враждебным мусульманским населением, потеряли всякую надежду на успех и стали разбегаться. Пали Орск и Актюбинск. У станции Челкар, в пустынях между Эмбой и Аральском, остатки Южной группы были зажаты с двух сторон частями 1-й армии и Казалинской группы. В окружении они приняли последний бой. Белову и Дутову с несколькими поредевшими сотнями удалось прорвать кольцо. Дутов ушел в Семиреченскую область, а оттуда в Китай. Судьба генерала Белова неизвестна. До своих он не добрался. В результате этой операции Совдепия соединилась с Туркестаном.

А уральцы продолжали сопротивляться. За месяц тяжелых боев красные смогли здесь продвинуться всего на 80 км от Лбищенска. Чапаев начал штурм станицы Сахарной и взял ее, но с огромными потерями. А пока штурмовал, казаки захватили и вырубili его обозы. В степи действовали неуловимые конные отряды. В погоне за ускользающими уральцами 25-я дивизия разошлась на 200-километровом пространстве. В ночь на 5 сентября один из казачьих отрядов в 300 сабель при 1 орудии и 1 пулемете, двигавшийся от Сахарной к Сломихинской, наскочил на Лбищенск. Красных там было больше — 300 курсантов дивизионной школы, штаб и политотдел дивизии, связисты. Но налет был стремительным и неожиданным. Казакам помогало местное население, указывая дома, где стояли красные. По всей вероятности, жители Лбищенска приняли и непосредственное участие в истреблении большевиков. Около 400 чел. было убито, многие уведены в плен. Погиб и Чапаев. Единой версии его смерти нет — отраженная в кинофильме основана на рассказе одного из уцелевших связистов, но она не единственная. Чапаев был незаурядным организатором, талантливым командиром и стихийным крестьянским вожаком. Но на Урал он пришел как каратель — и получил как каратель.

Дивизию принял Кутяков. В отместку за Чапаева он повел еще более жестокую войну. Сжигались дотла населенные пункты, уничтожались поголовно пленные и все «подозрительные». А победить казаков красные так и не смогли. Измотанные и потрепанные маневренной партизанской войной, они вынуждены были начать отход на север, к Уральску, оставив свыше 100 км территории, в том числе и Сахарную с Лбищенском.

67. ПОСЛЕДНИЕ ОПЕРАЦИИ КОЛЧАКА

После уральских катастроф у Колчака осталось на фронте всего около 50 тыс. штыков. Да и это число было весьма условным. Отступление уже превратилось в исход. Из уральских городов вместе с белыми уходили их семьи — женщины, дети. Правильное снабжение давно разрушилось, и войска везли за собой все свое хозяйство — припасы, имущество, продовольствие. В результате отступающие части вырождались в огромные обозы, утрачивая остатки боеспособности. В дивизиях оставалось по 400—500 активных бойцов, прикрывающих

колонну из 4—5 тыс. повозок с соответствующим количеством обозных и нестроевых. Дивизии, которые удавалось вывести на переформирование в резерв, по численности не удавалось довести до полноценных батальонов. Армия осталась без тяжелой артиллерии. И почти без пулеметов, потому что вместо заказанных пулеметов Колча союзники щедро снабдили Колчака (не в порядке благотворительности — за золото!) тысячами пулеметов Сен-Этьена, неуклюжими машинами «траншейного типа» на высоких треногах, совершенно непригодными для полевой войны и снятыми с вооружения во всех армиях. Естественно, войска побросали этот самоубийственный хлам в первую очередь.

Наступающие красные соединения сливались воедино, укрупнялись. Происходило это вынужденно — одну за другой армии и дивизии снимали с Восточного фронта, перебрасывая на Южный. А остающимся приходилось увеличиваться. Набирали пополнения мобилизациями на местах, ставили в строй пленных колчаковцев. Тут уж им вольнодумство быстро укорачивали: вместо скороспелого офицера из вчерашних юнкеров теперь солдатам в спину смотрели пулеметы комиссаров и интернациональных рот — попробуй, послушайся! Чем меньше оставалось здесь красных дивизий, тем больше становилась каждая из них. А колчаковская армия, наоборот, дробилась и мельчала. Несмотря на уменьшение численности, в ней оставалось прежнее количество штабов и управленческих структур — Ставка главнокомандующего, 5 армейских штабов, 11 корпусных, 35 дивизионных и бригадных... Это дробление затрудняло управление войсками, вносило путаницу, опять же, выключало множество людей из боевого состава. А разогнать лишние структуры, реорганизовать их — вскипало самолюбие генералов. Решительного начальника, способного твердой рукой навести в этом деле порядок, в Сибири так и не нашлось. Впрочем, вина Колчака здесь невелика — для реорганизации все равно потребовалось бы время, хоть небольшая передышка, которой у белогвардейцев не было.

Отступление приобрело характер устойчивой инерции. Даже на рубеже многоводного Тобола остаткам колчаковских армий зацепиться не удалось. Они покатались дальше. Все более реальной становилась угроза самому Омску. Для выхода из катастрофы предлагалось два плана. Автором одного из них был военный министр ген. Будберг, доказывавший, что обескровленные войска не способны к наступательным боям. Он предлагал создание долговременной обороны по р. Ишим — задержать красных хоть на пару месяцев, пока сибирская зима не прервет боевые действия. А за зиму укрепить, подготовить резервы, тем более что на Юге удача клонилась в сторону Деникина, и многим казалось, что для победы надо только выиграть время.

Автором другого плана был главнокомандующий ген. Дитерихс. Учитывая, что красные, непрерывно наступая от Волги до Тобола, должны были выдохнуться, он предлагал собрать все, что можно, и нанести им встречный удар. План Дитерихса тоже имел положительные стороны. Даже в случае частичной удачи он позволил бы переломить настроения отступательной инерции, способной свести на нет

попытки пассивной обороны. Позволял отвлечь внимание и часть красных сил от главного, деникинского направления. Дитерихса потом обвиняли в чрезмерно оптимистичных оценках морального и боевого состояния остатков армии. Он не учел постоянной подпитки красных свежими силами — поэтому выдохлись они куда меньше, чем можно было предположить. Не учел он и насаждаемой большевиками драконовской дисциплины: еще в январе 19-го каждая победа, взятие каждого города действовали на красноармейцев разлагающе, и главнокомандующий считал, что таким же разложением скажется на них захват богатых уральских городов... Но сейчас трудно судить, сулил ли и вариант Будберга хотя бы временный успех. Он тоже имел опасные недочеты. При подавляющем неравенстве сил пассивная оборона, растянутая на огромном фронте, вряд ли могла быть прочной. Что стоило красным обойти ее или прорвать, сконцентрировав силы на узком участке? Такой опыт у них уже был при форсировании Белой и взятии Уфы. А учитывая подорванное моральное состояние белых войск, можно прийти к выводу, что прорыв тут же обернулся бы общей катастрофой. Кроме того, Будберг предполагал, что природные условия Сибири прервут на зиму боевые действия. Как мы знаем, зимой 1919/20 г. красные не приостановили своих операций, несмотря ни на какие природные условия. Наконец, оба плана ставил под сомнение рушащийся с каждым месяцем и раздираемый противоречивыми течениями сибирский тыл.

Как бы то ни было, Колчак принял вариант Дитерихса. Для последнего удара собрать все, что можно, и добиться перелома... Но что же еще можно было собрать? Лучшие силы офицерства и интеллигенции война уже подмела. Деревня больше уже не давала пополнений, войдя во вкус партизанщины. Не давали пополнений самостийные казачьи области — атаманщина вела собственные внутренние войны, собственную политику, а Колчак, тем более проигрывающий сражения, был ей без надобности. Несколько полков дал суровый Анненков. Но его «черные гусары» и «голубые уланы», ходившие по струнке под тяжелой рукой атамана, едва лишь вышли из-под этой руки, будто с цепи сорвались. Не доехав до фронта, занялись в Петропавловске такими грабежами, что по приговору военно-полевого суда тут же были расстреляны 16 человек.

Пробовали возродить принцип добровольчества. Объявили выгодные условия: контракт на 6 месяцев, после чего доброволец получает в собственность летнее и зимнее обмундирование, 5 тыс. руб. премии. Записываться ринулись сомнительные элементы из безработных и люмпенов, рассчитывающие, что зимой войны не будет, зато обеспечены жратва, тепло и деньги, а весной контракт истечет. Пытались воссоздать добровольчество на религиозной основе, формируя дружины «Христа Спасителя», «Богоносцев» (из староверов), «Зеленого Полумесяца» (из мусульман). Набрали хороший, крепкий отряд... численностью в 200 чел. Причина та же — все идейные добровольцы, желающие бороться с большевизмом, ушли в Белую гвардию еще год назад...

Старались собрать на фронт гарнизоны, несущие охранную службу в городах. Обратились к союзному главнокомандующему ген. Жа-

нену с просьбой заменить эти гарнизоны иностранцами. Жанен в округлых выражениях отказал — чехи, составлявшие основу его войск, совершенно разложились и становились неуправляемыми. Они даже заключали «прямые» договоры с партизанами, обязуясь не трогать друг друга. В Омске осело много бывших пленных из Карпаторуссии. Миротлюбивые и неприхотливые, они специализировались на черных работах, были хлебопеками, ассенизаторами. В составе белых войск существовал отличный карпаторусский батальон, очень добросовестно несший службу. Обратив на это внимание, решили мобилизовать и других карпаторуссов. Но результат был плачевным. Часть разбежалась, а другие, озлобленные мобилизацией, открыто заявляли, что им бы только до фронта добраться, а там они посчитаются с обидчиками. И прежний надежный батальон растворился во враждебной массе.

Основная ставка делалась на то, чтобы поднять Сибирское казачество, к землям которого уже вплотную приступали большевики. Да только вот в отличие от донских и уральских собратьев здешние казаки еще не испытали на своей шкуре коммунизм. И не перебесились, не испробовали горьких плодов «самостийности». А едва их возвели в ранг единственных спасителей отечества, казаки попросту обнаглели. В Омске заседала Казачья Конференция — что-то вроде общего Круга всех восточных войск. Она принялась сыпать резолюциями об «автономии», которая все чаще понималась в качестве полного неподчинения верховной власти. Сибирским атаманом был Иванов-Ринов, человек далеко не умный, с политическим и военным кругозором провинциального полицмейстера, коим он и был до революции. Сменить эту фигуру Колчак уже не мог — атаман был выборным, а не назначаемым. Волей-неволей приходилось не только считаться с подобной личностью, но и делать на нее основную ставку!

Деникина, Корнилова, Врангеля самостийники потом часто обвиняли в том, что они давили «казачьи вольности», даже постфактум объясняли этим их поражения. Но Колчак-то повел как раз обратную линию — ради главного, ради спасения России он шел на любые уступки казачеству! Черт с ними, только бы дело делали... Да и не та у него сложилась ситуация, чтобы что-то «давить». Иванов-Ринов запросил 102 млн. рублей, обмундирование, оружие, седла, лошадей на 20 тыс. чел. Ему дали. Он запрашивал еще и еще. Все удовлетворялось. Фактически весь аппарат снабжения переключился на казаков, прекратив обеспечение фронтовых частей. Атаман завел особых «вынюхивателей», отыскивающих, что и где еще лежит на складах и в эшелонах. И по этим наводкам греб для казаков любое имущество в неограниченных количествах, угрожая в противном случае их невыходом на позиции. Станицы засыпались подарками, денежными пособиями, рулонами сукна и ситца, и после попоек выносили «демократические» постановления встать, как один, за Россию. Когда же дошло до дела — пыл угас. Подходила пора убирать урожай, отрываться от дома никому не хотелось. Некоторые казачьи части все же погружались в эшелоны — как на праздник, взяв с собой жен и запасы водки. А в других станицах выносились уже иные постановления, тайные — что не следует посылать казаков на службу, а то придут

красные и трудно будет с ними сговориться. 11 южных станиц отказались явно, под предлогом борьбы с партизанами: они успели насолить соседним крестьянам и теперь боялись, что при уходе на фронт те отыграются на их семьях...

Так и началось наступление без грозного сибирского казачества. Все теми же поредевшими полками. На северном фланге — армия Пепеляева, на южном — корпус Каппеля и Ижевская дивизия Молчанова. В качестве последнего резерва на фронт была брошена большая часть личного конвоя Верховного Правителя. И, казалось, произошло чудо. Зарвавшиеся части Тухачевского, не ожидавшие удара, были опрокинуты. От Петропавловска их погнали на восток. К этому моменту подоспело и казачество. С двухнедельным опозданием, да и численно корпус Иванова-Ринова вместо обещанных 20 тыс. насчитывал всего 7,5 тыс. Но тем не менее долгожданная сила явилась очень кстати. Внезапно появившись на фланге, казаки во встречном бою в пух и прах разнесли красную кавалерийскую бригаду, пытавшуюся обойти колчаковцев с юга-востока. Корпус вышел на оперативный простор, нацеливаясь на Курган по большевистским тылам. Разбитые советские войска покатились назад, прижимаемые к Тоболу. 5-я армия Тухачевского от победоносного марша оказалась на грани катастрофы. За героизм в сентябрьских боях лучшее колчаковское соединение, Ижевская дивизия, была награждена Георгиевским знаменем. По этому поводу современники шутили, что Колчак наконец-то нашел способ избавиться от ненавистного ему символа, ведь до тех пор дивизия, сформированная из повстанцев, так и продолжала воевать под рабочим красным знаменем.

68. ПОХОД НА ПИТЕР — ЮДЕНИЧ И БЕРМОНД

Северно-западную армию Юденича красные стратеги давно уже списали со счетов. Малочисленная, выдохшаяся в постоянных боях, ниоткуда не получающая поддержки и постоянно предаваемая союзниками, она к концу августа была зажата на клочке земли вокруг городишки Гдова. 10—15 тыс. оборванных, полуголодных бойцов на территории 120 км в ширину и 20 км в глубину.

Выходка английских представителей с созданием Северо-Западного правительства специально для признания независимости Эстонии ни малейших положительных результатов не дала. Зато отрицательных — сколько угодно. К нормализации отношений между белогвардейцами и Эстонией это не привело. Увидев, как бесцеремонно обошлись с русскими англичане, эстонцы и себя сочли вправе откровенно вытирать ноги об вчерашних союзников. Хотя признание, казалось бы, выбило у националистической прессы козырь, с помощью которого она нагнетала антирусские настроения, но эта пресса тут же переключилась на «великодержавность» Колчака и Деникина, не признающих Эстонии, и подчеркивала, что Северо-Западная армия находится в их подчинении.

Следует учесть и то, что акция генералов Гофа и Марша теоретически должна была иметь продолжением военно-техническое согла-

шение с Эстонией для совместного похода на Петроград. С этой целью на совещании между Гофом и Юденичем было составлено соответствующее письмо на имя эстонского ген. Лайдонера. Видимо, Гоф, войдя в роль всемогущего владыки Прибалтики, решил двигать в нужном направлении и русские, и эстонские фигуры на «шахматной доске» здешнего театра войны. Но после дипломатического скандала из-за таких методов работы Гофа и Марша отозвали. И та комбинация, которую они собирались осуществить силовым способом, осталась незавершенной. Они успели «дожать» в рамках своей схемы русских, а эстонцев — нет. Соглашение, вынашиваемое Гофом, повисло в воздухе. Дипломатические передраги между Англией и Францией, передача руководства французам, длительный поиск ими своего представителя в Прибалтику оставили союзную миссию здесь без руководителя. А ведь Гоф, хотя и наделал немало вреда Белому Движению, выступал единственной силой, способной оказать давление на прибалтов.

И тем не менее в сентябре Северо-Западная армия быстро стала оживать. Юденич наконец-то получил оружие, боеприпасы, обмундирование, продовольствие, которые должны были поступить к нему еще в июне. Возможно, сыграли роль победы Деникина, и союзники забеспокоились, как бы Россия не воскресла сама, без их помощи — кто знает, чью сторону она тогда займет в Европе? Может быть, их испугали прогерманские настроения в белой армии, особенно сильные после прибытия из Латвии частей Ливена, сражавшихся с немцами плечом к плечу и не видевших от него ничего, кроме хорошего. Не исключено и то, что ускорением поставок старались замять последствия скандала с Северо-Западным правительством. Надо сказать, что отвалили белогвардейцам хлам, от которого все равно им надо было избавиться после войны. Из партии присланных танков был исправен и боеспособен только один. Из аэропланов — ни одного: к ним прилагались моторы не той марки. Грузили-то эту заваль без разбора, скопом, дареному коню в зубы не смотрят. Но даже такой помощи оказалось достаточно, чтобы армия воспрянула духом и обрела боеспособность. Белогвардейцы смогли по крайней мере одеться, обуться, зарядить винтовки патронами и наполнить зарядные ящики орудий. Армия стала получать продуктовый паек и денежное жалованье. И тут же резко подтянулась дисциплина, прекратились самочинные реквизиции и, соответственно, конфликты с местным населением. Жалованье выдавалось в дензнаках Северо-Западного правительства — попросту говоря, бумажках, обеспеченных разве что счетами в банках членов этого правительства, но все же это были деньги, и крестьяне охотно брали их в уплату за продукты, тем более что при большевиках никакой платы не видели. 28 сентября неожиданно для большевиков Юденич перешел в наступление. Стоявшие против него части двух красных армий были разбиты и разбросаны в разные стороны, 7-ю отшвырнули на северо-восток, 15-ю — на юго-восток. Белогвардейцы взяли Ямбург, а затем, стремительно продвигаясь, и Лугу.

Политическая декларация Северо-Западной армии провозглашала: решительный отказ от возврата к старому режиму; возрождение всероссийского правления на основе народовластия; созыв пос-

ле победы над большевиками Учредительного Собрания на началах всеобщего избирательного права; единство России в сочетании с правом населяющих ее народов на национально-культурную жизнь; право народов России на государственную самостоятельность соответственно их усилиям и участию в борьбе с большевизмом; совершенствование административного управления государства путем развития местного, земского и городского самоуправления; равенство граждан перед законом без различия национальностей, вероисповеданий и классов; неприкосновенность личности и жилища, свободу религиозной совести, устного и печатного слова, союзов, собраний и стачек; передачу земли трудящемуся земледельческому населению для закрепления в собственность; законодательное обеспечение интересов рабочего класса.

Под давлением французов немножко нормализовались и отношения с Эстонией. Да и успехи Деникина заставляли таллинских политиков умерить наглость, прекратить или хотя бы сократить антирусские выходки. Части эстонской армии присоединялись к операциям белых — если не штурмовать большевистские укрепления, то хотя бы прикрыть второстепенные направления. Это дало возможность Юденичу осуществить перегруппировку своих сил на правый, северный фланг, и 10 октября Северо-Западная армия перешла в общее наступление на Петроград. За несколько дней боев 7-я красная армия была разгромлена. Ее деморализованные части покатались назад, сдавая город за городом. Вскоре пала Гатчина. Войска Юденича, преследуя врага, вышли на подступы к бывшей столице.

Но в это же решил сходить на Петроград еще один военачальник — корнет Бермонд, ставший генерал-майором князем Бермонтом-Аваловым. Персонаж скорее гусарской оперетты, который мог выдвинуться только в условиях гражданской войны и, наверное, только в России. Возможно, он возомнил себя новым Бонапартом, но для роли Бонапарта Павел Рафалович был слишком уж жизнерадостным человеком и грешные житейские удовольствия ценил куда выше порохового дыма. К осени 19-го года Бермонд достиг полной независимости, послав подальше и Антанту, ведущую в Прибалтике нечестные игры, и вынужденного ей подчиняться Юденича. Продолжая со свойственной ему энергией вербовать добровольцев и формировать свои части, довел численность своей Западной добровольческой армии до 10 тыс. чел. И даже создал, как при других белых армиях, собственное «русское правительство». Возглавил его бывший сенатор граф К. К. Пален, что довольно странно, т. к. Пален, по отзывам современников, слыл честным и умным человеком. Шли в эту армию охотно. Участок между латышами и литовцами, где вклинилась территория Бермонда, был спокойным. Красная 15-я армия, прикрывавшая это направление, была далеко не лучшего состава, серьезно ослаблена перебросками ее войск на главные фронты, и активных боевых действий тут почти не велось. Армия очищала от большевистских партизанских банд «свою» территорию на юге Латвии и севере Литвы, немножко повоевывала с красными, а больше «формировалась» по городам и местечкам, в общем — жила в свое удовольствие.

В Митаве (Елгаве), кроме Ставки Бермонда, располагался и штаб

другого авантюриста, ген. Рюдигера фон дер Гольца, пытавшегося с верными лично ему войсками участвовать в прибалтийских политических играх. Под его крыло собирались немецкие солдаты-добровольцы, обманутые латышами и после победы выгнанные ни с чем. Собирались и прибалтийские немцы, увольняемые со своих должностей в результате националистической политики новых государств. Часть этих обиженных пристраивалась и в войсках Бермонда, получая тем самым средства к существованию. С фон дер Гольцем Бермонд жил душа в душу. Немцы щедро и безотказно снабжали его армию оружием, обмундированием, продовольствием. В Курляндии еще с мировой войны, когда фронт долго стоял под Ригой, располагались крупные германские склады. Много было завезено сюда немцами в период наступления на большевиков. Согласно Версальскому договору все равно это имущество должно было быть отдано державам-победительницам, так что его было не жалко. Фон дер Гольц предпочитал отдать все русским, чем французам с англичанами или тем более обманувшим его солдат прибалтам.

До октября все шло тихо-мирно, а потом вдруг генерал-майору князю Бермонту-Авалову захотелось повоевать и освободить Россию. Какая муха его укусила — неизвестно. Многие предполагали, что это была интрига фон дер Гольца, желавшего таким способом насолить Антанте и ослабить ее влияние. Но, возможно, Бермонда подтолкнули успехи Деникина с Юденичем, и он спешил не упустить лавры победителя. А может, просто перебрал. Как бы то ни было, Западная добровольческая армия выступила из Курляндии на Петроград. Правда, по пути на север у нее лежали Латвия с Эстонией, но Бермонда подобные мелочи не смущали. Погромив и разогнав эстонско-латышские части, блокирующие «немецкую» Курляндию, он атаковал и взял Ригу. И, раскатывая в коляске по городу, приударял за дамочками, объясняя им, что на днях пойдет героически освобождать Петроград.

Переполох это вызвало жуткий. Правительства прибалтийских республик взвыли, обвиняя русских во всех грехах и взывая о помощи к великим державам. К Риге направился английский флот. Стягивались эстонские и латвийские полки — даже за счет ослабления антибольшевистских фронтов. Возглавил операцию лично ген. Ниссель, только что приехавший из Франции в качестве главы всех союзных миссий. Так и закончился освободительный поход Бермонда. Совместными усилиями его выбили из Риги и заставили уйти в Курляндию. На чем и завершилась история Западной добровольческой армии. Под давлением держав Антанты части фон дер Гольца были отозваны в Германию. С ними были вынуждены уйти и войска Бермонда, распылившись там в эмиграции. Князь Бермонт-Авалов сошел с политической арены.

А пока шла заваруха вокруг Риги, Юденич штурмовал Петроград. Вслед за Гатчиной белогвардейцами были взяты Павловск, Красное Село, Царское Село, Лигово. Части Северо-Западной армии прорвались к Пулкову, выходя уже на окраины Питера. Для спасения «колыбели революции» примчался лично Троцкий. Какими уж мерами он останавливал деморализованные войска 7-й армии — история

умалчивает, хотя на этот вопрос нетрудно ответить, вспомнив излюбленные методы первого военачальника Совдепии — расстрелы каждого десятого под Свияжском, массовые репрессии после разгрома на юге. Спешно перебрасывались подкрепления с других фронтов, в городе шли мобилизации. Уже разрабатывались планы уличных боев. Перекрывались пулеметами улицы, мосты через каналы. Началась эвакуация. Вывозилось до 100 вагонов имущества в сутки. На Пулковских высотах завязались напряженные бои.

69. ВЕРШИНА БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ

Сентябрь-октябрь 1919 г. были временем максимального успеха противобольшевистских сил. Красные везде терпели поражения. Почти всю Правобережную Украину занимал Петлюра. Польские войска вышли на рубеж р. Березины. 2.09 перешла в наступление Литва.

Даже на таком второстепенном театре военных действий, как Туркестан, большевикам приходилось туго. Крупнейшие повстанческие формирования — басмаческая армия Мадаминбека и русское крестьянское войско земского чиновника Монстрова — сумели найти общий язык и объединиться. Штурмом взяли г. Ош и осадили Андижан. Новый фронт возник в западной части Туркестана — в Хивинском ханстве произошел переворот, Джунаид-бек сверг нерешительного Асфендиара и объявил Совдепам войну. Точная причина неизвестна. То ли посчитал положение коммунистов достаточно непрочным. То ли, наоборот, после прорыва в Туркестан войск Фрунзе верно оценил неизбежность столкновения и решил, что выгоднее напасть первым. Семиреченское казачество Щербакова и Анненкова выбило красных из Лепсинского и Копальского уездов (ныне Талды-Курганская обл. Казахстана).

Все белогвардейские фронты одерживали победы. В свое последнее наступление перешел даже разгромленный Колчак, повернув вспять 5-ю красную армию, прижимая ее к Тоболу и грозя уничтожить. Уральское казачество Толстова, разгромив штаб чапаевской дивизии и вымотав партизанской войной части 4-й армии, погнало их до самого Уралья. Была освобождена почти вся территория, которую красным удалось ценой огромных потерь занять за три месяца. Северная армия Миллера после ухода англичан одержала крупные победы, вернув г. Онегу и очистив от противника обширные районы. Северо-Западная армия Юденича прорвалась к Петрограду и вела упорные бои уже на Пулковских высотах.

Но основные поражения большевики терпели на юге. Разгромив ударную группировку Селивачева, 1-й корпус Кутепова выходил к Курску. На подступах у этому укрепрайону против 10 деникинских были одновременно брошены 79 советских пехотных и кавалерийских полков с 9 бронепоездами. Кутепов перемолол их, причем 12 полков было разгромлено полностью. И 17 сентября белые заняли Курск. Упорные бои разгорелись по соседству, на Воронежском направлении. Корпус Шкуро при поддержке оставшихся в строю и перешедших в его подчинение казаков Мамонтова и левого крыла Донской

армии начал форсировать Дон в районе станции Лиски (ныне Георгиу-Деж). Сражение длилось три дня и носило крайне ожесточенный характер. Обе стороны понесли большие потери. У белых был убит генерал Максимов, ранены генералы Гусельщиков и Татаркин, контужен сам Шкуро. Несмотря на это, фронт был прорван. Полки 8-й красной армии отбросили на восток. Части Мамонтова, преследуя их, заняли Бобров и Тыловую, а корпус Шкуро 1 октября атаковал и взял Воронеж.

Возникла угроза на западном фланге Добровольческой армии. Группировка Якира из двух стрелковых дивизий и кавбригады Котовского, отрезанная от своих, двигалась по Правобережью Украины на север. С петлюровцами, которыми была занята эта территория, красные заключили что-то вроде перемирия. Большевики не трогали украинцев, а те беспрепятственно пропускали Якира в деникинские тылы. В ночь на 1.10 красные внезапно объявились под Киевом, разметали слабые добровольческие заслоны по р. Ирпень и ворвались в город. Части ген. Бредова отступили на левый берег Днепра, однако сумели удержать за собой мосты и высоты Печерского монастыря. Оправившись от неожиданности и произведя перегруппировку, на следующий день они контратаковали. Трое суток продолжались уличные бои. Добровольцы систематически, улица за улицей, выбивали большевиков и к 5.10 выбили из Киева окончательно. Красные снова отошли за Ирпень и... расплатились с петлюровцами — погромили их войска в районе Попельни, а потом, соединившись с 44-й дивизией Щорса, прикрывавшей это направление, выбили украинцев из Житомира. На базе этих частей стала возрождаться 12-я красная армия.

Правда, вторичное взятие Киева белыми ознаменовалось еврейским погромом. По этому поводу стоит сделать отступление. Вообще говоря, для деникинцев это явление было нехарактерно. Или по крайней мере куда менее характерно, чем для других воюющих сторон — махновцев, петлюровцев, даже красных, устроивших, например, грандиозный погром в Одессе, имевших на своем счету многочисленные погромы комбрига Григорьева и др. Память о деникинцах уже после гражданской увязали с погромами из-за лозунгов крайне правых — «Бей жидов, спасай Россию!». Но не следует забывать, что «крайне правые», как и «левые», «умеренные» и все прочие партии околачивались в глубоких тылах, а следовательно, никаких возможностей для претворения своих лозунгов в жизнь не имели. Не имели они и какого-либо влияния на фронтовое офицерство — как и все остальные партии, варившиеся в собственном соку. Что касается большинства добровольцев, то особой любви к евреям они, конечно, не питали — уж слишком много их было среди комиссаров и коммунистического руководства. Но и к черносотенным настроениям русская интеллигенция, из которой вышла основная часть фронтового офицерства, традиционно относилась с крайней неприязнью. Надо ли говорить, что командованием подобные действия, как и любые грабежи, воспрещались под угрозой военно-полевого суда и расстрела?

Тем не менее отдельные погромы были. Пополняясь при освобождении Украины, армия впитывала с мобилизациями бывших красноармейцев, петлюровцев, махновцев, григорьевцев. Иные успели

послужить поочередно в нескольких армиях и сохранили старые привычки. Нельзя забывать и о настроениях граждан, которые пришли в Белую гвардию, пережив большевистскую оккупацию, натерпевшись от произвола чекистов и комиссаров, среди которых большинство составляли евреи. А как раз из частей, вновь сформированных на Украине, в основном состоял корпус Бредова. В Киеве погром начали сами обыватели — натерпевшись страху от возможности возвращения коммунистов, спешили отыграться на ком угодно под предлогом, что евреи стреляли в спину добровольцам. К обывателям в неразберихе уличных боев присоединились некоторые солдаты, а также горцы — для которых было все равно кого пограбить.

Как бы то ни было, Киев остался за белыми. Успех сопутствовал им и на других фронтах. В октябре 10-я красная армия Ключева, усиленная за счет Восточного фронта, предприняла второе наступление на Царицын. Несмотря на то что войска Врангеля были ослаблены непрерывными боями, отвлечением сил на Дагестан и Астрахань, они устояли. Большевики были остановлены корпусом Улагая, а после девятидневных боев добровольцы нанесли контрудар. Офицерские полки — кубанский, осетинский, кабардинский — вел в конную атаку сам Врангель. Красные были опрокинуты и отошли в беспорядке на 70 км к северу.

Одновременно перешла в наступление и Донская армия Сидорина. Под прикрытием стариков и юнцов-добровольцев, полмесяца державших оборону по правому берегу Дона, сосредоточились для удара кадровые казачьи дивизии, 3-й корпус в составе 14 тыс. чел. форсировал Дон в районе Павловска, разбил 56-ю дивизию красных и стал продвигаться на восток. Советское командование бросило из своего резерва сильную 21-ю дивизию, которая смогла остановить его, но в районе Клетской переправилась через Дон другая группировка из 1-го и 2-го казачьих корпусов. 2-й, под командованием ген. Коновалова, являлся главной ударной силой, в нем сосредоточились лучшие конные части. Он глубоко внедрился в расположение противника, соединился с 3-м корпусом, и совместными усилиями 21-ю дивизию тоже разбили, а вслед за ней окружили и почти полностью уничтожили еще одну, 14-ю. 9-я красная армия побежала. Командование советского Юго-Восточного фронта попыталось удержать ее в обороне по линии р. Хопра, но это не удалось. В Донскую армию шли стихийные подкрепления — разрозненные сотни, ополчение, не пустившее врага за Дон, переправлялось теперь на Правобережье, догоняли регулярные части и вливались в них. Красных гнали на север. Область Войска Донского снова полностью очистили от большевиков. Взяли Новохоперск, Поворино, Борисоглебск.

А удар Кутепова продолжал победоносно развиваться. Корпус пополнялся на ходу, между боями. После взятия Курска за счет притока свежих сил были сформированы 3-й полк Марковской дивизии и 2-й Алексеевской. Преследуя и громя неприятеля, 11 октября корпус занял Кромы, а через 2 дня — Орел и Ливны. Справа от него казаки Шкуро продвинулись от Воронежа к Усмани, слева действовал 5-й кавалерийский корпус ген. Юзефовича, взявший Чернигов и Новгород-Северский. Разведка Кутепова вышла к Туле...

Это было пиком успехов Белого Движения. В ходе постоянных боев и наступления Вооруженные силы Юга России продолжали расти. С мая по октябрь их численность увеличилась от 64 до 150 тыс. чел. Деникинский фронт проходил по нижнему плесу Волги от Астрахани до Царицына и далее по линии Воронеж — Орел — Чернигов — Киев — Одесса. От коммунистов была освобождена территория свыше 920 тыс. кв. км с населением 42 млн. человек. В занятых белыми областях понемножку налаживалась более-менее нормальная жизнь. Конечно, деникинская администрация была очень слабой, часто некомпетентной, этого не скрывают и сами белые военачальники в своих мемуарах. Конечно, возникло множество неурядиц, злоупотреблений, всюду гуляла спекуляция... А разве могло быть иначе? Можно ли было сразу, на скорую руку, установить идеальный порядок в стране, разворошенной тремя годами смуты и безумия? За несколько недель в условиях войны ликвидировать последствия всеобщего хаоса? Но в основном-то, в главном страна возвращалась к жизни. Налаживалась регулярная работа железнодорожного и водного транспорта. Открывались парализованные заводы и фабрики. Возобновлялись банковские операции. Оживала торговля. Устанавливались твердые цены на сельскохозяйственные продукты. Ни в одном из районов, подвластных белым, не было голода! На землю возвращалась законность — возрождались суды, прокуратура и адвокатура. Оживала общественная жизнь.

Люди опять получили политические свободы. Почти без ограничений выходила пресса, избирались органы городских самоуправлений, свободно действовали политические партии вплоть до эсеров и социал-демократов. Деникинским Особым Совещанием было принято весьма лояльное рабочее законодательство с 8-часовым рабочим днем, мерами по охране труда и пр., делались попытки разработать приемлемое для всех слоев аграрное законодательство — пока в связи с подчинением Колчаку прерогатива решения этого вопроса не вышла из пределов власти Деникина. Киевский профессор и общественный деятель А. Гольденвейзер (кстати, еврей по национальности) писал: «Эпоха добровольцев была эпохой возрождения и восстановления всего разрушенного советским режимом. Скажу более: это была последняя возможная попытка восстановления в истинном смысле этого слова, то есть восстановления без постройки заново, путем простой отмены всего содеянного большевиками».

Совдепия оказалась на краю гибели. Даже орган ВСНХ «Экономическая жизнь» звал «все силы и средства мобилизовать для того, чтобы защитить само существование Советской республики от деникинской армии». В Тулу был послан марионетка-уговариватель М. И. Калинин, призывая жителей сделать город «вторым Уральском», «неприступной крепостью», «бастионом». Но надежды на это были слабенькими. Тульские оружейники были не сбродом случайной рвани, а высококвалифицированными рабочими и относились к большевикам примерно так же, как их коллеги из Ижевска. Постоянно бастовали. Только близость к центру и непрестанные репрессии удерживали их в повиновении. При подходе белых там со дня на день ожидали восстания. 20.10.19 Ленин писал Каменскому, Оськину и Межлауку:

«В Туле массы далеко не наши». Штаб Южного фронта красных находился уже в Серпухове. Большевики интенсивно готовились к уходу в подполье и бегству. Был создан подпольный Московский комитет партии в составе Лихачева, Пятницкого, Людвинской, Шварца. На Монетном дворе в спешном порядке печатались фальшивые царские сторублевки, чтобы обеспечить «партию» материальными средствами. Для этой же цели изготавливались подложные документы на доходную недвижимость — например, на некоего Буренина оформили владение гостиницей «Метрополь». На квартире вдовы Свердлова была создана «бриллиантовая партийная касса» из ценнейших сокровищ Оружейной палаты и Патриаршей ризницы Кремля. Правительственные учреждения начали эвакуацию в Вологду. Троцкий заявлял: «Мы уйдем, но так хлопнем дверью, что мир содрогнется...»

70. ПОЧЕМУ ПРОИГРАЛА БЕЛАЯ ГВАРДИЯ

Главная причина — белогвардейцев было попросту очень мало. Сопоставьте цифры хотя бы в двух наивысших точках их успехов. Март-апрель 19-го, пик побед Колчака: у него было 130 тыс. чел., в это же время у Деникина было 60 тыс., у Юденича около 10 тыс., у Марушевского — 15 тыс. А численность Красной армии — 1,5 миллиона. Сентябрь-октябрь 19-го, пик побед Деникина: у него было 150 тыс. чел., у Колчака оставалось 50 тыс., у Юденича 15—20 тыс., у Миллера 20 тыс., у Толстова 20 тыс. Численность Красной армии к этому времени достигла 3,5 миллиона.

Почему же возникло такое дикое неравенство? Из-за симпатий к большевикам? Какие уж там могли быть симпатии после всего, что они успели натворить! Ответ лежит в области психологии, а не социологии. Разделение страны на два диаметрально противоположных лагеря — заведомая чушь. В любом социальном конфликте подавляющее большинство населения, кому бы оно ни симпатизировало, остается пассивным. Вот это пассивное большинство коммунисты и подмяли, поставили под ружье тотальными мобилизациями, террором, голодом и пропагандой. Согласно статистическим данным захваченной белогвардейцами секретной документации политотделов, в красных полках числилось 3,5% идейных коммунистов. И 22% объявляли себя «сочувствующими», причем неизвестно, из каких побуждений. Огромным резервом советской армии стали города с остановленными из-за бесхозяйственности и разрухи заводами: в большевистском «раю» получить солдатский паек и государственную помощь на семью красноармейца было возможностью не подохнуть с голодухи. А по деревням мобилизовали насильно, с помощью карательных отрядов. В прифронтовых районах такие мобилизации были поголовными — от 18 до 40 лет, чтобы не оставлять белым потенциальных пополнений.

Сюда надо добавить «частные» мобилизации — периодические отправки на фронт постоянно раздувающегося партийного и государственного аппарата. Только одна «антиденикинская» партийная мобилизация дала 65 тыс. штыков — почти половина Вооруженных

сил Юга России. Плюс «советские мобилизации». Со своими прихвостнями коммунисты тоже не очень церемонились. Например, 31.5.19 Ленин писал: «С 15 июня мобилизовать всех служащих советских учреждений мужского пола от 18 до 45. Мобилизованные отвечают по круговой поруке друг за друга, и их семьи считаются заложниками в случае перехода на сторону неприятеля или дезертирства или невыполнения данных заданий и т. д.». Всего за сентябрь-ноябрь Южный и Юго-Восточный фронты получили 325 тыс. чел. пополнения, вдвое больше численности деникинских армий.

Принцип формирования белых армий фактически остался наполовину добровольческим. Мобилизации шли успешно там, где они тоже были на грани добровольчества — в казачьих районах, выносивших постановления о собственной мобилизации, в городах и уездах, где допекла советская власть и население на волне душевного подъема шло за белыми. В других же местах попытки мобилизации вызывали отрицательные результаты, и чем дальше от фронта, тем хуже. А крестьяне Сибири, Архангельской и Черноморской губерний, где большевики не успели набезобразничать, встречали известие о мобилизации открытой враждой. Применять же тотальный террор, как коммунисты, белые не могли — для этого им самим пришлось бы превратиться в большевиков и перечеркнуть идеалы, за которые они боролись. Такие меры позволяли себе только самостийные атаманы, вроде Семенова, плюющие на всякий правопорядок, да и на саму идею возрождения России. Ведь это возрождение возможно было только через законность.

Еще одна причина поражений — центральное положение Совдепии относительно белых фронтов, дающее возможность неограниченного маневра силами, поочередного разгрома противников переброской войск с одного театра на другой. Следует учесть, что центральные губернии были тогда самыми густонаселенными — массовые миграции в Сибирь, Казахстан, Среднюю Азию случились уже потом, при Сталине, Хрущеве, Брежневе... Центральное положение и возможность маневра живой силой играли еще одну важную роль. Дезертирство солдат было общей болезнью и у красных, и у белых. К осени 19-го большевики научились бороться с этим явлением, тасуя мобилизованных: из северных губерний слали на Южный фронт, из западных — на Восточный... Важным инструментом побед явилось и стравливание различных слоев населения. Голодных рабочих бросали на подавление «сытых» крестьян, крестьян — на казаков, донцов — на поляков, башкир — под Петроград, латышей — под Орел...

Одна из причин поражения заключалась в том, что белогвардейцы не были политиками. Ни один из военачальников не считал себя вправе идти на территориальные, экономические, концессионные уступки, ущемляющие интересы России. Они просто не видели за собой морального права единолично заключать такие договоры, в лучшем случае предлагая отложить их до конца войны и образования компетентной общероссийской власти. В результате они наживали врагов в лице новых государственных образований или иностранцев. Совдепия же не стеснялась заключать договора ни с кем, на любых условиях — хоть с чертом. Давала любые обещания и шла на любые

уступки. Но и разрывала любые соглашения, когда в них отпадала нужда. Тягаться с красными в вероломстве белые не смогли.

Даже осознав могучую силу такого оружия, как пропаганда, белогвардейцы так и не научились им пользоваться. Воспитанники Серебряного века русской культуры, они не умели беззастенчиво врать, не умели сулить нереальные золотые горы и давать заведомо невыполнимые обещания. Большевики же использовали силу пропаганды на полную катушку, постоянно развивали и совершенствовали искусство лжи. Массово и высокопрофессионально они обрабатывали различные регионы — свой тыл, фронт, белый тыл. Разные области, разные классовые группы бомбардировались диаметрально противоположными лозунгами, диаметрально противоположным составом дезинформации. В гражданскую войну не только Россия, но и все человечество впервые столкнулось с системой тоталитаризма: гигантской силой сращенных вместе пропагандистского и репрессивного аппаратов. С машиной, ставящей подданных перед дилеммой — поверить в радужные перспективы или быть уничтоженным.

В Сибири, на Кубани, Дону, в Архангельске первые же успехи белых послужили детонаторами массовых восстаний. В Центральной России этого не произошло. Если вы посмотрите на известную карту «Советская республика в кольце фронтов», то можете отметить интересную закономерность — она практически совпадает с границами помещичьего земледелия в России. К крестьянам шел «барин», которого здесь традиционно ненавидели со времен крепостного права, чью усадьбу в 17-м спалили, скот поделили, а сельскохозяйственные машины поломали. А с «барином» шли «казаки» — традиционное пугало для крестьян, во все времена усмирявшие бунты и учившие умразуму через заднее место. Естественно, к «барину с казаками» крестьяне питать теплых чувств не могли. И, естественно, советская власть всячески подогревала эти опасения, пугая народ повальными казнями, экзекуциями, грабежами. Крестьяне толпами дезертировали из Красной армии, были и многочисленные восстания, но они не доверяли и белым, предпочитая держаться в сторонке, скрываться по лесам и создавать «зеленые» отряды.

Еще один важный аспект — даже одерживая победы, белые не устраняли причин глобальной социальной болезни, охватившей Россию, той самой Смуты, Хаоса, Анархии, которая разрушила страну в 17-м и привела к власти коммунистов. Если Белое Движение зарождалось в борьбе остатков порядка и моря анархии, то в 19-м это была уже борьба нормального государственного порядка против тоталитарного суперпорядка и одновременно против анархии. Причем коммунистический порядок давил на корню анархию на своей территории, но всячески поддерживал и подпитывал ее в тылу неприятеля. Для исцеления страны от смуты и ее последствий было два пути. Длительное, кропотливое лечение — времени на такое лечение история белым не дала. Или драконовский террор, на порядок превосходящий пределы, доступные белому мировоззрению — но тогда им, опять же, пришлось бы самим превратиться в большевиков. Любопытно, что в белоофицерской эмигрантской среде было широко распростра-

нено мнение, что проиграли из-за недостатка собственной жестокости. Из-за того, что действовали мягче, чем большевики.

Следует помнить и о том, что гражданская война была борьбой не двух сторон, но многих — каждый против каждого. Колчак получал удары в спину от эсеров и «самостийных» партизан, Юденич — от эстонцев, Деникин держал войска против Грузии, вынужден был воевать с Петлюрой, с Дагестаном, в тылах у него действовали 50-тысячные банды Махно и других «батек», под Новороссийском безобразничали «зеленые». Даже значительно уступающие большевикам силы приходилось распределять по разным фронтам.

Наконец, если в Кубанском походе Деникин смело громил двадцатикратно превосходящего врага с отборными высокопрофессиональными частями, то впоследствии преимущество в качестве начало теряться. Офицерские полки разбавлялись пополнениями из военнопленных или крестьян, формировались новые части. Значительную долю Вооруженных сил Юга России составляли казаки — вояки хорошие, но подверженные переменам настроения, да и больше партизаны, чем регулярные солдаты. Высокие качества «первопроходников» удалось в той или иной мере сохранить лишь некоторым частям Кутепова и Слащева. А качество Красной армии постоянно повышалось. Свирепыми мерами насаждалась дисциплина. Командовали ими уже не крикуны-комиссары и стихийные лидеры, а офицеры и генералы с опытом мировой войны, Академии Генштаба. Их гребли в первую очередь офицерскими мобилизациями. Покупали высокими окладами и должностями. Во избежание измены семьи считались заложниками. Причем по приказу Троцкого № 1908/492 на ответственные посты назначались только те, семьи которых находились в пределах Совдепии с сообщением каждому под расписку о расстреле его близких в случае предательства. Кроме того, сами бывшие офицеры увязывались круговой порукой — за перебежку одного расстрел товарищей. И кроме того, большевистская пропаганда находила к офицерам особый, специфический подход. Взывали к их патриотическим чувствам, требуя защитить Россию от иностранных хищников и их наемников-белогвардейцев. Играли на извечных комплексах русской интеллигенции — необходимости ее единения с «народом»... Кто уж верил, кто нет — трудно сказать. Ведь иногда человек начинает верить во что-то, когда другого ему просто не остается. Оправдывая себя перед собой же. Наконец, многие профессионалы-военные вынуждены были служить, чтобы прокормиться. Большевизм и среди офицеров подчинил себе ту инертную массу, которая поначалу желала остаться пассивной. Поэтому в тактическом и стратегическом отношении игра пошла «на равных» — сражались выпускники одних и тех же училищ, одних и тех же академий, имеющие равный опыт.

Вот эти главные причины и привели к поражению белых армий. Что же касается политических, экономических, классовых причин поражения белых, обычно перечисляемых, как основные, то они на самом деле играли лишь второстепенное значение. Ведь Самарская «Учредилка» выступала под социалистическими лозунгами, демократические установки провозглашал Савинков, очень левым было Северное правительство эсеров, весьма демократичными выступали

правительство Юденича, уфимская Директория. А Корнилов, Деникин, Врангель действовали на основе непредрешения принципов будущей власти. Наконец, Петлюра, Колчак, Миллер, Врангель решали аграрный вопрос в пользу крестьян гораздо более заманчиво, чем большевики. Но на ход событий эти аспекты не оказали почти никакого влияния.

Из-за своей малочисленности белогвардейцы могли побеждать только в непрерывном наступлении. Только сохраняя за собой стратегическую инициативу, на волне душевного подъема. Любая пассивная оборона при таком неравенстве сил была бы раздавлена. Но в наступлении неизбежно растягивались коммуникации, войска отрывались от тылов, армии и корпуса теряли связь между собой, начинали действовать независимо друг от друга. Фланги оказывались незащищенными. И тогда наступала пора красных контрударов. А когда белые части были остановлены, повыбиты, измотаны, большевикам оставалось только использовать свое численное преимущество. По этой общей схеме гибли армии и Колчака, и Юденича, и Деникина...

71. ДЕНИКИН — ПОЛИТИКА И ВЛАСТЬ

Профессор Н. Н. Алексеев писал о Деникине: «Бывают люди, с которыми достаточно поговорить несколько слов, чтобы определить внутреннее существо их характера. Вот с таким твердым убеждением о характере главнокомандующего вышли мы тогда от него. Это был хороший русский человек, застенчивый, скромный, без славолубия и гордости — качества, которые, может быть, и не нужны были в то смутное время, в которое ему приходилось действовать».

Этот человек волею судеб стал во главе огромного края от Волги до Днестра. Стоит отметить, что деникинское правительство, Особое Совещание, в деловом отношении оказалось прочнее и выше общероссийского, колчаковского. И люди на юге подобрались более компетентные, да и конструкция власти, как законодательного и административного органа при главнокомандующем, оказалась удачной для военного времени. А в политические шатания твердая рука Деникина удариться правительству не давала. Нападок на Особое Совещание было множество. Крайне правые называли его «социалистическим», левые — «черносотенным». Как вспоминал Деникин, по этим нападкам он определял, что правительство держится правильно выбранного умеренного курса, т. к. угодить всему спектру партий и примирить между собой крайние течения все равно не было никакой возможности.

Несмотря на всю работу по наведению законности и правопорядка, о жизни белого Юга сказано много нелестных слов. Нужно лишь сделать существенную поправку. Сведения, дошедшие до нас с «белой» стороны, писались уже в эмиграции. И их авторы, выискивая причины своего поражения, более подробно освещали негативные стороны. Часто — утрированно, под влиянием соответствующего «черного» настроения. Положительное же в их работах нередко опускалось — как само собой разумеющееся. Или как погибшие начина-

ния, не доведенные до конца. Кроме того, большинство эмигрантов не имели возможности для сравнения. Ну а красная сторона, естественно, изображала деятельность и быт своих противников только темными красками. В результате и сложилась однобокая, часто гипертрофированная картина «безобразий».

Недостатки, естественно, были, и крупные. Частично о них уже говорилось при описании деятельности Колчака, поскольку для разных областей они в основном были общими. Например, спекуляция. Но это явление было не «белогвардейским», а общероссийским, оно повсюду процветало и в Совдепии, несмотря на меры ЧК. Могло ли быть иначе в насквозь больном обществе с разрушенной промышленностью, разваленной системой снабжения и торговли, дезорганизованным сельским хозяйством. На Юге размах спекуляции усугублялся огромным наплывом беженцев. И из Совдепии, и из Грузии — изгоняемые русские, и из Турции — вырезаемые армяне. Все они искали средств к существованию. Тем более среди беженцев хватало всевозможных дельцов, аферистов, махинаторов, в свое время перебравшихся с голодного Севера на гетманскую Украину. Да и портовые города Юга от нехватки подобных деятелей никогда не страдали. Спекуляция заражала тыловые органы армии и даже фронтовые части — из-за недостатка снабжения они создавали собственные команды для продажи в тылу излишков трофейного имущества или их обмена на нужные товары. Деникин старался изо всех сил бороться с данным явлением. Несмотря на сопротивление юристов, считавших понятие «спекуляция» слишком неопределенным, он провел «Временный закон об уголовной ответственности за спекуляцию», каравший виновных вплоть до смертной казни с конфискацией имущества. Но, как он признавал впоследствии, большинство арестовываемых было мелкой сошкой, «на которую не стоило опускать карающий меч правосудия. Лишь оздоровление народного хозяйства могло очистить его от паразитов. Но для этого, кроме всех прочих условий, нужно было время». Можно добавить — для этого нужен был еще и мир.

Деникинскую армию часто обвиняли и в грабежах. Да, грабежи были, особенно характерные для горских и казачьих частей. Председатель терского Круга Губарев, в перерыве между сессиями ушедший в полк рядовым бойцом, чтобы лучше узнать казачьи нужды, докладывал: «Конечно, посылать обмундирование не стоит. Они десять раз уже переоделись. Возвращается казак с похода нагруженный так, что ни его, ни лошади не видать. А на другой день идет в поход опять в одной рваной черкеске». Некоторые командиры смотрели на подобные действия подчиненных сквозь пальцы. Например, при взятии Екатеринослава казаки Шкуро и Ирманова крупно пошарили по магазинам. З. Арбатов пишет, что, когда к Ирманову направилась делегация, жалуясь на грабежи его бойцов, «он удивленно, старчески дряхлым голосом произнес: «Да неужели? Вот каналы!» — и по лицу его скользнула счастливая отеческая улыбка». Однако рядом можно привести другую цитату — советского писателя Фурманова из романа «Чапаев». «Грабежи во время вступления войск в населенные пункты, видимо, явление неизбежное, и это Федор многократно впоследствии имел возможность наблюдать как на своих, на красноармей-

ских частях, так и на войсках врага. Это — нечто стихийное, с чем трудно бороться, что в корне уничтожить немыслимо, пока существует война. Это свойственно бойцу наших дней по природе всей его взвинченной, специфически военной, разрушительной психологии. Военные грабежи пропадут только с войной». Упоминаний о красных грабежах полным-полно и в большевистских приказах по Южному фронту.

Можно назвать и объективные факторы, способствующие распространению этой пагубы. Неустройство тыла, плохое снабжение — как из-за общей нехватки тех или иных запасов, так и из-за плохой работы транспорта. В результате части вынуждены были переходить на «самоснабжение». За войсками шли целые составы поездов, которые полки нагружали «своим» имуществом. Про запас. Надежда получить что-то из тыла была слабой.

Возможно, ошибкой Деникина и Особого Совещания было признание хождения советских денег. По сути, они представляли собой ничего не стоящие бумажки — печатные станки Совдепии работали на полную мощность. Поскольку думали и о будущем России, то решили, что допуск в обращение таких денег поведет страну к банкротству. Но собственная, Ростовская экспедиция имела малую производительность. Организовывалось еще несколько экспедиций — они вошли в строй лишь к концу 1919 г. Дензнаков катастрофически не хватало, что не давало возможности поднять людям жалованье в соответствии с темпами инфляции. Председатель Особого Совещания ген. Лукомский вспоминает, как один из губернаторов жаловался ему, что не может принять к столу вызванных к себе по делам службы лиц. Да и сам Лукомский едва сводил концы с концами, хотя уже не держал прислуги — и готовили еду, и стирали жена с дочерью. На фронте нехватка денег отражалась особенно болезненно. Жалованье задерживалось по два-три месяца. А когда приходило, его не хватало — главным образом в освобождаемых районах, где цены были взвинчены не белогвардейской, а более высокой, советской инфляцией. Вместо покупки необходимых продуктов части вынуждены были прибегать к реквизициям. А от разрешения реквизиций один шаг до грабежей, тем более что с новыми пополнениями в армию попадали преступные и разложившиеся элементы из числа бывших пленных, перебежчиков, дезертиров.

Естественно, деникинское командование решительно боролось с грабежами. Были изданы суровые законы, отдавались соответствующие приказы на всех уровнях. Для расследования посылались комиссии с чрезвычайными полномочиями. Хотя полностью обуздать такое зло в хаосе гражданской войны было невозможно. Можно опять же сослаться, что этого не смогли сделать даже красные, не стеснявшие себя законами и расследованиями. И еще одну причину «деникинских грабежей» мы находим в разведсводке штаба 1-го корпуса № 02743 от 29.5.19 о действиях советских частей: «Иногда целые команды, нашив погоны, устраивали поголовные грабежи и погромы. Подстрекателями обычно были комиссары». Автор работы «Красная армия на Южном фронте» Н. Критский подтверждает: «У многих пленных кавалеристов находили в карманах корниловские погоны».

Крупным недостатком деникинского правительства принято счи-

тать то, что оно не провело в жизнь земельной реформы. Аграрное законодательство им разрабатывалось. Согласно указаниям Деникина, в основу должно было лечь укрепление мелких и средних хозяйств за счет казенных и помещичьих земель — в каждой местности должен был определяться максимальный размер земли, остающейся в руках прежних владельцев, излишки переходили малоземельным. Но, как уже отмечалось, подчинение Колчаку отодвинуло этот вопрос, и в силу вступил временный колчаковский закон, предписывающий до Учредительного Собрания сохранение земли за теми владельцами, в чьих руках она фактически находится. Лишь к осени 19-го года правительство Юга вернулось к аграрному вопросу. Довести его решение до конца оно не успело. Уж больно сложные проблемы оказались в нем завязаны. Скажем, отчуждение земли касалось права собственности — одной из основ возрождения государственного порядка. Да и с экономической точки зрения многие помещичьи хозяйства Юга были высокопродуктивными, современными предприятиями, использующими новейшую технику. Нужно было думать, как не разрушить их.

Имелись и случаи, когда прежние владельцы возвращались на освобожденную территорию и, пользуясь сочувствием местных властей и командиров, силой возвращали свою землю, скот и инвентарь, начинали взыскивать убытки, сводить счета за разорение и прежние унижения. Деникин такие попытки резко пресек. В приказе от 22.6.19 он запретил войскам вмешиваться в имущественные конфликты и писал: «Власти обязаны в переходное время, впредь до установления законного порядка, предупреждать всякие новые очевидные захваты прав, не разрешая прежних споров и не допуская насилия с чьей бы то ни было стороны и во имя чего бы оно ни делалось. Урегулирование этого вопроса принадлежит законодательной власти. Насильников, как с той, так и с другой стороны, будут привлекать к суду». Так что обобщение подобных инцидентов и широкое распространение слухов, что белые отбирают у крестьян землю и наказывают за ее прежний захват, следует всецело приписать успехам красной пропаганды.

Ей же принадлежит обвинение Деникина в «продаже России иностранцам» и «торговле русскими интересами». Учитывая реальные факты, оно выглядит совершенно беспочвенным. К русским интересам он относился с болезненной щепетильностью и ни на какие уступки в этом плане не шел. Он вынужден был, правда, признать де-факто самостоятельность окраинных государств, и то с оговоркой — «ведущих борьбу с большевиками». Но против признания полной самостоятельности Украины и казачьих областей однозначно высказывались и Деникин, и Особое Совещание. Для данных образований допускалась лишь широкая автономия. Он не пошел на поводу Польши, домогавшейся значительных территориальных уступок, протестовал против политики полонизации и гонений на православную церковь в оккупированных ею областях. А на предложение Особого Совещания заинтересовать иностранцев выгодными концессиями Деникин ответил: «Невзирая на тяжелое положение, нельзя допускать ничего, имеющего характер мирной оккупации и исключительного управления нашей торговлей и транспортом. По вопросу о кон-

цессиях не согласен, так как заинтересованность варягов и без того велика».

Летом 1919 г. в Ставку Деникина прибыл британский генерал Г. Хольман — не только как новый глава союзной миссии, но и как личный представитель военного министра У. Черчилля. В своем послании Деникину Черчилль писал: «Цель приезда ген. Хольмана — всяческим образом помочь Вам и Вашей задаче сломить большевистскую тиранию... Я надеюсь, что Вы отнесетесь к нему с полным доверием... В согласии с политикой правительства Его Величества, мы сделали все возможное, чтобы помочь Вам во всех отношениях. Мое министерство окажет Вам всякую поддержку, какая в нашей власти, путем доставки военного снаряжения и специалистов-экспертов. Но Вы, без сомнения, поймете, что наши ресурсы, истощенные великой войной, не безграничны... тем более что они должны служить для выполнения наших обязательств не только в южной, но и в северной России и Сибири, а в сущности на пространстве всего земного шара...» Черчилль знал, кого выбрать посланцем, чтобы выразить свое отношение к Белому Движению. Хольман оказался честным и смелым солдатом, сумевшим быстро сойтись с Деникиным и близко принять к сердцу судьбы России. Работал с полной самоотдачей, отнюдь не старался держаться в рамках официальных инструкций. Торопил приход транспортов со снабжением. Чтобы обеспечить поддержку деникинцев с моря, не останавливался перед использованием личных знакомств с флотскими начальниками. Будучи летчиком, сам принимал участие в воздушных боях. Черчиллю он докладывал, что, «познав истинную природу большевизма, готов скорее стать в ряды армии юга рядовым добровольцем, чем вступить в сношения с большевиками...».

Совсем иначе вело себя английское дипломатическое представительство во главе с ген. Кизом, подчиненное министерству иностранных дел. Открытостью и прямотой здесь не пахло. Его сотрудники старательно совали нос во все политические интриги, которыми так богат был белый Юг, участвовали в различных совещаниях и консультациях, конструирующих мертворожденные проекты российской власти. В отношениях с белым командованием дипломатические представители отражали линию своего правительства, которая после поражений Колчака становилась все более неблагоприятной. Ллойд-Джордж говорил: «Я не жалею об оказании нами помощи России, но мы не можем тратить огромные средства на участие в бесконечной гражданской войне... Большевизм не может быть побежден оружием, и нам нужно прибегнуть к другим способам, чтобы восстановить мир и изменить систему управления в несчастной России». (Что касается осведомленности британского премьера в русских делах ее, четко характеризует фраза, высказанная им в парламенте: «Мы должны поддерживать генерала Деникина, адмирала Колчака и генерала *Харькова...*») Вновь поднимался проект конференции на Принцевых островах, чтобы помирить большевиков с белыми. Ллойд-Джордж высказывал мудрое предположение, что «с наступлением зимы все существующие в России правительства несколько одумаются, и тогда все великие державы будут иметь возможность предложить вновь свое по-

средничество, дабы в России установились наконец порядок и спокойствие...»

Политика Франции была еще более бестолковой и запутанной. С одной стороны, ее правительство определенно держало сторону белых из-за боязни альянса большевиков с Германией. Волна германофильских настроений, поднявшаяся на русском Юге после сомнительного поведения французов в Одессе и Крыму, вызвала в Париже серьезное беспокойство. Россия требовалась Франции в качестве континентальной союзницы. Но все это было на словах, а едва доходило до дела, оно тормозилось мелочными зацепками. Так, глава делегации в Париже ген. Драгомиров после встречи с премьер-министром докладывал Деникину: «Клемансо в конце концов несколько раз объявил, что будет оказывать нам всякую помощь, но не людьми. От «людей» я поспешил отказаться, а настаивал на скорейшей моральной поддержке путем немедленного формального признания правительства Колчака и принятия наших представителей в сонм официальных послов других держав. На это я ответа не получил...» Естественно, ведь признать — значило бы принять Россию в состав стран-победительниц, допустить ее к устройству послевоенной Европы и уделить ей часть плодов победы.

Хотя Франция была богаче других стран оставшимся от войны имуществом, но уступить часть этой завали белогвардейцам она не желала. Меркантильно боялась продешевить, поднимая вопрос о «компенсациях экономического характера». А прислав два парохода с ничтожным количеством грузов, тут же потребовала от Деникина поставить на соответствующую сумму пшеницу. Для Вооруженных сил Юга России, нуждавшихся буквально во всем, такой товарообмен был неприемлем. Параллельно с Деникиным Франция все еще пыталась делать ставку на Петлюру — постоянно битого и не имеющего за собой серьезной силы. Зато после освобождения белогвардейцами Крыма и Одессы французы внезапно вспомнили о своей старой конвенции с англичанами насчет «сфер влияния» и послали в русские порты свои паспортные бюро. Уведомив Деникина, что «контроль над пассажирами, следующими во все порты на запад от Азовского моря, будет осуществляться французскими властями». В ответ было заявлено о недопустимости подобных вмешательств, и что на территории России контроль будут осуществлять русские власти. Штаб ген. Франше д'Эспре поспешил свести конфликт к «недоразумению». Французов допустили на побережье, но лишь для контроля лиц, выезжающих в Константинополь, в зону их оккупации.

При Деникине французским представителем состоял полковник Корбейль, но он действовал только в качестве передаточного звена между белой Ставкой и Константинополем или Парижем. Большие надежды возлагались на приезд осенью миссии ген. Манжена, в задачу которой, согласно верительным грамотам, входило «облегчить сношения между Добровольческой армией и французским командованием для пользы противобольшевистской борьбы и укрепления связей, соединяющих издавна Францию и Россию». Надежды не оправдались. Деятельность миссии свелась к работе осведомительского и консультативного характера, нудным и отвлеченным переговорам, не имеющим конкретного выхода. Что касается Америки, то в ней

сильны были тенденции вовсе отойти от европейской кутерьмы и замкнуться в сфере собственных интересов, как до войны.

В мировом сообществе имелись и радикальные проекты борьбы с коммунизмом. Например, предлагалось допустить Германию и Японию покончить с большевиками, предоставив им за это экономические выгоды в России. Сторонники плана подчеркивали, что разгромленная Германия не в состоянии уплатить наложенных на нее репараций, если ей не дать такого средства восстановления (за русский счет) — словом, убивались два зайца. Но против усиления немцев категорически выступала Франция, а японцев — США (интересно, что в политических прогнозах того времени, и французских, и немецких, предсказывалась возможность возникновения в будущем союза Германия — Россия — Япония или Германия — Россия — Япония — Италия).

Естественным союзником белогвардейцев казалась Польша, имевшая вторую по численности армию в Европе (после большевиков) и находящаяся в состоянии войны с Совдепией. И Деникин относился к ней как к союзнице. Едва установилось сообщение, отправил на родину польскую бригаду Зелинского, сформированную на Кубани. Военные и гражданские власти шли навстречу пожеланиям поляков, стремящихся уехать домой, помогали вернуться беженцам и пленным мировой войны. В общем-то и наступление белых на Киев имело целью соединиться с войсками Пилсудского, что освободило бы всю западную часть фронта для удара на Москву, надежно обеспечив левый фланг белых. Кроме того, это соединение открыло бы железнодорожное сообщение с Западной Европой.

Но какие-либо попытки установить связь с Варшавой кончались неудачей. Послания оставались без ответа. Обещанная польским генштабом еще в начале 19-го миссия так и не появилась, а от посланного в Варшаву русского представителя полковника Долинского не было никаких известий. Наконец, только в сентябре в Таганрог явилась миссия во главе с ген. Карницким. Ей была устроена торжественная встреча. Однако на восторженные приветствия Карницкий ответил более чем сухо. А его начальник штаба майор Пшездецкий на банкете недоуменно спрашивал русского соседа по столу о причинах радушия: «Судя по речам, здесь чествуют союзников. Но поляки еще не союзники...» Через несколько дней он просил полковника Нолькена, заведовавшего в Ставке связью с иностранцами, довести до сведения высших чинов, что русские неверно поняли, будто между Россией и Польшей заключен союз, называя это «недоразумением».

Тем временем военные действия на польском фронте внезапно прекратились. На встревоженные запросы Деникина Карницкий сначала отвечал, что по чисто военным соображениям заключено трехнедельное перемирие, которое уже кончается. Потом стали объяснять отвлечением войск в Силезию из-за осложнений с немцами. Потом — достижением *своих* границ, дальше которых лежат *русские* земли. Переговоры с миссией Карницкого, длившиеся несколько месяцев, не дали никаких результатов. Стороны говорили на разных языках. Поляков интересовал только территориальный вопрос. Вообще Пилсудский претендовал на границы «Речи Посполитой», включая Курляндию, Литву, Белоруссию, часть Украины. Деникину столь неуме-

ренные требования не предъявлялись, но постоянно демонстрировались карты «земель польского расселения», доходившего до Киева и Одессы, предлагалось высказать свой взгляд на судьбы тех или иных областей. Он же настаивал на несвоевременности территориальных споров в условиях войны, необходимости удовлетвориться временной границей, а окончательное решение отложить до мирного времени и избрания общерусского правительства. Белая сторона делала основной упор на возобновлении боевых действий.

О том же Деникин писал Пилсудскому, призывая забыть старые исторические счеты и выступить плечом к плечу против красных. Он писал: «Станем на реальную почву: падение Вооруженных сил Юга России или даже значительное их ослабление поставят Польшу лицом к лицу с такою силою, которая, никем более не отвлекаемая, угрожает самому бытию Польши и гибелью ее культуры. Всякие заверения большевиков в противном — обман...» Варшава оставалась глуха, ослепленная национальным гонором и преувеличенным мнением о собственном могуществе. Посланник Деникина полковник Долинский под предлогом формальных недочетов в его грамотах вообще не был принят в качестве официального представителя и подвергся всяческому унижению. Генералу Бриггсу, прибывшему в Варшаву от Антанты по русскому вопросу, социалист Пилсудский откровенно заявил, что в России ему «не с кем разговаривать, так как и Колчак, и Деникин — реакционеры и империалисты». Надо отметить, что Франция и Англия старались подтолкнуть Польшу к союзу с белогвардейцами или по крайней мере к организации взаимодействия. Но строптивый «дитяtko», вскормленный ими, упорно спускал пожелания «старших» на тормозах. Отговаривались поляки как попало — то заявляли, что Деникин якобы вообще не признает независимости Польши — хотя такая проблема перед белым командованием вообще не стояла, Польша была признана еще Временным правительством. То говорили, что связываться с Деникиным бесполезно — у него, мол, все равно нет никаких полномочий, и он будет ждать указаний Колчака. Хотя полномочия для сношений с сопредельными державами Деникину были предоставлены Колчаком, и поляков он поставил об этом в известность. (Парадокс ситуации заключался еще и в том, что Деникин, обвиняемый Пилсудским в антипольских настроениях, сам родился в Польше, был поляком по материнской линии, и дома разговаривал с матерью только по-польски — она до конца жизни так и не выучила русского языка.)

Цель перемирия с большевиками была ясна — выиграть на ослаблении во взаимной схватке «русских» сторон — и красных, и белых. Британской миссии во главе с членом парламента Мак-Киндером удалось все же сломить антирусское упрямство Пилсудского. Тем не менее он сообщил, что зимой наступать не сможет из-за расстройств тыла и разрухи на занятой территории. Обещал начать активные действия весной. А большевики тем временем сняли с польского фронта лучшие дивизии. Против Деникина отсюда были переброшены 43 тыс. штыков и сабель. Красные войска спокойно развернулись к полякам тылом, начиная наступление на Киев и Чернигов...

72. УДАР МАХНО

В адрес деникинской администрации было высказано много упреков в некомпетентности, слабости, злоупотреблениях. Причины недостатков были те же, что у администрации Колчака. Не было подготовленных кадров — откуда бы им взяться в хаосе войны и перемен власти? Да и шли в местную администрацию далеко не лучшие люди — либо те, кто оказался негоден для военной службы, либо желающие ее избежать. Назначались и офицеры — из престарелых, увечных, временно оставшихся без должности. Естественно, для них дела гражданского управления оказывались филькиной грамотой, в которую предстояло или вникать самому, или полагаться на помощников. Кто-то так и делал, пуская все на самотек. Так что упреки в значительной мере справедливы. Многие авторы даже видят причину поражения Деникина в том, что его администрация не справилась с задачей установления законности и правопорядка на освобожденной территории...

Но при этом упускается один важный фактор. Время. С этой задачей не смогла бы справиться никакая, даже гениальная администрация, потому что кропотливая работа по восстановлению порядка, разрушавшегося в течение трех лет, успела только-только начаться. На большей части территории Добровольческой армии (на Дону и Кубани было свое самоуправление) гражданская власть назначалась в июле-августе 19 г. А уже в октябре она была сметена. Одной из главных причин поражения Деникина часто называют и то, что он не сумел найти контакта с украинским крестьянством, восторженно встретившим белогвардейцев, но вскоре сменившим отношение на враждебное. Утверждение абсолютно голословное (как и «вина» Колчака, не сумевшего найти контакта с сибирским крестьянством). Действительно, сытому и богатому украинскому крестьянству нужен был Деникин в качестве освободителя от большевиков. Но он ему был совершенно не нужен в качестве власти. Оно не хотело никакой власти. Поэтому ни Деникин, ни Петлюра, как бы хороши или плохи они ни были, не способны были стать идеалами украинского мужика. Таким стал Махно.

Сам батько после летнего разгрома какое-то время обретался у Петлюры, занимая фронт в районе Умани. Тут он оправился от поражений, восстановил силы, впитывая в свое воинство бегущих от Деникина красноармейцев. К нему начали интенсивно переходить и петлюровцы — «головной атаман» старался наладить в подчиненных ему войсках хоть какую-то дисциплину, а у батьки была вольная партизанщина. Параллельно фронту тянулись многочисленные обозы разбитой одесской группировки большевиков, советских учреждений и беженцев, старающиеся проскочить к своим между белыми и петлюровцами. Устраивая на них налеты, Махно набрал большое количество лошадей и повозок, обеспечив себе дальнейшие операции. Особенно возросла его главная ударная сила — тачанки. Кстати, для справки — тачанка никак не могла быть «ростовчанкой», «киевлянкой» и т. п. Это были легкие и прочные рессорные повозки, применявшиеся в хозяйствах немецких колонистов на Херсонщине и в Таврии. Махно в свое время стал «первооткрывателем» боевых свойств

такого транспорта и добывал их всеми путями. Вот и тачанки, во множестве реквизированные красными у колонистов при отступлении, большей частью угодили к батьке.

С Петлюрой Махно было явно не по пути — «самостийна Украина» его ни капельки не интересовала, лидерства тут ему не светило, к тому же промежуток между украинцами и деникинцами, обеспечивавший безбедное существование, сомкнулся — с юга подходили части ген. Шиллинга, и фронтальные бои с ними грозили очередным разгромом. Батька решил бросить Петлюру. 26 сентября он внезапно поднял свои банды и повел на прорыв. Два полка ген. Слащева, стоявшие против него, были разгромлены. Махно стремительно рванулся на Кривой Рог и Александровск (Запорожье). Пехота была посажена на тачанки и телеги, утомившихся лошадей меняли у крестьян. 5 октября батько оказался у Днепра. Разбросав малочисленные белые войска, наскоро стянутые для прикрытия переправ, он перескочил на Левобережье, взял Александровск, а 7-го, одолев за 11 дней около 600 км, появился в Гуляй-Поле.

Тотчас махновщина распространилась на огромной территории. Силы батьки оценивали в 40—50 тыс. чел., хотя никто их, собственно, не считал. Почти в каждом селе возникали отряды, связанные со штабом Махно или действовавшие самостоятельно, собиравшиеся в крупные банды и снова рассыпавшиеся. «Кадровое» ядро армии, состоящее из буйной вольницы, уголовников, анархистов, матросов, дезертиров, насчитывало около 5 тыс. чел. Это были отчаянные головорезы, живущие одним днем. Очевидец, Н. В. Герасименко, писал: «Кадровых махновцев можно было определить по их шутовским, чисто маскарадным запорожским костюмам, где цветные дамские чулки и трусики уживались рядом с богатыми шубами». Они во множестве гибли в боях, от болезней, от постоянного пьянства, но на их место тут же находились другие, дорывающиеся до «вольной» жизни. Кроме этого ядра, по первому же сигналу батьки создавались крестьянские полки, достигавшие 10—15 тыс. в крупных операциях, суливших богатую добычу. В тайных складах по селам пряталась масса оружия, вплоть до артиллерии. Причем крестьяне только себя считали настоящими махновцами, а «кадровых» бандитов презрительно именовали «раклом» и не стеснялись особо буйных выпроваживать из деревень пулеметами. На «священную» личность батьки это отношение никоим образом не переносилось.

Противостоять восстанию было некому. Все белые силы сосредоточились на фронте. Гарнизоны, даже в крупных городах, составляли по несколько рот, а то и взводов. Государственная стража (т. е. гражданская милиция) только создавалась и была малочисленной. Например, в распоряжении екатеринославского губернатора, в эпицентре восстания, находилось около сотни стражников при 2 пушках. Все эти отряды легко громились крупными бандами. В короткое время махновцы заняли Орехов, Пологи, Токмак, Мелитополь, Бердянск. В Бердянске располагались деникинские артиллерийские склады, поэтому охрана города была более солидной и занимала сильную позицию. Однако агенты Махно подбили на восстание местных рыбаков, которые ночью напали с тыла на белую артиллерию и захватили ее. Город был взят штурмом. Гражданские власти спаслись на ко-

раблях — кто сумел. Добровольцы, засевшие в порту, отчаянно отбивались, но были истреблены. Склады Махно взорвал. Вслед за войсками повстанцев во взятые города наезжали тысячи крестьянских подвод. Вывозили все, что могли, из магазинов, собирали оружие, грабили горожан. Распускались мобилизованные, сжигались и грабились армейские склады продовольствия и имущества. Офицеров убивали — за каждого найденного и выданного махновцы платили по 100 р. уличным мальчишкам. За какие-нибудь 2—3 недели весь тыл Добровольческой армии был разрушен, с большим трудом налаживаемая хозяйственная и гражданская жизнь уничтожена, местная администрация прекращала существование — вынужденная спасаться бегством или истребляемая. Вскоре махновцы взяли Мариуполь, оказавшись в 100 км от Таганрога, Ставки Деникина, они угрожали Синельникову и Волновахе — крупной артиллерийской базе.

Невзирая на напряженные бои с большевиками, белому командованию пришлось срочно снимать войска с фронта и перебрасывать против Махно. В районе Волновахи под командованием ген. Ревшина были собраны терская, чеченская дивизии, конная бригада, 3 пехотных полка и 3 запасных батальона. 26.10 эта группировка перешла в наступление. Одновременно из состава группировки Шиллинга Деникин повернул против Махно корпус Слащева, ранее предназначенный для усиления московского направления. Он начал действовать с запада, от Знаменки, и с юга, от Николаева, подавляя махновщину, распространившуюся на Правобережье Днепра. Напряженные бои шли в течение месяца. Сначала Махно цеплялся за линию Бердянск — Гуляй-Поле — Синельниково и упорно пытался сопротивляться, но белые наносили удар за ударом, оттесняя его банды к Днепру. Наконец, когда повстанцы, отступившие от Токмака и Чаплино, ждали очередного наступления со стороны Таганрога, белая конница, совершив скрытую переброску, обрушилась на них со стороны Лозовой. Оборона окончательно рухнула. Повстанцы метались туда-сюда, рассыпались по деревням. Были перебиты и переловлены многие видные помощники Махно и подчиненные ему атаманы. Прижатые к Днепру, махновцы стекались к никопольской и кичкасской переправам. Но их уже заняли подошедшие с запада части Слащева. Повстанцы гибли там тысячами.

Однако сам Махно с «кадровым» ядром ушел на Правобережье заблаговременно, едва лишь Ревшин начал трепать его войска. И внезапно напал на Екатеринослав. В дополнение к фронтальной атаке он устроил переполох в тылу — под видом крестьян, едущих на базар, махновцы проникли в город, везя под продуктами винтовки и пулеметы. Белогвардейцы, их семьи, многие обыватели бежали по единственной дороге, оставшейся свободной, — железнодорожному мосту через Днепр. Мост батяка тут же взорвал и укрепился в губернском городе, опоясав его с сухопутной стороны многочисленными пулеметами. О судьбах своего движения он особо не беспокоился — часто воевал не он, а его имя. И пока он сидел в Екатеринославе, имя Махно продолжало будоражить украинских повстанцев. Из тюрем и арестантских рот были выпущены все заключенные, а тюремные здания сожжены. Пьяные махновцы обходили квартиры, грабили и убивали попадающихся им офицеров и чиновников. Иногда в разгар загула

Махно мчался среди ночи на свои батареи и открывал огонь по окопавшимся на левом берегу белогвардейцам. Те начинали отвечать. Исстрадавшиеся жители, кляня тех и других, устремлялись по подвалам — кто знает, куда угодит в темноте очередной снаряд?

В Екатеринославе серьезной опасности подвергся и батька — но не от белых, а от большевиков. Они давно уже плели вокруг Махно заговор, внедряли в его окружение своих людей. Теперь решили, что время пришло. Предполагалось, что группа из коммунистов во главе с Полонским, командиром одного из махновских полков, устранит батьку, а из его частей намечалось выделить «здоровый элемент» и вести на соединение с Красной армией. Правда, Махно, со свойственной ему интуицией, почуял неладное. Стал предпринимать ответные меры. На последнее заседание губкома партии, обсуждавшее готовность к перевороту, явился некий «товарищ Захаров», назвавшийся представителем ЦК КП(б)У и предъявивший безупречный мандат с высокими подписями. Его ввели в курс дел, выслушали похвалы и рабочие замечания. Оказался он махновским контрразведчиком. И когда той же ночью Полонский пригласил Махно на ужин «по случаю именин жены», то своей, большевистской засады, он в доме не обнаружил — ее уже арестовали. Насладившись недоумением Полонского, вывели его и прикончили. Та же судьба постигла еще 12 коммунистов, пробравшихся на командные посты в армии Махно и вычисленных им. Губком батька не репрессировал, но строго предупредил, что «он коммунистов не трогает, но ревкомы и вообще органы власти, поставленные коммунистами, будет расстреливать».

К концу ноября совместными действиями группировки Ревизи-на и корпуса Слащева нижнее течение Днепра было очищено от повстанцев, 8.12 Слащев подступил к Екатеринославу. Прикрываясь артогнем, Махно прорвался по шоссе на Никополь. Но едва Слащев занял город и отправил в Ставку донесение о победе, как батька вернулся и неожиданно контратаковал. Создалась критическая ситуация — махновцы захватили железнодорожную станцию, на которой находился штаб корпуса. Повстанцы наседали со всех сторон. Положение спасла храбрость и решительность Слащева, лично бросившегося в штыки со своим конвоем. Нападение отбили, и преследуемые повстанцы откатились от города. Однако победители оказались в положении осажденных. Еще дважды контратаки повторялись, махновцы врывались на окраины, и оба раза их отбрасывали. А потом Махно перешел к своей старой партизанской тактике. На слащевцев посыпались мелкие, неожиданные удары то в одном, то в другом месте. Махно был неуловим, предугадать его нападения и обнаружить отряды, рассыпающиеся по деревням, не было никакой возможности. Слащев и сам прошел богатую партизанскую школу в отряде Шкуро, в Крыму. Много он перенимал у махновцев — в частности, взял на вооружение тачанки. И кое-какие ответные меры ему удавались — постоянным маневрированием, изматывающими перебросками войск с места на место, с одного угрожаемого участка на другой. И хоть основное восстание было подавлено, но дальнейшая борьба с Махно приняла затяжной характер...

73. ГЕНЕРАЛЬНОЕ СРАЖЕНИЕ

В середине октября положение белых армий Юга заметно ухудшилось. Тылы были разрушены махновским восстанием, а большевики заключили перемирие с поляками и с петлюровцами, все больше ориентирующимися на Польшу, и их 12-я армия повела на добровольцев наступление с запада. Группа ген. Драгомирова, прикрывавшая это направление, была довольно слабой. Надежды на то, что она существенно пополнится в Киевской области, настрадавшейся под большевиками, не оправдались. В огромном городе набралось ничтожно мало добровольцев. Наиболее активная часть граждан ушла к белым еще в 18-м, при гетмане, схлынула на юг, была уничтожена красным террором. А большинство киевских обывателей, несмотря на словесные симпатии к белым, занимали наблюдательную позицию.

Деникину пришлось приостановить движение на Москву и перебрасывать полки с главных направлений под Киев и против махновцев. В критический момент фронт на севере оказался существенно ослабленным — а между тем там собирались грозные тучи. Если в прошлых операциях основные удары красных неизменно нацеливались в стык между Донской и Кавказской армиями, то теперь план был изменен. Большевики решили уничтожить самое боеспособное ядро деникинцев — Добровольческую армию, придя к справедливому выводу, что только это способно принести им решающий перелом в войне. 13.10.19 Ленин писал: «Директива Цека ограбить все фронты в пользу Южного». Так и было сделано. К началу наступления с других фронтов сюда были переброшены 75 тыс. штыков, 18 тыс. сабель, до 300 орудий и 3 тыс. агитаторов — в дополнение к уже имеющимся силам (всего же, как уже упоминалось, с сентября по ноябрь войска, действующие против Деникина, получили 325 тыс. чел. пополнений).

Одна группировка создавалась под Воронежем из 8-й армии и кавкорпуса Буденного. В ее задачу входило прорвать фронт и отрезать друг от друга «социально-чуждые элементы» — офицеров-добровольцев от казаков Дона и Кубани. Советское командование рассчитывало, что, утратив связь с «реакционным офицерством», казачий фронт быстро зашатается и рухнет. Другая группировка формировалась в районе Брянска и Орла, чтобы нанести смертельный удар 1-му корпусу Кутепова. Тут сосредоточивалась 14-я армия, фактически созданная заново. Против лучших частей добровольцев и большевики бросили отборные войска. В состав армии вошла свежая Латышская дивизия — 10 тыс. пехоты и 3 тыс. конницы, Эстонская дивизия — такого же состава, 8-я кавдивизия Примакова, 7-я и 9-я дивизии, по девять полков в каждой, отдельные полки и бригады. Вспомогательные удары наносили 12-я армия — на Киев и Чернигов, 13-я — вместе с 14-й, а 9-я и 10-я — на Дон.

У Деникина на противобольшевистском фронте было 98 тыс. чел.: 9 тыс. — в Киевской группе, 20,5 тыс. — в Добровольческой армии, 50 тыс. — в Донской и 14,5 тыс. — в Кавказской. Белая Ставка из донесений разведки знала о концентрации противника, но резервов у нее не было. Вражеский натиск предстояло встречать наличными силами. 14 октября корпус Буденного, в подчинение которому была передана вся кавалерия 8-й армии, отбросил к югу левый фланг Дон-

ской армии и двинулся на Воронеж. Ему противостояли 3-й кавкорпус Шкуро и 4-й Донской корпус Мамонтова, выдохшиеся и понесшие большие потери в недавних наступательных боях. К тому же из состава 3-го корпуса Терская дивизия ушла против Махно, а 4-й Донской так и не пришел в себя после победоносного рейда. Многие казаки, распущенные по станицам на отдых, еще не вернулись. Даже сам Мамонтов был в отпуске, а на фронте оставались всего 3,5 тыс. чел. На эти части навалилось 12—15 тыс. свежей конницы. Тем не менее несколько дней на подступах к Воронежу бои шли с переменным успехом. Шкуро, принявший общее командование, даже пытался контратаковать. Лишь 19.10 наметился перелом. Буденный, поставив в оборону приданную ему пехотную дивизию, конницей напал в обход на атакующих белогвардейцев и нанес им поражение. Через три дня он подступил к Воронежу и пошел на штурм. Под двойным ударом, с севера — кавалерии Буденного, с юга — пехотных частей 8-й армии, Шкуро оставил город и отошел за Дон. Закрепиться на правом берегу Буденный ему не дал. Преследуя белых, он повернул на запад и с боями вышел к Нижнедвигу, угрожая тылам и левому флангу корпуса Кутепова. А южнее части 8-й красной армии заняли Лиски (Георгиу-Деж).

17 октября началось и наступление западной группировки, 1-й Добровольческий корпус встретил его тоже ослабленным. Восемь полков из его состава были переданы под Киев и против Махно. В районе Дмитровска оборону занимала Дроздовская дивизия, под Орлом — Корниловская, под Ливнами — Марковская. Следует только помнить, что в отличие от красных, *девятиполковых*, эти дивизии были *трехполкового* состава, т. е. главные силы корпуса по численности примерно соответствовали *одной* красной дивизии. Под Орлом завязалось ожесточенное сражение, где быстро перемешались и белые, и красные. Эстонская и 9-я дивизии были брошены на добровольцев в лоб, а латыши и 8-я кавдивизия нанесли удар с фланга, от Брянска. У станции Мелихово они смяли и отбросили Самурский полк и вышли к Кромам, где находились дроздовские части. После боя они вынуждены были отходить на север к Орлу, на соединение с корниловцами, успешно отбивавшими атаки эстонцев. Латыши после взятия Кром тоже повернули на Орел, выходя к городу с юга и беря его в кольцо. Но 19.10 корниловцы ночной атакой прорвали окружение, и белые части вышли из Орла. На следующий день его заняли большевики. Однако в то же время Май-Маевский, собрав на правом фланге части дроздовцев, самурцев, части 5-го кавалерийского корпуса, начал контратаку и нанес ударной группировке 14-й армии серьезные поражения под Севском и Дмитровском. Белые отбили у большевиков и Кромы, восстановив целостность фронта.

Кроме 14-й, на Кутепова двинулась и 13-я красная армия, которой противостояла одна лишь Марковская дивизия. Под давлением противника она оставила Ливны, но держалась стойко. Прорыва фронта советскому командованию добиться не удалось. В результате двухнедельных кровопролитных боев красные войска понесли огромные потери (например, из Латышской дивизии было 50% личного состава), но потеснили добровольцев всего на 40—50 км. А получив подкрепления, Кутепов в первых числах ноября сам нанес удар. Латыши

покатились назад. Их командир Калнин срочно просил поддержки. Но одновременно на другом участке Уборевич атаковал силами двух дивизий и, взломав белую оборону, бросил в прорыв кавдивизию Примакова. Она пошла на Поныри и Фатеж, взорвав там железнодорожное полотно и оборудование станций, перебив караульные команды и немногочисленные гарнизоны. Серьезная угроза обозначилась и на правом фланге. Корпус Буденного вышел к крупному железнодорожному узлу Касторной и начал атаки на него. На поддержку Шкуро сюда был оттянут один из марковских полков. День за днем они отбивали приступы красной конницы. А 13-я армия врага, прорывая и обходя тонкую нитку еще более ослабленной обороны марковцев, заняла Малоархангельск. Кутепову приходилось снова отходить. Добровольческая армия укрепилась на линии Глухов — Дмитриев — Фатеж — Касторная. Попытки красных с ходу прорвать ее были отбиты. А 7-ю дивизию большевиков, введенную из резерва, серьезно растрепали очередным контрударом.

На фронте Донской армии шли бои с переменным успехом. В связи с ситуацией, сложившейся под Воронежем, Деникин требовал от ген. Сидорина оттянуть основные силы к левому флангу. Донское командование этих требований не выполнило, стараясь понадежнее прикрыть казачьи земли, поэтому главное кавалерийское соединение, корпус ген. Коновалова (9700 сабель и 6000 штыков) был оставлен в центре фронта, на Хопре, а на Воронежское направление поставлен более слабый, 3-й Донской корпус, состоящий в основном из пехоты. Впрочем, огульно винить Сидорина в узком «сепаратизме» тоже нельзя. Он просто учитывал психологию казачества, защищавшего не абстрактные километры территории, а свои дома и семьи. На Дон снова лезла 9-я красная армия, развернулась значительная часть 10-й. И переброска на «чужой» фронт могла привести к тому, что враг войдет в родные станицы. Казаки или не пошли бы туда, или в значительной мере утратили бы боеспособность, сражаясь с оглядкой: «А как там дома?»

С 25.10 красные ввели в бой свежую силу — заново сформированный 2-й кавкорпус Думенко, связавший конницу Коновалова, и возможность переброски отсюда ударных донских частей окончательно отпала. Нанеся ряд частных контрударов, в ходе которых было взято 3 тыс. пленных и 16 орудий, Донская армия постепенно отошла за линию Дона и Хопра, где и заняла оборону. 8.11 красные предприняли против нее общее наступление, но были отбиты по всему фронту. А левофланговый, 3-й Донской корпус, нанес успешный удар в направлении на Воронеж. В районе Боброва и Таловой им была разбита 12-я дивизия красных и отброшена к востоку, большевистский фронт прорван на стыке 8-й и 9-й армий. Враг побежал... Развить этот успех не удалось. Своевременной поддержки корпус не получил, а красные ввели крупные подкрепления — две бригады из фронтового резерва, 5 тыс. штыков из резерва главного командования. Казаков остановили, и дыру во фронте залатали.

Что касается малочисленной Кавказской армии, то она уже не могла оказывать решающего влияния на события. В середине октября она сильно потрепала и отбросила группировки противника, снова подступавшие к Царицыну с севера и с юга, но и сама была обескров-

лена. Многие командиры выбыли из строя, в дивизиях оставалось по 500—800 чел. Даже провести хорошую демонстрацию наступления, чтобы отвлечь часть красных сил от Дона, она была не в состоянии. Судьба генерального сражения, развернувшегося от Царицына до Киева, несмотря на громадный перевес красных, в течение месяца боев все еще колебалась, не склоняясь ни в ту, ни в другую сторону...

74. КУБАНСКАЯ СВИСТОПЛЯСКА

Самый сильный удар в спину Вооруженным силам Юга России нанесла Кубань. Дон уже переболел «революционной дурью», получив жестокий урок геноцида. Для Кубани пример соседей оказался недостаточным. К тому же другие казачьи войска постоянно пребывали в напряжении, Дон — отражая атаки красных на свою территорию, Терек — набеги горцев. Кубань больше года прожила сыто, спокойно — и этого хватило, чтобы забыть об ужасах большевизма и предаться иллюзиям безопасности собственного положения. В отличие от донцов, у которых нездоровые настроения когда-то всколыхнулись «снизу», здесь они порождались «сверху». В составе Кубанской Рады (двухпалатной — Краевой и Законодательной) было много социалистов, имелось сильное крыло «самостийников». Обе эти силы объединились в резкой оппозиции к белому командованию, в борьбе за «вольную демократическую Кубань». Пока война полыхала неподалеку от границ, отношения были натянутыми, но терпимыми. К лету 19 г. они приняли характер открытой вражды.

Первым поводом (но не причиной) стало убийство 27.6 в Ростове председателя Краевой Рады Рябовола. Виновных не нашли, но поскольку Рябовол являлся одним из лидеров самостийников, то Рада обвинила в его смерти «врагов народа, слуг реакции, монархистов», т. е. добровольцев, устроив против них политические демонстрации в прессе и со своих трибун. Когда же Ставка Деникина в связи с одержанными победами перебралась из Екатеринодара в Таганрог, а Особое Собрание — в Ростов, самостийники почувствовали себя освободившимися от их опеки и взяли курс на полный разрыв.

Кубань оцепила себя таможенными барьерами. Не говоря уж о «добровольческих» областях, она отказалась продать хлеб даже Дону. Когда донская делегация явилась по данному вопросу в Раду, депутат Макаренко выкрикнул ей: «А, христарадничать приехали!» (В результате Дон купил зерно на той же Кубани, но дороже, через спекулянтов, раздававших «по таксе» взятки всей администрации.) В газетах, выступлениях лидеров на деникинцев сыпались обвинения, часто совершенно беспочвенные. Писалось, например, что на фронте «кубанцы, терцы, донцы, а добровольцы ютятся в штабах, театрах и интендантствах» — в то время, как Добровольческая армия шла к Москве. Особое Собрание квалифицировалось, как «сила, стремящаяся отдать демократию в рабство» или, по словам И. Макаренко, «коршун, который ждет лишь того времени, когда можно будет выклевать глаза Кубанскому краю и отнять у него землю и волю». Смаковались поражения Колчака. Клеймился «Осваг» («осведомительное агентство», деникинский орган пропаганды), «длинными реакционными

щупальцами охвативший Кубань». А в витринах «Коп» (краевого отдела пропаганды) вывешивались не только местные газеты, где жирно подчеркивались выпады против Добровольческой армии, но даже экземпляры «Известий» и «Красноармейца». Велись сепаратные переговоры с Грузией и с Петлюрой. Представитель Грузии с трибуны Рады открыто заявлял, что его республика «не может разговаривать с теми, кто идет завоевывать и подчинять, а не освобождать», но зато хочет видеть рядом с собой суверенную Кубань и готова прийти ей на помощь для защиты «демократии и свободы». Председатель кубанского военно-окружного суда Лукин, представивший Деникину доклад о росте украинско-сепаратистского движения на Кубани и о прибытии в Екатеринодар тайной петлюровской делегации, был через день убит неизвестными лицами.

Атаман Филимонов, человек слабый и нерешительный, пытался угодить «и нашим и вашим», отыскивая компромиссы и сглаживая острые углы. Впрочем, по кубанской «конституции» атаманская власть была ничтожной, и он оказался в положении передаточного звена между белым командованием и Радой, выслушивая упреки с обеих сторон. Деникин до поры до времени терпел, относя нападки к обычной партийной грызне, коей на Юге хватало. Он даже предлагал Особому Совещанию условиться с кубанским правительством о взаимном прекращении газетной травли — поскольку «российская» печать, естественно, вовсю отвечала на выпады самостийников.

Но конфликт ширился. Кубанские лидеры разъезжали с агитацией по станицам, доходили до клеветы. Мол, хлеб дорог, потому что Деникин решил весь урожай отдать Англии в уплату за снабжение. Мол, не хватает мануфактуры и других товаров из-за «блокады Кубани». Мол, добровольцы ходят в отличном обмундировании, в то время как кубанцы «босы и голы». Возмущались тем, что казаков заставляют воевать с «дружественными кубанцам» горами Дагестана и Чечни, с «родственными им украинцами Петлюры». Высказывались требования снять с фронта кубанские части и поставить их «сильными гарнизонами» у себя дома. Звучали даже призывы непосредственно к казакам — бросать ряды деникинских войск. Добровольческая армия называлась «виновницей гражданской войны», т. к. «не преследуй она целей насаждения монархизма, давно можно было бы окончить войну и примириться с большевиками, устроив в России народную республику». Подбить народ на активные действия подобной агитацией не удавалось — рядовому казачеству было глубоко плевать и на «самостийность», и на «демократию», но в станичных настроениях пошел полный разброд и неразбериха. А главное — эта пропаганда разлагала армию. Патриотический подъем угасал, и политика Рады открывала дорогу простейшему шкурничеству.

Пока Кавказская армия, состоявшая в основном из кубанцев, наступала на Царицын и Камышин, ее боевой дух еще держался на высоком уровне. Но затем последовали тяжелые оборонительные бои, не сулящие никакой «добычи». Начиналась осень с холодами и тифом. И пошло повальное дезертирство. Удирали с фронта, не такого уж далекого от дома. Уехавшие на побывку или излечение назад не возвращались. Дезертиры свободно проживали в станицах — кубанские власти их не преследовали. Шли в банды «зеленых», сущест-

ование которых на Кубани стало почти легальным — большинство их вожаков были связаны с лидерами Рады. Находили приют в екатеринодарских запасных частях, которые Рада содержала под своим крылышком для создания «собственной» армии. Шли в «гайдамаки» — охранные отряды Рады. Осенью дошло до того, что во фронтовых полках осталось по 70—80 сабель. Приток пополнений и снабжения с Кубани полностью прекратился.

После отчаянных усилий военного командования все же удалось добиться выхода кое-каких подкреплений на фронт. Состав полков Кавказской армии довели до 250—300 чел. Легче от этого не стало. Как писал Врангель: «На фронте оставалась лучшая часть казаков, в станицах засели ушедшие в тыл шкурники и грабители. Ныне они в виде пополнения вновь вернулись в части, и вернулись развращенные теми, в чьих задачах разложить и ослабить армию». Положение становилось критическим. Зарвавшиеся самостийники решили окончательно захватить власть на Кубани. Из органов управления теми или иными способами удалялись сторонники единства Белого Движения. Так, Радой было выражено «недоверие» походному атаману Науменко, и он вынужден был уйти в отставку. Велась активная работа по свержению Филимонова и замене его своим человеком. На начало ноября была назначена чрезвычайная сессия Краевой Рады.

В Таганрог прибыл Врангель. И он, и Деникин сошлись во мнении, что ситуация грозит выйти из-под контроля и что дальше терпеть происходящее невозможно. Вначале предполагалось действовать по возможности мирно. Врангель должен был переговорить с кубанскими старшими военачальниками и «умеренными» лидерами, а также сосредоточить к открытию Рады в Екатеринодаре надежные войска. Как командующий Кавказской армией, он был приглашен на сессию в качестве гостя и собирался выступить с речью, обрисовав тяжелое положение армии. Рассказать, как отражается на ней тыловое политиканство, настоять от имени фронта на необходимости усиления атаманской власти и др. После его речи «умеренные» депутаты должны были внести предложение о соответствующих поправках в конституцию. В случае их принятия Врангель намеревался провести парад войск и уехать на фронт, а в случае непринятия устроить вместо парада что-то вроде митинга и напрямую объяснить войскам, в чем дело. Надавить на Раду их возмущением, а в крайнем случае — силой.

Но события развивались иначе. Самостийники и левые с самого начала захватили верховодство Радой и повели себя крайне агрессивно. Заместителем председателя («бессменным председателем» постановили считать покойного Рябовола), не допустив обсуждения кандидатур, избрали И. Макаренко, за несколько дней до того агитировавшего по станицам: «Идет батько Махно и несет свободу». Надежда на мирное урегулирование терялась. Даже казачьи деятели, вроде ген. Науменко, во многом не согласные с Деникиным по кубанскому вопросу, считали теперь необходимыми крайние меры.

Наложилось еще одно обстоятельство. Стало известно, что в Париже кубанская делегация в составе Быча, Савицкого, Калабухова и Намитокова подписала сепаратный договор с «меджлисом горских народов Кавказа», где признали взаимный суверенитет и независи-

мость, договаривались о мире и дружбе вплоть до того, что «войсковые части одной из договаривающихся сторон могут переходить на территорию другой не иначе как по просьбе или согласию правительства этой стороны. Войска одной стороны, находящиеся на территории другой, поступают в подчинение этой последней». Это переполнило чашу терпения Деникина, и он отдал приказ, где договор расценивался как измена, а лиц, заключивших его, предписывалось при появлении на территории Вооруженных сил Юга России предать военно-полевому суду.

Оглашенный на заседании Рады 9.11 приказ вызвал бурю протеста, как нарушение Деникиным кубанского «суверенитета». Атаман Филимонов допускал, что делегация превысила полномочия, но телеграфировал в Ставку, что «упомянутые лица являются дипломатическими представителями Кубани и как таковые пользуются неприкосновенностью». И подлежат они только кубанскому суду. Правительство уклончиво пояснило, что договор — лишь проект «на случай, если бы Антанта признала власть большевиков». А Рада осудить делегацию отказалась и постановила, «не касаясь существа вопроса о договоре, протестовать самым энергичным и решительным образом против означенного приказа ген. Деникина и требовать его отмены».

Для Врангеля быть «гостем Рады» стало невозможно из-за постоянных оскорблений в адрес белого командования и добровольцев, присутствия в ней лиц, признанных изменниками. По его предложению Кубань была включена в тыловой район Кавказской армии, командующим которым стал ген. Покровский. Решение вызвало новую бурю. Макаренко призывал обратиться к населению с воззванием «Отечество в опасности» и поднимать казаков. Рассылались делегаты за поддержкой к казачьим кругам Дона и Терека. Но большинство депутатов перепугалось — энергию и жестокость Покровского они знали еще по 18-му году.

Миндальничать Покровский действительно не стал. Получив подтверждение приказа арестовать изменников и «принять по Вашему усмотрению меры к прекращению преступной агитации в Екатеринодаре», он 18.11 предъявил ультиматум: выдать ему в 24 часа Калабухова (единственного члена парижской делегации, оказавшегося в России) и 12 лидеров самостийников. Макаренко и его единомышленники окружили здание Рады своими «гайдамаками», попытавшись арестовать Филимонова и захватить власть. Заявляли, что «атамана у нас больше нет», но напуганные Покровским депутаты голосованием выразили доверие атаману, и Макаренко, произнеся покаянную речь, сбежал. А Покровский, когда срок ультиматума истек, занял войсками улицы, прилегающие к зданию Рады, подъехал к нему на коне и дал новый срок — 5 минут. Намеченные им члены Рады сдались. Калабухов был предан суду и повешен. Остальных арестованных по ходатайству кубанской делегации, выехавшей к Деникину, выслали в Константинополь. Макаренко, скитавшийся по хуторам, явился через несколько недель и, покаявшись, обещал отойти от политической деятельности. Делегаты, посланные на Дон и Терек, ни малейшей поддержки там не нашли — общее настроение было против них.

Приехавшего Врангеля Рада встретила бурными овациями и выслушала его речь стоя. В ближайшие дни она приняла резолюцию о

единении с Добровольческой армией, лишении полномочий парижской делегации, внесла поправки в кубанскую конституцию. Атаман Филимонов, посчитавший действия деникинцев вмешательством во внутренние дела Кубани, ушел в отставку. На его место был избран ген. Н. М. Успенский. Удар по кубанской оппозиции многие мемуаристы и историки квалифицируют как одну из главных причин последующих событий и итоговой катастрофы. Это категорически неверно. Яркие примеры армий Колчака и Миллера, где оппозицию так и не тронули, говорят об обратном. Скорее к причинам поражения Деникина можно отнести то, что силовое решение последовало слишком поздно...

75. ПЕРЕЛОМ НА ЮГЕ

В середине ноября, произведя перегруппировку и получив серьезные подкрепления, красные снова усилили натиск по всему деникинскому фронту. Киевская группировка ген. Драгомирова еще держалась, хотя ее позиции находились всего в 40—60 км от города: у Фастова и по р. Ирпень. Но севернее большевики заняли Чернигов и переправы через Десну, 12-я армия красных хлынула на днепровское Левобережье, разорвав связь между войсками Драгомирова и Май-Маевского. К 18.11 она захватила Бахмач, угрожая левому флангу Добровольческой армии. Прорыв образовался и на правом фланге. 17.11 корпус Буденного после одиннадцатидневных боев занял Касторную. Потом красные каким-то образом насчитали, что под Касторной против них дрались 54 белых полка, но там находились только марковцы и группа Шкуро, в которой оставалось 1800 сабель.

Линия обороны начала рваться и на центральном участке добровольцев, где 14.11 части 14-й армии Уборевича нанесли удар на Фатеж. При этом опять в белые тылы была брошена 8-я кавдивизия. Пользуясь сильной метелью, она просочилась через очень поредевший фронт белогвардейцев и атаковала Льгов, где находился полевой штаб Май-Маевского и штаб Алексеевской дивизии, его резерва. Вырвавшись из-под удара, штабы отступили в Суджу. Львовский железнодорожный узел был разрушен, связь между частями Добровольческой армии прервана. Дроздовская дивизия, занимавшая оборону под Дмитриевым, оказалась отрезанной от своих. В то же время 13-я красная армия захватила г. Щигры. Курск оказался обложен с трех сторон. Начались бои за город. Оставалась свободной одна дорога — на Белгород. Делались попытки восстановить движение через Льгов. 1-й Дроздовский полк под командованием полк. Туркула, отступая, выбил оттуда красных. Однако следом подходили большевистские стрелковые дивизии, и под напором превосходящих сил дроздовцы отошли за р. Сейм. Высланные из Курска бронепоезда наткнулись на взорванные пути, а потом красные разрушили полотно и у них в тылу. 41-я советская дивизия обложила их кольцом. После жестокого боя экипажи взорвали поезд и, прорвав окружение, ушли на юг. 19.11 красные ворвались в Курск и после уличных сражений, продолжавшихся сутки, завладели городом. Добровольческая армия отошла на линию Сумы — Белгород — Новый Оскол.

Одновременно 9-я красная армия возобновила наступление на

Дон. Почти везде казаки отбили атаки пяти вражеских дивизий, однако 2-й кавкорпус Думенко 11.11 взял Урюпинскую, а вслед за тем сумел глубоко вклиниться между 1-м и 2-м Донскими корпусами. Оборона по Хопру была прорвана. 10-я армия красных снова постаралась овладеть Царицыном и снова была отброшена с большими потерями. В связи с малочисленностью вся Кавказская армия стягивалась в Царицынский укрепрайон. Вскоре начался ледоход, и части, расположенные за Волгой, перевели в город, на правый берег. Их место тут же заняла 50-я дивизия 11-й красной армии. С этого времени Царицын стал ежедневно подвергаться артиллерийскому обстрелу через Волгу. С юга и севера его оборону периодически прорывали атаками.

В связи со своими успехами красное командование решило, что пора приводить в исполнение вторую часть стратегического плана: прорывом от Воронежа к Азовскому морю расчленить Вооруженные силы Юга России, отсекая добровольцев, сражающихся на Украине, от казачьих областей. Корпус Буденного разворачивался на юг. Он насчитывал к тому времени 10 тыс. сабель, 28 орудий, 32 броневика. В оперативное подчинение Буденному придавались 9-я и 12-я стрелковые дивизии, во взаимодействии с ним должны были наступать, прикрывая его фланги, 40-я и 42-я дивизии. Его войска усиливались 4 бронепоездами, авиаотрядом из 12 самолетов, автобронепоездом из 15 грузовиков с пулеметными установками. То есть кулак собирался мощный.

В это время произошли перестановки в белом командовании. Из-за недочетов, все чаще проявляющихся в руководстве армией, Деникин снял Май-Маевского. И лишь после отстранения от должности и разбирательства выяснилось, что Май-Маевский, во всех прочих отношениях талантливый военачальник и храбрый солдат, еще до гражданской страдал запоем. Возглавив армию, он какое-то время сумел держать себя в руках, но после взятия Харькова, побед и посыпавшихся банкетов сорвался... Поражения октября-ноября усугубили эту болезнь. Когда Деникин обратился с упреками к Кутепову, почему своевременно не доложили об этом, тот ответил: «Вы могли бы подумать, что я подкапываюсь под командующего, чтобы самому сесть на его место». Добровольческую армию возглавил Врангель, Кавказскую принял Покровский. А Май-Маевский был уволен, прожил год в нищете и умер от разрыва сердца в день эвакуации Севастополя.

Выбыл из строя и Шкуро, у которого сказывались последствия недавней контузии. Группировку из 3-го конного и 4-го Донского корпусов, вернее, то, что от них оставалось, возглавил Мамонтов. Конечно, противостоять Буденному она не могла. Деникин предпринимал все меры, чтобы собрать на стыке Добровольческой и Донской армий более-менее значительную силу, способную предотвратить прорыв. Возвращались на фронт войска Шкуро, брошенные против махновцев и только-только закончившие операцию по уничтожению основной массы повстанцев. Из состава Кавказской армии был взят 2-й Кубанский корпус Улагая. Донская армия после настойчивых требований Ставки направила пополнения в корпус Мамонтова, а также пластунскую бригаду и сводную кавдивизию в 700 сабель. В результате к началу декабря восточнее Харькова стягивалась группировка из 7 тыс. сабель и 3 тыс. штыков при 58 орудиях.

5.12 Буденный пошел на прорыв, вбивая глубокий клин в направлении Старобельска. Мамонтов под Валуйками нанес ему фланговый удар. 42-я дивизия красных, обеспечившая прорыв со стороны Харькова, была смята. Лишь переброска из-под Курска 9-й дивизии, приостановка наступления Буденного и поворот его к Валуйкам помогли большевикам восстановить положение. Несколько дней шли упорные бои за этот населенный пункт. 9.12 красным удалось отбросить Мамонтова и, взяв Валуйки, продолжить движение на юг. Врангель принял армию в катастрофическом положении. Войска потеряли более половины личного состава. В строю оставались около 8,5 тыс. чел. против 60 тыс. у неприятеля. На правом фланге прорывался Буденный. На левом — шла на юг вдоль Днепра вклинившаяся 12-я армия. Пользуясь ее успехом, фланг начинали обходить и части смежной, 14-й армии.

В тылу — Полтавской, Харьковской губерниях — разрастались восстания. Брались за оружие попрятавшиеся по селам махновцы. Вовсю развернулись 3 тыс. красных агитаторов, заброшенных сюда перед началом решающей битвы. Свои отряды создавали боротьбисты — левое крыло украинских эсеров, вошедшее в коалицию с большевиками. Мелкие банды и отряды объединялись в «бригады», «дивизии» — Матяша, Огия, Лисовика и др. 10.12 под натиском 14-й и 13-й советских армий белые войска оставили Харьков. 13.12 повстанческая дивизия боротьбиста Кучковского (3 тыс. чел. при 16 орудиях) ворвалась в Полтаву и соединилась с подошедшей 41-й дивизией красных. А бригады Клименко и Огия совместно с прорвавшейся в белые тылы советской кавбригадой двинулась на Кременчуг.

Встал вопрос о путях отхода. Врангель предлагал, при невозможности удержаться, Добровольческой армии отступить в Таврию и Крым. Деникин был категорически против. Отрыв добровольцев от Дона и Кавказа мог пагубно повлиять на настроения казаков (на что и рассчитывало советское руководство). Он сказал: «Я бросить казачество не могу. Мы совместно с ним начали борьбу и должны ее вместе и продолжить». К тому же на Дону и Северном Кавказе находились семьи белогвардейцев, сосредоточились тыловые учреждения и госпитали, в которых лежали 43 тыс. больных и раненых. Уход в Крым оставлял бы их на произвол судьбы. Деникин решил отступать только на Ростов, хотя для добровольцев это представляло сложный фланговый маневр — отходить не назад, а вдоль фронта под непрерывными ударами врага. Как выяснилось впоследствии, таким решением он серьезно спутал карты красному командованию, считавшему, что Добровольческая армия будет откатываться к Крыму и нацелившему в этом направлении удары трех армий — 12, 13, 14-й. (Данная советская директива была отменена с опозданием, лишь 3 января).

К середине декабря фронт добровольцев еще держался на линии Константиноград (Красноград) — Змиев (Готвальдов) — Купянск, отступив на 30—40 км южнее Полтавы и Харькова. Уничтожить ядро белогвардейцев красные так и не могли и даже получали чувствительные удары. Так, 8-я кавдивизия, которую Уборевич снова попытался использовать для прорыва, была разгромлена под Лозовой и надолго выбыла из строя.

Тем временем начались неудачи и на участке Донской армии.

Кавалерия Думенко, углубляя прорыв, 2.12 заняла г. Калач. В тот же день красные сломили оборону казаков на нижнем Хопре, заняв станицу Усть-Бузулукскую. Попытки спасти положение контрударами конницы Коновалова ни к чему не привели. Несколько раз корпус Думенко оказывался в критическом положении, то одна, то другая его бригады попадали в окружение, но умело выкручивались и отбивали казачьи атаки. А от Воронежа и Лисок наступала 8-я армия, пользующаяся успехами Буденного, расширяющая основание его прорыва и нависающая над фронтом донцов с северо-запада. Армии Сидорина стали грозить «клещи». Оставив междуречье Хопра и Дона, она отступила за Дон. К зиме активизировался еще один страшный враг. Эпидемия тифа, не прекращавшаяся и летом, с наступлением холодов и тяжелых боев, не дающих войскам возможности помыться, сменить белье, продезинфицировать одежду, вспыхнула с новой силой. Конечно, тиф валил и красных, и белых. Но белым восполнять потери было нечем. Высасывались последние подкрепления за счет войск, сражавшихся в Дагестане и охранявших границу с Грузией.

Правда, в это время у деникинцев вдруг нашелся неожиданный союзник. Им стали... галицийские стрелки, которым просто некуда было деваться. Их родина была занята поляками, дома ждали лагеря. Петлюра, на стороне которого они воевали, тоже начал искать союза с Польшей, а его войска, состоявшие из местных банд, опереточных «курений смерти» и «серошлычников», давали мало надежды, что смогут остановить хлынувших на Украину красных. И галицийцы, занимавшие район Винницы, перешли на сторону белогвардейцев. Но общей обстановки это уже изменить не смогло, 12-я советская армия по Левобережью Днепра продвинулась далеко на юг, выходя к Черкассам и Кременчугу. Части ген. Бредова, оборонявшие Киев, оказались на узком выступе, который вот-вот мог быть отсечен. И 16 декабря белые оставили город, отходя на соединение с одесской группировкой ген. Шиллинга. Деникин поручил Шиллингу общее командование войсками, отрезанными от главных сил в Южной Украине, и приказал прикрывать Крым, Северную Таврию и Одесский район. Для защиты Таврии и Крыма был выделен корпус Слащева, так и не закончившего своего поединка с Махно. А галицийцы, корпуса Промтова и Бредова, нанеся красным сильный удар под Черкассами, сосредоточились на Правобережье Днепра, постепенно отойдя с боями до линии Жмеринка — Елизаветград (Кировоград).

На участках Добровольческой и Донской армий обстановка продолжала стремительно ухудшаться. Если фланги еще держались — под Полтавой и на Дону, в районе Вешенской, — то в центре под натиском группировки Буденного, преобразованной в 1-ю Конармию, фронт глубоко прогибался к Северскому Донцу, угрожая Луганску. Надежды на ударную группу, созданную для борьбы с Буденным, не оправдались. Собранная с миру по нитке, она оказалась мало боеспособной. Казаки, энергично атакуя и громя вражескую пехоту, всячески уклонялись от боев с конницей. Неудачи кубанцы валили на донцов, донцы — на кубанцев. Посыпались внутренние неурядицы. Поскольку Мамонтов, очень возгордившийся после летнего рейда, часто позволял себе недисциплинированность, вместо выполнения приказов действовал по своему усмотрению, то Врангель назначил

начальником ударной группировки не его, а Улагая. Мамонтов оскорбился и телеграфировал: «Учитывая боевой состав конной группы, я нахожу несоответствующим достоинству Донской армии и обидным для себя замещение как командующего конной группой без видимых причин лицом, не принадлежащим к составу Донской армии и младшему меня по службе». Сложил с себя командование 4-м корпусом и самовольно уехал в тыл. Копию телеграммы он разослал своим полкам. А личный авторитет Мамонтова среди подчиненных ему казаков был огромным, он был для них «отцом родным». Поэтому после такого демарша их боеспособность резко снизилась. Пошла утечка на Дон — вслед за командиром.

А кубанские части были сильно заражены разложением — сказывалась пагубная работа Рады. Пока они были в составе Кавказской армии, среди «своих», еще как-то держались. А когда их перебросили на «чужой» фронт, да еще и в самую гущу сражений, началось массовое дезертирство. Полки таяли на глазах. Врангель вынужден был отдать приказ об отводе их на Кубань для переформирования, чтобы сохранить кадры кубанских дивизий и спасти их как боевые единицы. Но едва приказ начал выполняться, как тут же «воскресли» множество дезертиров, прятавшихся в ближайших тылах. И домой весело, с музыкой и песнями, потекли внушительные, многочисленные полки — свежие, прекрасно вооруженные, на хороших конях, вызывая возмущение у донцов и зависть у тех кубанцев, которые еще оставались на фронте... Улагай докладывал: «Донские части, хотя и большого состава, но совсем не желают и не могут выдерживать самого легкого нажима противника... Кубанских и терских частей совершенно нет... Артиллерии почти нет, пулеметов тоже...»

23 декабря красные форсировали Северский Донец. Медлить больше было нельзя. Вооруженным силам Юга России грозило расчленение. И частям Добровольческой армии, все еще сражавшимся на Украине, был отдан приказ отходить на Ростов. Ставка из Таганрога переводилась в Батайск, правительственные учреждения эвакуировались в Екатеринодар и Новороссийск. Чтобы задержать продвижение врага, Улагай сумел дать Буденному еще одно сражение — у станции Попасная. Заставил Конармию попятиться, но затем красная кавдивизия Городовикова прорвалась на стыке казаков и поддерживающих их пехотных частей, что решило исход боя. Дальше наступление буденновцев сдерживали только добровольческие войска, совершавшие фланговый марш в неимоверно трудных условиях: 1-я Конармия и дивизии 8-й атаковали с севера, а белые отступали с запада на восток, причем коридор их выхода постоянно суживался и смещался к югу. Иногда творились чудеса героизма — так, 1-й Марковский полк (или его остатки) был окружен шестью большевистскими полками, но нанес им поражение, раскидал и пробился, взяв много пленных и трофеев.

Тем временем 8-я и 9-я красные армии расширяли буденновский прорыв от его основания и хлынули в донскую область, 2-й кавкорпус Думенко форсировал Дон и повернул на юг — удобно пристроился к прорыву сбоку, как бы дополнительным клином, вбиваемым в обозначившуюся трещину. 22.12 он вышел к Миллерово. Здесь его встретила конница ген. Коновалова. Во встречном бою схлестнулись

красная и белая кавалерия. Никто не хотел уступать, и ожесточенная рубка закончилась «вничью». Коновалов отошел в город, перейдя к обороне. Но и Думенко был остановлен. Лишь через 5 дней, дождавшись подхода двух пехотных дивизий, он решился на штурм и занял Миллерово.

Под влиянием поражений, добровольческих и своих, Донская армия падала духом. Отступление, потери, тиф, усталость от бесконечной войны, очередное крушение всех надежд... В отличие от прошлого года, красной агитации казаки больше не верили и желания «замириться с большевиками» у них не возникало. Зато появилось чувство безысходности, подрывающее и гасящее всякий боевой порыв. И они отступали — опустошенно, тупо и безнадежно, не задумываясь, куда и зачем. Куда ноги несут или начальство приказало... Вскоре Дон на всем верхнем и среднем течении был перейден красными. Возникла опасность отрыва от основных сил Кавказской армии. 28.12 Деникин приказал ей оставить Царицын и отойти западнее, заняв оборону по рубежу р. Сал для прикрытия с этой стороны Кубани и Ставрополя. Войска Покровского оставили город, а 3 января его «взяли штурмом» красные — 50-я дивизия 11-й армии по льду через Волгу, а части 10-й армии — с севера. Кавказская армия отступала вдоль железной дороги на Тихорецкую, осаживая боями пять красных дивизий, двинувшихся ее преследовать. 11-я советская армия, освободившись от осады Царицына, пошла вдоль Каспийского побережья на Дагестан, Грозный, Владикавказ, обороняемые войсками ген. Эрдели (около 5 тыс.).

Группировка Буденного к 1 января прошла весь Донбасс и разделилась. Приданная ему 9-я стрелковая дивизия продолжила марш на Таганрог, а основные силы развернулись на Ростов. 6.1 красные вышли к Азовскому морю. Но одной из главных целей операции — расчленить Вооруженные силы Юга России, отсечь и уничтожить Добровольческую армию большевикам достичь не удалось — добровольцы вырвались и сосредоточились у Ростова. Поредевшая армия была сведена в Добровольческий корпус, переданный в оперативное подчинение донскому командованию. Возглавил корпус ген. Кутепов. Врангель спешно выехал на Кубань, надеясь сформировать там новую, конную армию.

На плацдарм между Ростовом и Новочеркасском были стянуты последние резервы Деникина — полторы конных дивизии, пластунская бригада и две офицерских школы под общим командованием ген. Топоркова. На правом фланге располагались остатки донских корпусов, прикрывая Новочеркасск, в центре — корпуса Топоркова и Мамонтова (после возвращения в состав Донской армии он снова возглавил свой 4-й корпус и быстро собрал значительное число казаков), на левом фланге, перед Ростовом — добровольцы.

7.12 подошли главные силы противника, и на 80-километровом участке фронта закипела ожесточенная битва. На Новочеркасск наступал корпус Думенко при поддержке двух стрелковых дивизий. Сидорин нанес ему встречный удар. Сначала донцам удалось остановить красных и погнать назад, но когда большевистская артиллерия подбила несколько танков, участвовавших в атаке, казаки смешались. Воспользовавшись этим, Думенко повернул свою конницу и снова

двинул на противника, заставив донцов отступать в город. Выйдя к окраинам Новочеркасска, красные пошли на приступ. Первый штурм был отбит. Ночью последовал второй. Казаки не выдержали и оставили город, отступая к Дону.

На центральном участке конница Мамонтова и Топоркова атаковала, наголову разгромила 15-ю и 16-ю дивизии красных. Но успеха не использовала, опасаясь фланговых ударов, и отошла на исходные позиции. На следующий день армия Буденного, навалившись всей массой, почти полностью уничтожила терскую пластунскую бригаду, опрокинула корпус Топоркова. Офицерские школы, выстроившись в каре в открытом поле, залповым огнем отбивали атаки вражеской конницы. Лишь подтянув артиллерию, красные смогли рассеять их, расстреливая прямой наводкой. В это время Мамонтов, не выполнив приказа об атаке, начал отходить через Аксай и далее, за Дон. Начинаясь оттепель, и он опасался, что переправы станут невозможными. Поручил фронт, хотя своих подчиненных действительно вывел из-под удара и спас. Это дело стало последним в его жизни. Уже больной тифом, через три дня он скончался.

А сражение продолжалось. Добровольцам удалось выправить положение. Буденновские части, прорвавшиеся после разгрома терцев, были все-таки остановлены и отброшены назад. Отражались атаки и на других участках. На левом фланге дроздовцы и конница Барбовича (сведенные в бригаду остатки 5-го конного корпуса Юзефовича), разбив врага, преследовали его 7 км. Однако сплошного фронта уже не было. Враг выходил в тылы со стороны Новочеркасска. А 4-я кавдивизия Буденного, совершив глубокий обход, ворвалась в Ростов. 9.01, когда корниловцы и дроздовцы, все еще отбивавшие фронтальные атаки, получили приказ отступать, им пришлось прокладывать себе путь через Ростов штыками. После тяжелых уличных боев они прорвались на левый берег Дона. Красные сделали несколько попыток форсировать реку на плечах отступающих — их отразили, нанеся большие потери...

Сражение, длившееся три месяца, закончилось, фронт стабилизировался. Красные войска, одержав победу, тоже выдохлись в результате непрерывных боев, наступления от Орла и Воронежа до Ростова. Внезапная оттепель сделала донской лед ненадежным. К тому же Красная армия, отправив победные реляции об «осиновых колах, вбитых в сердце контрреволюции», ознаменовала взятие вражеских «столиц» погромами и гульбой. Об этом узнали даже в Москве. Ленин телеграфировал: «Крайне обеспокоен состоянием наших войск на Кавказском фронте, полным разложением у Буденного», а командующий фронтом Шорин писал, что бойцы 1-й Конной утопили свою боевую славу в винных подвалах Ростова. Буденный всячески оправдывался, наивно и косноязычно выкручивался. Например, в приказе по армии №3 от 10.01.20 он утверждал, что кутежи устроили... переодетые агенты, оставленные Деникиным. Ну а в Новочеркасске то же самое учинил корпус Думенко, разграбивший город и дорвавшийся до погребов с цимлянским. Изрядный разнос Ильича за то, что «пьянствовали и гуляли с бабами неделю», получили и Орджоникидзе с Уборевичем. То есть погудели красные действительно капитально.

76. ТРАГЕДИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ АРМИИ

Белогвардейцы Северо-Западной армии были совсем рядом с окраинами Петрограда, но так и не добрались до них. Самую малость не добрались. Остановив бегущие части 7-й армии, Троцкий спешно подтягивал резервы. Сюда перебрасывалось все, что можно. Два полка с севера, из состава 6-й армии, полк латышей, курсантские школы. Правому флангу белых не удалось вовремя перерезать Николаевскую железную дорогу, и в районе Тосно большевиками была наспех собрана ударная группа под командованием Харламова, перешедшая в контрнаступление.

Для спасения «колыбели революции» коммунисты предприняли еще одну, специфическую меру — массовую мобилизацию рабочих. Необученные, только-только собранные отряды бросались против Юденича из Москвы, Витебска, Смоленска, Тулы, Костромы, Вятки, Котласа, Шлиссельбурга. Троцкий, естественно, объявил и массовые мобилизации в Петрограде. 22.10.19 Ленин писал ему: «Если наступление начато, нельзя ли мобилизовать еще тысяч 20 питерских рабочих плюс тысяч 10 буржуев, поставить позади их пулеметы, расстрелять несколько сот и добиться настоящего массового напора на Юденича? Если есть 5—10 тысяч хороших наступающих войск (а они у Вас есть), то наверняка такой город, как Питер, может дать за ними подмоги тысяч 30».

Нет, к осени 19-го питерские «массы» давно уже не сохранили никакого революционного энтузиазма. И не добровольцев здесь набирали коммунисты против Юденича — смертников. Причем уже без разбора, и рабочих, и «буржуев» — какая разница, кого гнать под пулеметами для «массового напора»? Их даже вооружить было нечем, да почти и не вооружали. Винтовку давали одну на несколько человек, а остальным — кому полицейскую шашку, кому казачью пику, а кому и ничего с предложением взять у тех, кого убьют раньше. И гнали на смерть, под пули и снаряды. Юденича решили задавить человеческим мясом. Этот план Ленина и Троцкого был блестяще выполнен. На Пулковских высотах с красной стороны полегло около 10 тыс. человек — уж сколько из них действительно красных, а сколько подневольных жертв... У Юденича вся армия была немногим больше! Разве могли белые выдержать *такую* войну? Гораздо меньшие потери были для них невозможными.

Продвижение Северо-Западной армии захлебнулось в нескольких шагах от прежней столицы. Начались и перебои в снабжении: запасы боепитания в ближних тылах были израсходованы, а мост через р. Лугу возле Ямбурга, взорванный во время августовского отступления, исправить так и не удалось. Особенно тяжелые бои шли на правом фланге, в районе Царского Села, где одна за другой вводились в сражение свежие красные части, прибывающие по железной дороге. Но основная угроза таилась не здесь. Левый фланг армии Юденича, со стороны моря, должны были прикрывать эстонские войска и английский флот. В задачу эстонцев входили и переговоры с гарнизоном восстановленного красными форта Красная Горка. По данным разведки, настроение частей там было опять неустойчивым, многие скло-

нялись к переходу на сторону белых. В случае неудачи переговоров англичане должны были подтолкнуть форт к сдаче обстрелом с моря.

Эстонцы никаких переговоров так и не начали, в результате чего большевики сохранили этот стратегический плацдарм на побережье Финского залива. А английский флот на поддержку Юденича не пришел. По официальной версии, он был отозван в Ригу для операций против захватившего ее Бермонда. Но не исключено, что это был лишь предлог, подвернувшийся очень кстати, чтобы не рисковать дорогостоящими крейсерами в возможных столкновениях с советским Балтфлотом и перестрелках с мощными береговыми батареями. И Балтфлот остался безраздельным хозяином Финского залива. Что же касается эстонских войск, то в критический момент их на приморском фланге белогвардейцев просто... не оказалось. Красные беспрепятственно пошли здесь в обход. Без всякого противодействия смогли высадить с моря сильные десанты. Положение Северо-Западной армии стало катастрофическим. Ей грозило полное окружение, и она покатилась назад.

Разгадку более чем странного поведения эстонцев можно найти в Меморандуме эстонского правительства державам Атланты от 16.12.19 «... *Два месяца тому назад* Советское правительство сделало эстонскому правительству мирное предложение, открыто заявляя, что готово признать самостоятельность и автономию Эстонии и отказаться от всяческих наступательных действий против нее». Таким образом, закулисные переговоры с большевиками шли уже в *октябре*, в разгар боев за Петроград. И армию Юденича попросту продали. Ценой ее гибели Эстония купила себе право на суверенитет, еще не признанный ни одним государством.

А красные наращивали силу своих ударов, поскольку под Петроград подтягивались новые и новые войска. Пользуясь перемирием с Польшей и петлюровцами, сюда даже с Украины перебросили 45-ю и 46-ю дивизии Якира. С Юденичем решили покончить раз и навсегда. 7-я армия наступала на Гатчину — Волосово — Ямбург. Пользуясь тем, что основные силы белогвардейцев собрались на петроградском направлении, с юга, где оборону тоже занимали эстонцы, ударила 15-я армия. Пала Луга, а за ней и Гдов. Создавалась угроза глубокому тылу. Северо-Западная армия лишилась своей «русской» территории. Отчаянными усилиями, самоотверженными схватками арьергардов ей еще удалось вырваться из намечавшегося кольца. Но судьба армии была уже предрешена. Обескровленные в боях, деморализованные отступлением, белые части прижимались подавляющими силами красных к эстонской границе. Вынужденные отступать на чужую территорию, они нашли здесь не друзей и союзников, а врагов. Русских стали разоружать и интернировать, загоняя в лагеря. Дошло до ареста самого Юденича. Лишь благодаря вмешательству французов его все же освободили, однако к войскам не пустили. На короткое время остатки белогвардейцев возглавил представитель Деникина ген. Глазенап, а уже в ноябре Северо-Западная армия как военная сила перестала существовать.

В упоминавшемся выше Меморандуме, подписанном премьер-министром Теннисоном и министром иностранных дел Бирком, эстонцы оправдывались перед Западом за свои действия. После много-

численных выпадов в адрес «панрусских правительств», «реакционеров, дружественно расположенных к немцам», «враждебного отношения русского империализма к независимости Эстонии как государства», там говорилось: «Теперь, когда русская Северо-Западная армия, деморализованная и дезорганизованная, отступила в панике до границ Эстонской Республики, после своей последней экспедиции против Петрограда, положение вещей сильно изменилось. Было бы безумным самоубийством, по мнению раздраженного общества и эстонской армии, разрешить таким дезорганизованным и враждебным массам перейти границу Эстонской Республики, а тем более собраться в тылу эстонской армии, которой нужны все ее силы для отражения бешеных атак военных сил русских советов... Для предупреждения всего этого эстонское правительство издало приказ, по которому все воинские части русской Северо-Западной армии, дезертирующие с противобольшевистского фронта и спасающиеся на эстонскую территорию, были обезоружены. Личный состав разоруженных войск рассматривался как иностранцы, подчиненные распоряжениям министра внутренних дел. Разоруженные отряды русской Северо-Западной армии были сосредоточены в Вирусском уезде в окрестностях Нарвского фронта и размещены в деревнях и имениях, где они могут устроиться в гигиенических условиях». Кормить их Эстония отказывалась за дефицитом собственного продовольствия. «Эстонские военные и гражданские власти делают все, что они считают возможным и нужным делать. Им совершенно невозможно снабжать русские части... одеждой, так как эстонское правительство не имеет ее в достаточном количестве. Сверх того, Северо-Западная армия была богато снабжена продовольствием и обмундированием... Эстонское правительство отнюдь не намерено распустить в данный момент личный состав воинских частей Северо-Западной армии... Не исключена возможность того, что для предоставления им возможностей заработка эстонское правительство окажется принужденным распределить их по другим округам, так как, принимая во внимание свой малый запас продовольствия, эстонское правительство не может допустить, чтобы столь большие массы кормились, не давая в обмен своей работы...»

Меморандум сплошь и рядом полон лжи. Не в «гигиенических условиях» разместили вчерашних союзников, еще недавно освобождавших Эстонию, а загнали в концлагеря под открытым небом, в лучшем случае — с неотопливаемыми бараками. В лохмотьях, что на ком уцелело в боях, обовшивевших, держали впроголодь, без всякого медицинского обеспечения. Под конвоем эстонских надсмотрщиков гоняли на тяжелые работы — лесоповал, ремонт шоссе и железных дорог. Это при том, что кормились «интернированные» вовсе не за счет Эстонии, а за счет американской продовольственной миссии. Свирепствовал тиф. Люди замерзали. Надрывались от непосильного труда... Сколько солдат и офицеров Северо-Западной армии, уцелевших в войне, не пережило эту зиму?

Очевидец писал о кошмаре, творившемся в Эстонии: «Русских начали убивать на улицах, запирали в тюрьмы и в концлагеря, вообще притеснять всеми способами. С беженцами из Петроградской губернии, число коих было более 10 тысяч, обращались хуже, чем со скотом. Их заставляли сутками лежать при трескучем морозе на шпалах

железной дороги. Масса детей и женщин умерли. Все переболели сыпным тифом. Средств дезинфекции не было. Врачи и сестры при таких условиях также заражались и умирали. Вообще картина бедствия такова, что если бы это случилось с армянами, а не с русскими, то вся Европа содрогнулась бы от ужаса. Американский и датский Красные Кресты делали, что могли, но помочь в крупных размерах никто не мог. Кто был крепок — выдержал, остальные померли».

Отражение Эстонией «бешеных атак русских советов» — тоже наглейшая ложь. Меморандум подписан 16.12, а задолго до этого эстонцы сели с большевиками за стол переговоров и 5.12 в Тарту заключили с ними перемирие, согласно которому обязались не содержать на своей территории белогвардейских формирований, а Москва признавала независимость Эстонии и обязалась не применять против нее силы. Тем более что эти силы срочно требовались Совдепии на других фронтах. Главное было сделано — армия Юденича вымирала в концлагерях. А с лагерями для эстонцев большевики могли и подождать до более благоприятного времени. Могли и лет 20 подождать...

77. ТРАНССИБИРСКИЙ ИСХОД

Ничто не дается даром, за все надо платить — и не уклоняться от уплаты.

А. В. Колчак

Напряженные бои между Ишимом и Тоболом продолжались весь октябрь. Но мало-помалу последнее наступление Колчака захлебывалось. Панику, вызванную неожиданным ударом белых, Тухачевскому удалось подавить, и обескровленные колчаковские части завязали во фронтальных боях, теряя последние силы.

Казачий корпус Иванова-Ринова, разгромив кавбригаду Каширина, должен был идти на Курган, перерезав коммуникации 5-й армии. Несмотря на то что казаки вырвались на оперативный простор, красные тылы были открыты, а ровная степь представляла собой идеальные условия для действия конницы, свою задачу корпус не выполнил. Иванов-Ринов просто побоялся захватывать крупный железнодорожный узел, через который шла вся связь с Уралом и снабжение большевиков. Вместо этого казаки ушли в сторону, преследуя разбитую ими бригаду, захватывая отдельные обозы и другую легкую добычу. Шести повторных приказов (четырех — Дитерихса и двух — Колчака) немедленно повернуть на Курган Иванов-Ринов не исполнил. Дитерихс отстранил его от командования, но момент для удара был уже упущен. Мало того, Иванов-Ринов немедленно примчался в Омск и, козыряя званием выборного атамана, поднял бузу среди казачества. Казачья конференция возмутилась и предъявила командованию ультимативное требование — Дитерихсу пришлось отменить приказ об отстранении, и Иванов-Ринов с триумфом вернулся к своему корпусу.

А красные в это время вели усиленную мобилизацию в уральских городах. Пользуясь тем, что Курган с переправами через Тобол и железнодорожной линией остался в их руках, на фронт непрерывно шли

маршевые пополнения, подтягивались резервы. У белых же резервов больше не было — последние поглотило наступление. Правда, там и тут нарождались различные «добровольческие формирования», но численность каждого из них была ничтожной, а часто это были просто махинации различных авантюристов, рассчитанные на то, чтобы получить деньги и имущество. Доходило, например, до того, что в Томске был создан «Ижевский отряд», оказавшийся... большевистским. И намеревавшийся при проезде на фронт захватить Омск. Контрразведка раскрыла заговор буквально перед посадкой в эшелоны, но никаких мер по ликвидации принять не успели. Отряд с выданными ему винтовками пулеметами, продовольствием, несколькими миллионами рублей ушел в тайгу.

Положение на фронте быстро ухудшалось. Колчаковцы выдохлись, уже не способные на длительное напряжение своих истощенных сил. Армия Тухачевского, усиливаясь и приводя в порядок потрепанные части, то там, то здесь переходила в контратаки. А с севера разворачивалась для удара 3-я армия Меженинова. Перешла в наступление на юг сильная 51-я дивизия Блюхера, а 30-я от Тюмени нацелилась прямо на г. Ишим и Омск. И армии Колчака покатались назад. Сначала отступление было еще медленным, цепляясь за те или иные рубежи. После взятия красными Петропавловска его контратаковали 14 раз. Однако белые части таяли — повыбитые, деморализованные, выкашиваемые тифом. Дух войск был подорван, армия разваливалась. Солдаты дезертировали, перебежали к красным. Казаки, не вступая в бой, расходились по станицам. И фронт, затрещавший «по всем швам», стал быстро приближаться к Омску. Уже не видя возможности спасти столицу, главнокомандующий М. К. Дитерихс подал в отставку. На его место был назначен ген. Сахаров.

Для спасения Омска делались последние отчаянные усилия. Колчак запросил командующего союзными войсками ген. Жанена о помощи на фронте чехословаков. Жанен отказал, ответив, что «приказ такого рода, будь он даже из Праги, неминуемо повлечет беспорядки, последствия которых сейчас не поддаются учету». Безбедно околачивающийся на Транссибирской железной дороге чешский корпус, достигший 60 тысяч, совершенно разложился и стал неуправляемым. В Иркутске прошел чешский съезд солдатских депутатов. Единственное, что удерживало легионеров в некотором повиновении, — корысть. Им хорошо платили, освобождение русских городов в 18-м и охранная служба дали чехам возможность скопить многочисленные эшелоны трофейного и бесхозного барахла. Как впоследствии выяснилось, существовала и скрытая бухгалтерия между корпусом и верховным командованием Антанты. Например, «за спасение для русского народа Каслинского завода» чехи выставили счет в 9 млн. франков. Русских в эти дела даже не посвящали.

Началась запоздалая эвакуация Омска. Стоявший там чешский полк покинул город одним из первых, уже 5.11. Дипломатический корпус предложил Колчаку взять под международную охрану золотой запас. Верховный Правитель ответил отказом, заявив, что золото принадлежит России и другим державам передано быть никак не может. Столица переносилась в Иркутск, 10-го туда выехал совет министров. Его председатель Вологодский также подал в отставку. Этот

пост занял В. Н. Пепеляев, бывший член Государственной Думы, видный деятель кадетской партии. После Февральской революции он был комиссаром Временного правительства в Кронштадте, где арестовывался матросами, потом пошел добровольцем на фронт. В 1918 г. — председатель восточного отдела ЦК кадетской партии, стал одним из главных организаторов переворота в пользу Колчака. Служил директором департамента милиции, затем принял портфель министра внутренних дел.

В 6 км от Омска строилась линия обороны. Командование ею было поручено ген. Войцеховскому. Позиция здесь была очень выгодной: излучены Иртыша суживали фронт, прикрытый с флангов рекой и болотами. Но сражения под Омском не произошло. Занимать позиции было некому. Отступление приняло необратимый характер. Последнее двухмесячное сражение и поражение в нем окончательно лишили остатки войск боеспособности. Положение усугубили природные условия. Из-за осенних дождей разлился Иртыш, в Омске началось наводнение. Нижнюю часть города залило, улицы стали реками. В отступающих частях, видящих пути отхода отрезанными, началась паника. А 12.11 внезапные сильные морозы сковали реку льдом. И началось повальное бегство за Иртыш. Одновременно позиция перед Омском стала уязвимой — теперь красным ничего не стоило обойти ее. Воссоздавшийся было фронт рухнул. Эвакуация все больше приобретала характер общего бегства. Стремились уехать не только служащие белых учреждений или «буржуи», но и мирные обыватели, рабочие.

Колчак был в Омске до последнего, 12-го он отправил эшелон с золотым запасом, а сам покинул город в ночь на 13.11. Днем через город потекли арьергарды белых войск, а 14.11 без боя вступили красные. После взятия Омска Восточный фронт был ликвидирован. Преследование Колчака возлагалось на одну 5-ю армию. Из состава 3-й ей передавались 30-я и 51-я дивизии (по 16 полков в каждой!), а остальные части и армейское управление перебрасывались против Деникина. Многие участники событий и мемуаристы впоследствии осуждали Колчака за то, что он до последнего тянул с эвакуацией Омска и заблаговременно не отвел армию на восток. Конечно, это могло бы иметь определенные выгоды, но при этом забывается, что обстановка в Сибири была крайне сложной, и сдача столицы по своим последствиям представлялась (и явилась в действительности) далеко не равнозначной потере очередного населенного пункта.

Кругом зрели заговоры и восстания. Подпольная возня достигла такого размаха, что обо многих заговорах было хорошо известно и контрразведке, и омскому правительству. Так, уволенный ген. Гайда, человек склочный и злопамятный, еще летом при проезде через Иркутск вел переговоры с местными земцами и эсерами о перевороте. Тогда иркутяне осторожно отказались, и Гайда осел во Владивостоке, продолжая подрывную деятельность. Там же, во Владивостоке, осенью стали сосредоточиваться эсеры, планирующие свергнуть Колчака и созвать Земский Собор для установления новой власти. Ген. А. Будберг писал: «Слепенькие эсерчики усердно работают на пользу Ленина со товарищи: они воображают, что, свалив Омск, они сделаются властью». Намечались восстания в Иркутске и Новониколаев-

ске (Новосибирске), велись переговоры с чехословаками и Гайдой. О заговоре были прекрасно осведомлены союзные миссии. Представители Англии и Америки извещали свои правительства о скором падении Колчака и создании в Сибири «демократической» власти. Заместитель верховного комиссара Великобритании О. Рейли обсуждал с заговорщиками детали нового правления. Эсеровские главари неоднократно входили в контакты с союзниками, стараясь привлечь их симпатии своей «народностью» и «демократичностью», обрабатывая их против «реакционера» Колчака. Сибирская игра иностранцев все больше приобретала двурушнический характер.

Атаманские режимы Читы и Хабаровска тоже с нетерпением ожидали падения Омска. И тоже с целью дорваться до власти. Намечали автономию Дальнего Востока под руководством Семенова и негласным протекторатом Японии. Большевицкая угроза представлялась за Байкалом чем-то далеким, нереальным. Даже зная обо всем этом, омское правительство не могло принять сколько-нибудь решительных мер. Все оставлялось «на потом», внимание сосредоточивалось на фронте. Да и развитие заговоров во многом зависело от фронтовой обстановки. Первое открытое выступление случилось во Владивостоке уже в ночь на 2 октября. Но ген. Розанов, несмотря на протесты ряда союзных представителей, ввел в город войска, и заговорщики тут же утихомирились. Однако это были еще цветочки. Сигналом для большинства недовольных послужило падение Омска.

В ночь с 17 на 18.11 опять поднял мятеж Гайда. Базируясь на станцию Океанская, он во главе чешско-русского отряда двинулся во Владивосток. Розанов, собрав имеющиеся в его распоряжении силы — гардемаринов, юнкеров, офицерскую школу, — нанес ему поражение. Гайда был ранен и скрылся. Восстал гарнизон Новониколаевска под командованием полковника Ивакина, требуя мира от большевиков и созыва сибирского Учредительного Собрания. Этот бунт тоже удалось еще подавить — польские легионеры, охранявшие Новониколаевский участок Сибирской магистрали, в отличие от чехов, настроенные по-боевому, разогнали мятежников и заставили сдаться. 33 человека (участвовавшие в восстании офицеры) по приговору военно-полевого суда были расстреляны.

Но основной нарыв зрел в Иркутске. Здесь 12.11 на Всесибирском совещании земств и городов был образован Политцентр из эсеров, меньшевиков, представителей земств и кооперативов. В программу Политцентра вошли замена военного управления гражданским и установление в Сибири независимой демократической республики. Губернатор Яковлев, ярый сибирский самостийник, никаких мер против Политцентра не принял. Он и сам склонялся к разрыву с Колчаком. Министров встретил более чем холодно, а эшелоны с беженцами из Омска и служащими учреждений приказал вообще не пускать в Иркутск, а размещать их по окрестным деревням. Яковлев вступил в переговоры не только с Политцентром, но и с большевиками на предмет компромиссного окончания гражданской войны в здешних краях. Естественно, в контакты с большевиками вступил и Политцентр. Коммунисты в его состав войти отказались, но заключили соглашение о сотрудничестве и принялись совместно разлагать части местного гарнизона, формировать из шахтеров и рабочих боевые

дружины. Правда, с самого начала можно было отметить одну особенность этого сотрудничества — пока другие партии и политические течения спорили о деталях будущих структур власти и принципах гипотетической республики, коммунисты расставляли своих людей на командные должности вооруженных дружин и отрядов.

Сибирская эвакуация быстро превращалась в массовую трагедию. Поначалу беженцы из Омска подверглись жестокому шантажу железнодорожников. Едва отъехав на расстояние, гарантирующее безнаказанность, поездные бригады ставили ультиматум пассажирам, отказываясь везти дальше: платить «контрибуцию» или выгружаться. Этот грабеж повторялся на каждой последующей станции. Продвижение по железной дороге, забитой пробками эшелонов, шло еле-еле. Состояние путей и подвижного состава оставляло желать лучшего. Нередко случались аварии. Даже литерный «золотой эшелон» потерпел крушение, столкнувшись с другим поездом. Но дальше пошло еще хуже. Участок магистрали от Новониколаевска до Иркутска охраняли чехословаки, ставшие полными хозяевами на дороге. Еще до падения Омска был составлен, а 15.11 обнародован меморандум чешских руководителей о том, что пребывание их армии в России бесцельно, «противоречит требованиям справедливости и гуманности». Утверждая, что «под защитой чехословацких штыков» русская реакционная военщина творит преступления, заключалось, «мы сами не видим иного выхода из этого положения, как лишь в немедленном возвращении домой». А через 3 дня был отдан приказ по чехословацкой армии: приостановить отправку русских эшелонов и ни в коем случае не пропускать их за ст. Тайга (рядом с Томском), пока не продут все части чехов. Открыто провозглашалось: «Наши интересы выше всех остальных».

20.11 главнокомандующий Сахаров объявил эвакуацию района Новониколаевска — Красноярска, где было сосредоточено много госпиталей. Больных и раненых, семьи бойцов предстояло вывезти в Приамурье. Не тут-то было. 60 тыс. отъевшихся в тылах, свеженьких и отлично вооруженных чехословаков спешили любой ценой пробиться на восток. Причем захватив с собой сотни вагонов «трофеев», нахапанных в России — хозяйственные союзники мечтали вернуться домой богатыми. Их действия стали носить характер откровенных бесчинств, русские поезда останавливались, загонялись в тупики, паровозы у них отбирались. 121 эшелон — санитарные, тыловые, с гражданскими беженцами — встали, лишённые паровозов. Кому повезло — на станциях, а большинство — на глухих таежных полустанках и разъездах, обреченные на замерзание среди сибирской зимы, на смерть от голода и болезней. Целые вагоны вымирали от тифа. На поезда, лишённые всякой защиты, нападали партизаны, а то и просто местные крестьяне, грабили и убивали пассажиров.

Среди этого хаоса еле-еле тащился на восток и поезд Колчака с «золотым эшелоном», который он догнал после крушения. Сначала адмирал старался находиться со своими войсками, но уже вскоре был оторван от них. Остатки армии вынуждены были отступать по старому Сибирскому тракту — чехи не пускали их на железную дорогу. Колчак один за другим писал протесты против чешских безобразий их командующему ген. Сыровому, писал главнокомандующему со-

юзными войсками ген. Жанену. 24.11 он телеграфировал: «Продление такого положения приведет к полному прекращению движения русских поездов и гибели многих из них. В таком случае я буду считать себя вправе принять крайние меры и не остановлюсь перед ними». 25.11 он направил резкий ответ на чехословацкий меморандум от 15.11. Чехи оскорбились, но все осталось по-прежнему — ведь реальной силы для «крайних мер» у Колчака, увы, не осталось.

Тем временем его премьер-министр В. Н. Пепеляев в Иркутске перестроил состав кабинета и пытался примирить правительство с сибирскими земствами, чтобы предотвратить готовящийся Политцентром взрыв. Он предлагал создать «правительство общественного доверия», однако эсеры и земцы не желали идти ни на какие контакты с Колчаком, открыто взяв курс на переворот. Тогда Пепеляев выехал навстречу адмиралу, чтобы склонить его на уступки и таким образом прийти к мирному выходу из кризиса. А Колчака ждал новый удар. 9.12, добравшись до ст. Тайга, он получил ультиматум от одного из лучших своих генералов, А. Н. Пепеляева. Он с верными ему частями находился в Томске, где в свое время поднимал восстание и сохранил популярность. Пепеляев требовал немедленного созыва сибирского Земского Собора, представив проект соответствующего указа. Кроме того, настаивал на отстранении главнокомандующего Сахарова и расследовании обстоятельств сдачи Омска. Конфликт между Колчаком и Пепеляевым чуть не привел к вооруженному столкновению. Но посредником выступил приехавший из Иркутска В. Н. Пепеляев, брат генерала. Инцидент удалось замять, тем более что какие-то решения все равно приходилось откладывать «до Иркутска», т. е. до возможности хоть как-то контролировать обстановку.

Отставки Сахарова, даже не пытавшегося привести в порядок остатки отступающих войск, потребовал и ген. Дитерихс. 11.12 главнокомандующим был назначен Владимир Оскарович Каппель. Среди всеобщего разброда и развала он в полной мере проявил свои недюжинные таланты полководца и организатора, оказался самым толковым из начальников. И одним из немногих, кто до конца сохранил верность долгу и преданность Колчаку. Адмирал, надорвавший свои силы в клубке измен и поражений, даже предлагал Каппелю, когда тот достигнет Иркутска, принять от него полномочия Верховного Правителя, но тот отказался, сославшись на неготовность. Любимец солдат и офицеров, Каппель сумел сделать невозможное. Под его руководством собирались самые надежные войска, возвращалась их боеспособность. Беспорядочно откатывавшиеся части стали огрызаться арьергардными боями.

Узнав от Пепеляева о том, что творится в Иркутске, Колчак назначил атамана Семенова командующим войсками Дальнего Востока и Иркутского округа, направив ему приказ навести там порядок казачьими частями. А катастрофа продолжала углубляться. Уже с осени отряды разгулявшейся сибирской партизанщины стали сливаться в «армии» — Кравченко, Зверева, Щетинкина, Мамонтова, Рогова, Каландаришвили. Слово «армия», конечно, не стоит понимать буквально, так называл себя любой крупный отряд в несколько сот или тысяч человек. Однако они представляли реальную силу — тем более что при крупных операциях, сулящих богатый грабеж, способны

были резко возрастать за счет присоединяющихся крестьян. До поры до времени они держались в безопасной глубинке. Но как только сила сдерживающей их колчаковской власти надломилась, партизаны стали выходить на железную дорогу, полезли на ставшие беззащитными города. Проф. А. Левинсон пишет о событиях этой зимы: «Когда саранча эта спускалась с гор на города с обозами из тысячи порожних подвод, с бабами — за добычей и кровью, распаленная самогонкой и алчностью, — граждане молились о приходе красных войск, предпочитая расправу, которая поразит меньшинство, общей гибели среди партизанского погрома... Ужасна была судьба городов, подобных Кузнецку, куда Красная армия пришла слишком поздно».

С партизанами имели связь и городские эсеры, и большевики. Нельзя сказать, чтобы таежные вояки особо симпатизировали тем или другим, но партизанским вожакам льстило внимание к своим особам, к тому же делаемые им предложения открывали широкие возможности для новых грабежей, и они охотно шли на всевозможные соглашения. Иркутский Политцентр связался с аналогичными заговорами в других городах, в результате чего образовался Сибревком из эсеров, меньшевиков и земских деятелей. В декабре началось общее восстание. 14.12 после боя пал Новониколаевск (Новосибирск), 19.12 восстали шахтеры в Черемхове, 22.12 партизаны Щетинкина захватили Красноярск.

27 января Колчак добрался до Нижнеудинска — в 500 км от Иркутска. В тот же день и здесь началось восстание, власть в городе взяло Политбюро — местный орган Сибревкома. А Жанен из Иркутска распорядился не пропускать далее поезд Колчака и золотой эшелон «в видах их безопасности». Недолго думая, чехи отцепили и угнали их паровозы. Возмущенные протесты ни к чему ни привели. Колчак связался с Каппелем, чтобы силой призвать обнаглевших союзников к порядку. Выполнить этот приказ Каппель не мог. Его войска находились далеко от Нижнеудинска, пробивались через глубокие снега и отражали натиск преследующей их Красной армии. Единственное, что смог сделать Каппель, — послал генералу Я. Сыровому вызов на дуэль. Чех на это, естественно, даже не отреагировал.

Для Колчака началось «нижнеудинское сидение». Станция была объявлена «нейтральной», гарантами чего выступали те же чехословаки. Повстанцы сюда соваться опасались. Колчаку предлагали бежать, переодевшись солдатом. Он счел это несовместимым со званием Верховного Правителя России и решил нести возложенный на него крест до конца. Подобный вариант исключался и самой натурой Колчака. Мог ли он, воспитанный в лучших морских традициях — «капитан покидает корабль последним», — сбежать, бросив на погибель остатки своей армии? Обсуждался и план, погрузив часть золота на повозки, пробиваться с отрядом конвоя в Монголию — до границы было 300 км. Он также был отвергнут Колчаком, но конвою адмирал предоставил полную свободу действий. Почти все солдаты и часть офицеров покинули его. Колчак при этом поседел за одну ночь. С ним остались лишь Пепеляев, группа офицеров и Анна Васильевна Тимирева — женщина, из высокой и чистой любви к Колчаку последовавшая за ним еще в 18-м, оставив мужа, и ставшая верной спутницей адмирала как в дни побед, так и в дни катастрофы.

Воспользовавшись уходом солдат, чехи тут же взяли золотой эшелон «под защиту», выставив своих часовых. Связь тоже находилась в их руках, и Колчак оказался полностью оторванным от событий. Тем временем пал Томск. Пытавшийся организовать его оборону А. Н. Пепеляев свалился в тифу и был вывезен в Китай. В этом же районе было разгромлено последнее боеспособное соединение союзников — польская дивизия, составлявшая их арьергард и прикрывавшая эвакуацию по железной дороге. Один из полков, около 4 тыс. чел., у ст. Тайга подвергся удару 27-й дивизии красных и был истреблен почти полностью (остались в живых 50 чел.), два других полка в 8 тыс. чел. потерпели поражение под Анжеро-Судженском и сдались. Поскольку чехи воевать не желали, главными препятствиями для быстрого продвижения красных на восток стали лишь усталость их войск, расстояния, морозы, заносы, взорванные мосты и плохое состояние путей, забитых пробками мертвых эшелонов. И каппелевцы, бредущие где-то сквозь снега, нависая над красными авангардами и периодически напоминающие о себе боями.

В этом порыве наступления красное командование даже предпочло не возиться с многочисленными пленными, сдающимися в каждом городе. Их просто разоружали и... отпускали домой. Не снабдив, понятное дело, ни литерами на проезд, ни аттестатами на какое-либо довольствие. Пешком через сотни и тысячи километров сибирской зимы. Крестьяне их в дома не пускали, опасаясь тифа. Если у кого-то и оставались теплые вещи, их грабили партизаны. В рваных шинелях и разбитых сапогах, они замерзали, умирали от голода и болезней. Старались тайком залезть на тормозные площадки попутных поездов, и железнодорожники снимали потом окоченевшие трупы. Многие погибали под колесами. Единственным прибежищем этих несчастных были нетопленые здания вокзалов, где они могли спать вповалку на полу и где многие уже не просыпались.

А советское правительство выпустило постановление: «Бывший царский адмирал Колчак, самозвано наименовавший себя «верховным правителем», и его «совет министров» объявляются вне закона. Все ставленники и агенты Колчака и находящегося в Сибири союзнического командования подлежат немедленному аресту... Все законы, приказы, договоры, постановления и распоряжения Колчака и его совета министров, а равно и их уполномоченных — отменяются...»

78. КРЕСТНЫЙ ПУТЬ КОЛЧАКА

Если что-нибудь страшно — надо идти ему навстречу, тогда не так страшно.

А. В. Колчак

Пока Колчак вынужден был сидеть в Нижнеудинске, в Иркутске начались переговоры «чрезвычайной тройки» его правительства (ген. Н. В. Ханжин, А. М. Ларионов, А. А. Червен-Водали) с представителями Политцентра. Происходили они в поезде ген. Жанена, по инициативе Жанена и под председательством Жанена: союзные миссии

еще в декабре вели интенсивные консультации с заговорщиками. Наивным иностранцам замена «непопулярного» режима Колчака «народным» правительством казалась вполне разумной мерой, способной изменить ход событий, а в установлении «демократии» по западному образцу они увидели реальный путь спасения Сибири. К тому же Колчак неоднократно проявлял себя неудобной для иностранцев личностью, не склонной на внешнеполитические уступки в ущерб России. Похоже, что задержали адмирала в Нижнеудинске именно для того, чтобы он не спутал карты плетущихся интриг и не нарушил ход тех же переговоров. Поначалу колчаковская «тройка» министров не была склонна на какие-либо уступки заговорщикам, но под прямым давлением Жанена вынуждена была признать Политцентр и принимать выдвигаемые им условия.

У Колчака же союзники потребовали отречения от верховной власти, гарантируя в этом случае выезд за границу под международной охраной. Все это было ложью. Вопрос о его выдаче был уже решен. Жанен решил такой ценой обеспечить беспрепятственный выезд иностранных миссий и войск плюс снабжение их поездов углем на дорогу. Кроме того, это был политический шаг. Верховный Правитель, утративший реальную власть, но сохранивший власть юридическую, всем мешал. Политцентру арест Колчака был необходим как отправная точка для гипотетического мира с большевиками. Союзникам его выдача была выгодна для налаживания контактов с будущей сибирской властью, будь то левые «демократы» или коммунисты — в западных политических кругах уже зондировался вопрос об изменении отношений с ними. В общем, для всех сторон, ведущих эти игры, Колчак явился именно той фигурой, которой следовало пожертвовать. Что же касается отречения, то это была скорее дань приличию: одно дело — выдача главы союзного государства, а другое — частного лица.

Вечером 4 января Политцентр и большевики подняли в Иркутске восстание. Началось оно довольно вяло. Обе стороны присматривались друг к другу, действовали нерешительно. Скопившиеся в городе чехи тут же заявили о нейтралитете. Но вскоре в Иркутск вошли партизаны Каландаришвили и Зверева, тут же назначенного командующим. Едва наметился перевес, гарнизон стал переходить на сторону победителей, доселе опасавшиеся рабочие потянулись в дружины (теперь опасаясь партизан и не желая оставаться безоружными). Ген. Ханжин, пытавшийся руководить действиями против мятежников, попал в плен. И 5.01 власть перешла к Политцентру. Положение Колчака стало безвыходным. На западе — партизаны и красные. Рядом, в Нижнеудинске — повстанцы. На востоке, куда он стремился добраться, — тоже враги. 5.01 адмирал подписал отречение от власти, назначив Верховным Правителем России А. И. Деникина. На российской восточной окраине власть передавалась атаману Семенову — больше было некому. Да и Япония, поддерживающая Семенова, осталась единственной державой, не склонной к предательству белогвардейцев.

Семенов только сейчас, после восстания в Иркутске, почувствовал непосредственную опасность у себя под боком и решил исполнить приказ Колчака, отданный ему почти месяц назад. На Иркутск дви-

нулись его казаки — но поздно. Сил у повстанцев оказалось вполне достаточно, а боеспособность семеновских войск проявилась весьма невысокая. Кроме стычек с партизанами, они почти не вели активных действий, и встретив подготовленную оборону, крупные силы рабоче-крестьянских дружин и верхоленских партизан, казаки повернули назад.

Тем временем всюду разыгрывался сценарий предательства. Вагоны Колчака и Пепеляева были прицеплены к эшелону 1-го батальона 6-го чешского полка. Фактически адмирал оказался под арестом у бывших союзников. В целях «международной охраны» его вагон обвешали флагами: французским, английским, американским, японским, чехословацким и русским, андреевским. И по роли своей эти международные флаги вполне соответствовали Иудиному поцелую — теперь любой партизан мог издали безошибочно определить, кого везут. 10.01 эшелон тронулся из Нижнеудинска. Разукрашенный вагон уже ждали и встречали. На ст. Зима к чешским часовым добавились вооруженные дружинники. Их число увеличилось после остановки в Черемхове, отсюда повстанцы сопровождали эшелон и сзади на паровозе. На ст. Иннокентьевской в поезд села еще одна партия дружинников. Утром 15.01 эшелон прибыл в Иркутск и тотчас был оцеплен охраной. Целый день Колчаку было предоставлено лишь гадать о своем положении. Попытавшись связаться с Жаненом, он узнал, что все союзные миссии еще накануне отбыли на восток. (С одним из поездов сумел спастись ген. Дитерихс, воспользовавшись старыми знакомствами — он ведь раньше командовал чехословаками.) А под покровом ночной темноты состоялась передача Колчака и Пепеляева местным властям. Когда адмирал узнал об этом от чешского офицера Боровички, которому было поручено осуществить выдачу, он воскликнул: «Как, неужели союзники меня предали? Где же гарантия генерала Жанена?» Человеку высочайшей честности, ему трудно было понять такое вероломство. Его любимая, А. В. Тимирева, добровольно пожелала идти в тюрьму вместе с ним, старалась успокоить и поддержать — пока их не разлучили, разведя по камерам. По делу Колчака была создана следственная комиссия из меньшевика Денике, большевика Чудновского, эсеров Лукьянчикова и Алексеевского. На допросах он держался спокойно, мужественно. Свой взгляд на события в России излагал вполне открыто и определенно, отнюдь не стараясь исказить его в благоприятном для себя свете, заискивать перед новыми властями или поступаться своими идеалами.

А с 15.01 вдруг стали поступать сведения о войсках Каппеля, которые давным-давно похоронили и списали со счетов. От прежних колчаковских армий осталось немного, но это были лучшие солдаты и офицеры. Ижевцы, воткинцы, каппелевцы (впрочем, теперь так называли себя все белогвардейцы, объединившиеся вокруг главнокомандующего), часть оренбургских казаков и все примкнувшие к ним колчаковцы, не пожелавшие ни дезертировать, ни капитулировать. Отбиваясь от преследующих их войск 5-й красной армии, прорываясь через территорию сплошных партизанских краев и зоны восстаний, они упрямо шли по старому Сибирскому тракту на восток, вымирая от тифа, увязая в глубоких снегах, выдерживая жуткие морозы. Позже их подвиг называли Ледяным Сибирским походом. Две тысячи

километров через зимнюю тайгу — пешком, на санях и повозках, во вражеском окружении.

Менялась и обстановка в Иркутске. Уже с первого дня существования Политцентр вынужден был делить власть с Иркутским губкомом РКП(б). Большевикам предложили создать коалиционное правительство — они отказались. Реальная власть была в их руках — на командных постах войск и рабочих дружин были их ставленники. Соответственно образом обрабатывались партизанские вожаки. С Политцентром считались все меньше. Невзирая на него, стали создавать свои органы власти. 19.01 был сформирован Военно-революционный комитет. Отчасти этот шаг «объяснили» необходимостью мобилизации всех сил для обороны от каппелевцев. Тут же возникла и ЧК — член следственной комиссии Чудновский оказался ее председателем, а протоколист Попов — заместителем председателя. Чехословаки предали и «демократический» Политцентр. Большевики вступили с ними в переговоры об устранении этого органа, и те согласились при единственном условии — что останутся в силе их соглашения с Политцентром о свободном выезде чехов на восток вместе с «имуществом». 21 января, оказавшись в полной изоляции, Политцентр вынужден был уступить власть ВРК. Большевикам не нужны были выигрышные коалиции — они добивались полной власти, и они ее получили. А Колчак, Пепеляев и Тимирева автоматически перешли в ведение ЧК. Участь адмирала была решена. Ленин остановился точно на том же варианте расправы, что и с царской семьей — убрать потихоньку, без лишнего шума, исподтишка. Склянскому он направил шифрограмму: «Пошлите Смирнову шифровку. Не распространяйте никаких вестей о Колчаке, не печатайте ровно ничего, а после занятия нами Иркутска пришлите строго официальную телеграмму, что местные власти до нашего прихода поступили так и так под влиянием угрозы Каппеля и опасности белогвардейских заговоров в Иркутске. Ленин. Подпись тоже шифром. Беретесь ли сделать архинадежно?»

Каппелевцы к Иркутску действительно приближались. Главнокомандующий вел их, находясь в колоннах войск. При переправе через реку Кан сани, в которых ехал Каппель, провалились под лед. Вытащенный из воды на тридцатиградусном холоде, он мгновенно отморозил себе ноги, получил воспаление легких и сгорел в один день. 25 января Владимира Оскаровича Каппеля не стало. Армию повел его начальник штаба, 24-летний генерал Войцеховский. Любовь солдат и офицеров к погибшему командиру была так велика, что они и после его смерти продолжали именовать себя каппелевцами. И сохранили это самоназвание вплоть до последних боев на Дальнем Востоке. Их оставалось всего-то 4—5 тысяч. Больные, обмороженные, превзошедшие все пределы человеческих возможностей, они вышли на линию железной дороги и 30.01 у ст. Зима разгромили высланные против них советские войска. Вслед за этим двинулись на Иркутск, страшные в своем порыве. С ходу взяли Черемхово в 140 км от Иркутска, разогнав шахтерские дружины и расстреляв местный ревком.

В ответ на ультиматум красного командующего Зверева о сдаче Войцеховский направил свой ультиматум, обещая обойти Иркутск стороной при условиях освобождения Колчака и арестованных с ним лиц, снабжения каппелевцев продовольствием и фуражом, выплаты

им контрибуции в 200 млн. руб. Одним из пунктов значилось и «прекращение пропаганды и клеветы» — люди, прошедшие сквозь смерть и готовые идти на смерть, настолько заботились о своей чести, что выставили подобное требование. Тимирева, старавшаяся хоть как-то поддержать Колчака в последние дни, сумела наладить через надзирателей обмен записками с ним. Режим ее содержания был менее строгим, доходили вести с воли. От нее Колчак узнал и о походе Войцеховского, его ультиматуме. В одной из последних записок он сообщал: «Дорогая голубка моя, я получил твою записку, спасибо за твою ласку и заботу обо мне. Как отнестись к ультиматуму Войцеховского, не знаю, скорее думаю, что из этого ничего не выйдет или же будет ускорение неизбежного конца... Я только думаю о тебе и о твоей участи, единственно, что меня тревожит. О себе я не беспокоюсь — ибо все известно заранее...» Он действительно старался спасти Тимиреву — запретил называть ее в протоколах «гражданской женой», прекрасно понимая, чем ей это может грозить.

По телефону от председателя РВС 5-й армии Смирнова поступили указания Ленина. И 3—4 февраля Чудновский представил в ВРК список из 18 человек для немедленного расстрела. Не желая излишне возбуждать население в сложившейся критической ситуации, ВРК оставил в списке двоих, Колчака и Пепеляева (остальных колчаковских министров расстреляли позже, в июне.) Как и предписывал Ильич, постановление мотивировалось тем, что «обысками в городе обнаружены во многих местах склады оружия... по городу разбрасываются портреты Колчака. С другой стороны, ген. Войцеховский, отвечая на предложение сдать оружие, в одном из пунктов своего ответа упоминает о выдаче ему Колчака и его штаба. Все это заставляет признать, что в городе существует тайная организация, ставящая своей целью освобождение одного из тягчайших преступников против трудящихся — Колчака и его сподвижников...»

Тем временем Войцеховский по неисполнению ультиматума перешел в атаку, и каппелевцы прорвались к Иннокентьевской, в 7 км от Иркутска. Город был объявлен на осадном положении, подступы к нему превращены в сплошные линии обороны, предполья залиты водой и простреливались. Но белогвардейцы рвались вперед спасать своего вождя (что не очень-то согласуется с утверждениями советской литературы о непопулярности Колчака в своей армии). Началось сражение за Иркутск, редкое по своей ожесточенности. Обе стороны дрались насмерть, пленных не брали ни те ни другие. Современники упоминают, что такого жестокого боя не видели за всю войну.

В ночь на 7 февраля А. В. Колчак и В. Н. Пепеляев были расстреляны. На просьбу Колчака попрощаться с Тимиревой палачи расхотались — им почему-то это показалось очень смешным. Адмирал встретил смерть мужественно. Идя на расстрел, пел свою любимую песню «Гори-гори, моя звезда...» На предложение завязать ему глаза отказался. И подарил Чудновскому переданную ему кем-то капсулу с цианистым калием — как христианин, он не считал для себя возможным самоубийство. Расстрел совершился в 4 часа 30 минут утра на берегу р. Ушаковки. Трупы бросили в прорубь на Ангаре. По одной из версий, Колчака столкнули под лед еще живого...

В тот же день большевики поспешили подписать договор с чехословаками о нейтралитете и прекращении военных действий.

Каппелевцам удалось взять Иннокентьевскую и прорвать линии городской обороны. Красные не могли противостоять отчаянному натиску горстки полуобмороженных бойцов. В общем-то Иркутск был обречен. Но вмешались чехи. Заключив договор, они боялись теперь ссориться с красными, чтобы не сорвалась их эвакуация. Рассудив, что, если в полосе железной дороги развернутся бои, их выезд со всем трофейным барахлом окажется затруднен, они под угрозой военных действий отказались пропустить каппелевцев в город через Глазковское предместье, прилегающее к железной дороге. Сражаться со свежим, отлично вооруженным контингентом Войцеховский уже не мог. Штурм был сорван. Каппелевцы отступили от Иркутска и стороной ушли за Байкал. Эвакуация чехословаков завершилась еще через месяц, 8.03. В город вступили части 5-й красной армии.

Анна Тимирева, над душевным подвигом которой в течение десятилетий глумилась и насмехалась советская литература, надолго пережила своего возлюбленного. Она скиталась по тюрьмам, лагерям и ссылкам до 1954 г. Реабилитирована в 1960 г. В оставленных коротких воспоминаниях она писала о Колчаке: «Он был человеком смелым, самоотверженным, правдивым до конца, любящим и любимым... Он предъявлял к себе высокие требования и других не унижал снисходительностью к человеческим слабостям. Он не разменивался сам, и с ним нельзя было размениваться на мелочи — это ли не уважение к человеку?..» Умерла она в 1975 г.

79. НА ТУРКЕСТАНСКОМ ФРОНТЕ

В конце 1919 г. погибла и Уральская белая армия генерала В. С. Толстова. Уральцы продолжали сражаться, несмотря на то, что Колчак все дальше откатывался на восток, соседи-оренбуржцы были разгромлены, а помощь Деникина слабела — осенние штормы на Каспии затрудняли подвоз, Гурьев блокировала красная Астраханская флотилия. В условиях полного окружения ни мириться с большевиками, ни сдаваться им уральцы не собирались. Фрунзе удалось сломить их лишь с наступлением зимы. Для этого он применил целый комплекс мер. Ездил в Москву и выпросил лично у Ленина в виде исключения полную амнистию для сдающихся. Кроме того, применил новую тактику в борьбе с неуловимыми рейдирующими группами уральцев. Его конные отряды и пулеметные заставы начали отрезать казаков от станиц и хуторов, вытесняя в голую зимнюю степь и не подпуская к населенным пунктам. Подорвав таким образом боеспособность уральцев, лишая их возможности партизанских действий, 4-я армия Восканова и экспедиционный корпус 1-й армии перешли в наступление. Казаки отходили, не в силах противостоять красным во фронтальных боях.

Их прижимали к Каспийскому морю. Северная часть его замерзла, и даже эвакуация морским путем стала невозможной. Когда положение стало безвыходным, начался трагический исход семнадцати

тысяч казаков по мертвым прикаспийским степям на Форт-Александровск (ныне Форт-Шевченко). В январе красные вошли в Гурьев. Тяжелейший поход через промерзлые солончаковые пустыни добил Уральскую армию. На страшном пути остались тысячи умерших от тифа, голода и простудных заболеваний, замерзших. Добравшиеся до Форт-Александровска остатки казаков были приняты английскими и русскими пароходами. Одних эвакуировали в еще державшийся Красноводск, другим повезло больше, их вывезли в Персию.

По завершении этой операции большая часть участвовавших в ней красных войск была перенацелена на Юг России. А в составе Туркестанского фронта под командованием Фрунзе остались лишь силы, действовавшие внутри Туркестана, — около 20 тыс. чел. Противобольшевистские группировки по общей численности имели значительный перевес. Но, во-первых, они были разрозненны, что позволяло громить их по очереди. А во-вторых, каждая из них имела свои уязвимые стороны. Белогвардейцы ген. Литвинова в Закаспийской области плохо знали местные условия, ферганские басмачи враждовали между собой и были слабо вооружены. Бухарский эмир после подписания договора с Совдепией рассчитывал на мир с ней. В случае нападения он надеялся и на международное заступничество, помощь англичан. Хивинский хан, хоть и находился в состоянии войны с большевиками, одновременно враждовал с бухарским эмиром и должен был действовать с оглядкой, чтобы не получить удара в спину.

Хотя после разгрома казаков Белова и Дутова большая часть 1-й армии была переброшена против Деникина, но кое-какие подкрепления достались и Туркестану — обстрелянные, организованные и куда более боеспособные, чем местные войска, для которых они стали цементирующими звеньями. Успехи, достигнутые здесь противобольшевистскими силами, сменились их поражениями. Повстанцев Мадмин-бека и Монстрова, осаждавших Андижан, сначала остановила ссора вспыхнувшая между русскими и узбеками. А потом сюда была направлена с севера Татарская бригада. Это сильное соединение заставило повстанцев почти без боя начать отход в горы. Вскоре они оставили г. Ош. Переброска в Ферганский район именно Татарской бригады была не случайной. Увидев, что против них идут не русские, а мусульмане, местные жители встречали их мирно, а некоторые басмачи даже переходили на сторону красных. Национальные игры вообще занимали важное место в туркестанской войне. После соединения с РСФСР и прорыва сюда регулярных частей Красной армии мусульманское крыло ташкентского руководства, мечтавшее стать полновластными хозяевами края, резко выступило против «русского засилья», завопило о «новой русской оккупации Туркестана». Воспользовавшись этим, член РВС Туркфронта В. В. Куйбышев, осуществлявший здесь общее командование, тут же предложил провести мобилизацию в Красную армию 30 тыс. мусульман. Националистическая часть руководства с энтузиазмом приняла предложение и рьяно взялась проводить в жизнь, хотя прежде в военных вопросах предпочитала оставаться в сторонке.

Главным участком был тоже сначала объявлен тот, где сражались пришлые, чужеродные силы, — Закаспийский. В течение осени 1-я

Туркестанская дивизия теснила здесь дивизию ген. Литвинова, формально подчиненную Деникину, но находящуюся далеко от главных театров войны и большей частью предоставленную самой себе. Литвинов оставил Асхабад и отошел к Кизыл-Арвату. В декабре под личным руководством Куйбышева тут был нанесен удар. Сюда стянули резервы со спокойных и второстепенных участков. Через пустыню был совершен обход на станцию Казанджик. Белогвардейцы потерпели поражение и отошли западнее. Они выбрали удобное место для обороны — там, где к железной дороге подходил хребет Малый Балхан, укрепив дефиле. Свой штаб Литвинов разместил на ст. Айдин, резервы — на ст. Джебел. Куйбышев разделил войска на две части. Одна насаждала с фронта. Другая из 4 тыс. чел. при двух батареях, которую возглавил сам Куйбышев, двинулась на верблюдах через Каракумы. Обогнув Малый Балхан, она через 4 дня вышла прямо на Айдин и нанесла удар по штабу Литвинова. Беспечность дорого обошлась белым, не ожидавшим появления врага со стороны пустыни (причем второй раз подряд). Штаб был разгромлен. Взорвав пути, красные захватили 2 бронепоезда. Белогвардейская оборона в Закаспии рухнула. Части, державшие фронт, оказались в окружении, под ударами с фронта и тыла они были уничтожены или сдались. У белых остался только Красноводск с прилегающим районом.

Следующей на очереди стала Хива, против которой действовала группа войск под командованием Шайдакова. Армия Джунаид-хана не была регулярной. В основном она состояла из туркменских джигитов-кочевников, имевших племенную и родовую организацию. Тяжелого оружия у них почти не было, да и не умели они взаимодействовать с артиллерией и пулеметами. Поэтому в литературе войска Джунаида нередко смешиваются, нарочно или случайно, с басмаческими формированиями. Правда, туркмены были получше, чем басмачи, вооружены, да и были воинами с детства, в отличие от восставших земледельцев. По Амударье жили и казаки, но они раскололись. С одной стороны, Джунаид воевал с большевиками. А с другой — он и сам не был для казаков другом. Его джигитов, среди которых испокон веков царило правило сильного, оседлые хозяева тоже опасались. Наконец, в красных войсках были «свои», русские, а против них — «чужие», мусульмане. Этим и пользовалась большевистская пропаганда, играя на национальных чувствах уже в обратную сторону. В поддержку хана выступила лишь небольшая часть казаков, обитавших в районе Чимбая.

У Джунаида хватало и внутренних врагов. Всего несколько месяцев назад он сел на трон, поэтому в самой Хиве было много недовольных, обиженных в результате переворота, обойденных при назначениях. Большевики учли и такую местную особенность, как межплеменная вражда, сохранившаяся в Каракумах до XX века. Для Джунаида одни племена были родственными или союзными с ними, а другие — враждебными. И ташкентская власть усердно снабжала его врагов оружием, настраивая на активные действия. Была там и «революционная» партия младохивинцев во главе с Моллоаразом Ходжамаммедовым. Существовала она в зачаточном состоянии и ничего общего с коммунизмом не имела, выступая за конституционное ограничение

ханской власти, а в радикальном варианте — за исламскую республику. Но других революционеров в Хиве не нашлось, и Ташкент делал ставку на имеющихся, подкармливая деньгами, оружием, литературой. Партию всячески подталкивали к восстанию, обещая поддержку.

В декабре, когда стало возможно перебросить в этот район части с Закаспийского участка, младохивинцы подняли восстание, тут же обратившись за помощью к красному Туркестану. Куйбышев отдал войскам приказ перейти границы Хивинского ханства. Немедленно началось наступление с севера и с юга. Главный удар наносился Амударьинской группой Шайдакова, которая двинулась по реке на пароходах и баржах. Флотилия насчитывала 38 единиц, на бортах которых имелись 26 орудий. Обращение, распространяемое при вторжении, гласило: «Народы Хивы! Мы знаем, что для многих из вас Джунаид стал врагом и насильником. Идя только против него одного и сохраняя добрый мир со всеми, кто не будет его поддерживать словом и оружием, мы надеемся, что будем встречены не как враги, а как друзья, и встретим искреннюю и добросердечную поддержку. Смерть разбойнику Джунаиду! Да здравствует свободная и независимая Хива!» О каких-либо классовых, социальных и территориальных причинах войны умалчивалось и подчеркивался ее сугубо персональный характер — вполне понятный для населения этого глухого угла. Поэтому вне зависимости от взглядов и убеждений сторону красных заняли все, кому Джунаид чем-нибудь насолил. Присоединились с оружием племена кочевников — маширыпов и чайдаров, враждебные роду Джунаида. 28.12 под Ходжейли войска хана вступили в бой с соединенными силами его противников и потерпели поражение. 2 января красные заняли Куня-Ургенч, затем Новоургенч. После передышки, обработав как следует местное население и перетянув на свою сторону часть «нейтральных» амударьинских казаков, они возобновили наступление. 1 февраля пала Хива. Джунаид ушел в Каракумы.

Примерно в это же время началась операция по овладению Красноводском и окончательной ликвидации Закаспийского фронта. После поражений Литвинова под Казанджиком и Айдином здесь остались 4—5 тыс. защитников, часть из которых составляли эвакуированные сюда уральские казаки. Помощи ждать было неоткуда. Основные силы Деникина дрались уже на Маныче и в Ставрополье. Красноводск оказался в изоляции. Каспийское побережье в основном контролировали красные, за морем лежал недружественный Азербайджан. Белогвардейцы оборонялись отчаянно. Стояли насмерть, отбиваясь контратаками. Обе стороны понесли огромные потери. Но преимущество, и численное, и в артиллерии, было на стороне красных. 6 февраля Красноводск был взят. Из его защитников кто смог — эвакуировались пароходами в Персию, значительная часть погибла, 1600 чел. попали в плен.

А Джунаид еще долго водил по пустыням преследующие его большевистские войска. Сначала он, уйдя далеко на юг, засел в крепости Тахта-Базар, почти на границе с Афганистаном. Ее осадили, взяли штурмом, но хан сумел вырваться. Обосновался в районе Батыр-Кента, стал собирать здесь новые силы. И здесь его настигли, снова он был разбит. Ушел в район Курганчик. Но и сюда пришли красные.

Опять он потерпел поражение, и опять его не сумели поймать. Отсюда он направился в самое сердце Каракумов, где собрал отряд кочевников и начал набеги на большевиков, ускользая от их ударов в глубины песков. Красные обратились к враждебным ему племенам. С их помощью разыскали в пустынях отряд Джунаида и разгромили. Взять неуловимого хана большевикам так и не удалось, но после этого поражения он ушел окончательно — за границу.

Разгромив уральцев Толстова, в Туркестан прибыл Фрунзе, облеченный властью не только командующего фронтом, но и полномочного представителя ВЦИК и Совнаркома. Когда он принял у Куйбышева военное руководство, активными здесь оставались Ферганский и Семиреченский участки. После взятия Новониколаевска (Новосибирска) одна из красных дивизий повернула в Казахстан против группировки атамана Анненкова. В Семипалатинской области шли бои. Войска Анненкова с отрядами казахской Алаш-Ордынской милиции, теснимые на юг, и Семиреченское казачество ген. Щербакова оказались в положении двух бойцов, отбивающихся спина к спине. В середине января казаки Щербакова перешли в наступление. Оно не удалось. Красные войска здесь из отдельных партизанских отрядов были уже организованы в 3-ю Туркестанскую дивизию, усилены вооружением, сцементированы переброшенными через Ташкент подкреплениями. Потерпев поражение, казаки отступили и укрылись в горной крепости Копал.

А на Ферганском участке установилась довольно своеобразная война. Советские войска беспрепятственно занимали города и кишлаки, при их приближении басмачи уходили. Среди них действовал как бы негласный запрет — не вступать в бой с регулярными частями. Впрочем, объяснить это легко — в повстанческих отрядах лишь третья или четвертая часть бойцов была вооружена, да и то чем попало, вплоть до старинных охотничьих ружей. Куда им было идти против артиллерии и пулеметов? Зато басмачи громили местную милицию, нападали на организуемые советские органы. Их предводители-курбаши постоянно враждовали между собой. Ссорились из-за ориентации, из-за сфер влияния и контролируемых районов. Учитывая их междоусобицы, большевики взяли курс на дальнейшее разобщение повстанческого движения и принялись переманивать его вождей на свою сторону. Их замысел удался. Из-за раздоров и взаимных обид к красным переходил то один, то другой курбаши. Перешел отряд Парпи численностью 3 тыс. чел., за ним отряды Махкам-Ходжи и Акбар-Али в 2600 чел. (из них лишь 600 вооруженных, откуда хорошо видна боеспособность басмачей).

Здесь, в Туркестане, фактически облеченный диктаторской властью, Фрунзе проявил себя очень ярко. Выступил эдаким азиатским владыкой, достойным своего кумира Тамерлана. Он прекрасно понимал, что «восток — дело тонкое», и сочетал в своих комбинациях и силу, и хитрость, и коварство.

Самыми сильными противниками на Ферганском участке были «крестьянская армия» Монстрова и «мусульманская народная армия» Мадамин-бека (точнее — Мухамед-Амин-бека Ахметбекова). После распада их союза они между собой враждовали. Красный отряд Со-

колова нанес поражение повстанцам Монстрова, и тот через посредников начал зондировать у Куйбышева почву для мира. Узнав об этом «предательстве», Мадамин-бек всеми силами обрушился на отряды Монстрова и разгромил их. Вскоре и сам Мадамин-бек подвергся удару частей 2-й Туркестанской дивизии, понес серьезные потери. В ответ он неожиданным налетом уничтожил красный отряд, стоявший в кишлаке Мын-Тюбе и потерявший бдительность. А Монстров со своими повстанцами явился в Джалал-Абад, прося у красных защиты и предлагая им союз против Мадамин-бека. Как же поступил Фрунзе? Передал трибуналу и расстрелял пришедшего к нему Монстрова вместе с прочими руководителями «крестьянской армии». О чем известил Мадамин-бека, предлагая ему союз и дружбу. «Враг моего врага — мой друг». Кроме того, он обещал оставить под началом курбаши все его воинство, назначив его командиром полка. И грозный Мадамин-бек согласился. Его отряд вошел в состав Красной армии под названием 1-го Узбекского Маргиланского кавалерийского полка. Хитрой игрой Фрунзе устранил сразу двух противников. Ход был тем более выигрышным, что откликнулся на остальном басмачестве. Другой видный курбаши, Ахунджан, выразил желание перейти в Красную армию на тех же условиях. Фрунзе и его принял. Его отряд стал 1-м Тюркским красным полком. Даже болезненное соперничество между курбаши учитывалось в названиях их частей даже — никаких «вторых» полков, все «первые».

На Семиреченском фронте в феврале было затишье. Но начала сказываться усталость от бесконечной войны. Среди казаков появились перебежчики. Пока немного, но в день по 3—4 человека переходили к красным. Вступивший в командование 3-й Туркестанской дивизией Белов, умный и дальновидный человек, категорически запретил репрессии против пленных, и это моментально дало плоды. Семиреченские казаки все сильнее склонялись к миру. Тем более, как уже говорилось, в здешних краях конфликтовать с крестьянами им было совершенно не из-за чего. Территория, занятая белыми, к этому времени значительно уменьшилась — она охватывала лишь северную часть нынешней Талды-Курганской области. Анненков под давлением красных вынужден был оставить Семипалатинский край и отойти в Лепсинский уезд Семиречья. Тут промежуток между озерами Балхаш, Сасыкколь и Алаколь суживал фронт до 100 км, позволяя держаться против ударов с севера. Но с юга 10 марта началось наступление красных на Копал. Эта сильная крепость занимала выгодное положение. 130 пулеметов, имевшихся у ее защитников, держали под огнем труднодоступные горные подступы, сметая атакующих. Часть красных пошла по дорогам, для удара в лоб, часть пробиралась по горным тропам, намереваясь напасть с флангов и тыла. Однако ночью, когда войска выдвигались для штурма, ударил сильный мороз. Выйдя к Копалу, зачоченевшие войска были уже не в состоянии его атаковать. Вдобавок налетела буря. Понесся потери обмороженными и сорвавшимися в пропасть, красные отошли на прежние позиции.

Приведя в порядок свои части, получив подкрепления, они 20.03 предприняли новое наступление. На этот раз крепость перед штур-

мом решили блокировать со всех сторон. Бригаду из трех кавалерийских полков бросили в обход, чтобы перекрыть единственную дорогу, еще связывающую Копал с другими белыми районами. Выполняя эту задачу, бригада столкнулась лоб в лоб с казачьими частями, которые вел на помощь Копалу ген. Щербаков. Встреча была неожиданной для обеих сторон, но красных оказалось больше, и они четче отреагировали. Внезапно атакованный ими Щербаков был окружен. Он сумел прорваться и начал отступать. Преследуя его, большевики вышли к станице Арасанской. Обложили ее, готовясь к штурму. Но защищать станицу было некому. Щербаков, который по предположению красных засел в ней, ушел дальше, на Саркандскую. Арасанская сдалась без боя. Тут снова сказалась дальновидность комдива Белова, издавшего приказ: «...Все зависит от вас — или поможете прикончить фронт, или подтолкнете казаков на новую войну». В Арасанской не было ни насилий, ни грабежей. Казаки не верили своим глазам, пораженные такой переменной в поведении красных. И сами вызвались отправить делегацию в Копал, среди защитников которого было много их родственников. Рассказали там, что красные войну против казаков прекратили. Мощная крепость, блокированная со всех сторон, капитулировала. Общее количество пленных в результате падения Семиреченского фронта составило 6 тыс. человек. По домам их, правда, непустили, а создали для них лагерь в Верном (Алма-Ате).

Преследуемый Щербаков вынужден был из Саркандской уйти с остатками войск в Китай. Туда же отступил Анненков, лишившийся тыла и очутившийся под ударом, с севера и с юга. Он разместился со своими людьми в г. Ланьчжоу, Щербаков и семиреченцы — в г. Кульджа, Дутов с оренбуржцами — в г. Суйдун.

80. ПЕРЕЛОМ НА СЕВЕРЕ

В то время как погибали армии Колчака, Юденича, Толстова, Деникина, на Северном фронте все еще обстояло удивительно благополучно. Главнокомандующий ген. Миллер пользовался огромной популярностью и непререкаемым авторитетом как в войсках, так и среди населения. Человек высоких душевных качеств, редкой выдержки и работоспособности, он по своему складу был скорее администратором (редкое качество для белых военачальников), чем стратегом. Но как раз эта его сторона в условиях Севера оказалась полезной для организации жизни и обороны. Был налажен розыск и регистрация запасов, которые побросали англичане. Фактически заново была создана система снабжения, проведена реорганизация штаба. До самого последнего момента войска Миллера ни в чем не испытывали недостатка. Использовались и местные ресурсы — если в Архангельской губернии не хватало хлеба и его выдача была нормированной, то рыба, оленина, дичь имелись и поставлялись в изобилии. Край жил нормальной жизнью — наверное, и сейчас он еще не дошел до такого уровня благосостояния, как при Миллере. Северные деньги, выпущенные в Англии и обеспеченные Британским банком, были кон-

вертируемой валютой, причем шли по очень высокому курсу: 40 руб. — 1 фунт стерлингов. Поэтому после ухода союзников тут же нашлась масса иностранных подрядчиков, желающих торговать с Северной областью. Доходило до того, что в Архангельск прибыл огромный французский пароход «Тор», нагруженный предметами роскоши — винами, парфюмерией, дамским бельем и нарядами.

Материальное положение рабочих было куда лучше, чем в остальных частях России, — их оклады превышали заработок чиновников правительственных и частных учреждений. Еще при англичанах, когда архангельский «пролетариат» решил очередной раз побастовать, британское командование выпустило для его вразумления сравнительную таблицу их заработка с заработком английских рабочих в сопоставлении с ценами на основные товары. Сравнение вышло не в пользу западных братьев по классу. Денежное содержание солдат и офицеров также было высоким, а их семьи получали солидное пособие.

В Архангельске открылся и солдатский клуб с читальней, бильярдной, столовыми, зрительным залом, где давала спектакли передвижная труппа во главе со знаменитым артистом Александринского театра В. Н. Давыдовым. Эта труппа разъезжала и по фронту. Начали работать курсы агитации и пропаганды, где набранным из солдат слушателям рассказывали о принципах государственного устройства, основах народоправств, истории революционного движения, сущности большевизма, сути аграрного и рабочего вопросов.

А на фронте продолжалось наступление. Отчасти по инерции. Отчасти из-за того, что мороз, сковавший болота, дал свободу для маневра белопартизанским отрядам. От большевиков освободили обширные районы на Пинеге, Мезени, Печоре, белые вступили на территорию Яренского и Усть-Сысольского (ныне Сыктывкар) уездов Вологодской губернии. Некоторые кабинетные стратеги любили подсчитывать, сколько и каких европейских государств поместится на освобожденных землях, отражая это в реляциях и обращениях к населению. Конечно, во многом успехи, да и вообще спокойная жизнь Севера объяснялись тем, что армия Миллера не угрожала жизненно важным центрам Совдепии, и до поры до времени на нее не обращали особого внимания. Часть красных войск отсюда снималась на более важные фронты, а оставшиеся были далеко не лучшего качества. Да и пополнениями Северный фронт не баловали. А в некоторых районах — скажем, на Пинеге — большевики к зиме сами оставили занимаемую территорию, предоставив белым кормить обобранное ими голодающее население.

Но, несмотря на внешнее благополучие, появилось и незаметно накапливалось все больше тревожных симптомов. Если прежде пленные красноармейцы были в армии Миллера лучшими солдатами, то с крушением других белых фронтов их надежность стала быстро падать, росло дезертирство. Теряя веру в победу белых, они боялись теперь попасть в руки большевиков в качестве изменников, поэтому старались бежать как от тех, так и от других, просто незаметно пробраться в родные места. Из разведки или с передовых постов часто не возвращались. Порой на аккуратно оставленных винтовках находили

записки с просьбой не винить их, т. к. они уходят не к красным, а домой. Естественно, на этих неустойчивых настроениях играла красная пропаганда, подсказывая солдатам, что они могут искупить вину выдачей офицеров, открытием фронта и переходом на сторону «трудового народа». Свои слабые стороны были и у других категорий бойцов. Шенкурские партизаны, или, как их называли, «шенкурята», потомки новгородской вольницы, проявляли яркий героизм, но почти не признавали дисциплины. Пока они дрались на Двинском участке за собственные деревни — творили чудеса в сражениях. Но едва их перевели в Железнодорожный укрепрайон, боеспособность резко снизилась, а усилились пьянство, драки с местными жителями. Кроме того, на «шенкурят» оказывала существенное влияние эсеровская пропаганда. А Тарасовские партизаны, из которых состоял лучший, 7-й полк, открыто предупреждали командиров, что наступать готовы куда угодно, но в случае отступления не бросят на произвол судьбы родных и близких и дальше своих деревень не уйдут ни на шаг.

Явный гнойник представлял из себя флот, состоявший из броненосца «Чесмы», вооруженной яхты «Ярославна» и нескольких ледоколов. Все команды кораблей были заражены большевизмом. С «Чесмы» во избежание удара в спину пришлось выгрузить снаряды. Из 400 чел. экипажа 200 самых неблагонадежных списали на берег и отправили для несения службы в Холмогорский уезд с негодными винтовками. Тем не менее экипаж непонятным образом вскоре опять вырос до прежней численности. Более-менее лояльных матросов и ополченцев оттуда выживали, делая их службу невозможной. А офицеры всеми способами старались списаться оттуда. Матросики же, распустив брюки клеш, вольготно жили в своей цитадели, фланируя вечерами по проспектам, танцулькам и предвкушая приход красных. Была и речная флотилия, созданная из наскоро вооруженных пароходиков и барж под командованием капитана 1-го ранга Чаплина. Окружив себя молодым морским офицерством, он, несмотря на сомнительный состав экипажей, энергично и успешно оперировал на Двине, не позволив красным завладеть рекой после ухода английских мониторов. Но с наступлением зимы флотилия встала, а из команд сформировали морские стрелковые роты, быстро разложившиеся и ставшие рассадниками большевистских настроений. Ряд ошибок допустило, конечно, белое руководство, не только не разоружившее и не расформировавшее свой ненадежный флот, но и пославшее для укрепления Мурманской базы отряд кораблей, экипажи которых немедленно занялись там красной пропагандой. Туда же, на Мурманский фронт, были направлены солдаты с Иоканги, ранее высланные туда за неблагонадежность. Естественно, подобные «подкрепления» положения в Мурманске отнюдь не улучшили.

Постепенно активизировалась и вполне легальная, эсеровская оппозиция, которую возглавил председатель губернской земской управы П. П. Скоморохов. Вместо единения антибольшевистских сил партия эсеров, наоборот, в критический момент раскололась на непримиримых противников: правое, оборонческое крыло, колеблющийся туда-сюда центр и левых — чем дальше, тем сильнее склонявшихся к пораженческой линии. К последним принадлежал и Скомо-

рохов. Человек энергичный, волевой, самоуверенный, он сумел поднять под себя земство, увлечь личным авторитетом значительную часть «центра» эсеровской партии. Во время августовской реконструкции власти Скоморохов и его соратники вошли в состав Северного правительства, где пытались гнуть свою линию. Но поскольку в правительстве все же взяли верх умеренные тенденции, они объявили его «еще более контрреволюционным», чем прежде, и сложили свои полномочия, требуя отставки и от остальных членов правительства. Их не послушали, и Скоморохов во главе земства начал яростные нападки на власть, пользуясь любыми поводами. Как выяснилось впоследствии, эти действия сочетались и с подпольной работой.

На всех земских и эсеровских заседаниях критика экономических, финансовых, хозяйственных вопросов неизменно перескакивала на политику, и в нужный момент Скоморохов все настойчивее выдвигал лейтмотив: «Нужно мириться, так как генералы на всех фронтах загубили революцию». И упорно подчеркивал мысль, что «даже большевики лучше, и если с ними вовремя заключить мир, то и переход власти к ним совершится безболезненно, без всяких репрессий с их стороны». А ведь на этих собраниях присутствовали солдаты, принадлежащие к партии эсеров, и через них подобные разъяснения проникали на фронт, разъедавая его, как ржавчина...

Катастрофу, подкрадывающуюся к Архангельску, можно было почувствовать по ряду факторов. Резко усилилась большевистская пропаганда. Северную область буквально засыпали прокламациями. Поскольку и правительство тут было «левым», в контрреволюционности его не обвиняли, зато пугали солдат: «Неужели вы серьезно предполагаете продолжать борьбу с нами? Ведь мы можем вас в любой момент сбросить с вашего пяточка пинком ноги в море». Призывали «прекратить бессмысленную бойню», вязать и выдавать офицеров. К офицерам же был другой подход. Им писали: «Опомнитесь, перестаньте быть наймитами своего и иностранного капитала... Вас бросили французы в Одессе, чехи в Сибири, англичане в Архангельске». И следовало приглашение переходить в Красную армию с описанием райских условий службы в ней — за подписями бывших генералов и офицеров. Большевистские агенты действовали и через легальные эсеровские газеты, орудовали даже в правительственном Северном бюро печати — периодически в его витринах появлялись плакаты с воззваниями Ленина и Троцкого, снабженные «фиговыми листочками», вроде редакционной фразы: «Вот так они собираются завоевать мир».

Белогвардейцы получили и мощный удар, откуда не ждали. В печати появились заграничные телеграммы о снятии экономической блокады и торговле с Совдепией. Проекты эти были заведомо нереальными, поскольку торговля должна была осуществляться через кооперативный Центросоюз. Предполагалось, что кооперативы будут обладать чуть ли не правом экстерриториальности и иметь дело с народом, а не властями. Но многие граждане усвоили из этих сообщений только одно — раз снимается блокада и начинается торговля мировых держав с Совдепией, дальнейшая борьба Северного фронта ни к чему. Местные кооператоры, уже вообразив себя «экстерритори-

альными» и считая грядущие прибыли, ринулись поддерживать левого Скоморохова, а он усиленно обрабатывал их и представителей земства на предмет мира с коммунистами.

В феврале, когда освободились войска с других фронтов, красные решили наконец-то покончить с армией Миллера. Причем из-за разрушенных сообщений на гигантских коммуникациях, недостатков транспорта большевистские войска находились в очень тяжелом положении. В случае неудачи наступления предполагалось даже оставить занимаемые позиции и отойти в более благоприятные для снабжения районы.

Нельзя сказать, чтобы белое командование ничего не предпринимало для предотвращения катастрофы. Чтобы ослабить действие вражеской пропаганды, на фронт выехали общественные деятели, в том числе и эсеры-оборонцы во главе с А. Ивановым. Для установления более тесных дружественных отношений, а если понадобится, предоставления убежища, были направлены делегации в Финляндию и Карелию (которая в данный момент как раз решила отделиться, глядя на Финляндию с Эстонией, и создала собственное «Ухтинское правительство»). Штабом главнокомандующего разрабатывался подробный план отхода фронтовых частей на Мурманск в случае поражения. К сожалению, он оказался совершенно невыполнимым — особенно для частей, сражавшихся в глухомани, на Печоре или Пинеге. Но вряд ли штаб мог предложить что-то более путное. Какой-то ремонт и улучшение дорог в условиях северной зимы исключались. Транспорта не хватало, не говоря уж обо всех трудностях его использования в глубоких снегах. Морской путь тоже был невозможен: из-за перевозок продовольствия в Архангельске одновременно находилось не более 1—2 ледоколов, да и на тех уголь был на исходе. Обычно в этих планах забывалось и о том, что Мурманский фронт по прочности и надежности даже уступает Архангельскому — с какой стати он должен был удержаться в случае падения главных участков? Природные условия для обороны там действительно были благоприятными, но своевременных мер по усилению Мурманска войсками предпринято не было. Мало того, как уже говорилось, туда направлялись части «неблагонадежного» свойства.

В войсках, в порядке частной инициативы, на случай катастрофы придумывались свои меры. Вокруг энтузиастов создавались группы из офицеров и солдат, которые могли положиться друг на друга. Рождались свои проекты — куда и как пробиваться в той или иной ситуации. Но действительность перечеркнула все, даже самые скромные надежды.

Удар был нанесен не только с фронта, но и с тыла. На 3 февраля было назначено открытие губернского Земского Собрания. Естественно, это предвещало очередную атаку на власть, однако еще раньше неожиданно началась массированная кампания по критике правительства — и с социалистической, и с «демократической» стороны. Нападки зачастую были вообще беспредметными, носили характер перебранки и личных выпадов. Во многом сыграли роль даже не политические происки и амбиции, а просто на головы правительства выплеснулась атмосфера общей нервозности, царившая в Архангель-

ске. Правительство подобного нервного срыва тоже не выдержало и подало в отставку. Миллер уговорил членов кабинета временно остаться на местах — до формирования нового правительства.

В этот момент подоспело открытие Земского Собрания. Какой-либо законной властью оно не обладало, не включало в себя представителей городов, Мурманского края, подконтрольных белым районов Олонецкой и Вологодской губерний. Но верховодил в собрании все тот же Скоморохов, что и определило его направленность. Хозяйственные вопросы, составлявшие прерогативу земств, были сразу отброшены. Собрание вылилось в бурный митинг, яростно нападавший на правительство и поднявший вопрос о целесообразности дальнейшей борьбы. Причем левая группа во главе с председателем взяла пораженческий тон, настаивая на немедленном мире с красными, призывая связывать офицеров, называемых с трибуны «контрреволюционерами» и «белогадами». Через газеты и слухи это немедленно распространялось на широкую публику, в том числе и на солдатскую среду. Встревоженный Миллер вызвал к себе руководителей Собрания. Скоморохов заявил ему, что главнокомандующий обязан подчиниться «воле народа», если «народ» выскажется за мир.

Положение в городе создавалось напряженное. Из-за безнаказанности своих выходов «левые» сочли осторожность Миллера, спокойного и уравновешенного человека, не желавшего обострять ситуацию, его слабостью. Собрание все больше нагнело и к ночи приняло декларацию, в которой правительство объявлялось контрреволюционным и требовалась его немедленная отставка. Земское Собрание провозглашалось законодательным органом и должно было создать новое правительство. С этой декларацией собрание решило тут же устроить манифестацию и в форме ультиматума предложить ее главнокомандующему. Терпение Миллера лопнуло. Он поднял по тревоге комендантскую роту. Члены Собрания перепугались и вместо манифестации направили к Миллеру двух делегатов с декларацией. Главнокомандующий обещал дать ответ на следующий день, но предупредил, что, если от него требуется серьезное отношение к данному документу, он вынужден будет передать его судебным властям для привлечения составителей к ответственности. А той же ночью, когда Архангельск лихорадили эти передряги, на Двинском участке красные нанесли сильнейший удар. Позиции были перепаханы тяжелой артиллерией, 4-й Северный полк и Шенкурский батальон, занимавшие здесь оборону, должны были отходить под натиском многочисленных свежих сил, брошенных на прорыв.

Теперь Миллеру приходилось разрываться между фронтом и тылом. Архангельск продолжал волноваться. С протестами против решений Земского Собрания и поддержкой главнокомандующего выступила городская дума, оборонческая группа земцев, население Архангельска — кроме крайне левых. 4.02 Миллер выступил в Земском Собрании, обстоятельно, выдержанно обрисовав создавшуюся ситуацию и объяснив, к каким последствиям ведут принятые Собранием решения. Отверг монопольное право земцев на формирование правительства и заявил, что в связи с отставкой прежнего кабинета оно действительно должно быть создано заново, но с включением всех

политических течений. Его речь произвела сильное впечатление. Неустойчивый «центр» шатнулся в противоположную сторону. Декларацию отменили и приняли воззвание к войскам о продолжении борьбы. Конфликт был ликвидирован, и Архангельск перешел к формированию нового правительства, принявшему затяжной и утомительный характер межпартийных склок.

А обстановка на фронте приобрела все более тревожный характер. Сражение, начатое ударом на Двине, постепенно стало общим. Напряженные бои кипели уже на всех участках. Особенно ожесточенный характер они приняли в Селецком укрепрайоне, защищаемом 7-м Северным полком из партизан-тарасовцев. На населенный пункт Средь-Михреньгу красные бросали одну за другой массированные атаки. Но тарасовцы, не желающие отдавать врагу своих деревень, не отступали ни на шаг. Вцепились намертво в истерзанные снарядами позиции. Сломить их оборону большевикам так и не удалось. Войскам Двинского района, медленно пятившимся под натиском неприятеля, тоже удалось остановиться благодаря героизму «шенкурят».

Но в этот момент беда случилась в Железнодорожном районе. 6.02 контрразведке из-за болтовни лежавшего в лазарете матроса удалось раскрыть заговор в одной из расположенных здесь морских рот. Организация имела целью открыть фронт и была связана с большевистской группой в 3-м Северном полку. Ждали только отвода полка в тыл и прихода ему на замену ненадежного Архангелогородского полка, который тоже предполагалось увлечь за собой. 11 матросов были арестованы, от них узнали состав заговорщиков в 3-м полку. Список послали командиру полка с требованием немедленно арестовать их. Но командир, увидев фамилии, был ошеломлен. В списке оказались самые «надежные» солдаты — охрана штаба, служба связи, унтер-офицеры. И вместо ареста начал выяснять, не произошло ли недоразумения. А заговорщики, пронюхав об опасности, медлить не стали. В ночь на 8.02 они подняли восстание. Роты, стоявшие на позициях, захватив 12 офицеров, перешли к красным. Подразделения, расположенные в двух соседних деревнях, тоже арестовали офицеров, отогнали прислугу от стоявших там пушек. Но артиллерия, находившаяся вне деревень, осталась верной долгу и открыла по ним огонь. Мятежники разбежались, бросив пленных и трофеи. В это время красные повели наступление, вместе с ними шли и изменники. Первую атаку удалось отбить. Артиллерия встретила врага огнем, командир полка и оставшиеся с ним солдаты легли за пулеметы. Однако силы были слишком неравны — от полка осталось около 100 чел. Эта горстка быстро таяла, противник обходил ее с тыла. Понеся большие потери, белогвардейцы едва сумели отступить.

На одном из самых важных участков фронт оказался прорванным. Это и стало началом общей катастрофы. Следствие, которое еще удалось провести, показало, что с заговором было непосредственно связано левое крыло Земского Соборания. От группы Скоморохова через 3-й Северный полк была установлена связь для переговоров о мире с красными, причем велись эти переговоры на совершенно наивных условиях! Якобы земля должна остаться в пользовании

крестьян на правах, существовавших в Северной области при белых, а войска Северной области будут употребляться только для караульной службы на своей территории, виновники гражданской войны, т. е. офицеры, подлежат выдаче большевикам. Следствие выявило, что подобная пропаганда велась и по деревням в тылу. Крестьян уверяли, будто Миллер, пользовавшийся у них авторитетом, уже покинул Архангельск. Так что открытие Земского Собрания одновременно с началом общего наступления красных было не случайным.

81. ПОЛЯРНАЯ ЭПОПЕЯ МИЛЛЕРА

Угрожающее положение на фронте заставило политические круги Архангельска забыть о своих частных амбициях, и наконец-то был сформирован новый кабинет Северного правительства. Какого-либо значения это уже не имело. Правительство успело лишь выпустить воззвание с призывом к обороне, провести несколько заседаний и ответить на большевистские предложения о мире. Предложение, обещавшее даже неприкосновенность командного состава, было, разумеется, всего лишь провокацией с целью подорвать последние оборонные усилия белых, и правительству пришлось поломать голову над ответом, чтобы не дать врагу новых поводов для агитации.

Фронтная обстановка ухудшалась с каждым днем. Вслед за восстанием 3-го Северного полка последовала другая катастрофа. Части, брошенные заткнуть дыру, были ненадежны и разбежались. Приходилось отступать. После того как красным сдали станцию Плесецкую, создалась угроза окружения Селецкого укрепрайона. 7-му Северному полку, упорно сражавшемуся там, была дана команда на отход. И тарасовские партизаны, составлявшие полк, выполнили свое обещание — идти вперед куда угодно, но не назад, чтобы не подвергнуть жен и детей красному террору. Они остались в родных деревнях. От лучшей белой части остались в строю 150 человек. А в худших стремительно шло разложение. В самом городе матросы открыто вели агитацию среди солдат запасных подразделений.

Тем не менее конец наступил внезапно. Миллер и его штаб считали, что падение Архангельска неизбежно, но некоторое время фронт еще продержится. Город жил нормальной жизнью, на улицах поддерживался образцовый порядок. Эвакуация не объявлялась, лишь чины контрразведки и оперативного отдела штаба в пешем порядке выступили на Мурманск (из-за глубокого снега за день смогли пройти всего 15 км). И вдруг 18 февраля катастрофа стала полной. Фронт рухнул. Войска на главных направлениях бросили позиции. Остались лишь небольшие группы по несколько сот человек, не пожелавшие мириться с красными и начавшие отход на Мурманск. Эксцессов почти нигде не было. Солдаты, вышедшие из повиновения, не видели в офицерах своих врагов. Говорили им: «Вы домой, и мы домой». Иногда даже старались достать для них подводы, желали счастливого пути и дружески прощались. К счастью, энергичного броска на Архангельск большевики не предприняли — из-за того же бездорожья и недостаточной подготовки собственных войск. Между городом и бывшим

фронтом образовалась зона в 200—300 км, где шло инсценированное коммунистами «братание», митинги и... вылавливание множества дезертиров, желающих под шумок удрать в Россию.

Спасением для многих стал ледокол «Минин». Всего в критический момент в Архангельске оказались 3 ледокола. «Канада» и «Сусанин» стояли в 60 км от города, у пристани «Экономии», где заправлялись углем. Туда была направлена и часть эвакуирующихся, больных. «Минин», отозванный радиogramмой с полпути в Мурманск, пришел прямо в Архангельск. Поскольку команда, как и на других судах, была ненадежна, сразу же после швартовки на ледокол поднялась группа морских офицеров, заняв все машинные отделения и кочегарки. На «Минин» и военную яхту «Ярославна», которую он должен был взять на буксир, погрузились все, кто мог. Штаб главнокомандующего, судебные ведомства, лазареты, датские добровольцы, отдельные команды солдат и офицеров, члены семей белогвардейцев. Миллер все еще порывался ехать на фронт, к войскам. Штабным офицерам едва удалось отговорить его, доказывая, что фронта больше нет. Во избежание погромов и эксцессов главнокомандующий официально передал власть в городе рабочему исполкому. Городская дума и даже Земское Собрание от такой чести отказались. А председатель исполкома Петров, только что возвращенный из ссылки на Иоканге, откровенно признался Миллеру, что предпочел бы встретить красных в ссылке, а не во главе исполкома.

Напоследок штаб главнокомандующего допустил еще одну ошибку. Чтобы не допустить паники, скрыл от Мурманска падение фронта, сообщив, что Миллер выехал на передовую. Зато об этом громогласно оповестило большевистское радио. А все тот же Скоморохов по телеграфу от имени Земского Собрания направил мурманским войскам призыв сложить оружие, т. к. в Архангельске война закончилась. Погрузка на корабли шла всю ночь на 19.02. На пристани еще грузили раненых, а по городу уже ходили толпы рабочих и матросов с красными флагами, вспыхивали митинги и беспорядки. Поднял красный флаг и броненосец «Чесма». Эвакуирующиеся благодарили бога, что с него вовремя догадались снять снаряды. На суда взяли и часть гражданского населения — кого смогли. Впрочем, как потом выяснилось, это был далеко не предел. Правда, желающих ехать в неизвестность набралось все же не так много. Даже некоторые офицеры, поверив красной пропаганде, решили остаться, не говоря уж о мирных жителях — легко ли бросить свои дома, все нажитое добро и бежать на чужбину?

Когда «Минин» и «Ярославна» отчалили, рабочие и матросы попытались задержать их на Двине пулеметным и винтовочным огнем. Двумя выстрелами орудий «Ярославны» толпы нападающих разогнали. Дойдя до «Экономии», намеревались заправиться углем, которого у «Минина» оставалось чуть-чуть, присоединить к себе еще два ледокола и перегрузить на них часть беженцев. Но на «Канаде» и «Сусанине» уже развевались красные флаги. Прапорщик, бывший на «Экономии» комендантом, после известия о поражении ударился в запой, корабли офицерскими командами не занял, и пристань перешла в

руки большевистских мятежников. Офицеры прибежали оттуда по льду на «Минин» и «Ярославну».

Выйдя в Белое море, корабли достигли ледяных полей. Они оказались настолько мощными, что вскоре стало ясно — с буксиром «Минину» через них не пробиться. «Ярославну» пришлось бросить. Все беженцы должны были перейти на ледокол. Загрузились впритирку — вместо нормальной вместимости 120 чел. «Минин» принял на борт 1100. С «Ярославны» сняли весь уголь, продовольствие, на всякий случай — одно из трехдюймовых орудий, установив его на корме ледокола. И пустая яхта осталась во льдах. 20.02 в полях торосов были замечены ледоколы «Сибиряков», «Русанов» и «Таймыр». Они еще до катастрофы, 15.02, вышли из Архангельска в Мурманск, но застряли здесь, не в силах пробиться дальше. Никакой уверенности в их командах не было, поэтому офицеров и чиновников, находившихся среди их пассажиров, тоже перевели на «Минин». Формально ледоколы подчинились белому командованию. Подойдя к «Сибирякову», имевшему большой запас угля, белогвардейцы начали перегрузку части топлива на «Минин», где уголь был на исходе.

Но на следующий день внезапно обнаружилась погоня, которую организовали из Архангельска на ледоколе «Канада» некие комиссары Дубровский, Бубновский и Николаев. Подойдя на дистанцию около 5 км, они открыли по «Минину» артиллерийский огонь. Кстати, в Архангельск передали радиogramму о том, что преследуемые «на предложение сдаться не отвечают», хотя никаких сигналов не подавали. Видимо, решили потопить без лишних хлопот. Ситуация создавалась серьезная. Красные артиллеристы взяли «Минин» в «вилку». Снаряды ложились все ближе. Для небронированного корабля, битком набитого людьми, каждый выстрел мог стать смертельным. Пожар на борту или пробоина в таких условиях стали бы губительными — давка, паника... Она уже начиналась в трюмах, переполненных женщинами. Отойдя от «Сибирякова», «Минин» стал отвечать огнем своего орудия, что явилось для большевиков неприятным сюрпризом. Они не учли перегрузки пушки с «Ярославны» и надеялись расстрелять беззащитное судно. Вскоре белым повезло — «Канада» получила попадание, развернулась и ушла прочь.

Началось движение во льдах. «Русанов», «Таймыр» и «Сибиряков» последовали за «Мининым», но вскоре отстали — то ли случайно, то ли нарочно. А потом сжатие льдов достигло такой силы, что остановился и «Минин». Тем временем рухнула конечная цель пути. 21.02 началось восстание в Мурманске. Под влиянием известий о падении Архангельска, усиленных красной и эсеровской пропагандой, войска там тоже бросили фронт. 22.02 спасшимся на «Минине» наконец-то улыбнулась удача — ветер переменился, и льды разошлись. Одну за другой перехватывали радиogramмы из Архангельска с приказами в Мурманск выслать корабли для поимки беженцев. Поэтому «Минин» взял курс на Норвегию. Держались подальше от берега, шли с потушенными огнями... Уже в норвежских водах встретили пароход «Ломоносов», на котором спасалась из Мурманска группа русских офицеров, отряд бельгийских добровольцев и летчики-англичане.

Появилась возможность вздохнуть свободнее, переправив на «Ломоносов» часть пассажиров с ледокола.

26.02 «Минин» и «Ломоносов» пришли в порт Тромсе. Прием, оказанный им норвежцами, превзошел все ожидания. Русским устроили торжественную встречу. Ранеными и больными тут же занялись норвежские врачи, их немедленно развезли по больницам. Безвозмездно прислали огромное количество продовольствия, фруктов, шоколада — многие местные торговцы буквально опустошили для этого свои магазины. Беженцев разместили в хороших помещениях, украсив их живыми цветами. Обеспечили отличным питанием, детей засыпали фруктами и сладостями. Постоянно приходили местные жители, в том числе простые рыбаки и рабочие, интересуясь, не нужна ли какая-нибудь помощь. Местный пастор на богослужении произнес проповедь «Вера без дела мертва есть», призывая прихожан жертвовать для русских беженцев. В магазинах и лавочках у русских отказывались брать плату. Норвежское правительство само прислало Миллеру предложение устроиться с беженцами в более крупном г. Трондхейме, а когда он ответил согласием, тут же запросило, сколько для русских потребуется одежды и белья. Переходом в Трондхейм и завершилась эта полярная эпопея.

Что касается остальных войск Северной армии, то на Мурманском участке после развала фронта часть офицеров и солдат, не желающих попасть в лапы большевиков, около 1,5 тыс. чел., двинулась в Финляндию. После двух недель тяжелейшего пути без дорог через тайгу и полузамерзшие карельские болота, где люди по горло проваливались в снег и в воду, совершенно измученные и поддерживаемые лишь волевыми усилиями, они все-таки пересекли границу.

На Архангельском фронте удаленные восточные участки — Печорский, Мезенский, Пинежский — после прорыва на центральном направлении сразу очутились в глубоком красном тылу, обреченные на плен. Войска Двинского района, которые по штабным планам должны были соединиться с Железнодорожным для движения на Мурманск, не смогли этого сделать. Выявилась полная нереальность подобных планов, и остатки частей отступали на Архангельск, где и капитулировали, застав в городе уже советскую власть. А войска Железнодорожного района и вышедшие из самого Архангельска так и шли на Мурманск тремя группами — всего около 1,5 тыс. чел. В г. Онеге их встретило восстание, и белогвардейцам пришлось разгонять мятежников оружием. 27.02 подошли к ст. Сороки, находящейся уже на Мурманской железной дороге. И узнали, что Мурманского фронта больше нет. Вместо встречи со своими в Сороках их ждали красные бронепоезда и два полка пехоты. Обессиленные 400-километровым переходом по снегам, лишившиеся поддерживающей их надежды, белогвардейцы вступили в переговоры с красными и сдались. Лишь маленькая группа в 11 чел. под шумок ушла на лыжах и добралась до Финляндии. А остальным припомнили Онегу — значительную часть перебили почти сразу после капитуляции.

Армия Миллера перестала существовать. Следует отметить, что спасшимся белогвардейцам Северной области посчастливилось больше, чем эмигрантам остальных фронтов. В скандинавских странах они

встретили дружественный прием, попали в хорошие условия. Северное правительство даже снабдило всех беженцев солидными пособиями в валюте, достаточными на время подыскания работы. Вот только самих этих спасшихся оказалось здесь гораздо меньше, чем на других белых фронтах...

82. ПОСЛЕДНИЕ ПОБЕДЫ ДЕНИКИНА

После взятия Ростова и Новочеркасска красные части, действовавшие против главных сил Деникина, были преобразованы в Кавказский фронт, объединивший под командованием Шорина 8, 9, 10, 11-ю и 1-ю Конную армии. Войска, правда, были серьезно вымотаны длительным наступлением, силы их поуменьшились от боевых потерь, тифа, дезертирства. Но оставалось вроде бы совсем немного — уже не «разбить», а «добить» разгромленных белогвардейцев. Большевики приводили в порядок свои части после боев и победных кутежей. К середине января 1920 г. оттепель сменилась морозами, сковывавшими реки прочным льдом. 18.01 красные перешли в новое наступление. В их стратегии господствовала вся та же идея разъединения офицерства и казачества, поэтому главный удар наносился в стык между Добровольческим корпусом, стоявшим по нижнему течению Дона, и Донской армией, занимавшей центр деникинского фронта. Кроме того, это было кратчайшее направление на Екатеринодар.

На восточном фланге большевикам удалось добиться успехов. Их 9-я и 10-я армии, форсировав по льду Дон и Сал, стали теснить 1-й и 2-й Донские корпуса, слабую Кавказскую армию. Но на направлении главного удара их ждало жестокое поражение. 1-я Конармия, наступая от Ростова, перешла Дон, взяла станицу Ольгинскую и атаковала Батайск. Ее штурм добровольцы отбили, а 19.01 конница ген. Топоркова, сведенная из остатков 3-го корпуса Шкуро и кавбригады Барбовича, перешла в контратаку и разбила буденновцев. Сюда же подтянулся 4-й Донской корпус, который после смерти Мамонтова принял ген. Павлов, и части 3-го Донского корпуса. Совместными атаками Конармию отбросили за Дон, нанеся ей большие потери. 8-я красная армия, наступавшая западнее, тоже была отражена по всему фронту от Азова до Батайска. Корниловцы, дроздовцы и юнкерские школы гнали и преследовали большевиков к переправам и даже переходили Дон.

Небольшая передышка и эти победы значительно улучшили состояние белогвардейцев. Добровольческий корпус пополнялся людьми и материальной частью, потерянной при отступлении. Донцы выходили из шока крушения своего фронта. Их армия выросла и численно: подтянулись отставшие, вернулись в строй дезертиры из занятых красными станиц, не желающие по опыту прошлого года испытывать на себе прелести советской власти. Но крайне неблагоприятно дела обстояли у кубанцев. Несмотря на то что фронт вплотную подошел к их родным краям, из 54 тыс. штыков и сабель, оставшихся у Деникина, кубанцев в строю было всего 7 тыс. Остальное казачество дезертировало и сидело по станицам либо пребывало в «формирующихся»

частях, причем процесс «формирования» приобретал бесконечный характер. А полки, еще остающиеся на фронте, находились на грани развала.

И опять разложение кубанцев полным ходом шло «сверху». Избранный в ноябре атаман Успенский пробыл на своем посту всего месяц. Часто посещая лазареты, он заразился там тифом и вскоре умер. Тотчас же активизировались левые и самостийники. Играя на деникинских поражениях, ослабивших угрозу нового применения силы, они полностью захватили руководство Кубанской Радой. Она отменила ноябрьские поправки к конституции, дающие атаману право ее роспуска, право «вето». Новым атаманом избрали ген. Букретова — даже не казака, а крещеного еврея. Избрали лишь по принципу враждебности к Деникину (Букретов служил по продовольственной части и был под следствием за злоупотребления). Руководящие посты в Раде и правительстве заняли самостийники и демагоги, снова взявшие курс на раскол — носящий уже даже не идейный, а самодовлеющий характер. Любые действия предпринимались не из целесообразности, а лишь «в пику» главному командованию.

Например, правительственный официоз «Кубанская воля» счел возможным публиковать резолюции эсеров, рассуждавших о возможности переворота, а также меньшевиков, призывавших к соглашению с коммунистами. Когда же по требованиям возмущенного Деникина Букретов был вынужден закрыть газету за подобные публикации, то министр внутренних дел Кубани Белашев лично завез в редакцию распоряжение о закрытии «Кубанской воли» и одновременно... разрешение на издательство газеты «Воля». Попытка Врангеля сформировать на Кубани новую конную армию была парализована в самом начале — местные политики и администраторы не желали идти с ним на контакты, припоминая ему недавний разгром Рады.

18 января в Екатеринодаре собрался Верховный Казачий Круг — 50 депутатов от войсковых кругов Дона, Терека и Кубанской Рады. Верховный Круг объявил себя «верховой властью по делам, общим для Дона, Кубани и Терека» и приступил к созданию «независимого союзного государства» в целях «организации решительной борьбы против большевиков и очищения от них» казачьих территорий, «установления внутреннего спокойствия и обеспечения свободы и права». Никакого положительного результата эта инициатива казачьих парламентов не дала. Новое образование изначально оказалось мертворожденным — делегаты сразу же переругались между собой. Терцы и большая часть донцов стояли за продолжение борьбы единым белым фронтом. Крайне левые кубанцы и донцы все отчетливее склонялись к «замирению» с красными. С трибун они таких мыслей еще не высказывали, но на фракционных сходках обсуждали, порождая нездоровые слухи. Наконец, большинство кубанцев и некоторая часть донцов выступили за разрыв с «реакционером» Деникиным, выдвигая совершенно фантастические проекты — о союзе с Петлюрой, с Грузией, с Азербайджаном, о переориентации с добровольцев на банды «зеленых». Доходило до того, что серьезно обсуждалось предложение некоего князя Магалова, неизвестно откуда вынырнувшего, выде-

лить ему ассигнования, на которые он обещал выставить 20-тысячный корпус грузинских добровольцев.

В потоках говорильни терялось всякое чувство реальности. Вновь выдвигались требования ограничить борьбу «защитой родных краев». Поднимались даже вопросы «исправления границ» казачьих областей за счет включения в них части Воронежской губернии, Царицына, Ставропольской и Черноморской губерний. Говорилось, что стоит только главнокомандующему поклониться этими землями казачеству, и все будет хорошо. Букретов повел переговоры с английскими и французскими дипломатическими представителями о конструировании южнорусской «демократической» власти, и председатель Рады Тимошенко тут же поспешил с трибуны объявить, что казаков поддержат англичане и обеспечат их всем необходимым. Ген. Хольман немедленно опубликовал в газетах опровержение, заявив, что «ни один мундир и ни один патрон не будет выдан никому без разрешения главнокомандующего».

Властью Верховный Круг не обладал ни малейшей, совершенно оторвавшись и от жизни фронта, и от жизни тыловых станиц. Пустое словоблудие, межпартийная и личная грызня, составлявшие его атмосферу, никакого энтузиазма в казачьих массах поднять не могли. Но, как писал Деникин, «Верховный Круг имел достаточно еще сил и влияния, чтобы склонить чашу весов колеблющегося настроения уставшего, запутавшегося казачества и к разрыву с Добровольческой армией и... к миру с большевиками. И с Кругом нужно было считаться».

Когда самонадеянных лидеров Круга особенно занесло и они даже заявляли, что, «если Круг предложит ген. Деникину уйти, он уйдет», главнокомандующий ответил, что не намерен подчиниться подобным решениям Круга и пригрозил увести добровольцев на другой фронт. Этого местные политики боялись и поубавили наглости. Но в вопросах, где уступки были возможны, Деникин шел на них. Так, он пошел навстречу требованиям кубанцев иметь «свою» армию, которая, как до сих пор Донская, находилась бы в оперативном подчинении главнокомандующему. Фактически дело свелось лишь к смене «вывесок» — Кавказскую армию переименовали в Кубанскую. Вместо Покровского, непосредственно производившего подавление Рады, во главе ее был поставлен популярный на Кубани Шкуро.

Кроме того, Деникин вел с представителями Круга долгие и нудные переговоры о создании общей государственной власти. После эвакуации Ростова Особое Совещание было распущено и создано новое правительство — из тех же лиц, но более компактное, занимавшееся в основном текущими делами. Да и «русская» территория, подконтрольная ему, осталась небольшая — Черноморская губерния, часть Ставрополя и Крым. Теперь речь шла о реорганизации единой власти с участием казачьих образований. В итоге совещаний с лидерами Круга, атаманами, многих споров в феврале было наконец-то заключено соглашение, по которому «первым главой южнорусской власти» признавался генерал-лейтенант Деникин, предусматривалось создание правительства, законодательной палаты, разработка выборного закона, закона о преемственности власти т. п. Появились также положения о законодательной комиссии, разграничении общегосударственной и местной власти. Верховный Круг передал их на

рассмотрение в свою комиссию, и до падения Кубани они там и обсуждались. Кабинет министров поручили сформировать Н. М. Мельникову — председателю Донского правительства. Круг должен был отказаться от претензий на законодательные функции. Донская и кубанская оппозиции заявляли: «Мы вынуждены силою обстоятельств отступить с болью в сердце от демократических принципов и принять предложения, далекие даже от скромных наших пожеланий». Что касается Деникина, которого многие русские политические круги тоже теперь обвиняли в «соглашательстве», в уступках «левизне» и «казацкому засилью», то он считал, что никакие уступки в гражданской области не велики, если в этот критический момент будут способствовать оздоровлению казачества.

Действительно, главное-то решалось не на совещаниях и заседаниях, а на фронте. Пока в тылу шли описанные дразги, там разыгралось очередное сражение. После январских неудач командующий фронтом Шорин был снят. На его место поставили «победителя Колчака» Тухачевского. Проанализировав ход операций, он перенес направление основного удара восточнее — туда, где донцы и кубанцы, поддавшись натиску красных, отступали, и к 26.01 отошли за р. Маныч, заняв позиции по южному берегу. Убедившись, что белые там слабее, чем на левом фланге, Тухачевский передислоцировал туда Конармию, которая совместно со 2-м конным корпусом Думенко должна была прорвать фронт. 27.01 все армии большевиков перешли в общее наступление. Кроме конницы, в нем участвовали 14 пехотных дивизий, 5 бронепоездов. Согласно приказу, наступление должно было носить «стихийный и молниеносный характер с целью не оттеснить противника из занимаемых пунктов, а разбить его наголову». Кавалерия Думенко, перейдя Маныч, нанесла поражение донской пехоте, угрожая прорывом в белые тылы. Однако ген. Сидорин бросил сюда всю свою конницу. Под командованием ген. Павлова он объединил 4-й и 2-й Донские корпуса, создав таким образом мощное кавалерийское соединение. На участок прорыва двинулся и корпус Топоркова. Под хутором Веселым Думенко был разгромлен и бежал за Маныч, бросив всю артиллерию.

На следующий день по соседству перешла в атаку Конармия Буденного. Донцы, окрыленные успехом, навалились и на нее. В ожесточенных схватках, продолжавшихся до 2.02, Буденный также потерпел тяжелое поражение и отступил. Только корпус Павлова захватил в этих боях 40 орудий. Разгромлены были и пехотные части, предпринявшие новый штурм Батайска. В панике они откатывались за Дон. Добровольцы, преследующие их, взяли 5 орудий, 20 пулеметов, много пленных. Сражение завершилось поражением красных. Одна лишь армия Буденного потеряла 3 тыс. чел. Белые части воспрянули духом. Казалось, удача снова поворачивается к ним лицом...

В начале 1920 г. Юг России посетила британская правительственная миссия Мак-Киндера. Ознакомившись на месте с положением дел, она отнеслась к Белому Движению внимательно и добросовестно. Было заключено соглашение с деникинским правительством, в котором русская сторона признавала «самостоятельное существование фактических окраинных правительств» (Деникин настоял на оговорке — «ведущих борьбу с большевиками».) Вопрос о границах Поль-

ши и Румынии остался открытым — Деникин не принял установлений Версальской конференции, указав, что это должно решаться договором общерусского и польского правительств. Англичане брали на себя дальнейшую помощь снабжением, содействие силами флота в охране черноморских портов. Мак-Киндер обещал также посредничество для переговоров с Пилсудским, дал гарантию, что семьям белогвардейцев будет оказана помощь в эвакуации за границу. Миссия отбыла в Англию, намереваясь вскоре вернуться. Но не вернулась.

По мере поражений белогвардейцев политика Запада все сильнее менялась. Вероятность скорой победы антибольшевистских сил понизилась, а торговля с гигантским российским рынком сулила немалые выгоды. Особенно для того, кто начнет осваивать этот рынок первым. В начале января английский представитель в Верховном экономическом совете Э. Уайз составил меморандум «Экономические аспекты британской политики в отношении России», где доказывалось, что «продолжение гражданской войны и блокада России отрывает от остального мира громадные продовольственные и сырьевые ресурсы и является одной из главных причин высоких мировых цен». Он писал, что советская сторона либо вернула, либо скоро вернет основные сырьевые и промышленные области, в связи с чем дальнейшая ее блокада становится невыгодной. 7.01 лорд Керзон распространил меморандум Уайза среди членов британского кабинета, а через неделю Ллойд-Джордж приступил к обсуждению данного вопроса в Верховном совете Антанты. Свои предложения он легкомысленно мотивировал еще и тем, что, «когда будет установлена торговля с Россией, большевизм уйдет». И 16.01 Верховный совет по докладу Уайза постановил «разрешить обмен товарами на основе взаимности между русским народом и союзными и нейтральными странами». Хотя указывалось, что «эти меры не означают перемену в политике союзных правительств по отношению к Советскому правительству», но шаг к признанию Совдепии Запад сделал.

Черчилль через русского представителя в Париже Маклакова сообщал: «Удержать блокаду не смог бы никто... Предложения Ллойд-Джорджа шли гораздо дальше и вели к неприкрытому признанию большевизма; этому пока удалось помешать». Со своей стороны, Черчилль заверял, что содействие белым будет продолжаться. Действительно, на поставках и политике британской военной миссии перемена курса до поры до времени не сказывалась. Однако моральный удар был тяжелым, а дипломатическая миссия ринулась в различные закулисные интриги, выискивая «компромиссные» варианты организации русской власти.

И все же соглашение, достигнутое с Мак-Киндером, имело одно важное практическое значение. В результате отступления Кубань и Новороссийск оказались забиты беженцами. Ютились по станицам и городам, Новороссийск был переполнен до отказа. Нахлынувшие сюда люди теснились на чердаках, в подвалах, хозяйственных пристройках. На запасных путях железной дороги вырос целый город из теплушек. Жили в тяжелейших условиях, во множестве умирали от свирепствующего тифа. Поэтому еще в январе, вне зависимости от исхода войны, было решено начать эвакуацию за границу, о которой договорились с англичанами. Деникин определил ее порядок: «1) больные и

раненые воины, 2) семьи военнослужащих, 3) семьи гражданских служащих, 4) прочие — если будет время и место, 5) начальники — последними». Кроме того, был разрешен свободный выезд за границу за собственный счет всем женщинам, детям и мужчинам непризывного возраста. И британские военные транспорты повезли новую волну русской эмиграции. Их расселяли в Салониках, Принкипо, на Кипре, направляли в Сербию. Разумеется, указанная Деникиным последовательность часто нарушалась — за взятки, по знакомству. Но, с другой стороны, многие из тех, кому было предоставлено преимущественное право эвакуации, не решались ехать. Боялись неизвестности на чужбине, боялись покинуть родную землю, боялись навсегда потерять связь с родными, оставшимися в армии. И всячески оттягивали выезд, надеясь на лучшее, жадно ловя сведения и слухи о малейших проблесках на фронте. Пароходы задерживались, уходили с недобором пассажиров. Англичане даже на время прервали эвакуацию — как раз когда белые стали одерживать победы. Хотя те, кто все же выехал из Новороссийска, несмотря на все тяготы эмиграции, могли считать себя относительно «счастливыми». С белой Россией еще считались, поэтому размещали их хотя бы с минимальными удобствами. И в местах своего расселения они еще имели возможность найти работу...

В тылах деникинской армии хватало и других проблем. В Екатеринодаре продолжал шуметь и бушевать Верховный Казачий Круг. К середине февраля наконец-то сформировалось коалиционное Южнорусское правительство «по соглашению главнокомандующего Вооруженными силами Юга России с демократическим представительством Дона, Кубани и Терека». Но Верховный Круг отнесся к нему недоброжелательно, а кубанское правительство особым постановлением отказалось признавать компетенцию новой власти на своей территории. Его представитель Иванес заявил: «К опубликованному списку министров кубанское правительство не может относиться иначе, как к Особому Совещанию». Кубанская фракция Круга немедленно поставила задачу «свалить кабинет Мельникова».

Стремительно разлагалась вся Кубань. Пополнения отсюда на фронт совершенно прекратились. На этой почве донская фракция Круга разругалась с кубанской вплоть до ультиматума, поставленного 23.02: «Если кубанцы не намерены воевать с большевиками, то пусть они прямо скажут донцам, которые в этом случае оставляют за собой свободу действий». После фракционного заседания кубанцы объявили «нынешнее заболевание» Кубани «аналогичным» прошлогоднему на Дону и признали необходимым бороться с ним, разрешив даже посылку донских карательных отрядов в их станицы, чтобы заставить казаков выйти на фронт. Однако сделать это оказалось почти невозможно. Делу не помогло и назначение командующим прежнего казачьего кумира Шкуро. Поскольку он держал сторону единства с Деникиным, местные лидеры повели против него усиленную агитацию, припоминая ему все грехи, на которые раньше глядели сквозь пальцы и даже признавали «доблестью», как, например, богатую добычу его казаков в Екатеринославе.

Но и самих самостийников, начавших это разложение, тоже уже никто не слушал. Атаман Букретов вернулся из объезда станиц совер-

шенно ошарашенный, встретив вместо традиционных почестей картину хаоса, разгула и грубых выходов. Вместо приветствий и хлеба-соли пьяный в стельку станичный атаман позволял себе снисходительно хлопать генерала по плечу... Совершенно обнаглели кубанские «зеленые», нападая на белые тылы и сообщения с Новороссийском. Их предводители Пилюк и Савицкий заключили наивный договор с какими-то мелкими большевистскими агентами — «ответственными представителями Советской власти о признании ею независимости казачьих земель, как условия заключения мира». Восстание, поднятое Пилюком, вспыхнуло в двух станицах в 15 км от Екатеринодара. Взбешенный атаман жестоко подавил его, перепоров участников и повесив зачинщиков. Из-за этого на него обрушились левые с самостийниками, в том числе собственное правительство. Букретов, желая их успокоить, повел откровенную антиденикинскую политику, одновременно заявляя приближенным, что «перевешает при первой возможности всех фельдшеров», как он именовал своих министров.

Екатеринодар кишел самыми фантастическими заговорами. Букретов с самостийниками обсуждал замену южной власти директорией из трех атаманов. Самостийники, не находя нужной кандидатуры среди кубанских генералов, пытались поставить во главе переворота донских, Сидорина или Кельчевского, которые бы возглавили казачьи армии. Разочаровавшись и в Букретове, и в Сидорине, и в Кельчевском, задумали созвать Краевую Раду, избрать атаманом кого-нибудь из своих лидеров, подавить силой или изгнать «чужеземцев» и объявить на Кубани кубанскую власть. А по станицам разгуливали красные агитаторы, убеждая, что «большевики теперь уже совсем не те, что были. Они оставят нам казачий уклад и не тронут нашего добра».

Вдобавок Деникин получил в это время новый фронт. На территории Грузии русскими меньшевиками и эсерами был образован Комитет освобождения Черноморья во главе с Филипповским. Из интернированных в Грузии красноармейцев 11-й и 12-й советских армий, а также причерноморских крестьян Комитет стал создавать свою армию, вооружавшуюся грузинским правительством и обучавшуюся грузинскими инструкторами. 28 января, собрав около 2 тыс. чел., Комитет начал наступление, внезапно перейдя границу. Ее прикрывала 52-я отдельная бригада деникинцев. Бригада только по названию — все, что можно, было на главном фронте. Несколько батальонов, занимавших здесь позиции, были малочисленными и ненадежными. В основном они состояли из пленных красноармейцев той же 11-й армии, разбитой в 18-м. И не разбегались лишь потому, что некуда — уж больно далеко от дома они находились. Одновременно с наступлением из Грузии в тыл белым позициям вышли местные отряды «зеленых», имевшие прочную связь с Комитетом освобождения. Атакованные с двух сторон, деникинские подразделения не выдержали. Одни бежали, другие сдались.

Войска Комитета заняли Адлер, а 2.02 — Сочи. Здесь Комитет провозгласил создание независимой Черноморской республики, намереваясь ни много ни мало выгнать из своего края деникинцев, а большевиков не пустить (как выяснилось впоследствии, еще при формировании в Грузии коммунисты подпольно протолкнули на руководящие посты в армии своих людей). Обратились по радио к Ку-

банской Раде, предлагая ей установить добрососедские отношения. Распределили министерские портфели и повели дальнейшее наступление на север. Остановить их было некому. В распоряжении Черноморского командующего ген. Лукомского войск почти не имелось, только ненадежные команды, собранные из мобилизованных или выловленных дезертиров. На его настойчивые просьбы прислать хоть что-нибудь прибыла 2-я пехотная дивизия, по размеру не превышающая батальона. В нее влили 400 чел. пополнения и отправили на фронт один из «полков». В первом же бою он был разбит, потеряв всех офицеров, а пополнение перешло к повстанцам.

В связи с невозможностью выполнять свои обязанности Лукомский подал в отставку, а Черноморская республика продолжала наступать. Война тут шла своеобразная, по единому шаблону. Белые, собрав откуда можно несколько рот или батальонов, строили оборону в удобном месте, между морем и подступающими к нему горами. «Зеленые», хорошо знающие все тропинки, легко эту оборону обходили и одновременно с атакой с фронта нападали сзади, вызывая панику. Одержав победу и поделив трофеи, крестьянская часть армии на недельку расходилась по домам — отдохнуть. А белые тем временем скребли новые силы и строили оборону в другом «удобном» месте. После чего история повторялась, и Черноморская республика делала новый шаг на север. 11.02 ее армия заняла Лазаревскую, угрожая Туапсе.

Любопытно, что «зелеными» заинтересовалось английское дипломатическое представительство. Его глава ген. Киз на миноносце несколько раз посетил Сочи. Сначала предлагал посредничество в переговорах с Деникиным. Получив отказ с той и другой стороны, лично возил одного из лидеров Комитета, «зеленого главкома» Вороновича, в Новороссийск, намереваясь свести его с деятелями Кубанской Рады. Лишь вмешательство Деникина и Хольмана пресекло эту попытку. Не упустила своего и Грузия, под шумок передвинув свою границу севернее — с речки Мехадыр на речку Псоу.

83. КАТАСТРОФА ОДЕССЫ

Группировка ген. Шиллинга, и без того слабая, лишь морем связанная с Деникиным, к началу 20 г. разделилась. Два корпуса остались на правом берегу Днепра, прикрывая Херсон и Одессу, а корпус Слащева двинулся для защиты Северной Таврии и Крыма. Но части Слащева являлись самым боеспособным ядром группировки. Другие войска Шиллинга были малочисленны, да и по качеству далеко уступали корниловцам или марковцам. И на Правобережье белые отступали. Если и пытались где-то закрепиться, то вскоре большевики переправлялись через Днепр ниже по течению и угрожали обходами, вынуждая снова катиться назад. К январю фронт проходил по линии Бирзула (ныне Котовск) — Долинская — Никополь, в руках белых оставалась территория нынешних Херсонской и Одесской областей. Обстановка складывалась тяжелая. На Правобережье переправилась уже вся 12-я красная армия, наступая от Черкасс и Кременчуга, поворачивали сюда и части 14-й. Села были охвачены повстанческим

движением всех сортов. Железная дорога Александровск — Кривой Рог — Долинская находилась в руках Махно. От Умани до Екатеринослава гуляли петлюровские атаманы. Связь между штабами и войсками постоянно рвалась. Части и подразделения по несколько сот или десятков человек действовали самостоятельно, двигаясь куда-то наугад, повинувшись общей инерции и мешаясь с обозами гражданских беженцев.

В создавшихся условиях Деникин не предполагал удерживать Одессу. Более правильным казалось стягивать войска к Херсону, откуда можно было в крайнем случае прорваться в Крым. Но на обороне Одессы вдруг резко стали настаивать союзные миссии. Со времен французской оккупации Одесса стала на Западе как бы символом всего Юга и, по их мнению, ее сдача подорвала бы престиж белых в Европе. Имелись и другие причины — этот район прикрывал от большевиков Румынию. (Не исключено, что сказались и небескорыстные связи одесских дельцов с союзным командованием в Константинополе.) Под давлением иностранцев белое командование пошло на уступку, скорректировав планы, но выдвинуло требования — на случай неудачи обеспечить эвакуацию союзным флотом и договориться с Румынией о пропуске отступающих войск и беженцев на ее территорию. Все это было обещано. Штаб французского главнокомандующего в Константинополе ген. Франше д'Эспре сообщил деникинскому представителю, что румыны в общем согласны, выдвинув лишь ряд частных условий. О том же одесский представитель англичан известил лично Шиллинга.

А в самой Одессе царил хаос. О собственной защите никто не думал. Даже многочисленное офицерство, собравшееся сюда за время войны, на фронт не спешило, предпочитая создавать различные «офицерские организации» и играть в патриотическую деятельность, не выходя из города. Собрать какие-либо подкрепления не удавалось. Часть обывателей изыскивала средства, чтобы бежать за границу. Другие, наоборот, считали положение еще слишком прочным, чтобы жертвовать собой или бросаться в неизвестность. Избегая армии, заделывались «иностранцами» — в консульствах остались только мелкие чиновники, готовые за взятку сделать соответствующие документы. Мобилизации срывались. Получив оружие и обмундирование, призывники разбегались. Часто таким способом вооружались местные бандиты и большевики.

Возникла масса «добровольческих» полков, насчитывающих по 5—10 человек, — иногда как плод фантазии какого-нибудь офицера, возомнившего себя Наполеоном, иногда как способ улизнуть от фронта, числясь в собственном «полку», находящемся «в стадии формирования». Иногда «полки» создавали жулики с целью получить деньги и снаряжение, а потом исчезнуть. На запросы к союзникам об эвакуации шли уклончивые ответы. Из Константинополя, например, телеграфировали, что «сомневаются в возможности падения Одессы. Это совершенно невероятный случай». В результате эвакуация все-таки началась, но слишком поздно и медленно.

К середине января красные взяли Кривой Рог и повели наступление на Николаев. Шиллинг, оставив в обороне на этом направлении корпус ген. Промтова и прикрыв остальную часть фронта гали-

цийскими стрелками, стал стягивать группу под командованием ген. Бредова под Вознесенском, чтобы нанести противнику фланговый удар. Однако большевики опередили белых, навалившись на части Промытова раньше, чем войска Бредова успели сосредоточиться. Оборона была опрокинута, корпус разгромлен. Его остатки поспешно уходили за Буг и 31.01 оставили Херсон и Николаев. Путь красным на Одессу был открыт.

Разразилась катастрофа. Кораблей не хватало. Англичане, правда, прислали крейсера «Аякс» и «Церера», несколько транспортов, оцепили порт своими солдатами и повели посадку на суда, но их было явно недостаточно. Корабли из Севастополя не приходили (как потом выяснилось, флотское командование под разными предлогами удерживало их, опасаясь падения Крыма). А на кораблях, стоящих в Одессе, не было угля (угольщик пришел с опозданием на 1 день!). Многие суда из-за большевистских симпатий экипажей в критический момент оказались неисправны, с разобранными машинами. Войска под общим командованием Бредова получили приказ отходить, минуя Одессу, на Тирасполь — в Румынию.

А кроме приближающихся красных, в самом городе отлично вооруженные и организованные бандиты с коммунистами ждали только подходящего момента к выступлению. 4.02 вспыхнуло восстание на Молдаванке. Коменданту Стесселю с офицерскими организациями и частями гарнизона еще удалось подавить его. Но 6.02 началось на Пересыпи. Отряды большевиков и банды громил стали распространяться по всему городу. Тысячи людей в панике ринулись в порт. Однако с Пересыпи гавань стали обстреливать из пулеметов, и англичане поспешили отчалить — ушли на внешний рейд. Взяли лишь тех, кто успел. Тех, кто успел, взяли и исправные русские корабли — моряки не хотели подвергать себя опасности и тоже уходили. Вывели на внешний рейд и поставили на якоря несколько неисправных судов, набитых пассажирами. И огромная толпа осталась на берегу. Стихийно сколоченный отряд военных человек в 50 разогнал атакой красных пулеметчиков, стрелявших по порту. Но помощи больше не было. К тому же из-за сильного мороза море стало замерзать. К ночи англичане прислали ледакол — взять женщин и раненых. В хлынувшей толпе, естественно, сели, кто пробился.

В Одессу уже вступали регулярные красные войска. Полковнику Стесселю с подразделениями гарнизона и отрядами, собранными из офицеров, удалось расчистить путь к западным окраинам. И беженцы, сбившись в колонны, двинулись пешком в сторону Румынии — кто в чем, бросая по пути чемоданы и узлы. Женщины, дети, больные, раненые. Лишь после этого, с опозданием, из Севастополя подошли миноносец «Жаркий» и вспомогательный крейсер «Цесаревич Георгий». Появились также отряды американских и французских миноносцев. На их долю осталось только взять на буксир неисправные суда, выведенные на внешний рейд, а также подбирать с мола отдельные группы беженцев, не пошедшие вместе со всеми. Причем у американцев в спасательных работах лично участвовал командующий эскадрой адмирал Мак-Келли, проявив настоящую самоотверженность в тяжелых штормовых условиях. Конечно, это была капля в море...

А основная масса спасающихся, под прикрытием темноты покинув город, собралась воедино в большой немецкой колонии Гросс-Либенталь в 20 км западнее Одессы. Тем, кто не стал здесь задерживаться на отдых и сразу отправился на Тирасполь, еще удалось соединиться с отступающими частями Бредова. Уже на следующий день эта дорога была перехвачена красной кавалерией, вырубившей обозы, двинувшиеся после передышки.

И оставшиеся, около 16 тыс. чел., пошли вдоль побережья на Овидиополь, чтобы переправиться по льду Днестровского лимана в Бессарабию, под защиту румын... Румыны встретили беженцев артиллерией. Потом, после переговоров, вроде бы дали согласие на переправу. Но устроили длительную проверку документов и пропустили только иностранцев. А русских продержали ночь на льду и выгнали назад. Пытавшихся все-таки перейти границу останавливали пулеметным огнем.

Беженцы оказались в безвыходном положении. По пятам шли красные. Решено было уходить вдоль Днестра в надежде добраться до украинских или польских войск. Уже через 15 км далеко растянувшуюся с обозами колонну атаковали большевики. Первый наскок получилось отразить силами находившихся в этой массе мальчишек-кадетов, отряда городской стражи, офицеров. Двигались без остановок, днем и ночью, без еды. Люди еле переставляли ноги. Лошади падали. 15.02 красные напали опять, уже с артиллерией и кавалерией. Собрав боеспособных мужчин, отбили и этот налет. Но силы были на исходе. К тому же впереди лежала железная дорога Одесса — Тирасполь. От местных жителей узнали, что беженцев там ждут бронепоезда и советские части.

Тогда было принято решение идти за Днестр, а там будь что будет. Переправившись в Румынию, расположились огромным табором вокруг деревни Раскаяц. Румыны предъявили ультиматум — к 8 часам утра 17.02 покинуть их территорию. А поскольку его не выполнили, установили на высотах вокруг деревни пулеметы и открыли огонь. Не в воздух, а на поражение. По толпе. В панике тысячи беженцев, теряя убитых и раненых, хлынули на русский берег, рассеиваясь, разбегаясь кто куда. Румынские пулеметчики провожали их очередями вдогон. Даже когда берег очистился, били по всему, что еще шевелилось — по ползущим раненым, по тем, кто пытался прийти им на помощь.

А в приднестровских плавнях бегущих людей уже ждали собравшиеся сюда и следовавшие за ними, как стаи волков, местные банды, грабили и убивали. Ядро, собравшееся вокруг командования колонны, выйдя на левый берег, тут же попало в красное окружение и капитулировало. Спаслись немногие, сумевшие во время бойни спрятаться на румынской стороне или возвращавшиеся туда потом мелкими партиями и за взятки, хитростью, выдававшие себя за иностранцев — поляков, латышей, только не за русских. Они получили приют.

Войска Бредова, отступившие к Тирасполю, тоже были встречены пулеметами. Но здесь шли более организованные и боеспособные части. Они повернули на север и упрямо продвигались по Украине, отражая преследующих их большевиков. Между Проскуровым (Хмельницкий) и Каменец-Подольском встретились с поляками. Было за-

ключено соглашение, по которому Польша принимала их «до возвращения на территорию, занятую армией генерала Деникина», но оружие и обозы требовала сдать «на сохранение». Разоруженные части бредовцев перешли в положение интернированных — поляки загнали их в концлагеря.

Худо пришлось и галицийским стрелкам. В Польшу им ходу не было. Тиф оказался для них почему-то особенно губительным, уничтожая их целыми подразделениями. Из-за тифа крестьяне не пускали их в деревни, отгоняли огнем, травили собаками. Многие погибли. Уцелевшие попали в плен к большевикам.

12-я армия повернула на Петлюру. Воспользовавшись борьбой советских войск с деникинцами, когда на него никто не обращал особого внимания, он занял значительную часть Украины, вступил в Киевскую губернию. Теперь же его быстро разбили, и он ушел под защиту поляков. Что касается батьки Махно, то большевики поначалу сделали вид, будто никакого конфликта между ними не было, и... прислали ему приказ передислоцироваться со своими войсками на польский фронт. Естественно, батька такой приказ проигнорировал. Его объявили «вне закона». И он продолжил войну — уже против красных.

84. ДЕНИКИН И ВРАНГЕЛЬ

К началу 1920 г. относится конфликт между Деникиным и Врангелем. Различными авторами он освещается по-разному, поэтому стоит на нем остановиться подробнее. Конфликт этот не носил политического характера — Врангель впоследствии проводил практически ту же политику, что Деникин. Не имеют под собой почвы и объяснения конфликта «карьеризмом» Врангеля, во что бы то ни стало рвущегося к власти. Какая может быть карьера в период катастрофы? Это было бы то же самое, что обвинить в карьеризме Деникина, принявшего после смерти Корнилова командование над горсткой бойцов. Готовность к бескорыстному служению своим идеалам Врангель доказал и всей последующей жизнью, целиком отданной спасению и поддержке эмигрировавших солдат и офицеров.

Это был типичный конфликт между «молодым» и «старым» офицерством, неизбежный в любой проигранной войне. Кстати, точно так же вел себя Деникин после русско-японской войны, когда, рискуя карьерой, критиковал высшее начальство и его ошибки. И точно такой же конфликт через год сам Врангель получил от Слащева. Оба — горячие патриоты России, но людьми они были совершенно разными, Деникин — спокойный, уравновешенный, упрямый. Врангель — отнюдь не по-немецки горячий, нервный, порывистый. Не чуждый внешней позы и эффекта, чего Деникин всегда избегал. Профессор Н. Н. Алексеев так сравнивал их: «Первое впечатление, определявшее внешнюю разницу двух этих людей, формулируется у меня в военном противопоставлении: инфантерия — кавалерия. У ген. Деникина не было ни внешнего блеска, ни светских манер, но в то же время была в нем какая-то глубокая почвенная сила. Врангель был красив, статен, а главное — отмечал его действительный, не напускной лоск обраще-

ния. Внешне он был человеком, который мог очаровать, но я не заметил в нем черт, изобличающих гипнотизирующее излучение власти».

Разладу немало способствовало то, что Врангель, блестяще проявивший себя в боях 18-го — первой половины 19-го годов, одерживавший победу за победой, внезапно попал в полосу неудач, причем совершенно от него не зависевших. Царицынское направление, на котором он воевал, после отхода Колчака из главного превратилось во второстепенное. Его армия таяла от переброски войск на другие участки и дезертирства, разлагаемая из тыла. Разгромил кубанскую оппозицию — но положения это уже не улучшило, только нажил себе врагов. Принял Добровольческую армию — но в тот момент, когда она была разгромлена и отступала, сдавая города. Взялся сформировать на Кубани новую армию — но столкнулся с откровенным саботажем местных властей, припомнивших ему недавнее унижение. Был назначен председателем деникинского правительства — но фактически даже не вступил в должность, последовало соглашение с Верховным Казачьим Кругом о реорганизации южной власти. Занимался укреплением Новороссийского района — но не имел к этому ни сил, ни средств, пребывая в бездействии. От веры в казачество шатнулся к полному разочарованию в нем, выдвинул план переноса центра борьбы под Одессу для организации единого фронта с поляками. Был назначен помощником ген. Шиллинга по военной части, но не успел даже туда выехать — Одесса пала...

Параллельно развивался и конфликт. Оказавшись в Царицыне, «на отшибе», Врангель один за другим слал в Ставку проекты выигрышных операций, указывал на ошибки, которые, как ему казалось, допускал штаб главнокомандующего. Эти проекты, как правило, отвергались, что вызывало раздражение автора. Забегая вперед и анализируя его планы, сведенные потом воедино и Врангелем в своих письмах-памфлетах, и Деникиным, разбиравшим их, можно отметить, что значительная часть из них была невыполнима либо из-за недостаточной информированности Врангеля об обстановке на других участках, либо основываясь на ошибочных предпосылках (как, например, план создания единого фронта с Польшей). Часть, действительно, сулила определенный успех, но при белогвардейской малочисленности — только за счет успехов (реальных или мнимых), намечавшихся на каких-то иных направлениях. Вопрос о том, как было бы лучше действовать, «так» или «эдак», можно было бы оставить открытым, однако следует подчеркнуть важный аспект. В предыдущих главах мы уже говорили о целом комплексе причин поражения Белого Движения. А многочисленные планы Врангеля, выдвигавшиеся им в 19-м и начале 20-го, носили чисто военный характер. И даже если бы привели к частным успехам (ценой других успехов), общего хода событий все равно изменить не могли. Поэтому данные споры Врангеля со «штабами» относятся к чисто теоретической области и подробно разбирать их не имеет смысла. Впрочем, и сам Врангель, оказавшись в роли главнокомандующего, должен был отказаться от многих взглядов (скажем, о возможности в условиях гражданской войны концентрации сил на одном, главном направлении и переходе к жесткой обороне на других участках).

Когда после отставки Май-Маевского барон вступил в командо-

вание отступающей Добровольческой армией, он воочию увидел то, что на расстоянии представлялось в розовом цвете, — реальное состояние ее легендарных «полков» и «дивизий», остававшихся таковыми лишь по названиям. Действительность, издавна представлявшаяся иной, еще больше убеждала в мыслях о наделанных ранее ошибках и допущенном «развале». Если в Царицыне командующий был в значительной мере предоставлен самому себе, то в новой должности Врангель оказался в постоянных контактах с Деникиным и его штабом. Стала проявляться и психологическая несовместимость между двумя военачальниками. Деникин считал, что Врангель вносит в работу излишнюю нервозность и разлад. А горячий Врангель порывался что-то перекроить по-своему, чтобы исправить ошибки, действительные или кажущиеся. Хотя в создавшейся ситуации какие-то кардинальные изменения были уже неосуществимы, он считал, что его никто не слушает, что главное командование упорствует в заблуждениях. Трения росли и накапливались. Именно поэтому Деникин так легко согласился на уход Врангеля с должности командарма и отъезд на Кубань.

Но на Кубани Петр Николаевич, все еще взвинченный фронтовыми катастрофами, впервые заговорил о необходимости смены главного командования. Начал зондировать почву, как к этому отнесутся Дон, Кубань и Терек в переговорах с ген. Сидориным, терским атаманом Вдовенко, рядом кубанских лидеров, а также находившимися там генералами Шкуро и Эрдели. Он указывал на естественное в условиях поражений недовольство армии и недоверие общественности, однако ответ везде получил резко отрицательный (Вдовенко, например, просто шарахнул кулаком по столу и сказал: «Ну, этому не бывать!»). Даже те деятели, которые сами по тем или иным причинам были недовольны Деникиным, считали, что «генеральская революция» в критический момент лишь приведет к окончательному крушению фронта. Кубанцы, возможно, и хотели бы свалить Деникина, но и с Врангелем не желали иметь ничего общего, да он и сам в этом плане вовсе не искал поддержки левых и самостийников. Одновременно, то ли с ведома Врангеля, то ли по собственной инициативе, один из его сторонников, некто Тверской, повел работу среди общественных и финансовых деятелей, находившихся на Северном Кавказе, осведомляясь, как они отнеслись бы к идее «переворота». Здесь тоже он поддержки ни у кого не нашел.

Обо всех закулисных переговорах было немедленно доложено главнокомандующему — Сидориным, Шкуро, Вдовенко др. Надо отметить, что эту попытку «подкопа» под себя Деникин оставил без явных последствий — хотя, понятное дело, улучшить его отношение к Врангелю подобные действия не могли. Стоит отметить и то, что, выслушав отовсюду отрицательные мнения и убедившись в ошибочности своего представления о всеобщем недовольстве командованием, сам Врангель больше никаких усилий в данном направлении не предпринимал. Но слухи распространялись во все стороны, проникали даже за границу. Так, прибывший с официальной миссией Мак-Киндер сообщил, что в Варшаве он слышал о якобы произведенном Врангелем перевороте. По этому поводу барон писал Деникину: «Я ответил, что мне известно о распространении подобных слухов и в пре-

делах Вооруженных сил Юга, что цель, по-видимому, — желание подорвать доверие к начальникам в армии и внести разложение в ее ряды, и что поэтому в распространении их надо подозревать неприятельскую разведку. Вместе с тем я сказал, что, пойдя за Вами в начале борьбы за освобождение Родины, я, как честный человек и как солдат, не могу допустить мысли о каком бы то ни было выступлении против начальника, в подчинении которого я добровольно стал».

Масла в огонь подливали всевозможные «доброжелатели» и «недоброжелатели». Врангель был популярен среди молодежи, слышавшей легенды о его конных атаках. Был популярен среди крайне правых. Почему — неизвестно. Видимо, предполагалось, что раз он — барон, то заведомо будет проводить правую политику в отличие от «либерала» Деникина (впоследствии подобных надежд он совершенно не оправдал). Если для фронтовиков подобные вопросы отходили на второй план, то правых хватало среди тыловиков, среди офицеров-дезертиров, наводнявших тыловые города и щеголявших погонами, уклоняясь от службы. Получив начальство над Новороссийским районом, Врангель как раз оказался в центре беженского хаоса, куда стекались остатки партий, политических и общественных организаций, органов печати и пр., живущие в болезненной атмосфере слухов, интриг и паники. Генерал тяготился «вынужденным бездействием», поскольку его обязанности свелись к руководству эвакуацией. Его высказывания по данному поводу всячески варьировались прессой и сплетнями. Одни возмущались «опалой» боевого командира, которого из-за личного недоброжелательства держат в тылу, не давая ему спасти фронт. Другие, недовольные Врангелем, наоборот, подрывали его авторитет в Новороссийске, распространяя слухи, что он из-за личных обид в критический момент бросил армию. Самозванные организации из тыловиков и дезертиров, используя фигуру Врангеля в качестве знамени, пытались выступать в качестве «офицерской оппозиции» (в основном по ресторанам). Тем более что это давало «моральное право» уклоняться от фронта — по «принципиальным соображениям». Другие «доброжелатели», естественно, информировали Деникина о Врангеле, а Врангеля о Деникине, мешая правду с вымыслами.

Конфликт еще углубился, когда Деникин пошел на уступки Верховному Казачьему Кругу. Врангель к этому времени совершенно разочаровался в возможности поднять казачество, столкнувшись с кубанским развалом. Он выступал против «компромиссов с самостийниками», предлагая перенести борьбу на «русскую» территорию, под Одессу. И опять его позицию, домысливая и искажая по-своему, подхватывали политические круги, а также дезертирствующая накипь, теперь взявшаяся громогласно заявлять, что не желает «проливать кровь за самостийников». В общем, к моменту разрыва Деникин и Врангель практически перестали понимать друг друга. Главнокомандующий объяснял все действия барона лишь нездоровым честолюбием. А Врангель действия Деникина — «цеплянием за власть». Как показала жизнь, ошибались и тот и другой... Когда 10.02 очередное назначение Врангеля в связи с падением Одессы было отменено, он подал в отставку. А до решения вопроса об увольнении взял отпуск и выехал в Крым.

85. В ОСАЖДЕННОМ КРЫМУ

Якова Александровича Слащева Деникин характеризовал так: «Вероятно, по натуре своей он был лучше, чем его сделали безвременье, успех и грубая лесть крымских животолюбцев. Это был совсем еще молодой генерал, человек позы, неглубокий, с большим честолюбием и густым налетом авантюризма. Но за всем тем он обладал несомненными способностями, порывом, инициативой и решимостью. И корпус повиновался ему и дрался хорошо». Получив приказ оборонять Крым и Северную Таврию, он к 5 января отвел свои части к Мелитополю. Войск у Слащева было мало, всего 4 тыс. чел., а с севера приближались 13-я и 14-я красные армии — ведь большевистское командование считало, что в Крым будут отступать основные силы Деникина, и нацелило сюда мощные удары. Оценив ситуацию, Слащев не стал задерживаться в степях Таврии, а сразу отошел в Крым. Советские дивизии, старавшиеся отсечь белых от перешейков, остались ни с чем. А «генерал Яша» отдал приказ: «Вступил в командование войсками, защищающими Крым. Объявляю всем, что, пока я командую войсками — из Крыма не уйду и ставлю защиту Крыма вопросом не только долга, но и чести».

23.01 46-я дивизия красных пошла на штурм. Взяла Перекоп, донесла о победе, а на следующий день контратакой ее потрепали и выбросили. 28.01 к ней присоединилась 8-я кавдивизия. Последовал новый штурм — с тем же результатом. Постепенно наращивая силы, большевики 5.02 предприняли очередную попытку. Пройдя по льду замерзшего Сиваша, опять овладели Перекопом. И опять Слащев контрударом выбил их. 24.02 история повторилась. Красные ворвались и через Чонгарский перешеек, один из комбригов даже успел получить орден Красного Знамени за взятие Тюп-Джанкоя, после чего большевиков разбили и погнали назад.

Секрет красных успехов, легких, но «скоропортящихся», объясняется просто. Зима стояла холодная, с 20-градусными морозами. На крымских перешейках, продуваемых всеми ветрами, жилья почти не было. Сидеть в окопах — значило бы измотать и погубить защитников. Поэтому Слащев вообще отказался от позиционной обороны. Оставил на перешейках только сторожевое охранение, а части корпуса отвел в населенные пункты внутри полуострова. Когда же красные в очередной раз «брали» укрепления, преодолевая узкие перешейки — измученные, насквозь промерзшие, не имеющие возможности развернуться, Слащев успевал поднять свои войска, свежими силами бросался в атаку, громил врага и выкидывал вон.

Его тактика вызывала возмущение у крымской «общественности» и тыловики, сидевших, как на иголках. Их жутко нервировало, что красные то и дело оказываются в Крыму. Вообще, атмосфера здешних городов была крайне нездоровой. Тут собралось много беженцев, но в основном тех, кто выехал в Крым еще в относительно спокойной обстановке, до повальных эвакуаций. Положение их не было столь бедственным, как в Новороссийске и Одессе. В материальном плане жизнь текла вполне благополучно. Хотя на Перекопе шли бои, Крым оставался типичным тылом — со всеми отрицательными тыловыми чертами. И вдобавок оказался оторванным от ко-

мандования: ген. Шиллинг сидел в Одессе, Деникин — на Кубани. Крым, предоставленный самому себе, стал средоточием интриг, сплетен, политической грызни и внутреннего разлада.

Одним из главных рассадников нездоровых настроений явился флот. Как Колчак слабо разбирался в сухопутных делах, так и Деникин — в морских, поэтому он мало вмешивался во внутренние вопросы флота, жившего обособленно и представлявшего как бы «государство в государстве». Проблем здесь хватало. Многие корабли, 3 года не знавшие регламентных работ, нуждались в ремонте. Остро не хватало матросов — их набирали из гимназистов и студентов. И очень резко разделялся личный состав. На некоторых кораблях — чаще всего в порядке инициативы энтузиастов — подобрались боевые и сплоченные экипажи. Скажем, миноносцы «Жаркий», «Пылкий» и др. бросались в самые опасные места, вступали в неравные поединки с вражескими батареями. Иная картина наблюдалась на транспортных судах. Плавая между черноморскими портами, команды здесь хорошо подрабатывали спекуляцией, поэтому большинство матросов на них было старослужащими. То же самое они делали и при гетмане, и при французах, и при красных, и при белых. Рассматривали свою работу как «нейтральную, нужную всем, вроде железнодорожников». При белых было даже выгоднее — рейсы выпадали не только в русские, но и в заграничные порты.

И совсем другое было на берегу. Работу по «возрождению российского флота» севастопольское командование начало с создания огромных штабов, тыловых баз, портовых служб. Морских офицеров для этого хватало, не только местных, а съехавшихся из Петрограда, с Балтфлота и пр. Только эти офицеры были далеко не лучшими — одних перебила матросня в 17-м, другие давно ушли на сухопутный фронт, третьи, как уже говорилось, сколачивали экипажи миноносцев, катеров и шли в бой. А береговые штабы являлись удобной кормушкой, да еще и обеспеченной кораблями на случай эвакуации. Даже для назначения на командные посты выбор здесь оказывался сомнительным. Деникин вспоминал, как на одну из руководящих должностей начальник морского управления представил ему три кандидатуры с характеристиками: «первый за время революции опустился, впал в прострацию, второй — демагог, ищет дешевой популярности среди молодежи, третий с началом войны попросился на берег «по слабости сердца».

В условиях гражданской войны всем этим штабам просто делать было нечего, они утопали в сплетнях и интригах. Так, начальник штаба флота адмирал Бубнов, желая занять подчиненных, организовал «морской кружок». Изначально — для изучения вопросов флотской тактики и организации. Но какая там тактика? Какая, к шутам, организация? Вскоре кружок под руководством самого Бубнова занялся разбором «ошибок» командования на сухопутных фронтах, критикой получаемых распоряжений и полез в «политику». От флотских и гражданских деятелей заражались политикой и армейские тылы. На всех уровнях начиналась игра в «демократию», где каждый считал возможным действовать по своему разумению. Интриговали друг против друга. Интриговали против «ненадежного» Слащева, посылая Деникину петиции с просьбами назначить вместо него «опаль-

ного» Врангеля. Интриговали и против главного командования. Очень скоро эти игры приняли опасный характер.

В Симферополе формированием пополнений для корпуса Слащева занимался капитан Орлов — в прошлом храбрый офицер, но совершенно разболтавшийся и к тому же больной неврастенией. Вокруг него стали группироваться сомнительные элементы. С ним вступил в связь даже подпольный ревком большевиков, всячески обрабатывая и подталкивая к активным действиям. В городе открыто говорили о предстоящем перевороте. Набрав более 300 чел. из случайных людей и дезертиров, Орлов выступить на позиции по приказу Слащева отказался и 4.02, как раз накануне очередного наступления красных, захватил власть в Симферополе. Другие тыловые части, расквартированные в городе, объявили «нейтралитет». Орлов арестовал таврического губернатора Татищева, а также оказавшихся в городе генералов Чернавина и Субботина. Издал при этом приказ: «Исполняя долг перед нашей измученной родиной и приказы комкора ген. Слащева о восстановлении порядка в тылу, я признал необходимым произвести аресты лиц командного состава... систематически разлагавших тыл». Объявлял, что «молодое офицерство решило взять все в свои руки», хотя объяснить этого подробнее не мог. Свое политическое кредо определял так — «правее левых эсеров и немного левее правых эсеров». Выпустил воззвание к «товарищам рабочим» большевистского содержания. Правда, освободить из тюрьмы «политических» отказался.

Восстание Орлова взбаламутило весь Крым. В Севастополе по его примеру «молодое офицерство» собиралось арестовать командующего флотом адм. Ненюкова и адм. Бубнова. Слащев, отбив очередной штурм, послал в Симферополь войска. Две трети отряда Орлова, узнав об этом, разбежалось, а сам он с оставшимися отпустил арестованных, ограбил губернское казначейство и ушел в горы.

13.02 после падения Одессы в Крым прибыл ген. Шиллинг. Против него сразу покатилась яростная кампания травли и обвинений в одесской катастрофе (хотя впоследствии сенаторская ревизия по этому делу его вины не нашла). К Шиллингу явились адмиралы Ненюков и Бубнов, заявившие, что он дискредитирован и для спасения Крыма должен передать власть Врангелю. Причем согласие Деникина якобы не обязательно, поскольку Врангель будет командовать тут самостоятельно. С теми же требованиями к нему потянулись гражданские и офицерские делегации. 15.02 прибыл и Врангель, подавший в отставку и находящийся в отпуске. Здесь же оказался ген. Лукомский, тоже подавший рапорт об отставке и приехавший в Крым в связи со смертью матери. Оценив ситуацию, Врангель соглашался принять командование, но не самовольно, а только по приказу Деникина, заявляя, что «никогда не пойдет на такой шаг, как смещение Шиллинга». К тому же выводу приходил Лукомский. Слащев, узнав о неурядицах в тылу, извещал, что подчиняться будет только приказам Шиллинга и Деникина.

Ситуация в Крыму осложнялась. Отряд Орлова, спустившись с гор, захватил Алушту и Ялту. Находившиеся в Ялте генералы Покровский и Боровский мобилизовали местных жителей, чтобы организовать сопротивление. Их отряд разбежался, не вступая в бой. Ге-

нералы были арестованы, а казначейства в Алуште и Ялте ограблены. Шиллинг выслал против Орлова военное судно «Колхида» с десантом. Однако экипаж и десант сражаться отказались и вернулись в Севастополь, привезя с собой воззвания Орлова. В одном из них говорилось: «По дошедшим до нас сведениям, наш молодой вождь ген. Врангель прибыл в Крым. Это тот, с кем мы будем и должны говорить. Это тот, кому мы все верим...» Морское начальство поступок «Колхиды» оставило без последствий. Среди тылового офицерства шло брожение, разгорались страсти.

По совету Лукомского Шиллинг подчинил Врангелю Севастопольскую крепость, флот и тыловые части, чтобы любыми мерами навести порядок. Врангель этого «временного» назначения не принял, поясняя, что «всякое новое разделение власти в Крыму при существующем уже здесь многовластии усложнит положение и увеличит развал тыла». Он направил телеграмму Орлову, призывая во имя блага Родины прекратить мятеж и подчиниться требованиям начальников.

Одну за другой телеграммы о необходимости назначении Врангеля Лукомский слал и Деникину. К этому присоединился Шиллинг. По сути предложение было правильным. Шиллинг, достаточно слабый, оказался к тому же подавленным грузом моральной ответственности за Одессу, доверие к нему было подорвано, общественность не уставала осыпать его обвинениями. Врангель обладал достаточным авторитетом и решительностью, чтобы исправить положение. Но тут уж уперся Деникин, усмотрев в предложениях Лукомского очередную интригу. В передаче власти он категорически отказал. Впрочем, решение Деникина тоже основывалось на важных соображениях. В условиях поражений и катастроф, допусти он «выборность» командования в одном месте, смещение неугодных и призвание угодных начальников — что стало бы с дисциплиной, и без того пошатнувшейся, в других местах? Да и в Крыму это могло быть расценено «молодым офицерством» как уступка и в дальнейшем привести к новым «орловщинам».

21.02 вышли приказы об исключении со службы адмиралов Ненюкова и Бубнова, а также увольнении в отставку Лукомского и Врангеля по их прежним ходатайствам. Издал Деникин и приказ о «ликвидации крымской смуты», где предписывал всем, принявшим участие в выступлении Орлова, явиться в штаб 3-го корпуса для направления на фронт, чтобы искупить вину в боях. Для расследования причин смуты назначалась сенаторская ревизия, а тех, кто вызвал ее своими действиями и руководил ею, приказывалось предать суду, невзирая на чин и положение. Врангель последний пункт ошибочно отнес к себе и жутко оскорбился. Орлов, запутавшийся между «спасением отечества», бандитизмом и социализмом, пошел на переговоры и 23.02 подчинился приказу, выступил на фронт. Правда, пробыл там недолго. Вскоре самовольно снял отряд с позиций и повел опять на Симферополь. Части, посланные вслед Слащевым, огнем разогнали его «бойцов», а Орлов опять бежал в горы.

Когда адм. Герасимов, прибывший на смену Ненюкова, ознакомился с деятельностью «морского кружка» Бубнова, где прямо фигурировали предложения о перевороте, он посоветовал Врангелю «на

время уехать, так как около его имени творятся здесь в Севастополе легенды и идет пропаганда против главного командования». Сам Деникин не хотел связываться с подобными вопросами. Посредничество взял на себя ген. Хольман, от своего имени передав барону просьбу покинуть Крым.

Обиженный Врангель выехал в Константинополь, послав Деникину письмо-памфлет, тяжело и незаслуженно оскорбившее главнокомандующего все теми же обвинениями в «цеплянии за власть», «яде честолюбия» и пр. Письмо это в копиях переписывалось, перепечатывалось и распространялось противниками Деникина. Многие там было написано явно сгоряча. Кое-что Врангель впоследствии пытался сгладить. Так, уже через год он говорил константинопольскому корреспонденту, упомянувшему о «деникинских бандах»: «Я два года провоевал в армии генерала Деникина, сам к этим «бандам» принадлежал, во главе этих «банд» оставался в Крыму и им обязан всем, что нами сделано». Деникин воспринял памфлет весьма болезненно. В кратком ответе (направленном лично, а опубликованном только в 1926 г.) он, в частности, писал: «Милостивый государь Петр Николаевич! Ваше письмо пришлось как раз вовремя — в наиболее тяжкий момент, когда мне приходится напрягать все духовные силы, чтобы предотвратить падение фронта. Вы должны быть удовлетворены...» Больше в личные отношения эти два человека никогда не вступали.

Ну а пока крымский тыл бурлил этими событиями, на перешейках продолжались бои. И несмотря на все опасения, Слащев раз за разом подтверждал свою славу. К 8.03 из частей 13-й и 14-й армий была создана ударная группировка, вновь ринувшаяся брать Крым. И точно так же, как в прошлых попытках, ей удалось «взять» Перекоп, дойти до Юшуни, после чего она была разбита и изгнана. Отступая, красные войска бросили даже исходные позиции, а потери понесли такие, что 46-ю и Эстонскую дивизии пришлось свести в одну.

86. ПАДЕНИЕ КУБАНИ

8.02.20 Деникин издал директиву о переходе в общее наступление. Казалось, были все условия, чтобы переломить в свою пользу ход боевых действий — точно так же, как весной 19-го, когда красные тоже стиснули Вооруженные силы Юга России на небольшой территории. После побед белогвардейцев под Батайском и на Маныче их дух вновь поднялся. У красных же, естественно, прежний порыв угасал. Да и их численное преимущество в результате осенне-зимних боев поубавилось: около 70 тыс. чел. против 50 тыс. у Деникина. Тем более, после достигнутых соглашений с казачеством и уступок им к началу наступления ожидался выход на фронт новых кубанских дивизий и пополнений. Появилась и мощная сила, способная противодействовать красным кавалерийским группировкам, 12-тысячный конный корпус Павлова, сведенный Сидориным из лучших частей Мамонтова и Коновалова. Поскольку фронт проходил по степям, где располагались коневодческие хозяйства, создавались и другие кавалерийские соединения — Старикова, Агоева.

Но в это же время готовились к наступлению и красные. Потерпев поражения на участках, занимаемых добровольцами и донцами, теперь они нацеливались на восточный фланг. К 10-й и 11-й армиям через Царицын и Астрахань подтягивались серьезные подкрепления за счет войск, освободившихся после разгрома Колчака и уральцев. На стыке Донской и Кубанской армий сосредоточивалась вся конница — армия Буденного, 2-й кавкорпус, сводный кавкорпус 10-й армии из 2-й дивизии Блинова, Дикой (так и называлась) дивизии Гая, 28-й дивизии Азина.

14.02 казаки Павлова форсировали Маныч и обрушились на корпус Думенко. В дальнейшем предполагалось развернуться против Буденного, разгромить его и идти на север, в тыл ростовско-новочеркасской группировки красных. Началась операция успешно. Части Думенко были разбиты и отступали, оставив станицу Балабинскую. Двинулись вперед и соседние с Павловым корпуса. Но вот только Буденного на прежнем месте не оказалось. Не оказалось его и там, где поставило Конармию собственное командование. Красное наступление началось практически одновременно с белым. 10-я и 11-я армии навалились на слабую Кубанскую. Она пятилась, едва оказывая сопротивление. Обещанных пополнений она так и не получила, к началу боевых действий подошел лишь один пластунский (т. е. пехотный) малочисленный корпус ген. Крыжановского, занявший тихорецкое направление. Части 11-й армии приближались к Ставрополю, а 10-й — атаковали Шаблиевку, где стоял этот корпус. Шаблиевку он удержал, однако красная конница прорвалась у него на фланге и пошла по р. Егорлык, угрожая перерезать сообщение с тылами. Почувяв здесь слабое место, Буденный, вместо того чтобы находиться на стыке 9-й и 10-й армий, перешел в полосу 10-й (за что угодил бы под трибунал, если бы не последующие успехи). Совместно с его конницей 15.02 войска 10-й армии заняли Шаблиевку. Белым пришлось срочно корректировать свои планы. Дальнейшее наступление на север продолжала группа ген. Старикова, а Павлову предписывалось оставить заслон против Думенко и повернуть на восток, где совместно с частями правофлангового 1-го корпуса Донской армии ударить во фланг Буденному. Там пахло уже прорывом фронта, в который красные вводили 20-ю, 50-ю и 34-ю стрелковые дивизии. Сводный кавкорпус 10-й армии ринулся на запад, на станцию Целина, выходя в тылы Донской армии. А хитрый Буденный, проигнорировав все приказы, выбрал линию наименьшего сопротивления и пошел на юг, преследуя отступающих кубанцев. 17.02 он атаковал их и занял ст. Торговую (Сальск). Оказав лишь слабое противодействие, войска Крыжановского оставили ее и бежали.

В это время конница Павлова форсированным маршем двигалась вдоль Маныча. Стояли жестокие морозы, достигавшие 20—30 градусов с сильным ветром и метелями. Здешние степи были безлюдны, редкие хутора и зимовники не могли вместить и обогреть такую массу людей. Ночевать приходилось под открытым небом. Передовые части Павлова, наткнувшись на красных, поочередно разгромили и разбросали все три дивизии прорвавшегося им навстречу сводного кавкорпуса. 28-я при этом была уничтожена почти полностью вместе с комдивом Азиным. Но к 18.02, подойдя к цели, корпус Пав-

лова оказался уже совершенно небоеспособным — измученные, окоченевшие и обмороженные казаки едва двигались. Павлов направился в Торговую, уверенный, что она занята кубанцами.

Появление среди ночи передового полка белых вызвало среди буденновцев панику, они побежали, бросая обозы и имущество. Потом разобрались, в чем дело, тем более что полуживые казаки почти не в силах были сражаться, не могли держать в замерзших руках ни сабель, ни винтовок, их пулеметы не стреляли. Многие, уже ничего не соображая, просто лезли в хаты, к теплу. Сорганизовавшись и остановив бегущих, большевики выбросили белых в степь. А дальше им осталось только засесть в глухую оборону и не пускать казаков к жилью. Тех, кто пытался приблизиться, косили пулеметы. Залегших, ползущих, раненых добивал мороз. Укрыться от него оказалось нигде. В чистом поле казаки жгли скирды сена, собираясь вокруг них греться. И становились мишенью для снарядов. От ветра набивались в овраги, согреваясь друг о друга — и замерзая там все вместе.

Утром, когда открылась страшная картина того, во что превратился корпус, Павлов повел его остатки назад, на Егорлыкскую. В этом рейде донская конница потеряла свыше 5 тыс. чел. Убитыми, но в основном — замерзшими и тяжело обмороженными. Через день, переждав морозы, Буденный направил на преследование одну из своих конных и две пехотные дивизии. В бой с казаками они вступать не решились и остановились в 12 км от них в роли заслона. Не атаковал и корпус Павлова, приходя в себя после случившегося. А главные силы Буденного опять двинулись на корпус Крыжановского, отступивший на 80 км к станции Белая Глина. Кубанцы сдавались или разбегались. Крыжановский застрелился. Его корпус перестал существовать, фронт был прорван.

А на другом, западном фланге, деникинцы в эти же дни одерживали победу за победой. Отразив начавшееся здесь наступление 8-й и 9-й красных армий, Добровольческий корпус и левый фланг донцов сами пошли вперед. 20.02 добровольцы форсировали Дон, наголову разбили советские войска и штурмом взяли Ростов, захватив около 5 тыс. пленных и множество трофеев. Рядом с ними 3-й Донской корпус ген. Гусельщикова, взломав вражескую оборону, занял станцию Аксайскую и выходил к Новочеркасску. Конная группа Старикова, нанеся еще несколько поражений корпусу Думенко, взяла Багаевскую... Это были последние успехи Деникина. Как-то использовать их, развивать наступление стало уже невозможно. После понесенных поражений Кубанская армия развалилась окончательно. От нее остались лишь небольшие отряды — 600 чел. под Тихорецкой, 700 в районе Кавказской и примерно столько же у ген. Бабиева под Ставрополем. Остальные дезертировали или катились в тыл. На фронте возникла огромная брешь, куда вливались красные.

Деникинская Ставка из Тихорецкой 23.02 переместилась в Екатеринодар. Наступление на север пришлось остановить. Части отсюда, главным образом конные, спешно перебрасывались на оказавшийся открытым правый фланг. Перед Буденным, вырвавшимся на оперативный простор, лежала вся Кубань, и Павлов получил приказ снова атаковать его. От Егорлыкской он пошел на Белую Глину, где сосредоточилась Конармия, — после морозов внезапно пришло тепло,

и каша на дорогах, таяние снегов задержали дальнейшее продвижение красных. Но та же погода опять сыграла против Павлова. Он вынужден был двигаться двумя узкими параллельными колоннами, в колонну по три, растянувшимися из-за грязи на много километров. Буденный своевременно узнал о приближении белых и ждал их в удобном месте. Выставив в оборону стрелковые дивизии, атаковал с трех сторон головную бригаду и обратил в бегство. Отступая по узкой дороге, она смешала части, следовавшие сзади и вынудила их к беспорядочному отходу. Вслед ринулись дивизии Буденного, захватив всю артиллерию и обоз, застрявшие в ручьях и оврагах. Вторая колонна Павлова, шедшая южнее, потрепала красную пехоту, но бегство соседей и угроза окружения преследующими их буденновцами вынудила отойти и ее.

Теперь Конармия, повернувшая на запад и выходящая на фланг Донской армии, грозила тылам всей главной группировки белогвардейцев. Добровольческий корпус, чтобы не быть отрезанным, получил приказ отойти за Дон и без боя оставил Ростов. Отводились назад и вырвавшиеся на север донские части. Против Буденного сосредоточивалась группировка в районе станицы Егорлыкской. Поредевший корпус Павлова усиливался Терско-Кубанской дивизией, добровольческой кавбригадой Барбовича, частями 2-го Донского корпуса. 26.02 Буденный предпринял наступление. Его отбросили контратаками.

Конармия запросила помощи. Подтянув к ней 20-ю стрелковую дивизию, кавдивизии Гая и Блинова, 2.03 красные снова нанесли удар. Под Егорлыкской разыгралось кавалерийское сражение, продолжавшееся с восхода до заката. В широкой котловине сходились в рубке огромные массы конницы. Верх не брали ни те ни другие. То красные начинали отступать, а белые преследовали их до вражеских позиций, где попадали под артиллерийско-пулеметный огонь и откатывались назад. А красные, пополнившись резервами и придя в себя, переходили в атаку и преследовали их, пока в свою очередь не попадали под интенсивный обстрел. Останавливались и отступали, снова преследуемые... Боролись за фланги, высылая полки в обход, где эти полки сталкивались во встречных боях. Ночью Буденный отступил, оставив 20-ю пехотную дивизию в качестве прикрытия. Но... белые тоже должны были отступать. Воспользовавшись тем, что Сидорин стянул свои лучшие части под Егорлыкскую, Тухачевский бросил в наступление 8-ю и 9-ю армии; форсировав Дон и Маныч, они сбили ослабленные донские войска, державшие оборону, и все дальше теснили их. Добровольческий корпус в низовьях Дона держался стойко, отбивая все атаки. А из-за отхода соседей был обойден с фланга и понес большие потери.

И ген. Сидорин отдал приказ отступить на линию реки Кагальник. Только войска не остановились на этой линии, а под ударами противника пятились дальше. Последний клочок донской земли был потерян... Буденный, не трогая больше основной массы донцов и добровольцев, опять двинулся по линии наименьшего сопротивления — на Тихорецкую. Части 11-й армии одной группировкой 2.03 взяли Ставрополь, а другой от Св. Креста вышли в район Минераль-

ных Вод, отрезав от армий Деникина северокавказские войска генерала Эрдели.

Армия Черноморской республики «зеленых», наступающая от Сочи, 25.02 заняла Туапсе. Вот тут-то коммунисты и проявили себя. В городе появились представители 9-й советской армии. Сбросили беспартийные маски и командиры повстанцев. Вооружив пленных солдат и перебежчиков, сформировали 6 новых батальонов. Когда крестьянская часть ополчения после боя, как обычно, разошлась по домам, экстренно провели «фронтальной съезд», который провозгласил войска «Черноморской красной армией», отказался признавать Комитет освобождения Черноморья и избрал ревком. Впрочем, из-за осложнений с крестьянами ревком тут же вступил в переговоры с Комитетом, и установилось двоевластие. Комитету большевики уступали Сочинский округ, а себе оставили Туапсинский. Причем соглашались и в Туапсинском передать «гражданское управление». А войска, став из «зеленых» красными, двинулись в двух направлениях — через горные перевалы, чтобы ударить в спину Кубани, и на север, на Геленджик и Новороссийск.

Крушение фронта быстро принимало всеобщий характер. Командующий Донской армией ген. Сидорин попытался остановить свои отходящие части на реке Ея. Это ему не удалось. Отступление набирало устойчивую инерцию. Белые откатывались к Екатеринодару и Новороссийску по направлениям железных дорог. Добровольческий корпус — от Ейска и Тимашевской, Донская армия — от Тихорецкой, остатки Кубанской — от Кавказской и Ставрополя. Паника охватила и население. По всем дорогам, увязая в грязи, хлынули потоки беженцев, перемешиваясь с армейскими тыловыми службами, лазаретами, дезертирами. Благодаря эвакуации, начатой заблаговременно, Новороссийск к этому времени удалось в какой-то мере разгрузить от переполнявшей его беженской массы (всего отсюда были эвакуированы за границу более 80 тыс. чел.). Однако теперь к пароходам ринулись те, кто мог уехать раньше, но тянул до последнего, надеясь на лучшее. И те, кто хотел уехать раньше, но не мог — лица призывного возраста, офицеры, гудевшие по ресторанам и уклонявшиеся от фронта. Когда прижало, они стали сколачиваться в «военные организации», чтобы захватить места на кораблях. И многие действительно уезжали. Нанимались на пароходы, предоставленные гражданским учреждениям, в качестве охраны — и штыками отгоняли других, точно таких же. Подряжались в роли погрузочных бригад, вдвое и втрое перевыполняя все нормы. Паника передалась военным тыловым учреждениям, посыпались рапорты об увольнении «по болезни» или из-за «разочарования в Белом Движении». Эпидемия «заболеваний» полностью охватила санитарный отдел, оформивший себе нужные справки и бросивший в критический момент город без медицинской помощи. «Забыл» сойти на берег, провожая семью, сам помощник начальника губернии, заведовавший эвакуацией. А на место вывезенных в город потекли беженцы из кубанских городов и станиц.

Еще не все было потеряно. Еще имелись реальные шансы изменить ход событий или хотя бы спасти людей. Царила весна. Непро-

лазная грязь мешала не только отступающим, она сковывала действия красных. Широко разливались реки. Деникин выдвинул план — остановить врага на рубеже Кубани и ее многоводных притоков, Лабь или Белой. Прийти в себя. А дальше действовать в зависимости от обстоятельств: если при этом большевистском нашествии протрезвеет и поднимется Кубань — снова наступать, если нет — эвакуироваться в Крым.

Выполнение данного плана казалось тем более реальным, что Кубанская армия, почти совсем исчезнувшая к концу февраля, по мере отступления стала на глазах расти. За счет полков и дивизий, находившихся в стадии бесконечного «формирования», за счет тыловых и охранных частей, за счет станичников-дезертиров, спасающихся от красных. Вот только вливалось все это в армию не для того, чтобы сражаться, а для того, чтобы бежать. Фактически у Шкуро была вообще не армия, а толпы вооруженных беженцев, разложившихся и деморализованных.

Худо было и в Донской армии. Прекрасно проявив себя в январско-февральских боях на Маныче, она последующей полосой поражений оказалась снова выбита из колеи. Едва донцы потеряли родную землю и отступили на Кубань, их боеспособность покатила к нулю. Падала дисциплина. Началась сумятица в умах, вплоть до митинговщины и самоуправства. Донские командиры, собрав «совет», самовольно отстранили от должности ген. Павлова, обвиняемого во всех поражениях, к тому же не казака, и избрали на его место ген. Старикова. Вынашивались планы бросить фронт, бросить тылы и всеми силами пробиваться на Дон, чтобы начать там, как в 18-м, партизанскую войну. Что касается рядового казачества, то оно снова оказалось охвачено чувством тупой обреченности. Деникин писал: «...Десятки тысяч людей шли вслепую, шли покорно, куда их вели, не отказывая в повиновении в обычном распорядке службы. Отказывались только идти в бой».

На данной почве стали все резче возникать вражда и недоверие между донцами и добровольцами, из-за отхода казаков постоянно попадающими под фланговые удары врага. Основное ядро корпуса Кутепова продолжало доблестно сражаться на каждом рубеже. И вынуждено было бросать его, оказываясь обойденным. Намерение донских командиров прорываться на север, развал казачьих армий расценивались как предательство. Но и добровольцы пошатнулись — хотя в другую сторону. 12.03 штаб корпуса направил Деникину довольно резкую телеграмму, где Кутепов «в полном согласии со строевыми начальниками, опирающимися на голос всего офицерства», указывал, что на казачьи части рассчитывать нельзя, и поэтому в случае неудачи нужно принимать решительные меры для спасения Добровольческого корпуса и тех, кто пожелает к нему присоединиться. Выдвигались требования передать в исключительное ведение корпуса железную дорогу Тимашевская — Новороссийск, подготовить к моменту эвакуации 3—4 транспорта, объединить в руках командира корпуса всю власть в тылу, плавсредства и порядок посадки. Перечислялись и другие меры по эвакуации. В телеграмме говорилось: «Все учреждения Ставки и правительственные учреждения должны

быть посажены на транспорт одновременно с последней грузящейся на транспорт частью Добровольческого корпуса и отнюдь не ранее».

Деникин так же резко осадил Кутепова, напомнив ему о правильных взаимоотношениях подчиненного и начальника, и ответил по всем пунктам — что на случай распада казачьего фронта транспорты подготавливаются, семьи и раненые уже вывозятся. Относительно прочих требований — «вся власть принадлежит главнокомандующему, который даст такие права командиру Добровольческого корпуса, которые сочтет нужным». «Правительственные учреждения и Ставка поедут тогда, когда я сочту это нужным. Ставку никто не имеет оснований упрекать в этом отношении. Добровольцы должны бы верить, что главнокомандующий уйдет последним, если не погибнет раньше». Дисциплина была восстановлена. Кутепов впоследствии сожалел о своем шаге и объяснял его нервной атмосферой, сложившейся в корпусе. Но сам факт получения этой телеграммы от добровольцев стал для Деникина последней каплей, после чего он принял твердое решение оставить свой пост (об этом пишет он сам и подтверждает в своих записках Кутепов). Вывести армию из критического положения, а потом уйти...

Как уже говорилось, сначала он хотел остановить красных на рубеже Кубани. Для организации планомерной переправы, эвакуации Екатеринодара и северного берега требовалось выиграть время. Поэтому ген. Сидорин получил приказ задержать большевиков на р. Бейсуг. Он собрал свои корпуса в районе станицы Кореновской. Красные, осведомленные о сосредоточении неприятеля, тоже стягивали сюда значительные силы, в том числе части Конармии, действовавшей восточнее. Донцы, даже руководимые лично Сидориным, в бой не пошли. Неуверенно атаковали, но всякий раз поворачивали назад. А когда перешел в наступление противник, стали отходить. Добровольцы опять очутились в тяжелом положении. Откатившиеся казаки были в 20 км от Кубани, в то время как корпус Кутепова еще держался у Тимашевской в 70—90 км от переправ и по его тылам пошла гулять вражеская кавалерия. Прорываться пришлось с жестокими боями. В донесениях говорилось, например, о том, как арьергардный полк дроздовцев под командованием Туркула двигался сквозь сплошные конные массы врага, «неоднократно сворачивая полк в каре, с музыкой переходя в контратаки, отбивал противника, нанося ему большие потери».

К 16.03 части Донской и Кубанской армий сосредоточились на ближних подступах к Екатеринодару. Правительство и Ставка из него переехали в Новороссийск. Верховный Казачий Круг собрался на последнее заседание. Председатель кубанцев Тимошенко сообщил, что на совещании военных начальников было признано невозможным дальнейшее подчинение казачьих войск Деникину, тем более что Ставка исчезла и никакой связи с ней нет. Пользуясь тем, что терцы и часть донцов уже отсутствовали, кубанская фракция напоследок протащила постановление — считать соглашение с Деникиным недействительным, изъять войска Дона, Кубани и Терека из его подчинения, освободить атаманов и правительства ото всех обязательств в его отношении. И еще разок переругавшись, переходя на личности,

Круг распался. Кубанская фракция отправилась к своей отступающей армии, донская — к своей. Убедившись, что никакого «совещания военных начальников» не было и все сообщение Тимошенко оказалось ложным, донцы аннулировали со своей стороны принятое постановление. Для Деникина же оно явилось юридическим освобождением от принятых на себя обязательств перед кубанцами.

В Екатеринодаре скопилось множество беженцев, ютившихся таборами под открытым небом, больных и раненых, полностью вывезти которых не представлялось возможным — да многие были просто нетранспортабельны. Правительство по согласованию с главнокомандующим решило повторить опыт 1918 г., когда добровольцы, отступая от Екатеринодара, освободили арестованных большевиков на условии, что они станут оберегать раненых от расправы. По иронии судьбы, лидером коммунистов, находившихся в тюрьме, оказался тот же самый А. Лиманский, который честно выполнил эту роль в 18-м. Министр юстиции Краснов провел с ним переговоры и достиг соглашения. 30 видных коммунистов освободили, взяв обещание посредничества в защите больных, раненых и беженцев. Кроме того, в ответ деникинцы запретили администрации тюрьмы какие-либо расправы и насилия над остальными заключенными.

Интересно, что после отъезда белого правительства лидеры Рады возобновили переговоры с выпущенными большевиками. Угрожая возвратить их в тюрьму, предложили гарантировать также безопасность остающихся в Екатеринодаре членов кубанского правительства, Рады и их близких. Большевики отказались. Ответили: «Мы являемся в одинаковой мере политическими врагами Южнорусского правительства и вашими. Но первое, освобождая нас в интересах больных и раненых, не ставило нам никаких предложений ни о собственной безопасности, ни о безопасности своих семей. За это мы невольно уважаем их, а вы... делайте с нами что хотите, но от переговоров увольте...»

17.03 красные пошли на штурм Екатеринодара. Собственно, никакого штурма и не было. Хотя вокруг города подготовили позиции, да и войск хватало, начало артиллерийской перестрелки послужило для кубанцев лишь сигналом к отступлению. Покатались и донцы. Особенно неустойчивым стал 4-й Донской корпус. Некогда лучший, гроза Буденного и Думенко на Маныче, но затем потрепанный больше других, он теперь флангом соприкасался с кубанцами и заражался их настроениями. Когда же пошли слухи о восстании в тылу, в рабочем пригороде Дубинке, войска охватила паника. Шкуро доносил Деникину: «Я лично видел позорное оставление Екатеринодара. Целые дивизии, перепившись разграбленным спиртом и водкой, бегут без боя от конной разведки противника. Части, прикрывающие Екатеринодар, также позорно бегут... Стыд и позор казачеству, несказанно больно и тяжело...» Красные войска, 2-й конный корпус и три стрелковые дивизии, лишь потому целый день проторчали под городом, обстреливая окраины, что не могли поверить в сдачу «очага контрреволюции» за «просто так». Ждали какого-нибудь подвоха. Кроме того, они и не могли проникнуть в Екатеринодар, пришлось

ждать, пока схлынет толпа войск и беженцев, запрудившая улицы и забившая пробками мосты через Кубань...

В тот же день, 17.03, Деникин отдал приказ об отводе всех войск за Кубань и Лабу и об уничтожении всех переправ. Особое внимание предписывалось уделить путям возможного отхода — на Тамань и Новороссийск. Но когда издавался приказ, Кубанская и Донская армии уже были на левом берегу, а переправы, о которых никто и не подумал, очутились в руках красных. На следующий день, вырвавшись из окружения, перешел за Кубань и Добровольческий корпус. Прибывший в Ставку ген. Сидорин к пункту о путях отхода отнесся с сомнением. Он докладывал о полном разложении донцов и о том, что вряд ли они захотят ехать в Крым. Склонялся к тому, чтобы отступать на юг, к горным перевалам и грузинской границе. Вернувшись в штаб своей армии, созвал «совещание донских командиров» и донской фракции Верховного Круга, которое решило отходить все-таки в направлениях, указанных Деникиным. Хотя этот отход предполагался только в перспективе, 4-й Донской корпус тотчас же бросил позиции и стал отступать. Красные по уцелевшим в Екатеринодаре мостам легко форсировали Кубань и разрезали фронт пополам...

87. НОВОРОССИЙСК

Когда Ставка Деникина переехала в Новороссийск, город был похож на разворошенный муравейник. Как вспоминал Деникин, «улицы его буквально запружены были молодыми и здоровыми воинами-дезертирами. Они бесчинствовали и устраивали митинги, напоминавшие первые месяцы революции, — с таким же элементарным пониманием событий, с такой же демагогией и истерией. Только состав митингующих был иной: вместо товарищей солдат были офицеры». Те тысячи офицеров, настоящих, а то и самозванных, которых никогда не видели на фронте и которые недавно переполняли Ростов, Новочеркасск, Екатеринодар, Новороссийск, создавая устойчивый карикатурный штамп «белогвардейца», прожигающего жизнь, проливая пьяные слезы о гибнущей России. Теперь создаваемые ими «военные организации» укрупнялись, сливаясь вместе с целью захвата кораблей. Борьба за места на отходящих пароходах доходила до драк. Деникин издал приказ о закрытии всех этих самостоятельных организаций, введении военно-полевых судов и регистрации военнообязанных. Указал, что уклоняющиеся от учета будут оставлены на произвол судьбы.

В город вызвали несколько фронтовых добровольческих частей (впоследствии это интерпретировалось казачьими лидерами как захват пароходов добровольцами — их версию подхватила и советская литература). Тыловых «героев», прячущихся за их спинами, фронтовики, понятно, не жаловали и быстро навели в Новороссийске относительный порядок. А тем временем вливались новые потоки беженцев, донских и кубанских станичников. Они и ехать-то никуда не собирались, ни за границу, ни в Крым. Просто шли от большевиков и дошли до конца — откуда идти уже некуда. И располагались на ули-

цах, площадях. Людей продолжал косить тиф. Например, Марковская дивизия потеряла от него за короткое время двух своих начальников — ген. Тимановского и полковника Блейша. Выбыл из строя по болезни и ген. Улагай.

По мере ухудшения положения на фронте становилось ясно — через единственный Новороссийский порт эвакуировать всех желающих не удастся. Не было возможности даже планомерно погрузить всю армию — пришлось бы бросить артиллерию, лошадей, имущество. Деникин нашел выход — продолжая эвакуацию Новороссийска, войска отводить не сюда, а на Тамань. Полуостров был удобен для обороны. Его перешейки, пересеченные болотистыми лиманами, могли быть перекрыты флотской артиллерией. Для эвакуации даже не понадобились бы крупные транспорты — флотилия Керченского порта постепенно перетаскала бы армию через узкий пролив. Деникин распорядился перебросить в Керчь дополнительные плавсредства. По штабу уже прошло распоряжение подготовить верховых лошадей для оперативной части Ставки — главнокомандующий решил отправиться в Анапу и далее следовать вместе с армией.

20.03 вышел последний боевой приказ Деникина. Поскольку Кубанская армия уже бросила рубежи Лабы и Белой, ей предписывалось удерживаться на р. Курге, Донской армии и добровольцам — обороняться от устья Курги до Азовского моря. Добровольческому корпусу, занимающему позиции в низовьях Кубани, приказывалось частью сил занять Таманский полуостров и прикрыть его с севера... Этого приказа уже не выполнила ни одна из армий. Обстановка полностью вышла из-под контроля. Кубанский атаман и Рада на основании последнего постановления Верховного Круга объявили о неподчинении своей армии Деникину. Красные, переправившись через Кубань в Екатеринодаре, разорвали белые силы на две части. Кубанская армия и присоединившийся к ней 4-й Донской корпус, отрезанный от своих, отступали к горным перевалам, на юг. А 1-й и 3-й Донские корпуса двинулись на запад, к Новороссийску. Никакой боевой силы они больше не представляли. У казаков осталось лишь чувство тупой, равнодушной безысходности и усталости. О каком-то повиновении уже не было и речи. Шли толпами, повинувшись общей инерции. Части перепутались, всякая связь штабов с войсками терялась. Корпуса перемешались с потоками беженцев, превратившись в сплошное море людей, коней и повозок. Посреди этого моря еле-еле двигались поезда, в том числе поезд командующего ген. Сидорина. Кто-то сдавался или переходил к «зеленым». Многие бросали оружие как лишнюю тяжесть. Случались и отдельные подвиги, но опять же — это был героизм обреченных. Так, полностью погиб Атаманский полк, вступив в драку против двух советских дивизий. Такие вспышки бесследно тонули в общем хаосе и никакого влияния на окружающих уже не оказывали. Красные из-за сплошной массы, затопившей дороги, тоже были лишены возможности каких-либо маневров. Им оставалось только двигаться следом на некотором расстоянии, собирая отставших и сдающихся.

Добровольцев Таманский полуостров пугал. Одно дело — держать на нем оборону одним. Но ведь туда же хлынула бы неуправляе-

мая лавина донцов и беженцев, способная смять любую оборону. И с красными «на хвосте». Да и находиться на тесном пространстве с колеблющимся казачеством, которое еще неизвестно, что надумает, добровольцам не улыбалось. Приближающаяся масса донцов грозила затопить тылы Добровольческого корпуса, отрезать его от Новороссийска, и части волновались, как бы этого не произошло. Главные силы, и с умыслом, и инстинктивно, оттянулись к железной дороге на Новороссийск, прикрывая узловую станцию Крымская и ослабив тем самым левый фланг. 23.03 «зеленые» подняли восстание в Анапе и станице Гостогоаевской — как раз на путях в Тамань. Одновременно красные начали форсировать Кубань у станицы Варениковской. Часть, оборонявшая эту переправу и оказавшаяся в полукольце из-за восстаний в тылу, была отброшена. Атаки конницы Барбовича на Анапу и Гостогоаевскую результатов не дали. Да они и велись нерешительно, с оглядкой назад, как бы казачьи потоки не отрезали от Новороссийска. А к «зеленым» тем временем успели подойти красные. Сначала конница, а к вечеру от переправы к Анапе уже маршировали пехотные полки. Большевики учитывали опасность отхода белых на Тамань и специально направили 9-ю стрелковую и 16-ю кавалерийскую дивизии перекрыть этот путь. Тамань была отрезана.

24.03 Добровольческий корпус, два донских и присоединившаяся к ним кубанская дивизия, сохранившая верность Деникину, сосредоточились в районе станции Крымская, в 50 км от Новороссийска, направляясь к нему... Катастрофа стала неотвратимой. Оставалось жестокое, но единственное решение — спасти армию. И в первую очередь те части, которые еще не разложились и желают драться. Да, в общем-то, и ресурсы Крыма были ограничены. Перевозка туда просто лишних «едоков» выглядела не только бессмысленной, но и опасной... Однако даже для этой ограниченной цели наличных транспортов не хватало. Пароходы, выделенные для эвакуации беженцев за границу, подолгу простаивали в карантинах и задерживались. Севастополь с присылкой кораблей медлил, ссылаясь на неполадки в машинах, нехватку угля и т. п. — как потом выяснилось, их опять придерживали на случай собственной эвакуации. Спасением для многих стал приход английской эскадры адм. Сеймура. На просьбу Деникина о помощи адмирал согласился, предупредив, что корабли военные, поэтому он сможет взять не более 5—6 тыс. чел. Вмешался ген. Хольман и, переговорив с Сеймуром, заверил в его присутствии: «Будьте спокойны. Адмирал — добрый и великодушный человек. Он сумеет справиться с техническими трудностями и возьмет много больше».

Эта помощь стала «прощальным подарком» Хольмана. Политика Лондона менялась все круче, и при новом ее направлении Хольман, близко сошедший с белыми, находился явно не на месте. Он еще оставался в должности, но было уже известно, что ждет лишь преемника. Дипломатическое представительство ген. Киза интриговало уже всю, вступая в закулисные переговоры то с кубанскими самостоятельными, то с лидерами «зеленых», то с земскими деятелями и изобретая проекты «демократической» власти, вроде иркутского Политцентра, с предоставлением белым начальникам только военных вопросов. В последние дни Новороссийска Киз интересовался у Ку-

тепова отношением его корпуса к возможности военного переворота. Наконец Деникина посетил ген. Бридж с посланием британского правительства, по мнению которого, положение белых было безнадежно, а эвакуация в Крым неосуществима. В связи с этим англичане предлагали посредничество в заключении мира с большевиками. Деникин ответил: «Никогда!»

Забегаая вперед, следует отметить, что в августе 20 г. в лондонской «Таймс» была опубликована нота Керзона к Чичерину. В частности, там говорилось: «Я употребил все свое влияние на ген. Деникина, чтобы уговорить его бросить борьбу, обещав ему, что, если он поступит так, я употреблю все усилия, чтобы заключить мир между его силами и вашими, обеспечив неприкосновенность всех его соратников, а также населения Крыма. Ген. Деникин в конце концов последовал этому совету и покинул Россию, передав командование ген. Врангелю». Деникин, уже находившийся в эмиграции и возмущенный этой ложью, опубликовал в той же «Таймс» опровержение: «1) Никакого влияния лорд Керзон оказать на меня не мог, так как я с ним ни в каких отношениях не находился. 2) Предложение британского представителя о перемирии я категорически отверг и, хотя с потерей материальной части, перевел армию в Крым, где тотчас же приступил к продолжению борьбы. 3) Нота английского правительства о начатии мирных переговоров с большевиками была, как известно, вручена уже не мне, а моему преемнику по командованию Вооруженными силами Юга России ген. Врангелю, отрицательный ответ которого был в свое время опубликован в печати. 4) Мой уход с поста главнокомандующего был вызван сложными причинами, но никакой связи с политикой лорда Керзона не имел. Как раньше, так и теперь я считаю неизбежной и необходимой вооруженную борьбу с большевиками до полного их поражения. Иначе не только Россия, но и вся Европа обратится в развалины». Интересно, что Хольман тут же обратился к Деникину с просьбой дополнительно разъяснить читателям, что британский представитель, предлагавший мир с большевиками, был «не генерал Хольман». Этот англичанин считал саму возможность таких переговоров пятном для своей чести...

Его обещание было выполнено, эскадра Сеймура действительно взяла намного больше обещанного, набившись «под завязку». Стали одно за другим прибывать и транспортные суда. Эвакуационная комиссия ген. Вязьмитинова выделила первые 4 парохода Добровольческому корпусу, 1 — кубанцам. С донцами начались сложности. Сидорин, приехавший 25.03 в Новороссийск, доложил о безнадежном состоянии своих частей. Сообщил, что казаки скорее всего в Крым не поедут, поскольку воевать не желают. Следует вспомнить и о том, что положение самого Крыма оставалось ненадежным — сумей красные опрокинуть корпус Слащева, и полуостров стал бы ловушкой полхлебе Новороссийска — откуда по крайней мере имелся путь в горы и в Грузию. Сидорин выражал озабоченность только судьбой 5 тыс. донских офицеров, которым грозила расправа со стороны большевиков или собственных разложившихся подчиненных. Его заверили, что такое количество местами на кораблях будет обеспечено. Транспортные еще имелись, ожидалось прибытие новых. Но донской коман-

дующий ошибся — достигнув Новороссийска, все его войска ринулись к кораблям. Сидорин обратился теперь в Ставку с требованием судов «на всех». Это было уже невыполнимо, тем более что многие донские части действительно побросали оружие и перестали повиноваться начальству или вообще потеряли организацию, смешавшись в неуправляемые толпы.

Начальником обороны Новороссийска был назначен Кутепов. Его добровольцам пришлось не только прикрывать город, но и держать настоящую линию обороны в порту, сдерживая человеческую стихию. Новороссийск агонизировал. Заполненный людскими массами, он стал непроезжим. Немало граждан, даже имеющих право на посадку, не смогли его осуществить только из-за того, что оказались не в силах пробиться сквозь толпы в порт. Другие — донцы, станичники — находились в состоянии духовной прострации. Дойдя «до конца» и услышав, что дальше пути нет, располагались тут же ждать этого «конца». Жгли костры. Двери складов были открыты, и люди растаскивали ящики с консервами. Громили и винные погреба, цистерны со спиртом.

26.03 Кутепов доложил, что оставаться далее в Новороссийске нельзя. Уже подходили красные. Обстановка в городе, давно вышедшая из-под контроля, грозила при этом стихийном взрывом. Добровольцы — и на позициях, и прикрывающие эвакуацию — находились на нервном пределе. Было решено ночью оставить Новороссийск. Сидорин снова требовал недостающих пароходов. Ему предложили на выбор три решения. Во-первых, занять боееспособными донскими частями ближние подступы к городу и продержаться 2 дня, в которые опаздывающие корабли должны подойти. Во-вторых, лично возглавить свои части и вести их берегом на Туапсе. Дорогу туда перекрывали около 4 тыс. чел. Черноморской красной армии из дезертиров и «зеленых», и разогнать их было не так сложно. В Туапсе находились склады припасов, и туда по радио можно было повернуть транспорты, следующие в Новороссийск, или направить имеющиеся после разгрузки в Крыму. Ну и в-третьих, положиться на случай — на то, что какие-то корабли, возможно, прибудут 26-го и в ночь на 27-е. И грузиться на английскую эскадру. От первых двух вариантов Сидорин отказался и выбрал третий. Хотя впоследствии стал распространять версию «предательства Донского войска» добровольцами и главным командованием.

В следующую ночь шла интенсивная посадка армии. Пушки, телеги, интендантское имущество, естественно, оставлялись. Но на суда были погружены почти весь Добровольческий корпус, кубанская и четыре донских дивизии. Взяли, кого могли, из войск, из связанных с армией беженцев, до отказа заполнив все имевшиеся плавсредства — баржи, буксиры и т. п. Донцы и небольшая часть добровольцев, не попавшие на суда, двинулись береговой дорогой на Геленджик и Туапсе. Утром 27.03 корабли с белой армией оставили Новороссийск и взяли курс на Крым. Последним порт покидал миноносец «Капитан Сакен» с Деникиным и его штабом на борту, еще подбиравший всех, кого мог вместить из желающих уехать. А последний бой вступающим в город красным дал ген. Кутепов на миноносце «Пылкий» —

узнав, что на берегу отстал его 3-й Дроздовский полк, прикрывавший отход, он вернулся на выручку, поливая огнем орудий и пулеметов передовые части врага.

В Крым выбрались около 30 тыс. солдат, казаков и офицеров. Операция по переброске ядра белых сил явилась для большевистского руководства полнейшей неожиданностью. Считалось, что белогвардейцев, прижатых к морю, ждет неминуемая гибель, поэтому поход на Новороссийск рассматривался и пропагандировался в Красной армии как конец гражданской войны...

88. ОТСТАВКА ДЕНИКИНА

После эвакуации в Крым Деникин провел реорганизацию своей армии. Войска сводились в три корпуса: Добровольческий, Донской и Крымский, кавалерийскую дивизию и кубанскую бригаду. Остальные части, штабы и учреждения расформировывались, личный состав направлялся на укомплектование действующих соединений. Ставка разместилась в Феодосии. Крымский корпус Слащева продолжал держать перешейки. Чтобы прикрыть полуостров от возможного десанта со стороны Тамани, в Керчи разместились алексеевская и кубанская бригады, юнкерская школа. Остальные войска располагались в резерве на отдых, добровольцы — в Симферополе, донцы — в Евпатории. Конечно, все случившееся — поражения, отступление, эвакуация — тяжело сказалось на состоянии войск. Армия была до крайности утомлена и физически, и морально. И естественно, это создавало благодатную почву для нездоровых настроений. Тем более что Крым, как уже упоминалось, являлся средоточием всевозможных интриг. В их клубок теперь выплеснулись оглушенные катастрофой тысячи беженцев, надломленная армия, оставшиеся без дела военачальники. Искали виновных или спасителей.

Южнорусское правительство Мельникова крымские круги сразу же приняли в штыки — уже из-за того, что оно создавалось в результате соглашения с самостийниками. Офицерство «козлом отпущения» сделало ген. Романовского, бессменного начальника штаба у Корнилова и Деникина. В общем-то это была обычная неприязнь между «фронтом» и «штабами», но в условиях морального кризиса она дошла до предела. Слухи и сплетни валили на него все грехи. Ему приписывали все ошибки и просчеты, в личном плане противопоставляли Деникину — хотя Романовский был его хорошим другом и помощником. Его обвиняли в хищениях — хотя он был человеком безупречной честности и, находясь в стесненном материальном положении, вынужден был в Таганроге продавать свои старые вещи, вывезенные из Петрограда. Чисто русского, глубоко верующего православного человека, его произвели даже в «жидомасоны».

Ген. Сидорин усиленно вел пропаганду о «предательстве Дона», предлагая казакам уйти из Крыма и пробиваться в родные станицы. Интриговали флотские — в пользу Врангеля. Интриговал герцог С. Лейхтенбергский — в пользу великого князя Николая Николаевича (сам Николай Николаевич вряд ли об этом догадывался, он про-

живал за границей и своего участия в Белом Движении не предполагал, прекрасно понимая, какие осложнения это вызвало бы в «левых» кругах и какие козыри дало бы красной пропаганде). Интриговали англичане — в пользу «демократии». Интриговали оставшиеся без назначения генералы Боровский и Покровский — в пользу Покровского. Интриговал епископ Вениамин, возглавлявший крымских крайне правых, — в пользу Врангеля. Зараженный этим психозом, всю начал интриговать Слащев, причем совершенно беспорядочно — связываясь то с Врангелем, то с герцогом Лейхтенбергским, то с Сидориным, то с Покровским, Боровским и Юзефовичем, хотя Сидорин и Покровский были антагонистами Врангеля, а самого Слащева считали «молокососом» и «выскочкой».

Поскольку основой армии, ее самым боеспособным ядром оставался Добровольческий корпус, все интриганы и «заговорщики» рано или поздно считали своим долгом обратиться к ген. Кутепову, чтобы узнать его отношение к их проектам — то Киз, то Покровский, то Слащев, вынашивающий идею созвать совещание из представителей армии, флота, духовенства и населения для обсуждения создавшегося положения и решения вопроса о верховной власти. Все они неизменно получали от Кутепова отлуп. 1 апреля он прибыл в Ставку, доложив об этих происках и предлагая Деникину принять срочные меры против смутьянов. Деникин сделал иначе. Теперь, когда армия была спасена и размещена в Крыму, он счел, что пришло время осуществить решение, принятое еще на Кубани, — оставить свой пост. Он составил приказ о созыве в Севастополе военного совета «для избрания преемника главнокомандующему Вооруженными силами Юга России».

В состав его вошли должностные лица штаба, командиры корпусов, дивизий, половина командиров бригад и полков, коменданты крепостей, флотское начальство. Включены были персонально и находившиеся не у дел представители оппозиции, претенденты на власть — Врангель, Покровский, Боровский, Юзефович и др. Председателем совета Деникин назначил генерала от кавалерии А. М. Драгомирова, написав ему: «Три года российской смуты я вел борьбу, отдавая ей все свои силы и неся власть, как тяжкий крест, ниспосланный судьбой. Бог не благословил успехом войск, мною предводимых. И хотя вера в жизнеспособность армии и в ее историческое призвание мною не потеряна, но внутренняя связь между вождем и армией порвана. И я не в силах более вести ее. Предлагаю военному совету избрать достойного, которому я передам преемственно власть и командование».

Кроме указанных причин отставки Деникина, можно назвать и другие — те, о которых он сам и его современники умолчали, но о которых нетрудно догадаться и которые очень отчетливо проскальзывают в его письмах, приказах, мемуарах. Бесконечная усталость... Ведь позади были мировая война, революция, Быховская тюрьма, Ледяной поход, борьба за Кубань, Северный Кавказ, поход на Москву, отступление от Орла до Новороссийска, эвакуация. Плюс постоянная возня с политикой — партиями, оппозициями, казачьими правительствами, иностранцами. И все это в течение шести лет без малейшего

перерыва, без малейшей передышки. Мог ли человек не надорваться от такой ноши? Предстояло все начинать практически с нуля. А для этого требовались силы и энергия... Для того чтобы начинать с нуля, требовалась и безусловная вера подчиненных своему начальнику. Мог ли Деникин предполагать, что после поражений его авторитет в войсках останется прежним? Как впоследствии выяснилось, он даже преувеличивал степень недоверия. Но в принципе оно было неизбежным. Если и не во всей армии, то в какой-то ее части. Для нового подъема, нового энтузиазма, новых надежд был бы гораздо удобнее новый лидер.

Наконец, если катастрофы потрясли и вымотали армию, то разве могли они не сказаться на главнокомандующем? Разве мог он не ощущать огромного груза моральной ответственности за случившееся? Груза, способного раздавить самого сильного человека. Напомним, что Деникин был солдатом, честным служакой, а не политиком (и уж тем более не современным политиком, легко оправдывающим любые свои огрехи). В бедствиях, постигших Белую армию, он видел и свою вину. Мог ли он, неся такой груз, по-прежнему оставаться у руля и действовать с прежней верой в собственные силы?

Военный совет, собравшийся 3.4.20, проходил бурно. Представители Добровольческого корпуса на своем предварительном совещании единодушно решили просить Деникина остаться у власти и выразить ему полное доверие. Кутепов потом вспоминал, как ему было тяжело, поскольку он и сам придерживался того же мнения, но вынужден был убеждать подчиненных, зная, что решение Деникина твердо и окончательно. Ту же позицию добровольцы заняли на заседании, категорически отказываясь от выборов. На строгие указания Драгомирова, что это невыполнение приказа главнокомандующего, на выступления чинов Ставки, подтверждавших неизменность решения уйти в отставку, командиры дивизий и полков заявляли: пусть тогда Деникин сам назначит преемника, но предварительно требовали просить его остаться у власти. Подкрепляли свои слова дружными криками «ура!» в честь Деникина. К добровольцам присоединились кубанцы. Слащев говорил, что сам прецедент выборности, «как в Красной армии», может повлиять разлагающе на войска. Донцы спорили о своем представительстве, считая его недостаточным. Моряки называли Врангеля. Так ни к чему и ни пришли, кроме посылки телеграммы главнокомандующему.

В ней Драгомиров писал: «Военный совет признал невозможным решать вопрос о преемстве главкома, считая это прецедентом выборного начальства, и просил Вас единолично указать такового... Только представители флота указали преемником ген. Врангеля. Несмотря на мои совершенно категорические заявления, что Ваш уход решен бесповоротно, вся сухопутная армия ходатайствует о сохранении Вами главного командования...» Деникин остался тверд. Он ответил: «Разбитый нравственно, я ни одного дня не могу оставаться у власти. Считаю уклонение от подачи мне совета ген. Сидориным и Слащевым недопустимым... Требую от военного совета исполнения своего долга...»

4 апреля, чтобы не допускать митинговщины, Драгомиров разделил совет, допустив на заседание только старших начальников, до

командиров корпусов, чтобы наметить кандидатуру. Остальным было предложено ждать, чтобы поддержать или отвергнуть ее. В этот день из Константинополя прибыл Врангель. И обстановка осложнилась новыми обстоятельствами. Он привез с собой ультиматум британского правительства. Англия шла на окончательное предательство Белого Движения, предлагая «оставить неравную борьбу» и при ее посредничестве вступить в переговоры о мире с большевиками на условиях «амнистии населению Крыма, в частности, войскам Юга России». В случае отклонения ультиматума Британия «снимала с себя ответственность» и угрожала отказом «от всякой поддержки и какой бы то ни было помощи». Очевидно, англичане были в курсе крымских дел, хотя и не до конца — нота, адресованная Деникину, еще формально находившемуся у власти, оказалась врученной в Константинополе Врангелю, еще никакого поста не занимающему. Кстати, это опровергает версию о Врангеле как английском ставленнике, которого британцы протолкнули вместо неуступчивого Деникина — поскольку одним из первых актов Врангеля стал отрицательный ответ на их ультиматум.

Конечно, долгое время заняло обсуждение привезенной ноты. Потом был оглашен ответ Деникина на вчерашнюю телеграмму. Совещание опять затягивалось. Слащев заявил, что он против всяких выборов, что здесь ему делать нечего, и уехал на фронт. Ген. Богаевский вспоминал: «Нужно было как-нибудь кончать, откладывать на другой день было уже невозможно: этим неминуемо сразу подрывался бы авторитет будущего главнокомандующего. Тогда я выступил с речью, в которой, очертив создавшуюся обстановку и необходимость во что бы то ни стало скорее кончить вопрос, назвал генерала Врангеля. Возражений не последовало». Пригласив Врангеля, Драгомиров попросил его высказаться о взглядах на дальнейшие действия. Его ответы, что сейчас необходимо «с честью вывести армию из тяжелого положения», пока не думая об активных операциях, всех удовлетворили. Врангеля попросили удалиться на время обсуждения и остановили выбор на нем. Чтобы не возникло конфликтов с младшими командирами, ожидавшими решения, Драгомиров схитрил — протелеграфировал Деникину о выборе старших начальников и просил его прислать ко времени открытия общего собрания письменный приказ.

Когда военный совет собрался в полном составе, председатель огласил отрицательный ответ Деникина на ходатайство остаться у власти и его последний приказ: «1. Генерал-лейтенант барон Врангель назначается главнокомандующим Вооруженными силами Юга России. 2. Всем шедшим честно со мной в тяжелой борьбе — низкий поклон. Господи, дай победу армии и спаси Россию. Генерал Деникин». Вечером 4 марта Деникин попрощался с сотрудниками штаба, с конвоем и охранной офицерской ротой, состоявшей из старых добровольцев, израненных в боях. Многие рыдали. После его отъезда, по свидетельству очевидца, «офицеры штаба бросились в опустевший номер, каждый торопился захватить себе на память что-либо из оставшихся на столе письменных принадлежностей». Деникин отправился на пристань, где перешел на борт английского миноносца, ухо-

дящего за границу. Как служили, так и уезжали вместе — Деникин, Романовский и Хольман, отозванный в Британию.

В Константинополе Деникин и Романовский поехали в русское посольство, часть которого была превращена в беженское общежитие, где находились близкие Деникина и дети Корнилова. Дипломатический представитель, встретивший их, объявил, извинившись, что «по тесноте не может предоставить им помещение». Посольство, ведя собственные политические игры, сочло нежелательным пребывание в своих стенах бывшего Верховного правителя России... Адьютанты, решившие сопровождать в эмиграцию главнокомандующего и начальника штаба, ехали на другом, французском миноносце, на 6 часов отставшем от английского. И Романовский сам пошел договориться насчет машины — ехать к пригласившим их британцам. В это время раздался выстрел... Здесь же, в вестибюле посольства, Иван Павлович Романовский был убит неизвестным лицом в форме русского офицера. Стрелявший скрылся. Кто это сделал? Большевистский агент, которыми кишел Константинополь? Представитель крайне правых, точивших на него зуб? Или «офицерских организаций», играющих в заговоры? Или просто фронтовик — контуженный, больной или спившийся в эмиграции, обвиняющий «штабы» в собственных бедах и решивший отомстить?... Через день А. И. Деникин, потерявший на пороге изгнания ближайшего друга и соратника, на линкоре «Мальборо» отправился в Англию. Когда он с семьей прибыл в Британию, весь его капитал составлял... 13 фунтов стерлингов.

Следует добавить, что хотя личные отношения между Деникиным и Врангелем так никогда и не восстановились, Деникин в эмиграции изо всех сил старался помочь армии Врангеля. Очутившись в Англии, встречался с парламентскими деятелями и членами правительства, выступал в печати, взывая к правящим кругам и общественности. Бился, доказывая ошибочность и преступность такого шага, как прекращение поддержки Врангеля, называя это предательством. Рассказывал в европейской прессе о том, что творится в России и что такое большевизм... Но что было Европе до мнений какого-то отставного русского генерала?..

89. ОСТАТКИ АРМИЙ ЮГА

Ядро белых сил эвакуировалось в Крым, но по всему Кавказу агонизировали обломки деникинского фронта. Отряд ген. Драценко, действовавший против Астрахани, отступал под ударами 11-й красной армии по каспийскому побережью. Перешли в наступление и шариатисты Дагестана. Белые силы стянулись к Петровску (Махачкале), где стояла Каспийская флотилия, 29 марта погрузились на корабли и направились в Баку. Здесь ген. Драценко и адм. Сергеев заключили соглашение — войска пропускались в Грузию, передав за это Азербайджану все вооружение. Военная флотилия, сохраняя «внутреннее управление», принимала на себя береговую оборону Азербайджана. Но когда адм. Сергеев уехал в Батум, чтобы оттуда связаться с Деникиным, а корабли стали входить в порт, их обманули. За-

явили, что лица, подписавшие договор, не имели на это официальных полномочий, и потребовали безоговорочной сдачи. Возмущенная флотилия вышла в море и взяла курс на Персию. Бросила якоря в Энзели, где стояли англичане, и попросили у них убежища. Британцы, курс правительства которых уже менялся, осложнений с Совдепией не хотели и предложили флотилии считаться интернированной, сняв замки орудий и части машин. Терцы и войска Северокавказской группы ген. Эрдели, отрезанные от основных сил, в середине марта отступили к Владикавказу. Отсюда белые части, насчитывавшие 7 тыс. бойцов и около 5 тыс. беженцев, по Военно-Грузинской дороге двинулись в Грузию, где были разоружены. И войска, и беженцев интернировали в лагерях близ Поты, в болотистой, малярийной местности.

Попутно с белыми большевики избавлялись и от их вчерашних «друзей». В ходе наступления 11-й армии была ликвидирована шариатская монархия Узун-Хаджи. Его 70-тысячная армия распалась. Часть войск из коммунистов и бывших красноармейцев во главе с Гикало, а также затянутые ими «левые шариатисты» перешли к красным. Другие, уставшие от «священной войны», расходились по домам — джихад был объявлен против белых, и, следовательно, завершился. Да и весна наступала — пора сеять, перегонять скот на горные пастбища. Оставшиеся верными войска очутились в непонятном положении. Красные вроде еще вчера были союзниками. Войны не объявлялось. Боевых действий не велось. Но и мирным сотрудничеством не пахло. На эмира попросту не обращали внимания, постепенно оттесняя его приверженцев в горы. Наконец Узун-Хаджи перестал противиться этому давлению и ушел в высокогорные районы. Дальнейшая его судьба неизвестна. По неофициальным версиям, он был убит — то ли соперниками, то ли большевистской агентурой. Исчез в неизвестном направлении и авантюрист Нури-паша, так долго гулявший по Кавказу со своими аскерами.

Кубанская армия сосредоточилась в районе Майкопа и Белореченской, прижатая к горам. Отступая, она продолжала расти. Присоединился 4-й Донской корпус, отрезанный от своей армии под Екатеринодаром. Вливались дезертиры и тыловые части, так и не вышедшие в свое время на фронт. Всего собралось около 30 тыс. чел. Плюс столько же беженцев-станичников: женщины, дети, старики. Море телег со спасаемым имуществом. Гнали с собой коров, овец, верблюдов. Вся эта масса двинулась к горным перевалам, на Туапсе. Шел сплошной поток обозов — лишь в голове и хвосте гигантской колонны удалось сосредоточить соединения, сохранявшие остатки боеспособности. Кроме общности движения, никакого единства не существовало. Кубанский атаман, правительство и Рада, отступающие вместе со всеми, заявляли о разрыве с Деникиным и полной самостоятельности. Большинство воинских начальников и некоторая часть войск до сих пор считали себя «добровольцами», принадлежащими к Вооруженным силам Юга России. А основной массе рядовых казаков и беженцев все это было безразлично — они просто спасались от красных. Даже цель пути все представляли по-разному. «Добровольцы» надеялись сесть на пароходы, чтобы ехать в Крым. Правительство предполагало отсидеться в замкнутом районе побережья, перекрыв

перевалы и приморскую дорогу, привести армию в порядок, получить поддержку от «союзных демократий» — Грузии и Черноморской республики «зеленых», — а потом наступать на Кубань, освобождая ее уже под суверенным флагом. А остальные мечтали укрыться в Грузии, которая гостеприимно распахнет им свои объятия.

Но дорога была общая. Кое-как сговариваясь о минимальном взаимодействии, многотысячный поток полз на Туапсе. И у станицы Хадыженской неожиданно столкнулся с Черноморской красной армией. Это туапсинский ревком выполнял свой план, спущенный ему советским командованием, — через горные перевалы нанести Кубани удар с тыла. И двинул 6 батальонов (около 3 тыс. чел.) на Майкоп. Сначала они победоносно маршировали по Кубани, тепло встреченные станичниками — их принимали за «зеленых», т. е. «своих». Но по грабежам скоро поняли, что пришли не «зеленые», а красные, причем красные «еще те», образца 1918 года — каковыми, в сущности, и были большинство туапсинских вояк, попавших в плен в 18-м, потом мобилизованных деникинцами, потом перешедших на службу «зеленой» республике, а потом подчинившихся ревкому.

Казаки стали братья за оружие. А после нескольких стычек вдруг появилась отступающая Кубанская армия. Она была совершенно разложившейся, почти небоеспособной — красные преследовали ее очень малыми силами. Будучи атакованной на открытом месте, она наверняка разбежалась бы. Но армия Черноморского ревкома сама состояла из дезертиров и перебежчиков. Обнаружив катящуюся на нее массу войск, она поспешно отступила и укрепилась на Гойтхском перевале. А тут ее просто-напросто смели — на узкой горной дороге передовые части казаков не могли ни отступить, ни остановиться, сзади напирала обозы, люди, скот...

Ревком и его бегущее воинство 20.03 в панике бросили Туапсе и отошли севернее, в Геленджик. В город хлынули кубанцы, распространяясь по окрестностям — у отступающих не имелось никаких припасов, и главной целью становилось найти продовольствие и фураж в приморских селениях. Деморализованная Черноморская красная армия паниковала и в Геленджике, опасаясь, что кубанцы пойдут следом и раздавят ее. Узнав, что белые эвакуируют Новороссийск, тут же двинулась дальше на север, на соединение с 9-й советской армией. И на середине пути, у Кабардинки, столкнулась с другой деморализованной толпой — несколькими тысячами донцов и добровольцев, не попавших в Новороссийске на корабли и шедших берегом на Туапсе. Здесь большевикам повезло. При первой же стычке белые части замитинговали и рассыпались кто куда. Меньшинство были подобраны с берега миноносцами, большинство ушли в горы или сдались.

Тем временем Кубанская армия потекла на Сочи. Долго оставаться на одном месте она не могла, подъев местные припасы. Ее двигал голод, плач детей на беженских телегах и рев некормленной скотины. «Зеленая» Черноморская республика попыталась не пустить к себе пришельцев, собрав около тысячи человек ополчения и построив укрепления на речке Чухук. Не тут-то было. Обстрел наступающих не останавливал по той же причине — сзади на них давила идущая

масса. «Ополчение» разбежалось. Комитет освобождения Черноморья и все его «правительственные учреждения» в панике оставили Сочи. Только в Гаграх, на грузинской территории, их смогли догнать председатель кубанского правительства Иванес и представители Рады, чтобы объясниться в мире и дружбе. Заключили соглашение о том, что кубанцы не вмешиваются во внутреннюю жизнь Черноморья, признают местное «правительство» и обязуются без его ведома не расквартировывать по городам и селениям своих войск. По условиям перемирия армия прекращала движение на Сочи. Кубанцы просили «заимообразно» помочь им продуктами, обязуясь защищать Черноморскую республику от красных до лучших времен.

Узкая прибрежная полоса была очень бедной в продовольственном отношении — хлебом она пользовалась привозным, а высеваемой крестьянами кукурузы и пшеницы едва хватало для собственного пропитания. Тем более шел март, запасы подобрала зима. И война, прекратившая подвоз из «деникинских» областей, заставлявшая кормить свою «армию». Кубанское правительство, не признававшее теперь «русского» командования, почему-то рассчитывало на то, что продовольствие доставят из Крыма (тоже в этом плане небогатого). Но поскольку военное начальство относилось к крымской власти иначе, постоянно стараясь наладить с ней связь, на какую-то помощь все-таки можно было надеяться. Действительно, транспорт с мукой и зерном в Туапсе пришел... 31 марта. В этот же день красные части, преследующие кубанцев и отставшие от них, через перевалы вышли к Туапсе. И все соглашения с перемириями полетели к чертям. Части и обозы, занимавшие Туапсе, без боя бросили город и начали отступать на юг. По телефону оттуда передали командиру головной дивизии ген. Агоеву, чтобы он немедленно занимал Сочи. На собственное правительство и его политические шаги, а уж тем более на какой-то Комитет освобождения Черноморья 60-тысячной массе, получившей новый толчок сзади, было глубоко плевать.

Деятели Черноморской республики, ее ополчение и большая часть населения ушли в горы, увозя на телегах добро, которое хотели спасти. К 3.04 все побережье до грузинской границы затопила казачья масса. Кубанская Рада, правительство и атаман разместились в Сочи, выпустив обращение, что «никаких завоевательных целей не преследуют». Тут казаки на самом деле получили некоторую передышку. Дело в том, что в 34-й дивизии, преследующей их армию, в результате длительного наступления и тифа осталось всего 3 тыс. чел. Преувеличивая боеспособность бегущих от нее войск, она опасалась двигаться дальше и остановилась в Туапсе, выставив заслоны по р. Чухук. Только никакой пользы кубанцам передышка не дала. Лидеры «зеленых» не желали с ними больше разговаривать. Правительство и Рада повели переговоры с Грузией, но они оставались безрезультатными. Генералы направляли своих курьеров в Батум, чтобы через англичан связаться с Врангелем. А войска и беженцы были заняты одним — поисками пропитания. Опустошали подчистую прибрежные селения, выискивая остатки муки, кукурузы, вылавливая домашнюю птицу. На корм лошадям, верблюдам и коровам обдирали соломенные крыши,

ломали ветви фруктовых деревьев. Выпускали скот на подножный корм в сады и на всходы озимых...

В Крыму тоже не знали, что делать с Кубанской армией. Сведения доходили самые противоречивые — о полном разложении, колебаниях, столкновениях. Получали заявления — то атамана и Рады о разрыве и вражде с Крымом, то ген. Писарева, объединившего в своих руках командование и просившего о вывозе в Крым. Выбор затруднялся целым рядом факторов. Эвакуированные в Евпаторию донские части прибыли туда сильно разложившимися и представляли серьезный «очаг напряженности», никак не могли определиться в своих настроениях. Положение самого Крыма в марте-апреле казалось слишком неопределенным. Возможность его длительной обороны ставилась под сомнение. Многие считали, что красные, подтянув силы с Кавказа, вот-вот ворвутся, и полуостров станет огромной ловушкой. Даже когда Ставка предложила компромиссное решение — эвакуировать с побережья только вооруженных людей, желающих драться, — донское командование воспротивилось и решило пока воздержаться от перевозки в Крым их 4-го корпуса, взвешивая и план кубанцев отсидеться на побережье, а потом наступать, освобождая свой край. Донские лидеры раздумывали, не лучше ли и казачьи части из Евпатории перебросить туда, на Кавказ, чтобы вместе с кубанцами идти к родным станицам, а в случае неудачи сухим путем отступить в Грузию. К всему прочему почти весь апрель Черноморский флот стоял без угля...

А под Сочи наступил настоящий голод. Скот подыхал от бескормицы. Люди ели лошадей, кору, падаль. Кроме тифа, началась холера. Попытки добыть продовольствие в горных селениях кончались неудачно. Ведущие к ним дорожки и тропы были перекрыты отрядами крестьян по 40—60 чел. с пулеметами. Ну а стоявшая в Туапсе 34-я дивизия красных слилась с подошедшей 50-й, доведя численность до 9 тыс. чел., и 30.04 перешла в наступление с целью добить неприятеля. Понеслись отчаянные призывы о спасении — снова в нескольких направлениях. От командования кубанцев — в Крым, от Рады и правительства — в Грузию.

Грузинское правительство пропустить войска и беженцев на свою территорию отказалось, заявив, что оно «не может подвергать молодую Грузинскую республику риску войны с Российским советским правительством». Тогда переговоры повернулись в другую сторону — атаман Букретов через ген. Морозова обратился к большевикам о капитуляции (сам атаман благополучно перебрался за границу). Соответственно разделилась и армия. 3.05 из Крыма прибыли суда для эвакуации. Часть войск, уже откатывающихся от Сочи к Гаграм, погрузилась на них. Из 37 тыс. казаков эвакуировались 12 тыс. Остальные сдались. Правда, по советским данным, число пленных оказалось 40 тыс., но эта цифра явно завышена. Скорее всего для количества приплюсовали и беженцев.

Затем ликвидировали и Черноморскую республику. Ее лидеров вежливо пригласили в Сочи, выделили им лучшую гостиницу — «Гранд-Отель». А в соседнем здании разместился особый отдел. Те, кто был поумнее, сбежали в Грузию. Другие еще верили в возмож-

ность сотрудничества с большевиками или хотя бы в то, что произойдет только смена вывески — мол, разогнав местное правительство, коммунисты объявят выборы в совдеп, куда население изберет тех же людей. Через день за ними приехали из Ростова чекисты... Ну а когда черноморские «зеленые» вздумали так же вольничать, как при Деникине, не признавая никаких властей, красные стали арестовывать семьи ушедших в горы и отправлять на север, конфискуя все имущество. И брать из каждого селения заложников-крестьян, предупреждая, что в случае ухода других они будут расстреляны.

90. ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ ВРАНГЕЛЬ

Когда Врангель принял командование Вооруженными силами Юга России, ему было 42 года. Выходец из петербургской интеллигенции, сын ученого-искусствоведа, он по образованию был инженером. Окончил Горный институт, а потом решил идти на военную службу. Участвовал в русско-японской войне, окончил Академию Генштаба. Мировую войну встретил командиром эскадрона. Потом командовал казачьим полком, Уссурийской дивизией, кавалерийским корпусом. В Белой гвардии выдвинулся в боях за освобождение Кубани и Ставрополя. О дальнейшем его боевом пути в 1918—1920 гг. уже рассказывалось.

Любопытно, что мать Врангеля всю гражданскую войну прожила в Петрограде. Под своей фамилией. В кампаниях террора арестовывали и расстреливали родственников куда менее значительных «контрреволюционеров», а ее каким-то чудом не заметили. Продавала вещи, для пропитания устроилась на советскую службу в городской музей. Голодала. Мерзла. Жила в «уплотненной» квартире с «пролетарским» хамьем, слушая звуки их попоек и нюхая запахи съестного. И терпя их постоянные издевательства — но просто как рядовая «буржуйка», а не мать белого военачальника. Увидев портреты ее сына, тупой председатель домкома лишь приказал «убрать генералов», обещая в случае невыполнения «отправить в чеку». Когда Врангель стал главнокомандующим, друзья ей помогли сменить место жительства, перебраться в беженское общежитие, где она прописалась как «вдова Веронелли». Но на службу продолжала ходить под своей фамилией — в рваном пальто, мужских сапогах с подвязанными веревкой подошвами. Смотрела на многочисленные плакаты, где ее сына изображали толстым бородатым стариком с эполетами и обрушивали на него все «остроумие» красной пропаганды... Лишь в конце октября, используя связи савинковцев, ее разыскали и через контрабандистов устроили побег в Финляндию.

В момент вступления в должность Врангель видел своей основной задачей не борьбу с красными, а то, как «с честью вывести армию из тяжелого положения». Да в общем-то никто из белых начальников в то время не думал о возможности активных действий. После полосы катастроф боеспособность армии многими ставилась под сомнение. Если добровольцы вывезли в Крым свои пулеметы и даже несколько орудий, то значительная часть донцов прибыла вообще без-

оружными. Но это было не главное — поражения тяжело сказались на моральном состоянии войск. Опускались руки, исчезала вера в себя. Кто-то после пережитого «сорвался с нарезки», ударившись в разгул. Шаталась дисциплина. В городах, куда выплеснулись эвакуированные части, нередкими стали проявления стихийной разнузданности, пьянства и хулиганства. В сельской местности по «фронтowej привычке» были случаи грабежей.

Нужно отметить и то, что Врангель прибыл из Константинополя, где слухи о разложении армии ходили крайне преувеличенные, особенно под влиянием беженцев из Новороссийска, куда попало значительное число тыловиков, дезертиров и лиц, поспешивших выйти в отставку. Наконец, тяжелый моральный удар нанес ультиматум Великобритании, требующий «оставить неравную борьбу». Удастся ли удержать Крым — тоже было сомнительно. Дело в том, что полуостров только на карте выглядит неприступным, имея много уязвимых мест. Со стороны Тамани, на Перекопском перешейке, по Чонгарскому полуострову и Арабатской стрелке. Мелководный Сиваш — скорее болото, чем море, и часто бывает проходимым. Если покопаться в истории, то выяснится, что Крым брали все атакующие. Русские в XVIII веке — дважды. Красные и махновцы — весной 19-го. Трижды красные врывались в Крым и в 20-м — в январе, феврале, марте (заглянув вперед, можно добавить, что «с первой попытки» брали Крым и в Великую Отечественную — и немцы, и советские войска).

В качестве базы для возрождения Белого Движения полуостров был тоже неудобен. В отличие от Кубани, Дона, Сибири, где оно возникло, Крым имел ничтожные ресурсы. За счет беженцев, эвакуированных войск и учреждений его население выросло вдвое, достигнув миллиона человек — Крым едва мог прокормить такое количество. Тут не было коней для кавалерии. Значительную часть беженцев составляли женщины, дети, люди непризывного возраста — для формирования крупных контингентов местных людских ресурсов не доставало. В общем, сражаться в одиночку со всей Совдепией Крым не мог. Поэтому Врангелю первым делом пришлось думать, что же делать дальше. О мире с большевиками, разумеется, речи быть не могло. Но оставался еще вариант эвакуации, с помощью союзников перебросить армию на какой-то из еще действующих театров войны — в Польшу, Прибалтику, на Дальний Восток. Или обеспечить благоприятные условия размещения до лучших времен в одной из нейтральных стран — Болгарии, Сербии, добившись через союзников неприкосновенности тех солдат и беженцев, которые пожелают остаться в России...

Но долго раздумывать не пришлось. Дальнейший ход событий определялся сам собой. 4.04 Врангель принял командование, а уже через несколько дней поступили сведения, что красные готовят новый штурм Крыма. Для этого стягивалось большое количество артиллерии, авиации, четыре стрелковых и одна кавалерийская дивизии. В том числе сюда направлялись отборные войска — Латышская дивизия, после боев под Орлом и Курском выведенная в резерв и заново укомплектованная, а также 3-я стрелковая, в значительной мере состоявшая из «интернационалистов» — латышей, венгров и др. Со-

единения были свежими, хорошо вооруженными, полнокровными (штатная численность красной дивизии в то время составляла 15 тыс. чел.).

У Врангеля было около 35 тыс., но реальную боевую силу, кроме пятитысячного корпуса Слащева, державшего перешейки, представлял лишь Добровольческий корпус. Его и пришлось двинуть на усиление обороны. 13.04 латыши на Перекопе опрокинули передовые части Слащева, заняли Турецкий вал и начали продвигаться на юг. 8-я кавдивизия переправилась на Чонгарском направлении. Части Слащева контратаковали. Им удалось остановить противника и повернуть его назад, но латыши, зацепившись за Турецкий вал, стояли прочно, подпитываемые войсками, подходящими к ним с тыла. Обе стороны несли большие потери. Подтягивались, вступая в бой, и части Добровольческого корпуса. Атака следовала за атакой. К вечеру красных все же выбили с Перекопа. На Чонгарском направлении большевиков встретила конница ген. Морозова и после жестокой рубки под Тюп-Джанкюм тоже изгнала прочь.

На следующий день, собрав слащевцев, корниловцев, марковцев, усилив их несколькими броневиками и отрядом конницы, Врангель нанес контрудар. Белые прорвали позиции большевиков, те начали отступать. Однако подошла 8-я кавдивизия, выбитая с Чонгара, и атакой восстановила положение. Снова перешли в наступление пехотные части красных, нацеливаясь на Перекоп. Но теперь их удалось остановить. Желая закрепить успех, Врангель решил осуществить фланговые удары, высадив два десанта.

800 чел. алексеевцев были направлены на кораблях в район Кирилловки — в 60 км восточнее Чонгара, а Дроздовская дивизия — к пос. Хорлы в 20 км западнее Перекопа. Операция не удалась. Силы оказались явно недостаточными. Оба десанта еще до высадки обнаружила красная авиация. 7 самолетов совершили налет на Кирилловку, бомбили десантников, потопили баржу с боеприпасами, а сторожевики, поддерживающие алексеевцев огнем, вынуждены были отойти в море. После чего на десант навалилась вся 46-я (Эстонская) дивизия. Лишь с большими потерями алексеевцам удалось прорваться к Геническу, откуда эвакуироваться под прикрытием корабельной артиллерии. Дроздовская дивизия после двухдневных тяжелых боев под Хорлами тоже пробилась к своим на Перекоп.

Тем не менее красный штурм Крыма был сорван. Советское командование поняло, что переоценило степень разложения белых и их внутренний разброд. Очередное наступление переносилось на май, чтобы перебросить сюда дополнительные контингенты и действовать наверняка. Пока же решили запереть Врангеля на полуострове. Строились линии заграждений, сосредоточивалось большое количество артиллерии, в том числе тяжелой, бронетехники.

Отражение штурма имело важное значение и для белых. Несмотря на понесенные потери, оно подняло общий дух — и армии, и тылов, и населения. Показало, что Крым по крайней мере в состоянии обороняться. К войскам возвращалась вера в себя. Начальники, неверно оценившие настроения подчиненных, теперь воочию увидели, что боеспособность сохранена. Быстро начали приносить плоды и

усилия Врангеля по наведению порядка. Жесткими мерами укреплялась дисциплина — вплоть до военно-полевых судов и расстрелов за грабежи и бесчинства. Нарушители снижались в должностях, разжаловались в рядовые. Упразднялось само название армии — Добровольческая, как несущее в себе элемент стихийности и партизанщины. Вместо него вводилось другое — Русская армия. Не меньший, а возможно, и больший эффект принесло решительное проведение новым главнокомандующим мероприятий по оздоровлению армейского быта, удовлетворению элементарных нужд солдат и офицеров. Войска стали оживать. Нарождался новый духовный подъем, менялся настрой. Врангель был прирожденным лидером и умел зажигать сердца своими выступлениями.

Улучшению обстановки немало способствовали шаги главнокомандующего по ликвидации клубков интриг, отравлявших крымскую атмосферу. Так, в Донском корпусе генералы Сидорин и Кельчевский продолжали мутить воду заявлениями, что «казаков предали» и что добровольцы, захватившие себе при эвакуации все корабли, — любимчики командования, которое держит донцов в черном теле. Настойчиво велся курс на раскол. Сидорин телеграфировал атаману Богаевскому, что решил «вывести Донскую армию из пределов Крыма и того подчинения, в котором она сейчас находится» и требовал его прибытия в Евпаторию «для принятия окончательного решения». Муссировались самые нелепые планы самостоятельно уйти на Дон. Газета «Донской вестник» нагнетала атмосферу. Писала: «Какое нам дело до России?.. Дай бог нам снова вернуться на Дон, очистить его от коммунистической нечисти. Мы ошестинимся штыками и потребуем, чтобы нас оставили в покое». Несмотря на опасения своего окружения о возможных осложнениях и конфликте с казачеством, Врангель отдал Сидорина, Кельчевского и редактора газеты сотника Дю-Шайля под суд. Они были отставлены от должностей и высланы за границу. Командиром корпуса стал генерал Абрамов.

Был выслан и герцог С. Лейхтенбергский с сообщниками, интриговавший в пользу великого князя Николая Николаевича и пытавшийся создать «офицерскую фронду», в основном из флотской молодежи. Крымский епископ Вениамин, лидер крайне правых, хотя и стал протопресвитером армии и флота, но на сближение с ним Врангель не пошел и ясно дал понять, что в «светских делах» вольностей не потерпит. Спросив однажды у некоего храброго полковника, где тот служит, и получив ответ «состою в распоряжении епископа Вениамина», Врангель отдал его под суд как уклоняющегося от службы. Отказ получил Вениамин и на просьбу прицепить свой вагон к поезду главнокомандующего.

Быстро менялась и внешняя обстановка. Британия по-прежнему держала курс на соглашательство с большевиками. Но поскольку Совдепия, опьяненная успехами, встречных шагов делать не спешила и вела себя крайне агрессивно, англичане еще продолжали оказывать помощь Врангелю. Очень ценной стала присылка 12.04 угля. Смогли ожить белогвардейские корабли, стоявшие без топлива. Зато изменилась позиция Франции. Если зимой она поддерживала Ллойд-Джорджа в снятии экономической блокады Совдепии, а потом старалась

согласовывать свои взгляды с британскими, то теперь склонялась к недопустимости каких-либо переговоров с большевиками. Причин было несколько. Во-первых, Франция в поисках континентальных союзников против Германии делала ставку на Польшу и Петлюру, а красные угрожали им. Во-вторых, Париж справедливо опасался, что российских долгов Франция от большевиков не получит. Против соглашений с коммунистами выступали и США. Госсекретарь Лансинг заявил, что борьба против них является «правом и интересом, если только не долгом Соединенных Штатов Америки и других просвещенных наций земного шара...».

А на просторах России и Украины, где после побед коммунисты снова проявили свои нравы, разгорались восстания. Активизировалась Польша. Крым, выходящий из шока, больше не выглядел одиноким перегруженным плотом в готовом захлестнуть его красном море. Рождались новые надежды. Опять появилась возможность создания единого антибольшевистского фронта. И Врангель в приказах по армии говорил теперь о выходе из тяжелого положения «не только с честью, но и с победой».

91. ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ РЕСПУБЛИКА

От Байкала до Тихого океана в 1920 г. царила жуткая мешанина властей, правительств и анархии. И в этой неразберихе разыгрывалась грандиозная трагикомедия — создание Дальневосточной республики (ДВР). Следует подчеркнуть, что все, связанное с ДВР, коммунисты впоследствии предпочли укрыть завесой молчания, а свидетелей, принимавших активное участие в дальневосточных делах, в основном ликвидировали — и «чужих», и «своих». Однако полностью скрыть картину событий в обширном регионе, разумеется, оказалось невозможно, и кое-какие сведения до наших дней все же дошли, позволяя получить хотя бы общее представление о том, что там творилось.

Что же это за таинственная «республика»? Впервые решение о создании на Дальнем Востоке «независимого» и «демократического» государства было принято в ходе антиколчаковского восстания в январе 20 г. на переговорах, происходивших в Томске между представителями РВС 5-й красной армии (понятное дело, согласовывающими каждый шаг с Москвой), Сибревкома и иркутского Политцентра. Чем же руководствовались договаривающиеся стороны? Стремление некоммунистических сил к образованию парламентской республики, свободной от «диктатуры пролетариата», понятно. Согласно резолюции ЦК партии эсеров, создание на демократических началах ДВР позволяло сохранить восток России «как от хищнической оккупации японцев, так и от разрушительного хозяйничанья большевиков».

Но зачем требовалась ДВР большевикам, победоносно продвигающимся по Сибири? Причин было несколько. Если до Иркутска на Транссибирской магистрали располагались чешские войска, разложившиеся и готовые продать кого угодно, то за Байкалом стояли япон-

цы. Столкновение с ними красным ничего хорошего не сулило. Память о русско-японской войне была еще слишком свежа, чтобы пренебречь таким противником. Оставить все как есть и не лезть туда? Но где гарантия, что самим японцам не вздумается двинуть войска западнее? Иное дело, если отделить себя от оккупантов «буфером» демократического вида, наступать на который им будет вроде бы и незачем. К тому же под защитой японцев могли окрепнуть и поднакопить силы белогвардейцы — что опять же грозило как минимум образованием на Дальнем Востоке нового государства, действительно независимого от коммунистов, в то время как ДВР они изначально не собирались выпускать из-под своего влияния.

Имелись и другие причины. Зимой 1919/20 г. Красная армия совершила огромный рывок на восток. Но захваченную ею территорию советской власти еще предстояло «переварить». В результате войны состояние Западной Сибири оказалось ужасным. И колчаковский транспорт, и колчаковское снабжение были разрушены. Эпидемия тифа приняла невиданный размах: в бараках «благополучного» Челябинска лежали 5 тыс. больных, а «неблагополучного» Новониколаевска — 70 тыс. Вымирали целые деревни, расположенные вблизи дорог и зараженные проходящими войсками. А ведь в ближайшем будущем Сибири предстояло познакомиться еще и с подразверсткой, ЧК и прочими прелестями. Если при Колчаке по тайге всюду гуляла партизанщина, то могли ли большевики надеяться, что в ответ на их политику Сибирь не ответит тем же? Для подавления крестьянских выступлений, как и в Центральной России, требовалась полная оккупация края, а у коммунистов в Сибири находилась одна лишь 5-я армия, хоть и многочисленная, но и территорию прикрывающая огромную. И надо было еще с Западной Сибирью справиться, прежде чем соваться на восток. Мощная опора за Байкалом у красных имела — только опора опять на партизанщину, которые еще неизвестно, когда и куда повернут ружья. В общем, можно прийти к выводу, что для установления советской власти во всей Сибири и на Дальнем Востоке у коммунистов зимой 1919/20 г. просто не хватало сил. А с образованием ДВР эта проблема решалась. Земли, лежащие за Байкалом, оставались как бы про запас. Как плод на ветке. Никуда не денется, придет время — и упадет в корзину.

Решение о ДВР открывало и широкие перспективы для переговоров с Западом. Как уже говорилось, политика Антанты в начале 20-го стала меняться в сторону торговли с Россией и «мирного решения» русского вопроса. В сибирской кутерьме иностранцы откровенно увязли и запутались. Им теперь предстояло как-то выбраться из неопределенного положения, в котором они очутились, — военные и дипломатические миссии, неизвестно при ком аккредитованные, войсковые части, непонятно какие функции выполняющие. Теперь союзникам предоставлялся «красивый» выход из игры с сохранением своего политического реноме. Прошлые усилия и затраты как-то оправдывались победой «демократии» в обширном восточном регионе России. И в результате переговоров, закулисно начатых еще при Колчаке, а продолженных после падения его власти, было принято реше-

ние, устраивающее всех, — о выводе иностранных контингентов (тем более что чехословаки нацелились домой без всяких решений).

Запад, прежде ратовавший за «права человека», формально удовлетворился созданием «суверенного парламентского государства». Эсеры, через которых в основном и велись переговоры, по своему обыкновению не особо задумывались о последствиях (в первую очередь — для самих себя), их, как детей, радовал сам факт ухода «интервентов». Ну а большевики лишались соглядатаев, стесняющих их действия своим надзором.

Правда, США, не очень доверявшие сибирской политической конъюнктуре, предусмотрительно развязали руки японцам. 30.01.20 госдепартамент вручил послу Японии в Вашингтоне меморандум, где говорилось: «Американское правительство не будет иметь никаких возражений, если у Японии возникнет решение продолжать одностороннее размещение своих войск в Сибири, или послать подкрепление в случае необходимости, или продолжать оказывать помощь в операциях Транссибирской или Китайской Восточной железнодорожных магистралей». Хотя японцы и выступали конкурентами США в Тихом океане, на данном этапе американцы предпочли иметь соседями этих конкурентов, а не большевиков.

Итак, идея образования ДВР оказалась выгодной для всех сторон, и в первую очередь для коммунистов, заведомо планирующих марионеточный характер нового образования. Но... еще одна особенность ДВР заключается в том, что в «завершенном» виде она почти не существовала. Всю свою короткую историю она организовывалась, как тот легендарный город, который должен погибнуть, едва будет достроен до конца.

Республика находилась еще в задумках, а у нее уже нашлось множество соперников и противников. 31.01 произошел переворот во Владивостоке, в результате которого к власти пришла Земская управа — коалиционное правительство из эсеров, меньшевиков, земцев и коммунистов. Колчаковские войска, расположенные в Приморье, перешли на сторону новой власти. Нашлась и другая вооруженная сила — партизанские соединения Лазо, двинувшиеся в это время на Владивосток. Правда, новоявленные «союзники», бывшие колчаковцы и партизаны, смотрели друг на дружку косо, но присутствие японцев заставляло их держать нейтралитет. Да и вообще японцы не позволяли значительным силам партизан скапливаться во Владивостоке — их главные контингенты оставались в Спасске и Имане (Дальнереченск). Владивостокское правительство было вовсе не против создания демократической «буферной» власти, но считало таковой властью себя; правительств, придуманных где-то еще, знать не желало. Причем местные большевики, вошедшие в органы приморской власти, придерживались той же точки зрения. «Левая», т. е. партизанская часть коммунистов была бы не прочь похерить всякие коалиции и попросту вырезать «буржуев», однако в местном партийном руководстве они оказались в меньшинстве, обстановка складывалась не в их пользу. К тому же — японцы...

Партизаны заняли также Хабаровск, Благовещенск и другие города Приамурья, где образовались свои областные «правительства»,

ревкомы, военно-революционные штабы. Владивостокцев они считали «соглашателями» и, естественно, не признавали. Не признавали и непонятной им ДВР. Просто били тех, кого сами считали своими врагами, и объявляли на занятой территории «советскую власть». Которую строили по своему разумению — вроде совдепов 17—18-го годов.

Наконец, в Чите сидел атаман Семенов, тоже получивший от Колчака «всю полноту военной и гражданской власти на Российской восточной окраине». В начале 20 г. ему пришлось туго, на него навалились с двух сторон. Партизаны Восточно-Забайкальского фронта под командованием Журавлева практически контролировали треугольник между Шилкой, Аргунью и Маньчжурской веткой КВЖД. А с победой большевиков в Иркутске усилился и натиск с запада силами тамошней Восточно-Сибирской советской армии. В руках Семенова оставался юго-восток нынешней Читинской области и часть Бурятии. Возможно, его тогда же и раздавили бы, но в феврале он получил сильное подкрепление — в Забайкалье пришли каппелевцы. С. Н. Войцеховский после попытки взять Иркутск вывел основное их ядро на Верхнеудинск (Улан-Удэ). Отдельно от него, севернее, пробилась за Байкал группа ген. Сукина из оренбургских казаков и сибирских пехотных частей, также принявших имя каппелевцев. Эти войска объединились с семеновскими и были переформированы. Прежние части атамана сводились в 1-й корпус, а каппелевцы — во 2-й и 3-й корпуса Российской восточной окраины. Командующим всей армией стал Войцеховский при главном командовании Семенова. Характеризуя свои цели, Войцеховский выпустил обращение «К населению Забайкалья»:

«В середине февраля в Забайкалье пришли войска, почти два года боровшиеся с большевиками на Волге, Урале и в Сибири. Это рабочие Ижевского и Воткинского заводов, казаки и крестьяне Поволжья, Урала и различных местностей Сибири — Народная армия, поднявшая восстание против советской власти за Учредительное Собрание два года тому назад. За нами с запада к Забайкалью продвигаются советские войска, которые несут с собой коммунизм, комитеты бедноты и гонения на веру в Иисуса Христа. Где утвердилась советская власть, там в каждой деревне небольшая кучка бездельников, образовав комитеты бедноты, получает право отнимать у каждого все, что им захочется. Большевики отвергают Бога — и, заменив Божью любовь ненавистью, вы будете беспощадно истреблять друг друга. Большевики несут к вам заветы ненависти к Христу, новое красное евангелие, изданное в Петрограде коммунистами в 1918 г. В каждой местности, где утверждается советская власть, большевики прежде всего отнимают у крестьян хлеб, производят мобилизацию и гонят в бой ваших сыновей.

К западу от Байкала, в Советской России и Сибири, все время не прекращаются восстания среди крестьян против советской власти, против коммуны из-за хлеба. Спросите наших солдат, и они расскажут вам, что заставило их идти плохо одетыми в суровое зимнее время почти без продовольствия много тысяч верст через всю Сибирь за Байкал, чтобы только не оставаться под властью коммунистов. Я, как командующий войсками в Забайкалье, заявляю вам: противобольше-

вистская Народная армия, пришедшая в Забайкалье с запада, имеет своей задачей не допустить большевиков в Забайкалье, защитить здесь законность и порядок; жизнь и имущество граждан должны быть неприкосновенны и священны...»

Выражалось требование к повстанцам сложить оружие с гарантией жизни и свободы, а также того, что они не будут мобилизованы. Объяснялось, что прекращение военных действий в интересах самого населения. Объявлялся съезд представителей крестьян, казаков и бурят для выборов Законодательного собрания. Говорилось, что «власть и наша армия имеют своей главной задачей защиту интересов крестьянства и казачества, как главной массы населения, и установление твердого порядка, чтобы обеспечить населению свободную жизнь и мирный труд». Вряд ли это обращение могло уговорить разбушевавшуюся стихию. Но каппелевцы были отборными войсками, прошедшими огонь и воду, и первые попытки красных ликвидировать «читинскую пробку» они отбили.

Хотя теоретически создание «демократической» ДВР сулило коммунистам сплошные выгоды, но как только дошло до дела, посыпались проблемы. Изначально, в переговорах с некоммунистическими партиями, предполагалось столицей ДВР сделать Иркутск. Однако в Иркутске установилась советская власть, и большевикам стало жалко отдавать его «демократии». Они принялись мелочно торговаться из-за границ — мол, установить их лучше по Байкалу. До Байкала — РСФСР, а за Байкалом — ДВР. Только за Байкалом располагался Семенов и уходить никуда не собирался. Стали высказывать недоверие и эсеры с меньшевиками, в январе горячо поддержавшие идею парламентской республики. Поведение «партнеров» начало смущать их. Ведь демократическое правительство, казалось, уже было создано — иркутский Политцентр, но большевики почему-то проигнорировали коалицию с ним и разогнали. И в дальнейших шагах по созданию ДВР взяли за правило односторонне диктовать свою волю. Социалистические партии стали осторожнее. Начали вырабатывать политические условия, на которых их партии готовы войти в коалиционное руководство республики. Реакция на это Ленина была весьма своеобразной. 9.03.20 он телеграфировал председателю РВС 5-й армии (практически властителю Сибири) Смирнову: «Никаких условий с эсерами и меньшевиками: либо подчинятся нам без всяких условий, либо будут арестованы». В общем, не пойдешь в правительство — посадим.

Но что появилось заранее у республики, еще не имеющей ни правительства, ни территории, — это армия. Ее ядром стала Восточно-Сибирская советская армия, сформированная иркутским ВРК для отражения каппелевцев. Она состояла из партизан, повстанческих и рабочих дружин, а также бывших колчаковских частей, перешедших в ходе восстания на сторону Политцентра. Подпираемая с тыла 5-й красной армией, хорошо снабжаемая за счет трофеев вооружением, усиленная командным составом, Восточно-Сибирская армия в начале марта потеснила семеновцев, заняв Прибайкалье (в тогдашнем значении — часть Бурятии) с г. Верхнеудинском (Улан-Удэ). Этот штатный в то время городишко и решили сделать столицей ДВР. Тут

была образована Временная земская власть Прибайкалья, состоящая в основном из эсеров и меньшевиков, но с вооруженными силами в руках коммунистов. 11 марта Восточно-Сибирскую армию переименовали в Народно-революционную (НРА). Этот день потом объявили в ДВР праздником, Днем НРА. Первым ее главкомом стал Г. Х. Эйхе. А желание других партий быть представленными в военном совете «своей» армии большевики сразу же решительно отвергли.

Больше всех коммунистическим планам создания «дальневосточного буфера» подгадили приамурские партизаны. Публика это была «еще та». Если сибирские и забайкальские партизаны все-таки состояли из крестьянской вольницы, сохранявшей какие-то свои, крестьянские интересы, то в Приамурье кого только не набралось! И красногвардейцы 18-го, и портовая чернь, и дезертиры 19-го, и сахалинская каторга, весь цвет уголовщины, оказавшийся в Сибири к моменту революции. Конечно, значительную часть партизан составляли и крестьяне. Но в здешних краях они тоже отличались от российских или сибирских. Согласно переселенческой политике царского правительства, земли на Дальнем Востоке предоставлялись крестьянам из густонаселенных губерний России и Украины. Одни приехали давно — вложив массу труда, корчевали тайгу, обзавелись хорошими хозяйствами. Основная же масса переселенцев прибыла сюда после столыпинских реформ, в предвоенные годы, и создать своей прочной хозяйственной базы не успела. Места-то были богатые, но давалось это богатство нелегко. Поэтому так просто эти крестьяне после революции ринулись в бандитизм, им казалось справедливым отобрать землю и имущество у старых поселенцев, «кулаков» и казаков.

К 20-му году весь этот сброд окончательно одичал и озверел в тайге, превратившись в толпы насильников и убийц, достигавшие многих тысяч «бойцов». Правда, в отличие от стихийных сибирских и забайкальских формирований, в Приамурье изначально, еще с 18-го, осуществлялось партийное руководство, и здешние соединения подчинялись областным и районным штабам, но их партийность и управляемость были весьма условными. Царил тот же «большевизм», к которому уголовники охотно примыкали в начале революции. В период крушения колчаковской власти одна орда партизан под руководством Лазо двинулась на Владивосток, вторая — в низовья Амура. Возглавлял ее Я. И. Тряпицын и член Хабаровского Военно-революционного штаба Н. П. Лебедева-Кияшко (ранее была у Лазо начальником штаба и заместителем по работе с уголовниками). Их поход сопровождался поголовным истреблением сельской интеллигенции «за ее пассивность в революции», а заодно всех, кто имел «городской» вид. Целые части и подразделения колчаковцев, сдающиеся партизанам или пытающиеся перейти на их сторону, полностью расстреливались.

В феврале части Тряпицына заняли Николаевск-на-Амуре, где провозгласили образование Дальневосточной Советской республики в составе низовьев Амура, Сахалина, Охотска и Камчатки. Партизанские войска переименовали в Красную армию Николаевского округа, командование которой объявило о борьбе на два фронта — против ДВР и японцев. Сам Тряпицын назначил себя диктатором. Всю «бур-

жуазию» заключили в тюрьму, причислив к ней и мелких рыбаков, и рядовых обывателей. Начались расстрелы и погромы. В Николаевске (как и в других городах Дальнего Востока) была большая иностранная колония, на 15 тыс. жителей — 2,5 тыс. иностранцев, в основном японцев. Русские бежали к ним под защиту, и те не выдавали их партизанам. Тряпицын стал терроризировать и иностранцев. Возмущенный творимыми безобразиями, против него 12.03 выступил небольшой японский отряд. Японцы рассчитывали, что их поддержит и городское население, но ошиблись. Запуганные жители забились по домам. А партизаны в ходе боя не только поголовно уничтожили японцев, но и вырезали целые семьи, грабили жилые кварталы и «попутно» перебили всех арестованных, содержащихся в тюрьме. Тут уж Япония не выдержала и рассвирепела по-настоящему. Высадила дополнительные десанты для защиты своих граждан в Приморье и открыла против партизан боевые действия. В ночь с 4 на 5 апреля разоружили и разогнали части Лазо во Владивостоке, арестовав командование. Атаковали и вышвырнули их из Спасска.

К этому времени образование ДВР вступило в новую фазу. Эсеро-меньшевистскую Временную земскую власть Прибайкалья постепенно «затерли» точно так же, как иркутский Политцентр. Ликвидировали под предлогом реорганизации узкой, областной власти в общерегиональную. 6.04 в Верхнеудинске была принята Декларация независимости ДВР, границы которой объявлялись от Байкала до Тихого океана. Здесь же начало формироваться временное правительство республики — сперва вообще из одних коммунистов. Но таким образом терялась сама идея «буфера», и зарвавшиеся коммунисты сдали назад, уговаривая эсеров с меньшевиками принять несколько второстепенных портфелей. Те долго отнекивались, протестуя против поведения своих партнеров. К тому же коммунисты опять хитрили насчет границ: хотя власть ДВР вроде распространялась на всю восточную окраину, из ее юрисдикции выпала Якутия — поскольку раньше она относилась к Иркутской губернии, то и сейчас ее приплюсовали к Совдепии. Наконец «демократов» все же уломали на коалицию, в результате чего создание правительства растянулось до мая. Председателем его стал коммунист А. М. Краснощеков.

Правда, все эти согласования носили скорее характер формальной игры. Потому что во всех важнейших вопросах политику определяло командование НРА (зависящее, в свою очередь, от командования 5-й армии, получавшего указания из Москвы). На любых совещаниях после выступлений ведомственных или правительственных работников председатель спрашивал мнение представителя НРА, которое и клалось в основу решения. Не забыли в ДВР создать и Госполитохрану (ГПО) — филиал ЧК. Даже сотрудников для работы в ней присылали от Дзержинского. Ну а партия осталась вообще без деления, одна, РКП(б), что в России, что в новой республике. Только для руководства местными делами в марте 20 г. было создано Дальбюро ЦК РКП(б), принявшееся сглаживать противоречия между парторганизациями Забайкалья, Приамурья, Приморья и т. д., подгоняя их к единому «знаменателю».

Параллельно с провозглашением власти ДВР до Тихого океана ее

Народно-революционная армия тоже расширила свой состав, включив в него скопом все партизанские фронты, армии и дивизии, действующие восточнее Байкала. В том числе стали «народоармейцами» и приамурские партизаны, предпочитающие собственную «советскую власть» какой-то там ДВР. Над ними в поте лица трудилось партийное Дальбюро, стараясь ввести в русло общей политики. Ну а японцы, не особо разбираясь, как теперь называются те же самые партизаны, продолжали их бить, и бить крепко. Выбили вон из Хабаровска. Большевистское командование пыталось сопротивляться, построить регулярный фронт — благо сил хватало. Однако 2 мая этот фронт развалился. Один японский батальон разогнал 10-тысячную партизанскую армию. «Народармейцев» охватила паника. Бросая артиллерию, винтовки, обозы, они дрались между собой за паровозы и пароходы, чтобы бежать за Амур. Туда же удирали советские и партийные учреждения, штабы и ревкомы. Разгром партизан от Владивостока до Хабаровска был полным.

На Нижнем Амуре «диктатор» Тряпицын, когда против него развернулось наступление, приказал уничтожить всех, кто не пожелает с ним отступить, в первую очередь японцев. За несколько дней было истреблено почти все население Николаевска, а город предан огню. 22.05, когда подошли японские войска, они застали на месте Николаевска-на-Амуре лишь обгорелые стены нескольких каменных домов. Это послужило поводом для оккупации Японией Северного Сахалина и дальнейших акций против партизан. Впрочем, не желая распылять силы, оккупанты не углублялись в русскую территорию. Но все узловые пункты занимали своими гарнизонами. Интересно, что в 20-е годы советская история партии пыталась свалить ответственность за «николаевскую баню» на японцев, подтасовывая к «зверствам интервентов».

Между государственными образованиями Дальнего Востока отношения в это время устанавливались самые запутанные. Под влиянием каппелевцев началась постепенная демократизация семеновского режима. Да, в общем-то, атаман со своими подручными уже и не мог позволить себе прежних «художеств» — раньше он творил, что хотел, обретаясь в глубоком тылу, за спиной Колчака. А теперь противники давили на него со всех сторон, и приходилось считаться с подвластным населением. Тем не менее репутация Семенова была серьезно подмочена прошлыми выходками. Войцеховского положение в Чите не удовлетворяло, и он через своих представителей повел переговоры с владивостокским коалиционным правительством, считая его для каппелевцев более приемлемым. Переговоры получили огласку. И, поскольку в них участвовали и коммунисты, входившие в состав владивостокской власти, разразился скандал. В конце апреля Войцеховский вынужден был уйти с поста командующего. Армию принял ген. Вержбицкий.

А владивостокские коммунисты, когда японцы обрушились на партизан, попрятались, готовились бежать или уйти в подполье. Но потом увидели, что никто их уничтожать не собирается и что гнев оккупантов направлен только против «народармейцев». Тогда они как ни в чем не бывало продолжили деятельность в правительстве.

При руководящем участии П. М. Никифорова (председателя Дальневосточного крайкома РКП(б) и члена Дальбюро ЦК) летом здесь прошли всеобщие выборы в Народное собрание Дальнего Востока и расширена правительственная коалиция — теперь она включала и буржуазию. Причем большевики во главе с Никифоровым считали это крупным успехом, шагом к созданию «национального противояпонского фронта». Признание Верхнеудинского правительства они считали для себя невозможным и повели летом переговоры с... Семеновым, который представлялся им более приемлемым партнером для коалиции, чем ДВР.

Ну а на ДВР сыпались неудачи. Из Приморья «народармейцев» выкинули японцы, две попытки выбить семеновцев и каппелевцев из Читы тоже кончились поражениями. Тогда ДВР сменила политику на «миролюбивую». Тряпицына, Лебедеву-Кияшко и других главных виновников приамурских бесчинств быстренько расстреляли и вступили в переговоры с японцами об их выводе из Забайкалья. При этом гарантировалось прекращение военных действий в данном регионе, свободные выборы в Учредительное Собрание, которое изберет народную власть, приемлемую для всех сторон. Японцев такой вариант вполне устраивал. Торчать в забайкальских степях им не было никакого смысла. Территорию приходилось прикрывать огромную и неспокойную, связь с ней осуществлялась через Китай, полный собственных проблем, а ни малейших выгод они здесь не имели — иное дело под шумок русской смуты зацепиться в компактном, богатом и близком к метрополии Приморье. И 15.07 было заключено соответствующее соглашение. С 25.07 японские войска стали уходить с территории Забайкалья.

92. ПОЛЬСКИЙ ФРОНТ

Весной 1920 г. большевики снова чувствовали себя полными победителями. Все главные противники были разгромлены. Оставалась лишь горстка петлюровцев в районе Каменец-Подольска, несколько тысяч каппелевцев и семеновцев под Читой да армия Врангеля в Крыму. Но эти остатки антибольшевистских войск уже не принимались в серьезный расчет. Требовалось только собрать достаточно сил, чтобы разделаться с ними. Не сегодня, так завтра — какая разница? Тем более коммунисты склонны были верить самым преувеличенным слухам о внутренних раздорах в белом лагере — ведь это отвечало их теориям классового антагонизма и звериной сущности империалистов.

Основные очаги сопротивления пали, и Совдепия, как и прежде, взялась за строительство нового общества по ленинским планам «государства-машины». Какого-либо отхода от политики военного коммунизма в связи с победой ничуть не предусматривалось. 12.10.19 Ленин говорил: «У нас борьба первой ступени перехода к коммунизму с крестьянскими и капиталистическими попытками отстоять (или возродить) товарное производство». И методы остались те же. Текст плаката тех времен гласил: «Железной рукой загоним человечество к счас-

тью!» А Бухарин, теоретик партии, разъяснял: «Принуждение... не ограничивается рамками прежде господствующих классов и близких к ним группировок. Оно в первый период — в других формах — переносится и на самих трудящихся, и на сам правящий класс».

Появилось и кое-что новое. Практика «военного коммунизма» приобретала большой размах. Войска, высвободившиеся после разгрома белых и надеявшиеся разойтись по домам, начали переводить на положение «трудовых армий». Под первую очередь такой реорганизации попали 8-я армия на Северном Кавказе, 3-я Туркестанская дивизия в Семиречье, некоторые соединения на севере. Ремонт и прокладка дорог, а главным образом лесоповал. Назревало снятие экономической блокады, и Совдепия рассчитывала поправить дела за счет экспорта леса. Работа, конечно, бесплатная, за «паек», с сохранением командной системы управления и армейской дисциплиной. Как видим, уже тогда коммунисты решили, что для построения социализма не обойтись без рабского труда и крупных подневольных контингентов рабочей силы. И первым прототипом гулаговской экономики стала эксплуатация красноармейцев.

Кое в чем советская власть сделала и послабления. Например, рядовое казачество из разряда «реакции» все-таки перевели в разряд «трудящихся». Во время прихода красных на Дон, Кубань и Терек массовый геноцид больше не повторился. И разрешили всякие мелочи, вроде ношения лампасов. Зато самих казаков, и сидевших по станицам, и пленных, постарались быстренько подгрести мобилизациями в армию и направить подальше от дома. Были и вообще удивительные акты: 17.01.20 вышел декрет, отменяющий расстрелы! А 18.03.20 — постановление ВЦИК, лишаящее ЧК права на внесудебные репрессии! Что же это случилось с большевиками? Да ничего. Сравните даты — постановление Верховного совета Антанты о разрешении товарообмена с Россией было принято 16.01.20. Акция имела чисто пропагандистский характер, рассчитанный на внешний эффект. Большевики помогали западным соглашателям сделать дальнейшие шаги в том же направлении, которым препятствовала кровавая слава Совдепии. С практической же точки зрения никакого значения это не имело, расстреливали не меньше, чем ранее. Накануне публикации «гуманных актов» ЧК произвела массовые «чистки» своих тюрем, перебив накопившихся в них «контрреволюционеров». К тому же декреты имели кучу оговорок — они не касались прифронтовой полосы и действовали «при условии прекращения Антантой помощи белогвардейцам». Да и проводить в жизнь эти решения, похоже, никто не собирался. Первое время еще стеснялись, вывозили обреченных в города, относящиеся к прифронтовой полосе, или объявляли о самоубийствах. А потом и вовсе начхали на формальности...

Как только рухнул щит деникинских армий, пришел черед и «суверенных государств», два года прикрытых им и считавших своим долгом всячески напакостить белогвардейцам. Чтобы соблюсти международный декорум, был разработан четкий сценарий, который коммунисты уже опробовали при вторжениях в Прибалтику и завоевании Хивы. Операцией руководили Киров и Орджоникидзе. 11-я армия сосредоточилась в районе Дербента. 27 апреля в Баку вспыхнуло «во-

оруженное восстание». Чье, какими силами — история умалчивает. Главное, что оно провозгласило «правительство», которое, естественно, обратилось за помощью к РСФСР. Той же ночью отряд из 4 бронепоездов с десантом на всех парах рванул в Азербайджан. Перед рекой Самур, станциями Ялама, Худат делались остановки. Высаженные десантники, обойдя станции, резали телефонные и телеграфные провода. Бронепоезда неслись неожиданными, и уже в 4 часа 28.04 ворвались в Баку, где о войне еще никто не подозревал. А следом шли эшелоны с пехотой. В результате однодневного «блицкрига» Азербайджан стал советским.

Красные войска потекли к границам Грузии и Армении. Попутно прихлопнули «Ленкоранскую республику» русских крестьян-староверов. Тут большевики серьезно напортили сами себе — они настолько обнаглели, что вторглись в Персию. Высадились в порту Энзели на южном берегу Каспия и двинулись в глубь страны, на Решт, намереваясь раздуть в Персии «пожар революции». Стоявшие здесь английские войска бежали без боя, хотя численно намного превосходили красных. Могли бы оказать сопротивление эвакуированные сюда белогвардейцы, но они были разоружены и тоже отступали вместе с британцами. В Баку коммунисты созвали Конгресс народов Востока, на который насобирали деятелей самого различного толка — социалистического, национального, панисламистского, пантюркистского, вроде бывшего премьера Турции Энвера, лишь бы были «антиимпериалистическими» и соглашались сотрудничать с советской властью... К этому времени Ллойд-Джордж уже очень близко склонил британские правительственные и парламентские круги к полному признанию Совдепии, доказывая выгоды торговли с ней и ее безобидность для мирового сообщества. Теперь же Англия резко насторожилась. Ее мало занимал какой-то там Крым, но большевики лезли в зоны традиционных «британских интересов», создавали угрозу взрывоопасной ситуации на Востоке, оказались в нежелательной близости от Индии. И дальнейшие шаги навстречу Москве Лондон затормозил.

На Украине красные тоже чувствовали себя абсолютными победителями. Польский фронт сохранял пассивность с редкими перестрелками и стычками, когда какому-нибудь поднапившемуся поручику ударяла в голову шляхетская удаль и он бросался со своим эскадроном штурмовать соседнюю деревню. Евреи прифронтовых местечек всю подрабатывали контрабандой, при случае переправляли за плату и беженцев. Повстанческие соединения, разрушившие тыл Добровольческой армии, были благополучно разоружены. Лидеров или арестовывали, или переманивали к себе на службу, благоразумно отсылая подальше от родных краев. Начали интенсивно разоружать крестьян. Как это происходило, рассказывает в своих мемуарах советский генерал Григоренко. В село приезжал отряд, брал наугад 7 заложников и давал 24 часа для сдачи оружия. Через сутки шли с повальным обыском. Найдя где-нибудь обрез (возможно, подброшенный нарочно), заложников расстреливали, отбирали новую семерку и давали еще 24 часа. Григоренко пишет, что чекист, руководивший у них операцией, ни в одном селе не расстреливал меньше трех партий. Плюс навалилась продразверстка. 19-й год, когда Украина

была под белыми, посчитали в качестве «недоимки», и теперь усиленно выколачивали из крестьян «долги».

И Украина опять запылала восстаниями. Снова против красных загуляли отряды различных атаманов. В Тульчине — Лыхо, в Звенигороде — Грызло, под Житомиром — Мордалевич, у Казатина — Маруся Соколовская, возле Винницы — Волынец, у Литина — Шепель, возле Умани — Гулый, в Христиновке — Полищук, под Балтой — Заболотный. Ну а на Екатеринославщине, понятное дело, Махно. Пленные галицийские стрелки содержались в лагерях под Винницей. В середине апреля они взбунтовались. Точную причину мне ни в одном источнике найти не удалось, но уж наверняка восстали не от хорошей жизни. Подавить их оказалось посложнее, чем крестьянские выступления, — все же это были опытные солдаты, в большинстве прошедшие выучку австрийской армии и мировой войны. Наоборот, восстание галицийцев активизировало местные бунты, с ним связывались украинские атаманы.

Чтобы погасить новый очаг пожара в тылу, направлялись части 14-й армии, фронтовые резервы. Момент для Польши сложился исключительно благоприятный. Не пожелавшая объединить усилия с Деникиным, она 21 апреля заключила договор с Петлюрой, согласно которому утверждалась граница 1772 года. За Польшей оставалась Волынь (ранее входившая в число спорных областей). Петлюра также отказывался от прежнего союза с Галицией, признавая ее польской территорией. В военных операциях против советской власти украинские войска должны были действовать по указаниям польского главного командования, которое обязалось снабжать их оружием и экипировкой. К союзу примкнул и командующий «Повстанческой армией» атаман Тютюнник, прежде действовавший самостоятельно, а теперь признавший над собой главенство Петлюры, присвоившего ему чин генерал-хорунжего. Находящийся в эмиграции Петрушевич, президент поглощенной Пилсудским Западно-Украинской Народной республики, заявил, что галицийцы не должны вмешиваться в драку поляков с большевиками. И галицийские части отошли с фронта.

25.04 польско-украинские войска перешли в наступление. Всего против Совдепии у Пилсудского было около 200 тыс. штыков и сабель. Из них на Украину он двинул около 60 тыс. На других участках активных действий не предпринималось. В Белоруссии фронт остался по Березине — идти на «русские» земли в планы поляков не входило. К тому же польские военачальники воевали по планам классической стратегии, не допускающей одновременного наступления «во все стороны», как это приходилось делать белым генералам. На белорусско-литовских участках лишь укреплялась оборона.

Действия на Украине сразу взломали красный фронт. На ударных направлениях наступали познанские стрелки — части из поляков, прежде служивших в немецкой армии. Другими отборными войсками были «галлерчики» — дивизии, сформированные во Франции из пленных. На вспомогательных направлениях оперировали петлюровцы, соединения из русской и австрийской частей Польши. Противостояли им 12-я и 14-я армии красных численностью 65 тыс. чел. Подвергшись удару, с разрушенным восстаниями тылом, они в панике по-

бежали, почти не принимая боя. Всего за 10 дней с начала операции поляки продвинулись на 200 км и более. 6 мая части их 3-й армии, нанеся тяжелое поражение 7-й советской дивизии, заняли Киев. Выбив красных из Дарницы, они захватили небольшой плацдарм на левом берегу Днепра. На Днепре поляки и остановились. По тем же классическим военным правилам следовало закрепить занятую территорию, подтянуть тылы. Да и вообще решить вопрос о дальнейших действиях с точки зрения варшавской политики. На южном фланге наступала конница Тютюнника, заняв г. Балту, а затем соединившись с галицийским кавалерийским полком Шепаровича, она взяла г. Вознесенск, угрожая Одессе и Николаеву. А судьба галицийских повстанцев, которые соединились не с тютюнниковцами, а с поляками, была иной. Они просто поменяли один плен на другой. Сторонники независимой Западной Украины были Пилсудскому не нужны, поэтому их разоружили и вывезли в лагеря под Гданьском.

В связи с советско-польской войной любопытна история с «нотой Керзона». В советской литературе часто отмечалось, что империалисты 12.07.20 этим актом дипломатического вмешательства пытались спасти Польшу от разгрома и лишить Красную армию заслуженных побед. При этом чаще всего умалчивалось, что «нота Керзона» было несколько. Переменив русскую политику от антибольшевистской на «миротворческую», Британия обращалась с предложениями о прекращении гражданской войны 1.04, 11.04, 17.04. Поскольку красные находились на гребне побед, они отвечали общими миролюбивыми фразами и форсировали военные операции, надеясь вот-вот покончить с последними очагами белого сопротивления. А следующей была нота не от 12.07, на которую любили ссылаться советские историки, а от 4 мая, когда польские войска подходили к Киеву.

Лорд Керзон, обещая посредничество Англии, предлагал следующие условия мира: граница России и Польши устанавливается по так называемой «линии Керзона» (она не очень отличалась от польско-советской границы, установленной после Великой Отечественной войны); Советская Россия прекращает наступление на Кавказе. Грузия и Армения остаются суверенными государствами; Советская Россия прекращает войну против Врангеля. Вопрос о Крыме решается путем переговоров с Врангелем, вплоть до почетной сдачи Крыма, свободного выезда всех желающих за границу и непреследования остающихся.

И большевики немедленно ответили согласием. Еще бы не ответить, если Польша громит их в пух и прах! А если на Москву двинется? Ну а насчет переговоров с Врангелем Чичерин предложил хитрый «дипломатический» ход — поставить условием переговоров участие в них английского офицера. На такое, считал он, сам Врангель никогда не согласится. (Тут Чичерин, конечно, перестраховался, Врангель в любом случае вести переговоры с большевиками не стал бы). Сразу в день получения по радио ноты Керзона Чичерин писал Ленину: «Пойти на амнистию Врангелю и на приостановление дальнейшего продвижения на Кавказе, где мы все ценное уже захватили, можно не медлить ни минуты. Предложение вести непосредственные переговоры с Врангелем при участии английского офицера покоробит всякого ис-

тинного белогвардейца». Итак, если в публичных речах коммунистические лидеры клеймили белогвардейцев лакеями Антанты, то на самом деле они знали, что это далеко не так. И что предложение (высказанное большевиками!) решать русские вопросы «непосредственными» переговорами при участии англичан прозвучит оскорбительно для них. Настолько хорошо знали, что делали на это ставку в политической игре. В тот же день, 4.05.20 Ленин писал Троцкому: «По-моему, Чичерин прав, тотчас ответив согласием на 1) приостановление военных действий а) в Крыму и б) на Кавказе и 2) на переговоры об очищении Крыма на принципе (не более) общей амнистии белых и 3) участия английского офицера в переговорах с Врангелем». Как видим, мысль об амнистии белогвардейцам допускалась только «на принципе, не более».

И тот же день полетела телеграмма Орджоникидзе: «ЦК обязывает вас отвести части из пределов Грузии и воздержаться от наступления на Грузию». Видимо, из-за этого решения и с Арменией наклад-ка получилась. Как раз в мае там какие-то «трудящиеся» тоже подняли восстание против национального правительства. А Красная армия почему-то в этот раз к ним на помощь не пришла. И восстание почему-то быстро подавили, хотя в других республиках (да и в Армении позднее) подобные выступления имели обыкновение побеждать и провозглашать советскую власть за несколько часов до прихода советских войск. Похоже, наступление отменили, а дать отбой «трудящимся» не успели или забыли. Нехорошо получилось...

Польше и Петлюре британское вмешательство сослужило плохую службу. Для передышки после взятия Киева, кроме военных, появились и политические причины. Ведь вслед за прекращением наступления на Кавказ, что большевики исполнили, вслед за прекращением натиска на Врангеля, что они вынуждены были сделать, оглядываясь на запад, должны были начаться переговоры о мире при посредничестве англичан. Имело ли смысл предпринимать новые операции? Хотя только ими поляки могли бы предотвратить надвигающуюся угрозу.

Тем временем Совдепия поднимала против них все, что можно. Коммунисты, партия без роду без племени, гордившиеся своим космополитизмом, превратились вдруг в ярых патриотов. На вооружение брались понятия, еще вчера оплевываемые и считавшиеся ругательными — Россия, русский народ, патриотизм. Под этим флагом обрабатывались видные военачальники, например Брусилов. Сам по себе 70-летний генерал, державший «нейтралитет» во время гражданской войны, большевикам был не нужен. Давать ему войска никто не собирался. Требовалось его имя. Ему придумали почетную должность инспектора (т. е. командующего) кавалерией РККА. Ну какой кавалерией он смог бы из Москвы командовать? Даже формирование новых частей шло мимо него в степных местах. Старику дали высокий, но совершенно никчемный пост. И предложили обратиться с воззванием к офицерам: забыть внутренние распри и защитить «матушку Россию». (В малоизвестной части мемуаров, опубликованной лишь много лет спустя после смерти, Брусилов признавался, что, принимая назначение и подписывая воззвание, имел еще одну, тайную цель —

путем притока патриотов вызвать перерождение «красной» армии в «русскую», которая потом спасет страну и от большевиков). Вместе с Брусиловым воззвание к «боевым товарищам» подписали другие известные генералы — Поливанов, Зайончковский, Парский, Гутор, Клембовский и др.

И тысячи офицеров, доселе «нейтральных», уклонявшихся от призыва, действительно пошли на призывные пункты. Одни — отреагировав на знакомые фамилии, другие — из чувства патриотизма, третьи, лишенные средств к существованию, просто получили моральное оправдание для вступления в Красную армию — их звали воевать с внешним врагом, а не с бывшими сослуживцами. Под тем же соусом привлекали бывших белогвардейцев из числа пленных. Им фактически предлагали бороться все за ту же Великую и Неделимую. Многим пленным война с Польшей спасла жизнь. Точнее — отсрочила время расправы. Воззвания к другому контингенту, рабочим и крестьянам, выпускал Троцкий, провозглашая «Вор в доме!».

Передышка позволила разгромленным фронтовым частям прийти в себя, оправиться от паники, восполнить потери. За месяц с начала кампании красные силы, действующие против Польши, неизмеримо возросли. Сюда перебрасывались самые боеспособные соединения из Сибири, с Урала, ликвидированных и еще действующих фронтов. В частности, с Северного Кавказа шла 1-я Конармия, значительно пополненная мобилизованными казаками, с Перекопа снималась 8-я кавдивизия, в состав 12-й армии вошла 25-я Чапаевская дивизия... Времени оказалось достаточно, чтобы основная сила Красной армии переместилась на запад. Ударный, Западный фронт Тухачевского насчитывал пять армий. Юго-Западный имел против поляков две общевойсковых и одну конную (еще одна, 13-я, оставалась под Перекопом). А для борьбы с Махно и прочими повстанцами существовала дополнительная крупная армия — фронтовые войска ВОХР численностью свыше 50 тыс. чел., снабженные звеном самолетов и бронеотрядами. Командовал ими лично Дзержинский. Раз планировалось вторжение в Польшу (естественно, с установлением там советской власти), он был введен в состав РВС Юго-Западного фронта, чтобы в нужный момент оказаться в новом польском правительстве.

Современники вспоминают, что Дзержинский в эти дни был очень нервным, взвинченным и весьма болезненно реагировал на вопросы о его здоровье. «Скажите, кто вам наврал о состоянии моего здоровья и перегрузке работой?» — кипятился он в ответ на обычный вопрос при встрече: «Как здоровье?» Ему всюду мерещились недоброжелатели, пытающиеся спровадить его на лечение накануне дележки польской власти. Заняв пост начальника тыла фронта, он издал приказ по подчиненным ему войскам, запрещающий «удовлетворяться исключением банд из боя» и требующий «вести войну на уничтожение».

27 мая Западный и Юго-Западный фронты перешли в общее наступление. Войска Тухачевского поначалу не имели успеха, завязнув в лобовых боях с польскими и литовскими частями. Зато на Юго-Западном 1-я Конармия нанесла мощный удар в стык между киевской

группировкой поляков и польско-петлюровской группировкой, действующей против Одессы. С юга ее поддерживала группа Якира из 45-й и 47-й дивизий, бригады Котовского и кораблей Днепровской флотилии. За три дня боев буденновцы потеснили противника на 100 км. Затем остановились, подтягивая резервы и собираясь в кулак, а 5 июня внезапно прорвали фронт и вышли на оперативный простор.

Поляки пытались остановить Конармию, собрав у села Зарудницы свои резервы с 5 танками. Но она просто обошла эту группировку стороной. Вдогон ей бросили кавалерийскую дивизию ген. Корнецкого. Поздно... И латать дыру во фронте, чем занялось польское командование, тоже было поздно. Буденный нанес двойной удар — на Житомир и Бердичев. 7.06 его 4-я кавдивизия ворвалась в Житомир, где располагался польский штаб фронта, и разгромила его, нарушив управление войсками, связь и сея панику. А 11-я кавдивизия, взяв Бердичев, взорвала базу боепитания фронта — около миллиона снарядов. Город при этом оказался практически стерт с лица земли, но польская артиллерия осталась без боеприпасов. Буденновцы перерезали железную дорогу Киев — Винница. Одновременно пошла вперед 12-я красная армия. Ее 7-я дивизия атаковала киевскую группировку в лоб, штурмуя Дарницкий плацдарм, а 25-я с Башкирской кавбригадой, переправившись через Днепр севернее, перерезала другую железную дорогу, Киев — Коростень, отрезая еще один путь к отступлению. Поляки оставили столицу Украины и начали поспешный отход на запад...

93. ПРОРЫВ ИЗ КРЫМА

Правые круги, рассчитывавшие с приходом нового главнокомандующего на крутую перемену политического курса, ошиблись. Врангель проводил ту же политику, что и Деникин, — и во внешней, и во внутренней областях. Отличия были лишь в исполнении — что-то удалось лучше, что-то хуже. Вскоре после вступления в должность в беседе с журналистами Врангель заявил: «Политика будет внепартийной. Я должен объединить все народные силы. Значительно будет упрощено мною управление страны, а сотрудники будут выбираться не из людей партий, а из людей дела. Не будет разделения на монархистов и республиканцев, а приниматься будут во внимание лишь знание и труд». Форма правления осталась прежней. На уступки иностранцам, видевшим спасение ото всех бед в «демократии» по западному образцу, Врангель не пошел. В его приказе об управлении от 11.04 говорилось: «Правитель и главнокомандующий Вооруженных сил на Юге России объемлет всю полноту военной и гражданской власти без всяких ограничений». При главнокомандующем было создано правительство во главе с А. В. Кривошеиным, в прошлом одним из ближайших друзей и соратников Столыпина. Состав правительства был в основном кадетским, т. е. держался средней, «умеренной» линии.

В области внешней политики одним из первых шагов Врангеля стало отклонение британского ультиматума о мире с большевиками. И в мае британское правительство сделало официальное заявление об отказе от поддержки белогвардейцев. Но одновременно активизи-

ровалась помощь Франции. Ее министерство иностранных дел уведомило Кривошеина, что «французское правительство признает все значение русской территории — последнего убежища русских националистов. Доколе ген. Врангель не получит гарантий, обеспечивающих его войска, мы приложим усилия для снабжения его продовольствием и материалами для защиты от наступления большевиков, и наш черноморский флот будет препятствовать высадке противника на побережье Крыма. Наконец, в случае невозможности продолжения борьбы, мы будем способствовать эвакуации полуострова». Дело было, конечно, не в особой любви французов к Врангелю, а в их покровительстве Польше. Белые выступали ее естественным союзником, способным оказать реальную поддержку. Глава французской миссии ген. Манжен взял на себя координацию действий войск Пилсудского и Врангеля (которая, впрочем, оказалась весьма условной). Главнокомандующий тоже стоял за прочный союз с Польшей. Но, как и Деникин, отказался выдавать ей территориальные и политические авансы. Французам он заявил, что «готов к соглашению чисто военного характера, не затрагивая до конца борьбы никаких щекотливых политических вопросов». Правда, формальный договор так и не был заключен. Линия Варшавы в «русском вопросе» оставалась уклончивой. Серьезных контактов с белой Россией Пилсудский всячески избегал. Если французскую, британскую, американскую миссии при Врангеле возглавляли генералы и адмиралы, то польскую — поручик. Лишь в июле-августе, оказавшись в катастрофическом положении, Пилсудский начал предпринимать реальные шаги к сотрудничеству.

Ну а русская политика Франции, как и прежде, отличалась крайним непостоянством. С одной стороны — помощь и поддержка, с другой — надуманные опасения и увязание в мелочах. Например, при попытках представителя Врангеля ген. Лукомского установить в Константинополе радиостанцию для связи с Западом, в первую очередь координации действий с поляками, он получил от командующего Франше д'Эспре категорический запрет. В дальнейшем французы пошли на уступки и согласились... созвать международную комиссию для решения этого вопроса. При Врангеле на юг стала поступать и некоторая помощь США — пулеметы, медикаменты, продовольствие. В условиях англо-французских колебаний Америка начала проводить собственную линию по отношению к белым. Причем, в отличие от европейских государств, ее помощь была совершенно бескорыстной. Никаких «интересов» в данном регионе США в то время не имели.

Что касается внутренней политики, то главным ее шагом стала аграрная реформа. Врангель считал ее краеугольным камнем своей программы, поскольку на земельных проблемах базировалась вся игра большевиков с крестьянством. Его правительством был разработан и принят «Закон о земле», объявленный приказом главнокомандующего от 7.06.20. Указывалось, что «все земельные угодья остаются во владении обрабатывающих их или пользующихся ими хозяев» и что «всякое владение землей сельскохозяйственного пользования, независимо от того, на каком праве оно основано и в чьих руках оно находится, подлежит охране правительственной власти от всякого за-

хвата и насилия». Т. е. за крестьянами закреплялась земля, которую они захватили в ходе революции. Но за участки, отчуждаемые у прежних владельцев, нужно было платить в течение 25 лет ежегодно $1/5$ урожая, среднего за 10 лет в данной местности. Лишь тогда земля переходила в полную собственность. Не говоря уж о том, что плата была куда меньше не только продразверстки, но и «золотого» нэповского продналога, как справедливо подчеркивалось в приказе, при такой методике земля перешла бы «к настоящим хозяевам, а не ко всякому падкому на дармовщину и чуждому земле человеку». Некоторые земли возвращались прежним владельцам: выделенные в отруба и хутора, купленные через Крестьянский банк, опытные хозяйства, занятые ценными культурами и др. Возвращалась и некоторая часть помещичьих — в размерах «прожиточного минимума», который в каждом уезде должен был определяться выборными земельными советами. За остальную землю помещики получали от правительства денежную компенсацию. В общем, это был путь тех же самых столыпинских реформ, направленных на создание крепких и развитых крестьянских хозяйств (что неудивительно, учитывая фигуру Кривошеина во главе кабинета).

Врангель пытался исправить и несовершенства деникинского административного аппарата. Однако начатая им в гражданской области «борьба с канцелярщиной и рутиной» быстро заглохла. Вместо уволенных чиновников приходили другие — такие же. Вместо разогнанных учреждений приходилось создавать новые, куда перетекал тот же персонал. Отметим и то, что сам Врангель смог уделять какое-то внимание гражданским делам лишь два первых, «мирных» месяца своего правления. Дальше стало не до того. Не удалось белым наладить и пропаганду. Деникинский «Осваг» упразднили, но в новом «отделе печати при начальнике гражданского управления» ничего не изменилось. В нем оказались те же или такие же сотрудники — политические деятели, писатели и журналисты, оставшиеся на мели и желающие заработать, а в пропаганде ничего не понимающие. Не разбирающиеся ни в психологии «толпы», ни в формах и методах воздействия на нее. Их неумелые агитационные материалы давали в лучшем случае нулевой результат.

Учитывая, сколько вреда и разброда приносила в деникинский период политическая разногласица в прессе, терпимость к оппозиционным изданиям, в Крыму ввели цензуру. Только неизвестно, чего она больше принесла — пользы или вреда. В Крым, на небольшую территорию, стеклись со всего юга издатели, редакции газет, журналисты. Всем надо было как-то жить. А ресурсы Крыма были ничтожны, и, соответственно, держались высокие цены на бумагу, краску, типографские услуги. Учитывая еще и ограниченное число подписчиков, шанс на существование имели только официозные или полуофициозные дотационные издания. В погоне за этими дотациями газеты принялись соревноваться в ура-патриотизме, стараясь перещеголять друг дружку и обойти в получении льгот — субсидий, бесплатных материалов или гарантированных подписчиков — воинских частей и гражданских учреждений. Ну а после введения цензуры большинство крымских изданий вообще скатилось к «шапкозакидательству» и откровенной лести в адрес «верхов». Тем более что министер-

ство внутренних дел сумело набрать таких дубовых цензоров, которые ухитрились делать купюры даже в высказываниях министров и публикуемых текстах речей... самого Врангеля. В итоге крымская общественность так до конца и не узнала ни о нуждах фронта, ни о его трудностях.

Новый главнокомандующий реорганизовал и контрразведку. О ней вообще стоит сделать отступление. В условиях гражданской войны, в атмосфере, насыщенной красным шпионажем, большевистскими подпольями, изменой, заговорами, контрразведывательные органы чрезвычайно расплодились. Их старались создавать у себя не только высшие штабы, но и губернаторы, правительства, даже отдельные воинские части и гражданские учреждения. Но картины ужасов белой контрразведки, широко представленные в советской литературе и кино, не соответствуют действительности. Скорее они перенесены из практики ЧК. Собственных тюрем и «застенков» контрразведка не имела, находясь в подчинении соответствующего штаба. Правом внесудебных расправ, в отличие от ЧК, не обладала. В ее прерогативы входило лишь предварительное дознание и арест — участь арестованных определял суд. Несмотря на размах, белая контрразведка была не «ужасной и всемогущей», как обычно ее представляют, а жалкой и беспомощной. Отношение русской интеллигенции к «сыску» было традиционно-презрительным, поэтому шел туда худший элемент. Лица, старающиеся держаться подальше от фронта, а то и проходимцы, поскольку деятельность открывала широкое поле для разных махинаций. По назначению попадали и фронтовики после ранения, но, как правило, старались уйти в другое место. В любом варианте личный состав в следственно-розыскной работе оказывался абсолютно некомпетентен, зато часто контрразведки становились очагами взяточничества и спекуляции. И излюбленным прибежищем красных агентов. Из-за дефицита желающих служить там большевикам удавалось проталкивать своих людей в контрразведку сплошь и рядом. А место было удобным — близость к штабам, доступ к секретным сведениям, бесконтрольность. Плюс возможность «белыми» руками разделаться с конкурентами — эсерами, меньшевиками, лидерами «зеленых».

Эта болезнь являлась общей для всех белых фронтов. Историк Томского университета З. Диль, участвовавший в расследовании убийства царской семьи, вспоминает, что в Екатеринбургскую контрразведку вход был свободным, без всякой охраны. А в здании — «чья-то оставленная контора, двери настежь, всякий желающий мог приходить и видеть или слышать, что там происходило. Охраны, тайны или конспиративности я не заметил». Впоследствии у большевистского подполья Екатеринбурга нашли полный список контрразведчиков. А Томская контрразведка перехваченные секретные письма на немецком языке посылала в университет — с просьбой перевести. Военный министр Колчака ген. Будберг называл свою контрразведку «слабенькой» и «гнилой». О слабости этого учреждения пишут в своих мемуарах и Деникин, и председатель его правительства Лукомский. Для оздоровления и профессионализации контрразведки штаб предлагал Деникину привлечь на службу бывших сотрудников жандармского корпуса. Но, учитывая непопулярность жандармов в России и

одиозность в глазах общественности, Деникин на это не пошел — опасаясь дать очередное мощное оружие красной пропаганде.

Врангель на такую меру решился. Начальником особого отдела его штаба и помощником начальника гражданского управления стал ген. Климович, бывший директор департамента полиции. И действительно, эффективность работы контрразведки заметно повысилась. Был раскрыт зреющий заговор на флоте, раскрыта организация в Керчи, передававшая на Тамань разведданные и готовившая восстание. 22.04 арестовали собрание Симферопольского горкома РКП(б) и комсомола. 14.06 — руководителей ялтинской организации. 7.05 в Коктебеле разгромили областную партийную конференцию коммунистов, хотя многим ее делегатам удалось скрыться. Провалились и организации в Севастополе, Феодосии. Один из вычисленных большевистских эмиссаров оказался официантом в поезде главнокомандующего. Коммунисты не зря завопили о «врангелевском терроре», превосходящем «даже деникинский». Климович, подобрав себе толковых сотрудников и действуя испытанными жандармскими методами (в основном вербовкой провокаторов), все-таки сумел мало-мальски подчистить Крым от наводнявших его агентов и большевистского подполья.

В целом политическая программа Врангеля была изложена в его воззвании от 2.06.20 г.: «Слушайте, русские люди, за что мы боремся: За поруганную веру и оскорбленные ее святыни. За освобождение русского народа от ига коммунистов, бродяг и каторжников, вконец разоривших Святую Русь. За прекращение междоусобной брани. За то, чтобы крестьянин, приобретая в собственность обрабатываемую им землю, занялся бы мирным трудом. За то, чтобы истинная свобода и право царили на Руси. За то, чтобы Русский народ сам выбрал себе Хозяина. Помогите мне, русские люди, спасти родину. Генерал Врангель».

Правда, слово «Хозяин» вызвало много толков, взволновало левые круги и взбудоражило правые, как заведомый курс на монархию. Но Врангель в последующих выступлениях разъяснил это толкование, как понятие о всенародной выборной власти. Сам он по убеждениям был монархистом. Однако в целях поддержания единства считал важным сохранять принцип непредреждения государственного устройства. Он говорил: «Мы боремся за Отечество, народ сам решит, какой быть России».

Как же реально жилось при Врангеле? Ген. Данилов, вынужденный служить в Красной армии, потом писал: «Летом 1920 г. Александровск был занят белыми, и рабочие теперь с восторгом вспоминали это время. Они говорили, что они за это время отдохнули от тирании большевиков и даже, к моему удивлению, с большим удовольствием рассказывали о тех приставах и околоточных, которые вновь появились в Александровске при белых. Говорили о той свободе, которая в то время существовала в Александровске, об отсутствии беспричинных арестов и об общем довольстве всех граждан белой властью. Особенно восторженно они отзывались о генерале Врангеле». Аналогичные отзывы Данилов слышал от крестьян и рабочих Крыма. Но в Крыму, вероятно, хвалить Врангеля стали лишь постфактум, в 21-м. А в 20-м, бывало, и недовольство выражали, и бастовали — из-за «го-

лода», «дороговизны», инфляции. Хотя даже перед самым падением Крыма, когда инфляция и дороговизна круто скакнули вверх и цена хлеба достигла 40—50 тыс. руб. за кг, а сала — 120 тыс. руб. за кг, средний *дневной* заработок рабочего составлял 250 тыс. руб. По советским меркам такая жизнь была фантастической роскошью. И голодом в Крыму не пахло. Ну а общий порядок Врангелю в самом деле удалось обеспечить на более высоком уровне, чем Деникину. Правда, это объясняется и гораздо меньшими размерами контролируемой им территории.

В конце апреля — начале мая, когда Польша гнала большевиков до Киева, Врангель был еще не в состоянии начать активные действия. Шла реорганизация армии. Она остро нуждалась в вооружении, особенно артиллерии, пулеметах, бронетехнике, утраченных при эвакуациях. Требовалось дождаться всего этого от союзников, хотя бы в пределах необходимого минимума. Ведь сначала предстояло вырваться из Крыма. Против поляков отсюда сняли только одну кавалерийскую дивизию, а лучшие стрелковые части красных остались на месте, успели после апрельских боев пополниться и понастроить укрепленные позиции, запирающие перешейки. Выйти из Крыма было не менее сложно, чем войти в него. К тому же как раз в этот период завершалась драма в районе Сочи. Вывезенных оттуда изголодавшихся и деморализованных казаков тоже предстояло одеть, вооружить, перестроить в боеспособные части.

Единство с Польшей и нежелание мириться с большевиками достаточно красноречиво подчеркивались демонстрациями, производимыми силами флота — в основном миноносцами, канонерками, сторожевиками, где подобрались отчаянные экипажи из офицеров и юнкеров. Отряд кораблей вошел в Азовское море и 1.05 обстрелял порты Мариуполь, Темрюк, Геническ, 3.05 — Таганрог, 5.05 появился в устье Дона. Под Очаковым дерзко рейдировал миноносец «Жаркий». Нарушал морские перевозки между Одессой, Херсоном и Николаевом, высаживал на берег десантные диверсионные группы, наводившие панику в красных тылах. В неравном бою с советской плавучей батареей «Жаркий» получил серьезные повреждения и на время вышел из строя.

Параллельно шла огромная работа по реорганизации армии. В ее состав теперь входили: 1-й корпус ген. Кутепова, Корниловская, Марковская, Дроздовская пехотные и две кавалерийские дивизии (вскоре их свели в самостоятельный корпус ген. Барбовича); 2-й корпус Слащева — 13-я и 34-я дивизии, Терско-Астраханская бригада; Сводный корпус Писарева — 1-я и 3-я Кубанские дивизии, Чеченская бригада; Донской корпус Абрамова — 1-й и 2-й Донские кавалерийские и 3-я Донская пехотная дивизии (название «кавалерийские» оставалось чисто условным, казаки прибыли в Крым безлошадными, и обеспечить их здесь конями не представлялось возможным). Для пополнения частей объявлялась мобилизация лиц 1900—1901 гг. рождения.

Рассчитывая на создание единого антибольшевистского фронта, Врангель 13.05 издал приказ, где говорилось: «В случае перехода нашего в наступление, мы на пути к достижению заветной цели — уничтожения коммунизма — можем войти в соприкосновение с повстанческими частями Махно, украинскими войсками и другими противо-

коммунистическими группами. Приказываю: всем начальникам при соприкосновении с указанными выше противобольшевистскими группами сообразовывать свои действия с действиями войск этих групп...» На Турецком валу главнокомандующий приказал вывесить огромный плакат: «Перекоп — ключ к Москве».

К началу июня на Перекопском направлении были сосредоточены корниловцы, дроздовцы и конница Барбовича, на Чонгарском — корпус Писарева и марковцы. Донской корпус оставался в резерве. Всего на фронте у Врангеля было к этому времени около 30 тыс. чел. За несколько дней до наступления он издал приказ № 3326: «Русская армия идет освобождать от красной нечисти родную землю. Я призываю на помощь мне Русский Народ. Мною подписан закон о волостном земстве и восстанавливаются земские учреждения в занимаемых армией областях. Земля казенная и частновладельческая сельскохозяйственного пользования распоряжением самих волостных земств будет передаваться обрабатывающим ее хозяевам. Призываю к защите Родины и мирному труду русских людей и обещаю прощение заблудшим, которые вернутся к нам. Народу — земля и воля в устроении государства! Земле — волею народа поставленный Хозяин! Да благословит нас Бог!»

Операция началась 6 июня. Первый удар должен был нанести десант Слащева, высаженный с моря южнее Мелитополя, чтобы перерезать железную дорогу, связывающую красный фронт с тылом и атаковать во фланг большевистские части, прикрывающие перешейки. 2-й корпус был переброшен в Феодосию, где погрузился на суда. Врангелю удалось обеспечить скрытность действий и дезинформировать врага. Распространялись слухи о десанте в районе Одессы. Кроме того, в день высадки была произведена демонстрация в другом месте, группа кораблей с баржами направились в район пос. Хорлы, западнее Перекопа и начала там обстрел побережья. Настоящий десант (около 6 тыс. чел.) вышел в Черное море и ночью под носом у красных, стоящих на Тамани, проскользнул через Керченский пролив в Азовское. Лишь там капитаны кораблей вскрыли пакеты с указанием места высадки, а командиры частей — с указанием своих задач. Утром 6.06 возле села Кирилловки началось десантирование. Красные спешно бросили сюда войска, но явно недостаточные — около 2 тыс. при поддержке 6 самолетов. Слащев опрокинул их и двинулся на Мелитополь.

На следующий день перешли в наступление части на перешейках. Кутепову на Перекопе противостояли Латышская дивизия и 3-я стрелковая, со значительным процентом «интернациональных» и «коммунистических» батальонов. Писареву на Чонгаре — 46-я (эстонская). Стоит еще раз напомнить, что сравнивать количество соединений, как это любили делать советские историки, бессмысленно. Красные дивизии в тот момент примерно соответствовали белым корпусам, а то и превосходили их в 1,5—2 раза. Как выяснилось из захваченных документов, большевики сами намечали через два дня очередной штурм Крыма! И вот-вот ожидался подход новых соединений. Белые встретили мощную оборону с несколькими рядами проволочных заграждений, усиленную артиллерией, в том числе тяжелой. Например, у Чонгарского моста разрывом одного лишь крупнокалиберного

снаряда почти полностью уничтожило роту марковцев. На месте сарая, где она расположилась, образовалась огромная воронка, в которой копошились умирающие. На прорыв укрепленных полос были брошены танки и броневики. Сражение шло жесточайшее. Латыши, установив орудия между домами деревень, превращенных в оборонительные узлы, вели огонь в упор. Каждый шаг давался ценой невероятных усилий. Обе стороны несли огромные потери. Латышская дивизия за один день потеряла 1100 чел. Но серьезный урон был и у белых. Например, в Дроздовской дивизии, тоже за один день, выбыла из строя половина командного состава. Постепенно Кутепову удалось проломить оборону и продвинуться на 10—20 км. Однако к вечеру красные ввели в бой резервы и вновь заставили его отойти почти до самого Перекопа.

На флангах было чуть лучше. На левом после прорыва фронта части противника прижали к морю. На правом — десант Слащева подошел к станции Акимовка, где его остановила стянутая сюда группировка красных с несколькими бронепоездами. В последующие два дня продолжались упорные бои на тех же позициях. Лишь к 9.06 наметился перелом. Слащев сломил сопротивление большевиков под Акимовкой и взял Мелитополь, перерезав железную дорогу Симферополь — Синельниково, главную магистраль, на которую базировалась 13-я советская армия. Но основным силам соединиться со Слащевым все еще не удавалось, он продолжал действовать в отрыве. Более того, 10.06 красные перешли в ранее намечавшееся наступление. К этому времени из резервов к ним подошли 15-я Инзенская стрелковая и 2-я Ставропольская кавалерийская дивизии. Ночью 2-я кавдивизия скрытно прошла в белые тылы и нанесла удар по селу Новоалексеевка, где располагались штаб и некоторые части Чеченской бригады, частично вырубив их, частично взяв в плен вместе с командиром ген. Ревизиным. Спаслись всего 7 чел., в том числе два малолетних сына Ревизиных, которые хотели ехать вместе с увозимым отцом, но были выброшены из автомобиля.

А утром перешли в атаку пехотные полки. Вновь завязались тяжелые встречные сражения. Врангель тоже ввел в бой резервы — Донской корпус. Правда, тут же со всех сторон посыпались жалобы крестьян — казаки, вывезенные в Таврию пешими, усиленно обзаводились лошадьми. Ни меры командиров частей, ни грозные приказы главнокомандующего против таких грабежей не помогали. Зато на фронте быстрое «самостийное» превращение донцов в нормальную кавалерию принесло положительные результаты. Красное наступление захлебнулось, едва начавшись. Прежние части, противостоящие белым, были уже серьезно повыбиты, а ввод в бой двух свежих соединений привел только к местным успехам.

12.06 белые взяли г. Алешки (ныне Цюрупинск) напротив Херсона, выйдя на левый берег Днепра от устья до Каховки. В тот же день начало улучшаться положение на центральном участке фронта, оказавшегося вогнутым, как дуга. Охватываемые с флангов красные, все еще сопротивлявшиеся вблизи крымских перешейков, стали пятиться. Корпус Слащева два дня находился в тяжелом положении. Обложенный с трех сторон, он отбивал от Мелитополя атаки врага. Но потом наконец-то соединился с наступающими главными силами

армии, и совместными усилиями большевики здесь были разбиты. Белые двинулись вперед и на этом направлении.

В освобожденный Мелитополь приехал Врангель, восторженно встреченный толпами населения, высыпавшего на улицы. Хотя, как пишет очевидец, большинство людей еще не верили своему избавлению и боялись даже открыто высказываться, опасаясь возвращения красных. 22.06 в город переехала полевая Ставка главнокомандующего. Наступление все продолжалось. Десантный отряд капитана 1-го ранга Машукова взял Бердянск и соединился с войсками Слащева. На севере фронт остановился у пос. Васильевка, 45 км не дойдя до Александровска (Запорожье).

Операция по выходу из Крыма завершилась. Успехи были значительными. Белые взяли 10 тыс. пленных, 47 орудий. В результате выхода к Днепру войска 13-й красной армии оказались рассеченными на две части — правобережную и левобережную. Была освобождена территория в 300 км по фронту и 150 км в глубину. Сам по себе прорыв в богатую Таврию обеспечивал белогвардейцев продовольствием, конским поголовьем и другими ресурсами. Но многие факторы можно отнести и к неудачам. Русская армия понесла серьезные потери (в корпусе Кутепова выбыла четверть личного состава). А восполнить их было куда сложнее, чем красным. Достичь полного разгрома 13-й армии не удалось. Сильно потрепанная, она устояла, сохранив целостность фронта. На оперативный простор Врангель не вырвался — советское командование все же смогло навязать Русской армии губительную для нее позиционную войну в замкнутом пространстве. И самое главное, поляки уже сдали Киев, откатившись к Случи и Горыни, находились в 200 км от Днепра и в 500 км от белых. Повторилась история 1919 г., когда Врангель наступал на Царицын для соединения с Колчаком.

94. КАХОВКА, КАХОВКА...

После выхода из Крыма Русской армии пришлось сражаться почти без передышек. Еще шло, выдыхаясь, ее наступление в Таврии, а советское командование уже готовило контрудар. Учитывая опыт побед над Деникиным путем прорыва фронта мощными конными группировками, с Северного Кавказа сюда был переброшен 1-й отдельный кавкорпус Жлобы, созданный на базе кавкопуса Думенко. Реорганизованный и пополненный, он представлял из себя грозную силу — 12 тыс. сабель, 6 броневигов, артиллерия. Дополнительно против Врангеля направлялись 52-я (польская) и 40-я стрелковые дивизии, возвращалась из резерва переформированная 42-я. План предусматривал сходящимися ударами отсечь белогвардейцев от крымских перешейков, расчленив и уничтожить в Таврии, не дав уйти в Крым. Для этого с запада должны были наступать Латышская и 52-я дивизии, им предписывалось форсировать Днепр у Каховки и двигаться на Перекоп. С востока наступала ударная группа Жлобы. Кроме своих сил, ему придавались 2-я Ставропольская кавдивизия Дыбенко, 40-я дивизия с двумя конными бригадами, 9 самолетов, броневики, а для закрепления успехов — 42-я дивизия. Этот кулак нацеливался на

Мелитополь, Ставку Врангеля, должен был рассечь Русскую армию на части и выйти в тылы для ее окружения.

28 июня операция началась. В районе станции Токмак группа Жлобы обрушилась на 2-ю Донскую дивизию белых. У села Черниговки произошло редкое сражение броневиков. Белые и красные машины бились между собой тараном. Очевидец пишет: «Машины ударились лоб в лоб, отскочили назад, снова столкнулись, норовя ударить в бок. Яркими брызгами искрилась сталь, яростно дымились выхлопные трубы. Наконец, перевернулся набок один броневик, второй, третий, четвертый вздыбился и запылал. Поле заволело клубами черного дыма». Белые в этом бою потеряли 4 машины, красные — 3. А за броневиками катилась лавина конницы. На два казачьих полка налетели двенадцать красных. Конечно, казаки были разгромлены. Знаменитый Гундоровский полк в жестокой сече погиб почти целиком. Другие части 2-й Донской дивизии, шедшие на выручку, Жлоба отбросил. Численное неравенство усугублялось тем, что часть донской конницы все еще оставалась безлошадной. Группировка Жлобы двинулась в глубину расположения белых. На ее южном фланге 40-я дивизия нанесла поражение 3-й Донской и вышла к Азовскому морю у Ногайска (ныне Приморск), фронт был прорван.

1.07 началось красное наступление и на западном фланге. Войска переправились через Днепр и после упорных боев заняли Каховку. Однако здесь им не дали продвинуться глубже, остановили контратаками и заставили перейти к обороне. Жлоба рвался к Мелитополю. Чтобы задержать его, Врангель бросил авиацию. Преимущества в воздухе, как это любят утверждать красные мемуаристы, белогвардейцы не имели. Просто советские самолеты были «поделены» между различными участками фронта (точнее, между штабами), а врангелевцы сосредоточили против Жлобы основную часть воздушных сил, 20 машин во главе с командующим, ген. Ткачевым. Разогнав большевистскую авиацию, прикрывающую прорыв, они бомбили конницу, обстреливали из пулеметов. Израсходовав боекомплект, просто распугивали лошадей, проносясь на бреющем полете. Заставляли рассредоточиваться. Пользуясь расстройством вражеских колонн, бросались в контратаки белые пехотные части, срочно переброшенные на это направление, останавливали и вынуждали оттягиваться назад. Жлоба перешел на ночное движение, но летние ночи короткие, и темп его наступления упал.

Врангель стягивал все, что можно, с пассивных участков фронта. Он сумел собрать три пехотные и одну кавалерийскую дивизии, отдельные части общей численностью 11 тыс. чел. с броневиками и бронепоездами. Красных старались обложить со всех сторон. 3.07 белые перешли в контрнаступление против обеих большевистских группировок. Под Каховкой советские войска сбили с плацдарма и отбросили за Днепр. Жлоба в это время находился уже в 15 км от Мелитополя. Испуганные жители то и дело ходили на станцию смотреть, не ушел ли поезд Врангеля. А севернее города кипел бой. Сначала красные достигли некоторых успехов, 2-я Ставропольская дивизия Дыбенко сбила части корниловцев, угрожая прорывом, но удар нескольких самолетов остановил напор красной конницы. Все же Дыбенко смог отступить в относительном порядке, хотя и с серьезными поте-

рями, а основные силы корпуса Жлобы, атакованные с разных сторон, смешались. Управление частями было потеряно, они не устояли и покатались кто куда. Одни на восток, других дроздовцы с броневидами погнали на север, к железной дороге, под огонь бронепоездов, замкнувших кольцо в районе Токмака.

В результате корпус был полностью разгромлен, отдельными группами пробиваясь к своим, преследуемый и добиваемый. Вышла из белых тылов лишь четверть первоначального состава. Операция по уничтожению Врангеля провалилась. Белые захватили 11,5 тыс. пленных, 60 орудий и другие трофеи. Но и развить свой успех Русская армия была не в состоянии, повыбитая и измотанная непрерывными боями, перебросками частей с участка на участок. А восполнять потери было чем дальше, тем труднее. В то время как большевики наращивали силы, белые войска таяли. С разгромом и отступлением поляков надежды на соединение с ними становились все более нереальными, и какую-то помощь приходилось искать поблизости. Сохранялась надежда на поддержку Дона, однако пробиться туда в сложившейся ситуации Врангель не мог. Тогда он решил направить на Дон десант, поднять казаков на восстание.

9 июля восточнее Мариуполя высадился отряд в 800 чел. под командованием полковника Назарова и занял станицу Новониколаевскую. Но красные, учитывая опыт предыдущих операций белого флота, к этому времени создали свою Азовскую флотилию из 13 кораблей — попавших к ним в руки в различных портах канонерок, сторожевиков, вооруженных артиллерией пароходов. Выведенная в море, она встретила суда, везущие подкрепления Назарову, и после полуторачасового боя вынудила их повернуть обратно. После чего начала бомбардировку Новониколаевской, к которой подтягивались армейские части. Сила и значение десанта красными значительно преувеличивались. Для его ликвидации была создана целая войсковая группа из одной пехотной и двух кавалерийских дивизий. 15.07 после тяжелых боев Назарову удалось прорваться на восток и двинуться рейдом по станицам. За счет присоединившихся казаков его отряд вырос до 1,5 тыс. чел. Но никакого восстания не произошло. Дон был обескровлен. Одни казаки погибли в боях, другие ушли с белыми, находились в советском плену, вымерли от тифа или были подметены мобилизациями. Станицы стояли полупустые. Население жило впроголодь, не в силах прокормить не только Назарова, но порой и себя. Многие в попытках бегства от красных зимой 1919/20 г. потеряли все имущество. В дополнение всех бедствий на Дону объявилась эпидемия чумы.

Большевистские войска преследовали Назарова по пятам и в районе Константиновской окружили его, прижав к Дону. Отряд был разгромлен. Часть погибла, часть рассеялась. Назаров с небольшой группой уходил за Маныч, где его настигли и добились. Сам он спасся и вскоре был задержан. При аресте сумел выдать себя за обычного дезертира, потом сбежал и осенью добрался до Крыма... Единственным положительным результатом десанта стало то, что он на время оттянул значительные силы красных.

В середине июля на фронте настало относительное затишье. Обе стороны усиленно готовились к очередной схватке. Врангель — к но-

вому наступлению, красные — к новой попытке его уничтожить. За счет мобилизации в Таврии, за счет тыловых частей и гарнизонов, за счет пленных белому командованию кое-как удалось пополнить поредевшие части. К концу месяца Русская армия насчитывала на фронте 35 тыс. чел., 178 орудий, 38 самолетов. У красных на тот же момент было 46 тыс. чел., 270 орудий, 45 самолетов. Правда, эти цифры не учитывают подкреплений, шедших на юг и вводимых в действие в ходе операции. А было их немало — дополнительно сюда перебрасывались четыре стрелковые, одна кавалерийская дивизии, три бригады, семь бронеотрядов (28 машин) и другие части. В числе этих войск была и знаменитая 51-я дивизия Блюхера, подтягиваемая из Сибири. Уже упоминалось, что после переброски многих соединений с Восточного фронта против Деникина остающиеся там части имели обыкновение укрупняться. 51-я была из числа «гигантов». Если в белых дивизиях состояло по 3 полка, в красных стрелковых — по 9, а в кавалерийских — по 6, то в дивизии Блюхера было 16 полков (по 1—2 тыс. чел. в каждом), своя артиллерия, конница. Поэтому не удивляйтесь, что это соединение чаще других будет фигурировать в описании операций против Врангеля. Шла реорганизация и в частях, находившихся на фронте. Из остатков корпуса Жлобы, 2-й кавдивизии и др. была создана 2-я Конармия численностью около 9 тыс. чел., которую возглавил Городовиков. Учитывая недостатки, выявившиеся в боях, авиация объединялась под единым командованием И. У. Павлова. А командующим 13-й армии вместо Эйдемана стал Уборевич. Наступление планировалось на начало августа, но белые опередили его.

25.07 корпус Кутепова ударил на север, в направлении на Александровск и Екатеринослав. Марковцы и дроздовцы нанесли поражение 3-й и 46-й советским дивизиям, одна из «интернациональных» бригад была окружена, два ее полка, венгерский и латышский, полностью погибли. В образовавшийся прорыв вошла кубанская конница ген. Бабиева. Белые заняли г. Орехов. Для развития успехов Врангель перебросил сюда и кавкорпус Барбовича. Опомнившись, большевики стали бешено контратаковать. Наступление продолжалось, хотя и ценой больших потерь. Вскоре белым удалось занять крупный железнодорожный узел Пологи, а 2.08 — Александровск, обойденный кавалерийским рейдом. Значительный успех был и на восточном фланге, где Донской корпус, руководимый лично атаманом Богаевским, разгромил 40-ю красную дивизию.

И на этом победы закончились. Белые части выдыхались, неся существенный урон. А красные, пользуясь численным преимуществом, быстро латали дыры в обороне и, дождавшись подхода свежих соединений, сами перешли в наступление. Русская армия стала отходить на прежние позиции. 4.08 она оставила Александровск, через два дня — Орехов и Пологи. 8.8 пал Бердянск. Тогда большевики начали задуманную операцию. План ее оставался все тот же — удары с запада на Перекоп и с северо-востока — на Мелитополь. Только подготовились они уже намного тщательнее. Для форсирования Днепра была опять выбрана Каховка. Ширина реки тут сужалась до 400 м, левый берег без плавней, ровный и удобный для высадки, а возвышенный правый огибал Каховку полукольцом, давая возможность установить на нем артиллерию и обстреливать противника. Кроме Латышской и

52-й, сюда направили 15-ю дивизию, понтонные части, два дивизиона тяжелых орудий. Скрытно сосредоточивались лодки, материалы для моста, плоты. Поддерживала переправу Днепровская флотилия из 4 пароходов, 5 катеров и 2 плавбатарей.

В ночь на 7.8 красные авангарды двинулись через Днепр. Опрокинули белогвардейцев и захватили Каховку. А в тылу у них инженерные части тут же приступили к наводке моста, по которому потекли главные силы. Вина целиком ложилась на ген. Слащева, чей корпус оборонял рубеж Днепра. Всеми своими успехами — победами над Махно, обороной Крыма, десантом на Мелитополь — он был обязан полупартизанской тактике лихих атак, отчаянных рейдов. Переход к позиционной войне оказался не для него. Должной разведки Слащев не вел и вообще на задачу прикрытия Днепра смотрел свысока, рассчитывая, что если противник и рискнет переправиться, будет легко вышибить его контратакой, как он неоднократно делал в Крыму. Хотя это была уже вторая попытка переправы в том же месте, красные застали Слащева врасплох. Главный их удар пришелся прямо по его штабу, находившемуся в Каховке. А в штабе той ночью обильно отмечали чей-то день рождения...

К полудню, приведя части в порядок, Слащев стал контратаковать. Поздно. На левом берегу находилось уже слишком много сил. А южнее переправлялась 15-я дивизия. Понесла жестокие потери, но заняла г. Алешки и несколько других населенных пунктов. Преодолевая упорное сопротивление, красные стали теснить 2-й корпус в направлении Перекопа. Тем временем в Херсоне большевики в одночасье мобилизовали все «нетрудовые элементы» — буржуазию, интеллигенцию и пр. поголовно — мужчин, женщин... И на баржах перебросили в Каховку — строить укрепления под руководством Карбышева. Рылись окопы, насыпались валы, готовились артиллерийские позиции. По Днепру шли материалы, и устанавливались ряды проволочных заграждений. Приказ Блюхера, назначенного комендантом укрепрайона, гласил: «Оборонительные работы вести круглые сутки». Три дня и три ночи выбивались из сил подневольные люди. Так создавалась знаменитая «Каховка». Позаботились ли их вывезти к началу боев? Или милостиво отпустили на четыре стороны, предоставив добираться 90 км своим ходом? История об этом умалчивает. А на плацдарм с 10.08 начали прибывать части огромной 51-й дивизии.

Началось наступление и с востока. 2-я Конармия, усиленная 1-й стрелковой дивизией, двинулась по тому же пути, что Жлоба, — от Токмака на Мелитополь. Прорвать фронт ей удалось, 11.08 она оказалась в тылах белых, удерживающих станцию Токмак. А вот углубиться в расположение Русской армии Городовикову не дали. Корпус Кутепова нанес ему удар во фланг, потрепав 20-ю кавалерийскую и 1-ю стрелковую дивизии, задержав их и вклинившись между ними и тремя кавдивизиями, вырвавшимися вперед. Армия была рассечена надвое. К вечеру ее головная группировка повернула на обратный прорыв. Ожесточенное сражение продолжалось и на следующий день. Сначала не выдержала и стала отходить красная пехота, а за ней и конница.

После ликвидации прорыва Врангель тут же снял с правого фланга

корпус Барбовича с броневиками и направил на левый, где атакующие большевики продвинулись уже на 20—30 км. Вместе со Слащевым Барбович остановил красных, погнал назад к Днепру. И натолкнулись на сильно укрепленный Каховский плацдарм — несколько мощных линий обороны, достигавшей 15 км в глубину и занятой свежими частями 51-й дивизии. Местность, опутанная сетью проволочных заграждений, была пристреляна, и свыше 50 орудий вели огонь по «квадратам». Все атаки на Каховку разбились с серьезными потерями. Взбешенный Слащев не преминул обвинить во всех грехах Врангеля, выискивая его «ошибки» и упущения. Но Врангель гораздо менее был склонен терпеть в своей армии очаги смуты, чем Деникин. Учитывая, что в интригах против командования Слащев отмечался и раньше, а катастрофа произошла из-за его собственной недисциплинированности, главнокомандующий сместил его с должности. Правда, с почетом. За прошлые заслуги присвоил титул Слащев-Крымский и отправил «в отпуск по состоянию здоровья». Корпус принял ген. Витковский. А над Перекопом остался висеть дамоклов меч Каховского плацдарма.

95. ЧУДО НА ВИСЛЕ

Быстрым отступлением от Киева и Днепра полякам удалось избежать намечавшегося окружения и разгрома. Но территорию при этом они оставили значительную. Новая линия их обороны восстановилась по рекам — Южному Бугу, Случи и Горыни.

27 июня Конармия Буденного форсировала Случь, заняла г. Новоград-Волынский и двинулась на Ровно. Южнее пошла на прорыв 14-я армия Уборевича. Жестокие бои разгорелись у села Мессиноровки. Обе стороны понесли большие потери, погибло по несколько полков. Ген. Ромер, командующий 6-й польской армией, усиливал оборону за счет неатакованных участков и отбивал все красные атаки. Тогда Уборевич, воспользовавшись маневренностью своих конных соединений, быстро перенес главный удар как раз на эти, прежде неатакованные направления. Его 8-я кавалерийская и 60-я стрелковая дивизии прорвали фронт у села Комаровцы, а бригада Котовского — у г. Любар.

Ромер в это время готовил контрудар против прорвавшейся армии Буденного, подходившей к Шепетовке. Собрав крупные силы у г. Староконстантинова, он намеревался атаковать ее с фланга. Прорыв 14-й армии спутал все его планы. По тылам поляков пошла гулять 8-я кавдивизия Примакова. Ромер еще мог бросить ей наперерез украинскую конницу Тютюнника, однако не рискнул этого сделать — Тютюнник прикрывал его южный фланг. Посчитав, что Примаков ринется на Каменец-Подольский, «столицу» Петлюры, польский командующий ограничился тем, что выставил заслоном со стороны прорыва один-единственный петлюровский полк. И жестоко ошибся. Красная кавалерия пошла на Проскуров (Хмельницкий), 4.07 налетела на город и разгромила располагавшийся там штаб Ромера. А затем ударила на Староконстантинов и проутюжила тылы готовящейся к наступлению группировки. Удар против Буденного был сорван.

1-я Конармия с двумя стрелковыми дивизиями Якира и бригадой Котовского, перешедшими в ее оперативное подчинение, продолжала продвигаться вперед и завязала бои за Ровно. Город несколько раз переходил из рук в руки и пал 10.07. Фронт поляков опять оказался разрушенным. Оставив Подолию, они откатывались к реке Збруч, где проходила прежняя российско-австрийская граница и с мировой войны осталась линия старых укреплений.

Пользуясь тем, что значительное количество польских сил и резервов оттянулось на Украину, 4.07 перешел в наступление главный, Западный фронт. На этот раз пять его армий, 4, 7, 15, 16-я и 6-я, сломили оборону противника и быстро начали продвигаться в глубь Белоруссии и Литвы. Польский фронт здесь продержался дольше, чем на Украине, но и крушение его стало намного катастрофичнее. Войска охватила паника. Отступление превратилось в повальное бегство. Ситуация обострялась отношением местного населения. На Украине оно было настроено в основном антибольшевистски, и поляки выступали для него избавителями. В Белоруссии дело обстояло иначе. В 1919 г. красные пробыли здесь не так долго и не успели сильно нагадить крестьянам. Поляки же находились здесь год и вели себя далеко не лучшим образом. Оккупационный режим не был суровым, тем более что за взятку оказывалось возможным получить любые послабления. Но большинство чиновников, офицеров, даже рядовых солдат страдали крайним национальным гонором, изводя неполяков мелочными придирками, издевками, унижениями на национальной почве. В системе народного образования велась линия полонизации. Притеснялась православная церковь. И большевиков ждали как «русских». Едва оккупанты побежали, население стало отыгрываться — портили паровозы, стреляли из леса по обозам, кидали исподтишка гранаты в колонны, заполонившие дороги. 11.07 поляки бросили Минск, 14.07 — Вильно. Вместе с отступающими войсками двинулись множество беженцев — из интеллигенции, буржуазии, горожан, не желающих оставаться под красными. По дорогам катились сплошные лавины перемешавшихся воинских частей, обозов, машин. Вышедшие из повиновения солдаты занимались грабежами и мародерством.

Чем дальше, тем более уродливые формы принимала паника. Опасаясь засад, войска поджигали леса, и части, следующие за ними, вдруг оказывались в зоне пожара. Страсть к разрушительству приобрела патологический характер. Взрывали мосты, когда следом еще двигались отступающие массы. Портили железнодорожные пути под носом у своих же поездов. Поджигали бросаемое имущество — и гибли от рвущихся в огне снарядов. Поджигали поломавшиеся телеги, забивающие дорогу пробками, — и пламя перекидывалось на исправные телеги, рвало бензобаки автомашин... Ни о каком сопротивлении уже не было речи. Бежали при одном появлении красных или слухов о красных, которые буйно порождались выстрелами крестьян и взрывами собственных уничтожаемых боеприпасов. Тухачевскому оставалось только преследовать эту ошалевшую массу, не давая ей опомниться и остановиться.

Вот в таких условиях 12.07 большевикам была направлена очередная «нота Керзона». Британия требовала от Советской России воз-

держаться от наступления на Польшу, обещая в противном случае усилить военную помощь ей. Условия мира предлагались почти те же самые, что в предыдущей ноте от 4.05.20, — сохранение существующего положения на Кавказе, граница с Польшей по «линии Керзона», отвод белогвардейцев Врангеля из Таврии на Крымский полуостров ценой прекращения атак Крыма и последующие переговоры. Условия-то почти те же, да обстановка мая была противоположной. И реакция Ленина тоже стала противоположной. Теперь он уже отнюдь не являлся сторонником немедленного положительного ответа Керзону. Вождь пишет: «Я просил Сталина 1) ускорить распоряжение о бешеном усилении наступления. У нас хотят вырвать из рук посредством жульнических обещаний победу...» Стоит ли после этого спорить, кто был виновником последующей катастрофы — Сталин, Егоров, Тухачевский или Буденный? Они — лишь исполнители того или иного ранга. А мудрое ленинское «бешеное усиление наступления» — без оглядки, теряя тылы и фланги, в итоге привело к тому, к чему должно было привести.

На Украине красных еще раз смогли остановить. На старых позициях по р. Збруч упорные бои шли две недели. Близ Тернополя города Волочиск и Подволочиск, находящиеся на разных берегах, в результате атак и контратак переходили то к одним, то к другим хозяевам. Однако армии Западного фронта уже выходили на финишную прямую, угрожая Варшаве. И Пилсудский решил ради Варшавы пожертвовать Галицией и Львовом. Начал снимать отсюда войска для прикрытия столицы.

Первоначально план красного командования предусматривал сходящееся к Варшаве наступление обоих фронтов, и Западного, и Юго-Западного, в котором 12-я и 1-я Конная армии нацеливались на Ковель — Брест, выходя на фланг войск Тухачевского, а 14-я армия действовала на Львов — Тарнов, поддерживая их с юга. Но успех Тухачевского выглядел уже неоспоримым фактом. Движение двух армий на Брест для удара с юга по отступающей группировке поляков казалось лишним — они и так бежали там без оглядки. К тому же Егоров искал собственных громких успехов, вспомогательные задачи Юго-Западного фронта он считал исчерпанными и больше не нужными. 22.07 он изменил план наступления. Не на северо-запад, а на запад. На Люблин, Ярослав, Николаев-Днестровский. Главком Каменев, находившийся в Минске, план утвердил с некоторыми поправками, но не урезающими проекты Егорова, а усугубляющими их и предусматривающими дальнейшее отклонение к югу от Тухачевского. Он требовал разгромить в районе Львова 6-ю польскую армию, еще сохраняющую боеспособность, а петлюровцев оттеснить в Румынию.

24.07 ослабленный польский фронт по Збручу был прорван, 1-я Конная из района Ровно повернула на юго-запад, к Бродам, нависая над тылами 6-й армии противника. Буденного манил богатый Львов, обещавший лавры победителя и несчетную добычу. 12-я советская армия пошла на Ковель, но не взяла его, встретив упорное сопротивление. Оставив у Ковеля заслон, она тоже повернула южнее, на Владимир-Волынский. 14-я армия вторглась в Галицию. Двигаться ей приходилось с боями. По многочисленным рекам — Гнез-

не, Серету, Стрыпе, Золотой Липе, Гнилой Липе, Свиржу были построены укрепленные полосы мировой войны, и поляки, потеряв один рубеж, занимали следующий. Каждую реку приходилось форсировать со значительными потерями. Потом красные приноровились: немедленно бросали в прорыв ударные кавалерийские соединения, которые выходили к очередной линии обороны раньше, чем отступающие польские части. Фронт рухнул и на этом направлении. Лишь на самом южном участке атаман Тютюнник в жестоких боях сдерживал 41-ю красную дивизию. Но отдельные очаги сопротивления уже не воспринимались всерьез. Война казалась выигранной. Впереди маячил триумф и чужие города, которые вот-вот должны были пасть.

2.08 в Белостоке образовалось новое «правительство» Польши в составе Мархлевского, Дзержинского, Прухняка, Кона и Уншлихта. Другое «правительство» во главе с Затонским появилось таким же образом в Галиции. Оба руководящих органа разродились манифестами, где признавали себя единственными представителями высшей исполнительной власти в «своих» государствах и, временно, законодательной власти. И Польша, и Галиция объявлялись, естественно, советскими республиками.

Галичане поначалу встретили красных хорошо. Поляков, особенно «галлерчиков», уничтоживших их самостоятельность, они ненавидели, считая оккупантами. Потом постепенно стали разбираться, что новые оккупанты, пожалуй, хуже. В Австро-Венгрии Галиция считалась отсталой и забитой провинцией. Народ тут был простой, очень религиозный, живущий по патриархальным обычаям. И здешние крестьяне никак не могли понять — зачем они должны брать чужую собственность? Почему должны ненавидеть помещика и сельского священника? А дальше пошли грабежи «буржуев» под предлогом реквизиции всех ценностей «для сдачи в ревкомы». Пошло осквернение храмов...

Но что было красным до отношения каких-то там галичан? Перед нами теперь раскинулась вся Европа! На запад катилось новое нашествие варваров. Представить их облик нам с вами нетрудно. Откройте «Конармию» Бабеля, стряхните с ее героев пафос «революционности», и вы увидите сборище убийц, грабителей и насильников. Дикую орду, признающую лишь авторитет вожака. Можно взять для примера и прославленную группировку Якира. Его 45-я дивизия формировалась на базе махновских частей, а 47-я — на базе григорьевских. Ну а Котовский и сам был из уголовников. В знаменитой 8-й кавдивизии Примакова личный повар комдива Исмаил был по совместительству его личным палачом и по мановению руки хозяина сек головы негодным... Лавина, подобная ордам Батыя, рвалась в Европу, поставив ее на грань катастрофы. Перед большевиками снова замаячили перспективы «мировой революции», достижимой путем мировой «революционной» войны. Польшу они уже не только сбросили со счета, а даже брали «в актив», Дзержинский прорабатывал вопросы мобилизации и формирования польских частей Красной армии. За Польшей лежала Германия — разгромленная, разоруженная, возмущенная условиями капитуляции и все еще не успокоившаяся после собственной революции, сотрясаемая то попытками путчей, то

забастовками. За Галицией — такая же Венгрия. Красные обнаглели настолько, что не скрывали своих глобальных замыслов. Тухачевский прямо объявлял в приказе по войскам фронта: «На штыках мы принесем трудящемуся человечеству счастье и мир! Вперед на Запад! На Варшаву! На Берлин!»

Британия спешно направила на Балтику военную эскадру. Несколько кораблей бросили якоря в Данциге (Гданьске), несколько — в Гельсингфорсе, в качестве предупреждения. Полякам усиливалась помощь вооружением и техникой, в Варшаву выехала англо-французская миссия ген. Вейгана и ген. Редклиффа. Франция послала также офицеров-инструкторов. Черчилль обратился к германским генералам Гофману и Людендорфу, выясняя возможность срочного создания второй линии обороны против большевизма — немецкой. Даже Ллойд-Джордж вынужден был пойти на попятную, заявив в палате общин, что его правительство возобновит снабжение белых армий. В Англии и Франции начали создаваться отряды добровольцев из лиц польской национальности, пожелавших помочь родине. Госдепартамент США 10.08 выступил с «нотой Кольби», указывая, что американское правительство «относится враждебно ко всякого рода переговорам с советским режимом». А Латвия, формальная союзница Польши, наоборот, поспешила 11.08 заключить с Совдепией секретный мир. Решила, от греха подальше, перескочить в «нейтралы». Как прежде немцев предала, так теперь поляков вместе с Антантой. Большевикам это было тоже выгодно — они могли теперь не опасаться за этот фланг и снять войска на главное направление.

В самой Польше красное нашествие подняло и объединило все слои населения. В данном случае как раз национального гонора коммунисты не учли. Пилсудским использовалось в агитационных целях уже упоминавшееся воззвание Брусилова, Гутора и других «покресневших» генералов к бывшим офицерам — как доказательство неизменности «имперской» политики России. Другим козырем национальной агитации стало создание советского «правительства» в Белостоке — причем сформированного в основном из евреев (хоть и польских). Всячески подогревались и антирусские настроения. Учредительный Сейм ускорил принятие решения об аграрной реформе, выбив у большевиков орудие агитации среди крестьянства — теперь оно шло в армию сражаться за собственную землю. Поднять народ на защиту отечества правительству помогала католическая церковь. Коллеблющихся убеждали действия Красной армии на оккупированной территории — погромы, реквизиции, поруганные костелы. Формировались добровольческие «охотничьи» полки. Социалисты создавали для борьбы с большевиками «красный легион», а аристократия для той же цели — «черный легион», причем одна из рот в нем была женская, куда пошли представительницы знатных фамилий страны.

Окончательно решив пожертвовать Львовом ради Варшавы, Пилсудский снял оттуда 18-ю пехотную дивизию, ряд других частей 6-й армии. Из них, из вновь формируемых войск и разбитых, приводимых в порядок, из перебрасываемых с германской границы гарнизонов, он начал создавать сильную резервную группировку в районе Демблина (Ивангорода) — южнее Варшавы, на фланге наступающих армий Тухачевского.

10.08 Западный фронт получил директиву главного командования на штурм польской столицы. Ленинское «бешеное усиление наступления», призрак «мировой революции» опьянили красных. Наступление уже катилось, как в хмельном угаре. Далеко отстали вторые эшелоны, тылы, резервы, многие строевые части — застрявшие из-за взорванных мостов, дорожных пробок или выставленные заслонами против обойденных узлов обороны. В результате к началу штурма у Тухачевского под рукой оставалось всего 50 тыс. чел. Однако, считая противника уже уничтоженным, такими мелочами пренебрегли. Около 30 тыс. выделялось для обхода Варшавы с севера, 16-я армия — 11 тыс. чел., наступала на нее в лоб, а Мозырская группа — около 8 тыс., обходила с юга.

11.08 главком Каменев забеспокоился, почуяв неладное. И решил временно отказаться от взятия Львова, 12-ю армию Юго-Западного фронта, уже повернувшую от Владимира-Волынского на юг и пошедшую в обход Львова на Томашев и Рава-Русскую, он приказал повернуть на запад — на Люблин, чтобы прикрыть фланг Западного фронта, 1-ю Конармию нацелил в том же направлении — на Замостье. Но куда там! Все менять, все комкать, маршировать черт знает куда только затем, чтобы перестраховаться и оберегать чужие успехи? Притом уже predeterminedенные! А здесь сыпались свои собственные громкие успехи, один за другим сдавались города! В угаре побед терялась связь между армиями и соединениями, начавшими выбирать себе достойные цели — побогаче и посолиднее.

13.08 Егоров ответил Каменеву, что изменение основной задачи армий он считает уже невозможным. В тот же день Конармия Буденного вышла к Львову и начала атаки города. Но в тот же день на трупе польского майора был обнаружен приказ по 3-й армии противника, где указывалось, что 16.08 начнется контрнаступление со стороны Демблина. Красное командование за три дня узнало о готовящемся ударе! Полетели повторные директивы войскам Юго-Западного фронта срочно прикрыть фланг Западного. 14.08 внезапно налетела на преграду 12-я армия. Углубившись на запад, она вдруг наткнулась на свежие польские части (относящиеся к сосредоточиваемой Пилсудским группировке), крепко получила от них, начав пятиться. Поскольку и в тылу, под Ковелем, она оставила недобитую группировку, армия попала в затруднительное положение и на директивы ответила в Ставку, что помощи Западному фронту оказать не может. Наоборот, сама просила помощи. 15.08 1-я Конармия была передана в подчинение Тухачевскому. Он приказал Буденному выступить на Замостье и Владимир-Волынский. Буденный требование проигнорировал. Какое там Замостье, когда перед его 20-тысячной ордой лежал огромный, богатый Львов? Город, правда, отчаянно сопротивлялся, но должен же был сломаться.

А 16.08 Пилсудский начал с рубежа реки Вепш «чудо на Висле», бросив в бой свою ударную силу — около 50 тыс. чел. при 200 орудиях. Мозырская группа красных была раздавлена мгновенно... 17.08 командование 1-й Конной соизволило сообщить Тухачевскому, что армия не может прервать бои за Львов. В тот же день другая ударная группировка, Примакова, из 8-й кавалерийской и 60-й стрелковой дивизий, вырвавшись на оперативный простор, пошла гулять по Га-

лиции. А Пилсудский уже врезался в тылы 16-й армии Западного фронта и всю громил ее.

18.08 на подступы ко Львову вышла отставшая группа Якира из двух стрелковых дивизий и кавбригады Котовского, подключившись к штурму. Группа Примакова обходила город с юга, походя создавая на местах «ревкомы» и устраивая «реквизиции» среди катившихся по дорогам беженцев. А Пилсудский продолжал разгром армий Тухачевского. 19.08 Западному фронту стало совсем худо. 1-я Конная получила второй, категорический приказ идти на Замостье. Но цель была так близка! И Буденный опять бросил войска на штурм Львова. Город держался из последних сил. Обороной руководил ген. Ивашкевич. По незанятым дорогам во Львов непрерывно текли беженцы из окрестностей, разоряемых красными разъездами. Многие становились в число защитников. Этот день стал для обороны критическим. Во всех костелах, церквях, синагогах шли молебны об избавлении от опасности. На позиции выступила добровольческая бригада, сформированная из горожан. 10 пехотных и 3 кавалерийских полка отражали натиск красных (18 стрелковых и 26 кавалерийских полков) — в резерве Ивашкевича оставался всего 1 полк. Весь день, с посадками лишь на заправку, провели в воздухе американские летчики-добровольцы эскадрильи майора Лероя. Якир одной из дивизий сумел глубоко вклиниться в оборону, но прорвать ее и войти в город красные так и не смогли. А группа Примакова, решив, что исход битвы за Львов ясен и победителей там своих хватит, пошла искать собственных побед, повернула в Карпаты, на Стрый и Дрогобыч.

20.08 Буденный снял армию из-под Львова и двинулся на Замостье. Лакомая добыча оказалась очень уж трудной. Понесся большие потери, 1-я Конная потеряла и охоту лезть на львовские форты, и полученный ранее приказ Тухачевского послужил хорошим предлогом выйти из игры. Но, уйдя со львовского театра боев, армия уже заведомо не успевала на варшавский. К исходу дня 20.08 там в основном все было кончено. Войска Пилсудского оттесняли остатки разгромленных советских сил к границе с Пруссией. Якир продолжал штурм Львова. Натиск, естественно, стал слабее, и город вздохнул свободнее. Теперь Якир искал Примакова, чтобы тот помог ему. Однако тот был уже далеко, в 80 км к югу, и завязал бой за г. Стрый. Тут красных встретила единственная белогвардейская дивизия так называемой 3-й Добровольческой армии ген. Перемыкина, создававшейся из русских волонтеров на территории Польши. Во время побед поляки не очень интересовались русскими добровольцами, игнорировали их нужды, да и опасались усиливать. А во время поражений им стало не до белогвардейцев. Теперь эта малочисленная и слабо вооруженная дивизия, находящаяся на стадии формирования, вступила в бой с полнокровной 8-й кавдивизией красных. Потерпев поражение, белые отошли в карпатские предгорья. Но и большевики не продвинулись дальше, получив отпор. В сражении они израсходовали боезапас артиллерии, а тылы отстали. К тому же здесь они узнали о событиях под Варшавой. На следующий день Примаков оставил Стрый и пошел назад.

Якир все еще безуспешно искал его, собирая свои резервы и еще

два дня бросая дивизии на штурм. Но и над ним уже нависла угроза. Методика безоглядного рывка на запад стала сказываться и здесь. Польские части, раскиданные при прорывах многочисленных рубежей обороны, — по Збручу, Серету, Стрыпе — вовсе не исчезли с лица земли. Они находились в красных тылах и далеко отстали от большевиков. Они приходили в себя. Отступая, связывались друг с другом. И образовали новый фронт, перевернутый, все плотнее стягивающийся к западу и отрезающий красные войска от России. Они заняли городишки Бобрку и Перемышляны в непосредственном тылу у Якира, прижимая его к Львову, и он оказался вынужден немедленно отступать, чтобы не быть раздавленным с двух сторон. Примаков получил приказ о движении на помощь Якиру, когда тот уже откатился на 40 км. В результате группировка Примакова влетела в окружение, из которого еле выбралась. И начала отступать, отбиваясь от насевавшей на нее конницы Тютюнника.

Что касается 1-й Конной, то, бодро маршируя на Замостье, она сама влезла в коридор между двух польских дивизий. Ее окружили и оттеснили в лесисто-болотистую местность, неудобную для действий кавалерии. Здесь начались атаки на нее с целью расчленения и полного уничтожения. Лишь ценой больших потерь Буденному удалось прорваться в дефиле между двумя озерами и уйти к своим, к отступающей 12-й армии. Остатки войск Тухачевского спаслись, перейдя границу Германии, где были разоружены и интернированы. При выходе из окружения они понесли больший урон, чем за время движения на запад.

Перешла в наступление против красных и Литва. Правда, со своей подспудной целью — захватить Вильно раньше Польши и решить таким образом территориальный спор. 16.09 началось общее отступление красных из Галиции. Поляки преследовали их, ударив от Львова и вдоль Днестра на Галич. Конница Петлюры рушила тылы. В г. Тереховле атаман Тютюнник окружил и разгромил штаб 41-й советской дивизии. Вокруг всей 14-й армии замыкалось кольцо. Прорваться на восток и уцелеть она сумела, но, опять же, с огромными жертвами. Гоня разбитых большевиков, поляки пересекли старую границу, заняли Волынь и часть Подолии до Шепетовки включительно.

«Чуду на Висле», спасению Европы от красного нашествия, немало способствовал еще один важный фактор, о котором редко упоминают. Естественно, ведь он был таким далеким, почти не видным из «цивилизованных» стран. Русская армия Врангеля. Уже 5 августа, т. е. в разгар побед, Пленум ЦК РКП(б) вынужден был принять постановление: «Признать, что Кубано-врангелевский фронт должен идти впереди Западного фронта». С польских направлений на юг войска еще не перебрасывались, но и Западный фронт с Юго-Западным свежих соединений больше не получали. С июня-июля все они шли в Таврию, против горстки белогвардейцев Врангеля. Горстки, оттянувшей на себя 14 стрелковых и 7 кавалерийских дивизий. Причем лучших, отборных дивизий. Что случилось бы, появись они на западе, остается лишь гадать...

96. ВЛАДЫКА ТУРКЕСТАНА

Кроме польского, врангелевского и семеновского, летом 20 г. оставался действующим еще один фронт — Туркестанский. Здесь в качестве «царя и бога» правил командующий, он же полномочный представитель ВЦИК и СНК М. В. Фрунзе. Хотя позднее он занимал и более высокие посты, наверное, несколько месяцев в Туркестане были лучшими в его карьере. Он сумел тут развернуться в роли настоящего восточного владыки — определял и менял политику, объявлял войны, вел хитрую азиатскую дипломатию, принимал пышные почести. При визитах в селения в его честь устраивали скачки, традиционную «байгу» — козлодрание, и он одаривал победителей велосипедами — награда, по тем временам, дороже хорошего коня. В г. Ош он торжественно поднимался к местной мусульманской святыне, камню Трон Соломона, и демонстративно поклонился ей. Посетил он и гробницу своего кумира Тамерлана. В тугаях Амударьи он создал красноармейские охотничьи команды и устраивал грандиозные кабаньи гоночки. Нанес визит «соседу» — эмиру Бухарскому, подарив ему в знак вечной дружбы 4 орудия (правда, «забыв» снаряды к ним).

Когда басмаческое движение, так и не слившись в единую силу, было основательно расколото, один из главных лидеров, Иргаш, погиб в междоусобице и опасность общего восстания ослабела, Фрунзе резко сменил тактику по отношению к басмачеству. От заигрывания с курбаши и их переманивания на свою сторону внезапно перешел к борьбе на уничтожение. Приказал вылавливать басмаческих соглашателей, за доставку продуктов повстанцам — расстреливать. Был создан Андижанско-Ошский боевой участок, ядром которого стали Татарская бригада и интернациональная бригада из бывших военнопленных. Учитывая национальную рознь в этом районе, стали формироваться летучие конные отряды из местных русских — игра на национальных отношениях раскручивалась теперь в другую сторону. Направлялись дополнительно артиллерия, броневики, бронепоезда. Отряд Халходжи, вырезавший сводную часть красных, Татарская бригада загнала в горы и преследовала, пока курбаши не погиб в камнепаде. Остатки его войск сдались. На станции Нарын был окружен и уничтожен отряд Баграмова — часть перебили, 2 тыс. взяли в плен.

Когда погиб «союзник» Мадамин-бек (вроде бы попав в басмаческую засаду, а там кто знает?), Фрунзе перестал церемониться и с теми басмачами, которых переманил на сторону красных. 1-й Тюркский полк бывшего курбаши Ахунджана вызвали в Андижан, вывели на площадь якобы для парада и оцепили войсками. Ахунджана, приглашенного в штаб, арестовали, а полк после короткого боя разоружили.

Принимались меры против вторжения семиреченских казаков, ушедших в Китай. Их стали усиленно разлагать. Командиров плененных казаков упростили написать своим братьям письмо-обращение. В любой редакции. Согласились даже на то, что командиры Приильйского и Алатовского полков написали, что, мол, «настал момент забыть все прошлое. Заблуждались как та, так и другая сторона». Письмо дополнилось и коммунистическими воззваниями, опыта в составлении прокламаций большевикам было не занимать: обещали про-

шение, уговаривали «прекратить кровопролитие и вернуться домой». И часть казаков, затосковавших на неуютной чужбине, потекла на родину.

12.06.20 восстал против большевиков гарнизон г. Верного (Алматы) и 27-й полк 3-й Туркестанской дивизии — около 5 тыс. чел. Роман Д. Фурманова, одного из активных участников этих событий, «Мятеж» — весьма любопытный документ. Разве не интересны приводимые в нем воззвания восставших? «Товарищи красноармейцы! За кого вы бились два года? Неужели за тех каторжников, которые работают теперь в особом отделе и расстреливают ваших отцов и братьев? Посмотрите, кто в Семиречье у власти: Фурманы, Шегабутдины — разные жида, киргизы. А трудовые крестьяне снова в рабстве...» «...А насчет разверстки не беспокойтесь. Все это проделки мусульманско-мадьярских комиссаров. Скоро увидите, как будут они болтаться на деревьях. Настоящая революция трудовиков наступит через месяц. Горные орлы, доблестные герои, бывшие Анненкова и Щербакова, сумеют бить и жидо-мусульманско-мадьярских комиссаров...» А вот, например, портрет одного из вождей «кулацкого» мятежа: «...Красноармейские иссваленные, во все цвета заштопанные штаны, как на шесте мешок, болтались на худых долгих ногах, сползая, словно хвостиками, двумя подвязками, на босые широкие ступни с черными и, верно уж, вонючими, пропотелыми пальцами. Рубашка коротка ему, долговязому, чуть прикрыла пуп и влезла рукавами на самые локти сухих, нездоровых рук. Волосенки жидкие... видно, что голову наспех, у забора обдергивали-стригли полковые ножницы. Лицо в густых, заплесневелых веснушках, желто-бурые впалые, иссохшие щеки... верно, чахоточный...» Это — «мироед», восставший против рабоче-крестьянской власти!

Роман Фурманова интересен и тем, что приоткрывает нам психологию тогдашних большевиков: вероломство, коварство, обман преподносятся как вполне нормальные явления, более того — они возводятся в ранг доблести. Ложь приравнивается к подвигу. Коммунисты водили восставших вокруг да около, кормили обещаниями, тянули переговоры, а сами тем временем стягивали войска. Из Семипалатинска, из Ташкента, 4-й кавполк той же 3-й Туркестанской дивизии. Им, естественно, рассказали о «контрреволюции», свившей гнездо в Верном. О том, что мятежники продались закордонным казачьим генералам. 19.06 4-й кавполк, сняв посты восставших, ворвался в город... Мятеж был ликвидирован. Если повстанцы так и не пролили крови, — несмотря на все угрозы в воззваниях, ни один из комиссаров и особотдельцев не пострадал, то в ответ 12 чел. расстреляли, остальных кого арестовали, кого разослали по другим городам и губерниям.

Ликвидировав и ослабив большинство противников в Туркестане, Фрунзе стал готовить войну против Бухары. Он усилил Амударьинскую флотилию, доведя ее до 38 единиц с 26 орудиями на борту. Сюда же добавились гидроотряд и 6 катеров, присланных по его просьбе из Самары. Главной задачей флотилии было пресечь сообщение Бухары с другими государствами Востока, шедшее в основном водным путем — по Амударье в Афганистан. Таким образом эмир Сейид-Алим лишался возможной поддержки. Эмират с 1868 г. находился в

русской таможенной черте, а через его земли проходила железная дорога, вдоль которой располагались русские поселки и станции, обладавшие правом экстерриториальности. Теперь они стали «пятой колонной», центрами экспорта революции. Через них в Бухару шли оружие, деньги, агитационные материалы. В них находили убежище все противники власти эмира. На базе левого крыла исламской партии младобухарцев спешно была сколочена «бухарская коммунистическая партия» численностью 5 тыс. чел, во главе с Файзуллой Ходжаевым. Партия, само собой разумеется, тут же взяла курс на вооруженное восстание на съезде в советском Новом Чарджуе (Чарджоу). В экстерриториальных поселках начала формироваться «Бухарская красная армия». К августу она достигла 7 тыс. чел.

Уже 12.08 Фрунзе издал директиву своим войскам: «В связи с ожидаемым выступлением бухарского народа на путь открытой борьбы со своим эмиром и его правительством приказываю...» Сейид-Алим в ответ на эти выходки сначала запретил советским гражданам выходить за черту своих поселений. Потом приказал завалить арыки, подающие воду в русские селтльменты, и запретил своим дехканам возить туда продукты. Начал мобилизацию. Бухарская армия, по разным источникам, составляла 45—60 тыс. чел. Но это вместе с отрядами вассальных беков. А регулярная армия эмира насчитывала 16 тыс. штыков и сабель. Фрунзе собрал против нее 17 тыс. плюс 7 тыс. «Бухарской красной армии». На его стороне было огромное качественное преимущество. Современные орудия, броневики и аэропланы против боевых слонов. Обстрелянные красноармейцы с опытом одной или двух войн против плохо обученных, малодисциплинированных сарбазов.

По мере нарастания напряженности эмир приказал солдатам разобратить «источник всех бед» — железную дорогу. Не тут-то было. По ней курсировали бронепоезда, пресекая огнем всякую попытку приблизиться к полотну. Исходным пунктом сосредоточения войск Фрунзе избрал станцию Новый Каган — в 20 км от Бухары. И 28.08 начал разыгрываться обычный коммунистический сценарий агрессии. В местечке Сахар-Базар под Чарджуем вспыхнуло «восстание». Из советского, Нового Чарджуя, «на помощь братьям» выступила «Бухарская красная армия». Без боя заняла Старый Чарджуй, за ним — Шахрисабз, Керман. Восставший народ, конечно же, немедленно организовал правительство, обратившееся за помощью к Советскому Туркестану. Вот тут чуть не случилось осечки. На заседании Турккомиссии ЦИК война не получила поддержки! Голоса разделились. Фрунзе и Куйбышев подверглись резкой критике за то, что «спровоцировали своими действиями бухарцев на выступление». Но такая реакция коллегиальных властей Фрунзе мало смутила. Его части уже стояли на исходных позициях, и он отдал приказ: «В ряде местностей Бухары вспыхнуло революционное движение. Полки нарождающейся Бухарской Красной армии двинулись на помощь родному народу. Красные полки рабоче-крестьянской России обязаны стать подле них. Приказываю всей нашей вооруженной мощью прийти на помощь бухарскому народу в этот час решения...»

Вечером 29.08 красные перешли в наступление и уже к ночи были

у стен Бухары. Через несколько часов после начала войны эмир оказался отрезанным и от вассалов, и от тех войск, которые послал на подавление мятежа. Следующим утром начался штурм. Город был укреплен старинной глинобитной стеной высотой 5 метров с 11 воротами и 130 башнями. Снаряды красных стену пробить не могли, и первый день приступа не принес успеха большевикам. Хотя на отдельных участках схватка доходила до рукопашной, везде их отбили. Потери составили свыше 500 чел.

31.08 Фрунзе начал массированную бомбардировку Бухары из всех орудий. Снарядов не жалели: имея в распоряжении железную дорогу, их нетрудно было подвозить. В Ташкенте остался Куйбышев, занимавшийся срочной переброской на фронт всего необходимого. Он выслал и запрошенные Фрунзе резервы — курсантскую бригаду, дополнительные бронемашины. К вечеру красная артиллерия сделала пролом в стене. Ночью бухарцы заделали его, но все равно на следующий день последовал новый штурм. Бронемашины подкатились под самые стены города, неуязвимые для защитников. В одном месте под их прикрытием саперы взорвали стену. В пролом ворвался отряд особого назначения... К 6 часам при сильной артиллерийской поддержке были захвачены Мазар-Шарифские ворота. В 10 часов части Татарской бригады овладели Каршинскими воротами. Бой перекинулся на улицы. Город горел, жители разбегались. Остатки защитников укрылись во внутренней крепости — Арке.

2.09 красные пошли на штурм Арка. После двенадцатичасового боя крепость пала. Эмир накануне ночью выбрался из города через Северные ворота, еще остававшиеся свободными, и бежал в кишлак Дюшамбе. Где-то как-то подзабыв, что пришли в это государство на помощь «братьям по классу», красные провели в Бухаре капитальную «реквизицию» — вывезли в Самаркандский банк 7 вагонов золота и драгоценностей, захваченных из сокровищниц эмира в Бухаре и Шахрисабзе. Не забывали герои-освободители и себя. Интернациональная бригада, переброшенная затем на Южный фронт, щеголяла там саблями, усыпанными редкими по величине драгоценными камнями с золотыми эфесами и ножнами тончайшей работы. А в поездах, шедших из Туркестана в Москву (вплоть до поезда самого Фрунзе), чекисты стали устраивать повальные обыски, надеясь урвать и себе часть разграбленных ценностей.

Сейид-Алим заявил, что отдает эмират в подданство Великобритании. Практических последствий этот акт не имел. Каким образом англичане добрались бы до Бухары? Через враждебный им Афганистан? Вместо эмирата образовалась Бухарская Народная советская республика. Как думаете, кто ею руководил — председатель Совета Народных Назиров, 24-летний Файзулла Ходжаев или советский полпред? Им стал не кто иной, как В. В. Куйбышев. А Фрунзе нацелил новую республику на войну. С оставшимися басмачами — Курширматом, Муэтдином, Исраилом, Ибрагим-беком. Чтобы выбить у них религиозные и национальные козыри. Дескать, теперь против них сражаются вообще не русские, а бухарцы. Азиатская война руками азиатов...

97. КУБАНСКИЙ ДЕСАНТ

11 августа 1920 г., когда Польше приходилось совсем худо, Франция опубликовала заявление: «Принимая во внимание военные успехи и усиление правительства генерала Врангеля, а также его заверения относительно верности прежним обязательствам России, французское правительство решило признать правительство ген. Врангеля фактическим правительством Южной России». Это было первое (и единственное) официальное признание Западом белогвардейских правительств. Поскольку даже Колчак такового не удостоился, то можно полагать, что белых так «зауважали», лишь увидев большевиков, рвущихся в Европу. И Англия одумалась, решив возобновить поставки Врангелю. Да и Польша, до того игнорировавшая белогвардейцев, только теперь разглядела в них союзников и начала присылать через Румынию части ген. Бредова, еще с февраля интернированные в ее лагерях.

Однако Врангель тоже находился в тяжелом положении. «Военные успехи», отмеченные Францией, конечно, были, но они не носили решающего характера. Русская армия, вышедшая из Крыма, осталась запертой в Северной Таврии. Красные имели численный перевес и непрерывно подтягивали свежие силы. Фактически белым удавалось держаться лишь постоянными перегруппировками одних и тех же частей, что изматывало войска, а интенсивность боев вела к большим потерям. Становилось ясно, что такая война рано или поздно до добра не доведет. Чтобы добиться перелома, взять в свои руки стратегическую инициативу, требовались какие-то новые, кардинальные решения. И с июля начал разрабатываться план крупного десанта на Кубань.

План вовсе не был авантюрным, как его впоследствии классифицировала советская история. Он основывался на объективных предпосылках и, с точки зрения закономерностей гражданской войны давал надежду на крупный успех. Хотя политика казачьего геноцида коммунистами больше не проводилась, но «нормальная» советская власть тоже была штукой несладкой. И те же дезертиры, те же «зеленые» снова пошли в леса и плавни. То там, то здесь вспыхивали восстания. По большевистским данным, на Кубани насчитывалось около 30 крупных отрядов общей численностью 13 тыс. чел. Самый значительный — «армия возрождения России» ген. Фостикова — достигал 5,5 тыс. чел. с 10 орудиями и 35 пулеметами. Одержав ряд побед над красными, Фостиков занял Баталпашинский и часть Лабинского отделов. В общем, ситуация напоминала 1919 г. на Дону, когда в тылу у врага полыхало Вешенское восстание и прорыв к нему относительно небольших сил привел к крупному разгрому красных и освобождению значительной территории.

Для связи к Фостикову Врангель направил полковника Меклинга с группой офицеров, а чтобы не возникло более недоразумений с казачеством, 4.08 заключил договор с правительствами Дона, Кубани, Терека и Астрахани, находившимися в Крыму, согласно которому казачьим войскам обеспечивалась полная независимость во внутреннем устройстве, их представители вводились в состав южнорус-

ского правительства, а главнокомандующему предоставлялась вся полнота власти над казачьими вооруженными силами. Кубанское правительство состояло из тех же самостийников, но, очутившись в Крыму, они стали гораздо сговорчивее.

Подготовка велась долгая и основательная, однако в Кубанской операции все с самого начала пошло наперекосяк. Несколько раз она откладывалась. Из-за необходимости вывести с фронта кубанские части, естественно, кем-то заменив их. Из-за ликвидации красных прорывов, угрожавших самому существованию армии. Из-за ожидания первых эшелонов бредовцев, чтобы обеспечить десант регулярной пехотой. Вопрос с пехотой вообще стоял очень остро, поэтому значительную ее часть составили юнкера Корниловского и Алексеевского училищ.

Скрытность операции на этот раз почти не соблюдалась. Уроженцам Кубани из других частей даже предоставили возможность перевода в части, предназначенные для десанта. Казаки, отъезжая «домой», грузились на корабли с семьями, со всем скарбом. Ехали члены Рады, общественные деятели. О десанте открыто говорилось на базарах. Правда, большевики оказались все же не готовы к его встрече. Возможно, приняли столь откровенную шумиху за очередную дезинформацию и ожидали высадки в другом месте — снова на Дону, на фланге фронта. А возможно, просто прохлопали ушами из-за обычной халатности. Однако кое-какие части они все же стянули к Тамани, Новороссийску, Ейску. В десант назначались конные дивизии Бабиева и Шифнер-Маркевича, пехотные части Казановича: всего 8 тыс. чел. при 17 орудиях, под общим командованием ген. Улагая. Вместе с прочими желающими ехать на Кубань набралось аж 16 тыс. Суда грузились в Керчи и по ночам выходили в Азовское море, рассредоточиваясь там.

В ночь на 14.08 эскадра соединилась и двинулась к станице Приморско-Ахтарской. Подавив огнем кораблей слабое сопротивление врага, белые начали высадку. Авангард конницы под личным командованием Улагая тут же рванулся в направлении на Тимашевскую, чтобы с ходу овладеть этим важным железнодорожным узлом, выводящим на подступы к Екатеринодару. Большевики поначалу запаниковали, ударились в бегство. У населения при этом забирали всех лошадей, чтобы не достались белым. Там, где успевали, старались угнать и мужское население. Казаки, уже приученные белыми и красными мобилизациями, при таких попытках прятались по плавням. Против десанта сперва бросили лишь малочисленную 1-ю Кавказскую кавдивизию с 9 орудиями. Она смогла некоторое время продержаться и клевать белых наскоками. К ней подтягивались подкрепления — бронепоезд, кавбригада Балахонова. Но потом завершила высадку дивизия Бабиева и под станицами Ольгинская и Бриньковская разгромила большевиков. Бригада Балахонова вырвалась, а 1-я кавдивизия была уничтожена, как и бронепоезд. Сам командующий 9-й красной армией Левандовский едва сумел спастись.

Белые войска стали расходиться широким веером. На левом фланге генерал Бабиев вел свои части на станицу Брюховецкую. В центре пехота Казановича пошла следом за авангардом Улагая на Тимашев-

скую. А на правом фланге дивизия Шифнер-Маркевича устремилась на юг, на Гривенскую. Вершиной «веера» стала Приморско-Ахтарская, где остались штаб, вся «гражданская» часть десанта и небольшое прикрытие. Все начальники подобрались лихие и безудержно гнали вперед. Начальник штаба ген. Драценко безуспешно предостерегал Улагая об опасности такой тактики, требовал обратить внимание на фланги. Высадка затянулась на 4 дня. Когда она завершилась, наступающие белые части были уже в 50—80 км от штаба и тыловой базы. В общем-то Улагай и его начальники дивизий попытались повторить тактику 18-го года: стремительный марш вперед, победа, общее восстание — и большевики бегут. Но в 20-м и Кубань была уже не та, и красные не те. Подведя с севера дополнительные силы, они решили перерезать основание «веера». Сбили слабый заслон, оставленный в Бриньковской, и двинулись на юг, к железной дороге Приморско-Ахтарская — Тимашевская, чтобы отсечь главные силы от тыловой базы. Драценко приказал Бабиеву немедленно восстановить положение. Тот вернулся, отбросил большевиков и снова, оставив лишь слабый заслон юнкеров, пошел на Брюховецкую. 18.08 он занял ее. Одновременно части Улагая и Казановича взяли Тимашевскую, Шифнер-Маркевича — Гривенскую, Новониколаевскую и ряд других крупных станиц. Развивая наступление, белые подошли на 40 км к Екатеринодару. Советские учреждения в панике бежали оттуда. Ожидали, что вот-вот Кубань взорвется общим восстанием. С востока активизировались повстанцы Фостикова, намереваясь пробиться на соединение с Улагаем.

В этот день под Анапой Врангель высадил еще один десант — 1,5 тыс. бредовцев, юнкеров и черкесов под командованием ген. Черепова. Но красные уже успели прийти в себя и стягивали против десантов силы, многочисленные, хоть и разбросанные по всему Северному Кавказу и Азовско-Черноморскому побережью. С севера после ликвидации отряда Назарова подходили 9-я и 2-я Донская стрелковые дивизии. Собирались полки и бригады, стоявшие гарнизонами против повстанцев. Перебрасывались войска из Азербайджана, запасные части. В городах шли сплошные мобилизации, «неделя борьбы с Врангелем» сменялась «неделей красного добровольца». Для общего руководства из Баку был срочно вызван Орджоникидзе. А чтобы не дать Врангелю подбросить на Кубань новые части, в Таврии началось еще одно наступление 13-й и 2-й Конной армий.

Черепову вообще удалось продвинуться только на 8—10 км от берега. На него навалилась 22-я красная дивизия. Прибыл связной от «зеленых», которых в этих местах хватало и состоявших теперь в основном из белогвардейцев, укрывшихся в горах после падения Новороссийска. Однако продержаться до их подхода десант не сумел, расстреливаемый 20—30 красными орудиями. Присоединившаяся группа из 15 «зеленых» предлагала провести отряд в обход артиллерии врага горными тропинками. Черепов не решился им довериться. Через пять дней десант, понесший большие потери, был эвакуирован.

Начались и активные операции против Улагая. Воспользовавшись уходом белых кораблей прикрытия (посчитавших свою задачу

выполненной), к Приморско-Ахтарской подошла красная Азовская флотилия и устроила интенсивную бомбардировку. Одновременно с севера возобновилось наступление на железную дорогу с целью отсечь десант от тыловой базы. Заслон юнкеров, выбитый из Бриньковской, еле держался. Штаб, оставшийся в Приморско-Ахтарской, давно потерявший связь с главными силами, и гражданское население, приехавшее с десантом, вот-вот могли быть отрезаны, прижаты к морю и уничтожены. Пришлось составлять огромный железнодорожный состав, чтобы пробиться к Тимашевской, к своим войскам. Поезд, набитый тысячами людей, еле тащился. У станицы Ольгинской штабу пришлось вылезать из вагонов и вместе с истекающими кровью юнкерами ложиться в цепь, отбивая атаки. Едва проскочили — сразу после этого красные перерезали дорогу. И отсекали десант от берега.

28.08 наступление на Улагая развернулось и с фронта. Тимашевская, атакованная 2-й Донской дивизией и отдельной бригадой, несколько раз переходила из рук в руки, но осталась за красными. Под усиливающимся напором советских частей войска Улагая стали пятиться. На какое-то время еще получилось нормализовать положение. В пос. Ачуев создавалась новая приморская база, сооружалась пристань. Штаб и тыл были переведены в ст. Гривенскую. В ночь на 25.08 Врангель высадил третий десант, на Тамани — около 3 тыс. чел. под командованием ген. Харламова, чтобы занять переправы через Кубань у Темрюка и ожидать подхода частей Улагая, откатывающихся на запад. Это дало бы по крайней мере возможность сохранить на Кубани крупный плацдарм. Своей задачи Харламов выполнить не сумел. Занял Таманскую, выбил красных с полуострова, а на перешейках они его остановили.

Тем временем в результате упорных боев большевики заняли станицу Степную, где проходила единственная дорога через обширные болота. Группа Улагая оказалась разрезанной надвое. Ее северную часть, дивизию Бабиева, потерявшую связь со штабом, оттесняли к болотистым лиманам и плавням, в места, неудобные для действий конницы. Несмотря на ожесточенные контратаки, вернуть Степную не удалось. По Кубани и р. Протоке красные направили на трех пароходах десант — около 1 тыс. чел. под командованием Ковтюха. Пройдя ночью, под прикрытием тумана, линию фронта, он нанес удар по Гривенской, по тылам и штабу Улагая. Одновременно 9-я советская дивизия перешла в наступление на Новониколаевскую — в 18 км восточнее, где держались части Казановича и Шифнер-Маркевича. Ковтюх, вызвав панику, ворвался на окраины станицы. Пленных не брали, истребляли, кого могли. Опомнившись от неожиданности, работники штаба и охрана организовали оборону. Станица оказалась разделенной пополам. Началось отступление белых из Новониколаевской, ускоренное боем в тылу. Когда подошли строевые части, Ковтюха из станицы выбили, но по пятам уже двигались красные полки, и снова за Гривенскую завязались бои.

Под прикрытием арьергардных сражений десанты стали эвакуировать. Общего восстания на Кубани не получилось. Правда, к Улагая во время его наступления примкнули свыше 10 тыс. казаков, но большинство из них были безоружными, и использовать их на фрон-

те не смогли. Когда продвижение остановилось, приток добровольцев резко сократился. Даже по объявленной мобилизации станицы с 30-тысячным населением давали по 120—150 чел. А в период отступления желающих вовсе не стало. В последних числах августа началась посадка на корабли северной группы Бабиева, а в южной — безоружных добровольцев, тылов и гражданской публики.

1.09 красные прорвали оборону на таманских перешейках, подтянув большое количество артиллерии. У белых из трех находившихся на фронте орудий два вышли из строя. Понесся большой урон, бредовцы и донской полк, потерявший командира, стали отходить. Страшно пострадали юнкера, прикрывавшие эвакуацию. Часть войск была отрезана и пробивалась группами по 30—50 чел. К середине следующего дня таманский десант эвакуировали. Миноносец «Жаркий» подбирал оставших защитников, прикрывая их огнем от красной кавалерии. Еще несколько дней он курсировал у берегов, спасая укрывшихся в тростниках людей. Пленных большевики на Тамани не брали.

К 7.09 из Ачуева завершилась и эвакуация главных сил Улагая. Она прошла в полном порядке. Несмотря на тяжелые условия — шторм разрушил пристань, было вывезено все, и личный состав, и лошади, и артиллерия, и даже броневики. Русская армия снова была заперта в Крыму и Таврии. Единственным положительным результатом операции стало получение существенных пополнений. Несмотря на потери, особенно жестокие среди пехоты и юнкеров (вместо 100 в ротах осталось по 30—40 чел., в одной — 8), десант вернулся в удвоенном составе. Привезли и 6 тыс. лошадей, давая возможность усилить конницу.

Ну а красные навалились на повстанцев Фостикова. Его «армию возрождения России» вскоре разбили. Потеряв всю артиллерию, почти без патронов, она была прижата к горам. С двумя тысячами казаков Фостиков двинулся через Краснополянский перевал и вышел на побережье в районе Сочи. С ходу атаковал Адлер и выбил оттуда противника, продвинулся до Хосты. В Адлере он захватил несколько тысяч патронов, позволявших продержаться несколько дней. Для связи с Врангелем через Батум отправил офицера с просьбой прислать боеприпасы и несколько орудий — Фостиков намеревался потом вернуться на Кубань. Но большевики двинули от Туапсе новые силы. Выдерживать их натиск казаки оказались не в состоянии. Они отступили в Грузию, где были обезоружены. Через несколько дней к Гаграм подошли корабли Врангеля, обстреляли грузинские войска и вывезли казаков в Крым. Впрочем, не исключено, что обстрел был инсценировкой. Грузины уже видели, что случилось с Азербайджаном, поэтому могли просто отдать интернированных Врангелю, разыграв насильственный увоз.

98. ПРИЗНАТЬ ФРОНТ ГЛАВНЫМ...

Как уже отмечалось, 5.08.20 пленум ЦК РКП(б) постановил признать приоритет врангелевского фронта перед польским. А 19.08 Политбюро приняло решение: «Признать врангелевский фронт глав-

ным...» В чем же дело? Ведь первая дата соответствует уверенному броску Красной армии на Варшаву, открывавшему перспективы «мировой революции», а вторая — катастрофе на Висле, где гибло пять армий. И вдруг — главным врагом признается маленькая армия Врангеля, теснящаяся на пятачке Таврии? Разгадка лежит во внутренней обстановке. Шел тот самый процесс, на который надеялись белогвардейцы: Россия все шире поднималась против большевизма. Победы над Колчаком и Деникиным уничтожили основные очаги сопротивления, но они же вскрыли лживость советских обещаний — мол, стоит покончить с белыми, и все изменится к лучшему.

Продолжались бесчинства ЧК, лето принесло новую продрозверстку. 9.07 Ленину пишет из Омска Смирнов: «Половина Алтайской и Томской губерний охвачена кулацким движением, которое мы подавляем вооруженной силой». (Это после «колчаковщины»!) В Башкирии только весной было подавлено крестьянское восстание «Черного орла», а летом началось новое, под руководством З. Валидова, которого коммунисты, переманив от белых и используя, обвинили потом в «национализме» и выкинули за ненадобностью вместе с проектами башкирской автономии. Валидовский «ревком» бежал в горы, где встал во главе повстанцев. Независимо от него действовали казачьи отряды есаулов Звездина и Выдрина, снова всколыхнулось движение «Черного орла». Уфимская губерния была объявлена на военном положении. Крупные формирования «зеленых» возникли на границах с Пермской и Челябинской губерниями. Повстанцам даже удалось временно захватить г. Златоуст.

Рядом, на Урале, — мощное восстание Сапожкова. Того самого бывшего красного комдива, который оборонял от казаков Уральск и удостоился приветственной телеграммы Ленина. Теперь о Сапожкове Ленин слал другие телеграммы: «2.8.20... Пресекать в корне всякое сочувствие и тем более содействие местного населения Сапожкову, используя всю полноту революционной власти, в тех случаях, где содействие имело место, потребовать выдачу виновных главарей, отселений, лежащих на пути следования отряда Сапожкова, брать заложников, дабы предупредить возможное содействие».

В Дагестане возглавил восстание имам Гоцинский. После «целого ряда ошибок, допущенных на местах и в центре Дагестана» большевиками, горцы Гунибского, Аварского и Андийского округов под лозунгом «имамство и шариат» сбросили советскую власть... На Левобережной Украине — Махно. Правобережная снова кишела отрядами, бандами, мятежами. Волнения и восстания начались в Донбассе, на Кубани. 2.08.20 Ленин писал Сталину: «Из Кубани и Донбасса получаем тревожные, даже отчаянные телеграммы о грозном росте повстанческого движения. Настаивают на ускорении ликвидации Врангеля». А 28.08, в связи с десантом Улагая: «Если мы получим восстание на Кубани, вся наша политика крахнет...» Начались волнения в Воронежской и Тамбовской губерниях, где прошлогодний рейд Мамонтова обильно обеспечил крестьян большевистским оружием. Еще чуть-чуть — и здесь полыхнет знаменитая «антоновщина».

Врангель мог стать центром «кристаллизации» и организации антибольшевистской стихии. Корнилову в свое время не удалось под-

нять Кубань, а Деникин вторым походом уже смог это сделать. Точно так же у Деникина не получилось поднять всю Россию. Для Врангеля, прорвись он на север, это становилось вполне реальным. Даже слухи о нем и его победах, часто преувеличенные, вселяли в людей надежды и способствовали сопротивлению. О таких настроениях говорит и агитплакат Маяковского: «Крестьянин! Если ждешь Врангеля, как с неба ангела, вспомни сказку про барскую ласку...» Поражение на западе грозило лишь территориальными потерями и отказом от попытки «мировой революции». А Русская армия — самому существованию советской власти. Уже 2.08 Ленин писал Сталину: «В связи с восстаниями, особенно на Кубани, а затем и в Сибири, опасность Врангеля становится громадной, и внутри ЦК растет стремление тотчас заключить мир с буржуазной Польшей...»

Поэтому, как только Врангель начал Кубанскую операцию, большевики немедленно назначили новое наступление в Таврии. С одной стороны, отвлечение части белых сил в десанты вселяло надежду наконец-то разгромить Русскую армию. С другой — предполагалось, что угроза с севера помешает переброске на Кубань дополнительных частей или вообще сорвет планы Врангеля, заставив перебросить десантные войска назад, для обороны Крыма. Оправиться от прошлой попытки наступления участвовавшие в нем красные дивизии еще не успели, но они получали постоянную подпитку, ограничиваемую только пропускной способностью железных дорог. Подтянулись все части громадной дивизии Блюхера, еще несколько свежих бригад. План оставался прежним — сходящимися ударами отрезать белых от Крыма, окружить и уничтожить. Все так же с северо-востока 13-я и 2-я Конная армии нацеливались на Мелитополь. Но с запада, с Каховского плацдарма, наносилось два удара: 51-й дивизией Блюхера, тоже на Мелитополь, а 15-я, 52-я и Латышская дивизии должны были, как и раньше, наступать на Перекоп.

20.08 операция началась. На 2-й корпус ген. Витковского двинулись полки Блюхера и приданной ему кавалерийской группы Саблина. Белые отчаянно сопротивлялись. Несколько раз останавливали большевиков контратаками, заставляли переходить к обороне. Обнаружив разрывы в боевых порядках, бросали конницу. Только в одном бою 450-й полк красных потерял свыше 500 чел., а 453-й пришлось свести в батальон. Южнее, под прикрытием прорыва Блюхера, продвигались три «перекопские» дивизии, за три дня углубившись на 40—50 км и оказавшись на полпути от перешейков. 21.08 началось наступление и с востока. На центральном участке, в районе Токмака, снова разгорелись жестокие бои. Но прорваться здесь красным на этот раз не дали. 1-й корпус Кутепова с Донской бригадой Морозова дрались насмерть. Часто сражения принимали встречный характер. Населенные пункты переходили из рук в руки.

Крымский журналист А. А. Валентинов писал в своих воспоминаниях: «...То, что сделали наши войска, даже не героизм, а нечто сверхъестественное. Дроздовцы достигли апогея. Под ураганным огнем ходили в атаки в строю. Каждый снаряд вырывал из цепи по 10—15 человек. И каждый раз после разрыва следовала команда «ас, два, в ногу!». 1-й корпус выпустил за неделю 40 тысяч снарядов. Большеви-

ки раз в пять больше. Наштаглав телеграфировал главкому о необходимости издания приказа об относительной экономии снарядов. Врангель изорвал депешу. Потери у нас очень тяжелые, но красные разбиты всюду...»

Отразив все атаки на восточном фланге, Врангель тут же снял отсюда Корниловскую и 6-ю пехотную дивизии, а затем и кавкорпус Барбовича, бросив их для ликвидации прорыва. К этому времени части Блюхера и Саблина подошли уже на 30 км к Мелитополю, а авангарды Латышской дивизии, продвинувшись еще на 15—20 км, были в районе Чаплинки, совсем рядом с Перекопом. Контратаками врага остановили. Сбив кавалерийскую группу Саблина, прикрывавшую прорыв с северной стороны, белая конница, около 1,5 тыс. чел, ударила во фланг и тыл передовых частей Блюхера, заставив их пятиться. Блюхер попытался зацепиться у большого села Нижние Серогозы, организовав там линию обороны. Здесь закипело напряженное сражение. Красные запросили о помощи.

Воспользовавшись тем, что переброска частей против Блюхера ослабила силы белых на северо-восточном участке, советское командование снова атаковало его, бросив в бой 2-ю Конармию Городовикова. Ей было приказано прорвать фронт, разбить резервы Врангеля и двигаться на юго-запад. С тыла ударить по белогвардейцам, сражающимся у Нижних Серогоз, и соединиться с 51-й дивизией для совместного наступления на Мелитополь. 29.08 Городовиков проломил оборону врангелевцев и пошел по белым тылам. К утру следующего дня разрыв между его армией и частями Блюхера сократился до 60 км. Конармию обнаружила авиация ген. Ткачева, стала клевать ее пулеметным огнем и бомбардировками. Наперерез Городовикову Врангель кинул группу ген. Калинина из 2-й Донской кавдивизии, отдельной бригады, донского пехотного полка и марковцев. Бой продолжался целый день. Решительной победы не достигла ни та ни другая сторона, но на юг Конармию не пропустили. Городовиков был вынужден отвести ее на северо-запад, в село Новоекатериновку, чтобы привести в порядок потрепанные части. Выставив против него заслон, Врангель тут же направил все силы против Блюхера и 31.08 возобновил решительное наступление.

Не дождавшись обещанного подхода 2-й Конной и неся потери, Блюхер стал отступать на каховский плацдарм. Получив ряд контрударов, покатилаь назад и «перекопская» группа. Хотя она состояла аж из трех дивизий, но все они были серьезно ослаблены в предыдущих операциях. Знаменитая Латышская по боеспособности стала далеко не та, сопротивление которой Кутепову пришлось ломать в июне. 2-я Конармия смогла выступить из Новоекатериновки только 1.09, когда Блюхера на прежнем месте уже не было. Обнаружив это, она двинулась вслед за фронтом, уходящим на запад, и стала атаковать белых с тыла, стараясь пробиться к своим. Атакой с фронта ей помогла кавгруппа Саблина. Корниловцев и части Барбовича удалось потеснить, Конармия соединилась с другими отступающими войсками, проскочив в Каховский укрепрайон. Собственно, «армией» она осталась чисто номинально. После двух августовских прорывов от первоначального 9-тысячного состава в строю остались 1,5 тыс. чел.

2-я Конная выводилась в резерв на переформирование. Городовикова отстранили и вернули в подчинение Буденному, а командующим назначили Миронова.

Кроме остатков 2-й Конной, на Каховском плацдарме собрались 4 стрелковые дивизии и одна кавбригада. Несмотря на такое скопище войск, Врангель решил атаковать Каховку. Расчет был и на отступательную инерцию советских частей, и на их моральный надлом. Добейся белые успеха — и та же масса войск, прижатая к Днепру, была бы уничтожена. На штурм пошла группа ген. Витковского — около 7 тыс. штыков и сабель, несколько броневигов и танков. Танки по тем временам были редким оружием, они носили персональные имена, как корабли — «Суворов», «Кутузов», «Скобелев», «Ермак», «За Русь Святую»... Но под защитой сильных укреплений большевики быстро пришли в себя. Крепостная артиллерия встретила части Витковского убийственным огнем. Многорядные проволочные заграждения приходилось рвать голыми руками, рубить штыками — ножниц для их резки не было (Франция обещала, но так и не прислала их), а снаряды приходилось экономить, особенно к английским орудиям (поставки-то прекратились).

Попытки прорвать оборону танками тоже ни к чему не привели — красные научились бить их, выкатывая легкие орудия на прямую наводку. Атаки продолжались 5 дней. И даже ночей. Чтобы избежать огромных потерь от артиллерии, штурм был предпринят в ночь с 4 на 5 сентября. Два танка были подбиты, два, прорвав первую линию заграждений, застряли во второй и были захвачены контратакой красных. А от огня и ночь не спасала — артиллерия большевиков била по квадратам, вся местность оказалась пристрелянной с математической точностью. К 6.09 атаки выдохлись. Витковский, потеряв 3 тыс. чел. и 6 танков, перешел к обороне.

В надеждах создания единого антибольшевистского фронта Врангель искал контактов с различными повстанческими группировками. С кубанцами, о которых уже говорилось. С сочинскими «зелеными» (категорически отказавшимися от любых связей с «генералами»). К нему приезжали представители повстанцев с Правобережной Украины, он помогал им снабжением. Искал Врангель и контактов с Махно, засылая к нему своих агентов. Но тут вопрос был сложным. Активных действий против белых, как при Деникине, батяка не предпринимал. Наоборот, тревожил красные тылы, отвлекая на себя десятки тысяч бойцов ВОХРа. Однако и на союз не шел. Не отвечал ни «да» ни «нет». Отделывался общими фразами, вроде заявлений в махновской прессе (была и такая — газеты «Набат», «Известия военно-революционного совета армии имени батяки Махно») и прокламациях: «Пока у большевиков есть чрезвычайки, мы с ними будем вести войну как с контрреволюционерами. Врангель тоже против чрезвычайек и обещал нас не трогать». Основывающиеся на таких высказываниях сообщения крымской печати о союзе с Махно были не более чем газетными утками или неумелым пропагандистским приемом. Одно время в Севастополе даже начали публиковать и демонстрировать на Нахимовском бульваре «сводки штаба Махно», взятые из сплетен и нелепых слухов. Лишь по требованию штаба главнокомандующего эти глу-

пости прекратились. Врангель для батьки тоже был «контрреволюционером». Красные и белые сражались за власть — каждый за свою. Махно не нужна была никакая власть. Да он и по своей натуре в принципе не мог быть ничьим союзником, предпочитая «гулять сам по себе».

Некоторые махновские атаманы местного масштаба — Володин, Ященко, Чалый, Хмара и др. — действительно согласились на сотрудничество. В Ставку несколько раз группами приезжали «камышовые батьки», обретавшиеся по приднепровским и приазовским плавням, увешанные оружием и столь сомнительного вида, что офицеры штаба конфиденциально советовались — можно подавать им руку или нет. Велись переговоры, где обе стороны чувствовали себя не в своей тарелке. Ни те ни другие полностью не доверяли друг другу. Реальное значение «союзов» бывало ничтожным — разве что задания о порче мостов и железнодорожных путей, которые иногда выполнялись, иногда нет — уж как там сложится, какое у «батек» будет настроение. О каких-то совместных действиях и думать не приходилось. А кое-кого из таких «союзников» потом пришлось повесить (например, Володина) за грабежи или работу на красных. Сам же Махно, имевший к тому времени армию в 10—12 тыс. чел., когда фронт приблизился к Гуляй-Полю, отошел на запад, обосновался в Старобельске. В своих действиях он руководствовался только тем, что было выгодно ему. В данный момент — щипать тылы большевиков, а не Врангеля. К тому же ему льстило внимание к его особе белых военачальников. Он любил говаривать: «Мы еще подурачим генералов, а с ними коммунистов».

Союз с Махно, даже формальный, позволил бы белым решить целый ряд проблем. Скажем, с крымскими «зелеными». Их накопилось в горах довольно много, они безобразничали на дорогах, грабили едущих без охраны, совершали налеты на населенные пункты. Все это вынуждало держать гарнизоны в тыловых городах, снаряжать против них экспедиции из юнкеров и тыловых частей. Для борьбы с ними был создан и специальный штаб во главе с ген. Носовичем. А с «идейной» точки зрения зеленые считали себя махновцами, признавали над собой верховный авторитет батьки, который никогда не был связан с этими «подчиненными». «Махновцами» поголовно считали себя и крестьяне Таврий. И раз батька держался по отношению к Врангелю нейтралитета, то и они заняли ту же позицию. Вражды не проявляли, но и поддержки не оказывали. В Русскую армию крестьянство не шло, мобилизации срывались. Главнокомандующий вынужден был издать «драконовский» приказ о круговой поруке — вместо уклоняющегося от призыва брать в армию другого мужчину из семьи от 17 до 43 лет, а если годных в семье не найдется, село должно было дать на службу кого-то из жителей. У дезертиров было приказано конфисковывать имущество. Врангель писал: «Я вынужден был всей силой власти эти требования поддерживать. Беспощадная борьба требовала общих жертв». В Совдепии такие «драконовские» меры были бы, конечно, невозможными — какая там круговая порука, если мобилизации носили поголовный характер? Да и борьба с дезертирством отнюдь не ограничивалась конфискацией... Ну а в Таврии

результаты оказались мизерными. Могли ли подобные приказы подействовать на «махновское» крестьянство, привыкшее рассредоточивать и прятать у себя целые полки? В селах с десятитысячным населением в нужный момент просто не находилось ни одного годного призывника.

Неудачи с крестьянством во многом объясняются и крайней слабостью белой пропаганды. Например, «Закон о земле», который Врангель считал краеугольным камнем своей политики и на который возлагал надежды, так и остался неизвестным подавляющему большинству населения. Правительственный отдел печати удосужился разослать его по... 500 экз. на корпус. Причем кому-то из тыловых «умников» пришла мысль сделать оттиски... платными, по 100 руб. за экземпляр. По крымским меркам, где заработки и цены исчислялись тысячами, сумма была ничтожной. Но в Таврии цены на продукты были ниже в 30—50 раз, и рубль, соответственно, котировался намного выше. И 100 руб. тут кое-что значили. Это после бесплатной красной литературы, навязываемой насильно! Да и из пришедших в армию экземпляров многое разбирали «на память» штабные, писаря, делопроизводители. То же повторялось с газетами. Они стоили от 50 до 500 руб., издавались небольшими тиражами, даже в тыловом Мелитополе их покупал далеко не каждый. А на фронт высылались вообще в ничтожном количестве, в день по 200—500 газет на корпус. Учитывая, что добрая половина оседала в штабах и канцеляриях, на передовой новости узнавали чаще из харьковских и московских газет, которыми щедро заваливали своих солдат коммунисты. Что уж говорить об агитации среди гражданского населения!

Армия задыхалась от недостатка пополнений. Значительную часть населения Крыма составляли татары, отдающие предпочтение «зеленым», а также беженцы, негодные к службе. Что-то удавалось наскрести мобилизацией в городах. Восполняли потери за счет пленных, за счет расформирования тыловых учреждений и штабов. Врангель писал: «Все эти источники пополнений по своему качеству не могли возместить наших потерь, особенно в офицерском составе». В сущности, уже с июля вопрос пополнений начал диктовать стратегию войны — Кубанскую и последующие операции.

В сентябре положение врангелевцев стало меняться к лучшему. Забрёзжил просвет во внешней обстановке — Польша, разгромив атакующих ее большевиков, перешла в наступление. Врангель направил в Париж миссию во главе с министром иностранных дел Струве и ген. Юзефовичем, предлагая план — «чтобы поляки, задержавшись на старых германских укрепленных линиях, в дальнейшем свои операции распространили бы в направлении Киева». Со своей стороны, Врангель намеревался форсировать Днепр, соединиться с ними и, разгромив красных, двинуться в глубь России. При крымском правительстве был создан «Украинский национальный комитет» во главе с Маркотуном — приехавшим из Франции лидером «умеренных» националистов, стоявших за автономию Украины в рамках единой России. Врангеля такая позиция удовлетворяла, и он предполагал использовать комитет «как противовес украинским самостийникам». Из Забайкалья о своем признании верховного руководства Врангеля

сообщил атаман Семенов. Из Варшавы о том же телеграфировал Савинков. При его участии было достигнуто соглашение с Пилсудским о формировании в Польше 3-й Русской армии численностью до 80 тыс. чел.

Удалось добиться кое-каких улучшений и с пополнениями. Прибыли 10 тыс. казаков, присоединившихся к кубанскому десанту. Из Польши завершилась перевозка 15-тысячного корпуса Бредова. Объявлялась дополнительная мобилизация 1900—1901 гг. и ранее освобожденных от службы лиц 1885—1899 гг. рождения. Из Грузии прибыл 2-тысячный отряд Фостикова. С помощью зарубежных миссий и эмигрантских организаций в Крым поодиночке и группами направлялись белые офицеры, застрявшие в Прибалтике, Румынии, Германии, Польше, даже из Китая. Конечно, эти контингенты нуждались в переформировании, в хорошей подготовке. Среди кубанцев значительную часть составляла «камышовая публика» — бывшие дезертиры и «зеленые», давно забывшие о дисциплине. Состояние бредовцев тоже оставляло желать лучшего после украинского отступления и польских лагерей. Повстанцы Фостикова прибыли крайне измученные скитаниями по горам, оборванные и изголодавшиеся. Всех прибывших нужно было вооружить...

Но все же Врангель смог провести реорганизацию своих вооруженных сил. 1-й армейский и Донской корпуса составили 1-ю армию, во главе которой был поставлен ген. Кутепов. 2-й корпус Витковского и 3-й армейский, заново сформированный из пехоты Казановича, кубанцев и бредовцев, сводились во 2-ю армию Драценко. Отдельный корпус Барбовича объединял всю регулярную кавалерию, и в отдельную группу выделялась конница Бабиева из Кубанской дивизии и Терско-Астраханской бригады. Если в конце августа боевой состав белых войск исчислялся в 33 800 чел. (включая даже конвой главнокомандующего), то к середине сентября его удалось довести до 44 тыс. при 193 орудиях, 998 пулеметах, 34 самолетах, 26 броневиках, 9 танках, 19 бронепоездах. Пополнялись армии экстренным порядком — всеми, кого можно было с ходу поставить в строй. Поэтому в тылу, на формировании, оставались и другие части, которым еще нужно было дожидаться подвоза от союзников обмундирования, получить оружие. Но дожидаться их готовности у Врангеля уже попросту не хватало времени.

Потому что красные тоже проводили реорганизации, намереваясь уничтожить его. Директива Политбюро ЦК РКП(б) предписывала «взять Крым до наступления зимы». На базе Правобережной (Каховской) группы войск создавалась новая, 6-я армия во главе с Авксентьевским. Армии, действующие против Врангеля, 6-я, 13-я и 2-я Конная, выделялись в самостоятельный Южный фронт. Его командующим стал Фрунзе, членами военного совета — Гусев и Бела Кун (возглавлявший в 19-м венгерское советское правительство, арестованный и... высланный «зверями-контрреволюционерами» в Россию). Назначение Бела Куна было не случайным — учитывалась насыщенность фронта «интернационалистами». Тут сражались и направлялись дополнительно многочисленные латыши, венгры, поляки, эстонцы,

немцы и др. Русская мобилизованная «серьмяга» погибала на западе, а против Врангеля требовались солдаты понадежнее.

После августовско-сентябрьских боев силы Южного фронта составляли около 60 тыс. чел., 451 орудие, 2137 пулеметов, 12 бронепоездов, 3 танка (взятых у поляков), 14 броневинов, 42 самолета. Но это соотношение грозило вскоре измениться. Из Беломорского, Заволжского округов, Сибири и Кавказа дополнительно перебрасывались 5 стрелковых, 2 кавалерийские дивизии, 4 бригады, артиллерийские, броневые, автотанковые части — в общей сложности более 80 тыс. чел. Всячески форсировались переговоры с Польшей. Большевики шли на любые уступки ради заключения немедленного мира. Ленин писал Каменеву: «Надо сказать (насчет границ) — дадим больше (линия будет восточнее)». Т. е. коммунистические лидеры соглашались отдать территорию восточнее «линии Керзона», предлагавшейся в качестве границы в мае и июле, лишь бы развязать руки против Врангеля. С запада на Южный фронт передавалась 1-я Конная армия — еще 15 тыс. сабель.

По Совдепии шли сплошные мобилизации. Учитывая «классовый характер» врангелевского фронта, Оргбюро ЦК РКП(б) постановило мобилизовать на него 5 тыс. коммунистов, из них 10% ответственных работников. По профсоюзной разверстке были направлены 9 тыс., по комсомольской — 5 тыс. Если Врангель знал не обо всех этих фактах, то не мог не понимать, что над ним собирается гроза. И спасти его, а одновременно и вызвать перелом в боевых действиях, может только немедленная победа — до подхода новых крупных сил неприятеля. Поэтому он отдал приказ о переходе в наступление. Впрочем, когда мы говорим об «операциях», наступлениях, контрнаступлениях, необходимо помнить, что никакого резкого разделения между ними не было. Бои гремели непрерывно, почти без передышек. Для наглядности достаточно привести даты: июльское наступление белых на север началось 25.07. Ответное наступление красных — 7.08. Оно было отбито 15.08. Кубанская операция началась 14.08, а новое наступление красных в Таврии — 20.08. Неудачный штурм Каховки завершился 6.09, последние части десанта эвакуировались в Крым 7.09. Следующее наступление Врангеля началось 14.09... И все реорганизации, о которых говорилось выше, должны были производиться на ходу, безо всякого вывода войск с передовой. Возможность получить относительную передышку, хоть немного привести себя в порядок части получали только тогда, когда главные бои перемещались на другой участок. А лучшие дивизии 1-го корпуса — Корниловская, Марковская, Дроздовская, перебрасываемые на самые угрожаемые направления, не имели передышек практически вовсе.

99. ПОСЛЕДНЕЕ НАСТУПЛЕНИЕ ВРАНГЕЛЯ

План сентябрьской наступательной операции Русской армии предусматривал нанесение главного удара на запад, за Днепр. Перспективной задачей являлось соединение с поляками, гнавшими красных по Украине. Ближайшей задачей — форсировать Днепр у Нико-

поля, обойти с тыла Каховский плацдарм, уничтожить находившуюся на нем 6-ю красную армию и прорваться на Правобережную Украину, охваченную повстанческой войной. Там Русская армия имела все шансы найти поддержку и значительные пополнения. Но прежде чем наступать на запад, нужно было обезопасить себя с севера и востока, где нависала 13-я красная армия, разгромить ее или отогнать подальше от крымских перешейков. Кроме того, наступление 1-й армии Кутепова в этом направлении должно было оттянуть сюда силы большевиков и дать некоторое время для 2-й армии Драценко и конницы Бабиева, на их подготовку и доукомплектование после кубанских десантов.

14.09 первый удар нанес Донской корпус ген. Абрамова. В трехдневных боях серьезно погромив 40-ю и 42-ю красные дивизии, отбросил их на восток и северо-восток. Были заняты Бердянск и станция Пологи. Развивая наступление, казаки погнались разбитых большевиков дальше, в Донбасс. Вслед за тем двинулся вперед 1-й армейский корпус. Нанес поражение правому флангу 13-й армии, взял г. Орехов, а 19.09 выбил красных из Александровска (Запорожье), продолжая теснить на север.

26.09 командование Южным фронтом принял Фрунзе. Белое наступление было в самом разгаре. Донцы заняли крупную станцию Волноваха, взяли Мариуполь, подступили к Юзовке (Донецку) и Иловайской. Войска 1-го корпуса тоже продвинулись на 60 км и взяли Синельниково, угрожая Екатеринославу. Москва слала панические телеграммы, требуя решительных действий и ликвидации угрозы. «Настроение войск, — докладывал новый командующий, — было несколько надломлено». Проанализировав обстановку, Фрунзе понял, что на востоке Врангелю, собственно, делать нечего. Ну продвинься он еще немного, займи еще какую-то территорию, а дальше что? Никакого стратегического выигрыша это не сулило. А на север далеко зарываться для белых было бы рискованно, имея в тылу Каховский плацдарм. Логика подсказывала, что главный удар еще впереди. Поэтому Фрунзе не стал трогать своих основных группировок. В Донбассе он решил ограничиться подкреплениями, перебрасываемыми с Северного Кавказа и Кубани. Первой подошла 9-я стрелковая дивизия Куйбышева. Ее командиру Фрунзе подчинил остатки отступающих частей и приказал «стоять насмерть». Потери она понесла жуткие, 77-му ее полку пришлось выполнить приказ буквально — он был уничтожен полностью. Но ввод в бой свежих сил остановил продвижение казаков. Точно так же на северном участке Фрунзе оставил находившиеся там 46-ю, 3-ю стрелковые дивизии, объединив их под командованием Федько и усилив одной кавбригадой.

Новый комфронт сумел понять еще одну вещь — что красные могли бы уничтожить Врангеля гораздо раньше, если бы... не принимали одну за другой трех попыток его уничтожения. Если бы обеспечили подавляющий перевес, а не спешили с очередной операцией, едва подтянутся несколько свежих соединений. И белогвардейцы перемалывали эти соединения поочередно, одно за другим. Поэтому Фрунзе отказался от идеи общего наступления на Врангеля до подхода всех движущихся к нему и ожидаемых резервов, главным

образом 1-й Конармии. Фрунзе уже обладал достаточным авторитетом, славой победителя, к тому же был ленинским любимцем как единственный толковый полководец «из партии». Он мог позволить себе гораздо большую свободу, чем другие военачальники. Притормозив четвертую операцию по ликвидации Врангеля, он стал усиливать оборону. Непрерывно совершенствовались укрепления Каховки, благо рабочая сила — «буржуйский» Херсон — была под рукой. Копались противотанковые рвы. Для борьбы с бронетехникой строились специальные позиции с орудиями, предназначенными бить прямой наводкой по танкам и броневикуам. Между линиями обороны оборудовался ряд ротных опорных пунктов — чтобы в случае прорывов противника брать его в клещи. Дополнительно Фрунзе перебросил на плацдарм ударно-огневую бригаду, имевшую в составе огнеметные роты и 160 пулеметов.

А в районе Никополя для прикрытия переправ и правого берега была размещена 2-я Конная армия Миронова. Фактически сформированная заново, она достигла 17 тыс. сабель. Сделать это Миронову было не столь трудно. Он обладал репутацией «народного вожака», и едва принял командование, как к нему начали перебегать из других соединений — особенно донцы. Знали, что он своих «не выдаст» и сумеет вывести из трудных положений. Возвращалась в строй даже часть дезертиров, прятавшихся по лесам после разгрома Жлобы и Городовикова.

С Махно Фрунзе вступил в переговоры. Ему, опутывавшему своими дипломатическими играми басмаческих лидеров и эмира Бухарского, вести их было гораздо легче, чем твердолобым ортодоксам. В Харьков приехала делегация от батьки во главе с Поповым и Куриленко. 6.10 было заключено соглашение о совместных действиях против Врангеля. Батьке пообещали золотые горы, самые заманчивые условия. Его Повстанческая армия сохраняла самостоятельность, подчиняясь красному командованию лишь в оперативном отношении. Задачей Махно определялись действия в тылах Врангеля, а районом этих действий — Гуляй-Поле, батькина вотчина. Обещали помочь снабжением и оружием. Разрешили свободно вести мобилизацию в свою армию в Таврии и Екатеринославщине. В прочный союз Махно вряд ли верил, но временная смена курса была ему выгодна. Давала передышку в столкновениях с красными, сулила перспективы усиления. Скопление войск на фронте сковывало свободу его маневра, а теперь можно было снова «погулять». Весьма заманчиво выглядела и возможность вместе с красными пограбить Крым. Ну а для Фрунзе, тоже таившего камень за пазухой, главным было на время ближайших операций обезопасить свой тыл. Его устроили бы в принципе даже не активные действия Махно, а его нейтралитет.

В Донбассе тем временем собралась сильная советская группировка, подошли с Кубани несколько новых дивизий, и Фрунзе начал на восточном фланге частное наступление против донцов, выдохшихся в атаках и израсходовавших боезапас артиллерии. Левый фланг казаков подвергся удару 5-й кавдивизии, центр — группы из 9-й стрелковой, 7-й и 9-й кавалерийских дивизий, а правый фланг — Морской дивизии. 3.10 прорывом кавалерии и угрозой охвата красные заставили

Донской корпус отступить от Юзовки, на следующий день отбили Мариуполь. Поддержать казаков другими частями Врангель не мог. Время работало уже против него. Чтобы не быть раздавленным и обрести шанс на победу, он должен был до подхода новых крупных сил большевиков провести Заднепровскую операцию. На востоке оставалось ограничиваться обороной. Более того, Донскому корпусу приходилось растянуть эту оборону к северу, поскольку соседний, 1-й корпус, передавался на направление главного удара.

Скрытно, по ночам, он сосредоточивался в районе Александровска, а напротив Никополя — 3-й корпус. Перебрасывалась сюда конница Бабиева и Барбовича. 2-й корпус Витковского оставался на левом берегу для атаки в лоб Каховского укрепрайона после его обхода с тыла. Вязались плоты, в плавнях готовились лодки. Утром 8.10 передовые батальоны Марковской дивизии начали переправу севернее Александровска у острова Хортица, отбросили от берега красные части Федько и захватили плацдарм. Следом по наведенным мостам двинулась Корниловская дивизия. 3-я советская дивизия, прикрывавшая этот участок, была разгромлена, потеряв более половины личного состава. Один полк корниловцы целиком взяли в плен, много пленных захватили и марковцы. Остатки красных войск отступали, а на плацдарм пошла конница Бабиева. Прикрывшись с севера частями марковцев, а на левом берегу оставив дроздовцев для защиты переправ с востока, главные силы группировки двинулись на юго-запад, к Никополю. Навстречу им выступила 2-я Конармия, пытаясь контратаковать. Но в ночь на 9.10 южнее началась переправа другой группировки — 3-го армейского корпуса и конницы Барбовича — 2,5 тыс. штыков и 3,5 тыс. сабель. Они ударили во фланг и тыл армии Миронова, и она стала пятиться, огрызаясь контратаками и налетами. Обе группировки белых соединились и 11.9 заняли Никополь, развивая удар на запад и углубившись на 10—25 км от Днепра.

На восточном участке фронта все еще продолжалось красное наступление. 8.10 они заняли Бердянск. Прикрывавший оборону миноносец «Беспокойный» сел на мель. В Ставке махнули на него рукой, считая погибшим. Но миноносцу удалось сняться вопреки всем ожиданиям и, отбившись от нападающих на него неприятельских кораблей, уйти к своим. 10.10 советская 5-я кавдивизия взяла Гуляй-Поле. Примерно на этом рубеже красных сумели остановить.

Заднепровские части белогвардейцев 12.10 взяли крупную станцию Апостолово. Фрунзе указывал Миронову, что отход с линии Днепра и с Каховского плацдарма недопустим ни в коем случае, «2-я Конармия должна выполнить свою задачу хотя бы ценой самопожертвования». Для поддержки Миронова с севера на правый берег была целиком переброшена Екатеринославская группа Федько. Тут, возможно, белые допустили тактический промах, не воспользовавшись этим — в течение нескольких дней перед Дроздовской дивизией, остававшейся на Левобережье, вообще не было противника. Даже Екатеринослав стоял беззащитный. Но потом прикрытие появилось — и пошла мощная подпитка группы Федько. Начали прибывать первые полки перебрасываемой из Сибири 30-й дивизии — такой же огромной, как 51-я дивизия Блюхера. Когда ее передовые части выгружа-

лись в Павлограде, последние еще только подъезжали к Москве, а тылы и артиллерия были еще за Волгой.

С Каховского плацдарма на помощь Миронову снимались Латышская, 15-я и 52-я дивизии. Врангелевская воздушная разведка засекла это перемещение, но истолковали его совершенно неверно. Решили, что красные отступают с плацдарма, чтобы избежать окружения. Поэтому Витковскому было приказано на следующий день начать лобовой штурм.

А три красные дивизии с марша вступили в бой. Одновременно Миронов собрал в кулак свои отходящие соединения, ввел последние резервы и перешел в контрнаступление. Сюда была брошена вся большевистская авиация. 13.10 завязалось ожесточенное встречное сражение. Большевики стали одолевать. Миронов смог разорвать боевые порядки конницы Барбовича, выйти к Днепру. И... вот тут-то сказались спешка в комплектовании частей, ненадежность и недостаточная подготовка вливаемых пополнений — из «зеленых», пленных, мобилизованных. Белые войска не выдержали. Сломались. И начали отступать. 6-я и 7-я пехотные дивизии 3-го корпуса (да какие там дивизии, по тысяче человек в каждой, меньше красного полка!) были смяты и побежали. Осколок снаряда сразил генерала Бабиева, одного из самих лихих командиров — его прозвали «бешеный осетин» или «черт в красных штанах». До того он 14 раз был ранен, но всегда возвращался в строй, а подчиненным говорил: «Всякий патриот и герой, идущий в атаку на безбожную сволочь, уже должен считать себя погибшим за веру и великую Россию...»

Выбыл из строя раненым и другой начальник кубанцев — ген. Науменко. Всякая связь между частями и командованием потерялась. Отступающая конница давила пехоту. С севера ударила группа Федько, тесня марковцев, Врангель писал: «Смятение овладело полками. Части на рысях стали отходить к переправам. Ободрившийся противник перешел в наступление. Смятение в рядах расстроенной конницы увеличилось. Восстановить порядок было невозможно. Все устремились к переправам. На узких лесных дорогах, в плавнях смешались отходившие конные и пехотные части... Потрясенный всем виденным, растерявшийся ген. Драценко отдал приказ об отходе всей армии на левый берег Днепра».

В Ставке получили донесение об этом утром 14.10. А Витковский уже пошел на штурм Каховки. 6700 чел. при 10 танках и 14 броневиках. И сюда же была перенацелена авиация, дав тем самым возможность советским самолетам беспрепятственно долбить сбившиеся у переправ заднепровские войска. Бой за Каховку длился весь день. Атака следовала за атакой. Белогвардейцы смогли прорвать и захватить внешний обвод обороны — красные отошли на внутренний. Но части Витковского этим успехом были обескровлены. Они потеряли 9 танков — 4 уничтоженных артогнем, 2 застрявших в заграждениях, 3 подбитых и вытасканных в тыл. Правда, Фрунзе вынужден был отозвать на плацдарм ранее снятые отсюда дивизии, но это уже не имело решающего значения.

Заднепровскую группировку теперь громили ударами и с фронта, и с флангов. Корниловцы и марковцы еще пытались сопротивляться,

но их давили кавалерийскими атаками. Бросаемые навстречу красной коннице кубанцы уже не принимали боя, а в последний момент поворачивали назад, преследуемые лавой неприятеля. Паника усиливалась слухами, что это уже подошла с польского фронта конармия Буденного. На переправах, на дорожках к ним через плавни, возникла давка. Бросали обозы, орудия, пулеметы. Пехота оттесняла конницу, конница — пехоту, стараясь прорваться на левый берег. Части Миронова подталкивали их атаками и рубили бегущих.

Чтобы не дать Врангелю снять с фронта части Донского корпуса и бросить их на выручку заднепровской группы или под Каховку, Фрунзе направил в рейд 5-ю кавдивизию. Скрытно миновав линию фронта, она прошла по тылам от Бердянска до Токмака, уничтожила подразделение в селе Астраханка, взорвала 8 вагонов снарядов в Токмаке и разграбила поезд атамана Богаевского. Сам он, несколько адъютантов и ординарцев успели вскочить в автомобиль. Красные погнались за ними. Машина сломалась, налетев на столб. Богаевскому и адъютанту удалось в темноте ускользнуть и, добежав до ближайшей деревни, занятой донцами, поднять тревогу. Большевики ушли так же стремительно, как появились. 15.10 Витковский снова попытался штурмовать Каховку, но безуспешно. Более того, повыбив его корпус, Блюхер перешел в контратаку и вернул свои утраченные позиции. В этот день завершилась и «заднепровская трагедия». Остатки правобережной группировки закончили обратную переправу и развели понтонный мост.

100. ОСТРОВ КРЫМ

12.10.20, когда Врангель из последних сил старался пробиться на запад, Польша заключила с Совдепией мир. Большевики в дополнение к «линии Керзона», предлагавшейся им ранее, спешили теперь отдать и Западную Белоруссию, и Западную Украину, только бы поскорее развязаться с поляками и сосредоточить усилия против главного врага — Врангеля. Блицкриг на западе кончился для них провалом, но возможности для продолжения войны были. Списочная численность Красной армии осенью достигла 5 миллионов человек. Конечно, из этого количества какая-то часть пребывала в дезертирах, сотни тысяч лежали по тифозным баракам или находились в отпусках после болезни, войска были раскиданы по всей стране из-за восстаний, да и процент никуда не годных частей, которые никак нельзя было послать на фронт, у красных был выше, чем у Врангеля. И тем не менее военные потенциалы Совдепии и Пилсудского вряд ли были сопоставимы. Не будь белогвардейцев, война на европейском театре грозила принять затяжной характер.

Поэтому поляки тоже спешили заключить мир. Они побеждали, но повидали красных под Варшавой и торопились выйти из игры победителями. К тому же они понимали, чем вызваны такие громадные уступки большевиков, и спешили принять их, пока Русская армия еще держалась в Таврии. Ну а белогвардейцев очередной раз предали. Пилсудскому до них дела не было, тем более что никакого союза с ними

он так и не заключал. Врангелевскую миссию во главе с ген. Махровым до последнего момента держали в Варшаве и водили за нос — просто для того, чтобы этими переговорами подстегнуть уступчивость большевиков... Мир немедленно был ратифицирован Сеймом. И тотчас же с Юго-Западного фронта на Южный двинулась 1-я Кон-армия.

После тяжелого поражения за Днепром на совещании командного состава в Ставке Врангеля было решено перейти к обороне, оставаясь в Северной Таврии. Против высказался только начальник штаба ген. Шатилов, опасаясь окружения и уничтожения армии. О причинах решения Врангель писал: «Отход в Крым, за перешейки, не только обрекал нас на голод и лишения, но, являясь признанием невозможности продолжать активную борьбу, создавал угрозу лишения нас в дальнейшем всякой помощи со стороны Франции. Засев в Крыму, мы перестали бы представлять угрозу советскому правительству...» Можно назвать и другие причины. В отличие от гражданской публики, успокаиваемой газетами, и «тыловых стратегов», белое командование знало, что Крым отнюдь не является неприступной крепостью, и при колоссальном неравенстве сил оборонять его будет сложно. В Таврии по крайней мере сохранялась какая-то свобода маневра, уже трижды позволившая отразить красные попытки окружения.

Но с четвертой попыткой Фрунзе не спешил, и впервые с июля белые получили двухнедельную передышку. Врангель смог «подлатать дыры» в поредевших войсках, влив в них пополнения из оставшихся запасных частей, хотя эти пополнения были уж совершенно «сырыми», — все мало-мальски годное ушло на фронт к началу наступления. Он провел еще одну реорганизацию. В 1-ю армию Кутепова вошли 1-й и 2-й корпуса, она оборонялась по Днепру и на северном участке фронта. Восточное крыло прикрывала 2-я армия из 3-го и Донского корпусов. Драценко был снят, и ее командующим стал ген. Абрамов. В резерве находились кавкорпус Барбовича и группа ген. Канцерова (остатки группы Бабиева). Общая численность белых составляла 38 тыс. чел. при 249 орудиях, 1 тыс. пулеметов, 32 самолетах.

Несмотря на опасения и подстегивания Москвы, Фрунзе это усиление не пугало. Он за то же время получил гораздо больше. Завершалась переброска 30-й дивизии, крупной и полнокровной (в полках по 2 тыс. штыков). На базе ее и других свежих соединений создавалась новая, 4-я армия во главе с Лазаревичем, из 9-й и 5-й кавдивизий — новый, 3-й кавкорпус Каширина. Огромные пополнения за счет непрерывно прибывающих маршевых батальонов получали и «старые» армии. В 6-ю, которую вместо Авксентьевского возглавил Корк, влились около 30 тыс. чел., в 13-ю — 34 тыс. Несколько тысяч кавалеристов получила 2-я Конармия. Подходила и 1-я, буденновская. Всего к концу октября на Южном фронте было собрано 144 тыс. чел., 527 орудий, 2664 пулемета, 17 бронепоездов, 45 самолетов.

Суть плана уничтожения Врангеля оставалась той же, что и раньше. Но соотношение сил было другим, и ударов наносилось больше. Две группировки действовали с Каховского плацдарма, 15-я и 51-я

дивизии нацеливались на Перекоп, 1-я Конармия с латышами — на восток, где должны были соединиться со 2-й Конармией и приданными ей четырьмя дивизиями, наступающими от Никополя, окружить таким образом и уничтожить армию Кутепова, а затем вместе идти на Аскания-Нову, на юг, отрезая все дороги в Крым. 4-я армия с севера, а 13-я с востока наносили сходящиеся удары на Мелитополь, чтобы окружить и уничтожить белую армию Абрамова. Фрунзе говорил: «Мы должны задушить Врангеля в наших объятиях».

В эти дни Русская армия обрела последнего союзника — Петлюру, обратившегося через своего посланника в Румынии с предложением военно-политического соглашения. При заключении мира польские союзники предпочли и об украинцах «забыть», удовлетворив собственные аппетиты. Армия Петлюры, около 40 тыс. чел., все еще удерживала фронт в Подолии. Чтобы помочь Врангелю, Петлюра предлагал со своей стороны начать наступление от Могилева-Подольского на Винницу. Врангель дал согласие на союз — примерно на тех же условиях, что с казачьими областями: полная независимость Украины во внутреннем управлении при единстве главного командования «над всеми вооруженными силами и обеспечении общегосударственных интересов». Но союз уже остался чисто теоретическим...

Бои начались 26.10 частным наступлением дивизий, приданных конармии Миронова. Форсировав Днепр возле Никополя, они отбросили поредевших в последнем сражении корниловцев и заняли здесь еще два плацдарма. Тем самым дополнительно отвлекались силы с основных направлений. А 28.10 пять армий Южного фронта перешли в общее наступление. Группа Блюхера, наступая с Каховского плацдарма, смяла 2-й корпус Витковского и двинулась к Перекопу, частично отбросив белых к северу, частично гоня перед собой. В прорыв немедленно ринулась 1-я Конармия. С Никопольского плацдарма обрушилась всеми силами группировка Миронова, заставив противника отступать. 4-й и 13-й армиям достичь решающего перелома не удалось. Хотя они и продвигались, пользуясь огромным численным перевесом, но расчленить боевые порядки 2-й белой армии так и не смогли. Части Абрамова пятились, цепляясь за каждый рубеж и нанося чувствительные контрудары.

29.08 группа Блюхера вышла к Перекопу и с ходу попыталась захватить Турецкий вал. Однако небольшим гарнизоном, занимавшим позиции и пополнившимся за счет отступивших сюда частей 2-го корпуса, штурм был отбит. А 1-я Конармия, оставив позади поддерживающих ее латышей, глубоко ушла в белые тылы и собиралась повернуть на север, чтобы, согласно плану, соединиться с Мироновым для окружения ядра белых сил. Но тут Буденный получил новый приказ Фрунзе. Основываясь на сообщениях Миронова, что противник разгромлен и бежит, командующий фронтом предписал 1-й Конной идти не на север, а на юг, захватить район Геническа и Сальково, т. е. перекрыть две последние переправы в Крым — через Чонгар и Арабатскую стрелку. У Буденного были несколько другие сведения о состоянии белых — что они, хоть и терпят поражение, но далеко не сломлены. И он достаточно самоуверенно принял худшее из решений — свои 6-ю и 11-ю кавдивизии по старому плану направил на север, а сам

с 4-й, 14-й и штабом пошел занимать переправы. К исходу дня 4-я кавдивизия, не встречая сопротивления, взяла Сальково и станцию Новоалексеевка, перерезав железную дорогу в Крым, 14-я — село Рождественское, а штаб с резервной кавбригадой — село Отрада.

Окружение белых войск завершилось. Ставка Врангеля, расположенная в это время в Джанкое, оказалась отрезанной от фронта. Главнокомандующий успел передать приказ Кутепову объединить силы 1-й и 2-й армий и прорываться в Крым. Дальше связь прервалась. Встала жуткая перспектива: вот-вот большевики могли очутиться на полуострове. Защищать перешейки было некому. Врангель затребовал все остатки резервов — юнкеров, а также находившуюся в Феодосии двухтысячную бригаду Фостикова, состоящую из повстанцев. Фостиков отвечал, что его люди совершенно не готовы, не вооружены, не получили еще обуви и обмундирования, оставшись в рванье после походов по горам. Ставка, учитывая положение, подтвердила приказ — присылать людей, не медля ни минуты, хоть группами по сто человек, хоть безоружных...

Но Фрунзе, изменяя задачу Буденному, ошибался. Войска Кутепова вовсе не были разгромлены. Откатившись назад под первым натиском красных, они быстро пришли в себя и стали оказывать жестокое сопротивление. Более того, при поддержке кавалерии Барбовича 1-й корпус контратаковал, нанес серьезное поражение 16-й кавалерийской и 1-й стрелковой дивизиям врага, отшвырнув их назад и прижав к Днепру. Застопорилось и продвижение 4-й армии. Восемь часов держались белые у станции Васильевка, отражая при поддержке бронепоездов массированные атаки 30-й дивизии. А 270-й полк этой дивизии у села Елизаветовки был контратакован казаками — из 2 тыс. чел. в живых осталось 700. Зато восточнее, в полосе 13-й армии, наметился перелом. Две дивизии атаковали с разных сторон и захватили Токмак, прорвав фронт и открыв путь на Мелитополь.

30.10 Блюхер, подтянув артиллерию, танки и броневики, штурмовал Перекоп. Несмотря на малочисленность защитников, успеха он не добился. Красные прорвали три ряда проволочных заграждений, в отдельных местах взобрались на гребень Турецкого вала, однако их отбрасывали огнем, а подразделения, проникшие на вал, уничтожили в рукопашной. Блюхер отказался от дальнейших попыток и перешел к обороне. В 1-й Конармии 11-я кавдивизия Морозова, продвигаясь навстречу частям Миронова, столкнулась с авангардом корпуса Барбовича, начавшего отход, и была им атакована. Красные смешались, стали отступать. На помощь подошла 6-я кавдивизия Городовикова. Вместе навалились на белый авангард, грозя его уничтожить. Но тут подошли и главные силы Барбовича. В рубке, длившейся несколько часов, красным нанесли серьезные потери и отбросили в степь... В полосе 2-й Конармии Миронову пришлось туго. Донской корпус, прикрывая отход основных сил, нанес ему фланговый удар, разгромил 2-ю Ставропольскую кавдивизию, вырубил ее штаб. Лишь разворот на донцов других соединений армии заставил казаков отойти на прежние позиции. Жестокие бои с переменным успехом продолжались и в полосе 4-й армии, а в полосе 13-й в прорыв вошли кав-

корпус Каширина, группа Куйбышева из двух дивизий. Красные ворвались в Мелитополь.

31.10 Фрунзе приказал Буденному собрать все силы в кулак и держаться против отступающих белогвардейцев, а Миронову — увеличить темп движения на Сальково, на помощь Буденному. Но связь между дивизиями 1-й Конармии была уже утеряна. Побитые накануне 6-я и 11-я, дождавшись отставших латышей, заняли село Агайман — и снова оказались на пути отступающих белых. Сюда выходили части 1-го кутеповского корпуса, контратаковали и нанесли им еще одно жестокое поражение, 11-я кавдивизия потеряла в бою весь командный состав. Прикрывшись от атак латышей корниловцами, Кутепов двинул войска к переправам, на Отраду и Рождественское. В Отраде белые ударили по штабу Буденного, резервной кавбригаде, разгромили и выбили из села. Ворошилова едва спасли из рук казаков. Буденный требовал выслать ему на помощь 4-ю кавдивизию Тимошенко, но ее атаковали донцы и части 3-го корпуса. В результате боя, длившегося весь день, разбили и взяли Новоалексеевку. А 14-ю кавдивизию Пархоменко ночью атаковал в Рождественском Барбович. Потеряв управление полками, Пархоменко отдал приказ выбираться из боя кто как может. Непобедимая 1-я Конная была разгромлена по частям...

Здесь соединились остатки 1-й и 2-й белых армий. Подтянувшаяся Латышская дивизия пробовала атаковать Рождественское — Кутепов ответил контратакой, окружив и перебив ее авангардные батальоны. Прикрыв фланг Марковской дивизией, он начал отвод войск в Крым. В Геническе белые нашли невзорванный мост, это весьма облегчило переправу. Части 4-й и 13-й армий находились еще в 40—50 км от перешейков, буденновцы больше не совались, а 2-я Конармия подкатилась вечером 1.11. Атаковала Рождественское, но взять не смогла. Миронов собрал все силы для нового штурма, однако ночью сюда стали подходить части 6-й белой дивизии и Донского корпуса, выбирающиеся из окружения со стороны Мелитополя, нанесли 2-й Конной новый фланговый удар. Лишь 2.11 Миронов начал общие атаки, стараясь сломить белые арьергарды, прикрывающие отход. Броневики, осаживаемые пулеметами красную конницу, погибли, увязнув в грязи, и арьергардные части Кутепова стали откатываться, продолжая серьезное сопротивление. К вечеру Миронов снова занял Новоалексеевку, перехватив железную дорогу и перекресток между Чонгарской и Генической переправами. Подходили и части 4-й армии, прихватив по пути потрепанные буденновские дивизии.

Положение белых ухудшилось в связи с резким изменением погоды. Грянуло сильное похолодание, морозы доходили до 10—15 градусов. А армия воевала по-летнему, в чем была. Транспорт «Рион» доставил из-за границы полушубки и зимнее обмундирование, лишь когда войска были уже в Крыму. Озаботиться сбором теплых вещей для фронта тыловая общественность как-то не догадалась. Солдаты и офицеры вынуждены были греться у костров, надевали мешки, набитые для тепла соломой. Голыми руками держали стальные винтовки. Несколько вагонов раненых пришли в Джанкой с уже замерзшими людьми...

3.11 красные двинулись на Чонгарский полуостров. Ряд атак удалось отбить, но они начали обход по песчаной косе. Марковцы, оборонявшиеся здесь, стали отступать к мостам, отбиваясь на промежуточных рубежах. К вечеру они завершили отход в Крым. Пропустив на свою сторону последний бронепоезд, белогвардейцы взорвали железнодорожный мост и подожгли гужевой. По нему сквозь огонь попробовали ворваться конники Городовикова и откатились, встреченные пулями. Взорвали за собой и Генический мост. Части 13-й армии и 11-й кавдивизии хотели наладить переправу и попасть в Крым через Арабатскую стрелку, однако сюда подошли белые корабли и накрыли их артогнем, выпустив до 3 тыс. снарядов. Удар был столь мощным, что красные не только свернули наступление, но и вообще бежали, бросив Геническ. Фрунзе писал: «Особенно замечательным приходится признать отход основного ядра в Крым. Отрезанные от перешейков врангелевцы все-таки не потеряли присутствия духа и хотя бы с колоссальными жертвами, но пробились на полуостров».

Тем не менее поражение Русской армии было жестоким. Красные захватили свыше 100 орудий, много пулеметов, припасов. Число пленных они исчисляли «до 20 тысяч». Трудно сказать, насколько верна эта цифра. Но в надломившихся белых войсках в эти дни произошло некое расслоение. Те, кто хотел пробиться в Крым, в большинстве своем пробились. А те, чей моральный дух оказался подорван, наспех поставленные в строй новобранцы, случайные люди, измученные боями, поражениями и холодом, конечно, дезертировали и подняли руки...

101. ПЕРЕКОП

Легенды о Крыме как неприступной твердыне сильно преувеличены. Всего на полуостров вели три дороги. Перекопский перешеек шириной около 10 км. Восточнее, за Сивашом, где к Крыму близко подходит Чонгарский полуостров, от него в одном месте была проложена узкая, до 300 м, дамба с железнодорожной линией и мостом, а в другом, где пролив сужается до 1 км, находился гужевой мост. Третья дорога, еще восточнее — через Генический мост на Арабатскую стрелку. Хотя еще в мае было принято решение об укреплении перешейков, к моменту отхода армии в Крым сделано было очень мало. Не хватало ни сил, ни средств, ни материалов. Действовать по методу большевиков, выгнавших на строительство Каховки массу херсонского населения, белое командование не додумалось. Работа шла «по мере возможностей» — увы, весьма ограниченных. Долговременные огневые позиции, бетонированные казематы, тяжелые морские орудия имелись. Но не на перекопском, а на чонгарском направлении, у последней на крымском берегу станции Таганаш — тут проходила железная дорога, и проще было подвезти стройматериалы.

А на Перекопе первую линию обороны представлял Турецкий вал — земляной, насыпанный еще пленными запорожцами. За ним в 20—25 км находились несколько линий Юшуньских укреплений между озерами и заливами. Все позиции представляли собой обычные окопы, т. е. канавы, оплывшие и полуобвалившиеся от осенних дождей.

Из-за недостатка в Крыму лесоматериалов их не смогли даже обшить досками. Блиндажи имелись только на Турецком валу. Отнюдь не долговременные, а деревоземляные — «в три наката». Окопы прикрыли линиями колючей проволоки — всего на Перекопе, на всех полосах обороны ее насчитывалось 17 рядов. Большинство окопов не были обеспечены проволочными заграждениями с тыла, на случай обходов — опять из-за дефицита материалов, обычных кольев. Естественно, такие укрепления не спасали от огня тяжелых, а чаще и легких орудий. Для артиллерии долговременных укреплений на Перекопе не имелось вовсе — только полевые. И пустовавшие. Установка орудий планировалась в последний момент, т. к. свободной крупнокалиберной артиллерии в Крыму не было, иностранцы этот дорогой «товар» не поставляли. Но при отходе тяжелые орудия достались красным, и подавляющее большинство артиллерии составляли полевые трехдюймовки. Железнодорожная ветка, запроектированная от Юшуньки к Перекопу для подвоза снарядов, была построена лишь на четверть. Фугасы, минные поля, электрический ток в заграждениях являлись лишь плодами фантазии. Они родились из выдумок крымских журналистов, продолжавших даже на краю гибели соревноваться в шапкозакидательстве. Из их газет данные перекочевали в красные разведсводки и растекались слухами среди большевиков. Ну а потом их, понятное дело, увековечили в победных реляциях и мемуарах, придавая дополнительный вес одержанным победам. А то соотношение сил выглядело уж больно «несолидным».

Турецкий вал обороняла Дроздовская дивизия, насчитывавшая лишь 3260 штыков. Полтора красных полка... Рядом, на выступе Литовского полуострова, стояла бригада Фостикова, 2 тыс. плохо вооруженных повстанцев. Корниловцы и марковцы, на долю которых выпали самые тяжелые бои в Заднепровской операции и при отступлении, занимали Юшуньские позиции и прикрывали южный берег Сиваша. На Чонгарском направлении и Арабатской стрелке оборону занимали Донской корпус и кубанцы Канцеров. Вместе около 3 тыс. чел. В резерве оставались обескровленные 13-я, 34-я дивизии и кавкорпус Барбовича. В тылу дополнительно формировалась еще одна, 15-я дивизия. В общей сложности у Врангеля было 22—23 тыс. чел., 120 орудий, 750 пулеметов.

Южный фронт против них имел в своем составе 198 тыс. чел., 550 орудий, 3059 пулеметов, 57 бронемашин и танков, 84 самолета. Кроме того, в подчинение Фрунзе Махно прислал «армию» во главе с Каретником — около 5,5 тыс. чел. На главных направлениях (по советским данным) у белых приходилось на километр фронта 125—130 штыков и сабель, 5—7 орудий, 15—20 пулеметов. У красных: 1,5—2 тыс. штыков и сабель, 10—12 орудий, 60—80 пулеметов. Первоначально Фрунзе планировал главный удар 4-й и 1-й Конной армиями в глубокий обход, через Арабатскую стрелку, что позволяло выйти аж к Феодосии. Но со стороны Азовского моря этот путь прикрывался огнем белых кораблей, а красная флотилия застряла в Таганроге из-за раннего ледостава. И основное направление штурма сместилось на Перекоп, куда было стянуто огромное количество артиллерии, в том числе только что захваченной у белых.

Прорыв предполагался силами 6-й армии комбинированным ударом — в лоб и десантом через Сиваш на Литовский полуостров. На Чонгарском направлении планировался вспомогательный удар. Отступившие белые части едва успели обосноваться на позициях. Давать им какую-то передышку, чтобы прийти в себя и дополнительно укрепиться, Фрунзе не собирался. Да и из Москвы его торопили. 3.11 завершилась операция в Таврии, а через 2—3 дня красные уже изготовились идти на приступ. Ждали только западного ветра, который в этих местах отгонял воду Сиваша на 7—10 км, обнажая дно. Вскоре дождались.

7.11 красные произвели демонстрацию на Чонгарском направлении, один из полков 30-й дивизии переправился по наплавному мосту в Крым, ворвался в первую линию траншей, но был выбит и едва спасся. Стало ясно, что красные намерены штурмовать полуостров. В этот день Крым был объявлен на осадном положении. Руководство обороной возлагалось на Кутепова, под командованием которого объединялись все войска.

В ночь на 8.11 началась основная операция Фрунзе. В лоб Турецкий вал штурмовала группа Блюхера из четырех бригад 51-й дивизии, Латышской дивизии, артгруппы из 55 орудий, 14 танков и бронемашин. Через Сиваш направлялся десант по трем бродам. Справа две бригады 51-й дивизии, в центре 52-я дивизия, слева — 15-я. Общая численность переправляющихся достигала 20 тыс. чел., вдесятеро больше, чем повстанцев Фостикова. Страницы советской литературы и кадры фильмов о бойцах, отважно уходящих в воду, не имеют ничего общего с действительностью. Дно было совершенно открыто. А погода стояла холодная, в ночь операции мороз дошел до минус двенадцати. Грязь подмерзла. Авангарды шли вообще посуху. Следующим, когда корка была разбита ногами и колесами орудий, приходилось идти в грязи, доходившей до щиколоток, на отдельных участках по лужам. Лишь 52-й дивизии досталось тяжелее — около километра двигаться по ледяной жиже, доходившей почти до пояса. Обнаружить десант белые никак не могли — опустился густой туман. В этом тумане 15-я дивизия слегка заблудилась — вышла на крымский берег даже дальше, чем предполагала. Ей пришлось возвращаться, чтобы оказаться у основания Литовского полуострова, в тылу бригады Фостикова.

52-я вышла на кубанцев в лоб. В 2 часа ночи ее авангарды выбили окоченевших казаков из первой линии окопов. На подмогу Фостикову из ближайшей деревушки выступили несколько батальонов дроздовцев, отбросили красных назад. Но во фланг дроздовцам ударила подоспевшая 15-я дивизия. В рукопашной белогвардейцы опрокинули и прижали к берегу один из ее полков. Однако силы красных прибывали, подходили все новые и новые части, растянувшиеся на бродах. Белые стали отступать. Часть кубанцев сдалась. Правда, продвинуться дальше Литовского полуострова большевикам так и не удалось. Их остановили артогнем и контратаками. Из тыла подошли на помощь части 34-й, Корниловской дивизий, несколько броневигов. Третья колонна красных, две бригады 51-й дивизии, запоздала с переправой и приблизилась к Крыму только в 8 часов утра. Выйти на берег ей не

дали. Контратакой 2-го Дроздовского полка она была отброшена и залегла в грязи на дне Сиваша. Дождавшись «хвостов» колонны, полки большевиков штыковой атакой оттеснили белых и зацепились за берег, однако через час их снова скинули в болото.

Лобовой штурм Турецкого вала начался с задержкой из-за тумана, мешавшего артиллерии. Потом последовала артподготовка, длившаяся 4 часа. Атакующих Блюхер распределил пятью «волнами». Первая расчищает проходы в проволочных заграждениях. Вторая, 10 батальонов, подкатывается к валу. Третья, слившись со второй, прорывает оборону и продвигается дальше. Четвертая, 4 свежих полка, «чистильщики», добивают уцелевших в траншеях белогвардейцев. Пятая, кавбригада, включается в преследование бегущих. Но дроздовцы, даже ослабленные уходом на Литовский полуостров значительной части дивизии, не дрогнули. Отбивались отчаянно. Первая волна была истреблена, даже не достигнув заграждений. Вторая, с бронеотрядом, сумела преодолеть их первую линию, потеряв несколько машин, при этом была частично перебита, частично прижата к земле. В третью атаку среди колонн пехоты Блюхер пустил артиллерийские батареи, выдвинутые на прямую наводку. Но это лишь дало возможность отойти назад остаткам предыдущих отрядов. Фрунзе подтвердил приказ: готовиться к новому штурму. Попытку наступления 9-й советской дивизии по Арабатской стрелке снова отразили огнем врангелевские корабли.

Одолеть белых большевики все еще не могли. Ударные дивизии, захватившие было весь Литовский полуостров, под непрерывными контратаками пятились к его краю, панически просили о помощи. Фрунзе направил туда конницу — 7-ю кавдивизию и махновцев. В это же время он получил известие, что ветер переменялся и вода возвращается в Сиваш. Тогда он приказал выгнать в Сиваш население окрестных сел и возводить дамбу. Удерживать воду плетнями, снятыми в тех же селах. Сколько можно, до конца. Сколько уж там людей перетонуло и осталось инвалидами — кто знает? Появление на Литовском полуострове кавдивизии и махновцев Каретника привело к перелому. Вслед им Фрунзе послал еще и 16-ю кавдивизию. Белые войска стали отступать к Юшуню, и большевики хлынули в Крым. Около полуночи Блюхер начал четвертый штурм Турецкого вала. Ночные действия оказались более удачными. К половине четвертого утра красные овладели гребнем вала. Защитники, дроздовцы и корниловцы, уже были отрезаны от своих. Их атаквали и с тыла, что способствовало успеху фронтальной атаки. Штыками они проложили дорогу и вырвались из окружения.

К вечеру 9.11 красные по всему фронту вышли к Юшуньским позициям, а 51-я дивизия с ходу прорвала первую линию обороны. Дальше ее остановили. Большевики подтянули значительное количество артиллерии — 20 легких и 15 тяжелых батарей. 150 орудий, буквально перепахивали землю, сметая проволочные заграждения. На следующий день возобновились атаки. 51-я дивизия, наступающая на западном фланге, захватила вторую линию траншей. Но судьба сражения за Крым оставалась все еще неопределенной. Ее соседям, 15-й и 52-й дивизиям, продвинуться так и не удавалось. Фрунзе писал: «Во всех

позициях полугодичной борьбы Врангель как командующий в большинстве случаев проявлял и выдающуюся энергию, и понимание обстановки. Что касается подчиненных ему войск, то о них приходится дать безусловно положительный отзыв». Белогвардейцы держались. Врангель попытался еще организовать контрудар, способный изменить ситуацию. Подтянул свой последний резерв — корпус Барбовича, которому предписывалось вместе с дроздовцами занять и удержать последнюю, третью линию обороны и отбросить красных. С Чонгарского направления началась переброска под Юшунь Донского корпуса.

Узнав от авиаразведки об этом перемещении, Фрунзе направил на Перекоп 2-ю Конармию, а 4-й приказал нанести удар с Чонгарского полуострова. В ночь на 11.11 30-я дивизия, воспользовавшись густым туманом, начала форсировать пролив по наплавным мосткам у Тюп-Джанкоя. На рассвете ее части ринулись на штурм. Завязался бой за первую и вторую линии окопов. Одновременно со стороны железнодорожной дамбы при поддержке бронепоездов пошла атака по основе взорванного моста. Здесь красные были разбиты и выброшены обратно, но бой отвлек часть сил от Тюп-Джанкойского участка, где по мосткам сумели переправиться две бригады. Получив сообщение о наступлении у Чонгара, угрожающем выходом в тыл всей группировке, сосредоточенной под Юшунью, Врангель повернул назад донцов, отправил к станции Таганаш все исправные бронепоезда. Контрудар теперь возлагался на одного Барбовича. 11.11 началось последнее сражение.

Латышская дивизия, сменив в первом эшелоне уставшие части 51-й, прорвала третью, последнюю полосу Юшуньских позиций на западном фланге, а на восточном, сильно отставшем, наоборот, конница Барбовича атаковала и разметала 7-ю и 16-ю кавдивизии красных. Затем ударила по 15-й и 52-й стрелковым дивизиям. Красные побежали. Белая кавалерия гнала их, выходя в тылы выдвинувшихся вперед Латышской и 51-й. А с моря эти дивизии стала поливать огнем врангелевская флотилия, вошедшая в Каркинитский залив. Однако тем же утром в Крым переправились основные силы 2-й Конармии, около 7 тыс. сабель, и ускоренно двигались против Барбовича. Во встречном бою Миронов применил хитрость. Учтя наступательный порыв белой кавалерии, укрыл за своим конным строем 250 пулеметов на тачанках. Перед столкновением красные разомкнулись, и на летящих вперед белогвардейцев в упор хлынул ливень огня. Головные части были скошены, остальные смешались, налетая на падающих и поворачивающих. Кони спотыкались о трупы... А дальше на Барбовича пошла лава Конармии. Вслед за ней повернула отступавшая пехота. К концу дня последняя полоса Юшуньских укреплений пала.

Продолжались бои и под Чонгаром. Возвращенные донцы атаковали и почти вырубили авангардный полк большевиков, а за ним уже шли другие переправившиеся части. Казаки пятились, огрызаясь отчаянными контрударами. Хутора по несколько раз переходили из рук в руки. Под вечер красные саперы завершили наводку свайного моста, и по нему сплошными потоком пошли войска — кавкорпус Ка-

ширина, артиллерия. Несколько часов дрался, сдерживая большевиков, бронепоезд «Офицер» — и погиб, окруженный и подорванный. В 3 часа ночи 12.11 красные ворвались на станцию Таганаш. Советские армии двумя потоками стали выливаться на просторы Крыма. Штурм завершился. Южный фронт потерял в этой операции около (а может, и более) 10 тыс. чел. Опять закидали головами.

Гражданское население Крыма до последнего дня пребывало в состоянии блаженного неведения. Чтобы не создавать паники и почвы для активизации большевистского подполья, различных беспорядков, Врангель сразу после отхода в Крым 4.11.20 выступил на пресс-конференции, где рассказал о ситуации в общих чертах верно, но не упоминая об отрицательных последствиях отступления. Указал, что план красных окружить Русскую армию сорвался, что при выходе из кольца белые сами нанесли серьезное поражение 1-й Конармии. Что отход совершен организованно и с незначительными потерями (в первые дни, не обобщив еще сведений из войск и основываясь только на перечне вышедших частей, сохранении ими боеспособности, так считало и само белое командование). Врангель говорил: «Противник, несомненно, в ближайшие дни попытается атаковать наши позиции: он встретит должный отпор. Все состоит в том, чтобы выиграть время. Внутреннее разложение, необходимость оттянуть часть своих сил для борьбы с антибольшевистскими русскими силами, наступающими с запада (Имелась в виду 3-я Русская армия Перемыкина-Савинкова, которая так окончательно и не организовалась) и для подавления очагов восстаний ослабит противника, находящегося против нас, и наша задача лишь в том, чтобы выдержать лишения, неизбежно связанные с пребыванием в осажденной крепости, и не упустить надлежащего момента для перехода в наступление... Запад, которому большевизм грозит в той же мере, как и нам, должен учесть ту роль, которую наша армия сыграла в победе Польши... Однако иллюзий себе делать нельзя. Нам временно предстоят тяжкие лишения, население должно делить эти лишения наравне с армией. Малодушию и ропоту нет места. Тем, кто не чувствует себя в силах делить с армией испытания, предоставляется свободный выезд из Крыма. Те, кто, укрываясь за спиной армии, не пожелает этим правом воспользоваться и будут мешать армии в выполнении ее долга, рассчитывать на снисхождение не должны — они будут беспощадно переправляться через фронт. Всех же честных сынов родины я призываю к дружной работе и ни одной минуты не сомневаюсь в конечном торжестве нашего дела».

Такого же рода сообщение, только более краткое и сухое, сделал штаб главнокомандующего. Несмотря на то что заявление Врангеля не давало повода для излишнего оптимизма, в газетах оно стало толчком к очередной шапкозакидательской кампании. Говорилось, что Крым может «спокойно смотреть на свое будущее». Что можно даже радоваться попыткам красных штурмовать «перекопские твердыни» — «чем больше при этом погибнет лучших красноармейских полков, тем скорее деморализация охватит остальную часть Красной армии. Для защиты перекопских позиций наша армия даже слишком велика...» Масла подлил ген. Слащев, возвращенный из «отпуска», как специа-

лист по защите перешейков. 7.11, накануне штурма, он заявил в интервью газете «Время»: «Население полуострова может быть вполне спокойно. Армия наша настолько велика, что одной пятой ее состава хватило бы на защиту Крыма...» Понятное дело, Слащев припомнил о собственных подвигах, когда удерживал красных с 4-тысячным корпусом. Но тогда его штурмовали силами 1—3 дивизий, а не пяти армий...

И Крым жил спокойно. Работали кинотеатры, в Таврическом дворянском собрании ставили пьесы сбежавшиеся сюда из Совдепии лучшие актеры. Внепартийное совещание общественных деятелей во главе с кн. Долгоруковым еще надеялось на активизацию поддержки Запада и приняло обращение к странам Антанты, где говорилось: «Ключ спасения от большевизма не в Париже, не в Лондоне, не в Нью-Йорке, а в Крыму». Лишь самые дальновидные «пессимисты» уже начали подыскивать места на пароходах и покупать валюту — крымский рубль, хоть и сильно обесценился, еще конвертировался по курсу 500—600 тыс. за 1 фунт стерлингов. Катастрофа 8—9.11 грянула для многих, как гром среди ясного неба. Надо отметить, что даже белое командование, знавшее о положении лучше, чем обыватели, не предполагало, какое колоссальное преимущество в живой силе и артиллерии обеспечил себе враг. Ставка Врангеля оценивала войска Южного фронта в 100 тыс., из них 25 тыс. конницы, а у Фрунзе было 200 тыс., из них 40 тыс. конницы. С возможностью поражения считались, но не ожидали, что оно может совершиться так быстро...

10.11 после совещания Врангеля с Кутеповым было решено начать эвакуацию тылов. Для этого были реквизированы все коммерческие суда, находящиеся в портах, независимо от национальности. Стали грузиться лазареты, некоторые центральные учреждения. Через французского посланника графа де Мартеля белое правительство обратилось к Франции с просьбой о предоставлении убежища. Для предотвращения беспорядков, организуемых местными коммунистами, из работников штабов создавались команды, вооруженные винтовками и гранатами. Вскоре, еще без общего объявления, началась выдача документов на эвакуацию и среди населения.

11-го и в ночь на 12-е рухнули последние рубежи обороны. Эвакуационный план к этому времени был уже разработан, распределены корабли между частями, выделены транспорты для семей военнослужащих, тыловых и правительственных учреждений. Суда, оставшиеся после разнарядки, предназначались для гражданского населения. Чтобы обеспечить быструю и планомерную погрузку, она должна была производиться в разных портах. 1-му и 2-му корпусам было приказано отходить на Севастополь и Евпаторию, корпусу Барбовича — в Ялту, кубанцам — в Феодосию, донцам — в Керчь. Войска двинулись по этим направлениям сразу после сражения, командование сумело организовать отход достаточно четко. Более того, удалось оторваться от врага на 1—2 перехода. Измотанные и повыбитые в сражении красные части не смогли начать немедленное преследование. Фрунзе направил Врангелю радиogramму с предложением капитуляции на почетных условиях. Сдавшимся гарантировалась жизнь и неприкосновенность, а тем, «кто не пожелает остаться в России, — свободный выезд за рубеж при условии отказа под честное слово от дальнейшей борьбы».

Трудно сказать, по какой причине Фрунзе поступил столь не по-

большевистски. Возможно, зауважал противника, играл в рыцарское благородство. Возможно, из чисто практических соображений, считая, что прижатые к морю врангелевцы будут сражаться с отчаянием обреченных и положат еще массу красных. А может быть, Фрунзе мыслил уже категориями профессионального полководца и хотел сохранить для своих войск цвет Русской армии. Листовками с этим обращением, как и с аналогичными обращениями РВС армий, засыпали с самолетов отступающих. Сыпали и прокламации с обращением к офицерам ген. Брусилова (его подпись, как потом выяснилось, получили обманом, сообщив ему, что в Крыму произошел переворот, Врангеля свергли и идут распри. И если, мол, авторитетом Брусилова возглавить офицерское движение, то можно без кровопролития перетянуть врангелевцев в Красную армию).

О какой-то настоящей амнистии коммунистическое руководство и не думало. 12.11 Фрунзе строго одернул Ленин: «Только что узнал о Вашем предложении Врангелю сдаться. Удивлен уступчивостью условий. Если враг примет их, надо приложить все силы к реальному захвату флота, т. е. невыходу из Крыма ни одного судна. Если же не примет, нельзя ни в коем случае повторять и расправиться беспощадно». Лишь через день красные смогли наладить преследование, 6-я армия двинулась на Евпаторию, 2-я, а за ней и 1-я Конные — на Симферополь и Севастополь, 4-я и 3-й кавкорпус — на Феодосию и Керчь. Правительство Франции после некоторых колебаний согласилось предоставить убежище Русской армии и беженцам. Правда, потребовало «под залог» расходов передать корабли флота. Выбора не было — нужно было спасать людей. 12.11 вышел приказ Врангеля об общей эвакуации. Он писал: «Дальнейшие наши пути полны неизвестности. Другой земли, кроме Крыма, у нас нет. Нет и государственной казны. Откровенно, как всегда, предупреждаю всех о том, что их ожидает. Да ниспошлет Господь всем силы и разума одолеть и пережить русское лихолетье». Всем желающим остаться в России предоставлялась полная свобода. Другой приказ Врангеля гласил: «Воспреещаю какую бы то ни было порчу и уничтожение казенного имущества, так как таковое принадлежит русскому народу».

Еще метался со своими проектами Слащев. Предлагал Кутепову дать новое сражение, выгнав на позиции «всю тыловую сволочь», «всех под ружье и в поле». Кутепов ответил: «Положить армию в поле — дело нехитрое» — и отказался. Слащев обратился и к Врангелю, предлагая высадить всю армию на Кавказе, «пан или пропал». Главнокомандующий передал ему: «Желающим продолжать борьбу предоставляю полную свободу. Никакие десанты сейчас за неимением средств невыполнимы». Взбешенный Слащев на своей яхте «Жанна» уехал в Константинополь... Люди потянулись в порты — с узлами, чемоданами, подводами, груженными скарбом. Приказ об эвакуации стал неожиданностью не только для штатского населения. Атаманское училище, вызванное из Симферополя, чтобы обеспечить порядок при погрузке, считало, что идет для усмирения какого-то выступления местных большевиков или «зеленых», и прибыло налегке, оставив все имущество.

Стоит отметить, что картина эвакуации Крыма впоследствии тоже была искажена. В отличие от Одессы и Новороссийска, она проводилась относительно спокойно и организованно. Порядок поддер-

живался воинскими командами, которым было приказано любыми мерами пресекать всякие проявления бесчинств (например, Высоцкий в фильме «Служили два товарища», силой прокладывающий себе путь и лезущий с конем, был бы расстрелян тут же, возле трапа). Порядку способствовало и значительное количество плавсредств — ведь уходил весь русский флот, все суда, способные пересечь море, своим ходом или на буксире. Часть людей грузились на иностранные корабли — французские, английские, американские. Разумеется, вывезти всех беженцев, скопившихся в Крыму, возможности не было.

Но многие из них сами решили остаться. Крым все-таки был последним клочком русской земли. Покинуть его — значило бы стать изгнанником, скитаться по неизвестной и пугающей чужбине. У некоторых решение остаться определилось неожиданностью эвакуации. Может, подумав, они и захотели бы уехать, но вот так, сразу... Стали рождаться самоутрачивающие слухи и теории. Что, раз большевики победили в войне, им придется налаживать международные связи, и в Крыму им «придется держать экзамен перед Западом». Поэтому от каких-либо репрессий они, конечно же, воздержатся. Успокаивали и местные рабочие, уже сжившиеся с приезжими «буржуями» и неплохо относившиеся к этим несчастным людям. Посчитав себя хозяевами положения, они уверяли, что возьмут беженцев под свое покровительство и бесчинствовать в своих городах большевикам не позволят... Остаться решили и многие военные, доверившись листовкам Брусилова, Фрунзе и др., а также слухам об офицерах, воевавших на польском фронте. Вера в правоту Белого Дела после полного поражения, естественно, у кого-то зашаталась. А прощение вроде открывало выход из тупика...

14.11 погрузка на суда закончилась. В опустевшем штабе состоялась простенькая церемония вручения знамен корниловцам, марковцам и дроздовцам. Три года лучшие белые части сражались без знамен, а получили их, по горькой иронии, в последний день пребывания на родине... Получив доклад, что части уже на кораблях и грузятся заставы прикрытия, Врангель перешел на крейсер «Генерал Корнилов». Все военное имущество, все склады были переданы под охрану профсоюзов (тем не менее чернь их все-таки погромила сразу после ухода белых). «Белая Россия» превратилась в огромный город на воде. Долгое время корабли стояли на рейде, проверяя, не забыли ли кого на берегу. Посылали шлюпки на розыски оставших. На борту крейсера Врангель составил письмо на имя де Мартеля с просьбой ходатайствовать перед правительством Франции о переброске Русской армии на западный противобольшевистский фронт «для продолжения борьбы против поработителей России, врагов мировой цивилизации и культуры» (еще не верилось, что никакого западного фронта больше не будет). В случае невозможности такого решения Врангель просил возбудить вопрос о предоставлении белой армии и флота в распоряжение международной комиссии по охране проливов.

К вечеру «государство на воде» снялось с якорей и пошло в Константинополь. «Генерал Корнилов» 15.11 направился в Ялту, где Врангель съехал на берег и проверил завершение эвакуации. Потом крейсер пошел в Феодосию. Там тоннажа не хватило, и часть кубанцев направилась в Керчь. Врангель на «Корнилове» пошел и туда. Выяснилось,

что в Керчи погрузка завершилась успешно, на корабли посажены и донцы, и кубанцы. Утром 17.11 «Генерал Корнилов» последний раз прошел вдоль побережья Крыма и взял курс на Босфор...

Армия эвакуировалась полностью. Конечно, кроме тех, кто остался в пути, застрял в глубине полуострова или решил сдаться. Большевики рапортовали потом о 30 тыс. пленных. Миронов докладывал о 10 тысячах вырубленных «отступающих» — цифра сомнительная, поскольку главные силы белых он так и не настиг. Так что неизвестно, кого рубила по дорогам 2-я Конармия. Несовпадение ранее приведенных данных о численности Русской армии с количеством спасшихся, плененных, репрессированных пусть вас не смущает. При описании фронтовых действий назывались цифры боевого состава. Но, во-первых, в результате потерь он постоянно менялся — сколько солдат и офицеров находились в лазаретах, в отпусках по ранению! Во-вторых, нужно учесть тыловые штабы, службы, учреждения, охрану складов, гарнизоны городов, флот, маршевые и запасные части, училища. В ранних советских источниках фигурирует вообще фантастическая численность армии Врангеля — 130—150 тыс. чел. В более поздних и «трезвых» общая численность определяется в 80 тыс. Хотя, повторяю, даже по советским данным на фронте находились на более 30—40 тыс.

Наконец, в число «белогвардейцев» попали и те, кто к армии не принадлежал. Офицеры, уволенные по тем или иным причинам. Или уклоняющиеся от службы — при Врангеле таковых было меньше, чем в деникинский период, но все же в тыловых городах хватало. Попала в «пленные» и часть дезертиров, вышедших с гор навстречу красным. Одним «зеленым» повезло больше — присоединились к махновцам, другие очутились в разряде «красных партизан», а третьи угодили в плен. Так был расстрелян знаменитый капитан Орлов, явившийся с отрядом в Симферополь. 16.11 Красная армия вступила в Керчь. Южный фронт был ликвидирован.

А корабли с Русской армией и беженцами шли к турецким берегам. Всего, по данным Врангеля, на 126 русских судах (т. е. не считая иностранных) эвакуировалось 145 693 человека (кроме экипажей). Из них более 100 тыс. гражданских беженцев. Разумеется, всех желающих взять так и не смогли. Грузили, сколько влезет, впритирку. Условия были, конечно, жуткие. Чтобы посадить людей, сбрасывали в море снаряды и другое имущество. Забивали пассажирами проходы и палубы. Даже на «Генерале Корнилове» отдельная каюта была выделена только Врангелю — она же комната для совещаний. Штабные генералы ужимались по десятку в крохотных каютках. На миноносце «Грозный» (штатная численность экипажа 75 чел.) ехали 1015. И полз он еле-еле, потратив на дорогу четверо суток. Плохо было и на других судах. Людям не хватало воды, продуктов. Были несколько случаев сумасшествия. Многие беременные женщины преждевременно рожали — уже потом, в Константинополе, на одном из феодосийских пароходов, где таких случаев было больше всего, выделили специальную «родильную каюту», куда возили рожениц с других судов. Но почти все младенцы появлялись в те дни мертвыми...

На кошмар переполненных кораблей жаловались многие авторы-эмигранты, в основном из людей, непривычных к серьезным ли-

шениям. Их статьи в эмигрантской прессе охотно перепечатывала и цитировала советская литература, злобно смакуя такие подробности «бегства буржуев». И при этом упускали — первые по незнанию, вторые по понятным причинам — несколько факторов. Что в данное время в подобных условиях функционировал весь «нормальный» транспорт Совдепии. И что терпеть тесноту и грязь трюмов пришлось лишь несколько дней — во имя спасения жизни. Потому что большая часть оставшихся в Крыму, и по своему желанию, и без него, уже никогда не смогла никому и ни на что пожаловаться.

102. УГЛИ ПОГАСШЕГО ПОЖАРА

Как вокруг большого потушенного костра еще ползут во все стороны языки пламени, так и после поражения Врангеля еще продолжала полыхать на юге гражданская война. В Подолии между поляками и советскими войсками держалась 40-тысячная армия Петлюры, забытого вчерашними союзниками-поляками и оставшегося в изоляции. Части красного Юго-Западного фронта, отступая на восток от Львова и Карпат, автоматически усилились — сомкнулись со своими отставшими тылами, впитали в себя подкрепления, не догнавшие их во время броска на Польшу, пополнились за счет переставшего существовать Западного фронта. И Уборевич, вновь назначенный командующим 14-й армией, 15.11 под Проскуровом (Хмельницким) перешел в наступление на петлюровцев. Действовал он согласно излюбленной своей тактике: взломав оборону на узких участках, пустил в прорыв имевшиеся у него конные соединения — кавдивизии Примакова и Котовского. В двухнедельных боях Петлюра был разбит. Его армия частично ушла в Польшу и Румынию, частично рассеялась по Украине мелкими отрядами. Эмигрировал в Румынию и сам «головной атаман». Под Мозырем были разгромлены и немногочисленные русские белые части, сформированные в Польше Савинковым и Перемыкиным.

На юге и востоке Украины возобновилась война против Махно. Большевики его, конечно, обманули, когда при заключении союза против белых разрешили провести мобилизацию в «повстанческую армию». За время борьбы между Совдепией и Врангелем батяка хорошо отдохнул, окреп и усилился. У него уже имелись правильно организованные штабы, даже с офицерами Академии Генштаба, свое интендантство, функционировали госпитали, укомплектованные медперсоналом, захваченным у красных и у белых. Создавались крепкие полки и дивизии, особенно конные и пулеметные. С проведением разрешенной ему мобилизации эта сила грозила значительно возрасти, сделав батяку реальным соперником коммунистов.

И они пошли на попятную, запретив мобилизацию сразу после победы над Врангелем. Конфликт углублялся положением в Крыму. 1-я и 2-я Конармии, находившиеся там, состояли из забубенной вольницы, по духу и характеру мало чем отличавшейся от махновцев. Учитывая, что окончание войны с белыми сулило конец их бесшабашной жизни, допускавшихся в их отношении послаблений, конармейцы стали перетекать в батякины части, оказавшиеся вместе с ними. Встре-

воженная советская власть потребовала от Махно не принимать перебежчиков и прекратить агитацию. А 24.11 Фрунзе направил батьке ультиматум — в двухдневный срок перейти на положение регулярных частей Красной армии и передислоцироваться на Кавказский фронт. Выслушивать такие распоряжения от большевиков, с которыми он договорился лишь об оперативном подчинении, Махно не желал, а красные принялись разворачивать против него войска, обкладывая Гуляй-Поле.

26.11 началась операция по ликвидации «махновщины», был отдан приказ об аресте батьки и его главных помощников. Симферопольский штаб его крымской группировки захватили, не дожидаясь истечения срока ультиматума, командиров расстреляли. Но сама группировка численностью около 5 тыс. чел. тут же рассыпалась на отдельные отряды и ринулась прочь из Крыма. Заслоны, выставленные на перешейках, махновцы опрокинули или обманули и вырвались в Таврию. Сам батька из стягивавшейся вокруг него ловушки тоже ускользнул и принялся собирать свои части. В ответ на вероломство красных он захватил Бердянск и устроил там поголовную резню коммунистов. Все только что сформировавшиеся в городе советские, партийные органы, командный состав частей были полностью уничтожены.

Под Бердянск немедленно направили войска 4-й армии и окружили Махно кольцом из трех дивизий. В верха полетели телеграммы о том, что противник попал в западню. Однако на рассвете 6.12 Махно вдруг всеми силами обрушился на одну из дивизий, 42-ю. Остальные соединения большевиков еще не успели сообразить, в чем дело, а он яростной атакой буквально разбросал ее и ушел, захватив Токмак. Красные принялись спешно менять планы, передвигать войска. Махно опять окружили. А 12.12 он повторил тот же маневр, расшвырял еще раз ту же самую 42-ю дивизию и с отрядом около 5 тыс. чел. рванул к Никополю, где по льду перешел на правый берег Днепра. Наперерез ему бросили 1-ю Конармию. Догнать его она не смогла. Севернее Екатеринослава Махно вернулся на Левобережье и, делая по 250—300 км за сутки, направился в южную часть Полтавской губернии, оттуда мимо Харькова прошел в Воронежскую и через Купянск, Бахмут к 15 января 1921 г. вновь вернулся в Гуляй-Поле. Всюду по ходу движения он крушил советскую власть, поднимал крестьян и разбрасывал вокруг себя, как искры, мелкие отряды. Война разгорелась не на шутку, в действия против Махно втягивался практически весь Южный фронт.

Война возобновилась и в Закавказье. Ну здесь-то все шло по отработанным схемам. Обстановка стала иной, чем в мае 20-го, большевики теперь могли себе позволить не обращать внимания на ноты и миротворческие проекты Керзона. И принялись разыгрывать прежний сценарий, прерванный польской войной. В конце ноября началась операция против Армении. Во-первых, разумеется, 29.11 произошло восстание «народа». А во-вторых, Красная армия на этот раз не замедлила, тут же пришла на помощь и 2 декабря заняла Ереван. В тот же день Армения стала советской республикой.

Впрочем, вот тут-то сопротивления не было, поскольку после весенней остановки продвижения большевиков в Закавказье на Армению обрушилось очередное турецкое вторжение и рецидив геноцида,

в ходе которого было вырезано 180 тыс. человек. Поэтому армяне теперь были рады даже Красной армии — лишь бы оградили их от подобных кошмаров.

Конечно, после этого Грузия должна была уже готовиться к своей участи. Тем более что для подготовки очередного спектакля полпредом в Тифлис был назначен сам С. М. Киров. Но Грузии пришлось немного подождать. Пока улягутся морозы и метели, сделав проходимыми горные перевалы. Пока большевики оглядятся — не собираются ли помочь грузинам какие-нибудь англичане. Кроме того, предстояло договориться о границах с турками, также претендующими на некоторые области Грузии. Благо в восточной Турции со своими революционными войсками властвовал Кемаль-паша, ведущий войну с султаном и оккупационными войсками Антанты, так что диалог с ним для Москвы был не так уж сложен. Предстояло стянуть и побольше войск для «блицкрига» — учитывая утрату фактора внезапности. Подготовка завершилась к февралю, и все разыгралось точно так же, как в других «суверенных государствах». Киров устраивает восстание, которое немедленно создает «правительство», взывающее о помощи. По перевалам через Кавказский хребет и по железной дороге из Азербайджана хлынули красные. И 25 февраля с Грузией как государством было кончено.

Правда, и другие государственные границы не являлись для большевиков непреодолимым препятствием. Оренбургский атаман Дутов разместился в Китае, в крепости Суйдун. В 21-м, когда вся Россия заполыхала восстаниями, он начал собирать отряд из казаков, спасшихся на чужбине, чтобы снова прорваться в родные степи. Осуществить планы ему было не суждено. Чекисты Касымхан, Чанышев и Ходжамшаров получили задание похитить атамана. Они пробрались в Суйдун, проникли в кабинет Дутова и оглушили его. Но были замечены охраной, поднялась тревога. Тогда красные агенты его застрелили. Это была одна из первых чекистских террористических акций за границей, направленных против лидеров Белого Движения.

А в Крыму зимой 1920/21 г. развернулась жуткая, еще не виданная по масштабам кампания террора. Когда Красная армия при победоносном шествии от перешейков к черноморским портам рубила сдающихся и приканчивала штыками раненых в захваченных лазаретах, это была только прелюдия. Вскоре она прекратилась, и настало затишье. Власти довели до всеобщего сведения, что победивший пролетариат великодушен и мстить не собирается. Что теперь, когда война окончена, каждый может честно работать в родной стране, а кто не захочет, получит право уехать за границу. Крым вздохнул с облегчением. Но «бутылка» полуострова оставалась закупоренной, из нее никого не выпускали. Приказ Ленина «расправиться беспощадно» еще ждал своего исполнения. На собрании московского партактива 6.12.20 он цинично заявил: «В Крыму сейчас 300 тысяч буржуазии. Это — источник будущей спекуляции, шпионства, всякой помощи капиталистам. Но мы их не боимся. Мы говорим, что возьмем их, распределим, подчиним, переварим». Операции по массовому истреблению возглавили председатель Крымского ВРК Бела Кун и секретарь Крымского комитета партии Р. С. Землячка — у нее уже имелся не-

малый опыт: во время Донского геноцида она занимала должность члена РВС 8-й армии.

В. Вересаев вспоминал: «...Вскоре после этого предложено было всем офицерам явиться на регистрацию и объявлялось, что те, кто на регистрацию не явится, будут находиться вне закона и могут быть убиты на месте. Офицеры явились на перерегистрацию. И началась бессмысленная кровавая бойня. Всех являющихся арестовывали, по ночам выводили за город и расстреливали из пулеметов. Так были уничтожены тысячи людей». Спаслись только те, кто не поверил советской власти и сбежал в горы, к «зеленым». Но таковых оказалось очень мало — ведь большинство оставшихся в Крыму офицеров были «поверившие» листовкам за подписью Брусилова, воззваниям об амнистии РВС Южфронта и красных армий.

Вслед за офицерами террор обрушился на мирное население. Хватили и гнали на расстрел членов семей белогвардейцев, юристов, бывших служащих гражданских учреждений. Люди уничтожались «за работу в белом кооперативе», «за дворянское происхождение» или вообще «за принадлежность к польской национальности». По улицам шныряли чекисты и особотдельцы, арестовывая людей просто по принципу приличной одежды. Потом стали устраивать облавы, оцепляя целые кварталы — всех задержанных сгоняли в казармы и в течение нескольких дней сортировали, проверяя документы — кого отпустить, а кого отправить в мясорубку. Очевидец пишет: «Окраины города Симферополя были полны зловония от разлагающихся трупов расстрелянных, которые даже не закапывали в землю. Ямы за Воронцовским садом и оранжереи в имении Крымтаева были полны трупами расстрелянных, слегка присыпанных землей, а курсанты кавалерийской школы (будущие красные командиры) ездили за полторы версты от своих казарм выбивать камнями золотые зубы изо рта казенных, причем эта охота давала всегда большую добычу».

Общие цифры расстрелянных в Крыму приводятся разные, но все — огромные. В. Кондратьев («Лит. газета» № 21, 1989 г.) называет 30 тыс. чел., но он считает только офицеров. Бывший политзаключенный А. Клиnger, ссылаясь на советские данные, приводит цифру 40 тыс., но опять же неполную, это данные только за 20-й год. Ген. Данилов, служивший в Крыму в штабе 4-й красной армии, называет 80 тыс. — с ноября 1920 по апрель 1921 г., из них 20 тыс. только в одном Симферополе, откуда в связи с удаленностью от моря выезд во время эвакуации оказался практически невозможным.

Вскоре убийцам стал помогать начавшийся голод. Небогатые запасы Крыма частично подъела Красная армия, частично вывезли в Россию в рамках «продразверстки», остатки расхватили нахлынувшие из центральных губерний мешочники. Даже партработники и чекисты, понаехавшие было отдохнуть от «трудов праведных» в крымские лечебницы, быстро побежали назад от голода. Но советские служащие, понятное дело, получали хоть какое-то снабжение. Беженцы же оказались предоставленными самим себе, без всякой помощи, лишенные каких бы то ни было средств к существованию. Лишенные даже возможности уехать — пропуска на выезд из Крыма подписывал лично Бела Кун. Люди в Крыму очутились фактически на положении заключенных, вымирая от голода. Стало погибать и местное татар-

ское население. Плюс эпидемии, с которыми никто не боролся... Обстановку 1920—1921 гг. в Крыму красноречиво описал находившийся там М. Волошин:

Зимою вдоль дорог валялись трупы
Людей и лошадей, и стаи псов
Вьедались им в живот и рвали мясо.
Восточный ветер выл в разбитых окнах,
А по ночам стучали пулеметы,
Свистя, как бич, по мясу обнаженных
Мужских и женских тел...
Зима в тот год была Страстной неделей,
И красный май слился с кровавой Пасхой,
Но в ту весну Христос не воскресал.

Не в крымских размерах, но достаточно широко шли репрессии и в других областях — на Кавказе, Дону, Украине, в Сибири. Весной 20-го, после победы над Деникиным, их размах был относительно невелик. Игры с Западом, нежелание снова взбунтовать казаков, а особенно война с Польшей смягчили волну террора. Теперь победа считалась полной, и большевики ликвидировали прежние «упущения». Брали тех, кого раньше сочли возможным оставить на свободе или отпустить под «честное слово». Брали бывших белогвардейцев, пошедших во время польской войны в Красную армию. По местным чекистским застенкам гремели расстрелы. Систематически, каждую ночь уничтожались партии смертников в подвалах Одессы, Новочеркасска, Ростова, Екатеринодара. Ни пол, ни возраст не играли роли. На казнь шли и совсем юные гимназистки за неосторожное слово на митинге, и офицерские жены, иногда и беременные. Их расстреливали, например, «за укрывательство» проживавших с ними мужей. Тех, чья вина признавалась меньшей, гнали этапами в концлагеря. Но дело в том, что в 1920—1921 гг. до создания системы ГУЛАГа оставалось еще долго, подневольный труд заключенных еще не использовался, поэтому многие лагеря также служили лишь местом физического уничтожения. Например, в Холмогорском концлагере, являвшемся тогда главной тюрьмой для «контрреволюционеров», под руководством коменданта, чекиста Квицинского, только в январе-феврале 21 г. были расстреляны 11 тысяч человек. Хоронить такую массу людей в промерзлой земле оказалось очень трудно, и трупами набивали несколько зданий. А весной, когда пошел смрад, здания взорвали.

103. «КРАСНЫЙ ТЕРРОР» И «БЕЛЫЙ ТЕРРОР»

Революции не делаются в белых перчатках... Что ж возмущаться, что контрреволюции делаются в ежовых рукавицах?

И.А. Бунин

Рассматриваемая нами история Белого Движения идет к завершению, поэтому стоит подробнее рассмотреть некоторые факторы, сопутствующие всей гражданской войне. Например, явление терро-

ра. Как известно, его принято разделять на «красный» и «белый». Коснемся для начала красного. В других главах уже приводилось много примеров его осуществления, и вряд ли имеет смысл снова поднимать конкретные факты. Они слишком многочисленны, и их перечисление, даже поверхностное, заняло бы слишком большой объем. Интересующимся же можно порекомендовать обратиться к книге С. П. Мельгунова «Красный террор», основу которой составили материалы деникинской комиссии по расследованию большевистских зверств. Проанализируем качественно, чем же явление «красного террора» отличалось от классических жестокостей военизированных режимов и репрессивных кампаний в каких-то иных государствах. Можно прийти к выводу, что отличалось оно размахом, направленностью и внутренним содержанием, причем первое и второе непосредственно вытекали из третьего.

Террор, исподволь ширившийся с момента победы советской власти, открыто легализуется и вводится в систему сразу после установления однопартийного правления — летом 18-го, вместе с продразверсткой, запретом товарных отношений, комбедами и т. п. И точно так же, как продразверстка не являлась следствием голода (наоборот, она сплошь и рядом выступала его причиной), а частью единого ленинского плана построения коммунизма, так и «красный террор» явился отнюдь не ответом на «белый». Он тоже был неотъемлемой частью нового порядка, создаваемого большевиками. Особенность «красного террора» заключается в том, что он выступал не наказанием за какие-либо проступки. И даже не методом подавления противников — это была всего лишь одна из его функций. Он был не средством для достижения какой-либо конкретной цели, а одновременно являлся и целью. Одной из основ строящегося коммунистического порядка — и эта основа, в свою очередь, строилась и совершенствовалась вместе с другими составными частями «нового общества». В чудовищной антиутопии ленинского государства с партийным руководством, отдающим распоряжения, и винтиками-исполнителями, слепо их реализующими, террор должен был выполнять те же функции, что впоследствии в нацистской Германии выполняли лагеря смерти: уничтожить те части населения, которые не вписываются в схему, начертанную Вождем, и потому признаются лишними. Или на каких-то этапах начинают мешать выполнению общего плана.

Это был еще не террор сталинских лагерей, использующих рабский труд людей, отвергнутых режимом. Ведь по первоначальному ленинскому плану *вся страна* должна была стать таким лагерем, отдающим по команде бесплатный труд и получающим взамен пайку хлеба. Поэтому людей, признанных неподходящими для подобной схемы, требовалось просто истребить. Отсюда и направленность террора. Раз право мыслить, строить планы и делать выводы в новом обществе предоставлялось только партийной верхушке, лишней и мешающей оказывалась именно мыслящая часть населения. В первую очередь — интеллигенция, а также примыкающие к ней слои граждан, научившиеся и привыкшие думать самостоятельно, — например, кадровые рабочие Тулы или Ижевска, наиболее передовая и хозяйственная часть крестьянства, объявленная «кулаками». Поэтому «красный террор» осуществлял не просто массовое уничтожение людей — он стремился унич-

тожить лучших. Подавлял все культурное и передовое, убивал саму народную душу, чтобы заменить ее партийно-пропагандистским суррогатом. Шло эдакое «зомбирование» целого народа. В идеале постоянно действующий карательный аппарат должен был для таких целей «состригать» все мало-мальски возвышающееся над серой массой, пригодной к безоговорочному послушанию.

Естественно, для столь обширных задач репрессивная система требовалась мощнейшая. И она создавалась — многослойная, охватывающая сетью террора всю страну: ВЧК, народные суды, перечисленные ранее трибуналы нескольких видов, армейские особотделы. Плюс права на репрессии, предоставляемые командирам и комиссарам, партийным и советским уполномоченным, продотрядам и заградотрядам, органам местной власти. Основой всего этого сложного аппарата были, конечно, ЧК. Именно они не только карали за конкретные проступки, но осуществляли общегосударственную, централизованную *политику* террора.

О размерах репрессий нам остается только догадываться и судить приблизительно, на основании косвенных данных (да и вряд ли при большевистской безалаберности велся сколько-нибудь полный учет уничтоженных). Так, палач-теоретик Лацис в своей книжке «Два года борьбы на внутреннем фронте» привел цифру расстрелянных 8389 чел. с множеством оговорок. Во-первых, это число относится только к 1918-му — первой половине 1919 г., т. е. не учитывает лета 1919-го, когда множество людей истреблялось «в ответ» на наступление Деникина и Юденича, когда начались «расстрелы по спискам», когда при подходе белых заложники и арестованные расстреливались, топились в баржах, сжигались или взрывались вместе с тюрьмами (как, например, в Курске). Не учитываются и 1920—1921 гг., годы основных расправ с побежденными белогвардейцами, членами их семей и «пособниками». Во-вторых, приводимая цифра относится только к ЧК «в порядке внесудебной расправы», в нее не вошли деяния трибуналов и других репрессивных органов. В-третьих, число убитых приводилось только по 20 центральным губерниям — не включая в себя прифронтовые губернии, Украину, Дон, Сибирь и др., где у чекистов был самый значительный «объем работы». И в-четвертых, Лацис подчеркивал, что эти данные «далеко не полны». Действительно, даже со всеми оговорками они выглядят заниженными. В одном лишь Петрограде и в одну лишь кампанию после покушения на Ленина были расстреляны 900 чел. Впрочем, здесь возможна казуистика, поскольку в «ленинские дни» расстреливали не «в порядке внесудебной расправы», а «в порядке красного террора».

Особенностью «красного террора» являлось и то, что он проводился централизованно, по указаниям правительства — то массовыми волнами по всему государству, то выборочно, в отдельных регионах. Например, телеграмма № 3348 по Южфронту во время рейда Мамонтова доводила до сведений дивизий и полков: «Реввоенсовет Южного фронта приказывает во изменение прежних постановлений в отношении общей политики Донской области руководствоваться следующим: самым беспощадным образом подавить попытку мятежа в тылу, применяя в этом подавлении меры массового уничтожения восставших». Летом 1920 г., во время наступления Врангеля, Троц-

кий объявил «красный террор» в Екатеринославской губернии. В предыдущих главах приводились и многочисленные телеграммы Ленина с подобными указаниями. В централизованных указаниях оговаривались категории населения, попадающие под уничтожение в той или иной кампании, а порой даже вид казни. Так, в телеграмме в Пензу от 11.8.18 Ленин приказывал: «...Повесить (непременно повесить, дабы народ видел) не менее 100 заведомых кулаков, богатеев, кровопийц... Найдите людей потверже».

Другая особенность — подкрепление террора классовой теорией. «Буржуй» или «кулак» объявлялся недочеловеком, во всех отношениях выступал неким неполноценным существом, «неприкасаемым». Поэтому его уничтожение с точки зрения коммунистической морали, в общем-то, и не являлось убийством. Точно так же, как потом, в нацистской Германии — уничтожение «расово неполноценных» народов. Только в России речь шла не о народе, а о его классово-неполноценной части. Поэтому с «классовой» точки зрения вполне допустимыми признавались пытки. Уже говорилось, что вопрос об их применимости открыто обсуждался в печати и решался положительно. Ассортимент их уже в гражданскую был весьма разнообразным — пытки бессонницей, светом — автомобильные фары в лицо, соленой «диетой» без воды, голодом, холодом, побои, порка, прижигание папиросой. Кроме «подручных» средств, применялись и специальные. Несколько источников, в том числе доклад Центрального комитета Российского Красного Креста, рассказывают о шкафах, в которых можно было только стоять прямо (вариант — сидеть скорчившись) и в которые на длительное время запирали арестованных, иногда впихивая по несколько человек в «одиночный» шкаф. Савинков и Солженицын, ссылаясь на свидетелей, упоминают «пробковую камеру», герметически закрытую и нагреваемую, где заключенный страдал от недостатка воздуха, и кровь выступала из пор тела. Учитывая культурный состав жертв, применялись и пытки другого рода, моральные: размещение мужчин и женщин в общей камере с единственной парашей, всякого рода глумления, унижения и издевательства. Например, для арестованных женщин из культурных слоев общества практиковалась многочасовая постановка на колени. Вариант — в обнаженном виде. А один из киевских чекистов, согласно докладу Красного Креста, наоборот, вгонял «буржоек» в столбняк тем, что допрашивал их в присутствии голых девиц, пресмыкающихся перед ним — не проститутток, а таких же «буржоек», которых ему удалось прежде сломить.

Не случайно открытие Н. Тэффи, узнавшей в комиссарше, наводившей ужас на всю округу г. Унечи, тихую и забитую бабу-судомойку, которая раньше всегда вызывалась помочь повару резать цыплят. «Никто не просил — своей охотой шла, никогда не пропускала». Не случайны и портреты чекистов, комендантов тюрем, рисуемые очевидцами — садистов, кокаинистов, полубезумных алкоголиков. Как раз такие люди оказались нужны новой власти и заняли должности, соответствующие своим склонностям. А для массовых расправ, согласно сводке 1-го кутеповского корпуса, старались привлекать китайцев или латышей, так как обычные красноармейцы, несмотря на выдачу водки и разрешение поживиться одеждой и обувью жертв, часто не выдерживали и разбегались.

Если пытки оставались на уровне «самодеятельности» и экспериментов, проводимых везде по-своему, то казни унифицировались, приводились к единой методике. Уже в 1919—1920 гг. они осуществлялись одинаково и в Одессе, и в Киеве, и в Сибири. Жертвы раздевались донага, укладывались на пол лицом вниз и убивались выстрелом в затылок. Такое единообразие позволяет предположить централизованные методические указания, учитывающие режим максимальной «экономии» и «удобства». Один патрон на человека, гарантия от нежелательных эксцессов в последний момент, опять же — меньше корчится, не доставляет неудобств при падении, как положил, так и лежит, оттаскивай и клади следующего. Лишь в массовых случаях форма убийства отличалась — баржи с пробиваемыми днищами, винтовочные залпы или пулеметы. Впрочем, даже в этих ситуациях предписанный ритуал по возможности соблюдался. Так, в 1919 г. перед сдачей Киева, когда одним махом бросили под залпы китайцев множество заключенных (добавив к ним и партию гражданских сотрудников ЧК, канцелярских и агентурных, — видимо, слишком много знавших), даже в царившей спешке подрасстрельных, дожидавшихся своей очереди, не забывали пунктуально раздевать. А в период массовых расправ в Крыму, когда каждую ночь водили под пулемет целыми толпами, обреченных заставляли раздеваться еще в тюрьме, чтобы не гонять транспорт за вещами. И зимой, по ветру и морозу, колонны голых мужчин и женщин гнали к месту казни.

Но, пожалуй, такой порядок объяснялся не садизмом и желанием поглумиться. Он вполне вписывался в изначальные проекты нового общества и обосновывался все той же железной логикой ленинской антиутопии, напроць похерившей все моральные и нравственные «пережитки» и оставившей новому государству только принципы голого рационализма. Поэтому система, уничтожающая ненужных людей, обязывалась скрупулезно сохранять все, способное пригодиться, не брезгуя и грязным бельем. Вот только волосы не состригали на матрацы, как нацистские последователи, — но в условиях свирепствующего тифа оно было бы и небезопасным. А одежда и обувь казненных (за исключением разворованного непосредственными исполнителями) тщательно прихodoвались и поступали в «актив» ЧК. Любопытный документ попал по какой-то случайности или недосмотру в ПСС Ленина, т. 51, стр. 19: «Счет Владимиру Ильичу от хозяйственного отдела МЧК на проданный и отпущенный Вам товар...» В нем за подписью зав. хозяйственным отделом Московской ЧК перечисляются вещи: сапоги — 1 пара, костюм, подтяжки, пояс. «Всего на 1 тыс. 417 руб. 75 коп.» Поневоле задумаешься, кому принадлежали выставленные потом в музеях ленинские костюмы, пальто и кепки? Остыть-то успели после прежнего хозяина, когда их вождь на себя натягивал?

Когда после «красного» террора обращаешься к «белому» и начинаешь исследовать материалы, то поневоле возникает вопрос — а был ли он вообще? Если определять «террор» по его большевистскому облику, как явление централизованное, массовое, составляющее часть общей политики и государственной системы, то ответ однозначно получится отрицательным.

Нет, белогвардейцы вовсе не были «ангелами». Гражданская вой-

на — страшная, жестокая война. Происходили и расправы над противником, и насилия. Но когда касаешься конкретных фактов, выясняется, что такие случаи совершенно несопоставимы с «красным террором» ни количественно, ни качественно. Сразу оговорюсь — все сказанное относится к районам действия регулярных белых армий, а не самостоятельной «атаманщины», где обе стороны уничтожали друг дружку примерно «на равных». Но «атаманщина» и не повиновалась распоряжениям верховной белой власти. Наоборот, жестокости творились вопреки этим распоряжениям.

Что же касается других областей, можно отметить общую закономерность: подавляющая доля жестокостей приходится на «партизанскую» фазу Белого Движения. Например, начало Корниловского похода, когда не брали пленных — да и куда их было девать, если Добровольческая армия не имела ни тыла, ни пристанища. Но уже во время отступления от Екатеринодара в апреле 18-го положение стало меняться — даже многие видные большевики были отпущены на свободу с условием, что своим влиянием защитят от расправ оставленных по станицам нетранспортабельных раненых. Конечно, случаи бессудных расправ повторялись и позже. Но они строжайше запрещались командованием и носили характер стихийных эксцессов. Да и относились обычно только к комиссарам, чекистам, коммунистам и советским работникам. Часто не брали в плен «интернационалистов», т. е. немцев, венгров, китайцев. Не жаловали и бывших офицеров, оказавшихся на службе в Красной армии, — к ним относились как к предателям. А относительно основной массы пленных — как раз они стали одним из главных источников пополнения белых армий: крестьянин еще придет или не придет по мобилизации, а пленный никуда не денется, особенно если он и красными был мобилизован насильно. Для сравнения — с красной стороны случаи массовых расправ с пленными наблюдались и в 19-м, и в 20-м.

Главные вспышки репрессий против красных и им сочувствующих, известные фактически, происходили во время антибольшевистских восстаний на Кубани, на Дону, на Урале, в Поволжье, принимая особенно ожесточенный характер там, где социальная рознь дополнялась этнической (казаки против иногородних, киргизы против крестьян и др.) Опять же, мы имеем дело с некой «партизанской» фазой. Со стихийными взрывами, когда на большевиков выплескивалась ответная ненависть населения, доведенного ими до мятежа. Но даже во время таких вспышек степень красных и белых расправ оказывалась отнюдь не однозначной. Вспомните-ка «Железный поток» Серафимовича. Таманская армия, вырезающая на своем пути селения, не щадя ни женщин, ни детей, для поднятия боевой злости вынуждена свернуть с пути и сделать крюк в 20—30 верст, чтобы взглянуть на *пятерых* повешенных большевиков. Можно привести и более строгие примеры. Вешенские повстанцы почти сразу после своей победы (после геноцида!) постановили отменить расстрелы. Или, скажем, в 1947 г. состоялся процесс над Шкуро, Красновым, Султан-Гиреем Клычем и другими белогвардейцами, сотрудничавшими с Германией. Разбиралась и их деятельность в период гражданской войны. Так вот, в материалах процесса, опубликованных в советской литературе, упоминаний о каких-то массовых расправах по отношению к мирному на-

селению *нет* — даже в 1918 г., когда Шкуро возглавлял повстанцев. Везде речь идет лишь о «командирах и комиссарах», и жертвы перечисляются поименно. То же самое относится к Султан-Гирею Клычу, командовавшему Дикой дивизией. А ведь это разбирались деяния самых «зверских» белых частей!..

Примерно в это же время, летом 18-го, А. Стеценко, жена Фурманова, поехала в Екатеринодар и попала к моменту его захвата белыми. И угодила «в лапы» деникинской контрразведки. Весь город знал, что она — коммунистка, дочь видного екатеринодарского большевика, расстрелянного Радой. И прибыла из Совдепии... Убедившись, что она не шпионка, а просто приехала навестить родных, состава преступления не нашли и ее отпустили. При восстаниях на Волге и в Сибири видные коммунисты, сумевшие избежать стихийной волны народного гнева, как правило, остались живы. Уже упоминалось о красных лидерах в Самаре, которых постепенно обменяли или устроили им побег из тюрем. Лидер владивостокских коммунистов П. Никифоров спокойно просидел в заключении с июня 1918 г. по январь 1920 г. — и при правительстве Дербера, и при Уфимской Директории, и при Колчаке, причем без особого труда руководил оттуда местной парторганизацией. В 1919—1920 гг. пребывал в колчаковской тюрьме и большевик Краснощеков — будущий председатель правительства ДВР. А казаки Мамонтова из рейда, за сотни километров, вели с собой пойманных комиссаров и чекистов для суда в Харьков — и многие из них потом тоже остались живы.

На советской стороне террор внедрялся централизованно — вплоть до прямых указаний правительства о масштабах и способах репрессий. У белых он проявлялся в виде стихийных эксцессов, всячески пресекаемых и обуздываемых властями по мере организации этой «стихии». Если в открытой советской литературе, в ПСС Ленина, сохранилось множество документов, требующих беспощадных и поголовных расправ, то выдержек из подобных приказов и распоряжений по белым армиям вы не найдете нигде — несмотря на то, что в руки красных попало множество архивов, штабных и правительственных документов противника в «освобожденных» городах. Их просто нет, подобных приказов. И советская историческая литература свои утверждения о «белом терроре» вынуждена делать либо голословно, либо опираясь на «жуткие» документы, вроде телеграммы ставропольского губернатора от 13.08.19, требовавшей для борьбы с повстанцами таких карательных мер, как составление списков семей партизан и выселение их за пределы губернии (впечатляющее зверство по сравнению с ленинскими директивами!). Часто в качестве примера приводится приказ ген. Розанова, который со ссылкой на японские методы предлагал «строгие и жестокие» меры при подавлении Енисейского восстания. Только умалчивается, что Розанов был за это снят Колчаком. А Врангель, объявляя Крым осажденной крепостью, грозил беспощадно... высылать противников власти за линию фронта.

Главная разница между «красным» и «белым» террорами вытекает из самой сути борьбы сторон. Одни насаждали незнакомый доселе режим тоталитаризма (а по первоначальным планам, пожалуй, сверхтоталитаризма), другие сражались за восстановление законности и правопорядка. Было ли совместимо с законностью и правопорядком

понятие «террор»? Законы — это первое, что старались восстановить белые командующие и правительства, обретя под ногами освобожденную территорию. Например, на Юге действовали дофевральские законы Российской Империи военного времени. На севере — самое мягкое законодательство Временного правительства. Даже в Ярославском восстании одним из первых приказов полковника Перхурова восстанавливались дооктябрьские законы, судопроизводство и прокурорский надзор.

Да, белые власти казнили своих врагов. Но казни носили опять же персональный, а не повальный характер. По приговору суда. А смертный приговор, в соответствии с законом, подлежал утверждению лицом не ниже командующего армией. Интересно, осталось бы у советских командармов время для прямых обязанностей, если бы им несли на утверждение все приговоры в занимаемых их войсками районах? Кстати, тот же порядок существовал у Петлюры. Не верите — откройте Островского, «Как закалялась сталь», где петлюровцы совещаются, не приписать ли арестованному несколько лет, поскольку приговор несовершеннолетнему «головой атаман» не утвердит.

Беспочвенными выглядят обычно и описания белой контрразведки — с пытками, застенками и расстрелами. Будто их срисовывали с ЧК. Контрразведка имела множество недостатков, упоминавшихся ранее, но правом казнить или миловать она не обладала. Ее функции ограничивались арестом и предварительным дознанием, после чего материалы передавались судебным-следственным органам. Как бы она осуществляла пытки и истязания, не имея даже собственных тюрем? Ее арестованные содержались в общегородских тюрьмах или на гауптвахтах. Да и как после пыток она представила бы арестованных суду, где, в отличие от дилетантов-контрразведчиков, работали профессиональные юристы, которые тут же подняли бы шум по поводу явного нарушения законности? И к тому же недолюбливали контрразведчиков. Наконец, при оставлении белыми городов советская сторона почему-то не задокументировала никаких «жутких застенков» — в отличие от белых, неоднократно делавших это при оставлении городов большевиками. Впрочем, все относительно. В Екатеринославе, например, общественность и адвокатура выразили бурный протест против бесчинств контрразведки. Выражались они в том, что она держала арестованных по 2—3 дня без допросов и предъявления обвинения. С точки зрения законности такие действия, конечно, были бесчинствами.

Что касается судов, решавших судьбу обвиняемых коммунистов, то подход их был хоть и строгим, но далеко не однозначным. Вину определяли персонально. Так, весной 19-го в Дагестане взяли с поличным несколько десятков человек, весь подпольный ревком и комитет большевиков, на последнем заседании, накануне готовящегося восстания. Казнили из них пятерых. 22.4.20 в Симферополе арестовали в полном составе собрание горкомов партии и комсомола, тоже несколько десятков человек. К смертной казни приговорили девятых. 4.06.20. в Ялте взяли 14 подпольщиков. Расстреляны шестеро.

В целом литература о «белом терроре» обширна. Но обычно отделяется общими фразами. О том, как наступающие красные освобождали тюрьмы, полные рабочих. Забывая уточнить — попали эти

«рабочие» в тюрьмы за свои убеждения или за воровство и бандитизм. Ну а как только дело доходило до конкретных фактов, обвинения начинают прихрамывать. Так, солидный труд Ю. Полякова, А. Шишкина и др. «Антисоветская интервенция 1917—1922 гг. и ее крах» приводит аж... два примера расправы офицеров-помещиков с крестьянами, разграбившими их усадьбы. Это на весь колчаковский фронт (учтем и то, что официально Колчаком подобные действия запрещались, как и Деникиным). Из книги в книгу кочевал факт из листовки Уфимского комитета большевиков о каком-то поручике Ганкевиче, застрелившем двух гимназисток за работу в советском учреждении. Не говорится только, был ли этот Ганкевич психически здоров и как к нему потом отнеслось командование. Точно так же по книгам повторяется пример, приведенный Фурмановым в «Чапаеве» — о пьяных казаках, изрубивших двух красных кашеваров, случайно заехавших в их расположение. Подобное переписывание друг у друга фактов, кажется, говорит само за себя — и вовсе не об их массовости. (Между прочим, тот же Фурманов вполне спокойно описывает, как он сам приказал расстрелять офицера только лишь за то, что у него нашли письмо невесты, где *она* пишет, как плохо живется под красными, и просит поскорее освободить их.)

Нельзя отрицать — зверства и беззакония со стороны белых тоже были. Но совершались вопреки общей политике командования. И являлись не массовой кампанией, а единичными случаями, поэтому остается открытым вопрос — подлежат ли такие факты какому-либо обобщению? Так «зеленый главком» Н. Воронович в своих воспоминаниях рассказал, как карательный отряд полковника Петрова, подавляя бунт крестьян, расстрелял в селении Третья Рота 11 человек. Но этот расстрел был единственным. Как пишет Воронович: «То, что произошло тогда в селении Третья Рота, по своей кошмарности и чудовищной жестокости превосходит все расправы, учиненные до и после того добровольцами...» И стоила деникинцам эта расправа мощного восстания в Сочинском округе... В Ставрополе в 1920 г., когда уже рушился фронт, озверелые от поражений казаки выместили свою ярость, перебив около 60 чел. политзаключенных, содержавшихся в тюрьме. Возмутилась вся местная общественность, тут же последовали протесты во все инстанции городского прокурора Краснова (вскоре ставшего министром юстиции в деникинском правительстве). Но этот случай был тоже единственным в своем роде. В отличие от большевиков, уничтожавших при отступлении заключенных, белые никак не могли позволить себе такого, понимая, что красные отыграются на мирном населении. Наоборот, как уже говорилось, в ряде случаев, например, в Екатеринодаре, заключенные коммунисты выпускались на свободу, чтобы предотвратить бесчинства вступающей в город Красной армии.

Б. Александровский, работавший врачом в Галлиполи, в одном из лагерей разгромленной белой армии, писал: «Среди врангелевских офицеров господствовало убеждение, что главной ошибкой, одной из причин поражения, являлась мягкость в борьбе с большевизмом». Действительно, о размерах репрессий можно судить по таким документам, как воззвание Крымского обкома РКП(б) к рабочим, солдатам и крестьянам: «Товарищи! Кровь невинно замученных девяти

ваших представителей взывает к вам! К отмщению! К оружию!» Невинно замученные девять — Севастопольский подпольный горком партии, арестованный 4.02.20 в ходе подготовки восстания и расстрелянный. Интересно, какими же цифрами пришлось бы оперировать белым, если бы они догадались выпускать подобные воззвания о работе ЧК?

Но самый красноречивый пример сопоставления красных и белых репрессий приводит бывший ген. Данилов, служивший в штабе 4-й советской армии. В апреле 1921 г. большевики решили устроить в Симферополе торжественные похороны жертв «белого террора». Но сколько ни искали, нашли только 10 подпольщиков, осужденных военно-полевым судом и повешенных. Цифра показалась «несолидной», и власти взяли первых попавшихся покойников из госпиталей, доведя количество гробов до 52, которые и были пышно захоронены после торжественного шествия и митинга. Это происходило в то время, когда сами красные уже расстреляли в Симферополе 20 тысяч человек...

104. ДЕЛА ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЕ

Мир, воцарившийся на Дальнем Востоке, согласно договору между ДВР и Японией от 15.07.20, был, конечно, весьма относительным. Большевики с помощью других социалистических партий всячески старались разложить армию Семенова — точнее, ее 1-й корпус, состоящий из «старых» войск атамана. Обработывали забайкальское казачество, агитируя его отказаться от поддержки Семенова и принять сторону ДВР. Ну а 2-й и 3-й корпуса, т. е. каппелевцев, слишком много познавших в этой войне и уже не подлежавших никакому идеологическому разложению, постоянно клевали партизаны, то бишь «народармейцы».

Народно-революционная армия ДВР была понятием достаточно растяжимым. То вдруг части 5-й красной армии, нацепив на фуражки вместо звезд кокарды и нашив на рукава ромб, превращались в части НРА. То, наоборот, дивизии НРА, преобразованные из партизанских отрядов, снова превращались в «стихийных» партизан, относительно действий которых руководство ДВР делало невинные глаза и пожимало плечами — это, мол, не наши войска, а «дикие» повстанцы, и нам они не подчиняются. Правда, партизаны и в самом деле подчинялись командованию НРА постольку поскольку. Получали вооружение, боеприпасы, снабжение, но приказы выполняли те, что сами считали нужными. «Чужих» комиссаров спрашивали, а могли исподтишка и прикончить. А уж правительственные распоряжения и вовсе игнорировали — каждый командир считал себя на занимаемой территории высшей властью.

Но каких-либо конфликтов с партизанами руководство НРА и Дальбюро ЦК РКП(б) терпеливо избегали. Им сходили с рук любые выходки, их постоянно поглаживали по головке и заигрывали с ними. Дело в том, что партизаны были еще нужны — и нужны именно в своем нерегулярном, полубандитском виде. Чтобы, официально оставаясь в стороне, действовать против японцев, если понадобится подтолкнуть вывод их войск. Или против семеновцев, с которыми ДВР обеща-

ла японцам прекратить боевые действия. И все-таки впервые с 1918 г. российская восточная окраина более-менее замирилась. Несмотря на разницу господствующей идеологии и форм правления, между различными областями устанавливались регулярные сообщения, налаживались даже связи на «правительственном» уровне. А владивостокским коммунистам через Дальбюро ЦК постепенно «вправляли мозги», отрывая их от коалиции со «своими», приморскими социалистами и буржуазией, и направляя в струю «генеральной линии» на строительство ДВР.

В ДВР председателю правительства Краснощекову приходилось довольно туго. Со стороны ортодоксальных товарищей по партии он подвергался яростным нападкам — ему ставили в вину «соглашательство», легализацию других социалистических партий, «отступничество», выражающееся в формальной свободе слова и печати, упор публичных выступлений на «независимость» ДВР от РСФСР. Не мог же он всем и каждому громогласно объяснять: «Братцы, да это мы просто японцев так обманываем!» И держался он только благодаря личному заступничеству Ленина и Троцкого.

Все сильнее менялся и режим правления в Чите, постепенно теряя последние черты «атаманщины» и приобретая нормальные формы государственности. Здесь прошли всеобщие выборы, и с сентября начал работу законодательный орган — Временное Восточно-Забайкальское Народное собрание. Семенов отказался и от прежних сепаратистских идей, признав над собой верховное командование Врангеля. Хотя при разделяющих их расстояниях этот акт, разумеется, мог быть только политическим шагом. Кстати, их положение было в чем-то схожим. К осени 20 г. семеновские войска оказались стиснуты на относительно небольшой территории: около 300 км с севера на юг и 300—400 км с запада на восток. Эта территория вдавалась клином в территорию ДВР вдоль ветки железной дороги, отходящей от Читы на Харбин, в полосу КВЖД. Японские войска из Забайкалья постепенно выводились, а большевики в ответ не возобновляли попыток ликвидировать «читинскую пробку» вооруженной силой и всячески демонстрировали мирные устремления. Все, казалось, шло к политическому урегулированию ситуации. И Забайкалье, и Дальний Восток начали готовиться к выборам в Учредительное Собрание (а между делом предвыборная кампания дала коммунистам прекрасную возможность открытой агитации против Семенова).

В рамках этой подготовки в сентябре состоялось совещание областных правительств в Верхнеудинске. Владивостокская делегация во главе с лидером приморских коммунистов Никифоровым, включавшая и эсеров с меньшевиками, предварительно посетила Читу, где участвовала в работе Народного собрания. В это время в прямые переговоры с Никифоровым вступил ген. Войцеховский, находившийся в отставке, но сохранивший свое влияние в белой армии. Войцеховский доказывал Никифорову, что каппелевцы два года сражались за Учредительное Собрание и образование в России демократической республики. Теперь их чаяния исполняются — Учредительное Собрание созывается, и правовое, парламентское государство вскоре будет создано. Поэтому Войцеховский просил... включить каппелевцев в состав НРА. Ведь, воюя еще под знаменами Самарского КомУЧа

и Уфимской Директории, они даже название носили почти такое же — Народная армия. Он указывал: «Мы готовы принять условия, на которых перешла к земской власти во Владивостоке колчаковская армия». И настаивал на отдаче распоряжения НРА о прекращении действий против каппелевцев — воевать-то, мол, не из-за чего, и те и другие стоят за одно и то же.

Никифоров к сентябрю уже начал избавляться от «владивостокского сепаратизма» — теперь партия нацеливала его в руководство ДВР. И знал он о планах строительства новой республики куда больше молодого генерала, поэтому откровения и предложения Войцеховского выглядели для него достаточно наивными. Два крепких корпуса, на которые действительно смогли бы опереться демократические силы ДВР, меньше всего нужны были большевикам в составе НРА. Да и вообще не забайкальские семеновцы с казачьими колебаниями настроений, а именно каппелевцы, продолжающие самоотверженно бороться за идею свобод и прав человека, выступали для коммунистов врагом номер один — учитывая и то, что они быстро завоевали себе популярность среди населения. Но прямо отказать генералу Никифоров тоже не мог — японцы еще не завершили вывод войск, и приходилось играть во взаимопонимание. Поэтому он отделался обещанием довести предложения Войцеховского до сведения правительства ДВР.

Красное руководство в это же время готовило своим противникам совсем иную участь. Уже разрабатывался и 27.09 был принят план Читинской операции. Стягивалось большое количество войск — и регулярных частей НРА, и партизанских соединений. У Семенова к сентябрю насчитывалось 18—20 тыс. штыков и сабель, 9 бронепоездов, 175 орудий. 3-й и 2-й каппелевские корпуса прикрывали белую территорию с севера и востока, располагаясь от Читы до ст. Бырка. С запада, вдоль железнодорожной магистрали Чита — Маньчжурия, держал позиции 1-й семеновский корпус. 15 октября, едва последний японский эшелон покинул пределы Забайкалья, войска Амурского фронта ДВР получили приказ о наступлении. Специально для японцев разыграли «мятеж». Части НРА переименовали в «Повстанческую армию», которая направила правительству ДВР послание: «Мы как восставший народ, как партизаны не можем подчиниться вашему решению о перемирии и будем бороться до тех пор, пока не разгромим белых».

Нападение явилось совершенно неожиданным — казалось, все шло мирно. А для каппелевцев выглядело и бессмысленным «недоразумением». Они серьезно восприняли подготовку к Учредительному Собранию, искренне приветствовали движение к парламентаризму. И вот теперь «парламентаризм» обрушился на них. Но постепенно они оправились от неожиданности и 20.10 нанесли врагу ощутимый контрудар к северу от Читы и на центральном участке обороны. Однако силы были неравны. Многочисленные партизанские бригады и дивизии, собранные со всего Дальнего Востока и отлично вооруженные, обтекали со всех сторон, просачиваясь сквозь боевые порядки, создавая многослойную «кашу». Их подкрепляли красноармейские и народармейские полки. Сильные удары наносились под основание «семеновского выступа» с целью отрезать белые войска от границы,

окружить и уничтожить. 21.10 3-й корпус Молчанова без боя оставил Читу, с большим трудом пробиваясь на юг. Легкой победы, несмотря на огромное превосходство, у НРА все равно не получилось. Каппелевцы нанесли ей еще целый ряд контрударов: 23.10 — под Харашибири, 3.11 — под Хадабулаком, 13.11 — под Борзей.

1-й Семеновский корпус в тяжелых боях оказался расчлененным. Отдельные его части и отряды самостоятельно пробивались к границе. Другие соединения оттянулись к железнодорожной магистрали, где в районе станций Оловянная — Борзя отражали натиск 1-го Забайкальского корпуса НРА. Белые войска и с востока, и с запада с боями отошли постепенно к Маньчжурской дороге, а затем стали отступать вдоль нее. Одну из главных задач Читинской операции — уничтожить каппелевцев, не дать им уйти в Китай — красным выполнить так и не удалось. 21.11 сражение завершилось. Оба каппелевских корпуса и соединившаяся с ними часть семеновского перешли границу Маньчжурии, где были разоружены китайцами и осели в полосе КВЖД, в основном в «русском» Харбине. Какая-то часть разгромленного 1-го корпуса рассыпалась по Бурятии, Монголии и Туве в виде белопартизанских отрядов Унгерна, Бакича, Кайгородова, Казанцева и др. Другая часть перешла к красным или пополнила ряды партизан. Любопытно, что в этом числе оказались на службе большевиков именно те деятели, которые проявили себя беззакониями и насилиями во времена «атаманщины», включая даже печально знаменитых семеновских контрразведчиков. Подобные «специалисты» как будто лишь сменили хозяев, поскольку многие из них тут же оказались связаны с ЧК или Госполитохраной ДВР.

Сам атаман Семенов отправился в Приморье, где еще находились японцы и держалась коалиционная власть. Пытался добиться там поддержки, возродить Белое Движение. Но в декабре был выслан владивостокским правительством и уехал в Порт-Артур. Ну а большевики, устранив главных противников, перенесли столицу ДВР в Читу и начали наконец-то выборы в Учредительное Собрание. Без белых-то оно сподручнее. Да и результаты немножко другие...

Сразу после победы над Семеновым в Забайкалье началась волна террора. И, как ни парадоксально, он оказался направлен отнюдь не против активных участников «белого террора» — наоборот, теперь они очутились в числе тех, чьими руками осуществлялся «красный террор» — обрушившийся, как обычно, на людей, мешающих или способных помешать коммунистическому господству. В городах всю разошлась ГПО, вылавливая «белогвардейцев» и «контрреволюционеров».

Подчинение Госполитохраны ВЧК было практически неприкрытым — она не стеснялась даже пересылать в ЧК некоторых своих арестованных. По селам и станицам террор отдали на откуп партизанам. Использовать их в роли карателей тоже оказалось очень удобно. Никаких законов и распоряжений центральной власти они не признавали, так что «демократическая республика» выглядела вроде и ни при чем. А суд и расправа у партизан были короткими. Кого комбриг решит — того и в «расход». Если вообще не поленятся довести до комбрига, вместо того чтобы прикончить по пути «при попытке к бегству». Расправа тут пошла примерно по «донскому» сценарию 1919 года.

Уничтожалась казачья верхушка: кто-то когда-то избирался поселковым атаманом, кто-то высказывался против советской власти, кто-то просто оказался слишком богатым. Сводились старые счета, накопившиеся в условиях гражданской войны, а то и раньше.

В этой обстановке и происходили выборы в Учредительное Собрание ДВР, когда запуганные и затерроризированные избиратели вынуждены были думать не о какой-то там политике, а о собственной жизни. Бесцеремонно расправлялись и с политическими соперниками. Так в ст. Зоргол партизаны убили кандидата от партии эсеров Я. Гантимурова, видного казачьего деятеля, объезжавшего станицы в ходе предвыборной кампании и явно одерживавшего верх в Приаргунье. В результате прошел большевистский кандидат, оставшийся в единственном числе. Избирательные комиссии, конечно же, тоже очутились под контролем коммунистов.

Некоторые депутаты стали чисто номинальными. Например, несмотря на обстановку красной «демократии», в Учредительное Собрание оказались избранными популярные в народе начальники капелевцев: командующий армией ген. Вержбицкий, командир 3-го корпуса ген. Молчанов. Видя, что творится в Чите, они, естественно, из Китая не приехали. В феврале 1921 г. Учредительное Собрание ДВР начало работу. Результаты выборов вполне соответствовали условиям их проведения. Из депутатов 91 представляли большевиков, 18 эсеров, 180 было от крестьян — «большинства» (сторонников коммунистов), 41 от крестьян — «меньшинства» (сторонников других партий). Любопытно, что основной сложностью для коммунистического руководства стало как раз подавляющее большинство, которое оно себе создало. Теперь приходилось с боем протаскивать каждое положение «буржуазного парламентаризма», каждую формулировку «демократических свобод» и вообще всеми силами отбиваться от предложений о «советской власти» и воссоединении с РСФСР. Не объявишь же с трибуны «парламента», что сам этот «парламент» — надувательство, пока еще необходимое в политических целях. Поэтому работа Собрания затянулась до апреля. Была принята демократическая конституция, территорией ДВР провозглашалось все пространство от Байкала до Тихого океана. Само Учредительное Собрание переименовали в Народное, ставшее парламентом ДВР, и принялись формировать правительство. Конечно, даже по конституции при таком большинстве депутатов коммунисты имели полную возможность сделать его однопартийным. Но тогда идея «буферного государства» опять терялась. Перед Японией и странами Запада нужно было создавать видимость коалиции. И образование правительства растянулось еще на месяц.

Лидеры большевиков, находившиеся в курсе всех хитростей дальневосточной политики Москвы — председатель правительства Краснощеков, председатель совета министров Никифоров, — должны были ломать сопротивление товарищей по партии, не понимавших, зачем идти на уступки уже раздавленным политическим конкурентам, и еще и уговаривать этих конкурентов принять второстепенные портфели. В итоге меньшевикам достались посты министра промышленности, министра финансов и председателя правления Дальбанка, эсерам — министра юстиции, народным социалистам — министра просвещения. Тут действовал и другой принцип — противникам отдали

все направления, пребывавшие в полном развале. Себе же оставили министерства иностранных дел, внутренних дел, земледелия, военное министерство, ГПО и Верховный суд.

Пока вершилась высокая политика, в Забайкалье продолжался террор, и казаки стали уходить в Китай, в Монголию. Процесс облегчался тем, что до революции граница здесь была открытой. Многие казаки за небольшую мзду китайским чиновником строили на маньчжурской территории заимки, где содержалось их главное богатство — стада, табуны, отары (это обходилось даже дешевле, чем в России, учитывая стоимость земли и налоги). Такие хозяева ушли первыми, еще зимой. Другие, у кого зимовья скота находились на русской стороне, начали миграцию в апреле, перед вскрытием рек, когда оставалось подождать всего немножко до появления подножных кормов. Шли со стадами в сотни и тысячи голов. Кому-то удавалось проскочить со всем хозяйством, кого-то перехватывали народармейские пикеты, открывая пулеметный огонь, — и тогда многочисленные туши перебитого скота устилали лед пограничных рек. Всего за границу откочевало около 15% забайкальского казачества.

Потом красные произвели карательный налет на китайскую территорию. Два отряда под общим руководством партизанского комбрига Федорова перешли границу, напали на несколько эмигрантских поселков, образовавшихся там, и ограбили их. Угнали скот, перерыли имущество, разыскивая деньги и золото (некоторые казаки успели перед уходом за рубеж распродать дома и хозяйства, а в ДВР было золотое обращение). Два десятка богатых казаков арестовали. Затем, по-видимому, сообразив, что арест в соседнем государстве чреват лишними проблемами, один отряд своих пленных отпустил, другой — перебил. По поводу набега эсеровская фракция Народного Собрания ДВР делала запрос правительству — разумеется, оставшийся без последствий.

Весной 1921 г. коммунистическому руководству казалось, что после разгрома Семенова у ДВР не осталось серьезных противников. Однако это оказалось не так. Глядя на события в Забайкалье, стали задумываться владивостокцы — нужна ли им такая «демократия»? Они и раньше-то относились к ДВР настороженно. И когда Учредительное Собрание провозглашало власть новой республики до Тихого океана, Приморье признавать над собой эту власть было абсолютно не склонно. А физически подавить там инакомыслящих большевики не могли — в Приморье оставались японцы. Они вели свою политику и к русским вопросам относились с позиций собственных интересов, но сильно обиделись, что их так нагло провели с Забайкальем.

12.05 завершилось формирование правительства ДВР, а сразу после этого, 26.05, в Приморье произошел очередной переворот (Владивосток побил в данном отношении все «рекорды» — в 1917—1922 гг. власть здесь менялась 14 раз, причем, называя эту цифру, современники оговаривались — «если не ошибаюсь»). Образовалось Временное Приамурское правительство, которое возглавили промышленники, братья Меркуловы. Новая власть тоже была коалиционной, но уже без большевиков. Отстранить их от участия в руководстве оказалось тем легче, что регионально-сепаратистское течение коммунистов, склонное к коалиции, было уже подавлено центром, а самая деятель-

ная группа во главе с Никифоровым, заправлявшая во Владивостоке в 20-м, переместилась в Читу, в руководство ДВР.

Новое правительство понимало, что красные не оставят его в покое. Что рано или поздно с ними придется столкнуться в той или иной форме — РСФСР, ДВР или партизанских соединений. Нужно было удержать собственную территорию от вражеских поползновений. И к тому же правительство не теряло надежды распространить свое влияние на другие регионы Дальнего Востока и Сибири — считалось, что в результате бесчинств они должны выступить против коммунистов. Требовалась крепкая и надежная армия, а своих, владивостокских частей и малочисленного уссурийского казачества для этого было явно недостаточно. Но армия имелась почти готовая — за границей, в Китае. И Меркуловы повели переговоры с белогвардейцами, оказавшимися в эмиграции. Ген. А. Н. Пепеляев их приглашение отверг, не желал сотрудничать с японцами. Зато предложение приняли каппелевцы. Из Харбина и других пунктов КВЖД, где они разместились в беженских условиях, их ядро выехало во Владивосток под руководством ген. Молчанова, командовавшего у Колчака знаменитой Ижевской дивизией и прошедшего с подчиненными весь путь от Урала до Читы и Харбина. На службу владивостокской власти каппелевцы поступили, сохранив свое прежнее название и восстановив, по возможности, прежние части.

Перебралась в Приморье и часть забайкальских казаков — в основном тех, кто ушел за границу налегке, бросив все имущество, и теперь не имел ни кола ни двора. Ехали с семьями, с женами и детьми, надеясь найти пристанище среди собратьев — уссурийских и амурских казаков. Общее командование казачьими формированиями принял ген. Глебов. Образовалась Белоповстанческая армия, во главе которой встал Михаил Константинович Дитерихс. В Приморье приехал и Семенов. Однако его репутация была сильно подмочена «атаманщиной», и большинство владивостокских деятелей не желали с ним связываться и не доверяли ему. Безрезультатно проторчав здесь три месяца, обивая пороги в попытках переговоров, он снова вынужден был эмигрировать.

105. ИМПЕРИЯ УНГЕРНА

Отнюдь не все белогвардейцы, выброшенные войной за пределы России, удовлетворились бесправным существованием беженцев. Например, Роман Унгерн фон Штернберг, вместо того чтобы искать милости у китайцев, решил создать в сердце Азии новую могучую империю, которая стала бы прибежищем и второй родиной его товарищей по несчастью или даже преемницей ценностей, уничтоженных в России. Идея была проста — если рухнула великая Белая, европейская империя, надо построить великую Желтую империю — азиатскую.

Вполне подходящей основой для такого государства Унгерну показалась Монголия. Она в 1911 г. при дипломатической и военной поддержке России получила независимость от Китая. Но после крушения ее северного покровителя китайцы снова начали прибирать ее

к рукам. В 1918 г. они ввели в Ургу, монгольскую столицу (ныне Улан-Батор), первый батальон своих войск, а в ноябре 1919 г., при поражении Колчака, которого все же опасались как преемника прежней российской власти, «удовлетворили просьбу о добровольном присоединении к Поднебесной республике». Страна была оккупирована, ее армия распущена, противники китайского владычества арестованы, разогнаны или казнены.

В октябре 20 г., когда потерпела поражение армия Семенова, в Монголию отступил Унгерн со своей дивизией. Было в его «дивизии» 800 казаков и 6 пушек. С этими силами барон решил начать войну против Китая. Богдо-Гэгэну, главе ламаистской церкви в Монголии и до китайской оккупации ее светскому правителю, он направил письмо: «Я, барон Унгерн фон Штернберг, родственник русского царя, ставлю целью, исходя из традиционной дружбы России и Монголии, оказать помощь Богдо-хану в освобождении Монголии от китайского ига и восстановлении прежней власти. Прошу согласия на вступление моих войск в Ургу...» Насчет «родственника русского царя» Унгерн, конечно, приврал для важности — он лишь одно время служил в императорском конвое (хотя, кто его знает, относительно дальнего родства по немецким линиям?). Что за «войска», Богдо-Гэгэн не знал. Но звучало солидно, и он тайно переслал Унгерну свое согласие.

Оставив основные силы своего уставшего в боях и переходах отряда на берегах Онона, барон с самым надежным «полком» (т. е. несколькими сотнями казаков) и артиллерией двинулся на Ургу. Китайский гарнизон, оборонявший город, насчитывал 8 тыс. чел. Унгерн осадил Ургу и подверг артиллерийскому обстрелу, но взять нахрапом не смог. Тогда он отошел к главным силам «дивизии» и принялся переманивать на свою сторону и агитировать на войну монгольских князей, формируя из их отрядов вспомогательное войско, командовать которым он поставил князя Лубсан-Цэвэна. Между тем китайцы, заподозрив Богдо-Гэгэна в тайных связях со свалившимся на их головы врагом, арестовали его «за измену». Унгерн этим мгновенно воспользовался. Он объявил себя защитником Желтой веры, придав войне религиозный характер. А потом с сотней казаков совершил дерзкий налет и выкрал Богдо-Гэгэна прямо из столицы.

Его воинство, чуть больше тысячи человек, снова подступило к Урге, где находились уже 12 тыс. китайских солдат. Сначала барон предпринял демонстрацию силы, распустив слухи о своей 13-тысячной армии и приказав казакам жечь в степи множество костров. Затем обложил город, перекрыв все дороги, кроме пути на север, откуда китайцы не могли получить никакой подмоги. Ну а дальше пошел на штурм, наголову разгромил защитников и занял столицу. Желтая империя была создана.

Но в это время в войну вмешалась третья сила — красные. Монголия давно их интересовала в плане перспектив «мировой революции». Еще в июле 1919 г. Ленин, Чичерин и калмыцкие коммунистические деятели Чапчаев и Амур-Санан обсуждали проект экспорта революции через Монголию в Тибет, а оттуда — в Индию, чтобы разжечь там восстание против англичан. Теперь ставка была сделана на Сухэ-Батора, бывшего офицера монгольской армии, сбежавшего от

китайских репрессий в Россию. В 20-м он приехал в Иркутск, где обучался в школе красных командиров. Там же он прошел подготовку в разведотделе 5-й армии. В январе 1921 г. сколоченный Сухэ-Батором партизанский отряд перешел границу и начал действовать вблизи Кяхты, имея за спиной советскую территорию, получая там убежище и необходимую помощь. 1.03.21 в Троицко-Савске (русская половина Кяхты, разделенной надвое границей) он провел «съезд» созданной здесь же «Народной партии», который взял курс на восстановление. Далее все разворачивалось по типовому сценарию. «Армия» Сухэ-Батора в 400 чел. ночью ворвалась из Троицко-Савска в монгольскую часть Кяхты, выбила оттуда китайцев, а утром «правительство» красной Монголии обратилось к правительствам РСФСР и ДВР за помощью. Правда, китайские войска, в панике оставившие Кяхту, были разбиты все-таки не красными, а белыми. Одну отступающую колонну в тысячу штыков уничтожили в бою, другая, в 1100 чел., сдалась.

Освободительная война в Монголии перешла в гражданскую. Силы здешних красных казались мизерными, серьезной поддержки среди населения, верящего в священную власть Богдо-Гэгэна, они не имели. И Унгерн решил покончить с ними. 21.05 он предпринял поход на север, наступая главными силами по Кяхтинскому тракту. В 100 км западнее двигалась бригада полковника Резухина. К этому времени стали сбываться надежды Унгерна на то, что возрожденная им Монголия может стать базой для остатков Белого Движения. Под его крыло начали собираться белопартизанские формирования, бродившие по Забайкалью, Туве и монгольским степям. Южнее озера Хабсугул действовала бригада Казагранди, из Урянхайского края шел отряд Казанцева в 700 сабель, вдоль Керулена и Онона двигались части Кайгородова, в Западной Монголии базировался отряд Бакича.

5.06 беломонгольский авангард атаковал и уничтожил передовой отряд Сухэ-Батора. Двинувшись далее к Кяхте, он, в свою очередь, был атакован и разбит основными силами красных. Подойдя следом, Унгерн развернул наступление на Кяхту ядром своей армии — 2700 сабель при 7 орудиях. Хотя красные обильно снабдили Сухэ-Батора пулеметами и артиллерией, он со своими силами в 700 чел. не устоял и пятился, готовый уйти за рубеж. Но с советской стороны тут же перешла границу и вступила в бой полнокровная бригада 35-й дивизии красных. Части полковника Резухина, подошедшие с запада, попытались ударить противнику во фланг, однако перешли в наступление еще две бригады той же 35-й дивизии, кавалерийский полк, конные отряды партизан Щетинкина. Внезапно оказавшись против такой массы войск, Унгерн не смог выдержать их удара. Потерпев жестокое поражение, он стал отходить на юг.

А красное командование, заманившее его к границе, отдало приказ начать Ургинскую операцию. Кроме 35-й, в Монголию направлялись 12-я Читинская дивизия и партизаны. Всего экспедиционный корпус насчитывал 7,5 тыс. штыков, 2,5 тыс. сабель, 20 орудий, 2 броневика, 4 самолета и 4 парохода. Бои с белыми заслонами, старавшимися задержать продвижение врага, произошли на р. Иро и на р. Хара, где отряд с 1 орудием и 2 пулеметами оказал отчаянное сопротивление и на день сумел остановить красных. Но, конечно, при таком пре-

восходстве большевиков эти заслоны погибали. 5.07 экспедиционный корпус занял оставленную без боя Ургу. Белые попытались сконцентрировать свои части в Западной Монголии. В районе г. Улясутай собрались отряды Казанцева, Кайгородова, Шубина и Бакича общей численностью до 4 тыс. чел., а также монголы под командованием Хатан-Батора Максаржаба. Унгерн намеревался пробиться к ним, но его не пропустили. Передовой отряд его казаков на р. Заин-хурэ встретила красная конница и разгромила. С севера навалились партизаны Щетинкина. Завязались упорные бои, длившиеся несколько суток. Лишь воспользовавшись густым туманом, Унгерн нашупал брешь во вражеском кольце и сумел ускользнуть. Ему перекрывали все пути, но красные плохо стерегли дорогу на север, в Россию, и Унгерн рванулся туда, вышел к станции Мысовая. Большевики развернули преследование. У Гусиного озера им удалось настичь его, и снова закипел бой. Унгерн опять прорвался и ушел — на этот раз в Монголию. Но тут был схвачен бывшим союзником, князем Суйдун-Гуном, решившим перекинуться на сторону сильнейшего. И выдан Щетинкину.

Сухэ-Батор установил связь с беломонгольским отрядом Максаржаба, повел с ним переговоры, и тот тоже перешел на сторону красных, ударив в ходе боя со своими войсками в 300 сабель в спину отрядам Казанцева и Шубина. Сражения на западе еще продолжались. Красномонгольскую «армию» Хасбатора в 400 чел. части Бакича и Кайгородова осадили в монастыре на оз. Толбо-нур и перебили почти полностью. Но пока длились бои с ней, сюда подошли советские войска под командованием Байкалова, и белогвардейцы опять понесли жестокое поражение. В конце октября 185-м стрелковым и 59-м кавалерийскими полками был разбит последний крупный белый отряд — ген. Бакича. Сам он ушел в Туву, но и туда следом двинулись красные. Бакич вернулся в Монголию, в г. Улангоме его окружил Хатан-Батор Максаржаб, взял в плен и выдал большевикам.

Все белогвардейские начальники были расстреляны. Стоит упомянуть, что война в Монголии велась с обеих сторон с азиатской жестокостью. Белые монголы казнили своих противников в соответствии с «историческими традициями», восходящими к Средневековью. Красные в этом плане им ничуть не уступали. Но если пресловутая жестокость Унгерна ограничивалась какими-то отдельными случаями — большевики-то в руки его войск почти не попадали, наоборот, он вынужден был уходить и спасаться от них, то нашествие красного экспедиционного корпуса прокатилось по Монголии жуткой волной террора. Попутно боролись с «феодальными пережитками», разоряя монастыри, отрезая у монголов косы и с мясом выдирая серьги из ушей женщин. Этот поход стал трагедией для мирных забайкальских казаков, сбежавших в Монголию от террора ДВР. Они подвергались ограблению, массовым расстрелам, насильственному обратному переселению. Те, что спаслись, потеряв все имущество, ушли в Китай.

Следует отметить и тот факт, что на белой стороне русские и монголы были представлены более-менее на равных, русские белогвардейцы поначалу составили лишь костяк армии. На красной стороне численность местных отрядов была ничтожной. По сравнению с советскими войсками они служили лишь «довеском», придававшим опе-

рации декорум законности. Сухэ-Батора и Хатан-Батора Максаржаба наградили орденами Красного Знамени. Власть Богдо-Гэгэна ограничили «клятвенным договором», отстранив его от светских дел. Осенью 1921 г. Сухэ-Батор нанес визит в Москву и Петроград, встречался с Лениным, Фрунзе, Дзержинским. Подписал договор о дружбе. Советское правительство подарило Монголии русские конторы и ведомства, находящиеся на ее территории, аннулировало долг в 5 млн. золотых рублей. А монгольское правительство взамен попросило о такой мелочи, как... отложить вывод Красной армии из Монголии. Естественно, просьба была удовлетворена.

Вернувшись, Сухэ-Батор повел вполне ленинскую политику. Организовал свою ЧК — Государственную внутреннюю охрану. И прокатились две волны репрессий. Из Народной партии десятками исключали и казнили «заговорщиков». Полетели головы всех «умеренных» соратников по революции, не согласных с советским образцом построения государства. В 23 г. умер и сам Сухэ-Батор. То ли от болезни, то ли отравленный — в Монголии подобное случалось. Вскоре скончался и Богдо-Гэгэн. Преемника у него уже не было. 13.06.24 монгольская Народно-революционная партия приняла решение ввести в стране республиканский строй и идти к социализму. Попутно красные войска, вошедшие в Туву для преследования белогвардейцев, установили там Тувинскую Народную республику (аннексированную значительно позже, в 1944 г.). Правда, после столь крутых «реформ» в Монголии о дальнейших планах проникновения в Тибет и Индию пришлось забыть — вряд ли тибетские буддисты сочли бы теперь коммунистов своими друзьями и союзниками. Но уже и политика Совдепии начинала меняться от «мировой революции» к «существованию». Так что ничего страшного...

106. «ЗЕЛЕНОЕ» ДВИЖЕНИЕ

Осенью 1920 г., когда были раздавлены последние сильные очаги Белого Движения — врангелевский Крым и семеновская Чита, — приобрело широчайший размах другое движение, «зеленое». Повстанческое. Фрунзе в борьбе с ним ввел термин «малая гражданская война». Но если присмотреться, она выглядит не такой уж и «малой». Вся Тамбовская и часть Воронежской губерний были охвачены восстанием под руководством А. С. Антонова. Ленин 19.10.20 писал об «антоновщине» Дзержинскому и командующему войсками ВОХР Корневу: «Скорейшая (и примерная) ликвидация безусловно необходима». Но «скорейшей» не получалось, восстание ширилось. На Южной Украине всюду полыхала «махновщина». В январе 21 г. началось мощное Западносибирское восстание под руководством Сибирского крестьянского союза, охватившее Омскую, Тюменскую, часть Оренбургской, Челябинской, Екатеринбургской губерний. Возглавил его эсер В. А. Родин. Это лишь три крупнейших очага, но имелись другие. Мелкими отрядами и бандами были полны Правобережная Украина, Крым, Белоруссия. В Туркестане продолжалось басмаческое движение. На Дону восстали казаки в Хоперском и Усть-Медведицком округах. Шла война в Дагестане. На Кубани и Северном Кавказе дейст-

вовали отряды генералов Пржевальского, Ухтомского, полковников Назарова, Трубачева, подполковников Юдина, Кривоносова, сотников Дубины, Рендскова общей численностью до 7 тыс. чел. В Карелии повстанцы объединились в бригаду — около 3, 5 тыс. Восстала вся Армения...

Практически вся Россия занялась пожаром крестьянской войны. В разное время существовали диаметрально противоположные оценки «зеленого» движения. В советской литературе его предпочитали обходить молчанием или упоминали вскользь, как нечто незначительное. И 21-й год обычно рисовали, как год уже мирный, год восстановления разрушенного хозяйства. А осложнялось это восстановление лишь действиями отдельных «кулацких банд». Такое отношение вполне понятно. Правда оказалась невозможной для публикации: не могла же «рабоче-крестьянская» власть воевать против всего крестьянства! А раз так, то приходилось умалчивать и о самом ходе борьбы — успехи «зеленых» уж никак не объяснишь ни поддержкой Антанты, ни профессиональной офицерской выучкой. Хотя ответ на этот вопрос прост — «зеленое» движение какое-то время держалось и побеждало именно благодаря своей массовости.

И масштабы боевых действий в 21 г. ни по количественному составу воюющих, ни по территориальному охвату не уступали 18, 19, 20 годам, а то и превосходили их. Посудите сами, с одной стороны — население целых уездов и губерний, с другой — практически вся Красная армия. Правда, ее состав в 21 г. был сокращен с 5 млн. до 800 тыс., Совдепия просто не могла больше содержать такую махину. Да и боеспособной все равно была только часть войск, которую и оставили при демобилизации. Кроме того, учитывая, что в войне против крестьян обычные красноармейцы часто показывали себя ненадежными, в ней участвовали войска ВОХР и части ЧК, занятые и в прошлые годы на «внутреннем фронте», а также командные курсы и отряды ЧОН (частей особого назначения) — «добровольческие» формирования, создающиеся из коммунистов и комсомольцев. Руководили операциями лучшие военачальники. Против Антонова — Тухачевский, Уборевич, против Махно — Фрунзе.

В «перестроечные» годы отношение к «зеленому» движению изменилось. Оно стало рассматриваться как некий «третий путь» развития России. Причем путь истинный, хоть и нереализованный. Подобные теории тоже вполне понятны и тоже проистекают из конкретной политической конъюнктуры. Поскольку самих основ социализма «зеленое» движение не затрагивало. Оно выступало под лозунгами «советов без коммунистов», а чаще допускало даже и коммунистов (как, скажем, Махно), но на равных правах с другими партиями, без диктата. Программа «зеленых» определялась как раз «перестроечными» требованиями: плюрализм политических мнений, многопартийность — правда, обычно допускалась свобода деятельности лишь левых, социалистических партий. А также отказ от централизации, командно-административных методов руководства хозяйством, свобода торговли, владение землей и продуктами своего труда. И неудивительно, что в конце 80-х, когда «красный» путь развития показал свою полную несостоятельность, историки и публицисты принялись изыскивать компромиссы, в том числе «народный», «зеленый» путь.

Если же разобраться, то никакого «третьего пути» «зеленое» движение не представляло. Напомним, что в 1917 г. после крушения царской власти страна быстро покатила к всеобщему развалу и анархии. И на какое-то время настал действительно «крестьянский рай». Деревня пребывала в состоянии фактического безвластия, до нее у слабого правительства руки не доходили, все налоги с повинностями были позабыты, все запреты сняты. Предоставленные самим себе, крестьяне делали что хотели. Делили землю, растаскивали помещичье и казенное имущество, рубили лес, браконьерничали. С политической точки зрения — с ними все заигрывали, как с самой многочисленной частью населения. С экономической — они оказались в выгодном положении, как держатели продуктов питания.

В наступившей затем гражданской войне белая сторона выступала за восстановление законности и порядка в любых формах, характерных для цивилизованного государства. Так, Самарский КомУч, Уфимская Директория держались четкой республиканской ориентации. К республиканским формам оказалась близкой и колчаковская армия, впитавшая войска указанных правительств. Колчак, Деникин, Врангель держались принципов непредреждения будущего государственного устройства. Скажем, среди дроздовцев было много республиканцев, среди марковцев — монархистов, но это не мешало им сражаться плечом к плечу. Конкретная форма «порядка» у белых выступала второстепенной, лишь бы обеспечивала человеческие права. Красная сторона боролась за порядок аномальный, выдуманный ее вождями. Зеленая же сторона в их противоборстве представляла не «третий путь», а «нулевой вариант». Тот самый «первичный хаос», из которого все равно рано или поздно неизбежен был выход в красную или белую сторону. Возврат к положению 1917 г., к тем самым многопартийным советам, еще без диктата большевиков, которые и привели страну к развалу, а в конечном итоге — к этому диктату. Между прочим, в конце борьбы это стал понимать даже Махно. Он говорил: «В России возможна или монархия, или анархия, но последняя долго не продержится». В политическом отношении многопартийные советы неизбежно шли бы или к пустой говорильне, или к подавлению одной лидирующей партией остальных. В экономическом — старые сельские общины, которые и стали местными «советами», уже изжили себя к началу XX века, и путь опять приводил к развилке — либо к уравниловке и власти типа комбедов, либо к укрупнению частных хозяйств, т. е. реформам типа врангелевских.

Из указанной сути вытекают и сильные, и слабые стороны «зеленого» движения. Сила, как уже говорилось, заключалась в массовости. А массовость обеспечивалась воспоминаниями о «крестьянском рае». И тем, что «зеленые» почти никогда не ставили себе глобальных общегосударственных задач — они боролись за конкретные, местные интересы, против конкретных притеснений и злодеяний властей — продразверстки, мобилизации, попыток коллективизации. Чтобы воевать в «зеленых», не нужно было далеко уходить от дома. Ну а слабость была в том, что, выступая против централизации, «зеленое» движение само по себе оказывалось децентрализованным. Нет, не поддержки населения ему не хватало — поддержка была почти стопроцентной. И не помощи Антанты. Помощь не так уж и требовалась. К 1920—

1921 гг. у крестьянства скопилось множество оружия, вплоть до артиллерии, а в первых же боях и налетах это количество пополнялось трофеями. Одевались и обувались повстанцы за свой счет, да и кормились не иностранными консервами. Так что снабжены всем необходимым они были куда лучше, чем белые армии в 1918 году. Но, несмотря на размах, «зеленое» движение оставалось «местным», привязанным к своим деревням, волостям и уездам. Так, Махно, даже контролируя весь юг Украины, добивался того, «чтобы освобождаемый нами тыл покрылся свободными рабоче-крестьянскими соединениями, имеющими всю полноту власти у самих себя». Поэтому так велика была роль персональных лидеров. Без того же Махно или Антонова подобные «соединения» разных сел или уездов уже оказывались ничем между собой не связанными. Причем лидер являлся в большей степени знаменем, чем руководителем или организатором. Махно был талантливым партизанским командиром, но конкретное выражение его таланты находили лишь в действиях относительно небольшого ядра его «армии».

Из «нулевого варианта» «зеленого» движения вытекает и то, что в войне 1918—1920 гг. оно не играло самостоятельной роли. Повстанцы либо вредили тылам той стороны, на территории которой находились, либо соединялись с основными противоборствующими силами, как с белыми — ижевцы и воткинцы, вешенские повстанцы, сражавшиеся под теми же лозунгами «советов без коммунистов, расстрелов и чрезвычайек», так и с красными — Григорьев, Махно, близкий к «зеленому мировоззрению» Миронов. Отметим лишь, что прочный союз у таких повстанцев получался только с белыми. Потому что лозунги многопартийности, прекращения террора, свободной торговли и др. с белогвардейским восстановлением нормальных форм государственности вполне согласовывались. А для красных любой человек, высказывающий подобные требования, заведомо являлся врагом и подлежал уничтожению — сразу или потом, когда в нем отпадет надобность. И лишь в конце 20-го, после разгрома белых, «промежуточное» «зеленое» движение перестало быть «промежуточным», а превратилось в единственную силу, еще противостоящую красным.

Ядром Белого Движения были интеллигенция и казачество. Офицеры и «вольноперы» военного времени — вчерашние студенты, учителя, инженеры, гимназисты, а таковых было большинство. Крестьянство оказалось вовлечено в белые армии относительно небольшой своей частью, иногда по идейным соображениям, а чаще по мобилизациям. В этом смысле о Белом Движении можно сказать то же самое, что часто говорилось о декабристах — они шли «за народ, но без народа». Ядром «зеленого» движения стало крестьянство. Но уже без интеллигенции, которой в 1917—1919 гг. оно не доверяло, а к 1920—1921 гг. уже разбитой, истребленной, эмигрировавшей. А в оставшейся части — подавленной и деморализованной. В результате «зеленые» оказались лишены организующего начала. И некой «единой души», которая обеспечила бы им порыв к общей цели. Как это ни странно звучит, «зеленым» недоставало интеллигентской самоотверженности и интеллигентского подвижничества. Ведь, действительно, в годы гражданской войны только русский интеллигент Серебряного века культуры, воспитанный на идеалах служения народу, смог, забыв

все личное, взвалить на себя крест возрождения России, идти на лишения и смерть за, казалось бы, абстрактное «торжество истинной свободы и права на Руси», а не за конкретный кусок хлеба, выдираемый из рта продотрядом. Поэтому для серьезного подрыва «зеленого» движения стало достаточно туманных обещаний или нищенских подачек, как замена продразверстки продналогом, тоже грабительским, но оставляющим крестьянину какую-то долю результатов его труда. Причем без всяких гарантий необратимости такой замены. Малочисленное «барское» и казачье Белое Движение сопротивлялось и угрожало большевизму целых три года. А превосходящее по численности и размаху «зеленое» движение за каких-то полгода было в основном раздавлено. Кстати, этот разрыв между противниками большевиков — белыми и «зелеными», стал, наверное, главной причиной победы коммунизма в гражданской войне.

107. КРОНШТАДТ

Рассматривая «зеленое» движение, можно отметить еще одну закономерность — в конце 1920—1921 гг. начали восставать самые «революционные» районы, служившие опорой коммунистам в предыдущие годы войны. На Дону — «мироновские», Усть-Медведицкий и Хоперский округа. В Воронежской губернии — Богучарский уезд, где обычно формировались войска для борьбы с казачеством. На Урале бурлили и бастовали Пермь и Мотовилиха во главе с ультрареволюционером Мясниковым, расстрелявшим в 18-м великого князя Михаила Александровича и закопавшим живым архиепископа Андроника. В Сибири повернули винтовки против красных партизанские края, зверски убивая комиссаров и продовольственных агентов. В Крыму самые «большевистские» села, при Врангеле являвшиеся базами подпольщиков, после первого же наезда продотрядов начали служить надежным убежищем для уцелевших офицеров и переправлять их в горы, к тем же «зеленым».

Восставали обманутые. Те, кто позволил одурманить себя красной пропагандой и иллюзиями коммунистического рая. Но обманы стали вскрываться. Методы правления и хозяйствования объявленные вынужденными, вызванными борьбой против белогвардейцев и Антанты, оказались будничными атрибутами советского государства. Проследив географию антибольшевистских выступлений в 1918—1921 гг., мы увидим, что восставали почти все, но не одновременно. Одни районы подавили и обескровили раньше, у других протест вызрел и прорвался только в конце войны. Расчет Ленина на силу рычагов центральной власти оказался верным. Сохранять господство большевиков позволяла и гибкость, точнее, изворотливость, характерные для их политики и пропаганды, принцип «разделяй и властвуй». Например, для подавления богучарцев в 21-м бросили донских казаков, которых те подавляли раньше.

По своей сути, лозунгам, политической направленности к «зеленому» движению примыкает и Кронштадтский мятеж, тоже произошедший в одном из главных очагов прошлой «революционности». 24.02.21 в Петрограде началась сильнейшая забастовка, против рабо-

чих были брошены курсанты, в городе ввели комендантский час. На следующий день ЧК начала массовые аресты. Но волнения не прекращались. В Москве в эти дни собирался очередной, X съезд компартии, и петроградские рабочие требовали немедленной отмены политики военного коммунизма, созыва Учредительного Собрания, создания многопартийной системы и коалиционного правительства. Шел интенсивный обмен делегациями между забастовщиками и гарнизоном Кронштадта, насчитывавшим 26 887 чел. Все это привело к тому, что 2.03 Кронштадт, взбудораженный петроградскими событиями и ответными репрессиями властей, восстал, присоединяясь к требованиям Петрограда. Какими-то жестокостями и зверствами мятеж не сопровождался, коммунистов только арестовали, да и то меньшую часть — 327 из 1116.

Большевики перепугались — ведь Кронштадт относился к самым верным их войскам. Значит, за ним могли последовать и другие. Кронштадт открывал доступ к Петрограду, доступ вторжению извне — если бы оно последовало. Да и сама по себе такая многочисленная армия мятежников (куда больше, чем было у Юденича!) на пороге «колыбели революции», с мощной крепостной и корабельной артиллерией, что-нибудь да значила. Принимались срочные меры. Семьи повстанцев, находящиеся в Петрограде, сразу арестовали в качестве заложников. Спешно стягивались «надежные» войска, а ненадежные выводились подальше. Так, несколько тысяч матросов, расквартированных в Петрограде, погрузили в эшелоны и отправили в Севастополь, который их не принял, опасаясь антисоветских настроений. Эшелоны остановились в Александровске (Запорожье), где матросы слонялись по городу, громогласно критикуя коммунистов. Началось брожение среди местных рабочих, и эшелоны отправили в Мелитополь. Там повторилась та же история. Так их и гоняли туда-сюда по всему югу, пока мятеж не был подавлен.

Восставший Кронштадт митинговал, протестовал и выдвигал требования, не предпринимая никаких активных действий, а коммунисты стянули артиллерию, создали две войсковые группировки — у Ораниенбаума и Лисьего Носа. 7.03 открылись боевые действия. За два дня в артиллерийской перестрелке были выпущены более 5 тыс. снарядов. 8.03 последовал штурм, но был отбит огнем крепости и кораблей. Мятеж получил широчайший резонанс в эмигрантских кругах. Начался сбор средств для закупки продовольствия кронштадтцам. Русскими банками, Земско-городским союзом, промышленниками были собраны для этого 545 тыс. франков и 5 тыс. фунтов стерлингов. Для экстренной продовольственной помощи комитет представителей русских банков повел переговоры в Лондоне, а Союз русских промышленников обратился к США с просьбой отправить восставшим транспорт с хлебом.

В Ревель прибыл Чернов, планируя из оставшихся в Эстонии белогвардейцев Юденича создать три отряда по 300 чел., которые стали бы организующими ядрами для наступления на Ямбург, Псков и Гдов. Сюда же съехались представители Савинкова, Врангеля, Чайковского. Правда, от предложений Чернова о помощи, переданных в Кронштадт, восставшие уклонились. Ходили слухи о переброске под Петроград всей армии Врангеля. Но это были только слухи. Союзники,

от которых зависели любые конкретные шаги в данном направлении, заняли наблюдательную позицию и никакой заинтересованности в возобновлении Белого Движения не проявляли. Хотя англо-французская эскадра в Копенгагене из 14 кораблей была приведена в боевую готовность, но тоже оставалась в выжидательном режиме — на всякий случай. Да и состояла она из небольших судов — миноносцев, легких крейсеров, так что для серьезных самостоятельных действий она не предназначалась.

Но события как быстро вспыхнули, так и быстро покатались к развязке. В Петроград приехали Троцкий и Сталин, для непосредственного командования собранными сюда войсками прислали Тухачевского. Не считая ни одну из своих частей стопроцентно надежными и опасаясь их перехода к мятежникам, большевики всячески укрепляли в них партийное влияние, даже направили третью часть делегатов съезда партии (более 300 чел.), всех военных. 16.03 последовала новая артиллерийская дуэль, а в ночь на 17.03 — второй штурм. Ударные группировки из Ораниенбаума и с Лисьего Носа в масках начали скрытное движение по льду. Обнаружили их слишком поздно. Несмотря на большие потери, атакующие ворвались в Кронштадт. После ожесточенных рукопашных схваток, происходивших и на улицах, и на кораблях, восстание было подавлено. Сказалось, конечно, и отсутствие единства среди мятежников. Когда одни дрались насмерть, для других красные оставались еще «своими» — с которыми можно было спорить на митингах, а идти в штыки рука не поднималась. Сказалось и отсутствие дисциплины, хорошего общего командования — иначе разве одолели бы так быстро гарнизон, численно превышающий всю армию Врангеля, засевший в крепости, куда более сильной, чем Перекоп? Часть мятежников сумела прорваться и по льду ушла в Финляндию, часть сдалась. 18.03 сражение завершилось, большевики заняли Кронштадт полностью.

Интересно, как в дни мятежа проявилась знаменитая «гибкость» ленинской политики. Вождь буквально за неделю резко сменил свой и партийный курс. Если 8.03.21 на X съезде он утверждал: «Свобода торговли немедленно приведет к белогвардейщине, к победе капитализма, к полной его реставрации», то к концу съезда он уже убеждал делегатов, что в свободе торговли в общем-то нет ничего страшного, поскольку власть остается в руках «рабочего класса». Вряд ли эта уступка была рассчитана на кронштадтцев. Скорее — на умиротворение Петрограда и на то, чтобы мятеж не стал детонатором нового крестьянского взрыва. Ну и, естественно, расчет был на пропаганду в Красной армии, состоящей из тех же крестьян. Удержать в верности правительству войска, которым предстояло штурмовать Кронштадт. Реальное же введение НЭПа, замена продразверстки продналогом, потом всячески затягивалась. Так, в областях, побывавших во власти белых, еще и в 21-м собиралась продразверстка под предлогом их «задолженностей».

Коммунистические утверждения о «заговоре» в Кронштадте не выдерживают критики. Ну какой здравомыслящий заговорщик стал бы поднимать восстание в первых числах марта, вместо того чтобы выждать пару недель? И подтаявший лед Финского залива сделал бы крепость на много месяцев неприступной, в то время как сами мя-

тежники сохраняли бы полную свободу действий, имея в распоряжении весь флот. Именно поэтому эмигранты и заботились о продовольственной помощи. Из даты восстания, таким образом, видна его стихийность. Подавлялось же оно с обычной жестокостью. Только на месте в первый день расстреляли около 300 чел., не считая убитых в бою. Сколько казнено потом, сколько погибло заложников из мирного населения, остается неизвестным.

Однако стихийность выступления коммунистов не устраивала. «Краса и гордость революции», матросы, не могли стихийно восстать против любимой партии. Требовалось другое объяснение — и немедленно, как для населения России, так и на будущее, для истории. Срочно нужен был заговор. Официальная биография Ф. Э. Дзержинского под ред. С. К. Цвигуна рассказывает: «В марте 1921 г. ЦК РКП(б) и СНК РСФСР поставили перед чекистами задачу — выявить и разоблачить подлинных вдохновителей и организаторов кронштадтского мятежа». Раз задача поставлена, то заговор, конечно же, был найден. Летом 21 г. вскрывается так называемая «Петроградская боевая организация» с обширными заграничными связями и планами свержения советской власти в Петрограде, а затем и во всей России. Надуманность и фиктивность этого дела очевидна, т. к. в организации — по «официальным» спискам — числились всего 36 военных. И она якобы осенью собиралась захватить Петроград, Бологое, Ст. Руссу, Рыбинск, Дно. 24.08 61 человек — «руководство» и «активные участники» заговора — были расстреляны. Даже в чекистском списке их вина обозначалась: «присутствовал», «переписывал», «знала», «разносила письма», «дал согласие», «обещал, но отказался из-за малой оплаты», «снабдил организацию веревками и солью для обмена на продукты питания для членов организации», «доставлял организации для передачи за границу сведения о музейном деле» и другой подобной чушью. Кто же стал жертвами? Профессора В. Н. Таганцев, М. М. Тихвинский, Н. И. Лазаревский — геолог, химик, юрист. Поэт Н. С. Гумилев. Скульптор С. А. Ухтомский. Офицеры В. Г. Шведов, Ю. П. Герман, П. П. Иванов. Заводской электрик А. С. Векк. 16 женщин в возрасте от 20 до 60 — 2 сестры милосердия, 2 студентки, 4 как «сообщницы по делу мужей»... Всего летом одним махом арестовали более 200 чел. Но аресты по «делу Таганцева» продолжались до ноября. О каком-то саодурстве местных властей не могло быть и речи. 19.06 Дзержинский писал Ленину: «Дело очень большое и не скоро закончится. Буду следить за его ходом». Поскольку в мясорубку попали столь видные люди, многие ходатайства за них направлялись лично Ленину. И неизменно им отвергались. В общем, большевики, по своему обыкновению, решали задачу комплексно. И Кронштадт в качестве «довеска» повлек за собой очередную кампанию по добыванию цвета петроградской интеллигенции...

108. «МАЛАЯ ГРАЖДАНСКАЯ»

В первой половине 1921 г. война между красными и «зелеными» достигла своего пика. Как все стихийные взрывы народного возмущения, она сопровождалась чрезмерной жестокостью. Впрочем, и

здесь большими злодеяниями выделялась все-таки не стихийная, а централизованная, советская сторона. Например, осенью 20-го при первом подавлении «антоновщины» — «примерном», как требовал Ленин, — повстанцев в плен не брали. По свидетельствам современников, поголовно казнили даже женщин, захваченных в составе их отрядов, заподозренных в связях с мятежниками или в принадлежности к эсерам, причем, по принятой здесь «традиции», женщины перед расстрелом подвергались групповому изнасилованию. В то время как Антонов рядовых красноармейцев не убивал — их или отпускали домой, или предлагали службу в повстанческих отрядах. Убивали, и часто действительно со звериной жестокостью, комиссаров, чекистов, бойцов специальных карательных частей, продармейцев. А сама первая попытка подавления, как и первая попытка Фрунзе уничтожить Махно, осталась незавершенной. На огромных пространствах России, Украины, Сибири, Белоруссии власть коммунистов держалась только в крупных городах и по железным дорогам, все остальное становилось для них либо «вражеской территорией», либо ареной боев, захватываемой то одной, то другой стороной. Вскоре против Махно развернулся фактически весь Южный фронт. В борьбу с ним втянулись 1-я Конармия, 2-й (бывшая 2-я Конармия) и 3-й кавкорпуса, большинство броневых и значительное количество пехотных частей. Менее боеспособные и мобильные соединения, бесполезные в активных действиях против махновцев, распределялись гарнизонами по городам и крупным селам.

На «антоновщину» Южного фронта уже не хватило. Сюда перебрасывались войска с Западного и Юго-Западного. Уже к марту силы тамбовского красного командования насчитывали свыше 40 тыс. штыков и сабель, 63 орудия, 463 пулемета. Тем не менее одолеть крестьян не удавалось, они успешно противостояли большевикам. А. С. Антонов, бывший начальник уездной милиции г. Кирсанова, старался ввести среди повстанцев четкую организацию, преобразуя крестьянские отряды в подобие регулярной армии. Его войска сводились в полки численностью около тысячи чел., а кавалерийские полки, ставшие его ударной силой, состояли из 1,5—3 тыс. бойцов. В начале апреля он нанес красным серьезное поражение под Рассказово, всего в 30 км от Тамбова, разгромив там крупный гарнизон. К маю большевистские силы, действующие против Антонова, увеличились на 7 тыс. чел. Командующим сюда был назначен Тухачевский, его заместителем — Уборевич. Сильные бои шли по рекам Ворона и Хопер, у сел Семеновка, Никольское, Пушино, Екатериновка. Красные, собрав кавалерийскую группировку из дивизии Котовского, 14-й кавбригады и Борисоглебских командных курсов, атаковали повстанцев, но добиться решающего успеха так и не смогли.

На Украине Махно, хотя и с большими потерями, нанес поражение 2-му кавкорпусу. После рейда на север к ядру его войск присоединились крупные силы повстанцев под командованием Бровы и Маслака. Фрунзе, теперь уже не торопясь, принялся обкладывать его кавалерийскими соединениями и расстановкой гарнизонов, постепенно затягивая петлю и намереваясь оттеснить батьку из его «вотчины» в сторону Донбасса. Махно отвечал ударами. Так, им был разгромлен штаб 14-й дивизии буденновцев, все командование во главе

с А. Я. Пархоменко погибло. Усилению красных батька пытался противопоставить разжигание повстанческого движения в других районах. В начале марта, переждав суровую зиму, он выделил самостоятельную группу Бровы и Маслака, направив ее для действий на Дону и Кубани. Группу Пархоменко послал в район Воронежа. 600 сабель и полк пехоты Иванюка отправились под Харьков. Сам Махно решил сменить тактику и перейти от партизанских налетов к рейдовой войне. К этому времени он был уже калекой — в предыдущих боях пуля раздробила и вынесла ему кости щиколотки. Он передвигался на тачанке.

С ядром своих войск он пошел через Днепр, под Николаев, там повернул назад, двинулся по Таврии, мимо Перекопа. Под Мелитополем он попал в окружение. Махно принял бой, уклонился от одной из красных колонн, другую демонстрациями атак заставил развернуться к бою и напрасно ждать настоящей атаки больше суток, а сам напал на третью колонну, разгромил ее и прорвался по стрелке между Азовским морем и оз. Молочным на Токмак. Тут он отделил еще часть армии под командой Куриленко в район Бердянска и Мариуполя, а сам с 1,5 тыс. сабель и двумя пехотными полками пошел на Черниговщину, где его снова окружили. Он атаковал и разбил красных, но через два дня навалились свежие части. Махно был опять ранен — в бедро через слепую кишку навывлет. 16.03 его армия рассыпалась по 100—200 чел. и группами вышла из кольца в разные стороны, на соединение с Куриленко, Кожиным и другими атаманами. Отряд Забудько остался для действий под Черниговом. При Махно был «особый полк», около тысячи чел. На него наскочила 9-я советская кавдивизия и преследовала 180 км. Вскоре Махно наткнулся и на другие красные части, шедшие ему навстречу. Разыгрался бой, который стал бы для него последним, если бы не 5 пулеметчиков, которые, спасая батьку, пожертвовали жизнью, до последнего держали противника огнем, дали Махно оторваться на 3—4 км и уйти. Месяц Махно отлеживался после ранения, а затем приказал своим частям, находившимся поблизости, сгруппироваться на Полтавщине. К маю здесь собрались 2 тыс. сабель и 10—15 тыс. пехоты. И батька начал поход на Харьков, чтобы «разогнать земных владык из партии большевиков». Против него Фрунзе бросил несколько кавалерийских дивизий, 60 броневигов. Несколько недель шли бои. В конце мая 1-я Конармия, подавлявшая восстания под Екатеринославом, двинулась для той же цели на Дон. По пути, под Новогригорьевкой, Буденный с 19-й дивизией ВНУС при поддержке 16 броневигов атаковал «сводную группу» Махно. Бой закончился полным поражением красных. После этого батька выделил отряд сибиряков под командованием Глазунова и отправил за Урал, на родину — поднимать народ там.

Летом сражения продолжались. Засуха и неурожай, охватившие Екатеринославскую, Таврическую, Херсонскую, Полтавскую губернии и Дон, заставили Махно рассредоточить повстанцев и перенести действия на Кубань, под Царицын, под Саратов, а другой частью — на Киевщину и Черниговщину. С группами Петренко и Забудько он совершил рейд до Волги, обогнул весь Дон, по дороге стараясь связать между собой местные отряды. В боях Махно был снова ранен, и в начале августа с сотней кавалеристов его отправили за границу, на

лечение и для отдыха от непрерывных сражений. 16.08 он форсировал Днепр у Кременчуга, получив при этом несколько легких ранений. 19.08 столкнулся с частями 7-й кавдивизии красных. Она попыталась его окружить, однако Махно прорвался, сбив отчаянной атакой один из полков и вырубив пулеметную команду. 22.08 батька был ранен еще раз — пуля вошла ниже затылка, но поверхностно, выйдя через правую щеку. 26.08 произошел последний бой с красными, а через два дня Махно перешел Днестр.

В Румынии уже находились некоторые из его помощников, действовавшие под Херсоном и Одессой и отступившие за границу. Они сумели хорошо устроить батьку, при помощи огромных взяток избегали всех сложностей с властями. А на Украине с уходом лидера повстанческое движение стало быстро гаснуть. Этому способствовал еще целый ряд факторов — замена подразверстки продналогом, неурожай, амнистия сложившим оружие. Широко применялись и репрессивные меры. Так, в местах, охваченных «махновщиной», из числа «кулаков» назначались «ответчики», т. е. заложники, обязанные под страхом смерти (своих и близких) предупреждать власти о действиях повстанцев, следить за исправностью железных дорог и телеграфных линий. Военно-революционный совет махновской армии во главе с анархистом Волиным почти в полном составе попал в плен. Правда, судьба у сподвижников батьки сложилась по-разному. Кого-то расстреляли. А, например, начальник его контрразведки и палач, знаменитый Левка Задов, оказался на службе в ЧК и был репрессирован только в 30-х.

В других областях страны «зеленое» движение тоже стало терпеть поражения. Еще весной красные сумели подавить западносибирское восстание «Родина». А летом группировка советских войск под командованием Уборевича в районе Сердобска, Бакура и Елани разгромила основные силы Антонова. Крайне жестокие меры против тамбовских повстанцев ввел Тухачевский. По его приказу участки открытого поля огораживались колючей проволокой, и туда сгонялись семьи подозреваемых крестьян. На солнцепеке их держали три недели. Если за это время не являлся кормилец, чтобы своей жизнью выкупить семью, ее высылали на север — в чем есть, без всякого имущества.

Осенью красные войска, поднакопившие опыта и силенок, добивали повстанцев на Украине. Только на Правобережье Днепра было уничтожено 444 отряда общей численностью свыше 30 тыс. чел. Из них убиты в боях и расстреляны около 10 тысяч. Еще делались попытки централизации повстанческих сил и нового подъема борьбы. Во Львове образовался «Головной повстанческий комитет» генерал-хорунжего Ю. Тютюнника. В ночь на 28.10 подчиненная ему бригада Паляя переправилась через пограничную реку Збруч и заняла станцию Ярмолинцы, а 4.11 под Коростенем из Польши перешла еще одна бригада — 500 чел. с 3 пулеметами. На следующий день в районе Олевска перешли границу основные силы Тютюнника — его Киевская дивизия в 1250 чел. Тютюнник провозгласил себя командующим повстанческой армией, образовал «правительство» Украинской народной республики, атаковал г. Коростень, но был отбит. Вскоре из Бессарабии переправилась еще одна группа его войск под руководством Пшенника и штурмовала Тирасполь. Красное командование

перебросило сюда дополнительные стрелковые части, 9-ю Крымскую дивизию Котовского. Даже не успев как следует развернуть работу по организации широкого восстания, Тютюнник потерпел поражение. 17.11 красные перешли в наступление, юго-восточнее г. Овруча разбили его Киевскую дивизию, а у села Ст. Гута — бригаду Палия. Повстанцы начали отступать и ушли за границу. Через два дня выбили за Днестр и группировку Пшенника. Той же осенью были разгромлены (в основном, силами 1-й Конармии) повстанческие отряды Кубано-Черноморской области, к ноябрю — на Дону, в декабре — в Ставрополье. Несколько дольше держалась Карелия. Зимой 1921—1922 гг. на половине ее территории была свергнута советская власть, посылаемые на усмирение карательные отряды разбивались. Но к весне все было кончено и здесь.

Попытку централизации повстанческого движения в Туркестане предпринял Энвер-паша — военный преступник, избежавший петли под крылышком Ленина и пригретый «про запас» для развития мировой революции. Но мог ли бывший диктатор Турции долго оставаться приживалкой у другого диктатора? Когда советская власть стала укрепляться в Средней Азии, он решил устроить там исламскую революцию и поднять священную войну против «неверных». Заручившись союзом с эмиром Сейид-Алимом, пребывавшим в Кабуле, Энвер провозгласил себя «великим вождем ислама» в Восточной Бухаре (нынешний Таджикистан и юго-восток Узбекистана). В Кара-Су он провел съезд мулл, ишанов и басмаческих курбаши, стараясь объединить их разрозненные и враждующие отряды. Присвоил себе титул, ни более ни менее, как «верховный главнокомандующий всеми войсками ислама, зять халифа и наместник Магомета». Против него красные собрали группировку из восьми кавалерийских и стрелковых полков. Пошла жесточайшая драка, в которой стороны истребляли не только друг друга но и мирное население — свыше 5,5 тыс. местных жителей были убиты и около 3 тыс. ранены. В июне 22 г. советские войска предприняли общее наступление. У г. Байсун Энвер потерпел сокрушительное поражение и стал отступать в горы, цепляясь за перевалы и рубежи рек. 4.08.22 возле кишлака Оби-Дар ядро войск Энвера было окружено и разгромлено, а сам он убит.

«Зеленое» движение, в 1921 г. широко разлившееся по всей России, в 1922-м практически исчезло. От него остались только малочисленные отрядики и банды — они распадались сами или поочередно уничтожались советскими войсками. А. С. Антонова, то пробовавшего вести партизанские действия, то скрывавшегося среди местного населения, тоже выследили, и он погиб вместе со своим братом.

109. «КОСТЛЯВАЯ РУКА ГОЛОДА...»

Подрыву массового повстанческого движения способствовали не только успехи Красной армии. И не только переход от политики военного коммунизма к НЭПу. В 1921 г. по крестьянству ударил голод. Он явился не следствием войны. Страна, прежде являвшаяся крупнейшим экспортером зерна, лишившись всех рынков сбыта, уж как-нибудь сама себя прокормила бы. Голод стал прямым результатом ле-

нинских планов построения общества нового типа, в первую очередь — хлебной монополии и продразверстки. Уже было показано, что «война за хлеб» началась в мае 18 г., в почти мирное еще время, и никак не инициировалась борьбой с белыми — они тогда представляли из себя лишь отдельные небольшие отряды. Наоборот, гражданская война разыгралась в полную силу после внедрения большевистской продовольственной политики, основанной на желании нового правительства уничтожить торговлю, «порождающую капитализм», и ввести централизованное распределение продуктов питания, которое сделало бы всех граждан полными рабами государства.

В 21-м проявились последствия такой политики, о которых коммунисты как-то не задумывались. Голод охватил 12 губерний России и Украины. Эпицентром стало Поволжье, Самарская и Саратовская губернии. Здесь всегда урожайные годы сменялись неурожайными. Но первые с избытком создавали запас продовольствия для вторых, что давало возможность нормального существования. В 18, 19, 20-м все излишки (да и не только излишки) выметались продотрядами. И суровая зима 1920—1921 гг., а вслед за ней засуха, привели к катастрофе. Помощь? А откуда? По всей России продразверстка приучила крестьян не сеять больше того, что сможешь потребить сам, — все равно отберут. А во многих местностях и в 21-м под теми или иными предлогами «временно» собирали продразверстку, укрепляя такое убеждение.

Действия коммунистических властей в период голода поражают цинизмом и бесчеловечностью. В голодающие районы направили «всероссийского старосту» М. И. Калинина, и он уговаривал крестьян не разбегаться, а как-нибудь потерпеть — резать лошадей, собирать траву и т. п. А в это же время, например, войска ВЧК согласно постановлению СТО от 13.4.21 обеспечивались продовольствием по «усиленной норме № 1»: в день 2 фунта (800 г.) хлеба, 1/2 фунта мяса, в суточный рацион входили также крупа, овощи, масло или сало, мука, чай, сахар, табак, спички, мыло. Всего чекистские части получали 75 тыс. таких пайков, но они же были нужны советской власти — и теперь не только для борьбы с повстанцами, но и для операций в связи с голодом. 1.06.21 Совет Труда и Оборона издал постановление «О прекращении беспорядочного движения беженцев»: «Категорически воспрещается каким бы то ни было органам выдавать пропуска на проезд беженцев к Москве и западной полосе без согласования с Центральным эвакуационным комитетом... ВЧК и всем ее местным органам, особенно Транспортному отделу ВЧК, следить за выполнением настоящего приказа, фактически не допуская самовольного или незаконного передвижения беженцев и захвата подвижных составов». Голодающие запирались в своих областях — на вымирание. Чтобы не хлынули вдруг в столицу, досаждая властям и вызывая беспорядки. Или не побежали через границу...

Сколько ни ройтесь в ПСС Ленина, вы не найдете там в это время истерических призывов «Хлеба! Ради бога, хлеба!», как во время войны, когда голод угрожал Москве. Теперешнее бедствие волновало вождей постольку поскольку. Зато началась их активная борьба с Комитетом помощи голодающим (Всероспомгол). Он был создан в июне либеральной русской общественностью во главе с бывшими деятеля-

ми Временного правительства, кадетской и социалистических партий — Прокоповичем, Кусковой, Кишкиным, при участии В. Г. Короленко и упорном противодействии большевиков, причем особенно ярким врагом «предоставления легальных возможностей противникам советской власти» выступал нарком здравоохранения Семашко. Только 21.07, после препирательств, продолжавшихся почти два месяца, комитету разрешили легализоваться. В него вошли видные деятели науки и культуры, дореволюционной общественности. В дело помощи голодающим включились эмигрантские круги, начав широкий сбор средств. Устанавливались связи с зарубежными благотворительными и политическими организациями.

Но эта была не та рука, которая, по мнению большевиков, могла протягивать помощь. Народ должен был знать только одного хозяина. И сразу после образования комитет подвергся ожесточенной травле. Ему ставили в вину связь с «реакционными представителями церкви» (т. е. с патриархом Тихоном). Ставили в вину связь с «белой эмиграцией» — собиравшей деньги для крестьян. (Хотя даже в докладе ВЧК указывалось: «Левые кадеты, эсеры и меньшевики отвергают «спекуляцию на голод». Они полагают, что нужно добросовестно стремиться к помощи голодающим, хотя вместе с тем считают, что эта помощь сама по себе благополучно отразится на политическом положении России».) Ставили в вину контакты с английской торговой делегацией в Москве. Требования комитета обеспечить всем «работникам по голоду законную защиту их деятельности, скорое продвижение и полную сохранность всех грузов и пожертвований, предназначенных для голодающих» расценивались и преподносились как «выражение открытого недоверия советской власти», проявления вражды к ней. А создание местных филиалов комитета пахло, по мнению коммунистов, широкой антисоветской организацией. Ставились в вину переговоры с западными державами, которые начались через посредничество эмигрантов, причем переговоры успешные. 12.08.21 Верховный Совет Антанты решил создать комиссию по оказанию помощи голодающим в России во главе с Ж. Нулансом. Комиссия собиралась действовать через Всероспомгол. Но это было уж слишком! И 27.08.21 Ленин приказывает: «Предписать Уншлихту сегодня же с максимальной быстротой арестовать Прокоповича и всех без исключения членов (некоммунистов) Комитета помощи — особенно не допускать собрания их в 4 часа». И Комитет посадили. На свободе оставили только умирающего Короленко.

Что касается комиссии Нуланса, то она потребовала от большевиков допуска в страну 30 экспертов для получения информации на местах. Ленин 4.09.21 указал: «Поручить Чичерину составить в ответ Нулансу ноту отказа в самых резких выражениях типа прокламации против буржуазии и империализма...» Отвергли коммунисты и помощь Ф. Нансена. Он ставил лишь одно условие — контроля за тем, что деньги пойдут именно на голодающих, а не куда-то еще, причем для контроля фонд Нансена предлагал те же кандидатуры, которые входили в состав Всероспомгола. Могли ли большевики терпеть такое недоверие к себе? Такое попрание права их партии творить в своей стране все, что ей будет угодно?

Помощь предложила АРА (Американская администрация помощи) — ассоциация нескольких благотворительных и религиозных организаций. Возглавлявший ее министр торговли США Г. Гувер и европейский директор Ч. Браун тоже выдвинули ряд требований — свобода действий своих сотрудников в России, их экстерриториальность, право организовывать местные комитеты помощи и т. п. Ленин по этому поводу писал: «Тут игра архисложная идет. Подлость Америки, Гувера и Совета Лиги Наций сугубая... Гувер и Браун наглецы и лгуны». АРА тоже отказали. Американцы пошли даже на то, что сняли часть требований. И лишь тогда подписали соглашение, разрешающее помощь голодающим детям. АРА успела ввезти 28 миллионов пудов продовольствия, но затем ее начали обвинять в том, что она принимала на работу «лиц с установившейся контрреволюционной репутацией» (а кого же еще могли принимать американцы, тупых местных «партейцев?»), обвинять в связях с эсерами. Вокруг комитетов АРА органы ЧК раздули волну шпиономании, и ее деятельность стали прикрывать то в одном районе, то в другом, а потом она и вовсе была прекращена.

Основания для недоверия у «буржуев», выдвигавших условия контроля за благотворительными средствами, имелись, и весьма серьезные. Например, в том же 21-м в протоколах комиссии по золотому фонду можно найти: «Слушали: об отпуске ВЧК золотого кредита на закупку: а) секретного гардероба на 10 тыс. чел. в сумме 350 тыс. руб. б) продовольствия на сумму 1 255 500 руб. в) обмундирования для войск особых отделов, пограничных, ДТЧК и ВОХР на сумму 1 518 800 руб.». Отказано лишь во втором пункте, поручено обеспечить «за дензнаки». Остальное, почти 2 млн. золотых рублей, удовлетворено. За подписью Ленина. Миллион рублей золотом получил осенью 21 г. Кемаль-паша на поддержку турецкой революции. В июне-июле 21-го прошел 3-й конгресс Коминтерна, и началось интенсивное формирование зарубежных компартий (а также агентурной сети), которое тоже требовало золотого и валютного финансирования.

В Поволжье, на Украине вымирали деревни, люди доходили до каннибализма, но Ленин с соратниками старались извлечь выгоду даже из бедствий и, по обыкновению, умели решать задачи комплексно. В отличие от своих противников, они оказались не прочь «спекулировать на голод» и придумали одним махом убить двух зайцев. Пополнить средства, необходимые для очередных политических авантур, и разрушить последний, кое-как еще удерживающийся бастион прежней России — православную церковь. 19.03.22 Ленин дал указание Молотову: «Провести секретное решение съезда о том, что изъятие ценностей, в особенности самых богатых лавр, монастырей и церквей, должно быть проведено с беспощадной решительностью, безусловно ни перед чем не останавливаясь и в самый кратчайший срок. Чем больше число представителей духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать...» «Крестьянские массы будут либо сочувствовать, либо окажутся не в состоянии поддержать духовенство...» «Сейчас победа над реакционным

духовенством обеспечена нам полностью». И под предлогом помощи голодающим потребовали изъятия церковных ценностей.

Однако... церковь согласилась на их передачу. Она решилась сделать лишь две оговорки — что не могут быть переданы священные сосуды, используемые в богослужении, это было бы кощунством. И еще высказалась о том же контроле, чтобы ценности расходовались именно на голодающих. Контроль? Это было оскорблением. Для большевиков любая попытка их контролировать являлась враждебной акцией. Тем более что ценности предполагалось «использовать на таких направлениях, как государственная работа, хозяйственное строительство, укрепление международного положения» — попросту говоря, на собственные нужды партии. И вообще добровольная передача ценностей Ленина не устраивала. Поэтому к оговоркам тут же придрались, преподнося их как отказ и раздув по этому поводу пропагандистскую кампанию. Начались провокации — большевики похамски врываются в храмы, устраивали обыски, насильно выгребая все, что, по их мнению, относилось к ценностям. Попутно ломали утварь, иконы, кощунствовали и безобразничали. Слабые протесты на эти действия мгновенно подхватила красная пропаганда, извратив их по-своему — как антисоветскую агитацию и отказ голодающим в куске хлеба. И на церковь обрушилась лавина репрессий. Казнили множество священников, монахов и монахинь, просто верующих — например, за распространение воззваний патриарха Тихона. В 1922 г. церкви был действительно нанесен удар, от которого она не могла оправиться «несколько десятков лет». Закрывались храмы, монастыри, монахи переводились в рабочие совхозов. Шли массовые аресты и ссылки «по церковному признаку». Погромную кампанию проводили в предельно сжатые сроки, весной 22-го. Чтобы успеть до нового, хорошего урожая...

Ну а в голодающих губерниях в 1921—1922 гг. вымерло, по различным оценкам, 5—6 миллионов человек...

110. ГАЛЛИПОЛИЙСКОЕ СИДЕНИЕ

Когда говорят о белоэмиграции, обычно представляют русского офицера, заливающего ностальгию водкой в ресторанах Парижа... Такое представление неверно. Чтобы добраться до Парижа, нужны были средства. А какие средства могли быть у фронтового офицера, получавшего нерегулярное жалованье деникинскими или врангелевскими бумажками? Париж с Верховным Советом Антанты, Верховным экономическим советом, Лигой Наций был в то время центром мировой политики. Поэтому он стал центром политической эмиграции. Здесь обосновались обломки различных партий, течений, политических группировок. Стекались в «мировую столицу», издавна связанную с Россией, и другие эмигранты — но по мере возможностей. Гораздо больше русских оказалось в Германии — хотя бы потому, что жизнь там была дешевле, чем во Франции. Но и в Германии процент «настоящих» белогвардейцев был невелик. В основном здесь осели люди, выехавшие в 18-м, во время мира немцев с Совдепией, эвакуи-

ровавшиеся вместе с немцами или поляками. Берлин, Прага стали в какой-то мере «культурными» эмигрантскими центрами. Но разговор о судьбах двухмиллионной русской эмиграции — это уже другая обширная тема. Мы же ведем речь лишь о Белой гвардии...

Когда огромная флотилия с войсками Врангеля и крымскими беженцами в ноябре 20 г. прибыла в Константинополь, начались переговоры с французскими оккупационными властями об их дальнейшей судьбе. По настоянию Врангеля Русская армия, как организованная боевая сила, была сохранена. Ее чинами, согласно приказу главнокомандующего, оставались солдаты и офицеры. Все иные считались беженцами, французы объявили, что тем из них, кто не претендует на помощь властей, обязуется жить на свои средства и готов дать в этом подписку, предоставляется свобода передвижения, остальные направлялись в специальные лагеря — в Турции, Греции, Сербии, на островах Эгейского архипелага. Эвакуированные разделялись. Кто-то выплеснулся в Константинополе, других суда повезли в разные стороны. Русские корабли, захваченные в качестве залога «на покрытие расходов», французы перегнали в Бизерту (Тунис). Команды разместили там в лагерях, а корабли бесцельно простояли несколько лет в состоянии неопределенности. А потом, когда Франция окончательно утвердила их своей собственностью, они оказались уже ни на что не годными — ведь с 17 года они не видели ни нормального ухода за собой, ни регламентных работ. И их продали на металлолом.

В Константинополе остался штаб главнокомандующего, ординарцы, конвой — 109 офицеров, 575 солдат и казаков. 1-й корпус Кутепова, в который сводились все регулярные части — 9363 офицера и 14 698 солдат, направлялся на полуостров Галлиполи (западный берег пролива Дарданеллы). Донской корпус Абрамова — 1977 офицеров и около 6 тыс. казаков, располагался в турецких селениях Чилингир, Санджак-Тепе, Кабакджа. Кубанский корпус Фостикова, около 300 офицеров и 2 тыс. казаков, был вывезен на остров Лемнос. При армии остались более двух тысяч женщин, 500 детей.

Конечно, в Константинополе русских офицеров было больше — и из предыдущих волн эвакуации, и из окончательной, крымской. Кто-то из них никогда не был связан с Белым Движением, кто-то решил порвать эту связь, перейдя на положение неорганизованных беженцев. Не всех таких офицеров можно было принимать буквально — многие русские становились «полковниками» и «капитанами», лишь бы увеличить шансы как-то пристроиться. Скажем, разве турку на вокзале не лестно, что его чемоданы несет русский полковник? Точно так же как любая русская женщина, пошедшая на панель, становилась «княжной». Среди офицеров, отошедших от армии, возникали свои «союзы», «лиги», «центры», играющие в политику, в заговоры — что чаще всего выражалось в поисках покровителей, которые выделили бы организации средства к существованию.

Вокруг армии и беженства крутились шпионы всех мастей, аферисты, вербовщики. Французы вовсю набирали волонтеров в Иностранный легион для войны в Алжире. Находились благодетели, вербовавшие желающих ехать в Бразилию, обещая авансы, средства на проезд и земельные участки — что на самом деле оборачивалось раб-

ским трудом на кофейных плантациях. Большевистская агентура тут же принялась внедрять возвращенческие настроения. Все факторы работали на нее — душевный упадок, ностальгия, жалкие условия существования. А информация о том, что в это время творилось в Крыму, за границу не проникала. Если и доходили какие-то слухи, то уж больно неправдоподобными выглядели сами масштабы зверств.

От подобных разлагающих влияний и старалось уберечь армию белое командование. Уберечь, как единое целое, от разброда и распада. Ведь пока сохранялась армия, Белое Движение еще не было побеждено. Еще жила идея возрождения прежней России. Еще оставалась надежда вернуться на Родину с оружием в руках и возобновить борьбу. Нельзя сказать, чтобы союзники гостеприимно встретили людей, столько раз выручавших их в годы мировой войны и спасавших Европу от нашествия большевиков. Правда, пайки поначалу установили сносные, на 2 франка в день — 500 г. хлеба, 250 г. второсортных консервов, крупа, немного картофеля, жиры, соль, сахар, чай. Зато условия размещения оказались отвратительными. На Лемносе у кубанцев — лагеря, палатки под зимними ветрами, недостаток пресной воды. Положение донцов по сравнению с другими частями считалось «удовлетворительным». Казаки разместились в овчарнях, бараках и землянках, штаб корпуса — на станции Хадем-Киой, приемная ген. Абрамова находилась в местной кофейне. Инициативой казаков и усилиями командования вскоре было организовано обучение ремеслам, охота, открыты курсы для офицеров, самодеятельный театр.

На полуострове Галлиполи, куда отправили основную часть белогвардейцев, некогда турки держали пленных запорожцев. Лагерь для русских пленных располагался там и во время войны 1853—1855 гг. Это, пожалуй, говорит само за себя. В 1915 г. во время Дарданелльской операции на полуострове происходила высадка англо-французского десанта при поддержке корабельной артиллерии, поэтому крохотный городишко Галлиполи был полуразрушен. Он смог вместить в себя, включая и развалины, едва ли четверть корпуса — штаб, лазареты, части обеспечения, женщин и детей. А основная масса войск располагалась в 7 км от города по берегам речушки в Долине Роз — где никакими розами давно уже не пахло. Русские окрестили ее по-своему — Голое поле. Под непрекращающимся холодным дождем выгружались с кораблей, трое суток ставили выданные французами палатки. Кроме чахлого кустарника на холмах, не было даже топлива, чтобы просушить одежду и обогреться.

В этих условиях Кутепову приходилось прилагать невероятные усилия, чтобы армия не утратила окончательно своего духа и осталась армией. Он провел реорганизацию, переформировал части, сводя воедино остатки прежних полков и команд. Укрупненные таким образом полки объединил в новые дивизии, начальниками которых стали генералы Витковский, Туркул, Скоблин, Барбович. Военный лагерь было приказано организовать по уставным правилам — наладить несение службы суточным нарядом, выставить караулы. Как в дореволюционное время, возобновлялись регулярные занятия строевой и боевой подготовкой, словесностью и законом Божьим. Сво-

бодное время Кутепов требовал занять работой по благоустройству лагеря — сделать грибки для часовых, выровнять линейки, соорудить въезд в лагерь, полковые вензеля, навесы для знамен, из подручных материалов, кустарника и тростника, плести койки, собирать морскую траву на циновки и матрацы. Для поддержания дисциплины и порядка в полках восстанавливались офицерские суды чести. Действовали и военно-полевые суды.

Этими мерами, которые скептики расценивали как «солдафонские» и «дубовые», Кутепов достиг результата — армия не развалилась и не разложилась. Она постепенно выходила из состояния шока, возрождались ее внутреннее единство и боевой дух. В условиях лишений, оторванности от родины, унижения возникал некий микрокосм прежней армии, прежней России. Галлиполийский корпус стал понемногу оживать. Сооружалась церковь с иконостасом из одеял, лампы из консервных банок и звонницей из снарядных гильз. Начали работать мастерские по починке одежды и обуви. Была отлажена гарнизонная и патрульная служба. Частям предписывалось соблюдение своих полковых праздников, проведение смотров и парадов. Запрещалась нецензурная брань, «порожденная разгулом войны». За продажу (или пропой) оружия, чему вначале были примеры, военно-полевой суд стал выносить смертные приговоры. В частях стали выпускать рукописные журналы и газеты, организовалась фехтовально-гимнастическая школа. Был выработан даже дуэльный кодекс. Приказ Кутепова по этому поводу, утвержденный Врангелем, гласил: «Признавая воспитательное значение поединков, укрепляющих в офицерах сознание высокого достоинства носимого ими звания, для поддержания воинской дисциплины и укрепления моральных основ приказываю всем судам чести прибегать к поединкам во всех случаях, когда это окажется необходимым». Поединки не очень поощрялись, но и не запрещались. Только ни дуэльных пистолетов, ни шпаг не было, да и офицеры за время гражданской привыкли к другому оружию. И в Галлиполи, когда оказывалась оскорбленной чья-то честь, традиционными стали такие смертоносные поединки, как дуэль на винтовках или фехтование в штыковом бою.

Врангель смог приехать в Галлиполи только 22 декабря. Посетил он и лагерь кубанцев на Лемносе. Выступил перед войсками, принял парады, побеседовал с командованием и вновь вернулся в Константинополь, где обосновался на последнем русском корабле — яхте «Лукулл». Из военачальника он вынужден был превращаться в политика и дипломата, вертеться в клубках интриг, хитросплетений политической конъюнктуры, вести постоянные переговоры с союзниками, изыскивать полезные контакты. Борьбу за армию приходилось начинать не только с иностранцами, но и со своими, русскими. На Врангеля давило и левое, и правое крыло эмиграции. Одни добивались «демократизации» армии, другие, наоборот, обвиняли главнокомандующего в «либерализме». Сразу несколько политических группировок, претендующих на роль «правительств в изгнании», старались взять армию под свой контроль (не предлагая при этом какой-либо реальной помощи). Врангель заявлял относительно этих организаций: «Я за власть не цепляюсь. Но пройдя через горнило бедствий,

потоки крови, через Временное правительство, всякие комитеты... они хотят теперь снова повторить тяжелые ошибки прошлого... Передавать армию в руки каких-то комитетов я не имею нравственного права, и на это я никогда не пойду. Мы должны всемерно сохранять то знамя, которое вынесли. Разве может даже идти речь о том, чтобы армия находилась в зависимости от комитетов, выдвинутых совещанием учредилловцев, в рядах которых находятся Милюков, Керенский, Минор и присные, именно те, которые уничтожили, опозорили армию, кто, несмотря на все уроки, до сего времени продолжают вести против нее войну». Для некоторого противовеса противникам при содействии Струве, Бернацкого, ген. Шатилова из политических деятелей, принимающих сторону Врангеля — кадетов, народных социалистов, учредилловцев, — в Константинополе образовался свой «парламентский комитет».

В оппозицию Врангелю встал ген. Слащев. С лета пребывая не у дел, он много пил (что началось еще в гражданскую), стал баловаться кокаином. Но сохранял немалую популярность. Теперь Слащев отошел от дел, занялся огородничеством. А по ресторанам вел разговоры, критикуя главное командование, обвиняя Врангеля во всех поражениях и называя его «виновником потери нашей земли». Распространял версии о сокрытии каких-то денег. Подобные заявления он делал местным газетенкам — в качестве скандальной фигуры он занял прочное место в поле зрения прессы. В начале января Слащев опубликовал брошюру «Требую суда общества и гласности», где собрал свои рапорты Врангелю, выдержки из прежних статей и интервью газетам, пытаясь доказать этой подборкой вину главнокомандующего. В общем-то это было неким повторением ситуации с письмом-памфлетом Врангеля Деникину, только в гораздо менее логичной и более вызывающей форме. Суд чести при штабе главнокомандующего постановил исключить Слащева со службы, лишить звания без права ношения формы одежды и выслать из Константинополя. Слащев решения суда не признал, подчиняться ему не собирался и трубил об этом везде, где мог.

Штабы Врангеля и Кутепова все еще пробовали разрабатывать планы каких-то операций. О высадке в Грузии, переводе на Дальний Восток. Устанавливались контакты с Савинковым, Перемыкиным и Булак-Балаховичем, обосновавшимися со своими отрядами в Польше. Рост оптимистических надежд на будущее вызывали крестьянские восстания на Тамбовщине, Украине, в Сибири. Белое командование даже стало готовить для переброски в Россию летучие отряды из лучших офицеров-добровольцев, которые смогли бы добраться до восставших районов и стать центрами организации антибольшевистской борьбы. Но сухопутные дороги в Россию были блокированы войсками Кемаля и фронтами турецкой гражданской войны. Возможность морских десантов целиком зависела от союзников, которые не проявляли в этом плане ни малейшей заинтересованности. А перевозка на Дальний Восток стоила слишком дорого...

К 1921 г. международное положение складывалось далеко не в пользу белогвардейцев. Англичане подозрительно относились к присутствию русского войска у Дарданелл, традиционно опасаясь за свои

сферы влияния на Ближнем Востоке. Приближения к ним никаких «очагов напряженности» они не желали. К тому же они всю развивали работу по началу торговли с Советской Россией, готовился обмен делегациями и подписание торгового соглашения. Для этих целей армия Врангеля, застрявшая в Турции, была лишь помехой. Менялась и политика Франции. Она теперь тоже заявляла, что склонна разрешить торговые соглашения с большевиками. С меркантильной точки зрения у нее оставалась какая-то надежда получить старые российские долги от Совдепии, но никак не от Врангеля. А в военнополитическом плане, вместо прежней континентальной союзницы — России, Франция пыталась обрести поддержку в союзах малых государств и делала ставку на Польшу, Румынию, Латвию, Эстонию. Но их благополучие целиком зависело от мира с Совдепией. Италия и Греция боялись пребывания 35-тысячного русского контингента вблизи своих границ.

Контингента непонятного — армии без государства, не подчиненной ни одному из существующих правительств и слушающейся лишь своего главнокомандующего. Кто знает, против кого ей вздумается повернуть штыки? Перейти на сторону Кемаля, двинуться напролом через границы в Россию или «выкинуть» еще какую-нибудь штуку? Тем более что это были не просто 35 тысяч солдат и офицеров, а отборные воины, закаленные в двух войнах, прошедшие огонь и воду, умеющие доходить до пределов самоотверженности и драться с десятикратно превосходящим противником — многие из них более шести лет не выходили из боев. Врангель считал преступным сводить на нет такую силу. Но Европа считала опасным ее сохранение. Русская армия оказалась никому не нужна. Она всем мешала. Вскоре последовали конкретные шаги.

Уже в конце 20 г. Франция сочла свои союзные обязательства исчерпанными эвакуацией (купленной ценой флота) и решила избавиться от обузы, которой стали для нее белогвардейцы. От Врангеля все настойчивее требовали, во-первых, разоружить армию, а во-вторых, сложить с себя командование и распустить войска, переведя их на положение гражданских беженцев. Он категорически отказывался. Лишить армию довольствия французские оккупационные власти боялись — кто знает, какой взрыв способны учинить эти русские? Они старались закручивать гайки постепенно, уменьшая продовольственные пайки и довольно ехидно предлагая восполнить разницу «за счет средств главнокомандующего». Средств у главнокомандующего не было никаких. И борьба за армию приняла еще одно направление — поиска денег. С протянутой рукой представители Врангеля обращались к состоятельным гражданам, сумевшим сохранить капиталы, к правительствам и общественным организациям. Дорог был каждый франк, доллар и фунт, которые позволили бы лишний день пропитать какое-то количество белогвардейцев. Огромные суммы имелись в распоряжении русских посольств за рубежом. Но расставаться с ними дипломаты не спешили. Они образовали Совет послов, который вел собственную политику, а о деньгах уклончиво отвечали, что они принадлежат «законному правительству России». Ну а какое правительство считать законным, послы намерены были решать сами.

Старшина русского дипкорпуса М. Гирс вместо денег тоже давал советы перевести всех эвакуированных на положение беженцев — мол, только тогда можно будет рассчитывать на помощь общественных и благотворительных организаций.

Кое-какую поддержку оказала американская администрация помощи АРА, открывшая в лагерях свои продовольственные пункты и начав поставлять хлеб, молоко, одеяла — из которых белогвардейцы стали шить себе одежду. Струве и Бернацкий пытались вести в Париже переговоры с правительствами Антанты, но безрезультатные. Вдобавок ко всему их голоса глушились другими эмигрантскими кругами. Левые кадеты и социалисты готовили здесь сбор нового «Учредительного Собрания», заседал тот же Совет послов. Между тем отношения с французами обострялись. Их начальник штаба в Константинополе ген. Депре стал пытаться распоряжаться русскими войсками, минуя Врангеля. В лагерях была учреждена должность французских «командующих», которым подчинялись русские коменданты. Такой «командующий» в Галлиполи от лица оккупационных властей потребовал сдать оружие. Врангель выступил с протестом, угрожая непредсказуемыми последствиями, которые может вызвать такой шаг, и французы уступили.

По поручению Верховного комиссара Франции ген. Пелле Врангеля посетил адмирал де Бон, предложив ему сложить с себя звание главнокомандующего, дабы успокоить общественное мнение. Врангель ответил: «Я буду оставаться на своем посту до той поры, пока не удалят меня силой, и буду употреблять все свое влияние для того, чтобы задержать русских от губительного шага — переселения в Бразилию или возвращения в Совдепию». Союзники стали запрещать рассылку по лагерям приказов Врангеля, его выезды из Константинополя. И принялись направлять в лагеря своих офицеров для опроса белогвардейцев, желающих выйти на положение беженцев. Попутно разъясняли, что русские сейчас вовсе не обязаны оставаться в подчинении своих начальников, что они вольны вернуться на родину или остаться на чужбине, бросив армию.

Серьезного успеха подобная агитация не имела. Армия продолжала держаться даже в обстановке жестоких лишений. Люди не имели возможности помыться и бороться со вшами, имелись смертные случаи от тифа и холеры. Ходили во фронтовых обносках или самодельных одеяниях. Постоянное сокращение пайков обрекало армию на полуголодное существование. Попробовали создать рыболовецкую команду, но уловы в здешних местах были бедными, да и то половину приходилось отдавать турецким владельцам сетей и лодок. Другие команды ходили за десятки километров за топливом. Под носом французских часовых воровали со складов на дрова немецкие снарядные ящики, а то и снаряды — их разряжали и продавали порох местным охотникам. Кто-то действительно не выдерживал такой жизни и бежал — нанимаясь к Кемалю, записываясь в Иностранный легион, вербуясь в Бразилию или возвращаясь в Россию. 30 офицеров решили с оружием пробиваться в славянские страны. В местечке Булаир их попытался задержать отряд греческой жандармерии, но они атакой рассеяли греков. Те через своего префекта сообщили по теле-

фону в Галлиполи Кутепову. Пока офицеры праздновали победу в местном кабачке, подошел высланный из лагеря патрульный наряд и арестовал их.

Но большая часть армии стойко переносила все невзгоды. А к весне, с наступлением тепла, она вообще стала оживать. Пошли на убыль болезни — люди избавлялись от насекомых, смогли купаться в море и речушках. Благоотворно сказывался и отдых от войны. Стал оживать и сам по себе заброшенный Галлиполи. Сюда, как к уголку России, пусть суррогатному, неполноценному, потянулась часть неорганизованных беженцев из Константинополя. Из мужчин, желающих поступить или вернуться в армию, был даже сформирован «беженский батальон». Вокруг внезапно возникшего воинского поселения собиралась и другая публика. Съезжались греки, армяне, турки, открывающие грошовые лавчонки, кабачки и трактирчики для тех, у кого каким-то образом завелись деньги. К такой толпе изголодавшихся мужчин двинулись второразрядные константинопольские проститутки. По вечерам набережная, которую окрестили «Невским проспектом Туретчины», переполнялась гуляющей публикой. Особенно оживлялся городок в воскресенье, когда пароход привозил продовольствие, газеты, почту. Играли полковые оркестры. Были сооружены 7 церквей. Открылась гимназия, кадетские корпуса, функционировал самодеятельный театрик, периодически наезжали и артисты-эмигранты из Константинополя, в том числе знаменитости. Организовывалась рукописная печать, различные клубы.

Но к весне донельзя ухудшились и отношения с французскими властями. Стало доходить до конфликтных ситуаций. Командующий оккупационными войсками ген. Шарпи принял решение о переводе донцов из Чаталджи, где они немножко обустроились, в гораздо более худшие условия на о. Лемнос. Это вызвало возмущение. Казаки лопатами и колями разогнали сенегальских стрелков, прибывших для их усмирения и переселения. Были раненые. Лишь после распоряжения Врангеля, призвавшего донцов успокоиться, инцидент удалось погасить, и перевод состоялся. Участились конфликты русских с французскими патрулями. В самом Константинополе в день праздника Конной гвардии, когда главнокомандующий устроил торжественный развод караулов в русском посольстве и консульстве, а юнкера прошли с оркестром по улице, это вызвало переполох властей. Врангель получил приказ Пелле разоружить конвой и штабных ординарцев, но выполнить его отказался. Тогда Пелле приказал очистить здание посольства от всех военных учреждений, а Врангелю предписал выехать из Турции. Главнокомандующий выразил желание попрощаться с войсками в Галлиполи и на Лемносе. Во избежание эксцессов ему запретили. Разрешили лишь обратиться к войскам с письменным посланием, текст которого подлежал согласованию с французами. Врангель стал тянуть время, делая заявления в газетах с намеками на непредсказуемые действия армии. В Галлиполи пошли слухи о его аресте. Раздались призывы идти с оружием на Константинополь выручать его. Напуганные союзники кинулись к Врангелю, и он успокоил войска своим приказом. Распоряжение о высылке из Турции пришлось спустить на тормозах.

Вскоре ген. Шарпи отдал новый приказ русским частям сдать оружие. Кутепов, ознакомившись с ним, заявил: «Пусть приходят и отнимают силой». Французы, указывая на непосильность расходов по содержанию Русской армии, недвусмысленно намекнули на прекращение снабжения. В ответ Кутепов усиленно занялся смотрами и парадами. Союзники встревожились, не собираются ли русские идти на Константинополь? Кутепов «успокоил» их, что нет, «это просто очередные занятия на случай, если армии придется походным порядком пробиваться в Сербию». Тогда оккупационное командование очередной раз сократило паек и попробовало воздействовать демонстрацией силы. К Галлиполи подошла мощная эскадра из 2 линкоров, 3 крейсеров, миноносцев и транспортных судов с пехотой. На запрос русских французский комендант позволил себе «пошутить», что у них проводятся маневры: «Завтра будет высажен десант, который начнет операцию с целью овладения городом». Кутепов ответил своей «шуткой»: «По странному совпадению завтра назначены и маневры всех частей моего корпуса по овладению перешейком полуострова». Ночью эскадра убралась от Галлиполи — от греха подальше.

Французы одну за другой слали ноты: «Ввиду образа действий, принятых ген. Врангелем и его штабом, наши международные взаимоотношения заставляют нас вывести эвакуированных из Крыма из подчинения власти, не одобряемой, впрочем, всеми серьезными и здравомыслящими кругами». Подобные заявления размножались для расклейки по лагерям. Шарпи писал Врангелю: «Честь имею просить Вас пригласить русских комендантов следить за тем, чтобы их подчиненные не мешали распространению этих документов. Согласно предписанию французского правительства паек, выдаваемый русским, будет уменьшен...» Пелле дополнял: «Позвольте мне прибавить, что телеграмма эта в точности отражает мысли и намерения республики, касающиеся решения в ближайшее время уничтожить существующую организацию беженцев, расселенных в окрестностях Константинополя».

Врангель отвечал: «Армия, проливающая в течение шести лет потоки крови за общее с Францией дело, есть не армия генерала Врангеля, а Русская армия. Желание французского правительства, чтобы армия ген. Врангеля не существовала и чтобы русские в лагерях не выполняли приказы своих начальников, не может быть обязательным для русских в лагерях; и пока лагеря существуют — русские офицеры и солдаты едва ли согласятся в угоду французскому правительству изменять своим знаменам и своим начальникам». На сокращение пайков он писал: «Решение французского командования, хотя, я надеюсь, было продиктовано исключительно финансовыми соображениями, может быть истолковано и как желание воздействовать на моральное состояние войск. Убежденный в необходимости сохранять порядок, который особенно обязателен в тяжелые минуты, лишенный возможности выявлять мой личный авторитет в войсках, я вынужден отклонить от себя всякую ответственность за дальнейшее». Копии таких ответов он публиковал в печати, сопровождая заявлениями, вроде: «Если французское правительство настаивает на уничтожении армии, то единственный выход — перевезти всю армию на

берег Черного моря, чтобы она смогла по крайней мере погибнуть с честью».

Добиться неподчинения белому командованию, подорвать его авторитет союзники так и не смогли. Огромную популярность приобрел Кутепов, неотлучно находившийся при войсках, деливший с ними все тяготы. Его в шутку называли «Кутеп-паша, царь Галлипольский». Когда в марте он по вызову штаба приехал в Константинополь, на пристани его встретили громовым «ура!», подхватили на руки и несли по улицам. Для разоружения и расформирования французы принимали и другие меры нажима. Запретили въезд в русские лагеря, аннулировали все ранее выданные пропуска. Врангель вместо сдачи приказал Кутепову собрать оружие и хранить под усиленным караулом. Но одновременно предписал сформировать в каждой дивизии ударный батальон из лучших бойцов в 600 штыков и пулеметную команду в 60 стволов. А контрразведка постаралась, чтобы это его «секретное» распоряжение стало известно союзникам...

Вовсю активизировалась большевистская агентура, агитируя солдат и офицеров за возвращение на родину, распуская слухи об амнистии прошлых «грехов». К этой агитации подключились французы, стараясь подогреть возвращенческие настроения — только бы развалить армию и избавиться от нее. Дошло до прямых провокаций. Учитывая, что возвращенчество сильнее всего затронуло казаков, подогнали к Лемносу судно, начав грубую вербовку желающих ехать в Россию. Офицеров отгоняли от рядовых. Фостиков выставил заградительный отряд, но французы навели на него пушки миноносца, высадили солдат и начали без разбора загонять казаков на корабль. Вместе с желающими попадали и нежелающие. Некоторые прыгали за борт, чтобы добраться до берега и вернуться в лагерь.

К концу марта отношения Врангеля с союзниками приблизились к полному разрыву. От более решительных действий в отношении белогвардейцев французов удерживал тот же страх их открытого выступления. И еще неопределенность. Союзные дипломаты, политики, военные гадали о причинах упрямства Врангеля, его неповиновения и независимой позиции. На что он, собственно, рассчитывает? Предполагали, что он позволяет себе такое, имея в запасе некий крупный козырь. Строили версии — какой именно? Секретный договор с Германией? С Японией? С Кемалем? Секретные американские займы? Секретный план нового вторжения в Россию с Савинковым? Никому и в голову прийти не могло, что в этой критической ситуации ему оставалось рассчитывать только на бога, на счастливый случай и на своих подчиненных...

111. В ПОИСКАХ ПРИСТАНИЩА

Во время Кронштадского мятежа, всколыхнувшего было надежды эмиграции, окончательно прояснилось, что никакой поддержки антибольшевистской борьбе в России державы Антанты больше не окажут. И возобновление этой борьбы отодвигалось из ближайшего будущего на неопределенные сроки. Отношения с французскими ок-

купационными властями обострились до предела. Срочно требовалось найти какой-нибудь выход. 4 апреля на Балканы выехала миссия во главе с начальником штаба Русской армии П. Н. Шатиловым — для переговоров с правительствами государств, которые согласились бы приютить у себя белые войска. При переговорах было решено исходить из следующих условий: части армии принимаются при сохранении их воинской организации; для обеспечения существования просить о предоставлении им общественных или частных работ, которые войска могли бы выполнять большими силами — полками или дивизиями; если же таковых работ, не унижительных для достоинства армии, не окажется, ходатайствовать о временном расселении на казарменном положении. Шатилов ехал в славянские страны, на которые возлагались максимальные надежды — королевство СХС (сербов-хорватов-словенцев, позже Югославия) и Болгарию, вез личные послания Врангеля к королю Александру и царю Борису. Такие же переговоры в Греции поручались ген. Кусонскому, в Чехословакии — ген. Леонтьеву, в Венгрии — фон Лампе.

Софию миссия сначала посетила проездом, поручив здесь представителю Врангеля ген. Вязьмитинову подготовить почву — позиция Болгарии, как страны, проигравшей войну, во многом зависела от позиции Белграда, и успех должен был определиться тем, примут ли русские предложения победители-сербы. 6.04 Шатилов прибыл в Белград. Приехавшие с ним генералы Богаевский и Науменко, политические деятели Львов и Хрипунов начали выступать с докладами и публикациями в прессе о положении армии и беженства в турецких лагерях, о состоянии казачества, чтобы склонить на свою сторону общественное мнение. 10.04 русскую делегацию принял председатель Скупщины, 14.04 — премьер-министр Пашич, на следующий день — военный министр Иованович, а 16.04 — король Александр. Переговоры прошли успешно. Королевство СХС соглашалось принять 5—7 тыс. русских на службу в пограничную стражу, 5 тыс. — на общественные работы. Соглашалось оно и на прием других контингентов, если их содержание не ляжет на средства страны. Считалось возможным еще для какой-то части армии «приискать в будущем соответствующие работы, каковые в настоящее время еще не производятся». На вопрос о переезде в королевство белого командования ответ был положительным.

Югославия вообще охотно принимала русских беженцев — уже к началу 21 г. здесь разместились 70 тыс. эмигрантов. Власти относились к ним доброжелательно, с исключительным вниманием. Сербия была традиционно связана с Россией. Король Александр получил образование в Петербурге, в Пажеском корпусе, его сестры Милица и Анастасия были замужем за великими князьями Николаем Николаевичем и Петром Николаевичем. В отличие от других стран, в Югославии считались действительными все российские дипломы об образовании и ученые степени. Молодое и слабо развитое государство остро нуждалось в квалифицированных специалистах, и ему очень кстати пришлось выброшенные из России ученые, инженеры, врачи, педагоги, агрономы. Теперь оно получило и лучшие воинские кадры. Была еще одна причина, способствующая такому отношению к армии

Врангеля. Королевство СХС образовалось после мировой войны в результате объединения двух стран-победительниц, Сербии и Черногории, и присоединения к ним ряда областей, изъятых у побежденных Австрии и Болгарии. Поэтому все ключевые позиции в стране занимали сербы. А «побежденные» народы, хорваты, словенцы, македонцы, оказались на второстепенном положении. С ними начались трения. Король и правительство рассчитывали, что в случае конфликта они смогут опереться на русских. Само их присутствие стало бы сдерживающим фактором для сепаратистов.

17.04 миссия выехала в Софию. Здесь ее принял царь Борис, прошли переговоры с начальником штаба армии Топалджиковым и министром общественных работ. Удалось добиться поддержки болгарской православной церкви и французского посла, завязанного русофила. В принципе болгары тоже склонны были дать положительный ответ. Говорили о возможности принять несколько тысяч человек на строительство и ремонт шоссежных дорог, разместить воинские части, содержащиеся за свой счет. Но права царя были ограничены конституцией, окончательное решение зависело от премьер-министра Стамболийского, лидера левой земледельческой партии. Из-за его болезни конкретные соглашения задерживались. Но переговоры пришлось прервать.

Врангель срочно вызвал Шатилова в Константинополь в связи с серьезными событиями. 7.04 большевистское радио передало обещание амнистии солдатам, казакам и крестьянам, мобилизованным в армию Врангеля, а также мелким чиновникам, сотрудничавшим с белыми и желающим вернуться в Россию. Для Франции это явилось хорошим предлогом отделаться от такой обузы, как белая армия. Амнистия вроде бы снимала все проблемы и обязательства по отношению к русским союзникам в глазах общественности. Одно дело — спасение от смерти, другое дело — содержание людей, которым уже ничто не угрожает. И 18.04 последовала нота правительства Франции. «...Ген. Врангель образовал в Константинополе нечто вроде русского правительства и претендует сохранить войска, вывезенные им из Крыма, как организованную армию... Не предусмотрено никаких кредитов для удовлетворения какой бы то ни было русской армии, находящейся на территории Константинополя. Существование на турецкой территории подобной армии было бы противно международному праву. Оно опасно для мира и спокойствия Константинополя и его окрестностей, где порядок с трудом обеспечивается союзнической оккупацией... Ввиду поведения ген. Врангеля и его штаба наша международная ответственность заставляет нас освободить эвакуированных из Крыма от воздействия ген. Врангеля — воздействия, осужденного всеми серьезными русскими группами. Не оказывая никакого давления на самого ген. Врангеля и его офицеров, необходимо разорвать их связь с солдатами... Никакого принуждения не будет допущено над эвакуированными для побуждения их вернуться в Россию; им будет предоставлена полная свобода эмиграции в Бразилию или поиска себе заработка в других странах... Все русские, находящиеся в лагерях, должны знать, что не существует больше армии Врангеля, что бывшие их начальники не могут ими больше распоря-

жаться и что впредь они совершенно свободны в своих решениях. Франция, более пяти месяцев помогавшая им ценой больших затруднений и тяжелых жертв, достигла пределов своих возможностей и не в состоянии более заботиться об их довольствии в лагерях. Франция, спасшая их жизнь, со спокойной совестью предоставляет им самим заботиться о себе».

Текст ноты широко распространялся в русских лагерях. Но... армия Врангеля все же существовала. Сохраняла повиновение начальникам и, будучи «совершенно свободной в своих решениях», распадаться не хотела. А на командование армии обрушилась масса проблем. Срочно форсировать переговоры о перемещении в балканские страны. Максимально ускорить сам перевод туда. И деньги. Чтобы армия смогла продержаться еще несколько месяцев, пока эти меры осуществляются. Чтобы оплатить перевозку. Чтобы обеспечить содержание войск, для которых в первое время не найдется работы — ждать, пока она появится, русские теперь не могли. В Париже к деятельности по поддержке врангелевцев активно подключился бывший командующий Северной армией ген. Миллер, сохранивший некоторые связи со времен мировой войны, когда был представителем русской Ставки в Бельгии и Италии. В Париж выехал и Шатилов. При содействии Миллера он был принят французским главнокомандующим ген. Вейганом. Изложил просьбы об отсрочке прекращения снабжения армии, об указаниях оккупационным войскам в Константинополе не оказывать давления на русское командование и не препятствовать перевозкам войск в Сербию и Болгарию. Вейган обещал содействие, хотя и подчеркнул ограниченность своих возможностей в мирное время. Действительно, немедленного снятия с довольствия не произошло. Французы лишь продолжили практику постепенного сокращения, сняв для начала с пайка еще 2,5 тыс. чел., которым предоставлялось «питаться из средств главкома, Лиги Наций и АРА».

Кое-как стала решаться финансовая проблема. Миллер сумел получить 600 тыс. долларов от русского посла в Вашингтоне, в распоряжении которого остались средства не только царского и Временного правительств, но и правительства Колчака. Миллион франков перевел через Земско-городской союз на нужды армии русский агент в Токио. Было принято также решение, за которое потом Врангель подвергался серьезным нападкам — о распродаже невостребованных ценностей Петроградской ссудной кассы, эвакуированной во время войны в Крым, а оттуда — в Сербию. Законные их владельцы погибли или были раскиданы кто где (при объявлении таковых предусматривалась выплата стоимости заклада). Общественность, осуждавшая эту акцию Врангеля, как нарушение права собственности, обычно забывала, что другим «собственником» пыталось выступить советское правительство, славшее ноту за нотой и добивавшееся возврата ценностей в свое распоряжение. Впрочем, в значительной мере такое возмущение и инспирировалось теми же большевиками.

Вскоре завершились переговоры в Болгарии, продолженные после отъезда Шатилова ген. Вязьмитиновым. Несмотря на противодействие крайне левых сил, правительство решило принять белогвардейцев. Оно выставило лишь два условия — что русские будут прибывать

организованно со своим командным составом и что верховное командование поручится за их благонадежность. Сыграло роль широко распространенное здесь понятие славянского братства, традиционные симпатии к русским со времен Шипки и Плевны — приют белогвардейцам рассматривался как ответная помощь России в беде. Имели место и чисто практические соображения — надежда улучшить финансовое положение за счет обмена на левы валюты, переводимой на содержание русских войск. К тому же после капитуляции по условиям мира большая часть болгарской армии была расформирована. Теперь страна получала готовые прекрасные войска, которые даже не требовали от нее расходов. Она свободно могла разместить их в своих опустевших казармах, даже обеспечить обмундированием со ставших ненужными складов. Врангель предлагал и дальнейшее сотрудничество — например, открыть в Софии русскую военную академию под руководством ген. Юзефовича, где могли бы обучаться и болгарские кадры — поскольку по условиям мира Болгарии запрещалось иметь свои академии. Но это предложение встретило возражения сербов, не желавших усиления соседей.

Для Врангеля согласие Болгарии стало тем более важным, что войска, которые предстояло обеспечивать «за свой счет», было гораздо выгоднее направить именно туда. Жизнь там была дешевле, и из-за низкого курса лева стоимость содержания 1 человека в Сербии равнялась содержанию 4 человек в Болгарии.

И началась переброска Русской армии из негостеприимных лагерей в балканские страны. Первыми в Югославию направлялись кавдивизия Барбовича, 4103 чел., — для службы в пограничной страже, а на работы по строительству железных и шоссейных дорог — технический полк в 1,5 тыс. чел., а также отряд кубанцев и донцов ген. Фостикова, 3 тыс. чел. Лагерь на о. Лемнос из-за самых плохих условий существования решили эвакуировать в первую очередь. Для отправки в Болгарию назначались 4573 чел. донцов бригады Гусельщикова — на предоставленные там работы, и группа войск 1-го корпуса в 8336 чел. под командованием Витковского — для размещения за счет главнокомандующего. Вторым эшелоном предполагалось перевезти на Балканы три кадетских корпуса, училища, лазареты, семьи. Приказ Врангеля гласил: «Части армии, перевозимые в первую голову, будут устроены на различного рода работы. Остальные же (1-й армейский корпус) за отсутствием пока аналогичных предложений сохраняют порядок жизни войсковых организаций и будут расположены казарменно. Армия должна существовать в полускрытом виде, но армия должна быть сохранена во что бы то ни стало».

В июле в Галлиполи прошел ряд торжеств. 12.07 — производство юнкеров в офицеры, а затем — открытие памятника над могилами белогвардейцев, умерших здесь, и братскими могилами русских военнопленных прошлых войн. Закладка его состоялась 9.05. По приказу Кутепова каждый воин должен был возложить на место памятника камень весом не менее 10 кг, в результате чего образовался курган из 24 тысяч камней. Он был увенчан мраморным крестом, а спереди на нем помещались российский герб и мраморная доска с надписью на русском, французском, турецком и греческом языках: «Первый кор-

пус Русской армии своим братьям-воинам, в борьбе за честь Родины нашедшим вечный приют на чужбине в 1920—1921 годах и в 1845—1855 годах и памяти своих предков-запорожцев, умерших в турецком плену». 16.07 прошло торжественное открытие памятника — богослужение, парад, возложение венков в виде «тернового венца» из колючей проволоки и жести, передача командующим коменданту Галлиполи акта об охране русской святыни... Эти торжества стали и прощальными. «Галлиполийское сидение» кончалось, несколько зафрахтованных пароходов начали развозить армию в разные стороны.

Союзные оккупационные власти и здесь пытались ставить палки в колеса. Условием посадки на суда поставили разоружение. Назрел новый конфликт. Выкрутился из положения Шатилов. Не желая обострять отношений, приказал сдать неисправное оружие, а исправное переносить на пароходы в ящиках, тайно. Тайна, конечно, была шита белыми нитками, но формальности соблюдались, а французские офицеры, осуществлявшие непосредственный контроль за посадкой, предпочитали закрывать глаза на проносимые винтовки и пулеметы. В отличие от своего начальства, пытающегося крутить какую-то международную политику, они смотрели на вещи проще — черт с ними, с этими русскими, лишь бы убирались поскорее и подальше. Когда в Салоники прибыли первые 2 парохода с 5 тысячами белогвардейцев для следования далее в Югославию по железной дороге, ген. Шарпи, придравшись к тому, что, по его сведениям, приехать должны были не более 3 тыс., приказал не пускать на берег «лишних». Врангелевцам пришлось чуть ли не силой выгружаться и пробиваться к станции — благо греки тоже смотрели на вещи трезво и транзиту русских не противились.

Продолжалась и агитация за переход на положение беженцев. Им обещали проезд в те же балканские страны, но уже в гражданском виде, независимо от армии. Набрав тысячу таких желающих, французы выделили им пароход и отправили в Варну. Но тут уж с возражениями выступила Болгария, напомнив о своих условиях приема русских и заявив, что в страну нежелателен въезд неорганизованных элементов, за которых не может поручиться главное командование. Хотя в общем выход из армии не запрещался. Хочешь — уходи. Люди, пожелавшие сделать это, лишь обязаны были в 3-дневный срок перебраться в отдельный лагерь и до отъезда соблюдать требования воинской дисциплины. Но разлагающая агитация в войсках таким лицам запрещалась под угрозой военно-полевого суда. А командирам отъезжающих частей предписывалось не принимать с собой таких беженцев.

Осенью в Галлиполи еще оставались более 10 тыс. чел. Но им было уже легче, чем прежде. Место стало «своим», хоть как-то обжитым. К второй зиме можно было подготовиться более капитально — рыли землянки, копили редкое здесь топливо, использовали для благоустройства вещи уехавших. А главное — больше не было гнетущей неопределенности и безысходности. Появилась надежда на скорое улучшение, и оставалось только ждать своей очереди отъезда.

Белогвардейцев не оставляли без внимания и советские спецслужбы. От захваченного Францией флота у Врангеля оставалось еще

одно судно — яхта «Лукулл» водоизмещением 1600 т. По международным законам — последний кусочек русской территории. На яхте разместились резиденция главнокомандующего. Здесь он жил, работал, проводил совещания в узком кругу, несколько раз посещал на ней лагерь. Кроме 33 чел. команды, на «Лукулле» располагались адъютанты, дежурные офицеры, 18 конвойцев охраны. 15 октября в 16.30 большой пароход «Адрия», шедший из Батума через Босфор под итальянским флагом, при хорошей видимости и спокойном море внезапно повернул на полном ходу в сторону «Лукулла», стоявшего на рейде. Тревожных гудков пароход почему-то не давал. «Адрия» застопорила машины и стала отдавать якоря лишь в 200 метрах от яхты, когда столкновение было уже неизбежным. Вахтенный офицер мичман Сапунов приказал бросать кранцы и побежал поднимать команду. Удар пришелся на левый борт, прямо в помещения, занимаемые Врангелем. Форштевень «Адрии» проломил борт «Лукулла» и застрял в нем. Потом пароход стал отваливать задним ходом. В широкую пробоину хлынула вода, и яхта затонула почти мгновенно. Не спустив шлюпок, не бросив спасательных кругов, «Адрия» отошла от места происшествия. Сам Врангель с женой и адъютантом по счастливой случайности незадолго до катастрофы съехал на берег в одно из посольств. Погибли повар и Сапунов, до последней секунды старавшийся принять какие-то меры. Утонули все имущество, документы и архив Врангеля. С помощью водолазов часть документации удалось потом поднять со дна в подпорченном виде. Остальное пропало. В ходе следствия капитан «Адрии» Симич и лоцман Самурский ссылались на сильное течение «форс-мажор», лишившее пароход возможности маневрировать. Выяснилось также, что Симич принимал меры, чтобы задержаться в карантине и пройти мимо «Лукулла» ночью. В общем, настоящие виновники угадывались достаточно прозрачно. Но прямых улик не было, и дело списали на «несчастный случай».

Нащупывая слабые звенья в цепи Белой гвардии, советские спецслужбы начали операцию по обработке Слащева. Учитывая его конфликты с Врангелем, неуравновешенность, беспорядочный образ жизни, большевистская агентура стала склонять его к возвращению в Россию, гарантируя неприкосновенность. В декабре Слащев на своей паровой яхте «Жанна» тайно покинул Турцию и взял курс на Крым. Вместе с ним отправился ряд его ближайших соратников — ген. Мильковский, полковники Гильбих и Мизерницкий, а также жена и ее брат. Накануне отъезда, по свидетельству очевидцев, Слащев кутил в ресторане, громогласно распространяясь, что вынужден уехать «с целью борьбы с политикой Запада, который распродает Россию». По прибытию в Совдепию его действительно не тронули, и он выступил с рядом заявлений, приглашая «всех русских офицеров и солдат, находящихся еще за границей, подчиниться советской власти и вернуться на родину». В одном из них говорилось: «Я вернулся в Россию и убедился, что прошлое предано забвению. И теперь, в качестве одного из бывших начальников Добровольческой армии, команду вам: «Последуйте моему примеру!» В беседах с Фрунзе и другими коммунистами Слащев сообщил ряд сведений о врангелевских частях и их планах. Союз Георгиевских кавалеров исключил генерала из

числа своих членов «ввиду позорного перехода к большевикам», а Врангель отметил: «Несомненно, большевики еще не раз используют Слащева как рекламную фигуру. Своим возвращением он нанес ощутимый удар Русской армии и всему Белому Движению».

Операция со Слащевым явилась частью более широкой акции. 3.11.21 «в честь четырехлетней годовщины Великой Октябрьской революции» Президиум ВЦИК принял постановление:

«1. Объявить полную амнистию лицам, участвовавшим в военных организациях Колчака, Деникина, Врангеля, Савинкова, Петлюры, Булак-Балаховича, Перемыкина и Юденича в качестве рядовых солдат, путем обмана или насильственно втянутым в борьбу против Советской России.

2. Предоставить им возможность вернуться в Россию на общих основаниях с возвращающимися на Родину военнопленными...»

И за рубежом красная агентура раздула очередную кампанию агитации за возвращение. (Постановление, разумеется, было чисто пропагандистским трюком. Вернувшихся из-за границы белогвардейцев сажали — если не сразу, то с небольшой отсрочкой. Если не за амнистированную «белогвардейщину», то по обвинениям в шпионаже или антисоветской агитации.)

И все же, несмотря на все удары и трудности, очередной этап борьбы за армию Врангель выиграл. Ее переброска на Балканы постепенно завершалась. Новогодний приказ главнокомандующего гласил: «Еще один год отошел в вечность. Русская армия отбила новые удары судьбы. Она осталась на посту. Она на страже государственности. Ее пароль — Отечество. Одни клеветают на нее, другие зовут за собой. Она выполнит свой долг. Его укажет народ. Мы ждем призыва Родины. Да принесет его грядущий год!» Сам Врангель выехал в Сербию 26 февраля, с последним эшелоном. Несмотря на запрет союзнических властей, он остановился в Галлиполи и выступил перед войсками. Он говорил: «Родные славянские страны широко открыли двери своих государств и приютили у себя нашу армию до тех пор, пока она не сможет возобновить борьбу с врагом отчизны... Спасибо вам за вашу службу, преданность, твердость, непоколебимость. Спасибо вам и низкий поклон». Был учрежден знак «В память пребывания Русской армии в военных лагерях на чужбине» — черные самодельные кресты с надписями: «Галлиполи», «Лемнос», «Кабакджа», «Чаталджи», «Бизерта». Из-за нехватки транспортных средств в Галлиполи оставалось около тысячи человек под командованием ген. Мартынова. Из лагеря они переселились в город и в течение 1922 г. небольшими партиями перевозились в Венгрию. Их арьергард прибыл в Сербию в мае 1923 г.

112. НА БАЛКАНАХ

После переезда из турецких лагерей Донской корпус расположился на юге Болгарии, штаб ген. Абрамова разместился в Старой Загоре. Цвет Белой гвардии, 1-й корпус, был расквартирован на севере страны, штаб в Велико-Тырново, части заняли пустые казармы распущенной по мирному договору болгарской армии — в Свиштове,

Севлиево, Никополе, Белоградчике. Врангель депонировал в Болгарском банке сумму, достаточную для пропитания корпуса в течение года. По приказу Кутепова с 20.01.22 войска приступили к регулярным занятиям по программам мирного времени. В Софии находились представитель главнокомандующего, управление снабжения.

Отношение к себе белогвардейцы встретили двоякое. Со стороны правительства, правой и умеренной общественности — очень теплое. Звучали речи о «потомках Шипки и Плевны, которые воскресят Русь и по-братски, рука об руку, пойдут вперед вместе с братьями-славянами». На параде, устроенном Кутеповым, присутствовал болгарский военный министр, а осиротевшее болгарское интендантство безвозмездно отпустило русским обмундирование, сукно и кожу на обувь. Среди гражданских беженцев была организована регистрация добровольцев для пополнения белых частей. Но в Болгарии была и сильная компартия. Щедро подпитываемая Коминтерном, она подминала под себя левые круги других организаций, в том числе и правящей земледельческой партии. С этой стороны на врангелевцев посыпались яростные нападки, вплоть до митингов и демонстраций с требованиями силой посадить белых на корабли и отправить в Совдепию. Пыталась оказать давление и советская сторона. Так, 3.04.22 последовала нота Украинской ССР, где выражался протест против приема войск Русской армии и заявлялось, что всякие воинские части, размещенные и снабжаемые Болгарией, в случае их действий против УССР будут рассматриваться как регулярные части болгарской армии со всеми вытекающими отсюда последствиями. В стране была широко развита советская агентурная сеть. Тотчас после размещения войск под боком у них обосновался «Союз возвращения на родину». Но в первое время Кутепову удавалось держаться твердо. Всякие попытки властей отойти от прежних договоренностей, вроде предложений сдать оружие на хранение в болгарские склады, им блокировались.

В королевстве сербов-хорватов-словенцев кавдивизия Барбовича была зачислена в пограничную стражу, казаки Фостикова расположились в районе г. Вране, где сооружали шоссе к болгарской границе, технический полк был направлен на железнодорожные работы. В Белой Церкви разместились Николаевское кавучилище, Крымский, Донской и Русский кадетские корпуса. Многих офицеров приняли в жандармерию. Всем, зачисленным на службу, Югославия сохраняла их воинские звания (но только полученные до революции, иначе ей пришлось бы содержать слишком много полковников и генералов). Штаб главнокомандующего и интендантство находились в городке Сремски Карловцы в 50 км от Белграда. Врангель прибыл в страну 1 марта и через две недели был принят королем Александром. Левые круги, хоть и менее сильные, чем в Болгарии, тоже попытались раздуть в прессе антиврангелевскую шумиху, и МИД Югославии вынуждено было сделать заявление: «Пребыванию ген. Врангеля в столице печать придает такое значение, которого оно на самом деле не имеет. Русский генерал прибыл в нашу землю, чтобы пользоваться полным гостеприимством, каким пользовались и другие русские...» По завершении перевода войск на Балканы вышел в отставку ген. Ша-

тилов. Крым, Константинополь, поиски пристанища — этого оказалось достаточно, чтобы надорвать силы. Начальником штаба главнокомандующего стал ген. Миллер.

Нужно было приспособливаться к новым условиям, когда корпуса и дивизии разделились расстояниями, условиями существования и государственными границами. «Официальные» представители Врангеля находились в Праге, Софии, Париже, Бухаресте, Будапеште, Белграде, в других странах имелись военные агенты. Для связи с ними, с Кутеповым и Абрамовым при штабе главнокомандующего создавался отдел дипкурьеров. На несколько человек удалось получить официальное разрешение Антанты, другие путешествовали под видом коммивояжеров. Король Александр разрешил Врангелю пользоваться собственным шифром.

Разбросанная по Балканам, армия все еще оставалась армией и сохраняла боеспособность. Согласно мобилизационным планам, первые 4 дивизии могли быть развернуты в течение 5 дней. Начали наводиться контакты с Румынией. С ее правительством велись переговоры о пропуске Русской армии через ее территорию на случай войны. Предложения Врангеля шли дальше — к заключению союзного соглашения, где при разногласиях сторон арбитром выступал бы король Александр. Зондировалась также возможность размещения в Румынии, поближе к русским границам, 15-тысячного белого контингента. Ряд румынских лидеров, Братиану, Дука, склонялись к серьезному обсуждению этих предложений и подписанию договора. Такой позиции способствовали отношения с Советской Россией, продолжающиеся ухудшаться из-за подрывной деятельности большевистских спецслужб и Коминтерна. Размещение белогвардейцев могло стать для Румынии ответной мерой на подобные действия, позволяющей держать противника под угрозой.

По прогнозам врангелевского штаба, война с большевиками должна была возобновиться в самое ближайшее время, но предполагалось, что со стороны европейских государств она вначале будет носить оборонительный характер, и театром ее станут именно Балканы. На основании разведданных и анализа политической ситуации делался вывод, что румынская армия, усиленная французами в материально-техническом отношении, но слабая духом и разболтанная, продержится при нападении Совдепии не больше 2—3 недель. А при ее отступлении в Добруджу и приближении красных войск к болгарской границе последует колоссальный взрыв — левый переворот в Болгарии и националистический (кемалистский) в европейской части Турции, велика была вероятность революционного рецидива и в Венгрии.

На основе данных прогнозов удалось наконец-то достичь сближения с Советом послов под председательством Гирса. Русские дипломаты считали такое развитие событий вполне вероятным, а ситуацию в Южной Европе действительно угрожающей. Мнение русских разделял министр-председатель королевства СХС Пашич и югославский Генштаб, с которыми прошли специальные переговоры. При содействии Гирса и сербов разработки врангелевского штаба были доведены до военных и правительственных кругов Франции с пред-

ложениями немедленно обратить внимание на состояние румынской армии и приложить все усилия к подъему ее боеспособности, а также использовать силы Русской армии. Для этого врангелевцы просили их поддержать в вопросах размещения 15-тысячного корпуса в Румынии, разрешения учета бывших солдат и офицеров в Венгрии, Чехословакии, Румынии, Югославии; прекращения подрывной деятельности против армии в Болгарии. В случае развития событий по указанному варианту просилось разрешение на отступление русских частей из Болгарии в Югославию. Соответствующие переговоры представители Врангеля начали в Будапеште и Бухаресте.

Часть секретных документов, фигурирующих во всех этих переговорах — инструкций, обращений, переписки, попала в руки советской разведки и впоследствии стала оружием в дипломатической кампании против белогвардейцев. Интересно, что в то время коммунисты планировали свой очередной удар действительно в направлении Балкан. И действительно в ближайшем будущем. Штаб Врангеля ошибся только в одном — агрессия должна была начаться не наступлением Красной армии, а изнутри, разжиганием революций в Румынии и Болгарии. Тут уж белое командование проглядело явную закономерность, все акции Совдепии против других государств начинались «народными восстаниями» — и лишь затем следовало внешнее вторжение.

В Югославии левые хоть и были слабее, чем в Болгарии, но тоже старались клонуть белогвардейцев. Последовал запрос в Скупщине — признает ли правительство Врангеля как законного главу русского правительства? А если нет, то почему Врангель управляет судьбами русских эмигрантов? И находится ли королевство СХС в состоянии войны в Россией? Если нет, то почему оно содержит на своей территории формирования, ведущие подготовку к такой войне? Министр иностранных дел Пинчич ответил: «Ген. Врангель пользуется здесь правом гостеприимства. Его пребывание не носит ни политического, ни военного характера. Мы не признали Врангеля, когда он был главой Русской армии и победоносно двигался на Москву. Мы не признали его и теперь... Мы воздержимся от принятия на себя каких-либо обязательств, которые могли бы вовлечь нас в войну с Россией...»

Врангелю приходилось выдерживать и борьбу другого рода, внутри эмиграции. К 1922 году ее политическая часть окончательно распалась на группы, течения, блоки (например, в Харбине насчитывались 22 партии, боровшиеся между собой). Крупнейшими из таких группировок стали: монархисты-кирилловцы (сторонники великого князя Кирилла Владимировича); блок Высшего монархического совета с монархистами-николаевцами (сторонниками великого князя Николая Николаевича); национально-прогрессивная группа — кадетского, либерального направления; блок отколовшегося от кадетов левого крыла с социалистами и левоказачьими организациями. Борьба велась вплоть до терроризма — в Берлине монархисты устроили покушение на Милюкова, во время которого погиб закрывший его Набоков, видный деятель кадетской партии (отец знаменитого писателя). Каждая группировка старалась перетянуть на свою сторону Вранге-

ля — такой козырь, как обладание армией, давал неоспоримые преимущества в борьбе за роль «правительства в изгнании». И каждая группировка стремилась Врангеля свалить — из опасений, что он примкнет к другой партии. В самой Югославии приезд главнокомандующего связывался с взрывом надежд на его «объединяющую роль», только различные течения понимали это по-своему, подразумевая, что он непременно включится в междоусобную грызню на их стороне. Когда надежды не оправдались, посыпались обвинения: с одной стороны — в «реакционности», с другой — в «либерализме».

Позиция Врангеля в данном отношении была однозначной. На одном из собраний высших чинов армии он заявил: «Как бы ни сложилась обстановка, армия призвана играть особую роль в возрождении России. Лозунг, начертанный на наших знаменах — «Мы боремся за Отечество, народ сам решит, какой быть России», — единственно верен. Вокруг армии начинается политическая борьба. Я решил сделать все, чтобы не дать вовлечь ее в такую борьбу». То же самое подтверждал Кутепов: «Все мы считаем, что армия должна быть вне политики, и если в нашей армии солдаты и офицеры — монархисты, и если великий князь Николай Николаевич пользуется большим авторитетом в войсках, армия признает только одно знамя — национальный русский флаг. Все слухи, что армия вошла в контакт с той или иной политической группировкой, — сплошь провокация. Наша задача — сохранение организованных кадров офицеров и солдат для будущей России». В приказах неоднократно подчеркивалось строгое запрещение офицерам принимать участие в каких бы то ни было политических организациях. Врангелю говорил: «И офицер старой императорской армии не мог состоять членом монархической партии, так же, как не мог быть членом любой другой. Мы, старые офицеры, служившие при русском императоре во дни славы и мощи России, мы, пережившие ее позор и унижение, не можем не быть монархистами. Но мы не можем допустить, чтобы, прикрываясь словами «вера», «царь», «отечество», офицеров вовлекали в политическую борьбу».

Междоусобицы были благодатной почвой для деятельности коммунистов, играющих на разногласиях, недовольствах, а то и ловко срамливающей противников. Огромный вред антибольшевистским силам нанесло «сменовеховское движение» (по названию журнала «Смена вех», выходившего в Париже в 1921—1922 гг.). Сменовеховцы стали проповедовать поддержку советской власти, поскольку она выражает интересы России, как державы. Большевистское правительство рассматривалось как реальная власть, защищающая русские границы. Предлагалось сотрудничеством с ней добиваться того, чтобы извлечь из революции все доброе и справедливое, способствуя отмиранию всего злого и жестокого. Строились расчеты на перерождение коммунистических начал в национально-государственные, а в качестве примера приводился НЭП, как начало возврата к здоровым экономическим отношениям. (Интересно, что если среди эмигрантов сменовеховское движение всячески поддерживалось и поощрялось коммунистами, вплоть до финансирования его изданий, то внутри России сменовеховцев, сотрудничающих с властями не по идейным, а по государственным соображениям, травили и преследовали, как «попутчиков», случайных и вредных.) Под сменовеховским фла-

гом открывались различные общества и союзы, ведущие возвращенческую агитацию — одни из большевистских агентов, другие из распропагандированных эмигрантов.

Кое-кто вернулся, даже военачальники. Кроме Слащева, уехали в Россию ген. Болдырев — главнокомандующий войск Уфимской Директории, генералы Секретев, Гравицкий, Клочков, Зеленин. Еще дважды, в 1922 и 1923 гг., вернувшиеся генералы обращались с воззваниями к войскам белых армий. Но вопреки утверждениям советской литературы, из двухмиллионной русской эмиграции «прозревших» нашлось относительно немного. Значительный поток возвращенцев наблюдался лишь в 1921 г. — 121 843 чел. Уезжали случайные, колеблющиеся, склонные верить красной пропаганде. Потом количество пожелавших вернуться резко упало. За 9 лет, в 1922—1931 гг., оно составило 59,6 тыс. чел. Сказалось и устройство беженцев на чужбине, и просачивающаяся за рубеж информация о том, что творится в России. Всего за 10 лет вернулись 181 432 чел., около 9% бежавших и изгнанных. Так что широкомасштабные попытки коммунистов вернуть эмигрантов под свое владычество вряд ли можно считать удавшимся.

113. РУССКИЙ ОБЩЕВОИНСКИЙ СОЮЗ

Мощным ударом по Русской армии стала Генуэзская конференция. Рассматривая ее историю и предысторию, можно увидеть, что это мероприятие, открывшее коммунистам выход на мировую политическую арену, было спровоцировано самими коммунистами. Европу потрясли послевоенные экономические кризисы. Под их влиянием происходили кризисы политические, менялись правительства в Италии, Польше, Греции, Австрии, на волоске висели правительственные кабинеты Англии и Германии. Во многих кругах надежды на улучшение связывались с возвращением в мировую экономическую систему такого огромного рынка сбыта, поставщика сырья и продовольствия, как Россия. Тем более что этот рынок предстояло бы осваивать заново, а значит, те, кто дорвется до лакомого куса первым, получили бы немалые выгоды. Интересы выгоды стали перевешивать интересы морали и нравственности. Уже в 1921 г. торговые соглашения с Совдепией заключили Англия, Германия и Италия, всюду наводили мосты прибалты.

В этих условиях в ноябре 1921 г. прозвучало заявление большевиков о том, что они готовы пойти на уступки в вопросе о возвращении старых долгов России в ответ на получение определенных льгот, признание великими державами советского правительства и заключение ими мира с Совдепией. И Европа на эту приманку клюнула. Состоялась Каннская конференция Верховного Совета Антанты, на которой были приняты решения о созыве общеевропейской конференции по экономическим и финансовым вопросам с участием Советской России, о некотором ослаблении давления на Германию, чтобы не толкнуть ее в объятия большевиков. И «о взаимном признании различных систем собственности и различных политических форм, существующих в настоящее время в разных странах».

10.04.22 Генуэзская конференция открылась. Ее ход сразу же по-

катился далеко не в пользу Европы. Чичерин обставлял западных лидеров как детей. Он гораздо лучше умел говорить, строить неожиданные логические ходы и играть на внешних эффектах. В какой-то мере ему мог противостоять только Ллойд-Джордж, тоже опытный демагог и тоже из левых. Ни о каком возвращении старых долгов уже речи не было — большевики сразу выдвинули ответный счет за убытки, нанесенные интервенцией. Они умело создавали сенсацию за сенсацией, быстро завоевав популярность публики, и принялись выбрасывать собственные идеи пропагандистского плана. Газеты в те дни писали: «Британский премьер создал для большевиков всемирную даровую трибуну. Они этой трибуной успешно воспользовались. Своим участием в конференции в качестве равных среди равных большевики достигли политического престижа, который им нужен». Позиция советской делегации усиливалась спецификой коммунистов — в отличие от Запада, они могли говорить все, что угодно, ведь никакого отношения к конкретным делам их слова не имели. А главное — конференция была проиграна европейскими державами задолго до ее открытия! Самим приглашением большевиков, признанием «различных систем собственности», «различных политических форм», они де-факто признали советское правительство законным, согласились закрыть глаза на попрание прав человека в России и на все, что там творили коммунисты. А раз так, то иностранная интервенция и поддержка Антантой антибольшевистской борьбы действительно выступали актом ничем не спровоцированной агрессии! Поэтому позиция Запада оказалась такой слабенькой и уязвимой.

Отыскивая компромиссные решения, великие державы пытались «по-человечески» торговаться. Шли на уступки, рассчитывая на ответные шаги. Такой «уступкой» стала и армия Врангеля. Ею решили пожертвовать в угоду интересам общеевропейской политики. Англия и Франция надавили на Белград. Король Александр был вынужден оказать давление на Врангеля. И 22.04 русский главнокомандующий выступил с заявлением: «...Единственная моя цель — сохранение и обеспечение жизни моих старых соратников, дав им возможность, не будучи в тягость приютившим их дружественным странам, обеспечить трудом свое существование до той поры, пока Господь не даст нам возможность снова послужить Родине. В настоящей политической обстановке о каких-либо приготовлениях к вооруженному выступлению говорить не приходится. Все мои усилия направлены лишь к тому, чтобы улучшить материальное благосостояние моих товарищей по оружию. Одновременно начавшаяся в последние дни и ведущаяся по разным мотивам травля моих соратников и меня в Польше, Чехословакии, Болгарии, Сербии и Англии, травля, ведущаяся как частью прессы, так и некоторыми левыми группами, имеет одни общие источники — и материальные, и духовные». Белым частям в Югославии теперь запрещалось именоваться «армией». Официально они низводились до уровня обычных эмигрантских организаций.

Пошло давление и в Болгарии. Кутепов получил ультимативное требование о том, что его войска больше не могут пользоваться правами боевых частей, должны подчиняться гражданским болгарским властям и разоружиться. Всем желающим вернуться в Россию предлагалась депортация, желающим остаться — перевод на сельскохо-

зяйственные работы. Врангелю въезд в Болгарию запрещался. Кутепов до поры до времени шел на непринципиальные уступки и спускал требования на тормозах. А в Генуе советская делегация нанесла новый удар. 17.05 в подкомиссии, обсуждавшей общеевропейские обязательства о ненападении, большевики потребовали дополнить обязательства мерами против «банд», нападающих или готовящих нападение из-за рубежа. Назывались части Савинкова, Петлюры, Врангеля, требовалось их разоружение и перевод в более далекие от России страны. При этом в президиум конференции, а в копиях — в газеты, были переданы добытые советской разведкой секретные документы белогвардейцев, относящиеся к их связям с правительственными и военными кругами других государств. Подборка была сделана очень искусно, преподнося документы в нужном для Совдепии свете. Западные газеты писали: «Это самый сильный удар, который большевики нанесли нам под занавес Генуэзской конференции». Она закончилась полным триумфом коммунистов. Они сделали себе колоссальную рекламу, способствующую усилению «левых» в Европе, увозили с собой Раппальский договор с Германией о возобновлении дипломатических и экономических отношений, решение о созыве новой конференции для урегулирования взаимоотношений между Россией и другими странами, полученное обещание Югославии и Болгарии распустить армию Врангеля. И ухитрились *абсолютно ничего* не дать взамен!

Вслед за Генуей на белогвардейцев обрушился новый удар — в Болгарии. Ситуация там обострялась с каждым днем. Она напоминала 1917 г. в России, с той лишь разницей, что события развивались не в военной, а в послевоенной обстановке. Фигура царя была практически номинальной. У власти находился Болгарский земледельческий союз, примерно соответствующий русским эсерам. Государство стремительно катилось влево. Усиливалась компартия, подпитываемая Коминтерном точно так же, как в России большевиков подпитывала Германия. Правительство Стамболийского делало коммунистам одну уступку за другой — как в свое время правительство Керенского. Вся страна была опутана большевистской агентурой, по данным контрразведки Кутепова, в ее состав входили даже начальник жандармерии Мустанов и софийский градоначальник Трифонов. Подбивая правящую партию земледельцев к первому шагу — антимонархической революции, коммунисты активно готовились к захвату власти. Белогвардейцы были для них костью в горле, которую во что бы то ни стало требовалось удалить. Имелись и другие силы, пытающиеся, как Корнилов в России, спасти страну. Был создан союз «Народный сговор» во главе с А. Цанковым, А. Грековым и Х. Калафовым, опирающийся на офицеров и унтер-офицеров, уволенных из армии после капитуляции. Разумеется, союз искал контактов с Кутеповым. И Кутепов на такие контакты шел — он не был ни политиком, ни дипломатом, он был солдатом и видел, что происходит в Болгарии. А коммунисты на этих связях играли. Подготавливая собственный переворот, они, как и в России, пугали страну правым переворотом. Государство было на грани гражданской войны.

Штаб Врангеля призывал к осторожности. Был срочно возвращен в строй и направлен в Болгарию лучший дипломат — ген. Шати-

лов. Его оценка ситуации гласила: «Положение Русской армии в Болгарии в случае вооруженного выступления земледельцев, поддержанных местными большевиками, будет чрезвычайно затруднительным. В этом случае нам необходимо соблюдать полнейший нейтралитет, дабы не вызвать к себе взрыв вражды со стороны болгарского народа и иностранных держав. Этого же требует наш долг по отношению к принявшей нас стране. При этом положение наше будет значительно облегчено, если болгарская армия окажется на стороне короны. Если же она расколется и в большей своей части окажется на стороне земледельцев, то обстановка для нас сложится значительно тяжелее, но и в этом случае я не вижу оснований отказаться от нашего нейтралитета, так как конец борьбы будет означать возвращение к существующему ныне политическому положению. Только в одном случае обстановка может заставить нас выйти из положения нейтральных зрителей, именно, если выступление будет организовано земледельцами, руководимыми коммунистами, так как успех в борьбе, одержанный левыми партиями при этой группировке сил, имел бы первым последствием расправу с нами».

Миллер подготовил от имени Врангеля приказ русским частям в Болгарии находиться в состоянии полной готовности, но не принимать участия в боевых действиях внутри страны, а в случае чего отступать в Югославию... Только левые группировки Болгарии не собирались начинать активных действий, пока не нейтрализованы белые войска. В прессе и с трибун они до предела раздули опасность правого переворота, подтолкнув правительство к акциям против врангелевцев. Полиция совершила внезапный налет на кутеповскую контрразведку, арестовала ее начальника Самохвалова. При обыске обнаружили ряд документов, признанных компрометирующими — сведения о болгарской армии, состоянии дорог, подвижного состава (каковые действительно собирались), списки агентурной сети контрразведки, схемы каналов связи между Тырново, Софией и Белградом, фигурировали и какие-то приказы Врангеля, которые квалифицировались как подготовка государственного переворота — белое командование признало их подброшенными фальшивками, указав на ряд неувязок и неточностей в них. Одновременно власти произвели налеты с обысками на русскую военную миссию и квартиру Кутепова. Охрана, поднятая по тревоге, ошетижилась винтовками и пулеметами, намереваясь принять бой за своего командира, но Кутепов остановил готовое начаться кровопролитие и приказал конвойцам сдать оружие болгарам. Начальник штаба болгарской армии Топалджиков по телефону вызвал Кутепова в Софию, гарантируя возвращение. Там он был арестован.

Узнав о событиях, Врангель направил Стамболийскому гневную телеграмму: «...Болгарское правительство в сознании своего бессилия ищет опоры у тиранов России и в жертву им готово принести Русскую армию. Преследуемые клеветой и злобой, русские воины могут быть вынуждены сомкнуть ряды вокруг своих знамен. Встанет вновь жуткий призрак братоубийства. Бог свидетель, что не мы вызвали его». Европейские газеты вышли с сенсационными заголовками: «Врангель объявляет войну», «Ультиматум русского главнокомандующего». Болгарское правительство обвинило белогвардейцев в создании

шпионской организации и участия в подготовке государственного переворота. Левыми организовывались соответствующие митинги и манифестации. Для сглаживания конфликта в Софию прибыл Миллер, заверяя, что телеграмма Врангеля не ультиматум, а лишь указывает на несправедливое отношение к русским, и что «русские контингенты ни при каких условиях не будут участвовать в политической жизни страны» — он привез с собой приказ главнокомандующего об этом.

Из Болгарии были высланы генералы Кутепов, Шатилов, Попов, Вязьмитинов, ряд старших офицеров. Чтобы дело действительно не кончилось последним сражением белогвардейцев на чужбине, Кутепов, несмотря на запрещение контактов с войсками, переслал приказ с требованием сохранять спокойствие и дисциплину. Корпус принял ген. Витковский. Болгарское правительство предписало ему разоружить части и переводить их на самообеспечение путем создания рабочих артелей по местам расквартирования...

Теперь Русская армия как организованная сила постепенно угасала. Втягивалась в новую жизнь, новую работу или службу, новый быт. Соединения и части, устроенные на общественные работы, вынуждены были со временем расходиться по разным местам в поисках другого заработка. Кто-то находил потерянные семьи, кто-то создавал новые. Кто-то, поднакопив денег, уезжал в другие страны, надеясь устроиться там получше... Процесс такого распада был неизбежен, и Врангель, учитывая это, параллельно со старыми, отмирающими структурами начал другую форму организации армии — в виде воинских союзов. Начало этой работы было положено еще в 21-м, в Константинополе, когда главнокомандующий стал получать много писем и ходатайств от бывших деникинцев и офицеров других белых фронтов о зачислении в армию. Удовлетворить их он не мог по материальным соображениям — надо было как-то прокормить хотя бы имеющиеся войска. И Врангель приказал своим представителям в разных странах начать регистрацию желающих числиться в составе армии.

Такая работа продолжалась и в следующие годы. Целью союзов Врангель видел не создание политической организации, а сохранение до лучших времен кадров российской армии, готовых, когда понадобится, вернуться в строй. К возникающим в разных государствах воинским структурам стали примыкать независимые офицерские общества, образовавшиеся там и сям на чужбине, где по идейным соображениям, где по соображениям взаимопомощи и совместного поиска средств к существованию. Присоединился и ряд воинских монархических организаций, начавших появляться еще в 1918—1919 гг. в оппозиции белым правительствам демократического и либерального толка. В основном они ориентировались на великого князя Николая Николаевича, бывшего главнокомандующего российской армии, популярного в войсках, а взгляды Николая Николаевича во многом совпадали со взглядами Врангеля, он также считал недопустимым вовлечение офицерства в политическую грызню, считал несвоевременным выдвижение монархических лозунгов, а кроме того, он признавал Врангеля законным русским главнокомандующим. Несоответствие между приказами о непринадлежности к политическим партиям и собственным монархизмом участники соответствующих организаций

обычно извиняли тем, что «русский монархизм — не политическая партия», а образ мышления.

В 1924 г. Врангель приказом № 82 подытожил сделанное: «Дабы связать между собой и армией офицеров, рассеянных по всем странам, оказать им нравственную и, в пределах возможного, материальную поддержку, еще в 21 г. мною предложено военным агентам и военным представителям в разных государствах приступить к образованию воинских союзов и обществ... Ныне, после трех с половиной лет изгнания, армия жива. Она сохранила свою независимость... Признавая своевременным завершить ныне начатую в 1921 г. работу по объединению офицеров за рубежом и считая всех членов главных офицерских союзов в составе армии, приказываю:

1. Объединение и руководство деятельностью всех офицерских союзов и обществ в разных государствах осуществлять через военных представителей и военных агентов в данных государствах.

2. Военным представителям и военным агентам а) предложить господам офицерам, не состоящим в настоящее время в союзах данной страны, но считающим себя в составе армии, записаться в один из союзов; б) предложить через означенные союзы всем господам офицерам, не считающим себя в составе армии, выйти из союзов; тем из господ офицеров, которые состоят в союзах и входят одновременно в состав каких-либо политических организаций, предложить, как чинам армии, выйти из последних; те из господ офицеров, кои нашли бы возможность от этого уклониться, подлежат исключению из союзов... в) указать всем союзам... на мое решительное требование не допускать обсуждения каких-либо вопросов характера политического, предоставив обсуждение «программ», «тезисов» и «лозунгов» тем, кто видит в этом спасение Родины».

На совещании представителей региональных союзов в Белграде Врангель сказал: «Борьба за Родину не кончена, и вставшая по призыву царя Русская армия ныне в изгнании, в черном труде, как некогда на поле брани, отстаивает честь России. Пока не кончена эта борьба, пока нет верховной русской власти, только смерть может освободить русского воина от выполнения долга. Этот долг для меня — стоящего во главе остатков русской армии — собрать и сохранить русское воинство за рубежом России. Так, окруженный врагами, отбивая знамя, призывает к себе остатки родного полка командир знаменного взвода...» Так образовался РОВС — Русский Общевоинский Союз. А историю Добровольческой армии Корнилова — Вооруженных сил Юга России Деникина — Русской армии Врангеля на этом можно считать завершенной.

114. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗАВЕЩАНИЕ ВОЖДЯ

Со второй половины 1921 г. в России наступил мир. Правда, еще продолжались действия на Дальнем Востоке, но они велись «другим государством» — ДВР. А существованию коммунистической диктатуры больше ничего не угрожало, и в Советской России закладывались основы будущего общества. Дальше, в конце 20-х и в 30-х лишь совершенствовалась, крепла и затвердевала система, созданная в 22-м.

Уродливые черты советского государства уже были видны. Бюрократический аппарат в 1922 г. составил 2,5 миллиона «совслужащих» — в 10 раз больше, чем в «чиновничьей» царской России.

Победители вовсю делили плоды побед. Но победителями стали не «пролетарии», как это пыталась было доказать «рабочая оппозиция» РКП(б). Победителями стали правящая верхушка, партийный и государственный аппарат. Вышло в свет постановление «о материальном поощрении активных партработников». Партработникам на предприятиях и в сельском хозяйстве устанавливался минимальный заработок 300 руб., работникам ЦК, ЦКК, губкомов минимум составил 430 руб. Плюс 50% надбавки имеющим семью из 3 человек. Плюс 50% надбавки за работу во внеслужебное время. Чисто номинальные отчисления начинались лишь с «партмаксимума» — сумм, превышающих 645 руб. Это при среднем месячном заработке рабочего... 10 руб. Но кроме этого, партработники получали бесплатно спецпайки, спецжилые, спецздравоохранение, иногда — спецтранспорт. На месяц работникам центральных органов полагалось в пайке 1,2 кг масла, 1,2 кг сахара, 4,8 кг риса и другие продукты. Плюс отпуска от 1 до 3 месяцев с возможностью отдыха и лечения за границей. Для этого постановлением ЦК от 5.05.22 партработникам выделялись 100 золотых рублей на устройство за границей и по 100 руб. золотом на каждый месяц отпуска (напомним, что как раз в это время, весной 22-го, шла кампания по изъятию церковных ценностей — под предлогом помощи голодающим!). Число «активных партработников», т. е. пресловутая «номенклатура», составляло 15 325 чел., с членами семей — 74 470. Да еще 1920 освобожденных партработников в руководстве советских и хозяйственных органов. Постановлением от 27.09.22 число «ответственных партработников» было увеличено до 20 тыс., а общее число работников партаппарата, получающих дополнительные блага, — до 40 тыс. Вот они-то и стали истинными победителями в революции и гражданской войне. Все остальные войну проиграли...

В стране царил НЭП, хотя непрочность и временный характер этой политики уже тогда просматривались довольно прозрачно. Мелкие предприниматели, торговцы, крестьяне, имевшие неосторожность рьяно взяться за хозяйство и сумевшие за год накормить страну, обеспечить ее самыми необходимыми товарами, с самого начала подвергались травле, как «нэпманы», «кулаки». Над ними издевалась пресса, они находились под неусыпным надзором властей и по любому поводу преследовались, им постоянно ставили палки в колеса. Подвергалась травле и беспартийная интеллигенция, честно включившаяся в восстановление страны — как «случайные попутчики».

Экономическое послабление ни в коей мере не означало послабления политического. «Золотой век ленинской демократии» ничего общего не имел ни с Лениным, ни с демократией. Всплеск общественной активности возник стихийно в связи с тем же экономическим послаблением, с миром, с прекращением голода и возвратом к более-менее сносным условиям существования. Если демократия и была в какой-то мере возможна, то пока лишь внутри правящей партии. Но и там она быстро сходилась на нет. Уже X съезд РКП(б) в 21 г. принял постановление о недопустимости фракций, а в феврале 22 г. разгромили, частично исключили и арестовали «рабочую оппозицию» под ру-

ководством Шляпникова, Мясникова и Коллонтай. С некоммунистами было еще проще. 28.12.21 пленум ЦК РКП(б) постановил начать волну репрессий против социалистических партий. «Предрешить вопрос о предании суду Верховного трибунала ЦК партии социалистов-революционеров...» До сих пор их не трогали как союзников в борьбе с белогвардейцами, теперь надобность в них отпала. Весной прошли массовые аресты меньшевиков, а над эсерами устроили публичное судилище, фарс долго готовился, подбирались и обрабатывался состав подсудимых. И в июле 22 г. на суде большинство из них казались во всех грехах, расписывались во всех предложенных им преступлениях. Видных зарубежных социалистов, прибывших защищать их в качестве адвокатов, подвергли хулиганским выходкам при непосредственном участии Бухарина, травили, угрожали расправой и выдворили вон. А подсудимых приговорили к смерти с... отсрочкой приговора в зависимости от дальнейшего поведения эсеровской партии. Большевистские вожди боялись эсеровских террористов, и потому решили сделать бывших лидеров партии вечными заложниками.

В связи с переходом на мирные рельсы, началом торговли с Западом, выходом на мировую политическую арену функции внесудебных расправ у ВЧК пришлось все-таки отобрать. Связь тут прослеживается четко — приглашение на Генуэзскую конференцию последовало в январе 22 г., а ВЧК была преобразована в Государственное Политическое Управление (ГПУ) в феврале. Но суть от этого не изменилась. Весной 22 г. XII партконференция вынесла резолюцию: «Репрессии... диктуются революционной целесообразностью, когда дело идет о подавлении тех отживающих групп, которые пытаются захватить старые, отвоєванные пролетариатом позиции». Просто репрессии теперь должны были стать «законными», по суду. И началась подготовка соответствующего Уголовного кодекса.

Впрочем, и ГПУ на этот счет «не обижали». Едва создав ее, вроде бы лишенную функции внесудебных расправ, ЦК РКП(б) 27.04.22 постановил: «Предоставить ГПУ право непосредственного расстрела на месте бандитских элементов, захваченных на месте совершения ими преступления». Да и сама новая организация не очень ограничивала себя в средствах. В начале 23-го ревизор комиссии по обследованию ГПУ Скворцов застрелился, оставив письмо: «Поверхностное знакомство с делопроизводством нашего главного учреждения по охране завоеваний трудового народа, обследование следственного материала и тех приемов, которые сознательно допускаются нами по укреплению нашего положения, как крайне необходимые в интересах партии, по объяснению тов. Уншлихта, вынудили меня уйти навсегда от тех ужасов и гадостей, которые применяются нами во имя высоких принципов коммунизма».

Совершенствовались и другие элементы карательной системы. Многочисленные концлагеря для политических противников и инакомыслящих, хаотически разбросанные по всей стране, с непохожими друг на друга порядками, реорганизовывались. Часть из них упразднялась, часть преобразовывалась в тюрьмы, часть сливалась и укрупнялась. Главными стали лагеря в Холмогорах, Архангельске и Портаминске. В 1923 г. немногочисленные заключенные, сумевшие выжить в этих трех точках, были переправлены на Соловки. Внеш-

няя политика Советского государства в этот период полностью соответствует НЭПу. Торговые отношения, которые наперебой ринулись устанавливать с Россией страны Запада, были такими же непрочными и поверхностными, как и сам НЭП. Условия концессий, широко предлагаемых большевиками, для подавляющего большинства иностранных фирм оказывались неприемлемыми. А те из них, кто все же рискнул за такие концессии ухватиться, продержались недолго — рано или поздно они были обмануты и выдворены, потеряв вложенные деньги и завезенное оборудование.

Стратегическая внешнеполитическая задача оставалась прежней — «мировая революция». Только после неудачных военных попыток центр тяжести переносился на подрывную деятельность Коминтерна, работу спецслужб и дипломатии. При Коминтерне активно началось искусственное создание компартии Китая. Считалось, что объединение под большевистскими знаменами двух стран — самой большой по территории и самой большой по людским ресурсам — сделает такой союз непобедимым. По тем же причинам обращалось особое внимание на густонаселенную Индию, куда для разжигания революции направлялись огромные суммы, в том числе и в голодном 21-м. А на протесты Англии о нарушении заключенных соглашений замнаркома Литвинов 27.09.21 давал разъяснение, что соглашения заключались с советским правительством, а антибританскую пропаганду ведет не правительство, а Коминтерн. Под руководством начальника Академии Генштаба РККА Снесарева разрабатывались даже планы военного вторжения в Индию через Афганистан. Правда, в то время нашлись трезвые головы из бывших офицеров, сумевшие доказать, что афганские племена, выгнавшие в 19-м англичан, русских тоже не пустят и похоронят в своих горах любую армию.

В Турции шла гражданская война. Кемаль-паша во главе националистов вел борьбу против султана и греческих оккупационных войск. Свою собственную, турецкую компартию Кемаль вырезал, а ее руководство в полном составе вывез в море и утопил. Но это вовсе не мешало советскому правительству стать единственным государством, признавшим его, и установить с ним дипломатические отношения. Ведь его борьба была «антиимпериалистической». Оказывалась значительная помощь оружием, деньгами и другими средствами. В Карсе, Эрзеруме, Сарыкамыше, Битлисе, Ване осталось еще много имущества русской армии с 1917—1918 гг. Хватало на юге и лишнего оружия, оставшегося от гражданской. Все это через Батум и Самсун переправлялось к Кемалю. Продвижение кемалистов сопровождалось жестокой резней греко-армянского населения. Но такие «мелочи», понятное дело, не могли повлиять на дружественное отношение большевиков к революционному режиму. Кемалистам сделали огромные территориальные уступки — отдали Карс, Ардаган, Артвин, принадлежавшие ранее России. В Ангору (Анкару) была направлена военная миссия во главе с Фрунзе. Она отвезла Кемалю миллион рублей золотом, оказала инструктивную и методическую помощь. Так что в победах Кемаля есть и советская заслуга (война закончилась в 23-м разгромом греческих войск, пленением главнокомандующего Трикуписа с его штабом, взятием Смирны и Константинополя).

К Турции примыкают Балканы. Как уже говорилось, они пред-

ставлялись весьма благодатным полем для экспорта революции. Но на этом направлении их планы сорвались — сначала мешали белогвардейцы, размещенные в Болгарии. И лишь когда их нейтрализовали, в сентябре 1923 г. вспыхнуло вооруженное восстание. Но к этому времени и правые успели набрать силу, организовать, и выступление было подавлено.

На западе ставка делалась на Германию. Ее избрали в качестве «слабого звена в цепи империализма». Проигравшая войну, заклеянная как агрессор, она изнемогала от послевоенных тягот, усугубленных наложенными на нее репарациями. Поэтому здесь, по коммунистическим расчетам, можно было ожидать следующий революционный взрыв. С Германией всячески налаживались связи, было заключено торговое соглашение, а в 1922 г. — Раппальский договор. Рассматривая Германию как потенциального союзника в грядущей войне с «мировым империализмом», не кто иной, как Советский Союз, способствовал ее возрождению — не только экономическому и политическому, но и военному. Германофилами в советском командовании считались Ворошилов, Егоров, Якир. По Версальскому договору немцам запрещалось иметь военные училища, и большевики принялись активно помогать им в подготовке армейских кадров, широко распахнув двери своих училищ и академий для офицеров вермахта. В 20-х годах германские летчики обучались на базе в Липецке, танкисты — под Казанью, под Саратовом был создан совместный полигон для испытаний боевых отравляющих веществ. Германские делегации присутствовали на всех учениях и маневрах Красной армии. Такое тесное сотрудничество продолжалось вплоть до 1933 г., до прихода к власти Гитлера...

В общем, нетрудно увидеть, что ни одно из перечисленных внешнеполитических достижений в итоге не пошло на пользу ни России, ни самой компартии, ни хотя бы ее руководству.

С окончанием гражданской войны почти совпадает смерть В. И. Ленина. Или, во всяком случае, завершение его деятельности во главе государства. Будто этот страшный человечек появился только для того, чтобы отыграть свою роль в трагедии гибели России — и уйти. Начавшиеся после Сталина, и особенно в «перестроечные» годы, попытки реабилитировать Ленина, спасти его мудрый и светлый имидж на основе «политического завещания» — нескольких страничек работ, продиктованных урывками в промежутке между двумя инсультами, вполне объяснимы. Ведь остальные десятки томов его «наследия» посвящены теории и практике пути военного коммунизма. И все теории, заполнившие эти десятки томов, рано или поздно провалились, показали свою полную несостоятельность.

Но вряд ли можно серьезно говорить о каком-то идеальном, в корне изменившемся за несколько месяцев жизни «ленинском пути развития». Вождь часто и очень круто менял тактику, линии проведения своей политики, сама же политика не менялась никогда. Несколько отрывочных статей, а тем более выдираемых из них цитат, не дают ни малейших оснований говорить о «новом пути». Скорее наоборот, они подтверждают прежние установки. «На основе рабоче-крестьянской власти и советского строя двинуться догонять другие народы...» Расширение компетенции Госплана, т. е. усиление не ры-

ночных, а государственных рычагов экономики. А ленинский «строй цивилизованных кооператоров» осуществляется «при общественной собственности на средства производства, при классовой победе пролетариата над буржуазией». И те кооперативы, которые имел в виду Ленин, основаны «на государственной земле при средствах производства, принадлежащих государству», при «обеспечении руководства за пролетариатом по отношению к крестьянству». Т. е. его взгляды ничем не отличались от предыдущих работ, а его тотальное «кооперирование в достаточной степени широко и глубоко русского населения» при таких условиях и оговорках по сути соответствует сталинской коллективизации. «Ученик», чтобы обеспечить за собой авторство идеи, лишь перевел слово «кооперирование» на более понятный язык. Ведь описанный выше «кооператив» ничем не отличается от обычного колхоза — причем колхоза первоначального, не с собственными средствами производства, а обслуживаемого государственной МТС. Что же касается той части завещания, которая указывает на недостатки Сталина — «Письма к съезду», то в этой же работе Ильич постарался обделать и всех остальных ближайших соратников, оставив лишь за собой право на непогрешимость.

Но среди последних работ Ленина конца 21 — начала 22 гг. есть и вполне завершенные. Они куда более заслуживают названия политического завещания. И если мы к ним обратимся, то найдем исчерпывающую теоретическую базу того, что потом стало называться «сталинизмом». В докладе «Новая экономическая политика и задачи политпросветов» 17.10.21 Ленин говорил: «...Всякая тут идеология, всякие рассуждения о политических свободах — все это болтовня, фразы... диктатура пролетариата — есть самая ожесточенная, самая бешеная борьба, в которой пролетариату приходится бороться со всем миром... Мы должны сказать, что должны погибнуть либо те, кто хотел погубить нас, *и о ком мы считаем, что он должен погибнуть*, и тогда останется жить наша Советская республика, либо наоборот, останутся жить капиталисты и погибнет республика. В стране, которая обнищала, либо погибнут те, которые не могут подтянуться, либо вся рабоче-крестьянская республика. И выбора здесь нет так же, как не должно быть никакой сентиментальности. Сентиментальность есть не меньшее преступление, чем на войне шкурничество».

О том, что НЭП — «всерьез и надолго», принято судить по этой единственной фразе Ленина, причем предназначенной для публичного использования. А вот что он писал Троцкому 21.1.22: «Я не сомневаюсь, что меньшевики усилят теперь и будут усиливать самую злостную агитацию. Думаю поэтому, что необходимо усиление и надзора, и репрессий против них. Конечно, такие злостные помощники белогвардейцев, каковы все меньшевики, могут прикинуться непонимающими, что государственный капитализм в государстве с пролетарской властью, может существовать лишь ограниченный и временно, и областью распространения, и условиями своего применения, способам надзора за ним и т. д.» В феврале 22 г. Ленин пишет Сокольникову: «Наркомюст, кажется, не понимает, что новая экономическая политика требует новых способов, новой жестокости кар. Не спит ли у нас наркомюст?» А в марте 22 г. на XI съезде партии вождь

прямо заявил, что отступление, длившееся год, закончено и что задача теперь — перегруппировка сил.

Вопреки рисуемому обычно портрету Ленина с эдаким рекламным аскетизмом, в его отношении к собственной личности прослеживаются вполне «сталинские» черты. Не таким уж он был скромнягой. Например, еще в 1919 г., отправляя телеграмму в Симбирск, он без «ложной скромности» писал адрес «...улица Ленина, 64» («Ленин и ВЧК». док. 260). А в 21-м, при аннексии Грузии, 9-я дивизия, захватив и восстановив Пойлинский мост через Куру, написала Ленину, что решила назвать мост его именем. Ильич не возражал.

В последние месяцы деятельности, весной 22-го, Ленин, как уже говорилось, нанес массированный удар по церкви с ограблением храмов и массовыми репрессиями против священнослужителей. Кроме того, он вовсю занимался лично подавлением малейших проблесков свободомыслия, появившихся было при НЭПе, укреплением тотальной системы внутригосударственной слежки и шпионажа. 19.05.22 он писал Дзержинскому: «Собрать систематические сведения о политическом стаже, работе и литературной деятельности профессоров и писателей. Поручить все это толковому, образованному и аккуратному человеку в ГПУ. Мои отзывы о питерских двух изданиях: «Новая Россия» № 2. Закрыта питерскими товарищами. Не рано ли закрыта? Надо разослать ее членам Политбюро и обсудить внимательнее... питерский журнал «Экономист»... это, по-моему, явный центр белогвардейцев. В № 3... напечатан на обложке список сотрудников... Все это явные контрреволюционеры, пособники Антанты, организация ее слуг и шпионов и растлителей учащейся молодежи...»

А уж создание системы государственного террора — целиком ленинская заслуга. Ее основы в мирное время он излагал в письме заместителю председателя ВЧК Уншлихту в январе 22-го: «Гласность ревтрибуналов — не всегда; состав их усилить «вашими» людьми, усилить их связь (всяческую) с ВЧК; усилить быстроту и силу — их репрессий, усилить внимание ЦК к этому. Малейшее усиление бандитизма и т. п. должно влечь военное положение и расстрелы на месте». На будущий террор Ленин нацеливал государство во многих своих последних работах.

В мае 22 г., за несколько дней до первого инсульта, он занимался вопросами создания в стране Уголовного кодекса. 15.05 он писал дополнение к проекту вводного закона. В проекте говорилось: «...впредь до установления условий, гарантирующих Советскую власть от контрреволюционных посягательств на нее, революционным трибуналам предоставляется право применения как высшей меры наказания — расстрела по преступлениям, предусмотренным статьями 58, 59, 60, 61, 62, 63...» Ленин приписал: «Добавить и статью 64, и 65, и 66, и 67, и 68, и 69», а в записке наркомюсту Курскому указал: «По-моему, надо расширить применение расстрела (с заменой высылкой за границу)... к всем видам деятельности меньшевиков, с-р. и. т. п.; Найти формулировку, ставящую эти деяния, в связь с международной буржуазией и ее борьбой с нами...»

Через два дня, 17.05, Ленин, посылая один из разработанных им параграфов кодекса, писал Курскому: «Суд должен не устранить террор; обещать это было бы самообманом или обманом, а обосновать и

узаконить его принципиально, ясно, без фальши и прикрас. Формулировать надо как можно шире, ибо только революционное правосознание и революционная совесть поставят условия применения на деле, более или менее широкого. С коммунистическим приветом Ленин». Ну а сам параграф кодекса, рожденный Лениным, гласил (в нескольких вариантах): «Пропаганда и агитация, или участие в организации, или содействие организациям, действующие (пропаганда и агитация) в направлении помощи той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы... карается высшей мерой наказания с заменой, в случае смягчающих вину обстоятельств, лишением свободы или высылкой за границу». «Пропаганда и агитация, объективно содействующие (или способные содействовать) той части международной буржуазии, которая» и т. д. до конца... «Такому же наказанию подвергаются виновные в участии в организациях или в содействии организациям или лицам, ведущим деятельность, имеющую вышеуказанный характер...»

Перечисленные идеи и разработки создавались Лениным еще в здравом уме, твердой памяти и гораздо более, чем цитаты из нескольких последних набросков, претендуют на определение «ленинского пути развития». Поэтому лозунг последующих десятилетий — «Сталин — это Ленин сегодня» — не только плод лести. Он соответствует действительности, т. к. Сталин ленинскими методами добросовестно и буквально воплощал в жизнь ленинские планы. Разве что выступал по отношению к этим идеям плагиатором. В конце концов, он был всего лишь одним из ленинских «апостолов». Ильич даже поучал Сталина методам работы. Например, 16.02.23 писал ему: «Пригрозите расстрелом тому неряхе, который заведует связью, не умеет дать Вам хорошего усилителя и добиться исправной телефонной связи со мной». Ленин прекрасно знал качества Сталина — жестокость, упрямство, неумолимость. Знал и использовал, посылая туда, где требовалась «железная рука»: летом 1918 г. — в Царицын, осенью 1918 г. — в Вятку, весной 1919 г. — в Петроград; при выходе Кутепова к Орлу — в Серпухов, при взятии поляками Киева — на Юго-Западный фронт. И генсеком его сделал не кто иной, как Ленин — еще в здравом уме и твердой памяти на XI съезде РКП(б), как раз когда объявил, «отступление законченным» и решил, что снова пора закручивать гайки. Оценивая невоенные потери советского народа от репрессий, голода, эпидемий, можно отметить, что в среднем на каждый из 31 года правления Сталина пришлось по миллиону жизней, а каждый из 5 лет правления Ленина обошелся России примерно в 3,5 миллиона человек. Так что «ученик» даже не дотягивал до «учителя».

115. ВОЛОЧАЕВСКИЕ ДНИ

К концу 1921 г. марионеточный характер Дальневосточной республики, конечно, уже не представлял тайны для Японии. Она прекрасно видела, что имеет дело с теми же большевиками, прячущимися от нее за маской «демократии». Но если Совдепия придумала эту игру из боязни открытого столкновения с японцами, то и Япония к

большой войне тоже не была готова. Ведь шел только 21-й год, а не 32-й, когда она оккупировала Маньчжурию и получала непосредственный выход к русским границам. А в 21-м она еще вела другую политику, и у нее были другие проблемы — упрочить свое влияние в Китае; освоить и удержать за собой позиции, завоеванные в ходе мировой войны в Тихоокеанском регионе, где она вытеснила немцев. Боевые действия вдали от метрополии, на чуждой и враждебной территории, были бы для Японии очень некстати. Поэтому она принимала правила игры, предложенной большевиками, и предпочитала иметь дело с ДВР, а не РСФСР — делая вид, будто и в самом деле относится всерьез к «буферной республике».

С 26.08.21 в Дайрене (китайский Далянь, бывший русский Дальний) начала работу конференция с участием ДВР и Японии об урегулировании дальневосточных взаимоотношений и выводе японских войск. Шла она долго и туго. ДВР отвергала проекты Японии о сохранении наблюдения и контроля, как затрагивающие ее «суверенитет». А Япония умело обыгрывала (в отличие от европейских держав в Генуе) нарушения прав человека и беззакония в ДВР. Упиралась в необходимость защиты своих граждан, приводя пример резни в Николаевске-на-Амуре. И под этими предлогами торговалась, стараясь сохранить на Дальнем Востоке зону своего влияния. Переговоры постоянно заходили в тупик, не приводя к каким-то общим решениям.

Заходили-то заходили, но... Япония все-таки вынуждена была делать уступки, оккупация Дальнего Востока была очень уж тяжелым бременем. Одно дело в 1918—1919 гг., когда приходилось всего лишь помогать дружественным режимам Семенова и Калмыкова громить разрозненные партизанские банды, а в 1921 г. обстановка складывалась другая. ДВР всячески поощряла партизанскую вольницу, обильно снабжая оружием, боеприпасами, деньгами, и натравливала на японцев. И в то же время отрекивалась от партизан — мол, это не подчиненные ей войска, а народная стихия. Мало того, стихия буйствует и творит преступления не на территории, подконтрольной правительству ДВР, а в областях, которые пытаются контролировать японцы. Поэтому для прекращения разгула вольницы Японии надо всего-навсего вывести свои войска и передать эти области «общенародно избранной» власти ДВР, которая в своих районах сумела усмирить такую же вольницу (выгнав на восток, в оккупированные области).

Японские гарнизоны в городах и на железнодорожных станциях оказывались в изоляции. Остальную территорию фактически контролировали огромные партизанские соединения, которые постоянно клевали оккупантов наскоками и обстрелами, нарушали перевозки, портили линии связи. Совершили даже налет на Хабаровск, а их крупная база находилась всего в 75 км от него. В общем, японцев всячески выживали, создавая для них нетерпимую обстановку. Какие-то отдельные карательные экспедиции в этих условиях уже не имели смысла, а в случае серьезных военных операций партизаны всегда имели возможность уйти в ДВР. Тут могло быть три выхода. Попробовать изменить формы влияния — чему противилась ДВР. Начать полномасштабную войну и широкую оккупацию — что было неприемлемо для Токио, да и малоперспективно: завоюет она всю территорию до Байкала, еще вопрос — дадут ли ей там закрепиться другие ве-

ликие державы? И что делать с этой территорией, которую пришлось бы удерживать силой? Ну а третий выход — сокращать занимаемую территорию до размеров, позволяющих держать ее под контролем.

Японцы решили оставить Приамурье (нынешний Хабаровский край), главный очаг дальневосточной партизанщины, и отойти в Приморье, где и население относилось к ним более лояльно, и у власти прочно стояло белое правительство Меркуловых. Да и само богатое Приморье удобно вписывалось между Японией, принадлежавшей ей Кореей и зависимыми от нее областями северного Китая, что создавало благоприятные возможности удержать его и рисовало перспективу образования единой обширной зоны японского влияния на Дальнем Востоке. И начался очередной этап отвода оккупационных войск.

Здесь, в Приамурье, и столкнулись в полную силу две дальневосточных власти, ДВР и владивостокское Временное правительство. Вслед за уходящими японцами катились партизаны. 21.10 они заняли Хабаровск. Но Хабаровском, конечно, большевики не ограничились. Сюда для закрепления позиций и установления новой власти двинулись регулярные части Народно-революционной армии, а партизан подтолкнули дальше, в Приморье. Однако там развернуться вольготно им не дали. Партизанские соединения встретила Белоповстанческая армия Дитерихса. К концу 21 г. в ней насчитывались около 15 тыс. штыков и сабель. Большевики всячески усиливали своих подопечных, подпирали их регулярными войсками, но белогвардейцы отбивали все попытки их натиска. Очистив Приморье, они 30.11 сами перешли в решительное наступление. Партизанский фронт был разгромлен. В жестоких боях армия Дитерихса разбила и противостоящие ей части НРА, обратив их в бегство. 22.12 белые взяли Хабаровск. Войска ДВР белые отбросили за Амур и вышли на его северный берег, преследуя их вдоль Транссибирской железной дороги. Красное командование спешно перебрасывало подкрепления. В Иркутске стояла 5-я советская армия, части которой путем небольшого изменения знаков различия превращались в части НРА, поэтому рано или поздно белое наступление должно было остановиться. Это случилось у станции Ин, где фронт замер и стороны перешли к позиционной войне.

Большевики получили удары и в других местах. Несколько белых отрядов было отправлено на север, один из них, казаки есаула Бочкарева, занял Петропавловск-Камчатский. Кроме того, успех белогвардейцев под Хабаровском совпал с мощным восстанием в Якутии. Революция и гражданская война сначала задевали ее лишь краешком, с большой задержкой. Лишь 1 июля 1918 г. отряд «интернационалистов» Рызинского, присланный на пароходах по Лене, установил в Якутске советскую власть. Против него выступил казачий атаман Гордеев с белопартизанами, и вскоре большевистский отряд, попавший в засаду, был уничтожен. Уже 22 августа 1918 г. Якутск стал «белым». При крушении власти Колчака, в декабре 1919 г., его заняли партизаны, а весной 1920 г. сюда добрались советские и партийные органы. Поскольку Якутия не вошла в ДВР, а осталась в черте РСФСР, на нее обрушилось все сразу — национализация банков, торговых и промышленных предприятий, земли, продразверстка. Приехали и чекисты. Тут им, собственно, и «чистить»-то было некого, поэтому они принялись расстреливать малочисленную якутскую ин-

теллигенцию и арестовывать всех, кто побогаче. И в 1921 г. Якутия восстала — благо ружьишки имелись у каждого охотника. Командующим «армией» из белопартизанских отрядов стал корнет В. Коробейников, якутские формирования возглавил учитель М. Артемьев. Победы Дитерихса, надежды на поддержку из Владивостока придали восстанию новый размах. Зимой 1921/22 г. в руках белых партизан оказалась почти вся Якутия. Советские гарнизоны везде очутились в положении осажденных. Повстанцы держали в кольце Якутск, крупную слободу Амга и другие населенные пункты, где еще удерживались красные.

Положение на восточных окраинах России стало для большевиков угрожающим. И первое, что решило сделать коммунистическое руководство, — это «укоротить поводок» ДВР, которая в самостоятельном виде так обделалась в войне против Владивостока. Главнокомандующий НРА Эйхе был снят. Он, правда, счел приказ, поступивший из «другого государства», неправомерным и начал было артачиться, но его просто арестовали, выслали из ДВР и отстранили от военной службы. Вслед за ним слетел и председатель правительства Краснощеков. Хотя он добросовестно проводил линию Москвы на создание демократической видимости и только при поддержке Москвы преодолевал сопротивление собственных соратников-коммунистов, теперь Москва «умыла руки», предоставив тем же соратникам-коммунистам громить его в пух и прах за «сепаратизм», «соглашательство» с эсерами и меньшевиками, за «буржуазные пережитки» в виде свободы печати и слова, за «стремление к личной диктатуре». Причем одним из главных обвинителей выступал премьер-министр Никифоров — видимо, пытаясь загладить собственный прошлогодний владивостокский сепаратизм. В итоге Краснощеков был смещен, отозван в РСФСР и переведен на хозяйственную работу.

Резко закручивались гайки и без того хиленькой демократии. Госполитохрана начала волну арестов «контрреволюционеров» и «белых шпионов», закрывались «вредные» газеты. А Никифоров в феврале распустил коалиционный кабинет министров и сформировал новый — «без соглашателей», сведя почти до нуля даже существовавшее жалкое представительство других партий (здесь можно заметить и связь с принятым 28.12.21 решением пленума ЦК РКП(б) о преследовании эсеров и меньшевиков).

Главнокомандующим НРА и военным министром ДВР был назначен Блюхер, переведенный из РСФСР. С запада на восток пошли и эшелоны с войсками. Это было тем более удобно, что в европейской части России свирепствовал голод, а теперь красные дивизии предстояло кормить ДВР. Как бы вместо отсутствующей на ее территории продразверстки. Сосредоточение мощной армейской группировки завершилось к февралю, и 5.02.22 Блюхер перешел в наступление. Преодолевая упорное сопротивление, он постепенно стал теснить белогвардейцев, и 10.02 его войска вышли к главной полосе их обороны у станции Волочаевка. Здесь, перегораживая дефиле между реками Тунгуской на севере и Амуром на юге шириной около 30 км, располагались несколькими эшелонами, на 18 км в глубину, линии окопов и 6 рядов проволочных заграждений. Особенно сильным был

центральный участок у сопки Июнь-Корань, склоны которой защитники полили водой, превратив в ледяные скаты.

Первый день штурма успеха красным не принес. Они предпринимали атаку за атакой, несли большие потери, но везде были отбиты. 11.02 сражение возобновилось. Красные стали одолевать — их прорыв обозначился на северном фланге, грозя обходом. Ген. Молчанов, руководивший обороной, срочно двинул туда свои последние резервы и перебросил войска с центрального участка, где штурм был снова отбит, а недостаток защитников мог в какой-то мере компенсироваться укреплениями. Блюхер тут же воспользовался этим, а также своим численным преимуществом. Введя в бой свежие крупные силы, он нанес новый удар, как раз по ослабленному центральному участку, и проломил оборону. На следующий день, развивая успех, красные завершили прорыв укрепленной полосы и взяли Волочаевку. Белоповстанческая армия, понесшая значительный урон, с боями начала отступать. 14.02 части Блюхера заняли Хабаровск.

116. ЗЕМСКАЯ РАТЬ

В 1922 г. коммунистическое руководство наметило ликвидировать последние очаги «белогвардейщины», еще сохранившиеся на востоке. На подавление якутского восстания командующий 5-й советской армией Уборевич направил Гонготскую кавдивизию Каландаришвили. Но партизанского комдива, прославившегося своей хитростью, белые повстанцы перехитрили. Они дали ему беспрепятственно пройти весь долгий путь, а засаду устроили в 33 км от Якутска, когда близость цели притупила бдительность. Пропустив авангард и первый эшелон дивизии, повстанцы напали на второй эшелон, следующий вместе со штабом, и уничтожили их. Погиб и комдив.

В Якутске ответили на поражение волной «красного террора», истребляя еще уцелевших торговцев, священников, учителей. А Уборевич послал новую подмогу — части, освободившиеся после операции в Монголии во главе с Карлом Байкаловым, назначенным командующим войсками Якутии и Северного края. Противостоять регулярной армии, артиллерии и пулеметам повстанцы, конечно, не могли, хотя и дрались отчаянно. Весной и в начале лета в кровопролитных боях у селений Кильдямцы, Тэхтюра, Никольское, Хохонки основные силы белых партизан были разгромлены. Большевики полностью очистили от повстанцев Вилюйский и Олекминский округа. Остатки рассеявшихся отрядов уходили в таежные дебри, к Охотскому морю, на Камчатку к есаулу Бочкареву. Для окончательного уничтожения белопартизан Байкалов 29.07 выслал из Якутска два экспедиционных отряда на пароходах «Соболь», «Диктатор» и «Революционный». Они должны были выйти на охотское побережье, завершив тем самым войну на этом театре. Экспедиция сумела добиться кое-каких успехов. Двигаясь по Лене и Алдану, заняла городки Хандыга, Усть-Мая, но дальнейший путь через тайгу, болота и горы оказался красным не по силам. Один из отрядов вообще застрял в местечке Алах-Юнь, не в силах двигаться ни вперед, ни назад, съел своих лошадей и оленей, ожидая два месяца установления зимней дороги.

Что касается главного дальневосточного фронта, в Приморье, то здесь война густо перемешалась с политикой и дипломатией. Небольшую белую армию Дитерихса давно раздавили бы, а Временное правительство Меркуловых ликвидировали, но все еще мешало присутствие японцев и боязнь войны с ними. А поползновения партизан, за которых власти РСФСР и ДВР якобы не отвечали, Дитерихсу удавалось отражать. Дайренская конференция ДВР и Японии по вопросу вывода оккупационных войск, начавшись в августе 21 г., продолжалась почти восемь месяцев и кончилась безрезультатно. Японцы предлагали другие формы своего присутствия и контроля, ДВР их отвергала. Да и чем дальше, тем виднее было для Японии, что словам ДВР все равно — грош цена, и переговоры с ней — пустая трата времени. В 22 г. прошла другая конференция, Чанчуньская, с участием уже трех сторон, РСФСР, ДВР и Японии, по тому же вопросу. И тоже завершилась безрезультатно. Камнем преткновения стал вопрос о Северном Сахалине, который Япония хотела придержать в дополнение к Южному Сахалину, аннексированному ею после русско-японской войны.

Но если эти дипломатические попытки Токио мог себе позволить отвергать, пока видел, что его опасаются, то давление на него пошло с другой стороны. С 1921 г. Англия, а за ней Италия, Германия и другие страны стали заключать с Советской Россией торговые соглашения. Начиналась борьба за «шкуру неубитого медведя» — за российский рынок. Япония, обосновавшаяся на русской земле, выглядела в этой борьбе уже противницей европейских государств. Разумеется, на этом играли и коммунисты, подсказывая партнерам, как мешает присутствие иностранных войск мирной торговле. Прошла Каннская конференция Верховного совета Антанты, принявшая резолюцию о «взаимном признании различных систем собственности и различных политических форм в разных странах» — и японская оккупация в Приморье потеряла всякое обоснование, ведь она осуществлялась по мандату Антанты.

США занимали в то время, пожалуй, самую последовательную из западных держав антикоммунистическую позицию. В восстановлении отношений с Совдепией они были заинтересованы меньше других — до революции экономические и торговые связи России с Америкой были относительно слабыми. Но усиление Японии для США было далеко не безразлично, и при выборе направления дальневосточной политики — антисоветская или антияпонская — курс стал опять склоняться к антияпонской. Решающее влияние на дальнейший ход событий оказала Вашингтонская конференция по урегулированию послевоенных отношений в бассейне Тихого океана, проходившая в ноябре 21 — феврале 22 г. с участием США, Англии, Китая, Японии, Франции, Бельгии, Голландии и Португалии. Западные державы обратили внимание, что Япония слишком уж много хапнула в этом регионе — отнюдь не равноценно усилиям, затраченным для общей победы. И принялись резко ограничивать ее интересы. Заметили и огромную, но компактную японскую зону, которая начала складываться из самой Японии, Кореи, северо-восточных провинций Китая, русского Приморья и Сахалина. Эту зону постарались разрушить. Заключенный на конференции «Договор девяти держав» предусматривал в

Китае «политику открытых дверей» вместо монопольного влияния Японии.

Надавили на нее и в вопросе о Приморье. Продолжение оккупации уже смахивало бы на протекторат и было нежелательно для Запада. К тому же фронт запирал восточные «ворота» России, что мешало предполагаемой торговле. И к тому же из Владивостока начиналась линия КВЖД, и, останься город в руках японцев, они так или иначе продолжали бы контролировать Маньчжурию. Бросать открытый вызов западным соперникам Япония еще не могла. К тому же на конференции обсуждались и другие вопросы — о составе военных флотов, об островных владениях. Чтобы выиграть в одном, приходилось уступать в другом. И вывод войск из Приморья был предreshен. Дополнительный импульс в том же направлении дала Генуэзская конференция. Правда, она касалась не Японии, а европейских держав, но само участие в ней большевиков стало признанием этими державами де-факто советского правительства, а оно благодаря грубейшим ошибкам западных политиков сумело представить иностранную интервенцию в виде неспровоцированной агрессии. Автоматически это распространялось и на политику Токио.

И все же, как ни парадоксально, последний толчок к выводу войск последовал из самого Владивостока. Серьезность его положения была очевидной. Шла война, постоянные бои с партизанами, теснящими белых на юг Приморья. Японское командование уже неоднократно заявляло о предстоящей эвакуации своих войск, хотя пока блефовало и практических действий не предпринимало. Владивосток вот-вот мог остаться один на один против всей Советской России. В этих условиях Временное правительство Меркуловых решило сложить с себя полномочия и созвать Земский Собор, который решил бы судьбу края и избрал прочную всенародную власть, опирающуюся на все слои населения и способную это население всколыхнуть. Прошли всеобщие выборы, и Земский Собор начал работу. Вариант подчинения ДВР он отверг и провозгласил Приморье независимым Земским Краем. Интересно, что в 1918 г., при перевороте в пользу Колчака, основную роль сыграло офицерство — а земская общественность, социалисты и т. п. отнеслись к идее военной диктатуры оппозиционно и в 1919 г. выступили открытыми противниками, стремясь установить демократическое правление. В августе 1922 г. та же самая общественность признала необходимость диктатуры. Собор избрал единоличным правителем Михаила Константиновича Дитерихса, передав ему всю полноту гражданской и военной власти.

Генерал-лейтенант Дитерихс был хорошим солдатом и командиром. В мировую войну командовал бригадой в Сербии и Македонии, затем в России занимался формированием чехословацких частей, с которыми и выступил против большевиков в 18-м. В 19-м он занимал посты командующего армией, а затем главнокомандующего в армии Колчака. Правда, на этом посту проявил и серьезные недостатки — был слишком увлекающейся натурой, способной допустить из-за этого просчеты в стратегическом планировании. Но если доходило до непосредственного руководства войсками — тут он был в своей стихии. Даже предатели-чехи в Иркутске, выдав Колчака, Дитерихса все же спасли, сохранив о его командовании самые теплые воспоминания.

Современник писал: «Он всегда своим исключительным бесстрашием, добротой и честностью во всем умел влюбить в себя подчиненных». Глубоко, до мистицизма религиозный человек, он горячо верил, что дело, за которое он борется, — святое, и искренне ждал чуда, которое спасет Россию. Поэтому, став правителем, он даже армию свою назвал Земской Ратью, как во времена Минина и Пожарского, а сам вместо «главнокомандующего» принял звание «воеводы». Но вот политиком он оказался никудышным.

Правительство Меркуловых старалось всеми мерами угодить японцам, добиваясь их расположения и покровительства. Постоянно подчеркивало свое дружественное отношение к ним в публичных выступлениях и официальных заявлениях. Дитерихс был настроен антияпонски. И как русский патриот, которому не нравилась чужеземная оккупация, и как бывший сподвижник Колчака, находившегося в натянутых отношениях с Японией. Японцы — еще в Омске и Чите — отвечали Дитерихсу взаимной неприязнью. После своего избрания он выступил с обращением к населению Приморья, в котором призывал народ к священной борьбе против большевиков и... приветствовал эвакуацию из края японских войск... И все... Обращение выбило последний козырь из рук военной партии в Токио. До сего момента Япония «тянула резину», не теряя надежды со временем спустить на тормозах решения Вашингтонской конференции. Ее дипломаты еще могли на слишком настойчивые требования американцев вежливо раскланиваться и улыбаться, отделываясь наивной отговоркой, что войска задерживаются на русской территории «по просьбам фактического правительства Владивостока». Дитерихс лишил их этого предлога. А заодно самого себя лишил возможности если и не сохранить край под японской защитой, то хотя бы выиграть время и получше подготовиться. Теперь японцы на самом деле решили уходить, объявили об эвакуации своих войск не позднее 1 ноября и начали отводить части к портам. Решающая схватка с красными стала неизбежной и близкой...

К эвакуации японцев интенсивно готовилась и советская сторона. Москва отозвала военного министра «суверенной» ДВР Блюхера, а на его место назначила командующего 5-й армией Уборевича. Отсюда уже видно расширение масштабов приготовлений — главком Народно-революционной армии повышался в ранге от комдива до командарма. В Читу Уборевич прибыл вместе со всем своим штабом. Конечно, двинулись за Байкал и части 5-й армии. Как только вывод японских войск обозначился, в Приморье начала сосредоточиваться ударная группировка. В конце сентября туда перебрался и сам Уборевич для личного руководства операцией. Белые тоже старались изгот-товиться. Создавался Спасский укрепрайон. Незадолго до начала главных боев Дитерихс направил своего министра иностранных дел Н. Меркулова в Мукден, где тот провел переговоры с Чжан Цзолинем, фактическим властителем Маньчжурии, обещавшим в случае неудачи пропустить белых через границу и разрешить их размещение в полосе КВЖД.

Зато от «своих» Дитерихса ждал тяжелый моральный удар. Только что избранный Земским Собором под рукоплескания и патристические речи, он ожидал и всеобщей поддержки. Но когда обратился с

призывом собирать ополчение, подниматься на защиту родного края, ни малейшей поддержки не получил. Добровольцев встать в ряды Земской Рати в многолюдном Владивостоке почти не находилось. Здешние обыватели привыкли, что их всегда защищает «кто-нибудь» — то чехи, то Колчак, то японцы, то каппелевцы, а сами защищать себя не спешили. К тому же большинство граждан не верили, что японцы все-таки уйдут, — считали это очередным блефом их командования. Ведь заявления об уходе звучали и раньше. Крестьяне, не испытывавшие военного коммунизма и подзуживаемые большевистскими агентами, ждали прихода красных. Те же общественные деятели, которые на Соборе произносили громкие фразы, финансовые и промышленные тузы, поднимать народ, снабжать и финансировать ополчение отказались. Была Земская Рать, был у нее свой Воевода — вместо Пожарского, а вот Минина так и не нашлось. На фронте оставались те же каппелевцы да казаки — всего 9 тыс. чел. при 24 орудиях, 80 пулеметах и 4 бронепоездах...

О численности красных войск история и литература умалчивают. Потому что официально в Приморье действовали 2-я Приамурская дивизия, Дальневосточная бригада и бронепоезда НРА, а советские части маскировались под «партизанские соединения». Белогвардейцы потом указывали, что «партизаны», сражавшиеся с ними, совершенно не походили на тех, с которыми им обычно приходилось иметь дело, а сильно смахивали на кадровые, хорошо вышколенные войска. Можно лишь сказать, что численное преимущество у красных было подавляющим, поскольку в Приморье сосредоточилась вся 5-я армия или большая ее часть. Собрали сюда и всех дальневосточных партизан — настоящих, пустив их в первом эшелоне. Во-первых, вывод японцев еще не завершился и требовалось поддерживать декорум, а во-вторых, партизан было не жалко «расходовать» — чем больше погибнет, тем меньше проблем в будущем.

4.10 Уборевич начал общее наступление. Две группировки НРА под командованием Вострецова и Кондратьева он направил в глубокий обход — тайга предоставляла к этому богатые возможности. Разгорелось решающее сражение. В первый день жестоких боев успеха красные не добились. Несмотря на их перевес, каппелевцы отбивали все атаки. А ночью ген. Молчанов подтянул свои резервы, Приволжский и Прикамский полки, юнкеров Корниловского училища, и перешел в контрнаступление. Весь день длился встречный бой, завершившийся безрезультатно. Белогвардейцам удалось отбросить противника, но их части понесли большие потери, ни поддержки, ни подкреплений им ждать было неоткуда, и к вечеру Молчанов отвел войска на прежние позиции. 6.10 группы Вострецова и Кондратьева вышли в белые тылы. Основные силы Уборевича возобновили лобовые атаки. И Земская Рать стала пятиться. К концу дня большевики вышли на подступы к Спасску.

Сведения об укреплениях Спасска были впоследствии так же преувеличены советской литературой, как об укреплениях Перекопа. Его «форты» являлись таковыми лишь по названию. На самом деле они представляли собой 7 сопков, окружавших город, с вырытыми на них окопами и проволочными заграждениями. Красные решили брать их поочередно, сосредоточивая на каждой сопке огонь своей много-

численной артиллерии. В 5 утра 7.10 после мощной артподготовки они пошли на штурм. Земская Рать отразила его. Одному из полков Уборевича удалось было прорваться на окраины Спасска, но его выбили контратакой. Двое суток напряженных боев Спасск держался. Атаки чередовались с массированными артобстрелами, перепахивающими укрепления, однако результаты их были мизерными — красные сумели зацепиться лишь за один из «фортов» в северо-западной части укрепрайона. Лишь на третий день, подтянув свежие соединения и бросив их на очередной приступ, Уборевич добился решающего успеха. К полудню пали пять «фортов», вся северная часть укреплений. Белогвардейцы оставили две удерживаемых сопки и отошли южнее города, в район цементных заводов, на последнюю линию обороны. Однако нового штурма Земская Рать уже не выдержала. Поредевшая, снова обходимая с флангов, 10.10 она стала отступать...

117. ЭСКАДРА ИДЕТ В НИКУДА

Войска Дитерихса отступали с жестокими боями. Михаил Константинович еще пытался зацепиться у станций Черниговка и Мучная, однако 12.10 навалившиеся на Земскую Рать и набравшие уже силу наступательного рывка красные части нанесли ей новое поражение, заставляя отходить дальше. После этого Уборевич попробовал взять белых в кольцо и уничтожить, не дав уйти за границу. Группа его войск под командованием Вострецова, еще раз брошенная в обход и вырвавшаяся вперед, захватила господствующие позиции у пос. Монастырище, перекрыв белогвардейцам дорогу на юг. 14.10 Земская Рать наткнулась на этот заслон. На прорыв пошли полторы тысячи ижевцев и кровопролитными атаками разбросали его, полностью перебив курсантский батальон, державший центральный участок обороны. С севера напирали красные, сдерживаемые лишь арьергардными схватками. Война была проиграна. Защищать Владивосток — значило бы просто положить остатки войск. Да Дитерихс и не хотел защищать город, не пожелавший сделать ничего для собственной защиты. Тем более что отступление на Владивосток означало бы морскую эвакуацию армии, что при недостатке кораблей, в условиях паники, с идущими по пятам войсками противника грозило обернуться катастрофой. И он приказал частям от Никольска-Уссурийского (ныне Уссурийск) повернуть на юго-запад, уходить за реку Суйфун (ныне Раздольная) и двигаться по направлению к Посъету. А оттуда пешим порядкам — за границу, в полосу КВЖД.

Сам Дитерихс, совершенно разбитый, сильно состарившийся и поседевший за несколько дней, уходил с армией. Власть во Владивостоке он передал «трехдневному правительству» во главе с местным областником Сазоновым. Оно уже не играло никакой роли. Фактически все руководство сосредоточилось в руках командующего Сибирской флотилией адмирала Старка, штаб которого стал в ближайшие дни центром управления городом. Кроме военных кораблей, у Старка оставались отряды морских стрелков, Русско-Сербский добровольческий отряд и милиция, силами которых поддерживался порядок во Владивостоке. Началась подготовка к эвакуации. Ее планы

разрабатывались еще до наступления большевиков в двух вариантах. Согласно первому, флотилия шла в Посьет, забирала армию и направлялась на Сахалин или в Петропавловск-Камчатский. Это давало бы возможность, соединившись с отрядами, отправленными на север ранее, создать новый очаг Белого Движения в России. Второй план предусматривал уход флотилии в один из портов северного Китая, где она могла бы прокормиться, работая на Чжан Цзолиня.

Во Владивостоке вплоть до 15.10 царило спокойствие. Даже сведения о боях и отходе не особенно смущали горожан — они уже привыкли к постоянным попыткам партизанских наступлений и к тому, что армия иногда была вынуждена оставлять те или иные рубежи, но в результате всегда останавливала продвижение противника. И даже когда город узнал о полном поражении Земской Рати, уезжать на рейсовых пароходах, все еще курсирующих между Владивостоком и иностранными портами, стали лишь самые осторожные — в конце концов, в городе, кроме эскадры Старка, оставались еще японцы, уход которых многими ставился под сомнение. Однако обстановка быстро накалялась. 17.10 красные заняли Никольск-Уссурийский. Партизаны, пущенные ими, по обыкновению, впереди, учинили там погром. В самом Владивостоке подпольщики распространяли листовки, угрожая «буржуйам» резней и напоминая о судьбе Николаевска-на-Амуре. Начиналась паника. Люди, желающие уехать, раскупали билеты в конторах иностранных пароходных компаний, сразу взвинтивших цены. Толпы горожан бросились в иностранные консульства, желая получить визу, что из-за наплыва просителей становилось все труднее. Вскоре визы перестали выдавать даже китайцы, всегда делавшие это беспрепятственно. А к 19.10 консульства и вовсе закрылись, перебравшись на военные корабли своих держав, находившиеся в порту.

В этот день красные заняли станцию Угловая в 20 км от Владивостока. Дальше, на ст. Океанская, японцы выставили свои заслоны, не желая пускать в город большевиков до завершения собственной эвакуации. Когда же обнаглевшие советские авангарды полезли напролом, японцы приняли бой и отбросили их на 6 км назад. Уборевич, в планы которого конфликт с иностранцами не входил, приказал остановить наступление и начал переговоры с японским командованием. А во Владивосток отступили следовавшие перед красными несколько тысяч казаков ген. Глебова — уссурийцы, амурцы, забайкальцы. Вопреки приказу Дитерихса, они пошли сюда, а не на Посьет, ссылаясь на разлившуюся реку Суйфун и опасность переправы через нее из-за близости советских войск. Хотя имелась и другая причина — многие казаки уходили с семьями, с женами и детьми. До Посьета нужно было тащиться 200 км по осенней грязи, до Владивостока — 50 км по относительно хорошей дороге, а дальше казаки надеялись добраться морем. Глебов стал договариваться с японцами, чтобы зафрахтовать у них несколько транспортов для перевозки казаков в Посьет.

Среди горожан паника достигла предела. Опасались, что красные вот-вот сомнут японский заслон или обойдут его. Когда какие-то 8 бандитов ограбили французское консульство, покатались слухи о просочившихся партизанах. Больше боялись не регулярных красных частей, а именно партизан с грабежами и резней. Чтобы не про-

изошло восстания в городе, адм. Старк приказал своим кораблям перевезти пленных красноармейцев на другой берег залива Петра Великого, откуда пешком они не скоро добрались бы до Владивостока. Договорились с консульским корпусом о передаче раненых под международную защиту — иностранцы согласились, но потребовали их перевода из городских госпиталей на Русский остров, где их безопасность могла контролироваться иностранными кораблями. Параллельно с этими перевозками флотилия спешно готовилась к походу. Распределяли по судам пассажиров, не сумевших сесть на рейсовые пароходы. Их число ограничивалось тем, что маршрут эскадры до сих пор был неизвестен, поэтому с ней уезжали те, кому было все равно куда ехать, лишь бы подальше от красных. Общая паника немного улеглась, но имелись опасения, что японцы сговорятся с большевиками за счет русских кораблей и не выпустят их, поэтому флотские торопились выйти в море.

Опасения оказались напрасными. Японцы на переговорах с Уборевичем обязались покинуть Владивосток не позднее 25.10, но требовали, чтобы до этого срока красные оставались на прежних позициях, а кроме того, чтобы они не утруждали себя уже ненужной, но опасной для населения маскировкой, и занимали город сразу красноармейцами, а не партизанскими отрядами. Уборевича такие условия вполне устраивали, и японцы передали Старку крайний срок эвакуации. Когда пошли слухи, что резни не будет, число желающих покинуть Россию сразу уменьшилось. Рассуждали — если нет прямой опасности для жизни, то зачем все бросать и кидаться в неизвестность, да еще в общем хаосе? В случае чего, уехать можно будет и в более спокойной обстановке — Владивосток всегда был «международным» городом, и трудно было представить, что отсюда вдруг вообще нельзя будет уехать. Люди успокоились, только попрятались по домам, поскольку патрули с милицией оттянулись к порту и в городе стала пошаливать уголовщина.

24.10 завершилась посадка на японские и русские корабли казаков Глебова. Они, а следом и основное ядро флотилии — несколько крейсеров, миноносцев, канонерок и других судов с беженцами на борту — взяли курс на Посьет. Даже покинув Владивосток, ни пассажиры, ни команды, ни капитаны еще не знали, куда придется идти дальше, в Китай или на Камчатку. 25.10 погрузились на корабли последние эшелоны японцев. Во Владивосток вступила Красная армия...

Ну а белогвардейцам и беженцам предстояло еще искать себе пристанища. В отличие от Юга России, где о них хотя бы первое время заботились союзники и благотворительные организации, здесь такового не было. Существовала, правда, полоса КВЖД, до революции принадлежавшая России и со значительной долей русского населения, но до нее еще требовалось добраться. Когда эскадра из Владивостока пришла в Посьет, там находилась походная канцелярия Дитерихса, а каппелевцы уже проследовали дальше, к границе. На совещании между Дитерихсом и Старком камчатский вариант был окончательно отвергнут. Разбитые и измученные войска были не готовы к продолжению активных действий, плавание на север поздней осенью было уже опасно, да и с продовольствием там было трудно. Армии грозил бы голод, а на снабжение иностранцами рассчитывать не приходилось.

В Посьете казаки, ехавшие на кораблях Сибирской флотилии, узнав, что она пойдет на юг, выгружаться отказались. К ним присоединились и те, кто уже сошел на берег, добравшись сюда японскими транспортом. Из Посьета в зону КВЖД предстоял бы тяжелый пеший поход, и казаки стали требовать, чтобы флотилия довезла их до одного из корейских портов, откуда они могли проехать по железной дороге. Старк согласился, хотя предупредил о недостатке на кораблях пресной воды и продовольствия. Казаки стали снова загружаться на суда — теперь уже русские. Впоследствии им пришлось горько пожалеть о принятом решении. И каппелевцы, и штаб Дитерихса ушли в Китай. Чжан Цзолинъ своего обещания поддержать армию не выполнил. Части разоружили и расформировали. Постепенно они рассеялись по дальневосточному зарубежью.

А эскадра Старка, везущая на борту 10 тыс. казаков, членов их семей и владивостокских беженцев, отправилась по свету без какой-либо конечной цели — искать, где ее примут. Первую стоянку сделали в корейском Сейсине (Корея тогда принадлежала Японии). Здесь власти вообще запретили сходить на берег, сославшись на скандалы, которые казаки устроили в Посьете, напившись сивухи, продававшейся в каждой корейской фанзе и китайской лавчонке. Согласились лишь прислать на корабли пресную воду и потребовали ухода.

Флотилия направилась в крупный порт Гензан (ныне Вонсан). Отсюда шла железнодорожная линия на Сеул, Мукден и Харбин, поэтому здесь же высаживалась большая часть беженцев, выезжавших из Владивостока частными пароходами. Сначала их встречали нормально, даже делали нуждавшимся скидку при покупке билетов, а то и отправляли бесплатно. Но потом Чжан Цзолинъ испугался массового наплыва русских в полосу КВЖД. Китайский консул получил указание прекратить выдачу виз, и даже те, у кого они уже имелись, застряли на неопределенное время. Беженцы, прибывшие с Сибирской флотилией, бросившей здесь якоря, вообще оказались в критическом положении. Город их не принимал. Японцы согласились взять на попечение и разместили в своих лечебных учреждениях только раненых — тут уж сказывался самурайский кодекс чести. Другие беженцы оставались на кораблях. Многие ютились на палубах, которые во время осенних штормов заливало водой, мокли под дождями. Начались болезни. Участились смертные случаи, особенно среди детей. Тогда власти все же пошли навстречу и выделили для размещения русских таможенные бараки, неотапливаемые, с земляными полами, разве что под крышей. От города они были отгорожены решеткой и полицейским постом. Выход в город разрешался по карточкам, выдаваемым через японского переводчика и действительным до 16 часов, потом ворота запирались. Казаки ждали решений начальства, гражданские беженцы осаждали консульства. Однако китайцы выдавали визы только на Шанхай, как международный порт — куда еще каким-то образом следовало добираться. Япония соглашалась принимать эмигрантов, но лишь тех, у кого имелось не менее 1,5 тыс. иен. Адм. Старк и ген. Глебов повели переговоры с властями, длившиеся три недели. Японцы все еще хотели соблюсти какие-то свои интересы и подталкивали русских идти на Северный Сахалин, занять его остатками белых войск и колонизировать. Что прекрасно дополнило бы

принадлежавший Японии Южный Сахалин. Предлагали в этом случае поддержку против большевиков. Только измученные, полубольные казаки уже не были «войском». А моряки считали безумием идти в это время года на Северный Сахалин, где нет ни одной хорошо защищенной бухты. Наконец пришли к компромиссному соглашению. Казакам разрешили временно остаться в бараках Гензана, обещав некоторую материальную помощь, а эскадра уходила куда-нибудь дальше. Здесь же осталась значительная часть беженцев, не терявшая надежды попасть на КВЖД, — те, у кого там были родственники, знакомые или просто с КВЖД связывались планы устроиться в «русском» Харбине. Казаки прожили в Гензане до лета 1923 г. Потом помощь японцев прекратилась, и они рассеялись кто куда...

Сибирская флотилия 21.11 снова вышла в море. Теперь на ней осталась небольшая часть белогвардейцев — морские стрелки, Русско-Сербский отряд, кадетские корпуса, семьи моряков и те беженцы, которым, собственно, ехать было некуда, и они приросли к эскадре, к «своим». Следующую остановку сделали в Фузане (ныне Пусан). На остававшиеся у флотилии деньги запаслись углем, провизией, водой. Старк еще раз попытался снестись с Чжан Цзолинем о приеме эскадры, но получил отказ. 1.12 власти Фузана запретили дальнейшее пребывание русских в своем порту, и на следующий день флотилия покинула Корею.

Решено было идти в Шанхай. В огромном городе, считавшемся международной зоной, надеялись найти если не приют, то работу для беженцев, а моряки рассчитывали приспособить свои суда для коммерческих перевозок по побережью и р. Янцзы. В Желтом море на эскадру обрушился тайфун, стал сносить ее на юг, к островам Рюкю. Корабли разбросало поодиночке. Возле о. Тайвань со всем экипажем и пассажирами погиб миноносец «Лейтенант Дыдымов». Другие суда, потрепанные ураганом, постепенно собрались в Шанхае. Тут остались почти все беженцы, а расчеты Сибирской флотилии найти пристанище не оправдались. Шанхай тоже отказался ее принять. Простояв на рейде до начала января, она произвела самый необходимый ремонт, за который ей пришлось заплатить тремя мелкими судами, а потом взяла курс на Филиппины, чтобы искать приют у американцев. Во время перехода, опять у Тайваня, погиб еще один корабль, крейсер «Аякс», выброшенный бурей на мель. Спасти с него удалось только несколько человек. Эскадра Старка достигла Манилы, которая и стала конечным пунктом ее странствий. Здесь американские власти поставили корабли на прикол. Моряков списали на берег и поселили в лагере. Одни обосновались на Филиппинах навсегда, другие постепенно разъезжались по свету...

Ну а на российском Дальнем Востоке сразу после ухода белых, 13.11.22, Народное Собрание ДВР отменило «демократическую» конституцию и объявило об установлении полноценной советской власти, подав прошение о вхождении в состав РСФСР. Уже 14.11 «просьба была удовлетворена». ДВР сделала свое дело и больше была не нужна. Снимались и другие маски, тоже ставшие ненужными. В ноябре 22 г. за победу на Дальнем Востоке была награждена орденом Красного Знамени не какая-то там НРА и не какие-то там «партизаны», а 5-я советская армия. В декабре красная экспедиция добралась

до Камчатки, разгромила казачий отряд есаула Бочкарева и заняла Петропавловск. «И на Тихом океане свой закончили поход...» Кстати, эта песня тоже свидетельствует, какие «приамурские партизаны» брали Волочаевку и Спасск. Родиться она могла только в войсках, переброшенных с Южного фронта, потому что представляет собой слегка переделанный «Дроздовский марш».

118. ПОСЛЕДНИЙ ПОХОД

...Бросив дом, бросив семьи родные,
Собрались мы в ряды боевые.
Не на радость, на подвиг тяжелый мы шли,
От людей мы не ждали награды.
По пути разрушая преграды,
Крестный путь мы свершили одни...

Генерал-лейтенант Пепеляев

Если история Белого Движения в России открывалась Ледяным походом, то закрывалась она походом, который можно назвать «сверхледяным». Во время Якутского восстания Дитерихс назначил туда уполномоченным П. Г. Куликовского — бывшего эсеровского боевика, одного из ближайших соратников Савинкова. Якутию он хорошо знал, отбывая там ссылку, а потом и «вечную каторгу», которой ему в свое время заменили смертный приговор. Назначение было чисто условным, никакой связи с повстанцами не имелось, белых отделяли от них фронт, тайга, огромные расстояния. Но Куликовский развил бурную деятельность. Обратившись к якутским промышленникам Никифорову, Кушнареву, Галибарову, он собрал средства на организацию экспедиции, а возглавить ее предложил Анатолию Николаевичу Пепеляеву.

В 1914 г. он — лихой поручик и поэт, командир конной разведки, в 1917-м — уже полковник, командир полка, в 1918-м — возглавил антибольшевистское восстание в Томске. У Колчака командовал корпусом и армией. Его называли иногда «сибирским Суворовым». После разгрома, в начале 20 г., пытался организовать оборону Томска, но свалился в тифу, и подчиненные тайком, в крестьянской одежде, вывезли его за границу. 29-летний генерал-лейтенант поселился на окраине Харбина, работал извозчиком, ловил для заработка рыбу на Сунгари. Здесь он «остепенился», женившись на дочери железнодорожного мастера. Но прошлое напоминало о себе, звало в новые походы. Как и каппелевцы, он сначала клюнул на «демократию» ДВР, чуть было не уехал поступать на службу в Народно-революционную армию. От приглашения Меркуловых отказался, не желая сотрудничать с японцами. А получив предложение Куликовского идти на помощь восставшим, загорелся сразу. Из прежних соратников, оказавшихся за рубежом, из спасшихся на чужбине белогвардейцев он в короткий срок сформировал Сибирскую Добровольческую дружину. Их было всего 700 человек. Батальонами, ротами командовали генералы и полковники — такие же молодые, как их начальник. В дружи-

не было введено обращение «брат». «Брат полковник», «брат капитан»...

В сентябре 22 г. дружина с трех зафрахтованных пароходов высадилась в порту Аян и заняла его. Затем Пепеляев двинулся вдоль побережья на север, присоединяя малочисленные остатки белопартизанских отрядов. После 500-километрового марша белые заняли г. Охотск. Обеспечив таким образом некоторую тыловую базу, дружина начала поход в Якутию. Пешком, через хребет Джугджур, без дорог через тайгу, через болотные топи и мари. Преодолев еще 500 км и отогнав красных, Пепеляев взял г. Нелькан, но дальше продвинуться не смог. Начался голод, болезни, люди были измучены до предела. Достать оленей у местных тунгусов не удалось. И белогвардейцы решили вернуться в Аян, на побережье, замкнув таким образом треугольник своего маршрута протяженностью 1200 км. Пепеляев, по свидетельству современников, «был в эти дни бодр, строг к себе, внимателен к соратникам, голодал и пел со своими дружинниками, он даже писал стихи».

25.10 пал Владивосток, в декабре — Петропавловск-Камчатский. Дружина Пепеляева осталась одна, отрезанная от всего мира. Пути назад ей уже не было. Последний осколочек «белогвардейщины» в России. У нее не имелось даже плавсредств для эвакуации. И Пепеляев принял решение — наступать. Двигаться на Якутск. Поднять Якутию и идти на Иркутск. В случае удачи — возродить Белое Движение в Сибири, в случае неудачи — прорываться за границу. 26 декабря начался новый поход — зимой, через места, близкие к полюсу холода. На этот раз дружина шла, основательно подготовившись, с оленями и обозом продовольствия. Вскоре она снова заняла Нелькан.

Большевики не ожидали, что Пепеляев пойдет дальше в самые лютые морозы, когда «в тайге зверь не бежал, птица на лету застывала». Но он пошел. Его дружина преодолела тысячекилометровое ледяное пространство и ворвалась в центр Якутии. После подавления недавнего восстания красных войск здесь хватало. И вооружены они были получше, чем белогвардейцы, несшие только винтовки. Но силы большевиков разошлись по всему краю. В самом Якутске оставались артдивизион, отряд ЧОН, конный дивизион ГПУ и комендантская команда. Подступы к нему прикрывали гарнизоны в Павловске и Маинцах. Крупный отряд Курашева с 2 орудиями и несколькими пулеметами располагался в селе Чурапча, отряд Строда в 300 чел. и база снабжения — в с. Петропавловском, отряд Суторихина в 400 чел. — в слободе Амга. Через этот населенный пункт, занимавший центральное положение, осуществлялась связь между разбросанными по Якутии красными частями.

Пепеляев объявился внезапно. В освобождаемых селениях он объявлял, что несет избавление от большевизма, а не свой диктат. Якутам он говорил: «Будущее Якутии — это вы сами. Править Якутией будете вы». Какие-либо репрессии и насилия по отношению к местному населению строжайше воспрещались, даже к тем, кто сотрудничал с большевиками. Действовал Пепеляев решительно и дерзко. Авангардный батальон генерала Ракитина в 140 чел., громя и разгоняя красные гарнизоны, занял поселки Крест-Хальджай, Татту, Уолбу, Борогонцы. Затем часть своего отряда Ракитин повернул на

с. Чурапчу, в виде заслона от отряда Курашева, часть — к Маинцам, выходя на подступы к Якутску. Другой батальон, полковника Рейнгардта, скрытно вышел к Амге. Несколькими днями раньше советские войска там уменьшились наполовину — часть отряда Суторихина большевики рассредоточили в окрестных населенных пунктах, чтобы предотвратить возможные волнения среди населения. Тем не менее в Амге оставалось вдвое больше сил, чем у Рейнгардта. Еще с прошлого года, со времени осады повстанцами, слобода была сильно укреплена. Белые пошли на штурм ночью с трех сторон. Внезапность, дерзкая атака во весь рост с винтовками наперевес решили исход боя. Слобода была взята, гарнизон частью перебит, частью пленен, частью разбежался, вымерзая в тайге. Вслед за этим ликвидировали и мелкие отряды в окрестных селениях.

Пепеляев с основными силами дружины занял городишки Усть-Маю, Усть-Миль и двигался к Амге вслед за авангардами. Выигрыш он получил значительный. Красные части оказались отрезанными друг от друга, путь на Якутск был открыт. Город объявлялся на военном положении, разделялся на 5 оборонительных районов. Большевики мобилизовали все трудоспособное население на строительство укреплений, срочно пытались обучать местных призывников и формировать из них новые войска, рассылали гонцов с требованиями ко всем своим частям спешить на выручку столицы края. Некоторых гонцов перехватили белогвардейцы, но отряд Строда, получив такой приказ, выступил из Петропавловского на Якутск.

Главные силы Сибирской Добровольческой дружины вошли в Амгу 11.02.23. И тут Пепеляев допустил первую ошибку. Вместо того чтобы немедленно, не позволяя врагу опомниться, наступать на Якутск, который он имел все шансы взять, он решил остановиться, дать передышку своим бойцам. Расчистить тылы и поднять якутов на восстание. Амгу он сделал своей временной «столицей», выдвинув в направлении Чурапчи весь батальон Ракитина, а на перехват Строда выслал якутский партизанский отряд Артемьева. Дальнейшее наступление он назначил на 17.02.

Расчеты оказались неверными. Поднять новое восстание не удалось. Сказался и недавний разгром прежнего, и последовавшие за этим репрессии. Кого расстреляли, кто разбежался по таежным глубинкам, а оставшиеся жители были запуганы и выжидали, чем дело кончится. Сказался и еще один фактор, пропагандистский. В январе 23-го, всего за месяц до прихода Пепеляева, состоялся Учредительный съезд советов Якутии, объявивший ее автономной республикой. У людей появилась надежда, что власть теперь будет другая — хоть и советская, но «своя». Об автономии мечтали и говорили представители нарождающейся якутской интеллигенции еще до революции. Не все из их слушателей понимали это слово, но с ним связывалось что-то хорошее, светлое. Теперь якуты «автономию» получили. Конечно, ничего не изменилось, но почувствовать этого они еще не успели. Мало того, под флагом защиты своей «автономии» большевики теперь вели их мобилизацию. Сколько-нибудь значительной поддержки Пепеляев не дождался, зато потерял фактор внезапности и инициативу. А вскоре завяз в боях.

Отряд Строда, обнаружив засаду Артемьева, сделал вид, что по-

ворачивает назад, но обошел ее по другой дороге. Его движение засекли уже вблизи Амги, и Пепеляев допустил вторую ошибку. Вместо того чтобы раздавить врага крупными силами, послал лишь офицерскую роту под командованием генерала Вишневого. Расчет был на внезапность нападения. Ночью 13.02 рота с партизанами Артемьева атаковала красных в аласе (зимовье) Сасыл-Сысы. Действительно, напасть удалось неожиданно. Строд был ранен, красные почти сломлены, оба их пулемета вышли из строя, схватка перешла в рукопашную. Большевики уже терпели поражение, но они захватили с собой из Петропавловского большой обоз боеприпасов, в котором оказалось много ручных гранат. Ими и отразили атаку Вишневого в ближнем бою. Обе стороны понесли большие потери. Лишь после этого подошел Пепеляев с главными силами дружины. И допустил следующую ошибку. Считая поражение красных очевидным и не желая лишнего кровопролития, затеял со Стродом переговоры о сдаче. Тот попросил время с 11 до 16 часов, якобы для совещания с отрядом. За этот срок красные возвели вокруг аласа полевые укрепления, исправили пулеметы и хорошо изготавились к бою. А еще одна ошибка, которую сделал Пепеляев, — не отступил от Сасыл-Сысы. Не оставил потрепанный Петропавловский отряд в своем тылу, сковав небольшими заслонами или даже дав ему выйти из удобного для обороны места, а связался боем со Стродом. Отчасти из-за того, что считал для себя, когда-то бравшего большие города, унижительным отступить от какого-то зимовья, отчасти желая заполучить богатый обоз боеприпасов. Предпринималось несколько штурмов, возобновлялись переговоры, день за днем гремела снайперская перестрелка, а положение оставалось прежним. Открытая поляна, пулеметы, густо рассыпаемые гранаты делали позицию красных неприступной. От отряда Строда мало что осталось, но несла потери и дружина, а в ней каждый человек был на счету. И терялось драгоценное время.

Обстановка начала меняться. Батальон Ракитина, действовавший против советских войск в Чурапче, потерпел поражение, попытавшись взять село Тюнгюлю, где укрепился гарнизон в 60 чел. Тотчас же красный отряд Курашева с артиллерией выступил из Чурапчи на Амгу. Пепеляев наконец-то оставил осажденные остатки Петропавловского отряда и с ядром дружины пошел Курашеву наперерез. Дважды устраивались засады, однако красные маневрировали, обходили их и 1.03 подступили к Амге. Завязался ожесточенный фронтальный бой. Несмотря на наличие пушек, одолеть дружину Курашев не мог. И красные, и белые несли потери, но не уступали друг другу. Однако в это время из Якутска подошел с войсками Байкалов. За две недели подаренной ему передышки он успел подготовить к бою свои части, пополнить их мобилизованными, собрать мелкие гарнизоны из ближайших к Якутску пунктов. 3.03.23 г. Сибирская Добровольческая дружина была разбита и оставила Амгу.

Пепеляев уходил на восток. Байкалов направил красные войска преследовать его и окончательно уничтожить белых. Но опять тысячекilометровый путь через зимнюю тайгу, горные хребты и морозы оказался под силу лишь измученному и обескровленному белому отряду. Большевики не смогли одолеть эту дорогу и прекратили погоню. На охотское побережье вернулась едва половина тех, кто начинал поход

в Якутию. Потери, болезни, отсутствие боеприпасов лишали их возможности дальнейших активных действий. Они не могли даже спастись без посторонней помощи — а оказать ее было некому. Оставалось надеяться на случай. На то, что в здешние воды забредет какое-нибудь иностранное судно. Однако в 23 г. японцы и американцы, бывшие здесь когда-то частыми гостями, опасались соваться к беспокойным русским берегам. И первыми появились красные.

Находясь на побережье, Пепеляев был все еще опасен коммунистам. Его имя, наличие каких-то белых сил на территории России могли способствовать новым волнениям, порождая надежды на избавление. Едва открылась навигация, два батальона 2-й Приамурской дивизии, 800 персонально отобранных бойцов под командованием Вострецова, на двух пароходах были отправлены морем против Пепеляева. Даже имея большое численное превосходство, Вострецов действовал осторожно. В Аяне еще с русско-японской войны имелось несколько старых береговых орудий, поэтому экспедиция сначала взяла курс на Охотск, где базировались остатки батальона Ракина. Недалеко от Охотска десант высадился и с суши внезапно атаковал городок. Батальон белых был разгромлен мгновенно. Кого перебили, кого взяли в плен. Дальше Вострецов двинулся на Аян — по берегу, откуда Пепеляев не ждал опасности. Скрытно подойдя к нему, красные ночью ворвались в город, сразу же нацелив главный удар на штаб командующего, окружив его и отрезав от подразделений дружины. Видя полную невозможность дальнейшего сопротивления, которое обернулось бы односторонней бойней, Пепеляев отдал приказ сложить оружие. 17 июня 1923 г. последний очаг «белогвардейщины» в России был ликвидирован. Пепеляева судили, приговорили к расстрелу. Затем помиловали, заменив приговор 10-летним сроком заключения. Так он и сгинул где-то в лагерях.

119. ЖИЗНЕННЫЕ ДОРОГИ

Пусть не всегда подобны горнему
снегу одежды белого ратника — да
святится вовеки память его!

И. А. Бунин

Остается, хотя бы коротко, рассказать о белогвардейских судьбах. У каждого они складывались по-разному. Разбросанные по разным странам люди устраивались, кто как может. Генерал-квартирмейстер деникинского штаба ген. Ю. Н. Плющик-Плющевский умер от разрыва сердца, работая грузчиком. Генерал И. Г. Эрдели и адмирал Г. К. Старк трудились в Париже шоферами такси. Генерал М. Ф. Квицинский стал в Швеции сапожником, генерал Тынов — чистильщиком обуви. Актером стал генерал Поляков (отец Марины Влади.) Генерал С. Г. Улагай служил в албанской армии. Генерал А. Г. Шкуро создал из казаков цирковую конную труппу и выступал с нею. А белогвардеец Иван Беляев был в Парагвае признан... святым. Он был из тех, кого судьба забросила в Южную Америку, и в 30-х годах поступил на парагвайскую службу, где выиграл войну с Боливией и близко

сошелся с индейцами, много помогая им и часто защищая. И столь ярко проявил лучшие качества русского офицера, что до сих пор индейцы-мака в своих верованиях чтут его как «сына Бога и брата Иисуса Христа».

Генерал А. И. Деникин зарабатывал литературой. Сначала жил в Бельгии и Венгрии, где жизнь была дешевле, а в 1920—1926 гг. вышли в свет его пятитомные «Очерки русской смуты», сразу завоевавшие широкую популярность и ставшие классикой мемуарной литературы. Деникин с семьей перебрался в Париж, где вышли в свет его новые книги — «Офицеры» и «Старая армия». Был близок с Буниным, Куприным, Шмелевым, Бальмонтом, Цветаевой. Литературой занялся и атаман Краснов. Кроме воспоминаний, он создал ряд повестей из казачьей жизни.

А кое-кто еще продолжал воевать. Один из сподвижников атамана Семенова, ген. Нечаев, сформировал в Харбине Русскую дивизию численностью 12 тыс. чел., которая в 1924—1927 гг. участвовала в китайской гражданской войне на стороне Чжан Цзолиня против революционных войск. Хотя, по сути, белогвардейцы тут выступали уже наемниками, но они рассматривали это как продолжение общей борьбы против большевизма — уже на китайской земле, поскольку в революционной армии сражалось много коммунистов, а руководили ее действиями советские военные специалисты во главе с Блюхером.

Обвинения белой эмиграции в терроризме в настоящее время повисли в воздухе, как только выяснилось, что все громкие процессы 20-х годов — дело «Промпартии», «Шахтинское дело» и др. были дутыми, а авторами почти всех политических убийств в СССР являлись свои же, советские спецслужбы. Некоторые белогвардейцы действительно пробовали пойти по пути террора, но их организации были слабенькими и малочисленными. Само воспитание и мораль русских офицеров делали их никуда не годными конспираторами и террористами. За границей у них еще кое-что получалось — убийства Воровского, Нетте. Но в обстановке Совдепии офицер, пробравшийся из-за границы, оказывался «виден за версту». При общей атмосфере слежки и подозрительности он становился легкой добычей ОГПУ, и в СССР нельзя назвать ни одного удавшегося теракта.

С этой точки зрения опасность для большевистских лидеров могли представлять эсеры — но их партию разгромили в 22-м, сделав ее руководителей заложниками с отсроченным смертным приговором. Опасались коммунисты и такого боевика, как Б. В. Савинков. Поэтому против него был направлен один из главных ударов спецслужб. Если белый терроризм размаха не получил, то красный набирал силу. В 20-х годах ОГПУ предприняло ряд крупномасштабных провокаций по созданию в СССР фиктивных подпольных организаций для выявления по стране антисоветски настроенных элементов. На одну из таких организаций поймали и Савинкова, спровоцировав его переход границы. 16.08.24 он был арестован. Военная коллегия Верховного суда приговорила его к расстрелу. Но провокация получила и дальнейшее развитие. «Учитывая признание Савинковым Советской власти», приговор ему заменили 10-летним заключением. От его имени выпустили покаянные письма к соратникам о прекращении борьбы и сотрудничестве с СССР — подделкой их занимался не кто иной,

как Я. Блюмкин, убийца посла Мирбаха в 18-м. А затем инсценировали самоубийство Савинкова — он был сброшен в лестничный пролет внутренней тюрьмы на Лубянке.

Началась настоящая охота на антикоммунистических лидеров. По тому же сценарию на фиктивную украинскую организацию заманили в СССР и убили атамана Ю. Тютюнника. В 1926 г. в Париже евреем Шварцбадом был застрелен С. В. Петлюра. Якобы из личной мести. Там же бесследно исчез ген. Монкевиц, отвечавший в РОВС за связи с русским подпольем. В 1927 г. заманили на советскую территорию, осудили и расстреляли популярного среди казахов атамана Анненкова.

В 1928 г. в возрасте 49 лет умер председатель Русского Общевоинского Союза П. Н. Врангель. Обстоятельства его смерти многие находили подозрительными. Тем более что вскоре, тоже при неясных обстоятельствах, скончались великие князья Николай Николаевич и Кирилл Владимирович, т. е. оба претендента на звание местоблюстителя русского престола. Почти одновременно погибла вся «верхушка», как бы символизировавшая собой прежнюю Россию.

В 1929 г. бывший генерал Я. А. Слащев, зачисленный в Красную армию, преподававший тактику на высших курсах командного состава «Выстрел» и в высшей школе ОГПУ, был застрелен в собственной квартире. Дело тоже осталось темным. Его быстренько замяли, обвинив в убийстве одного из слушателей. «Из личной мести». В том же году во время конфликта на КВЖД отряды чекистов совершили налет на поселки казаков-эмигрантов в Китае, истребив сотни мирных поселенцев. Свыше 600 чел. угнали в СССР.

После смерти Врангеля председателем РОВС стал А. П. Кутепов. В январе 1930 г. в Париже среди бела дня он был похищен ОГПУ. Его втолкнули в машину, усыпили эфиром, вывезли на побережье и переправили на советский пароход «Спартак». А. Солженицын писал, что Кутепов был убит на Лубянке, хотя его врач Алексинский считал, что из-за прошлых ранений Кутепов не смог бы выдержать действия наркотиков. На посту председателя РОВС убитого командира сменил его начальник штаба Е. К. Миллер. Любопытно, что А. И. Деникин проявил в эмиграции и недюжинные детективные способности. Так, сопоставляя различные факты, он еще в 26 г. определил, что якобы существовавшая в России подпольная организация «Трест», с которой связался Кутепов, является грандиозной провокацией ОГПУ, а в 27 г. пришел к неожиданному выводу, что на чекистов работает... командир Корниловской дивизии ген. Скоблин. Это было действительно так, Скоблина обработали и завербовали через жену, знаменитую певицу Плевицкую. Но неоднократные предупреждения Деникина в адрес Кутепова и Миллера не дали результатов — прямых доказательств не было, а косвенные заключения воспринимались как излишняя осторожность старого перестраховщика.

Но конспиратором он был куда лучшим, чем другие белые начальники, и хотя тоже вел серьезную антикоммунистическую работу, о «деникинской организации» в отличие от кутеповской до сих пор почти ничего не известно. Мы знаем лишь, что «комитет Мельгунова», как условно называлась эта организация, издавал журнал «Борьба за Россию», часть тиража которого нелегально переправлялась в СССР,

и участвовал в сборе и распределении средств для организаций, активно борющихся с коммунизмом. Все записи своевременно уничтожались Деникиным, а разговоров на данную тему он никогда не вел.

Небезынтересно, что пик политического терроризма пришелся на вторую половину 20-х годов. Т. е. как раз на годы раскулачивания и коллективизации. Поэтому вовсе не исключено, что коммунистическая верхушка опасалась возобновления гражданской войны и убирала тех, кто мог бы способствовать сопротивлению или возглавить его. Как известно, восстания действительно были, особенно сильные на Кубани, где казаки вырубili два полка Красной армии, а на подавление бросались танки и авиация. Но всеобщего размаха такие стихийные взрывы уже не получили. В 30-х годах уровень международного терроризма чекистов несколько снизился. Во-первых, русское крестьянство было окончательно побеждено, во-вторых, лучшие «международники» ОГПУ были троцкистами и попали под репрессии, а в-третьих, у спецслужб началась горячая пора внутри СССР.

Однако в сентябре 1937 г. последовали новые акции. 20.09 на квартиру к Деникину, когда он был один, явился Скоблин, настойчиво приглашая его в поездку на автомобиле за город. Деникин, будучи настороже, отказался. Предусматривался и силовой вариант увоза — в машине ждали сигнала двое неизвестных. Но неожиданно пришел здоровенный казак, которого Деникин пригласил помочь в ремонте, и Скоблин удалился. А через два дня был похищен Миллер. Его заманили на «деловую встречу», в грузовике с дипломатическими номерами вывезли в ящике в Гавр и погрузили на пароход «Мария Ульянова». Но у Миллера все же были подозрения, и он оставил письмо, что идет на встречу со Скоблиным. В результате агенты были разоблачены, Плевницкая получила 20 лет и умерла в тюрьме, а Скоблину удалось скрыться. Он пробрался в Испанию, где шла гражданская война, и в расположении республиканцев явился к советским чекистам, однако его поспешили убрать, как отработанную и компрометирующую фигуру.

Как ни парадоксально, немец Миллер пал жертвой своей антигерманской и антинацистской ориентации. В это время Советский Союз взял курс на сближение с гитлеровской Германией. Сторонники французской ориентации в европейском противостоянии во главе с Тухачевским были уничтожены, а само наметившееся было сближение с Францией оказалось торпедированным. Кстати, компромат на Тухачевского, чтобы он попал в СССР извне, из Германии, чекисты подбросили Гейдриху все через того же Скоблина, ставшего к тому времени двойником и работавшего и на ОГПУ, и на гитлеровскую СД. Советская сторона рассчитывала направить агрессию Гитлера на запад, и в рамках этой политики раньше других началось тесное сотрудничество большевистских и германских спецслужб. В частности, возник план превратить РОВС в прогерманскую «пятую колонну» в западных странах. А патриотическая позиция Деникина и Миллера мешала этому.

Приближение Второй мировой войны раскололо эмиграцию. Вероятность и близость советско-германского столкновения, как ни странно, оказалась для русского зарубежья куда более очевидной, чем для коммунистического руководства. По крайней мере никто, подобно

Сталину или Ворошилову, не верил в возможность прочного советско-германского союза против Запада. А война требовала выбора позиции — как воспринимать Советский Союз? Все еще как Российскую державу — распятую, униженную, но родную? Или как коммунистическое государство, не имеющее ничего общего с уничтоженной Россией? Каждый решал этот вопрос по-своему...

После смерти Миллера РОВС, как и рассчитывали чекисты, возглавил прогермански настроенный ген. Ф. Ф. Абрамов, бывший командующий Донским корпусом и 2-й армией у Врангеля. Но пробыл он на этом посту всего полгода, и в марте 1938 г. вынужден был уйти в результате скандала — когда выяснилось, что его сын является советским агентом. Председателем стал ген. А. П. Архангельский. Однако РОВС, детище Врангеля, стал уже распадаться. В сторону германской ориентации тянул начальник 2-го отдела РОВС (Германия, Австрия, Прибалтика) А. А. фон Лампе, образовавший в 39 г. независимое Объединение русских воинских союзов в Германии. На Дальнем Востоке после смерти в 1937 г. Д. Л. Хорвата и М. К. Дитерихса на роль единоличного вождя эмиграции претендовал Г. М. Семенов. Авторитет у Архангельского был далеко не тот, что у его предшественников (при Деникине он служил генералом для поручений, при Врангеле — начальником одного из отделов штаба). А с началом войны РОВС распался окончательно. Мир разделился фронтами, и о какой-либо связи русского офицерства в разных странах думать не приходилось. Изначальная задача РОВС — сохранение кадров российской армии — ушла в прошлое. А классический лозунг белогвардейцев «Кубанский поход продолжается!» потерял смысл, т. к. антисоветская борьба становилась антироссийской, а поддержка России означала бы отказ от борьбы с ее коммунистическим правительством.

Некоторые белогвардейцы заняли позицию «хоть с чертом, но против большевиков» — Краснов, Шкуро, Семенов, Султан-Гирей Клыч и др. Краснов и Шкуро надеялись поднять казаков для войны в союзе с Германией. В Маньчжурии ген. Бакшеев пытался формировать Захинганский казачий корпус. Осуждать их за это или оправдывать — вопрос неоднозначный. Во всяком случае, понять их можно. Они боролись не за Гитлера, а против большевиков. Душой они навсегда остались в прошлом, в гражданской войне, а значит, воевали вовсе не «против своих» — красные для них никогда не были «своими». Они и Дон с Кубанью представляли себе прошлыми, поэтому их агитация особого успеха не имела. Да и немцы не давали им широко развернуться. Держали, вроде как про запас, не доверяя русским — ведь они оставались патриотами. Старались сохранить особую позицию союзников, а не подчиненных. А с подобными союзниками можно было и обжечься. Например, украинские националисты, в 41 г. действовавшие совместно с Германией, увидев лживость обещаний о «самостийности» и бесчинства оккупантов на Украине, уже в 42 г. повернули оружие против вчерашних союзников и повели войну на два фронта — против коммунистов и против фашистов. То же в 45 г. сделали власовцы.

Можно отметить и такую закономерность, что к сотрудничеству с Германией в основном склонялись сепаратистские и националистические круги (казаков Гитлер признавал отдельной нацией, при-

том относил ее к «полноценным»). Основное же ядро белой эмиграции заняло патриотическую позицию. Ее тоже нетрудно понять, если вспомнить, что и в гражданской войне на белой стороне была национально-государственная идея в противовес большевистской интернационально-классовой. Так, Деникин еще до войны вел активную пропаганду против сотрудничества с нацистской Германией, выдвинув двуединый лозунг: «Свержение большевизма и защита России». Он предсказывал, что Красная армия является единственной силой в Европе, способной сокрушить нацизм. И верил, что она сначала «храбро отстоит русскую землю, а затем повернет штыки против большевиков».

В 1940 г., после оккупации немцами Франции, Деникины бежали на юг, остановившись в пос. Мимизан. От заманчивых предложений немцев о сотрудничестве и переезде в Германию 70-летний генерал отказался, предпочитая жить в нищете. Его книги были запрещены, он жил огородничеством, ловил рыбу. И занимался антифашистской работой, слушая с женой радио, распространяя запретную информацию среди населения и продолжая агитацию среди эмигрантов против службы на нацистов. Общался с размещенными здесь власовцами, советуя им в бою переходить на сторону англо-американцев. Собирали материалы о зверствах нацистов и положении русских пленных — он был одним из первых на Западе, кто заговорил о двойной трагедии этих людей, преданных собственным правительством и уничтожаемых немцами.

А в США фонд помощи Красной армии возглавила великая княжна Мария Павловна. Активную деятельность в поддержку России вел бывший протопресвитер врангелевской армии о. Вениамин, ставший с 1938 г. митрополитом православной церкви в Северной Америке. Многие белоэмигранты и их дети сражались в американской и французской армиях, участвовали в движении Сопротивления во Франции, Чехословакии, Югославии, впоследствии были награждены орденами и медалями, даже советскими (как правило, посмертно). Хотя там, где война велась не против своего народа, разделение получилось еще более сложным и запутанным. В Албании против партизан сражался ген. Улагай, там же скончавшийся в 1944 г. В Югославии были русские «охранные части», действовавшие в составе вермахта против партизан (против коммунистов) под командованием бывшего белого генерала Б. А. Штейфона. Но и в составе партизан воевало много русских. Бывший полковник Ф. Е. Махин стал генерал-полковником в армии Тито. До генерала Народно-освободительной армии Югославии дослужился и белоэмигрант инженер В. Смирнов. Бывший командир деникинского полка М. Жимерский стал главнокомандующим Войска Польского, кавалером ордена Победы.

Окончание войны еще раз перемешало эмиграцию. При бомбежке Берлина погиб бывший гетман Скоропадский. В Маньчжурии во время операции против Квантунской армии специальные десантные отряды НКВД захватили Семенова, Бакшеева и их ближайших соратников. В 1946 г. они были осуждены и казнены. Всех русских, сотрудничавших с Германией и Японией и искавших убежища у англичан с американцами, союзники выдали СССР. Краснов, Шкуро, Султан-Гирей, Клыч и лица, проходившие с ними по одному делу, были пове-

шены в 1947 г. Другие белогвардейцы, примкнувшие к неприятелю, пошли кто под расстрелы, кто по лагерям. Вместе с ними, с власовцами, с репатриантами, союзники одним махом выдали и тех русских, кто никогда никакого дела с немцами не имел, но бросился на запад искать убежища из стран, занимаемых Советской армией. Так сказать, «до кучи», не особо разбираясь. Этим беженцам вообще «не повезло». Их, тоже не особо разбираясь, ждала судьба всех выданных, лагеря или расстрелы. А в государствах, вошедших в советскую зону оккупации, особые отделы брали поголовно только тех, кто бежал из России уже в советские годы — от коллективизации, голода и т. п. Белоэмиграцию почти не тронули, арестовав лишь отдельных, самых заметных ее представителей. Так в Праге был арестован 75-летний генерал Н. Н. Шиллинг, там же умерший в 1945 г.

Некоторые белогвардейцы после войны пожелали вернуться в СССР. Например, один из лучших летчиков мировой и гражданской войн, командующий врангелевской авиацией генерал В. М. Ткачев, проживавший в Югославии и отвергший неоднократные предложения немцев о сотрудничестве. Митрополит Вениамин участвовал в 1945 г. в избрании Московского патриарха Алексия, в 1954 г. получил советское гражданство и переехал из США на родину. Он возглавлял Рижскую, затем Ростовскую и Саратовскую епархии, а закончил жизнь в 1961 г. в Псковско-Печерском монастыре.

Другие доживали век на чужбине. Победы Советской армии во многом затмили в глазах общественности бесчеловечность коммунистического режима, антисоветские взгляды зачастую стали подвергаться обструкции. Поэтому, например, Деникин вынужден был из Парижа переехать в США. Здесь он разработал и направил правительствам США и Англии меморандум «Русский вопрос», где доказывал, что в случае войны нельзя смешивать советскую власть и русский народ. Один из немногих в то время поднимал голос против выдачи Сталину казаков и власовцев. В Америке он начал работу над книгами «Путь русского офицера» и «Вторая мировая война, Россия и зарубежье». Эти работы остались незавершенными — 7.08.47 он скончался. Последние его слова были: «Вот не увижу, как Россия спасется!» И просил перед смертью, чтобы после освобождения России от большевиков его прах был перевезен на Родину.

Кое-кто дотянул до глубокой старости. Фон Лампе, скончавшийся в 1967 г. в Париже в возрасте 82 лет. Корниловский первопоходник, затем командир дивизии ген. А. Н. Черепов, умерший в 1964 г. в Нью-Йорке в возрасте 87 лет. Ген. Ф. Ф. Абрамов прожил 93 года, да и то погиб не своей смертью — в 1963 г. он скончался в США, сбитый автомобилем. В Европе и Америке белоэмиграция постепенно ассимилировала, растворяясь последующими поколениями в коренном населении. Но в Северном Китае еще долго сохранялись русские кварталы в городах, поселки и казачьи станицы. С 1954 г. оттуда началось массовое возвращение в СССР: в Китае установилась власть Мао Цзэдуна, пошли его попытки коллективизации и другие эксперименты, а затем и антисоветские кампании, в результате которых русское население подвергалось травле, окружалось атмосферой шпиономании; а в Советском Союзе, наоборот, наступила «хрущевская оттепель». Последняя партия казаков, около 30 тыс. чел., вернулась

из Китая в 1960 г. Расселенных по Сибири и Казахстану, их охотно брали колхозы и совхозы, как редких работников — хозяйственных, трудолюбивых, не развращенных еще социалистической безалаберностью, не ворующих и не спившихся. Но вернувшиеся, конечно, были уже детьми и внуками тех, кто в 1920—1922 гг. ушел за рубеж...

120. НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ...

...Настанут дни, и вихрь кровавый
От нас умчится навсегда,
Взлетит опять орел двуглавый,
И сгинет красная звезда...

Граф Н. Зубов. Крым, 1920 г.

Большевики в 1917 г. совратили Россию, главным образом, обещаниями немедленного выхода из «империалистической бойни». Этим же «плюсом» советская литература частенько пыталась оправдывать все лишения революции и гражданской. Да, мировая война была жестокой. Позиционной, на перемалывание живой силы. Россия потеряла в ней около 2 миллионов человек (правда, в это число входят не только убитые, но и раненые). Революция и гражданская война, спасшие страну от «бойни», унесли, по разным оценкам, 14—15 миллионов жизней. Плюс 5—6 миллионов жертв голода 1921—1922 гг. Итого — 19—21 миллион погибших. 2 миллиона эмигрировали. Маршал Жуков в своих «Воспоминаниях и размышлениях» оценивал боевые потери Красной армии в 800 тыс. убитых и раненых. В более поздних советских изданиях (напр. М. Акулов, В. Петров, «16 ноября 1920 г.», М., 1989 г.) приводится уже другая цифра — 1 миллион только убитыми. Полагая боевые потери сторон примерно равными, мы увидим, что только на фронтах гражданской Россия понесла урон не меньший, чем на фронтах «империалистической» (уже шедшей к концу). Остальные миллионы жизней — это голод, эпидемии, разруха и террор. В каких пропорциях они между собой соотносились? А имеют ли здесь смысл пропорции? Эпидемии, вызванные разрухой... Смертность от эпидемий, вызванная недоеданием... Разруха и недоедание, вызванные национализацией и комиссарским хозяйствованием... Куда, например, отнести согнанных со своих мест беженцев, погибавших от тифа и замерзавших на дорогах? Или «буржуев», запертых зимой 1920/21 г. в Крыму на вымирание от голода и болезней? Или голод в Поволжье, вызванный политикой хлебной монополии и продразверстками? Это террор или «естественные» причины?

Итоги гражданской войны, в конце концов, оказывались трагическими не только для противников, но и для сторонников советской власти. Судьбы тех, кто сражался на красной стороне, вряд ли можно назвать лучшими, чем судьбы белогвардейцев. Еще в ходе войны началась практика устранения «лидеров» — всех, кто имел какое-то самостоятельное мышление и пользовался авторитетом в народе. И, следовательно, представлял потенциальную опасность для коммунистической верхушки. Автономов, Сорокин, Кочубей, спасавшийся от

красного расстрела и угодивший к белым. Едва сумел избежать расправы Махно. В 1920 г., едва завершился разгром Деникина, в результате довольно темной истории расстреляли Б. М. Думенко со всем штабом 2-го кавкорпуса. В феврале 1921 г. арестовали, а 2.04.21 расстреляли командующего 2-й Конармией Ф. К. Миронова. Тут уж даже формального повода и суда не было, просто прикончили в Бутырках, и все. Очевидна причастность к убийству Ленина, 5.03.21 он писал: «Секретно. Т. Склянский! Где Миронов теперь? Как дело обстоит теперь? Ленин». Из грифа видно, что речь шла не о праздном любопытстве. Впрочем, приговор Миронову вынесли еще в 19-м, но до конца войны он был нужен.

В 1922 г. при странных обстоятельствах погиб, сбитый машиной, Тер-Петросян (Камо), полезший было в нужды армянского народа. В 1925 г. последовала целая серия смертей. Застрелен Котовский. Убийцу весьма подозрительно выпустили из-под ареста и подставили под пули соратников Котовского. В авиакатастрофе погиб Мясников. При ненужной, но в приказном порядке назначенной операции язвы желудка скончался Фрунзе. Незадолго он писал жене: «Я чувствую себя абсолютно здоровым, и как-то смешно не только идти, но даже думать об операции». Сбежавший потом за границу секретарь Сталина Бажанов свидетельствовал, что Сталин был причастен к убийству Фрунзе. Но в 25-м фигуру такого масштаба он не смог бы убрать без ведома своих соправителей — Зиновьева, Каменева, Бухарина. И уж во всяком случае, без ведома Дзержинского. Просто исходя из исторических параллелей (которые большевиками всегда изучались), партийное руководство сочло Фрунзе наиболее подходящей кандидатурой на роль Бонапарта российской революции. Оставлялись кадры типа Буденного, готовые по указке партии слепо рубить кого угодно и ни на какое лидерство заведомо не претендующие.

В начале 30-х пришел черед троцкистов, а в конце 30-х дождались своей очереди на расстрелы и другие активные участники гражданской войны и революции. А. И. Солженицын писал: «Большинство их, стоявших у власти, до самого момента собственной посадки безжалостно сажали других, послушно уничтожали себе подобных по тем же самым инструкциям, отдавали на расправу вчерашнего друга или соратника. И все крупные большевики, увенчанные теперь ореолами мучеников, успели побыть и палачами других большевиков (уж не считая, как прежде того все они были палачами беспартийных). Может быть, 37-й год и нужен был для того, чтобы показать, как мало стоит все их мировоззрение, которым они так бодро хорохорились, разворачивая Россию, громя ее твердыни, топча ее святыни. Россию, где им самим такая опасность не угрожала. Жертвы большевиков с 1918 г. по 1936 г. никогда не вели себя так ничтожно, как ведущие большевики, когда пришла гроза на них. Если подробно рассмотреть всю историю посадок и процессов 1937—1938 гг., то отращение испытываешь не только к Сталину с подручными, но к униженно-гадким подсудимым, омерзение к душевной низости их после прежней гордости и непримиримости». Действительно, коммунисты попали в свою собственную мясорубку и старательно уничтожали

друг друга. В трибуналах 37-го заседали те, кто пошел под трибунал в 38 и 39-м... Расстрелом Тухачевского командовал Блюхер...

Размышляя об истории нашего государства, можно прийти к заключению, что при ленинском курсе развития период репрессий 30-х годов был закономерен. В той или иной степени, в той или иной форме неизбежен. Ведь кроме подозрительности Сталина и партийной междоусобицы, имелись и другие причины. В 30-х годах вступало в активную жизнь новое поколение, не видевшее воочию ни революции, ни гражданской, ни голода, ни продразверстки. Не только для Сталина, создающего себе новый имидж, но и для всей партии именно в это время требовалось создание новой истории — чистой, светлой и благородной. Как раз в 30-х резко меняется литература, от откровенного описания в 20-х красных жестокостей, заведомо оправданных «классовым подходом», — к описанию красной непорочности. А создание новой истории требовало устранения нежелательных свидетелей и самых активных участников террора в гражданскую. Именно они составили столь заметную плеяду жертв — Смилга, Дыбенко, Бела Кун, Лацис, Петерс, Уншлихт, Тухачевский и др. Подтверждением этой версии служит подмеченная Солженицыным закономерность — периоды репрессий против «старых партийцев» в разных социалистических странах наступали примерно через одинаковые промежутки времени после прихода коммунистов к власти (например, «культурная революция» в Китае).

Косвенным итогом победы коммунизма в России с полным основанием можно считать и германский нацизм. Не говоря уж о советской помощи военному возрождению Германии, именно ленинизм проложил нацизму путь. Система тоталитаризма была опробована впервые — и показала, что так править *возможно*. Что подобное сойдет с рук — и внутри страны, и со стороны международного окружения. Что сочетанием повального террора и оболванивающей пропаганды возможно изменить до неузнаваемости целые народы. Что, если уничтожать людей миллионами, гром не грянет и земля не разверзнется... Да и чем, в сущности, классовая теория лучше расовой? То же превосходство по праву рождения, превосходство классовое — чем лучше расового превосходства? Гитлер добивался счастья для «полноценной» расы, Ленин — для «полноценного» класса. Ленин в этом сравнении даже проигрывает. Гитлер шел по той же дорожке уже вторым, за Ильичем. И власть нацисты получили, в отличие от коммунистов, все-таки после законных выборов. Гитлер не намеревался подчистую рушить все устои прежней цивилизации, сохранил многие положения морали и нравственности, был терпим к религии, уважал право собственности, при выборе тех или иных политико-экономических ходов считался с общественным мнением внутри Германии. Наконец, Гитлер направил политику порабощения и геноцида на другие народы, а Ленин — на собственный... Кто же из них выглядит большим чудовищем?..

Демократические западные державы в результате своей русской политики оказались в огромном проигрыше. Гоняясь за мизерными и сиюминутными выгодами, копеечным выигрышем, они вместо России-союзницы (или даже России-соперника) получили Россию-

врага. 70 лет противостояния плюс подкармливаемые из СССР левые, забастовочные, террористические движения, уж наверное, обошлись им неизмеримо дороже, чем те усилия и средства, которые они пожалили для спасения России и помощи белогвардейцам.

Могло ли Белое Движение победить? В военном плане — да. Хотя это и связано с различными «если бы». Если бы в конце 18-го — начале 19-го союзники вмешались более активно. Если бы массовый взрыв антибольшевистских крестьянских восстаний случился не в конце 20-го — начале 21-го, а на год раньше. Если бы осенью 19-го поддержала Польша, а не гналась за сугубо персональной выгодой... Ну а к чему привела бы такая победа — кто знает? К восстановлению монархии в той или иной форме? К демократической республике? К очередному непрочному кабинету, вроде Временного правительства и каким-то дальнейшим политическим встряскам? Или к установлению диктатуры, вроде Пилсудского или Маннергейма, с последующей постепенной демократизацией? Гадать на эту тему бессмысленно. Подобные гипотезы лежат уже в области фантазий, а фантазировать о прошлом вряд ли было бы корректно.

Но можно перечислить реальные итоги Белого Движения. Те, которых оно достигло самым фактом своего существования и напряженной борьбы.

— Как погибла некогда Русь, заслонив собой Европу от монголо-татарских орд, так и Белое Движение, погибая в неравной схватке, спасло европейскую цивилизацию от большевистского нашествия. По крайней мере дважды. В первой половине 19-го, когда красные двинулись на запад, на соединение с венгерской и германской революциями, и летом 20-го, когда они прорывались через Польшу. (А можно добавить третий раз, в 22-м, когда размещение белых войск косвенно помешало экспорту революции на Балканы...) В первый, наиболее агрессивный период существования коммунизма, когда не угас еще революционный энтузиазм в России, а Европа была расшатана войной и послевоенными потрясениями, белогвардейцы приняли удар на себя и уберегли ее от глобальной катастрофы.

— Белое Движение на целых 10 лет отодвинуло реализацию коммунистических планов строительства «общества нового типа». Лишь в конце 20-х большевики смогли вернуться к проведению тех мер, которые пытались начать еще в 18-м: коллективизации, раскулачивания и т. п. Встретив сопротивление, они вынуждены были отступить. Свернуть и завуалировать экономические и социальные авантюры, смягчить режим, хотя бы временно и внешне, замаскировать репрессии и сократить их масштабы. Но в конце 20-х обстановка была уже другой. И сталинизм, даже в его законченном бесчеловечном виде, уже не дотянул до первоначальных ленинских проектов создания жуткого государства-машины с всеобщей трудовой повинностью под вооруженным контролем, с продразверсткой и пайковым снабжением вместо товарно-денежных отношений, с физическим устранением всех, не вписывающихся в схему, с «быстрым и серьезным наказанием» за любое отклонение. Т. е. до планов превращения страны в единый концлагерь с рабским трудом вместо последующего выделе-

ния в ней ГУЛАГов и пр. Фактически Белое Движение сорвало и похоронило эту чудовищную антиутопию.

— В обстановке революционного безумия, массового психоза, попирающего все святое, уничтожающего все общечеловеческие истины и понятия, Белое Движение спасло и сохранило, хотя бы для потомков, честь России, ее доброе имя. Честь и доброе имя русского народа.

— Белое Движение первым на планете столкнулось с таким порождением XX века, как тоталитаризм. И первым начало то, что сейчас мы называем «борьбой за права человека». Ведь если разобраться, то именно за права человека — на жизнь, на собственность, на гражданские свободы — оно сражалось и погибало.

Ранее уже говорилось, что преемник белых армий, Русский Общевоинский Союз, не был политической партией, а мыслился лишь как форма сохранения до лучших времен кадров российской армии, в качестве силы, способной возродить отечество. Уже в 30-е годы, по мере старения белого офицерства и генералитета, эта задача начала теряться. Кроме того, корни РОВС находились в гражданской войне, в Ледяных и Кубанских походах, Каховках и Волочаевках. Он жил этим прошлым и неминуемо нес на себе груз этого прошлого — старых заслуг и грехов, старых авторитетов и личных отношений, старых взглядов и оценок, старых приязней и неприязней. И в 1930 г. от него отпочковалась другая организация — Национальный Союз Русской Молодежи (позже — Национальный Союз Нового Поколения, еще позже — Народно-Трудовой Союз), созданный «вторым поколением» эмиграции — подрастающими детьми белогвардейцев, взрослеющей молодежью. Чтобы отгородиться от прошлого, разделившего белоэмиграцию на множество групп и течений, при образовании Союза были введены возрастные ограничения, в него принимали только лиц не старше 1895 г. рождения — тех, кому в гражданскую было 20—25. Взяв у РОВС лишь главную суть — продолжение борьбы с коммунистическим режимом, и цель — возрождение России на здоровых государственных началах, новый союз стал уже организацией политической. Это тот самый НТС, который в течение 60 лет всеми силами старался способствовать духовному, нравственному и политическому пробуждению России, с которым так долго и безуспешно боролся КГБ и который дожился до крушения коммунизма. Но это уже другая история...

А история Белой гвардии завершилась. В 1921 г., когда разбитые войска Врангеля были выброшены из России в Константинополь и беженские лагеря, крымский журналист А. А. Валентинов писал: «И казалось, какой-то насмешкой звучали звонкие и красивые слова последних приказов Русской армии для всех этих несчастных, искорверканных, издерганных людей. Европа, которую они защищали столько времени, не сумела и не захотела их понять. Так, пожалуй, им и в самом деле остается лишь одно: смело ждать суда будущей России».

Их «будущая Россия» — это мы с вами...

19.01.1999 Москва

БИБЛИОГРАФИЯ

1. А. В. Дневник обывателя./Архивы русской революции (АРР), т. 4, М., Terra-Политиздат, 1991.
2. Абдукаримов М. Эхо. М., Сов. Писатель, 1982.
3. Авдеев Н. Революция 1917 года. Хроника событий. М.—Пг., Госиздат, 1923.
4. Адмирал Александр Васильевич Колчак. М., Патриот, 1991.
5. Акшинский В. С. Климент Ефремович Ворошилов. М., Политиздат, 1974.
6. Акулов М., Петров В. 16 ноября 1920 г. М., Мол. Гвардия, 1989.
7. Алдан-Семенов А. Гроза над Россией. Командарм. М., Воениздат, 1984.
8. Александрова Н. Артем. М., Госиздат, 1922.
9. Александров К. К гражданской войне. Содействие, № 1, Вильнюс, 1991.
10. Александрович В. К познанию характера гражданской войны. Белград, 1926.
11. Алексеев Н. Н. Из воспоминаний./АРР, т. 17, М., Terra-Политиздат, 1993.
12. Андреев Ю., Воронов Г. Багряная летопись. М., Изд. ДОСААФ, 1988.
13. Ан-ский С. После переворота 25 октября 1917г./ АРР, т.8, М., Terra-Политиздат, 1991.
14. Антанта и Врангель. М.-Л., Госиздат, 1923.
15. Антонов-Овсеенко В.А. В революции. М., Госполитиздат, 1957.
16. Арбатов З.Ю. Екатеринослав, 1917—22 гг./АРР, т.12, М., Terra-Политиздат, 1991.
17. Аршинов П. История махновского движения. Запорожье, Дикое Поле, 1995.
18. Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской Социалистической революции. Сборник документов. М.-Л., 1957.
19. Беленко М. Махно и Полонский./Минувшее, т. 4, М., Прогресс, 1991.
20. Белое Движение: начало и конец. М., Моск. Рабочий, 1990.
21. Белое дело. Генерал Корнилов. М., Голос, 1993.
22. Белое дело. Дон и Добровольческая армия. М., Голос, 1992.
23. Белое дело. Кубань и Добровольческая армия. М., Голос, 1992.
24. Белое дело. Ледяной поход. М., Голос, 1993.
25. Белое дело. Летопись белой борьбы. Т. 1—6. Берлин, 1928.
26. Беляков П. Комсомол на фронтах. М., 1928.

27. *Бердяев Н. А.* Духи русской революции. Рига, 1990.
28. *Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., Наука, 1990.
29. *Бердяев Н. А.* Судьба России. М., Изд. МГУ, 1990.
30. *Березкин Ю. Е.* Инки. Исторический опыт империи. Л., Наука, 1991.
31. *Бернштейн Э.* Германская революция. Берлин—Дрезден, Восток, 1927.
32. *Берштам М.* Стороны в гражданской войне 1917—1922 гг. М., 1992.
33. *Бобылев П. Н.* На защите Советской республики. М., Наука, 1981.
34. *Бонч-Бруевич В. Д.* Воспоминания о Ленине. М., Наука, 1965.
35. *Бройде С. и М.* Ярославский мятеж. М., Госюриздат, 1930.
36. *Бруновский В.* Дело было в СССР./АРР, т.19, М., Терра-Политиздат, 1993.
37. *Будберг А.* Дневник./АРР, т.12—15, М., Терра-Политиздат, 1991.
38. *Будберг А.* Дневник. М., Мол. Гвардия, 1990.
39. *Бурсенев Ю., Хрусталеv В.* Гибель императорского дома. М., Прогресс, 1992.
40. *Быков П. М.* Последние дни последнего царя./АРР, т.17, М., Терра-Политиздат, 1993.
41. *Валентинов А. А.* Крымская эпопея./АРР, т.5, М., Терра-Политиздат, 1991.
42. *Василевский И. М.* Белые мемуары. Пг, 1923.
43. В годы гражданской войны. Сб. документов и материалов. Иваново, 1957.
44. Верховное Командование в первые дни революции. /АРР, т. 16, М., Терра-Политиздат, 1993.
45. *Веселый А.* Россия кровью умытая. М., Правда, 1987.
46. *Ветошкин М. К.* Революция и гражданская война на Севере. Вологда, 1927.
47. *Вигандт Л.* Таежный дед./Герои и подвиги. М., Воениздат, 1963.
48. В. И. Ленин и ВЧК. Сб. документов (1917—1922 гг.). М., Политиздат, 1987.
49. *Виллиам Т.* Побежденные./АРР, т.7, М., Терра-Политиздат, 1991.
50. *Виткинд Н. Я.* Материалы к библиографии истории гражданской войны на Советском Востоке. М., 1934.
51. *Вишневский В. В.* Очерки./Матросы. М., Современник, 1987.
52. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 19, М., 1978.
53. Владимир Ильич Ленин. Биография. М., Политиздат, 1972.
54. *Волковинский В. Н.* Махно и его крах. М., изд. ВЗПИ, 1991.
55. *Воронов С.* Петроград—Вятка в 1919—20 гг./АРР, т.1, М., Терра-Политиздат, 1991.

56. *Воронович Н.* Меж двух огней. Документы к воспоминаниям Вороновича./АРР, т.7, М.,Терра-Политиздат, 1991.
57. Воспоминания генерала барона П. Н. Врангеля. ч. 1—2, М., Терра, 1992.
58. Воспоминания о В.И. Ленине в 5-ти т. М., Политиздат, 1979.
59. *Вострышев М. И.* Божий Избранник. М., Современник, 1991.
60. *Врангель М. Д.* Моя жизнь в коммунистическом раю./АРР, т.4, М., Терра-Политиздат, 1991.
61. Выстрел в сердце революции. Под ред. Н. Д. Костина. М., Политиздат, 1983.
62. *Герасименко Н. В.* Батько Махно. М., Интеграф Сервис, 1990.
63. *Г. Лейхтенбергский.* Как начиналась Южная Армия./АРР, т.8, М., Терра-Политиздат, 1991.
64. *Голиков Д. Г.* Крушение антисоветского подполья в СССР (1917—1925 гг.) М., Политиздат, 1975.
65. *Голубев А. В.* Врангелевские десанты на Кубани. М.-Л., 1929.
66. *Гольденвейзер А. А.* Бегство./АРР, т.12, М., Терра-Политиздат, 1991.
67. *Гольденвейзер А. А.* Из Киевских воспоминаний./АРР, т.6, М., Терра-Политиздат, 1991.
68. *Гордеев А. А.* История казаков, т.5., М., Страстной бульвар, 1993.
69. *Горький М.* Несвоевременные мысли. М., Сов. писатель, 1990.
70. Гражданская война в СССР. В 2-х т. М., 1986.
71. Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1983.
72. Гражданская война на Украине. 1918—1920 гг., т. 1—3. Киев, 1967.
73. *Губельман М. И.* Большевик Лазо. М, Молодая гвардия, 1937.
74. *Гуль Р.* Киевская эпопея./АРР, т.2, М., Терра-Политиздат, 1991.
75. *Гуль Р.* Красные маршалы. М., Мол. Гвардия, 1990.
76. *Гусев С. И.* Гражданская война и Красная Армия. М., 1958.
77. *Даватиц В. Х., Львов Н.Н.* Русская армия на чужбине. Нью-Йорк, Посев, 1985.
78. *Данилов И.* Воспоминания о моей подневольной службе у большевиков./АРР, т.14, 16, М., Терра-Политиздат, 1993.
79. Дело Бориса Савинкова. М., Госиздат, 1924.
80. *Демьянов А. С.* Записки о подпольном Временном правительстве./АРР, т.7, М., Терра-Политиздат, 1991.
81. Денежные документы ген. Алексеева./АРР, т.5, М., Терра-Политиздат, 1991.
82. *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Вопросы Истории, 1990—1994 гг.
83. *Деникин А. И.* Путь русского офицера. М., Современник, 1991.
84. *Деникин А. И., фон Лампе А. А.* Трагедия Белой армии. М., Тритэ-Рос. Архив. 1991.
85. Деникин — Юденич — Врангель. Мемуары. М.-Л., 1927.
86. *Денисов С. В.* Белая Россия. СПб, Нева—Ладога—Онега, 1991.

87. *Дзержинский Ф. Э.* Избранные произведения в 2-х т. М., Политиздат, 1967.
88. *Диль З.* В Екатеринбурге./АРР, т.17, М., Терра-Политиздат, 1993.
89. Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922 гг.) Сборник документов в 4-х т. М., 1972.
90. *Дитерихс М. К.* Убийство царской семьи и членов дома Романовых на Урале. М., Скифы, 1991.
91. Дневник и воспоминания киевской студентки./АРР, т.15, М., Терра-Политиздат, 1993.
92. *Добровольский С.* Борьба за возрождение России в северной области./ АРР, т.3, М., Терра-Политиздат, 1991.
93. Доклад начальнику операционного отделения германского Восточного фронта о положении дел на Украине в марте 1918 г./АРР, т.1, М., Терра-Политиздат, 1991.
94. Доклад Центрального Комитета Российского Красного Креста о деятельности Чрезвычайной Комиссии в Киеве./АРР, т.6, М., Терра-Политиздат, 1991.
95. Документы к «Воспоминаниям» ген. Лукомского./АРР, т.3, М., Терра-Политиздат, 1991.
96. *Донской Р.* От Москвы до Берлина в 1920 г./ АРР, т. 14, М., Терра-Политиздат, 1991.
97. Допрос Колчака. Л, Госиздат, 1925.
98. *Доценко В.Д.* Каталог орденов и знаков отличия Белого Движения и русской военной эмиграции. СПб, Петрополис, 1992.
99. *Дроздов А.* Интеллигенция на Дону./АРР, т.2, М., Терра-Политиздат, 1991.
100. *Душенькин В.В.* Пролетарский маршал. М., 1973.
101. *Дыбенко П.* Революционные балтийцы. М., 1959.
102. *Дымов З.А.* Мои дорогие друзья. М., Политиздат, 1985.
103. *Е-ва С.* Строители земного рая./АРР, т.20, М., Терра-Политиздат, 1993.
104. *Ершов В.* Похищение генерала Кутепова. Вечерняя Рязань, № 69, 1993.
105. *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления, т.1, М., изд. АПН, 1974.
106. Журнал заседания совета министров Крымского краевого правительства./АРР, т.2, М., Терра-Политиздат, 1991.
107. *Знаменский А.* Красные дни. Роман-газета № 1—2, 1989.
108. *Игнатьев В.И.* Некоторые факты и итоги четырех лет гражданской войны. М, Госиздат, 1922.
109. *Игренов Г.* Екатеринославские воспоминания./АРР, т.3, М., Терра-Политиздат, 1991.
110. Из секретного доклада о причинах неудачи борьбы с большевиками на Северо-Западном фронте. /АРР, т.2, М., Терра-Политиздат, 1991.
111. Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. М, Госполитиздат, 1949.
112. *Иоффе Г. З.* Белое дело. М., Наука, 1989.
113. История гражданской войны в СССР. В 5-ти т. М., 1960.

114. *Казанович Б.* Поездка из Добровольческой Армии в красную Москву./АРР, т.7, М., Terra-Политиздат, 1991.
115. *Калинин М. И.* Избранные произведения. М., Политиздат, 1975.
116. *Капустянский А. П.* Поход дроздовцев. М, Русский путь, 1993.
117. *Кардашев Ю.* Буревестники. М., Мол. Гвардия, 1987.
118. *Каринский Н.* Эпизод из эвакуации Новороссийска./АРР, т.12, М., Terra-Политиздат, 1991.
119. *Карр Э.* История Советской России. Большевицкая революция 1917—1923 гг. т. 1—2, М., Прогресс, 1990.
120. *Квашнина-Самарина М. Н.* В красном Крыму. Примечания Л. Крафт./Минувшее, т.1, М., Прогресс, 1990.
121. *Квинтадзе Г. И.* Мои воспоминания в годы независимости Грузии 1917—1921 гг. Париж, 1985.
122. *Керенский А. Ф.* На историческом переломе. М., Прогресс, 1991.
123. *Клингер А.* Советская каторга./АРР, т.19, М., Terra-Политиздат, 1993.
124. *Книппер А.В.* Фрагменты воспоминаний с примечаниями К. Громова и С. Боголепова./Минувшее, т.1, М., Прогресс, 1990.
125. *Кобяков С.* Красный суд./АРР, т.7, М., Terra-Политиздат, 1991.
126. Колчак Александр Васильевич — последние дни жизни. Барнаул. Алтайское краев. изд-во. 1991.
127. Колчаковщина. Из белых мемуаров. Л., Красная газета, 1930.
128. Колчаковщина. Иркутск, Провинция, 1991.
129. *Комин В.В.* Нестор Махно. М., Моск. Рабочий, 1990.
130. *Кондратьев Н.Д.* Маршал Блюхер. М., 1965.
131. Конституция Уфимской Директории./АРР, т.12, М., Terra-Политиздат, 1991.
132. *Коротков И. С.* Разгром Врангеля. М., 1965.
133. *Костев Я.* Это было под Псковом./Герои и подвиги. М., Воениздат, 1963.
134. *Костин Н. Д.* Суд над террором. М., Моск. Рабочий. 1990.
135. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 1—2, М., 1970.
136. Красная книга ВЧК. М., Госиздат, 1920.
137. *Краснов В. М.* Из воспоминаний о 1917—20 гг./АРР, т.8—11, М., Terra-Политиздат, 1991.
138. *Краснов П. Н.* Всевеликое Войско Донское./АРР, т. 5, М., Terra-Политиздат, 1991.
139. *Краснов П. Н.* На внутреннем фронте./АРР, т.1, М., Terra-Политиздат, 1991.
140. *Кредер А. А.* Новая история, ч. 2. М., Центр гуманитарного образования, 1997.
141. *Критский Н.* Красная армия на Южном фронте./АРР, т.18, М., Terra-Политиздат, 1993.

142. *Кропачев М.* Ледовая осада./Герои и подвиги. М., Воениздат, 1963.
143. *Крупская Н. К.* Воспоминания о В. И. Ленине. М., Политиздат, 1972.
144. *Ксенофонтов И. Н.* Выход Советской России из империалистической войны. М., Знание, 1989.
145. *Кузнецов А.* О Белой армии и ее наградах. М., Столица, 1991.
146. *Лазо А.* Рассказ об отце./Герои и подвиги. М., Воениздат, 1963.
147. *Лазо О.* Боевой путь Сергея Лазо. М, Госполитиздат, 1938.
148. *Ларионов В. А.* Последние юнкера. Франкфурт-на-Майне, Посев, 1984.
149. *Латышев А. Г.* Ленин: первоисточники. М., Март, 1996.
150. *Латышев А. Г.* Рассекреченный Ленин. М., Март, 1996.
151. *Лацис М. Я.* Два года борьбы на внутреннем фронте. М., 1920.
152. *Лацис М. Я.* Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией. М., 1921.
153. *Лебедев В. А., Ананьев К. В.* Фрунзе. М., 1960.
154. *Левидов М.* К истории союзной интервенции в России. Л, Прибой, 1925.
155. *Левинсон А.* Поездка из Петербурга в Сибирь в январе 1920 г./АРР, т.3, М., Terra-Политиздат, 1991.
156. Легендарная Первая Конная. М., Изобразительное искусство, 1979.
157. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., изд. 5-е, в 55-ти т., М, Политиздат, 1971—1975.
158. *Леру Г.* Агония царской России. Харьков, 1928.
159. *Лехович Д.* Белые против красных. М., Воскресенье, 1992.
160. Листовки петербургских большевиков. 1902—1917. Л, Госполитиздат, 1939.
161. *Лишин Н. Н.* На Каспийском море. Прага, 1938.
162. Л. Л. Очерки жизни в Киеве в 1919—20 г.г./ АРР, т.3, М., Terra-Политиздат, 1991.
163. *Лукомский А. С.* Из воспоминаний./АРР, т.5—6, М., Terra-Политиздат, 1991.
164. *Майборода В.* С французами./АРР, т.16, М., Terra-Политиздат, 1993.
165. *Майер Н.* Служба в комиссариате юстиции и народном суде./АРР, т.8, М., Terra-Политиздат, 1991.
166. *Марягин Г.* Стратег и зодчий. М., Воениздат, 1986.
167. Махновщина и ее крах. Вопросы истории, № 9, М., 1968.
168. *М. В. Фрунзе.* Военная и политическая деятельность. М., 1984.
169. *М. В. Фрунзе.* Воспоминания друзей и соратников. М., 1965.
170. *Мейер И. П.* Как погибла царская семья. М., Возрождение, 1990.
171. *Мейснер Д. И.* Миражи и действительность. М., Изд. АПН, 1966.

172. *Мельгунов С. П.* Красный террор в России 1918—1923. М., 1990.
173. Меморандум Эстонского правительства Верховному Совету./АРР, т.3, М., Terra-Политиздат, 1991.
174. *Микоян А. И.* Дорогой борьбы, т.1. М., Политиздат, 1971.
175. Милая, обожаемая моя Анна Васильевна... М., Прогресс, 1996.
176. *Милюков П. Н.* Воспоминания. М., Политиздат, 1991.
177. *Миц И.* Английская интервенция и Северная контрреволюция. М.-Л., Соц.-Эконом. изд., 1931.
178. *Мироненко В. М.* Штурм века. М., Политиздат, 1988.
179. *Могиланский Н. Н.* Трагедия Украины./АРР, т.11, М., Terra-Политиздат, 1991.
180. *Мяснов Л.* Гибель Уральского Казачьего Войска. Нью-Йорк, Всеславянское изд-во., 1963.
181. *Набоков В.* Временное правительство./АРР, т.1, М., Terra-Политиздат, 1991.
182. *Наленч Д. и Т. Юзеф Пилсудский.* Легенды и факты. М., Политиздат, 1990.
183. Немеркнущие годы. Очерки и воспоминания о красном Петрограде. 1917—1919 гг., Л., 1957.
184. Новая оппозиция. Л., Прибой, 1926.
185. *Оболенский В.* Крым при Врангеле. М.-Л., Госиздат, 1928.
186. Образование Северо-западного правительства. Доклад Карташева, Кузьмича Караваева и Суворова./АРР, т.1, М., Terra-Политиздат, 1991.
187. О голоде. Харьков, Научная мысль, 1922.
188. Октябрьская революция. Мемуары. М., Орбита, 1991.
189. Октябрьская революция перед судом американских сенаторов. М., Профиздат, 1990.
190. 1917—1920 гг. Октябрьская революция и интервенция на Севере. Архангельск, 1927.
191. Описание польского отступления в 1920 г./АРР, т.1, М., Terra-Политиздат, 1991.
192. Организация власти на Юге России в период гражданской войны 1918—20 гг./АРР, т.4, М., Terra-Политиздат, 1991.
193. *Островский Н. А.* Собр. соч. в 3-х т. Примечания Е. И. Прохорова. М., Мол. Гвардия, 1974.
194. От первого лица. М., Патриот, 1990.
195. Отречение Николая Второго. М., Сов. писатель, 1990.
196. Очерк взаимоотношений Вооруженных сил Юга России и представителей французского командования./АРР, т.16, М., Terra-Политиздат, 1993.
197. *Палеолог М.* Царская Россия накануне революции. М., Политиздат, 1991.
198. Письмо генерала Гофа генералу Юденичу./АРР, т.1, М., Terra-Политиздат, 1991.
199. *Пионтковский С.А.* Гражданская война в России (1918—1921 гг.) Хрестоматия. М., Изд. ком. унив. им. Свердлова, 1925.

200. По дорогам гражданской войны. Алма-Ата, Казахстан, 1971.
201. *Поляков Н. Савинков перед советским судом./Неотвратимое возмездие. М., Воениздат, 1979.*
202. *Поляков Ю. А., Шишкин В. А., Мухачев Ю. В., Спирин Л. М., Волков Ф. Д. Антисоветская интервенция и ее крах, М., Политиздат, 1982.*
203. Последние дни императорской власти. Пг., Алконост, 1921.
204. *Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 г. в Петрограде. М., Прогресс, 1989.*
205. *Радзинский Э. Господи, спаси и умири Россию, М., Вагриус, 1993.*
206. *Раевский А. Английская интервенция и мусаватское правительство. Баку, 1927.*
207. *Рапопорт И. Полтора года в советском главке./АРР, т.2, М., Terra-Политиздат, 1991.*
208. *Рапопорт Ю. К. У красных и у белых./АРР, т.20, М., Terra-Политиздат, 1993.*
209. Революционные латышские стрелки. Рига, 1985.
210. Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. Деникин, Юденич, Врангель. М., Отечество, 1991.
211. *Рид Дж. 10 дней, которые потрясли мир. М., Госполитиздат, 1958.*
212. *Родзянко М. В. Государственная Дума и Февральская революция./АРР, т.6, М., Terra-Политиздат, 1991.*
213. *Родзянко М. В. Крушение империи./АРР, т. 17, М., Terra-Политиздат, 1993.*
214. *Ропшин В. (Б. В. Савинков) Конь вороной. М.-Л., Прибой, 1989.*
215. Россия на рубеже веков. Исторические портреты. М., Политиздат, 1991.
216. *Росс Н. Врангель в Крыму. Франкфурт-на-Майне, Посев, 1982.*
217. *Рошаль Л. Площадь Революции. Киносценарии № 4, М., 1989.*
218. *Руднев В. В. Махновщина. Харьков, 1928.*
219. Русская армия в 1917—1920 гг. СПб., Каравелла, 1991.
220. *Рутыч Н. Биографический справочник. М., Регнум-Росс. Архив, 1997.*
221. *Савинков Б. В. Воспоминания террориста. М., Новости, 1990.*
222. *Садуль Ж. Записки о большевистской революции. М., Книга, 1989.*
223. *Самойлов Е. От белой гвардии к фашизму./Неотвратимое возмездие. М., Воениздат, 1979.*
224. *Свердлова К. Т. Яков Михайлович Свердлов. М., Молодая Гвардия, 1976.*
225. *Свечников С. Революция и гражданская война в Финляндии 1917—1918 гг. М.-Пг., Госиздат, 1923.*

226. *Семенов Ю.* Заговор Локкарта./Неотвратимое возмездие. М., Воениздат, 1979.
227. *Серафимович А. С.* Собр. соч. в 4-х т. М., Правда, 1980.
228. *Сергей Миронович Киров.* Краткий биографический очерк. М. Госполитиздат, 1938.
229. *Сибиряков Н. С.* Конец Забайкальского казачьего войска. Примечания Б. Трофимова./Минувшее, т.1, М., Прогресс, 1990.
230. *Симанович А.* Распутин и евреи. М., Сов. писатель, 1991.
231. *Синегуб А.* Защита Зимнего дворца./АРР, т.4, М., Терра-Политиздат, 1991.
232. *Скугарев В.* Подвиг моряков./Герои и подвиги. М., Воениздат, 1963.
233. *Славкин А.* В лихих атаках./Герои и подвиги. М., Воениздат, 1963.
234. *Слащев-Крымский Я. А.* Белый Крым 1920 г. М., Наука, 1990.
235. *Смилг-Бенарио М.* На советской службе./АРР, т.3, М., Терра-Политиздат, 1991.
236. *Смирнов В.* Дело об убийстве бакинских комиссаров./Неотвратимое возмездие. М., Воениздат, 1979.
237. Советская кавалерия. Военно-исторический очерк. М., 1984.
238. Советский энциклопедический словарь. М., Сов. энциклопедия, 1987.
239. *Соколов Н. А.* Убийство царской семьи. М., Сов. писатель, 1991.
240. *Соколов К.* Попытка освобождения царской семьи./АРР, т.17, М., Терра-Политиздат, 1993.
241. *Соколов К. П.* Кубанское действо./АРР, т.18, М., Терра-Политиздат, 1993.
242. *Солженицын А. И.* Архипелаг ГУЛАГ. Малое собр. соч., т. 5—7, М., Инком НВ, 1991.
243. *Солженицын А. И.* Март семнадцатого. Нева, № 1—6, Л., 1990.
244. *Солженицын А. И.* Октябрь шестнадцатого. Знамя, № 1—12, М., 1990.
245. *Спирин Л. М.* Россия 1917 год. М., Мысль, 1987.
246. Ставка 25—26 октября 1917г./АРР, т.7. М., Терра-Политиздат, 1991.
247. *Станкевич В. Б.* Воспоминания 1914—1919 гг. Л., Прибой, 1926.
248. *Старцев В.* 27 февраля 1917 г., М., Мол. Гвардия, 1989.
249. Стенографический отчет X съезда РКП(б). Пг., Госиздат, 1921.
250. *Столяренко М. А.* Ленин и революционные моряки. М., 1970.
251. Суд над Савинковым. Л., Кубуч, 1924.
252. Тобольский дневник./АРР, т.17, М., Терра-Политиздат, 1993.
253. *Троцкий Л.Д.* Как вооружалась революция. М., 1923.
254. *Трубецкой Е.Н.* Из путевых заметок беженца./АРР, т.18, М., Терра-Политиздат, 1993.

255. *Трубецкой С. Е.* Минувшее. М., ДЭМ, 1991.
256. *Туркул А. В.* Дроздовцы в огне. Л, Ингрия, 1991.
257. Убийца тов. Войкова перед польским судом. М.-Л., Госиздат, 1927.
258. *Уорд Д.* Союзная интервенция в Сибири 1918 г. М.-Пг., Госиздат, 1923.
259. *Фадеев А. А.* Собр. соч. в 4-х т., т. 1—2. Историко-литературная справка С. Заики. М., Правда, 1979.
260. *Феликс Эдмундович Дзержинский.* Биография под ред. С. К. Цвигуна, А. А. Соловьева и др. М., Политиздат, 1977.
261. *Филимонов.* Разгром Кубанской Рады./АРР, т.5, М., Терра-Политиздат, 1991.
262. *Фокке Д. Д.* На сцене и за кулисами Брестской трагикомедии./АРР, т.19, М., Терра-Политиздат, 1993.
263. *Фрейтаг фон Лорингофен.* Из дневника./АРР, т.2, М., Терра-Политиздат, 1991.
264. *Френкин М.* Трагедия крестьянских восстаний в России 1918—1921 гг. Иерусалим, Лексикон, 1987.
265. *Фрунзе М. В.* Избранные произведения. М., 1984.
266. *Фурманов Д. А.* Соч. в 2-х т. Л., 1971.
267. *Хомченко В.* Они целились в сердце народа./Неотвратимое возмездие. М., Воениздат, 1979.
268. *Чайкин В.* К истории российской революции. М., изд. Гржебина, 1922.
269. Чекисты Башкирии. Под ред. В.Д. Комиссарова и др. Уфа, Башк. Книжн. издат., 1967.
270. *Чернин О.* Брест-Литовск./АРР, т.2, М., Терра-Политиздат, 1991.
271. *Черномордик (П. Ларионов).* Махно и махновщина. М., 1933.
272. *Чистяков Н.* Разгром семеновщины./Неотвратимое возмездие. М., Воениздат, 1979.
273. *Чуднов М. Н.* Под черным знаменем. М., Молодая гвардия, 1930.
274. *Шалашов В.* Крах атамана Анненкова./Неотвратимое возмездие. М., Воениздат, 1979.
275. *Шамбаров В. Е.* Белогвардейщина. Вечерняя Рязань, № 47, 1993, № 12, 1996.
276. *Шамбаров В. Е.* Белогвардейщина. Рязань, Форт, 1996.
277. *Шамбаров В. Е.* Верховный Правитель России. Экспресс-Хроника, № 23, М., 1998.
278. *Шамбаров В. Е.* Даты, которые надо помнить. Экспресс-Хроника, № 1, М., 1998.
279. *Шамбаров В. Е.* Избранник Дона. Экспресс-Хроника, № 5, М., 1998.
280. *Шамбаров В. Е.* Июльский мятеж. Опасная ставка, №7, М., 1996.
281. *Шамбаров В. Е.* Кто стрелял? Вечерняя Рязань, № 4, 1992.
282. *Шамбаров В. Е.* На кого работали французы? Опасная ставка, № 5, М., 1999.
283. *Шамбаров В. Е.* Он начинал борьбу. Экспресс-Хроника, № 18, М., 1998.

284. *Шамбаров В. Е.* Памяти генерала Деникина. Экспресс-Хроника, № 31, М., 1997.
285. *Шамбаров В. Е.* Трагедия Прибалтики. Экспресс-Хроника № 29, М., 1998.
286. *Шамбаров В. Е.* Убийца полководцев. Опасная ставка, № 2, М., 1998.
287. *Шолохов М. А.* Тихий Дон. Собр. соч. В 8-ми т., т. 1—4, М., Правда, 1980.
288. *Шкаренков Л. К.* Агония белой эмиграции. М., Мысль, 1986.
289. *Шкуро А. Г.* Записки белого партизана. М., 1991.
290. *Шляпников А.* Накануне 1917 года. М., 1920.
291. *Штейнман Ф.* Отступление от Одессы./АРР, т.2, М., Терра-Политиздат, 1991.
292. *Шульгин В. В.* Дни. Л., Прибой, 1927.
293. *Шульгин В. В.* 1920 год. Л., Прибой, 1927.
294. *Щербаков М.* Одиссеи без Итаки./АРР, т.18, М., Терра-Политиздат, 1993.
295. Этапы большого пути. Воспоминания о гражданской войне. М., 1963.
296. Юденич под Петроградом. Из белых мемуаров. Л., 1991.
297. *Юзефович Л. А.* Самодержец пустыни. М., Элис Лан, 1993.
298. *Якимов А. Т.* Дальний Восток в огне борьбы с интервентами и белогвардейцами (1920—1922). М., Наука, 1979.
299. *Яковлев Е.* Былого слышу шаг. М., Известия, 1985.
300. *Яроцкий Б.* Дмитрий Ульянов. М., Мол. Гвардия, 1977.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	7
1. Империя перед гибелью	9
2. Февраль	15
3. Дорога в пропасть	25
4. Красные фальстарты	31
5. Лавр Георгиевич Корнилов	34
6. Генерал Крымов	40
7. Накануне переворота	43
8. Октябрь	48
9. Поход на Питер — Краснов и Керенский	54
10. «Десять дней, которые потрясли мир...»	58
11. Михаил Васильевич Алексеев	63
12. Добровольческая армия	67
13. Кто разжигал гражданскую	73
14. Первое нашествие	78
15. Ледяной поход	85
16. Последняя битва Корнилова	90
17. Антон Иванович Деникин	93
18. Брестское позорище	97
19. «Новый порядок»	101
20. Михаил Гордеевич Дроздовский	107
21. Россия и иностранцы	110
22. Чехословаки	113
23. Всевеликое Войско Донское	118
24. Загадки шестого июля	127
25. Борис Викторович Савинков	130
26. Медвежий угол	132
27. Закавказская резня	135
28. Второй Кубанский поход	141
29. Партизан Шкуро	147
30. Белые — но все разные...	150
31. Тоталитаризм во младенчестве	156
32. Северный фронт	159
33. На Волге-матушке	162
34. Александр Васильевич Колчак	168
35. Кошмар над Россией	174

36. Бои за Ставрополь	177
37. Бои за Царицын	180
38. Большие перемены	183
39. Распад Украины	189
40. Второе нашествие.	196
41. От Белого до Каспийского	202
42. Восток — дело тонкое...	206
43. Катастрофа на Дону	210
44. Победы на Кавказе	216
45. Отставка Краснова...	220
46. Рабоче-крестьянская власть	223
47. Балтийский ландсвер	226
48. Фрунзе и Колчак.	230
49. Казачий геноцид.	236
50. Одесса, жемчужина у моря...	239
51. Юг в кольце	248
52. На грани мирового пожара	255
53. Батьки и коммунисты	258
54. Победы — Маныч и Донбасс	262
55. Победы — Дон...	265
56. Перелом на Востоке	269
57. Партизанщина и атаманщина	275
58. Битва за Урал	282
59. Северо-Западная армия.	289
60. Игрища балтийской политики	297
61. Московская директива...	303
62. Военный коммунизм.	309
63. Мамонтовцы и мироновцы	313
64. «Все на борьбу с Деникиным...»	317
65. Север с англичанами и без них	324
66. «Гулял по Уралу Чапаев-герой...»	331
67. Последние операции Колчака	334
68. Поход на Питер — Юденич и Бермонд	338
69. Вершина Белого Движения	342
70. Почему проиграла Белая гвардия	346
71. Деникин — политика и власть	350
72. Удар Махно.	358
73. Генеральное сражение.	362
74. Кубанская свистопляска	365
75. Перелом на Юге	369
76. Трагедия Северо-Западной армии	376
77. Транссибирский исход	379
78. Крестный путь Колчака	386

79. На Туркестанском фронте	391
80. Перелом на Севере	397
81. Полярная эпопея Миллера	404
82. Последние победы Деникина	408
83. Катастрофа Одессы	415
84. Деникин и Врангель	419
85. В осажденном Крыму	423
86. Падение Кубани	427
87. Новороссийск	435
88. Отставка Деникина	440
89. Остатки армий Юга	444
90. Петр Николаевич Врангель	449
91. Дальневосточная Республика	453
92. Польский фронт	461
93. Прорыв из Крыма	468
94. Каховка, Каховка...	476
95. Чудо на Висле	481
96. Владыка Туркестана	489
97. Кубанский десант	493
98. Признать фронт главным...	497
99. Последнее наступление Врангеля	505
100. Остров Крым	510
101. Перекоп	515
102. Угли погасшего пожара	525
103. «Красный террор» и «белый террор»	529
104. Дела дальневосточные	538
105. Империя Унгерна	544
106. «Зеленое» движение	548
107. Кронштадт	552
108. «Малая гражданская»	555
109. «Костлявая рука голода...»	559
110. Галлиполийское сидение	563
111. В поисках пристанища	572
112. На Балканах	579
113. Русский Общевоинский Союз	584
114. Политическое завещание вождя	589
115. Волочаевские дни	596
116. Земская Рать	600
117. Эскадра идет в никуда	605
118. Последний поход	610
119. Жизненные дороги	614
120. Некоторые итоги...	621
Библиография	626

Шамбаров Валерий Евгеньевич

БЕЛОГВАРДЕЙЩИНА

Ответственный редактор А. Корина
Редактор П. Ульяшов
Художественный редактор А. Новиков
Технический редактор Н. Носова
Компьютерная верстка С. Кладов
Корректор Н. Самойлова

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, корп. 5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2.
Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (095) 745-89-15, 780-58-34.
www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве
в сети магазинов «Новый книжный»:**
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12
(м. «Сухаревская», ТЦ «Садовая галерея»). Тел. 937-85-81.
Москва, ул. Ярцевская, 25 (м. «Молодежная», ТЦ «Трамплин»). Тел. 710-72-32.
Москва, ул. Декабристов, 12 (м. «Отрадное», ТЦ «Золотой Вавилон»). Тел. 745-85-94.
Москва, ул. Профсоюзная, 61 (м. «Калужская», ТЦ «Калужский»). Тел. 727-43-16.
Информация о других магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

ООО Дистрибьюторский центр «ЭКСМО-УКРАИНА». Киев, ул. Луговая, д. 9.
Тел. (044) 531-42-54, факс 419-97-49; e-mail: sale@eksmo.com.ua

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Санкт-Петербурге:
РДЦ СЗКО, Санкт-Петербург, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82/83.

Сеть книжных магазинов «Буквоед»:
«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34
и «Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Сеть магазинов «Книжный клуб «СНАРК» представляет самый широкий ассортимент книг издательства «Эксмо». Информация о магазинах и книгах в Санкт-Петербурге по тел. 050.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Нижнем Новгороде:
РДЦ «Эксмо НН», г. Н. Новгород, ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Челябинске:
ООО «ИнтерСервис ЛТД», г. Челябинск, Свердловский тракт, д. 14. Тел. (3512) 21-35-16.

Подписано в печать с готовых монтажей 20.07.2004.
Формат 84×108 1/32. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Бум. газ.
Усл. печ. л. 33,6. Уч.-изд. л. 34,2.
Тираж 3100 экз. Заказ № 3795

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

www.dor-kniga.ru цена 155.00 р
История России Совр Взгляд_I 14.10.2004
Бестселлер Белогварде u21281
9 235568 400141

100-00

ПОЛИТИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Валерий Шамбаров получил широкую известность как автор книг «Белогвардейщина», «Государство и революция», «За веру, царя и отечество».

«Белогвардейщина» приобрела особую популярность.

Может быть, потому, что современный историк, живущий в России, написал ее, как бы глядя на предмет исследования «с той стороны». Действительно,

Гражданская война (1917–1923) сегодня рассматривается во многом как братоубийственная. Это позволяет на многие события той поры взглянуть более объективным взглядом.

ISBN 5-699-06635-7

9 785699 066353 >

ЭКСМО

Валерий ШАМБАРОВ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ
БЕСТСЕЛЛЕР

БЕЛОГВАРДЕЦЫ НА